ХРЕСТОМАТІЯ

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ТОМ III

СВЯЩ. П. РАДЮК

Gurevich, IA · G

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ЛИЦЪ, ИЩУЩИХЪ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Составилъ Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

Томъ III.

Изданіе третье, переработанное
Я. Я. ГУРЕВИЧЕМЪ въ сотрудничествѣ съ С. В. ВОЗНЕСЕНСКИМЪ.

Въ настоящемъ 3-емъ изданіи **Ученымъ Комитетомъ** Министерства Народнаго Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно пригодной для выдачи учащимся въ сихъ заведеніяхъ въ награду.
Учебнымъ Комитетомъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи **допущена** въ ученическія библіотеки старшаго возраста учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.
Въ пред. изд. **одобрена** для ротныхъ библ. кадетскихъ корпусовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

4173

Предисловіе къ третьему изданію.

При переработкѣ предлагаемаго третьяго изданія III тома „Хрестоматіи по русской исторіи“ редакція руководствовалась тѣми же соображеніями, какъ и при переработкѣ II тома той же „Хрестоматіи“, вышедшаго въ свѣтъ въ прошломъ году пятымъ изданіемъ и снабженнаго предисловіемъ, къ которому и отсылаемъ читателей. Здѣсь же считаемъ умѣстнымъ отмѣтить, что при пересмотрѣ III тома нами было признано возможнымъ нѣсколько сократить объемъ его, и этимъ путемъ понизить продажную цѣну (2 руб. вмѣсто 2 руб. 25 коп.). Упомянутыя сокращенія произведены за счетъ матерьяла, имѣющаго болѣе спеціальный характеръ, напр., сокращено число статей о сѣверной войнѣ, о расколѣ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядъ отдѣльныхъ статей, содержащихъ изложеніе взглядовъ различныхъ ученыхъ на личность Петра Великаго и на значеніе его реформы замѣненъ одною статьею, заключающей въ себѣ сводку этихъ взглядовъ.

Ниже слѣдуетъ перечень статей, исключенныхъ изъ настоящаго изданія III тома, и статей, замѣнившихъ ихъ въ настоящемъ изданіи.

Редакція.

1-го февраля 1911 года.

Списокъ статей, исключенныхъ изъ настоящаго изданія.

Щебальскій. Избраніе Петра на престолъ.
Матвѣевъ. Стрѣлецкій бунтъ 15-го мая 1682 г.
Погодинъ. Первый бунтъ стрѣльцовъ.
Романовъ. Раскольничье движеніе въ правленіе Софьи.
Соловьевъ. Паденіе Софьи.
Корбъ. Краткое описаніе опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Московіи.
Голиковъ. Торжественный въѣздъ Петра въ Полтаву.
Герье. Карлъ XII, какъ полководецъ.
Сергѣевичъ. Сенатъ, его составъ и кругъ дѣятельности.
Петровскій. Происхожденіе, развитіе и значеніе сената при Петрѣ Великомъ.
Сергѣевичъ. Петровскія коллегіи.
Градовскій. Взглядъ Петра на коллегіальное устройство и отношеніе коллегій къ сенату и мѣстному управленію.
Мрочекъ-Дроздовскій. Областное дѣленіе 1708 г.
Лохвицкій. Характеръ губернскаго дѣленія Петра І-го.
Дмитріевъ. Областное управленіе и судопроизводство при Петрѣ Великомъ
Романовичъ-Славатинскій. Табель о рангахъ и ея вліяніе.
Евреиновъ. Чинопроизводство въ эпоху Петра Великаго.
Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слово похвальное о флотѣ россійскомъ и о побѣдѣ галерами россійскими надъ кораблями шведскими, іюля 27 дня полученной.
Милюковъ. Меркантилистическія идеи въ проектахъ современниковъ Петра Великаго и усвоеніе ихъ правительствомъ.
Брикнеръ. Заботы Петра В. объ улучшеніи хозяйственнаго быта.
Бѣляевъ. Положеніе крестьянъ во время Петра Великаго.
Суворовъ. Происхожденіе русскаго раскола и реформа Петра В.
Барсовъ. Состояніе раскола при Петрѣ Великомъ и значеніе его въ исторіи раскола.
Ивановскій. Колонизація раскольниковъ, образованіе безпоповщины и раздѣленіе ея на частныя секты.
Барсовъ. Значеніе дѣятельности братьевъ Денисовыхъ въ исторіи раскола.
Елеонскій. Отношеній Петра І-го къ расколу.
Владимірскій-Будановъ. Цифирныя школы.
Татищевъ О пользѣ наукъ.
Брикнеръ. Посошковъ и его сочиненія.
Брикнеръ. Взглядъ Посошкова на народное богатство.

Водовозовъ. Домашняя жизнь Петра Великаго.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слово похвальное въ день рожденія Благовѣрнѣйшаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Петра Петровича.

Щербатовъ. Петръ Великій передъ судомъ исторіи.

Карамзинъ. Оцѣнка реформъ Петра Великаго.

Кавелинъ. Значеніе эпохи преобразованій Петра Великаго.

Соловьевъ. Значеніе Петра Великаго и совершеннаго имъ переворота.

Брикнеръ. Отзывы потомства о Петрѣ Великомъ.

Бестужевъ-Рюминъ. Причины различныхъ взлядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ.

Списокъ статей, вновь помѣщенныхъ взамѣнъ старыхъ ил въ дополненіе къ нимъ.

В. А. Мякотинъ. Борьба дворцовыхъ партій при царѣ Ѳедорѣ, избраніе Петра въ цари и майскій переворотъ 1682 г.

В. О. Ключевскій. Кн. Вас. Вас. Голицынъ.

С. Ѳ. Платоновъ. Паденіе Софьи.

С. А. Князьковъ. Русскіе люди Петровскаго времени за границей.

С. Ѳ. Платоновъ. Внѣшняя политика Петра, какъ наслѣдіе Московской Руси.

В. Н. Латкинъ. Формулировка власти государя въ Петровское время.

А. Н. Филиппову. Характеристика и обзоръ Петровскаго законодательства.

В. Н. Латкинъ. Сенатъ при Петрѣ Великомъ.

А. Н. Филипповъ. Учрежденіе коллегій.

В. О. Ключевскій. Мѣры Петра въ области государственныхъ финансовъ.

Областная реформа Петра Великаго.

Торгово-промышленная политика Петра Великаго.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Дворянство въ царствованіе Петра Великаго.

А. С. Лаппо-Данилевскій. Положеніе владѣльческихъ крестьянъ во время Петра Великаго.

С. А. Князьковъ. Положеніе дворцовыхъ и казенныхъ крестьянъ во время Петра Великаго.

В. А. Мякотинъ. Малороссія при Петрѣ Великомъ.

С. А. Князьковъ. Старообрядчество во времена Петра Великаго.

П. Н. Милюковъ. Школа при Петрѣ Великомъ.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Посошковъ и его проекты реформъ.

П. Н. Милюковъ. Націоналистическая оппозиція и роль въ ней царевича Алексѣя.

М. М. Богословскій. Раціонализмъ и абсолютизмъ государства Петра В.

С. В. Вознесенскій. Взгляды русскаго общества и науки на реформу Петра Великаго.

С. Ѳ. Платоновъ. Историческое значеніе дѣятельности Петра Великаго.

Предисловіе къ первому изданію.

Наша историческая литература о Петрѣ Великомъ не отличается, какъ извѣстно, богатствомъ и разнообразіемъ: „Исторія царствованія Петра Великаго“ Устрялова, къ сожалѣнію, незаконченная, отдѣлъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, обнимающій эпоху Петра Великаго и „Публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ“ того же автора, „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго“ Погодина, шестой выпускъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей“ Костомарова и „Исторія Петра Великаго“ Брикнера—вотъ все, или почти все, что представляетъ наша историческая литература крупнаго и доступнаго по изложенію относительно самой выдающейся эпохи въ исторіи Россіи, именно эпохи Петра Великаго. Есть, правда, масса мемуаровъ, дневниковъ современниковъ Петра Великаго, русскихъ и иностранцевъ, начато уже изданіе писемъ и бумагъ самого Петра Великаго, имѣются и другіе разнообразные первоначальные источники въ видѣ регламентовъ воинскаго, морского, духовнаго, доклады и приговоры сената, документы для исторіи сvнода, флота и др. подобные источники, но этотъ матеріалъ, по многимъ причинамъ, не можетъ быть доступенъ учащемуся юношеству въ его первоначальномъ видѣ. Есть, наконецъ, цѣлая серія капитальныхъ трудовъ историко-литературнаго, церковнаго и въ особенности историко-юридическаго характера, въ которыхъ заключается очень цѣнный матеріалъ для изученія эпохи Петра Великаго, но эти сочиненія какъ по своему содержанію, такъ и по своему изложенію еще менѣе могутъ быть доступны учащемуся юношеству даже самыхъ старшихъ классовъ гимназіи, въ ихъ цѣльномъ видѣ, и притомъ многіе изъ этихъ капитальныхъ трудовъ успѣли уже сдѣлаться библіографической рѣдкостью. Вотъ почему составленіе издаваемаго нынѣ третьяго тома исторической хрестоматіи по русской исторіи представляло для соста-

вителя очень много трудностей. Наиболѣе трудностей встрѣтилъ онъ при составленіи того отдѣла, который представляетъ изложеніе внутреннихъ реформъ Петра Великаго и который обнимаетъ большую часть всего третьяго тома „Исторической хрестоматіи". Всякому, изучавшему эпоху Петра Великаго по вышеназваннымъ сочиненіямъ Устрялова, Соловьева, Брикнера и др. извѣстно, какъ мало разработана въ нихъ внутренняя исторія царствованія Петра Великаго: Устряловъ въ обширномъ изложеніи „Исторія царствованія Петра Великаго" далъ намъ только подробное описаніе дѣтства и воспитанія Петра Великаго, эпохи правленія Софьи, первыхъ годовъ самодержавнаго правленія Петра Великаго, описаніе Великой Сѣверной войны (до 1706 г. включительно) и въ шестомъ томѣ подробное изложеніе дѣла царевича Алексѣя Петровича; внутреннихъ реформъ Петра Великаго Устряловъ вовсе не коснулся (если не считать главы о преобразованіи духовнаго вѣдомства въ періодѣ отъ 1700 до 1706 г.); Погодинъ въ своемъ сочиненіи „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго" (1672—1689 г.), какъ показываетъ и самое заглавіе этого сочиненія, вовсе не могъ коснуться преобразовательной дѣятельности Петра Великаго"; Брикнеръ въ своемъ объемистомъ сочиненіи „Исторія царствованія Петра Великаго" останавливается главнымъ образомъ на первой эпохѣ царствованія Петра Великаго и затѣмъ на его внѣшней политикѣ и дипломатіи и оказывается весьма скупымъ на подробное изложеніе государственныхъ и сословныхъ реформъ Петра Великаго, имѣющихъ такое громадное значеніе. Немного болѣе мѣста удѣлено этимъ вопросамъ и Костомаровымъ въ его біографіи Петра Великаго, при чемъ, скажемъ мимоходомъ, взглядъ талантливаго историка на геніальнаго реформатора страдаетъ значительною односторонностью. Наиболѣе мѣста удѣлено изложенію внутреннихъ реформъ Петра Великаго въ капитальномъ трудѣ незабвеннаго историка Соловьева „Исторія Россіи", въ которой шесть томовъ (XIII—XVIII) заключаютъ въ себѣ подробное изложеніе „Исторіи Россіи въ эпоху преобразованій Петра Великаго". Но извѣстно, какъ трудно слѣдить за изложеніемъ реформъ Петра Великаго въ „Исторіи Россіи" Соловьева, благодаря хронологическому порядку изложенія событій, вслѣдствіе чего матеріалъ, относящійся къ каждой изъ реформъ Петра Великаго, является чрезвычайно дробнымъ и разбросаннымъ по различнымъ томамъ и не даетъ цѣлостнаго о ней представленія, какое получается отъ чтенія „Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ". Но въ этихъ замѣчательно талантливыхъ по своему изложенію „Публичныхъ лекціяхъ" нашъ знаменитый историкъ

задался всего болѣе цѣлью выяснить значеніе совершеннаго Петромъ Великимъ переворота, и потому въ этихъ лекціяхъ читатель найдетъ скорѣе правильное освѣщеніе произведенныхъ геніальнымъ реформаторомъ преобразованій, чѣмъ фактическое изложеніе ихъ.

Въ виду всего вышесказаннаго составитель предлагаемаго читателямъ тома хрестоматіи былъ поставленъ въ необходимость черпать матеріалъ для изложенія внутреннихъ реформъ Петра Великаго преимущественно изъ разнообразныхъ сочиненій по юридической литературѣ, въ которыхъ разработана та или другая сторона преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, каковы сочиненія: *Петровскаго* („О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго"), *Градовскаго* („Высшая администрація и генералъ-прокуроры въ XVIII в."), *Сергѣевича* („Лекціи по исторіи русскаго права"), *Лохвицкаго* („Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія"), *Дмитріева* („Судебныя инстанціи отъ Уложенія до Наказа Императрицы Екатерины II"), *Дитятина* („Устройство и управленіе городовъ Россіи"), *Романовича-Славатинскаго* („Дворянство въ Россіи"), *Бобровскаго* („Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ"), *Бѣляева* („Крестьяне на Руси"), *Горчакова* („Монастырскій приказъ"), *Владимірскаго-Буданова* („Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в.") и нѣкоторыя другія подобныя сочиненія. При этомъ составитель заботился о включеніи въ хрестоматію изъ названныхъ историко-юридическихъ сочиненій въ компилятивной формѣ или въ цѣльныхъ отрывкахъ только того матеріала, который, по убѣжденію его, можетъ быть доступенъ ученикамъ самыхъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній при помощи преподавателя, а въ большей части случаевъ даже при самостоятельномъ чтеніи.

Придавая важное значеніе возможности для учащагося юношества знакомиться съ личностью Петра Великаго и съ его эпохою не только по отрывкамъ, заимствованнымъ изъ современныхъ историческихъ трудовъ и изслѣдованій, но и по первоначальнымъ источникамъ, составитель не поскупился также и на выдержки, заимствованныя изъ разнородныхъ первоисточниковъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго.

Въ третьемъ томѣ „Исторической Хрестоматіи" ученики найдутъ отрывки и изъ „Записокъ Матвѣева", и изъ „Дневника" Корба, а также и Берхгольца, и изъ „Дѣяній" Голикова, и изъ мемуаровъ Вебера, и изъ „Записокъ" Неплюева, и изъ „Достапамятныхъ повѣтствованій" Нартова, и изъ „Журнала" Петра Великаго, и изъ бумагъ и писемъ его, и изъ „Разговора о пользѣ наукъ и училищъ" Татищева и изъ его же „Духовной", и изъ

уставовъ морского и воинскаго, и изъ „Духовнаго регламента", и изъ рѣчей Ѳеофана Прокоповича, и даже изъ руководствъ Петровскаго времени, каковы „Ариѳметика" Магницкаго и „Земноводнаго круга описанія" Гибнера, и изъ многихъ другихъ первоисточниковъ, рельефно рисующихъ въ заимствованныхъ изъ нихъ отрывкахъ замѣчательную, во многихъ отношеніяхъ своеобразную и во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно интересную эпоху Петра Великаго. Въ общей сложности число статей, заимствованныхъ изъ первоначальныхъ источниковъ, составляетъ въ предлагаемомъ третьемъ томѣ около третьей части всего числа статей, заключающихся въ означенномъ томѣ.

Чтобы дать возможность учащимся составить себѣ наиболѣе правильный и разносторонній взглядъ на личность и дѣятельность Петра Великаго, въ концѣ книги дается цѣлый рядъ статей, заключающихъ въ себѣ оцѣнку преобразовательной дѣятельности геніальнаго реформатора съ разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ въ послѣдней статьѣ объясняются причины противорѣчивыхъ взглядовъ на Петра Великаго.

Глубоко убѣжденный въ громадномъ воспитательномъ значеніи для русскаго юношества по возможности обстоятельнаго и серьезнаго изученія грандіозной личности великаго преобразователя и его неутомимой многосторонней дѣятельности, составитель старался дать возможность ученикамъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній познакомиться какъ можно болѣе обстоятельно съ его преобразовательною дѣятельностью, коснувшеюся всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа. Это-то стремленіе составителя и увлекло его при составленіи 3-го тома далеко за тѣ рамки, въ которыя необходимо было бы втиснуть содержаніе этого тома, принимая во вниманіе постановку курса исторіи даже въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Но да послужатъ составителю оправданіемъ слѣдующія знаменательныя слова, которыми характеризуетъ Петра Великаго въ своихъ запискахъ Неплюевъ: „Однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, то отъ сего источника черпать будутъ". Во всякомъ случаѣ, въ слѣдующихъ изданіяхъ 3-го тома, которыя, судя по первымъ двухъ томамъ, раньше или позже могутъ понадобиться, легко будетъ сдѣлать необходимыя сокращенія.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность В. Д. Сиповскому, принимавшему нѣкоторое участіе въ составленіи хрестоматіи, а также Е. Ф. Шмурло, отборная библіотека котораго по русской исторіи служила для меня значи-

тельнымъ подспорьемъ при составленіи этого третьяго тома „Исторической хрестоматіи“.

Я. Гуревичъ.

1-го іюня 1898 года.

Предисловіе ко второму изданію.

Со времени появленія въ свѣтъ перваго изданія третьяго тома составленной нами Исторической хрестоматіи по русской исторіи прошло восемь лѣтъ. Пользованіе этой книгой, какъ пособіемъ при изложеніи эпохи Петра Великаго, за этотъ періодъ времени указало намъ на необходимость сокращенія нѣкоторыхъ статей, а также на необходимость устраненія тѣхъ изъ нихъ, которыя или оказывались слишкомъ тяжеловѣсными для учениковъ по множеству подробностей и по своему изложенію, или же такихъ статей, которыя хотя и были вполнѣ доступны пониманію учениковъ, но заключали въ себѣ слишкомъ мало новаго матеріала сравнительно съ другими однородными по содержанію статьями. Пользуясь указаніями опыта, мы и сдѣлали во второмъ, нынѣ выпускаемомъ нами, изданіи соотвѣтственныя измѣненія. Такъ, выпущена нами въ этомъ новомъ изданіи статья, заимствованная изъ сочиненія Бобровскаго: „Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, озаглавленная въ первомъ изданіи: „Учрежденіе регулярныхъ войскъ и устройство ихъ содержанія“, какъ статья, оказавшаяся слишкомъ тяжелою для чтенія даже ученикамъ самыхъ старшихъ классовъ. Съ другой стороны, мы считали необходимымъ воспользоваться для второго изданія третьяго тома нашей „Исторической хрестоматіи“ капитальнымъ трудомъ П. Милюкова, вышедшимъ въ 1893 г. подъ заглавіемъ: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго“. Изъ этого сочиненія заимствовано нами нѣсколько страницъ, озаглавленныхъ „Меркантилистическія идеи въ проектахъ современниковъ Петра Великаго и усвоеніе ихъ правительствомъ“.

Во второмъ изданіи исправлены нами также нѣкоторыя стилистическія и корректурныя погрѣшности, вкравшіяся въ первое изданіе. Улучшена также и внѣшность изданія: второе изданіе

напечатано на лучшей бумагѣ и притомъ глазированной; печать болѣе четкая.

Первое изданіе третьяго тома „Исторической хрестоматіи по русской исторіи“ удостоилось рекомендаціи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста“. Смѣемъ думать, однакожъ, судя по отзывамъ печати о первомъ изданіи, что появляющійся нынѣ вторымъ изданіемъ третій томъ нашей „Исторической хрестоматіи“ можетъ служить пособіемъ не только для внѣкласснаго, но и для класснаго чтенія учениковъ старшаго возраста подъ руководствомъ преподавателя, освѣщая имъ многія стороны въ личности и разносторонней преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, которыхъ при спѣшномъ вообще прохожденіи курса приходится поневолѣ касаться только слегка, и которыя въ нашихъ руководствахъ по русской исторіи, при ихъ по необходимости крайне сжатомъ объемѣ, выяснены слишкомъ мало и поверхностно. Мы убѣждены, что эпоха Петра Великаго, болѣе чѣмъ какой-либо отдѣлъ русской исторіи, и по существу, и съ точки зрѣнія методики, заслуживаетъ того, чтобы именно на этой эпохѣ возможно дольше и серьезнѣе сосредоточить вниманіе учащихся, ибо, выражаясь словами извѣстнаго историка Погодина: „Нынѣшняя Россія, т.-е. Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная — есть произведеніе Петра Великаго. Какое явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали бы мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали бы мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ“.

Я. Гуревичъ.

С.-Петербургъ.
20 августа 1897 г.

Оглавленіе.

СТРАН.

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I. Рожденіе и отрочество Петра Великаго.

(*Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова, т. I*).

Отецъ Петра, царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ молодыхъ лѣтахъ сочетался бракомъ съ дочерью незнатнаго дворянина Ильи Даниловича Милославскаго и двадцать одинъ годъ жилъ съ нею въ любви и согласіи. Пять сыновей и восемь дочерей были плодомъ этого брака. Первенецъ ихъ, Димитрій, скончался младенцемъ; второй сынъ, Алексѣй, достигъ совершеннолѣтія, былъ торжественно объявленъ народу по обычаю, принималъ пословъ, какъ наслѣдникъ престола, и уже началъ раздѣлять съ отцомъ труды правленія, когда жестокіе удары одинъ за другимъ поразили сердце государя: въ 1669 году онъ потерялъ любимую супругу, скончавшуюся вслѣдствіе несчастныхъ родовъ; чрезъ три мѣсяца—четырехлѣтняго сына Симеона, чрезъ полгода—шестнадцатилѣтняго царевича Алексѣя.

Царь овдовѣлъ сорока лѣтъ. Грустно смотрѣлъ онъ на двухъ оставшихся у него сыновей, Ѳеодора и Іоанна, больныхъ, хилыхъ, страдавшихъ скорбутою или цынгою, видѣлъ въ нихъ преемниковъ ненадежныхъ, и чрезъ два года по кончинѣ царицы, еще крѣпкій силами, далекій отъ старости преклонной, рѣшился вступить въ новый бракъ. Выборъ его палъ на жившую въ домѣ Матвѣева дѣвицу, юную и прекрасную: то была Наталія Кирилловна, дочь тарусскаго помѣщика, стольника и полковника рейтарскаго строя, Кирилла Полуектовича Нарышкина. Алексѣй Михайловичъ обвѣнчался съ Наталіею Кирилловною 22 января 1671 года, въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами.

Чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, 30 мая 1672 г., въ день преподобнаго Исаакія Далмацкаго, въ первомъ часу по полуночи, молодая царица обрадовала государя рожденіемъ сына, нареченнаго Петромъ (имя, небывалое въ царскомъ семействѣ, но и не чуждое русскому слуху, ежедневно возглашаемое въ св. храмахъ). Рано утромъ колокольный звонъ возвѣстилъ Москвѣ о рожденіи царевича. Въ 5 часовъ радостный отецъ былъ уже въ Успенскомъ соборѣ на молебствіи, которое совершалъ митрополитъ новгородскій, Питиримъ, съ духовенствомъ.

По окончаніи молебствія, царь, принявъ поздравленіе духовенства, бояръ и людей ближнихъ, ходилъ въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій дѣвичій монастырь на поклоненіе праху родителей; послѣ того молился въ Чудовомъ монастырѣ надъ гробомъ святителя Алексѣя митрополита и, приложившись къ св. иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, возвратился во дворецъ, гдѣ сказалъ чинъ окольничаго отцу царицы, Кириллу Полуектовичу, и Артамону Сергѣевичу Матвѣеву.

Между тѣмъ, бояре и думные люди, также полковники и головы стрѣлецкіе собрались въ столовую палату. Царь жаловалъ ихъ водкою, фряжскими винами, яблоками, дулями и другими плодами. На третій день былъ столъ въ царицыной золотой палатѣ для бояръ и ближнихъ людей, безъ зову и безъ мѣстъ. Предъ обѣдомъ царь жаловалъ водкою, спальники подносили закуску, коврижки, яблоки, дули, инбирь. При столѣ служили царицыны стольники.

Святое крещеніе новорожденный принялъ въ день своего тезоименитства, на праздникъ св. апостолъ Петра и Павла 29 іюня, въ Чудовомъ монастырѣ, въ трапезѣ церкви св. митрополита Алексѣя, до литургіи. Воспріемниками его были: старшій братъ, царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и тетка, царевна Ирина Михайловна. На другой день въ Грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а чрезъ три дня крестильный. Въ оба раза царь угощалъ до 400 человѣкъ, какъ знатныхъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ равно и выборныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ дворцовыхъ.

„Когда родится царевичъ,—говоритъ русскій писатель XVII вѣка,—на воспитаніе его избираютъ жену добрую, чистую, млекомъ сладостную и здоровую, и живетъ она въ Верху у царицы съ годъ, а по прошествіи года отпускается съ награжденіемъ. Для присмотра же приставляютъ мамку, боярыню честную, вдову старую, да няньку съ прислужницами. А какъ будетъ царевичъ лѣтъ пяти, для береженья и наученья опредѣляютъ къ нему боярина, честью великаго, тихаго и разумнаго, съ товарищемъ изъ окольничихъ или думныхъ людей; въ слуги же и въ стольники выбираютъ изъ боярскихъ дѣтей такихъ же молодыхъ. какъ и царевичъ. А когда приспѣетъ время учить его грамотѣ, опредѣляютъ къ нему въ учители, изъ посольскихъ подъячихъ, людей тихихъ и не бражниковъ; учатъ же только русскому языку; а ученія латинскому, греческому, нѣмецкому или другимъ языкамъ въ Россіи не бываетъ. У каждаго изъ царевичей свои хоромы и люди особые, и до 15 лѣтъ, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, никто ихъ видѣть не можетъ: когда же исполнится 15 лѣтъ, кажутъ его всему народу“.

Такъ разсказываетъ Котошихинъ о воспитаніи царскихъ дѣтей въ старое время. Такъ, по всей вѣроятности, воспитывали и Петра. Кормилицею его была боярыня, княгиня Неонила Іероѳеевна Львова; мамками: боярыня Матрена Романовна Леонтьева и верховая боярыня, престарѣлая вдова князя Ивана Васильевича Голицына, княгиня Ульяна Ивановна, исполнявшая ту же обязанность при царевичѣ Симеонѣ Алексѣевичѣ; дядьками—Стрешневы: бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ; оба они являются въ этомъ званіи впослѣдствіи, во время коронаціи Петра. Родіонъ Матвѣевичъ, бывшій стольникомъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, умеръ въ глубокой старости, когда питомецъ его достигъ 15-тилѣтняго возраста; современники отзываются о немъ съ похвалою, какъ о мужѣ честномъ, умномъ и правдивомъ. Тихонъ Никитичъ занималъ впослѣдствіи, въ

царствованіе Петра, важныя должности въ государствѣ, и своимъ прямодушіемъ, безкорыстіемъ, знаніемъ дѣла заслужилъ уваженіе государя; впрочемъ, любилъ шумную бесѣду. Учителемъ юнаго царевича былъ подъячій приказа Большого прихода Никита Моисеевичъ Зотовъ, извѣстный участіемъ въ заключеніи Бахчисарайскаго договора, еще болѣе знаменитый впослѣдствіи, какъ первый князь-папа, человѣкъ грамотный, но ограничивавшій всѣ свои свѣдѣнія одною русскою грамотою, и далеко не небражникъ. Чему научилъ онъ своего питомца—увидимъ впослѣдствіи. Первые сверстники отрока Петра достовѣрно не извѣстны, за исключеніемъ двухъ: Григорія Лукина и Екима Воронина. Оба они положили свои головы подъ стѣнами Азова.

Къ сожалѣнію, современники оставили намъ немногія, отрывистыя замѣтки о Петровой юности. Есть сверхъ того нѣсколько преданій позднѣйшихъ, въ которыхъ бытописатели видятъ и узнаютъ будущаго героя, но эти преданія частью маловажны, частью невѣроятны. До пятнадцатилѣтняго возраста Петра, до того времени, о которомъ онъ самъ заговоритъ съ потомствомъ и раскроетъ свои тайныя думы, мы не имѣемъ никакихъ средствъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его душевныхъ способностей и можемъ только догадываться, какое вліяніе на его юность имѣли люди и событія. Радостно и весело встрѣтилъ онъ жизнь. Нѣжно любимый матерью, онъ былъ при ней безотлучно, забавлялъ ее рѣзвостью дѣтскихъ игръ, сопутствовалъ ей во всѣхъ выѣздахъ, и уже трехлѣтнимъ младенцемъ обнаруживалъ ту пылкую живость, которая впослѣдствіи была отличительною чертою его характера: однажды, когда въ селѣ Коломенскомъ царица тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ сосѣдняго покоя, нетерпѣливый Петръ настежъ распахнулъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть московскую государыню. Первые годы младенчества онъ провелъ большею частью въ подгородномъ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою. Сюда каждую осень переселялся царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ; здѣсь онъ тѣшился драматическими представленіями, при звукѣ нѣмецкой музыки, еще болѣе соколиною охотою, которую любилъ до страсти. Здѣсь родились первыя впечатлѣнія въ душѣ Петра, и Преображенское осталось навсегда любезнымъ его сердцу. Удаляясь придворныхъ крамолъ и дерзкаго властолюбія царской няньки, Наталія Кирилловна жила большею частью въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, подъ нѣжнымъ, неусыпнымъ надзоромъ матери, развились отроческія силы Петра: онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на щекахъ игралъ румянецъ, какъ у красной дѣвицы; большія черныя очи сверкали огнемъ; темнорусыя, природныя кудри украшали чело; во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась смѣлая живость.

II. Обученіе Петра грамотѣ.

(*Изъ «Опытовъ» Забѣлина*).

Среди дѣтскихъ игръ и потѣхъ наступило наконецъ время книжнаго ученія и писанія. Крекшинъ разсказываетъ, что книжное ученіе, подъ руководствомъ Зотова, началось 12 марта 1677 года, т.-е. когда

царевичу былъ на исходѣ пятый годъ. Дѣйствительно, въ царскомъ быту обученіе грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста. Но принимая въ соображеніе дѣтство Петра, которое весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно предположить, что обученіе маленькаго Петра началось еще раньше. Это подтверждается нижеслѣдующимъ оффиціальнымъ указаніемъ, которое хотя и не представляетъ прямого свидѣтельства по этому предмету, но тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. Изъ расходныхъ книгъ Тайнаго приказа узнаемъ, что подъячій тайныхъ дѣлъ, Григорій Гавриловъ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 года писалъ въ хоромы къ государю азбуку и часословъ. 25 ноября, когда, вѣроятно, онъ окончилъ свой трудъ, ему выдано въ награду 10 рублей, а 27 числа въ соборѣ Николы Гостунскаго служили молебенъ для многолѣтняго здравія царевича Петра Алексѣевича, за что причту выдано: протопопу 10 рублей, тремъ священникамъ по 5 р., двумъ дьяконамъ по 3 р., дьячку полтора рубля, тремъ пономарямъ по 26 алтынъ. Извѣстно, что ученіе всегда начиналось молебномъ, который служили не только дома, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли ученье грамотѣ съ этого времени, то есть слишкомъ за годъ раньше, чѣмъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ. Къ тому же, былъ обычай ученье начинать съ пророка Наума, т.-е. съ 1 декабря. Что же касается до того, что азбука и часословъ были написанные, а не печатные, какихъ уже передъ тѣмъ временемъ было нѣсколько изданій, то, безъ сомнѣнія, они были написаны крупнымъ уставомъ и съ разными украшеніями, что̀ на первый разъ для ребенка было даже необходимо. Впрочемъ, наше предположеніе требуетъ еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за неимѣніемъ которыхъ остановимся на разсказѣ Крекшина. Наступило пять лѣтъ царевичу, но возрастомъ и остротою разума онъ одаренъ былъ не по лѣтамъ. Отца онъ лишился еще на четвертомъ году. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, старшій братъ Петра, „вельми любяше царевича и зрѣнія его ради часто приходя къ вдовствующей царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ", посовѣтовалъ однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было съискать учителя, кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ бояринъ Ѳеодоръ Соковнинъ донесъ ихъ величествамъ, что имѣется мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ Зотовъ. Государь повелѣлъ представить его. Не объявляя Зотову о царскомъ рѣшеніи, Соковнинъ привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ комнатныхъ вышелъ и спросилъ:—„Кто здѣсь Никита Зотовъ?" Зотовъ объявилъ себя.—„Государь изволитъ тебя спрашивать, пойди вскорѣ",—сказалъ комнатный. При этихъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпамятство, такъ что не могъ двинуться съ мѣста. Онъ вовсе не подозрѣвалъ, по какому случаю долженъ былъ предстать предъ свѣтлыя очи государя. Комнатный взялъ за руку кроткаго и смиреннаго учителя и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но оробѣвшій учитель просилъ, чтобъ дали хоть малое время, когда придетъ въ память. Постоявъ немного, сотворилъ онъ крестное знаменіе и пошелъ за комнатнымъ во внутренніе покои къ царскому величеству. Государь милостиво принялъ его, пожаловавъ къ рукѣ. Началось испытаніе: Зотову велѣли писать и потомъ честь книги. Къ испытанію былъ призванъ Си-

меонъ Полоцкій, мужъ премудрый въ писаніи, который, разсмотря писаніе и слушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, „яко право то писаніе и глаголъ чтенія“. Проэкзаменованный учитель былъ отведенъ Соковнинымъ къ царицѣ. Когда Соковнинъ представилъ его, царица, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ избранному учителю съ слѣдующею рѣчью: — „Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благого, божественное писаніе знаешь, — вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прележи къ наученію божественной мудрости и страху Божію, и благочинному житію, и писанію“. До сихъ поръ Зотовъ мало понималъ, въ чемъ дѣло. Услышавъ повелѣніе царицы, весь обліяся слезами, упалъ къ ея ногамъ и, тресяся отъ страха и слезъ, проговорилъ: — „Нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище“. Государыня, повелѣвъ встать, продолжала: — „Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна“. Зотовъ же не возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелѣвъ встать, пожаловала его къ рукѣ и приказала явиться наутріе для ученія царевича. На другой день утромъ, въ присутствіи царя Ѳеодора, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ, посадя цесаревича на мѣсто, сотворилъ ему земное поклоненіе и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь — дворъ, государыня — двѣ пары богатаго платья и весь уборъ. Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученіе письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ царевичевой буквари (прописи) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ учительномъ налоѣ, который въ 1680 году былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 году алымъ атласомъ. Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое, какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствіе положительнаго указанія по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ, кромѣ Зотова, въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще учитель — Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который, можетъ быть, и былъ учителемъ пѣнія. Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ исторіи, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т.-е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно потѣшными. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе, и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многами полезными знаніями, и просилъ, чтобъ были избраны искуссные художники для составленія подобныхъ книгъ и училищъ, т.-е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія „книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія

знатныхъ во вселенной городовъ". При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ написать лучшимъ, драгимъ мастерствомъ, красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевыя съ прописьми, т.-е. съ текстомъ, и распредѣлилъ всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе сказывалъ: „о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы, бой, взятье городовъ, и колико перетерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла в. к. Дмитрія Донскаго, и дѣла князя Владиміра, и Александра Невскаго, и о прочихъ". А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе разсказанныхъ исторій и подвиговъ и, переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными науками, присовокупляя, что безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть. Разсказъ Крекшина вполнѣ подтверждается современными оффиціальными свидѣтельствами. Въ описаніи царскаго домашняго быта мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣтей, или, точнѣе, передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ тому времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла довольно, правильный составъ. Книги съ картинками историческаго содержанія назывались царственными, потому что излагали исторіи царствъ. Всѣ другіе предметы, изображенные въ картинкахъ свѣтскаго содержанія, носили имя потѣшныхъ, увеселительныхъ, служившихъ для забавы, ибо назидательнымъ, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ почиталось одно только Св. Писаніе и вообще книги церковно-учительныя. Поэтому и всѣ эстампы, гравюры, привозимыя съ запада, также носили названіе потѣшныхъ фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ. Такимъ образомъ, Зотовъ не былъ первымъ вводителемъ этой методы знакомить дѣтей съ разными предметами быта и тогдашнихъ знаній посредствомъ картинокъ. Онъ могъ сдѣлать только болѣе обширное приложеніе этой методы при обученіи Петра.

Потѣшныя книги и потѣшные фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частью къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ „потѣшный" разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности. Поэтому потѣшныя книги и потѣшные листы могли быть сказачнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательные или, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли, дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и т. п. Впрочемъ, доступныя намъ оффиціальныя указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи, и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изображеніями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Извѣстно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ, 8 январн 1675 года, когда царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимоѳей Резанецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, разцвѣтивъ ее шафраномъ, винницейскою ярью и бѣлилами. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 года иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также написалъ книгу шафраномъ на

толстой и гладкой бумагѣ, по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой. 20 іюня иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и расцвѣчивалъ сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго Б. М. Хитрово. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Они не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смыслить. Сестрѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ оффиціальныя записки сообщаютъ, что въ 1680 году 11 марта царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 году 29 апрѣля стольникъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ въ хоромы взялъ сто листовъ фряжскихъ. Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ комнатахъ, — слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно,—на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка,—эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе науки. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединились и рисованные, вѣроятно пополнявшіе выборъ печатныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карпъ Ивановъ писалъ царевичу „на александрійскомъ листѣ красками и золотомъ: двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано“, т.-е. въ плафонѣ столовой комнаты.

Такимъ образомъ, курсъ обученія былъ по преимуществу практическій, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили. По содержанію онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ никакой заранѣе опредѣленной системы, но за то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика,—соотвѣтствовалъ именно тою стороною, которая, вмѣстѣ съ первыми его играми, присваивала такой дѣльный и дѣятельный характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки. „По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи,—замѣчаетъ Крекшинъ,—а книжное ученіе толико мнѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизусть или памятью остро прочиталъ... Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжегся любовію, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, созидать грады, и таяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать“. Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой—книги съ рисунками, фряжскіе листы и разные куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятіяхъ и забавахъ ребенка, съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его свѣдѣній объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

III. Характеръ воспитанія и образованія Петра Великаго.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца, и съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ, печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуетъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Передъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева; ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ,—то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности: онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо, онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои—онъ самъ, его мать, дядя. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый впослѣдствіи пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время. Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена, и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка, которому уже „начинаетъ быть грузно отъ симрики, какъ отъ тяжелаго бремени". Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—„ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться", какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается — удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы.

Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ—вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца, чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство,—и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это—герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностью Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслью, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ: отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Такое значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустью и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною, — таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что „Руси есть веселіе пити“. Слѣдовательно, нечему удивляться, если и новая дружина петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснятъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины, — охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою, выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли,

какъ грязна была русская улица въ концѣ XVII вѣка—справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся. Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? Неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа? Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василія. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василія, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнялъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софіею и послѣ съ стрѣльцами,—съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность; вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: „Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не по малу воздамъ хвалу Богу. Ласкать и манить не буду, только прошу у Бога всегда такое одолженіе и славу, чтобъ всегда одержать". Но этого самаго князя Бориса иностранцы и русскіе не иначе называютъ, какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, датскаго коммиссара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты. Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразованія; но какъ они не далеко еще ушли! двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по-латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужого обѣда!

Вотъ еще любопытный разсказъ о томъ же князѣ Борисѣ.

Знатокъ латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-поляками, привелъ въ ужасъ выходкой противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также поляка. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру; онъ начинаетъ ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчиваетъ такъ: „Бориско, хотя быть пьянъ". Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ разсказахъ иностранцевъ молодой человѣкъ, также близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артамона. О двадцатидвухлѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по-латыни, любилъ читать и съ жадностью слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась. Люди самые приближенные къ Петру такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ; Петръ, сгоравшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Однажды императрица Елизавета Петровна, войдя въ комнату племянника своего Петра Өеодоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами:—„Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ:—Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!“.

Петра не учили, какъ должно, по его собственному признанію: но онъ много зналъ. Какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, въ посольствѣ разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль,—украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: „купи мнѣ инструментъ во Франціи“. Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія—въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ, какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу,—не знаетъ-ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго, голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, и ученикъ „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи“. „И тако,—говоритъ Петръ,—сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами“. Нашелся знающій человѣкъ, и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета—разспросы: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное!—запросъ Тиммерману: Что это за судно?—Ботъ англійскій.—Гдѣ его употребляютъ?—При корабляхъ для ѣзды и возки.—Чѣмъ лучше нашихъ?—Ходитъ на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтра.—Противъ вѣтра? быть не можетъ! Надо посмотрѣть; есть-ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?—Есть. Сейчасъ отъискали голландца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ. „Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало,—говоритъ Петръ.—Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу съискалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе“. Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: „Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ-то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійскомъ море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Выш-

няго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его".

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ; мало того, предлагалъ герцогу курляндскому, нельзя-ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ? Но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностью, съ какими остановками; одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и не хотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ Кремлевскомъ дворцѣ и слать указы: надобно было, чтобъ въ царѣ возгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была сознана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

„Охота стала отъ часу болѣе". Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера, какъ Переяславское въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить — не отпустятъ. Надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется, еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ,—царица согласилась, и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому, отъ матери,—поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому: Петру не минуло еще 19 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольничаго Лопухина, Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Илларіона на новое Ѳеодора.

Русская пословица „женится — перемѣнится" не исполнилась на Петрѣ: онъ по-прежнему рвался изъ дому, отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери: „Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу". Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить поскорѣе канаты, онъ стращаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: „А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится".

IV. Борьба дворцовыхъ партій при царѣ Федорѣ, избраніе Петра въ цари и майскій переворотъ 1682 года.

(Изъ «Лекцій по русской исторіи» В. А. Мякотина. СПБ. 1892 г.).

Царь Алексѣй Михайловичъ женатъ былъ два раза, первый разъ на Милославской, второй—на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, и имѣлъ многочисленное потомство. Отъ перваго брака у него было 8 дочерей и 5 сыновей, изъ которыхъ, впрочемъ, только 6 дочерей и 2 сына пережили отца, отъ второго брака — сынъ Петръ. Этотъ второй бракъ царя Алексѣя—на Нарышкиной—произвелъ въ свое время большую сенсацію при дворѣ. Московскіе цари не заключали браковъ съ иноземными дворами, такъ какъ этому препятствовало различіе вѣроисповѣданій. Съ другой стороны, женясь у себя дома, они не выбирали себѣ невѣстъ непремѣнно изъ знатныхъ фамилій, такъ какъ это могло возвысить значеніе послѣднихъ; стремясь всегда доказать, что передъ ними равны всѣ подданные, цари не оставляли этого стремленія и тогда, когда отыскивали себѣ подругу жизни, а потому и брали послѣднюю безразлично изо всѣхъ дворянскихъ и боярскихъ семей. Такимъ образомъ, московской династіи случалось очень часто родниться съ самыми невидными фамиліями. Но какъ бы незнатенъ ни былъ родъ, онъ, въ силу родства своего съ царемъ, пріобрѣталъ новое значеніе: близкіе родственники царицы становились близко и къ ея мужу, быстро поднимались по лѣстницѣ чиновныхъ отличій и, если были одарены отъ природы необходимыми способностями, дѣлались великими людьми въ государствѣ. Такой порядокъ продолжался и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и родственники первой жены его—Милославскіе—сдѣлались видными членами московскаго правительства, чѣмъ и пользовались безъ особыхъ стѣсненій ради своей выгоды и наживы. Царь Алексѣй былъ человѣкъ горячій, скорый и на слово, и на руку, и, разъ вспыливъ, не щадилъ уже никого. Случилось разъ, во время польской войны, что кн. Хованскій потерпѣлъ сильное пораженіе, и боярская дума созвана была на совѣтъ. Тесть царя, бояринъ Милославскій, заявилъ, что, если ему дадутъ начальство надъ войскомъ, онъ скоро приведетъ плѣнникомъ самого польскаго короля. Такое безстыдное хвастовство взбѣсило царя, онъ съ бранью выдралъ старика тестя за бороду и вытолкалъ изъ палаты. Но это и подобныя происшествія были минутными вспышками, вообще же царь Алексѣй, мягкій и добродушный по природѣ, не противился вліянію жениныхъ родственниковъ и, даже видя ихъ не совсѣмъ благовидные поступки, не всегда находилъ въ себѣ силу воспрепятствовать имъ. Милославскіе возвышались и богатѣли, и вмѣстѣ съ ними возвышались и всѣ ихъ родственники. Но царь овдовѣлъ и женился вторично на воспитанницѣ начавшаго въ это время подниматься въ гору Матвѣева. При новой царицѣ получили вліяніе и новые люди, Милославскіе были отодвинуты въ тѣнь, нѣкоторые изъ нихъ подверглись и наказанію за открытыя плутни, и увлеченіе молодой женою заставило царя уже гораздо холоднѣе относиться даже къ своимъ дѣтямъ отъ перваго брака, особенно послѣ того, какъ у Натальи Кирилловны родился сынъ, названный Петромъ. Самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ царю сдѣлался Матвѣевъ, получившій санъ боярина и должность начальника Посольскаго приказа. Горечь, досада и ненависть противъ ца-

рицы и новыхъ людей, привлекшихъ къ себѣ царскую милость и любовь, накипали въ душѣ первой семьи и ея родственниковъ, Милославскихъ, за всѣ послѣдніе годы царствованія Алексѣя. При дворѣ образовалось двѣ партіи: Нарышкиныхъ и Милославскихъ, и если первая пока торжествовала, то вторая могла утѣшать себя тѣмъ, что наступитъ и на ея улицѣ праздникъ, такъ какъ наслѣдство по смерти Алексѣя Михайловича должно было перейти къ старшимъ сыновьямъ его отъ перваго брака. Но была одна подробность, набрасывавшая мрачную тѣнь на это предвкушеніе торжества и дозволявшая Нарышкинымъ разсчитывать удержать за собою власть. По странной игрѣ природы всѣ почти сыновья Алексѣя Михайловича, пользовавшагося желѣзнымъ здоровьемъ и громадной силой, отличались замѣчательной хилостью и болѣзненностью. Трое изъ нихъ умерло при жизни отца, трое осталось жить, но изъ нихъ Федоръ, мальчикъ неглупый и образованный, былъ крайне слабъ, у Ивана же съ физической болѣзненностью соединялось еще и слабоуміе. Только Петръ—сынъ Натальи Кирилловны—унаслѣдовалъ, казалось, физическія свойства своего отца. Эти свойства — крѣпость, сила и здоровье—перешли и къ дочерямъ царя отъ первой жены, которыя унаслѣдовали и другія качества отца, его свѣтлый проницательный умъ и горячій характеръ. Особенно выдавалась этими качествами одна изъ царевенъ — Софья, о которой даже самые ярые враги ея отзывались, что она „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“. Благодаря новымъ вліяніямъ, проникшимъ въ царскій дворецъ, Софья получила иное образованіе, не то, какое раньше получали царевны: вмѣстѣ съ братомъ Федоромъ брала она уроки у Симеона Полоцкаго и сдѣлала не малые успѣхи. Но какъ бы-то ни было, а при естественномъ ходѣ дѣлъ, царевны не могли управлять государствомъ: имъ предстояла только одинокая жизнь въ дворцовомъ теремѣ. Придворныя партіи, одна съ надеждой, другая со страхомъ, могли ожидать, что царь Алексѣй, переживщій уже трехъ своихъ сыновей отъ Милославской, переживетъ и остальныхъ двухъ, и тогда власть естественнымъ и законнымъ путемъ перейдетъ къ Петру и, слѣдовательно, къ Нарышкинымъ.

Эти ожиданія и опасенія не сбылись. Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, когда находился, повидимому, еще въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, и законнымъ наслѣдникомъ его остался 14-лѣтній Федоръ. Существуетъ извѣстіе, что Матвѣевъ и Нарышкинъ, ожидая себѣ всякаго худа отъ родственниковъ молодого царя, пытались мимо Федора возвести на престолъ Петра, но попытка эта не удалась имъ. Какъ бы то ни было, гроза, давно собиравшаяся, не замедлила разразиться надъ Нарышкиными. Ближними совѣтниками царя сдѣлались теперь Милославскіе, и первымъ ихъ дѣломъ было погубить Матвѣева. У него отнято было начальство надъ Посольскимъ приказомъ и велѣно было ему ѣхать воеводою на Верхотурье. До мѣста назначенія ему однако доѣхать не пришлось. По дорогѣ нагнали его гонцы, остановили и взяли у него всѣхъ людей и все имущество его; надъ нимъ начался судъ по обвиненію въ чернокнижіи и отравленіи покойнаго царя. Держаніе у себя лечебника было вмѣнено Матвѣеву въ государственное преступленіе, такъ какъ лечебникъ этотъ на судѣ принялъ видъ „черной книги“. Лишенный всего имущества, Матвѣевъ былъ отправленъ въ ссылку въ Пустозерскъ, причемъ ему дана была тысяча рублей. Но однимъ Матвѣевымъ расходившаяся ненависть Милославскихъ не удовольствовалась, она обру-

шилась и на родственниковъ вдовой царицы. Изъ послѣднихъ наиболѣе выдавался своимъ смѣлымъ, самонадѣяннымъ характеромъ братъ ея — Иванъ Кирилловичъ. Вскорѣ и онъ попалъ подъ судъ, уже по обвиненію въ умыслѣ на жизнь Федора съ цѣлью будто бы возвести на престолъ Петра, и также отправился въ ссылку. Положеніе самой Натальи Кирилловны стало крайне тяжелымъ: ей пришлось теперь на себѣ испытать всю горечь, соединенную съ положеніемъ опальнаго члена царской семьи, пришлось ежеминутно дрожать за своихъ родственниковъ и приверженцевъ. Ея воспитатель и названный отецъ, ея любимый братъ были въ ссылкѣ, а люди стоявшіе теперь у власти, относились къ ней съ пренебреженіемъ, вымѣщая всѣ прежнія обиды. Такая жизнь продолжалась для вдовой царицы и Нарышкиныхъ въ теченіе всего почти царствованія Федора Алексѣевича, хотя господство Милославскихъ надъ нимъ скоро кончилось и мѣсто ихъ заняли другіе люди. Этими людьми были незнатные, но самые приближенные по своей должности къ царю и съумѣвшіе ему понравиться, дворяне—первый постельничій Языковъ и комнатный стольникъ Лихачевъ. Ихъ возвышеніе началось съ того момента, когда Федоръ отшатнулся отъ Милославскихъ, замѣтивъ ихъ корыстныя и себялюбивыя цѣли, и пошло впередъ быстрыми шагами; къ концу царствованія Федора Языковъ былъ уже бояриномъ — возвышеніе, въ прежнее время немыслимое. Къ этимъ двумъ лицамъ присоединился третій человѣкъ, членъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ Москвы, кн. Вас. Вас. Голицынъ, выдававшійся своимъ образованіемъ, умомъ и дипломатическими способностями и сблизившійся съ сестрой царя — царевной Софьей. Этимъ лицамъ не за что было мстить Натальѣ Кирилловнѣ, но не зачѣмъ было и угождать ей: для нихъ, опиравшихся исключительно на милость царя Федора, вдовая царица и ея родственники были безразличны, и такое отношеніе къ послѣднимъ измѣнилось лишь въ концѣ царствованія Федора, когда умеръ единственный его ребенокъ, а вслѣдъ за нимъ и жена. При все увеличивавшейся слабости Федора нельзя было думать, чтобы онъ женился во второй разъ и могъ имѣть потомство: стало-быть наслѣдство должно было перейти къ одному изъ его братьевъ — Ивану или Петру. Съ первымъ получали власть Милославскіе, оттертые изъ нея временщиками Федорова царствованія и потому негодовавшіе на нихъ, со вторымъ—Нарышкины, съ которыми можно еще было примириться. Языковъ и Лихачевъ и пошли на послѣднее, ссылка Матвѣева была облегчена; кн. Голицынъ, тѣсно связанный съ Софьей, занялъ выжидательное положеніе.

28 апрѣля 1682 года Федоръ Алексѣевичъ скончался, и обѣ партіи, Милославскихъ и Нарышкиныхъ, опять стояли одна противъ другой, готовясь къ борьбѣ. Но взаимное положеніе ихъ было теперь иное. Если Федоръ былъ только слабъ физически, то новый претендентъ на корону со стороны Милославскихъ былъ еще и слабоуменъ, тогда какъ Петръ, оставшійся послѣ отца трехлѣтнимъ ребенкомъ, достигъ теперь уже десятилѣтняго возраста, и быстрое его развитіе подавало надежду, что за него не долго будутъ править другіе. Тѣмъ не менѣе положеніе Милославскихъ было такое, что заставляло ожидать съ ихъ стороны самыхъ отчаянныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Наиболѣе приверженные къ Петру и его матери бояре, въ числѣ ихъ дядька Петра — кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, отправляясь по смерти царя во дворецъ, сочли даже нужнымъ одѣть подъ платье панцыри и кольчуги. Однако, до вооруженной схватки на этотъ разъ не дошло. Спорный вопросъ — кому

изъ двухъ царевичей заступить мѣсто покойнаго брата, былъ рѣшенъ чинами земскаго собора, большинство которыхъ высказалось за Петра. Послѣдній и былъ превозглашенъ царемъ, и этимъ былъ покончeнъ — какъ оказалось вскорѣ лишь на самое короткое время — споръ двухъ партій. Нарышкины сразу почувствовали свою силу и не старались скрывать торжества. Посланы были гонцы вернуть Матвѣева изъ ссылки въ Москву, а вернувшійся еще ранѣе его Иванъ Нарышкинъ возвратилъ себѣ всю самонадѣянность. На отпѣваніи покойнаго царя царица Наталья съ Петромъ не дождалась даже конца обряда въ придворной церкви и ушла къ себѣ домой. Старшія царевны оскорбились такимъ неуваженіемъ къ памяти брата и послали съ выговоромъ къ царицѣ, но та отвѣчала, что Петръ еще малъ, и не можетъ выстоять долгой службы на ѳвши, а братъ ея прибавилъ: „кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ". Мало хорошаго предвѣщало такое начало и сестрамъ Федора, и всѣмъ Милославскимъ. Ихъ противники не скрывали своихъ чувствъ по отношенію къ нимъ, и они для предотвращенія грозящей имъ бѣды должны были прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, которыя однѣ могли спасти ихъ. Въ эту критическую минуту изъ семьи царевенъ выдвинулась впередъ умная, энергичная и властолюбивая Софья. На похоронахъ Федора, она, вопреки обычаю, отправилась изъ придворной церкви пѣшкомъ за похоронной процессіей въ соборъ и во все продолженіе пути горько причитала и плакала. Но причитанія эти носили не совсѣмъ обыкновенный характеръ. „Видите,—обращалась царевна къ народу,—какъ братъ нашъ царь Федоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ".

Эти слова, бросавшія мрачную тѣнь на новое правительство, были только прелюдіей къ жестокой и кровавой драмѣ, подготовлявшейся уже въ стѣнахъ Москвы. Послѣдній годъ жизни царя Федора былъ между прочимъ ознаменованъ волненіями московскихъ стрѣлецкихъ полковъ. Стрѣльцы, заведенные первоначально для отправленія полицейской службы, обратились затѣмъ въ постоянную армію, причемъ число ихъ значительно возросло, но на нихъ же лежали и первыя ихъ обязанности. Главная часть стрѣлецкаго войска жила слободами въ Москвѣ и ея предмѣстьяхъ, занимаясь въ свободное отъ службы время земледѣліемъ и торговлей. Духъ раздраженія и недовольства, охватившій московское общество съ половины 17-го вѣка, когда появились особенно сильныя новизны и началась борьба двухъ направленій, проникъ и въ ряды стрѣлецкой арміи, а къ этому еще присоединилось обстоятельство, составившее конкретную причину неудовольствія. Приближенные царя Федора, будучи вынуждены считаться съ знатными боярами, которыхъ оскорбляло ихъ возвышеніе, и представляя изъ себя людей не особенно энергичныхъ, ослабляли бразды правленія и далеко не съ должной строгостью относились къ злоупотребленіямъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и начальника Стрѣлецкаго Приказа, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Послѣдній былъ старъ и боленъ, управлялъ приказомъ собственно сынъ его, Михаилъ, и благодаря его небрежности, стрѣльцы терпѣли много обидъ. Ихъ полковники обращали ихъ въ свою прислугу, брали поборы, заставляли работать на себя и т. д. Жалобы стрѣльцовъ непосредственно

центральному правительству не приносили пользы, такъ какъ правители боялись обидѣть Долгорукаго; жалобы послѣднему, который стоялъ за полковниковъ, также оставались безуспѣшными. Все это вызвало среди стрѣльцовъ глухое волненіе уже при Федорѣ и послѣ его смерти оно выразилось тѣмъ, что часть стрѣльцовъ отказалась присягать избранному на царство Петру. Ихъ успѣли однако убѣдить, и волненіе временно улеглось. Но вскорѣ явилась во дворецъ депутація отъ стрѣльцовъ съ требованіемъ выдачи имъ головою 9-ти наиболѣе возстановившихъ противъ себя войско полковниковъ. Правительство Нарышкиныхъ, не вполнѣ еще увѣренное въ своей крѣпости, пошло на уступки: оно не выдало полковниковъ, но ряспорядилось арестовать ихъ, безъ суда признало ихъ виновными въ насиліяхъ надъ стрѣльцами и поборахъ съ нихъ и велѣло выставить ихъ на правежъ съ цѣлью возвращенія ими награбленныхъ денегъ. Стрѣльцы почувствовали свою силу и слабость правительства, дисциплина въ войскѣ рухнула и начальники потеряли всякое значеніе. Въ это время среди стрѣльцовъ появились агенты Софьи, доказывая, что новое правительство незаконно, что обойденъ прямой царь и стрѣльцамъ слѣдуетъ возстановить его, причемъ ихъ услуги, конечно, не останутся безъ вознагражденія. Войску, разъ вступившему уже на путь бунта, не трудно было поддаться такимъ увѣщаніямъ: отъ стараго правительства оно могло рано или поздно ждать себѣ наказанія, новое обѣщало ему награду. Но пока движеніе еще сдерживалось тѣми же самыми агентами, которые его возбуждали. Софья и Милославскіе ждали пріѣзда Матвѣева, въ которомъ они видѣли главную силу Нарышкиныхъ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по возмущенію стрѣльцовъ сдѣлался при этомъ князь Хованскій, человѣкъ смѣлый и честолюбивый, но не особенно способный, затиравшійся до тѣхъ поръ другими и мечтавшій выдвинуться впередъ при новомъ правительствѣ.

Наконецъ, вечеромъ 12-го мая пріѣхалъ въ Москву Матвѣевъ. 15-го числа агенты Милославскихъ подали сигналъ и стрѣлецкій бунтъ разразился. Утромъ этого дня по стрѣлецкимъ слободамъ разнеслась вѣсть, что царевичъ Иванъ убитъ Нарышкиными. Вооруженныя толпы стрѣльцовъ немедленно двинулись въ Кремль, заняли всѣ ворота его, наполнили площадь передъ Краснымъ крыльцомъ и громко требовали выдачи царскихъ лиходѣевъ. Къ нимъ вышла на крыльцо окруженная придворными царица съ Петромъ и Иваномъ и этотъ видъ на нѣкоторое время успокоилъ толпу, но вслѣдъ затѣмъ она съ новой яростью начала требовать выдачи ей нѣскольскихъ бояръ, приверженцевъ Нарышкиныхъ, увѣряя, что они хотятъ погубить Ивана и не сегодня-завтра изведутъ его. Кроткая рѣчь Матвѣева успокоила было на время стоявшихъ передъ крыльцомъ стрѣльцовъ, но начальникъ ихъ, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, гнѣвными приказаніями снова вывелъ ихъ изъ себя. Въ это же время ринулась на крыльцо другая толпа, зашедшая въ обходъ. Долгорукій, Матвѣевъ и нѣсколько другихъ бояръ пало подъ ударами копій, остальные разбѣжались, бѣжала и царица въ комнаты дворца. Стрѣльцы, не слушая увѣщаній патріарха, кинулись тутъ же искать „измѣнниковъ", т.-е. наиболѣе ревностныхъ и опасныхъ приверженцевъ Нарышкиныхъ, списокъ которыхъ розданъ былъ имъ заранѣе. Другіе разсыпались по городу, разыскивая намѣченныя жертвы, убивая ихъ и грабя ихъ дома. Одна изъ такихъ толпъ зашла къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому извиниться въ убійствѣ его сына. Старикъ выслушалъ ихъ, далъ имъ прощенье, котораго они просили, и даже угостилъ

ихъ виномъ. Но, когда они ушли, сталъ утѣшать плакавшую сноху, говоря, что скоро всѣ стрѣльцы будутъ перевѣшаны. Слова эти подслушалъ холопъ и передалъ стрѣльцамъ; они вернулись и старикъ Долгорукій былъ убитъ, какъ и его сынъ. Но особенно ревностно искали теперь стрѣльцы брата царицы, Ивана Кирилловича Нарышкина. Два дня царица скрывала его во дворцѣ, но на третій къ ней приступили всѣ бояре и царевна Софья съ упреками, что изъ-за ея брата имъ всѣмъ придется погибнуть, и настойчиво требовали выдачи его стрѣльцамъ. Растерянная, не видѣвшая никакого средства усмирить волненіе, царица должна была уступить. Иванъ Нарышкинъ вышелъ къ стрѣльцамъ, они долго пытали его, добиваясь сознанія въ замыслахъ на жизнь царевича Ивана и въ желаніи захватить себѣ московскую корону, но онъ ни въ чемъ подобномъ не сознался и наконецъ былъ казненъ стрѣльцами. Три дня продолжался этотъ стрѣлецкій бунтъ, три дня улицы Москвы представляли сцены убійствъ и грабежей; къ стрѣльцамъ присоединились многіе холопы, желавшіе путемъ убійства господъ выйти на волю. Наконецъ, послѣ казни Ивана Нарышкина волненіе стало улегаться. Но оно было средствомъ для достиженія болѣе далекой цѣли и съ болѣе серьезными требованіями пришлось имѣть дѣло только теперь. Напугавъ и обезсиливъ правительство, стрѣльцы стали предъявлять ему одну за другой челобитныя, заключавшія въ себѣ какъ тѣ желанія Софьи и Милославскихъ, ради которыхъ и былъ поднятъ бунтъ, такъ и собственныя требованія стрѣльцовъ. 18-го мая стрѣлецкая депутація подала царю просьбу о постриженіи дѣда его, боярина Кирилла Полуэктовича Нарышкина, 19-го новая челобитная требовала награды стрѣлецкому войску за оказанныя имъ услуги въ дѣлѣ искорененія измѣнниковъ въ размѣрѣ 240.000 р. и предоставленія ему же всего имѣнія убитыхъ бояръ, 20-го была подана челобитная о ссылкѣ нѣсколькихъ изъ Нарышкиныхъ, Матвѣева и еще нѣкоторыхъ бояръ и дворянъ, державшихъ сторону Петра. Всѣ эти просьбы и требованія были исполнены правительствомъ и такимъ образомъ расчищена была почва для выполненія главной цѣли всего предпріятія. 23-го мая стрѣльцы опять подали челобитную и въ ней требовали, чтобы оба царя—Петръ и Иванъ—правили вмѣстѣ. Этого дѣла правительство не могло рѣшить своею властью и созванъ былъ снова земскій соборъ. Подъ угрозою стрѣлецкихъ копій члены его быстро перемѣнили свое мнѣніе и согласились на двоевластіе, находя, что это очень удобная форма правленія. Стрѣльцы однако и послѣ того продолжали свои челобитья, ставя, такъ сказать, точки надъ всѣми і. Новая депутація ихъ потребовала, чтобы Иванъ былъ первымъ царемъ, а Петръ лишь вторымъ. Ни Иванъ, ни Петръ не могли еще править самостоятельно и требованіе это въ сущности означало только желаніе, чтобы Нарышкины совершенно были устранены отъ управленія. Наконецъ 29-го мая послѣдовала еще челобитная: такъ какъ оба царя еще молоды и сами править не могутъ, то за нихъ должна править сестра ихъ, царевна Софья Алексѣевна. Такое требованіе было лишь подтвержденіемъ установившагося уже порядка. Въ дни смуты, когда всѣ правительственная лица растерялись и попрятались, одна Софья, вызвавшая волненіе, сохранила присутствіе духа и распоряжалась всѣмъ. Разъ партія Нарышкиныхъ была сломлена и отодвинута отъ власти, разъ первымъ царемъ становился немощный и слабоумный Иванъ, то конечно только одна Софья, главная виновница всего этого, могла быть и правительницей, тѣмъ болѣе, что родственники ея Милославскіе не имѣли никакого авто-

ритета и компрометировали себя еще при покойномъ отцѣ и братѣ ея. Софья сочла нужнымъ однако въ теченіе нѣкотораго времени отказываться отъ званія и власти правительницы и приняла то и другое лишь послѣ долгихъ уговоровъ. Закончивъ переворотъ, стрѣльцы чувствовали однако, что онъ не можетъ быть названъ легальнымъ, и стремились оправдать себя. Съ этой цѣлью они обратились къ государямъ и къ Софьѣ еще съ одной просьбой. Указывая на свои заслуги, они просили увѣковѣчить память объ нихъ и для этого перемѣнить названіе стрѣльцовъ на имя надворной пѣхоты и поставить на Красной площади столбъ, на которомъ была бы вырѣзана похвала стрѣльцамъ за ихъ славныя майскія дѣянія. Благодарная правительница не отказала имъ въ этомъ. Начальникомъ же надворной пѣхоты сдѣлался князь Хованскій.

Такъ закончился первый актъ этой трагедіи—борьбы придворныхъ партій. Старшая семья царя Алексѣя Михайловича еще разъ, путемъ напряженныхъ усилій, побѣдила младшую, и представительница ея—царевна Софья—стала у кормила правленія. Нарышкины были унижены и оттерты отъ престола и вся власть собралась въ рукахъ Софьи. Но пораженіе не было еще безусловнымъ; Софья могла удержать власть лишь до тѣхъ поръ, пока братья, именемъ которыхъ она управляла, не требовали ее себѣ. Одинъ изъ нихъ, Иванъ, не могъ этого сдѣлать никогда, другой, Петръ, былъ еще слишкомъ молодъ. Но со временемъ борьба должна была возобновиться еще разъ.

V. Движеніе раскольниковъ.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Стрѣлецкій бунтъ возбудилъ надежду на то, что можно добиться и другихъ перемѣнъ. Поднялись раскольники, пораженные проклятіемъ собора и преслѣдуемые мірскою властью. До сихъ поръ самые рьяные изъ нихъ бѣгали въ лѣса, пустыни; другіе, которыхъ было гораздо больше, въ страхѣ притаились и съ виду казались покорными. Въ стрѣлецкомъ званіи было такихъ на половину; Москва и подгородныя слободы были наполнены раскольниками или склонными перейти въ расколъ. Какъ только почуяли они нетвердость тяжелой руки, давившей ихъ, тотчасъ подняли голову. Стали въ Москвѣ открыто расхаживать проповѣдники и поучали народъ не ходить въ оскверненную церковь, не креститься тремя перстами, не почитать четвероконечнаго креста. „Неучи мужики и бабы, — говоритъ современникъ, — незнающіе складовъ, толпами собирались тогда на Красной площади и совѣщались, какъ утвердить имъ старую вѣру, а чуть-только кто изъ противниковъ скажетъ слово, на того сейчасъ нападутъ и всенародно прибьютъ, воображая, что этимъ они правую вѣру обороняютъ“. Самъ Хованскій, и прежде втайнѣ державшійся старообрядства, теперь заявилъ себя явно сторонникомъ старой вѣры.

Стрѣльцы одного изъ полковъ, собравшись на сходку, положили составить челобитную государямъ противъ патріарха и просить возстановленія старой вѣры, но между ними не нашлось мудреца, который бы могъ хорошо сложить подобную челобитную. Такого мудреца нашли имъ жители Гончарной слободы въ лицѣ монаха, по имени Сергія. Когда

этотъ монахъ вмѣстѣ съ четырьмя слобожанами сложилъ челобитную и далъ ее прочитать передъ стрѣльцами своему товарищу, Саввѣ Романову, стрѣльцы изумились и пришли въ умиленіе. „Мы еще не слыхали, — говорили они, — такого слога, такого описанія ересей. Надобно, братія, постоять намъ за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа. Мы за тлѣнное дѣло чуть головъ своихъ не положили, а какъ не умереть за вѣру?“.

Доложили Хованскому. Привели къ нему Сергія. Сергій прочиталъ ему свою челобитную. Выслушавши ее, Хованскій похвалилъ сочинителей, но сказалъ: „Ты, отче, какъ я вижу, инокъ смиренъ, тихъ, немногословенъ, не будетъ тебя на такое великое дѣло; противъ нихъ надобно ученому человѣку отвѣтъ держать“. — „Хоть я и немногословенъ,—отвѣтилъ Сергій,—да вѣрую словесамъ Сына Божія: не пецытеся, како и что возглоголите“.

Но тутъ другіе раскольники сказали, что когда придется до спора, то за это дѣло возьмется Никита Пустосвятъ, который хотя поневолѣ и покорился сбору, но теперь крѣпко стоитъ за правую вѣру.

„Зналъ я его,—сказалъ Хованскій,—противъ того имъ нечего говорить! тотъ всѣмъ уста загородитъ! Никто не устоитъ противъ Никиты. Я вамъ во всемъ буду помогать, хоть самъ и не искусенъ на это дѣло, а того и въ умѣ своемъ не держите, чтобъ васъ по старому стали казнить, вѣшать и жечь на срубахъ“.

Раскольники настаивали, чтобы соборъ былъ всенародно на Лобномъ мѣстѣ или въ Кремлѣ, въ присутствіи царей и патріарха, въ пятницу, 23 іюня, до вѣнчанія царей, которое было назначено въ воскресенье. „Намъ,—говорили они,—хочется, чтобы цари-государи вѣнчались въ истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ латино-римской“. Хованскій хотѣлъ-было уговорить ихъ отложить этотъ соборъ, увѣряя, что цари будутъ вѣнчаться по старому, но раскольники настояли на своемъ, чтобъ соборъ былъ въ пятницу.

Въ назначенный день, утромъ раскольники двинулись въ Кремль стройнымъ ходомъ. Никита несъ крестъ, Сергій—Евангеліе, другой монахъ, Савватій — икону Страшнаго Суда. Къ нимъ приставали мужчины и женщины изъ народа, сами не понимая, чтó вокругъ нихъ дѣлается. Хованскій, показывая видъ, что не знаетъ, зачѣмъ пришли эти люди, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи приказныхъ и спрашивалъ: „Коея ради вины пріидосте, отцы честные?“

Никита отвѣчалъ: „Пріидохомъ великимъ государемъ челомъ побить о старой, православной христіанской вѣрѣ, чтобъ велѣли патріарху служить по старымъ книгамъ и служили бы на семи просфорахъ, а не на пяти, а крестъ на просфорахъ былъ бы истинный, троесоставный крестъ, а не крыжъ двоечастный. Если патріархъ не изволитъ служить по старымъ книгамъ, такъ пусть велятъ ему государи дать намъ правильное свое разсмотрѣніе: зачѣмъ онъ по старымъ книгамъ не служитъ, и намъ возбраняетъ служить? зачѣмъ предаетъ проклятію и засылаетъ въ дальнее заточеніе тѣхъ, что по старымъ книгамъ читаютъ и поютъ? Пусть отвѣтитъ намъ: благочестивы или неблагочестивы были прежніе цари, великіе князья и святѣйшіе патріархи, которые по старымъ книгамъ служили и пѣли. А мы, Богу помогающу, въ конецъ обличимъ всякія затѣйки и ереси въ новыхъ книгахъ“.

Хованскій взялъ отъ нихъ челобитную, пошелъ во дворецъ и воротившись сказалъ: „Противъ этой челобитной будетъ дѣла недѣли на три;

надобно книги свидѣтельствовать. Патріархъ упросилъ государей до середы: въ середу приходите послѣ обѣдни". — „А какже государей будутъ вѣнчать?" спросилъ Никита.—„По старому, какъ я вамъ говорилъ," отвѣтилъ Хованскій. — „Пусть патріархъ служитъ литургію на семи просфорахъ,—сказалъ Никита,—и крестъ на просфорахъ пусть будетъ истинный, а не крыжъ".—„Вели же напечь просфоръ и принеси сюда; я патріарху поднесу и велю служить по старому," отвѣчалъ Хованскій.

Раскольники разошлись.

Въ воскресенье толпы народа наполнили весь Кремль, ожидая выхода государей къ вѣнчанію. Никита съ просфорами, испеченными нѣкоею искусною вдовицею, отправился къ собору, но не могъ пробраться за толпою народа и въ досадѣ вернулся назадъ. Совершилось вѣнчаніе по обычному чину.

Раскольники хлопотали, чтобы всѣ стрѣльцы подписались подъ челобитной, и чтобы такимъ образомъ противники ихъ увидали на сторонѣ раскола опасную для себя силу. Тутъ оказалось, что расколъ между стрѣльцами не такъ былъ крѣпокъ, какъ думали фанатики. Не всѣ стрѣльцы и пушкари приложили руки къ челобитной. Многіе говорили: „Это дѣло не наше, а патріаршее. Если намъ руки прикладывать, такъ и отвѣтъ надобно давать противъ патріарха и властей. Мы не умѣемъ отвѣчать. Да съумѣютъ-ли и старцы дать отвѣтъ противъ такого собора? Они только намутятъ и уйдутъ". Но, не прикладывая рукъ къ челобитной, стрѣльцы все-таки положили на томъ, чтобы не давать никого жечь и вѣшать за вѣру.

3 іюля явились къ Хованскому выборные стрѣльцы по его приказанію.

„Всѣ-ли готовы стоять за старую вѣру?" спросилъ ихъ Хованскій.

„Не только стоять, но и умереть готовы," отвѣчали ему.

Хованскій ввелъ ихъ въ Крестовую палату, къ патріарху. Патріархъ ласково уговаривалъ ихъ не мѣшаться въ духовныя дѣла, которыя не касаются ихъ, какъ людей военныхъ; но книжники, пришедшіе вмѣстѣ со стрѣльцами, надѣясь на Хованскаго, вступили съ патріархомъ въ споръ о старыхъ и новыхъ книгахъ и требовали, чтобы патріархъ съ властями вышелъ на лобное мѣсто для всенароднаго пренія о вѣрѣ.

Настала среда, 5 іюля. Раскольники двинулись въ Кремль. Никита несъ крестъ; другіе несли Евангеліе, икону Страшнаго суда, образъ Богородицы, множество старыхъ книгъ, налои, подсвѣчники со свѣчами. За ними валила огромная толпа народа. У Архангельскаго собора поставили налои, разложили образа и книги, зажгли свѣчи. Патріархъ прежде всего выслалъ къ нимъ священника съ печатными тетрадями, въ которыхъ обличался Никита, какъ онъ на соборѣ принесъ повинную и отрекся отъ старой вѣры. Стрѣльцы набросились на этого священника и, вѣроятно, убили бы его, если бы не спасъ его монахъ Сергій, сочинитель челобитной. Священника поставили на скамью и велѣли начать чтеніе. Его прерывали постоянно криками и бранью: наконецъ, Сергій сказалъ ему: „Всуе трудишься, никто тебя не слушаетъ".

Вмѣсто священника сталъ читать самъ Сергій свое обличеніе противъ церковнаго „премѣненія". Говорилъ къ народу и Никита, стоя на подмосткахъ, называлъ православныя церкви хлѣвами и амбарами и приправлялъ свою рѣчь разными непотребными словами.

Между тѣмъ отъ патріарха пришли звать раскольниковъ въ Грановитую палату: „тамъ будутъ царица и царевны, а передъ всѣмъ народомъ имъ быть зазорно".

Тутъ народъ завопилъ: „А! патріархъ стыдится передъ всѣмъ народомъ дать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній. Здѣсь подобаетъ быть собору, да и какъ помѣститься въ палатѣ такому множеству!“

Во дворцѣ произошло смятеніе. Патріархъ не хотѣлъ выходить на площадь, а звалъ раскольниковъ въ Грановитую палату. Царевна Софія собиралась идти въ Грановитую палату. Хованскій сталъ уговаривать ее не ходить, говорилъ, что стрѣльцы поднимутъ бунтъ и патріарху будетъ худо, а если она туда пойдетъ съ боярами, то всѣхъ побьютъ. Софія поняла, въ чемъ дѣло, видѣла, что Хованскій хочетъ, дѣйствительно, поднять бунтъ противъ патріарха, и потому намѣревается устроить такъ, чтобы присутствіе царевны не стѣсняло буйства раскольниковъ; съ другой стороны она была увѣрена въ преданности къ себѣ стрѣльцовъ. „Да будетъ воля Божья,—сказала Софія,—я не оставлю церкви Божьей и ея пастыря!“

Вмѣстѣ съ Софіею рѣшились идти въ Грановитую палату царица Наталія Кирилловна и царевны: Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна.

Хованскій обратился къ боярамъ и говорилъ: „Пожалуйте, попросите царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую палату съ патріархомъ. А если васъ не послушаетъ, то пусть будетъ вамъ извѣстно, что насъ всѣхъ побьютъ, какъ недавно нашу братью побили, и разграбятъ дома наши“.

Приступили бояре къ Софіи, умоляли освободить и себя и всѣхъ ихъ отъ напрасной смуты. Софія отвѣчала: „Я готова за св. церковь положить свою голову“. Затѣмъ, обратившись къ Хованскому, она сказала: „Посылай святѣйшаго патріарха, чтобы онъ со всѣми властями и книгами шелъ къ намъ въ Грановитую палату“.

Хованскій исполнилъ приказаніе. Было уже около четырехъ часовъ пополудни. Патріархъ, напуганный Хованскимъ, въ ужасѣ, со слезами, не чая себѣ живота, отправилъ впередъ себя множество книгъ и рукописей греческихъ и славянскихъ. Съ ними пошли: холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, воронежскій—Митрофанъ, тамбовскій—Леонтій и нѣсколько другихъ духовныхъ. Обиліе древнихъ книгъ должно было показывать противникамъ, что у православныхъ есть сильныя средства защиты. За ними слѣдовалъ и патріархъ съ восемью митрополитами и четырьмя архіепископами. Звонили въ колокола.

Всѣ усѣлись по чину въ Грановитой палатѣ; на царскомъ тронѣ сѣла Софія съ теткою Татьяною, а близъ нихъ царица Наталія и царевна Марія [1]). Были съ ними бояре и думные люди. Хованскій пригласилъ Никиту и Сергія въ Грановитую палату и поклялся, что имъ ничего дурного не будетъ.

Тогда Никита и товарищи его взяли крестъ, Евангеліе, свѣчи, налои, положили книги на головы и двинулись на Красное крыльцо. Тутъ произошла драка. По извѣстіямъ раскольниковъ, причиною ея было то, что какой то православный попъ зацѣпилъ Никиту за волосы, а стрѣльцы, начали тузить поповъ. Пришелъ Хованскій, прекратилъ безпорядокъ и провелъ раскольниковъ въ Грановитую палату.

Они разставили налои, разложили на нихъ священныя вещи и книги и поставили передъ образами зажженныя свѣчи въ подсвѣчникахъ, принесенныхъ съ собою.

---

[1]) Сынъ Артамона Матвѣева Андрей говоритъ, что при этомъ были и цари.

„По какой причинѣ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ“, спросилъ патріархъ.

„Пришли царямъ-государямъ побить челомъ, чтобы дали свое царское разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, чтобы служба Божья была по старымъ служебникамъ“.

Патріархъ сказалъ:—„Это не ваше дѣло. Простолюдинамъ не подобаетъ исправлять церковныхъ дѣлъ и судить архіереевъ. Архіереевъ только архіереи и судятъ, а вамъ должно повиноваться матери своей, церкви; у насъ книги исправлены съ греческихъ и съ нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ. Вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую силу онъ въ себѣ содержитъ“.

„Мы не о грамматикѣ пришли съ тобою говорить,—отвѣчалъ Никита,—а о церковныхъ догматахъ. Вотъ я тебя спрошу, а ты отвѣчай: зачѣмъ на литургіи вы берете крестъ на лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую? Развѣ огонь честнѣе креста?“

Тутъ началъ-было ему объяснять холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, какъ вдругъ Никита замахнулся на него рукою и закричалъ: „Что ты, нога, выше головы ставишься! Я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ патріархомъ“.

Софія вскочила со своего мѣста и закричала:—„Что это такое! Онъ при насъ архіерея бьетъ! Безъ насъ, навѣрное, убилъ бы его!“

„Нѣтъ,—государыня,—сказали изъ толпы,—онъ не билъ, а только рукою отвелъ“.

„Помнишь ли, Никита,—сказала Софія,—какъ блаженной памяти отцу нашему, и святѣйшему патріарху, и всему освященному собору ты принесъ повинную и поклялся великою клятвою: аще впередъ стану бить челомъ о вѣрѣ, да будетъ на мнѣ клятва св. отецъ и семи вселенскихъ соборовъ. Такъ говорилъ ты въ то время, а нынѣ опять за то же дѣло принялся!“

„Что далъ повинную, я въ томъ не запираюсь,—возразилъ Никита.—Далъ за мечомъ и срубомъ! Я подавалъ челобитную, а мнѣ никто не отвѣчалъ изъ архіереевъ, только Семенъ Полоцкій книгу на меня сложилъ „Жезлъ“. Позволишь, государыня, я буду отвѣчать противъ „Жезла“? а останусь виноватъ, дѣлайте со мною, что хотите!“

„Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быть!“—сказала Софія.

Затѣмъ Софія опять сѣла на свое мѣсто и приказала думному дьяку читать раскольничью челобитную.

Какъ дочитали до того мѣста, гдѣ сказано было, что чернецъ Арсеній еретикъ вмѣстѣ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя Михайловича, Софія опять вскочила со своего мѣста и, взволнованная, сказала: „Если Никонъ и Арсеній были еретики, такъ и отецъ и братъ нашъ были еретики! Значитъ, цари—не цари, архіереи—не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать. Мы пойдемъ прочь изъ царства!“

„Какъ можно изъ царства вонъ идти! Мы за государей головы свои положимъ,“—говорили думные. Но между раскольниками раздались такіе голоса:—„И пора вамъ, государыня, давно въ монастырь. Полно-да царствомъ мутить! Намъ бы здоровы были отцы наши государи, а безъ васъ-да пусто не будетъ!“

Софія прослезилась и, обратясь къ стрѣльцамъ, начала говорить: „Эти мужики на васъ развѣ надѣются? Вы были вѣрные слуги дѣду нашему отцу и брату, оборонители церкви святой, и у насъ зоветесь

слугами. Зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете чинить крикъ и вопль въ нашей палатѣ?“

Выборные стрѣльцы успокаивали ее. Софія сѣла на свое мѣсто.

Челобитную дочитали. Начался споръ. Патріархъ и архіереи указывали на древніе харатейные списки, обличали нелѣпыя ошибки и опечатки въ Филаретовомъ служебникѣ. Малоученые раскольники, не въ силахъ будучи одолѣть противниковъ доводами, только подымали вверхъ руки, показывали двуперстное сложеніе и кричали: — „вотъ какъ! вотъ какъ!“

Уже стало вечерѣть. Раскольникамъ объявили, чтобы они расходились и что имъ будетъ указъ послѣ.

Раскольники вышли со всѣми своими налоями, книгами, образами и кричали во все горло, подымая два пальца вверхъ: — „Побѣдихомъ! Побѣдихомъ! Вотъ какъ вѣруйте!“ Толпы народа слѣдовали за ними. Расколоучители остановились на Лобномъ мѣстѣ и стали поучать народъ, а оттуда отправились въ церковь „Спаса на Чигасахъ“, отслужили со звономъ благодарственный молебенъ и потомъ уже разошлись по домамъ.

Софія позвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ, обласкала ихъ, приказала напоить медомъ и виномъ въ такомъ количествѣ, что на десять человѣкъ было вынесено по ушату. „Не промѣняйте насъ, — говорила имъ Софія, — и все россійское государство на какихъ-нибудь шестерыхъ чернецовъ“.

„Мы, государыня, — отвѣчали ей стрѣльцы, — не стоимъ за старую вѣру. Это дѣло патріарха и всего освященнаго собора“.

По приказанію царевны, преданные ей стрѣльцы Стремяннаго полка схватили Никиту Пустосвята, съ нимъ другихъ пятерыхъ расколоучителей и привели ихъ въ указъ. Никитѣ отрубили голову на площади. Его товарищей разослали въ ссылку. Раскольники притихли.

VI. Князь Хованскій и новый мятежъ стрѣльцовъ.

(Изъ соч. Погодина: «Первыя семнадцать лѣтъ царствованія Петра Великаго»).

Окончаніемъ церковнаго возмущенія, какъ и прежде — стрѣлецкаго, спокойствіе на Верху еще не установилось.

По городу ходили разнородные слухи и доносились до Верха на обѣ половины, къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, составляя главный предметъ разговоровъ; принимались же они и толковались различно, смотря по видамъ, желаніямъ и надеждамъ той и другой стороны. Нынѣ бояре, съ дворовыми людьми, собираются перебить всѣхъ стрѣльцовъ и уничтожить стрѣлецкое войско; завтра стрѣльцы принимаютъ рѣшеніе истребить бояръ. Крѣпостные люди сочиняютъ-де челобитныя и хотятъ искать свободы отъ господъ своихъ. Немедленно назначались слѣдствія объ источникахъ этихъ слуховъ. Наслѣженные, уличенные вѣстовщики подвергались жестокимъ пыткамъ и на дыбѣ возводили на себя всякую напраслину, между тѣмъ какъ въ сущности были виноваты только въ неосторожности, передавая, такъ или иначе, услышанное по вѣтру.

Стрѣльцы продолжали буйствовать; никто не смѣлъ имъ поперечить; они искали долговъ своихъ, справедливыхъ и несправедливыхъ, мучили мнимыхъ должниковъ и мстили за старыя обиды на правежахъ по произволенію.

Старый полковникъ, Степанъ Яновъ, человѣкъ заслуженный и достойный по всѣмъ отзывамъ, вытребованъ ими съ далекой службы, по давнимъ на него неудовольствіямъ за строгость, подвергается мучительной пыткѣ въ Константиновскомъ застѣнкѣ, и потомъ позорной казни на Красной площади, предъ вновь поставленнымъ стрѣлецкимъ памятникомъ.

Новые начальники, князь Хованскій съ сыномъ, смотрѣли сквозь пальцы на ихъ убійства, неистовства, попускали всякія злоупотребленія, брали всегда ихъ сторону, потакали, подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ-будто опасаясь раздражить ихъ и желая успокоить, не допустить до крайностей.

Князь Хованскій съ сыномъ возбудили подозрѣнія царевны Софіи. Покровительствуя раскольникамъ, они видимо искали приверженности стрѣльцовъ, которые считали себя какими-то господами, судили и рядили о дѣйствіяхъ правительства. Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ какихъ-нибудь мѣсяцевъ, Хованскіе пріобрѣли полную довѣренность и совершенную покорность стрѣльцовъ, которые называли старика своимъ отцомъ, за каретою его ѣздили обыкновенно въ числѣ 50 человѣкъ и болѣе, крича встрѣчнымъ: „большой ѣдетъ, большой!“ На дворѣ содержали многочисленный караулъ, чего прежде ни при комъ изъ начальниковъ не было.

И старикъ, въ самомъ дѣлѣ, возомнилъ о себѣ, что онъ, располагая стрѣльцами и имѣя за себя приверженцевъ „стараго благочестія“, есть самый сильный человѣкъ въ государствѣ, которому всѣ должны повиноваться. Онъ не исполнялъ приказаній, выказывалъ неумѣренно свое значеніе предъ боярами и говорилъ въ Думѣ, что его трудъ выше всѣхъ, что никто не заслужилъ столько, сколько онъ, и безъ него въ Москвѣ ходили-бы въ крови по-колѣно.

16-го августа шелъ вопросъ въ думѣ о требованіи стрѣлецкаго войска, чтобы на каждаго человѣка собрано было съ дворцовыхъ волостей по 25 рублей подможныхъ денегъ, уравнительно съ монастырями, что составляло болѣе 100 тысячъ рублей. Когда бояре не соглашались утвердить такое тяжелое взысканіе, то Хованскій въ досадѣ, вышелъ изъ Думы, сказалъ стрѣльцамъ: „Дѣти, ужь и мнѣ за васъ грозятъ бояре: я не могу для васъ сдѣлать ничего больше; промышляйте сами, какъ хотите“.

Такая выходка не предвѣщала ничего добраго. Одно хвастовство, одна болтливость, которая доставила Хованскому въ народѣ прозваніе Тараруя, могла подать на Верху поводъ къ опасеніямъ, чтобы когда либо онъ въ жару или въ сердцахъ не проговорился, или не употребилъ во зло того, что̀ знаетъ о происхожденіи стрѣлецкаго бунта и виновникахъ кровопролитія; могли случиться даже пререканія между правительницею и Хованскимъ по поводу его явнаго согласія съ раскольниками; могъ онъ дать ей самой замѣтить по какому-нибудь случаю, какъ боярамъ въ Думѣ, что у него есть въ запасѣ оружіе противъ нея; могъ онъ еще яснѣе въ своемъ кругу выразиться, что знаетъ тайны или что-нибудь въ такомъ родѣ, которое могло донестись до ушей виноватой

правительницы и внушить ей мысль, что отъ него, во избѣжаніе хлопотъ, слѣдуетъ избавиться такъ или иначе. Къ тому же, разнесся слухъ, что старшій сынъ его, Андрей Ивановичъ, хвалясь королевскимъ своимъ происхожденіемъ отъ литовскаго Гедимина, замышляетъ о бракѣ съ одною изъ царевенъ, а именно съ Екатериною Алексѣевною, и о присвоеніи себѣ верховной власти въ надеждѣ на стрѣльцовъ. Ни царямъ, ни царевнѣ тогда не сдобровать. Слухъ этотъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь основаніе; онъ хваталъ за живое и побуждалъ думать о собственной безопасности.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ должно присоединить еще ссору, тотчасъ по укрощеніи стрѣлецкихъ бунтовъ, возникшую случайно или изъ ревности, между старикомъ Хованскимъ и извѣстнымъ уже намъ знаменитымъ кователемъ козней, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, вслѣдствіе которой стрѣльцы, слышно было, сбирались даже убить его по навѣтамъ Хованскаго. Милославскій, обуянный страхомъ,— пишетъ современникъ,— бѣгалъ изъ одной своей подмосковной въ другую и скрывался въ норахъ, какъ подземный кротъ; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, улучивъ благопріятное время, спѣшилъ покончить съ нимъ, какъ прежде съ Матвѣевымъ. Онъ является къ царевнѣ Софіи, указываетъ опасности, ей угрожающія, связываетъ искусно извѣстныя данныя, предлагаетъ объясненія: — „Вотъ, что хотятъ Хованскіе! Это ясно. Они сами говорятъ... стрѣльцы въ ихъ власти. Цари—одинъ больной, другой малолѣтній; съ ними управиться недолго... Сынъ женится на вашей сестрѣ, и вѣнчается царскимъ вѣнцомъ, а вы всѣ—по монастырямъ или въ заточеніе“...

Доводы Милославскаго казались правдоподобными: Софія испугалась той участи, которую готовила Нарышкинымъ, и, подготовленная собственными разсужденіями, склонилась на его убѣжденія. Судьба Хованскихъ была рѣшена.

Милославскій сочиняетъ планъ, какъ избавиться отъ общаго врага, и исполненіе начинается въ той же глубокой тайнѣ, какою былъ покрытъ заговоръ 15-го мая.

19-го августа, въ день Донской Божьей Матери, царское семейство не приняло участія въ крестномъ ходѣ. Значитъ, опасеніе—истинное или мнимое — могущихъ встрѣтиться непріятностей достигло до высшей степени.

Замѣтимъ, какъ дѣла шли скоро. Стрѣлецкій бунтъ кончился 17-го мая, Иванъ объявленъ царемъ 26-го, Софія—правительницею 29-го, притязанія раскольниковъ—іюня 23-го, вѣнчаніе на царство—25-го, пренія въ Грановитой палатѣ—іюля 5-го, казнь Никиты Пустосвята—11-го, а 19-го августа крестный ходъ въ Донской монастырь, безъ царскаго участія.

Царевна Софія или имѣла причину бояться, или приступила къ исполненію своего намѣренія, т.-е. война оборонительная или наступательная началась. Чрезъ нѣсколько дней весь дворъ—цари, царевны и правительница—отправились въ село Коломенское.

Можно себѣ представить, какое удивленіе произвелъ во всемъ городѣ внезапный отъѣздъ, предположенный, повидимому, на долгое время: всѣ терялись въ догадкахъ.

При дворѣ, у царицы Наталіи Кирилловны, раздались вопросы, подавшіе поводъ къ толкамъ, догадкамъ, надеждамъ и опасеніямъ. Что такое произошло особеннаго? Чего бояться должно въ Москвѣ? Откуда

грозитъ опасность? Судя по прежнимъ даннымъ, она могла подозрѣвать какое-нибудь злоумышленіе. Никому не могла казаться вѣроятною внезапная распря Софіи съ Хованскимъ, который такъ недавно былъ однимъ изъ главныхъ ея наперсниковъ и совѣтниковъ, соучастникомъ послѣднихъ дѣйствій. Опять нападаетъ страхъ и на весь царицынъ дворъ: Богъ знаетъ, что случится. Предусматривались новыя бѣды, новыя опасности для нея, для ея сына, для всего семейства. А мальчикъ все это видѣлъ У него въ ушахъ раздавались опять—стрѣльцы, раскольники, убійства, казни, замыслы, измѣны... Назывались по именамъ враждебныя лица.

На другой день являются въ Коломенскомъ стрѣльцы, вѣроятно, подосланные Хованскимъ съ выраженіемъ прискорбія, что цари оставили Москву. „Великимъ государямъ сказано, будто у насъ, у надворной пехоты, учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полка въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ по прежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впредь не будетъ, чтобы великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ“.—„Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо“,—былъ отвѣтъ;—„изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же“.

И Хованскій пріѣзжалъ въ Коломенское, вѣроятно, освѣдомиться, что̀ тамъ есть, и подѣйствовать на Софію. Онъ попытался постращать ее замышляемымъ нападеніемъ Новгородскихъ дворянъ, которые грозятъ-де придти въ Москву за выслуженнымъ жалованьемъ (?) и сѣчь всѣхъ безъ выбора и остатка. Царевна отвѣчала, что это извѣстіе слѣдуетъ объявить на Постельномъ крыльцѣ всѣхъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ послать грамату для подлиннаго свидѣтельства. Хованскій самъ испугался такого оборота и долженъ былъ просить, чтобы на слухъ не было обращено вниманія. Въ всякомъ случаѣ, вѣроятно, онъ уѣхалъ изъ Коломенскаго успокоенный и обласканный по возможности.

Съ обѣихъ сторонъ употреблялся обманъ,—кто кого перехитритъ, и выжидались обстоятельства.

Къ имянинамъ старшаго царя, 29 августа, Софія потребовала въ Коломенское Стремянный полкъ, къ ней наиболѣе близкій. Хованскій отговаривался, но наконецъ долженъ былъ уступить, догадываясь объ опасности и сознавая вмѣстѣ невозможность бороться.

Дворъ не возвратился въ Москву и къ дѣйству новаго года, 1 сентября, что̀ подало поводъ еще болѣе ко всякимъ толкамъ и догадкамъ. Велѣно было князю Хованскому присутствовать въ Успенскомъ соборѣ, но онъ не поѣхалъ, и на дѣйствѣ былъ одинъ только окольничій, къ удивленію всей Москвы, на что̀ жаловался самъ патріархъ. Страхъ распространился въ городѣ: всѣ съ сомнѣніемъ встрѣчали другъ друга и спрашивали,—что значатъ эти явленія?

Хованскій, кажется, растерялся при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣлъ, и если онъ былъ блудливъ, какъ кошка, то оказался трусливымъ, какъ заяцъ, и не принималъ никакихъ мѣръ ни для защиты, ни для нападенія.

2 сентября выѣхали цари изъ села Коломенскаго чрезъ Воробьево и Павловское въ Саввинъ монастырь, близъ Звенигорода, къ празднику

св. Саввы, 6 сентября. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца, отправились назадъ чрезъ Павловское и Хлябово въ Воздвиженское, къ празднику тамошнему 14 сентября.

Отсюда былъ посланъ указъ въ Москву ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ—быть въ Воздвиженское къ 18 числу, для своихъ царскихъ дѣлъ и для пріема гетманскаго сына, о которомъ прислалъ донесеніе князь Хованскій, такъ же приглашенный. Отсюда же посланы были граматы, разумѣется, въ тайнѣ отъ Хованскаго, во Владиміръ, Суздаль и другіе близкіе города, звать дворянъ и служилыхъ людей въ Москву для спасенія царей, которымъ грозитъ-де смертью измѣна князя Хованскаго, и для наказанія измѣнниковъ.

17 числа, ко дню именинъ царевны, съѣхалось въ Воздвиженское множество всякихъ чиновъ людей. Послѣ обѣдни и слѣдовавшаго за нею угощенія, у великихъ государей и сестры ихъ началось съ боярами сидѣнье или совѣтъ. Думный дьякъ Шакловитый доложилъ о дознанныхъ преступленіяхъ князя Хованскаго и его сына, и прочелъ подлинное письмо, якобы найденное еще въ Коломенскомъ, что князь Хованскій съ сыномъ и единомышленниками умыслили на великихъ государей, на патріарха и на бояръ убійство, и хотятъ сами овладѣть царствомъ московскимъ.

Матвѣевъ, сынъ покойнаго боярина, описавшій смутное время, думаетъ, что письмо сочинено самимъ Милославскимъ.

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ докладъ, указали, а бояре приговорили: „по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣстному письму согласно, казнить смертію князя Ивана Хованскаго и сына его Андрея“.

Черезъ посланныхъ впередъ развѣдчиковъ было узнано, что старый князь Хованскій, выѣхавшій изъ Москвы наканунѣ съ сыномъ, стоитъ въ шатрахъ, близъ села Пушкина, подъ горою въ крестьянскихъ гумнахъ около дороги, а молодой—въ своей деревнѣ, на Клязьмѣ близъ Братовщины. Тотчасъ былъ отправленъ бояринъ, князь Михаилъ Ивановичъ Лыковъ, съ значительнымъ отрядомъ придворныхъ на московскую дорогу схватить Хованскихъ и привезти ихъ въ Воздвиженское.

Неужели Хованскій не зналъ ничего объ угрожавшей ему опасности, о намѣреніяхъ противъ него царевны? Неужели онъ вѣрилъ въ ея искренность? Если подметное письмо коломенское не было сначала оглашено, то слухъ о разосланныхъ грамотахъ по всѣмъ городамъ, съ уликами и обвиненіями долженъ былъ дойти до него. Самое удаленіе, внезапное, двора изъ Москвы наканунѣ новаго года, который торжествовался всегда особымъ дѣйствомъ, должно было возбудить его подозрѣніе, и если первыя объясненія царевны Софіи могли показаться удовлетворительными, то послѣдующія дѣйствія должны были утвердить опасенія. Зачѣмъ же онъ ѣхалъ въ Воздвиженское на вѣрную смерть? Не думалъ ли онъ самъ захватить царевну Софію съ обоими царями съ помощію стрѣльцовъ, которые могли, по его извѣстію, послѣдовать за нимъ немедленно? Или онъ хотѣлъ на мѣстѣ разузнать положеніе дѣла и потомъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ?. Во всякомъ случаѣ, онъ, видно, былъ увѣренъ, что къ нему не посмѣютъ прикоснуться, и онъ всегда будетъ имѣть время принять свои мѣры. Страшно ошибся онъ въ своихъ разсчетахъ,—и попалъ въ западню, искусно для него подставленную.

Князь Лыковъ напалъ врасплохъ сперва на старика, потомъ на сына, схватилъ, связалъ и привезъ ихъ въ Воздвиженское подъ крѣпкимъ карауломъ. Бывшіе при нихъ стрѣльцы были захвачены также и приведены туда, а плахи были тамъ уже готовы.

Плѣнники поставлены были предъ дворцовыми воротами. Дьякъ Шакловитый прочелъ подробное исчисленіе всѣхъ винъ и преступленій, а въ заключеніе сказалъ: „И великіе государя указали васъ, князь Иванъ и князь Андрей Хованскихъ, за такія ваши великія вины, и за многія воровства, и за измѣну казнить смертью".

Ошеломленный старикъ, по прочтеніи обвиненія, падаетъ въ ноги боярамъ, плачетъ... „Я ничего не знаю, а если сынъ виноватъ въ чемъ, я прокляну его... выслушайте меня, я разскажу вамъ, я открою, кто виноватъ, кто началъ"...

Но съ Верху въ ту же минуту принесенъ строгій приказъ ничего не слушать и исполнять приговоръ поскорѣе.

Матвѣевъ свидѣтельствуетъ, что и здѣсь дѣйствовалъ отъ имени царевны тотъ же Иванъ Михайловичъ Милославскій... торопя казнью. Не оказалось палача. Вызвался стрѣлецъ изъ Стремяннаго полка, который и отсѣкаетъ голову старому князю Хованскому. Сынъ цѣлуетъ бездыханное тѣло отца, и ложится на плаху...

Другой сынъ и племянникъ успѣли убѣжать въ Москву. Племянникъ пойманъ. Сынъ бросился къ стрѣльцамъ: — „Вашего отца, моего отца, казнили бояре, вашего друга и покровителя, вамъ достанется тоже, хотятъ сжечь ваши слободы и перебить васъ всѣхъ".

Была уже полночь. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, съ просонковъ стрѣльцы сбѣгаются со всѣхъ улицъ. Что такое? „Отецъ нашъ убитъ, бояре идутъ жечь наши слободы, хотятъ перебить стрѣльцовъ, что́ намъ дѣлать безъ него?" раздаются общіе крики

Стрѣльцы боятся дворовыхъ людей, дворовые люди боятся ихъ, народъ боится тѣхъ и другихъ. Никто не знаетъ, что́ будетъ. Всполошилась вся Москва.

Толпами всю ночь стрѣльцы прибѣгали къ патріарху и не давали ему покоя. Они просили его написать государямъ, чтобы они воротились въ Москву, а не то мы сами пойдемъ къ нимъ и управимся съ боярами. Другіе требовали, чтобъ онъ послалъ грамоту на Украйну—звать служилыхъ людей на помощь стрѣльцамъ противъ бояръ. Многіе приходили изумленные, сами не знали зачѣмъ, и только твердили: — „что̀ намъ дѣлать?"

Патріархъ старался ихъ успокаивать, и объяснилъ, что государи Москвы не покинули, а въ Троицкомъ монастырѣ хотятъ по обыкновенію праздновать день Сергія Чудотворца, 25 сентября; „идти вамъ туда не зачѣмъ, походомъ вы наведете на себя гнѣвъ государей".

Были и такіе стрѣльцы, которые кричали:—„Убить его, вѣдь онъ съ боярами за одно!"

Лишь только разсвѣло, стрѣльцы бросились на пушечный дворъ, захватили пушки и развели ихъ по своимъ приказамъ, повытаскали всю пороховую и свинцовую казну, забрали копья, карабины, мушкеты. По мѣстамъ разставлены были караулы, чтобы не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города. Мирные жители трепетали отъ страха.

Сего 18 числа, въ часъ третій,—говоритъ современникъ,—пріѣхалъ изъ похода отъ великихъ государей стольникъ Зиновьевъ съ грамотою къ патріарху. Его задержали караульные и спрашивали крѣпко, что́ въ грамотѣ

писано. Набольшіе со многими стрѣльцами привели его къ патріарху, но не спускали съ него глазъ и наблюдали пристально, не станетъ ли чего говорить онъ тайно, потомъ велѣли прочесть вслухъ грамоту, въ которой извѣщалось о злыхъ умыслахъ князей Хованскихъ надъ государями и Московскимъ государствомъ и о совершеніи надъ ними казни за ихъ преступленія. Грамоту заставили стрѣльцы прочесть нѣсколько разъ. Одни кричали:—„нѣтъ, это неправда; надо идти на бояръ; пора ихъ прочистить: они виноваты!“ — Другіе говорили: — „надо подождать“. По приказамъ раздался барабанный бой на соборъ; всѣ начали приготовляться къ походу.

Стольникъ Зиновьевъ, возвратившись къ государямъ въ Воздвиженское, донесъ, что̀ видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ;—стрѣльцы собираются идти въ походъ и грозятъ перебить всѣхъ бояръ и всякихъ чиновныхъ людей.

Дворъ испугался въ свою очередь. Дворянъ и служилыхъ собралось на зовъ еще недостаточное количество. Рѣшено переѣхать въ Троицкій монастырь, какъ надежную крѣпость, гдѣ государямъ быть безопаснѣе.

Въ тотъ же день въ дворцовыхъ воеводахъ велѣно быть князю Василію Васильевичу Голицину, да съ нимъ въ товарищахъ боярину князю Михаилу Ивановичу Лыкову, думному дворянину А. М. Ржевскому, да думному генералу А. А. Шепелеву. По стѣнамъ разставлены были пушки и монастырь приведенъ въ оборонительное положеніе.

По городамъ посланы были принудительныя грамоты для великаго, нужнаго и скораго дѣла, такія же и къ иноземцамъ, оставшимся въ Москвѣ.

Стрѣльцы, услышавъ о сборѣ и переѣздѣ къ Троицѣ, призадумались: „какъ идти на святое мѣсто, есть ли возможность справиться съ силою, которая со всѣхъ сторонъ собирается“? Они оробѣли, но въ Москвѣ, между тѣмъ, все-таки укрѣплялись, какъ бы приготовляясь сидѣть въ осадѣ, строили по улицѣ и Земляному городу надолбы, роздали многимъ людямъ изъ казны мушкеты и карабины, а на караулы въ день и ночь выгоняли посадскихъ людей. „Если бояре придутъ съ своими людьми войною, мы никого въ городъ не пустимъ. Если захотятъ биться съ нами, мы поставимъ впереди посадскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами и дѣтьми, а сами ударимъ съ сторонъ“.

Они ходили по улицамъ и стрѣляли постоянно изъ ружей, наводя страхъ на все населеніе.

Обѣ стороны приготовились.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, оказалась скудость въ хлѣбѣ и дровахъ: подвозить было некому, а кто пріѣзжалъ, то отъ осмотровъ становилось опасно и жутко.

А помощниковъ въ Троицкомъ монастырѣ собиралось всякій день по многу, и царевна увидѣла возможность дѣйствовать рѣшительнѣе.

Стрѣльцы обратились къ патріарху и униженно просили его заступиться за нихъ и послать къ государямъ отъ лица своего архимандрита или игумена.

Отправленъ былъ Чудовскій архимандритъ Адріанъ, что послѣ былъ патріархомъ, просить государей, чтобы они возвратились въ Москву, избавили народъ отъ всякаго смущенія и страха, и обрадовали городъ своимъ присутствіемъ.

На эту просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ, но 21-го сентября присланъ былъ къ стрѣльцамъ думный дворянинъ Лукьянъ Тимоѳеевичъ Голосовъ сказать имъ, „чтобъ они унялись, отъ смятенія перестали, переполоховъ, страхованія въ Москвѣ не чинили, а казнь учинена князьямъ

Хованскимъ за измѣну по ихъ указу, и судъ о милости и казни врученъ имъ отъ Бога, а имъ стрѣльцамъ, о томъ не только говорить, но и мыслить не довелось, а на нихъ опалы нѣтъ, и были бы они безъ смущенія на ихъ царскую милость надежны, и для челобитья дѣлъ своихъ, кому надобно, шли бы къ нимъ въ походъ".

Стрѣльцы опять приступили къ патріарху съ просьбою звать государей въ Москву: для чего они оставили ихъ и все государство безъ управленія, такъ что они не знаютъ, что и между собой дѣлать, а бояре съ своими людьми грозятся ихъ искоренить?..

Цѣль ихъ была очевидна: призвать въ Москву государей съ боярами и раздѣлаться потомъ съ своими врагами. Но правительство пребывало твердымъ. Москву вѣдать присланъ былъ Михаилъ Петровичъ Головинъ.

Видя, что дворъ крѣпко стоитъ на своемъ рѣшеніи, а дворянъ къ Троицѣ собралось уже многое множество, стрѣльцы упали духомъ, и дерзость ихъ смѣнилась страхомъ. Они пришли опять къ патріарху и просили со слезами послать со своею отпиской къ государямъ двухъ стрѣльцовъ, которыхъ уполномочили просить милости царской и приказанія, сколько призвать ихъ величествамъ угодно стрѣльцовъ лучшихъ людей къ себѣ въ походъ.

Полученъ приказъ прислать изъ каждаго полка по двадцати человѣкъ.

Стрѣльцы испугались: „лучшихъ людей хотятъ взять у насъ и казнити смертію". По дорогѣ стоятъ служилые полки, — разсказывали другіе,—они нашихъ братьевъ перехватаютъ, и въ походъ къ государямъ не допустятъ. Многіе отказывались ѣхать, „яко не надѣялись живы быти", и просили со слезами патріарха, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, послалъ съ ними архіерея предводителемъ: ради архіерея авось не побьютъ насъ, гнѣваясь, какіе люди.

Патріархъ далъ имъ митрополита суздальскаго Иларіона, мужа извѣстнаго своей святой жизнью. „Идите съ миромъ и не бойтесь, не слушайтесь навѣтовъ: государи вашему покоренію желательны, а гнѣва на васъ явити не изволятъ". Это было 24-го сентября.

Весь поѣздъ обночевалъ на мосту въ пяти верстахъ отъ города Москвы вмѣстѣ съ митрополитомъ Иларіономъ 25-го сентября. Стрѣльцы боялись идти далѣе, прослыша, что въ Мытищахъ, въ 15-ти верстахъ, стоитъ съ войскомъ бояринъ Шеинъ и, „тамо поймавъ ихъ, казнитъ".

26-го сентября пошли однако же впередъ и въ Мытищахъ, къ радости своей, никого не увидали. Конечно, войско стоитъ въ Пушкинѣ, — они опять отказывались идти и насилу двинулись. Не нашли никого и въ Пушкинѣ, потому испугались еще болѣе, увидя множество дворянъ, шедшихъ изъ городовъ къ Троицѣ по царскому приказу. Опять остановились: „насъ хотятъ казнить въ Воздвиженскомъ, гдѣ казненъ князь Иванъ Хованскій"; ходили по селу и плакали, иные бѣжали оттуда и разглашали, что товарищи ихъ уже казнены.

Митрополитъ Иларіонъ уговаривалъ ихъ, что съ ними, ради прошенія патріарха, ничего худаго не будетъ. Они не вѣрили и послали отъ себя двухъ человѣкъ къ Троицѣ, провѣдать, есть ли гдѣ по дорогѣ войско, а чтобъ по дорогѣ кто не задержалъ ихъ, выпросили у митрополита послать съ ними отписку патріарха къ государямъ.

Отчаясь въ жизни своей, они попрощались между собою въ Воздвиженскомъ, „не уповаху быти себѣ къ тому живыхъ", и пошли за митрополитомъ.

Но на дорогѣ они были обрадованы царскою милостью. Въ сельцѣ

Рахмановѣ встрѣтившій ихъ стольникъ сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и надѣялись на царскую милость: онъ, стольникъ, нарочно съ тѣмъ словомъ къ нимъ присланъ.

Не чаявъ такой радости, стрѣльцы заплакали: „вси слезъ исполнишася“. Самъ митрополитъ и стольникъ, глядя на нихъ, прослезились. А нѣкоторымъ все еще не вѣрилось, потому что два ихъ посланца къ нимъ не возвращались; но вотъ и тѣ пришли и объявили, что на пути никакого препятствія не было, „войска на подсадѣ подъ ними нѣтъ, и безъ указу государей тому напрасному ихъ побіенію быти невозможно; государи ихъ повиновеніе примутъ и государская имъ милость есть“.

26-го сентября, въ третьемъ часу, митрополитъ пришелъ къ Троицѣ съ выборными стрѣльцами и возвѣстилъ государямъ причину своего прибытія.

Царевна Софія, въ собраніи царскаго синклита близкихъ людей, призвала къ себѣ стрѣльцовъ и, воздавъ благодареніе Богу, почтивъ память создавшихъ обитель ту, преподобныхъ Сергія Чудотворца и ученика его Никона, обратилась къ нимъ, съ упрекомъ;—„Люди Божіе, какъ вы, не боясь Бога, смѣли возстать на насъ, государей своихъ, и на нашихъ бояръ, замутить во всемъ московскомъ государствѣ, забыли вы вѣру и присягу служить намъ вѣрно, забыли вы милости дѣда, отца и брата нашего, и нынѣ государей—царей Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича жалованье. На что взяли вы изъ казны порохъ и свинецъ и всякіе запасы, роздали людямъ ружья, завели злосовѣтные круги показацки, чего не бывало? Видите теперь, до чего своевольствомъ своимъ довели себя? Вонъ сколько воинства къ намъ, для охраны нашей, собралося. И вы вздумали царямъ своимъ въ такомъ юномъ возрастѣ причинить скорбь и смущеніе и мятежъ. Негодны вы лицо наше зрѣть, не только милости получать. Называетесь вы слугами царскаго величества: гдѣ же нынѣ ваша служба, боязнь и послушаніе?“

Ни живые, ни мертвые, стрѣльцы стояли передъ царевною, и только кланялись и произносили:—„Виноваты, согрѣшили, прогнѣвали Бога“, и подали сказку съ обѣщаніемъ „служить и работать великимъ государямъ неизмѣнно, безъ всякой шатости; если отъ кого услышатъ злоумышленныя слова, тѣхъ людей имать и приводить въ съѣзжія избы и держать до указу; на царское величество, бояръ и ближнихъ людей никакого зла не мыслить, а что казну побрали—пушки, порохъ и свинецъ и фитили для опаски, то казна у нихъ въ цѣлости, а которымъ полкамъ велѣно быть на службѣ въ Кіевѣ, и на тое службу готовы, то наша и сказка“.

Царевна похвалила ихъ за покорность, велѣла, возвратясь, братію свою усовѣстить также, по улицамъ ходя не стрѣлять изъ ружей и людей не тревожить, всю пушечную казну возвратить. Исполнивъ все, съ повинною опять приходите сюда, и тогда прощеніе получите. Если всего не исполните, то будетъ вамъ дурно; сила на васъ готова.

Собранное ополченіе было распредѣлено кругомъ Москвы.

Стрѣльцы исполнили все и подтвердили свою покорность новою повинною, написанною отъ всѣхъ полковъ. Выборные доставили ее царямъ, прося ихъ возвратиться въ Москву, „чтобы намъ всѣмъ,—писали они,—холопамъ вашимъ, съ женами и дѣтишками всѣми возрадоваться“.

3-го октября царевна приняла грамоту и челобитную, и вина стрѣльцовъ была отпущена. Оставшійся въ живыхъ, молодой князь Иванъ Хованскій приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. На площади передъ

монастыремъ ему объявлена смертная казнь, онъ былъ положенъ на плаху и, прощенный, сосланъ...

8-го октября, въ воскресенье, по совершеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, прочтены были всенародно указныя статьи и грамота, какъ стрѣльцы впредь держать себя должны. За симъ стрѣльцы цѣловали святое Евангеліе и руки святого апостола Андрея Первозваннаго, и взяли новоуказныя статьи въ тетрадяхъ для прочтенія по всѣмъ полкамъ.

Царевна медлила еще возвратиться въ Москву. 28-го октября стрѣльцы, по ея внушенію, подали челобитную о позволеніи разломать каменный столбъ, поставленный на Красной площади, „чтобы не было отъ другихъ государствъ царствующему граду зазорно". 2 ноября онъ былъ разрушенъ до основанія, жестяные листы сорваны и сожжены, самый бутъ выкопанъ изъ земли и разметанъ.

Жалованныя прежнія грамоты въ память о побіеніяхъ „за домъ Пресвятыя Богородицы" были взяты назадъ и замѣнены новыми.

Царевна Софія хотѣла уничтожить всѣ слѣды своего злого дѣла, которое осталось только въ народной памяти.

Приписывая всѣ бунты преимущественно злоумышленіямъ князя Хованскаго и раскольника Алексѣя Юдина, она запретила называть стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками.

Чрезъ четыре дня дворъ воротился въ Москву, окруженный многочисленнымъ дворянствомъ, которое заняло всѣ караулы вмѣсто стрѣльцовъ.

Стрѣлецкій приказъ порученъ былъ окольничему Змѣеву, а чрезъ мѣсяцъ думному дьяку Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому, который, воспользовавшись вскорѣ однимъ частнымъ возмущеніемъ въ полку, подалъ совѣтъ перебрать всѣ полки и неблагонадежныхъ людей перевести въ Украинскіе города, на что послѣдовало разрѣшеніе, и такимъ образомъ возстановлено спокойствіе въ городѣ.

Царевна Софія приняла окончательно бразды правленія въ окровавленныя руки.

VII. Царевна Софья.

(Изъ сочиненія Щебальскаго: «Царевна Софья»).

Стрѣлецкіе мятежи и правленіе Софьи суть вступительныя главы въ исторіи Петра. Ознакомимся съ этимъ новымъ и главнѣйшимъ лицомъ вновь завязывавшейся драмы.

Въ высшей степени было бы любопытно прослѣдить психологически развитіе этого сильнаго и необыкновенно самобытнаго характера. Въ настоящеее время женщинамъ открыты многія поприща: художество, литература, наука, даже политика; цѣлый вѣкъ могущества женщинъ во Франціи, и нѣсколько разъ возобновлявшіяся женскія царствованія, громкія и славныя, пріучили насъ видѣть женщинъ въ высокихъ политическихъ роляхъ, а какъ скоро извѣстность и слава стали доступны имъ, честолюбіе сдѣлалось въ нихъ довольно естественнымъ чувствомъ. Но въ XVII вѣкѣ русскимъ женщинамъ едва ли было возможно мечтать о власти даже въ домашнемъ, хозяйственномъ быту; дочерямъ же и супругамъ царей еще, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ частной сферѣ. Сочетаться бракомъ съ иностранными принцами не позволяли нашимъ ца-

ревнамъ господствовавшія понятія и нравы; выходить же замужъ за простыхъ гражданъ считалось ниже ихъ достоинства. Поэтому онѣ обрекались безрадостному и безполезному одиночеству; жизнь ихъ должна была протекать въ тихомъ уединеніи; однообразною нитью проходили ихъ грустные дни, посвященные вышиванію шелкомъ и золотомъ, или ничтожнымъ сплетнямъ съ боярынями и сѣнными дѣвушками. Онѣ рождались, жили и умирали, не вѣдая ничего, что вокругъ нихъ совершалось, и сами никому неизвѣстныя. Даже въ церковь ходили онѣ,—говоритъ современный иностранецъ Мейербергъ, — по особой галлереѣ; прогуливаться ѣздили въ плотно-закрытыхъ экипажахъ, окруженныя всегда штатомъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, недоступныя даже взору мужчины, такъ что,—прибавляетъ тотъ же путешественникъ,—изъ множества придворныхъ сановниковъ, безпрестанно наполнявшихъ дворецъ, весьма немногимъ случалось во всю свою жизнь мелькомъ увидѣть дочь или супругу царя. Стольники, состоявшіе при нихъ, были отчисляемы въ другую службу съ наступленіемъ извѣстнаго возраста. Самъ царь, вслѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось. Какимъ же образомъ, при такомъ строгомъ отчужденіи отъ всякаго внѣшняго вліянія, могла царевна Софья войти въ сношенія съ политическою партіею? Какъ вообще могли въ душѣ ея родиться властолюбивые помыслы? Откуда могла взяться въ ней жажда дѣятельности? Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало данныхъ для разрѣшенія этого любопытнаго вопроса и принуждены здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ограничиться соображеніями и догадками. При царѣ Алексѣѣ было нѣсколько людей въ Москвѣ, которые начинали чувствовать какую-то смутную потребность развитія нѣсколько болѣе широкаго, чѣмъ-старинно-русское, — которые инстинктивно скорѣе, чѣмъ по сознанію, сочувствовали глухо достигавшимъ до нихъ отраженіямъ западныхъ идей. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Матвѣевъ, поставленный своимъ положеніемъ, какъ начальникъ Посольскаго приказа, въ довольно частыя сношенія съ иностранцами.

Въ то же время былъ другой человѣкъ, едва ли не болѣе еще Матвѣева содѣйствовавшій успѣхамъ начинавшагося движенія при московскомъ дворѣ. Это былъ извѣстный Семеонъ Полоцкій. Уроженецъ нынѣшнихъ западныхъ губерній нашихъ, онъ получилъ воспитаніе нѣсколько отличное отъ того, которое обыкновенно получали русскіе духовные; его обвиняли въ привязанности къ латинской церкви; но каковы бы ни были его религіозныя убѣжденія, онъ принесъ съ собою ко двору московскому любовь къ литературѣ и ученію. Астрологъ, духовный писатель, поэтъ и ораторъ, Полоцкій есть весьма замѣчательное лицо при дворѣ Алексѣя Михайловича. Царь любилъ его, поддерживалъ противъ непріязни къ нему другихъ духовныхъ; онъ приблизилъ его къ своей особѣ и допустилъ до короткости, какою не пользовались весьма многіе, несравненно высшіе его именемъ и званіемъ. Будучи, такъ сказать, домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ имѣлъ случай видѣть и короче ознакомиться съ царевной Софьей.

Пылкій духъ и своеобразный умъ этой царевны должны были съ трудомъ умѣщаться въ предѣлахъ тѣсной теремной жизни. Симеонъ Полоцкій могъ открыть и, дѣйствительно, открылъ передъ нею обширный міръ мысли, и царевна съ жаромъ, свойственнымъ пылкой ея природѣ, предалась чтенію, ученію, поэзіи. Ея наставникъ читалъ ей свои произве-

денія и даже ставилъ нѣкоторыя изъ нихъ на сцену въ собственныхъ ея комнатахъ. Онъ представилъ ей нѣкоторыхъ другихъ людей, занимавшихся тогда въ Москвѣ ученіемъ и литературою, каковъ былъ, напримѣръ, Медвѣдевъ, оставившій намъ любопытныя записки о первыхъ мѣсяцахъ послѣ кончины Ѳеодора! Полагаютъ, что царевна и сама сочиняла стихи: достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что первые шаги ея внѣ стези обыкновенныхъ женщинъ того времени имѣли литературное направленіе; казалось, она должна была стать Меценатомъ рождавшагося въ Россіи просвѣщенія... Между тѣмъ, и образъ жизни царевны естественно долженъ былъ измѣниться съ измѣненіемъ ея привычекъ и занятій. Она позволила себѣ во многомъ преступать строгость теремныхъ законовъ и принимала въ своихъ покояхъ мужчинъ, которыхъ общество ей было пріятно. Милославскій, родной ея дядя, безъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ людей, имѣвшихъ къ ней доступъ. Вслѣдъ за нимъ и, вѣроятно, нѣкоторыми другими, былъ ею принимаемъ и князь В. Голицынъ въ минуты, которыя дѣятельная его служба на украинской границѣ позволяла ему проводить въ Москвѣ. Рѣчи этихъ людей, посвятившихъ всю свою жизнь политической дѣятельности, должны были произвести большое впечатлѣніе на умъ царевны, по природѣ своей болѣе практическій и положительный, чѣмъ созерцательный. Чисто кабинетнымъ занятіямъ притомъ не благопріятствовалъ духъ времени и общества, отнюдь не направленный къ умственнымъ интересамъ; въ дѣятельности же политической, въ управленіи массами, въ идеѣ власти есть какая-то неотразимая прелесть, столь осязательная, если можно такъ выразиться, что ни въ какую эпоху человѣкъ не оставался ей чуждымъ. Царевна отдалась обаятельной прелести честолюбія. Эта новая, или доселѣ таившаяся безвѣстно въ глубинѣ ея души страсть вспыхнула, — и среди жгучихъ ощущеній надежды, страха, заботъ, среди сильнѣе и сильнѣе запутывавшихся отношеній забыты, навсегда забыты были мирныя наслажденія, открытыя ей Полоцкимъ!..

VIII. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

(Изъ «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго).

Младшимъ изъ предшественниковъ Петра былъ кн. В. В. Голицынъ, и онъ уходилъ отъ дѣйствительности гораздо дальше старшихъ. Еще молодой человѣкъ, онъ былъ уже виднымъ лицомъ въ правительственномъ кругу при царѣ Ѳедорѣ и сталъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей при царевнѣ Софьѣ, когда она по смерти старшаго брата сдѣлалась правительницей государства. Властолюбивая и образованная царевна не могла не замѣтить умнаго и образованнаго боярина, и кн. Голицынъ личной дружбой связалъ свою политическую карьеру съ этой царевной. Голицынъ былъ горячій поклонникъ Запада, для котораго онъ отрѣшился отъ многихъ завѣтныхъ преданій русской старины. Подобно Нащокину онъ бѣгло говорилъ по-латыни и по-польски. Въ его обширномъ московскомъ домѣ, который иноземцы считали однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, все было устроено на европейскій ладъ: въ большихъ залахъ простѣнки между окнами были заставлены большими зеркалами, по стѣнамъ висѣли картины, портреты русскихъ и иноземныхъ государей и нѣмецкія геогра-

фическія карты въ золоченыхъ рамахъ; на потолкахъ нарисована была планетная система; множество часовъ и термометръ художественной работы довершали убранство комнатъ. У Голицына была значительная и разнообразная библіотека изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: здѣсь между грамматиками польскаго и латинскаго языка стояли кіевскій лѣтописецъ, нѣмецкая геометрія, Алкоранъ въ переводѣ съ польскаго, четыре рукописи о строеніи комедій, рукопись Юрія сербенина (Крижанича). Домъ Голицына былъ мѣстомъ встрѣчи для образованныхъ иностранцевъ, попадавшихъ въ Москву, и въ гостепріимствѣ къ нимъ хозяинъ шелъ дальше другихъ московскихъ любителей иноземнаго, принималъ даже іезуитовъ, съ которыми тѣ не могли мириться. Разумѣется, такой человѣкъ могъ стоять только на сторонѣ преобразовательнаго движенія и именно въ латинскомъ, западно-европейскомъ, не лихудовскомъ направленіи. Одинъ изъ преемниковъ Ордина-Нащокина по управленію Посольскимъ приказомъ, кн. Голицынъ развивалъ идеи своего предшественника. При его содѣйствіи состоялся въ 1686 г. Московскій договоръ о вѣчномъ мирѣ съ Польшей, по которому Московское государство приняло участіе въ коалиціонной борьбѣ съ Турціей въ союзѣ съ Польшей, Германской имперіей и Венеціей и этимъ формально вступило въ концертъ европейскихъ державъ, за что Польша навсегда утверждала за Москвой Кіевъ и другія московскія пріобрѣтенія, временно уступленныя по Андрусовскому перемирію. И въ вопросахъ внутренней политики кн. Голицынъ шелъ впереди прежнихъ дѣльцовъ преобразовательнаго направленія. Еще при царѣ Ѳедорѣ онъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, которой поручено было составить планъ преобразованія московскаго военнаго строя. Эта коммиссія предложила ввести нѣмецкій строй въ русское войско и отмѣнить мѣстничество (законъ 12 января 1682 г.). Голицынъ безъ умолку твердилъ боярамъ о необходимости учить своихъ дѣтей, выхлопоталъ разрѣшеніе посылать ихъ въ польскія школы, совѣтовалъ приглашать польскихъ гувернеровъ для ихъ образованія. Несомнѣнно, широкіе преобразовательные планы роились въ его головѣ. Жаль, что мы знаемъ только ихъ обрывки или неясные очерки, записанные иностранцемъ Невиллемъ, польскимъ посланцомъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ 1689 г. незадолго до паденія Софьи и Голицына. Невилль видался съ княземъ, говорилъ съ нимъ по-латыни о современныхъ политическихъ событіяхъ, особенно объ англійской революціи, могъ отъ него кое-что слышать о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и тщательно собиралъ о немъ московскіе слухи и свѣдѣнія. Голицына сильно занималъ вопросъ о московскомъ войскѣ, недостатки котораго онъ хорошо извѣдалъ, не разъ командуя полками. Онъ, по словамъ Невилля, хотѣлъ, чтобы дворянство ѣздило за границу и обучалось тамъ военному искусству, ибо онъ думалъ замѣнить хорошими солдатами взятыхъ въ даточные и непригодныхъ къ дѣлу крестьянъ, земли которыхъ оставались безъ обработки на время войны, а взамѣнъ ихъ безполезной службы обложить крестьянство умѣренной поголовной податью. Значитъ, даточные рекруты изъ холоповъ и тяглыхъ людей, которыми пополняли дворянскіе полки, устранялись и армія, вопреки мысли Ордина-Нащокина, сохраняла строго-сословный дворянскій составъ съ регулярнымъ строемъ подъ командой обученныхъ военному дѣлу офицеровъ изъ дворянъ же.

Военно-техническая реформа въ мысляхъ Голицына соединялась съ переворотомъ соціально-экономическимъ. Преобразованіе государства Голицынъ думалъ начать освобожденіемъ крестьянъ, предоставивъ имъ обра-

батываемыя ими земли съ выгодой для царя, т.-е. казны, посредствомъ ежегодной подати, что по его разсчету увеличивало доходъ казны болѣе чѣмъ на половину. Иноземецъ кое-чего не дослышалъ и не объяснилъ условій этой поземельной операціи. Такъ какъ на дворянахъ оставалась обязательная и наслѣдственная военная служба, то по всей вѣроятности насчетъ поземельнаго государственнаго оброка съ крестьянъ предполагалось увеличить дворянскіе оклады денежнаго жалованья, которые должны были служить вознагражденіемъ за потерянные помѣщиками доходы съ крестьянъ и за отошедшія къ нимъ земли. Такимъ образомъ по плану Голицына операція выкупа крѣпостного труда и надѣльной земли крестьянъ совершалась посредствомъ замѣны капитальной выкупной суммы непрерывнымъ доходомъ служилыхъ землевладѣльцевъ, получаемымъ отъ казны въ видѣ возвышеннаго жалованья за службу. При этомъ не стѣсненный закономъ помѣщичій произволъ въ эксплуатаціи крѣпостного труда замѣнялся опредѣленнымъ поземельнымъ казеннымъ налогомъ. Подобныя мысли о разрѣшеніи крѣпостного вопроса стали возвращаться въ русскіе государственные умы не раньше, какъ полтора вѣка спустя послѣ Голицына. Много другого слышалъ Невилль о планахъ этого вельможи, но не передавая всего слышаннаго, иноземецъ ограничивается общимъ нѣсколько идилличнымъ отзывомъ. „Если бы я захотѣлъ написать все, что узналъ объ этомъ князѣ, я никогда бы не кончилъ; достаточно сказать, что онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей превратить въ людей, трусовъ въ храбрецовъ, пастушечьи шалаши въ каменныя палаты". Читая разсказы Невилля въ его донесеніи о Московіи, можно подивиться смѣлости преобразовательныхъ замысловъ „великаго Голицына", какъ величаетъ его авторъ. Эти замыслы, переданные иностранцемъ отрывочно, безъ внутренней связи, показываютъ однако, что въ основаніи ихъ лежалъ широкій и повидимому довольно обдуманный планъ реформъ, касавшійся не только административнаго и экономическаго порядка, но и сословнаго устройства государства и даже народнаго просвѣщенія. Конечно, это были мечты, домашніе разговоры съ близкими людьми, а не законодательные проекты. Личныя отношенія кн. Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своихъ преобразовательныхъ замысловъ: связавъ свою судьбу съ царевной Софьей, онъ палъ вмѣстѣ съ нею и не принималъ участія въ преобразовательной дѣятельности Петра, хотя былъ ближайшимъ его предшественникомъ и могъ бы быть хорошимъ его сотрудникомъ, если не лучшимъ. Въ законодательствѣ слабо отразился духъ его плановъ: смягчены условія холопства за долги, отмѣнены закапываніе мужеубійцъ и смертная казнь за возмутительныя слова. Усиленіе карательныхъ мѣръ противъ старообрядцевъ нельзя ставить цѣликомъ насчетъ правительства царевны Софьи: то было профессіональное занятіе церковныхъ властей, въ которомъ государственному управленію приходилось обыкновенно служить лишь карательнымъ орудіемъ. Къ тому времени церковныя гоненія выростили въ старообрядческой средѣ изувѣровъ, по слову которыхъ тысячи совращенныхъ жгли себя ради спасенія своихъ душъ, а церковные пастыри ради того же жгли проповѣдниковъ самосожженія. Ничего не могло сдѣлать и для крѣпостныхъ крестьянъ правительство царевны, пристращавшей буйныхъ стрѣльцовъ дворянами, пока не явилась возможность припугнуть дворянъ стрѣльцами и козаками. Однако несправедливо было бы отрицать участіе идей Голицына въ государственной жизни; только его надо искать не въ новыхъ законахъ, а въ общемъ характерѣ 7-лѣтняго правленія царевны.

Своякъ и шуринъ царя Петра, слѣдовательно противникъ Софьи, кн. Б. И. Куракинъ оставилъ въ своихъ запискахъ замѣчательный отзывъ объ этомъ правленіи. „Правленіе царевны Софіи Алексѣевны началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было; и все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства, также умножилась коммерція и всякія ремесла, и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку..... и торжествовала тогда довольность народная“. Свидѣтельство Куракина о цвѣтѣ великаго богатства повидимому подтверждается и извѣстіемъ Невилля, что въ деревянной Москвѣ, считавшей тогда въ себѣ до полумилліона жителей, въ министерство Голицына построено было болѣе трехъ тысячъ каменныхъ домовъ. Неосторожно было бы подумать, что сама Софья своимъ образомъ дѣйствій вынудила у противника такой хвалебный отзывъ о своемъ правленіи. Эта тучная и некрасивая полудѣвица съ большой неуклюжей головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ; но достигнувъ власти путемъ постыдныхъ интригъ и кровавыхъ преступленій, она, какъ принцесса „великаго ума и великій политикъ“, по словамъ того же Куракина, нуждаясь въ оправданіи своего захвата, способна была внимать совѣтамъ своего перваго министра и „голанта“, тоже человѣка „ума великаго и любимаго отъ всѣхъ“. Онъ окружилъ себя сотрудниками, вполнѣ ему преданными, все незнатными, но дѣльными людьми вродѣ Неплюева, Касогова, Змѣева, Украинцева, съ которыми и достигъ отмѣченныхъ Куракинымъ правительственныхъ успѣховъ.

Кн. Голицынъ былъ прямымъ продолжателемъ Ордина-Нащокина. Какъ человѣкъ другого поколѣнія и воспитанія, онъ шелъ дальше послѣдняго въ своихъ преобразовательныхъ планахъ. Онъ не обладалъ ни умомъ Нащокина, ни его правительственными талантами и дѣловымъ навыкомъ, но былъ книжно образованнѣе его, меньше его работалъ, но больше размышлялъ. Мысль Голицына, менѣе сдерживаемая опытомъ, была смѣлѣе, глубже проникала въ существующій порядокъ, касаясь самыхъ его основаній. Его мышленіе было освоено съ общими вопросами о государствѣ, объ его задачахъ, о строеніи и складѣ общества: не даромъ въ его библіотекѣ находилась какая-то рукопись „о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обще народу“. Онъ не довольствовался подобно Нащокину административными и экономическими реформами, а думалъ о распространеніи просвѣщенія и вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти, о свободномъ въѣздѣ иноземцевъ въ Россію, объ улучшеніи соціальнаго строя и нравственнаго быта. Его планы шире, отважнѣе проектовъ Нащокина, но зато идилличнѣе ихъ. Представители двухъ смежныхъ поколѣній, оба они были родоначальниками двухъ типовъ государственныхъ людей, выступающихъ у насъ въ XVIII в. Всѣ эти люди были либо нащокинскаго, либо голицынскаго пошиба: Нащокинъ—родоначальникъ практическихъ дѣльцовъ петрова времени; въ Голицынѣ замѣтны черты либеральнаго и нѣсколько мечтательнаго екатерининскаго вельможи.

IX. Внѣшняя политика правительства царевны Софьи.

(Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Выпускъ V).

Изъ внѣшнихъ дѣлъ правленія Софьи самымъ важнымъ событіемъ было заключеніе съ Польшею мира, прекратившаго долговременную тяжелую распрю за Малороссію. Воюя долго съ турками, поляки сильно добивались втянуть въ эту войну Россію, но Россія долго не поддавалась ихъ совѣтамъ, благодаря настойчивости малороссійскаго гетмана Самойловича, который неустанно представлялъ, что полякамъ ни въ чемъ нельзя вѣрить, что они искони вѣроломные враги русскаго народа, что гораздо полезнѣе быть въ дружбѣ съ турками. Несмотря, однако, на всѣ старанія Самойловича, могучій въ то время бояринъ, другъ Софьи, Василій Васильевичъ Голицынъ, поддался убѣжденіямъ польскихъ пословъ, ходатайству папы и Австріи, и 21 апрѣля 1686 года былъ заключенъ въ Москвѣ польскими послами „вѣчный миръ" между Россіею и Польшею. Кіевъ съ Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками, былъ уступленъ Россіи навѣки, а Россія обязалась уплатить за это 146,000 рублей. Обѣ державы обязались вмѣстѣ воевать противъ турокъ и татаръ. Важнымъ для будущихъ временъ условіемъ этого мира было то, что Польша обязалась предоставить полную свободу совѣсти православнымъ.

Правительство московское затѣвало большое дѣло. Мысль покорить Крымъ блеснула-было при Грозномъ—и окончилась маловажными походами, блеснула при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—и была оставлена по бѣдности средствъ. Теперь предприняли идти съ большимъ войскомъ, великорусскимъ и малорусскимъ, черезъ степь и уничтожить крымское царство. Осенью 1686 года изданъ былъ къ служилымъ людямъ царскій указъ, призывающій ихъ къ важному начинанію. „Злочестивые, богоненавистные басурманы, — было сказано въ указѣ, — ни изъ какой другой вѣры не брали столько невольниковъ, какъ изъ украинныхъ городовъ нашего царствія и изъ Малороссіи, распродавая ихъ изъ Крыма, словно скотъ, повсюду въ вѣчную басурманскую неволю. Наше государство донынѣ терпитъ отъ всѣхъ иныхъ странъ посмѣяніе и укореніе за то, что мы каждый годъ давали басурманамъ казну, чего никакое государство не творитъ, а они, басурманы, надъ нашими посланниками, которые возили имъ деньги, соболей и мягкую рухлядь, творили насиліе; иные наши посланники и гонцы отъ многаго задержанія и мученія въ Крыму и помирали". Все это—была всѣмъ тогда извѣстная правда. Ближайшею причиною разрыва договора, постановленнаго съ Крымомъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, приводили то обстоятельство, что послѣ этого договора татары дѣлали набѣги на русскія области, а въ Крыму задержали и оскорбляли отправленнаго туда посланника, Тараканова.

Весною 1687 года 100,000 великорусскаго войска двинулось въ южныя степи; предводительствовалъ имъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, другъ царевны Софьи, носившій чинъ двороваго воеводы большого полка и большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ посольскихъ оберегателя; къ нему присоединился на Самарѣ гетманъ

Самойловичъ со всѣми своими полками; казаковъ было до 50,000 чел. Но, дойдя до рѣчки Карачарана, войско встрѣтилось съ неожиданнымъ препятствіемъ: вся степь была выжжена; травы не было; продовольствія для лошадей не везли съ собою; не было дровъ; русскія лошади стали падать; люди страдали отъ недостатка пищи и безводья; слышно было, что впереди до самаго полуострова все такимъ же образомъ выжжено. Идти далѣе оказалось невозможнымъ. Войско двинулось назадъ.

Тогда сильное подозрѣніе у великороссіянъ пало на гетмана и вообще на казаковъ: не по ихъ ли предостереженію и наущенію татары сожгли степь, чтобы помѣшать успѣхамъ русскаго войска? Одинъ изъ служившихъ въ московскихъ войскахъ иноземцевъ (Гордонъ) увѣряетъ, что подозрѣніе имѣло на своей сторонѣ вѣроятность. Казаки,—говоритъ онъ,—сами вооруженною рукою освободились отъ польскаго ига и просили у москвитянъ только помощи: они называли себя подданными, а не холопами царскими. Миръ съ поляками, уступившими Москвѣ свои права надъ казаками, страшилъ ихъ; они опасались, чтобы Москва не стала обращаться съ ними, какъ съ природными подданными, и не ограничила бы ихъ привиллегій и вольности. Гетманъ и другіе благоразумные люди предвидѣли, что выйдетъ для нихъ изъ того, если Москвѣ удастся покорить Крымъ. Татары считали себя также вольнымъ народомъ: падишахъ имѣлъ надъ ихъ ханомъ слабую власть и относился къ нему болѣе съ просьбою, чѣмъ съ повелѣніями. Естественный инстинктъ сближалъ казаковъ съ татарами, и благоразуміе побуждало тѣхъ и другихъ понимать, что порабощеніе одного изъ двухъ народовъ будетъ пагубно для другого.

Какъ бы то ни было, только враги Самойловича воспользовались неудачею похода; они поняли, что Голицыну будетъ пріятно свернуть на гетмана стыдъ неудавшагося предпріятія. Возвращаясь назадъ, Самойловичъ, какъ видно, не сдерживалъ своего языка и отпускалъ ѣдкія замѣчанія насчетъ тогдашнихъ дѣлъ. „Не сказывалъ-ли я,—говорилъ онъ,—что Москва ничего Крыму не сдѣлаетъ? Се нынѣ такъ и есть, и надобно будетъ впередъ гораздо имъ отъ крымцевъ отдыматись“.

Войско, возвратившись изъ похода, стало станомъ надъ рѣкою Коломакомъ. Здѣсь старшина, составивши заговоръ, написала доносъ на своего гетмана. Въ этомъ доносѣ просили отъ имени всего войска запорожскаго смѣнить Самойловича съ гетманства. Этотъ доносъ былъ поданъ Голицыну. Могучій бояринъ не любилъ и прежде Самойловича: Голицынъ былъ въ ссорѣ съ Ромодановскимъ, а Самойловичъ находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ послѣднимъ. Доносъ былъ отправленъ въ Москву, а въ Москвѣ поступили по немъ такъ, какъ хотѣлъ Голицынъ.

22-го іюля гонецъ изъ Москвы привезъ царскую грамоту. Голицыну поручалось объявить старшинѣ, что если Самойловичъ не угоденъ казакамъ, то они могутъ избрать себѣ другого, а отъ Самойловича велѣно отобрать знаки гетманскаго достоинства и самого препроводить въ Великороссію, поступая такъ, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ боярина. Самойловичъ былъ низложенъ.

На другой же день послѣ его низложенія Голицыну подали статьи, по которымъ долженъ быть избранъ новый гетманъ. Казаки, по смыслу этихъ статей, пытались расширить права отдѣльнаго самоуправленія Малороссіи и просили, чтобы гетману было дозволено сноситься съ иноземными державами; это не было принято. Владѣльцы маетностей выговорили себѣ право судить подданныхъ и заставлять ихъ давать себѣ

положенные приносы. Маетности генеральной старшины, заслуженныхъ знатныхъ особъ, а также имѣнія архіепископскія, митрополичьи и монастырскія, освобождались отъ всякихъ войсковыхъ поборовъ. Такимъ образомъ, утверждалось господство новаго панства, грозившее устроить порабощеніе народа. Съ московской стороны включена статья, показывающая стремленіе къ сближенію двухъ народовъ: гетману и старшинѣ вмѣнялось въ обязанность соединять малороссійскій народъ съ великороссійскимъ, какъ посредствомъ супружествъ, такъ и другими путями, чтобы никто не говорилъ, что малороссійскій народъ гетманскаго регименту (правленія), и чтобы единогласно всѣ считали малороссіянъ съ великороссіянами за единый народъ.

Старшины, постановляя статьи, дали понять Голицыну, что оии выберутъ въ гетманы изъ своей среды того, на кого онъ укажетъ. Бояринъ назвалъ Мазепу, который умѣлъ ему понравиться. Мазепа былъ избранъ и утвержденъ, а Голицынъ получилъ отъ него 10,000 рублей „въ поминокъ". Бывшій гетманъ съ однимъ изъ своихъ сыновей отправленъ въ Сибирь; другой сынъ казненъ. Имущество Самойловича описано, половина взята на государя, половина отдана въ войсковую казну.

Черезъ два года послѣ перваго похода на Крымъ, былъ предпринятъ другой походъ, къ которому такъ же, какъ и къ первому, склонили Россію Австрія и Польша. Кромѣ того, бывшій Константинопольскій патріархъ Діонисій, низложенный турецкимъ правительствомъ за расположеніе къ Россіи, убѣждалъ русскихъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, потому что между самими турками происходили тогда междоусобія (султанъ Магометъ IV былъ низверженъ войскомъ и на его мѣсто посаженъ братъ его, Сулиманъ II), а австрійцы и венеціанцы одерживали верхъ надъ турками. Молдавскій господарь Щербакъ, съ своей стороны, убѣждалъ московское правительство послать войско на турокъ и увѣрялъ, что всѣ христіане, находящіеся подъ турецкою властью, возстанутъ при появленіи русскаго войска. При такихъ блестящихъ надеждахъ московское правительство двинуло на Крымъ весною 1689 года 112,000 войска, съ которымъ было до 350 пушекъ. Начальство взялъ на себя Голицынъ. Къ нему примкнулъ малороссійскій гетманъ Мазепа со своими казаками. Русское войско прошло черезъ степь, одержало верхъ въ битвѣ съ ханомъ и дошло до Перекопа. Но Голицынъ не рѣшился перейти на полуостровъ. Его напугалъ недостатокъ воды, особенно чувствительный при сильномъ майскомъ знобѣ. Остановившись подъ Перекопомъ, Голицынъ завелъ переговоры съ ханомъ и, не дождавшись ихъ окончанія, поспѣшно отступилъ, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ его татаръ.

Этотъ неудачный походъ совершенно уронилъ Голицына. На него стали смотрѣть, какъ на неспособнаго труса, но Софья силилась представить и этотъ походъ геройскимъ дѣломъ. Не только самъ Голицынъ получилъ въ награду вотчину, 300 рублей денежной прибавки къ жалованью и разные подарки, но и всѣ участники похода были щедро награждены. Софья до слѣпой страсти была предана этому человѣку; въ письмахъ своихъ она называла его: „свѣтомъ-батюшкою, душою своею, сердцемъ своимъ" и т. п. Любовь Софьи не спасла Голицына, а его неудачный походъ въ Крымъ сдѣлался ближайшимъ поводомъ къ паденію самой царевны. Давняя вражда Софьи съ царицей Наталіей и Нарышкиными, ея нелюбовь къ Петру не прекращались съ лѣтами. Софья была правительницею государства только при малолѣтствѣ царей.

Оба царя пришли въ совершенный возрастъ. Иванъ Алексѣевичъ еще въ 1684 г. сочетался бракомъ съ Прасковіей, дочерью боярина Салтыкова. По своему малоумію, Иванъ не угрожалъ Софьѣ потерею власти.

Но вотъ и Петръ достигъ 16-ти лѣтъ. 27 января 1689 года Петръ сочетался бракомъ съ Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной, дочерью окольничаго. Событіе было важное и даже, можно сказать, роковое для Софьи, такъ какъ, по русскимъ понятіямъ, женатый человѣкъ считался совершеннолѣтнимъ, и Петръ, въ глазахъ своего народа, получилъ полное нравственное право избавить себя отъ опеки сестры.

X. Потѣхи Петра до 1683 года.

(*Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова, т. II*).

Отъ молодыхъ ногтей, по словамъ современника, страстно любя ратное дѣло, Петръ уже въ отроческіе годы, съ своими сверстниками, съ товарищами дѣтскихъ игръ, въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, проводилъ цѣлые дни въ воинскихъ забавахъ, учился съ ними солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпостцы и бралъ ихъ штурмомъ. Юные сподвижники его получили названіе „потѣшныхъ“. Кто руководилъ его первыми потѣхами, мы не знаемъ; да едва ли и былъ кто, потому что онѣ служили ему только забавою: достаточно было одного надзора дядекъ. Неизвѣстны также и первые товарищи его дѣтскихъ игръ, за исключеніемъ двухъ, Екима Воронина и Григорія Лукина: оба они, по достовѣрному свидѣтельству, воспитывались вмѣстѣ съ государемъ и впослѣдствіи положили свои головы подъ стѣнами Азова. Впрочемъ, по всей вѣроятности, первоначальное число „потѣшныхъ“ было незначительно, ограничиваясь одними сверстниками государя, до 1682 года или до 1683, когда вызвались поступать въ составъ ихъ охотники разнаго званія, едва ли не по тайному приглашенію самого царя.

Прежде всего явился къ нему двадцатипятилѣтній, здоровый и плечистый придворный конюхъ, Сергѣй Бухвостовъ, съ просьбою записать его въ „потѣшные“. Государь съ радостью принялъ его, и съ тѣхъ поръ онъ числился первымъ русскимъ солдатомъ въ спискахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Около того же времени записаны въ „потѣшные“: солдаты Леонтій Новицкій и Лука Хабаровъ; были, вѣроятно, и другіе охотники, кромѣ Бухвостова; именъ ихъ однакожъ мы не знаемъ, но рѣшительное начало сформированія „потѣшнаго“ войска, подъ именемъ двухъ солдатскихъ полковъ—Преображенскаго и Семеновскаго, названныхъ такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ, относится къ пятнадцатилѣтнему возрасту Петра, къ 1687 году, когда великимъ постомъ, въ селѣ Преображенскомъ явно кликнули кличъ къ охочимъ людямъ, и явилось много желающихъ, преимущественно изъ конюшеннаго вѣдомства, также изъ знатныхъ фамилій: въ числѣ послѣднихъ достовѣрно извѣстны Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, за малолѣтствомъ поступившій „въ барабанную науку“. Вотъ время дѣйствительнаго начала обоихъ полковъ: еще не имѣли они славнаго названія царской гвардіи, но уже существовали на дѣлѣ, и село Преображенское приняло видъ воинскаго стана.

На берегу Яузы сооружена умомъ и трудами самого царя, при со-

дѣйствіи его товарищей, земляная крѣпость Пресбургъ: съ раскатовъ ея грянулъ громъ орудій; Петръ взялъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ Бутырскаго полка, къ великому неудовольствію князя В. В. Голицына, перевелъ въ Преображенское большую часть стрѣльцовъ Сухарева полка, забралъ изъ Конюшеннаго приказа упряжь подъ свою артиллерію, и потѣхи его приняли такой видъ, что Софья затрепетала: съ досадою смотрѣла она на доблестныхъ товарищей брата и не иначе называла ихъ, какъ „озорниками и конюхами".

Къ величайшему сожалѣнію, современники вовсе не оставили никакихъ замѣтокъ о первоначальномъ устройствѣ „потѣшнаго" войска: какъ раздѣлялось оно на роты, какіе были начальные люди, откуда бралъ Петръ пушки и порохъ? Достовѣрно только то, что, вопреки общему мнѣнію, Лефортъ не былъ ни капитаномъ, ни полковникомъ „потѣшнаго" войска; даже не числился ни въ первоначальномъ составѣ его, ни впослѣдствіи въ Преображенскомъ полку. Первымъ полковникомъ его былъ Юрій фонъ-Менгденъ, а маіоромъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. Между тѣмъ случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ охоту къ забавамъ иного рода: эта вторая потѣха была началомъ русскаго флота. Къ счастію, сохранился для потомства разсказъ самого царя, какимъ образомъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, родилась въ душѣ его страсть къ кораблестроенію и мореплаванію.

Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его генія; но та минута, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ въ полусгнившій ботъ, около полвѣка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мелькнула, какъ молнія, мысль о русскомъ флотѣ, — принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ. Понятно влеченіе къ морю въ тѣхъ людяхъ, которые измлада свыклись съ бурною стихіею, по крайней мѣрѣ, хоть разъ испытали наслажденіе морского путешествія, или даже съ берега видали суда, смѣло и гордо бѣгущія по волнамъ, разсѣкая ихъ величавою грудью. Но только онъ, царь истинно-великій, по однимъ смутнымъ разсказамъ знакомый съ синимъ моремъ-океаномъ, съ роду ничего не видавшій обширнѣе какого-нибудь Просяного пруда, могъ воспламениться страстью къ сооруженію кораблей, къ плаванію по морямъ, при видѣ ветхаго четырехвесельнаго бота! Не отличнымъ искусствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, обладалъ и первый наставникъ его въ кораблестроеніи: то былъ простой матросъ, лѣтъ за 20 передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Россію изъ Голландіи съ скромнымъ званіемъ товарища корабельнаго пушкаря, и на старости добывавшій въ Москвѣ насущный хлѣбъ столярною работой.

И быстро, какъ огненный недугъ, развилась въ Петрѣ страсть къ мореплаванію: недолго, не болѣе двухъ-трехъ недѣль, въ іюнѣ 1688 года, катался онъ съ старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной Яузѣ и по тинистымъ прудамъ Измайловскимъ. На другой день послѣ своего тезоименитства, онъ выпросился у царицы-матери къ Троицѣ, на праздникъ обрѣтенія мощей св. Сергія, Радонежскаго чудотворца, поклонился св. угоднику и отправился далѣе, къ Переяславлю-Залѣсскому, взглянуть на озеро, которое, какъ говорили ему, поболѣе Просяного Пруда. Дорога отъ Троицко-Сергіева монастыря къ Переяславлю, на пространствѣ 63 верстъ, пролегаетъ страною живописною, по холмамъ и долинамъ, между зеленыхъ рощей и роскошныхъ нивъ. Верстъ

за пять съ высокой горы, отъ каменнаго креста, издревле водруженнаго на верху ея, открывается Переяславль-Залѣсскій въ очаровательной панорамѣ: горизонтъ неизмѣримый; направо, при самомъ озерѣ — городъ съ древнимъ величественнымъ соборомъ Преображенскимъ; окрестъ его болѣе двадцати красивыхъ храмовъ и древнихъ монастырей, которые, сливаясь въ одну группу, даютъ ему видъ города обширнаго и многолюднаго; налѣво — Плещеево озеро, верстъ 30 въ окружности, съ утопающимъ вдали берегомъ, какъ будто безбрежное море, лазоревое, весело плещущее своими прозрачными струями, усѣянное стаями чаекъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ розовыми клювами и лапками.

Полюбовавшись озеромъ, Петръ спѣшилъ въ Москву испросить дозволеніе матери на постройку судовъ при Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Нѣжно любя сына, царица съ трепетомъ смотрѣла на его огненныя потѣхи; новая придуманная имъ забава водою приводила ее въ ужасъ. Болѣе всего она боялась частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его, и не безъ основанія: до нея доходили слухи о замыслахъ царевны Софьи, которые день ото дня становились дерзостнѣе и опаснѣе. Не могла царица отказать сыну, и Карштенъ-Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправился въ Переяславль закладывать суда; она не теряла однакожъ надежды удержать рѣзваго Петра при себѣ, и поспѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую прекрасную Евдокію Ѳедоровну Лопухину, дочь окольничаго Ѳедора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 января 1689 года отпраздновали свадьбу. Тщетная предосторожность! Едва миновалъ медовый мѣсяцъ и начали вскрываться рѣки, Петръ, оставивъ молодую жену, поскакалъ въ Переяславль. Тамъ, на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, хлопоталъ Карштенъ-Брантъ съ корабельнымъ мастеромъ Кортомъ надъ тремя судами. Два изъ нихъ были уже въ отдѣлкѣ. Въ самый день пріѣзда царя озеро вскрылось. Радостно смотрѣлъ онъ на зеркальную, необозримую поверхность его, на успѣшную постройку судовъ, и самъ принялся помогать Бранту.

Удары царскаго топора огласили окрестности Трубежа. „Матушка государыня! — писалъ державный плотникъ къ царицѣ, немедленно по пріѣздѣ, — благослови сынишку твоего Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось, всѣ суда, кромѣ большого корабля въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. Вели прислать ихъ изъ пушкарскаго приказа, по семи сотъ саженъ, не мѣшкавъ. Иначе житье мое здѣсь продолжится“.

Вмѣсто канатовъ, царица-мать прислала ему повелѣніе возвратиться скорѣе домой, тѣмъ болѣе, что наступало 27 апрѣля, когда скончался царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, и все царское семейство непремѣнно бывало въ этотъ день на панихидѣ въ Архангельскомъ соборѣ: „Дражайшая матушка! — отвѣчалъ Петръ, — недостойный сынишка твой Петрушка челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ; только, ей-ей, дѣло есть. Найпокорственнѣ предаюсь въ волю вашу“. Царица требовала настоятельно, чтобы онъ возвратился. Звала его и молодая жена: „Радость моя, царь Петръ Алексѣевичъ! — писала Евдокія, — пожалуй, государь, быть къ намъ, не замѣшкавъ“. Дѣлать было нечего: Петръ отправился въ Москву, едва поспѣлъ къ панихидѣ, и чрезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на озеро Плещеево. Тамъ уже не засталъ онъ мастера Корта, который умеръ за нѣсколько часовъ до его пріѣзда; но суда были почти готовы. „Всѣ удались зѣло хороши, — писалъ Петръ къ матери; — присылкѣ же

съ докторомъ и съ Гаврилою (Головкинымъ) я обрадовался, какъ обрадовался Ной о масличномъ сукѣ“.

Онъ не могъ налюбоваться на свои суда, спѣшилъ додѣлать ихъ, не имѣлъ почти времени увѣдомить мать о своемъ здоровьи, какъ она требовала непрестанно, писалъ къ ней наскоро, на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащею рукою, очевидно измученный дневною работою, но полный радостнаго чувства при видѣ своихъ кораблей. „Гей, — писалъ онъ торопливо къ царицѣ, — о здравіи твоемъ слышать желаю и благословенія прошу; а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ“.

Не скоро однакожъ удалось нашему Ною погулять въ сооруженномъ трудами его ковчегѣ по озеру Переяславльскому. Его съ нетерпѣніемъ ждали въ Москву на вторичную панихиду по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ память тезоименитства усопшаго государя; онъ не поспѣлъ къ 8 іюня, когда совершилась панихида, пріѣхалъ чрезъ четыре дня, исполнилъ благочестивый долгъ брата и уже не смѣлъ отлучиться изъ Преображенскаго: до него дошли зловѣщіе слухи.

Въ то самое время, когда Петръ со всѣмъ жаромъ своей души предавался наукѣ и искусству и, по собственному многозначительному выраженію его, „трудился, яко Ной“, надъ ковчегомъ возрожденія Россіи, злобная сестра, окруженная юродами, ханжами, суесвятами, крамольными стрѣльцами, дерзнула огласить его пьяницею, ни къ чему не способнымъ, и съ боговѣнчаннаго чела задумала сорвать царскую корону, чтобы украсить ею свою преступную голову.

XI. Разсказъ Петра о началѣ кораблестроенія въ Россіи.

(*Предисловіе къ «Морскому регламенту»*).

Хотя всѣмъ есть извѣстно о монархіи Россійской и ея початіи, и что далѣе дѣда князя Владиміра [1]) правдивой исторіи не имѣемъ; но оставя сіе историкамъ, возвратимся къ состоянію. Оный вышереченный Владиміръ какъ владычествовалъ и храбростію своею зѣло славенъ былъ, но паче прославился приведеніемъ своего отечества отъ тьмы идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Но основавъ оную, вмѣсто назиданія и укрѣпленія, яму къ паденію учинилъ, егда сынамъ своимъ на 12 частей сію монархію раздѣлилъ, отъ чего плодъ сего насажденнаго зла еще при животѣ своемъ видѣлъ, когда Святополкъ двухъ своихъ братьевъ, а его дѣтей, убилъ. Потомъ варвары, видя сію махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю подъ свою область привели. И ежели-бъ милосердный Господь не воздвигъ великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы въ идолатство пришли, или басурманство; который Владимірово вредное дѣло исправилъ и расточенную махину паки гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ вышереченныхъ варваровъ свободилъ, и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ, котораго сынъ короною утвердилъ и, храбро владычествовать, отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно сочинилъ. Но потомъ, когда сія линія пресѣклась злодѣйствомъ Годунова, тогда чрезъ смятеніе едва паки къ паденію не пришла, которую

[1]) Т.-е. прежде Игоря.

дѣдъ нашъ подобными первыхъ дѣлъ трудами очистилъ и успокоилъ, отмщеніе же и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (кототорое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дединовѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. Но хотя тогда и не послѣдовало, однако-жъ страннымъ образомъ отъ вышеупомянутаго начинанія, яко отъ сѣмени, нынѣшнее морское дѣло произошло такимъ образомъ: когда намѣрено дѣлать кораблеплаваніе на Каспійскомъ морѣ, тогда вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ компаніею мастеровыхъ и матросовъ, которые, сдѣлавъ корабль, именемъ Орелъ, и яхту или галіотъ, и сплыли въ Астрахань; но въ то время забунтовалъ Разинъ и, яко противникъ всякаго добра, оные разорилъ, капитана убилъ, а прочіе ушли въ Персиду, а оттоль въ Индѣйскую компанію. А двое изъ нихъ, лекарь Иванъ Тормонтъ и корабельный плотникъ, и констапель Карштенъ-Брантъ, по усмиреніи бунта возвратились къ Москвѣ, и лекарь присталъ къ доктору Симону Зомеру, а Карштенъ-Брантъ кормился столярною работою, даже до нашего времени.

Предъ посылкою князя Якова Долгорукаго во Францію, между другими разговоры, сказывалъ вышеупомянутый к. Я., что у него былъ такой инструментъ, которымъ мочно было брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло желалъ его видѣть, но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить между другими вещами и сей инструментъ, и когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреблять. (А инструменты были астролябія да кокоръ [1]), или готовальня съ циркулями и прочимъ). Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ-деръ-Гулстлу, что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оный дохторъ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я вышеписанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ ихъ, сказалъ тѣ-жъ слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо съ охотой присталъ учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестестанно и въ компаніяхъ съ нами.

И нѣсколько времени спустя, случилось намъ быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Франца, что то за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и яко бы неимовѣрно. Потомъ я его

[1]) Голландское koker—готовальня.

паки спросилъ: есть ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ показалъ? Онъ сказалъ, что есть. То я, съ великой радостью сіе услыша, велѣлъ его сыскать и вышерѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштенъ-Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей, для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море; который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ маштъ и парусы, и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу болѣе. Того для я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды, то мнѣ объявили Переяславское озеро (яко наибольшее), куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь, у матери выпросился; а потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. И тако вышерѣченный Брантъ сдѣлалъ два малые флегата и три яхты, и тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ на Кубенское озеро; но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положилъ свое намѣреніе прямо видѣть море; о чемъ сталъ просить матери своей, дабы мнѣ позволила: которая, хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ, видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и нехотя позволила. И тако былъ у Города и отъ Города ходили на море до Поноя съ Англійскими и Голландскими купеческими кораблями и однимъ Голландскимъ конвоемъ, которымъ командовалъ капитанъ Голголсенъ; а мы были на своей яхтѣ, именуемой Св. Петра [1]).

„Таковымъ довольнымъ плаваньемъ обрадованъ быхъ, да не удивленъ „Государь нашъ". *Того ради всю мысль свою уклонилъ для строенія флота, и когда за обиды Татарскія учинилась осада Азова и потомъ оный счастливо взятъ, тогда,* „по неизмѣнному своему желанію, не стерпѣлъ долго ду„мать о томъ: скоро къ дѣлу принялся. Усмотрѣно мѣсто къ корабель„ному строенію угодное на рѣкѣ Воронежѣ, подъ городомъ того же имени, „призваны изъ Англіи и Голландіи искусные мастера, и въ 1696 нача„лось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, „галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умы„слилъ искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое „число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя „государства „учиться архитектуры и управленія корабельнаго".

„И что дивнѣйше, аки бы устыдился Монархъ остаться отъ под„данныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Гол„ландію, и въ Амстердамѣ, на Остъ-Индской верфи, вдавъ себя съ про„чими волонтерами своими въ наученіе корабельной архитектуры, въ „краткое время въ ономъ совершился", *что подобало доброму плотнику знать,* „и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и „на воду спустилъ".

Потомъ [2]) просилъ той верфи баса Яна Пола, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ; но понеже

---

[1]) Слѣдующія за симъ строки, отмѣченныя кавычками, не руки Петра и сочинены, кажется, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, съ собственноручными дополненіями государя, которыя напечатаны здѣсь курсивомъ.

[2]) Вся эта статья до конца писана рукою Петра.

въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда дѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть Е. В. на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ, ради вышеписанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово Е. В. зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ чрезъ 4 мѣсяца оную науку окончалъ, и при возвращеньи своемъ вывезъ съ собою двухъ корабельныхъ мастеровъ—Яна Деня, да Осипа Ная.

XII. Паденіе Софьи.

(*Изъ «Лекцій по русской исторіи» С. Ѳ. Платонова. Спб. 1906 г.*).

Переяславскими потѣхами и женитьбой окончился періодъ отроческой жизни Петра. Теперь онъ взрослый юноша, привыкшій къ военному дѣлу, привыкающій къ кораблестроенію, самъ себя образовывающій, не богословски, какъ были образованы его отецъ и братья, а полупрактически, полутеоретически, преимущественно въ области точныхъ и прикладныхъ знаній. У него нѣтъ привычки къ этикету, есть привычка къ иноземцамъ—его учителямъ, у него демократическій кругъ товарищества. Онъ привыкъ къ занятіямъ и труду, но не доросъ еще до общественной дѣятельности, много обѣщая, какъ способная личность, онъ возбуждаетъ неудовольствіе и безпокойство близкихъ, потому что занятъ только забавами, и странными для царя забавами. Его интересы, какъ государя, берегутъ другіе, другіе выбираютъ минуту для послѣдней борьбы съ узурпаторами его власти, другіе руководятъ дѣйствіями Петра въ этой борьбѣ.

Эти другіе были: Наталья Кирилловна, ея братъ Левъ Нарышкинъ и, кажется, больше всего „дядька“ Петра, князь Б. Голицынъ. Въ 1689 г., когда Петру минуло 17 лѣтъ, онъ могъ уже, какъ взрослый, упразднить регентство Софьи. Неудача второго Крымскаго похода 1689 г., возбудила общее недовольство и дала удобный поводъ къ дѣйствіямъ противъ нея. Соображая эти обстоятельства, партія Петра приготовилась дѣйствовать; руководителемъ въ этихъ приготовленіяхъ, по довольно распространенному мнѣнію, былъ князь Б. Голицынъ.

Но прямо начать дѣло противъ Софьи не рѣшались. Въ то же время и Софья, понимая, что время близится къ развязкѣ, что слѣдуетъ отдать власть Петру, и не желая этого, не рѣшалась на какія-нибудь рѣзкія мѣры для укрѣпленія себя на престолѣ. Ей очень хотѣлось изъ правительницы стать самодержицей, иначе говоря, вѣнчаться на царство. Еще въ 1687 г. она и Шакловитый думали достигнуть этой цѣли помощью стрѣлецкаго войска. Но стрѣльцы не хотѣли поднимать новый бунтъ противъ Нарышкиныхъ и требовать незаконнаго восшествія на престолъ Софьи. Лишенная въ этомъ дѣлѣ сочувствія стрѣльцовъ, Софья отказы-

вается отъ мысли о вѣнчаніи, но рѣшается самозванно именовать себя „самодержицей“ въ офиціальныхъ актахъ. Узнавъ объ этомъ, Нарышкины громко протестуютъ; раздается ропотъ и въ народѣ противъ этого нововведенія. Чтобы удержать власть, Софьѣ остается одно: привлечь къ себѣ народную симпатію и въ то же время возбудить народъ противъ Петра и Нарышкиныхъ. Вотъ почему и Софья и ея вѣрный слуга Шакловитый клевещутъ народу на своихъ противниковъ и употребляютъ всѣ средства, чтобы поссорить съ ними народъ, особенно стрѣльцовъ. Но стрѣльцы весьма мало поддавались рѣчамъ Софьи, и это лишало ее храбрости. Со страхомъ слѣдила она за поведеніемъ Нарышкиныхъ и ждала отъ нихъ нападенія. Отношенія двухъ сторонъ съ часу на часъ обострялись.

Петръ, вызванный матерью изъ Переяславля въ Москву, лѣтомъ 1689 г., началъ показывать Софьѣ свою власть. Въ іюлѣ онъ запретилъ Софьѣ участвовать въ крестномъ ходѣ, а когда она не послушалась, самъ уѣхалъ изъ хода, устроивъ такимъ образомъ сестрѣ гласную непріятность. Въ концѣ іюля онъ едва согласился на выдачу наградъ участникамъ Крымскаго похода и не принялъ Московскихъ начальниковъ, когда они явились къ нему благодарить за награды. Когда Софья, напуганная выходками Петра, стала возбуждать стрѣльцовъ съ надеждой найти въ нихъ поддержку и защиту, Петръ не задумался арестовать на время стрѣлецкаго начальника Шакловитаго.

Петръ, или, вѣрнѣе, руководившія имъ лица, опасались стрѣлецкаго движенія въ пользу Софьи. Находясь въ Преображенскомъ, они внимательно слѣдили за положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ стрѣльцовъ въ Москвѣ чрезъ преданныхъ имъ лицъ. Въ то же время и Софья боялась дальнѣйшихъ непріятностей со стороны Петра и посылала въ Преображенское своихъ лазутчиковъ. Отношенія къ началу августа 1689 года стали до того натянуты, что всѣ ждали открытаго разрыва; но ни та, ни другая сторона не хотѣла быть начинающей, зато обѣ старательно приготовлялись къ оборонѣ.

Разрывъ произошелъ такимъ образомъ: 7 августа вечеромъ Софья собрала въ Кремлѣ значительную вооруженную силу. Говорятъ, что ее напугалъ слухъ о томъ, тто въ ночь съ 7 на 8 августа Петръ съ потѣшными явится въ Москву и лишитъ Софью власти. Стрѣльцовъ, призванныхъ въ Кремль, волновали въ пользу Софьи и противъ Петра нѣсколько преданныхъ правительницѣ лицъ. Видя военныя приготовленія въ Кремлѣ, слыша зажигательныя рѣчи противъ Петра, приверженцы царя (были въ числѣ ихъ и стрѣльцы) дали ему знать объ опасности. Но они преувеличили опасность и сообщили Петру, что на него съ матерью стрѣльцы „идутъ бунтомъ“ и замышляютъ на нихъ „смертное убійство“. Петръ прямо съ постели бросился на лошадь и съ тремя провожатыми ускакалъ изъ Преображенскаго въ Троицкую Лавру. Въ слѣдующіе дни, начиная съ 8 августа, въ Лавру съѣхались всѣ Нарышкины, всѣ бывшія на сторонѣ Петра знатныя и чиновныя лица; явилась и вооруженная сила, — потѣшные и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ. Съ отъѣздомъ Петра и его двора въ Лавру насталъ открытый разрыво.

Изъ Лавры Петръ и руководящія имъ лица потребовали отъ Софьи отчета въ вооруженіяхъ 7 августа и присылки депутацій отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Не отпустивъ стрѣльцовъ, Софья отправила къ Петру патріарха (Іоакима), какъ посредника для перемирія. Но преданный Петру патріархъ не вернулся въ Москву. Петръ вторично потребовалъ представителей отъ стрѣльцовъ и отъ тяглыхъ людей Москвы. На этотъ разъ

они явились въ Лавру наперекоръ желаніямъ Софьи. Видя, что сопротивляться Петру невозможно, что въ стрѣльцахъ нѣтъ поддержки, Софья сама ѣдетъ къ Троицѣ мириться съ Петромъ. Но ее возвращаютъ съ дороги именемъ Петра и угрозой, если она пріидетъ къ Троицѣ, обойтись съ нею „нечестно". Возвратясь въ Москву, Софья пробуетъ поднять стрѣльцовъ и народъ на Петра, но терпитъ неудачу. Стрѣльцы сами заставляютъ Софью выдать Петру Шакловитаго, котораго онъ потребовалъ. Лишается Софья и князя В. В. Голицына; послѣ выдачи Шакловитяго Голицынъ добровольно явился въ Лавру.

Ему отъ Петра была объявлена ссылка въ Каргополь (позднѣе въ Пинегу) за самоуправство въ управленіи и за нерадѣніе въ Крымскомъ походѣ. Шакловитый подвергся допросу и пыткѣ, повинился во многихъ умыслахъ противъ Петра въ пользу Софьи, выдалъ многихъ единомышленниковъ, но не признался въ умыслѣ на жизнь Петра. Съ нѣкоторыми близкими ему стрѣльцами онъ былъ казненъ (11 сентября). Не избѣгъ казни и преданный Софьѣ Сильвестръ Медвѣдевъ. Обвиненный, какъ еретикъ и государственный преступникъ, онъ сперва былъ приговоренъ къ ссылкѣ, но позднѣе (въ 1691 г.), вслѣдствіе новыхъ на него обвиненій, казненъ.

Вмѣстѣ съ участью друзей Софьи рѣшилась и ея участь. Расправляясь съ этими друзьями, Петръ писалъ своему брату Ивану письмо о своихъ намѣреніяхъ: „Теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ, Богомъ врученное намъ царство править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами, въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти це изволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ". Такъ высказывалъ Петръ свое желаніе отстранить Софью и вступить во власть; а немного позднѣе этого письма Софья получила отъ Петра прямое приказаніе—идти въ монастырь. Повинуясь необходимости, она переѣхала на житье въ Новодѣвичій монастырь (подъ Москвой), но въ монахини не постриглась.

Такъ, осенью 1689 г. кончилось правленіе Софьи. Цари стали править безъ опеки, или, точнѣе, при больномъ и слабоумномъ Иванѣ, правилъ одинъ Петръ съ своими близкими.

XIII. Нѣмецкая слобода и вліяніе ея на Петра.

(*Изъ «Исторіи Петра Великаго» Брикнера*).

Уже въ XVI вѣкѣ у самой Москвы существовала Нѣмецкая слобода; она сгорѣла во время междуцарствія въ началѣ XVII ст. Указомъ царя Алексѣя около половины XVII вѣка предмѣстье это было возобновлено. Религіозныя побужденія заставили царя выселить иностранцевъ, до того времени проживавшихъ въ самой столицѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ въ XVII вѣкѣ сосредоточивалась жизнь иностранцевъ; тутъ были воздвигнуты лютеранскія и реформатскія церкви, тутъ жили врачи и негоціанты, пасторы и офицеры, инженеры и ремесленники. Населеніе Нѣмецкой слободы состояло главнымъ образомъ изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ, нѣмцевъ и пр. Здѣсь встрѣчались нѣсколько утон-

ченные нравы, непринужденная обходительность, умственные интересы. То обстоятельство, что иностранцы жили особо, препятствовало ихъ обрусенію; они представляли собою своеобразный элементъ и служили другъ другу опорою при сохраненіи національныхъ и религіозныхъ особенностей, при удовлетвореніи нравственныхъ, научныхъ и литературныхъ потребностей.

До извѣстной степени, здѣсь существовали національныя, религіозныя и политическія партіи; но такого рода антагонизмъ былъ смягченъ космополитизмомъ, свойственнымъ вообще колоніямъ. Слобода находилась подъ вліяніемъ умственнаго развитія западной Европы. Здѣсь было много знатоковъ латинскаго языка; англійскія дамы Нѣмецкой слободы выписывали изъ своей родины романы и драмы. Жители Нѣмецкой слободы находились въ чрезвычайно оживленной перепискѣ со своими родными и знакомыми на родинѣ; весьма часто они предпринимали поѣздки за границу по разнымъ причинамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ политическихъ событій въ западной Европѣ, за событіями англійской революціи, войны между Англіей и Голландіей и т. п. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Нѣмецкая слобода могла содѣйствовать сближенію русскихъ съ западною Европою и сообщать Россіи результаты западно-европейской культуры.

Нѣмецкой слободѣ было суждено служить звеномъ между западною Европою и Петромъ во время его юношескаго развитія. Не малороссійскіе монахи и богословы сдѣлались наставниками Петра, а обитатели Нѣмецкой слободы, представлявшей собою образчикъ западно-европейской рабочей силы, предпріимчивости и эрудиціи. Петръ выросъ не въ рутинѣ азіатскаго придворнаго этикета, онъ не получилъ латинско-схоластическаго воспитанія, которое выпало на долю его брата Ѳеодора; этимъ выигрышемъ онъ былъ обязанъ близости и значенію Нѣмецкой слободы, населеніе которой состояло изъ разнородныхъ элементовъ, отличалось нѣкоторымъ космополитизмомъ и предстовляло собою нѣчто въ родѣ микрокосма всевозможныхъ сословій, призваній, національностей и исповѣданій.

И до Петра уже было замѣтно вліяніе Нѣмецкой слободы на нѣкоторыхъ представителей русскаго общества. Были въ Россіи люди, которые не раздѣляли мнѣнія духовенства, ненавидѣвшаго иностранцевъ, какъ еретиковъ, и черни, оскорблявшей „нѣмцевъ" и иногда даже мечтавшей объ уничтоженіи всей Нѣмецкой слободы съ ея жителями; были въ Россіи люди, которые умѣли цѣнить превосходство западно-европейской культуры и были склонны къ ученію подъ руководствомъ иностранцевъ.

Такимъ представителемъ прогресса можетъ служить бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Завѣдуя при Алексѣѣ Михайловичѣ Посольскимъ приказомъ, онъ былъ, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Довольно часто въ домѣ Матвѣева, украшенномъ различными предметами роскоши, заимствованными у западной Европы, происходили переговоры съ иностранными дипломатами. Завѣдуя Аптекарскимъ приказомъ, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ со многими иностранными хирургами, докторами и аптекарями, служившими въ этомъ вѣдомствѣ. Жена Матвѣева, какъ говорятъ, была иностраннаго происхожденія. Его сынъ получилъ весьма тщательное воспитаніе, учился разнымъ языкамъ и пріобрѣлъ такую широкую эрудицію, что даже Лейбницъ съ особенною похвалою отзывался объ его познаніяхъ. Извѣстно, однако-жъ, что ученость Матвѣева, нѣкоторое знакомство его съ медициною и есте-

ственными науками, нахожденіе у него лечебника, „въ которомъ многіе статьи писаны цыфирью", послужили врагамъ его поводомъ и средствомъ къ обвиненію его въ колдовствѣ, въ общеніи съ злыми духами.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ замѣчательный умомъ, образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами въ правленіе Софьи до самаго паденія ея, какъ преемникъ Матвѣева въ званіи начальника Посольскаго приказа и какъ предшественникъ Петра, былъ сторонникомъ западно-европейской культуры и дѣйствовалъ въ пользу сближенія съ западною Европою. Въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами, которыхъ онъ приводилъ въ восхищеніе утонченностью и любезностью своего обращенія съ ними, онъ могъ обойтись безъ помощи толмачей, такъ какъ вполнѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ. Онъ вообще часто находился въ обществѣ иностранцевъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ сближался, нѣкоторымъ покровительствовалъ; онъ былъ покровителемъ Лефорта, сдѣлавшагося, послѣ государственнаго переворота 1689 года, другомъ царя Петра. Сохранился списокъ книгамъ, принадлежавшимъ Голицыну. Между ними встрѣчаются книги латинскія, польскія и нѣмецкія, сочиненія, относящіяся къ государственнымъ наукамъ, богословію, церковной исторіи, драматургіи, географіи, зоологіи и пр. Голицынъ мечталъ о распространеніи просвѣщенія, объ отправленіи русскихъ для ученія за границу, о разныхъ мѣрахъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія народа, Эти мечты оказались, впрочемъ, лишь благими намѣреніями, которыя какъ извѣстно, нисколько не подтвердились дѣйствительными результатами его управленія дѣлами.

При всей ничтожности эпохи правленія царевны Софьи и князя Голицына, все-таки любопытно, что послѣдній былъ такимъ ученикомъ западно-европейской культуры, какимъ сдѣлался позже Петръ. Но за свою склонность къ иноземнымъ обычаямъ Голицынъ, какъ и Петръ, былъ ненавидимъ многими и вообще не пользовался популярностью въ народѣ. Примѣръ князя Голицына свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія уже до Петра находилась на пути прогресса въ духѣ западно-европейской культуры. Но до начала преобразованій Петра люди, охотно поддерживавшіе сношенія съ иностранцами и проникнутые уваженіемъ къ западно-европейской образованности, подобно Матвѣеву и Голицыну, составляли въ Московскомъ государствѣ рѣдкое исключеніе и встрѣчались какъ единичныя личности. Общее же настроеніе по отношенію къ иностранцамъ, обусловливаемое главнымъ образомъ религіозною нетерпимостью, отличалось крайнею недружелюбностью. Особенно рельефно обнаружилось предубѣжденіе противъ иностранцевъ, какъ противъ еретиковъ, и не столько враждебное, сколько, такъ сказать, брезгливое къ нимъ отношеніе въ первые годы послѣ удаленія Софьи, когда Петръ, посвящая свое время любимымъ занятіямъ, ученію, увеселеніямъ, предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ. Управлялъ дѣлами, главнымъ образомъ, дядя государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, при чемъ непосредственно послѣ переворота 1689 года нѣкоторое время значительное вліяніе на ходъ дѣлъ имѣлъ также и патріархъ Іоакимъ. Патріархъ же не любилъ иностранцевъ, осуждалъ предоставленіе имъ должностей офицеровъ и былъ недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругахъ высшаго общества и при дворѣ. Неудачу крымскихъ походовъ приписывалъ онъ участію въ нихъ „еретиковъ". Скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года были приняты разныя мѣры, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой непріязни къ иноземцамъ. Въ то время, когда сношенія между

Петромъ и иноземцами становились со дня на день болѣе близкими, почтмейстеру Виніусу было поручено просматривать всѣ частныя письма, прибывавшія изъ-за границы или отправляемыя туда, и, смотря по содержанію, уничтожать изъ нихъ тѣ, въ которыхъ заключалось что-либо предосудительное. Къ этому времени относится распоряженіе, затрудняющее пріѣздъ иноземцевъ въ Россію, и запросъ, сдѣланный жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ или привилегій они тамъ построили протестантскія церкви. Къ этому же времени относится изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, а также сожженіе на кострѣ еретика Кульма, но Петръ, вѣроятно, не принималъ никакого участія въ подобныхъ дѣлахъ. Очевидно, во всемъ этомъ важнѣйшую роль игралъ патріархъ, бывшій виновникомъ нѣкоторой реакціи послѣ эпохи западничества князя В. В. Голицына.

Непріязненное отношеніе патріарха Іоакима къ иноземцамъ особенно рельефно обрисовалось въ отношеніяхъ его къ находившемуся въ русской службѣ, въ чинѣ генерала, иноземцу Гордону, съ которымъ Петръ очень сблизился тотчасъ послѣ переворота 1689 года. Царь нуждался въ немъ, какъ въ наставникѣ въ области военной техники, какъ въ собесѣдникѣ, вообще полезномъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Онъ видѣлъ Гордона чуть-ли не ежедневно. Патріархъ-же относился къ нему недружелюбно, какъ къ „еретику". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ государственнаго переворота, Гордонъ, по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), былъ приглашенъ къ торжественному столу. Однако онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ бывать при дворѣ непригоже. Можно думать, что Петру этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, онъ на другой-же день послѣ этого происшествія пригласилъ его отобѣдать съ нимъ гдѣ-то за городомъ.

Еще болѣе рѣзко обнаружился взглядъ патріарха Іоакима въ его завѣщаніи, въ которомъ онъ именемъ Спасителя умоляетъ царей, „да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды;—какая-же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству?" Далѣе патріархъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи подробно о томъ, что „не должно имѣть общенія съ латины, лютеры, кальвины, безбожными татары". Впрочемъ, и мать Петра, царица Наталія Кирилловна, какъ кажется, раздѣляла воззрѣнія патріарха Іоакима. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ о слѣдующемъ случаѣ нанесенной царицею иноземцамъ обиды: 27-го августа 1690 года, празднуя день своего тезоименитсства, она жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоила этой чести и въ чертоги свои не впустила. Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при пріемѣ занимали мѣсто выше ихъ. Иноземцы считали себя обиженными, тѣмъ болѣе, что именно въ то время самъ Петръ ежедневно находился въ ихъ обществѣ, ѣлъ и пилъ съ ними.

Между тѣмъ, въ то время, когда въ дѣлахъ внутренней политики

и особенно въ различныхъ мѣрахъ относительно иноземцевъ давало себя чувствовать господство реакціонной партіи, Петръ, по крайней мѣрѣ, въ частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, пользовался совершенною свободою. Онъ окружалъ себя иностранцами, не обращая вниманія на то, что этимъ нарушалъ господствовавшіе до того обычаи, оскорблялъ національное чувство и патріотизмъ своихъ родственниковъ, родныхъ матери и жены, и многихъ вельможъ, вызывалъ осужденіе народа, твердо державшагося старыхъ обычаевъ. Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости учиться въ школѣ иностранцевъ и такимъ образомъ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ.

До 1689 года отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались знакомствомъ съ докторомъ фонъ-деръ-Гульстомъ, съ ремесленниками, напр., Тиммерманомъ и Брандтомъ, и съ военными — полковникомъ Менгденомъ. За то ко времени послѣ государственнаго переворота относится его близкое знакомство съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ — съ Гордономъ и Лефортомъ.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи и принадлежалъ къ знатному роду, преданному католицизму и роялизму. Покинувъ рано родину, онъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ. Въ 1660 году онъ вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи уже при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Онъ участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ въ качествѣ коменданта этого города, затѣмъ принималъ участіе въ крымскихъ походахъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Будучи завзятымъ сторонникомъ Стюартовъ, онъ постоянно находился въ связи съ противниками англійскаго короля Вильгельма III-го, и узнавалъ вообще обо всемъ, что происходило на западѣ. Онъ былъ лично извѣстенъ королямъ Карлу II и Іакову II. Изъ Англіи онъ весьма часто получалъ карты, инструменты, оружіе, книги; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями англійской академіи наукъ, считался опытнымъ инженеромъ, довольно часто оказывалъ существенныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Часто хворая, онъ однако былъ веселымъ собесѣдникомъ, участвовалъ въ попойкахъ, и не только въ кругу иностранцевъ, но между русскими пользовался большою популярностью. Нѣтъ сомнѣнія, что Гордонъ, проживъ около 30 лѣтъ въ Россіи до сближенія съ Петромъ, вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпами и проч. Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ. Главнымъ занятіемъ ихъ было приготовленіе фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта потѣха. Гордонъ постоянно участвовалъ въ пирушкахъ у царя, у Нарышкина, Шереметева, Ромодановскаго и друг.

Въ дневникѣ Гордона упоминается о бесѣдахъ съ Петромъ, объ удовольствіи, доставленномъ царю особенно удавшимся фейерверкомъ или успѣшными и ловко веденными маневрами. Сынъ и зять Гордона тоже трудились съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи. Иногда онъ проводилъ съ царемъ цѣлые дни, занимаясь опытами надъ военными снарядами. Однажды, по желанію Петра, были сдѣланы два фейерверка съ цѣлью состязанія между русскими и иностранцами. При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Постоянно находясь у себя въ компаніи „еретиковъ", Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30-го апрѣля 1690 года онъ съ нѣкоторыми вельможами обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. У Гордона царь бывалъ весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка. Многія черты свидѣтельствуютъ о непринужденности обхожденія царя съ Гордономъ. Петръ присутствовалъ у Гордона на свадьбѣ его дочери и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны; такъ, напр., 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей; къ ночи расположились спать „по лагерному". На другой день вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту. Но молодой царь посѣщалъ Гордона не ради однѣхъ попоекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ прислалъ ему лекарства. Разъ онъ посѣтилъ Гордона и взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь, и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, осматривали новые шомпола, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Довольно часто царь вмѣстѣ съ Гордономъ испытывалъ пушки, мортиры, бомбы и проч. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона. Гордонъ долженъ былъ отправиться и въ Архангельскъ въ то время, когда царь находился тамъ въ 1694 году.

Многое въ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною. Бывало, прежде, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться ко двору. Теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ иноземныхъ офицеровъ въ Нѣмецкой слободѣ. Патріарху казалось ужаснымъ нарушеніемъ прежнихъ порядковъ существованіе иновѣрныхъ церквей въ Нѣмецкой слободѣ. Теперь же царь иногда вмѣстѣ съ Гордономъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи въ молельнѣ, построенной благодаря стараніямъ Гордона. Не даромъ народъ съ ужасомъ сталъ примѣчать, что царь „возлюбилъ нѣмцевъ": въ глазахъ народа это было ересью.

Къ этому же времени относится начало дружественныхъ отношеній царя къ Лефорту. Францъ Лефортъ былъ гораздо моложе Гордона. Онъ, равно какъ и Гордонъ, до пріѣзда въ Россію много путешествовалъ, не имѣлъ однако случая пріобрѣсти той опытности въ дѣлахъ и

того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1675 году; однако здѣсь ему не такъ скоро, какъ Гордону, удалось составить себѣ положеніе. Впрочемъ, онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями Нѣмецкой слободы и, отличаясь веселостью нрава, добродушіемъ и честностью, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы, знатные дипломаты были покровителями Лефорта. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ также былъ его доброжелателемъ. Онъ получилъ чинъ полковника, купилъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ и женился.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Лефортъ былъ талантливымъ человѣкомъ, но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо чрезвычайныхъ способностямъ его. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ, — Лефортъ былъ равнодушенъ къ наукѣ. Образъ его дѣйствій въ Азовскихъ походахъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ особыхъ военныхъ способностей. Относительно свѣдѣній въ области политики онъ далеко уступалъ Гордону, бесѣды котораго могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. За то Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра. Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западноевропейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейскою культурою. Удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣсколько дней сряду, съ танцами, съ музыкою — были для Лефорта, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ. Гордонъ, напротивъ того съ трудомъ перенося увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойны вниманія близкія отношенія Гордона къ Петру. Эти отношенія были менѣе интимными, нежели отношенія Петра къ Лефорту, но принесли царю большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли упражняя его въ дѣлахъ военной техники и пріучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Лефортъ оставался царедворцемъ, Гордомъ не переставалъ быть труженикомъ. Лефортъ легче могъ сдѣлаться другомъ Петра, потому что онъ, такъ сказать, пересталъ быть швейцарцемъ, не думалъ о возвращеніи на родину, между тѣмъ, какъ Гордонъ оставался вѣрнымъ своей національности, своему исповѣданію и до послѣдняго времени жизни надѣяся на возвращеніе въ Шотландію. Ни на одну минуту Гордонъ не переставалъ считать себя подданнымъ Стюартовъ, тогда какъ вся жизнь Лефорта сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру.

Къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного письма царя къ Лефорту; письма послѣдняго къ Петру свидѣтельствуютъ о любви къ царю и веселомъ нравѣ Лефорта; здѣсь очень много говорится о попойкахъ, о разныхъ сортахъ винъ. Въ 1692—93 годахъ Петръ велѣлъ построить для Лефорта великолѣпный домъ, роскошно меблированный; здѣсь происходили самыя веселыя попойки; здѣсь царь до отправленія въ Архангельскъ однажды пировалъ около четырехъ дней сряду. Въ погребѣ у Лефорта находились постоянно большіе запасы виноградныхъ винъ на нѣсколько тысячъ рублей. Во время такихъ пиршествъ бесѣдовали о

государственныхъ дѣлахъ на Западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго Вильгельма III, или произносили тосты въ честь Женевской республики, Генеральныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ и попойки имѣли нѣкоторое политическое значеніе и были нѣкоторымъ образомъ политическою школою. Никто въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключеніемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе духа Петра, который любилъ его всею душою. Когда Лефортъ умеръ, онъ, какъ разсказываютъ, воскликнулъ:—„Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?"

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виніуса, сына зажиточняго голландскаго купца. занимавшагося еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, онъ узнавалъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на Западѣ. Виніусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, былъ авторомъ труда по географіи, завѣдывалъ нѣкоторое время Аптеркарскимъ приказомъ, находился довольно долго въ Малороссіи, въ качествѣ дипломатическаго агента, и въ первое время царствованія Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это званіе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ, видѣвшійся весьма часто съ Виніусомъ, давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и проч. Черезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-ремесленниковъ. Позже Виніусъ устраивалъ для царя пороховые и оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ и проч.

Между другими лицами, окружавшими царя послѣ государственнаго переворота 1689 года, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюса, переводчика посольскаго приказа Андрея Кревета и друг.

Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общеніе съ иностранцеми должны были имѣть громадное значеніе въ развитіи юнаго царя. Непринужденность его близкихъ отношеній къ людямъ. каковы были Гордонъ, Лефортъ и другіе жители Нѣмецкой слободы. была гораздо болѣе полезною школою для царя, чѣмъ замкнутость придворнаго этикета и церемоніала, господствовавшихъ въ Кремлѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ Петръ встрѣчался всюду съ началомъ вѣротерпимости и космополитизма въ противоположность религіознымъ и національнымъ предубѣжденіямъ, господствовавшимъ въ исключительно русскихъ кругахъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ, служившей образчикомъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, Петръ нѣсколько лѣтъ сряду, до отправленія въ Западную Европу, уже находился нѣкоторымъ образомъ за границею. Шагъ, сдѣланный Петромъ въ 1690 году изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, можетъ считаться болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка за границу въ 1697 году. Нѣмецкая слобода сдѣлалась для него какъ бы первою станціею на пути въ Германію, Голландію и Англію; она служила посредникомъ между Западомъ и Востокомъ: пребываніемъ въ ней Петра оканчивается эпоха древней исторіи Россіи, начинается новая эра для ея развитія. Въ первые годы своего самодержавнаго правленія Петръ занимался организаціею и развитіемъ войска и положилъ начало флоту.

Сдѣлавшись воспитанникомъ наставниковъ-иностранцевъ, онъ мало-

по-малу становился способнымъ заняться и внутреннимъ преобразованіемъ государства. Ближайшимъ результатомъ эпохи ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ были Азовскіе походы. За ними слѣдовало еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

XIV. Потѣшные походы.

(*Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова*).

Окружая себя голландцами, шотландцами, англичанами, швейцарцами и другими иноземцами, Петръ имѣлъ одну цѣль, къ которой давно уже, съ отроческихъ лѣтъ, устремлялъ всѣ свои мысли и желанія,—изучить военное дѣло во всѣхъ видахъ его на сушѣ и на водѣ, отъ самыхъ мелкихъ подробностей техническихъ до высшихъ началъ военнаго искусства, сколько могли изъяснить то и другое избранные имъ наставники. Многаго они сами не понимали, и державный ученикъ пріобрѣталъ необходимыя для него свѣдѣнія болѣе собственнымъ опытомъ, путемъ тяжелаго труда, чѣмъ уроками своихъ учителей. Все, что надобно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, токарю, бомбардиру, піонеру, артиллеристу, инженеру,—все узналъ онъ на самомъ дѣлѣ, и вскорѣ пріобрѣлъ такой во всемъ навыкъ, что едва ли кто изъ окружавшихъ его лицъ умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ и топоромъ, точить изъ дерева и кости рѣзныя украшенія, править рулемъ, бросать гранаты, наводить орудія, придумывать составы огненныхъ снарядовъ, устраивать понтоны, закладывать мины и взрывать укрѣпленія на воздухъ. Примѣрныя битвы „потѣшныхъ“ съ стрѣльцами въ окрестностяхъ Преображенскаго и Семеновскаго служили ему средствомъ къ пріобрѣтенію свѣдѣній тактическихъ, а плаваніе по озеру Переяславскому и по Бѣлому морю образовало изъ него моряка. Неутомимый въ трудахъ, Петръ не терялъ ни одной минуты въ праздности, и часто, по собственному выраженію его, „вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму“.

Бывали однакожъ дни, когда онъ покидалъ всѣ свои работы и съ товарищами своихъ трудовъ предавался шумному веселью. Онъ зазывалъ свою компанію обыкновенно къ Лефорту, которому впослѣдствіи выстроилъ великолѣпныя палаты на берегу Яузы, иногда ко Льву Кирилловичу Нарышкину въ Фили, къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, къ Петру Васильевичу Шереметеву, къ генералу Гордону, и веселился далеко за полночь, съ музыкою, танцами, нерѣдко при залпѣ орудій, разставленныхъ вокругъ дома, гдѣ пировала царская компанія.

Предсѣдателемъ пиршества всегда былъ прежній учитель царя, думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, прозванный князь-папою патріархомъ Пресбургскимъ, Яузскимъ и всего Кокуя: онъ строго наблюдалъ за исправнымъ осушеніемъ кубковъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ собесѣдниковъ къ бою съ Ивашкою-Хмельницкимъ, врагомъ невидимымъ, но лукавымъ и опаснымъ, проявлявшимъ свою силу тѣмъ, что одни изъ гостей засыпали на мѣстѣ и ночевали у хозяина, другіе съ трудомъ добирались до своихъ домовъ и, какъ, напримѣръ, Гордонъ, едва въ трое сутокъ могли оправиться. Здравъ и невредимъ бывалъ одинъ царь, котораго на другой день восходящее солнце находило за работою.

Онъ былъ душою пирующихъ, придумывалъ замысловатыя потѣхи, обходился со всѣми за-просто, дружелюбно, но сердился за прекословіе, но не любилъ ни упорнаго противорѣчія, ни грубой лести; въ особенности не терпѣлъ, если хвалили невѣжество, порицали науку, искусство, или его друзей, и часто одно досадное или неумѣстное слово воспламеняло его такимъ гнѣвомъ, что среди самаго жаркаго разгула собесѣдники умолкали и приходили въ трепетъ. Въ подобныхъ случаяхъ одинъ Лефортъ могъ успокоить взволнованнаго царя. Чрезъ нѣсколько минутъ мрачное чело его прояснялось, гроза утихала, и всѣ принимались за круговую чашу, при громѣ орудій, потрясавшемъ палаты пирующихъ. Особенно весело проводилъ онъ святки и масляницу. На святкахъ, сопровождаемый всею компаніею своею, человѣкъ до 80 и болѣе, подъ именемъ славильщиковъ, онъ посѣщалъ бояръ, генераловъ, богатыхъ купцовъ, славилъ Христа, принималъ дары и веселился по нѣсколько дней сряду. На масляницѣ непремѣнно спускалъ блестящіе фейерверки, которые всегда самъ устраивалъ, собственными руками изготовляя на Потѣшномъ дворѣ ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, огненныя картины. Первый фейерверкъ, какого Москва еще никогда не видала, былъ сожженъ на рѣчкѣ Прѣснѣ, 26 февраля 1690 года, въ среду сырной недѣли, съ пушечной пальбою, въ присутствіи царицъ, царевенъ, всего двора, при несмѣтномъ стеченіи народа. Разноцвѣтные огни въ замысловатыхъ фигурахъ, придуманныхъ самимъ царемъ, горѣли далеко, за полночь. То же повторялось и въ слѣдующіе годы каждую масляницу. Кромѣ того, фейерверки были необходимымъ условіемъ празднованія именинъ царицы Наталіи Кирилловны. Не всегда они оканчивались брагополучно: однажды пятифунтовая ракета, не разрядившись въ воздухѣ, упала на голову какого-то дворянина, который тутъ же испустилъ духъ; въ другой разъ взрывомъ состава изуродовало Гордонова зятя, капита Страсбурга, обожгло Франца Тиммермана и до смерти убило троихъ работниковъ. Такъ, въ военныхъ экзерциціяхъ, въ маневрахъ на сушѣ и на водѣ, въ фейерверкахъ и веселыхъ пирахъ, протекли первыя пять лѣтъ царствованія Петра до начала Азовскихъ походовъ. Въ это время не было издано ни одного замѣчательнаго закона, не было сдѣлано ни одного важнаго распоряженія ни по одной отрасли общественнаго благоустройства. Очевидно, царь, еще малоопытный въ искусствѣ государственнаго управленія, исключительно преданный задушевнымъ мыслямъ своимъ, предоставилъ дѣла обычному теченію въ приказахъ, и едва ла находилъ время для продолжительныхъ совѣщаній съ своими боярами; нерѣдко онъ слушалъ и рѣшалъ министерскіе доклады на пушечномъ дворѣ. То же бездѣйствіе замѣтно и въ дѣлахъ внѣшнихъ: вопреки настоятельнымъ требованіямъ польскаго короля, подкрѣпляемымъ просьбами цесаря, Петръ тщательно уклонялся отъ рѣшительныхъ предпріятій противъ крымскихъ татаръ, не взирая на то, что, озлобленные походами князя Голицына, они не давали намъ покоя ни зимою, ни лѣтомъ, и довольствовался только охраненіемъ южныхъ границъ, поручивъ защиту ихъ Бѣлгородскому разряду, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева. Ниже увидимъ, что виною этого бездѣйствія были отчасти несогласія съ Польшею, едва не заставившія нашъ дворъ примириться съ ханомъ крымскимъ; но главная причина заключалась въ томъ, что царь считалъ необходимымъ прежде всего изучить ратное дѣло во всей подробности, для вѣрнѣйшаго успѣха въ борьбѣ съ непріятелями, гдѣ-бы они ни встрѣтились. Военныя потѣхи, примѣрныя битвы и походы начались весною 1690 года. Какъ скоро вскрылась Москва-рѣка, Петръ

снарядилъ флотилію изъ мелкихъ гребныхъ судовъ, среди коихъ красовался подъ парусами знаменитый ботъ, и въ концѣ апрѣля, съ многочисленною свитою, отправился по теченію Москвы-рѣки къ Угрѣшскому Николаевскому монастырю. Впереди плыли стрѣльцы въ лодкахъ; за ними шелъ на парусахъ царь; за царемъ слѣдовали бояре, царедворцы, иноземцы, въ гребныхъ судахъ. Въ одинъ день прошли верстъ 20 и на закатъ солнца причалили къ берегу, близъ Угрѣшскаго монастыря. Государь посѣтилъ домъ боярина Алексѣя Петровича Салтыкова и дней чрезъ пять возвратился въ Москву. Подробности этого похода не извѣстны; но цѣлью его, безъ сомнѣнія, было ознакомить солдатъ съ чуждою для нихъ стихіею. По возвращеніи въ Преображенское, царь занялся коннымъ и пѣшимъ ученіемъ потѣшныхъ и стрѣлецкихъ полковъ, чтобы приготовить ихъ къ примѣрнымъ битвамъ, назначеннымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Первое сраженіе едва не кончилось страшнымъ несчастіемъ. Штурмовали Семеновскій дворъ. Съ обѣихъ сторонъ кидали ручныя гранаты и горшки, начиненные горючими веществами: одинъ изъ нихъ лопнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ подлѣ него офицеровъ. По всей вѣроятности, царь былъ раненъ не легко, потому что маневры возобновились не прежде осени. 4 сентября сражались „потѣшные“ съ стрѣльцами Стремяннаго полка. Вечеромъ дѣло дошло до запальчивой схватки, и съ обѣихъ сторонъ не мало было раненыхъ. Въ числѣ ихъ находился генералъ Гордонъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна, а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели. Новая битва „потѣшныхъ“ съ Сухаревымъ стрѣлецкимъ полкомъ 11 сентября кончилась благополучнѣе. Также точно прошелъ и слѣдующіи годъ. 14 марта спущена на воду новая яхта, въ которой могло помѣстится до 30 человѣкъ; строилъ ее самъ Петръ; ни одинъ плотникъ не помогалъ царю-мастеру, и весело катался онъ на ней по Москвѣ-рѣкѣ до Угрѣшскаго монастыря, не взирая на дурную погоду. Лѣтомъ происходило въ Преображенскомъ непрестанное ученіе „потѣшныхъ“, съ пушечною пальбою; большіе маневры назначены были въ августѣ. Наканунѣ Преображенія сказанъ походъ и розданы подъемныя лошади; но болѣзнь царицы Наталіи Кирилловны принудила отложить потѣхи на цѣлые два мѣсяца.

Между тѣмъ военныя экзерциціи въ селѣ Преображенскомъ не прерывались. и войска готовились „къ великому страшному бою“. Составлены были двѣ арміи: одна изъ выборныхъ солдатскихъ полковъ—Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова и Бутырскаго, съ тремя или четырьмя полками рейтаръ и отрядомъ гусаръ: другая изъ полковъ стрѣлецкихъ, также съ рейтарами и гусарами. Первою арміею нашею предводительствовалъ генералиссимусъ Фридрихъ; второю, непріятельскою, генералиссимусъ Бутурлинъ. Въ началѣ октября открылась между ними война. Генералиссимусъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе, что непріятель вышелъ въ поле съ нѣсколькими тысячами пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей, въ намѣреніи дать съ нимъ бой, приказалъ генералу Менезіусу, полковникамъ Крейгу, Лейфелю, Ригимону и маіору Балку укомплектировать рейтарскіе полки, и всѣмъ войскамъ 3 октября 1691 геда быть къ смотру въ стольный градъ свой Пресбургъ — земляное укрѣпленіе, сооруженное царемъ близъ села Преображенскаго. Не взирая на сильный дождь, они явились „при доброй справѣ“. На 5 октября сказанъ походъ. Между тѣмъ наканунѣ генералъ Гордонъ избралъ мѣсто для укрѣпленнаго лагеря, измѣрилъ его и назначилъ, гдѣ кому стать.

Рано утромъ вся наша армія выступила въ поле и въ тотъ же день заняла крѣпкую позицію на рѣчкѣ Красной, близъ лѣса. Непріятель находившійся въ дальнемъ разстояніи, ночью подступилъ ближе и около полуночи раскинулъ свой станъ въ полумилѣ отъ нашего лагеря. На зарѣ онъ выбрался изъ обоза „въ крѣпкомъ ополченіи“, перемѣшавъ конницу между пѣхотою.

Нашъ генералиссимусъ также вывелъ свое войско въ поле и приготовился къ битвѣ; пѣхоту поставилъ въ центрѣ, съ отрядомъ гусаръ впереди; на флангахъ конницу съ частью пѣхоты; въ резервѣ — конные и пѣшіе баталіоны. Центромъ командовалъ генералъ Головинъ, правымъ крыломъ—генералъ Гордонъ, лѣвымъ—генералъ Лефортъ.

Когда обѣ арміи выстроились одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, „послѣ вытрубки, начали травиться“, и завязывалось сраженіе. Генералъ Гордонъ двинулъ свою конницу на лѣвое крыло непріятеля, смялъ его и отбилъ четыре знамени: пятое взяли гусарскіе палашники. Не столь удачна была атака генерала Лефорта на правое крыло: рейтары его встрѣтили упорное сопротивленіе и, не взирая „на жестокій напускъ“, не могли сломить противника, который стоялъ крѣпко и бился храбро; послѣ многихъ усилій, они успѣли „оторвать“ только часть праваго крыла и отступили съ излишнею поспѣшностью; непріятель воспользовался происшедшемъ отъ того въ рядахъ рейтаръ безпорядкомъ и ударилъ имъ въ тылъ такъ стремительно, что Лефортъ не въ силахъ былъ остановить его, и на помощь лѣвому крылу нашему надлежало отрядить нѣсколько ротъ съ праваго; только тогда удалились враги, потерявъ нѣсколько знаменъ и булаву. Послѣ кратковременнаго отдыха, непріятель самъ повелъ атаку; гусары его ударили на нашихъ и потерпѣли жестокій уронъ; начальствовавшій ими генералъ Гулстъ взятъ былъ въ плѣнъ рейтарами „ротмистра Петра Алексѣева съ голою шпагою“. Тогда генералиссимусъ Бутурлинъ прибѣгнулъ къ хитрости: изъявляя притворное намѣреніе примириться, онъ подъѣхалъ къ нашему войску съ нѣсколькими отборными ротами конницы, тихо, какъ будто для переговоровъ, въ надеждѣ „исплошить“ насъ, и вдругъ конница его врѣзалась въ наши полки, а самъ онъ кинулся на нашего военачальника, чтобы его „убить и тѣмъ всю армію обезглавить“. Но дорого поплатился коварный врагъ за свой замыселъ: бдительный ротмистръ Петръ Алексѣевъ спасъ пресвѣтлѣйшаго генералиссимуса, а злодѣя его взялъ въ плѣнъ живого. Непріятельскіе всадники, потерявъ вождя, обратились въ бѣгство; наши гнались за ними до самаго ихъ обоза, куда они едва могли уйти и запереться. Между тѣмъ наступилъ вечеръ; генералиссимусъ Фридрихъ отвелъ свое войско въ лагерь, приказавъ плѣннику ѣхать подлѣ себя по лѣвую сторону. Тамъ онъ призвалъ въ свой шатеръ всѣхъ начальныхъ людей, похвалилъ ихъ службу и, при троекратныхъ залпахъ, изволилъ пить про побѣду и про храбрость войска; пилъ также про здоровье взятаго генералиссимуса, который, въ свою очередь, пилъ про своего побѣдителя. Послѣ того непріятельскій полководецъ билъ челомъ нашему вождю, чтобы онъ, „яко государь христіанскій, явилъ милость ему не какъ генералиссимусу, а какъ плѣннику и отпустилъ его въ войско, обѣщая быть на будущее время во всявомъ пріятствѣ и послушаніи: другу — другомъ, недругу — недругомъ“. Его пресвѣтлѣйшество, „по благоутробію своему“, изъявилъ на то согласіе: самъ вывелъ плѣннаго вождя за лагерь, простился съ нимъ дружелюбно, при троекратномъ залпѣ, и поручилъ ротмистру Петру

Алексѣеву проводить его до стана. Непріятельское войско встрѣтило своего полководца съ пушечною пальбою, а храбрый ротмистръ, одаренный шпагою, возвратился въ свой станъ.

Ночью пришли къ непріятелю на подкрѣпленіе четыре полка пѣхоты. Онъ снова возгордился и утромъ прислалъ въ нашъ лагерь сказать, что опять хочетъ битвы. „Забылъ онъ оказанную ему милость, — отвѣчалъ посланному нашъ генералиссимусъ, — но я на то не смотрю, и войско мое къ бою готово". Конницѣ немедленно приказано выступить, а пѣхотѣ расположиться близъ лагеря, потому что и непріятельской пѣхоты въ тотъ день въ полѣ не было. Сраженіе завязалось около полудня. Съ обѣихъ сторонъ бились „накрѣпко". Мы наконецъ одолѣли, взяли множество знаменъ и загнали непріятеля въ лагерь. Онъ однако-жъ не унялся и ночью докучалъ намъ безпрестанными тревогами, такъ что мы принуждены были выслать нѣсколько конныхъ ротъ, которыя, разсѣявъ „подъѣздчиковъ", ударили подъ непріятельскій обозъ у самыхъ рогатокъ, взяли въ плѣнъ 7 человѣкъ, увели 3 лошади и возвратились въ цѣлости. Въ слѣдующій день войска двинулись другъ на друга; но проливной дождь, не перестававшій ни на минуту, развелъ ихъ. 9 октября было рѣшительное дѣло. Обѣ арміи выступили въ поле на утренней зарѣ. Въ 8 часу непріятель пошелъ на насъ смѣло, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или погибнуть, и какъ въ то время поднялся жестокій вѣтеръ, то онъ сталъ заходить правымъ крыломъ, чтобы поставить насъ лицомъ прямо противъ вѣтра, чѣмъ надѣялся пріобрѣсть не малую выгоду при нападеніи. Угадавъ его мысль, нашъ полководецъ велѣлъ своему войску уступить нѣсколько вправо. Этимъ движеніемъ обнажился лѣвый флангъ нашъ, и лагерь остался безъ защиты. Непріятель спѣшилъ воспользоваться нашею оплошностью, и полковникъ Турнеръ бросился съ полкомъ своимъ на нашъ лагерь, чтобы взять его и разорить. Но пресвѣтлѣйшій генералиссимусъ не замедлилъ поправить свою ошибку: онъ послалъ на Турнера съ праваго фланга нѣсколько ротъ конницы, которыя ударили ему въ тылъ, солдатъ порубили и разсѣяли, а полковника взяли въ плѣнъ съ 4 знаменами.

Видя такую бѣду, вся непріятельская армія всколебалась и съ великимъ крикомъ, всѣми силами, пѣхотою и конницею, наступила на наше войско. Сраженіе сдѣлалось общимъ; но самый упорный бой былъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ генералъ Лефортъ конными и пѣшими полками „съ яростью" нападалъ на правое крыло непріятеля, между тѣмъ какъ генералъ Головинъ своею пѣхотою тѣснилъ лѣвое. Тамъ и здѣсь враги стояли крѣпко цѣлые пять часовъ, пока Головинъ не сломилъ лѣваго крыла: тогда уступило и правое. Непріятель обратился, наконецъ, въ бѣгство: наши, быстро преслѣдуя его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ и порубили пѣхоту, отбили всѣ пушки, знамена, повозки. По окончаніи сраженія, побѣдители долго никакъ не могли найти ни своего, ни чужого главнокомандующаго; никто не зналъ, куда они дѣвались. Послѣ трехчасовыхъ поисковъ открылось, что пресвѣтлѣйшій генералиссимусъ Фридрихъ, увлеченный своею храбростью, съ немногими людьми прежде всѣхъ ворвался въ непріятельскій лагерь и тамъ, у шатра, ждалъ своихъ сподвижниковъ; а соперника его нашли кроющагося между „трупами".

Войска наши вступили въ станъ враговъ и выстроились передъ шатромъ въ два ряда: на правой сторонѣ стала конница, на лѣвой пѣхота; отбитыя знамена и оружіе разложили по дорогѣ между рядами.

Генераллиссимусъ вошелъ въ шатеръ, ступая по непріятельскимъ клейнодамъ, и, сѣвъ на свое мѣсто, милостиво похвалилъ за храбрость все свое войско. Потомъ велѣлъ привести плѣннаго вождя и, приказавъ ему съ главными начальными людьми стать предъ собою на колѣни, строго выговаривалъ прежнія его неправды.

Плѣнные кланялись въ землю и просили прощенія.

Послѣ того генералиссимусъ отправился въ свой лагерь; войска привѣтствовали его троекратнымъ залпомъ: первый залпъ былъ, какъ онъ вышелъ изъ шатра; второй, какъ сѣлъ на лошадь; третій, какъ тронулся съ мѣста. Предъ нимъ волокли по землѣ отбитые клейноды, за нимъ вели плѣнныхъ — военачальника на конѣ, прочихъ пѣшкомъ. Прибывъ въ свой лагерь, генералиссимусъ приказалъ всѣхъ начальныхъ людей кормить, самъ былъ при столѣ и пилъ про побѣду съ троекратными залпами. Послѣ пира вышелъ изъ шатра, снова похвалилъ все войско за службу, обѣщалъ награды и, велѣвъ распустить ратныхъ людей по домамъ, самъ отправился въ столичный градъ свой Пресбургъ.

И это дѣло не обошлось безъ ранъ и увѣчья съ обѣихъ сторонъ, а ближній стольникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, родной племянникъ боярина князя Юрія Алексѣевича, убитаго стрѣльцами въ 1682 году, заплатилъ самою жизнью за воинскій танецъ, какъ называетъ Гордонъ потѣхи царя: жестоко раненый въ правую руку, онъ умеръ на 9 день. Государь жалѣлъ объ его смерти и собственноручно писалъ Ѳ. В. Апраксину: „Противъ сего 15 числа, въ ночи, въ 6 часу, князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, индѣжѣ и всѣмъ намъ по времени быти. По семъ здравствуй. Писавый Petrus“.

Натѣшившись вдоволь на сушѣ, Петръ обратился къ любимой стихіи своей, къ водѣ. Съ іюня мѣсяца 1689 года болѣе двухъ лѣтъ онъ, кажется, ни разу не взглянулъ на свои корабли: по крайней мѣрѣ, Гордонъ, тщательно замѣчавшій въ своемъ журналѣ всѣ походы царя, ни слова не говоритъ о поѣздкахъ его къ Переяславлю-Залѣсскому до ноября 1691 года. Чтò удерживало Петра въ Москвѣ, рѣшить трудно: вѣроятнѣе всего—опасеніе тайныхъ приверженцевъ Софіи, которые могли воспользоваться его отсутствіемъ для возмущенія стрѣльцовъ. Между тѣмъ онъ не забылъ топора, и яхта, спущенная на воду въ Москвѣ весною 1691 года, свидѣтельствовала объ успѣхахъ его въ кораблестроеніи. Не прерывались работы и на озерѣ Плещеевомъ: тамъ трудился Карштенъ-Брантъ; имъ сооружены два небольшіе фрегата съ тремя яхтами. На южномъ берегу озера, въ двухъ верстахъ отъ города, за селомъ Васьковымъ, выстроенъ былъ для пріѣздовъ царя деревянный одноэтажный дворецъ съ окнами изъ слюды, росписанный разными изображеніями, съ дверями обитыми для теплоты бѣлымъ войлокомъ, съ двуглавымъ на крышѣ орломъ, надъ которымъ блестѣла вызолоченная корона. Вправо отъ дворца находилась деревянная церковь Вознесенія Господня: влѣво, на мысу Гремячемъ — батарея. Прямо предъ окнами дворца, на озерѣ въ значительномъ разстояніи отъ берега, саженъ на сто, устроена была на сваяхъ пристань. Лѣтомъ суда стояли у пристани; на зиму отводили ихъ въ Трубежъ, къ мосту близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, „что при корабляхъ“. Тамъ они были безопасны отъ льда, который, по вскрытіи водъ, въ бурное время могъ разбить ихъ въ открытомъ мѣстѣ. Поѣздки Петра къ Переяславлю-За-

лѣсскому возобновились въ концѣ 1691 года и въ продолженіе зимы повторялись неоднократно. Что дѣлалъ онъ тамъ въ зимнее время, когда озеро было покрыто льдомъ и суда стояли на берегу въ сараяхъ? Этого не объясняетъ ни Гордонъ, записавшій всѣ поѣздки царя, ни самъ Петръ, увѣдомлявшій царицу Наталію Кирилловну о благополучномъ и „изобильномъ пребываніи въ Переяславлѣ на пользу свою“. Очевидно однакожъ, онъ не могъ жить тамъ по нѣсколько недѣль безъ важнаго дѣла и точно: генералиссимусъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, видя успѣхи его въ строеніи судовъ на Яузѣ, объявилъ ему, какъ уже опытному мастеру, свой „государскій указъ“: построить въ Переяславлѣ военный корабль къ веснѣ 1692 года. Петръ взялъ съ собою 16 своихъ учениковъ, трудившихся съ нимъ прежде на Яузѣ, „корабельнаго дѣла мостильщиковъ“ (большею частью, кажется, солдатъ Преображенскаго полка) въ томъ числѣ любимаго сержанта Екима Воронина, искуснаго въ щегольномъ (мачтовомъ) мастерствѣ, и собственными руками заложилъ на Переяславской верфи корабль. Онъ такъ ревностно принялся за работу, что не хотѣлъ возвратиться въ Москву для торжественнаго пріема персидскаго посланника, и царскіе министры, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, нарочно ѣздили въ Переяславль убѣждать государя въ необходимости обычной аудіенціи для избѣжанія ссоры съ шахомъ.

Чрезъ два дня послѣ пріема посла, онъ ускакалъ къ своимъ кораблямъ, приказавъ квартирмейстеру Преображенскаго полка, Лукѣ Хабарову, перевезти изъ Москвы шлюпки и карбасы на озеро Плещеево. Тамъ готовилось торжество, доселѣ невиданное и неслыханное въ Россіи, послѣ уже часто повторявшееся и всегда празднуемое Петромъ, какъ день радости и славы,—спускъ корабля. Государь пригласилъ въ Переяславль свою избранную компанію, съ удовольствіемъ показывалъ ей построенныя суда, катался на нихъ по озеру, между тѣмъ неутомимо трудился на верфи, и 1 мая 1692 года, въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, первый корабль, сооруженный умомъ и трудами самого царя, благополучно сошелъ на воду. Для полнаго удовольствія Петра не доставало одного: присутствія царицъ. Наконецъ, пріѣхали и онѣ со всѣмъ дворомъ въ концѣ іюля 1692 года и цѣлый мѣсяцъ провели въ Переяславлѣ. 1 августа было торжественное водоосвященіе съ крестнымъ ходомъ; недѣли чрезъ двѣ пришли изъ Москвы полки, и начались маневры на сушѣ и на водѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ всѣ воинскія почести отдавались князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, украшенному, кромѣ прежняго титула генералиссимуса, саномъ адмирала. 14 августа былъ обѣдъ на адмиральскомъ кораблѣ, съ церемоніею; 18 числа, рано утромъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, флотилія вступила подъ паруса и, переплывъ черезъ озеро, у противоположнаго берега бросила якорь; противный вѣтеръ задержалъ ее тамъ двое сутокъ; 21 августа она снялась съ якоря и возвратилась къ пристани. Послѣ того настали веселыя пиршества. Царица Наталія Кирилловна была, кажется, очень довольна своимъ путешествіемъ, отпраздновала день своего тезоименитства въ Переяславлѣ и не прежде сентября возвратилась въ Москву, не совсѣмъ однакожъ здоровою; впрочемъ, болѣзнь ея скоро миновала.

Несравненно болѣе опасеній возбудила болѣзнь самого царя. Отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и, вѣроятно, отъ излишнихъ пиршествъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ занемогъ кровавымъ поносомъ, слегъ въ постель и особенно слабъ былъ въ половинѣ декабря, такъ что отчаявались въ его жизни.

Любимцы его были въ ужасѣ, зная, что въ случаѣ кончины государя, при неминуемомъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка, и болѣе близкія къ нему лица, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы. Провидѣніе сохранило Петра для Россіи. Около Рождества онъ сталъ поправляться и въ концѣ января, еще не совсѣмъ, впрочемъ, здоровый, разъѣзжалъ по городу, созывая гостей, въ званіи шафера, на свадьбу нѣмецкаго золотыхъ дѣлъ мастера, распоряжался на свадебномъ пиру и безпрестанно подчивалъ гостей напитками; самъ однакожъ пилъ мало. Къ масляницѣ онъ совершенно выздоровѣлъ и на Прѣснѣ спустилъ обычный фейерверкъ, изготовленный его собственными руками. Послѣ троекратнаго залпа изъ 56 орудій, вспыхнулъ бѣлымъ огнемъ павильонъ съ вензелевымъ именемъ въ голландскихъ буквахъ генералиссимуса, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго; потомъ явился огненный Геркулесъ, раздирающій пасть льва, между тѣмъ летѣли на воздухъ изъ царскихъ рукъ ракеты. Фейерверкъ заключился роскошнымъ ужиномъ, который продолжался до трехъ часовъ пополуночи.

По окончаніи масляницы Петръ уѣхалъ въ Переяславль и провелъ тамъ великій постъ въ кораблестроеніи; послѣ Пасхи онъ снова отправился туда и недѣли три плавалъ по озеру Плещееву. Эта поѣздка была послѣднею: чрезъ два мѣсяца онъ перенесъ свои потѣхи на волны океана и съ тѣхъ поръ посѣщалъ Переяславль-Залѣсскій только проѣздомъ изъ Москвы къ Архангельску, да передъ началомъ Азовскихъ походовъ, для осмотра и выбора орудій въ походную артиллерію. Послѣ того, болѣе 25 лѣтъ не былъ въ немъ ни разу. Суда стояли на берегу Трубежа и, едва прикрытыя ветхими сараями, гнили и разрушались. Въ такомъ состояніи увидѣлъ Петръ свою Переяславскую флотилію въ 1722 году, на пути въ Персію, когда русскій флагъ уже развѣвался по Балтійскому морю. Грустно ему было смотрѣть на разрушеніе трудовъ своей молодости, положившихъ начало морскому дѣлу въ Россіи, и онъ строгимъ указомъ повелѣлъ Переяславскимъ воеводамъ беречь остатки кораблей, яхты и галеры; „а буде опустите,—присовокупилъ государь,—взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ“. Воля его не исполнилась. Изъ всей флотиліи Переяславской уцѣлѣлъ одинъ небольшой ботъ, сбереженный крестьянами села Васькова и съ 1803 года сохраняемый въ особоустроенномъ зданіи подъ надзоромъ отставныхъ матросовъ; фрегаты же, яхты и галеры не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ, но не исчезли изъ памяти народной: по дѣдовскимъ разсказамъ, жители Переяславля знаютъ, что когда-то на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, въ сараяхъ стояли корабли, и самая церковь доселѣ слыветъ „при корабляхъ“. Помнятъ жители Переяславля и спускъ корабля, сооруженнаго трудами самого государя. Шестое воскресенье послѣ Пасхи, когда царь-плотникъ подрубилъ подпоры, и корабль величаво сошелъ въ озеро, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, до сихъ поръ ежегодно празднуется особымъ торжествомъ: все переяславское духовенство въ полномъ облаченіи, съ св. иконами, хоругвями и крестами, сопровождаемое многочисленною толпою народа, иногда тысячъ до шести, идетъ изъ Успенскаго собора къ берегу Трубежа, гдѣ нѣкогда стояли корабли, помѣщается здѣсь въ большой плашкоутъ и, при священномъ пѣснопѣніи, съ развѣвающимися хоругвями, выплываетъ на средину Переяславскаго озера; тамъ совершается обрядъ

водосвятія, и набожные богомольцы съ умиленіемъ обращаютъ взоръ на югъ, къ ботику Петра Великаго.

XV. Петръ Великій въ Архангельскѣ.

(*Изъ соч. Н. Полевого: «Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра»*).

Іюля 4-го 1693 года, говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное въ болѣзни,—посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человѣкъ. Съ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ на приготовленныхъ для того стругахъ, и 28-го іюля загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Курострова. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій. Сей пастырь, умный и просвѣщенный, препроводилъ знаменитаго посѣтителя въ древній городской соборъ съ иконами и благочестнымъ пѣніемъ. Царь въ тотъ же день осмотрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шнякѣ и ночевалъ на стругѣ своемъ. Іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится пристань морская между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него небольшомъ дворцѣ на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, коихъ приходило въ Архангельскъ ежегодно по пятидесяти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, измѣненный сильнымъ вліяніемъ всегдашняго обращенія архангелогородцевъ съ чужеземцами, коихъ уже не считали здѣсь еретиками, и, наконецъ, видъ безконечнаго моря — все такъ увлекло и заняло вниманіе царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора. Въ платьѣ голландскаго морехода осматривалъ царь иностранные корабли, остался на нихъ, ознакомился со всѣми шкиперами ихъ и, въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ кораблей, три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ пріѣзду его и названной „Св. Петръ". Царь утверждалъ тогда рисунокъ флага русскаго: образцомъ его избралъ онъ нидерландскій, но только полосы расположены были имъ иначе (красная, синяя и бѣлая). Въ первый разъ возвѣялся тогда на морскихъ волнахъ флагъ Россіи, дотолѣ невиданный. Въ одной изъ морскихъ прогулокъ царь переплылъ черезъ Бѣлое море и достигъ рѣки Поноя, на сѣверномъ берегу его. Весело праздновали съ царемъ русскіе и иностранцы дни имянинъ матери его, брата и невѣстки, при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда царь слушалъ обѣдню въ ближайшей къ жилищу его церкви св. Иліи, самъ читалъ Апостолъ, пѣлъ съ дьячками на клиросѣ и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Нерѣдко угощалъ его архіепископъ Аѳанасій и изумлялся мудрымъ бесѣдамъ юнаго властителя Россіи „о бытѣ не только царскомъ и боярскомъ, но и простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ, путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и корабельномъ искусствѣ". Царь встрѣчалъ архи-

пастыря во дворцѣ своемъ съ пальбою и, прощаясь съ нимъ, подарилъ ему свою карету и стругъ съ флагами, между коими былъ одинъ съ крестами, названный Іерусалимскимъ. Царь самъ провожалъ Аѳанасія, плылъ за судномъ его въ лодочкѣ, дорогою ловилъ рыбу, показывалъ въ Архангельскѣ приготовленный для потѣхи *огненный карабликъ* (брандеръ) и зажигалъ ракеты и гранаты, спуская ихъ на Двину съ городского моста. Апраксину приказано было нагрузить товарами корабль и отправить въ Голландію съ надежнымъ человѣкомъ, препоручивъ посланному купить въ Амстердамѣ военный корабль и привести его будущею навигаціею въ Архангельскъ.

Царь выѣхалъ въ Архангельскъ 1-го сентября. Изъ Холмогоръ отправилъ онъ свиту свою сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ немногими поплылъ въ кораблѣ до деревни Кочетовой, осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мельницы Вавчугскія, гдѣ заготовляли для заморскаго отпуска муку и доски. Заботясь объ отправкѣ въ Голландію корабля, царь писалъ о томъ Апраксину съ пути, не забывая и ничтожныхъ мелочей. Пріѣздъ царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пирѣ среди мужчинъ явились женщины— жены и дочери иностранцевъ, и были во дворцѣ танцы. Супруга Петра, вопреки закоренѣлому суевѣрію, участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи.

Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила сердце Петра: скончалась мать его, царица Наталія. „Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю скорбь мою,—писалъ онъ Апраксину.—Вспоминаю слова „апостола Павла: „не скорбѣть объ умершихъ“ и слова Ездры, „что „минувшаго не возвратить“. Роптать не смѣю, покоряясь тайнѣ непости„жимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя „умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха“.

Не давалъ себѣ отдыха юный царь. Скорбя о кончинѣ матери, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ заглушить эту скорбь трудами, уже свободнѣе располагая всѣми своими предпріятіями, отъ коихъ дотолѣ отвлекали его совѣты и просьбы царицы Наталіи. Немедленно распоряжено было второе путешествіе царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ начали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. „Докладывалъ я его величію, князю Кесарю (Ромодановскому), — писалъ Петръ шутливо Апраксину, — спрашивая его величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человѣкъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе апрѣля въ Москвѣ не останется. А „братецъ“ его (царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ аѳинянинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботься о кораблѣ. Кланяюсь тебѣ, *блочный мастеръ Питеръ съ товарищами*“. Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морского пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа

его какъ-будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастью, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели — направить карабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія.—„Поди прочь!—закричалъ разсерженный Антипъ,—я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?" Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань.—„Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?"—смѣясь, спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его.—„Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшавшись не въ свое дѣло",—отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уединенной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ выкинуло море тѣла двухъ святыхъ соловецкихъ иноковъ. Съ пѣснями духовными встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ и самъ вырѣзалъ на немъ надпись голландскую: „Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ 1694 года". На плечахъ своихъ, при пособіи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ. Донынѣ хранится сей памятникъ благочестія и пребыванія царя въ Петроминской обители, куда перенесли его въ 1802 году.

Буря утихла, и 6-го іюня царь пустился въ Соловецкій монастырь. Настоятелемъ этого монастыря въ 1694 году былъ архимандритъ Фирсъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи и вознося ихъ заздравную чашу, провелъ царь цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донынѣ въ особой часовнѣ. Щедро одарилъ онъ обитель и не забылъ добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работъ, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду.—„Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой государь, отецъ и братъ!" — писалъ Петръ царю Іоанну.

Нетерпѣливо ожидалъ Петръ прихода корабля, купленнаго по его заказу въ Голландіи. Но время не проходило праздно. Царь рѣшился испытать всю морскую службу такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную, и выбралъ себѣ въ учителя искуснаго шкипера голландскаго Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ.—„Если хочешь учиться, начинай съ должности цвиббера (каютнаго мальчика) и потомъ будь каютъ-вахтеровъ и матросомъ",—сказалъ Виллемсонъ царю, смѣясь.—„А какая цвиббера должность?" спрашивалъ царь.—„Вотъ, поди, набей мнѣ трубку и принеси мнѣ водки! Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать". Царь бросился поспѣшно и исполнилъ приказаніе.—„Хорошо,—сказалъ Виллемсонъ.—теперь полѣзай на мачту!" И онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требо-

валъ продолженія уроковъ и прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ, прибылъ давно ожидаемый корабль. Августа 1-го царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсенъ. Царь находился безотлучно при немъ, стоялъ на вахтѣ, изучалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до св. Носа или устья Бѣлаго моря и продолжалось 10 дней. Не одна навигація занимала между тѣмъ царя: во время плаванія составлялъ онъ съ Гордономъ, коего взялъ съ собою въ Архангельскъ, расположеніе маневровъ московскихъ, распредѣлялъ войско, чертилъ планы.

XVI. Азовскіе походы.

(*Изъ соч. Щебальскаго*: «*Чтеніе изъ Русской исторіи съ исхода XVII вѣка*»).

Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ замышлялъ (въ 1694 г.) сдѣлать Архангельскъ главнымъ торговымъ и военнымъ портомъ Россіи, не имѣя въ виду другого. Но скоро ему представился случай устроить портъ на совершенно другомъ концѣ своего царства, въ краѣ плодоносномъ, на берегу не столь унылаго моря, какъ Ледовитое. Правда, море это надобно было добывать оружіемъ, но Петръ не отступилъ передъ этимъ затрудненіемъ.

Надобно вспомнить, что договоромъ, заключеннымъ въ 1686 году съ Польшей, мы взаимно обязывались не заключать съ турками и татарами отдѣльнаго мира. Мира и не было заключено, но послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Голицына, не одобряемые сильною партіею при дворѣ, они были пріостановлены. Король польскій жаловался на это; мы жаловались, что онъ не поддерживалъ насъ въ предшествовавшія войны, и безплодная переписка по этому предмету продолжалась четыре года. Между тѣмъ Петръ пришелъ къ той же мысли, которую имѣли царевна и Голицынъ: онъ убѣдился, что обладаніе берегами Чернаго моря можетъ быть очень полезно Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, немного нужно было проницательности, чтобъ увидѣть невыгоды Архангельскаго порта, запертаго льдами половину года и находящагося на оконечности скуднаго, печальнаго края. Что можно было доставлять къ нему Двиной, кромѣ лѣса и льна? Несравненно болѣе предметовъ для торговли могли доставить Волга, Днѣпръ и Донъ. Но Волга впадаетъ въ такое море, въ которомъ торговля не обѣщала большого развитія въ близкомъ будущемъ и гдѣ не нуженъ былъ военный флотъ, а Днѣпръ только однимъ берегомъ принадлежалъ Россіи (правый берегъ принадлежалъ тогда Польшѣ). За то Донъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды, онъ протекаетъ по весьма плодоноснымъ областямъ, берега его были порядочно населены, и тогдашнія небольшія суда могли весьма удобно плавать по всему его теченію. Но устье его было заперто турецкою крѣпостью — Азовомъ. Надо было, слѣдовательно, взять Азовъ, и Петръ рѣшился возобновить войну.

Крымскіе походы показали, что рать, хотя бы и многочисленная, хотя бы даже очень храбрая, не составляетъ еще всѣхъ условій для успѣха. Военное искусство есть искусство весьма сложное. Петръ имѣлъ

въ немъ гораздо больше свѣдѣній, нежели Голицынъ; онъ выучился у своихъ учителей, московскихъ нѣмцевъ, всему, чему они могли выучить: онъ понялъ превосходство регулярнаго строя передъ нестройною толпой, научился располагать войско въ бою по всѣмъ правиламъ тогдашней тактики, научился вести осадныя работы и штурмовать укрѣпленія, а управленіе правильно организованными полками, съ которыми онъ постоянно маневрировалъ около Москвы, научило его важному искусству принимать мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ. По всему этому можно было, казалось, ожидать успѣха въ предстоявшемъ походѣ. И точно, онъ былъ веденъ гораздо искуснѣе всѣхъ прежнихъ, а между тѣмъ крѣпостца, которая была бы разбита въ прахъ сотней выстрѣловъ изъ нынѣшнихъ орудій, едва была взята въ два года и стоила намъ много крови.

На 1695 годъ былъ объявленъ походъ, не не противъ Азова, а противъ Крыма: Петръ хотѣлъ скрыть истинную цѣль свою, чтобъ тѣмъ легче овладѣть турецкою крѣпостью. Поэтому въ то время, какъ многочисленная рать стягивалась на южную границу Украйны и подъ начальствомъ славнаго въ послѣдствіи Бориса Петровича Шереметева и Мазепы направлялась къ низовью Днѣпра, до 30,000 лучшаго войска—отчасти стрѣлецкихъ, но больше солдатскихъ полковъ и гвардіи — были двинуты въ землю Донского казачьяго войска, прилегавшую въ то время къ турецкимъ владѣніямъ. Въ одно время съ движеніемъ этой арміи, по Хопру и Дону плыли сотни барокъ съ провіантомъ, снарядами и артиллеріей.

Въ началѣ іюня открыты были осадныя работы противъ азовскихъ укрѣпленій, и начало ихъ было довольно удачно. Скоро, однакожъ, искусство нашихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ находимъ Тиммермана, оказалось далеко неудовлетворительнымъ. Между начальствомъ была разладица. Замѣчательно, что въ этомъ походѣ не было общаго начальника, которому всѣ были бы обязаны повиноваться; главныхъ начальниковъ было три: Лефортъ, Гордонъ и Головинъ. Изъ нихъ только Гордонъ хорошо знакомъ съ военнымъ дѣломъ, изучивъ его и изъ книгъ, и изъ опыта, во время долгой службы своей какъ за границей, такъ и у насъ. Лефортъ, хотя и ему случалось обнажать оружіе, ничѣмъ никогда не командовалъ, а Головинъ очень твердо зналъ „воинскій артикулъ“ и хорошо командовалъ гвардейскими полками, которыхъ онъ былъ начальникомъ, на ученьяхъ, но о другихъ его военныхъ качествахъ исторія умалчиваетъ. Что касается Петра, то хотя онъ проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ, самъ наводилъ орудія и подвергался безпрестаннымъ опасностямъ, и хотя у него было болѣе военныхъ способностей, чѣмъ у всѣхъ трехъ его генераловъ вмѣстѣ, но начальствовать арміей онъ не взялъ на себя: почему?—это трудно сказать. Никто не станетъ утверждать, чтобы скромность и смиреніе были его отличительными чертами: напротивъ, онъ держалъ власть свою чрезвычайно твердою рукою и зналъ мѣру своихъ необыкновенныхъ способностей; но въ продолженіе всей своей жизни онъ любилъ въ иныхъ случаяхъ отодвигаться на второй планъ и съ удивительной серьезностью разыгрывалъ роль подданнаго и подчиненнаго. Такъ, напримѣръ, считаясь капитаномъ бомбардирской (артиллерійской) роты Преображенскаго полка, онъ получалъ жалованье по этому званію, приказывалъ называть себя то *басомъ*, то-есть корабельнымъ мастеромъ, Петромъ Михайловымъ, то командоромъ, то шаутбенахтомъ (морскіе чины). Всего страннѣе были отношенія его къ князю Ромодanов-

скому, одному изъ его любимцевъ, сановнику честному, но любившему выпить, суровому нравомъ и не отличавшемуся особыми дарованіями. Петръ называлъ его *кесаремъ*, т.-е. императоромъ, и это не въ шутку; писалъ къ немъ въ письмахъ: *min her Kenich, билъ челомъ, доносилъ рабски*, титуловалъ *величествомъ*, что, однакожъ, не мѣшало ему порой и пригрозить этому кесарю. Такъ, однажды, Ромодановскій наложилъ слишкомъ крѣпко свою лапу на одного изъ приближенныхъ Петра. „Звѣрь,— написалъ царь къ нему, узнавъ объ этомъ,—долго-ль тебѣ людей жечь?.. Перестань знаться *съ Ивашкою* (т.-е. пить хмельное), быть отъ него рожѣ драной"! Такъ и подъ Азовомъ Петръ приказывалъ называть себя то бомбардиромъ, то „каптейномъ", но это не мѣшало ему посылать иногда приказанія Лефорту, Головину и Гордону, а вслѣдъ за тѣмъ опять прикидываться маленькимъ человѣчкомъ и извиняться передъ княземъ Ромодановскимъ за какой-нибудь сдѣланный имъ промахъ.

Между тѣмъ осада продолжалась; сдѣланы были два штурма, но оба не удались; подведенные подъ крѣпость подкопы повредили менѣе ей, нежели осаждающимъ, а между тѣмъ азовскій гарнизонъ получалъ и продовольствіе, и подкрѣпленія съ моря. Осень наступила; начались въ нашемъ лагерѣ болѣзни, и мы принуждены были снять осаду. Не больше сдѣлано было и Шереметевымъ съ Мазепой на низовьяхъ Днѣпра.

Это, конечно, огорчило, но не смутило Петра и не заставило его отказаться отъ намѣренія овладѣть Азовомъ; онъ только съ удвоенною энергіей принялся за приготовленіе новыхъ средствъ, чтобы не испытать неудачи во второй разъ. Онъ убѣдился, что наши инженеры очень плохи и что многоначаліе на войнѣ не приводитъ ни къ чему доброму; поэтому главнымъ начальникомъ всей осады на слѣдующій годъ былъ назначенъ бояринъ Шеинъ, пріобрѣтшій нѣкоторую репутацію въ Крымскихъ походахъ, а за искусными инженерами послано въ Германію. Очевидно также было, что Азовъ не будетъ взятъ, пока входъ въ Донъ съ моря не будетъ запертъ и не будутъ отняты у турокъ средства присылать подкрѣпленія и продовольствіе осажденнымъ. Но какъ достигнуть этого? Надобно бы создать флотъ. И Петръ рѣшился создать флотъ въ теченіе осени и зимы.

Мѣстомъ для постройки судовъ былъ назначенъ Воронежъ. Въ городѣ этомъ, окруженномъ въ старое время хорошими лѣсами, издавна велось судостроительное дѣло, потому что оттуда сплавлялись Домомъ хлѣбъ и другіе предметы, отпускавшіеся изъ Россіи Донскому войску. Но такъ какъ, по соображеніямъ Петра, чтобы запереть туркамъ входъ съ Азовскаго моря, нужно было построить не менѣе 30 галеръ (судовъ небольшого размѣра), то воронежскихъ судовщиковъ и плотниковъ не могло быть достаточно. Петръ не затруднился этимъ: „Min her gubernor Archangel,—писалъ онъ Апраксину,—съ консиліи господъ генераловъ *указано мнѣ* къ будущей войнѣ дѣлать галеи (родъ галеръ),—для чего удобно, мню, быть шхиптимерманамъ (корабельнымъ мастерамъ) всѣмъ отъ васъ сюды". Они должны были прибыть въ Воронежъ къ веснѣ, а въ теченіе зимы приказано было заготовить потребное количество лѣса, желѣза и другого матеріала для постройки и оснастки судовъ. Петръ поворачивалъ дѣло не по старинному: все кипѣло у него въ рукахъ, все шевелилось вокругъ него.

Подавая примѣръ дѣятельности—качества, вовсе незнакомаго старинной Руси,—онъ еще въ концѣ зимы больной прискакалъ изъ Москвы въ Воронежъ и принялся самъ за топоръ и за циркуль: „Мы по приказу Бо-

жію къ праотцу нашему Адаму,—писалъ онъ Стрѣшневу,—въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой". За то къ апрѣлю тридцать галеръ было готово.

Въ началѣ 1696 года къ азовскимъ укрѣпленіямъ снова сдвигались наши полки и плыли новоустроенныя галеры. По прошлогоднему предположенію, онѣ, дѣйствительно. заняли такъ называемыя Донскія гирлы (устья); нѣсколько турецкихъ кораблей попробовали-было подойти къ Азову, но принуждены были повернуть назадъ, при чемъ два изъ нихъ, сѣвшіе на мель, были сожжены. Что касается до самой крѣпости, то по ней была открыта жестокая канонада ядрами и бомбами, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, послѣ чего гарнизонъ рѣшился положить оружіе.

Радость Петра была не описанна. „Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтесь о Господѣ и, паки реку, радуйтесь",—писалъ онъ въ Москву, извѣщая о сдачѣ Азова; а Ромодановскій, также серьезно входившій въ свою роль „государя" и „кесаря", какъ Петръ въ роль бомбардиръ-капитана, отвѣчалъ ему съ тяжелою флегмой: „за усердное къ Богу моленіе и за мудрое надъ бусурманами сниеканіе ко взятію Азова похваляемъ адмирала (Лефорта), генераловъ, всѣхъ начальныхъ людей, пѣхоту и тебя, каптейна".

И въ старину случалось нашимъ воеводамъ брать укрѣпленные города, подобно Азову; но тогда вся ихъ награда состояла въ шубѣ съ царскаго плеча, кубкѣ, нѣсколькихъ пригоршняхъ червонцевъ, которые имъ жаловалъ царь, да „въ милостивомъ его словѣ". Теперь Петръ желалъ, чтобы побѣда надъ турками имѣла видъ общественнаго торжества, и приказалъ устроить въ Москвѣ для возвращавшихся войскъ тріумфальную встрѣчу. При въѣздѣ съ Замоскворѣчья на Каменный мостъ (построенный при царевнѣ), были поставлены тріумфальныя врата, украшенныя гербами, арматурами, изображеніемъ славы, статуями, представлявшими торжество русскихъ надъ турками: надъ изображеніемъ послѣднихъ были написаны слѣдующіе стихи:

Ахъ, Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдство себѣ достали.

Нептунъ, властитель морей, гласилъ: „Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь".

30-го сентября (1696 г.) началось торжественное шествіе. Солдатскіе и стрѣлецкіе полки съ развѣвавшимися знаменами, главные начальники въ парадныхъ экипажахъ, духовенство съ хоругвями и иконами, плѣнные турки и татары, отбитые у нихъ значки, бунчуки и другіе трофеи слѣдовали установленнымъ порядкомъ подъ звуки музыки и при стеченіи народа. Въ тріумфальномъ же шествіи везли одного иностранца, перебѣжавшаго изъ нашей службы къ туркамъ и попавшагося въ плѣнъ: онъ былъ прикованъ къ телѣгѣ, на которой утверждена была висѣлица и разложены орудія пытки... Что касается до царя, то онъ шелъ пѣшкомъ въ мундирѣ морского капитана за экипажемъ адмирала Лефорта. Москва дивилась невиданному зрѣлищу. Государь надѣялся, что оно поможетъ врѣзать въ народную память побѣду, отъ которой онъ ожидалъ обширныхъ послѣдствій.

Какихъ же послѣдствій могъ Петръ ожидать отъ овладѣнія довольно, впрочемъ, незначительною турецкою крѣпостцой?

Донъ протекалъ по самымъ плодороднымъ и населеннымъ мѣстамъ

Россіи и, между тѣмъ, не приносилъ почти никакой пользы, потому что по немъ не производилось почти никакой торговли, именно отъ того, что у всякаго было дома все свое, что всякій самъ производилъ всэ ему необходимое. Но какъ скоро Азовъ пересталъ бы запирать устье Дона и открылось бы сообщеніе придонскихъ областей съ моремъ, а посредствомъ его и съ другими отдаленными странами,—дѣло было бы совершенно иное. Къ этому порту должны были Чернымъ моремъ приходить иностранные корабли и къ нему же Дономъ должны были русскіе сплавлять свои произведенія. Здѣсь, наконецъ, должно было образоваться средоточіе торговаго флота Россіи и ея морской военной силы.

Но Черное море было во власти турокъ, которые владѣли и Керченскимъ проливомъ; Азовъ окружали земли Крымскаго хана; наше новое владѣніе могло, слѣдовательно, безпрестанно подвергаться нападенію и съ суши, и съ моря. Противъ сухопутнаго нападенія, положимъ, мы могли бы оборониться: стоило сдѣлать укрѣпленія, да поставить за ними достаточное число войска. Но какъ оборониться съ моря? Для этого необходимъ былъ флотъ, а у насъ были только небольшія галеры, приспособленныя для плаванія по Дону, которыя не могли выйти въ открытое море. Надо, слѣдовательно, было соорудить военный флотъ.

XVII. Сооруженіе флота.

(*Изъ «Исторіи царствованія Петра В.» Устрялова*).

Со времени потѣшныхъ походовъ на Бѣломъ морѣ, Петръ, по собственнымъ словамъ его, „всю мысль свою уклонилъ къ строенію флота“. Подъ Азовомъ онъ убѣдился окончательно, что только морскія силы могутъ дать перевѣсъ его государству въ войнѣ съ Турціею. Упорные до неистовства при защитѣ крѣпостей, грозные на сушѣ необузданною храбростью янычаръ, турки, очевидно, робѣли на морѣ. Царь не могъ забыть постыднаго бѣгства цѣлой эскадры ихъ отъ казачьихъ лодокъ и самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ страхомъ смотрѣлъ турецкій адмиралъ на русскія галеры, какъ долго не смѣлъ послать помощь стѣсненному Азову, какъ рѣшился, наконецъ, подойти къ Донскому устью, но едва замѣтилъ на нашихъ галерахъ сигналъ „сняться съ якоря“, быстро повернулся назадъ и ушелъ въ море. Если плоскодонныя суда наводили паническій ужасъ на цѣлую эскадру, чего нельзя было сдѣлать съ корабельнымъ флотомъ? Петръ имѣлъ право думать, что затрепещетъ султанъ въ самомъ Стамбулѣ, какъ скоро русскій флагъ взовьется на водахъ Черноморскихъ, и онъ возвратился изъ-подъ Азова въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ построить въ одинъ годъ не менѣе 50 военныхъ кораблей, отъ 24 до 30 пушекъ, съ немалымъ числомъ галеръ и судовъ бомбардирскихъ. Столь огромное предпріятіе требовало и способовъ чрезвычайныхъ: царь нашелъ ихъ въ своемъ народѣ. Въ началѣ ноября 1696 года бояре и палатные люди приглашены были въ Преображенское, для великаго царственнаго дѣла, для пріисканія средствъ къ безотлагательному сооруженію флота. Царская дума, убѣжденная доводами государя въ необходимости сей мѣры, постановила: возложить строеніе кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, на гостей и людей торговыхъ, на посады и слободы, не исключая и бѣло-

мѣстцевъ, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы духовные съ 8.000 крестьянскихъ дворовъ, свѣтскіе съ 10.000 выстроили по барколону или по кораблю, оснащенному и вооруженному, не позже апрѣля мѣсяца 1698 года; гостямъ же, людямъ торговымъ, посадскимъ и бѣломѣстцамъ, всѣмъ въ совокупности, къ тому же сроку изготовить 12 судовъ бомбардирскихъ, подъ наказаніемъ виновныхъ въ неисправности потерею животовъ и дворовъ. Помѣщики и вотчинники, имѣвшіе не менѣе 100 дворовъ крестьянскихъ, обязаны были въ теченіе мѣсяца, къ 1-му января 1697 года, явиться въ Москву въ Помѣстный приказъ для корабельной раскладки, кому съ кѣмъ быть въ кумпанствѣ, подъ опасеніемъ за ослушаніе отписки имѣнія на государя; владѣльцы мелкомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора въ два срока; гостямъ предоставлено избрать изъ среды ихъ надежныхъ людей для денежныхъ сборовъ и расходовъ по исправленію корабельной повинности, павшей на ихъ долю. Помѣщики и вотчинники, призванные къ сооруженію флота, не замедлили явиться въ Москву и поставили кумпанства: духовные съ духовными, свѣтскіе со свѣтскими. По дѣламъ архивовъ морского министерства, вотчиннаго департамента въ Москвѣ и губернскаго правленія въ Воронежѣ извѣстны 19 кумпанствъ духовныхъ и 42 свѣтскихъ.

По раскладкѣ корабельной повинности и по образованію кумпанствъ, все дѣло о постройкѣ судовъ передано изъ Помѣстнаго приказа въ Судный Володимерскій, въ вѣдѣніе окольничаго Александра Петровича Протасьева, который до конца 1698 года былъ главнымъ распорядителемъ сооруженія флота, но далеко не оправдалъ довѣренности государя: онъ оказался взяточникомъ. Судный Володимерскій приказъ, сообщивъ во всѣ кумпанства подробныя росписи: какой величины строить имъ суда, съ какимъ числомъ орудій, сколько поставить плотниковъ, кузнецовъ и другихъ рабочихъ людей, — предписалъ немедленно заготовлять матеріалы лѣсные и желѣзные по даннымъ чертежамъ, съ тѣмъ, чтобы корабельные мастера, нанятые за границею, могли приступить къ закладкѣ и постройкѣ судовъ тотчасъ по прибытіи въ Россію. Для заготовленія лѣсныхъ матеріаловъ отведены были казенныя дачи по Воронежу, отчасти по Хопру и по Дону; желѣзо, канаты, полотно, орудія, снаряды — все, что необходимо для оснастки и вооруженія судовъ, кумпанства должны были покупать на свой счетъ, также нанимать рабочихъ и платить мастерамъ жалованье. Верфи разрѣшено учредить подъ Воронежемъ, въ подгородной слободѣ Чижевкѣ, выше города въ 20 верстахъ, въ селѣ Чертовицкомъ, на пристаняхъ Романской, Ступинской, также по Хопру и по Дону.

Ближайшій надзоръ за работами порученъ Францу Тиммерману, извѣстному наставнику Петра въ математикѣ, и главному инженеру его при первой осадѣ Азова, Августу Мееру, строившему съ царемъ галеры для второго Азовскаго похода, и двумъ вызваннымъ изъ-за границы въ 1696 году корабельнымъ капитанамъ. Строеніе компанейскихъ судовъ производилось большею частью подрядомъ; въ Москвѣ проживали многіе сметливые иноземцы, промышлявшіе разными оборотами и теперь предложившіе кумпанствамъ свои услуги, чтобы тысячъ за десять и болѣе избавить ихъ отъ хлопотъ.

Корабельные мастера вызваны были изъ Венеціи, Даніи, Швеціи и Голландіи. О наймѣ ихъ царь распорядился еще заблаговременно. Еще изъ-подъ Азова, прежде покоренія его, въ іюлѣ 1696 года, онъ просилъ венеціанскій сенатъ, „для пользы общей христіанской войны, прислать

въ Москву 13 добрыхъ судовыхъ мастеровъ, которые умѣли бы строить всякія суда воинскія и морскія", обнадеживая ихъ царскою милостію, жалованьемъ, призрѣніемъ и обѣщая свободный отпускъ безъ задержанія, когда захотятъ возвратиться въ отечество. Сенатъ поручилъ „магистрамъ кораблестроенія" выбрать изъ государственнаго арсенала и изъ частныхъ верфей лучшихъ мастеровъ, и отправилъ ихъ въ Вѣну, для договора съ русскимъ посланникомъ, Нефимоновымъ. „Венецейскіе художницы" запросили жалованья по червонцу въ день, не исключая праздниковъ, и 1500 червонцевъ на путевыя издержки, съ тѣмъ еще, чтобы кормить и поить ихъ въ Москвѣ довольно, сколько потребуютъ. Нефимоновъ убѣдилъ ихъ положиться во всемъ на милость государя, который жалуетъ, кто чего достоинъ, смотря по службѣ и работѣ. Они пріѣхали въ Москву въ январѣ 1697 года съ капитаномъ Моро и такое показали искусство, особенно въ постройкѣ галеръ, что царь, по окончаніи работъ, отпуская ихъ въ отечество, изъявилъ живѣйшую признательность венеціанскому сенату.

Другіе мастера вызваны были изъ сѣверныхъ приморскихъ государствъ Францемъ Тиммерманомъ, который, для найма ихъ, разослалъ съ царскими грамотами и съ своими зазывными листами дѣятельныхъ агентовъ. По письмамъ его выѣхали въ Россію, въ первой половинѣ 1697 года, не менѣе 50 мастеровъ корабельныхъ, парусныхъ, канатныхъ, якорныхъ, въ томъ числѣ 27 голландцевъ, 19 шведовъ и датчанъ. Всѣ они, по мѣрѣ прибытія, немедленно отправляемы были въ Воронежъ, гдѣ окольничій Протасьевъ распредѣлялъ ихъ по кумпанствамъ, хлопотавшимъ надъ постройкою судовъ къ назначенному сроку. Для лучшаго поясненія, какимъ образомъ производилось многосложное и многотрудное дѣло сооруженія флота, предложимъ нѣсколько подробностей изъ современныхъ актовъ о о дѣйствіяхъ кумпанства Казанскаго.

Казанскому кумпанству предписано было отъ Суднаго Володимерскаго приказа построить на Воронежѣ и спустить на воду къ апрѣлю мѣсяцу 1698 года 26 пушечный барколонъ на 200 человѣкъ экипажа, длиною 115 футовъ, шириною 21 футъ, ходу въ водѣ 7 футовъ, да къ нему ушкалъ (ботъ) на 24 человѣка и малое судно (шлюпку). Пушки назначены чугунныя, длиною по 6 футовъ, въ томъ числѣ 2 шестифунтовыя, 18 четырехфунтовыхъ и сверхъ того 6 малыхъ дробовыхъ. Для строенія судна, кумпанству велѣно подрядить и прислать на Воронежъ корабельнаго мастера съ подмастерьемъ и двумя плотниками изъ иностранцевъ, двухъ кузнечныхъ мастеровъ также изъ иноземцевъ, 4 кузнецовъ русскихъ, 60 плотниковъ самыхъ добрыхъ, столяра, маляра, лекаря, пять толмачей и достаточное число рабочихъ, кромѣ плотниковъ. При указѣ приложена роспись матеріаламъ, припасамъ, снарядамъ, необходимымъ для постройки, оснастки и вооруженія барколона, съ чертежами и размѣромъ кріуль, долженствовавшихъ служить ему основою.

Кумпанщики приговорили мастеровыхъ и рабочихъ, распорядились рубкою лѣса въ отведенныхъ имъ казенныхъ дачахъ, заготовили предписанные матеріалы и приставили къ постройкѣ судна монастырскихъ стряпчихъ; дѣло однакожъ не ладилось: протекло полгода отъ обнародованія царскаго указа, истрачено слишкомъ 1.600 рублей, а барколонъ еще не былъ и заложенъ. Опасаясь пени и гнѣва государева въ случаѣ неисправности, Казанское кумпанство, по примѣру другихъ, отдало строеніе барколона на подрядъ Елизарію Избранту и заключило съ нимъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1697 года рядную запись, которою онъ обязался: выстроить бар-

колонъ съ ушкаломъ и малымъ судномъ, спустить на воду, оснастить, вооружить и сдать царскимъ пріемщикамъ подъ росписку, не доводя кумпанства до гнѣва государева, въ апрѣлѣ 1698 года, съ уплатою ему 4.000 рублей въ 6 мѣсяцевъ, а достальныхъ 5.000 рублей по окончаніи постройки. Къ указанному сроку барколонъ былъ готовъ; строилъ его голландскій корабельный мастеръ, подъ главнымъ надзоромъ Франца Тиммермана, Классъ Кокъ; жалованье ему производилось съ кормовыми по 14 рублей въ мѣсяцъ.

Дѣло тѣмъ, однакожъ, не кончилось: когда барколонъ былъ уже въ отдѣлкѣ, послѣдовало царское повелѣніе съ двухъ кумпанствъ сдѣлать еще по одному кораблю, и Судный Володимерскій приказъ предписалъ кумпанствамъ Казанскому и Вологодскому на общій ихъ счетъ построить складной 14 пушечный барколонъ съ ушкаломъ и лодкою, со всѣми судовыми снастями и военными припасами. Елизарій Избрантъ взялъ на подрядъ и это судно за 9.400 рублей. Мало того, въ послѣдствіи, по разсужденію вице-адмирала (Крейса), признано необходимымъ дополнить и усилить какъ оснастку, такъ и вооруженіе всѣхъ вообще компанейскихъ судовъ, съ значительною поправкою и передѣлкою въ самомъ корпусѣ, и на долю Казанскаго кумпанства къ его собственному барколону досталось прибавить 38 пушекъ чугунныхъ (въ томъ числѣ 26 восьмифунтовыхъ, 12 двухфунтовыхъ) и 6 небольшихъ мѣдныхъ, со множествомъ снарядовъ и снастей, такъ что онъ принялъ видъ 58-пушечнаго фрегата. Такимъ же образомъ производились работы и въ прочихъ кумпанствахъ; одни изъ нихъ строили суда голландскимъ размѣромъ, другіе датскимъ. Въ одно время съ компанейскими барколонами предназначено было построить отъ 10 до 12 военныхъ кораблей на счетъ казны. Для вооруженія ихъ шведскому въ Москвѣ комиссару или резиденту Книперъ-Крону поручено было приторговать въ Стокгольмѣ 600 готовыхъ чугунныхъ пушекъ. Узнавъ о томъ, шведскій король Карлъ XI, въ доказательство участія своего къ успѣхамъ христіанскаго оружія въ войнѣ съ турками, назначилъ россійскому государю въ даръ 300 пушекъ; но, за кончиною, отправить ихъ не успѣлъ. Онѣ присланы преемникомъ его, Карломъ XII, лѣтомъ 1697 года, въ Нарву.

Зимою перевезли ихъ изъ Нарвы въ Москву, а оттуда въ Воронежъ на 600 подводахъ. Остальныя триста орудій подрядился отлить въ Стокгольмѣ искусный мастеръ Еренкрейцъ, и 100 изъ нихъ, по 9 и по 10 фунтовъ ядромъ, также доставлены въ 1698 году въ Москву. Мѣсто для корабельной гавани на Азовскомъ морѣ, послѣ тщательнаго измѣренія устьевъ Дона, назначено рѣшительно при Таганъ-Рогѣ; для устройства ея, по плану цесарскаго инженера де-Лаваля, наряжено 20.000 жилыхъ людей изъ украинскихъ городовъ, подъ вѣдѣніемъ думнаго дворянина Щепина. Въ защиту гавани предназначено соорудить крѣпость на Таганъ-Рогѣ, во имя св. Троицы. Заботливость царя о будущемъ флотѣ на Азовскомъ морѣ тѣмъ не ограничилась; отъ него не могло укрыться, какъ затруднительна будетъ доставка снарядовъ и припасовъ въ столь отдаленный край изъ внутреннихъ областей Россіи, и онъ придумалъ удобнѣйшій къ перевозкѣ тяжестей путь, повелѣвъ инженерному полковнику Брюкелю прорыть каналъ, съ устройствомъ шлюзовъ, между Иловлею и Камышенкою, для соединенія Волги съ Дономъ: 35.000 человѣкъ изъ посошныхъ людей низовыхъ городовъ велѣно князю Борису Алексѣевичу Голицыну отрядить къ Брюкелю на шлюзное дѣло. „Тако, — говоритъ Петръ, — началось новое въ Россіи дѣло: строеніе

великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго". Съ этою цѣлью, на первый разъ, онъ назначилъ отправить 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ; изъ нихъ 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, и 22 въ Англію и Голландію. Всѣ они принадлежали къ знатнѣйшимъ въ то время фамиліямъ, и многіе впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ (хотя ни одинъ не отличился на морѣ). При каждомъ стольникѣ велѣно быть по одному солдату, какъ для изученія морского дѣла, такъ, вѣроятно, и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено, чтобы они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущества. Не безъ горя и не безъ слезъ отправлялись наши царедворцы въ дальніе края, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тягостнаго, несообразнаго ни съ званіемъ ихъ, ни съ наклонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ понималъ какой-либо языкъ иностранный. Большею частью, они были женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить, сколько плачущихъ оставалось въ Москвѣ. Конечно, не было ни одного знатнаго дома, гдѣ-бы не тужили и не сѣтовали о долговременной разлукѣ съ родными и ближними, обреченными учиться ремеслу матросскому. Многіе, сверхъ того, роптали на посылку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли и не знали, наконецъ, что̀ уже и думать, когда разнеслась вѣсть о поѣздкѣ за море самого царя.

XVIII. Путешествіе Петра за границу.

(*Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева*).

Таинственный голосъ, который нашептывалъ вождямъ германскихъ варваровъ: „Римъ, Римъ!" и неудержимо влекъ ихъ къ столицѣ образованнаго міра, путешествіе въ Константинополь русской Ольги, мудрѣйшей изъ женъ, и путешествіе на западъ Петра — суть явленія одинаковыя, въ которыхъ выражается неодолимое стремленіе нецивилизованныхъ, но историческихъ, благородныхъ народовъ къ цивилизаціи. Что относительно Петра таинственный голосъ замѣнялся явнымъ голосомъ Лефорта — это нисколько не измѣняетъ дѣла: Петръ поѣхалъ бы за границу и безъ Лефорта, точно такъ же, какъ сдѣлался бы мореплавателемъ и устроителемъ флота безъ нахожденія ботика боярина Никиты Романова. Неизвѣстно, кѣмъ придумана была форма поѣздки царя за границу: онъ отправлялся въ свитѣ великаго посольства, назначеннаго къ цесарю, королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ, къ курфюрсту бранденбургскому и въ Венецію. Тутъ достигались двѣ цѣли: Петръ могъ сохранять инкогнито и учиться, а гдѣ нужно—направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ войны или мира съ нею, и лично объясняться съ государями е министрами. Цѣлью посольства было прямо объявлено „подтвержденіи

древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ“: слѣдовательно, посольство должно было прежде всего направиться въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ турецкій; но царскій посланникъ въ Вѣнѣ, Нефимовъ, донесъ, что вопросъ рѣшенъ, съ цесаремъ и Венеціею заключенъ имъ наступательный и оборонительный союзъ противъ турокъ на три года; это позволяло перемѣнить направленіе пути и отправиться прямо въ западныя поморскія государства для изученія корабельнаго дѣла. Великими полномочными послами были назначены: генералъ и адмиралъ, намѣстникъ новгородскій Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и воинскій коммиссарій, намѣстникъ сибирскій Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ бѣлевскій Прокофій Богдановичъ Возницынъ; при нихъ—болѣе 20 дворянъ и до 35 волонтеровъ, между которыми былъ Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. Правительство въ отсутствіе царя оставалось, какъ было при немъ: на старыхъ мѣстахъ прежнія лица; кто былъ прежде вліятельнѣе другихъ, тотъ оставался и теперь съ тѣмъ же вліяніемъ; это было тѣмъ легче, что и до заграничной поѣздки царь былъ почти въ постоянномъ отсутствіи, и къ боярскому управленію привыкли съ 1689 года. Со всѣми дѣлами относились на царское имя, какъ-будто Петръ и не выѣзжалъ изъ Москвы. Въ февралѣ 1696 года назначенъ былъ отъѣздъ великаго посольства изъ Москвы, когда было донесено о заговорѣ на жизнь государя.

10 марта великое посольство выѣхало изъ Москвы. Первыя впечатлѣнія по выѣздѣ за шведскій лифляндскій рубежъ были неблагопріятны. Ѣхали медленно не столько отъ распутицы, сколько отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что въ странѣ былъ голодъ. Въ Ригѣ посольству сдѣлана была почетная встрѣча, но губернаторъ Дальбергъ счелъ своею обязанностью не нарушать строгаго инкогнито царя, такъ какъ русскіе увѣряли, что вѣсть о царскомъ путешествіи есть дѣтское разглашеніе, что царь ѣдетъ въ Воронежъ для корабельнаго строенія. Съ другой стороны, желаніе Петра осмотрѣть рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригою, а сынъ безъ устали строитъ корабли и вмѣсто того, чтобы сражаться съ турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ! Но легко понять, какъ эта подозрительность и недопущеніе осмотрѣть городъ должны были раздражить Петра. Враждебное чувство глубоко залегло въ его сердце. Тремя днями прежде посольства онъ переправился въ лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію. Въ какомъ онъ былъ расположеніи духа при отъѣздѣ, всего лучше видно изъ письма его къ Виніусу отъ 8 апрѣля: „Сегодня поѣхали отсель въ Митаву. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими за копѣйку м...... лаются и клянутся, а продаютъ втрое“. Не смотря однако на то, что сытъ былъ только зрѣніемъ, Петръ кой-что успѣлъ смекнуть, и пишетъ къ Виніусу: „Мы ѣхали чрезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на 5 мѣстахъ, которые были меньше 1000 человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны“. Вслѣдствіе этой малой пріятности, Рига осталась въ памяти Петра, какъ „проклятое“ мѣсто. За

Двиною въ Курляндіи другой пріемъ: съ герцогами курляндскими у русскихъ царей всегда были дружественныя сношенія. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ первый разъ увидался съ Балтійскимъ моремъ. Изъ Либавы Петръ одинъ, безъ великихъ пословъ, отправился моремъ въ Пруссію и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфюрстомъ бранденбургскимъ, Фридрихомъ III. Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѣхавшихъ сухимъ путемъ, Петръ не терялъ времени и сталъ учиться артиллеріи; учитель, подполковникъ фонъ-Штернфельдъ, далъ благопомянутому господину Петру Михайлову свидѣтельство, что „онъ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ". Пріѣхали великіе послы и были приняты великолѣпно. Курфюрстъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и заключить съ Россіею оборонительный союзъ, но Петръ отклонилъ предложеніе, боясь перемѣнить существующія отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ до окончанія турецкой войны. Былъ заключенъ съ Бранденбургомъ не союзный, но дружественный договоръ, въ которомъ было постановлено о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о непринимапіи бунтовщиковъ и непріятелей, о позволеніи, со стороны курфиста, ѣздить чрезъ его земли русскимъ людямъ для науки въ Германію.

Петръ зажился въ Пруссіи долѣе, чѣмъ сколько было ему нужно, зажился по польскимъ дѣламъ. Въ Польшѣ по смерти Яна Собѣскаго, какъ извѣстно, наступило междуцарствіе. Кандидатовъ на престолъ было много. Отношенія Россіи къ этому избранію были просты: кто бы ни былъ на польскомъ престолѣ — все равно, лишь бы до заключенія общаго мира съ турками Польша не выходила изъ священнаго союза четырехъ державъ; поэтому Россія должна была противиться только одному кандидату — принцу Конти, потому что Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Турціи и враждебныхъ къ Австріи. Польша съ королемъ-французомъ легко могла подчиниться французской политикѣ и, дѣйствительно, французскій посланникъ заявилъ польскимъ вельможамъ обѣщаніе султана заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратить ей Каменецъ, если королемъ будетъ избранъ французкій принцъ. Такъ какъ это заявленіе очень усиливало французскую партію, то Петръ изъ Кенигсберга послалъ панамъ раднымъ грамоту, что до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ выборы, но теперь объявляетъ, что если французская факція возьметъ верхъ, то не только союзъ на общаго непріятеля, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ: французскій король, имѣя дружбу съ турецкимъ султаномъ, во всемъ ему помогаетъ во вредъ союзнымъ христіанскимъ государямъ; какой же послѣ того будетъ христіанскій союзъ, когда французъ сядетъ на престолъ польскій? Мы, заключалъ Петръ, такого короля французской и турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ, — хотимъ, чтобы вы выбрали изъ какоего ни есть народа, только бы онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ римскимъ противъ общихъ непріятелей Креста Святого. 17 іюня совершились выборы — двойные: одна партія провозгласила Конти, другая курфюрста саксонскаго. Члены противныхъ партій рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрѣпленія которой Петръ прислалъ еще другую того же содержанія; саксонская партія начала брать явный пе-

ревѣсъ. Виніусъ, увѣдомляя Петра объ избраніи Августа, писалъ ему: „Я съ тѣмъ новымъ королемъ вашу милость господина моего, яко кавалера больше къ нѣмецкому народу, неже къ пѣтуховому (французскому) склоннаго, отъ всего сердца поздравляю". Царь послалъ поздравительную грамоту Августу и велѣлъ объявить панамъ рады, что для защиты республики отъ Конти и его партіи придвинуто къ литовской границѣ русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Августъ вступилъ въ Польшу съ саксонскимъ войскомъ и присягнулъ, что принялъ католическую вѣру. Получивъ царскую поздравительную грамоту, онъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что даетъ честное слово быть съ царемъ за одно противъ враговъ Креста Святого, и что изъявленный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти. Между тѣмъ, вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Польши, Петръ рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на западъ. Къ нему навстрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфюрстина ганноверская Софія и дочь ея, курфюрстина бранденбургская Софія Шарлотта. Курфюрстины записали впечатлѣнія, произведенныя на нихъ Петромъ,—ихъ поразила двойственность его натуры: они увидали необыкновеннаго человѣка, поражавшаго своими блестящими способностями и въ то же время своими недостатками, показывавшими, изъ какого общества вышелъ онъ, какое воспитаніе получилъ.

Свиданіе Петра съ курфюрстинами происходило въ герцогствѣ Цельскомъ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге. Сначала царь не хотѣлъ идти къ нимъ и долго отговаривался, наконецъ пошелъ, съ условіемъ, чтобъ не было никого постороннихъ. Онъ вошелъ, какъ застѣнчивый ребенокъ, закрылъ лицо рукою и на всѣ любезности отвѣчалъ: „не могу говорить"; потомъ однако разговорился, особенно за ужиномъ, застѣнчивость пропала, и онъ позволилъ войти въ залъ придворнымъ курфюрстинъ, поилъ мужчинъ виномъ изъ большихъ стакановъ, танцовалъ; веселье прошло далеко за полночь. Царь съ удовольствіемъ слушалъ итальянскихъ пѣвицъ, но сказалъ при этомъ, что музыку не совсѣмъ уважаетъ. На вопросъ старой курфюрстины, любитъ-ли онъ охоту, отвѣчалъ: „Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, очень люблю кораблеплаваніе и фейерверки". При этомъ онъ показалъ свои руки, ставшія жесткими отъ работы. Софья Шарлотта, описывая Петра, говоритъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно, но мнѣ понравились его естественность и непринужденность". Курфюрстина-мать пишетъ: „Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостью ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это — государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы челевѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ".

Изъ Кюппенбрюгге Петръ направился къ Рейну, оставилъ посольство, и съ десятью человѣками спустился Рейномъ и каналами до Амстердама. Такъ какъ посольство еще не пріѣзжало, то, въ ожиданіи его, Петръ занялся по своему: въ мѣстечкѣ Саардамъ или Заандамъ, извѣстномъ по

обширному кораблестроенію, на верфи Рогге появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; жилъ онъ въ коморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи, выдавалъ себя за ихъ товарища, плостого протника. Въ свободное отъ работы время русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ; все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается; однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ пзъ чана массы—и вышелъ отличный листъ; любимая забава его была катанье на яликѣ, который купилъ на другой же день по пріѣздѣ въ Саардамъ. Своимъ поведеніемъ и видомъ, не идущими къ простому плотнику (хотя своею красною фризовою курткою и бѣлыми холстинными штанами онъ нисколько не отличался отъ обыкновенныхъ работниковъ), Петръ сейчасъ же выдалъ себя: заговорили что это не простой плотникъ, и вдругъ разносится слухъ, что это самъ царь московскій. Скоро слухъ подтвердился: Петръ раздразнилъ уличныхъ мальчишекъ, которые попотчивали его пескомъ и камнями,—и бургомистръ издалъ объявленіе, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ быть неизвѣстными. Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался отъ почетныхъ приглашеній, отъ удобнаго помѣщенія, говоря: „Мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей коморки“. Жилъ въ коморкѣ, а купилъ буеръ за 450 гульденовъ! Толпа преслѣдовала Петра, что приводило его въ ярость, сдерживать которую онъ не выучился въ Преображенскомъ съ потѣшными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, онъ былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого-то Марцена и далъ ему пощечину. — „Марценъ пожалованъ въ рыцари!“—закричала толпа, и названіе „рыцарь“ осталось за Марценомъ навсегда.

Изъ Амстердама дали знать о приближеніи русскаго посольства и Петръ поѣхалъ туда, проживъ въ Саардамѣ 8 дней. 16-го августа Лефортъ съ товарищами торжественно въѣхалъ въ Амстердамъ. Пріемъ былъ великолѣпный; Петръ участвовалъ въ празднествахъ, которыя давали посольству генеральные штаты, зная о присутствіи самого царя. Въ Амстердамѣ знакомѣе всѣхъ другихъ именъ Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Витзенъ былъ въ Россіи, проѣхалъ и до Каспійскаго моря, былъ извѣстенъ, какъ авторъ знаменитаго сочиненія: „Татарія восточная и южная“, какъ издатель Избрандидесова путешествія въ Китай. Къ Витзену обратился Петръ съ просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ на амстердамскихъ верфяхъ, и Витзенъ помѣстилъ его на верфи Остъ-Индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложенъ былъ фрегатъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ ночью поѣхалъ въ Саардамъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты и къ утру возвратился въ Амстердамъ, чтобъ немедленно же приняться за работу; волонтеры, пріѣхавшіе съ посольствомъ, были также размѣщены по работамъ. Петръ откликался только, когда ему кричали: „плотникъ Петръ Саардамскій!“ или „мастеръ Петръ!“ но когда обращались къ нему со словами „Ваше Величество“ или „Милостивый Государь“,—поворачивался спиною. Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ штатгальтеромъ голландскимъ и королемъ англійскимъ Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все показывать—

китовый флотъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія; особенно понравилось Петру въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ, слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь. Въ кабинетѣ Рюйша онъ такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой. Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ знаменитаго Боергова, замѣтивъ отвращеніе своихъ русскихъ спутниковъ къ трупамъ, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа. Разумѣется, Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ, во время поѣздки въ Лейденъ на яхтѣ часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: „это я долженъ видѣть!“ и надобно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. И ночью онъ не давалъ имъ покоя: вдругъ экипажъ получитъ сильный толчокъ:—„Стой! что это такое“? надобно зажигать фонари и показывать. Геніальный царь былъ полнымъ представителемъ народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи и теперь вдругъ дорвался до нея. Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ въ Амстердамѣ: оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соотвѣтствующій положенію Петра, его тогдашней главной думѣ: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки. Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патріарху Адріану въ Москву: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану“.

Кромѣ патріарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которыя извѣщали его о томъ, что дѣлалось въ Россіи. Около Азова возводились укрѣпленія: крѣпости Алексѣевская и Петровская, Троицкая на Таганрогѣ и подлѣ нея Павловская; при Таганрогѣ устраивалась гавань. Татары были отражены отъ Азова. На Днѣпрѣ турки и татары были отбиты отъ занятыхъ русскими крѣпостей—Казыкармена и Тавани; въ Польшѣ окончательно утвердился королемъ Августъ; кумпанства усердно строили корабли, шведскій король прислалъ 300 пушекъ для войны съ невѣрными. Охотнѣе, чѣмъ съ другими, переписывался Петръ съ Виніусомъ, какъ съ человѣкомъ, болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности.

Четыре мѣсяца съ половиною жилъ Петръ въ Голландіи; фрегатъ заложенный имъ, былъ спущенъ.

Въ январѣ 1698 года Петръ переѣхалъ изъ Голландіи въ Англію и скоро изъ Лондона перебрался въ городокъ Дептфордъ, гдѣ на королевской верфи занимался окончаніемъ науки. Здѣсь онъ приговорилъ до 60 человѣкъ иностранцевъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, въ то же время послы въ Голландіи приговорили болѣе 100 человѣкъ, для флота много нанялъ принятый въ Голландіи на русскую службу капитанъ Корнелій Крейсъ: онъ былъ принятъ прямо вице-адмираломъ. Проведя три мѣсяца

въ Англіи, Петръ переѣхалъ въ Голландію, но не остановился здѣсь, а направилъ путь на юго-востокъ—въ Вѣну. Переговоры посольства съ генеральными штатами, на счетъ помощи царю въ войнѣ съ турками, не удались: штаты, подъ тѣмъ предлогомъ, что страна ихъ истощена французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружіемъ, снарядами, и скоро Петръ узналъ, что штаты вмѣстѣ съ англійскимъ королемъ хлопочутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціей. Этотъ миръ былъ необходимъ для Голландіи и Англіи, чтобы дать императору возможность свободно дѣйствовать противъ Франціи: предстояла страшная война за наслѣдство испанскаго престола, т.-е. для сокрушенія опаснаго для всей Европы могущества Франціи. Но во сколько для Англіи и Голландіи было выгодно заключеніе мира между Австріею и Турціею, во столько же имъ было выгодно продолженіе войны между Россіею и Турціею, чтобы послѣдняя была занята и не могла, по наущенію Франціи, снова отвлечь силы Австріи отъ войны за общеевропейскіе интересы. Но эти интересы находились въ противоположности съ интересами Россіи: Петръ трудился изо всѣхъ силъ, чтобъ окончить съ успѣхомъ войну съ Турціею, пріобрѣсти выгодный миръ! Но могъ ли онъ надѣяться съ успѣхомъ вести войну и окончить ее одинъ, безъ Австріи и Венеціи? Слѣдовательно, главною заботою Петра теперь было—или уговорить императора къ продолженію войны съ турками, или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобъ мирные переговоры были ведены сообща и всѣ союзники были одинаково удовлетворены. 16 іюня посольство въѣхало торжественно въ Вѣну: царь, по обыкновенію, опередилъ его и пріѣхалъ просто на почтовыхъ. Онъ спѣшилъ приступить къ дѣлу, и въ разговорѣ съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ, объявилъ, что недоволенъ рѣшеніемъ императора: заключилъ миръ на основаніи uti possidetis (да владѣетъ каждый тѣмъ, чѣмъ владѣетъ во время мирныхъ переговоровъ); объявилъ, что для Россіи необходимо обезпечить себя со стороны Крыма, овладѣть здѣсь хорошею крѣпостью; Россія для императора разорвала миръ съ турками; надобно, чтобъ всѣ союзники получили желаемыя ими выгоды; англичанъ и голландцевъ нечего слушать: они заботятся только о своихъ барышахъ; императоръ спѣшитъ помириться съ турками для войны съ французами за испанское наслѣдство и покидаетъ своихъ союзниковъ; но какъ скоро начнется французская война, султанъ немедленно поднимется на императора: войска выйдутъ изъ Венгріи для французской войны, и венгры забунтуютъ. Царь требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, безъ которой никакой пользы ему отъ мира не будетъ: татары попрежнему будутъ нападать на Россію. Петръ не досказалъ: съ Азовомъ и Таганрогомъ безъ Керчи онъ былъ запертъ въ Азовскомъ морѣ. Если турки не согласятся на уступку Керчи Россіи, то союзники должны продолжать войну. Императоръ отвѣчалъ, что требованія царя справедливы, но, чтобъ заставить турокъ исполнить ихъ, лучше всего, если русскіе поспѣшатъ взять Керчь оружіемъ, обѣщалъ поддерживать на конгрессѣ требованія русскихъ уполномоченныхъ и не приступать ни къ чему безъ согласія съ царемъ.

Переговоры этимъ должны были прекратиться; Петръ, осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, съѣздивъ въ мѣстечко Баденъ и въ Пресбургъ, собрался уже въ Венецію, какъ почта привезла письма изъ Москвы: Ромодановскій писалъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Вмѣсто Венеціи Петръ отправился въ Россію.

XIX. Русскіе люди Петровскаго времени за границей.

(Изъ «Очерковъ изъ исторіи Петра Великаго и его времени» С. Князькова. М. 1909 г.)

Путемъ, намѣченнымъ Петромъ при его первомъ путешествіи, пошли десятки, если не сотни другихъ русскихъ людей, которые направились по его примѣру въ Европу учиться тамошней наукѣ и техникѣ, скорѣе техникѣ, чѣмъ наукѣ.

Первымъ невольнымъ путешественникамъ за границу дана была такая программа: 1) узнать чертежи или карты и компасы; 2) владѣть кораблемъ какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ принадлежности: паруса, веревки, весла и пр.; 3) если кто захочетъ получить милость большую, то долженъ знать, какъ дѣлать суда; 4) сколь возможно искать морского боя; видѣвшимъ и не видѣвшимъ битвы взять у начальниковъ морскихъ свидѣтельства за подписью и печатями о годности на службѣ; 5) обучить съ собою вмѣстѣ двухъ солдатъ морскому дѣлу, а если можно, то и больше и привезти такихъ въ Москву. Впослѣдствіи программа наукъ была усложнена, и на экзаменѣ возвратившимся изъ-за границы предъявлялись довольно строгія требованія, имѣвшія въ виду провѣрить и теоретическія знанія прошедшихъ западную выучку молодыхъ людей.

Посланнымъ за границу приходилось жить въ совершенно чуждой имъ обстановкѣ по нѣскольку лѣтъ сряду; сколько времени уходило только на то, чтобы выучиться языку. Когда преодолѣвалась эта основная трудность, московскій юноша получалъ возможность больше и ближе входить въ чуждую ему до того обстановку западно-европейскаго быта, и тогда, кромѣ науки, за которой былъ посланъ, впитывалъ въ себѣ тѣ начатки „людскости", общественности, которыя создала западно-европейская культура въ самыхъ пріемахъ и способахъ общенія людей другъ съ другомъ. Черезъ возвратившихся въ Россію петровскихъ птенцовъ, „людскость" и „политесъ", какъ тогда говорили, стали входить и въ русскіе нравы. Нѣкоторые, сравнительно очень немногіе, изъ первыхъ русскихъ путешественниковъ за границу, оставили записки о пережитомъ и видѣнномъ ими. „Эти первыя путешествія,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—очень любопытны въ смыслѣ общественной психологіи. Путешественники были на самомъ перепутьи отъ старой Россіи къ новой. Дома реформа Петра еще только начиналась и не успѣла подѣйствовать настолько, чтобы путешественники могли быть приготовлены къ тому зрѣлищу, которое ожидало ихъ въ Европѣ. Они являлись туда во многихъ отношеніяхъ людьми стараго вѣка: все ихъ поражало; но долго живши въ новой средѣ, они должны были присмотрѣться и привыкнуть къ чужимъ обычаямъ; при этомъ сами собой ослабѣвали старыя предубѣжденія, и имъ постоянно приходилось дивиться высокому знанію и искусству, произведенія которыхъ они впервые видѣли здѣсь и въ такомъ изобиліи. Наконецъ имъ, хотя бы поневолѣ, надо было учиться, и они должны были убѣждаться, что наука есть дѣло человѣческаго знанія и соображенія, а не чернокнижіе, не дѣло нечистой силы, какъ полагали ихъ дѣды и даже отцы, привѣтствовавшіе ссылку Артамона Матвѣева за то, что у него были най-

дены цыфирныя книги, т.-е. просто книги польской печати съ арабскими цифрами, какія-нибудь учебники ариѳметики или книги по астрономіи, вѣроятно. Конечно, не надо думать, что первое знакомство съ Западомъ сразу и кореннымъ образомъ передѣлывало русскихъ людей въ европейцевъ. Какъ всегда бываетъ при столкновеніи людей меньшей культурности съ носителями вѣковой культуры, первые начинаютъ съ того, что подчиняются внѣшнимъ проявленіяхъ культуры и перенимаютъ новую одежду, новыя манеры, новую домашнюю обстановку. Если теперь принять въ расчеты, что наука, которую должны были изучать петровскіе птенцы, была техническая, а дома ихъ окружалъ по возвращеніи стародавній укладъ московской жизни, то станетъ понятно, что настоящее вліяніе новаго образованія и сближенія съ Западомъ легко отступало въ умахъ и сердцахъ возвратившихся на второй планъ передъ съ дѣтства пріобрѣтенными московскими привычками".

Въ началѣ иначе не могло и быть: особенно мягкихъ и культурнонравственныхъ впечатлѣній русскимъ путешественникамъ не могъ дать и тогдашній Западъ въ смыслѣ той толпы, тѣхъ западныхъ среднихъ людей, въ гущу которыхъ погрузила русскихъ учениковъ властная рука Петра: на заводахъ, верфяхъ, фабрикахъ, на корабляхъ, галерахъ, въ иноземныхъ полкахъ русскіе пришельцы встрѣчали общество людей, далеко не принадлежащихъ къ цвѣту европеизма, и самое большее, чему могли у нихъ научиться, и было прежде всего именно все внѣшнее. За это внѣшнее успѣли перешагнуть очень немногіе. Самъ Петръ прежде всѣхъ, конечно. Его часто упрекаютъ въ слишкомъ узкомъ прикладномъ пониманіи науки, отъ которой онъ якобы хотѣлъ только технической пользы для государства, но, думается, такіе факты, какъ общеніе съ Лейбницемъ и Вольфомъ, стремленіе основать и основаніе библіотеки и Академіи Наукъ въ Петербургѣ, обоснованіе самой теоріи своей власти на основаніи выводовъ тогдашней науки о государствѣ, позволяютъ думать о Петрѣ иначе: если не сразу, то къ концу жизни онъ понялъ европейскую науку и просвѣщеніе шире, чѣмъ въ началѣ, и увидѣлъ въ нихъ не только двигателей промышленной техники. За то же говорятъ печатавшіяся по его распоряженію книги. Среди его питомцевъ, учившихся за границей, мы знаемъ такихъ, которые, не удовлетворившись Лейбницемъ, искали науки у Бейля, интересовались итальянской литературой, пробовали сами сочинять и писать, умѣли любоваться художественными сокровищами Италіи. Это были единицы, правда, но наличіе ихъ позволяетъ думать, что сѣмена европейской культурности падали все-таки на добрую почву и приносили добрые плоды, создавая среду людей, способныхъ къ дальнѣйшему развитію запавшихъ на русскую почву общеевропейскихъ началъ.

А такъ, въ смыслѣ толпы, кучки русскихъ за границей въ петровское время представляли изъ себя довольно-таки безотрадное явленіе. Первое посольство оставляло занимаемыя имъ помѣщенія обыкновенно въ столь загрязненномъ видѣ, что иностранцы только руками разводили, какъ это люди могли такъ загрязнить комнаты и мебель въ такой короткій срокъ. Самъ Петръ оставлялъ тогда отведенныя ему комнаты съ испачканными диванами, изрѣзанной и истыканной безсмысленными ударами шпаги или кортика мебелью, изорванными обоями и коврами, съ вытоптанными цвѣтниками, поломанными рѣшетками садовъ, разбитыми статуями. Его навигаторы представляли изъ себя въ этомъ отношеніи какую-то толпу необузданныхъ дикарей. Князь Иванъ Львовъ, надзирав-

шій за русской молодежью, учившейся за границей, убѣдительно просилъ въ 1711 году Петра не посылать русскихъ въ Англію, ибо они тамъ только пьютъ и на кулачки бьются съ англичанами. Англійскій боксъ нашелъ, очевидно, себѣ поклонниковъ среди пріѣзжихъ. На то же обстоятельство жаловался и русскій посолъ въ Англіи, которому пришлось „ублажать“ англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ. Надзирателю, князю Львову, приходилось туго отъ навигаторовъ, которымъ чрезвычайно неаккуратно высылали жалованье. Они требовали денегъ съ Львова и грозили даже его побить. „Изсушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое: я бы радъ, чтобы они меня тамъ убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости“. Львовъ кончилъ тѣмъ, что сталъ скрываться отъ своихъ подначальныхъ.

Въ письмахъ Зотова, въ кое-какихъ иностранныхъ сообщеніяхъ только и читаешь, какъ навигаторы подрались, напились, схватились за шпаги и покололи другъ друга „нечестнымъ обычаемъ“. И тѣмъ не менѣе, какой-то лоскъ все-же, видно, ложился на эти дикія натуры, потому что когда они возвращались, то свои, не бывшіе за границей, встрѣчали ихъ „насмѣшкой и ругательствомъ за европейскіе обычаи, въ насъ примѣченные“, сообщаетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ навигаторовъ.

По нѣкоторымъ запискамъ русскихъ людей временъ Петра, бывавшихъ за границей, можно себѣ представить, какую толщу не только невѣжественной московской непосредственности и косности, но и просто незнанія приходилось преодолѣвать впечатлѣніямъ Запада, несмотря на то, что вторая половина XVII вѣка, введшая „нѣмца“ въ русскую жизнь на мѣстѣ, порядочно смягчила прежнюю русскую нетерпимость. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ документовъ въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя дневникъ Петра Андреевича Толстого, веденный имъ во время заграничной поѣздки съ 26 февраля 1697 г. по 27 января 1699 г. Въ дневникѣ Толстого любопытно переплетаются старая московская нетерпимость къ еретическому Западу и новое ученическое отношеніе къ нему, захватывавшее непосредственную натуру своими поражающими впечатлѣніями даже противъ ея воли. Истый москвитянинъ, полный воспоминаній объ исконномъ соперничествѣ съ Польшей, Толстой въѣзжаетъ въ предѣлы королевства готовый все хулить и не одобрять, но по мѣрѣ того, какъ онъ дальше продвигается по польскому краю, тонъ его замѣтокъ довольно-таки смягчается. Въ Борисовѣ, за Могилевомъ, онъ не безъ чувства собственнаго превосходства говоритъ о плѣненной поляками русской иконѣ, почернѣвшей оттого, что находится въ плѣну у еретиковъ, несмотря на всѣ ихъ старанія отмыть чудесную черноту, а въ Ченстоховѣ онъ уже не безъ благоговѣнія сравниваетъ образъ Ченстоховской Божіей Матери съ образомъ Владимірской и признаетъ первую тоже письма евангелиста Луки.

А впечатлѣнія торжествующаго Запада неслись ему навстрѣчу, нагромождаясь одно на другое. Онъ проѣхалъ Силезію или Шленскую землю, видѣлъ Ольмюцъ, „великія венгерскія горы, зѣло высокія, которыя высотою равнялись облакамъ“, его поразила своимъ блескомъ и роскошью Вѣна, полная монастырей, церквей, высокихъ домовъ, „только греческой вѣры монастырей и церквей ни единой“. Видѣлъ онъ въ Вѣнѣ большой госпиталь, при которомъ была аптека, садъ и церковь, а постели въ „шпиталѣ“ съ „зелеными стамедовыми завѣсами“ и „принимаютъ въ тотъ шпиталь болящихъ и покоятъ ихъ и лѣчатъ съ прилежаніемъ и держатъ

въ томъ шпиталѣ болящихъ безъ заплаты, дѣлая то для вѣры христіанской и для спасенія души".

Черезъ пятнадцать недѣль послѣ выѣзда изъ Москвы, послѣ ряда сильныхъ впечатлѣній, Толстой добрался до Венеціи. Странный, удивительный городъ, точно сказочное чудо, вздымался своими мраморными дворцами прямо изъ моря; улицы водяныя, нѣтъ ни площадей, ни каретъ, ни телѣгъ, „а саней вовсе не знаютъ". Толстой осмотрѣлъ великое созданіе зодчества—храмъ св. Марка, дворецъ дожей и очень поразился той свободой, съ которой люди всякаго чина входили въ палаты дожа: въ сѣняхъ торговые люди продаютъ калачи и коврижки, и люди покупаютъ и тутъ же ѣдятъ „безъ стыда". Сами „венеціане люди умные, политичные и ученыхъ людей здѣсь много; однакожъ, нравы имѣютъ видомъ неласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны... Вина пьютъ мало, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонаты; каѳы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ быть человѣку пьяну невозможно. И народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочь, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ"...

Въ Веронѣ Толстой дивился укрѣпленіямъ города, „математическимъ разумомъ уфортификованнаго", въ Миланѣ палъ ницъ передъ дивной мраморной легендой собора съ его обиліемъ святынь и сокровищъ, коихъ тамъ „неудобь сказуемое множество"; и опять находитъ онъ госпиталь на тысячу человѣкъ со многими лѣкарями, при чемъ за больными ухаживаютъ „честные люди", т.-е. богатые и знатные, ради исполненія христіанскаго долга. Обиліе святынь, находящихся въ рукахъ Западной церкви, еще въ самомъ началѣ путешествія поразило Толстого, и изъ его языка само собой исключилось привычное москвитянину наименованіе всего западнаго, католическаго, поганымъ.

Архитектура, живопись, музыка, все, чѣмъ богата Италія, и созерцать что съ давнихъ поръ съѣзжаются каждый годъ тысячи „форестировъ", т.-е. чужестранцевъ, произвели на Толстого сильное впечатлѣніе.

Если скудныя и довольно отрывочныя замѣтки дневника и не позволяютъ полно и глубоко освѣтить результаты, вынесенныя ихъ авторомъ изъ поѣздки, то одно вытекаетъ изъ нихъ несомнѣнно:—Толстой возвратился на родину съ сильно пополненнымъ умственнымъ багажомъ, человѣкомъ, ставшимъ лицомъ къ Западу, сильно почувствовавшимъ, хотя, можетъ быть, и внѣшне, но прочно, западную культуру. Толстой былъ уже пожилымъ человѣкомъ, когда вызвался охотой ѣхать за границу, и этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить нѣкоторую неподатливость его на воспріятіе смысла видѣннаго и слышаннаго имъ. На передачу многаго у него, съ другой стороны, можетъ быть, просто не хватало русскихъ словъ, а итальянскій языкъ онъ зналъ плохо, учась ему во время самаго пушествія. Изъ дневника Толстого не видно, чтобы онъ самъ вошелъ въ иноземную жизнь и пожилъ какъ членъ иноземнаго общества. Для этого онъ былъ и старъ, да и самое пребываніе его за границей длилось не очень продолжительно.

Совсѣмъ другое въ этомъ смыслѣ явленіе представляетъ изъ себя князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Это человѣкъ молодого поколѣнія, онъ на четыре года моложе Петра; по двадцать первому году его отправили въ первой партіи стольниковъ учиться навигаціи; возвратившись, онъ продѣлалъ нарвскій походъ, участвовалъ во взятіи Шлиссельбурга, ходилъ на

судахъ азовскаго флота въ Царьградъ. Въ 1705 году долженъ былъ идти въ польскій похоеъ, но по болѣзни получилъ отпускъ и поѣхалъ лѣчиться за границу; объѣхалъ Германію, Голландію, Италію, гдѣ долго прожилъ. Съ 1711 г. онъ—полномочный министръ русскаго царя при англійскомъ дворѣ и въ Нидерландахъ, участвуетъ во всѣхъ важныхъ дипломатическихъ „акціяхъ" петровскаго царствованія и съ 1724 г. проживаетъ „яко чрезвычайный и полномочный посолъ" въ Парижѣ, гдѣ черезъ два года и умираетъ.

По отзыву всѣхъ, знавшихъ его, князь Куракинъ является однимъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ людей петровскаго времени и прямо-таки замѣтнымъ дипломатомъ среди тогдашнихъ представителей дипломатіи въ Европѣ. Обладая счастливою способностью быстро и легко усваивать языки тѣхъ странъ, куда его кидала судьба, князь Борисъ быстро и легко входилъ въ общеніе съ людьми тѣхъ мѣстностей, гдѣ жилъ, и всюду становился живымъ, интереснымъ и дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго лучшаго общества. Проживая долго за границей, князь Куракинъ привыкъ говорить довольно страннымъ языкомъ, являвшимся смѣсью русскаго, итальянскаго и французскаго. На этомъ языкѣ написаны имъ записки и „исторія" его времени, являющіяся однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Петра Великаго.

Человѣкъ общественный, онъ не опускаетъ отмѣтить въ своихъ запискахъ не только чудеса искусства, науки и техники, но и то, гдѣ живется лучше и веселѣй. Сравнивая Гаагу и Амстердамъ, онъ находитъ, что „луччей плезиръ форестирамъ въ Голландіи—въ Гагѣ, нежели въ Амстердамѣ". „Плезиръ гагской" состоитъ для него вотъ въ чемъ: „Первое: смотрѣть, какъ перемѣняются пополудне три часа, квардія конная и пѣхота карауловъ. Другое: въ каретахъ ѣдятъ... на вечеръ на осамлеи кумпаніями, такъ, кто съ кѣмъ согласенъ, тѣ съ тѣми и осамлеи дѣлаютъ во всю недѣлю". Большимъ удовольствіемъ рисуются Куракину поѣздки на морской берегъ и за городъ. Очень одобряетъ онъ „ехатбище поутру и ввечеру въ кофейные домы, въ которыхъ и въ карты играютъ". По его взглядамъ надо „друзьямъ визиту отдавать. На вечеръ остаются комедія, опера и прочее". Какъ видимъ, князь Куракинъ интересуется мѣстными обычаями въ обществѣ, чтобы принять участіе въ его жизни. Рядомъ съ этимъ, какъ и Толстого, его поражаетъ западное искусство и такъ же грубовато онъ формулируетъ свое внѣшнее впечатлѣніе отъ видѣннаго. Въ Роттердамѣ онъ записалъ: „Та аустерія, гдѣ я стоялъ, при площади той, гдѣ стоитъ сдѣланъ мужикъ вылитой, мѣдной, съ книгой на знакъ тому, которой былъ человѣкъ гораздо ученой и часто людей училъ и тому на знакъ то сдѣлано". Этотъ „мужикъ вылитой, мѣдной"— памятникъ Эразму Роттердамскому.

Всюду, куда бы его не заносила судьба, князь Борисъ старался войти въ общество какъ равный первымъ въ странѣ людямъ, высоко держа „честь и славу государства Россійскаго и патріи и имени своего дому Корибутовъ-Куракиныхъ", князей наслѣдственныхъ литовскихъ, хотя бы это высокое держаніе стоило ему „разоренія въ иждивеніи". При описаніи своего итальянскаго „віажа" онъ больше всего разсказываетъ о дипломатическихъ и свѣтскихъ обычаяхъ, о пріемахъ, „визитахъ принцамъ и кавалерамъ", о жизни „жентиломовъ", какъ надо къ нимъ относиться и какъ они себя держать, въ какихъ каретахъ и какимъ порядкомъ надо къ нимъ ѣздить и ихъ у себя принимать, какъ ставить кресла и стулья, кого куда просить сѣсть—все это живо интересуетъ

князя, и онъ, видимо, ретиво и со вкусомъ соблюдаетъ всѣ обычаи тогдашней людскости и свѣтскости.

Къ концу жизни князь Куракинъ такъ понаторѣлъ въ галантномъ обращеніи и людскости, что дѣлается замѣтнымъ лицомъ даже среди французскаго двора, и всѣ иностранцы одинаково хвалятъ его обращеніе и пріятность имѣть съ нимъ дѣловыя отношенія. Надо признать, что князь съ честью продѣлалъ эволюцію изъ спальниковъ царя Ѳедора Алексѣевича, черезъ навигацкую науку и солдатство въ придворнаго „жентилома". Немногимъ изъ сотрудниковъ Петра удалось это сдѣлать такъ тонко и достойно. Этотъ русскій принцъ заслужилъ дѣйствительное уваженіе европейцевъ и былъ среди нихъ равный имъ, не теряя никогда своего достоинства и всегда держась, какъ князь россійскій, потомокъ владѣтельныхъ князей литовскихъ. Петръ высоко цѣнилъ эту службу князя Бориса и быстро провелъ его въ высшіе чины.

Еще больше, такъ сказать, европеизма находимъ въ замѣткахъ и въ фактахъ самой жизни третьяго высокопоставленнаго лица петровскихъ временъ — графа Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ то время, какъ Толстой попалъ за границу прямо съ московскихъ службъ, а Куракинъ изъ спальниковъ, при чемъ оба учились всему, что ихъ сдѣлало европейцами, въ смыслѣ европейской людскости, во время самаго пребыванія въ Европѣ, Андрей Матвѣевъ попадаетъ въ Европу уже съ хорошей образовательной подготовкой, зная языки, зная ужъ и то, что центръ европейской людскости—во Франціи, въ Парижѣ. Матвѣевъ интересуется тамъ библіотекой и музеями, какъ понимающій ихъ значеніе человѣкъ. Въ Антверпенской библіотекѣ онъ спрашиваетъ знаменитые Acta sanctorum. Памятникъ Карлу V въ Гентѣ для него не „мужикъ мѣдной," а подобіе Карла V, цесаря римскаго, и Матвѣевъ знаетъ, что разсказать объ этомъ императорѣ. Пѣніе монахинь въ одномъ монастырѣ и игру органа онъ просто называетъ отличными и сладкими.

Присматриваясь къ французской жизни, онъ не увлекается одной показной стороной, а знаетъ и оцѣниваетъ съ государственной точки зрѣнія и тяжелое положеніе тогдашняго французскаго крестьянства, и первенствующее положеніе дворянства, отдаетъ себѣ отчетъ въ причинахъ такого положенія вещей, разбирается въ значеніи королевской власти во Франціи того времени и, проводя въ умѣ параллель съ домашними россійскими обстоятельствами, приходитъ къ такому выводу: „Въ томъ государствѣ (т.-е. во Франціи) лучше всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какое озлобленіе или нанесть обиду... (Матвѣевъ разумѣетъ юридическую отвѣтственность „сильныхъ" передъ закономъ). Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ (дѣлать), особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ поистинѣ, разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки виновнаго надлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины оо народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ".

Матвѣевъ—поклонникъ французскихъ формъ общежитія, но понимаетъ ихъ глубже, чѣмъ Куракинъ, который больше бралъ съ внѣшней,

показной стороны. Матвѣева интересуетъ обученіе дѣтей у высшихъ классовъ французскаго общества, онъ старается понять, какъ путемъ воспитанія получается свѣтскій человѣкъ, который вездѣ на своемъ мѣстѣ, не знаетъ ни низкопоклонства передъ высшими, ни озлобленія противъ низшихъ, а держится со всѣми одинаково достойно. Такой человѣкъ воспитывается не на побояхъ, не въ наказаніяхъ тѣлесныхъ, а отъ добраго показанія словеснаго, „въ прямой волѣ и смѣлости воспитывается и безъ всякой трудности обучается наукамъ".

Такъ вдумчиво и истинно-европейски судитъ Матвѣевъ. Пусть такихъ, какъ онъ или Куракинъ, было немного въ петровское время, единичными явленіями они все же не были, потому что въ Россіи находили подходящее, хотя, навѣрное, не очень обширное, общество людей, такъ же разсуждавшихъ и мыслившихъ. Они сами и ихъ единомышленники клали во истину крѣпкое основаніе европеизаціи русскихъ нравовъ и русской общественности, сразу переходя къ тѣмъ высокимъ степенямъ, до которыхъ массѣ русскаго общества пришлось добираться еще долго и съ большимъ трудомъ.

Въ библіотекахъ русскихъ людей, вкусившихъ западной культуры, начинаютъ появляться книги и рукописи, заключающія въ себѣ сочиненія тогдашнихъ крупныхъ свѣтилъ политической мысли: Гуго Гроція, Томазія, Пуфендорфа и другихъ менѣе значительныхъ ученыхъ, творцовъ книгъ съ такими мудреными названіями, какъ „Камень опыта политическаго," „Θеоремата или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ" и т. п. Реформы въ области гражданскихъ отношеній, поддерживали интересъ къ политическому мышленію. Князь Д. М. Голицынъ, президентъ камеръ-коллегіи, часами бесѣдуетъ съ Фикомъ по вопросамъ государственнаго права. Въ духовномъ завѣщаніи В. Н. Татищева, одного изъ птенцовъ Петра, выросшаго и воспитавшагося въ его школѣ, находимъ очень достойныя и опредѣленныя, поистинѣ европейскія мысли о должности и поведеніи человѣка, какъ гражданина, въ его службѣ государству. Особой глубиной и отвлеченностью эти мысли не блещутъ, но онѣ полны той настоящей внутренней честностью и порядочностью, развивающейся на почвѣ хорошо воспринятыхъ и продуманныхъ завѣтовъ лучшихъ людей.

Чуткая политическая мысль, всколыхнутая Петромъ, пробужденная живымъ нагляднымъ примѣромъ Запада, сквозитъ во множествѣ тѣхъ проектовъ относительно устройства различныхъ сторонъ русской гражданственности, которые во время царствованія Петра поступали отовсюду въ собственныя его руки. Нѣтъ, современники Петра не даромъ и не впустую бывали на Западѣ и многое хорошо и добро тамъ усвоили на пользу своего, россійскаго. Потомки Куракиныхъ и Матвѣевыхъ выростаютъ уже въ большомъ уваженіи къ европейскому просвѣщенію, которое ихъ отцы научились цѣнить во время своихъ вольныхъ и невольныхъ поѣздокъ по Европѣ, двинутые туда волей Петра.

Самъ Петръ во время своихъ дальнѣйшихъ путешествій болѣе приближается къ типу людей въ родѣ Матвѣева и Куракина. Во время перваго своего путешествія онъ больше навигаторъ, больше старинный русскій человѣкъ, вырвавшійся на европейскій просторъ, не чуждый того, чтобы дать порой волю очень дикимъ инстинктамъ. Въ послѣднемъ своемъ путешествіи Петръ—государственный человѣкъ, полный заботъ объ устройствѣ государственности въ своей странѣ, и эти заботы сводятъ его съ Лейбницемъ, Вольфомъ, съ многочисленными прожектёрами, въ родѣ

Генриха Фика или Христіана Любераса. Отзывы о Петрѣ иноземцевъ въ 1716 куда уже мягче прежнихъ отзывовъ. И самъ онъ ничего не сообщаетъ о сраженіяхъ съ Ивашкой Хмельницкимъ, т.-е. съ хмельнымъ питьемъ, и иностранные источники не приводятъ счетовъ, которые представлялись иностраннымъ потентатамъ, принимавшимъ Петра, отъ хозяевъ домовъ, гдѣ онъ останавливался, за изломанныя и безъ всякой надобности испорченныя вещи и обстановку, за разбитыя зеркала и поломанную мебель. Петръ держитъ себя больше монархомъ и европейцемъ вообще. Въ немъ тоже видятъ европейца, и съ Россіей считаются, какъ съ европейской страной, отводя ей подобающее мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ.

Достиженіе этого результата началось съ поѣздокъ навигаторовъ съ царемъ во главѣ, и этого огромнаго значенія для Россіи путешествій Петра и его близкихъ за границу никогда не надо забывать при оцѣнкѣ тѣхъ путей, какими царство Московское превращалось въ имперію Всероссійскую, а древне-русское общество византійскаго образца въ общество европейскаго склада.

XX. Стрѣлецкій бунтъ 1698 г.

(Изъ «Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ» Соловьева).

Только-что Петръ собрался за границу, какъ узнаетъ, что люди, недовольные имъ и его дѣломъ, дожидаются его отъѣзда для исполненія своихъ замысловъ; ихъ надежда на стрѣльцовъ и казаковъ — надежда, что одни начнутъ съ одного конца, а другіе съ другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествіе, сильная дѣятельность за границею успокоили его; онъ сбирается окончить путешествіе, посмотрѣвъ на царицу южнаго моря, на Венецію; онъ возвратится домой спокойный, довольный, съ богатою добычею... Нѣтъ, поѣхалъ отъ крови и возвратится къ крови: ему не даютъ окончить путешествіе: его зовутъ раздѣлываться съ стрѣльцами. Софья не умерла для міра въ монастырской кельѣ; она воспользовалась отсутствіемъ брата и опять обратилась къ стрѣльцамъ, и на этотъ разъ стрѣльцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видѣли ясно, что имъ предстоитъ тяжкое преобразованіе — изъ стрѣльцовъ превратиться въ солдатъ. Стрѣлецъ несъ легкую службу: сходитъ въ караулъ и свободенъ; у него свой домъ въ слободѣ, своя семья, своя лавочка, гдѣ онъ торгуетъ въ свободное время. Но теперь — постоянная, тяжелая служба. Стрѣльцы оторваны отъ привольной московской жизни и двинуты на край свѣта—въ Азовъ; ждутъ не дождутся, когда отпустятъ ихъ домой, въ Москву, а тутъ указъ, велятъ имъ идти на другой край свѣта—на литовскую границу, куда царь велѣлъ собирать войска, чтобъ поддерживать избраніе на польскій престолъ пригоднаго для Россіи кандидата, курфюрста саксонскаго Августа. Тоска стрѣльцовъ по Москвѣ достигла высшей степени; нѣкоторые бѣжали изъ полковъ въ Москву и принесли оттуда товарищамъ призывъ отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно. Быть вамъ на Москвѣ, стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ мона-

стыремъ и бить мнѣ челомъ, чтобъ я шла по-прежнему на державство; а если бы солдаты пускать къ Москвѣ не стали, то ихъ побить". Бунтъ вспыхнулъ, раздались крики: „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить; стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ; непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя-бъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ донскимъ казакамъ вѣдомость послать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами". Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ; солдаты, подъ начальствомъ боярина Шеина, загородили имъ дорогу и поразили ихъ. Плѣнныхъ подвергли розыску, они винились въ бунтѣ; но никто не сказалъ о призывѣ изъ Москвы. Шеинъ не догадался объ этомъ призывѣ; но Петръ тотчасъ догадался, какъ только получилъ извѣстіе о стрѣлецкихъ волненіяхъ; это было больное мѣсто, рана раскрылась. Петръ спѣшилъ въ Москву въ тревогѣ и гнѣвѣ, и чѣмъ онъ сдержится? онъ схватится съ стрѣльцами въ рукопашную, съ этими врагами, которые истерзали его родныхъ, заставили рости въ униженіи, пренебреженіи, отняли средства учиться во-время, какъ слѣдуетъ; съ этими врагами, которые объявили, что не пустятъ его въ Россію, убьютъ за то, что онъ увѣровалъ въ нѣмцевъ, сжился съ ними, которые стали поперекъ его дѣлу, позорятъ это дѣло въ глазахъ русскихъ людей, клевещутъ на царя, выставляютъ его еретикомъ, нѣмцемъ, а себя людьми, ставшими за православіе, тогда какъ въ сущности у нихъ другія побужденія, столь ненавистныя Петру: онъ зоветъ свой народъ къ тяжелому, необходимому труду, и самъ подаетъ примѣръ такого труда, а тутъ люди, которые хотятъ его убить, чтобъ избавиться отъ трудныхъ походовъ, возвратиться въ Москву и жить покойно. Страсть, гнѣвъ, мщеніе сдерживаются религіозно-нравственными правилами, христіанскимъ уваженіемъ, любовью къ ближнему, страхомъ Божьимъ для однихъ, страхомъ человѣческимъ для другихъ; умъ часто становится угодникомъ страсти; онъ внушаетъ гнѣвному человѣку, стремящемуся схватиться съ врагомъ: дѣйствуй сильнѣе, истреби зло съ корнемъ, вырѣжь, выжги, порази толпу ужасомъ, который бы отнялъ всякую способность къ сопротивленію; тебѣ предстоитъ громадная дѣятельность для благородной цѣли; есть люди злонамѣренные, которые будутъ ей противиться; истреби ихъ, не оставляй врага въ тылу у себя. И вотъ страсть, гнѣвъ получаютъ новую пищу, получаютъ оправданіе. И вотъ Петръ покончиваетъ съ стрѣльцами пыткой, висѣлицей и плахой...

XXI. Казни стрѣльцовъ послѣ второго стрѣлецкаго бунта.

(*Изъ «Дневника» Корба*).

Полкъ Гордона привелъ къ новому розыску мятежныхъ стрѣльцовъ изъ разныхъ крѣпостей, находящихся въ окрестностяхъ Москвы.

Одного священника, замѣшаннаго въ мятежѣ, допрашивалъ самъ царь, но онъ доселѣ ни въ чемъ не сознался, хотя его и стращали кобылкою.

15 человѣкъ преступниковъ, недавно приведенныхъ (въ Москву) и обличенныхъ въ измѣнѣ, колесованы: затѣмъ отрублены были головы тѣмъ, которые еще жили послѣ этого мученія.

Мятежники упорно молчатъ, почему ихъ подвергаютъ неслыханнымъ пыткамъ: жестоко избитыхъ кнутами, жарятъ на огнѣ, затѣмъ вновь начинаютъ сѣчь, послѣ чего опять тащатъ къ огню. Такимъ порядкомъ производится московская кобылка. Царь до того не довѣряетъ боярамъ и такъ убѣжденъ въ томъ, что они ничего не въ состояніи сдѣлать добросовѣстно, что опасается допустить ихъ хотя малѣйше до участія въ производствѣ настоящаго слѣдствія. Поэтому самъ онъ составляетъ вопросы, самъ допрашиваетъ преступниковъ, вымогаетъ у нихъ сознаніе; тѣхъ же, которые продолжаютъ молчать, велитъ пытать на дыбкѣ. Потому-то въ Преображенскомъ (гдѣ производится этотъ жесточайшій допросъ) ежедневно пылаетъ болѣе тридцати костровъ.

Подполковникъ Колпаковъ, послѣ жесточайшихъ пытокъ, лишился возможности говорить. Его поручили попеченіямъ царскаго врача, съ тѣмъ, чтобы, по приведеніи его въ чувство, вновь подвергнуть пыткѣ.

Царь ѣздилъ въ Новодѣвичій монастырь для допроса сестры своей, Софьи, заключенной въ сей обители. Общая молва обвиняетъ ее въ томъ, что она была зачинщицей послѣднихъ смутъ. Говорятъ, что оба, при свиданіи, не могли удержаться отъ слезъ [1]).

Вѣсть о жестокости ежедневно производимыхъ пытокъ дошла до патріарха. Онъ нашелъ, что обязанность его требуетъ убѣдить разгнѣваннаго монарха смягчиться. Лучшимъ для сего средствомъ считалъ онъ явиться къ царю съ образомъ Пресвятой Богородицы: ликъ ея, думалъ онъ, пробудитъ въ почти ожесточившемся сердцѣ человѣчество и чувство естественнаго сострадания. Но притворная обрядная набожность не могла имѣть вліянія на точные взгляды правосудія, коими царь измѣрялъ великость такого преступленія; ибо теперь было такое время, что для блага всей Московіи не набожность, но жестокость нужна была, и тотъ бы весьма погрѣшилъ, кто бы такой способъ принужденія считалъ тиранствомъ, ежели съ нимъ сопряжена справедливость, въ особенности когда члены государственнаго тѣла до того поражены болѣзнію и подвержены неизлечимому гніенію, что для сохраненія организма ничего не остается, какъ желѣзомъ и огнемъ уничтожить эти члены. Поэтому слова, коими поразилъ царь патріарха въ отвѣтъ на его убѣжденія, не были недостойны его величія: — „Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ иконой? и по какому долгу твоего званія ты здѣсь явился? Убирайся отсюда живѣе и отнеси икону туда, гдѣ должно ее хранить съ подобающей ей честью! Знай, что я чту Бога и почитаю Пресвятую Богородицу, быть можетъ, болѣе, чѣмъ ты. Но мой верховный санъ и долгъ предъ Богомъ повелѣваютъ мнѣ охранять народъ и карать въ глазахъ всѣхъ злодѣянія, клонящіяся къ его погибели“.

Говорятъ, въ этотъ же самый день происходилъ розыскъ надъ однимъ москвитяниномъ, какимъ-то дьячкомъ, за то, что въ его домѣ и при его содѣйствіи сходились четверо стрѣльцовъ, виновныхъ въ государственномъ преступленіи, для таинственныхъ переговоровъ. Дьячка, какъ вторично обвиненнаго въ государственной измѣнѣ, самъ царь, сопровождаемый квяземъ Ромодановскимъ и генераломъ Автамономъ [2]), повлекъ къ допросу.

---

[1]) Корбъ спуталъ имена царевенъ: въ этотъ день Петръ допрашивалъ не Софью, а царевну Марѳу. Устрял. III, 214.

[2]) Автамонъ Михайловичъ Головинъ, двоюродный братъ графа Ѳедора Алексѣевича, одинъ изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Петра, въ 1695 году пожалованъ зва-

Двѣ постельницы всепресвѣтлѣйшихъ сестеръ государя, Жукова (Schukowa) царевны Мароы и Ѳеодора (Fiera) Софіи [1]), самимъ государемъ были взяты въ Кремлѣ. Испуганныя угрозами и послѣ нѣсколькихъ ударовъ на пыткѣ, онѣ показали, что ненависть, какую питаютъ всѣ москвитяне къ генералу Лефорту и къ каждому нѣмцу, была главнымъ поводомъ къ преступному замыслу. Большая часть москвитянъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами.

Младшему Лефорту царь велѣлъ сообщить послу, что завтра совершена будетъ казнь преступниковъ.

10. Въ Преображенскомъ царь, окруженный войскомъ, не допускавшимъ рѣшительно къ нему никого изъ посторонних, собственноручно отсѣкъ головы пяти преступникамъ. Другіе 230 человѣкъ поплатились смертью на висѣлицахъ за участіе въ мятежѣ [2]). Царь, представители иноземныхъ государей, московскіе бояре и большая толпа нѣмцевъ — были зрителями сей ужасной трагедіи.

Одинъ изъ стрѣльцовъ заявилъ, что генералъ Лефортъ далъ поводъ къ мятежу; поэтому стрѣлецъ былъ спрашиваемъ самимъ царемъ въ присутствіи генерала: знаетъ ли онъ его, чѣмъ именно тотъ заслужилъ всеобщую ненависть, и считаетъ ли онъ самъ справедливыми тѣ обвиненія, которыя взводятъ на генерала? Стрѣлецъ отвѣчалъ на это, что онъ не знаетъ генерала, равно какъ не знаетъ навѣрно и того, дѣйствительно ли тотъ сдѣлалъ то, въ чемъ его вообще обвиняютъ. Онъ, стрѣлецъ, вѣрилъ письмамъ, и ему одному не приходилось разубѣждать всѣхъ въ неосновательности ихъ толковъ о генералѣ. Когда царь потомъ спросилъ стрѣльца, что бы онъ сдѣлалъ въ томъ случаѣ, если бы предпріятіе ихъ удалось и если бы царь или самъ Лефортъ попались ему въ руки, то тотъ немедля отвѣчалъ: — „Зачѣмъ меня объ этомъ спрашиваешь? Самъ, чай, лучше можешь разсудить, чтобы тогда было! Если бы счастье не измѣнило намъ и мы взяли бы Москву, оставляя въ сторонѣ подобные допросы, какъ ненужные, занялись бы боярами, да такъ, что всѣмъ было бы любо!“ Стрѣлецъ этотъ, по царскому повелѣнію, колесованъ главнымъ образомъ за то, что дерзнулъ увѣрять, будто Лефортъ уговорилъ царя отправиться за границу.

500 стрѣльцовъ, во вниманіе къ ихъ возрасту и изъ сожалѣнія къ ихъ молодости, а также имѣя въ виду незрѣлость ихъ понятій, освобождены отъ смертной казни, но имъ вырѣзали ноздри, обрѣзали уши и сослали въ отдаленныя области съ неизгладимымъ клеймомъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ преступленіи.

ніемъ перваго полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ чиномъ генерала, попался въ плѣнъ подъ Нарвою, въ которомъ находился около 18 лѣтъ, и размѣненъ былъ съ княземъ И. Ю. Трубецкимъ (послѣ генералъ-фельдмаршаломъ, сконч. въ 1750 г.) на шведскаго фельдмаршала, графа Реншильда; по возвращеніи получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, но, изнуренный долговременною неволей, умеръ въ половинѣ 1720 года.

[1]) Разсказъ Корба о розыскѣ постельницъ, Анны Жуковой и Ѳедоры Колужкиной, не вполнѣ согласенъ съ свидѣтельствами подлинныхъ документовъ. Слич. у Устр. III, стр. 214—217.

[2]) По подлиннымъ документамъ въ этотъ день казнено только 201 человѣкъ (Устр. III, стр. 219), но, кромѣ того, въ тотъ же день 100 человѣкъ несовершеннолѣтнихъ, отъ 16 до 20 лѣтъ, по наказаніи кнутомъ, заклейменные въ правую щеку, сосланы въ дальніе города (тамъ же).

15 и 16. Жесточайшія истязанія, четыре раза возобновлявшіяся, не могли преодолѣть упорнаго молчанія Васьки Зорина (Batska Gorini), предводителя мятежа: наконецъ, на очной ставкѣ съ своимъ 20-ти-лѣтнимъ парнемъ, котораго захватилъ гдѣ-то на границахъ московскихъ и приневолилъ къ себѣ въ услуженіе, Зоринъ разсказалъ всю исторію своихъ преступныхъ дѣйствій.

17. Говорятъ всюду, что сегодня его царское величество вновь казнилъ нѣсколькихъ государственныхъ преступниковъ. Подполковникъ Колпаковъ, послѣ длиннаго ряда истязаній, лишился языка и не въ состояніи даже пошевелиться, почему его вновь поручили попеченію и искусству царскаго врача. Послѣдній неосторожно забылъ-было въ темницѣ ножъ, которымъ приготовлялъ ему лекарство. Колпаковъ, негодуя на то, что лекарство возвращало ему, почти бездыханному, силы и жизнь только для того, чтобъ опять подвергнуть его жесточайшимъ пыткамъ, хватаетъ ножъ и подноситъ къ горлу, въ намѣреніи пересѣчь имъ свою жизнь и тѣмъ освободиться отъ мученій; но не достало ему силъ на исполненіе его замысла, ибо отъ раны, которую себѣ нанесъ, Колпаковъ выздоровѣлъ и сегодня снова повлеченъ къ пыткѣ.

20 и 21. Вновь повѣшено 230 преступниковъ; они развѣшены вокругъ бѣлой стѣны, при городскихъ воротахъ.

Царь рѣшилъ сегодня созвать по два человѣка отъ всѣхъ сословій своего народа, т.-е. отъ бояръ, князей, военныхъ чиновъ, стольниковъ, приказныхъ (scribis), гражданъ, простонародья и отъ особыхъ общинъ,— въ общій совѣтъ всѣхъ чиновъ, и этому собранію дать приказаніе и полную власть допросить Софью, обнаружить ея происки, угрожавшіе государству, приговорить ее къ такого рода казни, какую она заслужила, и свое рѣшеніе объявить во всеобщее извѣстіе.

22 и 23. Вновь нѣсколько сотъ мятежниковъ повѣшено вокругъ бѣлой стѣны города Москвы.

27. Вышеупомянутыя двѣ постельницы закопаны живыми въ землю, если только слухъ о семъ справедливъ. Бояре и вельможи, находившіеся въ совѣтѣ, на которомъ рѣшена борьба съ мятежниками, сегодня приглашены были составить новое судилище: предъ каждымъ изъ нихъ поставили по одному преступнику; каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести приговоръ стоявшему передъ нимъ преступнику и послѣ исполнить оный, обезглавивъ собственноручно виновнаго. Князь Ромодановскій, бывшій начальникомъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ до возмущенія ихъ, принуждаемый его величествомъ, собственной рукой умертвилъ топоромъ четырехъ стрѣльцовъ. Болѣе жестокимъ явился Алексашка, хвастаясь тѣмъ, что отрубилъ 20 головъ. Голицынъ былъ столь несчастливъ, что неловкими ударами значительно увеличилъ страданія осужденнаго. 330 человѣкъ, приведенныхъ въ одно время подъ страшную сѣкиру, обагрили обширную площадь кровью гражданъ, но гражданъ преступныхъ. Генералъ Лефортъ и баронъ фонъ-Блюмбергъ были также приглашаемы царемъ взять на себя обязанность палачей, но они отговорились тѣмъ, что въ ихъ странѣ это не принято. Самъ царь, сидя верхомъ на лошади, сухимъ глазомъ глядѣлъ на всю эту трагедію и на столь ужасную рѣзню такого множества людей; одно только сердило его, т.-е. что у большей части бояръ, не привыкшихъ къ должности, которую на нихъ возложилъ онъ, тряслись руки, когда они принимались за это дѣло, между тѣмъ какъ преступникъ, по мнѣнію его, есть жертва, какую можно лишь заклать Богу.

28. Сегодня приняты были мѣры противъ поповъ, т.-е. тѣхъ, которые, имѣя намѣреніе вынести иконы Пресвятой Богородицы и Св. Николы, съ цѣлью побудить народъ перейти на сторону мятежниковъ, возносили къ Богу молитвы о благополучномъ исходѣ безбожнаго злоумышленія: одинъ попъ былъ повѣшенъ предъ церковью Святой Троицы, а другой обезглавленъ и потомъ, для вящшаго позора, колесованъ [1]). Два брата государственныхъ измѣнниковъ. когда палачъ перебилъ имъ внѣшніе члены, живьемъ еще были колесованы [2]); вокругъ ихъ лежало двадцать обезглавленныхъ тѣлъ, плававшихъ въ собственной крови, среди коихъ лежалъ трупъ третьяго брата; съ завистью взирали на него колесованные, горько жалуясь на то, что скоро смерть разлучила ихъ съ человѣкомъ, съ которымъ соединяла ихъ сперва природа, а потомъ постыдное сочувствіе къ преступленію.

Вблизи Новодѣвичьяго монастыря поставлено было тридцать висѣлицъ четыреугольникомъ, на коихъ 230 стрѣльцовъ, заслужившихъ болѣе жестокое наказаніе, повѣшены. Трое зачинщиковъ страшнаго мятежа, подавшихъ челобитную царевнѣ Софьи о томъ, чтобы она приняла кормило правленія, также повѣшены на стѣнѣ Новодѣвичьяго монастыря, подъ самыми окнами Софьиной кельи. Тотъ изъ трехъ, кто висѣлъ въ срединѣ, держалъ привязанную къ мертвымъ рукамъ челобитную, конечно, для того, чтобъ усугубить мученіе Софіи за совершенное ею.

XXII. О причинахъ войны Петра В. съ Карломъ XII.

(*Изъ сочиненія Шафирова* [3]).

Хотя при начатіи сея войны межъ Имперіемъ Россійскимъ и короною швецкою съ обѣихъ странъ многія декларацiи, манифесты и универзалы (циркуляры) письменные выдаваны суть; однакожь, понеже оные токмо по каждой страны интересу, и по состоянію времени, и по потребности конъюктуръ (обстоятельствъ), а особливо со стороны Его Царскаго Величества токмо въ краткихъ опредѣленіяхъ были сочинены. И большая часть оныхъ въ отвѣтъ на многіе со шведской страны ругательные и Его Царскаго Величества собственной высокой особѣ, и всего Россійскаго народа чести и славы съ поношеніемъ касающіеся манифесты и универзалы къ возмущенію Его Царскаго Величества подданныхъ противъ всѣхъ христіанскихъ и политичныхъ (образованныхъ) народовъ обычаи выдаванныхъ, учинены и публикованы суть. И того ради во оныхъ токмо ко

---

[1]) То были распопы: Борисъ Леонтьевъ и Ефимъ Самсоновъ.

[2]) То были два брата Калистратовы.

[3]) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Разсужденіе какіе законные прічіны Е. В. Петръ Первый царь и повелітель Всероссійскій, и проч, и проч., и проч. къ начатію воіны противъ короля Карола XII Шведского 1700 году имѣлъ, и кто изъ сіхъ обоіхъ потентатовъ, во время сеи пребывающеи воіны болѣе умѣренности и склонности къ прімиренію показывалъ и кто въ продолженіи оной съ толь велікімъ разлітіемъ крови христіанской и разореніемъ многіхъ земель віновенъ. и съ которай воюющей страны та воіна по правиламъ христіанскихъ и політичныхъ народовъ болѣе ведена". Авторъ этой книги—баронъ Шафировъ, вице-канцлеръ пользовавшійся большою довѣренностію Петра. Книга имѣла три изданія: въ 1717, 1719 и 1722 годахъ.

опроверженію тѣхъ колумній (клеветъ) и поносовъ (поношеній), и ко очищенію обруганной славы Е. Ц. В—ства и его оружія и къ содержанію подданныхъ его въ вѣрности писаны. И тако того, что ко объявленію правыхъ и законныхъ причинъ сей войны надлежало, во оныхъ пространно не содержано, къ тому же оные всѣ объявительные граматы и письма для народа Россійскаго на Россійскомъ языкѣ и въ оныхъ земляхъ выдаваны, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ въ Польшѣ и на Польскомъ языкѣ писанныхъ. И тако въ прочихъ краяхъ Европейскихъ мало или и весьма о оныхъ неизвѣстно. Противъ того же со стороны шведской оныя всѣ письма большая часть на нѣмецкомъ языкѣ штилизованы (сочинены) и потомъ на иные языки, въ Европѣ употребляемые, нарочно для внушенія всѣмъ перевожены и дивульгованы (разглашены), дабы тѣмъ Его Царское Величество, яко начинателя противъ короны шведской войны, предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ въ тотъ концептъ или мнѣніе привесть, будто Е. В. оную войну безъ правильныхъ и законныхъ причинъ началъ и оную безпримирительно продолжаетъ, внеся во оные многіе несносные и межъ потентаты (государями) христіанскими необыкновенныя клеветы. Отъ чего, а особливо, понеже всегда натурально есть человѣкомъ о бѣдствующихъ сожалѣніе, а на благополучіе имѣющихъ зависть имѣти, не смотря на причины, кто тѣмъ бѣдствамъ, которые первый терпитъ, виновенъ, яко же всѣмъ извѣстно есть, многіе, особливо же тѣ, которые за отдаленіемъ отъ сихъ обѣихъ сѣверныхъ коронъ о древнихъ и новыхъ ихъ гисторіяхъ основательнаго извѣстія не имѣютъ, по тѣмъ шведскимъ внушеніямъ въ томъ мнѣніи и донынѣ пребываютъ, что сія война на его королевское величество свейское (шведское) не токмо отъ Его Царскаго Величества одного, но и отъ всѣхъ сѣверныхъ высокихъ союзниковъ, безъ праведныхъ причинъ для единаго токмо властолюбія начата есть и для его конечнаго опроверженія непримирительно продолжается. Того ради, побужденъ нѣкоторый вѣрный патріотъ (отечества сынъ) изъ Россійскаго народа для оправданія своего Всемилостивѣйшаго Самодержца и правдулюбиваго Царя и Государя въ начатіи сея войны отъ такихъ неправедныхъ клеветъ и шведскихъ внушеній испросилъ у высокопомянутаго Его Величества всемилостивѣйшее соизволеніе сіе разсужденіе на свѣтъ выдать и тѣмъ оному показать:

1) Правыя важныя и законныя древнія и новыя причины, которыхъ ради Е. Ц. В., яко христіанскій монархъ и истинный отецъ отечествія своего, не токмо долженъ, но и необходимо принужденъ былъ начать сію войну противъ короны шведской, яко изъ древнихъ лѣтъ и непремѣнно даже и до счастливаго государствованія его Имперію Россійскому непримирительной, враждебной преслѣдовательницы.

2) И что толь долговременному продолженію сея войны и пролитію многой крови человѣческой и разоренію земель весьма не Его Царское Величество, но никто иной, кромѣ самого его Королевскаго Величества шведскаго, вина и причина есть.

3) Что со стороны Царскаго Величества во время сей войны со всякой умѣренностію, христіанскимъ милосердіемъ и отъ большей части, по обычаю всѣхъ политичныхъ христіанскихъ народовъ, поступлено, и ежели какая жестокость гдѣ и показана, то болѣе для отмщенія шведской жестокости къ Его Царскаго Величества войскамъ и вѣрнымъ подданнымъ учинено. Противъ тогожъ со шведской страны оная война съ начала до сего времени была не по обычаю политичныхъ народовъ, но со всякою суровостью, нелюдкостію и досадительстью ведена. И уповаемъ,

что мы все сіе съ такимъ основаніемъ и истиною докажемъ, что всякъ безпристрастный не можетъ укорить и доказать, чтобъ въ семъ объявленіи что обрѣтено было мимо самой истины или по пристрастію и по злобѣ къ шведскому народу писанное.

О древнихъ и новыхъ причинахъ, которыхъ ради должно было Е. Ц. В., яко отцу отечествія своего, противъ короны шведской войну начать.

Древнія причины начатію войны.

Что провинціи Карелія и Ингрія, или Карельская и Ижерская земля, со всѣми принадлежащими ко онымъ уѣздами, городами и мѣстами, издревле ко Всероссійскому Имперію принадлежали, то не могутъ и сами Шведы отрещи, ибо всѣ договоры и корреспонденціи отъ давнихъ лѣтъ межъ коронами Россійскою и Шведскою о томъ ясно гласятъ, изъ которыхъ особливо и нынѣ въ канцеляріи Россійской оригинальный трактатъ о 40-лѣтнемъ перемиріи, заключенный въ 1556 году при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, достохвальной памяти, чрезъ новгородскаго намѣстника князя Михаила Глинскаго съ товарищи по тогдашнему обычаю съ Густавомъ I, королемъ шведскимъ учиненный обрѣтается... Также и другіе многіе трактаты съ королями Эрикомъ, Іоанномъ и Кароломъ IX о томъ свидѣтельствуютъ; но и большая часть отъ провинцій Лифляндіи и Эстляндіи принадлежала подъ область и протекцію короны Россійской, якоже ясное тому свидѣтельство то, что городъ Юрьевъ Ливонскій, по-нѣмецки Дерптъ названный, въ оной провинціи отъ россійскаго великаго князя Ярослава-Георгія въ лѣто отъ Р. Х. 1026, по россійскимъ вѣрнымъ лѣтописцамъ, созданъ, и во имя его Юрьевъ нарѣченъ, такожъ и Ревель въ россійскихъ лѣтописцахъ Колывань называется, которое (названіе) можетъ растолковаться на нѣмецкомъ языкѣ, якобы Яганесъ-бургъ, по имени древняго велик. князя Іоанна. И во оныхъ городахъ обрѣтающіеся епископы и маістры Россійскихъ монарховъ за своихъ государей почитали и, яко трибутаріи (данники), имъ дань погодную давали, о чемъ многіе подлинныя ихъ пересылки и акты (записки) въ канцеляріяхъ Россійскихъ на Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ и нынѣ обрѣтаются. Чему и то явный знакъ есть, понеже въ сихъ обоихъ городахъ, а именно Дерптѣ и Ревелѣ, церкви Россійскія греческаго исповѣданія непремѣнно содержаны были, которыя и понынѣ еще суть, и въ Ревелѣ оная и донынѣ весьма невредна. И хотя временемъ оныя провинціи отъ Россійскаго владѣнія при противныхъ конъюктурахъ (обстоятельствахъ) и отступали, однакожъ паки иногда договорами, иногда же и оружіемъ къ оному присовокуплены бывали, какъ и во время владѣнія вел. князя Александра (ради его великой на Невѣ-рѣкѣ противъ короля шведскаго Магнуса одержанной викторіи Невскимъ нареченнаго) отступившая-было провинція Лифляндія отъ него паки оружіемъ подъ владѣніе его приведена и дань на нихъ погодная наложена. И особливо оныя провинціи были подъ владѣніемъ короны Россійской въ царство царя Іоанна Васильевича Перваго, собирателя нареченнаго. А потомъ и за сыномъ его, царемъ Василіемъ Іоанновичемъ, и за внукомъ Іоанномъ Васильевичемъ Вторымъ, который за отступленіе оныхъ провинцій многія войны отправлялъ.

(Далѣе Шафировъ разсказываетъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ Россіи въ эпоху самозванцевъ и междуцарствія и при Михаилѣ Θеодоровичѣ, указываетъ, какъ этимъ пользовались шведы и какъ Михаилъ.

принужденный вести борьбу съ поляками, согласился на тяжкія уступки).

.... И тако принуждены Царскаго Величества послы на горестный и невольный миръ (въ Столбовѣ) для избавленія отечества своего отъ крайняго разоренія поступить, и тѣ провинціи Ижерскую и Карельскую купно съ Иваномъ-городомъ, Ямами, Копорьемъ и Орѣшкомъ и со всѣми ко онымъ принадлежащими землями и островами морскими, за устьемъ Невы-рѣки обрѣтающимися и издревле къ Россійскому государству принадлежащими, шведскому королю уступить, довольствуя токмо возвращеніемъ одного Нова-города съ частью малаго уѣзда и освобожденіемъ отъ осады Пскова, и принуждены еще сверхъ того дать въ шведскую сторону немалую сумму денегъ. Такожъ, понеже шведовъ всегда совѣсть обличала, что оные неправедно похитили прежде сего и присовокупили себѣ провинціи Ливонію и Эстляндію, прежъ сего отчасти во владѣніи, отчасти-жъ подъ протекціею и трибутомъ (данію) россійскихъ самодержцевъ бывшія: того ради въ томъ же трактатѣ отступленіе всѣхъ претензій, которыя Государи Россійскіе на оныя имѣли, себѣ выговорили и отъ пословъ россійскихъ вымогли, который трактатъ принужденный между обѣими страны чрезъ посредство англійскаго посла заключенъ 1616 г., Февраля въ 27 день, межъ Тихвиномъ и Ладогою въ деревнѣ, именуемой Столбовѣ, и по оному тако тѣ провинціи противъ всякой истины и христіанской любви за толь многими мирными договорами и союзомъ оборонительнымъ (при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ) похищенныя коронѣ шведской достались и тѣмъ Россійскому государству и народу невозвратный убытокъ нетокмо въ купечествѣ, но наипаче въ пресѣченіи коммуникаціи со всѣми европейскими государствами. Чего оная корона, всегда Россійскому Государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оной въ невѣдѣніи воинскихъ и политическихъ дѣлѣхъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхожденіе съ европейскими народы не допустить. Яко же всѣмъ извѣстно, какія максимы или правила политическія королямъ шведскимъ отъ преждебывшаго ихъ славнаго государственнаго канцлера графа Оксенстерна предложены, знатно изъ древнихъ ихъ политическихъ правилъ, о которыхъ Пуфендорфъ въ своей книгѣ „Введеніе въ гисторію“ названной, напоминаетъ. А именно, чтобы всяко содержать Россійскій, яко сильный народъ, внѣ экзерциціи (обученія) военнаго, дабы не позналъ силы своей. И тако изъ сихъ вышеписанныхъ обстоятельствъ можетъ весь свѣтъ видѣть, коль праведно корона шведская къ полученію наслѣдныхъ Е. Ц. В. провинцій, Ингріи и Кореліи, съ принадлежностями доступила. И всякъ, ежели кто злобою и пристрастіемъ не ослѣпленъ, признаетъ, имѣлъ ли Е. Ц. В. Всероссійскій Петръ Первый древнія въ правѣ натуральномъ основанныя причины сіи отъ наслѣднаго своего государства противъ всякой правости похищенныя и отторгнутыя и около ста лѣтъ во владѣніи насильномъ содержанныя провинціи отыскивать, и за ту претерпѣнную обиду и за полученныя въ тѣ годы сь оныхъ провинцій подати и контрибуціи искать сатисфакціи присовокупленіемъ другихъ земель, во владѣніе короны шведской не праведно-жъ бывшихъ?....

Но ежели-бъ кто въ оправданіе шведское восхотѣлъ представить, что понеже тѣ провинціи чрезъ формальный трактатъ съ россійской стороны въ шведскую уступлены, того ради не подлежало-бъ съ нарушеніемъ онаго трактату оныя отбирать. И на то отвѣтствуется, что хотя-бы Царское Величество и не имѣло иныхъ новыхъ важныхъ причинъ противъ короны шведской войну вчинять, то по всѣмъ правамъ натуральнымъ и гражданскимъ, не токмо имѣлъ съ доброю совѣстію довольныя

причины, но и долженъ былъ, яко отецъ отечества, для превращенія тѣхъ, неправедно съ нарушеніемъ прежняго, безпринужденнаго вѣчнаго мира и добровольно заключеннаго оборонительнаго союза отъ короны своей отторгнутыхъ, наслѣдныхъ провинцій, усмотря благовременство, войну начать и чрезъ правдивое свое оружіе того своего властнаго и съ награжденіемъ убытковъ взыскивать, что обманомъ и коварствомъ отнято, и насиліемъ во время упадку и почитай самого паденія Россійскаго государства взято. Да разсудитъ всякъ партикулярный, пріятно-ль то, кому будетъ за неправду, ежели-бъ кто, впадши въ руки разбойниковъ, всего имѣнія своего былъ лишенъ и отъ угроженія потерянія живота отдалъ, и своего устрашаясь для спасенія того все свое прочее имѣніе онымъ хищникамъ еще и письмомъ бы и клятвою удвердилъ, что онъ то имъ уступаетъ добровольно и впредь въ вѣчныя времена взыскивать не будетъ, а потомъ бы, свободясь отъ той опасности, сталъ чрезъ порядочной судъ на тѣхъ разбойникахъ того похищеннаго изыскивать и въ награжденіе претерпѣннаго страху увѣчья и убытковъ вящше, нежели его похищенныхъ было претендовать, но и наказанія смертнаго на тѣхъ хищниковъ по правамъ искать? И вмѣнилъ бы кто правый судья по всѣмъ правамъ тому обидѣнному то въ нарушеніе клятвы и данное въ томъ письмо, въ какую облигацію? Но наипаче, уничтожа то все, не судилъ ли бы тѣхъ разбойниковъ по жестокости правъ? И вѣмъ, что сего никто опрекословить по правости не можетъ. Ни понеже великіе потентаты на семъ свѣтѣ никого кромѣ высшаго судіи Бога надъ собою не имѣютъ, который по долготерпѣнію своему здѣсь учиненныя временныя согрѣшенія въ будущемъ судить по дѣламъ благоизволяетъ; того ради каждый потентатъ долженъ право свое и Государства отъ того-жъ Всемогущаго дарованною силою и оружіемъ оборонять и насиліе насиліемъ, усмотря къ тому удобное время, отвращать, какъ тому обычай всего свѣта отъ начала былъ и до кончины онаго пребывать будетъ... Но хотя всѣ древнія вышеписанныя причины, какъ упомянуто, довольно важны были къ начинанію противъ Швеціи войны, однакожъ Его Царскаго Величества правдолюбивый нравъ не допускалъ его безъ новыхъ, отъ короны шведской данныхъ ему причинъ, оную начать, и содержалъ тотъ, хотя и принужденный, отъ предковъ своихъ учиненный миръ свято и ненарушимо. И лучше восхотѣлъ оружіе свое противъ враговъ имени христіанскаго, турковъ и татаръ, обратить, нежели ту обиду свою, съ пролитіемъ крови христіанской, мстить. Но правосудіе Божіе, не оставляющее никакой неправедной обиды безъ воздаянія, ожесточа сердце Шведское, допустило ихъ до такой слѣпоты, что сами тотъ огнь древнихъ обидъ, подъ пепломъ давняго времени и забвенія кроющійся, новоучиненными Его Царскаго Величества собственной особѣ уразами (обидами) послѣдующимъ образомъ воздуть восхотѣли.

Новыя причины начатію войны.

Мнимъ, что не токмо всей Европѣ, но и инымъ отдаленнымъ народамъ извѣстно, какъ Его Царское Величество, нынѣ благополучно государствующій Петръ Первый, побужденъ острымъ отъ натуры просвѣщеннымъ своимъ разумомъ и новожелательствомъ видѣть европейскія политизованныя государства, которыхъ ни онъ, ни предки его, ради необыкновенія въ томъ по прежнимъ обычаямъ, не видали, дабы притомъ, получа искусство очевидное, потомъ по прикладу (примѣру) онымъ свои

пространныя государства, какъ въ политическихъ, такъ и въ воинскихъ и прочихъ поведеніяхъ учредить могъ, такожъ и своимъ прикладомъ подданныхъ своихъ къ путешествію въ чужіе края и воспріятію добрыхъ нравовъ и къ обученію потребныхъ къ тому языковъ возбудить. И дабы свое намѣреніе толь удобнѣе исполнить могъ, того ради назначилъ великое посольство въ тѣ страны, въ которомъ первымъ посломъ опредѣленъ генералъ-адмиралъ Францъ Лефортъ, вторымъ — тайный совѣтникъ и тогда генералъ-кригсъ-коммиссаръ Ѳеодоръ Головинъ, третьимъ— думный дьякъ или статскій секретарь Прокофій Возницынъ. Котораго посольства въ свитѣ (въ компаніи) соизволилъ Е. Ц. В. высокою своею особою инкогнито тотъ путь въ 1697 году, Марта въ 9 день, изъ резиденціи своей прежней, Москвы, воспріять. Но дабы при томъ король Шведскій, яко сосѣдственный государь, и чрезъ котораго владѣнія Е. Ц. В. въ томъ свитѣ посольства путь имѣть надлежало, не возъимѣлъ никого подозрѣнія, но подлинно-бъ о томъ Е. Ц. В. походѣ знать могъ, повелѣлъ тогда на Москвѣ отъ онаго акредитованному комиссару Томасу Книперкрону (который потомъ и резидентомъ королевскимъ назначенъ) о томъ объявить, дабы онъ королю своему и пограничнымъ губернаторамъ и комендантамъ про тотъ его походъ объявилъ. Только съ такимъ объявленіемъ, что Е. Ц. В. никакихъ излишнихъ и особѣ своей достойныхъ церемоній, кромѣ безопаснаго и свободнаго, подъ свитою того посольства проѣзду не требуетъ. И только-бъ оному посольству почтеніе и пріемъ достойный характеру ихъ по сосѣдственной пріязни и по договору учиненъ былъ. Что помянутый комисаръ учинить и обѣщалъ. И Е. Ц. В. при выходѣ изъ Москвы провожалъ и въ Новгородъ, и во Псковъ, и къ шведскимъ агентамъ коммерціи писалъ, дабы они Е. Ц. В. за границу послѣдовали и комисарамъ отъ генералъ-губернатора рижскаго, на встрѣчу тому посольству высланнымъ, о особѣ Е. Ц. В. при этомъ присутствующіе объявили: что оные и учинили. Но хотя помянутый генералъ-губернаторъ, графъ Дальбергъ, то извѣстіе и получилъ, однакожъ не токмо какое излишнее учтивство для извѣстнаго присутствія въ томъ посольствѣ высокой Е. Ц. В. особы учинилъ, но ниже по должности трактату тѣхъ пословъ по характеру ихъ принять и препроводить учрежденіе учинилъ; ибо хотя обычай, такожъ и нѣкоторая должность по договорамъ прежнимъ межъ коронами Россійскою и Шведскою была, пословъ и посланниковъ съ обѣихъ сторонъ чрезъ государства оныя, хотя къ другому которому потентату посланныхъ, со всякою честію на границѣ принимать и въ земляхъ своихъ по требованію подводами, а на рѣкахъ и моряхъ судами безъ заплаты довольствовать, но и для учтивости всякою живностью и питіемъ, и для лошадей конскими кормами взаимно жъ обсылать и по знатнымъ городамъ встрѣчами и визитами отъ комендантовъ и губернаторовъ чтить. Но онъ, генералъ-губернаторъ, не токмо тѣмъ ничѣмъ то знатное посольство не почтилъ, кромѣ того, что за границу одного шляхтича незнатнаго, Глазнапа, выслалъ, и оному въ пути при послахъ быть и токмо крѣпкій присмотръ за оными и людьми ихъ, а особливо за тою свитою, въ которой Е. Ц. В. самъ изволилъ межъ другими кавалерами, яко волонтеръ, быть,—имѣть, и всѣ ихъ поступки и обращенія обсервовать, и почитай-что за честнымъ карауломъ ихъ держать. И когда ему о томъ отъ пословъ говорено, чтобъ тѣмъ людямъ, яко знатнымъ волонтерамъ, и при посольствѣ ѣдущимъ такого безпокойства чинить не велѣлъ, объявляя ему не тайно, что Е. Ц. В. высокая особа между ними обрѣтается; то онъ на то отвѣтствовалъ, что онъ долженъ то чинить, послѣдуя

указу губернаторскому, который ему то указомъ короля своего повелѣлъ. Въ прочемъ же чрезъ всю Лифляндію такое худое довольство всей свитѣ показывали, что не токмо на своихъ однѣхъ лошадяхъ ѣхать, но и на оныя корму и всѣмъ пищу и питья получить и за деньги едва могли, и въ мизерныхъ корчмахъ становиться принуждены, ибо никакого распоряженія къ тому по дорогѣ не было учинено, но все съ трудностію, посылая на стороны, двойною и тройною цѣною покупать принуждены. И хотя сперва то простотѣ и грубости того отъ губернатора присланнаго комисара причитали (приписывали), уповая, что по пріѣздѣ въ Ригу, оный губернаторъ учтивствомъ своимъ и экскузаціею (извиненіемъ) то поправитъ, но въ томъ мнѣніи весьма погрѣшили: ибо по пріѣздѣ къ Ригѣ въ пріемѣ себѣ не то, что какого излишняго учтивства, но ниже противъ посланниковъ не получили, и встрѣчены и комплементованы только отъ рижскихъ бургомистровъ и мѣщанъ, а не отъ губернатора. И что всего сраннѣе, и въ городѣ имъ квартеръ имѣть не позволено, но поставлены на предмѣстьѣ, въ бездѣльныхъ деревянныхъ дворахъ, но и о тѣхъ сказано, чтобъ договаривались объ иныхъ съ господарями (хозяевами) сами. Что все было не токмо противъ древняго обыкновенія, но и противъ договоровъ. И поставленъ у тѣхъ дворовъ и во всемъ предмѣстьѣ сильный караулъ, такожъ и въ городѣ и въ цитадели караулы солдатскіе и мѣщанскіе умножены, но и по контроскарпу съ наружной стороны палисадъ пикеты поставлены были, и учинены конные разъѣзды и патрули, яко бы непріятель подъ городомъ стоялъ. И когда господа послы послали отъ себя господину губернатору о пріѣздѣ своемъ объявить и просить, чтобы съ ними было поступлено, яко съ пріятелями по сосѣдственной пріязни и по древнему обыкновенію и по договору, и была бы повольность людямъ ихъ безвозбранно ходить для покупокъ въ городъ; такожъ, понеже зимній путь уже тогда кончился и вмѣсто саней надлежало къ пути удовольствоваться телѣгами, того-бъ ради позволено было для управленія оныхъ, людямъ ихъ къ мастеровымъ людямъ въ городъ ходить и тѣ свои нужды управлять, и ежели прилучится за позднимъ временемъ кому въ городѣ — и заночевать: — но губернаторъ, какъ тому посланному, котораго насилу и къ себѣ допустилъ, подъ протекстомъ (предлогомъ), будто съ печали о смерти дочери своей тогда болѣнъ былъ, самъ и чрезъ своего посланнаго потомъ объявить велѣлъ при студеномъ комплиментѣ, что онъ сожалѣетъ, что за печалью своей, отъ которой въ болѣзнь впалъ, не можетъ отдать господамъ посламъ визиту. Что же принадлежитъ о требованіи ихъ, и онъ дастъ людямъ ихъ позволеніе въ городъ ходить для потребъ ихъ, только понеже де сія крѣпость пограничная, того ради надлежитъ ему имѣть въ томъ по обычаю воинскому осторожность, и для того не можетъ позволить, дабы больше шести человѣкъ русскихъ вдругъ въ оной шло, и будетъ за ними для лучшей безопасности караулъ ходить. Только при томъ престерегаетъ, дабы крѣпостей городовыхъ не осматривали, и близко валу не ходили, ибо въ такомъ случаѣ принужденъ онъ будетъ то имъ запретить силой. И когда послы такое отъ него, губернатора, странное объявленіе услышали, то велѣли ему говорить, для чего онъ такъ противъ всенародныхъ правъ съ ними поступаетъ, и какое можетъ подозрѣніе имѣть отъ ихъ свиты, тольки въ немногомъ числѣ людей состоящей. И понеже онъ вѣдаетъ, что сколько знатныхъ особъ при томъ обрѣтается, то какъ то можно ему мыслить, дабы такое противное намѣреніе имѣя, такимъ образомъ оныя ѣхать себя отважили. Но противъ того въ отвѣтъ отъ него

получили, что онъ многія причины имѣетъ—имѣть на нихъ подозрѣніе, и будто получилъ престороги, что для нѣкакого тайнаго намѣренія они подъ образомъ посольства пришли. И потомъ такое учрежденіе учинилъ, что никто изъ посольской свиты не могъ въ городъ войти—каждый безъ двухъ солдатъ съ мушкеты, и сверхъ того на мостахъ и у всякихъ воротъ оные осматриваны и болѣе двухъ часовъ никому въ городѣ медлить не позволено. И когда Е. Ц. В., для удовольствія своей куріезиты, изволили съ нѣкоторыми особами изъ своей свиты въ городъ ходить, то хотя всѣ его подлинно знали, но и ему такой же караулъ, какъ выше писано, приставили и злѣе поступали, нежели съ прочими, и меньше дали времени быть въ городѣ. Также, когда по извѣстной всему свѣту Его Величества охотѣ къ морскому дѣлу, изволилъ оный ѣздить съ нѣкоторыми изъ своей свиты къ кораблямъ голландскимъ, которые стояли ниже города, въ намѣреніи такомъ, чтобъ ихъ видѣть и нанять изъ оныхъ одинъ для путешествія своего, и пошелъ-было тою дорогою, которая отъ посольскихъ дворовъ лежала къ морю, и гдѣ весь народъ ѣздитъ, а именно отъ королевскихъ воротъ направо посадомъ, и понеже та дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ близъ конца внѣшняго контроскарпа, то по губернаторскому повелѣнію чрезвычайные по главному валу поставленные пикеты (какъ выше объявлено) съ великимъ крикомъ и угрозами, а иные и прикладываясь ружьемъ, возбраняли и хотѣли стрѣлять, чтобъ не ѣздили будто близъ крѣпости. На что имъ отвѣтствовано, что та—всенародная дорога и для чего всѣмъ вольно, а имъ невольно, и ежели имъ противно, чтобъ показали другую дорогу. И понеже другой не было, то съ великою нуждою пропустили. Но и тѣмъ неудовольствуясь, прислалъ потомъ губернаторъ къ посламъ говорить и съ великимъ сердцемъ жалуясь, будто тѣ люди (объявляя о Е. Ц. В. съ его свитою) городовыя крѣпости нарочно ѣздили осматривать и счерчивали, угрожая, что ежели впредь то чинить дерзнутъ, то, конечно, велитъ по нихъ стрѣлять, ибо онъ-де знаетъ довольно, для какого умыслу то чинится. Но понеже послы вѣдали, что то ложь, отвѣтствовали, чтобъ тѣхъ ихъ людей арестовали въ тѣхъ мѣстахъ подозрительныхъ, и дали имъ знать, то они сатисфакцію имъ дадутъ. На что яко противъ правды губернаторъ не могъ отвѣтствовать, но прибавилъ потомъ въ предмѣстьѣ, у посольской и Е. Ц. В. квартиръ, карауловъ, и такъ сурово начали поступать, что Е. В. по достоинству о вящихъ впредь злыхъ слѣдованіяхъ своей особѣ опасаться принужденъ. И того ради заблагоразсудилъ, не дожидаясь своихъ пословъ отъѣзду, въ немногихъ особахъ какъ наискорѣе отъ того враждебнаго народу уѣхать...

(Далѣе говорится о томъ, какъ Петръ при разныхъ случаяхъ и чрезъ разныхъ пословъ добивался удовлетворенія и наказанія генералъ-губернатора Далберга, но удовлетворенія не послѣдовало, и когда явилось въ Москву въ 1699 г. чрезвычайное посольство при вступленіи Карла XII для ратификаціи прежнихъ трактатовъ, Петръ соглашался на нее только подъ условіемъ удовлетворенія за нанесенную ему обиду. Желаемаго удовлетворенія не послѣдовало, и Петръ примкнулъ къ союзу Польши и Даніи для войны со Швеціей).

....И тако та война со стороны Е. Ц. В. противъ короны свейской начало свое воспріяла. И уповаю, что всякъ безпристрастный изъ вышеписаннаго довольно правость оной войны и законныя причины древнія и новыя усмотря, не можетъ инако разсудить, что Е. Ц. В. не могъ оставить, какъ для пользы и интересу Государства своего, такъ и для

отмщенія учиненныхъ высокой персонѣ его обидъ и безчестій, на которыя никакой сатисфикаціи отъ короля Свейскаго получить не могъ, оной не объявя...

XXIII. Великая сѣверная война до полтавской побѣды.

(Изъ «Публичныхъ лекцій о Петрѣ В.» Соловьева).

Во время младенчества Руси, при отсутствіи крѣпкой государственной связи, единства направленія народныхъ силъ и яснаго сознанія народныхъ интересовъ,—въ это безпомощное время орденъ меченосцевъ отнялъ у Руси Ливонію, захватилъ здѣсь русскіе города и княжества; впослѣдствіи, когда объединенная Россія, съ яснымъ сознаніемъ необходимости для себя моря, устремилась къ нему, — поляки и шведы оттолкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движеніе все болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соединенное съ нимъ стремленіе къ морю; слѣдовательно, мы естественно должны ожидать, что когда преобразовательное движеніе пошло такъ рѣшительно, Россія немедленно начнетъ опять биться за берега Балтійскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, будучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гоняясь за славою полководца-завоевателя, занятый одной мыслію о внутреннемъ преобразованіи, — Петръ начинаетъ войну со шведами за Балтійское море, смотря на нее, только какъ на средство этого преобразованія, исполняя завѣщаніе предковъ. Петръ не усомнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованіями, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнѣйшаго проведенія внутреннихъ преобразованій, и въ послѣднихъ видѣлъ средство для успѣшнѣйшаго окончанія войны. На войну великій царь смотрѣлъ гражданскимъ взглядомъ, именно какъ подобаетъ правителю; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять почетное мѣсто среди другихъ народовъ, — не выпрашивать цивилизаціи, какъ милости, но предъявить на нее свои безспорныя права.

Мы видѣли, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціею, и что Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ, — характеръ морской войны, приготовилъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣпить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обратилъ на него сильное вниманіе, но продолженіе турецкой войны онъ вовсе не считалъ желаннымъ дѣломъ: турецкая война не могла быть школою для русскаго сухопутнаго войска; такою школою могла быть только европейская война и именно — война шведская, въ которой достигалась двойная цѣль: войско получало хорошую школу, и слѣдствіемъ хорошаго прохожденія этой школы было утвержденіе на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря. Притомъ для новорожденныхъ военныхъ силъ Россіи война была невозможна безъ союзниковъ, а члены священнаго союза спѣшили заключить миръ съ турками; долженъ былъ спѣшить этимъ и Петръ.

18 августа 1700 года въ Москвѣ сожженъ былъ „преизрядный фейерверкъ“: царь Петръ Алексѣевичъ праздновалъ турецкій миръ, пріобрѣтеніе Азова, уничтоженіе обязанности посылать поминки въ Крымъ. На

другой день, 19 августа, объявлена война шведамъ. Заключеніемъ мира съ турками поспѣшили потому, что союзники покинули Россію; по тому же самому спѣшили объявленіемъ шведской войны, чтобы не упустить союзниковъ — не однимъ бороться съ самою сильною державою на сѣверѣ. Кто же были союзники Петра въ шведской войнѣ? Швеція заявила свою европейскую дѣятельность, вошла въ систему европейскихъ державъ, какъ говорится, только въ XVII вѣкѣ, предупредила въ этомъ отношеніи Россію какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской дѣятельности съ шумомъ и блескомъ. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густавъ Адольфъ, по призыву Франціи, привелъ шведское войско въ Германію для участія въ тридцатилѣтней войнѣ, для поддержанія протестантизма. За эту поддержку Германія должна была дорого заплатить Швеціи своими землями, и нѣмецкіе владѣльцы стали косо смотрѣть на нее, особенно когда она содѣйствовала вреднымъ для Германіи стремленіямъ Франціи. Еще большее раздраженіе возбудила противъ себя Швеція въ трехъ другихъ сосѣднихъ государствахъ — Даніи, Польшѣ и Россіи — своими захватами на ихъ счетъ. Она обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію; пользуясь смутнымъ временемъ и слабостью Россіи послѣ смутъ, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, она отобрала у нея коренныя русскія владѣнія, чтобъ какъ можно дальше отодвинуть ее отъ Балтійскаго моря. Такое поведеніе Швеціи относительно сосѣдей, разумѣется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ соединиться и возвратить себѣ свое. И въ началѣ XVII вѣка, когда въ западной Европѣ произошло сильное движеніе противъ Франціи, раздражившей всѣхъ своимъ властолюбіемъ, своими безцеремонными захватами чужого, когда противъ Франціи образовывался великій союзъ, чтобъ не дать ей захватить Испаніи или значительную часть ея владѣній, на сѣверо-востокѣ Европы, по тѣмъ же побужденіямъ, образуется союзъ противъ Швеціи и начинается великая Сѣверная война. Естественные члены союза противъ Швеціи — это обобранныя ею государства: Данія, Польша и Россія. Отношенія Даніи и Россіи были просты: они хотѣли возвратить свое, при чемъ Петръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ пріобрѣсти хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но отношенія Польши были иныя. Польша была одержима въ высшей степени опасною болѣзнью — войнобоязнью. Тщетно люди предусмотрительные, патріоты, указывали на гибельныя слѣдствія отсутствія сильнаго войска въ государствѣ континентальномъ, указывали, какъ Польша теряетъ отъ этого всякое значеніе, тщетно на сеймахъ ставился вопросъ о необходимости усиленія войска: эта необходимость признавалась всѣми, но когда рѣчь заходила о средствахъ для усиленія войска, о пожертвованіяхъ для этого, то не доходили ни до какого рѣшенія, и страна оставалась беззащитною, въ унизительномъ положеніи, когда всякій сосѣдъ, подъ видомъ друга, союзника, могъ для своихъ цѣлей, вводить въ нее войско и кормить его на ея счетъ; отъ нежеланія содержать свое войско, отъ нежеланія жертвовать для этого, принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотрѣть, какъ оно пустошило страну. Теперь на престолѣ польскомъ — нѣмецкій государь, саксонскій курфюрстъ, который не удовольствуется однимъ титуломъ королевскимъ; но что же больше можетъ дать Польша? если не захочетъ дать волею, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое нѣмецкое войско въ предѣлы Рѣчи Посполитой, — сперва, разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ.

Что же можетъ быть благовиднѣе предлога, какъ война со Швеціею, для возвращенія Польшѣ Ливоніи? Дѣло легкое: сама Ливонія хочетъ отторгнуться отъ Швеціи и поддаться Польшѣ; объ исполненіи этого желанія хлопочетъ Паткуль, принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивалъ интересы своего сословія, интересы ливонскаго дворянства, безцеремонно обобраннаго шведскимъ королемъ, который хотѣлъ обогатиться и усилиться на счетъ дворянства какъ въ Швеціи, такъ и въ Ливоніи. Ливонія проситъ освободить ее отъ шведскаго ига, хочетъ поддаться Польшѣ. Паткуль уполномоченъ рыцарствомъ заключить объ этомъ договоръ. Но Польша не хочетъ тронуться,—боится войны, боится усиленія королевской власти отъ войны. И вотъ король будетъ воевать одинъ своимъ саксонскимъ войскомъ. Заключенъ договоръ, по которому Ливонія присоединялась къ Польшѣ; а въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ, если бы даже они не были королями польскими, и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ. Такимъ образомъ, Ливонія поддавалась не Польшѣ, а нѣмецкому государю, курфюрсту саксонскому, который пріобрѣтаетъ чрезъ это выгодную позицію для дѣйствій противъ Польши, для утвержденія наслѣдственности въ своемъ домѣ, для усиленія своей власти. Если сосѣди будутъ мѣшать ему въ этомъ, то можно кинуть имъ по куску польскихъ владѣній, лишь бы быть сильнымъ, самодержавнымъ въ остальныхъ. Но прежде всего надо пріобрѣсть хорошую позицію, овладѣть Ливоніею; одному трудно. Данія — вѣрная союзница по ненависти къ Швеціи; необходимо, чтобъ Россія также приняла участіе въ войнѣ. Дѣло очень возможное: молодой царь только и думалъ о томъ, какъ бы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря; возвращаясь изъ заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ королемъ Августомъ и изъявилъ желаніе въ союзѣ съ нимъ воевать противъ шведовъ. „Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами", — писалъ Паткуль. Но при этомъ лифляндскимъ патріотомъ овладѣваетъ сильное сомнѣніе: царь— человѣкъ необыкновенный, съ нимъ надобно обращаться осторожнѣе: даромъ, въ угоду саксонскимъ и лифляндскимъ патріотамъ, онъ не подставитъ своихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы въ траншеяхъ. Съ нимъ надобно дѣлиться добычею, а со львомъ опасно дѣлиться. „Надобно опасаться, — писалъ Паткуль, — чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно договориться, чтобъ онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею". А Петръ именно и хотѣлъ прежде всего овладѣть двумя крѣпостями—Нарвою и Нотебургомъ, старымъ русскимъ Орѣшкомъ, чтобъ, получивши эти двѣ опоры, легче занять и укрѣпиться въ странѣ, между ними лежавшей, — въ этой завѣтной странѣ, гдѣ море было такъ близко къ русскимъ владѣніямъ. Царь направилъ свои полки къ Нарвѣ, но скоро общая страшная опасность прекратила споры о раздѣлѣ добычи. Союзники надѣялись напасть на Швецію врасплохъ, пользуясь молодостью ея короля, Карла XII,— молодостью, которая не обѣщала, повидимому, ничего хорошаго для Швеціи: полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью; молодой король отсѣкалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; ночью въ стокгольмскихъ домахъ

дребежжатъ, валятся стекла: это потѣшается молодой король; кто ѣдетъ днемъ по улицѣ съ шумомъ и гамомъ, въ однѣхъ рубашкахъ?— молодой король съ своею свитою; кто охотится за зайцемъ въ сеймовой залѣ? — молодой король. Но этотъ неугомонный мальчикъ, отличавшійся такими дурными шалостями, явился героемъ, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеціи съ трехъ сторонъ. Карлъ XII явился съ войскомъ передъ Копенгагеномъ и принудилъ датскаго короля къ миру; вслѣдъ затѣмъ высадился на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ Пернау, чтобъ идти на помощь Нарвѣ, осажденной русскими. Мы видѣли, какъ Петръ смотрѣлъ на войну: онъ смотрѣлъ на нее, какъ на школу. Онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія, онъ покончилъ съ прежнимъ строемъ и составомъ войска; его армія не представляла болѣе, какъ армія царей предшествовавшихъ, ветхое рубище съ новою заплатою, но и его армія представлялась далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Легко сказать: преобразовать войско. Оно было, дѣйствительно, преобразовано, но оно было не выучено, неопытно. Петръ не обольщалъ себя: онъ изображалъ свой флотъ въ видѣ лодки, на которой дѣти учатся плавать; и войско свое онъ могъ изображать въ видѣ толпы дѣтей. Онъ не бросался въ войну одинъ на одинъ съ европейскимъ, знаменитымъ военными успѣхами, народомъ: онъ вступилъ въ нее въ союзѣ съ Даніею, которая прежде всего должна была задержать шведовъ, съ королемъ Августомъ, который имѣлъ военную репутацію и который уже началъ военныя дѣйствія въ Ливоніи. Петръ началъ съ третьей стороны: послалъ значительное войско съ хорошей артиллеріею осаждать Нарву, учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его разсчеты; у него не было искуссныхъ генераловъ, не было главнокомандующаго; онъ далъ званіе фельдмаршала тому же Головину, генералъ-адмиралу, завѣдывавшему иностранными сношеніями, но дѣйствительно поручать ему начальство надъ войскомъ онъ не хотѣлъ. Ему прислали генерала изъ за границы съ отличными рекомендаціями, герцога фонъ-Круа, и онъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ для первой встрѣчи со шведами, для перваго урока. Первый урокъ былъ тяжелъ: русскіе потерпѣли пораженіе, потеряли много людей, всю артиллерію. Но у нихъ оставался Петръ Великій, а великіе люди бываютъ сильны приготовленіемъ къ неудачѣ и къ успѣху, ибо не теряютъ духа при неудачѣ и умѣютъ пользоваться успѣхомъ. Неудача — проба генія, и Петръ умѣлъ выдержать страшное искушеніе. Кромѣ матеріальныхъ потерь, нравственное впечатлѣніе нарвскаго пораженія было ужасно. Извѣстно, какъ ободряетъ первый успѣхъ, какъ отнимаетъ духъ первая неудача, а теперь неудачно начинается дѣло, которому далеко не всѣ сочувствуютъ; въ глазахъ многихъ нарвское пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи новаго дѣла. Задавъ русскимъ такой тяжелый урокъ, Карлъ XII пошелъ на югъ преслѣдовать короля Августа; ибо гнаться за непріятелемъ слабымъ, оставляя въ тылу сильнаго, и рѣшиться съ небольшимъ войскомъ во второй половинѣ ноября идти въ глубь Россіи было-бы крайнимъ безразсудствомъ. Петръ воспользовался удаленіемъ Карла: ему представилась возможность проходить съ своимъ войскомъ школу по извѣстной программѣ. Но прежде всего надобно было поднять духъ своихъ послѣ перваго тяжелаго урока, заставить ихъ идти въ школу, которая такъ имъ опротивѣла послѣ Нарвы. Отъ нарвскаго плѣна спасся бѣгствомъ съ своею конницею Борисъ Петровичъ Шере-

метевъ, человѣкъ очень способный, но при Петрѣ, самъ же по себѣ, по природѣ своей, неготовый къ неудачѣ и къ успѣху: послѣ неудачи падалъ духомъ, а послѣ успѣха — какъ-бы отдохнуть, поѣхать въ Москву, повидаться съ семьею, позаняться домашними дѣлами. Петру въ продолженіе всей службы Шереметева было много хлопотъ съ нимъ въ этомъ отношеніи. Двѣ недѣли спустя паслѣ нарвскаго пораженія, Петръ пишетъ ему: „Не годится при несчастіи всего лишаться, и потому повелѣваемъ быть при начатомъ дѣлѣ, съ конницею беречь ближнихъ мѣстъ, и идти далѣе, для большаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: людей довольно, рѣки и болота замерзли. Не чини отговорки ничѣмъ; а если болѣзнію, и та получена между бѣглецами“. А между тѣмъ въ пограничныхъ мѣстахъ—Новгородѣ, Псковѣ, псковскомъ Печерскомъ монастырѣ — кипѣли работы для ихъ укрѣпленія: работали всѣ солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотѣлъ работать или хотѣлъ поживиться при общемъ дѣлѣ: въ Москвѣ и Новгородѣ повѣшено было двое людей, которые брали взятки у пріема подводъ. Артиллерія была потеряна подъ Нарвою; надобно было какъ можно скорѣе приготовить другую. Петръ велѣлъ со всего государства, съ знатныхъ городовъ, отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старикъ Виніусъ, „Надзиратель артиллеріи“, работалъ по-петровски, и въ концѣ 1701 года было приготовлено больше 300 орудій; хотя Виніусъ и сильно жаловался на пьянство мастеровъ, которыхъ, писалъ онъ, ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Но въ то же время надобно было приготовлять и людей: 250 мальчиковъ собрано было въ школы, изъ которыхъ, по обѣщанію Виніуса, должны были выйти хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера. Вслѣдъ за добрыми вѣстями отъ Виніуса—добрыя вѣсти отъ Шереметева: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, онъ поразилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мызѣ Эрестферъ; потеря шведовъ была втрое противъ потери русскихъ. Великое торжество: первая побѣда и... побѣда послѣ Нарвы! Въ Москвѣ на башняхъ и стѣнахъ кремлевскихъ развѣваются знамена, взятыя у шведовъ. Шереметевъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, получилъ андреевскій орденъ, портретъ царя, осыпанный брилліантами. Побѣдителю захотѣлось отдохнуть, побывать въ Москвѣ: „Въ началѣ 1702 года хотя и быть, — отвѣчалъ Петръ,— чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ“. Въ концѣ мая Петръ сталъ торопить Шереметева въ новый походъ въ Ливонію, ибо пришло извѣстіе, что непріятель готовитъ въ эту страну транспортъ изъ Помераніи: „Теперь истинный часъ, пока транспортъ не учиненъ. таковой предварить“, — писалъ царь фельдмаршалу. Борисъ Петровичъ двинулся и въ іюлѣ опять нанесъ сильное пораженіе тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофѣ. Послѣ этого Шереметевъ началъ „изрядно гостить“ въ Лифляндіи, по выраженію Петра, т.-е. страшно опустошалъ страну, по совѣту союзника, польскаго короля Августа, чтобъ шведскія войска не могли найти въ Ливоніи пріюта и продовольствія. Петръ смотрѣлъ на ливонскіе походы, какъ на школу для своихъ и какъ на средство ослабленія непріятеля; объ утвержденіи въ странѣ онъ не думалъ. Онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ, ибо получилъ извѣстіе, что шведы намѣрены захватить этотъ городъ. Лѣто проходило; опасности для старой морской пристани не было, и Петръ сталъ думать о пріобрѣтеніи новой, на Балтійскомъ морѣ. Петръ явился въ Ладогу и призвалъ къ себѣ Шереметева, „чтобъ сего, Богомъ

даннаго времени не потерять". По прибытии Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу (Орѣшку) и 11 октября взялъ его труднымъ и кровавымъ приступомъ. „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила". Такъ писалъ Петръ надзирателю артиллеріи, Виніусу. „Жесткій орѣхъ" былъ названъ Шлиссельбургомъ, Ключемъ-Городомъ. Для чего же понадобился ключъ? Въ апрѣлѣ 1703 года отъ него по правому берегу Невы лѣсами шли русскія войска подъ начальствомъ Шереметева и нашли при устьѣ Охты въ Неву маленькую шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ, сторожившую устье Невы. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и отправился въ 60 лодкахъ осматривать невское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморьѣ показались два непріятельскихъ судна и 5 мая подошли къ устью Невы. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками въ 30 лодкахъ окружили ихъ и взяли. Первый успѣхъ на морѣ! Обрадовались, какъ дѣти, тою живою, сильною радостію, которая обличаетъ горячее участіе къ дѣлу, условіе успѣха въ немъ. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ получили андреевскія ленты. Добрались наконецъ до Балтійскаго моря; завѣщаніе предковъ исполнено, но не совсѣмъ: надобно укрѣпиться на этомъ морѣ. 16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ невскаго устья рубили деревянный городокъ. Городокъ назвали Петербургомъ. Изъ него потомъ вышла новая столица—столица русской имперіи...

Достиженіе завѣтной цѣли вело къ усиленію труда; добыли новый морской берегъ, надобно было строить новый флотъ, и на берегахъ Свири кипѣла работа, ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда. Разумѣется, саардамскій плотникъ былъ тамъ; но въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плаваетъ ледъ, онъ въ Петербургѣ, около Котлина острова, мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербурга, куда уже пришелъ первый иностранный купеческій корабль. А между тѣмъ Шереметевъ забиралъ старые русскіе города, которые шведъ завелъ за себя въ XVII вѣкѣ,—Копорье, Ямы, и опустошалъ Эстляндію, чтобъ на будущее время не дать шведамъ пристанища и прокормленія. Петръ торжественнымъ въѣздомъ въ тріумфальныя ворота отпраздновалъ въ Москвѣ возвращеніе русскихъ городовъ и немедленно отправился въ Воронежъ: чуждый односторонности, онъ одинаково внимательно смотрѣлъ на западъ и востокъ: на сѣверо-западѣ нужно было работать, чтобъ отбивать шведа, на юго-востокѣ нужно было также работать, чтобъ сдерживать турка. Весною 1704 года Петръ опять на западѣ, по обычаю торопитъ Шереметева, чтобъ шелъ поскорѣе и взялъ Дерптъ: „Идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего, Богомъ даннаго случая не пропустить, и зачѣмъ мѣшкаете, не знаю, не изволите медлить". Простодушно отвѣчаетъ Шереметевъ: „здоровье мое уже не прежнее и ни отъ кого помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не зналъ". Шереметевъ осадилъ Дерптъ; чтобъ ему было легко, пріѣхалъ самъ Петръ, и Дерптъ былъ взятъ. „Сей славный отечественный градъ паки полученъ", — писалъ царь своимъ. Изъ Дерпта Петръ поѣхалъ подъ Нарву, и скоро пошли отъ него письма: „Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ,

тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили".

Главное на западѣ было сдѣлано. Петръ не хотѣлъ ничего болѣе, сильно желалъ прекращенія войны съ удержаніемъ завоеваннаго, готовъ былъ и уступить часть завоеваній, только бы удержать новопостроенный приморскій городокъ. Но согласится ли Карлъ XII на такой миръ? Конечно, нѣтъ. Петръ успѣлъ сдѣлать свое дѣло потому, что „шведъ увязъ въ Польшѣ". Но „шведъ увязъ въ Польшѣ" для того, чтобъ обезпечить себѣ тылъ для дѣйствія противъ Россіи, чтобъ свергнуть съ престола короля Августа и возвести на его мѣсто человѣка, себѣ вполнѣ преданнаго, слѣдовательно—враждебнаго Россіи. Чтобъ воспрепятствовать этому способу, плану, надобно было дѣятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русскій посланникъ въ Польшѣ, князь Григорій Долгорукій, писалъ, что „въ королѣ крѣпости немного; какъ у короля, такъ и въ казнѣ Рѣчи Посполитой денегъ нѣтъ, но на польскихъ дамъ, на оперы и комедіи у короля деньги есть; однимъ опернымъ пѣвцамъ дано на зиму 100,000 ефимковъ". Русскаго посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо онъ зналъ, какъ просто и бѣдно жилъ въ Россіи шкиперъ и капитанъ Петръ Михайловъ. Долгорукій чрезвычайно наглядно изображаетъ это страшное разслабленіе, овладѣвшее польскимъ высшимъ сословіемъ, которое на словахъ готово было воевать, но не было способно ни къ какому движенію: „Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не по чему взлѣсть".—„Надѣйтесь на Бога,—писалъ Долгорукій Петру,—а на поляковъ и саксонцевъ надѣяться нельзя". Карлу XII легко было при такомъ разслабленіи объявить Августа лишеннымъ польскаго престола и провозгласить королемъ познанскаго воеводу, Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощью русскаго войска тотъ взялъ у шведовъ Варшаву. Русскія войска заняли Курляндію и Литву. Меншиковъ шелъ дальше и поразилъ шведовъ при Калишѣ: Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ—Петербургѣ, узнавъ, что его любимецъ одержалъ побѣду, „какой еще никогда не бываво". Но вслѣдъ за этимъ онъ узналъ, что Августъ, чтобъ спасти свою Саксонію отъ вторгнувшихся шведовъ, помирился съ Карломъ, отказавшись отъ польскаго престола, слѣдовательно—шведъ не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будетъ взять на одни свои плечи.

Въ концѣ 1707 года Карлъ XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его съ престола. Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ не вступать съ непріятелемъ въ генеральную битву, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что Карлъ подолгу останавливался, и неизвѣстно было, куда онъ направитъ путь. Петръ въ одно время укрѣплялъ Москву и Петербургъ. Только въ іюнѣ 1708 года Карлъ переправился черезъ Березину. Послѣ жаркаго дѣла при Головчинѣ, русское войско отступило, и Петръ былъ доволенъ: „Зѣло благодарю Бога,—писалъ онъ,—что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенько и что всю его армію одна наша треть такъ выдержала и отошла". Подождавъ нѣсколько времени въ Могилевѣ своего генерала Левенгаупта, и не дождавшись, Карлъ повернулъ на юго-востокъ, къ рѣкѣ Сожѣ, потомъ на сѣверъ—къ Мстиславлю. У мѣстечка Добраго князь Михайла Голицынъ напалъ на правое непріятельское крыло и поразилъ его: когда же самъ король пришелъ на помощь, то Голицынъ отступилъ въ порядкѣ. Петръ былъ до-

воленъ и писалъ: „Я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ, и такого въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже, не отъими милость свою отъ насъ впредь!“ Въ сентябрѣ Карлъ повернулъ къ Украйнѣ; самъ царь 28 сентября перехватилъ спѣшившаго къ нему Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска, и поразилъ на голову, взялъ всю артиллерію и обозъ, на которыя такъ надѣлся Карлъ. „Сія у насъ побѣда,—по словамъ Петра,—можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда таковой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ: тутъ первая проба солдатская была“. Карлъ вошелъ въ Украйну; малороссійскій гетманъ Мазепа перешелъ на его сторону, перешли на его сторону и запорожскіе казаки; но масса народная въ Малороссіи осталась вѣрна русскому царю; Петръ далъ ей новаго гетмана; Меншиковъ въ виду шведовъ взялъ гетманскую столицу Батуринъ, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сѣчь была разорена. Петръ, по его словамъ, „съ превеликою радостію услыхалъ о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была“. Карлъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: послѣ Мазепы и запорожцевъ онъ еще надѣялся на Турцію, что та воспользуется случаемъ и поднимется вмѣстѣ съ нимъ на Россію; но турки и татары не трогались; повсюду кругомъ было тихо; всѣ сосѣдніе народы отказались принять участіе въ борьбѣ за ту или за другую сторону; все какъ-будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разъиграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ, чѣмъ рѣшится судьба восточной Европы?.. Она рѣшилась 27 іюня 1709 года подъ Полтавою.

XXIV. Полтавская битва.

(Изъ «Журнала Петра Великаго», ч. 1-я).

Іюня въ 15 день учиненъ воинскій совѣтъ, какимъ бы образомъ городъ Полтаву выручить безъ генеральной баталіи (яко зѣло опаснаго дѣла), на которомъ положено, дабы апрошами къ оной приближаться даже до самаго города.

Іюня въ 16 день оныя новыя апроши начаты, чтобъ сдѣлать съ городомъ коммуникацію, и тогда шведы своею поперечною линіею не допустили, къ тому-жъ рѣка и болотистыя мѣста тому препятствовали; между тѣмъ же имѣли мы корреспонденцію съ городомъ, бросаючи письма въ бомбахъ пустыхъ чрезъ непріятельскія линіи, въ которыхъ изъ города дали знать, что у нихъ пороха почитай за нѣтъ; а непріятель сапами уже сквозь валикъ изъ полисадъ вкопался, и хотя наши абшнитъ сдѣлали, однакожъ долго держаться не могли: того для учиненъ генеральный совѣтъ, на которомъ положено, что иного способа нѣтъ о выручкѣ города, только что перейтить рѣку къ непріятелю и дать главную баталію.

Іюня въ 19 день пошли со всею арміею вверхъ отъ Полтавы по Ворсклѣ рѣкѣ 2 мили, гдѣ стоялъ генералъ-лейтенантъ Ренъ съ кавалеріею.

Въ 20 день, перешедъ вся наша армія чрезъ рѣку Ворсклу, и по ту сторону оной стала, и готовили фашины, потомъ 25 числа пошли да-

лѣе со всею арміею, и стали съ четверть мили отъ непріятеля къ вечеру, дабы непріятель не могъ принудить къ главной баталіи, прежде нежели ретраншаментъ будетъ учиненъ; и дабы оный на насъ нечаянно не напалъ, и учинили ретрашаментъ чрезъ одну ночь; наша же кавелерія на правой рукѣ между лѣсовъ поставлена была и предъ оною нѣсколько редутъ сдѣлано, и людьми и пушками осажены.

Въ 25 день іюня увѣдомились, что король шведскій подъѣзжалъ самъ осматривать россійской лагерь и наѣхалъ ночью на россійскую казацкую малую партію, которая стояла неосторожно, и нѣкоторые изъ оной казаки сидѣли при огнѣ, что онъ, усмотря, наѣхалъ съ малыми людьми и одного изъ нихъ, сошедъ съ лошади, самъ застрѣлилъ; которые казаки, вскоча, изъ трехъ фузей по немъ выстрѣлили, и прострѣлили ему въ то время ногу, которая рана ему весьма жестока была.

Въ 26 день государь осматривалъ оную ситуацію и непріятельскій лагерь для дѣйствія противъ непріятеля; но оный непріятель по своей обыкновенной запальчивой отвагѣ въ томъ насъ упредилъ, и потомъ какимъ образомъ вступилъ въ главную баталію, тому слѣдуетъ при семъ реляція.

Въ 27 день, по утру весьма рано, почитай при бывшей еще темнотѣ, на нашу кавалерію какъ конницею, такъ и пѣхотою своею съ такою фуріею напалъ, чтобъ не токмо конницу нашу разорить, но и редутами овладѣть; однакожъ въ томъ много оной противности нашелъ, и только двумя редутами (которые тоя ночи зачаты были и не отдѣланы) овладѣлъ, а прочимъ никакой вреды учинить не могъ, такъ что 6 баталіоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ шквадроновъ кавалеріи его съ праваго крыла отъ главной арміи при томъ оторваны и въ лѣсъ уйтить принуждены. Главное же непріятельское войско съ немалою штратою пробилось сквозь оные редуты, гдѣ 14 знаменъ и штандартовъ отъ непріятеля наша кавалерія получила и многократно конницу непріятельскую сбивала, но всегда отъ пѣхоты непріятельская конница сикурсъ получала (и при томъ генералъ-порутчикъ Ренъ въ томъ жестокомъ бою раненъ), а намъ такъ скоро изъ ретраншамента пѣхотою своей кавалеріи выручить тогда было невозможно: того ради данъ указъ генералу-порутчику Бору, дабы оный съ кавалеріею уступалъ вправо отъ нашего ретраншамента, дабы тѣмъ время получить къ вывожденію нашей пѣхоты изъ ретраншемента; однакожъ приказано оному крѣпко того смотрѣть, чтобы гора у онаго во флангѣ, а не назади была, дабы непріятель не могъ нашу кавалерію подъ гору утѣснить; также уступать велѣно до тѣхъ мѣстъ, пока непріятель съ пѣхотою на онаго будетъ наступать; а ежели съ одною кавалеріею, тогда велѣно биться: и тако оный по указу тотчасъ учинилъ, и когда оный съ нашею кавалеріею сталъ ретироваться, а непріятель на онаго наступалъ, тогда непріятель получилъ нашъ ретраншаментъ во флангѣ себѣ, къ которому на лѣвой уголъ генералъ Левенгауптъ съ пѣхотою гораздо приблизился, а именно: саженяхъ въ 30; но оттуда изъ пушекъ отбитъ. Итакъ непріятель увидѣлъ, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, отъ оной пересталъ, и въ нѣкоторомъ логу (далѣе пушечной стрѣльбы) въ паратъ сталъ къ лѣсу; между тѣмъ же посланъ генералъ отъ кавалеріи, князь Меншиковъ, и генералъ-лейтенантъ Ренцель съ пятью полками конницы и съ пятью баталіонами пѣхоты на оную вышепомянутую оторванную пѣхоту и конницу въ лѣсъ, которые, пришедъ, оныхъ атаковали и вскорѣ съ помощью Божіею на голову побили, и генерала-маіора Шлиппенбаха

взяли; а генералъ-маіоръ Розенъ ретировался къ своимъ апрошамъ подъ гору и засѣлъ въ редуты, за которымъ послѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Ренцель, который редуты непріятельскіе отступилъ и послалъ барабанщика, чтобы оные сдались, которые просили сроку; но оный имъ болѣе получаса того не далъ, потомъ генералъ-маіоръ Розенъ, со всѣми при немъ бывшими изъ редутъ вышедъ, ружье положили и на дискрецію сдались Въ то же время изъ ретраншамента на обѣ стороны выведена на фланги пѣхота для того, ежелибъ непріятель атаковалъ ретраншаментъ, чтобъ свободно изъ онаго стрѣльбѣ быть можно было, а выведеннымъ на стороны со фланговъ онаго атаковать; но когда увидѣли, что непріятель отъ прохода своего сквозь редуты еще самъ въ конфузіи находится и строится у лѣсу, тогда и изъ фрунта ретраншемента пѣхота выведена, и шесть полковъ нашей кавалеріи взято съ праваго крыла, и позади пѣхоты обведена и поставлена на лѣвомъ крылѣ. И тако наша армія стала въ ордеръ баталіи, и положено атаковать непріятеля; потомъ во имя Господне непріятельскій главный корпусъ атаковали, который, не дожидаясь на мѣстѣ, такожде на насъ пошелъ; и тако о 9 часу предъ полуднемъ генеральная баталія началась прежде между нашего лѣваго, а непріятельскаго праваго крылъ; а потомъ и во весь фрунтъ обѣихъ войскъ, въ которой, хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось: ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ ўрономъ нашихъ войскъ, еже наипаче удивительно есть), кавалерія и инфантерія, весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнаны; при томъ въ началѣ генералъ-маіоръ Штакельбергъ, потомъ же генералъ-маіоръ Гамильтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртенбергскій купно со многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячь рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты, и отъ ранъ померли, которыхъ счесть было невозможно; а во время той баталіи король шведскій велѣлъ себя раненаго возить въ качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечнымъ ядромъ отстрѣлена. А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, такъ же сколько съ нашей стороны людей побито и ранено—тому послѣдуетъ роспись. И тако милостію Вѣевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самого государя персональной, храброй и мудрой приводъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержала; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулею прострѣлена и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того боя не дошла. По окончанію сего счастливаго боя государь обѣдалъ въ обозѣ своемъ въ палаткахъ или шатрахъ, и при томъ всѣ наши генералы-штабы и оберъ-офицеры, такожде и шведскіе плѣнные генералы были; во время той баталіи первый шведскій министръ, графъ Пиперъ, увидя, что ему спастись не-

возможно, самъ пріѣхалъ въ Полтаву купно съ секретарями королевскими, Цедергельмомъ и Дибеномъ; и потомъ онъ, Пиперъ, приведенъ былъ въ помянутую же ставку къ государю и съ прочими плѣнниками трактованъ тутъ же за столомъ, гдѣ сидѣлъ шведскій фельдмаршалъ Рейнъшильдъ и прочіе генералы: между тѣмъ же государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейнъшильда въ воинскихъ дѣлахъ, пожаловалъ ему шпагу свою и позволилъ ее носить. Того же числа въ вечеру за достальнымъ непріятелемъ въ слѣдъ посланы генералъ-порутчикъ и полковникъ отъ гвардіи князь Голицынъ съ гвардіею, да генералъ-порутчикъ Боуръ съ драгунскими полками; на завтрѣе-жъ въ 28 день іюня князь Меншиковъ туда же посланъ.

Въ 28 день пріѣхалъ въ Полтаву шведскій генералъ-маіоръ Мейерфельдъ отъ короля шведскаго подъ видомъ нѣкотораго будто комплимента: только за благо разсудили его задержать и поставить съ другими плѣнниками; ибо онъ отъ короля не токмо кредитиву, но ни паспорта не имѣлъ; и потомъ онъ далъ по прошенію своему реверсъ, по которому онъ тогда отпущенъ въ Стокгольмъ, отколь за него отпущенъ послѣ генералъ-маіоръ Бутурлинъ.

Въ 29 день (т.-е. въ день тезоименитства государя) было благодареніе Богу за полученную преславную викторію на боевомъ мѣстѣ, при троекратной пушечной и мушкетной стрѣльбѣ.

Въ 30 день Государь за непріятелемъ же путь свой воспріялъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля какъ скорѣе догнать, однако же онаго (понеже, оставя большую часть своего багажу, наскоро къ Днѣпру бѣжалъ) не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко отъ Переволочны подъ горою при Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и отъ взятаго въ полонъ полкового квартермистра и нѣсколькихъ ворохов уведомился, что король шведскій до того за 3 часа съ нѣсколькими стами конныхъ черезъ Днѣпръ переправился съ великою трудностію, и генераловъ-маіоровъ Шпара и Лагерь-Крона съ собою взялъ; генерала же Левенгоупта надъ оставшеюся арміею главнымъ командиромъ оставилъ (измѣнникъ же Мазепа съ нѣсколькими стами своими единомышленниками казаками еще прежде короля за Днѣпръ перебрался и ушелъ въ турецкую область), къ которому генералъ, князь Меншиковъ, безъ потерянія времени, со обрѣтающимся подъ своею командою войскомъ, котораго не больше 9000 было, къ Переволочнѣ приблизился; и понеже отъ взятыхъ полоненниковъ было увѣдано, что непріятели не зѣло къ бою охоту имѣли: того ради послалъ онъ къ сдачѣ ихъ наговаривать, и при томъ имъ объявить велѣлъ, чтобы они разсудя (что все убѣжище и спасеніе ихъ пресѣчено) сдались; въ противномъ же случаѣ неожидали-бъ себѣ пощады: противъ чего генералъ Левенгоуптъ генерала-маіора Крейца, да полковника Дюкера, подполковника Траушфетера и генерала-адъютанта графа Дукласа къ генералу князю Меншикову прислалъ и о аккордѣ трактовать велѣлъ, который по нѣкоторымъ разговорамъ и учиненъ, и отъ него, генерала князя Меншикова, и генерала графа Левенгоупта подписанъ, по которому непріятель (состоящій еще паче всѣхъ чаянія въ 14.030 человѣкахъ вооруженныхъ, въ которыхъ большая часть кавалеріи было) ружье свое, яко воинскіе полоненники, положа, сдались, и оное еще того же дня купно со всею артиллеріею и принадлежащею къ тому воинскою казною, канцеляріею и всѣми знамены, штандарты, литавры и барабаны посланному генералу-лейтенанту Боуру отдали. И тако Божіею помощію

вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія (которая бытіемъ въ Саксоніи не малый страхъ въ Европѣ причинила) къ Государю Россійскому въ руки досталась: ибо отъ оной кромѣ немногихъ сотъ, которыя за королемъ чрезъ Днѣпръ въ Турецкую землю ушли (изъ которыхъ потомъ еще съ 200 побито, тако же болѣе 260 человѣкъ отъ посланной нашей партіи взяты, при которыхъ генералъ-аудиторъ и иные знатные были), никто не убѣжалъ, но всѣ побѣдоносному россійскому оружью сдаться принуждены.

XXV. Битва подъ Полтавою и значеніе Полтавской побѣды.

(Изъ соч. Богдановича: «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова»).

Побѣда при Лѣсной, какъ сказалъ самъ Петръ, была матерью Полтавской побѣды. Она лишила Карла XII шедшихъ къ нему значительныхъ подкрѣпленій и огромнаго транспорта съ продовольственными и военными припасами, въ особенности же для него была чувствительна потеря послѣднихъ, которые онъ не могъ замѣнить другими въ Украйнѣ. Не менѣе важно было и въ нравственномъ отношеніи вліяніе побѣды при Лѣсной, какъ перваго значительнаго успѣха, одержаннаго русскими регулярными войсками, — успѣха, одержаннаго русскими силами. Иностранные писатели говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ Петра былъ значительный перевѣсъ въ числѣ войскъ: такимъ образомъ, нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что у Петра было 40, 50 и даже 80 тысячъ человѣкъ, а у Левенгаупта не болѣе 9 тысячъ. Но эти пристрастныя показанія опровергаются сличеніемъ ихъ съ оффиціальными источниками, и преувеличеніе иностранцами числа нашихъ войскъ доказываетъ, быть можетъ, только то, что 15-ти тысячный русскій корпусъ сражался съ такимъ мужествомъ, что силы его казались непріятелямъ гораздо большими, нежели были въ дѣйствительности. По присоединеніи Левенгаупта, Карлъ XII прошелъ подъ стѣнами Стародуба и, не успѣвъ предупредить занятіе Новгорода-Сѣверскаго русскими войсками, отряженными туда Шереметевымъ, расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города у села Горокъ, двадцать четвертаго октября. До сего времени Мазепа ограничивался тайными сношеніями съ королемъ шведскимъ и заготовленіемъ для него магазиновъ въ главнѣйшихъ городахъ Малороссіи; готовясь сбросить личину притворства, онъ долго колебался въ нерѣшимости; непріятельская армія, имъ призванная, находилась въ такомъ жалкомъ состояніи, что Мазепа, не надѣясь на успѣхъ ея дѣйствій, охотно прервалъ бы сношенія съ Карломъ XII, если бы не страшился справедливаго мщенія Петра. Эта нерѣшительность Мазепы ежедневно уменьшала его сообщниковъ; наконецъ, когда уже нельзя было долѣе медлить, выступилъ онъ съ 5-ю тысячами казаковъ изъ резиденціи своей, Батурина, къ Деснѣ. За исключеніемъ немногихъ приверженцевъ его, участвовавшихъ въ преступномъ замыслѣ, всѣ прочіе казаки шли въ полной увѣренности, что гетманъ ведетъ ихъ противъ непріятеля; но когда они, переправясь черезъ Десну, 26 октября, очутились среди шведовъ, то одно лишь опасеніе быть истребленными заставило ихъ слѣдовать далѣе въ Горки, гдѣ находилась главная квартира

Карла XII. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ бѣжали въ русскій лагерь. Главныя наши силы, двигаясь параллельно войскамъ Карла XII, пришли въ концѣ октября въ окрестности Новгорода-Сѣверскаго, куда въ то же время прибылъ изъ Смоленска Петръ I, приказавъ пѣхотѣ, дѣйствовавшей прежде противъ Левенгаупта, идти вслѣдъ за нимъ на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Русская армія расположена была близъ села Погребковъ, на лѣвой сторонѣ Десны, съ тою цѣлью, чтобы не позволить непріятелю переправиться черезъ эту рѣку. Туда было доставлено княземъ Меншиковымъ первое свѣдѣніе объ измѣнѣ Мазепы; въ военномъ совѣтѣ, собранномъ по сему случаю, положено было отрядить Меншикова для овладѣнія Батуринымъ, гдѣ собраны были значительные магазины, приготовленные для непріятеля Мазепою, и оставленъ былъ сильный гарнизонъ. Шведская армія находилась ближе къ сему пункту, нежели наша; но какъ непріятелю для достиженія Батурина необходимо было переправиться черезъ Десну, то князь Меншиковъ предупредилъ шведовъ и, подступивъ къ Батурину, потребовалъ отъ казаковъ сдачи; получивъ отказъ, Меншиковъ 2-го ноября аттаковалъ этотъ городъ, обнесенный землянымъ валомъ съ деревянною одеждою и рвомъ и, взявъ его штурмомъ, разорилъ до основанія. Несмѣтныя богатства и огромная военная добыча достались побѣдителямъ. Болѣе трехсотъ орудій найдено было въ городѣ. Жители Батурина истреблены были всѣ, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ казачьихъ начальниковъ. Разореніе Батурина лишило шведскую армію значительныхъ магазиновъ и удержало въ вѣрности къ Петру тѣхъ казачьихъ начальниковъ, которые, покорствуя своему гетману, готовы были подражать ему. Мѣры, принятыя государемъ въ отношеніи къ жителямъ Украйны, упрочили еще болѣе ихъ преданность престолу и отечеству: повелѣвъ предать казни защитниковъ Батурина, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прощеніе всѣмъ тѣмъ изъ числа послѣдователей Мазепы, которые въ теченіе мѣсяца оставятъ измѣнника; Скоропадскій, подавшій примѣръ исполненія священнаго долга вѣрности царю, былъ избранъ въ гетманы малороссійскими депутатами, собранными въ Глуховѣ въ началѣ ноября; а Мазепа въ то же самое время всенародно преданъ проклятію. Между тѣмъ въ концѣ октября Карлъ XII, не желая оставаться долѣе въ странѣ, опустошенной долговременнымъ пребываніемъ двухъ армій, рѣшился переправиться на лѣвую сторону Десны и двигаться далѣе. Отрядъ Гордона не успѣвъ удержать непріятеля, отошелъ назадъ, и тогда Карлъ, устроивъ нѣсколько мостовъ, переправилъ свои главныя силы и двинулся мимо развалинъ Батурина, гдѣ перешелъ рѣку Сеймъ, къ Ромнамъ и Гадячу. Отрядъ, посланный отъ нашей арміи для занятія Гадяча, опоздалъ нѣсколькими часами, и не успѣлъ предупредить непріятеля. Это упущеніе, котораго истинная причина въ точности неизвѣстна, доставило Карлу XII огромные магазины, приготовленные по распоряженію Мазепы въ Ромнахъ и Гадячѣ. Уже наступала зима. Шведскія войска, послѣ многотруднаго похода, ими совершеннаго, имѣли необходимую нужду въ отдыхѣ, и потому король рѣшился, отложивъ до весны движеніе къ Москвѣ, занять зимнія квартиры въ Украйнѣ. Шведская армія, въ числѣ съ небольшимъ 30-ти тысячъ, не считая находившихся при ней нѣсколько тысячъ казаковъ, расположилась въ концѣ ноября 1708 года по деревнямъ на пространствѣ между Ромнами, Гадячемъ, Лохвицею и Прилуками; главная квартира была въ Ромнахъ. Вскорѣ послѣ того русская армія въ числѣ 40 тысячъ, кромѣ находившихся при ней иррегулярныхъ войскъ,

также расположилась по квартирамъ. Квартирное расположенiе русскихъ войскъ, огибая съ трехъ сторонъ квартиры, занятыя непрiятелемъ, стѣсняло его дѣйствiя и способствовало набѣгамъ нашихъ легкихъ отрядовъ на квартиры шведовъ. Положенiе шведской армiи на зимнихъ квартирахъ въ Украйнѣ было весьма невыгодно. Войска наши, поддерживаемыя жителями страны, безпрестанно безпокоили непрiятелей, не давали имъ отдыха и затрудняли добыванiе съѣстныхъ припасовъ. Одежда и обувь шведовъ находились въ самомъ жалкомъ положенiи, и недостатокъ въ нихъ былъ тѣмъ болѣе тягостенъ войскамъ, что зима съ 1708 на 1709 годъ была необыкновенно сурова; птицы, замерзая на лету, падали мертвыми. Войска обѣихъ сторонъ терпѣли чрезвычайныя бѣдствiя, и въ особенности шведы, имѣвшiе менѣе средствъ для предохраненiя себя отъ стужи, нежели русскiе. Напротивъ того, положенiе нашей армiи, въ сравненiи съ непрiятельскою было гораздо лучше: она усиливалась ежедневно и, благодаря предусмотрительности Петра, не терпѣла ни въ чемъ нужды. Жестокость зимы не ослабила предпрiимчивости военачальниковъ; но эти предпрiятiя не имѣли никакихъ результатовъ, кромѣ опустошенiя страны, служившей театромъ военныхъ дѣйствiй. Наступала весна. Карлъ XII, опрометчиво зашедшiй во внутрь непрiязненной страны, ясно видѣлъ опасность своего положенiя. Несмотря на происки Мазепы, несмотря на мятежныя воззванiя Карла къ жителямъ Украйны, незамѣтно было въ нихъ ни малѣйшаго желанiя поддерживать шведовъ (столь же чуждыхъ имъ по религiи, сколько были и поляки) противъ единовѣрцевъ своихъ. Непрiятельская армiя таяла замѣтно. Король шведскiй долженъ былъ въ это время основывать успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствiй не на себѣ самомъ, не на закаленныхъ въ бояхъ воинахъ своихъ, но на посторонней помощи. Онъ надѣялся, во-первыхъ, на возстанiе противъ Россiи запорожскихъ казаковъ; во-вторыхъ, на содѣйствiе ему Оттоманской Порты, и въ-третьихъ, на прибытiе къ нему въ помощь короля Станислава съ шведскимъ корпусомъ. Дѣйствительно, запорожцы, обманутые льстивыми увѣренiями Мазепы, пришли въ числѣ 8-ми тысячъ въ главную квартиру Карла XII; но это безпорядочное полчище, уподоблявшееся разбойничьей шайкѣ, не доставляя никакой пользы шведскимъ войскамъ, было для нихъ истиннымъ бременемъ. Оттоманская Порта оставалась въ союзѣ съ Россiею, не находя выгоды разрывать его для поддержанiя Карла XII. Что же касается до Станислава и Крассова, то они до такой степени были озабочены дѣйствiями отряда, посланнаго Петромъ въ Польшу въ концѣ 1708 года, что имъ нельзя было помышлять о движенiи въ помощь королю шведскому. Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ XII рѣшился, по совѣту запорожскаго атамана Гордѣенка, осадить Полтаву, гдѣ находились главные склады русской армiи. Взятiе этого города не могло вывести короля изъ затруднительнаго положенiя, въ которомъ онъ находился; говорятъ, что цѣль его состояла въ томъ, чтобы заставить Петра идти въ помощь Полтавѣ и вступить въ рѣшительное сраженiе; но если бы даже и удалось Карлу XII одержать побѣду надъ русскою армiею, то положенiе его отъ того нисколько бы не улучшилось; малочисленность его силъ, состоявшихъ въ числѣ 28-ми тысячъ и долженствовавшихъ еще ослабиться послѣ генеральнаго сраженiя, не позволяла ему помышлять о движенiи къ Москвѣ. Принимая во вниманiе низкую степень, на которой стояло тогда инженерное искусство въ шведской армiи, нельзя

не сознаться также и въ томъ, что успѣхъ осады Полтавы былъ весьма сомнителенъ: Гордѣенко, человѣкъ, необразованный, но весьма смѣтливый, полагалъ возможнымъ овладѣть Полтавою посредствомъ нечаяннаго нападенія, безъ всякихъ предварительныхъ осадныхъ работъ. Полтава лежитъ на правой сторонѣ Ворсклы, образующей своими рукавами въ окрестностяхъ города довольно обширныя болота. Укрѣпленія Полтавы, построенныя подобно укрѣпленіямъ прочихъ малороссійскихъ городовъ, были довольно слабы; но русскія войска въ теченіе зимы исправили ихъ, усилили новыми пристройками и обнесли ихъ палисадами. Гарнизонъ, состоявшій изъ 4-хъ тысячъ регулярныхъ войскъ и 2500 вооруженныхъ мѣщанъ, снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи и военными—въ небольшомъ количествѣ. Комендантомъ города былъ, по непосредственному выбору самого Петра, полковникъ Келлинъ. Карлъ II, обозрѣвъ полтавскія укрѣпленія еще въ началѣ апрѣля, послалъ въ концѣ этого мѣсяца, изъ Будища, къ сѣверу отъ Полтавы, куда переведена была главная квартира шведской арміи, генерала Шпарра съ однимъ артиллерійскимъ и съ 9-ю пѣхотными полками, для обложенія города. 30 апрѣля открыта была траншея; вслѣдъ за тѣмъ подошли къ Полтавѣ съ правой стороны Ворсклы главныя силы шведовъ, а съ лѣвой—часть нашей арміи подъ начальствомъ князя Меншикова, который, переправясь черезъ рѣку выше Полтавы и расположась противъ города, покушался открыть сообщеніе съ осажденными и даже успѣлъ ввести въ Полтаву 2 баталіона. Но вскорѣ шведскія войска, построивъ редутъ у подошвы горы, на которой лежитъ Полтава, прервали сообщеніе Меншикова съ гарнизономъ, и безъ того весьма затруднительное по болотистому свойству мѣстности. Осада шла весьма медленно, благодаря храбрости гарнизона, который производилъ безпрестанныя вылазки. Осаждающіе начали было устраивать мины; но осажденные уничтожили это покушеніе посредствомъ своихъ контрминъ.

Когда совершенно обнаружилось намѣреніе Карла XII овладѣть Полтавою, то рѣшено было, въ отсутствіи Петра, находившагося тогда въ Воронежѣ, чтобы главная наша армія соединилась съ войсками Меншикова: съ этою цѣлью Шереметевъ переправился черезъ Псёлъ, а потомъ черезъ Ворсклу, выше Полтавы, и прибылъ къ селенію Крутому Берегу, гдѣ были расположены войска Меншикова. Въ это время съ нашей стороны были возобновлены покушенія проникнуть въ Полтаву: чтобы приблизиться къ городу, устроены были линіи по лѣвому берегу Ворсклы; но шведы, съ своей стороны, тоже соорудили линіи по правому берегу и тѣмъ совершенно отрѣзали городъ отъ нашей арміи. 1 іюня непріятель произвелъ сильное бомбардированіе по городу, зажегъ его и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ приступъ; но гарнизонъ отбилъ его, нанеся значительный уронъ непріятелю. 4 іюня прибылъ къ арміи Петръ и немедленно вошелъ въ сношенія съ осажденными, посредствомъ бомбъ, въ которыя были вкладываемы бумаги съ извѣстіями. Этотъ опасный для получателей корреспонденціи способъ передачи свѣдѣній употребляемъ былъ нѣсколько разъ въ теченіе осады. Имѣя въ виду освободить Полтаву, не вступая въ рѣшительное сраженіе, Петръ послалъ два отряда на противоположную сторону Ворсклы: одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Ренне, занялъ позицію на правомъ берегу выше Полтавы, у деревни Петровки; а генералъ Аллартъ съ другимъ отрядомъ расположился также на правомъ берегу, нѣсколько ниже города. Карлъ XII, узнавши о томъ, съ частью войскъ направилъ фельдмаршала Рейншильда противъ

Ренне, а самъ съ другою двинулся противъ Алларта. Но въ то самое время, когда онъ производилъ развѣдку расположенія русскихъ войскъ, 17 іюня былъ тяжело раненъ ружейною пулею съ противоположнаго берега. Этотъ случай заставилъ оба шведскіе отряда возвратиться въ лагерь. Тѣмъ не менѣе, однако же, положеніе защитниковъ Полтавы, почти вовсе не имѣвшихъ пороху и потерпѣвшихъ значительныя потери въ теченіе семинедѣльной осады, было весьма тягостно. Единственнымъ средствомъ для спасенія города оставалось сраженіе, и Петръ рѣшился вступить въ бой. Скоропадскій, расположенный съ корпусомъ малороссійскихъ казаковъ по правую сторону Псела, получилъ повелѣніе идти черезъ Будище на соединеніе съ главными силами русской арміи, которыя, выступя изъ своего лагеря, переправились черезъ Ворсклу по мосту и въ бродъ 20 іюня и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ полупереходѣ отъ Полтавы. Узнавъ о томъ, шведскій король приказалъ 21-го штурмовать городъ; но осажденные отбили этотъ приступъ. На слѣдующій день, 22, сдѣлано было шведами послѣднее покушеніе овладѣть Полтавою; цѣлый день продолжались отчаянныя усилія съ обѣихъ сторонъ; настала ночь; бой все еще продолжался и только лишь чрезвычайное утомленіе сражавшихся прекратило ожесточенныя покушенія шведовъ, то взбиравшихся на городскія стѣны, то опрокидываемыхъ мужественнымъ гарнизономъ, съ содѣйствіемъ полтавскихъ гражданъ. На этомъ приступѣ, столь славномъ для имени русскаго, осажденные потеряли убитыми и ранеными до 900 человѣкъ, а непріятель почти вдвое. Три дня спустя, 25, русская армія двинулась внизъ по Ворсклѣ и расположилась въ шести верстахъ отъ Полтавы въ укрѣпленномъ лагерѣ, обнесенномъ непрерывною линіею земляныхъ работъ со многими выходами для войскъ. Этотъ лагерь имѣлъ форму неправильнаго четыреугольника, обращеннаго тыломъ къ Ворсклѣ, а фронтомъ къ обширной равнинѣ, ограниченной съ сѣвера лощиною, съ запада—большимъ лѣсомъ, съ юга—другимъ лѣсомъ, простиравшимся до Полтавскаго Воздвиженскаго монастыря, наконецъ съ востока—Ворсклою. Открытое пространство между помянутыми лѣсами, шириною около полуторы версты, было занято шестью редутами, расположенными на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другого. Расположеніе войскъ на этой позиціи было слѣдующее: 56 баталіоновъ занимали укрѣпленный лагерь; остальные 2 баталіона назначены были для занятія редутовъ; 17 кавалерійскихъ полковъ расположились въ двѣ линіи позади редутовъ. Артиллерія, въ числѣ 72 орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брюсса, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Число нашихъ войскъ вообще простиралось около 50-ти тысячъ.

Петръ I, имѣя въ виду освобожденіе Полтавы, вовсе не предполагалъ принять бой въ занятомъ имъ расположеніи: укрѣпленія, устроенныя по его повелѣнію, были сооружены единственно съ тою цѣлью, чтобы выждать въ совершенной безопасности прибытіе подкрѣпленій, по присоединеніи которыхъ онъ намѣревался идти къ Полтавѣ и аттаковать Карла XII. Для этого нападенія назначенъ былъ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Король шведскій, вѣроятно проникнувъ въ намѣренія Петра, рѣшился самъ аттаковать его до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Оставя для охраненія обоза и осадныхъ работъ Мазепу и Гордѣенка съ запорожскими казаками и съ небольшою частью регулярныхъ войскъ, Карлъ выступилъ противъ русской арміи со всѣми остальными силами, за исключеніемъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, изъ которыхъ составлены были четыре поста, размѣщенные по Ворсклѣ отъ Полтавы

до Переволочны Это распоряженіе было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы обезпечить отступленіе шведовъ, въ случаѣ неудачи предположеннаго нападенія. Но, какъ они не озаботились устройствомъ моста на Днѣпрѣ у Переволочны, то отряженіе помянутыхъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, не принеся никакой пользы, послужило только къ ослабленію шведской арміи. Число войскъ Карла XII, назначенныхъ для нападенія на главныя наши силы, не превосходило 25-ти или 26-ти тысячъ; артиллерійскихъ орудій они имѣли при себѣ только четыре, по причинѣ недостатка въ порохѣ: вся же остальная артиллерія оставлена была подъ Полтавою.

Готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ непріятелемъ ослабленнымъ, но еще опаснымъ, Петръ отдалъ по арміи слѣдующій приказъ:

„Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Итакъ, не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ приводить въ смущеніе слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы не разъ доказали своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ знайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“. Карлъ XII, имѣя тоже въ виду возвысить духъ своихъ войскъ, объѣхалъ ряды ихъ, напоминалъ побѣды, ими одержанныя, и приглашалъ ихъ на пиръ въ шатры царя московскаго. 27-го іюня, въ два часа утра, выступили шведы. Пѣхота двигалась въ четырехъ колоннамъ, кавалерія же слѣдовала за нею въ шести колоннахъ. Король, несмотря на боль, чувствуемую имъ отъ раны, предполагалъ распоряжаться непосредственно ходомъ сраженія и для этого приказалъ везти себя въ носилкахъ. На разсвѣтѣ шведская пѣхота напала на редуты, а кавалерія, пройдя между редутами, пошла въ аттаку на нашу кавалерію, которая сражалась весьма успѣшно и отбила у непріятеля нѣсколько штандартовъ. Но Петръ, несмотря на то, приказалъ нашимъ эскадронамъ отступить: генералъ Бауръ получилъ приказаніе, отступивъ мимо лагеря, расположиться къ нему лѣвымъ флангомъ; это распоряженіе имѣло цѣлью подвергнуть непріятеля огню нашей артиллеріи, находившейся въ укрѣпленномъ лагерѣ. Между тѣмъ Карлъ XII, котораго войска, послѣ многократныхъ усилій, успѣли овладѣть только двумя неоконченными редутами, приказалъ своей пѣхотѣ оставить дальнѣйшую аттаку прочихъ редутовъ и пройти сквозь линію ихъ вслѣдъ за кавалеріею. Шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, увлеченныя преслѣдованіемъ отступавшей нашей кавалеріи, двинулись мимо нашего лагеря, причемъ правое крыло ихъ, находившееся не далѣе ста шаговъ отъ батарей, подвергнулось сильнѣйшему продольному дѣйствію нашихъ орудій. Непріятельскія войска, не имѣя возможности оставаться подъ выстрѣлами русской артиллеріи, на такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего лагеря, отступили въ безпорядкѣ къ большому лѣсу и стали тамъ строиться въ боевой порядокъ; но правое крыло ихъ, состоявшее подъ командою Рооса, отстало отъ центра и принуждено было броситься въ лѣсъ, простирающійся къ сторонѣ Полтавы. Быстро замѣтивъ это ошибочное движеніе, Петръ отрядилъ, для окончательнаго пораженія Рооса, 5 баталіоновъ и 5 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Меншикова, который довершилъ разстройство непріятельскаго отряда, прогналъ остатки его въ редуты, устроенные шведами для прикрытія осадныхъ работъ подъ Полтавою, и, поручивъ дальнѣйшія дѣйствія генералу Ренцелю, съ 5-ю бата-

лiонами, возвратился съ кавалерiею на поле сраженiя. Дѣйствiя Ренцеля были весьма успѣшны: окруживъ шведскiе редуты, онъ заставилъ Рооса сдаться съ остатками праваго крыла и съ большею частью войскъ, оставленныхъ для охраненiя траншей; прочiе же разбѣжались въ разныя стороны. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Мазепа. Часть регулярныхъ войскъ съ артиллерiею, оставленною подъ Полтавою, отступила внизъ по Ворсклѣ по направленiю къ Переволочнѣ. Такимъ образомъ, нашимъ войскамъ былъ открытъ путь къ Полтавѣ; теперь дѣло шло уже не объ освобожденiи Полтавы, а объ уничтоженiи непрiятельской армiи. Предполагая, что Карлъ XII пойдетъ аттаковать лагерь, Петръ вывелъ въ поле часть своей пѣхоты и расположилъ ее по сторонамъ лагеря, съ тою цѣлью, чтобы во время наступленiя непрiятеля ударить на него съ фланговъ. Но здѣсь было не то уже, что подъ Нарвою; Карлъ вовсе не помышлялъ объ аттакѣ нашего лагеря, а старался только возстановить порядокъ въ войскахъ своихъ. Въ шесть часовъ утра Петръ вывелъ изъ лагеря всѣ свои войска, за исключенiемъ 9-ти баталiоновъ, частью отряженныхъ для занятiя Воздвиженскаго монастыря въ Полтавѣ. Остальныя войска построились въ боевой порядокъ впереди лагеря въ двѣ линiи. Непрiятельская армiя, ослабленная отдѣленiемъ войскъ Рооса, находилась въ составѣ 18-ти баталiоновъ и 14-ти кавалерiйскихъ полковъ.

Обѣ армiи двинулись одна другой навстрѣчу. Сраженiе возобновилось въ девять часовъ утра и продолжалось не болѣе получаса. Шведскiя войска, поражаемыя многочисленною нашею артиллерiей, которой не могли противопоставить болѣе 4-хъ орудiй, и охваченныя съ фланговъ нашею конницею, были обращены въ бѣгство. Оба царственные полководца не щадили себя въ этомъ рѣшительномъ бою: шляпа Петра I прострѣлена была пулею; другая пуля попала въ большой крестъ, висѣвшiй на груди его, а третья найдена въ орчакѣ его сѣдла; носилки Карла XII были разбиты ядромъ, а впослѣдствiи, во время отступленiя шведовъ, убита подъ нимъ лошадь. Для преслѣдованiя непрiятелей, бѣжавшихъ съ поля сраженiя внизъ по Ворсклѣ, отряжены были князь Голицынъ съ гвардейскими и Бауръ съ 10-ью драгунскими полками, всего 9 тысячъ человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ князя Меншикова. Потеря въ полтавскомъ сраженiи со стороны шведовъ простиралась до 9-ти тысячъ убитыми и ранеными и около 3 тысячъ плѣнными; сверхъ того, они потеряли 4 орудiя и 137 знаменъ; въ числѣ плѣнныхъ находились: министръ Пиперъ и фельдмаршалъ Рейншильдтъ. Сверхъ того, взяты въ плѣнъ 4 генерала. Съ нашей стороны уронъ простирался до 1300 убитыми и 3200 человѣкъ ранеными. Остатки шведской армiи отступали въ совершенномъ безпорядкѣ внизъ по Ворсклѣ; достигнувъ Переволочны, Карлъ XII успѣлъ переправиться съ частью своей свиты на лѣвую сторону Днѣпра. По отбытiи короля, Левенгауптъ, оставшiйся главнымъ начальникомъ шведскихъ войскъ, предполагалъ переправиться черезъ Ворсклу и идти въ Крымъ; но дѣятельный Меншиковъ не далъ ему на то времени: русскiя войска прибыли къ Переволочнѣ, на высоты праваго берега Днѣпра, тогда какъ шведы, находившiеся у самой рѣки подъ горою, не успѣли еще устроить моста. Меншиковъ предложилъ непрiятелю сдаться, и Левенгауптъ, считая силы нашего отряда бо́льшими, нежели онѣ были въ дѣйствительности, и почти вовсе не имѣя военныхъ припасовъ, сдался на капитуляцiю, по которой остатки шведской армiи, въ числѣ 14-ти тысячъ, положили оружiе; 28 орудiй и 127 знаменъ были трофеями

побѣдителей. 28 іюня Петръ I имѣлъ торжественный въѣздъ въ Полтаву; увидя полковника Келлина, ожидавшаго его у воротъ города, государь сошелъ съ лошади, снялъ шляпу, обнялъ храбраго воина и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ голову, говоря;—„Почтенная голова, совершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня". Какія чувства волновали тогда душу счастливаго Келлина? Наградами его были слѣдующій чинъ и царскій портретъ, украсившій грудь его. Всѣ участники знаменитой полтавской побѣды награждены были щедро; а главный виновникъ ея, во исполненіе общаго желанія арміи, возведенъ былъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Слѣдствія полтавскаго сраженія были весьма важны: въ отношеніи матеріальномъ — на поляхъ полтавскихъ были сокрушены вооруженныя силы Швеціи; въ отношеніи нравственномъ — исчезло общее убѣжденіе о непобѣдимости шведовъ, внушенное многократными успѣхами Густава-Адольфа и полководцевъ, образовавшихся подъ его знаменами, въ отношеніи политическомъ — непосредственно послѣ полтавскаго сраженія возобновленъ былъ союзъ сѣверныхъ государствъ противъ Швеціи.

XXVI. Петръ Великій на полѣ Полтавской побѣды въ кругу сподвижниковъ своихъ и вождей побѣжденныхъ шведовъ.

(*Изъ «Дѣяній Петра Великаго» Голикова, т. IV*).

По окончаніи всѣхъ дѣйствій военныхъ, монархъ, увидя со всѣхъ сторонъ пріѣзжающихъ къ себѣ генераловъ и знатныхъ чиновниковъ гвардіи своей, уклонялъ предъ каждымъ изъ нихъ обнаженный еще кровію непріятельской обагренный мечъ свой и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Въ дневникѣ Крекшина помѣщено привѣтствіе монаршее, съ каковымъ онъ принялъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи своей, которое я и вношу здѣсь:—Здравствуйте, сыны отечества, чада моя возлюбленная; потомъ трудовъ моихъ родихъ васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить не можно: вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ, ко мнѣ, не щадили живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства.

На сіе привѣтствіе отъ лица сей гвардіи отвѣтствовалъ монарху полковникъ оныя генералъ-поручикъ князь Голицынъ такъ: — „Мужественною крѣпостію отъ Господа Бога утвержденный благочестивѣйшій государь! Кто тебя достойно восхвалить можетъ? Кто не иматъ повелѣній твоихъ усерднѣйше исполнять? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты остротою разума, храбростію и смысломъ ученія всѣхъ насъ обогащаеши".

Въ самое сіе время представлены были его величеству изъ плѣнныхъ принцъ Виртембергскій и генералъ-маіоры Штакельбергъ и Гамильтонъ. Монархъ, принявъ ихъ съ ласковымъ видомъ и обнадежа милостію своею, повелѣлъ, съ честію и не снимая шпагъ, отвести ихъ въ ретраншементъ свой; потомъ обнялъ прибывшаго къ нему тогда же князя Меншикова, и неоднократно цѣлуя его въ голову, превозносилъ предъ всѣми отличные подвиги и труды его. Тронутый симъ чувствительно, князь сей отвѣтствовалъ: — „Аще бы Моисей, вождь Израи-

левъ, не предсталъ предъ Богомъ въ моленіи за согрѣшившій народъ свой, погибъ бы оный; аще бы и ты въ самое лютѣйшее время, въ кое непріятель Новгородскаго полку первый баталіонъ сбилъ и отрѣзалъ лѣвое крыло отъ главной арміи, на которомъ и я съ кавалеріею находился, не предсталъ и не сомкнулъ фрунта арміи, не щадя живота своего, то равно бы и мы всѣ погибли. Самъ Господь Богъ тебя, помазанника своего, на сіе подвигнулъ, съ тобою сражался и увѣнчалъ подвигъ сей толикою побѣдою". И по семъ, поздравя его величество съ великою побѣдою, доносилъ, что непріятель толико низложенъ, что никогда уже отъ паденія своего не возстанетъ, и что генералъ-фельдмаршалъ Рейншильдъ взятъ имъ въ плѣнъ со многими знатными офицерами. Монархъ, возблагодаря его за сіе послѣднее, повелѣлъ мимо себя провести въ тотъ же ретраншементъ, не снимая же съ нихъ шпагъ. Потомъ монархъ спросилъ у князя сего о числѣ убитыхъ въ кавалеріи его, и князь клятвенно увѣрилъ его величество, что ихъ не болѣе убито пяти или шести сотъ.

И тогда же, повелѣвъ арміи своей стать въ строй, выѣхалъ предъ оную съ княземъ симъ. Коль скоро великій государь предъ оную показался, то фельдмаршалъ Шереметевъ, бывшій при оной, закричалъ: — „на краулъ!" Всѣ генералы, штабъ а оберъ-офицеры уклонили свои шпаги, во всей арміи загремѣла музыка, барабанный и литаврный бой, и преклонялись до земли всѣ знамена. Монархъ, проѣзжая весь фрунтъ арміи безъ шляпы, благодарилъ все войско за храбрость и усердіе ихъ; а фельдмаршалъ, отъ лица оныя изъявя его величеству за защищеніе вѣры и отечества, не щадя собственной жизни своея, благодарность, доносилъ о великомъ числѣ убитыхъ непріятелей и о малой потерѣ своихъ.

По семъ великій государь, повелѣвъ предъ фрунтомъ арміи поставить походную церковь и многіе другіе шатры для обѣденныхъ столовъ, посѣтилъ раненыхъ не только офицеровъ, но и всѣхъ рядовыхъ, благодарилъ ихъ за ревность ихъ къ службѣ и отечеству, изъявилъ сердечное сожалѣніе свое о ихъ участи, утѣшалъ опаснѣйше раненыхъ, что стараніе лекарей при способствованіи Божія помощи можетъ исцѣлить ихъ; обѣщалъ наградить подвиги ихъ, многихъ раны въ присутствіи его были перевязаны, и таковое состраданіе и милость его къ нимъ были наилучшимъ для нихъ лекарствомъ: они на тотъ часъ забыли свои болѣзни, изъявляли съ радостными слезами благодарность свою къ его величеству. Наконецъ великій государь, отдавъ приказъ о неусыпномъ стараніи о ихъ излеченіи и содержаніи, въ первомъ часу по полудни пошелъ въ поставленную церковь. Въ присутствіи его величества, всѣхъ генераловъ и офицеровъ и, можно сказать, всея арміи, началось благодарное молебствіе побѣдодавцу, Господу. Во время пѣнія „Тебѣ Бога хвалимъ", произведены изъ артиллеріи и мелкаго ружья всей арміи три залпа, потрясшіе, казалось, самую землю. Всѣ бывшіе въ церкви паки приносили монарху поздравленіе и взаимно отъ него были всѣ поздравлены; а фельдмаршалъ поднесъ его величеству рапортъ, сколько взято въ плѣнъ генераловъ и высшихъ, и нижнихъ чиновниковъ, и рядовыхъ, и также трофеевъ, и всего прочаго, что̀ могли по краткости времени описать.

Во 2-мъ часу по полудни великій государь, въ послѣдованіи всего генералитета и штабъ-офицеровъ, прибылъ въ царскій шатеръ свой, окруженный поставленными въ строй шестью пѣхотными, — тѣми, кои

были оставлены въ ретраншементѣ, и шестью же конными полками, не бывшими же въ сраженіи, при входѣ въ который стояла на караулѣ гренадерская рота Преображенскаго полка его; полы шатра сего были подобраны. По вшествіи въ оный, всѣ его министры, и двора его господа, и знатные служители принесли его величеству поздравленіе съ побѣдою.

Монархъ повелѣлъ князю Меншикову привести въ шатеръ всѣхъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и графа Пипера съ королевскими секретарями. Первые изъ ретраншемента, съ ротою Семеновскаго полка, а послѣдніе изъ Полтавы, съ ротою лейбъ-регимента, въ 3-мъ часу пополудни со всякою честію приведены были къ шатру его величества. Монархъ повелѣлъ по порядку вводить ихъ предъ себя и, стоя у столика безъ шляпы, принялъ ихъ съ весьма ласковымъ видомъ. Они, начавъ съ графа Пипера, становяся предъ его величествомъ на колѣни, подносили ему шпаги свои, которыя по повелѣнію его отъ знатныхъ принималъ князь Меншиковъ, а отъ штабъ и оберъ-офицеровъ генералы Репнинъ и Алартъ.

Великій государь непосредственно затѣмъ спросилъ у Рейншильда о здравіи королевскомъ, и сей отвѣтствовалъ, что король государь его, за четверть часа до окончаніи баталіи, въ великой болѣзни, поврежденіемъ ноги его причиненной, отбылъ отъ арміи къ Днѣпру, поруча оную ему, фельдмаршалу. Сіе произнесъ онъ со слезами. Чувствительный монархъ пожаловалъ ему свою шпагу, сказавъ:—„Я желаю, чтобъ вы хранили ее у себя въ знакъ почитанія моего къ вашей храбрости и вѣрности къ государю своему".

Потомъ, что̀ было въ 3 часа пополудни, великій государь, обратяся къ графу Пиперу, къ Рейншильду и ко всѣмъ плѣннымъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, сказалъ съ улыбкою:—„Вчера братъ мой, Карлъ, просилъ васъ въ сей день на обѣдъ въ шатры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего королевскаго слова, но мы сіе выполнимъ, и для того прошу васъ со мною откушать". А дабы ироническое сіе, такъ сказать, привѣтствіе не столько было имъ чувствительно, то повелѣлъ тотъ же часъ каждому изъ нихъ возвратить ихъ шпаги, которыя они, принимая отъ руки его, цѣловали оную.

Монархъ пригласилъ также къ столу своему всѣхъ своихъ генераловъ и знатныхъ штабъ-офицеровъ, а всѣхъ прочихъ и оберъ-офицеровъ плѣнныхъ и своихъ повелѣлъ угостить столомъ же въ другихъ шатрахъ, и потомъ, въ препровожденіи всѣхъ знатныхъ прибывъ въ столовый шатеръ, благоволилъ каждому изъ своихъ рукъ поднести по рюмкѣ любимой своей водки, называемой приказною. Во время стола, при питіи за здравіе его величества, всего его царскаго дома и побѣдоноснаго оружія, продолжалась безпрерывно пушечная пальба.

Въ продолженіи же онаго монархъ разговаривалъ съ графами Пиперомъ и Рейншильдомъ всегда милостиво, и между прочимъ спросилъ у послѣдняго, до коликаго числа простиралось войско ихъ до баталіи. На сіе отвѣтствовалъ плѣнный фельдмаршалъ, что хотя подлинно донести его величеству о томъ и не можетъ, потому что точную вѣдомость о войскѣ имѣлъ у себя король, его государь, однакожъ думаетъ онъ, за исключеніемъ оставленныхъ въ траншеяхъ и обозѣ и также поляковъ, казаковъ и волоховъ, войска шведскаго въ сраженіи находилось до 30,000. „Какъ же, спросилъ паки монархъ, съ столь малымъ войскомъ могли вы отважиться на генеральную баталію, отъ которой зависѣло

все"?—„Отъ насъ,—отвѣтствовалъ онъ,—никогда совѣтовъ не требовано, и мы, какъ вѣрнымъ подданнымъ должно, безмолвно исполняли повелѣніе своего государя. Впрочемъ,—придалъ наконецъ Рейншильдъ,—съ начала вступленія нашего, армія была гораздо въ большемъ числѣ, но въ разныхъ сраженіяхъ, отъ стужи и болѣзней погибло изъ оной до 35,000 человѣкъ".

Его Величество, выслушавъ сей отвѣтъ, обратяся къ нѣкіимъ придворнымъ своимъ, сказалъ: „Ахъ, вотъ, какъ надобно государю своему служить!" и, наливъ рюмку вина, сказалъ сему знаменитому плѣннику:—„Я пью здоровье учителей моихъ въ военномъ искусствѣ".—„Кого такимъ хорошимъ именемъ,—спросилъ Рейншильдъ,—жаловать ваше величество изволите"! — „Васъ, господъ шведовъ", — сказалъ государь. — „По сему ваше величество мало благодарны къ своимъ учителямъ, такъ худо заплативъ имъ за ученіе". Сколь скоро монархъ сталъ пить сіе здоровье, то загремѣла паки въ честь ихъ артиллерія.

Впрочемъ, предупомянутые отвѣты плѣннаго фельдмаршала доказываютъ, сколь умѣлъ манархъ обласкать ихъ и влить тѣмъ въ нихъ толикую смѣлость. Слѣдствіемъ сего же ласковаго монаршаго съ ними поступка были и слѣдующіе въ продолженіи того же стола разговоры. Рейншильдъ сидѣвшему подлѣ него фельдмаршалу Шереметеву между прочимъ говорилъ, что онъ неоднократно осмѣливался государю своему представлять о прекращеніи войны съ Россіею полезнымъ миромъ и вѣчнымъ союзомъ, что-де засвидѣтельствовать можетъ и графъ Пиперъ, и еслибы-де его величество благоволилъ принять сіи мои представленія, то-бъ отечество наше не дошло до толикаго бѣдствія; но, къ несчастію, заключилъ онъ, король не хотѣлъ и слушать сего. Монархъ, вслушавшись въ сей разговоръ, сказалъ, что онъ всегда предпочитаетъ миръ самымъ великимъ побѣдамъ, и подданные не могутъ быть счастливы, развѣ подъ правленіемъ миролюбиваго государя. Далѣе продолжалъ Рейншильдъ:—„Мы никакъ не думали найти толь исправное регулярное войско и отнюдь не вѣрили Левенгаупту, утверждавшему изъ опыта своего сраженія съ онымъ, что россійское войско нынѣ непобѣдимо, а думали, что онъ хотѣлъ себя только оправдать тѣмъ въ разбитіи своемъ; но коль мы въ семъ обманулись!" Графъ Шереметевъ отвѣтствовалъ ему, что онъ судить можетъ о войскѣ нашемъ и изъ того, что въ нынѣшней баталіи число войска уравнено было противъ ихъ, но изъ онаго въ сраженіи находились одни только передніе баталіоны, а бывшіе во второй линіи не употребили ни единаго патрона, и видимые тобою вокругъ шатра, не были также совсѣмъ въ сраженіи.

По окончаніи стола, великій государь, пожелавъ плѣннымъ доброй и покойной ночи, отпустилъ ихъ паки въ тотъ же свой ретраншементъ и съ такимъ же препровожденіемъ, съ какимъ въ оные и приведены.

Подобное угощеніе учинено было и всѣмъ плѣннымъ офицерамъ въ другихъ шатрахъ, равно какъ и всѣмъ своимъ; накормлены были также и всѣ ихъ солдаты и служители, равно же какъ и свои, а сверхъ того повелѣно было отъ монарха солдатамъ своимъ обращаться съ ними со всякою ласкою. Столъ сей продолжался до пяти часовъ за полдень, послѣ котораго неутомимый государь отправилъ князя Голицына съ обоими полками гвардіи своей, оставя изъ нихъ при себѣ по одной только гренадерской ротѣ, и съ пѣхотными же полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ верхами; и подъ его же командою генералъ-порутчика Боура, съ десятью кавалерійскими баталіонами, за ушедшими съ сра-

женія подъ Переволочну шведами, повелѣвъ имъ всевозможно поспѣшать и, догнавъ, атаковать и плѣнить ихъ.

Но въ сей же самый вечеръ великій государь своеручный послалъ указъ къ находившемуся въ Польшѣ своему генералъ-фельдмаршалу лейтенанту Гольцу, повелѣвающій всячески наблюдать ему того, дабы ушедшій король шведскій не соединился съ корпусомъ своимъ, въ Польшѣ находящимся, и чтобъ для того онъ по всѣмъ дорогамъ, въ томъ числѣ и лежащимъ къ турецкимъ границамъ, разослалъ все легкое войско, дабы пресѣчь всюду ему путь, и проч., и сверхъ сего въ сей же вечеръ благоволилъ увѣдомить о сей преславной побѣдѣ великую супругу свою, царевича сына своего, кесаря Ромодановскаго и другихъ знатныхъ особъ, также губернаторовъ и иностранныхъ министровъ своихъ, своими письмами, изъ которыхъ на одномъ, а именно къ графу Апраксину, писанномъ собственною же его рукою, назначенъ и часъ, въ который оное писано, именно 9 вечера; но я приложу сіе послѣднее здѣсь подлинникомъ; оно послужитъ намъ образцомъ и всѣмъ другимъ.

„Господинъ Адмиралъ!

„Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую Господь Богъ намъ, чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ, даровати изволилъ, съ малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сего дня, на самомъ утрѣ, жаркій непріятель нашу конницу, со всею арміею конною и пѣшею, атаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, но принуждена была уступить, однакожъ съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ ретраншемента вывели и предъ очи его поставили, а конницу на обоихъ флангахъ, что̀ непріятель увидя, тотчасъ пошелъ атаковать насъ, но и наши противъ него пошли, и такъ его встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили; знаменъ, пушекъ множество взяли; такожъ генералъ-фельдмаршала, г. Рейншильда, купно съ четырьмя генералами, а именно: Шлипенбахомъ, Гамильтономъ, Штакельбергъ и Розеномъ; также первый министръ, графъ Пиперъ, съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробно писать будемъ вскорѣ (а нынѣ за сустами невозможно), и единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фаетоновъ конецъ воспріяла (а о королѣ еще не можетъ вѣдать, съ нами-ль, или съ отцы нашими обрѣтается), а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-порутчики, князь Голицынъ и Боуръ, съ конницею, и сею у насъ неслыханною новизною вамъ поздравляемъ, и прошу господъ высшихъ и нижнихъ морскихъ и сухопутныхъ поздравить. Piter.

P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею.

„Приведенъ еще въ полонъ князь Виртенбергскій, сродникъ короля шведскаго“.

Читатель не оставитъ, конечно, замѣтить, что великій побѣдитель нашъ о личномъ своемъ толь великомъ въ побѣдѣ сей участіи ни словомъ не упоминаетъ.

Такъ препровожденъ былъ знаменитый сей день.

Повѣствованіе наше окончили мы 27-мъ днемъ іюня, то есть днемъ преславныя полтавскія побѣды, и видѣли, что отъ меча россійскаго спаслась уходомъ къ Днѣпру цѣлая половина арміи шведской, подъ предводительствомъ генерала Левенгаупта; что великій побѣдитель того-же

вечера, для достиженія оныя, отправилъ князя Михайла Михайловича Голицына съ полками гвардіи и съ пѣхотными же Ингерманландскимъ и Астраханскимъ на лошадяхъ; да подъ командою его же генералъ-поручика Боура съ десятью кавалерійскими баталіонами съ повелѣніемъ плѣнить всѣхъ, или когда будутъ сопротивляться, порубить; но поутру 28 числа, съ точнѣйшими предписаніями и уполномочіемъ въ слѣдъ за ними послалъ князя Меншикова съ ротою лейбъ-эскадрона. Великій государь, по отправленіи сего князя, занялся отданіемъ послѣдняго долга убитымъ на сраженіи воинамъ своимъ; онъ въ 4 еще часа поутру приказалъ заготовить на самомъ полѣ сраженія двѣ великія могилы, собрать тѣла убитыхъ, и всей арміи около могилъ тѣхъ стать въ строй образомъ каре, и когда все сіе до отправленія еще князя Меншикова исполнено, тогда монархъ въ 6 часовъ утра вышелъ на сіе поле, осмотрѣлъ самъ могилы оныя, и въ своемъ присутствіи повелѣлъ въ одну изъ нихъ положить порядочно тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ ихъ мундирахъ; потомъ началась всѣми полковыми священниками погребальная панихида. Монархъ самъ соединилъ гласъ свой со гласомъ пѣвчихъ своихъ, но который неоднократно прерываемъ былъ токами слезъ его, извлекавшихъ подобныя же и изъ очей каждаго, видѣвшаго оныя. Отеческая чувствительность монаршая наконецъ изъявлена была рѣчью его, въ слухъ всѣхъ произнесенною:—„Храбрые воины, — возгласилъ онъ,—за благочестіе, отечество и родъ свой души своя положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчалися и у праведнаго подвигоположника, Господа, дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги“. По сей краткой рѣчи великій государь, отдавъ имъ три низкіе поклона, первый началъ своими руками засыпать землею; громы артиллеріи, трикратный бѣглый всей арміи огонь и печальные тоны полковой музыки заключили погребальный сей обрядъ.

Его величество однако-же не прежде отошелъ, пока не насыпанъ былъ надъ могилами холмъ, и не водрузилъ наономъ своими же руками святого креста, съ надписаніемъ: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня“.

Тогда-же великій государь издалъ указъ о повсегодномъ и непрерывномъ во вѣки поминовеніи въ день сей памяти ихъ.

Въ самый же сей и послѣдующій день происходило погребеніе и непріятельскихъ тѣлъ, при священномъ же обрядѣ, отправленномъ чрезъ бывшихъ въ плѣну реформатскихъ священниковъ. Тѣлъ сихъ въ одну-же могилу, вырытую руками плѣнныхъ, погребено 13,281. Наконецъ, монархъ повелѣлъ такому-же предать погребенію и тѣ тѣла, которыя найдутся по лѣсамъ и въ отдаленіи, а окружнымъ жителямъ зарыть въ землю убитыхъ лошадей и очистить все поле и лѣса.

XXVII. Празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ.

(*Изъ «Дѣяній Петра Великаго» Голикова, т. IV*).

Коль скоро свезены были знатные плѣнные шведы и поставлены въ окрестностяхъ села Коломенскаго, толь скоро кесарь московскій, князь

Θеодоръ Юрьевичь Ромодановскій, повѣстилъ имъ, что по законамъ тріумфовъ должны они украсить оный собою, яко плѣнные, и для того извинили-бъ необходимость, что будутъ они ведены Москвою пѣшіе и безъ шпагъ, и что въ оправданіе сего поступка вспомнили бы они, что удержанные за договоромъ подъ Нарвою россійскіе генералы, яко плѣнники, въ подобномъ тріумфѣ чрезъ весь Стокгольмъ не только пѣшіе ведены, но и съ крайнимъ еще поруганіемъ и безчестіемъ.

День входа сего, по свидѣтельству дневника Крекшина, назначенъ на 18 число декабря, въ которое въ 8 часовъ поутру, по данной изъ трехъ выстрѣловъ пушечныхъ повѣсткѣ, всѣ плѣнные шведы и назначенные къ тому же россійскіе полки поставлены были въ порядокъ за Серпуховскими воротами; въ 9 часу прибылъ туда и самъ монархъ; а въ исходѣ онаго началось и шествіе; посреди грому пушечнаго, звуку барабаннаго и звону колокольнаго, великій торжественникъ, получа отъ царицы, супруги своея, вѣсть, что Богъ даровалъ ему дщерь, Елизавету Петровну, повелѣлъ остановиться шествію и объявилъ генераламъ своимъ, что Господь Богъ усугубилъ радость настоящаго торжества рожденіемъ ему дщери; того ради—заключилъ монархъ,—отложимъ шествіе наше и поспѣшимъ поздравить, яко со счастливымъ предвозвѣщеніемъ вожделѣннаго мира, со вшествіемъ въ миръ дщерь мою. Итакъ, давъ повелѣніе тѣмъ же порядкомъ возвратить шведовъ на прежнія ихъ квартиры, послѣдовалъ со всѣмъ генералитетомъ не во дворецъ свой, но въ Успенскій соборъ, для принесенія Господу усерднѣйшаго благодаренія, и при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“ съ хоромъ пѣвчихъ соединилъ свой гласъ, между же тѣмъ громъ пушечный и звонъ колокольный возвѣстилъ народу новую сію радость.

Радость монаршая казалась усугубленною отъ присутствія при немъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, иностранныхъ дворовъ министровъ, и всѣхъ городовъ депутатовъ, дворянскихъ и купеческихъ, которые всѣ принесли его величеству съ радостію сею поздравленіе.

Къ вящшему же еще обрадованію его величества, монархъ по прибытіи во дворецъ нашелъ возлюбленную супругу свою и новорожденную въ вожделѣнномъ здравіи; онъ оказалъ оную приглашеніемъ къ обѣденному столу своему знатнаго духовенства, всѣхъ своихъ министровъ, генераловъ, начальниковъ приказовъ и знатныхъ офицеровъ; не забылъ и плѣнныхъ: онъ повелѣлъ угостить столомъ генераловъ и знатныхъ офицеровъ шведскихъ въ Коломенскомъ дворцѣ своемъ и выставить явства и питья всѣмъ нижнимъ, равно какъ и своему войску, и всему народу.

Въ продолженіе стола великій государь пилъ здравіе монархини, новорожденныя, всей царской фамиліи своей, войска и присутствующихъ за столомъ, что все происходило при пушечной пальбѣ.

Между тѣмъ и весь народъ доказалъ радость свою стеченіемъ во храмы Божіи, для принесенія подателю всѣхъ благъ, Господу, благодарныхъ молитвъ своихъ; они, обнимаяся, поздравляли другъ друга общею радостію, многіе угощали въ домахъ своихъ неимущихъ, а находящихся въ больницахъ и темницахъ по мѣрѣ достатковъ своихъ утѣшали подаяніями.

Стеченія народныя ежедневно примѣчены были особливо у Тріумфальныхъ вратъ; они не могли насладиться, такъ сказать, красотою оныхъ; изъясняли, кто какъ разумѣлъ, эмблематическое содержаніе картинъ.

Таковыя веселія при дворѣ и въ народѣ происходили до 21 числа декабря, до котораго его величество отложилъ торжество побѣдное. А

сего числа, по предварительно данному приказу, въ 8 часовъ поутру поставлены и приготовлены были всѣ къ шествію въ прежнемъ порядкѣ, и коль скоро монархъ съ полкомъ гвардіи своей прибылъ, то началось оное. Во все продолженіе шествія безпрерывный происходилъ громъ пушечный съ валовъ крѣпостныхъ и съ разставленной во многихъ мѣстахъ артиллеріи; громъ сей въ то-же время увеличивалъ звонъ колокольный по всей Москвѣ и радостный крикъ безчисленнаго народа: „да здравствуетъ государь; да здравствуетъ отецъ нашъ!“ и проч.

Всѣ хозяева съ своими семействами, въ лучшихъ одѣяніяхъ, на возвышенныхъ нѣсколько мѣстахъ у домовъ своихъ, стояли при столахъ, наполненныхъ различными явствами и питьемъ, какъ бы желая ими угостить возлюбленнаго своего государя и его сподвижниковъ, и оставлена свобода каждому вкушать съ оныхъ, кто что̀ пожелаетъ. Всѣ домы улицъ тѣхъ, коими шествіе происходило, всевозможно были украшены.

Казалось, что самая натура соотвѣтствовала всеобщей радости народа умягченіемъ стужи, пріятностію и благорастворенiемъ воздуха, какой только быть можетъ въ сіе время года.

У Тріумфальныхъ вратъ срѣтаемъ былъ монархъ начальствующими въ томъ сословіи, которыхъ иждивеніемъ воздвигнуты оныя, съ хлѣбомъ и солью, на большихъ серебряныхъ блюдахъ подносимыми, и привѣтствованъ отъ первенствующихъ того сословія особъ похвальными рѣчьми, на сей случай сочиненными. При окончаніи же оныхъ являлись въ бѣлыхъ одеждахъ юноши съ вѣнками на главахъ и ваіями въ рукахъ, которые, идя въ срѣтеніе государю, пѣли приличныя торжеству пѣсни и полагали предъ его величествомъ вѣнки и вѣтки свои; оканчивалось же все сіе съ хоръ воротъ огромною инструментальною, а у нѣкіихъ и вокальною совокупно музыкою. Монархъ для выслушанія краткихъ тѣхъ рѣчей и пѣсней останавливался у каждыхъ, и благодарилъ уклоненіемъ шпаги своея.

При вратахъ, отъ духовенства воздвигнутыхъ, срѣтили великаго торжественника въ наилучшихъ облаченіяхъ съѣхавшіеся для торжества сего изъ всѣхъ почти епархій архіереи, съ святыми крестами, чудотворными иконами и мощами святыхъ. Монархъ, за нѣсколько саженъ не доѣзжая до нихъ, сошелъ съ коня своего, и первенствующій митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій привѣтствовалъ его краткою поздравительною рѣчью. При окончаніи же оной спустившіеся на искусно сдѣланныхъ облакахъ со сводовъ вратъ, нѣсколько отроковъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, въ видѣ ангеловъ крылатыхъ, воспѣли пѣснь духовную, приличную торжеству. Великій государь, приложася къ святынѣ, носимой руками архіереевъ, и принявъ отъ нихъ благословеніе, въ предшествіи хора патріаршихъ пѣвчихъ, за ликомъ святительскимъ послѣдовалъ пѣшій въ храмъ Успенскій. Великій торжественникъ, восписывающій всѣ свои побѣды и успѣхи Божіей единственно помощи, предъ вратами храма сего, при зрѣніи безчисленнаго множества народа, возведъ очи свои на образъ Богоматери, надъ вратами онаго изображенный, повергся предъ нимъ и съ умиленіемъ души приносилъ благодарственное признаніе, что ея заступленіемъ и предстательствомъ къ Сыну ея и Богу возмогъ онъ надъ врагами своими, надъ врагами отечества своего и православія. Сію молитву содѣлали внятною и слышною всѣмъ, окружавшимъ и слѣдовавшимъ за нимъ, утихшіе предъ самымъ тѣмъ громы пушечные и колокольные. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣло надъ сердцами народа толико смиренное и благоговѣйное чувствованіе благодарности къ Побѣдодавцу

возлюбленнаго своего государя, не ослѣпляющагося побѣдами и тріумфами своими. Ручьи слезъ радостныхъ, вдругъ потекшихъ изъ очей каждаго, были слабымъ еще сего чувствованія народнаго доказательствомъ. Толико-же благоговѣйное признаніе Господу силъ изъявилъ великій государь и въ храмѣ во время молебствія, отправляшагося всѣми архіереями и множествомъ знатнаго духовенства; во время же онаго, по прочтеніи Евангелія, при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“ и при возглашеніи многолѣтія при колокольномъ звонѣ, отъ поставленныхъ кругомъ собора полковъ учинены три залпа, и съ послѣднимъ начавшаяся паки пушечная пальба и колокольный по всей Москвѣ звонъ продолжались еще съ четверть часа, то есть до самой ночи.

Во время происходившаго въ соборномъ храмѣ молебствія, поелику было уже поздно, великій государь, окончаніе торжества сего отложа до другого дня, повелѣлъ плѣнныхъ шведовъ и трофеи развести по казармамъ, нарочно предъ тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ города выстроеннымъ, а генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, тѣмъ же порядкомъ на Царицынъ лугъ—разставить по домамъ гражданъ, близъ онаго живущихъ, и всѣхъ ихъ накормить. Вслѣдствіе сего повелѣнія, сіи послѣдніе и поведены на помянутый лугъ: они увидѣли на ономъ великолѣпный, вновь выстроенный дворецъ, на верху котораго блисталъ златый гербъ государственный, и предъ онымъ стоящій на плацъ-парадѣ въ ружьѣ полкъ пѣхотный. Видѣли повсюду множество веселящагося народу, равно какъ и въ продолженіе всего ихъ чрезъ цѣлый день Москвою шествія; видѣли украшеніе города; великолѣпіе Тріумфальныхъ вратъ; ликъ первосвященниковъ, богатое ихъ облаченіе, а паче шапки; повсюду представлявшееся имъ обиліе, любовь къ государю народную и проч., и не могли довольно всему тому надивиться, и тогда то паче еще уразумѣли они о могуществѣ державы россійскія.

Между же тѣмъ великій государь изъ собора со всѣми знатными послѣдовалъ въ кремлевскій свой дворецъ, пригласилъ всѣхъ ихъ къ столу своему, и по окончаніи онаго, пожелавъ всѣмъ доброй ночи, имѣлъ нужду успокоиться отъ трудовъ того дня и въ началѣ 9 часа легъ опочивать.

Вся Москва освѣтилась тогда безчисленнымъ множествомъ различныхъ радостныхъ огней. Такъ окончился достопамятный сей день.

22 числа монархъ, вставши въ пятомъ часу по полуночи, занялся распоряженіемъ дня сего; въ 10 часу всѣ плѣнные прежнимъ же порядкомъ приведены были на помянутый Царицынъ лугъ и поставлены предъ дворцомъ.

Между тѣмъ, какъ записано сіе у Крекшина, фельдмаршалы Шереметевъ и Меншиковъ и гвардіи полковникъ Петръ Алексѣевичъ прибыли туда же и, войдя предъ аудіенцъ-залу, велѣли доложить о себѣ его кесарскому величеству, и потомъ были введены предъ сего кесаря, который сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ подъ богатымъ балдахиномъ въ царскихъ креслахъ, окруженный знатнѣйшими придворными. Введенные учинили ему три поклона — первый предъ входомъ, второй по срединѣ залы, третій подойдя къ трону, и фельмаршалъ Шереметевъ, подступя ближе къ нему, говорилъ:

— „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, одержалъ я полную побѣду надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, разбилъ его армію, плѣнилъ перваго королевскаго министра графа Пипера, тайнаго королевскаго секретаря Цидергельма и всю канцелярію; генерала

фельдмаршала Рейншильда, генералъ-маіоровъ: Розена, Штакельберга, Гамильтона и Маріенфельда, штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и прочихъ нижнихъ чиновъ 2.876, и побилъ непріятелей до двадцати тысячъ".

Потомъ фельдмаршалъ, князь Меншиковъ, равно же подступя, говорилъ:

— „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, взялъ въ плѣнъ ушедшихъ съ Полтавскаго сраженія подъ Переволочну генерала и рижскаго генералъ-губернатора графа Левенгаупта, генералъ-маіоровъ Кружа и Крейца, королевскаго камергера и другихъ двора его служителей; штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 16.275 человѣкъ, не включая въ сіе число статскихъ чиновъ, служителей и женъ".

Наконецъ, полковникъ гвардіи Петръ Алексѣевичъ, также подступя къ трону, говорилъ:

— „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, въ прошломъ 1708 году сентября 28 имѣлъ я жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ, одералъ полную побѣду надъ арміею его, состоявшею болѣе нежели въ шестнадцати тысячахъ природныхъ и опытныхъ шведовъ, меньшимъ числомъ войска, и изъ всей сей шведской арміи малое только спаслось число, прочіе же всѣ побиты и плѣнены со всѣмъ ихъ обозомъ и артиллеріею, а при Полтавской баталіи сражался я съ полкомъ моимъ лично, бывъ въ великомъ огнѣ; и нынѣ плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и войска шведскаго 22,085 человѣкъ приведены въМоскву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здоровьѣ".

По окончаніи каждаго рѣчи, сіи три особы поднесли ему рапорты, которые кесарь, принимая, отдавалъ канцлеру, графу Головкину, похвалялъ службы господъ фельдмаршаловъ, особенно же полковника гвардіи, и всего войска вѣрность и мужество.

Въ 2 часа по полудни, по указу его, подполковникомъ гвардіи, княземъ Долгоруковымъ, введены были предъ него, кесаря, плѣнные генералы и знатные офицеры.

Можно себѣ представить, въ какое изумленіе должны они приведены быть, когда увидѣли на тронѣ подъ богатымъ балдахиномъ съ пышностію царскою сѣдящаго въ креслахъ, не царя, побѣдителя своего, но неизвѣстную имъ особу, предъ которою предстояли: сей побѣдитель ихъ, фельдмаршалы и множество генераловъ, министровъ и первѣйшихъ придворныхъ особъ.

Замѣшанное симъ зрѣлищемъ воображеніе ихъ приняло его за истиннаго царя, и въ семъ бывъ мнѣніи, пали они предъ нимъ на колѣни и, учиня земное поклоненіе, ожидали въ страхѣ опредѣленія отъ него жребія своего; но не успѣли еще они встать, какъ новое, столь же неожидаемое представленіе поразило ихъ: одна изъ стѣнъ камеры той вдругъ сдѣлалась невидима и открыла смятенному взору ихъ превеликую залу, поддерживаемую многими колоннами, и великолѣпно многими же столами съ кушаньемъ убранную, а у задней стѣны волшебной, какъ имъ казалось, залы сей, подъ балдахиномъ же на возвышенномъ мѣстѣ — особый о пяти приборахъ; но были они тогда же нѣсколько успокоены, когда мнимый сей царь, поднявшись, пригласилъ все многочисленное собраніе, а въ числѣ онаго и ихъ, къ столу, за которымъ со всѣми и они послѣдовали. Кесарь, за показаннымъ подъ балдахиномъ столомъ сѣвши, указалъ за онымъ же сѣсть Петру Алексѣевичу, двумъ фельдмаршаламъ и канцлеру, графу Головкину.

Всѣ же прочіе, которыхъ число было не менѣе тысячи персонъ, сѣли за большими столами по чинамъ: шведскіе генералы посажены между генералами россійскими, недалеко отъ трона; и какъ было сіе уже въ три часа по полудни, то зала вся великолѣпно освѣтилась огнями. Столъ сей, при звукѣ трубъ и музыки инструментальной и вокальной, продолжался до 6 часовъ вечера.

Въ продолженіе стола кесарь пилъ здоровье царскаго величества, царицы, новорожденной ихъ дщери и всей ихъ высокой фамиліи, потомъ—господъ фельдмаршаловъ, генераловъ, министровъ, побѣдоноснаго оружія, присутствующихъ, и особенно графа Пипера, фельдмаршала Рейншильда и прочихъ ихъ генераловъ и офицеровъ. При питіи семъ производилась непрерывная почти изъ поставленныхъ близко дворца сего пушекъ пальба. Наконецъ, всѣ присутствовавшіе за столами, привставши, благодарили и за здравіе его кесарскаго величества пили.

Когда сіе пиршество происходило, въ то же время пировалъ и весь народъ, для котораго предъ дворцомъ множество выставлено было бочекъ и бадей съ разными питьями, а для закусокъ рыба, икра, калачи и хлѣбы.

Все сіе веселіе продолжалось до полуночи; въ послѣдніе три часа сгорѣли одинъ за другимъ три большіе фейерверка, представлявшіе сраженія подъ Лѣснымъ и Полтавою, и Переволочное происшествіе, съ безчисленнымъ множествомъ разновидныхъ увеселительныхъ огней, шлаговъ, ракетъ и проч. А между тѣмъ вся Москва отъ множества возженныхъ у каждаго дома различныхъ же огней представлялася свѣтящеюся.

Наконецъ, великій государь повелѣлъ генераламъ и министрамъ своимъ каждому взять на свои руки шведскаго генерала, съ которыми они въ каретахъ поѣхали, а всѣ прочіе плѣнные офицеры провожены въ ихъ квартиры.

23-го числа, по предварительной повѣсткѣ, приглашено было къ обѣду въ тотъ же домъ все знатное духовенство и всѣ, гостившіе въ ономъ наканунѣ, не исключая и шведовъ.

Монархъ и всѣ прочіе съѣхались въ оный въ 1 часу пополудни, а кесарь прибылъ во 2 часу; ему отъ стоящаго на плацъ-парадѣ полку отдана была честь ружьемъ съ преклоненіемъ знаменъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою; предъ крыльцомъ встрѣченъ былъ онъ всѣмъ генералитетомъ; по вшествіи сѣлъ онъ паки въ тѣ же кресла подъ балдахиномъ и жаловалъ изъ своихъ рукъ всѣхъ водкою.

Столъ толь же былъ великолѣпенъ и все угощеніе, какъ и наканунѣ; народъ, который былъ безчисленъ, накормленъ и употчиванъ также. Въ казармы плѣнныхъ шведовъ отпущено множество разныхъ снѣдей и немалое число бочекъ вина, пива и меду.

Въ 10 часовъ вечера начались паки огненныя потѣхи и продолжались при громѣ пушечномъ болѣе трехъ часовъ; вся Москва также была освѣщена, и веселье продолжалось до 4 часа за полночь.

Но мы кончимъ великое сіе торжество повѣствованіемъ самовидца, т.-е. барона Гизена, гофмейстера царевича Алексѣя Петровича. Въ сіи торжественные дни,—говоритъ онъ,—всѣ впадшіе въ разныя преступленія и имѣющіе какія-либо нужды, допущены были съ прошеніями къ его величеству, и монархъ, съ милостивою благосклонностію принимая оныя, выслушивалъ при ономъ и изустныя каждаго объясненія и, ступая по слѣдамъ,—продолжаетъ онъ,—славныхъ тріумфаторовъ, обогатилъ во

время такъ благополучное тріумфальнаго своего входу тѣхъ, которые о какихъ дѣлахъ его просили.

Всѣхъ же тѣхъ, которые чѣмъ-либо себя отличили въ гражданской службѣ; всѣхъ, которые оказали себя въ сей службѣ ревностными, и всѣхъ, имѣвшихъ доброе и неблазное поведеніе, правосудный мздовоздаятель повысилъ чинами, опредѣлилъ къ важнѣйшимъ должностямъ и наградилъ, по мѣрѣ достоинствъ и службъ, однихъ деньгами, другихъ деревнями. Все сіе заключаетъ Гизенъ такъ: Слышали тогда изъ устъ его слова, что онъ хощетъ своихъ подданныхъ вести съ таковою же справедливостію и тишиною, какъ-бы онъ самъ хотѣлъ трактованъ былъ, ежели бъ по опредѣленію Всевышняго родился онъ подданнымъ.

Въ день праздника Рождества Христова великій государь, по отслушаніи въ Успенскомъ соборѣ св. литургіи, угостилъ во дворцѣ своемъ все знатное духовенство, министровъ, генераловъ, статскихъ чиновниковъ и судей, а также и генераловъ плѣнныхъ; ввечеру зажженъ былъ предъ онымъ фейерверкъ со множествомъ разновидныхъ увеселительныхъ огней и проч. Для народа выставлены были печеныя мяса и другія снѣди со множествомъ хлѣбовъ, и многія бадьи вина, пива и меду.

Въ продолженіе святокъ при обыкновенныхъ славленіяхъ съ соборомъ, какъ называлось, монархъ имѣлъ столы обѣденные и вечерніе у князь-папы (Ивана Ивановича Бутурлина), у графа Шереметева, у князя Меншикова, у адмирала Апраксина, у полковника гвардіи князя Голицина, у подполковника князя Долгорукаго и у канцлера, графа Головкина, при чемъ каждаго домы были освѣщены различными картинами и огнями, а у послѣдняго сверхъ того возженъ былъ большой фейерверкъ со множествомъ же увеселительныхъ огней.

Всѣ они во время пиршествъ своихъ, также какъ и монархъ, выставляли такое же угощеніе и народу. Повсюду слышались радостные крики веселящагося народа: „да здравствуетъ государь! да здравствуетъ отецъ нашъ на многія лѣта!“

XXVIII. Прутскій походъ.

(Изъ «Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ» Соловьева).

Полтавская побѣда вводила въ систему европейскихъ государствъ новое могущественное государство, и для Европы рождался вопросъ первой важности, какое мѣсто займетъ это новое государство, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ другимъ государствамъ, какимъ началамъ слѣдовать въ своей политикѣ, чѣмъ руководствоваться въ дружбѣ и враждѣ. Одновременно съ великою сѣверною войною на сѣверо-востокѣ, въ западной Европѣ шла великая война за наслѣдство испанскаго престола, собственно направленная противъ властолюбивыхъ стремленій Франціи, ея короля Людовика XIV. Петръ очень хорошо понималъ выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнѣйшимъ державамъ Европы вмѣшиваться въ сѣверную войну, мѣшать Россіи въ ея дѣлѣ, ибо онъ не могъ разсчитывать на сочувствіе этихъ державъ къ себѣ, особенно на сочувствіе Франціи; онъ прямо говорилъ, что надобно спѣшить окончаніемъ сѣверной войны прежде окончанія западной. Но Полтавская побѣда, сокрушеніе силъ Швеціи,

жалкое бѣгство въ Турцію Карла XII, считавшагося до сихъ поръ непобѣдимымъ, все это было такъ многозначительно, такъ громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то, что она еще была занята войною за Испанію.

Прежде всего, разумѣется, дѣло коснулось Турціи, единственнаго сосѣдняго государства, которое могло помѣшать Россіи въ ея торжествахъ, отвлечь ея силы. Карлъ XII послѣ Полтавы бѣжалъ въ ея предѣлы и употреблялъ всѣ старанія поднять Порту противъ Россіи, представляя, что если дать Петру время пользоваться несчастіемъ Швеціи, то отъ этого потерпитъ прежде всего Турція, которая поэтому обязана помочь Швеціи, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы Россіи. Подобныя же внушенія и настаиванія приходили въ Константинополь и отъ другой европейской державы, которая была всегда въ союзѣ съ Портою,—отъ Франціи. Франція издавна стремилась играть первенствующую роль въ Европѣ и особенно была близка къ достиженію своей цѣли во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV. Но сильный союзъ другихъ державъ, образовавшійся по поводу вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, остановилъ эти стремленія французскаго короля. Тѣмъ болѣе теперь, при неудачѣ дѣла, Франція должна была заботливо слѣдить за европейскими отношеніями, обратить особенное вниманіе на новую силу, явившуюся на континентѣ: что̀ эта сила, будетъ ли дружественна Франціи или умножитъ число враговъ ея, будетъ помѣхою ея стремленіямъ? Франція должна была рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ.

Россія — естественный врагъ Турціи; башкирецъ, который хочетъ взбунтовать своихъ противъ Россіи, поднимаетъ знамя магометанства и отправляется въ Константинополь, гдѣ владычествуетъ естественный покровитель магометанъ; но во владѣніяхъ этого покровителя магометанства много христіанъ, которые давно уже ждутъ избавленія отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи, видятъ въ ея царѣ естественнаго покровителя восточныхъ христіанъ. Россіи, сила которой такъ явственно высказалась подъ Полтавою, легко будетъ одолѣть Турцію и тѣмъ нанести страшный ущербъ французскимъ интересамъ на Востокѣ, не говоря уже о томъ, что Турція издавна союзница Франціи, что Турція необходима для Франціи, какъ средство для отвлеченія силъ Австріи. По одинаково враждебнымъ отношеніямъ къ Турціи, Россія должна быть естественною союзницею Австріи, — слѣдовательно, должна быть враждебна Франціи; сильная Россія естественно должна имѣть преобладающее вліяніе въ Польшѣ, не допускать здѣсь французскаго вліянія, и такимъ образомъ и съ этой стороны будетъ охранять австрійскіе интересы. Сокрушеніе шведскаго могущества подъ Полтавою и появленіе Россіи въ видѣ первенствующей на сѣверѣ державы было тяжелымъ ударомъ для Франціи; этотъ ударъ прибавился къ пораженіямъ войны за испанское наслѣдство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россію посредствомъ вмѣшательства Турціи было необходимо для Франціи. Вслѣдствіе Полтавы и новаго могущества Россіи, восточный вопросъ принимаетъ новый видъ: Турція для собственной безопасности должна поддержать Швецію и не допустить Россію утвердить свое вліяніе въ Польшѣ. Изъ трехъ сосѣднихъ Россіи государствъ, — Швеціи, Польши и Турціи, — дѣлается цѣпь, которою западно-европейская политика будетъ съ тѣхъ поръ стараться сдерживать Россію, и Франція теперь при этомъ играетъ главную роль, начертываетъ программу дѣй-

ствія противъ Россіи. Напуганная Турція объявила войну Россіи: съ крайнимъ огорченіемъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро окончить шведскую войну, долженъ былъ остановить свои дѣйствія на сѣверѣ и перенести оружіе на югъ, тратить время и силы на войну, въ его глазахъ, теперь безцѣльную. Полтавскій побѣдитель долженъ былъ испытать немедленно же слѣдствія своего торжества, своего новаго значенія, — слѣдствія того движенія европейскихъ интересовъ, какое было возбуждено Полтавою; долженъ былъ ввести народъ свой въ борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацію, взятую у Европы, участіе въ общей жизни Европы. Петру принадлежитъ починъ въ этой борьбѣ; его въ началѣ борьбы ждала жестокая наудача; но мы знаемъ, что неудача есть проба генія, знаемъ, какъ великій человѣкъ умѣлъ выдерживать неудачи, оставить примѣръ, которому долженъ подражать народъ, если хочетъ быть достойнымъ своего вождя, если хочетъ быть великимъ народомъ.

25-го февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя объявлено было народу о войнѣ съ турками. Мы уже говорили, какъ не нравилась Петру эта война; онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа, печальныя предчувствія томили его; сюда присоединилась еще болѣзнь, застигшая его на дорогѣ, въ Луцкѣ. Въ одномъ письмѣ его отъ этого времени находимъ слова: „Намъ предстоитъ безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь". Въ другомъ— читаемъ: „Что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ, такъ отдаленному и почитай въ отчаяніи сущему, къ тому жъ отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно разсуждать". Положеніе было крайне затруднительное; не говоря уже о томъ, что царь отвлеченъ отъ сѣверной войны, которую спѣшилъ кончить выгоднымъ миромъ до окончанія западной войны за испанское наслѣдство, вести двѣ войны на сѣверѣ и югѣ съ такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россія, и въ то время, когда народъ жаждалъ облегченія и отдыха, къ чему полтавская побѣда подавала такую большую надежду, — вести при такихъ условіяхъ двѣ войны было очень тяжко. Петръ не могъ сосредоточить большого войска на югѣ, надежда на помощь союзника, короля польскаго Августа, была плохая; одна надежда на успѣхъ состояла въ поднятіи христіанскаго народонаселенія Турціи; сербскій полковникъ Милорадовичъ отправленъ былъ поднимать черногорцевъ и другихъ славянъ и писалъ объ успѣшномъ ходѣ дѣла; молдавскій господарь Кантемиръ поддавался Россіи. Но чтобы получить помощь отъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтобы предупредить турокъ, нужно было спѣшить вступленіемъ во владѣнія Порты; отъ турецкихъ христіанъ получались безпрестанныя просьбы, чтобы царь шелъ какъ можно скорѣе; господари молдавскій и валахскій писали, что какъ скоро русскія войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся, а это поднимаетъ сербовъ и болгаръ. Петръ послалъ Шереметева къ Дунаю — нельзя ли предупредить турокъ и раззорить мостъ. Но турки предупредили, перешли Дунай. Предстоялъ вопросъ—двигаться ли царю съ главнымъ войскомъ впередъ, или оставаться? На военномъ совѣтѣ было рѣшено идти впередъ, и Петръ пошелъ, тѣмъ болѣе, что Молдавія уже объявила себя за русскихъ, и остановиться значило отдать ее въ беззащитную жертву туркамъ. Слѣдствіемъ была встрѣча съ турками у Прута (9-го іюля): у турокъ было 200,000 войска, у русскихъ только около 40,000. Несмотря на то, напавшій непріятель былъ отбитъ съ

жестокимъ урономъ. Но все же положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Визирю предложены были мирныя условія и богатые подарки. Визирь принялъ предложеніе, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ, потерявши 7,000 своихъ, отказались возобновить нападеніе и кричали, чтобы визирь скорѣе заключилъ миръ; кромѣ того, получено было извѣстіе, что отправленный прежде царемъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Ренне, взялъ Браиловъ. Главныя условія мира были: отдача туркамъ Азова. раззореніе Таганрога и другихъ новопостроенныхъ съ русской стороны городовъ; невмѣшательство царя въ польскія дѣла. Русское войско, незнавшее, что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ, изумленное снисходительностью мирныхъ условій, съ великою радостью выступило изъ западни къ своимъ границамъ. Но съ какимъ чувствомъ велъ его царь? Онъ въ письмахъ къ своимъ утѣшалъ ихъ, что хотя миръ заключенъ и съ большою потерею, но зато все же война кончилась на югѣ и это дастъ возможность усиленно продолжать войну на сѣверѣ и скоро кончить ее выгоднымъ миромъ: но при этомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, тѣмъ болѣе, что долго не могъ быть увѣренъ, состоится ли миръ съ турками, ибо Карлъ XII, крымскій ханъ, Франція, измѣнившіе Россіи казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пунктъ о невмѣшательствѣ Россіи въ польскія дѣла подавалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ: Петръ не могъ разорвать союза съ польскимъ королемъ Августомъ, не могъ не проводить своихъ войскъ черезъ польскія владѣнія. Турецкіе министры прямо говорили англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобы царь не вступался въ дѣла Польши, не вводилъ въ нее своихъ войскъ, ибо если дать ему въ томъ волю, то онъ легко сокрушитъ Швецію, и потомъ не только можетъ отобрать Азовъ, но черезъ Польшу опять вступить внутрь турецкихъ владѣній. Петръ не хотѣлъ возобновленія войны съ Турціею, хотя въ письмахъ къ своимъ признавался, что плакалъ, помышляя о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря, что какъ бы не своею рукою писалъ указъ объ отдачѣ Азова и срытіи Таганрога. „Но разсудить надлежитъ,—писалъ онъ,—что съ двумя непріятелями такими не весьма ль отчаянно войну весть и упустить сію шведскую войну, которой конецъ уже близокъ является: сохрани, Боже, ежелибъ въ обѣихъ войнахъ пребывая, дождались французскаго мира (т.-е. окончанія войны за испанское наслѣдство), чтобъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать“. Наконецъ, миръ съ турками былъ заключенъ въ 1713 году. Война, оконченная этимъ миромъ, имѣетъ то значеніе въ исторіи, что въ ней восточный вопросъ впервые сталъ славянскимъ вопросомъ: Петръ спѣшилъ къ Дунаю, чтобы помочь христіанскому народонаселенію Турціи и взаимно получить отъ него помощь. Черногорцы поднялись, но по отдаленности мѣста ихъ дѣйствій, не могли, разумѣется, оказать помощи русскому войску. Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостатокъ въ деньгахъ, при громадныхъ издержкахъ, Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ. Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію черногорскій владыка Даніилъ и получилъ 10,000 рублей, полное архіерейское облаченіе, книги; начальные черногорцы получили 160 медалей на 1,000 чер-

военныхъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугамъ, но больше дать нельзя, потому что война съ еретикомъ, королемъ шведскимъ, поглощаетъ всѣ доходы. Съ этихъ поръ начинается пріемъ славянъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія въ русскую службу. Такъ вступилъ въ русскую службу Милорадовичъ и сдѣланъ былъ гадяцкимъ полковникомъ въ Малороссіи; кромѣ него вступили въ русскую службу другіе сербскіе, молдавскіе и валахскіе офицеры и рядовые, турецкіе и австрійскіе подданные. Ихъ размѣстили въ Кіевской и Азовской губерніяхъ, полковникамъ дано по мѣстечку или по знатному селу, прочимъ офицерамъ по нѣсколько дворовъ; на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ; имъ дано право перезывать къ себѣ еще людей изъ своихъ народовъ и обѣщаны другія земли. Петръ такъ сознавалъ важность связи своего народа съ народами соплеменными, что счелъ своею обязанностью дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ, какъ говорится. Сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ пріѣхалъ въ Россію и привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языковъ, также книгъ церковныхъ: „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ?“ Петръ велѣлъ отправить богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Отправлены были и учителя съ большимъ по тогдашнему времени жалованьемъ; отправлены были русскіе учителя, когда сама Россія имѣла ихъ такъ мало...

XXIX. Послѣдніе годы Сѣверной войны и Ништадтскій міръ.

(*По соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Выпускъ VI.*)

По окончаніи военныхъ дѣйствій противъ турокъ, театръ Сѣверной войны нѣкоторое время сосредоточивался въ Помераніи и Финляндіи. Русскій царь дѣйствовалъ съ своими первоначальными союзниками, датскимъ и польскимъ королями, а король прусскій колебался между двумя враждебными сторонами, впрочемъ, стараясь показывать наиболѣе дружеское расположеніе къ царю.

Одержавъ побѣду надъ шведами при Фридерихштатѣ, Петръ поручилъ вести войну датскому королю, давъ ему въ помощь русскій отрядъ подъ командой Меншикова, а самъ намѣревался воевать противъ шведовъ въ Финляндіи. На пути въ Россію Петръ заѣхалъ сначала къ ганноверскому курфюрсту, а потомъ къ молодому прусскому королю, только-что вступившему на престолъ послѣ смерти своего отца. Петру не удалось втянуть въ Сѣверную войну прусскаго короля; послѣдній слѣдовалъ политикѣ своего родителя, увѣрялъ Петра въ дружбѣ къ нему, но не хотѣлъ явно становиться во вражду съ Швеціей и наблюдалъ, чтобы обстоятельства доставили ему случай извлечь пользу изъ этой войны безъ большихъ усилій съ его стороны. Вернувшись въ Петербургъ, царь лѣтомъ 1713 года съ 12,000 войска поплылъ къ берегамъ

Финляндіи, присталъ къ Гельсингфорсу, прогналъ оттуда шведскаго генерала Любекера и поручилъ, вмѣсто себя, вице-адмиралу Апраксину продолжать войну въ Финляндіи. Въ концѣ августа русскіе овладѣли столицею Финляндіи Або, покинутою и шведскимъ войскомъ, и жителями, а въ октябрѣ того же года Апраксинъ и генералъ Голицынъ разбили шведскаго генерала Армфельда близъ Таммерфорса, и вся почти Финляндія очутилась въ рукахъ русскихъ.

Петръ велъ войну всю весну и лѣто 1714 года. Генералъ князь Голицынъ снова разбилъ Армфельда, затѣмъ выборгскій губернаторъ, полковникъ Шуваловъ, въ іюнѣ покорилъ крѣпость Нишлотъ. Но самымъ блестящимъ дѣломъ русскихъ была морская побѣда при Гангудѣ, одержанная подъ начальствомъ самого Петра: тамъ шведы потеряли 936 человѣкъ убитыми, 577 плѣнными; шведскіе корабли со 116 пушками были взяты и приведены въ Ревель. Вслѣдъ за этой побѣдой, царь съ 16 тысячами войска присталъ къ Аландскимъ островамъ и овладѣлъ тамошними укрѣпленіями и портомъ; оттуда недалеко уже было до Стокгольма; въ шведской столицѣ распространился всеобщій страхъ; адмиралъ Ватрангъ готовился защищать входъ въ стокгольмскій портъ. Наступившая осень не дозволила Петру отважиться сдѣлать на шведскую столицу нападеніе. Русскій царь возвратился въ Петербургъ, устроилъ себѣ торжественный въѣздъ, принималъ отъ своихъ сенаторовъ и иностранныхъ министровъ поздравленія съ побѣдами, получилъ чинъ вице-адмирала и пировалъ во дворцѣ Меншикова.

Между тѣмъ борьба продолжалась и на западномъ театрѣ войны, въ Помераніи. Въ ноябрѣ 1714 г. Карлъ XII, убѣжавшій изъ турецкихъ владѣній явился въ Штральзундѣ, въ Помераніи.

Прусскій король, уклонявшійся до сихъ поръ отъ войны, убѣдившись, что не получитъ желаемыхъ пріобрѣтеній однимъ дипломатическимъ путемъ, вступилъ въ открытый союзъ противъ шведовъ и отправился съ войскомъ осаждать Штральзундъ, куда также прибылъ датскій король. 12 декабря 1715 г. городъ наконецъ сдался. Тогда Карлъ XII едва спасся въ маленькой лодкѣ съ 10 человѣками и убѣжалъ въ Карлскрону, гдѣ всю зиму занимался наборомъ свѣжихъ силъ для продолженія войны.

Въ концѣ лѣта 1717 года Петръ получилъ извѣстія, что Карлъ XII не прочь заключить миръ съ Россіей и что съ этою цѣлью онъ пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію, а по заключеніи договора самъ пожелаетъ видѣться съ царемъ. И царь желалъ уже прекращенія войны съ Карломъ: война эта ставила ему препятствіе къ занятіямъ внутренними дѣлами государства; Петръ объявилъ, что съѣздъ уполномоченныхъ долженъ начаться черезъ два или три мѣсяца на Аландскихъ островахъ. Карлъ дѣйствительно склоняется въ это время къ мысли о мирѣ и союзѣ съ Россіей. Шведскій король ненавидѣлъ и презиралъ остальныхъ своихъ враговъ; но Петра, какъ личность, онъ не могъ презирать, и потому съ нимъ однимъ способенъ былъ вступать въ переговоры, какъ равный съ равнымъ. Петръ имѣлъ причину быть также мало довольнымъ своими союзниками, датскимъ и польскимъ королями, и готовъ былъ предпочесть отдѣльный миръ съ давнимъ врагомъ вялому союзу съ союзниками, всегда способными измѣнить ему.

Въ ноябрѣ въ Петербургъ было сообщено, что Карлъ XII вышлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро получитъ извѣстіе, что царскіе уполномоченные уже находятся въ Финляндіи. Петръ назначилъ отъ

себя уполномоченными: генералъ-фельдцейхмейстера Брюса и тайнаго совѣтника Остермана. Государь велѣлъ Брюсу объявить министрамъ—союзникамъ—прусскому, польскому, ганноверскому и датскому, что, по предложенію шведскаго короля, царь съ своей стороны посылаетъ уполномоченныхъ, но не вступитъ въ окончательный договоръ безъ согласія съ союзниками.

Въ маѣ начались конференціи на одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Россія требовала уступки Ингріи, Ливоніи, Эстляндіи, также города Выборга въ Финляндіи, остальное же великое княжество Финляндское до рѣки Кюмени уступало шведскому королю, предлагая между Швеціею и Россіею свободу торговли и мореплаванія. Для своихъ союзниковъ царь ставилъ такія условія: оставить короля Августа въ полномъ обладаніи польскимъ престоломъ, а прусскому королю уступить Штетинъ съ его округомъ; Даніи и Англіи Петръ предоставлялъ только право приступить къ трактату, замѣчая, что датскій король долженъ возвратить всѣ завоеванія, доставшіяся ему въ послѣднее время отъ Швеціи и пріобрѣсти въ иномъ мѣстѣ земли. Шведскіе уполномоченные требовали возвращенія всего завоеваннаго. Потомъ начали говорить объ эквивалентѣ, т.-е. о вознагражденіи иными способами уступленнаго Швеціею Россіи. Остерманъ, по приказанію Петра, заявилъ, что Россія не можетъ давать никакого эквивалента изъ принадлежащихъ ей земель, но не откажетъ въ помощи Швеціи, если послѣдняя начнетъ искать себѣ эквивалента въ чужихъ земляхъ. Въ сентябрѣ русскіе уполномоченные узнали, что въ Стокгольмѣ существуетъ сильная партія, удерживающая короля отъ уступокъ. Остерманъ, человѣкъ хитрый, понималъ слабыя стороны враговъ, съ которыми велъ переговоры, понималъ и всѣхъ сосѣдей, которыхъ дѣла соприкасались съ Сѣверной войной. „Король шведскій,—писалъ онъ Петру,—человѣкъ, повидимому, не въ совершенномъ разумѣ; ему—лишь бы съ кѣмъ-нибудь драться. Швеція вся разорена, и народъ хочетъ мира. Королю придется съ войскомъ куда-нибудь выступить, чтобы на чужой счетъ его кормить; онъ собирается въ Норвегію. Ничто такъ не принудитъ Швецію къ миру, какъ разореніе, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведскій, судя по его отвагѣ, долженъ быть скоро убитъ: дѣтей у него нѣтъ, престолъ сдѣлается спорнымъ между партіями двухъ германскихъ принцевъ: гессенъ-кассельскаго и голштинскаго; чья бы сторона ни одержала верхъ, она будетъ искать мира съ Вашимъ Величествомъ, потому что ни та, ни другая не захочетъ ради Лифляндіи или Эстляндіи потерять своихъ нѣмецкихъ владѣній“.

Въ концѣ декабря на Аландъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Карлъ XII, 30-го ноября, убитъ при осадѣ Фридрихсгаля въ Норвегіи. Предсказаніе Остермана сбылось: въ Швеціи тотчасъ же возникли двѣ партіи—одна желала дать престолъ младшей сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ-Элеонорѣ, бывшей въ замужествѣ за гессенъ-кассельскимъ принцемъ; другая держалась молодого герцога голштинскаго. Первая взяла верхъ. Но возникла еще и третья партія, дворянеко-либеральная; она хотѣла воспользоваться неясностью правъ на престолъ и находила удобное время для ограниченія королевскаго самодержавія въ Швеціи. Эта партія готова была отдать престолъ тому, кто больше сдѣлаетъ уступокъ. Нерѣшительный и неопытный голштинскій герцогъ не воспользовался временемъ; тотчасъ послѣ смерти Карла XII, онъ могъ бы привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королемъ, но не сдѣлалъ

этого. Тетка предупредила его; она дала сенату обѣщаніе ограничить королевскую власть и получила корону въ мартѣ 1719 года. Голштинскій герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи.

Ульрика-Элеонора, однако, не отказалась продолжать переговоры съ царемъ и отправила новыхъ уполномоченныхъ. Шведскіе уполномоченные измѣнили тонъ и начали попугивать русскихъ уполномоченныхъ возможностью приступить къ болѣе выгоднымъ для Швеціи соглашеніямъ съ другими соперничествующими державами. Но проницательный Остерманъ не поддался на эти запугиванія; онъ понималъ хорошо состояніе дѣлъ въ Швеціи. „Швеція,—писалъ онъ царю,—дошла до такого состоянія, что ей болѣе всего необходимъ миръ, и особенно съ царскимъ величествомъ, какъ сильнѣйшимъ непріятелемъ; съ кѣмъ бы другимъ шведы ни заключили мира—это не спасетъ ихъ отъ войны съ Россіей, а другія державы, войдя со шведами въ союзъ, при всемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, не станутъ проливать кровь своихъ подданныхъ и губить свою торговлю ради того, чтобы Швеціи возвращена была Лифляндія. Если бы теперь царь нанесъ пущее разореніе обнищавшей Швеціи, то этимъ бы принудилъ шведское правительство къ миру". Остерманъ въ переговорахъ съ шведскими уполномоченными стоялъ твердо на уступкѣ Россіи Эстляндіи, Лифляндіи, Ингерманландіи, Выборга и части Кареліи со включеніемъ крѣпости Кексгольма, соглашаясь со стороны Россіи заплатить въ продолженіе двухъ лѣтъ милліонъ рублей. Швеція между тѣмъ примирилась съ курфюрстомъ ганноверскимъ, уступивши ему Бременъ и Верденъ, пыталась склонить къ особому миру и прусскаго короля.

Такъ дотянулось до іюля 1719 года. Тогда, по настоянію Остермана, царь снарядилъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и значительнаго числа малыхъ судовъ; онъ послалъ на немъ войско подъ начальствомъ генералъ-маіора Ласси, для высадки въ Швецію. Между тѣмъ въ Балтійское море вошла англійская эскадра, командуемая адмираломъ Норрисомъ, подъ видимымъ предлогомъ охранять англійскую торговлю, но на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо подозрѣвалъ Петръ, въ помощь Швеціи, въ случаѣ нужды, противъ Россіи. Петръ прямо написалъ объ этомъ Норрису, стоявшему съ своею эскадрою на копенгагенскомъ рейдѣ. Англійскій адмиралъ въ своемъ отвѣтѣ русскому царю изъявлялъ удивленіе, что царь имѣетъ такія подозрѣнія. Петръ остался при своемъ подозрѣніи, но не показалъ страха передъ англійскимъ королемъ, твердый въ намѣреніи принудить Швецію къ миру своими военными дѣйствіями. Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ главною причиною войны Россіи со Швеціей выставлялось событіе въ Ригѣ, когда шведскій губернаторъ, графъ Дальбергъ, оскорбилъ русскаго царя, не допустивъ его осматривать городскія укрѣпленія. Петръ указалъ на свое миролюбіе, съ которымъ онъ въ послѣднее время согласился начать переговоры съ Карломъ XII, но жаловался, что, по смерти Карла XII, шведская корона не показываетъ прежней наклонности къ миру, напротивъ, желаетъ войны, нарочно предъявляетъ такія требованія, на которыя Россія не можетъ согласиться, и въ то же время ищетъ враждебныхъ для Россіи союзовъ съ другими государствами; это обстоятельство побуждаетъ царя съ Божьей помощью внести войну въ сердце шведскаго королевства.

Война началась и велась очень опустошительнымъ образомъ. Русскіе плавали по шкерамъ вдоль шведскаго берега, нападали въ разныхъ мѣ-

стахъ на города и селенія, не щадили ни государственнаго, ни частнаго достоянія, а болѣе всего старались разорять шведскіе рудники и заводы, составлявшіе важнѣйшее богатство Швеціи. Такъ, на сѣверномъ берегу разорили они Фурстенаръ и Ортулу, а 7-го августа 5.000 русскихъ напали на важнѣйшій шведскій заводъ въ Лоштѣ, захватили тамъ 13.000 тоннъ желѣза на свои суда, а всѣ заведенія и постройки уничтожили. На всѣхъ шведскихъ заводахъ русскіе находили такое множество желѣза, что не въ силахъ были наполнить имъ свои суда и бросали въ море. Они истребляли повсюду хлѣбное зерно, убивали и угоняли скотъ и лошадей, уводили плѣнниковъ, перебили множество обезоруженнаго народа, не успѣвшаго спастись бѣгствомъ. Апраксинъ истребилъ шесть большихъ городовъ, болѣе сотни дворянскихъ усадьбъ, 826 деревень, три мельницы и десять магазиновъ, разорилъ два мѣдныхъ и пять желѣзныхъ заводовъ. Генералъ-маіоръ Ласси, съ своей стороны, сжегъ два города, двадцать одну владѣльческую усадьбу, 535 селъ и деревень, сорокъ мельницъ, шестнадцать магазиновъ и девять желѣзныхъ заводовъ, въ числѣ которыхъ были такіе богатые, что шведы предлагали 300,000 рейхсталеровъ за спасеніе отъ ихъ разоренія. Знаменитый мануфактурный городъ Норчёпингъ преданъ былъ пламени самими жителями, лишь бы не достался непріятелю. Самому Стокгольму угрожала опасность: 27 іюня казаки достигали до Вестергалинга, въ четырехъ миляхъ отъ столицы. Мужъ королевы выступалъ противъ русскихъ, но не сдѣлалъ имъ никакого зла; они разоряли шведскіе берега налетомъ, появляясь и исчезая, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Въ сентябрѣ прекратились нападенія; у шведовъ вся надежда была на англійскую помощь адмирала Норриса, но онъ, не имѣя повелѣнія своего короля, не рѣшался начинать непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ.

Послѣ военной прогулки русскаго флота по шведскимъ берегамъ, царь послалъ въ Стокгольмъ подъ бѣлымъ флагомъ Остермана, надѣясь, что, испытавши разореніе, Швеція станетъ податливѣе. Шведская королева, ея супругъ и шведскіе аристократы показали тогда видъ раздраженія, говорили, что теперь, послѣ нанесенныхъ русскими опустошеній, миръ заключить труднѣе, чѣмъ прежде. Остерманъ этимъ не обманулся и сказалъ одному шведскому аристократу: „если у насъ съ вами будетъ война, то настоящая ваша форма правленіи не долго простоитъ, и дѣло окончится народнымъ возстаніемъ“. Его увѣряли, что весь народъ не хочетъ мира. „Сегодня не хочетъ, завтра горячо захочетъ,—сказалъ Остерманъ,—народъ непостояненъ“. Королева, подвигаемая дворянствомъ, разсерженнымъ на Россію, приказала Лиліенстедту уѣхать съ Аландскихъ острововъ. Итакъ, конгресъ былъ порванъ въ сентябрѣ 1719 года.

Въ это время въ Швеціи Ульрика-Элеонора уступила престолъ своему супругу, герцогу гессенъ-кассельскому. Новый король прислалъ въ Петербургъ своего адъютанта, Виртенберга, извѣстить о своемъ вступленіи на престолъ и изъявить надежду на будущій миръ и союзъ. Петръ показывалъ этому посланцу свое адмиралтейство и познакомилъ его со всѣми приготовленіями къ предполагаемому новому походу русскихъ на Швецію. Въ августѣ царь выслалъ эскадру подъ начальствомъ князя Голицына, который счастливо привелъ въ Петербургъ четыре шведскихъ фрегата, взятыхъ въ плѣнъ съ значительнымъ числомъ людей. Постоянный любитель всякихъ торжествъ, Петръ и по этому поводу

устроилъ въ Петербургѣ праздникъ, одарилъ щедро участвовавшихъ въ войнѣ русскихъ моряковъ, и самому Голицыну далъ саблю, осыпанную бриллiантами; потомъ царь отправилъ въ Стокгольмъ своего генералъ-адъютанта Румянцева съ предложенiемъ размѣнять плѣнныхъ и заключить перемирiе на зимнее время. Шведскiе министры не сошлись въ этомъ съ Румянцевымъ, хотя и приняли его почтительно и радушно. Посредничество, предложенное Францiей въ дѣлѣ заключенiя мира между Россiей и Швецiю также не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Тогда Петръ, чтобы понудить шведовъ къ податливости, отправилъ генерала Ласси опустошить шведскiе берега Ботническаго залива. У русскихъ было до 5,000 регулярнаго войска и 360 казаковъ. Они взяли и сожгли шесть шведскихъ галеръ, 27 купеческихъ судовъ, гдѣ нашли значительный запасъ оружiя, овладѣли оружейнымъ магазиномъ, разорили нѣсколько кузницъ и мельницъ, разграбили и сожгли четыре города, нѣсколько сотъ селенiй и дворовъ.

Между тѣмъ въ виду возобновленныхъ переговоровъ со Швецiей, голштинскiй герцогъ, черезъ своего посланника Штомкена, хлопоталъ о томъ, чтобъ Россiя при мирномъ договорѣ стояла за его наслѣдственныя права на шведскiй престолъ. Петръ благосклонно отнесся къ домогательству голштинскаго герцога, пригласилъ его въ Петербургъ и принялъ очень радушно. Два обстоятельства: разоренiе, причиненное русскими на шведскихъ берегахъ, и покровительство, оказываемое голштинскому герцогу, какъ претенденту на шведскiй престолъ, сдѣлали шведовъ уступчивѣе. 30-го августа 1721 года заключенъ былъ царскими послами окончательный Ништадтскiй мирный договоръ, прекратившiй долголѣтнюю Сѣверную войну. Швецiя уступила Россiи въ вѣчное владѣнiе Лифляндiю, Эстляндiю, острова Эзель, Даго и Менъ, Ингерманландiю, часть Карелiи и Выборгъ въ Финляндiи, а остальная Финляндiя, завоеванная Россiей, возвращена была Швецiи. Съ своей стороны, Россiя выплачивала два миллiона ефимковъ по срокамъ, обязывалась не вмѣшиваться въ домашнiя дѣла шведскаго королевства и не помогать никому въ достиженiи наслѣдственныхъ правъ, вопреки волѣ чиновъ государства; всѣ военноплѣнные освобождались безъ выкупа, кромѣ добровольно принявшихъ въ Россiи православную вѣру. Молодой герцогъ голштинскiй долженъ былъ отказаться отъ надежды получить шведскую корону при пособiи Россiи. Находясь въ то время въ Петербургѣ, онъ долженъ былъ удовольствоваться доводами, сообщенными ему отъ имени царя Шафировымъ, о невозможности Петру далѣе вести это дѣло. Герцогъ долженъ былъ участвовать во всеобщемъ торжествѣ Россiи, показывая удовольствiе объ окончанiи пролитiя крови — какъ русской, такъ и шведской.

22-го октября въ Петербургѣ въ соборной церкви св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившаго долголѣтнюю и тяжелую Сѣверную войну. Сначала прочитанъ былъ мирный трактатъ, потомъ архiепископъ псковскiй изрекъ поученiе, вслѣдъ затѣмъ канцлеръ Головкинъ проговорилъ государю рѣчь, послѣ которой всѣ бывшiе тутъ сенаторы воскликнули:—„Виватъ, виватъ, Петръ Великiй, отецъ отечествiя, императоръ Всероссiйскiй!“ Обильная пальба изъ петербургской крѣпости, адмиралтейства, судовъ, стрѣльба изъ ружей, производимая 23 полками, все возвѣщало всеобщую радость. Петръ говорилъ:—„Зѣло желаю, чтобы нашъ весь народъ прямо узналъ, что̀ Господь прошедшей войной и заключенiемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью

благодарить; однако, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ стало, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который намъ Богъ кладетъ передъ очами, какъ внутрь, такъ и во внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ". Торжественный праздничный обѣдъ устроенъ былъ въ зданіи сената: къ обѣду приглашенныхъ было до тысячи персонъ. По окончаніи стола былъ балъ, продолжавшійся до ночи, а ночью фейерверкъ, изображавшій храмъ Януса, изъ котораго появился богъ Янусъ съ лавровымъ вѣнкомъ и масличною вѣтвью; изъ крѣпости дана была тысяча выстрѣловъ, и вся Нева иллюминована была потѣшными огнями. Царскій пиръ окончился въ три часа ночью „обпошеніемъ всѣхъ гостей преизряднымъ токайскимъ". Для простого народа устроены были два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино. Меншиковъ и два архіерея отъ имени сената и синода за всѣ попеченія и старанія о благополучіи государства, за то, что государь „изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу черезъ единое свое руковожденіе", просили царя принять титулъ „Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго". Государь отрекался отъ этой чести и принялъ ее какъ бы по усиленному прошенію сенаторовъ. Вслѣдъ за тѣмъ отъ сената была установлена форма титула: „Божьею милостью, мы, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій", а въ челобитныхъ: „всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ, самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій". Нѣсколько дней послѣ того продолжались веселыя празднества.

XXX. Внѣшняя политика Петра, какъ наслѣдіе Московской Руси.

(Изъ «Лекцій по русской исторіи» С. Ѳ. Платонова).

Внѣшняя политика Россіи до Петра руководилась не случаемъ, а весьма древней историческою традиціей. Еще въ XIII вѣкѣ создались тѣ обстоятельства, которыя направляли въ теченіе многихъ вѣковъ и внѣшнія стремленія русскаго племени и государства, и ихъ внутреннюю организацію. Въ началѣ XIII вѣка на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря появляются нѣмцы, тѣснятъ литовскія племена, а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся врагами и для Руси (Псковъ и Новгородъ). Въ то же время начинается и движеніе шведовъ на Русь. Подъ вліяніемъ опасности отъ нѣмцевъ племена литовскія организуются политически и, соединенныя Миндовгомъ, выступаютъ на сцену исторіи, какъ враждебное Руси княжество. Литва подчиняетъ себѣ юго-западъ Руси и грозитъ ея сѣверо-востоку. На юго-востокѣ въ то же время образуется Золотая Орда, и ея иго начинаетъ тяготѣть надъ сѣверо-восточной Русью. Такимъ образомъ, почти одновременно, съ трехъ сторонъ, великорусское племя было окружено врагами, дѣйствовавшими наступательно. Главной задачей нашего племени стала поэтому самозащита, борьба не за свободу (она была отнята татарами), а за историческое существованіе, за цѣлость племени и религіи. Эта борьба продолжалась сотни лѣтъ. Благодаря ей племя

должно было принять чисто военную государственную организацію и постояно воевать „на три фронта", какъ выразился одинъ изслѣдователь.

Эта борьба и направляла всю внѣшнюю политику Московскаго государства, съ его начала до конца, до Петра Великаго. Можно сказать, что много содержанія эта политика не имѣла: съ ближайшими сосѣдями Москва ведетъ постоянную, традиціонную борьбу, въ сношеніяхъ же съ дальними европейскими странами ищетъ увеличенія средствъ для этой борьбы. Ко времени Петра борьба эта привела уже Русь къ громаднымъ политическимъ успѣхамъ, но задача—достиженіе полной безопасности и естественныхъ границъ—еще не была выполнена. По отношенію къ различнымъ врагамъ достигнуты были не одинаковые успѣхи.

Татары съ XIII в. въ качествѣ полныхъ господъ владѣли сѣверо-восточной Русью. Но ихъ отношеніе къ покоренной Руси и явное отсутствіе (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ) сильнаго непосредственнаго гнета позволяли Руси крѣпнуть и сливаться въ одно могущественное государство. Впервые это государство попробовало возстать на татаръ на Куликовомъ полѣ (1380), и попытка, будучи удачной, подняла національное самосознаніе Руси и содѣйствовала дальнѣйшему усиленію Москвы. Параллельно этому усиленію шло внутреннее разложеніе Орды. Она слабѣла, и Москвѣ не нужно было второй Куликовской битвы, чтобы свергнуть иго (1480). Орда распалась, ига не стало, но борьба съ татарами, за цѣлость границъ и безопасность жителей, продолжалась. Вмѣсто одной орды появилось нѣсколько, хотя и болѣе слабыхъ, чѣмъ прежняя. Москвѣ нужно было ихъ покорить, чтобы достичь своей безопасности. И вотъ, Иванъ Грозный покоряетъ Казанскую и Астраханскую Орды (1552—1556). Его совѣтники желаютъ, чтобы онъ покорилъ и Крымскую. Но умъ Грознаго понималъ, что Москвѣ не сладить съ Крымомъ (также думалъ и талантливый Стефанъ Баторій, когда сталъ королемъ Польши). Москву отъ Крыма отдѣляли трудно проходимыя степи; кромѣ того, Крымъ былъ подчиненъ сильной тогда Турціи, съ которой воевать боялась не одна Москва. Вотъ почему Крымская Орда жила до конца XVIII вѣка. Въ XVII в., послѣ Грознаго, Москва вела съ Крымомъ безпрерывную пограничную войну и каждое лѣто готовила войска на южныхъ своихъ границахъ для защиты отъ татарскихъ набѣговъ. Но, кромѣ оборонительныхъ мѣръ, Москва дѣйствовала противъ Крыма и тѣмъ, что все болѣе и болѣе занимала южную степь своими крѣпостями и людьми. Она, такимъ образомъ, наступала на татаръ. Развитіе казачества на нижнемъ Дону въ XVII в. создало для Москвы новую боевую силу; уже въ первой половинѣ XVII в. казаки взяли турецко-татарскую крѣпость Азовъ, но не смѣли удержать ее за собой. Присоединеніе Малороссіи еще болѣе подвинуло Москву къ Крыму, и въ самомъ концѣ XVII в. (1687—1689) московскія войска впервые предпринимаютъ походы на самый Крымъ. Однако, удачи еще не было, — мѣшала степь. На этомъ и остановилась московская политика передъ Петромъ. Стефанъ Баторій въ XVI в. думалъ, и казаки въ XVII в. дѣломъ доказали, что Азовъ былъ слабѣйшимъ пунктомъ татаръ и турокъ, ихъ повелителей, на югѣ нынѣшней Россіи. Петръ, своими глазами уже видѣвшій неудачный исходъ походовъ на Крымъ князя В. В. Голицына, направилъ свои силы не на Крымъ, а на Азовъ. Стало быть Петръ продолжалъ традиціонную политику Москвы. Въ отношеніи татаръ Москва достигла большихъ успѣховъ до Петра; Петръ же ими воспользовался.

Литва, въ первые два вѣка своего существованія (до смерти Витовта),

энергично наступала на Русь и завладѣла массою русскихъ земель, отчего и сама получила характеръ государства, по населенію и культурѣ болѣе всего русскаго. Въ исходѣ XIV вѣка она была династически соединена съ Польшей и результатомъ соединенія явилось сильное польско-католическое вліяніе. Протестъ противъ него русско-православнаго населенія повелъ ко внутренней борьбѣ въ Литвѣ. Эта борьба ослабила Литву и не устранила польскаго вліянія, которое въ XVI вѣкѣ восторжествовало: Литва стала нераздѣльной частью Польши (1569 г.). До Витовта Москва уступала Литвѣ, а послѣ него вскорѣ роли перемѣнились: сильные московскіе государи Иванъ III и Василій III начинаютъ отбирать отъ Литвы русскія области и заявляютъ притязаніе на все русское, что принадлежало Литвѣ. Москва, такимъ образомъ, не безъ успѣха перешла въ наступленіе противъ Литвы. Но окончательное соединеніе въ XVI вѣкѣ Литвы съ Польшей поставило противъ Москвы и Польшу. Соединеннымъ ихъ силамъ Москва, при Иванѣ Грозномъ, должна была уступить: борьба Ивана противъ Стефана Баторія была неудачна. Еще хуже для Москвы было время московской смуты начала XVII вѣка, когда поляки владѣли самой Москвой. Но когда ихъ оттуда вытѣснили, и Московское государство оправилось отъ смуты, оно въ половинѣ XVII вѣка (съ 1654 г.) начинаетъ старую борьбу за русскія, подчиненныя Польшѣ, земли; царь Алексѣй Михайловичъ принимаетъ въ подданство Малороссію, ведетъ необыкновенно тяжкую войну за нее и оканчиваетъ блестящей побѣдою. Ослабѣвшая Польша и послѣ царя Алексѣя продолжаетъ уступать Москвѣ: миромъ 1686 года она отдаетъ Москвѣ на вѣки то, что временно уступила царю Алексѣю Михайловичу. Отношенія, созданныя этимъ миромъ 1686 года, унаслѣдовалъ Петръ; при немъ ясно политическое преобладаніе Россіи надъ Польшей, но историческая задача—освобожденіе отъ Польши русскихъ земель—не закончена ни до него, ни при немъ—она передана XVIII вѣку.

Нѣмцы и шведы отняли отъ Литвы и Руси восточные берега Балтійскаго моря. Хотя Новгородъ и владѣлъ берегомъ Финскаго залива, но, не имѣя удобныхъ гаваней, зависѣлъ въ своей западной торговлѣ отъ нѣмцевъ. Подчинивъ Новгородъ и наслѣдовавъ всѣ его политическія отношенія, Москва почувствовала зависимость отъ нѣмцевъ; хотя она прогнала ганзейскихъ купцовъ и уничтожила ихъ торговлю на Руси, однако зависимость осталась, торговое вліяніе перешло къ ливонскимъ купцамъ. Преслѣдуя свои торговыя выгоды, Ливонія враждебно относилась къ русской торговлѣ. Враждебна она была вообще къ Руси, какъ къ сильной и опасной сосѣдкѣ. Она старалась поставить крѣпкую стѣну между Русью и западной Европой, зная, что усвоеніе Русью образованности усилитъ ея политическія силы. Но и Русь понимала это значеніе западной образованности, и знала, что лучшій путь для сближенія съ западомъ—Балтійское море (Бѣлое море лишено большого значенія въ этомъ отношеніи, благодаря географическимъ условіямъ). Въ XVI в. Иванъ Грозный, пользуясь внутренней слабостью Ливоніи, объявилъ ей войну съ ясной цѣлью завладѣть берегами моря. Ливонія не выдержала войны и распалась: часть ея отдалась Польшѣ, часть — Швеціи. Иванъ Грозный не могъ выдержать борьбы съ этими державами и не только потерялъ завоеванія, но потерялъ и свои города (1582—1583). Эти города вернулъ Борисъ Годуновъ, но въ смутное время они снова были заняты шведами и по договору со шведами 1617 г. Московское государство было совершенно отрѣзано отъ Балтійскаго моря. Этимъ очень гор-

дился король Густавъ-Адольфъ. Въ XVII в. сперва слабая, а потомъ занятая войнами съ Польшею, Русь не могла сдѣлать рѣшительнаго шага къ Балтійскому морю. Однако мысль о необходимости этого шага не умирала, а была передана Петру, который и воплотилъ ее въ дѣло. Въ этомъ отношеніи Петръ считалъ себя прямымъ преемникомъ Грознаго.

Нашъ краткій обзоръ внѣшней политики Московскаго государства показываетъ, что, преслѣдуя исконныя свои задачи, эта политика ко времени Петра сдѣлала большіе, но не равномѣрные успѣхи. Болѣе успѣшно направлялась она противъ татаръ, но менѣе успѣшно противъ шведовъ, наслѣдовавшихъ нѣмцамъ на берегахъ Балтійскаго моря. Конечнаго разрѣшенія своихъ задачъ Москва не достигла. А такъ какъ эти задачи были не случайными затѣями того или другого политическаго дѣятеля, а насущными потребностями нашего племени, вытекшими изъ вѣковыхъ условій его жизни, то они требовали своего конечнаго рѣшенія и при Петрѣ съ такою же силою, какъ и до него. Вотъ почему Петръ и обратилъ большое вниманіе на эти задачи. При этомъ наибольшее усиліе онъ употребилъ именно тамъ, гдѣ наименѣе успѣшно дѣйствовали до него, т.-е. въ борьбѣ за Балтійское море.

XXXI. Характеръ и ходъ Петровской реформы.

(По соч. П. Н. Милюкова: «Государств. хозяйство и реформа Петра В.» и «Очерки по ист. русск. культуры», В. О. Ключевскаго: «Курсъ русск. исторіи» и рукописнымъ лекціямъ В. Н. Строева).

Реформаторскую дѣятельность Петра Великаго необходимо изучить съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія ея техники, ея пріемовъ, обусловленныхъ исторической обстановкою, въ которой эта дѣятельность была осуществлена, и съ точки зрѣнія ея результатовъ. Систематическое изученіе результатовъ Петровской реформы требуетъ иногда разсмотрѣнія соотвѣтственныхъ явленій въ искусственной группировкѣ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ порядку ихъ дѣйствительнаго происхожденія. При такомъ изученіи можетъ получиться до нѣкоторой степени ложное представленіе о характерѣ реформы: она можетъ показаться осуществленіемъ болѣе или менѣе стройнаго плана, положеннаго въ ея основу, каковою она самомъ дѣлѣ не была. Ознакомленіе съ результатами Петровской реформы посвящены главнымъ образомъ статьи ниже помѣщенныя въ этомъ томѣ хрестоматіи. Настоящая же статья главною цѣлью своею ставитъ краткую характеристику обстановки, въ которой Петръ проводилъ свои реформы, и его реформаторскихъ пріемовъ. При изученіи этой обстановки прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ Петръ сталъ преобразователемъ?

На этотъ вопросъ проф. Ключевскій въ одной изъ главъ IV тома своего „Курса" даетъ такой отвѣтъ: „При имени Петра Великаго мы прежде всего вспоминаемъ о его преобразованіяхъ; съ нимъ неразрывно связана идея реформы. Петръ Великій и его реформа—наше привычное стереотипное выраженіе. Званіе преобразователя стало его прозвищемъ, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Петръ I и родился съ мыслью о реформѣ, считалъ ее своимъ провиденціальнымъ призваніемъ, своимъ историческимъ назначеніемъ. Между тѣмъ у самого Петра долго не замѣтно такого взгляда на себя. Его не воспитали въ мысли, что ему

предстоитъ править государствомъ никуда не годнымъ, подлежащимъ полному преобразованію. Онъ выросъ съ мыслью, что онъ царь и притомъ гонимый и что ему не видѣть власти, даже не жить, пока у власти его сестра со своими Милославскими. Игра въ солдаты и корабли была его дѣтскимъ спортомъ, внушеннымъ толками окружающихъ. Но у него рано пробудилось какое-то предчувствіе, что, когда онъ выростетъ и начнетъ царствовать на самомъ дѣлѣ, ему прежде всего понадобятся армія и флотъ, но на что именно понадобятся, онъ, кажется, не спѣшилъ отдать себѣ ясный отчетъ въ этомъ. Лишь со временемъ, съ обнаруженіемъ замысловъ Софьи, онъ сталъ понимать, что солдатъ нуженъ ему противъ стрѣльца, сестриной опоры. Онъ просто дѣлалъ то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображеніями и отдаленными планами, и все, что онъ дѣлалъ, онъ какъ будто считалъ своимъ текущимъ, очереднымъ дѣломъ, а не реформой: онъ и самъ не замѣчалъ, какъ этими текущими дѣлами онъ все измѣнялъ вокругъ себя—и людей, и порядки. Даже изъ первой заграничной поѣздки онъ везъ въ Москву не преобразовательные планы, а культурныя впечатлѣнія съ мечтой все видѣнное за границей завести у себя дома и съ мыслью о морѣ, т.-е. о войнѣ со Швеціей, отнявшей море у его дѣда. Только развѣ въ послѣднее десятилѣтіе своей 53-лѣтней жизни, когда дѣятельность его уже достаточно себя показала, у него начинаетъ высказываться сознаніе, что онъ сдѣлалъ кое-что новое и даже очень немало новаго. Но такой взглядъ является у него, такъ сказать, заднимъ числомъ, какъ итогъ сдѣланнаго, а не какъ цѣль дѣятельности. Петръ сталъ преобразователемъ какъ-то невзначай, какъ будто нехотя, поневолѣ. Война привела его и до конца жизни толкала къ реформамъ. Въ жизни государствъ внѣшнія войны и внутреннія реформы обыкновенно не совмѣщаются, какъ условія, взаимно противодѣйствующія. Обычно война—тормазъ реформы, требующей мира. Въ нашей исторіи дѣйствовало иное соотношеніе: война съ благополучнымъ исходомъ укрѣпляла сложившееся положеніе, наличный порядокъ, а война съ исходомъ непристойнымъ вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства болѣе или менѣе рѣшительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой. Въ послѣднемъ случаѣ правительство избѣгало внѣшнихъ столкновеній до того, что роняло международное значеніе государства. Такъ успѣхи внутренней политической жизни пріобрѣтались цѣною внѣшнихъ несчастій. Петръ I попалъ въ иное соотношеніе внѣшнихъ столкновеній съ внутренней работой государства надъ собой, надъ самоустроеніемъ. При немъ война является обстановкой реформы, даже болѣе—имѣла органическую связь съ его преобразовательной дѣятельностью, вызвала и направляла ее. Колыбель реформы въ другія времена, война при Петрѣ стала ея школой, какъ и называлъ ее самъ Петръ".

И дѣйствительно, окончательно сложившееся въ первую поѣздку Петра за границу рѣшеніе его осуществить, наконецъ, традиціонное стремленіе русскаго государства къ пріобрѣтенію Балтійскаго берега послужило исходнымъ пунктомъ реформаторской дѣятельности Великаго Преобразователя. „Новыя задачи внѣшней политики,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія". Создать эти средства и стало очередной задачей дѣятельности Петра. Война со Швеціей заставила его заняться прежде всего организацей войска и

финансовъ, а выполненіе военныхъ и финансовыхъ мѣропріятій привело къ необходимости взяться за перестройку и правительственныхъ учрежденій. Въ свою очередь проведеніе административныхъ преобразованій вызвало рядъ мѣръ, направленныхъ къ измѣненію сословнаго, а затѣмъ и культурнаго уклада русской жизни.

Но Сѣверная война не только породила потребность во всѣхъ этихъ внутреннихъ реформахъ, а и обусловила самый ходъ, самое направленіе ихъ. Онѣ были въ своей совокупности не постепеннымъ развертываніемъ заранѣе выработаннаго въ тиши кабинета плана, а представляли собой въ большинствѣ случаевъ поспѣшное выполненіе внезапно явившейся въ головѣ Петра на полѣ битвы, или на корабельной верфи мысли, порожденной измѣнчивыми требованіями текущей минуты. Лишь во-вторую половину своего царствованія, такъ сказать уже post factum, Преобразователь попытался схематизировать свою реформу: сперва укрѣпленіе внѣшняго могущества государства, потомъ установленіе внутренняго порядка и правосудія. Сначала же эта реформа отличалась случайнымъ, безсистемнымъ характеромъ, имѣла рѣзко выраженные признаки торопливости, безсвязности и отрывочности, сводилась, по выраженію П. Н. Милюкова, къ „отдѣльнымъ экспериментамъ, ликвидирующимъ и исправляющимъ другъ друга“.

Петровская реформа затронула всѣ стороны тогдашней русской жизни, но особенно много новаго она внесла въ организацію государственныхъ учрежденій. И въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ ее хронологически можно раздѣлить на три періода, по двумъ главнѣйшимъ моментамъ ея, какими являются 1710 годъ, когда были основаны губерніи, и 1717 годъ, къ которому относится начало устройства коллегій. Первый періодъ отъ 1700 г. до 1710 г. является временемъ ликвидаціи старыхъ московскихъ порядковъ, пришедшихъ въ полную негодность; второй періодъ отъ 1710 до 1717 г. представляетъ собой время полной децентрализаціи государственной власти, раздробленной между восемью губернаторами; наконецъ, третій періодъ отъ 1717 г. и до смерти Преобразователя можно назвать коллежскимъ.

Преобразованія Петра Великаго начались тотчасъ по возвращеніи его изъ за границы. Но если въ области быта онъ послѣ своей поѣздки какъ бы сразу сталъ государемъ-европейцемъ, переодѣвшимъ своихъ подданныхъ въ голландскіе кафтаны и остригшимъ имъ бороды, введшимъ новое лѣтоисчисленіе и новый гражданскій алфавитъ, то зато въ его начинаніяхъ въ сферѣ государственнаго управленія довольно долго господствовала прежняя рутина, прежніе порядки. Въ центрѣ по-старому руководитъ дѣлами Боярская дума. Какъ и раньше, московскіе приказы соединяются или раздѣляются и къ нимъ иногда пристраиваются для новыхъ дѣлъ новые, формируемые по образцу прежнихъ.

Наиболѣе животрепещущимъ вопросомъ для правительства въ это время было упорядоченіе финансоваго положенія государств въ виду усиленныхъ затратъ, вызывавшихся надвигавшеюся великой грозой. Петръ Великій, впервые познакомившійся въ Голландіи съ заграничной торговлей и промышленностью, оставался постоянно подъ обаяніемъ ея, а поэтому, чувствуя нужду въ деньгахъ, естественно, обратился къ устройству того сословія, которое сосредоточивало въ своихъ рукахъ эти виды дѣятельности — къ купечеству; такимъ путемъ онъ надѣялся подготовить почву для рѣшенія вопроса объ усиленіи государственныхъ доходовъ. 30 января 1699 г. основывается Ратуша. На это новое учре-

жденіе было возложено двѣ задачи: съ одной стороны, оно должно было избавить торговое сословіе отъ приказной и воеводской волокиты и тѣмъ содѣйствовать матеріальному благосостоянію этого сословія, съ другой— обезпечить правильное поступленіе въ казну денежныхъ сборовъ. Одновременно съ этимъ была сознана необходимость учрежденія государственнаго контроля. Для выполненія этой функціи былъ созданъ новый приказъ, извѣстный подъ названіемъ Ближней Канцеляріи. Въ 1705 году Петръ Великій возстановилъ Приказъ Тайныхъ дѣлъ своего отца подъ новымъ иностраннымъ названіемъ — Кабинета Его Царскаго Величества, который сталъ какъ личной канцеляріей, такъ и личнымъ казначействомъ государя. Чисто военныя потребности, вызванныя начавшейся Сѣверной войной, вызвали появленіе цѣлаго ряда спеціально военно-хозяйственныхъ приказовъ въ родѣ Золотой Палаты, Преображенскаго Приказа, Морского или Адмиралтейскаго Приказа и мн. др.

Еще болѣе сказывается характеръ прежней русской администраціи на государственномъ хозяйствѣ этого періода. Всѣ пріемы старыхъ русскихъ финансистовъ продолжаютъ практиковаться, какъ прежде. Когда возникаетъ новая государственная потребность, правительство создаетъ новый налогъ, вовсе не думая о томъ, существуетъ ли какая-нибудь новая статья обложенія, дающая возможность правительству его ввести. Появляется, напримѣръ, потребность во флотѣ, устанавливается новый сборъ съ духовнаго двора по $12^1/_2$ коп., а со свѣтскаго по 10 коп. въ годъ. Правительство не останавливалось ни передъ какими, даже прямо-таки чудовищными налогами, какимъ, напримѣръ, представляется введенный тогда налогъ на дубовые гробы. Но война дѣлала свое дѣло: сквозь обветшавшія старыя формы управленія пробивались новыя тенденціи.

Прежде всего для Петра въ это время начинаютъ терять всякое значеніе центральныя учрежденія: въ эту пору онъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ и поэтому вообще для него не существовало какого-нибудь опредѣленнаго излюбленнаго мѣстопребыванія; къ тому же приказы всѣ сосредоточены были въ Москвѣ, а Москва лишилась для государя всякаго значенія, такъ какъ если онъ гдѣ и бывалъ подолгу, такъ это во вновь основанномъ своемъ Парадизѣ—Петербургѣ. Перевести всѣ приказы въ Петербургъ не было никакой возможности, потому что это стоило бы колоссальныхъ по тому времени суммъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могло ассигновать на эту надобность и безъ того чувствовавшее хроническую нужду въ деньгахъ правительство. Съ другой стороны люди были не менѣе дороги, чѣмъ деньги: война поглощала массу рукъ. А можно себѣ представить, какого множества ихъ требовала прежняя приказная система. Поэтому правительство рѣшается ликвидировать послѣднюю, и ликвидируетъ ее очень оригинальнымъ способомъ: Петръ просто раздѣляетъ всю Россію на 8 огромныхъ частей, управляющихся каждая особымъ губернаторомъ, подчиненнымъ только государю.

Къ такому рѣшенію вопроса побуждали Петра и непосредственныя денежныя нужды военнаго времени. Вновь созданная регулярная армія требовала огромныхъ средствъ, и Петръ распредѣлилъ ихъ сборъ по разнымъ частямъ страны. Собрать съ губерній положенные по табели сборы и своевременно доставить ихъ въ соотвѣтствующіе полки — въ этомъ заключалась главная задача новаго учрежденія—губернаторовъ.

„Въ результатѣ устройства губерній обнаружилась однако большая неожиданность, — говоритъ П. Н. Милюковъ. — Раздѣливши управленіе и доходы съ различныхъ областей Россіи между своими генералами, Петръ

этимъ самымъ въ корнѣ разрушилъ прежнее центральное управленіе— „приказы“. Теперь, когда военно-финансовое управленіе перешло къ губернаторамъ, приказы сами собою перестали существовать“. Прекратила свое существованіе въ самомъ началѣ новаго столѣтія и Боярская дума. Вмѣсто нея Петръ сталъ созывать съѣзды своихъ ближайшихъ помощниковъ, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ. Но вслѣдствіе частыхъ отлучекъ Петра эти съѣзды созывались все рѣже и рѣже. И вотъ, „уже для военно-финансовыхъ порученій,—продолжаетъ названный изслѣдователь,—пришлось создать въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ громкимъ именемъ „сената“. За полнымъ отсутствіемъ другихъ центральныхъ органовъ, Сенатъ не могъ остаться простымъ исполнителемъ порученій государя и скоро сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но въ этомъ своемъ качествѣ, Сенатъ одинъ не могъ управиться со всѣми дѣлами, не могъ замѣнить цѣлой системы центральныхъ учрежденій. Поэтому, на дѣлѣ пробѣлъ въ государственномъ строѣ оставался незаполненнымъ; новые губернаторы хозяйничали въ своихъ губерніяхъ совершенно безконтрольно, и управленіе Россіей потеряло всякое единство“.

Занятый войной съ Карломъ XII и Турціей, Петръ пока не замѣчалъ неудобствъ новаго государственнаго устройства. Зато особенное вниманіе онъ обратилъ въ этомъ второй періодъ своей реформы на организацію служилаго сословія, какъ принимавшаго наиболѣе дѣятельное участіе въ поглощавшихъ тогда всѣ силы государства военныхъ дѣйствіяхъ. Начиная съ указа 16 января 1712 г., проводится рядъ энергичныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью окончательное прикрѣпленіе дворянъ къ государственной службѣ, а въ результатѣ приведшихъ къ такому послѣдствію, которое едва-ли входило въ планы Петра, а именно къ зарожденію сословной шляхетской корпораціи.

Военные же нужды вызывали и постоянную заботу Петра о финансахъ. Если въ первый періодъ реформы Петръ шелъ въ этой области по стопамъ людей XVII в., то теперь, познакомившись съ экономическими идеями Запада и убѣдившись въ недостаточности прежняго рода мѣръ, онъ взялся за новыя. Постепенно, подъ вліяніемъ взглядовъ меркантилизма, онъ создаетъ широкое торгово-промышленное законодательство, направленное къ покровительству туземной промышленности и торговлѣ.

Послѣдній, третій періодъ реформы совпалъ со временемъ ослабленія военныхъ дѣйствій, а затѣмъ и полнаго ихъ прекращенія. У Петра стало больше досуга, и, оглянувшись на все, что съ такой лихорадочной поспѣшностью было имъ сдѣлано, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ многое передѣлать, многое додѣлать. Прежде всего надлежало создать рядъ новыхъ учрежденій, которыя вѣдали бы отдѣльныя отрасли управленія, затѣмъ, уничтожить тѣ дефекты, которые обнаружились въ дѣятельности областныхъ учрежденій, наконецъ, установить между ними извѣстный порядокъ, внести іерархическое начало. Въ періодъ отъ 1717 г. и до конца царствованія и была выполнена съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ эта задача.

Второй задачей, требовавшей своего неотложнаго выполненія, была реформа финансовъ. Дѣло въ томъ, что и въ этотъ періодъ царствованія Петра Великаго государственный бюджетъ, какъ и раньше, продолжалъ страдать хроническимъ дефицитомъ. Прежняя финансовая система Петра покоилась, кромѣ усиленной эксплоатаціи всевозможныхъ регалій, на прямомъ обложеніи населенія различными „запросными“ платежами. При этомъ

единицей обложенія былъ дворъ. Когда перепись 1716—7717 гг. показала, что процессъ опустѣнія Россіи продолжается и даже распространяется, почувствовалась острая нужда въ перемѣнѣ формы прямого обложенія и консолидаціи прямого налога, въ его объединеніи [1]). Удовлетворить эту нужду и должно было введеніе подушнаго обложенія.

Въ этотъ же періодъ времени происходила и наиболѣе интенсивная работа въ области просвѣщанія русскаго общества.

Таковъ былъ общій ходъ Петровской реформы. Смотря на нее въ ея поступательномъ движеніи, невольно проникаешься тѣмъ впечатлѣніемъ, какое вынесъ изъ ея изученія П. Н. Милюковъ. „Это безконечное повтореніе и пополненіе опытовъ, — говоритъ онъ, — этотъ непрерывный круговоротъ разрушенія и созиданія, и среди всего какая-то неизсякаемая жизненная сила, которую не могутъ ни сломить, ни даже остановить никакія жертвы, никакія потери, никакія неудачи,—все это такія черты, которыя напоминаютъ расточительность природы въ ея слѣпомъ, стихійномъ творчествѣ, а не политическое искусство государственнаго человѣка. Дѣлая этотъ выводъ, мы не должны забыть еще другой черты. Именно въ этомъ своемъ видѣ реформа перестаетъ представляться чудомъ и спускается до уровня окружающей дѣйствительности. Она должна была быть такой, чтобы соотвѣтствовать этой дѣйствительности: ея случайность, произвольность, индивидуальность, насильственность—необходимыя въ ней черты: и несмотря на ея рѣзко антинаціональную внѣшность, она цѣликомъ коренится въ условіяхъ національной жизни. Страна получила такую реформу, на какую только и была способна“.

XXXII. Внѣшнія Реформы Петра Великаго.

(Изъ сочиненія Брикнера: «Иллюстрированная исторія Петра Великаго»).

По возвращеніи въ Россію, начинается новая эпоха царствованія Петра; съ этого времени онъ началъ управлять всѣми дѣлами самолично и сдѣлался душою всѣхъ предпріятій въ области внѣшней политики, всѣхъ реформъ внутри государства. Начался настоящій процессъ преобразованія Россіи, требовавшій со стороны народа значительныхъ пожертвованій, но обѣщавшій ему великую будущность; настало переходное состояніе, сопряженное съ нарушеніемъ разныхъ правъ и интересовъ, съ уничтоженіемъ на долгое время прежняго покоя общества; открылась широкая законодательная дѣятельность Преобразователя, казавшаяся народу проявленіемъ деспотизма и произвольной причуды.

Нельзя отрицать, что все это было сопряжено съ чрезвычайно крутыми мѣрами, что переходъ отъ стараго къ новому былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слишкомъ внезапенъ, что многія изъ мѣръ и распоряженій

---

[1]) По „запроснымъ“ листамъ съ населенія взимался цѣлый рядъ налоговъ, „запрашиваемыхъ“ чуть ли не по случаю каждаго вновь набраннаго полка, каждаго спеціальнаго случая раскладки провіанта, фуража или конскаго набора. Независимо отъ своей пестроты и сложности, эти налоги представляли уже то неудобство, что платились очень неаккуратно.

царя производятъ впечатлѣніе революціонныхъ дѣйствій. Петръ во всѣхъ отношеніяхъ бралъ на себя самую тяжелую отвѣтственность. Въ частностяхъ онъ, здѣсь и тамъ, могъ ошибаться, увлекаясь, ожидая слишкомъ быстро результатовъ преобразованій, не взвѣшивая мѣры тягости многихъ нововведеній для народа. Въ главныхъ чертахъ, однако, его дѣятельность оказалась цѣлесообразною и плодотворною. Создавая новую Россію, Петръ не обращалъ вниманія на жалобы подданныхъ, не понимавшихъ смысла и значенія многихъ новшествъ, не постигавшихъ той цѣли, къ которой стремился государь, и жестоко страдавшихъ отъ чрезмѣрно-насильственной опеки царя-воспитателя. Самъ же онъ руководствовался во все время отчаянной борьбы противъ старины чувствомъ долга, давая и себѣ, и народу отчетъ въ своей дѣятельности, объясняя весьма часто болѣе или менѣе подробно необходимость коренной перемѣны.

Нѣтъ сомнѣнія, что начало преобразовательной дѣятельности Петра находилось въ самой тѣсной связи съ его путешествіемъ въ Западную Европу. Реформы начались непосредственно послѣ возвращенія его въ Россію. Въ Англіи, Голландіи и Германіи онъ могъ собрать богатый запасъ свѣдѣній, новыхъ мыслей, смѣлыхъ проектовъ, примѣненіе которыхъ на практикѣ должно было составлять задачу Петра въ слѣдующее путешествіемъ время. Многіе замѣчательные люди въ Европѣ, слѣдя за путешествіемъ Петра, не сомнѣвались въ томъ, что царь, тотчасъ же послѣ возвращенія въ Россію, приступитъ къ дѣлу преобразованія. Лейбницъ говорилъ, что Петръ, вполнѣ сознавая недостатки своего народа, непремѣнно постарается развить въ немъ новыя силы и способности и искоренить прежнее невѣжество и грубость нравовъ. Въ этомъ же смыслѣ выразился англичанинъ Креллъ. „Путешествіе Петра,—писалъ онъ,—вызвано жаждою знанія, стремленіемъ къ образованію, желаніемъ развить народъ; совсѣмъ иначе, — продолжаетъ онъ, — смотрѣли на это предшественники Петра; они считали невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ своей безусловной власти“. „Отъ этого путешествія,—заключаетъ Креллъ,—самые дальновидные люди ожидаютъ важныхъ результатовъ“.

Однако самыя обширныя и коренныя реформы Петра относятся не ко времени, непосредственно слѣдующему за его первымъ пребываніемъ въ Западной Европѣ. Хотя и можно удивляться тому, что Петръ даже въ первые годы Сѣверной войны могъ обращать столько вниманія на внутреннія дѣла, все-таки важнѣйшая дѣятельность его въ этомъ отношеніи началась лишь послѣ Полтавской битвы, обезпечившей существованіе Россіи, какъ великой державы, и давшей царю возможность и покой успѣшнѣе прежняго заняться законодательствомъ и администраціею, привести въ нѣкоторую систему дѣло реформы. Мѣры, принятыя царемъ въ продолженіе перваго десятилѣтія послѣ путешествія на западъ, оказываются нѣкоторымъ образомъ безсвязными, отрывочными, произвольными, случайными, хотя и въ нихъ всюду замѣтно желаніе пріурочиться къ западно-европейскимъ нравамъ и обычаямъ, подражать другимъ народамъ, напримѣръ, относительно внѣшней моды, календаря и пр.

Вопросъ о необходимости перемѣны русскаго платья былъ поднятъ уже за нѣсколько десятилѣтій до относящихся къ этому предмету указовъ Петра: а именно, знаменитый „серблянинъ“, Юрій Крижаничъ, преподававшій вообще цѣлую систему преобразованій, говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о русскомъ платьѣ совершенно въ духѣ Петра. Онъ находитъ русскій „строй власовъ, брады и платья мерзскимъ и непристой-

нымъ", „непригожимъ къ храбрости"; въ характерѣ русскаго платья онъ не находитъ „рѣзвости и свободы", а „рабскую неволю"; напрасно,— замѣчаетъ Крижаничъ,—русскіе въ своемъ платьѣ подражаютъ „варварскимъ народамъ, татарамъ и туркамъ", вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру „наиплеменитыхъ европейцевъ"; затѣмъ онъ доказываетъ, что русское платье неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, не отличаясь ни дешевизною, ни прочностью, ни красотою, что оно „мягкоту и распусту (т.-е. распущенность, изнѣженность) женскую показуетъ" и проч. Въ русскомъ платьѣ нѣтъ кармановъ,—продолжаетъ онъ,—поэтому русскія прячутъ платокъ въ шапкѣ, ножи, бумаги и другія вещи въ сапогахъ; деньги берутъ въ ротъ. Къ тому же онъ находитъ, что русскія обращаютъ слишкомъ большое вниманіе на драгоцѣнныя украшенія платья, замѣчая: „у иныхъ народовъ бисерь есть женскій строй, и отступно (т.-е. позорно) было бы мужу устроиться бисеромъ; а наши люди тый женскій строй безъ мѣры на клобукѣхъ и на козырѣхъ (т.-е. на шапкахъ и воротникахъ) оказуютъ". Кто не вѣритъ, — говоритъ Крижаничъ далѣе,—въ какой мѣрѣ некрасивымъ должно показаться другимъ народамъ русское платье, тотъ можетъ убѣдиться въ этомъ чрезъ сравненіе портретовъ государей разныхъ народовъ съ портретами русскихъ царей. Или, сказано у Крижанича, нужно перемѣнить платье, или же не имѣть никакихъ сношеній съ западною Европою. Дальнѣйшее отправленіе русскихъ пословъ за границу въ прежнемъ костюмѣ Крижаничъ считаетъ средствомъ лишиться уваженія другихъ народовъ. Онъ предлагаетъ, чтобы государь своимъ примѣромъ, одѣваясь не по прежнему, а слѣдуя образцамъ западно-европейскихъ народовъ, подѣйствовалъ на своихъ подданныхъ, а далѣе, чтобы новое платье было введено и въ войскѣ. Такимъ путемъ,—говоритъ онъ,—Россія выразитъ свое желаніе и твердое намѣреніе отстать отъ прежней связи съ азіатскими народами, съ персіанами, турками и татарами, и примкнуть къ французамъ, нѣмцамъ и другимъ европейскимъ народамъ; онъ сознавалъ, что придется упорно бороться съ предразсудками, съ вѣковыми привычками народа, но, говоритъ онъ: „кто скажетъ, что не слѣдуетъ нарушать старыхъ законовъ, тому мы отвѣчаемъ: старыхъ заблужденій не должно терпѣть".

Мы видѣли, что въ высшихъ слояхъ русскаго общества въ продолженіе XVII вѣка не разъ обнаруживалась склонность къ подражанію иноземцамъ: стригли бороды, носили польское платье и т. п. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ случилось однажды, что протопомъ Аввакумъ не хотѣлъ благословить Матвѣя Шереметева, выбрившаго себѣ бороду. Тогда же князь Кольцовъ-Масальскій лишился мѣста за то, что подрѣзалъ себѣ волосы. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ господствовали иныя правила. Въ 1681 году царь далъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ; въ охабнѣ или однорядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Патріархъ Іоакимъ сталъ ратовать: „еллинскій, блудническій, гнусный обычай брадобритія, древне многащи возбраняемый, во днѣхъ царя Алексѣя Михайловича совершенно искорененный, паки нынѣ начаша губити образъ, отъ Бога мужу дарованный". Онъ отлучалъ отъ церкви не только тѣхъ, которые брили бороды, но и тѣхъ, которые съ брадобрійцами общеніе имѣли. Преемникъ Іоакима, Адріанъ, издалъ также сильное посланіе противъ брадобритія—„еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ": патріархъ стращалъ русскихъ людей вопросомъ: „если

они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ—съ праведниками, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?“

Несмотря на все это, Петръ еще до своего путешествія за границу иногда одѣвался нъ нѣмецкое платье. Въ Англіи разсказывали, что онъ, въ началѣ 1694 года, явился въ иностранномъ костюмѣ къ матери и встрѣтился тамъ съ патріархомъ, который сдѣлалъ царю замѣчаніе; Петръ посовѣтовалъ Адріану, вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись о дѣлахъ церкви. Шлейзингъ разсказываетъ, что царь очень часто ходилъ въ нѣмецкомъ платьѣ, „чего не дѣлалъ ни одинъ изъ прежнихъ государей, такъ какъ это считалось несогласнымъ съ ихъ религіею“. Приглашая своихъ родственниковъ пріѣхать въ Россію, Лефортъ писалъ, весною 1693 года: „вы здѣсь найдете великодушнаго монарха, который покровительствуетъ иностранцамъ и постоянно одѣтъ à la française“. На маневрахъ въ 1694 году „польскій король“, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

По случаю аудіенціи Шереметева у польскаго короля, императора, папы и гросмейстера Мальтійскаго ордена, въ 1697 году, самъ бояринъ, какъ видно изъ картинъ, помѣщенныхъ въ его запискахъ о путешествіи, носилъ западно-европейское платье и большой парикъ, между тѣмъ какъ его свита была одѣта во что-то среднее между нѣмецкою и русскою одеждою. Находясь за границею, Петръ большею частью являлся въ костюмѣ шкипера. При первой аудіенціи русскихъ пословъ у бранденбургскаго курфюрста, въ Кенигсбергѣ, карлики, находившіеся въ свитѣ, были одѣты въ русское платье, при второй — они явились въ великолѣпномъ костюмѣ по западно-европейской модѣ. За границею разсказывали во время путешествія Петра, что царь намѣренъ, по возвращеніи въ Россію, ввести тамъ брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья.

Иностранцы, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, разсказываютъ, что, когда ожидали возвращенія царя, сановники были въ страшномъ волненіи. Бояре собирались по два раза въ день для совѣщаній; въ разныхъ приказахъ происходило что-то въ родѣ ревизіи.

25 августа, вечеромъ, царь прибылъ въ Москву и тотчасъ же отправился въ Преображенское. На другой день, рано утромъ, вельможи, царедворцы, люди знатные и незнатные явились въ Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково разговаривалъ съ разными лицами, между тѣмъ, къ неописанному изумленію всѣхъ присутствующихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды; сначала онъ остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Ромодановскаго, послѣ того и прочихъ вельможъ, за исключеніемъ только двухъ, Стрѣшнева и Черкасскаго. Та же сцена повторилась дней черезъ пять, на пиру у Шеина. Гостей было множество. Нѣкоторые явились безъ бороды, но не мало было и бородачей. Среди всеобщаго веселья, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого, и мигомъ ее обрѣзывалъ. Три дня спустя, на вечерѣ у Лефорта, гдѣ между прочими присутствовали и обыватели нѣмецкой слободы съ женами, уже не видно было бородачей.

Дошла очередь и до кафтановъ. По разсказу одного иностранца, Петръ, въ февралѣ 1699 года, на пиру, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ изъ гостей были, по тогдашнему обычаю, очень длинные рукава, взялъ ножницы, обрѣзамъ рукава и сказалъ, что такое платье мѣшаетъ работать, что такими рукавами можно легко задѣть за что-нибудь, опрокинуть что-либо и пр.

Все это могло казаться произвольною причудою, деспотическимъ проявленіемъ минутной выдумки; но все это имѣло глубокій смыслъ, важное историческое значеніе. Нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ пишетъ: „говоря о перемѣнѣ платья, мы должны замѣтить, что нельзя легко смотрѣть на это явленіе, ибо мы видимъ, что и въ платьѣ выражается извѣстное историческое движеніе народовъ. Коснѣющій, полусонный азіатецъ носитъ длинное, спальное платье. Какъ скоро человѣчество, на европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную, подвижную жизнь, то происходитъ и перемѣна въ одеждѣ. И русскій народъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ и одѣться въ европейское платье, ибо вопросъ состоялъ въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать — европейскихъ или азіатскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи“.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о впечатлѣніи, произведенномъ такимъ образомъ дѣйствій царя на общество. Не сохранилось и точкыхъ архивныхъ данныхъ о первыхъ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ, относившихся къ брадобритію. Австрійскій дипломатъ Плейеръ доносилъ императору Леопольду о введеніи налога на бороды; можно было также, какъ сказано у Плейера, внесеніемъ капитала пріобрѣсти право носить бороду; сохранился мѣдный знакъ съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ усовъ и бороды, подъ словами: „деньги взяты“, съ надписью на оборотѣ: „207 году“. Изъ этого можно заключить, что уже въ концѣ 1698 или въ первой половинѣ 1699 года установлена была бородовая пошлина для желавшихъ спасти свои бороды. Кто именно платилъ ее и какъ была велика она — неизвѣстно, потому что первоначальный указъ о бородовой пошлинѣ не найденъ: вѣроятно, онъ касался не всѣхъ и былъ повторенъ въ началѣ 1701 года, какъ видно изъ приведеннаго примѣчанія Плейера. Въ 1705 году царь предоставилъ своимъ подданнымъ на выборъ — или отказаться отъ бороды, или платить за нее ежегодную пошлину: гостямъ и гостиной сотнѣ по 100 рублей; царедворцамъ, людямъ дворовымъ, городовымъ, приказнымъ и служилымъ людямъ всякаго чина, также торговымъ второй статьи—по 60 р.; третьей статьи, посадскимъ, людямъ боярскимъ, ямщицамъ, извозчикамъ и пр.—по 30. Съ крестьянъ, при въѣздѣ въ городъ или при выѣздѣ за городъ, велѣно взыскивать у воротъ каждый разъ по 2 деньги. Заплатившимъ бородовую пошлину выдавались изъ земскаго приказа мѣдные знаки. Бородачи обязаны были носить знаки при себѣ и возобновлять ихъ ежегодно.

Нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе рѣшались платить эту высокую пошлину. Плейеръ замѣчаетъ, что эта пошлина составитъ очень порядочный доходъ, такъ какъ русскіе большею частью не захотятъ разстаться со своею бородою, и между ними есть даже такіе, которые скорѣе готовы отдать свою голову, нежели согласиться на брадобритіе.

Что касается до введенія нѣмецкаго платья, то первый дошедшій до насъ указъ объ этомъ предметѣ относится къ 4-му января 1700 года: „боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и стольникамъ и дворянамъ московскимъ, и дьякамъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ и пр. людямъ въ Москвѣ и въ городѣхъ носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе—длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ“. До масляницы каждый долженъ былъ позаботиться о заказѣ или покупкѣ такого платья. Лѣтомъ всѣ должны были носить

нѣмецкое платьѣ. И женщины высшихъ классовъ общества должны были участвовать въ этой перемѣнѣ. Плейеръ пишетъ, что сестры Петра тотчасъ же начали одѣваться въ иноземное платье.

Кажется, этотъ указъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Курбатовъ, въ мартѣ 1700 года, писалъ царю, что надобно возобновить указы о платьѣ, хотя и съ пристрастіемъ, потому что подданные ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ по прежнему. Указомъ 20-го августа 1700 года повелѣно: „для славы и красоты государства и воинскаго управленія, всѣхъ чиновъ людямъ, опричь духовнаго чина и церковныхъ причетниковъ, извозчиковъ и пахотныхъ крестьянъ, платье носить венгерское и нѣмецкое... чтобы было къ воинскому дѣлу пристойное: а носить венгерское безсрочно для того, что... указъ сказанъ былъ прежде сего: а нѣмецкое носить декабря съ 1-го числа 1700; да и женамъ и дочерямъ носить платье венгерское и нѣмецкое января съ 1-го числа 1701 года, чтобъ онѣ были съ ними въ томъ платьѣ равныя-жъ, а не розныя". 26-го августа прибиты были къ городскимъ воротамъ указы о платьѣ французскомъ и венгерскомъ, и для образца повѣшены чучелы, т.-е. образцы платью. Въ 1701 году новый указъ: „всякихъ чиновъ людямъ носить платье нѣмецкое, верхнее — саксонское и французское, а исподнее камзолы, и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки — нѣмецкіе, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ носить платье, и шапки, и контуши, а исподніе бостроги, и юпки, и башмаки — нѣмецкіе-жъ; а русскаго платья отнюдь не носить и на русскихъ сѣдлахъ не ѣздить. Съ ослушниковъ брать пошлину въ воротахъ: съ пѣшихъ по 40 копѣекъ, съ конныхъ по 2 рубля съ человѣка" и проч.

Высшіе классы общества: дворъ, войско, приказные люди скоро привыкли къ новому платью. Масса народа уклонялась отъ участія въ этой перемѣнѣ. Мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ на заявленія гнѣва и раздраженія въ толпѣ, вызванныя строгими мѣрами брадобритія и введенія иноземнаго платья.

Къ довольно важнымъ нововведеніямъ принадлежала и перемѣна въ лѣтоисчисленіи. Въ ознаменованіе грядущаго перерожденія своего народа, Петръ хотѣлъ разграничить старое время отъ новаго рѣзкою чертою, и 20 декабря 1699 года повелѣлъ, по примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ, вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ было до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и считать новый годъ не съ 1 сентября, а съ 1 января.

По разсказу Перри, Петръ, на возраженія русскихъ, что начало міра не могло случиться зимою, т.-е. 1-го января, а непремѣнно 1-го сентября, т.-е. во время жатвы и собиранія плодовъ, смѣясь, сталъ объяснять, показывая глобусъ, что Россія составляетъ лишь часть земного шара, что въ другихъ странахъ въ январѣ бываетъ тепло, что при времяисчисленіи нужно принять въ соображеніе високосные дни и пр. Замѣчаніе Перри, что царь, при введеніи новаго календаря, руководствовался желаніемъ „сообразоваться и въ этомъ отношеніи съ остальной Европой", подтверждается царскимъ указомъ, въ которомъ указано на другія европейскія страны, а именно на примѣръ православныхъ народовъ, какъ-то: валаховъ, молдаванъ, сербовъ, болгаръ, малороссіянъ и грековъ. „А въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго вѣка,—сказано далѣе въ указѣ,—въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому

случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ, знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чину, передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно, а людямъ скуднымъ комуждо хотя по деревцу или вѣтви на вороты или надъ хороминою своею поставить и чтобъ то поспѣло нынѣ, будущаго января къ 1-го числу“ и пр. Затѣмъ было предписано, какъ всѣ въ этотъ день должны поздравлять другъ друга „новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ“, какая должна быть стрѣльба изъ „пушечекъ и, буде у кого есть, и изъ мушкетовъ“, иллюминація и пр.

Плейеръ разсказываетъ, какъ очевидецъ, объ этомъ празднествѣ. Пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на Красной площади, и изъ мелкаго ружья по частнымъ дворамъ не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью вездѣ горѣли огни и хлопали ракеты. Торжество заключилось 6-го января, въ день Богоявленія Господня, крестнымъ ходомъ на Іордань. Вопреки прежнему обычаю, царь не участвовалъ въ процессіи, а стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ при своемъ полку, выстроенномъ вмѣстѣ съ другими полками на Москвѣ-рѣкѣ. Всѣ солдаты были хорошо обмундированы и вооружены. Но красивѣе всѣхъ былъ царскій „лейбъ-регйментъ“ (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ.

Всѣ эти явленія доказывали, что въ самомъ началѣ XVII вѣка, „вѣка просвѣщенія“, Россія, подражая другимъ народамъ въ лѣтосчисленіи, въ нравахъ и обычаяхъ, находилась на общей съ ними почвѣ культурнаго развитія. Характеръ державной власти государя, до тѣхъ поръ въ значительной степени духовной, напоминавшей нѣкоторымъ образомъ роль жреца, калифа, измѣнился совершенно. Прежніе цари участвовали въ процессіяхъ, отчасти даже прислуживали патріархамъ. Петръ, въ офицерскомъ мундирѣ, былъ лишь скромнымъ зрителемъ духовнаго дѣйствія. Онъ, какъ представитель власти, служилъ государству. Во всемъ этомъ проявлялся процессъ секуляризаціи Россіи, заключался протестъ противъ византійскихъ началъ, господствовавшихъ до того въ жизни Московскаго государства.

XXXIII. Формулировка власти государя въ Петровское время.

(Изъ «Учебника исторіи русскаго правъ» В. Н. Латкина. Изд. 2. Спб. 1909 г).

Въ императорскомъ періодѣ мы впервые встрѣчаемся съ формулировкой власти государя въ законѣ. „Его Величество“—гласитъ „Воинскій уставъ“,—„есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“ [1]. Съ такою же формулировкою власти мы встрѣчаемся

[1] Названная формулировка власти государя буквально заимствована изъ шведскаго права, а именно изъ рѣшенія риксдага 1693 г. Вотъ что гласитъ послѣднее: „король есть самодержавно всѣмъ повелѣвающій суверенный король, который ни передъ

и въ „Духовномъ регламентѣ“. „Монарховъ власть“,—читаемъ здѣсь,—„есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ“. Точно также и въ манифестѣ 17 декабря 1731 г. имп. Анна Іоанновна объявила, что „по особливой нашей должности (отъ Всемогущаго Бога на насъ положенной) къ Богу, отъ Котораго самодержавное правительство государства нашего намъ поручено“ и т. д. Но рядомъ съ этой законодательной формулировкою власти мы встрѣчаемъ также и ея теоретическую формулировку. Съ подобнымъ научно-философскимъ обоснованіемъ власти выступилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ извѣстной Правдѣ воли Монаршей, написанной по порученію Петра. Основаніями для теоретической формулировки, изложенной въ Правдѣ, служатъ, во-первыхъ, современныя политическія теоріи и, во-вторыхъ, Св. Писаніе.

Въ XVII и XVIII ст. въ западной Европѣ господствующимъ политическимъ ученіемъ была, такъ называемая, теорія естественнаго права, подробно разработанная въ сочиненіяхъ такихъ мыслителей, какъ Гуго Гроцій, Гоббесъ, Пуффендорфъ и др. Родоначальникомъ этой теоріи былъ Гуго Гроцій, впервые изложившій ее въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О правѣ войны и мира“. Всякая власть выводится имъ изъ договора, благодаря которому всѣ люди, въ силу добровольнаго соглашенія, подчиняются опредѣленной власти и этимъ выходятъ изъ того естественнаго состоянія, въ которомъ они находились до заключенія договора. Послѣдній можетъ заключаться не только формально, но нерѣдко существуетъ, какъ нѣчто подразумѣваемое и молча признанное всѣми Такъ, покоренный народъ, подчиняясь побѣдителю, показываетъ этимъ, что признаетъ его власть. Подобный случай является примѣромъ молчаливаго соглашенія или подразумѣваемаго договора. По мнѣнію Гроція, всякая власть, въ какой бы формѣ она не проявлялась, въ формѣ-ли монархіи, аристократіи или демократіи, обязательно предшествуется договоромъ и основывается на немъ.

Гоббесъ еще болѣе развилъ этотъ договорный характеръ происхожденія власти, что у него послужило доказательствомъ для необходимости абсолютной формы правленія, убѣжденнымъ сторонникомъ которой онъ былъ. По мнѣнію Гоббеса, всякому государственному бытію предшествуетъ естественное состояніе, въ которомъ люди, одаренные по природѣ одинаковыми правами и побуждаемые эгоистическимъ стремленіемъ захватить въ свою собственность все то, что принадлежитъ всѣмъ, находятся въ положеніи войны всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes). Чтобы выйти изъ такого анархическаго состоянія, люди рѣшаются отказаться отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и заключаютъ между собою договоръ, по которому каждый, отказываясь отъ своихъ правъ, переноситъ ихъ на учреждаемую договоромъ власть. Заключеніемъ подобнаго договора прекращается естественное состояніе и организуется государство, власть котораго становится абсолютной, въ виду отказа отъ всѣхъ своихъ правъ со стороны подданныхъ. Вотъ почему, по мнѣнію Гоббеса, государь долженъ обладать неограниченной властью, а подданные не могутъ пользоваться никакими политическими правами.

Пуффендорфъ примыкаетъ къ ученію Гоббеса, такъ какъ тоже видитъ въ заключеніи договора единственный способъ выйти изъ того анархическаго состоянія, въ которомъ пребываютъ люди, пользуясь своими

кѣмъ на землѣ не отвѣтственъ за свои дѣйствія, но имѣетъ власть и силу по своему желанію и какъ христіанскій король править и царствовать своимъ государствомъ“.

естественными правами. Главное различіе его теоріи въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что договоръ, по его мнѣнію, является продуктомъ дѣятельности не отдѣльныхъ лицъ, но семействъ, которыя также основываются путемъ договора, по времени предшествующаго политическому договору.

Вліяніе этихъ теорій сказалось на „Правдѣ воли монаршей“, и политическій договоръ сталъ однимъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ зиждилась власть, съ точки зрѣнія Правды. „Сама наслѣдная монархія,—читаемъ въ „Правдѣ“,—имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ согласія; сіе же глаголемъ не токмо о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, не воспоминая здѣ монархіи оныхъ, которыя начала приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствіемъ народъ себѣ покорившаго, хотя и въ таковыхъ монархіяхъ, когда уже народъ непрекословно, безмятежно, еще же и доброхотно повиноватися самодержцу своему пріобыкъ, разумѣти подобаетъ, что домъ монаршій не къ тому насильствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданный себѣ скипетръ держитъ, самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое преклоненную волю свою“.

По мнѣнію составителя „Правды“, русскіе заключили между собою слѣдующій договоръ, въ которомъ выразилась „воля народная, еще и не словомъ, но дѣломъ изъявленная“: „согласно вси хощемъ, да ты (т.-е. государь) къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно, т.-е. понеже смертенъ еси, тогда по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы же, единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ должаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ“.

Вторымъ основаніемъ для теоретической формулировки власти государя являются слова Св. Писанія. „Правда“ слѣдующимъ образомъ излагаетъ извѣстное ученіе о богоустановленности власти: „всякій государь, наслѣдіемъ или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оный пріемлетъ—Богомъ бо цари царствуютъ и сильніи пишутъ правду: отъ Господа дается имъ держава и сила отъ Вышняго, владѣетъ Вышній царствомъ человѣчьимъ и, кому же восхощетъ, даетъ его“.

Однако, авторъ „Правды“ чувствуетъ необходимость согласовать оба ученія: договорную теорію и идею о богоустановленности власти, въ виду ихъ взаимнаго противорѣчія, и выходитъ изъ этого затрудненія провозглашеніемъ принципа: „гласъ народа — гласъ Божій“. „Народное согласіе,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ „Правда“,—всегда и вездѣ есть слѣдствіе премудродѣйствующаго смотрѣнія Божія“. „Вѣдати же подобаетъ,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—что народная воля, какъ въ избирательной, такъ и въ наслѣдной монархіи и въ прочихъ правительства образахъ, бываетъ не безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ Св. Писаніе, что нѣсть власть, аще не отъ Бога. И того ради вся долженства, какъ подданныхъ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ, не отъ единой воли народной, но и отъ воли Божьей происходятъ“.

Послѣдствія, проистекающія изъ договора, касаются какъ народа, такъ и государя. Для народа они выражаются, во-первыхъ, въ томъ, что онъ „долженъ безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити“. Необходимость этого проистекаетъ уже изъ того,

что „аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ оную монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы безъ всякой отговорки". „Такимъ образомъ уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки-бы свободнаго, но истязуютъ, яко дожлнаго: истязуютъ-же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія". Въ доказательство истинности послѣдняго положенія, „Правда" цитируетъ Св. Писаніе, которое велитъ „властямъ повиноваться не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ".

Второе послѣдствіе договора, касающееся народа, слѣдующее: „не можетъ народъ судити государя своего, инако-бы имѣлъ-бы при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ и отдалъ государю своему", „понеже бо нарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како можетъ законамъ человѣческимъ подлежати; аще-бы подлежала, не была-бы верховная; судящій бо другого не повинующійся уже есть, но властительствующій, яко-же вопреки повинующійся кому не можетъ судити того, которому повинуется". Выводъ изъ всего сказаннаго слѣдующій: „явственно Духъ Святой, научая подданныхъ совершеннаго царямъ повиновенія, показуетъ, что власть царская весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ничьему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ". Иначе говоря, самодержавная власть „есть неподвижная, никоторому же суду человѣческому не подлежащая и весьма неприкосновенная; и сія то оной сила въ славной своей титлѣ „маестетъ" или „величество" содержится".

Наконецъ, третье послѣдствіе слѣдующее: „не можетъ народъ повелѣвати что-ли-бо монарху своему". Истинность этого положенія доказывается словами римскаго императора Валентіана, сказанными имъ войску: „меня избрати императоромъ было въ вашей волѣ, но, когда уже избрали меня, сіе, чего желаете, не въ вашей, но въ моей волѣ есть; вамъ, яко подданнымъ, подобаетъ тихо, мирно пребывать; мнѣ-же, яко императору, смотрѣть надлежитъ, что есть на потребу". „Если такъ,— прибавляетъ „Правда",—свободенъ монархъ избранный, то кольми паче наслѣдный, которому народъ волю свою и власть надъ собою во вѣки отдалъ",

Что касается до послѣдствій изъ договора, относящихся къ государю, то они излагаются слѣдующимъ образомъ: „власть верховная едину своего установленія вину имѣетъ—всенародную пользу. Можетъ монархъ законно повелѣвать народу не токмо все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится, лишь-бы народу не вредно и волѣ Божіей не противно было. Сему же могуществу его основаніе есть то, что народъ правительской воли своей совлекся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежитъ всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ, строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребаніяхъ и прочая и прочая".

Самодержавная власть государя при Петрѣ I, получивъ свою законодательную и теоретическую формулировку, существовала также и на дѣлѣ, такъ что въ этомъ отношеніи царствованіе перваго русскаго императора представляетъ собою полную гармонію между теоріей и практикой. Власть государя въ это время уже не ограничивалась обычаемъ, напротивъ, великій реформаторъ Россіи объявилъ безпощадную войну всякимъ обычаямъ, равно какъ и старинѣ, основанной на нихъ. Такая ре-

форма, какъ петровская, самымъ радикальнымъ образомъ видоизмѣнившая весь общественный и государственный строй древней Россіи, могла быть совершена только самодержавнымъ государемъ. Вотъ почему, не рискуя ошибиться, можно назвать Петра первымъ русскимъ государемъ, обладавшимъ дѣйствительно самодержавной властью и провозглашавшимъ ее не только въ теоріи, какъ Іоаннъ IV, но пользовавшимся ею на практикѣ.

XXXIV. Характеристика и обзоръ Петровскаго законодательства.

(По «Исторіи русскаго права» А. Н. Филиппова. Юрьевъ 1906 г.).

Съ точки зрѣнія цѣлей реформы, Петръ В. былъ несомнѣнно продолжателемъ реформаціоннаго періода, начавшагося еще въ XVII вѣкѣ. Съ точки же зрѣнія ея средствъ, Петръ В. и особенно нѣкоторые изъ неумѣлыхъ продолжателей его дѣла являлись вполнѣ новаторами, неимѣвшими корней въ прошедшемъ, что̀ и отразилось прежде всего на ходѣ, направленіи самого законодательства. Ограничимая здѣсь пока общей характеристикой этого направленія

Какъ извѣстно, на Москвѣ главнѣйшимъ источникомъ законодательства было право обычное, т.-е. совокупность тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя слагались въ самомъ обществѣ путемъ долговременной практики, путемъ жизненнаго опыта. Законодатели на Москвѣ лишь санкціонируютъ въ своихъ нормахъ то, что соотвѣтствуетъ народнымъ правовоззрѣніямъ. Отъ вліянія этихъ правовоззрѣній довольно рѣдко уходили распоряженія московскихъ государей и приговоры ихъ законодательныхъ органовъ. Были, конечно, вліянія иноземныя на законодательство, вліянія личныхъ свойствъ законодателей и т. д., но все это почти на мѣшало законодательству находить свое содержаніе преимущественно въ правѣ обычномъ, т.-е. въ правѣ, по характеру своему, наиболѣе консервативномъ и національномъ. Слѣдуя по преимуществу началамъ этого права, законодатель въ нормахъ своихъ не отрывается отъ почвы, отъ традицій, выработанныхъ вѣками, хотя въ то же время и труднѣе сбрасываетъ съ себя, съ своей мысли, остатки старины, вредные нерѣдко для прогресса общества.

Въ періодъ петербургскій право творится уже не путемъ обычая, только санкціонируемаго закономъ, но путемъ закона, какъ самостоятельнаго источника, проводящаго свои цѣли, свои принципы. Иначе говоря, законодатели въ своей творческой реформаторской дѣятельности очень часто не справляются съ народными нравами и обычаями, а ищутъ содержанія для своихъ нормъ, или въ тѣхъ образцахъ иноземныхъ источниковъ права, какіе считаютъ наилучшими, или даже созидаютъ свои учрежденія и правила по началамъ тѣхъ теорій западныхъ мыслителей или публицистовъ, какія выставляетъ ученость ихъ вѣка. Въ высшей степени важныя послѣдствія вытекаютъ отсюда.

Во-первыхъ, рядъ государственныхъ учрежденій, какъ Коллегіи, Магистраты и т. д., являются, или прямо пересаженными къ намъ съ своей шведской, французской или нѣмецкой почвы, или, если и пере-

ходятъ къ намъ видоизмѣненными, согласно мѣстнымъ условіямъ, то все-таки представляютъ собой часто рядъ учрежденій, непринаровленныхъ другъ къ другу, противорѣчащихъ одно другому, такъ какъ одни изъ нихъ, напр., проводятъ принципъ коллегіальности въ управленіи, другія—начала личнаго управленія и т. д.

Во-вторыхъ, нормы законодательства, созидаясь теоретически, по образцамъ или ученіямъ своимъ и иноземнымъ, теряютъ постепенно тотъ казуистическій характеръ, какимъ нерѣдко они отличаются въ древности. Законы отъ этого весьма выигрываютъ со стороны формы и содержанія, такъ какъ теперь они, болѣе умѣло, чѣмъ прежде, развиваютъ общія правовыя положенія и общія начала. Несомнѣнно также, что весьма часто эти начала принадлежатъ къ болѣе высокому порядку политическихъ и общественныхъ идей, чѣмъ таковыя же идеи Московскаго законодательства (однако, невсегда: правила судопроизводства, взятыя Петромъ В. изъ устарѣлыхъ шведскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, были ниже, по достоинству, дѣйствовавшихъ до него у насъ). Какъ слѣдствіе ученія западныхъ мыслителей и законовъ начинаютъ появляться у насъ цѣлые теоретическіе трактаты, указывающіе основанія и направленіе желаемыхъ правителями реформъ, какъ, напр. „Правда воли монаршей" при Петрѣ. Взятыя безотносительно къ нашему отечеству, нѣкоторыя изъ этихъ теоретическихъ построеній, несомнѣнно, очень важны. Но, обращаясь къ изслѣдованію практическаго значенія подобныхъ построеній у насъ, мы должны сказать, что они нерѣдко оставались только на бумагѣ, или же, если примѣнялись на практикѣ, то переработывались русскою жизнью по своему, такъ что нерѣдко подъ новою формою скрывалось содержаніе старое. Такъ, напр., коллегіальныя формы учрежденій, введенныя Петромъ В., не мѣшали правительственнымъ агентамъ практиковать личный произволъ въ управленіи. И это понятно, почему: теоріи, приходившія съ Запада, отвѣчали, обыкновенно, тѣмъ потребностямъ, и тѣмъ стремленіямъ, какія назрѣвали именно тамъ, гдѣ созидались сами эти теоріи. Эти же потребности и эти стремленія могли не соотвѣтствовать нашимъ условіямъ, а потому и сами теоріи, ими порожденныя, оставались у насъ безъ примѣненія, несмотря на всю ихъ важность.

Благодаря этому громадному (мало переработанному внутренно), напору образцовъ (разнородныхъ западныхъ учрежденій и идей) русскій человѣкъ, дѣйствовавшій въ наиболѣе подражательныя эпохи, вырабатываетъ въ себѣ, или большую способность приспособленія (особенно приспособленія внѣшняго, которое воспринимаютъ болѣе формы, чѣмъ содержаніе реформъ, или вовсе уходитъ изъ-подъ вліянія новыхъ началъ законодательства, ему чуждыхъ, что̀, въ дѣйствительности, и случилось у насъ, напр., съ населеніемъ крестьянскимъ, живущимъ доселѣ, въ массѣ, на основахъ своего особаго обычнаго права, иногда совершенно расходящагося съ писаннымъ закономъ. Какъ извѣстно, у насъ цѣлые милліоны крестьянъ, мѣщанъ и проч., живутъ, не только не зная „Свода Законовъ Россійской Имперіи" по причинамъ внѣшнимъ (бѣдности, безграмотности и т. д.), но и не имѣя возможности примѣнять его постановленія по причинамъ внутреннимъ: эти постановленія часто не соотвѣтствуютъ совсѣмъ ихъ быту, потребностямъ и интересамъ. Законы писались не для этой массы, и она жила не по ихъ принципамъ.

Какъ слѣдствіе вышесказаннаго направленія законодательства, надо еще отмѣтить, что, по примѣру Запада, въ XVIII вѣкѣ развивается у

насъ, въ небывалыхъ прежде размѣрахъ, значеніе правительственной инціативы во всѣхъ вопросахъ жизни государственной и общественной, а на ряду съ этимъ глохнетъ общественная самодѣятельность. Если припомнить, что извѣстно намъ о вліяніи челобитій на Московское законодательство, то будетъ ясно, что этотъ процессъ громаднаго развитія правительственной инціативы въ XVIII в. является прямо противоположнымъ процессу развитія общественной инціативы, отлившейся на Москвѣ въ челобитьяхъ. Надо также замѣтить, что XVIII вѣкъ на Западѣ Европы былъ, какъ извѣстно, вѣкомъ просвѣщеннаго абсолютизма, полицейскаго государства, когда государство, во имя общаго блага, вмѣшивалось во все и когда оно проводило до крайности принципъ централизаціи. Это направленіе, развившееся главнымъ образомъ во Франціи, переходитъ и къ намъ, находя у насъ благодарную почву, такъ какъ уже на Москвѣ, съ укрѣпленіемъ началъ централизаціи, государство чрезвычайно развило начало вмѣшательства въ народную жизнь. Въ новое время проекты преобразованій почти постоянно исходятъ отъ представителей правительственной власти, причемъ эта власть, несомнѣнно, весьма часто идетъ далеко впереди общества и благотворно вліяетъ своими начинаніями на улучшеніе учрежденій, общественнаго быта и нравовъ, сметая съ нихъ все отжившее и устарѣлое, какъ это надо, напр., сказать о многихъ преобразованіяхъ Петра В. Въ Московское время ничего подобнаго, какъ мы знаемъ, не было. Но нельзя не отмѣтить оборотной стороны этого направленія: частой смѣны однихъ реформъ другими, ихъ неустойчивости и неорганичности, пріучающей общество одинаково съ легкимъ сердцемъ принимать какъ возникновеніе, такъ и исчезновеніе самыхъ благихъ изъ этихъ реформъ. Не говоримъ уже о томъ, какъ эта легкость смѣнъ могла дурно вліять на развитіе твердости и устойчивости общественныхъ убѣжденій, какъ подрывала она вѣру въ жизненность и важность самихъ принциповъ, проводимыхъ тою или другою реформой.

Всемогущество правительственнаго почина, естественно, приводитъ къ другому слѣдствію: законъ въ періодъ Петербургскій окончательно пріобрѣтаетъ значеніе общеобязательной, исключительной нормы, на основаніи которой должно рѣшаться каждое дѣло. Это большой шагъ впередъ, сравнительно съ періодомъ Московскимъ. Въ Имперіи окончательно утверждается въ законодательствѣ принципъ исхожденія обязательныхъ общихъ нормъ только отъ субъекта верховной власти т.-е. отъ императора. Это начало законности въ управленіи принципіально устанавливается еще Петромъ В. Установивъ твердо значеніе закона (хотя на практикѣ вовсе не создавъ ясно границы между закономъ и распоряженіемъ административнымъ или временнымъ), новое направленіе законодательства вноситъ больше порядка и въ самыя формы проявленія закона, какъ воли субъекта верховной власти. Законодательство съ Петра В., хотя невсегда послѣдовательно, стремится опредѣлить, при какихъ условіяхъ воля законодателя подлежитъ исполненію. Такъ, Петръ В. въ Генеральномъ Регламентѣ коллегіямъ постановляетъ, что должно исполнять всѣ тѣ указы Его Величества. „которые надлежатъ быть письменные и заручённые (т.-е. подписанные), а не словесные“. Въ Москвѣ же указы государя Боярской Думѣ были словесные.

Затѣмъ болѣе правильно устанавливается принципъ обнародованія закона. На Москвѣ одни законы прокликались по торгамъ, другіе сообщались только тѣмъ органамъ суда и управленія, до которыхъ они ка-

сались. Правда, Соборное Уложеніе уже печатается во всеобщее свѣдѣніе, но и послѣ него появлялись важные указы, совсѣмъ непрошедшіе этого пути. Съ Петра В. принципъ, обнародованія закона во всеобщее свѣдѣніе а, слѣдовательно, и обязательность знанія закона подданными, проводится очень настойчиво, главнымъ образомъ черезъ печатаніе законовъ, иногда же черезъ расклейку ихъ по люднымъ мѣстамъ, чрезъ чтеніе народу въ церквахъ особенно важныхъ манифестовъ и т. д. Такъ, напр., въ одномъ изъ петровскихъ указовъ говорится, что надо „примѣнять къ судебнымъ дѣламъ указы всенародно напечатанные и повсюду объявленные". Что касается внѣшней формы, или наименованій законовъ, то въ новое время они являются, либо въ видѣ прежнихъ указовъ, уставовъ, грамотъ, наказовъ и т. д., либо получаютъ наименованія новыя, а именно—регламентовъ, манифестовъ, артикуловъ, инструкцій, меморій, мнѣній и т. д. Языкъ ихъ,—особенно въ началѣ XVIII в.,—пестрится всевозможными иностранными терминами, которые, обыкновенно, весьма легко могли бы быть замѣнены своими. Но, съ одной стороны, спѣшность заимствованія, а съ другой желаніе законодателя какъ можно ярче оттѣнить реформу даже внѣшне, и показать, что со старымъ порвана всякая связь, заставляютъ его прибѣгать къ чужой терминологіи, мало принаровленной къ русскому языку. Трудно сказать, насколько глубоко обманывала чужая терминологія современниковъ и долго ли подъ громкими иностранными названіями, начиная отъ „сенатора" и кончая „ландсшрейберомъ", не распознавали они прежняго боярина или „земскаго подъячаго", но языкъ памятниковъ нашего права весьма портится, при чемъ нерѣдко выходятъ изъ употребленія свои весьма удачные юридическіе термины и замѣняются чужими, мало понятными народу.

Въ заключеніе, укажемъ еще одну черту въ направленіи законодательства Императорскаго періода. Если взять послѣдню сводку Московскаго законодательства—Соборное Уложеніе,—то увидимъ, что въ ней нашли свое юридическое выраженіе далеко не всѣ явленія правовой жизни страны. Въ ней нѣтъ, напримѣръ, нормъ, составляющихъ содержаніе государственнаго права. Напротивъ, на созданіе нормъ, захватывающихъ область государственнаго права, законодательство съ Петровскаго времени обратило большое вниманіе. Уже при Петрѣ В. появился цѣлый рядъ законодательныхъ памятниковъ, опредѣляющихъ и характеръ верховной власти, и предѣлы компетенціи тѣхъ или иныхъ правительственныхъ учрежденій.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о характерѣ законодательства, сдѣлаемъ краткій обзоръ важнѣйшихъ памятниковъ права, появившихся въ Петровскую эпоху. Здѣсь надо отмѣтить, что при Петрѣ впервые наши учрежденія получаютъ свои уставы, называющіеся обычно регламентами, иногда—должностями, при чемъ въ этихъ уставахъ опредѣляется составъ, устройство, кругъ вѣдомства и дѣлопроизводство учрежденій. Эти уставы невсегда были достаточно полны и точны, но они, во всякомъ случаѣ, давали, въ общемъ, возможность учрежденіямъ, а также и должностнымъ лицамъ, дѣйствовать по закону, въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ правъ и обязанностей, тогда какъ всѣ учрежденія предъидущаго періода дѣйствовали, главнымъ образомъ, по обычаю, а законодатели еще не пытались установить тогда de jure предѣловъ ихъ компетенціи и порядка ихъ дѣятельности. Съ формальной точки зрѣнія, снабженіе учрежденій регламентами, а лицъ—наказами было важнымъ шагомъ впередъ; оно

было при томъ совершенно необходимо, въ виду того, что создавались новыя учрежденія, взамѣнъ старыхъ, при чемъ прежніе обычаи управленія замѣнялись иными, требовавшими ознакомленія съ ними (напр., вмѣсто приказнаго строя вводится коллегіальный). Изъ такъ называемыхъ „должностей“ (т.-е. законодательныхъ актовъ, опредѣлявшихъ, какъ должно было дѣйствовать данное учрежденіе или лицо), отмѣтимъ указы о должности „Сената“ 1722 г., „о должности генералъ-прокурора“ (при Сенатѣ) и „о должности прокурора“ въ коллегіяхъ, магистратахъ и пр. (1722 г.); указъ „о должности фискаловъ“ 1714 г. Изъ регламентовъ, или уставовъ, отдѣльныхъ коллегій обращаетъ на себя вниманіе прежде всего „Регламентъ Духовной коллегіи“, или Св. Пр. Синоду. Въ этомъ Регламентѣ, данномъ Св. Пр. Синоду 25 января 1721 г., подробно объясняются причины реформы по управленію православною церковью и устанавливаются общія основанія, на которыхъ должно было вестись это управленіе впредь. Затѣмъ нельзя не указать на уставы, данные финансовымъ и другимъ коллегіямъ, каковы, напр. „Регламентъ Штатсъ-конторъ-коллегіи“, гдѣ устанавливаются правила составленія штатовъ государственныхъ расходовъ; „Регламентъ Камеръ-коллегіи“, гдѣ опредѣляются порядокъ завѣдыванія государственными доходами (1719 г.); „Регламентъ Мануфактуръ-коллегіи“ (1725 г.) „Бергъ-коллегіи“ (1724 г.) и др. Кромѣ регламентовъ, данныхъ отдѣльнымъ коллегіямъ, 28 февраля 1720 г. былъ данъ знаменитый „Генеральный Регламентъ“, или Уставъ Коллегіямъ, гдѣ устанавливался общій порядокъ службы во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, вводившихся тогда какъ въ центрѣ, такъ и въ губерніяхъ. Этотъ регламентъ не остался безъ сильнаго вліянія на последующее законодательство объ организаціи у насъ гражданской службы. Здѣсь, между прочимъ, говорится о преимуществѣ коллегій, о времени засѣданій въ нихъ и о порядкѣ дѣлопроизводства, о подачѣ голосовъ, о составѣ коллегій, о должности президента и другихъ чиновъ и пр. Затѣмъ при Петрѣ В. создался, какъ извѣстно, цѣлый рядъ новыхъ должностей, нерѣдко съ иноземными наименованіями, каковы, напр., рентмейстеры, вальдмейстеры, комиссары, камергеры и т. д. Ихъ права и обязанности, какъ и права нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени (напр., воеводъ), опредѣлялись, обычно, особыми инструкціями, или наказами, которые представляютъ немало любопытнаго матеріала для сужденія о взглядахъ правительства того времени на отношеніе власти къ народу, на предѣлы вмѣшательства этой власти въ народную жизнь и т. д.

Особый видъ законодательныхъ памятниковъ Петровскаго, а частію и послѣдующаго времени, представляютъ собою уставы. Хотя нѣкоторые регламенты, какъ, напр., Генеральный Регламентъ коллегіямъ, и названы въ подлинникѣ уставами, но при Петрѣ В. терминъ уставъ употреблялся обычно не въ смыслѣ, аналогичномъ слову учрежденіе,—какъ понятіе этого термина опредѣлялъ, напр., Сперанскій,—а въ смыслѣ свода узаконеній, изданныхъ для завѣдыванія какою-либо частію управленія и содержащихъ въ себѣ нормы матеріальнаго права. Таковы при Петрѣ В. были Воинскій Уставъ 1716 г. и Морской Уставъ 1720 г., позднѣе же—Уставъ о векселяхъ 1729 г. Въ этихъ уставахъ мы находимъ не только постановленія, касающія порядка управленія даннымъ вѣдомствомъ, но и сводъ нормъ уголовнаго права (въ Воинскомъ Уставѣ), или торговаго (въ Вексельномъ Уставѣ). Изъ уставовъ Петровскаго времени мы остановимся здѣсь лишь на „Уставѣ Воинскомъ“. Этотъ Уставъ, будучи

составленъ по иноземнымъ источникамъ, стоялъ особнякомъ по отношенію къ той указной практикѣ, которая и до Петра, послѣ изданія С. Уложенія, а еще болѣе—при Петрѣ, энергично и многообразно отвѣчала у насъ тѣмъ или инымъ вопросамъ жизни. В. Уставъ игнорировалъ это законодательное движеніе и ничего не взялъ изъ него, хотя своими „Воинскими Артикулами" и затрогивалъ, съ точки зрѣнія военнаго права и быта, тѣ же вопросы о поддержаніи дисциплины въ арміи, какіе частію затрогивались указами и воинскими артикулами, созданными до него. Отчасти вслѣдствіе этой близости вопросовъ, трактовавшихся въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ и въ В. Уставѣ, отчасти потому, что послѣдній, на ряду съ спеціальными постановленіями, имѣвшими значеніе для войска, содержалъ юридическія нормы общаго характера, находившія себѣ примѣненіе въ общеуголовныхъ судахъ, но, В. Уставъ, несомнѣнно, долженъ былъ оказывать извѣстное вліяніе на послѣдующее наше праворазвитіе. Этимъ, конечно, и объясняется тотъ фактъ, что уже черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія 30 марта 1716 г. „Воинскаго Устава" Сенату было предписано примѣнять его въ общихъ судахъ.

Если въ такихъ памятникахъ права, какъ „Воинскій Уставъ", мы видимъ попытку частичной кодификаціи, по иноземнымъ образцамъ, юридическихъ нормъ, относящихся къ какому-либо одному отдѣлу права, то, наряду съ этимъ, въ новое время,—какъ это было и раньше,—право наше развивается путемъ изданія указовъ и манифестовъ. При Петрѣ В. были преобразованы, какъ извѣстно, не только центральныя, но и мѣстныя учрежденія, чѣмъ, конечно, и надо объяснить цѣлый рядъ указовъ и инструкцій, относящихъ къ областному управленію, какъ, напр., указъ 18 декабря 1708 г. „объ учрежденіи губерній и о росписаніи къ нимъ городовъ", указъ „объ устройствѣ губерній и объ опредѣленіи въ оныя правителей", 29 мая 1719 г.; наказы или инструкціи воеводамъ, земскимъ комиссарамъ, камерирамъ (1719 г.) и др.; указы объ учрежденіи Бурмистерской Палаты, а въ городахъ—Земскихъ Избъ, отъ 30 янв. 1699 г. и др. Затѣмъ, хотя общественные классы, сложившіеся на Москвѣ въ обособленныя тяглыя группы, не были при Петрѣ В. въ такой мѣрѣ захвачены реформой, какъ центральныя и мѣстныя учрежденія, или какъ общественные нравы и бытъ, но и по отношенію къ нимъ надо отмѣтить нѣсколько важныхъ узаконеній. Такъ, напр., по отношенію къ дворянству (шляхетству) важную роль съигралъ знаменитый указъ Петра В. отъ 24 января 1722 г., носившій названіе „Табели о рангахъ"; по отношенію къ городскому классу — постановленія, касающіяся сложенія его въ гильдіи и цехи (Регламентъ Главному Магистрату 16 янв. 1721 г.; указъ о цехахъ 1722 г. и др.); по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ — знаменитый „плакатъ" 1724 г., вводившій у насъ паспортную систему; указъ о первой всенародной переписи или ревизіи, 26 ноября 1718 г., а равно и о введеніи подушной подати; по отношенію къ холопамъ — указъ 19 января 1723 г., благодаря которому холопы, на ряду съ другими разрядами помѣщичьихъ людей, были занесены въ ревизскія сказки и тѣмъ сравнены съ крѣпостными крестьянами, и мн. др.

Не менѣе важные указы были изданы при Петрѣ В. по отношенію къ праву гражданскому и процессу, какъ, напр., указъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г., по которому были слиты воедино два юридическихъ понятія, прежде другъ отъ друга весьма отличныя, а именно понятіе вотчины и помѣстья. Цѣлый рядъ указовъ Петра В. коснулся затѣмъ

вопросовъ о пользованіи нѣдрами земли, лѣсами и угодьями; объ устройствѣ фабрикъ и заводовъ, о развитіи торговли и промышленности и пр. Наконецъ, нельзя не указать на цѣлый рядъ весьма важныхъ указовъ, относящихся къ праву семейному и наслѣдственному. Такъ, напр., по указу 3 апрѣля 1720 г. велѣно было „рядныя и сговорныя записи отставить“. Этотъ небольшой указъ имѣлъ очень важное значеніе: имъ, во 1-хъ, сговоръ, въ смыслѣ гражданскаго обрученія, лишенъ былъ всякаго обязательнаго характера для договаривающихся сторонъ, вслѣдствіе чего уничтожены неустойки и крѣпостная форма рядныхъ записей; сговоръ въ новой формѣ, хотя актъ и торжественный, но лишенный юридической силы и значенія; во 2-хъ, обрученіе, какъ актъ церковный, совершаемый благословеніемъ церкви, признается указомъ не безусловно обязательнымъ актомъ, предшествующимъ вѣнчанію, какъ было прежде, а лишь такимъ, исполненіе котораго находится совершенно въ волѣ сторонъ. Другимъ знаменитымъ указомъ, а именно указомъ 5 января 1724 г. не только было провозглашено начало „произволенія“ самихъ вступающихъ въ бракъ (что не было ново, не только, по идеѣ, но и на практикѣ и для древней Руси), но это начало было обставлено торжественностью присяги, даваемой родителями; въ случаѣ же ея нарушенія и открытія насилія надъ дѣтьми, указъ угрожалъ родителямъ „истязаніемъ“ (т.-е. наказаніемъ). Однако, эта присяга просуществовала въ законѣ не болѣе 50-ти лѣтъ и въ 1775 г. была совершенно отмѣнена. Не останавливаясь на другихъ указахъ названныхъ выше отдѣловъ права, надо вообще сказать, что Петровское законодательство не ограничивалось только вмѣшательствомъ въ область семейныхъ и имущественныхъ отношеній, а касалось образа жизни русскаго общества, измѣняло внѣшній видъ его подданныхъ (указы объ одеждѣ, бритьѣ бороды), заботилось о его забавахъ (указъ объ ассамблеяхъ), при чемъ это вмѣшательство силою вводило все то, что считалось законодателемъ полезнымъ или необходимымъ для блага общества. Надо замѣтить вообще, что Петровская эпоха—время, когда началось усиленное перенесеніе къ намъ съ Запада традицій такъ наз. „полицейскаго государства“, которыя нашли у насъ благодарную почву для развитія. Это государство стремилось до мелочей регулировать всѣ стороны общественной жизни, что̀ рельефно и отразилось на массѣ инструкцій, наказовъ и указовъ, появлявшихся въ это время и касавшихся не только разныхъ сторонъ управленія, но и нравовъ и быта. Какъ самыя обыкновенныя и безобидныя народныя привычки, обычаи, не нравившіеся Петру В. почему-либо, изгонялись подъ угрозою каторжныхъ работъ, осрамительныхъ наказаній, такъ самые обыкновенные полицейскіе проступки и нарушенія влекли за собою галеры, конфискаціи и даже смертную казнь. Трудно даже повѣрить, чтобъ всѣ эти устрашающія человѣка наказанія могли примѣняться въ полномъ объемѣ на дѣлѣ; скорѣе надо признать, что нерѣдко это были лишь простыя угрозы. Но во всякомъ случаѣ, въ своихъ законахъ, реформаторъ разсыпалъ ихъ въ изумительномъ изобиліи, безъ соразмѣренія съ виною, съ трудностью выполненія предписаннаго... Конечно, эти угрозы не были новостью, въ петровскихъ указахъ; они употреблялись законодателемъ и раньше; новымъ здѣсь было то, что сами эти указы шли противъ исконныхъ народныхъ обычаевъ, чего почти прежде не бывало, и отчего насиліе казалось особенно тяжкимъ.

Изъ указовъ, относящихъ къ реформѣ судопроизводства, замѣчателенъ указъ 5 ноября 1723 г.—„о формѣ суда“, которымъ судьѣ дается

болѣе власти въ процессѣ, чѣмъ это было раньше, вводится форма прошеній „по пунктамъ“, стѣсняется дѣйствіе сторонъ на судѣ и т. д. Таковъ самый краткій обзоръ петровскаго законодательства.

XXXV. Сенатъ при Петрѣ Великомъ.

(*Изъ «Учебника исторіи русскаго права»* (*Спб. 1909 г. Изд. 2*) *В. Н. Латкина*).

Въ первое время царствованія Петра во главѣ государства попрежнему находилась боярская дума, но постепенно съ развитіемъ реформаторской дѣятельности государя характеръ ея модифицируется, причемъ модификація касается ея названія, состава, предметовъ вѣдомства, дѣятельности и даже дѣлопроизводства.

Дума начинаетъ называться ближней канцеляріей, по мѣсту своихъ засѣданій, или же консиліей министровъ, причемъ число членовъ ея очень ограничивается (такъ, въ 1710 году ихъ было только 8). Мало того, въ составъ думы входятъ уже не только одни думные люди, но и лица изъ другихъ чиновъ, напр., стольникъ Ромодановскій, дьякъ Курбатовъ и др. [лица, которыя] хотя и стояли во главѣ разныхъ приказовъ, но думными чинами не обладали. Такимъ образомъ, дума постепенно лишается своего прежняго аристократическаго характера. Затѣмъ модификація коснулась и самой дѣятельности думы. Теперь государь, будучи отвлеченъ другими дѣлами, рѣдко присутствуетъ на засѣданіи консиліи бояръ, въ силу чего возникаетъ двоякое направленіе въ законодательствѣ, а именно государевы указы и боярскіе приговоры начинаютъ существенно отличаться другъ отъ друга, чего совершенно не было въ московскую эпоху. Другимъ результатомъ отсутствія государя изъ думы является изданіе массы законовъ помимо думы. Наконецъ, третьимъ результатомъ названнаго факта нужно считать появленіе самостоятельныхъ дѣйствій думы въ указанныхъ государемъ предѣлахъ и, въ силу этого, отвѣтственности думы предъ государемъ. Будучи занятъ войною со Швеціей и другими дѣлами, требовавшими частыхъ отлучекъ его отъ Москвы, Петръ неоднократно самъ предписывалъ начальникамъ приказовъ и другихъ вѣдомствъ обращаться въ думу. „Еще прошу Васъ,—писалъ онъ Ромодановскому въ 1707 г.,—дабы о такихъ дѣлахъ и подобныхъ имъ изволили тамъ, гдѣ съѣздъ бываетъ въ верхней, т.-е. ближней канцеляріи или гдѣ индѣ, посовѣтовавъ съ прочими, рѣшеніе чинить, а здѣсь (т.-е. у государя) истинно и безъ того дѣла много“. Но предоставивъ думѣ извѣстную самостоятельность, Петръ возложилъ на нее и отвѣтственность за дѣйствія, въ силу чего предписалъ ей завести особую книгу для записи указовъ и приговоровъ, съ цѣлью контроля ея дѣятельности. Наконецъ, въ 1707 году установлены были обязательные протоколы засѣданій думы. Точно также модификація коснулась и предметовъ вѣдомства думы. Въ отличіе отъ думы XVII ст., среди разнообразныхъ функцій консиліи на первомъ планѣ стояли финансовыя и военныя дѣла, а также контроль надъ дѣятельностью всѣхъ (какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ) учрежденій, почему послѣднія были обязаны, на основаніи указовъ 1701 и 1710 гг., подавать въ консилію „перечневыя вѣдомости“, т.-е. отчеты о своей дѣятельности. Стоя во главѣ всего управленія, кон-

силія посылала въ подчиненныя ей мѣста указы, а сама получала отъ нихъ рапорты (доношенія).

Такимъ образомъ въ царствованіе Петра дума изъ соучастницы верховной власти, изъ учрежденія, составлявшаго неразрывную часть единаго цѣлаго съ государемъ, самыми тѣснѣйшими узами связаннаго съ нимъ, постепенно превратилась хотя и въ высшій, но все же подчиненный государю и отвѣтственный предъ нимъ органъ управленія. Въ этой своей модифицированной формѣ она имѣла много точекъ соприкосновенія съ Сенатомъ, учрежденнымъ въ 1711 г. Первоначальный составъ, компетенція, дѣлопроизводство и отвѣтственность Сената значительно напоминали собою составъ, компетенцію и отвѣтственность ближней канцеляріи.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что Сенатъ образовался постепенно, вырабатываясь изъ старой думы, по мѣрѣ хода и развитія реформаторской дѣятельности Петра. Переходной формой отъ думы къ Сенату, звеномъ въ цѣпи, связующей оба названныя учрежденія, является консилія министровъ въ ближней канцеляріи, составляющая въ полномъ смыслѣ этого слова прообразъ Сената.

Такимъ образомъ мнѣніе, будто Сенатъ заимствованъ изъ Швеціи, будучи сколкомъ со шведскаго сената, не можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что между обоими учрежденіями нѣтъ ничего общаго ни въ отношеніи состава, дѣлопроизводства и компетенціи, ни въ отношеніи характера дѣятельности. Шведскій сенатъ былъ органомъ сейма и, въ качествѣ такового, до извѣстной степени ограничивалъ власть короля; нашъ Сенатъ, хотя и стоялъ во главѣ государственнаго управленія, но вполнѣ зависѣлъ отъ государя, будучи подчиненъ ему и отвѣтственъ передъ нимъ. Иначе говоря, заимствованіе ограничилось только однимъ названіемъ (хотя и это послѣднее скорѣе могло быть заимствовано изъ Польши, такъ какъ въ Швеціи сенатъ рѣдко назывался этимъ именемъ, нося названіе государственнаго совѣта).

Формально Сенатъ былъ учрежденъ 22 февраля 1711 г., когда, по случаю войны съ Турціею, Петръ вынужденъ былъ покинуть предѣлы Россіи. Сенатъ учреждался въ качествѣ регентства на время отсутствія государя „вмѣсто его царскаго величества собственной персоны", какъ гласилъ манифестъ. Этотъ первоначально временный характеръ новаго учрежденія вскорѣ превратился въ постоянный, причемъ въ присутствіи государя (въ столицѣ или въ предѣлахъ государства) Сенатъ переставалъ фигурировать въ качествѣ регентства, а являлся высшимъ органомъ управленія.

Первоначально въ составъ Сената входило дѣвять сенаторовъ, назначаемыхъ государемъ, причемъ ихъ происхожденіе, званіе и чинъ не принимались въ расчетъ. Затѣмъ съ учрежденіемъ коллегій составъ сената былъ видоизмѣненъ, а именно всѣ президенты коллегій ex officio должны были быть сенаторами. Впрочемъ, это правило дѣйствовало не долго и уже въ 1722 г. (12 января) оказалось отмѣненнымъ. Самъ Петръ призналъ, что „сіе сначала не осмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ". Мотивами къ отмѣнѣ названнаго правила были слѣдующія соображенія: 1) президенты, будучи обременены своими занятіями въ коллегіяхъ, не имѣютъ времени для занятій въ Сенатѣ и 2) „чтобы члены Сената, трудясь о распорядкѣ государства и о правомъ судѣ смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить". Второй мотивъ и

послужилъ главнымъ образомъ основаніемъ для изданія указа 1722 года. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. „Такъ какъ сенаторы вельможи,—читаемъ въ немъ,—то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются противорѣчить имъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, а отсюда и рождается множество интригъ и несправедливостей; когда на одного изъ нихъ приносится жалоба, всѣ они соглашаются между собою, и ужъ, конечно, одна ворона не выклюетъ глаза другой, поэтому многіе порядочные люди не мало страдаютъ". Послѣ указа 1722 года въ Сенатѣ остались президенты только трехъ главныхъ коллегій, т.-е. иностранныхъ дѣлъ, военной и морской. Остальные сенаторы должны были назначаться государемъ изъ трехъ первыхъ классовъ (по табели о рангахъ), хотя это не всегда соблюдалась. Подобныя назначенія государемъ производились не иначе, какъ по именнымъ указамъ, причемъ каждый вновь назначенный сенаторъ приносилъ присягу, сочиненную самимъ Петромъ. Отставка сенаторовъ также происходила на основаніи именныхъ указовъ.

Сенатъ имѣлъ свою канцелярію, во главѣ которой находился оберъ-секретарь. Онъ былъ ближайшій начальникъ канцеляріи и, въ качествѣ таковаго, непосредственно завѣдывалъ ею, отвѣчалъ за ея дѣятельность, распредѣлялъ дѣла между канцеляристами, наблюдалъ за ними, приготовлялъ дѣла къ докладу и докладывалъ ихъ. Канцелярія дѣлилась на нѣсколько столовъ (напр., секретный, приказный, губернскій, разрядный и др.) и состояла изъ подъячихъ. Впрочемъ, въ 1718 году они были уничтожены и замѣнены приказными служителями, на манеръ коллежскихъ, а именно: секретарями (въ качествѣ помощниковъ оберъ-секретаря), протоколистами, актуаріусами, регистраторами, канцеляристами, копіистами и т. п.

Кромѣ канцеляріи, Сенатъ имѣлъ еще особую контору (въ Москвѣ) спеціально для разрѣшенія маловажныхъ дѣлъ.

При Сенатѣ существовало нѣсколько особыхъ должностей, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ области государственнаго управленія. Къ такимъ относились, во-первыхъ, фискалы, институтъ которыхъ могъ быть заимствованъ изъ Швеціи или изъ Пруссіи. Во главѣ фискаловъ находился генералъ-фискалъ, со своимъ помощникомъ—оберъ-фискаломъ. Имъ были подчинены фискалы, представлявшіе изъ себя цѣлую іерархію должностей, а именно: фискалы при коллегіяхъ, провинціалъ-фискалы въ губерніяхъ и городовые фискалы въ городахъ. Генералъ-фискалъ назначался государемъ, оберъ-фискалъ Сенатомъ, равно какъ коллежскіе и провинціальные фискалы. Что же касается городовыхъ фискаловъ, то часть ихъ избиралась шляхетствомъ (изъ лицъ не моложе 40 лѣтъ), часть горожанами. Функціи фискаловъ на основаніи указовъ 5 марта 1711 года и 17 марта 1714 г. заключались въ слѣдующемъ: они должны были „тайно провѣдывать, доносить и обличать" всѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Иначе говоря, обязанности ихъ сводились къ слѣдующему: 1) они должны были надзирать за исполненіемъ законовъ, 2) заботиться о ненарушеніи имущественныхъ интересовъ казны и 3) преслѣдовать казнокрадство, взяточничество и хищенія должностныхъ лицъ, а также „безгласныя преступленія явно противогосударственнаго и противообщественнаго характера". Провѣдываніе о названныхъ преступленіяхъ производилось при помощи слѣдующихъ средствъ: 1) доносовъ частныхъ лицъ, причемъ фискалы обязаны были провѣрять справедливость послѣднихъ, для чего могли вы-

зывать къ себѣ и допрашивать доносчиковъ; 2) разсмотрѣнія въ присутственныхъ мѣстахъ подлинныхъ дѣлъ и документовъ и 3) личнаго присутствія при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ администраціи, напр., при конфискаціяхъ въ казну. Результаты, добытые провѣдываніемъ, представлялись на усмотрѣніе правительства, причемъ подобныя представленія облекались въ форму письменнаго доноса („доношенія"). Производство въ присутственномъ мѣстѣ по доношенію, хотя и не зависѣло отъ фискала, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., когда оно разсматривалось въ Сенатѣ) происходило въ его присутствіи, и онъ имѣлъ право лично и устно обличать лицо, о которомъ поступило доношеніе. Въ случаѣ правильности доноса, половина штрафа шла въ пользу фискала, въ случаѣ же неправильности, было предписано „въ вину ему того не ставить" (указъ 5 марта 1711 г.).

Такой порядокъ вещей привелъ къ крайнему произволу и злоупотребленіямъ со стороны фискаловъ, что въ свою очередь вызвало негодованіе общества противъ нихъ. Выразителемъ названнаго общественнаго настроенія явился извѣстный Стефанъ Яворскій, произнесшій въ московскомъ Успенскомъ соборѣ большую рѣчь противъ фискаловъ. „Законъ Господень непороченъ,—сказалъ Яворскій,—а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой же то законъ, напр., постановить надзирателемъ надъ судомъ и дать ему волю, кого хочетъ обличить, да обличитъ: поклепъ сложить на ближняго вольно то ему. Не такъ подобаетъ симъ быть: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязываетъ въ такую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ оный, сынъ погибельный, чужою мѣрою да мѣрити". Эта рѣчь имѣла въ результатѣ изданіе указа 17-го марта 1714 г., опредѣлившаго отвѣтственность фискаловъ за ложные доносы. Фискалы просуществовали сравнительно недолго, хотя съ учрежденіемъ прокуратуры потеряли всякій дальнѣйшій смыслъ своего существованія.

Во-вторыхъ, при Сенатѣ существовалъ генералъ-прокуроръ, стоявшій во главѣ прокуроровъ. Неудовлетворительность фискалата, какъ органа надзора за Сенатомъ и за другими учрежденіями, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ обнаруживать уже совершенныя преступленія, а не предупреждать ихъ совершеніе, что происходило вслѣдствіе невозможности со стороны фискаловъ присутствовать въ тѣхъ учрежденіяхъ, при которыхъ они состояли, и такимъ образомъ надзирать за правильностью ихъ дѣйствій, побудила Петра перенести на русскую почву французскій институтъ прокуратуры, наблюдать за дѣятельностью котораго ему пришлось во время своего пребыванія во Франціи. Впрочемъ, Петръ не сразу обратился къ этому институту. Первоначально онъ организовалъ особый надзоръ за Сенатомъ путемъ учрежденія должности генералъ-ревизора (въ 1715 г.), Онъ долженъ былъ имѣть особый столъ въ залѣ сенатскихъ засѣданій и вести протоколы послѣднимъ; съ этою цѣлью ему сообщались копіи со всѣхъ указовъ. На обязанности генералъ-ревизора лежали: наблюденіе, чтобы во всемъ государствѣ указы исполнялись въ возможно скорое время, а также надзоръ за дѣятельностью Сената. Въ 1718 г. должность генералъ-ревизора была уничтожена, и функціи надзора за Сенатомъ перешли къ его оберъ-секретарю. Послѣдній долженъ былъ наблюдать за порядкомъ сенатскихъ засѣданій, „чтобы не было суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго", а также за правильностью обсужденія и рѣшенія дѣлъ и вообще за за-

конностью всѣхъ дѣйствій Сената. Но и оберъ-секретарь, какъ органъ надзора за Сенатомъ, просуществовалъ не долго, такъ какъ 28 января 1721 г. функціи его въ этомъ отношеніи перешли къ штабъ-офицерамъ гвардіи, которые должны были присутствовать на сенатскихъ засѣданіяхъ и пользовались правомъ сажать подъ арестъ въ чемъ-либо провинившихся сенаторовъ. Но такой порядокъ вещей, нарушающій престижъ Сената, какъ высшаго государственнаго учрежденія, продержался не долго и вскорѣ былъ уничтоженъ.

Прокуроровъ Петръ учредилъ указомъ 12 января 1722 г. Во главѣ ихъ былъ поставленъ генералъ-прокуроръ, который вмѣстѣ со своимъ помощникомъ—оберъ-прокуроромъ, назначался государемъ и состоялъ при Сенатѣ. Въ его вѣдѣніи находились прокуроры при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, избиравшіеся генералъ-прокуроромъ и утверждавшіеся Сенатомъ.

Генералъ-прокуроръ, выражаясь словами указа 1722 года, являлся „окомъ государевымъ" и „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ". Въ качествѣ „государева ока", онъ стоялъ во главѣ сенатской канцеляріи, причемъ ему было поручено смотрѣть, „чтобы не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись", т.-е., чтобы сенатскіе приговоры и указы были быстро отправляемы въ надлежащія мѣста для исполненія, а не валялись подолгу въ канцеляріи. Кромѣ того, генералъ-прокуроръ заботился о хорошемъ устройствѣ послѣдней и о лучшемъ распредѣленіи ея занятій. Всѣ дѣла, поступавшія въ Сенатъ, обязательно проходили черезъ руки генералъ-прокурора и имъ вносились на разсмотрѣніе Сената. Онъ созывалъ чрезвычайныя и общія сенатскія засѣданія и присутствовалъ на нихъ въ качествѣ предсѣдателя, т.-е. руководилъ преніями, ставилъ вопросы на баллотировку, надзиралъ за порядкомъ и за исполненіемъ законовъ и т. п. Наконецъ, онъ пользовался правомъ протеста относительно сенатскихъ рѣшеній и правомъ донесенія государю о неправильныхъ, по его мнѣнію, дѣйствіяхъ Сената. Подобная должность являлась въ то время крайне необходимой, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе указы, имѣвшіе цѣлью регулировать сенатскія засѣданія. Вотъ, что читаемъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ: „чтобы въ засѣданіи лишнихъ словъ и болтовни не было, то время ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить, и рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ". Затѣмъ такіе факты, какъ, напримѣръ, столкновеніе Шафирова и Писарева, и другіе, также свидѣтельствовали, что далеко не всѣ засѣданія Сената проходили безупречно, и что чувствовалась необходимость въ извѣстномъ органѣ надзора за Сенатомъ.

Въ качествѣ стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ, генералъ-прокурору принадлежала извѣстная активная роль въ области законодательства. Такъ, онъ могъ возбуждать вопросы объ изданіи новыхъ законовъ. Наконецъ, генералъ-прокуроръ объявлялъ Сенату высочайшіе указы и представлялъ на усмотрѣніе государя всѣ исходящіе изъ Сената доклады, рапорты и меморіи. Генералъ-прокуроръ въ отношеніи Сената былъ вполнѣ независимъ, что, конечно, являлось необходимымъ въ виду контролирующей власти, которая была ему присуща. „Генералъ и оберъ-прокуроры,— читаемъ въ указѣ 17 апрѣля 1722 года,—ничьему суду не подлежатъ, кромѣ нашего". Этотъ судъ могъ приговорить ихъ къ слѣдующимъ наказаніямъ. За умышленное преступленіе („ежели въ чемъ поманитъ или

инако, какимъ образомъ ни есть, должность свою вѣдѣніемъ и волею преступитъ") они, „какъ преступники указовъ и явные раззорители отечества", должны быть приравнены къ измѣнникамъ, и даже „вящше" измѣнниковъ, и подвергаться смертной казни. Ложный, но неумышленный доносъ, какъ единичный фактъ, не влекъ за собою уголовной кары, такъ какъ „лучше донесеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ"; впрочемъ, при частомъ повтореніи прокуроры „не безъ вины бывали".

Положеніе прокуровъ при коллегіяхъ и при надворныхъ судахъ было вполнѣ аналогично съ положеніемъ генералъ-прокурора при Сенатѣ, съ тою разницею, что они пользовались меньшею независимостью, такъ какъ подчинялись генералъ-прокурору, которому и представляли свои протесты для доклада Сенату.

Изъ сказаннаго видно, какою большою властью пользовался представитель „ока государева". „Будучи всегда почти во мнѣніяхъ подкрѣпляемъ высочайшею властью,—говоритъ о генералъ-прокурорѣ одинъ современникъ Сперанскаго,—и слѣдственно получая вліяніе на сужденіе членовъ Сената, онъ составлялъ кормило государственнаго управленія. Не нося званія перваго министра, онъ былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. По этой причинѣ названъ онъ окомъ государя".

Третьимъ должностнымъ лицомъ, состоявшимъ при Сенатѣ, былъ рекетмейстеръ. Наличность его объясняется функціями высшаго апелляціоннаго суда по отношенію къ коллегіямъ и другимъ судебнымъ мѣстамъ, принадлежавшими Сенату. На обязанности рекетмейстера лежали пріемъ жалобъ на коллегіи и докладъ по нимъ Сенату. Впрочемъ, если изъ поданныхъ жалобъ рекетмейстеръ убѣждался въ наличности злоупотребленія со стороны коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, то онъ былъ обязанъ самъ поднять объ этомъ дѣло и донести о немъ уже не до свѣдѣнія Сената, но самого государя (указъ 1722 года). Вообще жалобы, поступавшія къ рекетмейстеру, могли быть двухъ родовъ: 1) на медленность рѣшенія (волокиту) и 2) на неправильность рѣшенія. При немъ состояла особая канцелярія, какъ часть сенатской канцеляріи.

Четвертымъ сенатскимъ должностнымъ лицомъ былъ герольдмейстеръ, вѣдавшій шляхетство и также докладывавшій Сенату по предмету своей компетенціи. Герольдмейстеръ унаслѣдовалъ функціи Разряда.

Наконецъ, послѣдними должностными лицами являлись коммиссары отъ губерній (двое отъ каждой), учрежденные для облегченія сношеній Сената съ губерніями. На обязанности коммиссаровъ было доставлять Сенату всѣ необходимыя ему свѣдѣнія по дѣламъ губерній, принимать отъ него указы, отсылать ихъ къ губернаторамъ и подавать Сенату рапорты и вѣдомости губернаторовъ. Впрочемъ, на практикѣ функціи коммиссаровъ не рѣдко расширялись путемъ порученія имъ исполненія по тѣмъ или инымъ дѣламъ.

Дѣлопроизводство Сената, въ отличіе отъ московской думы, характеризовалось двумя признаками: усиленіемъ письменности и увеличеніемъ формальности. Современники даже жаловались на это, говоря, что, благодаря письменному элементу и излишнимъ формальностямъ, страдали какъ интересы государства, такъ и частныхъ лицъ.

Обыкновенно порядокъ рѣшенія всякаго дѣла былъ слѣдующій: вначалѣ дѣло поступало къ оберъ-секретарю, который и подготовлялъ его къ докладу въ канцеляріи Сената; затѣмъ слѣдовалъ самый докладъ, послѣ чего происходили диспуты, т.-е. пренія по поводу доклада. Регулировать ихъ было обязанностью генералъ-прокурора, передъ которымъ

стояли песочные часы для наблюденія за тѣмъ, чтобы пренія не затягивались. За „диспутами" слѣдовала баллотировка, причемъ, на основаніи указа 5 марта 1711 года, дѣла должны были рѣшаться единогласно. Впрочемъ, это продолжалось недолго, и въ 1714 году (4 апрѣля) былъ изданъ другой указъ, которымъ вводилось рѣшеніе по большинству голосовъ. Все, что происходило на засѣданіи, вносилось въ протоколъ, подписывавшійся всѣми сенаторами, съ цѣлью открытія „дурости" каждаго изъ нихъ, по выраженію Петра. Однако, на практикѣ послѣднее правило не всегда соблюдалось. Такъ, до насъ дошла жалоба генералъ-прокурора Писарева на извѣстнаго Шафирова, изъ которой видно, что послѣдній „никогда голоса своего записывать не велитъ, чтобы неизвѣстны были приговоры его, которые онъ чинитъ по страстямъ и кричитъ на оберъ-прокурора, такъ и на секретарей неучтивостью и бранью". Сенатскій приговоръ облекался въ канцеляріи въ форму указа и разсылался въ соотвѣтствующія учрежденія, обязанныя немедленно исполнить его и рапортовать о томъ Сенату. Въ началѣ послѣдній засѣдалъ ежедневно, но съ 1714 года засѣданія происходили въ опредѣленные дни, причемъ зимою съ 6-ти часовъ утра, а лѣтомъ съ 8-ми. Каждое засѣданіе должно было продолжаться не менѣе 5 часовъ.

Компетенція Сената была весьма обширна. Въ виду того, что онъ являлся помощникомъ государя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ сказать, его двойникомъ („вмѣсто его величества персоны"—въ отсутствіе государя), онъ вѣдалъ рѣшительно все и всѣхъ. Не было отрасли управленія (въ особенности до учрежденія коллегій), которая не входила бы въ составъ компетенціи Сената. „Все на васъ положено", „все у васъ въ рукахъ", неоднократно заявлялъ Петръ въ своихъ указахъ и письмахъ Сенату.

Во-первыхъ, Сенатъ фигурировалъ въ качествѣ высшей судебной инстанціи въ аппеляціонномъ отношеніи. Только, въ видѣ исключенія, въ отношеніи нѣкоторыхъ дѣлъ и лицъ, Сенатъ являлся судомъ первой инстанціи. Обыкновенно-же Сенатъ, въ качествѣ высшаго аппеляціоннаго суда, разрѣшалъ всѣ жалобы на рѣшенія коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, причемъ рѣшенія Сената не подлежали обжалованію, „понеже вышній Сенатъ", какъ гласитъ указъ 22 декабря 1718 года, „отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особыхъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть".

Въ отличіе отъ московской думы послѣдній, постановляя судебный приговоръ, не законодательствовалъ ad hoc, но примѣнялъ законъ къ конкретному случаю; только, вслѣдствіе отсутствія или неясности закона, онъ, на основаніи указа 25 августа 1713 года, могъ постановить рѣшеніе по собственному усмотрѣнію, которое съ 1722 года должно было получать санкцію со стороны государя.

Во-вторыхъ, Сенатъ являлся органомъ надзора надъ судомъ, финансовымъ управленіемъ и вообще надъ законностью управленія. Въ виду наличности у него этой контролирующей функціи, Петръ предписалъ „Ревизіонъ-коллегіи быть въ Сенатѣ, понеже дѣло едино есть, что Сенатъ дѣлаетъ", а прочимъ коллегіямъ немедленно рапортовать о полученіи и объ исполненіи сенатскихъ указовъ. Осуществляя свой надзоръ черезъ посредство фискалата, прокуратуры и рекетмейстера, Сенатъ, кромѣ того, на основаніи указа 4 апрѣля 1722 г., получилъ право посылать ежегодно въ губерніи и провинціи одного ревизующаго сенатора.

Подобнымъ сенаторскимъ ревизіямъ, установленнымъ для того, „чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда“, придавалось въ то время огромное значеніе

Въ-третьихъ, Сенату принадлежала масса функцій въ области управленія, въ виду присущаго ему характера высшаго правительственно-административнаго учрежденія. Не ошибаясь, можно сказать, что не было отрасли управленія, не входившей въ составъ его компетенціи. „Едино сказать,—читаемъ въ указѣ 1718 г., перечислявшемъ функціи Сената,—всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе-бы простирать и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать“. Такимъ образомъ Сенатъ являлся средоточіемъ всего управленія, въ особенности до учрежденія коллегій, когда нѣкоторыя сенатскія функціи перешли къ нимъ. Въ отдѣльности въ области управленія Сенатъ вѣдалъ: 1) военное дѣло, т.-е. снабженіе арміи и флота людьми, лошадьми, аммуницией, боевыми припасами, жалованьемъ, провіантомъ и фуражемъ, сборъ и доставку рекрутъ, а также надзоръ за службою и обученіемъ шляхетства (черезъ герольдмейстера); 2) финансы, торговлю и промышленность, т.-е. приходы и расходы государственныхъ суммъ (имѣя въ виду „денегъ, какъ возможно болѣе сбирать“), установленіе новыхъ налоговъ, монетное дѣло и урегулированіе всѣхъ видовъ торговли и промышленности; 3) полицію безопасности и благосостоянія, т.-е. постройку городовъ, прорытіе каналовъ, проведеніе дорогъ, организацію почтовой части, принятіе мѣръ противъ пожаровъ, голода, заразительныхъ болѣзней и разбоевъ, заботу о школахъ и духовныя дѣла (до учрежденія Св. Синода, когда неоднократно происходили совмѣстныя засѣданія Сената и освященнаго собора; послѣ учрежденія Синода такія совмѣстныя засѣданія происходили между нимъ и Сенатомъ, но только при разрѣшеніи дѣлъ, затрогивавшихъ интересы какъ церкви, такъ и государства); 4) иностранную политику, т.-е. сношенія съ иностранными государствами черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и русскихъ посланниковъ непосредственно.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, Сенату принадлежали нѣкоторыя права въ области законодательства. Не будучи участникомъ верховной власти, какъ боярская дума, Сенатъ не имѣлъ того законодательнаго значенія, какое принадлежало послѣдней, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1722 г. законодательныя права его значительно расширились, напоминая собою права думы. Вообще, при изложеніи значенія Сената въ области законодательства, всегда необходимо имѣть въ виду два періода, раздѣленные между собою 1722 годомъ.

Въ первомъ періодѣ, Петръ, занятый шведскою войною и реформаторской дѣятельностью, неоднократно покидалъ не только столицу, но и предѣлы государства, и тогда права Сената, фигурировавшаго въ качествѣ регентства, облеченнаго всѣми атрибутами верховной власти, крайне расширялись. Въ присутствіи же государя Сенату не принадлежало право законодательства, но только участіе въ послѣднемъ въ роли законосовѣщательнаго учрежденія. Въ качествѣ таковаго, онъ могъ возбуждать законодательные вопросы и участвовать въ составленіи и обсужденіи проектовъ, но санкція послѣднихъ сосредоточивалась исключительно въ рукахъ государя. Иначе обстояло дѣло въ отсутствіи послѣдняго, когда Сенатъ являлся „собраніемъ, установленнымъ вмѣсто его царскаго величества собственной персоны“. Тогда, замѣняя собою государя, онъ пользовался правомъ издавать своею властью законы, вступавшіе въ дѣйствіе безъ

санкціи со стороны государя. Это право Сената было выражено въ собственноручной пометѣ Петра на докладныхъ пунктахъ Сената, представленныхъ имъ государю въ 1721 г. „Какое дѣло позоветъ,—читаемъ здѣсь,—о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т.-е. о законѣ), то не должно въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить; а буде въ отлученіи нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего невозможно, то Сенату подписать и потомъ публиковать“.

Сенатъ широко пользовался названнымъ правомъ, издавая указы, какъ измѣнявшіе составъ и компетенцію государственныхъ учрежденій, такъ и отмѣнявшіе или пріостанавливавшіе на время именные указы, т.-е. изданные самимъ государемъ. Такъ, Сенатъ въ отсутствіи Петра взялъ въ свое вѣдѣніе Помѣстный приказъ, подчиненный до тѣхъ поръ московскому губернатору, передалъ розыскныя дѣла въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, уничтожилъ Ямской приказъ, возстановилъ приказъ церковныхъ дѣлъ, учредилъ Купецкую палату и т. п. Что касается до отмѣны именныхъ указовъ, то любопытными примѣрами подобной отмѣны могутъ служить слѣдующіе. Такъ, именной указъ 1719 года запретилъ повсюду рубку дуба, но, несмотря на это, Сенатъ, своею властію, издалъ указъ, которымъ разрѣшилъ рубить дубъ въ Сибири, въ Астраханской губерніи и Уфимской провинціи, такъ какъ на матеріальномъ благосостояніи этихъ мѣстностей указъ 1719 года отозвался тяжело. Затѣмъ, именной указъ 1722 года постановилъ, чтобы въ бурмистры и цѣловальники къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ не выбирались купцы, но только дворяне и офицеры. Однако, Сенатъ, по донесенію Камеръ-коллегіи, что такихъ лицъ оказывается немного, возстановилъ своимъ указомъ прежній порядокъ вещей, т.-е., отмѣнилъ именной указъ. Наконецъ, Сенатъ своею властію пріостановилъ на время дѣйствіе именного указа 1712 года о запискѣ охотниковъ въ солдаты и т. п.

Второй періодъ въ дѣятельности Сената въ области законодательства начинается съ 1722 года. Къ этому времени прекратились тѣ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, вслѣдствіе шведской войны, почему государь могъ уже чаще находиться въ столицѣ и принимать болѣе дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи. Въ этомъ году издается указъ (17 апрѣля), ограничивающій законодательныя права Сената, въ случаѣ отсутствія государя изъ столицы. „Всѣ, при отправленіи своихъ дѣлъ,—читаемъ въ указѣ;—встрѣтя недоразумѣніе, которое регламентами не устраняется, или о чемъ въ регламентахъ сказано темно, не рѣшая, приносили бы выписки въ Сенатѣ, который обязанъ объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однако же не опредѣлять, но, положа, напримѣръ, свое мнѣніе, объявить намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ и потомъ въ дѣйство производить“. Такимъ образомъ, изъ цитированнаго отрывка указа 1722 года видно, что, въ случаѣ присутствія государя въ столицѣ, сохраняется прежнее значеніе Сената, въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Но и въ отсутствіе государя Сенатъ не получаетъ теперь права законодательства, а одну только, такъ называемую, распорядительную власть. Это видно изъ дальнѣйшихъ словъ указа: „Буде же,—гласитъ онъ,—когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ, всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный апробованъ (т.-е. утвержденъ), напечатанъ и къ регламентамъ присовоку-

ленъ будетъ". Иначе говоря, право законодательной санкціи было отнято отъ Сената.

Но лишившись его, Сенатъ попрежнему принималъ участіе въ законодательствѣ, какъ законосовѣщательное учрежденіе. Въ качествѣ такового, ему принадлежали слѣдующія права: 1) иниціатива законовъ, которая выражалась въ двухъ формахъ, а именно, во-первыхъ, когда подчиненныя Сенату присутственныя мѣста (коллегіи, канцеляріи, конторы и друг.) обращались къ нему съ ходатайствомъ о разъясненіи темноты и и противорѣчія въ законахъ или объ изданіи новыхъ или отмѣнѣ старыхъ законовъ и, во-вторыхъ, тогда Сенатъ самъ приходилъ къ сознанію необходимости видоизмѣнить дѣйствующее законодательство; 2) составленіе проекта закона и обсужденіе его, благодаря которымъ Сенатъ имѣлъ важное значеніе въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Такъ, желая уничтожить тотъ законодательный хаосъ, который существовалъ въ то время въ Россіи, и, благодаря которому, судьи „играли въ законы, какъ въ карты, подбирая масть къ масти", Петръ въ 1714 году предписалъ Сенату разобрать всѣ указы и изъ многихъ, противорѣчащихъ другъ другу, „выбрать приличные къ истинѣ и учинить на всякое дѣло одинъ указъ". Затѣмъ, при учрежденіи коллегій, Сенатъ также игралъ весьма видную роль, что̀ явствуетъ изъ двухъ указовъ, изданныхъ въ 1718 году. На основаніи перваго изъ нихъ (28 апрѣля) Сенатъ долженъ былъ, имѣя въ виду шведскіе законы, составить регламенты и инструкціи для коллегій, причемъ обо всемъ, что въ названныхъ законахъ оказалось бы „неудобнымъ или съ ситуаціею сего государства (т.-е. Россіи) несходнымъ, о томъ разсуждать, разсмотрѣть и на мѣрѣ поставить". На основаніи второго указа (11 іюня) было предписано, разсмотрѣвъ предварительно регламенты въ коллегіяхъ, внести ихъ Сенатъ, гдѣ рѣшить спорныя дѣла, составить по поводу нихъ мнѣнія и „выписать" въ докладъ государю. Въ этомъ же году (19 мая) Петръ издалъ третій указъ (касавшійся реформы мѣстнаго управленія), которымъ предписалъ Сенату „выписать изъ шведскихъ законовъ и шведскіе порядки спускать съ русскими обычаями, что можетъ быть по старому, и что перемѣнить, то все ставить на мѣрѣ". Въ 1719 году на Сенатъ, была возложена обязанность составленія новаго Уложенія. Наконецъ, въ 1722 году онъ долженъ былъ, примѣняясь къ Воинскому и Морскому уставамъ, составить уставъ о наказаніяхъ за государственныя преступленія и т. п.; 3) публикація законовъ, о чемъ было говорено прежде.

XXXVI. Указы Петра Великаго на Зерцалѣ.

1. *Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго.* Понеже ничто такъ ко управленію Государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ; понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды: того ради симъ указамъ, яко печатью всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ, и не точію рѣшить, ниже въ докладъ

выписывать то, что уже напечатано (какъ то въ 13 день сего мѣсяца въ Сенатѣ хотя и не хитростію при Насъ учинилось, или подобную тому матерію, и требовать на то указа, и тѣмъ сочинить указъ на указъ, дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить, какъ то чинится нынѣ въ Помѣстномъ Приказѣ, толкуя нашъ указъ о наслѣдствѣ противнымъ образомъ), не отговариваяся въ томъ ничѣмъ, ниже толкуя инако. Буде же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ; гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ Коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожъ не опредѣлять, но положа, напримѣръ, свое мнѣніе, объявлять Намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ. Буде же кто сей нашъ указъ преступитъ подъ какою оговоркою ни есть, слѣдуя правиламъ Гагариновымъ; тотъ, яко нарушитель правъ Государственныхъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертію безъ всякой пощады, и чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги, ежели въ сію вину впадетъ. И для того сей указъ напечатавъ внесть въ регламентъ и публиковать; также по данному образцу въ Сенатъ, доски съ подножіемъ, на которую оной печатанной указъ наклеить, и всегда во всѣхъ мѣстахъ, начавъ отъ Сената, даже до послѣднихъ судныхъ мѣстъ имѣть на столѣ, яко зеркало предъ очми судящихъ. А гдѣ такого указа на столѣ не будетъ, то за всякую ту преступку сто рублей штрафу въ гошпиталь.

Сей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ въ Сенатѣ подписанъ Собственною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

„ПЕТРЪ“.

Въ Преображенскомъ, въ 17-й день Апрѣля, 1722 года.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, Генваря въ 22 день, 1724 г.

2. *Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго.* Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, въ Сѵнодѣ, Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства судьямъ и пришедшимъ предъ судъ чинно поступать, понеже судъ Божій есть проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А ежели кто противно сему поступитъ и учинитъ какое безчинство, тотъ наказанъ будетъ по указу, данному въ 24 день Октября 1723 года, а именно:

Кто такое упрямство учинитъ противъ указовъ, какъ Шафировъ учинилъ въ Сенатѣ въ 31 день Октября 1722 года, такого объявя арестовать, которому не токмо вспомогать, какъ то учинили тогда въ Сенатѣ нѣкоторые изъ Членовъ Сенатскихъ, но должны Генералъ-Прокурору или Оберъ-Прокурору или Прокурору въ томъ вспомогать. А буде кто того не учинитъ или молчать будетъ, то оной равное осужденіе приметъ съ виннымъ; а буде кто хотя такого упрямства не покажетъ, а станетъ браниться, здорить, или кричать, того Генералу или Оберъ-Прокурору оговорить, чтобъ пересталъ; а буде не послушаетъ, то снявъ знакъ на то учиненной, положить предъ нимъ, и поставить ящикъ, въ которой долженъ, не вставая съ мѣста, положить за ту вину 10 рублевъ; а буде въ другой разъ то учинитъ, то втрое; буде въ третій разъ тоже учи-

нитъ, то 100 рублевъ, да арестъ тюремный на три дни. А буде кто въ томъ крику избранитъ кого, по годъ того жалованья, кто избранитъ, по его рангу, изъ чего половина обидимому, а другую въ госпиталь. А буде кто болѣе трехъ разъ учинитъ, отнять чинъ, треть всего движимаго и недвижимаго; буде же кто дерзнетъ рукою, то казнить политическою смертію.

Равнымъ же образомъ имѣютъ наказаны быть доносители о дѣлахъ и челобитчики въ Сенатѣ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, ежели такую продерзость, какъ выше написано, учинятъ передъ судомъ.

Напротивъ того, всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками и доносительми учтиво поступать, какъ о томъ въ 26 и 54 главахъ Генеральнаго Регламента о Коллегіяхъ ясно изображено, о поступкѣ съ Членами и служительми Президентамъ Коллегій. Буде же кто станетъ бранить, то денежнымъ штрафомъ на три мѣсяца обидимаго жалованья наказанъ будетъ, и предъ нимъ прощенія просить; а буде дерзнетъ рукою, то дать судъ по воинскимъ правамъ, какъ о томъ написано въ Морскомъ Уставѣ въ 5 книгѣ о штрафахъ въ 1-й главѣ въ 15 артикулѣ, ежели командиръ обрѣтающихся подъ своею командою безъ вины будетъ наказывать, или за свою вину дерзнетъ то чинить. А гдѣ Прокуроровъ нѣтъ, тамъ чинить по сему Членамъ тѣхъ судныхъ мѣстъ, гдѣ сіе случится.

Толкованіе. Сіе разумѣется о тѣхъ, которые въ рангахъ, а которые кромѣ ранговъ денежной штрафъ за бой, также и за брань надмѣрную для чести мѣста судебнаго по силѣ вины; также выключаются изъ сего тѣ, которые пытки уже достойны или наказанію.

ПЕТРЪ.

Въ Зимнемъ домѣ. 1724 г., Генваря 22 дня.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ 1724 года, Генваря 27 дня.

3. *Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго.* Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, Сунодѣ, Коллегіяхъ, Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства, вѣдать всѣ уставы государственные и важность ихъ, яко первое и главное дѣло, понеже въ томъ зависитъ правое и незазорное управленіе всѣхъ дѣлъ, и каждому для содержанія чести своей и убѣжанія отъ впаденія невѣдѣніемъ въ погрѣшеніе, и въ наказаніе должно. И дабы впредь никто невѣдѣніемъ о государственныхъ уставахъ не отговаривался (какъ учинилось отъ нѣкоторыхъ изъ Сената, въ прошломъ 1722 году въ 31 день Октября, въ Сенатѣ, въ дѣлѣ Шафирова, что невѣдѣніемъ про указъ Нашъ, который имъ тогда Оберъ-Прокуроръ читалъ, а они не вняли и учинили противность въ Сенатѣ, которымъ не помогло-жъ то невѣдѣніе, но штрафованы отнятіемъ чиновъ на время и арестомъ и деньгами); и для того отъ нынѣ, ежели о какомъ указѣ гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ, а кто въ то время не возметъ того указа смотрѣть и пренебрежетъ, а станетъ невѣдѣніемъ послѣ отговариваться, такихъ наказывать: впервые—отнятіемъ чина на время и штрафу, годъ жалованья, въ другой рядъ — третьею долею всего движимаго и недвижимаго имѣнія, въ третій разъ—лишеніемъ всего имѣнія и чина вовсе.

ПЕТРЪ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. 1724 года, Генваря 27 дня.

XXXVII. Учрежденіе Коллегій.

(Изъ «Исторіи русскаго права» А. Н. Филиппова. Юрьевъ, 1906 г.).

Извѣстно, что органами по преимуществу административными при Петрѣ Великомъ явились Коллегіи, смѣнившія собою Московскіе Приказы. Спутанность вѣдомства послѣднихъ, отсутствіе юридической опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ, нѣкоторая административная неповоротливость въ дѣйствіяхъ, заставили Петра Великаго создать новыя учрежденія, всецѣло построенныя на началѣ коллегіальности. Это начало считалось Петромъ Великимъ великою понацеей противъ произвола (въ Коллегіяхъ, по мнѣнію Петра Великаго, „президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что̀ хотѣли; въ Коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить"...) и продажности—этихъ давнихъ золъ нашего управленія. Неудивительно поэтому, что Петръ Великій хотѣлъ видѣть начало это осуществленнымъ во всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, независимо отъ тѣхъ функцій, какія выполнялись этими учрежденіями, т.-е. несмотря на то, были-ли это учрежденія законосовѣщательнаго, административнаго или судебнаго характера. Поэтому всѣ петровскія учрежденія можно называть Коллегіями, принимая во вниманіе тотъ принципъ, на основаніи котораго они были устроены; съ этой точки зрѣнія Св. Синодъ, Пр. Сенатъ—такія же Коллегіи, какъ и тогдашніе суды, или, напр., собраніе ландратовъ, которые должны были „съѣзжаться къ губернаторамъ" „для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ" и т. п. Но на ряду съ такимъ широкимъ пониманіемъ слова „Коллегія", оно употреблялось въ актахъ петровскаго времени и въ узкомъ спеціальномъ смыслѣ слова, для обозначенія тѣхъ, по преимуществу, административныхъ учрежденій, которыя смѣнили, какъ сказано, прежніе Приказы, будучи, въ свою очередь, въ началѣ XIX вѣка замѣнены Министерствами. О Коллегіяхъ, какъ административныхъ учрежденіяхъ по преимуществу, мы и будемъ говорить теперь.

Въ „Духовномъ Регламентѣ" были указаны подробно тѣ причины, какія вообще заставили Петра Великаго принять коллегіальный принципъ, какъ основаніе для организаціи государственныхъ учрежденій у насъ. Держась, по возможности, близко аргументаціи „Духовнаго Регламента", надо сказать слѣдующее. По мнѣнію автора этого „Регламента", „важныя вины" (основанія) управленія коллегіальнаго сводятся къ слѣдующему: „во-1-хъ) бо извѣстнѣе взыскуется (отыскивается) истина соборанымъ (соборнымъ) сословіемъ, нежели единымъ лицомъ": во-2-хъ) „вящше (лучше) ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ"; въ 3-хъ) „коллегіумъ не есть нѣкая факція (партія), тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но, на добро общее, повелѣніемъ Самодержца и Его жъ съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица"; въ 4-хъ) „еще же и сіе важно есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію... Инако (бываетъ) въ правленіи соборномъ": въ 5-хъ) „се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду"...; въ 6-хъ) „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ

имѣетъ къ правосудію: не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится"...

Указанные мотивы, по которымъ Петръ Великій обратился отъ приказнаго начала управленія къ коллегіальному, яснѣе всего показываютъ намъ, какъ глубоко въ немъ было желаніе обезпечить за государственными учрежденіями и высокое достоинство, и закономѣрное развитіе. Петръ Великій хотѣлъ пріучить всѣхъ къ соблюденію строгой законности въ управленіи и лучшимъ средствомъ для укрѣпленія этой законности, — какъ это подсказывалось ему изученіемъ западно-европейскихъ учрежденій, — считалъ начало коллегіальное, такъ какъ полагалъ, что оно отличается отъ приказнаго такими качествами, какія неизбѣжно приведутъ къ самымъ наилучшимъ результатамъ. Русская дѣйствительность далеко не оправдала этихъ надеждъ: впослѣдствіи очень разочаровались въ значеніи „коллежскаго" управленія, и готовы были видѣть въ немъ только недостатки, но въ этомъ вина уже не самаго принципа.

Таковы были общія, и, повидимому, очень важныя преимущества коллегіальнаго строя учрежденій, по сравненію съ единоличнымъ управленіемъ; по мнѣнію выдающихся западныхъ мыслителей, какъ напр., Лейбница, государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ Коллегій. Самъ Петръ Великій вполнѣ воспринялъ эту мысль, какъ видно не только изъ „Духовнаго Регламента", но и изъ другихъ данныхъ. Еще до изданія этого „Регламента", въ указѣ отъ 22 декабря 1722 г. онъ уже указалъ главное основаніе, заставившее его прибѣгнуть къ устройству коллегій: „управя" войско,—говоритъ указъ,—„Его Величество, милосердуя о народѣ и о земскомъ справедливомъ правленіи..., трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, дѣло, чего ради учинены Коллегіи, т.-е. собраніе многихъ персонъ..." (вмѣсто Приказовъ), т.-е. земское управленіе также можно упорядочить только введеніемъ коллегіальнаго начала въ организацію учрежденій.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ устройствѣ Коллегій, ихъ компетенціи и порядкѣ дѣлопроизводства. Прежде чѣмъ ввести Коллегіи, Петръ Великій долго изучалъ вопросъ, собиралъ справки и искалъ людей, знакомыхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ. Такъ напр., онъ выписывалъ изъ Австріи, преимущественно изъ Чехіи и Моравіи, лицъ, служившихъ въ Коллегіяхъ, затѣмъ бралъ шведовъ; посылалъ, наконецъ, своихъ русскихъ въ Кенигсбергъ для ознакомленія съ дѣломъ. Шведы изъ всѣхъ иностранцевъ были послѣдними, къ которымъ обратился Петръ Великій (хотя планъ Коллегій взятъ, повидимому, главнымъ образомъ со шведскаго образца), чтó и понятно въ виду тѣхъ враждебныхъ отношеній къ Швеціи, въ какихъ находилась тогда Россія. Въ 1718 г., однако, онъ поручаетъ Брюсу пригласить на службу военноплѣнныхъ, обнадеживая, что они не будутъ служить по военному вѣдомству, а будутъ назначены во вновь образовавшіяся Коллегіи. И вотъ, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ устройства Коллегій въ 1717—1719 гг. 28 февраля 1720 г. данъ „Генеральный Регламентъ Коллегіямъ". Еще въ 1718 г. было повелѣно составить Регламенты отдѣльныхъ Коллегій, а именно надлежало, какъ гласилъ именной указъ этого года, „всѣмъ Коллегіямъ, на основаніи шведскаго устава, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ Регламенты; а которые пункты въ шведскомъ Регламентѣ неудобны, или съ ситуаціею сего государства несходны, и оные оставить по своему разсужденію". Въ слѣдующемъ 1719 г. нѣкоторые изъ Регла-

ментовъ были уже готовы, и Коллегіи начали дѣйствовать, но общимъ для нихъ всѣхъ Уставомъ явился „Генеральный Регламентъ“, изданный 28 февраля 1720 г. По этому Регламенту устанавливались слѣдующія Коллегіи: 1) Иностранныхъ дѣлъ, 2) Каморъ (Камеръ), 3) Юстицъ, 4) Ревизіонъ, 5) Воинская, 6) Адмиралтейская, 7) Коммерцъ, 8) Штатсъ-Конторъ-Коллегія, 9) Бергъ и 10) Мануфактуръ-Коллегія. Позднѣе къ нимъ прибавилась Вотчинная Коллегія, смѣнившая Московскій Помѣстный Приказъ. Каморъ (Камеръ)-Коллегія вѣдала доходы государства, заботилась о болѣе равномѣрномъ обложеніи населенія окладными сборами; Штатсъ-Конторъ-Коллегія составляла роспись отдѣльныхъ штатовъ учрежденій и собирала, чрезъ Каморъ-Коллегію, свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ въ каждой губерніи, а Ревизіонъ-Коллегія—провѣряла все это; Юстицъ-Коллегія замѣнила судебные Приказы и вѣдала судъ гражданскій и уголовный. Вмѣсто военныхъ Приказовъ созданы Воинская (Военная) и Адмиралтейская Коллегія; для завѣдыванія горнымъ дѣломъ, развитіе котораго началось весьма успѣшно при Петрѣ Великомъ, а также и промышленностью—Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи; Коммерцъ-Коллегія устраивалась для заботы о развитіи внутренней и внѣшней торговли.

Каждая Коллегія была устроена такъ. Она раздѣлялась на присутствіе и канцелярію. Первое составляютъ президентъ (непремѣнно русскій), вице-президентъ, четыре совѣтника и четыре ассесора. Президентъ назначался государемъ, вице-президентъ представлялся на утвержденіе государя Пр. Сенатомъ, остальные опредѣлялись на должность самимъ Сенатомъ, по представленію подлежащихъ Коллегій. Президентъ, по Генеральному Регламенту, имѣлъ надъ ней „генеральную и верховную дирекцію (управленіе)“. Президентъ и вице-президентъ должны были „накрѣпко смотрѣть, чтобъ прочіе члены коллежскіе о повѣренныхъ дѣлахъ и въ приказанномъ имъ смотрѣніи съ надлежащимъ стараніемъ и прилежаніемъ попеченіе имѣли“. Если президентъ усматривалъ, что кто-либо изъ этихъ членовъ „мало разуменъ“ и „по должности чина его (т.-е. обязанностей)“ исправлять не можетъ, онъ входитъ съ представленіемъ въ Сенатъ о назначеніи „искуснѣйшаго“. При нерадѣніи членовъ къ дѣламъ, президентъ „вѣжливыми словами“ напоминаетъ имъ объ ихъ долгѣ, а при непослушаніи доноситъ о нихъ Пр. Сенату. Канцелярія состояла изъ секретаря, какъ ея начальника, протоколиста или нотаріуса, регистратора, актуаріуса, писцовъ и переводчика. Протоколистъ или нотаріусъ составлялъ протоколы засѣданій, регистраторъ—списки входящихъ и исходящихъ бумагъ, актуаріусъ—ихъ хранилъ.

Что касается компетенціи Коллегій, то раздѣленіе дѣлъ по роду ихъ составляло большой шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшей эпохою. Вѣдомство Приказовъ было очень запутано, такъ какъ слагалось постепенно и подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ. Теперь явилась возможность распредѣлить дѣла между отдѣльными Коллегіями, сообразно функціи каждой изъ нихъ. Интересно при этомъ отмѣтить, что вниманіе Петра Великаго больше всего было обращено на дѣла финансовыя, вѣдавшіяся нѣсколькими учрежденіями, далѣе на дѣла военныя, для которыхъ учреждены двѣ Коллегіи, имѣвшія первенствующее значеніе. Все это было совершенно понятно, въ виду того положенія, въ которомъ находилось тогда государство, требовавшее для своихъ задачъ большого напряженія силъ. Затѣмъ, хотя судъ и управленіе,—иначе сказать, судебная и административная власть,—раздѣляются, и создаются особыя судебныя учрежденія, но, подобно тому, какъ это было въ Приказахъ,

дѣленіе не проводится всегда достаточно глубоко: многія Коллегіи судятъ тѣхъ людей, которые подлежатъ ихъ вѣдѣнію въ какомъ-либо отношеніи (такой судъ принадлежалъ, напр., Мануфактуръ-Коллегіи).

Учрежденіе Коллегій повело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ устройствѣ Сената. До нихъ Сенатъ былъ единственнымъ центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ администрацію, финансовое учрежденіе и судъ. Теперь громадная часть дѣла вышла изъ его непосредственнаго вѣдѣнія и отдана соотвѣтствующимъ Коллегіямъ. Губернаторы, какъ начальники мѣстныхъ центровъ, сносятся съ Коллегіями, которыя получаютъ право взысканія съ нихъ, не сносясь сами съ Сенатомъ; Коллегіи являются высшимъ административно-судебнымъ мѣстомъ, гдѣ должно заканчиваться каждое дѣло; только какъ исключеніе дозволяется приносить жалобы сначала сенатскому секретарю, а затѣмъ рекетмейстеру на Коллегіи. Сенатъ, устраняясь отъ мелкихъ дѣлъ администраціи, могъ теперь лучше приводить въ исполненіе свою контролирующую всѣ учрежденія задачу; по Генеральному Регламенту Коллегіямъ послѣднія обязаны „неотложно исполнять сенатскіе указы“, а самъ Сенатъ своими указами требовалъ, чтобы Коллегіи присылали ему въ копіяхъ всѣ свои постановленія (прежде чего онѣ не могли ихъ печатать); всѣ финансовыя Коллегіи обязаны были доставлять въ началѣ каждаго года свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ, о недоимкахъ и остаткахъ и т. д. Изъ Коллегій двѣ—Камеръ и Юстицъ-келлегіи—имѣли особенно важное значеніе въ управленіи мѣстномъ. Первая вѣдала ландратовъ и коммиссаровъ; вторая—ландрихтеровъ. Для наблюденія за мѣстнымъ управленіемъ и судомъ создается, какъ извѣстно, система явнаго надзора—прокуроровъ и тайнаго—фискаловъ; такъ, при Коллегіяхъ создается цѣлый рядъ фискаловъ и изъ нихъ особенно выдѣляются фискалы Юстицъ-Коллегіи (государственный оберъ-фискалъ) съ помощниками и такъ называемые земскіе фискалы (при Каморъ-Коллегіи). Всѣ судебныя и финансовыя мѣста и должности, за которыми должны были строго наблюдать фискалы, представляли собою важную попытку выдѣлить судъ и финансовое управленіе изъ-подъ непосредственнаго завѣдыванія мѣстныхъ правительственныхъ властей и подчинить ихъ контролю центральныхъ мѣстъ, тогда какъ въ Московской Руси было смѣшеніе всѣхъ функцій власти въ рукахъ воеводы. Такъ при Петрѣ создаются земскіе кеммиссары, собирающіе подати и пр., и камериры, надзирающіе за всѣми сборами и подвѣдомственные только Каморъ-Коллегіи; судъ тоже отдается,—впрочемъ, не надолго,—особымъ органамъ, такъ называемымъ ландрихтерамъ, а затѣмъ городовымъ и губернскимъ судамъ, подчиненнымъ Юстицъ-Коллегіи.

Какъ уже указывалось выше, 28 февраля 1720 г. вышелъ въ свѣтъ „Генеральный Регламентъ Коллегіямъ“, въ которомъ изложенъ порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ. Этотъ „Регламентъ“ важенъ, между прочимъ, потому, что его правила имѣли примѣненіе, да отчасти и теперь имѣютъ, во всѣхъ учрежденіяхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ, и имъ утвердился у насъ новый порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства. Такъ, Регламентъ опредѣляетъ дни и часы засѣданія, указываетъ на распредѣленіе занятій, на порядокъ голосованія и на права и обязанности каждаго члена Коллегіи. Дѣла въ Коллегіи докладываетъ секретарь, начальствующій надъ ея канцеляріею. Дѣла рѣшаются „по множайшему числу голосовъ“ (т.-е. по большинству), послѣ обстоятельнаго обсужденія ихъ въ общемъ присутствіи. При этомъ каждый, „пока о которомъ дѣлѣ разсуждается, мнѣніе свое свободно и явственно объявлять (обязанъ), не взи-

рая на персону"; „за непорядное дѣяніе голосовъ" назначалось, смотря по винѣ, строгое наказаніе. Преимуществомъ коллегій по Генеральному Регламенту являлось ихъ право, по полученіи указа Сената, не исполнять его, въ случаѣ противности его указамъ государя и его высокому интересу. Коллегія можетъ сдѣлать относительно подобнаго указа представленіе Сенату, и, если Сенатъ будетъ настаивать на исполненіи своего указа, то дѣло представляется Коллегіею государю.

Мы уже указывали, какъ смотрѣлъ Петръ Великій на введеніе Коллегій. Жизненныя условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать Коллегіямъ, не оправдали почти совсѣмъ надеждъ, возлагавшихся на нихъ Преобразователемъ. Коллегіи,—давъ болѣе простое, чѣмъ прежде, раздѣленіе дѣлъ по ихъ роду, внеся болѣе внѣшняго порядка и опредѣленности въ дѣлопроизводство, вообще создавъ лучшую форму для административной дѣятельности,—мало внесли новаго духа въ управленіе и особенно послѣ Петра Великаго совсѣмъ не создали того независимаго и чуждаго произвола административнаго корпуса, о которомъ, несомнѣнно, мечталъ Петръ Великій. Кромѣ общихъ условій времени, составъ Коллегій, въ особенности-же важное значеніе формы, введенной Петромъ для обузданія самовластія, приводятъ въ концѣ вѣка de facto къ тому, что бюрократическій элементъ, въ прямомъ смыслѣ господства канцеляризма, совершенно поглощаетъ коллегіальный, почему и представляются вѣрными слова фельдмаршала Миниха, который, характеризуя дѣлопроизводство Коллегій, писалъ Екатеринѣ II, что Россія управляется на дѣлѣ секретарями и подсекретарями, а совсѣмъ не губернаторами и президентами отдѣльныхъ частей, какъ это казалось.

XXXVIII. Мѣры Петра въ области государственныхъ финансовъ.

(*Изъ «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго, ч. IV. М. 1910 г.*).

Въ 1710 г. Петръ приказалъ сосчитать свои доходы и расходы. Оказалось, что по трехъ-лѣтней сложности за 1705—1707 гг. средняя ежегодная сумма доходовъ съ соляной прибылью не превышала 3.330.000 руб. Армія и флотъ поглощали до 3 милл.; на всѣ остальные расходы шло около 824,000 руб. Ежегодный дефицитъ простирался до 500,000 руб., составляя 13% расходнаго бюджета. Недостатокъ дохода доселѣ восполнялся кой-какъ остатками прежнихъ лѣтъ, какіе на всякій случай прикапливала казна; но теперь они повидимому истощились. По смѣтѣ на 1710 г. предвидѣвшійся полумилліонный дефицитъ положено было покрыть дополнительнымъ сборомъ по полтинѣ (4 руб. на наши деньги) съ тяглаго двора: это былъ при Петрѣ, какъ и до него, обычный видъ внутренняго кредита—заемъ безпроцентный и безвозвратный; другого вида не было, потому что къ казнѣ никто не имѣлъ довѣрія ни дома, ни за границей. Предотвратить это затрудненіе на будущее время Петръ надѣялся новымъ пересмотромъ платежныхъ силъ. До сихъ поръ прямое обложеніе основывалось на подворной переписи 1678 г. Наткнувшись на такой дефицитъ, Петръ велѣлъ произвести новую перепись въ твердой надеждѣ на 30-лѣтній приростъ плательщиковъ и потерпѣлъ финансовое

пораженіе, равнявшееся военному подъ Нарвой: въ 1714 г. Сенатъ разсчиталъ, что перепись 1710 г. обнаружила убыль тяглаго населенія почти на четверть, хотя болѣе внимательное изученіе данныхъ въ книгѣ г. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ Россіи при Петрѣ смягчило этотъ испуганно-преувеличенный разсчетъ тогдашней оффиціальной статистики— свело убыль до 1/5. Виновникомъ такого запустѣнія страны былъ самъ Петръ, изъявшій изъ тяглаго населенія сотни тысячъ здороваго люда рекрутскими наборами, десятки тысячъ рабочихъ нарядами на верфи, на каналы, на стройку новой столицы и десятки же тысячъ куда-то бѣжавшихъ отъ тяжести управленія и налоговъ или утаенныхъ отъ переписи благодаря неумѣнью найти добросовѣстныхъ исполнителей. Петръ понималъ экономію народныхъ силъ по своему: чѣмъ больше колоть овецъ, тѣмъ больше шерсти должно давать овечье стадо. Новая подворная перепись 1716 и 1717 гг. показала только дальнѣйшую убыль тяглаго населенія.

Финансовыя затрудненія стали особенно тяжелы съ начала Сѣверной войны. При старшемъ братѣ Петра прямое обложеніе сведено было въ двѣ классовыя подати: одна подъ названіемъ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ падала на крѣпостныхъ людей, другая, стрѣлецкая, во много разъ болѣе тяжелая, была положена на все остальное тяглое населеніе. Оба налога въ прежнемъ окладѣ взимались и при Петрѣ. Но регулярная армія и флотъ потребовали новыхъ средствъ: введены были новые военные налоги, деньги драгунскія, рекрутскія, корабельныя, подводныя; драгунская подать на покупку драгунскихъ лошадей, падавшая и на духовенство, доходила до 2 р. съ сельскаго двора и до 9 р. съ посадскаго на наши деньги. Не было обойдено, конечно, и косвенное обложеніе, столь трудолюбиво использованное уже старыми московскими финансистами. Но для разработки этого соблазнительнаго источника Петръ обратился къ небывалому средству. До той поры земной творчески-всемогущей силой государственнаго строенія признавалась выше вдохновляемая государственная власть. Самъ Петръ долго, если не до конца жизни, раздѣлялъ этотъ кремлевской колыбелью воспитанный взглядъ. Но нужда побудила его призвать на помощь власти воспособительное средство, русскій умъ. Образъ дѣйствій преобразователя пробудилъ въ обществѣ политическое мышленіе и Петръ получилъ на свой призывъ благодарный откликъ. Явился цѣлый рядъ доносителей, какъ ихъ тогда называли, или публицистовъ, какъ называли бы ихъ мы, изъ разныхъ классовъ общества, отъ сына вельможи Салтыкова, отъ полковника Юрлова, отъ сына Петрова учителя Зотова до посадскаго человѣка Муромцева и до промышленнаго крестьянина Посошкова. Они трактовали въ своихъ „прожектахъ" самые разнообразные предметы, начиная отъ высшихъ вопросовъ государственнаго порядка до канатнаго мастерства, о чемъ подавалъ Петру записку мастеръ Максимъ Микулинъ, а Посошковъ представилъ Петру цѣлую книгу, смѣлую и яркую, хотя углемъ написанную картину современнаго положенія Россіи съ цѣлой уймой средствъ его исправленія. Объ руку съ прожекторами шли прибыльщики или вымышленники, иногда мѣняясь ролями, а иногда совмѣщая въ себѣ оба званія. Въ томъ и другомъ званіи можно насчитать до 20 именъ, кромѣ оставшихся неизвѣстными. Петръ внимательно просматривалъ всякіе проекты и награждалъ даже самые вздорные, говоря: „они для меня трудились, мнѣ добра хотѣли". Прибыльщики—это особая должность, учрежденіе, цѣлое финансовое вѣдомство: обязанность прибыльщика по указу „сидѣть и чинить государю прибыли", т.-е. изобрѣтать новые источники

государственнаго дохода. Замѣчательно, что они выходили большею частью изъ холоповъ: среди многочисленной боярской дворни были люди грамотнѣе и смышленнѣе своихъ господъ. Дворецкій боярина Шереметева Курбатовъ, путешествуя со своимъ бариномъ за границей, узналъ объ изобрѣтенномъ тамъ незадолго до того гербовомъ налогѣ: воротясь домой, онъ въ подметномъ письмѣ въ 1699 г. предложилъ Петру ввести въ Россіи „орленую" бумагу, приносившую казнѣ въ первое время, по очень преувеличенному извѣстію кн. Куракина, до 300 тыс. руб. въ годъ; въ 1724 г. гербовый сборъ разсчитанъ всего на 17 тыс. руб. За это изобрѣтеніе онъ сдѣланъ былъ чѣмъ то въ родѣ директора департамента торговли и промышленности, а потомъ архангельскимъ вице-губернаторомъ и умеръ подъ судомъ по обвиненію въ казенной растратѣ. За Курбатовымъ, родоначальникомъ прибыльщиковъ, слѣдовали, все изъ боярскихъ холоповъ, Ершовъ, бывшій московскимъ вице-губернаторомъ, Нестеровъ, оберъ-фискалъ, какъ-бы сказать, генеральный контролеръ, самый смѣлый обличитель вельможныхъ казнокрадовъ и наконецъ самъ уличенный во взяткахъ и за то колесованный, далѣе Вараксинъ, Яковлевъ, Старцовъ, Акиншинъ и много много другихъ. Прибыльщики хорошо послужили своему государю: новые налоги какъ изъ худого рѣшета посыпались на головы русскихъ плательщиковъ. Начиная съ 1704 г. одинъ за другимъ вводились сборы поземельный, помѣрный и вѣсчій, хомутейный, шапочный и сапожный—отъ клейменія хомутовъ, шапокъ и сапоговъ, подужный, съ извозчиковъ—десятая доля найма, посаженный, покосовщинный, кожный—съ конныхъ и яловочныхъ кожъ, пчельный, банный, мельничный, съ постоялыхъ дворовъ, съ найма домовъ, съ наемныхъ угловъ, пролубной, ледокольный, погребной, водопойный, трубный съ печей, привальный и отвальный—съ плавныхъ судовъ, съ дровъ, съ продажи съѣстного, съ арбузовъ, огурцовъ, орѣховъ и „другіе мелочные всякіе сборы", говоритъ роспись въ заключеніе. Появились налоги, трудно доступные разумѣнію даже московскаго плательщика, достаточно расширенному прежними порядками обложенія, или прямо его возмущавшіе. Обложенію подвергались не одни угодья и промыслы, но и религіозныя вѣрованія, не только имущество, но и совѣсть. Расколъ терпѣлся, но оплачивался двойнымъ окладомъ подати, какъ едва терпимая роскошь; точно такъ же оплачивались борода и усы, съ которыми древнерусскій человѣкъ соединялъ представленіе объ образѣ и подобіи Божіемъ.

Прибыльщики проявили большую изобрѣтательность. Изъ перечня придуманныхъ ими налоговъ, „выданныхъ прибылей", какъ тогда говорили, видимъ, что они устроили генеральную облаву на обывателя, особенно на мелкаго промышленника, мастерового и рабочаго. Въ погонѣ за казенной прибылью они доходили до виртуозности, до потери здраваго смысла, предлагали сборы съ рожденій и браковъ. Брачный налогъ и былъ положенъ на мордву, черемису, татаръ и другихъ некрещенныхъ инородцевъ; эти „иновѣрческія свободы" вѣдала сборами медовая канцелярія прибыльщика Парамона Старцова, придумавшаго и собиравшаго пошлины со всѣхъ пчельниковъ. Дивиться надо, какъ могли прожекторы и прибыльщики проглядѣть налогъ на похороны. Свадебная пошлина была уже изобрѣтена древнерусской администраціей въ видѣ свадебнаго убруса и выводной куницы и сама по себѣ еще понятна: женитьба—все таки маленькая роскошь; но обложить русскаго человѣка пошлиной за рѣшимость появиться на свѣтъ и позволить ему умирать безпошлино—финансовая непослѣдовательность, впрочемъ исправленная духовенствомъ.

Для сбора прибылей учреждены были канцеляріи рыбная, банная, постоялая, медовая и другія, подчиненныя главной Ижерской канцеляріи подъ начальствомъ ижерскаго губернатора кн. Меншикова. Потому эти сборы назывались „канцелярскими". Они считались мелочными; но иные являются крупными мелочами: такъ рыбная канцеляція, по словамъ кн. Куракина, собирала тысячъ по 100 въ годъ, медовая тысячъ по 70. Но къ концу царствованія въ системѣ прибыльщиковъ, если можно такъ назвать ихъ налоговыя ухищренія, обнаружилось двоякое неудобство: ея финансовая маловажность и дурное дѣйствіе на настроеніе народа. Эти сборы усилили налоговое напряженіе и раздраженіе, донимали не только тяжестью нѣкоторыхъ изъ нихъ, но еще болѣе своею численностью, заходившей за 30, назойливымъ іюльскимъ оводомъ приставая къ плательщику на каждомъ шагу. Постепенно эти сборы падали, накопляя недоимку. На табели 1724 г. самъ Петръ поставилъ кресты надъ нѣкоторыми изъ этихъ сборовъ. Работа прибыльщиковъ любопытна тѣмъ, что вскрываетъ одно изъ основныхъ правилъ финансовой политики Петра: требуй невозможнаго, чтобы получить наибольшее изъ возможнаго.

Совершенно особымъ источникомъ дохода послужили земельныя богатства Церкви. Военная нужда указала на этотъ источникъ прежде, чѣмъ развернулась дѣятельность прибыльщиковъ, хотя въ ихъ канцеляріи шли нѣкоторые сборы, упавшіе на церковныя учрежденія. Послѣ Нарвы, переливъ въ пушки множество церковныхъ колоколовъ, Петръ указомъ 30 декабря 1701 г. отнялъ у монастырей распоряженіе ихъ вотчинными доходами за то или подъ тѣмъ предлогомъ, что нынѣшніе монахи вопреки примѣру древнихъ и своему обѣту не питаютъ нищихъ своими трудами, напротивъ сами чужіе труды поѣдаютъ. Сборъ доходовъ съ монастырскихъ вотчинъ вѣдалъ Монастырскій приказъ, государственное судебно-административное учвежденіе по недуховнымъ дѣламъ духовнаго вѣдомства.

Къ прежнимъ казеннымъ монополіямъ, смолѣ, поташу, ревеню, клею и т. п. прибавились новыя: соль, табакъ, мѣлъ, деготь, рыбій жиръ и... дубовый гробъ: въ 1705 г. послѣдняя роскошь древнерусскаго зажиточнаго человѣка была отобрана у продавцовъ въ казну, которая продавала ее вчетверо дороже, а потомъ, когда отобранный товаръ былъ распроданъ, такіе гробы были совсѣмъ запрещены. И страсти людскія стали доходной статьей: карты, кости, шахматы и другіе игральные инструменты, какъ табакъ и водка, вошли въ число монополій и отдавались на откупъ; „заплатя пошлину, вольно играть", замѣчаетъ современникъ. Первый откупной годъ далъ 10 тыс. руб. Значительную статью дохода составляла передѣлка, точнѣе, казенная поддѣлка монеты. До Петра у насъ ходили мелкія серебряныя монеты, копѣйки и полукопѣйки, называвшіяся деньгами. Онѣ складывались въ счетныя единицы, алтыны (3 коп.), гривны, полтинники, полуполтинники и рубли. Притомъ и мелкой серебряной монеты было такъ мало, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при разсчетахъ ходили за монету кожанные лоскутки. Съ 1700 г. стали выпускать и мелкую мѣдную, и крупную серебряную монету, послѣднюю съ названіями прежнихъ счетныхъ единицъ, постепенно понижая ея вѣсъ и пробу и внося въ монетное обращеніе кредитный элементъ. Въ концѣ царствованія денежные дворы давали казнѣ прибыли до 300 тыс. (болѣе 2 милл. на наши деньги). Но это была мнимая прибыль, молотьба ржи на обухѣ: денежный курсъ падалъ, товары дорожали; по сравненію хлѣбныхъ цѣнъ серебряная копѣйка въ концѣ царствованія Петра была почти

вдвое дешевле таковой 1670-хъ годовъ и равнялась приблизительно 8 коп. нынѣшнимъ, тогда какъ алексѣевская стоила 14—15 нашихъ.

Коренной переворотъ потерпѣло при Петрѣ прямое обложенiе. „Дворовое число“ давно уже стало никуда негоднымъ основанiемъ обложенiя, а новая петровская канцелярiя испортиля его еще болѣе. Распредѣлять налоги по переписямъ 1710 и 1717 гг., показавшимъ большую убыль дворовъ противъ переписи 1678 г., было невыгодно. Правительственная статистика, оберегая казенный интересъ, придумала остроумную комбинацiю: въ основу новаго губернскаго дѣленiя 1719 г. она положила роспись двороваго числа, составленную по переписямъ разныхъ лѣтъ, выбирая изъ прежнихъ переписей подходящiя цифры. Получился блестящiй результатъ: число тяглыхъ дворовъ, по переписи 1678 г. не превышавшее 833 тыс., теперь послѣ засвидѣтельствованной дважды убыли перешагнуло за 900 тыс. даже безъ посадскихъ дворовъ. Это статистическое дурачество тогдашней канцелярiи лишало подворное обложенiе всякаго практическаго смысла и заставляло искать другой окладной единицы, а переписи 1710 и 1717 гг. прямо на нее указывали, вскрывъ любопытное явленiе, выясненное въ упомянутой книгѣ г. Милюкова: убыль дворовъ шла по мѣстамъ одновременно съ приростомъ населенiя. Среднiй составъ тяглаго двора сгущался и доходилъ до $5^{1}/_{2}$ мужскихъ душъ вмѣсто обычныхъ трехъ или четырехъ. При подворномъ обложенiи этотъ приростъ для казны пропадалъ: оставалось перейти къ поголовщинѣ. Мысль о поголовной подати зародилась въ московскихъ финансовыхъ умахъ еще во времена Софьина кн. Голицына. Публицисты Петра тоже ничего не придумали умнѣе головы мужского пола: этой окладной единицей они надѣялись устранить разорительную неравномѣрность подворнаго обложенiя.

Сенатъ, толкуя указъ Петра 26 ноября 1718 г., предписывалъ перечислить все сельское пахотное населенiе мужскаго пола, всѣхъ, „не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца“. Принятая въ руководство для расквартированiя полковъ и для податного учета 1724 г., сенатская смѣта съ прибавленной къ ней росписью представляетъ провѣренное изображенiе подушной системы за первый годъ ея дѣйствiя и за послѣднiй годъ жизни ея творца, безъ перемѣнъ, какимъ она подвергалась вскорѣ послѣ его смерти. По этой вѣдомости значится всего тяглаго населенiя 5,570,000 душъ, въ томъ числѣ городскихъ 169,000. Подушный окладъ устанавливался въ связи съ ходомъ переписи: разсчитанный сначала въ размѣрѣ 95 коп., онъ потомъ спустился до 74 коп.; съ цѣлью уравнять въ тягостяхъ всѣ души, на государственныхъ крестьянъ взамѣнъ платежей владѣльцамъ положенъ былъ дополнительный 4-гривенный сборъ; городскiе тяглые обыватели платили по 1 руб. 20 коп. съ души. Въ оправданiе подушной подати выставлялась двоякая цѣль: уравненiе подданныхъ въ казенныхъ платежахъ и увеличенiе казенныхъ доходовъ безъ отягощенiя народнаго. Но указы о подушной подати съ крестьянъ не разъясняли, что такое ревизская душа, счетная ли только, или и раскладочная единица; лишь указъ 1722 г. о подати съ посадскихъ людей пояснилъ: „а имъ верстаться между собою городами по богатству“. Съ сельскаго населенiя подушная взималась по точному смыслу ея названiя, не только высчитывалась въ смѣтахъ по количеству душъ, но и при сборѣ раскладывалась прямо по душамъ, а не по работникамъ. Шли жалобы на „отягченiе и неравенство въ народѣ“, на то, что скудный крестьянинъ съ 3 малыми сыновьями долженъ платить вдвое больше

богатаго съ однимъ сыномъ Однообразный уравнительный налогъ на дѣлѣ усиливалъ естественное неравенство семейныхъ составовъ и состояній. Больнѣе всѣхъ пострадали и безъ того наиболѣе обездоленные помѣщичьи крестьяне. Прямой подворный налогъ щадилъ ихъ во вниманіе къ ихъ тяжелымъ господскимъ повинностямъ. Подушная подать легла на нихъ въ одинаковомъ размѣрѣ съ лучше устроенными дворцовыми и церковными крестьянами, увеличивъ втрое и по мѣстамъ даже вчетверо ихъ окладные платежи. Справедливость требовала, чтобы помѣщики соразмѣрно понизили свои поборы съ крестьянъ, и этого, кажется, ожидало правительство. Въ интересѣ уравнительности предположено было государственныхъ крестьянъ, свободныхъ отъ господскихъ требованій, обложить сверхъ общей подушной подати дополнительнымъ платежомъ, примѣняясь къ тому, „какъ помѣщики получать будутъ съ своихъ крестьянъ, или инымъ какимъ манеромъ, какъ удобнѣе и безъ конфузіи людямъ". Этотъ дополнительный сборъ высчитанъ былъ въ 40 коп. Но помѣщики и не думали довольствоваться какими-нибудь 4 гривнами. Напротивъ, усиленные расходы по службѣ и по оплатѣ казенныхъ повинностей, какія легли на бездоходныхъ дворовыхъ людей, помѣщики полностью и даже съ избыткомъ переложили на своихъ крестьянъ и подняли крестьянскій оброкъ до непомѣрной высоты, пользуясь отсутствіемъ законной оброчной нормы: въ эпоху ревизіи по Посошкову съ крестьянскаго двора сходило помѣщику „рублевъ по 8 или малымъ чѣмъ меньше", а брауншвейгскій резидентъ Веберъ, собравшій за время своего пребыванія въ Россіи (1714 – 1719 гг.) хорошія свѣдѣнія о ея положеніи, въ своихъ запискахъ (Das veränderte Russland) замѣчаетъ, что рѣдкій крестьянинъ платитъ помѣщику свыше 10 – 12 рублей оброку, слѣдовательно крестьянинъ, платившій около 10 руб. былъ не рѣдокъ. Принимая только 7 руб. съ чѣмъ-нибудь (рублей 60 на наши деньги) на дворъ, найдемъ, что при 4-душевомъ составѣ двора помѣщичій оброкъ слишкомъ вдвое превосходилъ подушную подать и почти впятеро былъ выше 40 коп., нормальной по указу суммы помѣщичьяго оброка. Можно только недоумѣвать, откуда брались у крестьянъ деньги для такихъ платежей при тогдашнемъ тѣсномъ пространствѣ денежнаго крестьянскаго заработка, хотя бы половина ихъ покрывалась хлѣбомъ или работой. Значитъ, подушная подать, сглаживая старыя податныя неровности, усиливала или вводила новыя, подтягивала подъ одну схематическую, канцелярски составленную мѣрку возникшіе изъ жизни разнообразные мѣстные и классовые уровни налогоспособности, въ общемъ итогѣ значительно отягощала бремя прямого обложенія и такимъ образомъ не достигала ни одной изъ своихъ цѣлей—ни уравнительности казенныхъ платежей, ни увеличенія доходовъ казны безъ отягощенія народа.

Въ другихъ налогахъ, окладныхъ и неокладныхъ, повторились тѣ же явленія: преувеличенныя требованія казны, внушенныя нуждой и предразсудкомъ, будто деньги всегда найти можно, и молчаливый отвѣтъ плательщика—огромный недоборъ. Прибыльщики поусердствовали въ изобрѣтеніи разныхъ пошлинъ и поборовъ съ промысловъ и угодій, и оклады налоговъ этого разряда приблизительно съ $1^1/_2$ милл. первыхъ годовъ столѣтія возвышены были въ 1720 г. почти до 2,6 милл., но поступленія даже за вычетомъ перебора дали полмилліона недобора, почти 20% противъ смѣты. Финансовые успѣхи, достигнутые Петромъ, открываются изъ его послѣдняго доходнаго бюджета за 1724 г., составившагося изъ подушной подати, которую начали собирать въ этотъ годъ, и изъ прочихъ сбо-

ровъ, таможенныхъ, кабацкихъ, промысловыхъ и т. п. Изъ расходнаго бюджета приведу только главную статью, военный расходъ.

Ревизскія души:

Крѣпостныхъ людей.	4,364,653	78%
Государственныхъ крестьянъ. .	1,036,389	19%
Посадскихъ людей	169,426	3%
	5,570,468	

Съ нихъ подушной (съ 40 к.). .	4,614,637 руб.
Прочихъ доходовъ	4,040,090 „
	8,654,727 руб.

Военный расходъ:

На сухопутн. войско (изъ подушной)	4,596,493 руб.
На флотъ.	1,200,000 „
	5,796,493 руб.

Эти неполныя, минимальныя цифры документовъ 1724 г. даютъ однако нѣсколько выразительныхъ итоговъ финансовой реформы; въ вѣдомостяхъ дальнѣйшихъ лѣтъ количества увеличиваются, но пропорціи измѣняются мало. Рѣзко выступаетъ связь этой реформы съ военной, какъ ея двигателемъ: расходъ на войско и флотъ доходитъ до 67% всего смѣтнаго дохода, а по отношенію къ дѣйствительнымъ поступленіямъ того года поднимается до 75%. Войско стало обходиться странѣ гораздо дороже, чѣмъ оно стоило 44 года назадъ, когда на него шло меньше половины тогдашняго дохода. Далѣе, слѣдующій доходъ 1724 г. почти втрое превосходилъ доходъ дефицитнаго 1710 года, этотъ успѣхъ достигнутъ былъ подушной податью, которая болѣе чѣмъ на 2 милліона увеличивала окладной доходъ казны. Но въ первый же годъ подушная по упомянутой мною камеръ-колежской росписи дала недобора 848 тыс. Значитъ, 15-лѣтняя борьба съ дефицитомъ 1710 г. въ 13% расхода завершилась недоборомъ 18% подушнаго оклада т.-е. значительной порчей самаго орудія борьбы. Въ-третьихъ, Петръ къ концу царствованія былъ въ $3^1/_2$ раза богаче своего старшаго брата: переложивъ бюджеты 1680 и 1724 гг. на наши деньги, найдемъ, что первый простирался до 20 милл., а второй до 70. Но Петръ разбогатѣлъ крутымъ переломомъ системы налоговъ: подушная перегнула обложеніе въ другую сторону. До нея прямые налоги уступали косвеннымъ (конецъ лекціи LI). Усиленныя заботы Петра о развитіи торговли и промышленности, народно-хозяйственнаго оборота, подавали надежду на дальнѣйшій ростъ косвеннаго обложенія. Случилось иное: подушная одержала рѣшительный перевѣсъ, дошла до 53% смѣтнаго дохода. Значитъ, при недостаткѣ доступныхъ обложенію капитала и оборота приходилось обремѣнять все тотъ же голый простонародный трудъ тѣхъ же „работныхъ персонъ“ и безъ того достаточно обремененныхъ, и въ этомъ направленіи дойти до непреступаемаго предѣла. Между тѣмъ свои и чужіе наблюдатели выносили изъ положенія

дѣлъ впечатлѣніе, что при обширности государства и при его естественныхъ богатствахъ царь безъ народнаго отягощенія могъ бы получать гораздо больше дохода. Самъ Петръ думалъ такъ же; по крайней мѣрѣ въ регламентѣ Камеръ-коллегіи 1719 г. высказана оригинальная или заимствованная мысль, что „никакого государства въ свѣтѣ нѣтъ, которое бы наложенную тягость снесть не могло, ежели правда, равенство и по достоинству въ податяхъ и расходахъ осмотрѣно будетъ“.

Несчастіемъ Петра было то, что онъ никакъ не нашелъ средствъ создать себѣ это необходимое для успѣха „ежели“. Тѣ же наблюдатели въ одинъ голосъ говорятъ, что у Петра было два врага казны и общаго блага, которымъ не было дѣла ни до какой правды и равенства, но которые были посильнѣе царской тяжеловѣсной и безпощадной руки: это—дворянинъ и чиновникъ, тотъ и другой—твореніе той же власти, которой они такъ плохо служили. О дворянахъ эти наблюдатели пишутъ, что ничто на свѣтѣ не занимаетъ ихъ столько, кахъ забота сколь возможно освободить своихъ крестьянъ отъ казенныхъ повинностей—не для облегченія крестьянъ, а для увеличенія собственныхъ доходовъ, и здѣсь они не брезгаютъ никакими средствами. Чиновники изображаются истинными виртуозами своего ремесла. Средства для взяточничества неисчислимы, и ихъ такъ же трудно изслѣдовать, какъ и исчерпать море, по выраженію резидента Вебера. Въ своей финансовой политикѣ Петръ походилъ на возницу, который изо всей мочи гонитъ свою исхудалую лошадь, въ то же время все крѣпче натягивая вожжи.

XXXIX. Областная реформа Петра Великаго.

(По соч.: П. Н. Милюкова «Государст. хозяйство Россіи въ перв. четв. XVIII в. и реформа Петра В.», М. М. Богословскаго: «Областная реформа Петра В.», В. О. Ключевскаго: «Курсъ русск. исторіи» и А. А. Кизеветтера: «Мѣстное самоуправленіе въ Россіи»).

Процессъ выработки административной организаціи Россіи съ подраздѣленіемъ ея на отдѣльныя территоріальныя единицы шелъ постепенно, параллельно образованію и развитію самого государства. Извѣстно, какъ Москва смыкала государственную территорію въ цѣлое, не создавая обширныхъ областныхъ единицъ съ сильною властью на мѣстѣ, а привязывая старинныя мелкія областныя единицы непосрсдственно къ центру и сосредоточивая управленіе ими не на мѣстѣ, а въ соотвѣтственныхъ центральныхъ приказахъ. Такимъ образомъ, присоединяемая область теряла свое, объединявшее ее, мѣстное управленіе и отнынѣ представляла собою только нѣсколько мелкихъ административныхъ единицъ, руководимыхъ московскимъ приказомъ.

XVII вѣкъ, собирая разоренное смутой государство и укрѣпляя его для тяжелой борьбы съ сосѣдями, ставя его, такъ сказать, на военную ногу, создаетъ новую административную единицу — уѣздъ, имѣвшую для того времени, преимущественно лишь экономическое значеніе. Уѣздъ, это—округъ тянувшій къ городу, издавна связанный съ нимъ торгово-промышленными нитями. Эта исконная органически и естественно сложившаяся, областная единица дѣлается теперь административной, получая особаго управителя въ лицѣ воеводы. Новая административно-област-

ная единица уже гораздо крупнѣе прежнихъ, но все же число этихъ единицъ было громадно. Еще въ 1625 г. насчитывалось 146 городовъ съ уѣздами, въ которые посылались воеводы, непосредственно сносившіеся съ Москвой. Это значительное число областей и непосредственность ихъ сношеній съ центромъ должны были затруднять работу административной машины, дѣлая ее неуклюжей въ структурѣ и неповоротливой въ дѣйствіи. Нестройность и пестрота этого областнаго раздѣленія XVII в. увеличивалась еще встрѣчавшимися остатками прежнихъ областныхъ единицъ.

Съ расширеніемъ государственной территоріи и съ развитіемъ государственныхъ понятій все болѣе давали себя чувствовать потребности въ децентрализаціи управленія и въ большей правильности адинистративнаго устройства, которыми и вызывается образованіе болѣе крупныхъ, чѣмъ прежде, административныхъ единицъ. Такія единицы, дѣйствительно, формируются во второй половинѣ XVII в. путемъ соединенія въ іерархическія системы. Воеводы мелкихъ городовъ теряютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самостоятельность, подчиняясь воеводамъ крупныхъ городовъ. Это былъ пріемъ, аналогичный съ тѣмъ, при посредствѣ котораго правительство пыталось ввести нѣкоторую іерархическую связь въ систему приказовъ, подчиняя нѣсколько мелкихъ приказовъ одному крупному. Такъ постепенно стали слагаться военно-финансовыя округа. Потребность въ такомъ сформированіи прежде всего вытекала изъ характера дѣятельности Разряднаго приказа, оказывавшаго особенно сильное вліяніе на мѣстную жизнь. Наиболѣе общимъ для всѣхъ городовъ поводомъ къ организаціи группъ были періодическіе разборы, верстанья и раздачи жалованья мѣстнымъ служилымъ людямъ. Обыкновенно эти операціи производились правительствомъ не въ каждомъ городѣ особо, а для служилаго населенія цѣлой группы городовъ изъ одного какого-нибудь—центральнаго. Можно думать, что съѣзжая изба такого мѣстнаго центра—по крайней мѣрѣ, временно—становилась мѣстнымъ отдѣленіемъ Разряда, какъ это видно въ большихъ размѣрахъ на примѣрѣ новгородской приказной избы. Однако же, тамъ, гдѣ дѣйствовала одна эта причина, т.-е. іерархическое соединеніе уѣздовъ вызывалось условіями дѣятельности разряднаго приказа, какъ, напримѣръ, въ замосковныхъ городахъ,—она оказалась недостаточной для организаціи постоянныхъ округовъ: дѣло въ томъ, что получавшіяся такимъ образомъ группы, хотя и держались указанныхъ выше историческихъ и географическихъ сочетаній, все же были довольно подвижны и измѣнчивы. Прочнѣе становилась связь тамъ, гдѣ соединеніе городовъ въ группы не ограничивалось цѣлями регистратуры и денежной раздачи служилому сословію, и гдѣ къ этому присоединялось единство военной команды, необходимое для лучшей организаціи обороны страны. Вѣдь тогда еще не было регулярной арміи. Главную часть вооруженныхъ силъ составляли конныя ополченія служилыхъ помѣщиковъ, распускаемыя по домамъ въ промежуткахъ между походами. Чѣмъ болѣе умножались отдаленные походы на окраины государства, тѣмъ затруднительнѣе становилось перебрасывать эти ополченія то туда, то сюда, по всему лицу русской земли, надолго отрывая служилыхъ помѣщиковъ отъ ихъ усадьбъ, отъ ихъ хозяйства. Это было и разорительно для помѣщиковъ, и неудобно для государства, такъ какъ всѣ эти передвиженія, громоздкія и медленныя, необыкновенно тормозили ходъ военныхъ операцій. Выходъ изъ этихъ затрудненій найденъ былъ слѣдующій. Къ каждой наиболѣе угрожаемой окраинѣ былъ приписанъ свой опредѣленный, довольно значительный районъ, обнимавшій

цѣлую группу старыхъ уѣздовъ. Помѣщики, испомѣщенные въ предѣлахъ этого района, вызывались въ походъ для защиты соотвѣтствующей этому району окраины. Такой районъ назывался „разрядомъ", и во главѣ его становился разрядный воевода, жившій въ главномъ городѣ разряда. На воеводу были возложены функціи двоякаго рода: во-первыхъ, онъ завѣдывалъ ополченіями помѣщиковъ, расположенными въ подвѣдомственномъ ему районѣ, вызывалъ ихъ на сборные пункты и группировалъ въ полки во время мобилизаціи; во-вторыхъ, онъ же вѣдалъ и содержаніе этихъ ополченій, сборъ предназначенныхъ на этотъ предметъ налоговъ и соотвѣтствующее расходованіе ихъ. Содержаніе ополченіи каждаго „разряда" производилось изъ суммъ, собираемыхъ съ неслужилаго населенія того же разряднаго округа. Разрядный воевода собиралъ эти суммы въ мѣстную кассу и самъ же завѣдывалъ ихъ расходованіемъ. Итакъ, „разрядъ" являлся въ одно и то же время военнымъ и финансовымъ округомъ, и разрядный воевода сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ и военную, и финансовую администрацію такого округа. Такъ было на западной („нѣмецкой" и „литовской") и южной („крымской") окраинѣ, особенно на послѣдней, какъ болѣе подвергавшейся нападеніямъ. Двѣ группы городовъ этой окраины—города „украинные" и „рязанскіе" — и превратились поэтому въ настоящіе военные округа, „разряды", составлявшіе органическое цѣлое: здѣсь былъ свой мѣстный штабъ — въ Тулѣ или Рязани—и подчиненные ему полки, стоявшіе въ теперешнихъ уѣздныхъ городахъ этихъ губерній. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича былъ выработанъ проектъ раздѣленія вообще всей Россіи на девять обширныхъ военныхъ округовъ. Онъ правда, не былъ осуществленъ, но вліяніе его нельзя не видѣть въ губерніяхъ 1708 года.

Каковы же были ближайшіе мотивы, заставившіе Петра взяться за реформу мѣстнаго управленія? Эта реформа была вызвана направленіемъ дѣятельности Петра, въ свою очередь обусловленнымъ внѣшними и внутренними событіями, прямо или косвенно связанными съ войной. Прежніе цари сидѣли въ столицѣ, изрѣдка прогуливались на богомолье или въ военный походъ, благодаря чему и все управленіе носило характеръ строгой централизаціи. Мѣстныя средства въ видѣ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ черезъ воеводъ стекались въ столицу, разсыпаясь по разнымъ московскимъ приказамъ, и большая часть сборовъ здѣсь поглощалась, а меньшая доля растекалась по мѣстамъ въ видѣ жалованья провинціальнымъ служилымъ людямъ и на другія мѣстныя нужды. Петръ поколебалъ эту старую устойчивую и даже застоявшуюся централизацію. Прежде всего онъ самъ перенесъ свою дѣятельность изъ центра государства на его периферію, бросивъ старую столицу, отбылъ на окраины, и эти окраины загорались одна за другой либо отъ его энергичной дѣятельности, либо отъ бунтовъ, вызванныхъ этой же дѣятельностью. Окончивъ военную операцію на той или другой границѣ, въ какомъ-либо углу государства, Петръ не оставлялъ его въ покоѣ, а поднималъ на ноги новымъ тяжелымъ предпріятіемъ. Послѣ перваго азовскаго похода онъ сталъ строить флотъ въ Воронежѣ, и рядъ городовъ Донского бассейна приписанъ былъ къ учрежденному въ Воронежѣ приказу адмиралтейскихъ дѣлъ. Сюда гнали тысячи рабочихъ и везли всѣ мѣстные податные сборы на корабельное дѣло помимо московскихъ приказовъ. То же было по завоеваніи Азова, когда другой рядъ городовъ приписанъ былъ налогами и рабочими силами къ постройкѣ гавани у Таганрога. То же повторилось и на другой окраинѣ по завоеваніи Ингріи, когда началась постройка Пе-

тербурга и основалась Олонецкая верфь для балтійскаго флота. Въ Астрахани поднялся въ 1705 г. бунтъ противъ нововведеній Петра: для усмиренія и устроенія края мѣстные доходы переданы были изъ вѣдѣнія центральныхъ учрежденій въ распоряженіе мѣстныхъ властей на мѣстныя нужды. Точно также по заключеніи королемъ Августомъ Альтранштетскаго мира въ 1706 г., когда Петру стало грозить нашествіе Карла XII изъ покорившейся ему Польши, для обороны западной границы образованы были въ ущербъ центральному управленію властные административные центры въ Смоленскѣ и Кіевѣ. Такъ, ходомъ дѣлъ вырабатывалась мысль, что мѣстныя средства вмѣсто кружнаго пути черезъ московскіе приказы, гдѣ они сильно таяли, выгоднѣе направлять въ областныя административныя средоточія съ надлежащимъ расширеніемъ компетенціи мѣстныхъ правителей, которые даже украшаются новымъ титуломъ губернаторовъ, хотя ихъ округа еще не зовутся губерніями. Отсюда — недалеко было додуматься и до общаго плана разложить содержаніе арміи по частямъ на такіе округа, раздробивъ по нимъ и военный бюджетъ.

Реформа начата была обычнымъ краткимъ и неяснымъ указомъ Петра 18 декабря 1707 г., въ которомъ предписывалось расписать города къ Кіеву, Смоленску и другимъ намѣченнымъ губернскимъ центрамъ. Въ слѣдующемъ году бояре въ ближней канцеляріи послѣ многихъ перекроекъ распредѣлили 341 городъ на 8 крупныхъ округовъ: то были губерніи Московская, Ингерманландская (потомъ названная Ст.-Петербургской), Кіевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская. Но уже въ 1711 году группа городовъ Азовской губерніи, приписанная къ корабельнымъ дѣламъ въ Воронежѣ, является со званіемъ губерніи Воронежской, такъ что губерній вышло девять, ровно столько, сколько намѣчено было мѣстныхъ разрядовъ при царѣ Ѳедорѣ. Но этимъ численнымъ сходствомъ да еще, пожалуй административной конструкціей, точнѣе, общей идеей крупнаго военно-административнаго округа и ограничилась связь губернскаго дѣленія съ прежнимъ разряднымъ. Территоріальными своими очертаніями губерніи не совпадали ни съ этими разрядами, ни съ округами московскихъ областныхъ приказовъ: въ иной губерніи совмѣщалось по нѣскольку такихъ округовъ, а иной округъ разрывался между нѣсколькими губерніями.

Губернская реформа клала поверхъ мѣстнаго управленія довольно густой административный пластъ. По штатамъ 1715 г. при губернаторѣ состояли вице-губернаторъ, какъ его помощникъ или управитель части губерніи, ландрихтеръ для дѣлъ судебныхъ, оберъ-провіантмейстеръ и провіантмейстеры для сбора хлѣбныхъ доходовъ и разные комиссары. Но и власть губернатора не была единоличная: попытка въ лицѣ воеводскихъ товарищей привлечь дворянское общество къ участію въ мѣстномъ управленіи, не удавшаяся въ московское время въ уѣздѣ, теперь была повторена на болѣе широкомъ пространствѣ. Указъ 24 апрѣля 1713 года предписалъ быть при губернаторахъ „ландратормъ" отъ 8 до 12 человѣкъ, смотря по величинѣ губерніи, и губернатору всѣ дѣла рѣшать съ ними по большинству голосовъ: въ этомъ „консиліумѣ" губернаторъ былъ, „не яко властитель, но яко президентъ", только пользовавшійся двумя голосами. Ландраты — должность, заимствованная изъ Остзейскаго края по его завоеваніи, — сначала назначались Сенатомъ изъ двойного числа „кандидатовъ", указанныхъ губернаторомъ. Но потомъ, вѣроятно, замѣтивъ неловкость назначенія совѣтниковъ губернатора по его же пред-

дставленію, Петръ передумалъ и 20 января 1714 г. предписалъ: „ландраторовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворяны за ихъ руками“. Сенатъ оставилъ это предписаніе безъ исполненія и назначилъ ландратовъ самъ по спискамъ, присланнымъ губернаторами, а въ 1716 г. и самъ Петръ отмѣнилъ свое уже забракованное сенаторами распоряженіе, указавъ Сенату назначать въ ландраты офицеровъ, отставленныхъ за старостью или ранами. Такъ ландратъ и не сталъ выборнымъ представителемъ губернскаго дворянскаго общества при губернаторѣ, а превратился въ чиновника особыхъ порученій Сената и того же губернатора. Повторилась исторія, случившаяся ранѣе съ воеводскими товарищами.

Но уже до указа о ландратахъ-инвалидахъ эта должность еще дальше отошла отъ своего первоначальнаго назначенія. Губерніи Петра были обширные округа, вмѣщавшіе въ себѣ по нѣскольку современныхъ губерній. Такъ, въ составъ тогдашней Московской губерніи входили цѣликомъ или частями нынѣшнія губерніи Московская и огибающія ее Калужская, Тульская, Владимірская, Ярославская и Костромская. Подраздѣленіями такихъ обширныхъ областей оставались прежніе уѣзды, большей частью мелкіе. Эта несоразмѣрность административныхъ частей съ цѣлымъ порождала потребность въ промежуточной областной единицѣ. Съ 1711 г. уѣзды стали соединять въ провинціи не въ видѣ общей единовременной мѣры, а постепенно, по мѣстнымъ или другимъ соображеніямъ. Такъ большинство уѣздовъ Московской губерніи образовало 8 провинцій. Оба эти подраздѣленія губерніи, уѣздное и провинціальное, Петръ перерѣзалъ еще третьимъ. Губерніи рѣзко различались между собою по доходности для казны, главнымъ образомъ, по количеству тяглыхъ дворовъ. Въ Московской губерніи, напримѣръ, считалось 246 тысячъ дворовъ, а въ Азовской только 42 тысячи. Учетъ по дворамъ былъ слишкомъ кропотливъ. Любя простѣйшія математическія схемы, Петръ хотѣлъ привести эти разнообразныя губернскія величины къ одному финансовому знаменателю и придумалъ крупную разсчетную единицу—долю, положивъ на нее почему-то 5536 дворовъ, а за сумму всѣхъ дворовъ въ государствѣ принявъ совершенно произвольную цифру 812000, будто бы выведенную по переписнымъ книгамъ 1678 г. Числомъ такихъ долей, насчитаннымъ на каждую губернію, опредѣлялось ея участіе въ государственныхъ повинностяхъ. Учредивъ должность ландратовъ, Петръ превратилъ эту разсчетную единицу въ административный округъ, подраздѣливъ на доли самыя губерніи, а не просто дворовое ихъ число въ финансовыхъ табеляхъ. Послѣ неудачи воеводскаго управленія съ выборными товарищами изъ мѣстныхъ дворянъ, практиковавшагося въ исходѣ XVII в., съ 1711 г. вмѣстѣ съ введеніемъ губернскихъ учрежденій воеводы тамъ, гдѣ они уцѣлѣли отъ реформы 1699 г., подъ названіемъ комендантовъ являются съ возстановленными полномочіями, сосредоточивая въ своихъ рукахъ власть финансовую и судебную не только надъ сельскимъ, но и надъ посадскимъ населеніемъ уѣзда. Указомъ 21 января 1715 г. упразднялось какъ старинное уѣздное, такъ и слагавшееся провинціальное дѣленіе съ комендантами и оберъ-комендантами и губернія раздѣлялась на доли, управителями которыхъ становились ландраты съ финансовой, полицейской и судебной властью, но только надъ уѣзднымъ, не надъ посадскимъ населеніемъ, котораго указъ предписывалъ ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать и въ дѣла его не вступаться. Этотъ указъ производилъ новую перекладку областного управленія съ разрушеніемъ вѣкового фундамента,

уѣзда. Ландратскія доли иногда совпадали съ уѣздами, иногда совмѣщали въ себѣ по нѣскольку уѣздовъ, нерѣдко разрывали уѣздъ, не признавая ни исторіи, ни географіи во имя ариѳметики. При этомъ пришлось увеличить количество ландратовъ: въ Московской губерніи по числу высчитанныхъ въ ней долей понадобилось 44 ландрата вмѣсто назначенныхъ первоначально 13. Наконецъ, указъ 1715 г. разстроилъ ландратскій совѣтъ при губернаторѣ, главное правительственное мѣсто въ губерніи. Разославъ ландратовъ по долямъ, указъ опасался сдѣлать губернатора одинокимъ, безнадзорнымъ: при немъ должны были оставаться два очередныхъ ландрата по мѣсяцу или по два, а къ концу года всѣ ландраты съѣзжались въ губернскій городъ, сводили годовые счеты по губерніи и рѣшали дѣла, подлежавшія ихъ полному собранію. Такимъ порядкомъ создавалось двусмысленное отношеніе ландрата къ губернатору: какъ правитель части губерніи, ландратъ былъ подчиненъ губернатору, а какъ членъ ландратскаго совѣта, былъ его товарищемъ. При полномочномъ значеніи губернатора, какъ областнаго министра, разумѣется, восторжествовало первое отношеніе: губернаторы обращались съ ландратами, „яко властелински, а не яко президентски", помыкали ими, командировали не въ очередь, даже подвергали аресту — ихъ, своихъ товарищей, вопреки закону. Спѣшная перекладка учрежденій разстраивала служебную дисциплину: на превышеніе власти подчиненные отвѣчали ослушаніемъ властителямъ. Въ концѣ 1715 г., едва ландраты вступили въ долевое управленіе, имъ поручили произвести новую перепись, каждому въ своей долѣ. Совмѣщеніемъ текущаго управленій съ такимъ громоздкимъ дѣломъ замедлялось и то, и другое: перепись затянулась на весь 1716 и 1717 года, а Сенатъ и царь торопили. Ландратамъ велѣно было непремѣнно явиться въ Петербургъ съ переписными книгами по первому зимнему пути въ концѣ 1717 г. Во весь 1718 г. явились далею не всѣ. Одному ландрату послано было 15 указовъ; онъ не поѣхалъ. Велѣно было высылать нѣслуховъ въ цѣпяхъ; за однимъ послали съ приказомъ арестовать его, если не поѣдетъ, и захватить его людей; но тотъ не поѣхалъ и объявилъ: кто станетъ людей брать, того онъ бить будетъ.

При такой постановкѣ губернскаго управленія взаимоотношеніе правительственныхъ и общественныхъ силъ, бюрократіи и земства, должно было неминуемо сохранить въ области свой прежній характеръ. Бюрократизація управленія, столь уже развившаяся въ Московскомъ царствѣ, должна была еще больше усилиться въ петровской губерніи. Правда, Петръ впервые вводилъ съ учрежденіемъ ландратуры принципъ равноправнаго соучастія въ дѣлахъ мѣстнаго управленія какъ коронныхъ чиновниковъ—губернаторовъ, такъ и избранниковъ мѣстнаго міра, хотя бы и ограниченнаго однимъ высшимъ слоемъ общества — дворянствомъ. Въ этомъ можно было бы видѣть крупный шагъ впередъ въ смыслѣ расширенія границъ мѣстной общественной самодѣятельности, шагъ, совершенно противорѣчащій всему тому, что было сдѣлано Петромъ для усиленіи бюрократизаціи управленія. Но два обстоятельства не позволяютъ однако прійти къ такимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, ландратура оказалась слишкомъ мимолетнымъ явленіемъ: она не просуществовала и пяти полныхъ лѣтъ и затѣмъ была уничтожена безповоротно и безслѣдно. Во-вторыхъ, что̀ не менѣе важно, и въ этотъ краткій промежутокъ своего существованія дѣйствительное положеніе ландратуры самымъ рѣзкимъ образомъ отличалось отъ той постановки, какая была придана этому институту на бумагѣ, въ указахъ Петра. Архивными изысканіями безпо-

воротно установлено, что на дѣлѣ петровскіе ландраты никогда не были выборными.

Въ первоначальномъ указѣ объ учрежденіи ландратовъ о выборахъ ничего еще не было сказано; назначеніе ландратовъ изъ состава мѣстныхъ дворянъ представлялось губернаторамъ и Сенату. А когда черезъ 9 мѣсяцевъ вышелъ указъ о превращеніи ландратской должности въ выборную, всѣ ландратскія вакансіи были уже замѣщены по назначенію отъ сената или отъ губернаторовъ, и указъ о выборахъ ни разу не былъ примѣненъ и при послѣдующихъ замѣщеніяхъ открывавшихся ландратскихъ мѣстъ. А затѣмъ, черезъ два года, какъ мы видѣли, новый указъ Петра уничтожилъ выборный характеръ ландратской должности и по закону; сенату предписывалось назначать въ ландраты офицеровъ, получившихъ отставку за старостью и за ранами, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ за собою никакихъ населенныхъ земель. Назначеніе на ландратскую должность явилось замѣною пенсіона, даваемаго отставнымъ въ награды за прежнюю службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ ландратская должность, никогда фактически не замѣщавшаяся по выборамъ, перестала также необходимо связываться съ принадлежностью ландрата къ мѣстному дворянскому обществу.

Такъ, самыя важныя и характерныя черты ландратуры рѣшительно не удались на практикѣ. Фактически ландраты не были избранниками мѣстнаго дворянскаго общества, будучи назначаемы со стороны. При такихъ условіяхъ и третья черта этого института — ограниченіе губернаторской власти ландратской коллегіей—утрачиваетъ въ нашихъ глазахъ свой особенный интересъ. Ландратскія коллегіи были на повѣрку чисто бюрократическими коллегіями, какъ по содержанію своей дѣятельности, такъ и по своему составу. Окруженіе губернатора ландратскими совѣтами не создавало никакого выигрыша для русскаго провинціальнаго самоуправленія.

Каковы же были общіе результаты губернской реформы 1708 г.? Въ ней законодательство Петра не обнаружило ни медленно обдуманной мысли, ни быстрой созидательной смѣтки. Цѣль реформы была исключительно фискальная. Губернскія учрежденія получили отталкивающій характеръ пресса для выжиманія денегъ изъ плательщиковъ; всего меньше думали о благосостояніи населенія. Но нужды казны росли, и губернаторы не поспѣвали за ними. Флотъ въ 1715 г. требовалъ почти вдвое больше, чѣмъ въ 1711 г. Линейные балтійскіе корабли по недостатку средствъ для оборудованія боялись выступить въ открытое море. Полки во́ время не получали жалованья и превращались въ шайки мародеровъ; посламъ не высылали денегъ и имъ не чѣмъ было содержать себя, ни дѣлать необходимые подкупы. Петръ подгонялъ исполнителей „жестокими указами“, грозилъ неповоротливымъ губернаторамъ, которые „зѣло раку послѣдуютъ“, что будетъ „не словомъ, но руками съ оными поступать“. Сенату предписывалось губернаторовъ, не умѣвшихъ „безъ тягости народной“ выискивать новыхъ доходовъ, „не щадить въ штрафахъ“. Съ ландратовъ, не высылавшихъ въ столицу денегъ по окладу, полученное ими годовое 120-рублевое жалованье взыскивалось обратно. Губернскихъ комиссаровъ, служившихъ лишь передатчиками въ сношеніяхъ Сената съ губернаторами и совсѣмъ неповинныхъ въ денежныхъ недосылкахъ изъ ихъ губерній, били на правежѣ два раза въ недѣлю; иныхъ средствъ одобренія исполнителей, кромѣ штрафа и правежа, не могли придумать. Нѣкоторые губернаторы, радѣя о казенной прибыли, пуска-

лись на все. Казанскій губернаторъ Апраксинъ, братъ генералъ-адмирала, представлялъ фальшивыя вѣдомости о придуманныхъ имъ новыхъ доходахъ, разъ подарилъ Петру изъ такихъ доходовъ 120 тыс. руб., около милліона на наши деньги, и для оправданія своей финансовой изобрѣтательности прналегъ на темныхъ инородцевъ своей губерніи, между прочимъ, обязавъ ихъ покупать казенный табакъ по 2 руб. за фунтъ на деньги; вводился принудительный сбытъ тысячъ на полтараста рублей на наши деньги. Но прибыль оказалась себѣ дороже: угнетаемые инородцы многотысячной массой болѣе 33 тыс. дворовъ ушли изъ губерніи, причинивъ казнѣ ежегодный убытокъ чуть не втрое больше всей апраксинской прибыли. Изворачиваясь всячески, сокращали расходы, вводили чрезвычайные временные сборы; но однажды при взиманія такихъ сборовъ не поступило и третьей части изъ предполагаемой суммы—знакъ, что стало не съ чего брать. Въ 1708 г., чуя хроническій дефицитъ и не полагаясь на устарѣлое приказное управленіе, Петръ искалъ выхода въ децентрализаціи и перемѣстилъ казенныя палаты изъ центра въ губерніи. Малая удача новаго порядка заставила его думать о поворотѣ назадъ къ центру, чтобы вполнѣ оправдать басню о музыкантахъ.

Обновленіе центральныхъ учрежденій, именно, устройство Сената и Коллегій, вело къ новой перестройкѣ и областныхъ органовъ. Этого требовало единство управленія. Перестроивъ центръ по шведскимъ образцамъ, надобно было согласовать съ нимъ и провинцію. При томъ губернская реформа 1708 г. не оправдала финансовыхъ разсчетовъ, на которыхъ была построена: ни въ денежныхъ недосылкахъ и недоборахъ, ни въ злоупотребленіяхъ губернаторы не отстали отъ прежнихъ приказовъ; одного изъ нихъ, сибирскаго губернатора кн. Гагарина, пришлось повѣсить. Въ 1718 г. Петръ указалъ выписки изъ положеній о шведскихъ областныхъ учрежденіяхъ приносить въ Сенатъ, „гдѣ надлежитъ спускать ихъ съ русскими обычаи". Сенатъ рѣшилъ ввести шведскія учрежденія. Петръ утвердилъ это рѣшеніе 26 ноября 1718 г., указавъ дать новымъ учрежденіямъ „инструкціи и прочіе порядки всѣ противъ шведскаго, или что переправя", и съ 1720 г. начать новое управленіе. Натянувъ коекакъ шведскую униформу на русскія пространства, Сенатъ далъ новому областному устройству такой видъ. Удержана была самая крупная областная единица, губернія, не имѣвшая соотвѣтственной въ Швеціи, при чемъ изъ Казанской губерніи выдѣлились Нижегородская и Астраханская, а изъ Петербургской—Ревельская, такъ что всего теперь стало 11 губерній. Значеніе губерніи измѣнилось: она сдѣлалась лишь военнымъ и судебнымъ округомъ и только въ этихъ отношеніяхъ части губерніи были подчинены губернскому управленію. Эти части и старались устроить возможно пошведски. Губернія дѣлилась на провинціи, подраздѣлявшіяся на дискрикты. Провинціи замѣнили собой ландратскія доли, только были значительно крупнѣе ихъ: провинцій числилось во всѣхъ губерніяхъ до 50, а долей было $146^3/_5$.

Провинціи, завися отъ губернатора, какъ военнаго правителя и предсѣдателя губернскаго суда, по всѣмъ другимъ дѣламъ составляли самостоятельные округа. Во главѣ провинцій поставлены были воеводы, на которыхъ возложены были дѣла финансовыя, полицейскія и народнохозяйственныя. По этимъ дѣламъ воеводы сносились съ центральными учрежденіями помимо губернаторовъ и самъ губернаторъ становился въ рядъ провинціальныхъ воеводъ губерніи, какъ правитель провинціи губернскаго города. При воеводѣ состояла земская канцелярія. Подъ его

вѣдѣнiемъ и надзоромъ, какъ подчиненный ему товарищъ, земскiй камериръ или земскiй надзиратель сборовъ спецiально завѣдывалъ казенными доходами, имѣя при себѣ земскую контору, а отъ него зависѣли рентмейстеръ или земскiй казначей, хранившiй денежные казенные сборы въ своей рентереѣ, провинцiальномъ казначействѣ, и провiантмейстеръ, вѣдавшiй хлѣбные казенные сборы.

Низшей единицей областного дѣленiя былъ дистриктъ. Сенатъ пытался дать ему статистическое однообразiе, на дѣлѣ не выдержанное, назначивъ на него не болѣе 2000 тяглыхъ дворовъ. Нѣкоторые дистрикты совпадали съ уѣздами, другiе включали въ себѣ по нѣскольку уѣздовъ, рѣже уѣздъ дробился на нѣсколько дистриктовъ. Управитель этого округа, земскiй комиссаръ, по инструкцiи несъ на себѣ разнообразныя обязанности, финансовыя, полицейскiя, народно-хозяйственныя, даже нравственно-просвѣтительныя; но главнѣйшей изъ нихъ былъ сборъ налоговъ что̀ дѣлало его дистриктнымъ агентомъ провинцiальнаго камерира; по тому вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ назначался Камеръ-Коллегiей. На самомъ днѣ областного управленiя лежали старинные сельскiе полицейскiе органы, избиравшiеся на крестьянскихъ сходахъ, сотскiе и десятскiе. Они утверждались и приводились къ присягѣ воеводой и служили вспомогательными орудiями земскаго комиссара, но стояли внѣ чиновной iерархiи.

Областное населенiе перенесло, кажется, уже довольно административныхъ перестроекъ и перетасовокъ при учрежденiи губернiй, долей, провинцiй, дистриктовъ; однако, его постигла еще пятая передѣлка. Съ 1724 г. въ дистриктахъ появляются спецiально для сбора подушнаго налога новые земскiе комиссары, уже не назначаемые Камеръ-Коллегiею, а избираемые мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ срокомъ на одинъ годъ. По истеченiи годичнаго срока эти комиссары должны были давать отчетъ въ своихъ служебныхъ дѣйствiяхъ съѣзду своихъ избирателей, при чемъ съѣзду было даже предоставлено право судить комиссара за служебныя упущенiя и присуждать его къ штрафу безъ всякихъ предварительныхъ сношенiй съ провинцiальной администрацiей, только увѣдомляя ее о состоявшемся уже приговорѣ и его исполненiи. Функцiи выборнаго комиссара были ограничены единственно сборомъ подушной подати и доставленiемъ собранныхъ суммъ въ полки. Много-объемлющая программа полицейской дѣятельности, возложенная на коронпаго комиссара, къ выборному комиссару уже не относилась. Тѣмъ не мѣнѣе, этотъ институтъ подобно ландратурѣ представляетъ опять-таки большой интересъ, какъ вторая попытка петровскаго законодательства отвести извѣстную роль въ мѣстномъ управленiи общественной самодѣятельности. На этотъ разъ выборное начало не осталось только на бумагѣ: выборы комиссаровъ дѣйствительно состоялись. Но въ концѣ концовъ выборнымъ комиссарамъ предстояла та же участь, что̀ и ландратамъ. Они просуществовали недолго, и за недолгое время своего существованiя успѣли въ значительной мѣрѣ утратить свой „земскiй“ характеръ. До насъ дошли протоколы нѣкоторыхъ съѣздовъ, которые выбирали комиссаровъ. При разсмотрѣнiи этихъ протоколовъ въ особенности бросается въ глаза одна черта: ярко выраженный абсентеизмъ мѣстныхъ дворянъ. На съѣзды являлось „самое малое число шляхетства“, несмотря на побудительныя мѣры, принимавшiяся правительствомъ. Въ концѣ концовъ многiе съѣзды могли состояться только потому, что на нихъ, кромѣ личнаго присутствiя дворянъ, было допущено участiе приказчиковъ и старостъ принадлежавшихъ мѣстнымъ дворянамъ вотчинъ. Петръ попрежнему, какъ и при введенiи ландратовъ, стремился къ насажденiю сословно-

дворянскаго представительства въ мѣстномъ управленіи; но теперь, какъ и тогда, что-то — мы скоро увидимъ что именно — препятствовало осуществленію этихъ попытокъ. Вскорѣ постановка должности выборныхъ комиссаровъ приняла новое направленіе, далеко не согласное съ чертами, первоначально приданными этому институту. Комиссаръ, выбираемый обществомъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, отвѣтственный передъ своими избирателями и даже подлежащій ихъ суду за свои упущенія, — долженъ былъ и могъ бы явиться самостоятельнымъ общественнымъ органомъ, поставленнымъ болѣе или менѣе независимо отъ коронной администраціи. На дѣлѣ случилось иначе. Какъ разъ одновременно съ учрежденіемъ выборныхъ комиссаровъ въ составъ областной администраціи вдвинулось новое звено, не предусмотрѣнное планами административныхъ преобразованій и тѣмъ не менѣе сразу занявшее главенствующіе положеніе въ системѣ мѣстнаго управленія. Въ 1721 году закончилась Сѣверная война, и полки получили возможность перейти на мирное положеніе. Давнишній планъ размѣщенія полковъ по губерніямъ наконецъ получилъ свое осуществленіе. Военное начальство расположившихся по губерніямъ полковъ заняло весьма видную роль въ строѣ мѣстнаго управленія. Полковникъ, получавшій отъ камиссара подушный сборъ на содержаніе своего полка, превратился въ прямого начальника этого комиссара, и отвѣтственность послѣдняго передъ своими избирателями быстро заслонилась отвѣтственностью передъ полковымъ начальствомъ. Наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ подушнаго сбора естественно соединилось съ наблюденіемъ за передвиженіями населенія; появилась паспортная система, завѣдываніе которой также попало въ руки полковника, все болѣе соединявшаго такимъ образомъ подъ своего властью помимо военной команды руководительство полицейской и финансовой администраціей въ области. И чѣмъ болѣе расширялась и возвышалась власть полковника, тѣмъ въ большую отъ нея зависимость попадалъ земскій комиссаръ, превращавшійся въ простого, подчиненнаго полковнику сборщика подушной подати. Господство въ области гражданской бюрократіи осложнилось еще господствомъ военнаго полкового начальства, и подъ двойнымъ давленіемъ того и другого быстро глохли и замирали нѣжные зародыши общественнаго самоуправленія, мимоходомъ заброшенные въ русскую провинцію нѣкоторыми указами Петра.

Но почему же и ландраты, и комиссары отъ земли, эти выборные органы, такъ скоро бюрократизировались и не обнаружили прочной жизнеспособности? Можно указать двѣ основныя причины этого явленія. Участіе общества въ мѣстномъ управленіи строилось исключительно на сословномъ началѣ, а между тѣмъ сословія попрежнему оставались несвободными, закрѣпощенными различнымъ видамъ государственнаго тягла. Прикрѣпленіе къ службѣ не давало возможности мѣстнымъ людямъ прочно осѣсть въ своей мѣстности, слить съ ней свои кровные интересы и сплотиться въ своей средѣ въ крѣпкій мѣстный союзъ, объединенный ясно сознанною общностью стремленій. Какъ могли бы привиться къ жизни дворянскія коллегіи въ губерніяхъ и уѣздахъ, когда дворяне, почти поголовно занятые на военной службѣ, надолго отрывались этой службой отъ своихъ родныхъ провинціальныхъ палестинъ и лишь случайно и мимолетно заглядывали въ свои родовыя усадьбы? Къ этому присоединялось и еще одно обстоятельство: при Петрѣ такъ же, какъ и въ Московской Руси, служба по общественнымъ выборомъ, какъ въ дворянскихъ коллегіяхъ, такъ и въ посадскихъ магистратахъ, не получала характера служенія мѣстнымъ общественнымъ интересамъ; задачи, возлагаемыя на эти выборные органы,

сводились къ выполненію предписаній той же приказной бюрократіи преимущественно по сбору разнаго рода государственныхъ налоговъ и по наблюденію за отправленіемъ государственныхъ повинностей. При такомъ условіи выборная служба, соединенная при томъ съ весьма тяжелой отвѣтственностью, не могла заключать въ себѣ ничего особенно привлекательнаго для мѣстнаго жителя, хотя бы и не чуждаго стремленію послужить интересамъ своего „міра“.

Отмѣтимъ еще одну особенность губернской реформы 1719 г., любопытную больше какъ признакъ преобразовательныхъ понятій, чѣмъ какъ фактъ государственнаго устройства: въ губернскомъ управленія являются особыя судебныя учрежденія, прежде небывалыя. Указомъ 8 января 1719 г. предписано учредить девять гофгерихтовъ, надворныхъ судовъ, какъ переведенъ этотъ терминъ въ другихъ документахъ; къ этимъ девяти присоединились еще надворные суды енисейскій и рижскій. Изъ этихъ одиннадцати судебныхъ округовъ только пять совпадали съ губерніями; въ трехъ губерніяхъ, Петербургской, Рижской и Сибирской, было по два надворныхъ суда, зато въ Архангельской и Астраханской не было ни одного. Низшей инстанціей служили нижніе суды двухъ составъ: коллегіальные, называвшіеся провинціальными, устроенные въ наиболѣе важныхъ городахъ, съ оберъ-ландрихтерами во главѣ и съ нѣсколькими асессорами, и единоличные, городовые или земскіе суды по незначительнымъ городамъ съ ихъ уѣздами. Шведское судоустройство было принято за образецъ и для русскаго. При этомъ прежде всего напрашивается мысль, что у Петра было намѣреніи провести идеи раздѣленія властей, отдѣленія суда отъ администраціи. Но вѣрнѣе думать, что здѣсь имѣлось въ виду не отдѣленіе суда отъ администраціи, а возможное развѣтвленіе администраціи по роду дѣлъ. Петръ въ интересахъ исполнительности думалъ о томъ, чтобы у важнѣйшихъ коллегій по внутреннему управленію были особые мѣстные органы, у Камеръ-Коллегіи свои, у Юстицъ-Коллегіи свои. Онъ отдѣлялъ судъ отъ администраціи, какъ отдѣлялъ вѣдомство камерира, собиравшаго денежные доходы, отъ вѣдоства провіантмейстера, сборщика хлѣбныхъ запасовъ. Заимствовать чужое учрежденіе нѣсколько легче, чѣмъ усвоить идею, положенную въ его основаніе. Эта разница и сказалась въ судьбѣ губернскихъ судебныхъ учрежденій. При введеніи надворныхъ судовъ въ 1719 г. въ семь изъ одиннадцати предсѣдателями назначены были главы мѣстной администраціи, губернаторы, вице губернаторы и воеводы; въ 1721 г. это стало общимъ правиломъ, а въ 1722 г. нижніе суды были упразднены и судебная власть возвращена провинціальнымъ администраторамъ единолично или съ асессорами. И здѣсь привозныя идеи столкнулись съ туземными привычками; обособленная дѣятельность суда и администраціи вела только къ усобицѣ между ними: губернаторы и воеводы, вмѣшиваясь въ дѣла Юстицъ-Коллегіи, „чинили противность и непослушаніе и помѣшательство дѣлъ“, на что горько жаловалась названная Коллегія въ 1720 г. Такъ, отправившись отъ стараго уѣзднаго воеводы, признаннаго непригоднымъ, кружнымъ путемъ попытокъ устроиться по-иноземному воротились къ тому же воеводѣ, только перемѣстивъ его изъ уѣзда въ провинцію.

Такимъ образомъ, постепенно свелись на-нѣтъ всѣ благія пожеланія, вложенныя Петромъ въ тѣ инструкціи, какими снабжались при своемъ возникновеніи мѣстныя учрежденія; эти пожеланія остались на бумагѣ, совершенно не успѣвъ войти въ жизнь, а вся дѣятельность новой администраціи Петра свелась, въ концѣ-концовъ, къ задачамъ старой — служить простой исполнительницей указовъ свыше и сосредоточиться на

одномъ: на возможно быстромъ и тщательномъ собиранiи денегъ, разныхъ казенныхъ платежей и повинностей съ населенія.

При жизни Петра выяснились и тѣ основныя причины, по которымъ новыя учрежденія не могли оправдать возлагавшихся на нихъ надеждъ. Новыя учрежденія, во-первыхъ, были непосильно дороги для населенія; во-вторыхъ, требовали для своего правильнаго функціонированія сравнительно многочисленнаго штата; въ-третихъ, люди, занявшіе мѣста въ управленіи, были мало къ этому подготовлены и по своимъ нравственнымъ качествомъ, и по своему умственному развитію; въ-четвертыхъ, наконецъ, культурный уровень общества, въ которомъ новыя учрежденія призваны были дѣйствовать, былъ настолько низокъ, что изъ среды этого общества не подымалось ни требованій, ни желаній, которыя были бы направлены въ сторону тѣхъ надеждъ на устройство общаго блага, осуществленія которыхъ ожидалъ отъ своей реформы Петръ.

XL. Преобразованіе Петромъ В. городского управленія.

(*Изъ соч. Градовскаго: «Начала русскаго государственнаго права», т. III: «Органы мѣстнаго самоуправленія»*).

Петръ Великій брался за преобразованіе городского управленія два раза: 1) въ 1699 году, посредствомъ учрежденія бурмистерскихъ палатъ и Московской ратуши, и 2) въ 1721 году, регламентомъ главному магистрату. Между этими двумя мѣрами нельзя видѣть сходства. Хотя цѣль въ обоихъ случаяхъ одинакова, но исходная точка реформы и средства ея совершенія различны.

Учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ Петръ Великій вовсе не думалъ создавать такъ-называемаго городского самоуправленія. Иначе необходимо было бы предположить, что въ сознаніи законодателя установилось понятіе о городскомъ обществѣ, въ руки котораго ввѣряется завѣдываніе мѣстными интересами чрезъ выборныхъ лицъ. Но такой идеи въ названномъ учрежденіи нѣтъ. Законодательство о бурмистерскихъ палатахъ можетъ быть разсматриваемо, какъ продолженіе тѣхъ мѣръ, которыя предпринимались отчасти въ до-Петровской Россіи. Еще въ Новоторговомъ уставѣ высказывалось желаніе, чтобы всего государства купецкіе и промышленные люди были подчинены одному „пристойному приказу“, чтобы ихъ въ разныхъ приказахъ не вѣдать. Такимъ пристойнымъ приказомъ и явилась бурмистерская палата.

Въ Московское время городскіе обыватели жалуются на утѣсненія воеводъ и неудобства завѣдыванія городскими сборами въ разныхъ приказахъ. Правительство находитъ неудобнымъ и для своихъ собственныхъ интересовъ дѣятельность воеводъ и управленіе городами въ разныхъ мѣстахъ. Уже до Петра Великаго были приняты въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣры. Между ними видное мѣсто занимаетъ указъ Ѳеодора Алексѣевича 1681 года объ установленіи стрѣлецкой подати. Мѣра эта 1) привела къ нѣкоторому единообразію бездну прежнихъ городскихъ сборовъ, замѣнивъ ихъ однимъ стрѣлецкимъ рублевымъ сборомъ; 2) новая подать легла исключительно на города и остатки черныхъ волостей; 3) раскладки, взиманіе и доставленіе стрѣлецкой подати въ каз-

ну предоставлялись выборнымъ людямъ. Но указъ 1681 г. не достигалъ своей цѣли, такъ какъ общіе недостатки приказной системы и общія условія воеводскаго управленія имъ не затрагивались.

Учрежденіе бурмистерскихъ палатъ исходитъ изъ обоихъ указанныхъ мотивовъ. Въ указѣ 1699 года, которымъ учреждены палаты, прямо сказано, что городскіе и купецкіе и промышленные люди всякими своими дѣлами и сборами вѣдаются въ разныхъ приказахъ и оттого имъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, чинятся всякіе налоги и тягости, а государевы сборы остаются въ доимкѣ. Чтобы устранить эти безпорядки, велѣно было всѣхъ купецкихъ и промышленныхъ людей вѣдать судомъ и расправою и всякіе его, великаго Государя, сборы сбирать выборнымъ бурмистрамъ. Это общее учрежденіе приняло, такъ сказать, двоякую форму: а) въ Москвѣ была учреждена бурмистерская палата, впослѣдствіи переименованная въ ратушу; б) въ городахъ учреждены земскія избы. Оба учрежденія состояли изъ выборныхъ бурмистровъ, и назначеніе ихъ было вездѣ одинаково.

Во-первыхъ, они вѣдали судомъ и расправой всѣхъ купецкихъ людей во всемъ государствѣ; во-вторыхъ, имъ ввѣрено было завѣдываніе разными сборами съ городовъ, подъ отвѣтственностью какъ выборныхъ людей, такъ и самой общины, — при чемъ участіе воеводъ въ этихъ дѣлахъ устранялось.

Отсюда видно, что бурмистерская палата и земскія избы учреждены не для городского управленія. О городскомъ хозяйствѣ въ означенномъ законѣ нѣтъ ни слова. Можно даже предположить, что старыя выборныя должности, вѣдавшія управленіе городовъ въ собственномъ смыслѣ, продолжали существовать и послѣ 1699 года. Онѣ вымерли и исчезли сами собой только подъ вліяніемъ послѣдующихъ реформъ. Указъ 1699 года изданъ спеціально для управленія купецкихъ и промышленныхъ людей, какъ сословія государственнаго, и для завѣдыванія разными казенными сборами, лежащими на городахъ.

Если разсматриваемое учрежденіе не было установленіемъ самоуправленія городского по самой цѣли своей, то не было таковымъ и по плану своего выполненія. Земскія избы дѣйствовали подъ прямымъ начальствомъ Московской ратуши. Послѣдняя была центральнымъ учрежденіемъ для городского сословія и сдѣлалась тѣмъ пристойнымъ приказомъ, о которомъ говорилъ Новоторговый уставъ.

Такимъ образомъ, выборныя по своему происхожденію, Московская ратуша и земскія избы обратились въ чисто-правительственныя учрежденія. Въ этомъ положеніи существованіе ихъ обусловливалось не отношеніями къ городской общинѣ, съ которой они были связаны,—онѣ не обязывались даже отчетностью предъ избирателями,—но тѣмъ, насколько удовлетворяли правительственнымъ интересамъ. Правительство же, какъ свидѣтельствуютъ акты того времени, имѣло полное основаніе быть недовольнымъ дѣятельностью означенныхъ учрежденій. (И вотъ почему:) въ средѣ городского сословія образовалось нѣчно подобное служилому классу. Изъ среды купеческаго и промышленнаго сословія лучшіе люди становились къ разнымъ казеннымъ дѣламъ. Порядокъ этотъ не измѣнился съ учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ. Московская ратуша и земскія избы, состоявшія изъ тѣхъ же купцовъ и промышленниковъ, получили въ свое завѣдываніе казенные сборы; разныя казенныя регаліи отдавались, кромѣ того, отдѣльнымъ лицамъ изъ среды купечества. Взглядъ купецкихъ людей на службу точно также не

измѣнился: прежнія злоупотребленія продолжались. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи бурмистерскихъ палатъ Петръ Великій увидѣлъ необходимость назначить въ Московскую ратушу и въ другіе важнѣйшіе города особыхъ надсмотрщиковъ. Ревизія бурмистерскихъ палатъ раскрыла страшное воровство. Какъ только Московская ратуша потеряла довѣріе въ глазахъ правительства, значеніе ея для земскихъ избъ должно было постепенно утрачиваться. Послѣ учрежденія губерній она находится въ полномъ упадкѣ.

Попытка собрать торговое сословіе въ одно цѣлое и дать ему особое управленіе рушилась на первый разъ сама собою. Но къ концу царствованія неутомимый преобразователь снова возвращается къ мысли „паки собрать и устроить сію разсыпанную храмину“. Можно сказать, что мысль эта теперь получаетъ большее развитіе, слѣдовательно, и планъ реформы могъ быть задуманъ на болѣе широкихъ основаніяхъ. Къ этому времени Петръ ознакомился съ городскими учрежденіями западной Европы. Правда, эти послѣднія клонились тогда къ упадку; сохранились только нѣкоторыя формы прежняго ихъ устройства; управленіе городское подлежало сильной опекѣ государства, — но не вездѣ. Тѣ именно учрежденія, которыя послужили Петру образцомъ при его новой реформѣ, — учрежденія Остзейскаго края, — представляли полную самостоятельность.

Приступая къ новымъ преобразованіямъ городского управленія, Петръ Великій руководствовался важнымъ значеніемъ, какое имѣютъ для государства торговля, и вмѣстѣ торговый и промышленный классъ. Поднять этотъ классъ — значило создать лучшія условія для торговли, а развитіе торговли обезпечивало богатство страны. Учрежденіе магистратовъ должно было удовлетворить этой цѣли.

Городовые магистраты Остзейскихъ провинцій, которые служили для Петра образцомъ при изданіи регламента главнаго магистрата 1721 года, имѣли узко-сословное устройство. Все городское общество и все имущество городское отдавались, въ силу этого устройства, въ безконтрольное распоряженіе небольшого числа лицъ, именовавшихъ себя „гражданами“. Оставляя, однако, въ сторонѣ форму учрежденія, нельзя не сказать, что остзейскіе городовые магистраты, по идеѣ своей, были гораздо выше тѣхъ установленій городскихъ, которыя впослѣдствіи ввела въ Россіи Екатерина II. Изъ состава „гражданства“ остзейскихъ городовъ образовались магистраты, суды, различныя другія учрежденія, которыя являлись дѣйствительною городскою властью, и властью чрезвычайно сильной. Магистраты, разные фохтейскіе и всякіе другіе суды и полицейскія учрежденія были здѣсь истиннымъ градскимъ начальствомъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались и городское хозяйство, и судъ, и полиція.

Рядомъ съ магистратами не было другого градскаго начальства. Они не терпѣли подлѣ себя никакихъ постороннихъ элементовъ и въ полномъ смыслѣ слова управляли городомъ.

Городскія учрежденія, которыя проектировалъ регламентъ главному магистрату, получили такія же широкія права. На магистраты возложены были судъ, попеченіе о хозяйствѣ города, его благоустройствѣ и полиціи. Давая городамъ самостоятельную полицейскую власть, законодатель ставилъ городскую общину въ независимое положеніе отъ правительственныхъ властей въ дѣлѣ завѣдыванія собственными интересами. Въ этомъ отношеніи взглядъ Петра на городъ, какъ на самоуправляю-

щуюся единицу, совершенно правиленъ. Онъ не вносилъ того раздвоенія въ управленіе городское, которое явилось послѣдствіемъ законодательства Екатерины II. Правда, Петръ Великій отчасти и самъ положилъ основаніе этому раздвоенію, учредивъ генералъ-полиціймейстерскую канцелярію въ Петербургѣ и должность оберъ-полиціймейстера въ Москвѣ. Но явленіе это при немъ дальше не пошло. Даже при его преемникахъ оно развивалось съ значительнымъ трудомъ. Окончательное раздѣленіе полиціи и городского общественнаго управленія относится ко времени Екатерины II.

Перенося чужеземныя учрежденія на почву своего государства, Петръ Великій старался, по возможности, примѣнить ихъ къ условіямъ спеціально русской жизни. Регламентъ главному магистрату принимаетъ во вниманіе эти условія въ полной мѣрѣ. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза слѣдующій замѣчательный фактъ. Хотя идеи Петра касательно городского управленія въ разсматриваемый періодъ реформы, измѣнились кореннымъ образомъ, но черты стараго порядка, и очень важныя, остались неприкосновенными и въ новомъ учрежденіи. Подобно Московской ратушѣ, главный магистратъ поставленъ надъ всѣми магистратами въ качествѣ главнаго начальства всѣхъ городовъ. Ему поручалось „разсыпанную храмину" торгово-промышленнаго сословія „паки собрать" — мотивъ, которымъ вызвано было и учрежденіе бурмистерской палаты. Различіе состояло въ томъ, что власть главнаго магистрата раздѣлялась съ Коммерцъ-Коллегіею, которой предписывалось „трудиться, чтобъ такое сокровище (купечество) утрачено не было" Это попеченіе о „сокровищѣ" объясняется самымъ его положеніемъ въ тогдашнее время. Градское начальство, магистраты нуждались тогда въ защитѣ отъ мѣстныхъ правительственныхъ властей. Воеводы, комменданты, ассессоры, даже офицеры, какъ настоящіе служилые люди, относились съ презрѣніемъ къ выборнымъ членамъ магистратовъ, и результатомъ подобнаго отношенія былъ цѣлый рядъ самыхъ прискорбныхъ фактовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ учрежденіе главнаго магистрата, какъ начальства и попечительства надъ городами, было весьма пригодно. Петръ Великій зналъ, конечно, что̀ дѣлалъ, вводя это учрежденіе, и исторія его оправдала: именно на главный магистратъ и обратилась вся злоба тѣхъ лицъ, которыя находили выгоднымъ для себя уничтоженіе петровскихъ учрежденій.

Послѣ смерти Петра Великаго начались всевозможныя измѣненія въ его системѣ мѣстныхъ должностей. Трудно сказать, чѣмъ вызывались эти перемѣны. Мотивамъ, которые приведены въ указахъ, отмѣнявшихъ разныя постановленія Петра, едва ли можно вѣрить. Въ одномъ изъ указовъ 1727 года, находимъ, напр., слѣдующія соображенія, которыми уничтожены надворные суды. Въ царствованіе Петра Великаго, читаемъ въ указѣ, весьма размножены правители и канцеляріи; всѣ они „пропитанія своего хотятъ" и потому народъ утѣсняютъ; отъ множества инстанцій происходитъ „волокита въ дѣлахъ" и проч. На этомъ основаніи правительство обращается къ прежней системѣ, т.-е. поручаетъ судъ и расправу губернаторамъ и воеводамъ. Подобнымъ мотивамъ вѣрить довольно трудно по той причинѣ, что съ отмѣной петровскихъ учрежденій, злоупотребленія и безпорядки не только не прекратились, но увеличились. Такъ, если воеводы и губернаторы получили въ свое завѣдываніе судъ и расправу, то, конечно, не перестали чрезъ это „хотѣть своего пропитанія", тѣмъ болѣе, что у нихъ отнято было жалованье. Вѣрнѣе остановиться на томъ предположеніи, что служилое сословіе, шляхетство, не-

дружелюбно относилось къ тѣмъ формамъ, въ которыя хотѣлъ облечь его служебную дѣятельность Петръ Великій. Правила отчетности, отвѣтственность, дѣлопроизводство, надзоръ—все это не могло нравиться служилому классу, воспитанному въ совершенно иныхъ привычкахъ. Патріархальность стараго воеводскаго управленія была ему болѣе по душѣ. Къ этой системѣ и возвратились, сколько могли, преемники великаго преобразователя.

Подъ вліяніемъ наступившей реакціи, мѣстныя услановленія Петровской эпохи должны были рушиться одно за другимъ. Уничтожаются судебныя учрежденія Петра—надворные суды и коммиссары. Мѣсто ихъ заняли воеводы съ ассессорами. Главный магистратъ уничтоженъ и возстановленъ только въ царствованіе Елизаветы Петровны. Города опять подпали подъ управленіе губернаторовъ и воеводъ. Въ 1727 году наказъ губернаторамъ и воеводамъ былъ передѣланъ, согласно новымъ условіямъ ихъ должности. Губернаторы и воеводы явились не только главными, но единственными правителями мѣстности.

XLI. Учрежденіе бурмистерской палаты и земскихъ избъ и ихъ несостоятельность.

(*Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ въ Россіи»*).

Въ началѣ царствованія Петра Великаго торговля и производительная промышленность Россіи находятся въ томъ же самомъ состояніи, какъ и въ царствованіе отца и брата великаго преобразователя. Ни одно изъ золъ, препятствовавшихъ развитію этихъ могущественныхъ рычаговъ развитія общества и государства, не было устранено. Потребности общества не увеличились: оно не стало богаче; главнымъ занятіемъ массъ населенія и теперешней Россіи вообще, а вмѣстѣ и посадскихъ людей въ частности, остается попрежнему земледѣліе; хоть сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія нѣтъ и теперь, и теперь эти дорори даже между такими городами, какъ Москва и Новгородъ, шли дикой пустыней и находились въ первобытномъ природномъ состояніи. Онѣ попрежнему не отличаются и безопасностью, которой не было въ самой столицѣ, мѣстопребываніи будущаго преобразователя; разбоемъ не брезгаютъ даже князья; помѣщики обвиняются въ „смертномъ убійствѣ“ посадскихъ людей. Конкурренція иностранцевъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности такъ же сильна и непреодолима, какъ въ XVII ст., пожалуй еще сильнѣе; общество, быстро шагнувшее во внѣшней обстановкѣ, сразу опередило едва зарождавшіяся производительныя силы русскаго промышленнаго населенія и должно было обращаться за удовлетвореніемъ своихъ потребностей къ западнымъ ремесленникамъ и промышленникамъ. У русскихъ купцовъ не хватало силъ тягаться съ богатыми компаніями иностранцевъ; послѣдніе затирали первыхъ. Къ этому нужно прибавить еще „всякіе большіе убытки и разоренія“ и въ тѣхъ скромныхъ промыслахъ, которыми занимался посадскій людъ, а эти убытки и разоренія „во всякихъ промыслахъ“ дѣйствительно были не малые. Разоряли посадскихъ воеводы и приказные тѣхъ приказовъ, въ которыхъ вѣдались города ихъ податями и повинностями; разоряли ихъ своя же братья — всякаго рода

выборные; разоряли ихъ поборы непосильные, тягло тяжелое; разоряли ихъ бѣглые съ посадовъ, „бѣльцы", врывавшіеся въ нихъ. Воеводы и приказные лежатъ страшнымъ гнетомъ на посадскихъ: они всѣмъ берутъ—не только деньгами, но и пирогами, и налимами, свѣчьми и лопатами; берутъ сами, берутъ дочери и жены. Не меньшимъ, если не большимъ, гнетомъ ложились на посадскихъ и тѣ приказы, въ которыхъ вѣдались они разными податями и повинностями; приказные люди не одного приказа, а цѣлой массы ихъ, кормились около посадскихъ, причиняя имъ, по сознанію самого правительства, „убытки не малые, волокиты сильныя". Не отставали отъ приказныхъ и свои мірскіе выборные: и они пользовались всякимъ случаемъ погрѣть руки въ карманахъ своихъ избирателей, охраненіе интересовъ которыхъ было ихъ назначеніемъ. Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу администраціи сильные, „лучшіе" изъ посадскихъ жали и тѣснили „среднихъ" и „молодшихъ", насколько хватало ихъ силъ, насколько имъ было выгодно это; въ раскладкѣ податей богатые никогда не оставались въ накладѣ: они всегда изощрялись взваливать на „худшихъ" людей больше, чѣмъ на себя. Прибавимъ ко всему этому страшныя подати и налоги, повинности, отбываемыя натурою,—и станетъ понятенъ тотъ застой, въ которомъ находились торговля и промышленность, то жалкое положеніе, въ которомъ обрѣтались посадскіе люди. Понятно станетъ стремленіе этихъ людей, какъ и прежде, бѣжать съ посада, не отбывая податей, оставляя свои дворы пустыми, взваливая свою подать на плечи оставшихся въ посадѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ могло ли посадское торгово-промышленное населеніе дойти до сознанія единства общественныхъ нуждъ и потребностей? Оно не могло идти дальше сознанія тяжести своего положенія, стремленія избавиться отъ него самыми, такъ сказать, примитивными средствами, въ родѣ „разбрестись съ посада", чѣмъ они и грозятъ правительству неоднократно. Такимъ образомъ и въ рукахъ Петра оказалась все та же безотвѣтная, пассивная масса посадскаго населенія, не сознающаго ни своихъ общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ; масса разрозненная, чуждая всякаго духа общенія, ожидающая всякаго облегченія только отъ правительства, обращающаяся къ нему со всякими невзгодами, даже съ пустыми мелочами. Этой пассивной массѣ пришлось теперь испытать многое въ рукахъ великаго, энергичнаго экспериментатора, не останавливавшагося ни передъ какими средствами. Нужды и потребности государства выростаютъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Война азовская, сооруженіе флота, затѣваемая война съ шведами, требуютъ громадныхъ средствъ. Онѣ требуютъ напряженія всѣхъ силъ народа: нужны люди, нужны деньги, и то и другое — на службу государству; интересы послѣдняго поглотили всякіе другіе интересы. Преобразователь видитъ одну цѣль: — создать могущественное государство со всѣми внѣшними признаками западно-европейскихъ государствъ. Къ этой цѣли направлены всѣ вообще преобразованія Петра, касающіяся какъ всей Руси вообще, такъ въ частности ея торгово-промышленнаго, по преимуществу, городского населенія. Всѣ эти мѣры и преобразованія eo ipso должны были идти въ духѣ мѣръ правительствъ XVII ст., съ тою только разницею, что мѣры Петра, въ силу самого его характера, должны были отличаться большей опредѣленностью, послѣдовательностью, пожалуй—суровой безпощадностью. Преобразователь шелъ по намѣченному его предшественниками пути, твердо, неуклонно. Тяглыя сословія, почти организованныя въ XVII вѣкѣ, онъ организуетъ, закрѣпощаетъ окончательно. Каждое

сословіе неукоснительно должно исполнять возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Служилое сословіе дворянъ, сельское крѣпостное населеніе отбываютъ небывалую до-селѣ воинскую повинность; торгово-промышленное населеніе должно давать государству денежныя средства; размѣры всего этого надо усилить, по мѣрѣ усиленія нуждъ государства. Приступая къ усиленію платежей, приходилось задуматься: посадскіе „исхудали" и отъ прежнихъ; они не могли исправно вносить и ихъ. Стало быть, прежде чѣмъ увеличивать повинности этого сословія, необходимо было озаботиться, чтобы въ прежнихъ сборахъ не чинилось недоимокъ и большихъ недоборовъ. Какъ это сдѣлать? Царю, какъ и его предшественникамъ, казалось, что причина неисправности—„во всякихъ убыткахъ и разореніяхъ", наносимыхъ посадской мѣстной администраціей и московскими приказами, ему казалось, что съ устраненіемъ этого зла доходы увеличатся, онъ еще не понялъ, что необходимо еще возбудить самыя производительныя силы, увеличить платежныя средства посадскаго населенія. Сами посадскіе едва ли сознавали это: во всѣхъ своихъ челобитьяхъ они приписываютъ всѣ свои невзгоды злоупотребленіямъ воеводъ и выборныхъ, и только имъ однимъ.

Въ отвѣтъ на эти жалобы еще правительства XVII вѣка принимали всякаго рода мѣры, какъ частныя, такъ и общія: первыя состояли въ смѣнѣ и отставкѣ воеводъ, городовыхъ приказчиковъ, подъячихъ: замѣны выборныхъ должностей приказными, и наоборотъ; вторыя, т.-е. болѣе общія, мѣры состояли въ стремленіи организовать торгово-промышленное населеніе городовъ въ особое тяглое сословіе, притомъ имѣлись въ виду лишь цѣли исключительно государственныя, при чемъ по преимуществу финансовыя, мѣры, которыя облегчая, повидимому, посадскихъ людей, принося имъ какъ-будто пользу, въ концѣ концовъ закрѣпощали ихъ къ мѣсту, тяглу и, такимъ образомъ, тормозили развитіе торговли и промышленности, а стало быть и города, налагая на то и другое крѣпкіе путы.

Всѣ мѣры Петра относительно торгово-промышленнаго населенія носятъ этотъ же характеръ. До 1699 года, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ его царствованія, до изданія указа о бурмистерской палатѣ, мѣры эти отрывочны, случайны; занятый азовскими походами, созданіемъ флота, поѣздкой за границу, царь не имѣлъ времени заняться, какъ бы онъ хотѣлъ, посадскимъ населеніемъ; приходилось ограничиваться отдѣльными мѣрами, не отличающимися отъ подобнаго же рода мѣръ его предшественниковъ ни большой опредѣленностью, ни систематичностью, ни вообще новизной въ какомъ-либо отношеніи. Недостаточность подобнаго рода мѣръ, даже для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имѣются въ виду преобразователемъ, какъ и его предшественниками, царь не могъ не сознавать. Эта недостаточность сознавалась еще гораздо раньше его. Знаменитый дѣятель временъ Алексѣя Михайловича, Ординъ-Нащокинъ, еще во второй половинѣ XVII столѣтія, сознавая несостоятельность колебательной политики правительства относительно посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, политики замѣны началъ приказнаго и земскаго одного другимъ, политики отдѣльныхъ мѣръ, — предлагалъ въ Новоторговомъ уставѣ 1667 года одну общую мѣру, которая изъяла бы все торгово-промышленное населеніе всѣхъ городовъ Руси изъ вѣдомства многихъ приказовъ съ ихъ безчисленными приказными, устранила бы вліяніе на нихъ воеводъ. Онъ предлагалъ мѣру, которая имѣла въ виду завершить дѣло цѣлыхъ полутора столѣтій: окончательно слить торгово-

промышленное населеніе всей Руси въ одно цѣлое, организовать изъ него единое тяглое сословіе, которое вѣдалось бы въ особомъ учрежденіи, независимомъ отъ мѣстнаго представителя администраціи—воеводы, достаточно сильномъ для того, чтобы защитить посадскихъ отъ притѣсненій этого представителя. Эта мѣра состояла въ учрежденіи особаго, спеціальнаго приказа, исключительнымъ дѣломъ котораго было бы вѣдать купцовъ: „для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, — говоритъ Ординъ,—гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей". Но этотъ проектъ остался лишь проектомъ: авторъ опередилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ свое время.

То, что предшественники Петра только сознавали и пытались осуществить, то Петръ осуществляетъ; то, что до него являлось въ формѣ попытокъ, далеко не всеобъемлющихъ и послѣдовательныхъ, то онъ осуществляетъ вполнѣ, создавая, дѣйствительно, совершенно особое учрежденіе, въ вѣдѣніи котораго должна быть сосредоточена „разсыпная" храмина всего торгово-промышленнаго сословія Россіи. Такое особое учрежденіе, „пристойный приказъ" Ордина-Нащокина, царь создаетъ въ своей бурмистерской палатѣ, учрежденіемъ которой онъ думаетъ достигнуть разомъ обѣихъ цѣлей, поставленныхъ его предшественниками: устранить мѣстныя приказныя власти отъ вмѣшательства въ дѣла посадскихъ общинъ, объединить все торгово-промышленное посадкое населеніе Руси въ одно цѣлое, въ одинъ сословный организмъ. Обѣ эти цѣли ясно сознаются преобразователемъ, не менѣе ясно высказываются; къ достиженію ихъ онъ стремится. Другой вопросъ—достигъ ли онъ ихъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь болѣе или менѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ самыми указами объ учрежденіи бурмистерской палаты и земскихъ избъ.

30 января 1699 года были изданы сразу два указа, касающіеся посадскихъ людей въ Россіи: указъ объ учрежденіи бурмистерской палаты въ Москвѣ и указъ объ учрежденіи въ городахъ земскихъ избъ.

Указъ объ учрежденіи московской бурмистерской палаты начинается слѣдующими знаменательными словами, мотивирующими появленіе новаго установленія: „всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными дѣлами и его, Великаго государя, окладными доходами вѣдомы въ разныхъ приказахъ; и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а его, Великаго государя, съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы"... почему и велѣно сказать посадскимъ, что отнынѣ они будутъ вѣдаться во всѣхъ своихъ дѣлахъ выборными бурмистрами. Въ этихъ немногихъ словахъ содержится въ высшей степени многое: въ нихъ высказаны и причины образованія бурмистерской палаты съ земскими избами, и ихъ компетенція, объемъ власти, какъ по отношенію къ дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, такъ и лицамъ; изъ нихъ можно вывести заключеніе объ отношеніи новыхъ установленій, какъ къ мѣстнымъ органамъ центральной власти—воеводамъ, такъ и къ самой этой власти; въ нихъ же выражается и тотъ взглядъ преобразователя, которымъ онъ мотивируется

во всѣхъ реформахъ въ теченіе двадцати лѣтъ,—взглядъ исключительно государственно-финансовый.

Истинною причиною установленія бурмистерской палаты и земскихъ избъ вовсе не было только то обстоятельство, что, вѣдаясь въ разныхъ приказахъ посадскіе и торговые и промышленные люди терпятъ убытки и разореніе, а то, что, благодаря этимъ убыткамъ, нарушаются государственно-финансовые интересы: государевы окладные доходы учинились въ доимкѣ, въ пошлинахъ — недоборы. Эти доимки и недоборы, мотивировавшія дѣйствія правительствъ XVII в., служатъ единственнымъ мотивомъ мѣръ Петра въ данномъ случаѣ. Учрежденіе бурмистерской палаты и земскихъ избъ есть та радикальная мѣра противъ недоборовъ государственной прибыли, необходимость которой, какъ мы видѣли, сознавалась въ XVII ст., но которая не могла быть приведена въ исполненіе, вѣроятно, только благодаря несостоятельности правительства того времени. Эти причины въ то же время являются и цѣлью преобразованій; однѣ и тѣ же цѣли должны вызывать одинаковыя мѣры, средства къ ихъ достиженію. Дѣйствительно, бурмистерская палата Петра, по своей сущности—не что иное, какъ тотъ пристойный приказъ, о которомъ помышлялъ замѣчательный новаторъ царствованія Алексѣя Михайловича; разница лишь въ формахъ, въ которыя вылилось содержаніе при Петрѣ и въ которыя оно должно было вылиться по мысли Ордина-Нащокина. Пристойный приказъ Петра основывается на началахъ сословно-выборныхъ, приказъ Ордина—на чисто-старыхъ началахъ, преобладавшихъ въ XVII ст., началахъ приказныхъ; это — приказъ, который государь „укажетъ своему боярину“. Эта-то форма пристойнаго для посадскихъ людей приказа, форма сословно выборная, притомъ — коллегіальная, и составляетъ дѣло Петра, но и то лишь по отношенію къ самому приказу, бурмистерской палатѣ, вѣдающей посадское населеніе; вообще же въ выборномъ началѣ и предшественники Петра видѣли чуть ли не единственное средство противъ разоренія посадскихъ людей воеводами и приказными всякаго рода. Начало это въ XVII ст. прилагалось, хотя часто и въ обширныхъ размѣрахъ, но не такъ послѣдовательно, какъ это дѣлаетъ Петръ Великій; оно имѣло мѣсто лишь по отношенію къ общиннымъ, мѣстнымъ должностямъ и не проникло въ центральныя учрежденія, притомъ прилагалось только въ единоличной формѣ, а не въ коллегіальной.

Московская бурмистерская палата, по смыслу указа объ ея учрежденіи, должна была играть двоякую роль: во-первыхъ, роль того „пристойнаго приказа“, который имѣлъ своимъ назначеніемъ вѣдать „всего московскаго государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и черно-слободцевъ“; въ этой роли бурмистерская палата являлась, слѣдовательно, учрежденіемъ чисто государственнымъ, центральнымъ, общимъ для городского населенія всей Россіи. Во-вторыхъ, эта палата играетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и роль чисто-мѣстнаго, общинно-городского учрежденія, роль городской земской избы. Въ качествѣ учрежденія общегосударственнаго, центральнаго, бурмистерская палата замѣнила собою тѣ „разные приказы“, въ которыхъ вѣдались посадскіе и торговые и промышленные люди до нея; поэтому объемъ ея вѣдѣнія опредѣлялся объемомъ вѣдѣнія и власти замѣненныхъ ею приказовъ: она вѣдала торгово-промышленное населеніе всего государства въ его „расправныхъ и челобитныхъ и купецкихъ дѣлахъ“... и въ сборахъ доходовъ, но вѣдала не прямо, а, такъ сказать, посредственно — чрезъ посредство

городовыхъ земскихъ избъ. Всѣ пошлины, государевы доходы и поборы, собираемые земскими должностными лицами, подчиненными земскимъ бурмистрамъ, или въ земскія избы и уже отсюда — въ бурмистерскую палату; чрезъ эту палату, или, лучше, прямо изъ нея, за подписью и печатью президента и бурмистровъ, исходили всѣ указы Великаго Государя, касавшіеся торгово-промышленнаго населенія Россіи. Бурмистерская палата, или, выражаясь языкомъ наказа нижегородскимъ бурмистрамъ, ея президентъ и бурмистры во всемъ вѣдали земскихъ бурмистровъ, обязанныхъ передъ нею строгой отчетностью. Однимъ словомъ, бурмистерская палата, въ качествѣ государственнаго учрежденія, является учрежденіемъ, вѣдающимъ чрезъ посредство мѣстныхъ избъ все городское населеніе государства; это — обще-государственное сословное учрежденіе.

Какъ учрежденіе мѣстное, такъ сказать, общинно-городское, бурмистерская палата или ратуша (такъ стали называть ее съ 17 ноября 1699 года) была не чѣмъ инымъ, какъ земскою избою города Москвы, вѣдавшею дѣла мѣстныхъ торгово-промышленныхъ и купецкихъ людей.

Земскія избы, по мысли законодателя, должны были замѣнить собою приказныя избы и воеводъ, состоявшихъ во главѣ этихъ избъ; такимъ образомъ, компетенціей этого мѣстнаго представителя центральной власти и его избы опредѣлялся объемъ вѣдомства земской городской избы. Въ указѣ отъ 30 января 1699 года объемъ власти земскихъ избъ опредѣляется слѣдующими словами: „мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлахъ и въ сборѣхъ“. Этими словами указъ и ограничивается по отношенію къ данному вопросу; такъ что на основаніи его вовсе не легко опредѣлить власть земскихъ избъ и ихъ членовъ, земскихъ бурмистровъ. Но такое опредѣленіе легко сдѣлать на основаніи ряда указовъ, изданныхъ впослѣдствіи въ поясненіе и дополненіе названнаго.

Объемъ власти земскихъ бурмистровъ по отношенію къ предметамъ, подлежащимъ этой власти, въ общихъ чертахъ опредѣляется, кромѣ только-что приведенныхъ словъ указа объ учрежденіи городскихъ земскихъ избъ, еще и тѣми причинами, тѣмъ зломъ, устранить которое преобразователь думалъ, учреждая палату и избы; онъ думалъ избавить торгово-промышленное населеніе московскаго государства отъ убытковъ и разоренья и тѣмъ устранить „доимку въ его государевыхъ доходахъ“ и всякіе недоборы. Отсюда само собой понятно, что главная задача земскихъ избъ—сборъ государственныхъ доходовъ, сборъ исправный, „съ пополненіемъ“. Это общее опредѣленіе развивается послѣдующими законодательными актами и между ними—въ особенности наказомъ нижегородскимъ бурмистрамъ и отвѣтами на запросы московскихъ гостей и жителей города Воронежа. Въ отвѣтахъ на запросъ воронежцевъ, такъ же какъ и въ наказѣ нижегородскимъ бурмистрамъ, въ вѣдѣніе бурмистровъ земскихъ избъ передаются сборы таможенныхъ, кабацкихъ и всякихъ денежныхъ доходовъ; въ томъ же отвѣтѣ воронежцамъ законодатель выраженіе „всякіе денежные сборы“, во избѣжаніе перечисленія, опредѣляетъ, говоря, что въ вѣдѣніе бурмистровъ переходятъ всѣ тѣ дѣла, которыя до сихъ поръ „были вѣдомы въ Приказѣ Большія Казны“. Ознакомившись, въ чемъ вѣдалъ города Приказъ большія казны, мы ознакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ объемомъ власти, которая передается теперь въ руки земскихъ бурмистровъ. Приказъ большія казны, кромѣ нѣ-

которыхъ спеціальныхъ отраслей государственнаго хозяйства, какъ, напр., горнаго и монетнаго дѣла, вѣдалъ, по выраженію Неволина, гостей, гостиныя и суконныя сотни, и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ въ Москвѣ, и торговыхъ людей многихъ городовъ ихъ тягломъ, податьми и другими поборами; въ немъ вѣдались, кромѣ того, въ силу указа 1680 года, московская таможня, мѣрная и мытная избы, городовыя таможни, кружечные дворы, кабаки, конскія площадки, торговыя бани, харчевни и харчевенные ряды, т.-е., какъ поясняетъ самъ же Неволинъ, всѣ доходы, какіе могли поступать въ государственную казну отъ сихъ заведеній.

Изъ всего этого ясно видно, что самая важная по объему сторона дѣятельности земскихъ избъ и бурмистровъ—вовсе не носитъ характера мѣстной общино-автономической дѣятельности и является дѣятельностью исключительно государственной: въ роли блюстителей за всѣми этими сборами земскіе бурмистры являлись не чѣмъ инымъ, какъ органами центральной, правительственной власти,—органами почти исключительно исполнительнаго характера, каковой носили всѣ сословно-выборныя должностныя лица XVII вѣка. Сущность остается та же самая, измѣнена лишь форма: названіе головъ замѣнено названіемъ бурмистровъ, заимствованнымъ изъ городового устройства остзейскаго края. Передавая всѣ эти сборы въ вѣдѣніе земскихъ избъ, какъ учрежденія сословно-выборнаго, государство вовсе не имѣло въ виду интересы и нужды общинно-городскіе, которыхъ оно не сознавало; ни даже сословные, съ которыми оно вѣдалось, по сколько это было въ интересахъ его самого; единственною, исключительною его цѣлью въ этомъ случаѣ и теперь, какъ раньше, было устранить „доимку и недоборы“ государственныхъ доходовъ. Мотивами передачи всѣхъ этихъ сборовъ изъ рукъ приказныхъ въ руки земскія, выборныя, Петръ выставляетъ прямо то обстоятельство, что воеводы и приказные къ пріумноженію тѣхъ дѣлъ чинили нерадѣніе.

Такимъ образомъ, служба земскихъ бурмистровъ является по своей сущности не чѣмъ инымъ, какъ сословнымъ тягломъ, обязанностью, и очень тяжелою обязанностью, за нерадивое исполненіе которой грозитъ „лишеніе животовъ“, а подчасъ и „батоги нещадные“. Характеръ тягла этого—исключительно государственный, судя по роду дѣлъ, которыя возлагаются за земскія избы: почти всѣ сборы, вѣдомые бурмистрами, не имѣютъ никакого отношенія къ городу, какъ совокупности общинъ, и очень малое къ торгово-промышленному сословію. Дѣятельность по сборамъ всякаго рода пошлинъ и налоговъ не была, однако, исключительной и единственной дѣятельностью земскихъ бурмистровъ: на нихъ возлагались и обязанности, стоявшія въ болѣе близкомъ отношеніи къ сословной общинѣ; обязанности, по характеру своему, могущія, пожалуй, быть отнесенными къ категоріи сословно-общинныхъ правъ. Къ такимъ обязанностямъ я отношу обязанности-права раскладывать подати и налоги между отдѣльными членами сословныхъ общинъ и отдавать въ оброкъ всякія статьи съ торгу. Понятно, что въ качествѣ раскладчиковъ податей и повинностей земскіе выборные вообще и земскіе бурмистры, наблюдавшіе за этими раскладчиками, въ особенности, являлись скорѣе простыми агентами центральной власти, нежели органами общины.

Такими же агентами являлись земскіе бурмистры и во второмъ случаѣ—по отношенію къ праву отдавать всякія статьи въ оброкъ съ торгу, какъ выражается наказъ нижегородскимъ бурмистрамъ, или отдавать нѣкоторые сборы на откупъ, какъ, напр., ледоколъ и прорубное, и въ этомъ случаѣ они являлись не представителями сословно-городской

общины, а государственной власти, и отдавали на откупъ оброчныя статьи не отъ лица общины, не пользовавшейся еще въ то время правомъ собственности надъ городскими землями и угодьями и не имѣвшей своей казны, своихъ капиталовъ; деньги съ откуповъ или отдачи оброчныхъ статей шли въ государственную же кассу Приказа Большаго Дворца или расходовались лишь по указу его, Великаго Государя. Иначе и быть не могло; всѣ подати и налоги были государственными, по своему назначенію, податьми и налогами, шедшими на удовлетвореніе нуждъ и потребностей государства, а не данной общины. Отсюда становится совершенно понятнымъ, что земскія избы не могли расходовать собранныхъ ими суммъ по собственному усмотрѣнію: онѣ должны были выдавать изъ нихъ въ расходъ не иначе, какъ по указу его, Великаго Государя, изданному бурмистерской палатой (ратушей) за печатью президента и бурмистровъ; въ случаѣ нарушенія этого правила Государь грозитъ земскимъ бурмистрамъ взысканіемъ съ нихъ „безъ пощады“ вдвойнѣ выданной ими суммы. Всѣ собранныя земскими избами суммы стекались въ московскую Ратушу, которая могла расходовать ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, а оставшіяся за расходомъ суммы должны были пересылаться въ Приказъ Большія Казны. Такимъ образомъ, не только отдѣльныя сословныя общины не имѣли собственнаго капитала, которымъ они могли бы распоряжаться на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ: его не имѣло и цѣлое сословіе, центральное учрежденіе котораго, ратуша, какъ и мѣстныя земскія избы, являлось лишь органомъ, учрежденіемъ исключительно государственнымъ.

Земскія избы, замѣнивъ собою приказныя избы воеводъ, eo ipso должны были играть роль послѣднихъ, т.-е. „агентовъ правительства, понуждавшихъ тяглецовъ къ исправному отбыванію тягла“. Земскіе бурмистры сами, непосредственно, не участвовали ни въ раскладкѣ податей и повинностей, ни въ сборѣ какъ ихъ, такъ и таможенныхъ, кабацкихъ и тому подобныхъ пошлинъ; все это они производятъ чрезъ земскихъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, замѣнившихъ прежнихъ головъ и цѣловальниковъ. Дѣйствія этихъ выборныхъ были поставлены подъ ихъ непосредственный надзоръ. О земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ на посадахъ за это время мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключить объ ихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ къ земскимъ избамъ. Однако несомнѣнно, что эти представители земскаго начала существовали послѣ учрежденія земскихъ избъ и бурмистерской палаты — ратуши. Это были выборныя мірскія власти „для управленія земскими дѣлами“, какъ выражается Чичеринъ, состоящими въ раскладкѣ податей и повинностей и ихъ сборѣ. Если принять во вниманіе отвѣтственность земскихъ бурмистровъ за „доимку“ во всякаго рода сборахъ, ихъ право и даже обязанность вмѣшиваться въ выборы земскихъ должностныхъ лицъ, въ раскладку податей и повинностей, то едва-ли можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ выводъ, что и земскіе старосты „съ товарищи“ стояли къ этимъ бурмистрамъ въ такихъ же точно отношеніяхъ, въ какихъ стояли къ нимъ таможенные и кабацкіе бурмистры, т.-е. въ отношеніяхъ исполнительныхъ, подчиненныхъ агентовъ.

Въ чемъ состояли обязанности таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, точно опредѣляется самымъ названіемъ этихъ должностныхъ лицъ: они были не кѣмъ инымъ, какъ земскими выборными, поставленными спеціально къ государеву дѣлу, не имѣющему никакого прямого отношенія

къ посадскимъ сословнымъ торгово-промышленнымъ общинамъ. Земскіе же старосты и цѣловальники хотя и вѣдали дѣла уже прямо, непосредственно касавшіяся общины, но все таки дѣла эти лишь касались общины, оставаясь по существу все тѣми же государственными дѣлами. Такимъ образомъ, и въ качествѣ раскладчиковъ и сборщиковъ земскіе старосты и цѣловальники являлись опять-таки не кѣмъ инымъ, какъ низшими агентами правительственной власти, только вербуемыми изъ среды самихъ обладаемыхъ повинностями общинъ.

Изъ характера и рода дѣятельности новыхъ учрежденій, объема ихъ власти вытекаетъ, какъ необходимое заключеніе, слѣдующее: буумистерская палата, впослѣдствіи ратуша, въ качествѣ центральнаго учрежденія вѣдала не города, а лишь торгово-промышленное населеніе городовъ, и притомъ главнымъ образомъ вѣдала его въ финансово-государственномъ отношеніи, если можно такъ выразиться, т.-е. вѣдала его по отношенію къ раскладкѣ и сбору всякаго рода податей, повинностей и пошлинъ. Земскія городовыя избы, составленныя изъ земскихъ бурмистровъ, и подчиненные имъ земскіе старосты и цѣловальники, таможенные и кабацкіе бурмистры—мѣстныя учрежденія, вѣдавшія въ томъ же отношеніи, что и бурмистерская палата, торгово-промышленное населеніе даннаго посада; однимъ словомъ, весь этотъ механизмъ имѣетъ назначеніемъ вѣдать тяглое сословіе и притомъ именно по отношенію къ государственному тяглу этого сословія.

Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія земскихъ избъ и бурмистерской палаты — ратуши, какъ оказалось, что преобразователь, несмотря на всю энергію свою, не достигъ поставленной цѣли—собрать воедино разсыпанную храмину торгово-промышленнаго сословія. Судьба установленій, имѣвшихъ цѣлью цементировать отдѣльные элементы этой храмины, постигшая ихъ еще при жизни самого виновника ихъ учрежденія, какъ нельзя лучше служитъ доказательствомъ этого.

Возлагая на собираемую храмину однѣ обязанности, не снабжая ее никакими правами, преобразователь и не долженъ былъ ждать отъ своихъ реформъ ничего больше того, къ чему привели мѣры правительствъ XVII ст.; устраняя отъ вѣдѣнія посадскихъ воеводу съ приказной избой, преобразователь не замѣнялъ устраняемое чѣмъ-либо новымъ по существу. Земскія избы — учрежденіе, отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу: онѣ — тѣ же приказныя избы, лишь выборныя; какъ приказныя, такъ и замѣнившія ихъ по отношенію къ посадскимъ и вообще къ торгово-промышленнымъ людямъ земскія избы одинаково чужды интересовъ мѣстныхъ общинъ. Одинаково мало сознавали и тѣ, и другія изъ нихъ и интересы самого государства, служба которому составляла ихъ назначеніе. Понятно, что цѣль законодателя,—устранить недоборы государственныхъ доходовъ, а для этого избавить торгово-промышленное населеніе отъ разоренія правительственныхъ агентовъ, — не могла быть достигнута уже благодаря одной этой причинѣ. Новыя учрежденія, появившіяся на свѣтъ не ради охраненія интересовъ общинъ, развитія и удовлетворенія ихъ потребностей и нуждъ, легли на эти общины лишь новымъ, очень тяжелымъ бременемъ; уже въ силу этого одного обстоятельства отъ бурмистровъ и вообще земскихъ выборныхъ нельзя было ждать чего-либо большаго, чѣмъ отъ приказныхъ; прибавимъ къ этому уровень нравственнаго состоянія всѣхъ слоевъ тогдашняго общества – и понятнымъ станетъ, почему Петръ Великій, по прошествіи очень короткаго времени послѣ учрежденія земскихъ избъ и ратуши, долженъ былъ убѣдиться въ несостоя-

тельности своихъ реформъ и постепенно отъ нихъ отказаться, возвращаясь, хотя и временно, къ старому порядку вещей, отбирали у избъ и ратуши одно за другимъ дѣла, подлежавшія, по первоначальному плану, ихъ вѣдѣнію.

Система отчетности и отвѣтственности земскихъ бурмистровъ, таможенныхъ, кабацкихъ и всякаго рода сборщиковъ, система достаточно сложная и едва-ли не слишкомъ суровая, гарантировала болѣе или менѣе лишь государству его доходы: она обезпечивала ему сборы пошлинъ, податей и всякаго рода денежныхъ повинностей; но эта система не касалась общинъ; она нисколько не охраняла ихъ отъ злоупотребленій земскихъ выборныхъ. Законодатель же, озабоченный исключительно исправнымъ поступленіемъ государственныхъ доходовъ, совершенно не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла. Онъ слишкомъ понадѣялся на выборное начало; ему казалось достаточной гарантіей то обстоятельство, что земскія избы составлены изъ представителей самихъ торгово-промышленныхъ людей, что „пристойный приказъ" составленъ изъ тѣхъ же представителей; единственной мѣрой, благодаря этому, противъ злоупотребленій земскихъ и ратушскихъ бурмистровъ является смѣна ихъ „погодно". Но разсчеты законодателя оказались ошибочными. Не прошло и года со дня появленія земскихъ избъ, какъ мы уже встрѣчаемся со старымъ зломъ, успѣвшимъ пробраться въ новыя учрежденія.

Въ одномъ городѣ земскіе старосты съ товарищами „отставили" только-что выбранныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ „за то, что имъ (земскимъ старостамъ съ товарищи) ничего не дали", и выбрали вмѣсто нихъ новыхъ бурмистровъ, съ которыхъ взяли за это по 120 руб. (сумма для того времени болѣе чѣмъ почтенная). Воруютъ и продаютъ интересы общинъ не только выборные ея, ея представители, но и самые члены; они не задумываются продавать свои голоса. Въ другомъ—головы торговымъ людямъ даютъ „выписки" въ уплатѣ ими торговыхъ пошлинъ, а въ книги этой уплаты не заносятъ. Земскія власти берутъ не хуже приказныхъ,—берутъ при сборахъ, исполняя государству службу, берутъ при выборахъ, берутъ при раскладкѣ податей и повинностей. Воровство чинятъ всѣ: и головы, и цѣловальники, старосты, земскіе, бурмистры кабацкіе и таможенные; не отставали и земскіе съ ратушскими. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ, лишь-только былъ сдѣланъ ратушскимъ инспекторомъ, какъ поторопился раскрыть и доказать всю несостоятельность земскихъ избъ и бурмистерской палаты „къ прибавленію прибыли", ради котораго они собственно и были учреждены. Отчетность и отвѣтственность земскихъ бурмистровъ передъ ратушей, а самой ратуши передъ верховной властью, оставались мертвой буквой: „книгъ московскія таможни, — писалъ царю Курбатовъ въ 1705 году,—по сей годъ въ ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка также и питейныя прибыли. Отъ бурмистровъ премногія явились кражи Вашея казны; книги по сборамъ ведутся подложно съ великимъ умноженіемъ"... „Ей, ей, Государь,—говоритъ инспекторъ дальше,—превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство"; ратушскіе подъячіе оказались „превеликими ворами и берутъ премногія взятки". Годъ спустя, Курбатовъ доносилъ царю, что „за градскими бурмистрами премногое воровство сыскано": въ одномъ Ярославлѣ украдено 40000 рублей; а псковичи, „во время точію Шведской войны", отличились на 90000 рублей. Не только выборныя должностныя лица отъ торгово-промышленныхъ общинъ, но и члены самыхъ этихъ общинъ, пользуясь скромнымъ пра-

вомъ раскладки податей и повинностей, продѣлывали не мало безобразій: въ 1706 году вѣдомо стало государю, что едва не во всѣхъ городахъ „пожиточные“ во всякаго рода сборахъ всячески угнетаютъ маломочныхъ, убогихъ, отчего многіе изъ послѣднихъ „вышли въ стороны городовъ“. А между тѣмъ на „пожиточныхъ“ государство и возлагало всѣ надежды: изъ нихъ велѣно было избирать во всѣ государевы службы. Энергическій царь, чуть ли не единственный неутомимый и безкорыстный блюститель государства и его интересовъ, не останавливался ни предъ какими средствами въ борьбѣ съ этимъ зломъ; онъ грозилъ—и приводилъ угрозу въ исполненіе—смертною казнью безъ всякой пощады, кнутомъ, Азовомъ и дальними городами, куда ссылалъ взяточниковъ, лишивъ ихъ предварительно „всѣхъ животовъ“, прибѣгалъ онъ къ унизительнымъ, позорнымъ, по тогдашнимъ взглядамъ, наказаніямъ — „сказывали смерть, клали на плаху“. Ничто не помогало: язва сидѣла слишкомъ глубоко, чтобъ ее можно было уничтожить такими мѣрами...

Не одни земцы свирѣпствовали въ собранной храминѣ: дѣлали набѣги на нее и приказные люди. Воеводы не хотятъ разставаться съ своей прежней властью надъ торгово-промышленнымъ людомъ; они продолжаютъ вмѣшиваться въ дѣла посадскихъ, не слушаютъ государевыхъ указовъ, такъ часто напоминавшихъ имъ, чтобъ они ни въ чемъ посадскихъ людей не вѣдали, ни въ какія дѣла не вступались, и врываются въ храмину.

Убѣдившись вполнѣ въ несостоятельности своей постройки и не имѣя времени обратиться къ созданію чего-либо новаго, законодатель, параллельно съ карательными мѣрами противъ нерадѣнія и воровства, начинаетъ постепенно разбирать храмину, вынимая связку за связкой, подпорку за подпоркой. Основная цѣль учрежденій—вѣдать все торгово-промышленное сословіе въ одномъ „пристойномъ“ приказѣ — бурмистерской палатѣ — откидывается въ сторону, а храмина мало-по-малу разсыпается снова.

Съ земскихъ избъ и ратуши начинается постепенное сложеніе ихъ обязанностей по сбору податей и повинностей и отдача ихъ снова въ вѣдѣніе стараго приказнаго начала. У законодателя является мысль создать особое единоличное установленіе,—должность, занимающій которую находился бы, ради большей независимости и самостоятельности, внѣ всякой зависимости отъ какого-либо мѣстнаго или центральнаго установленія и состоялъ бы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ верховной властью; единственною обязанностью такого должностного лица предполагалось сдѣлать зоркій надзоръ за сборами государственныхъ доходовъ земскими выборными людьми и вообще охраненіе государственныхъ интересовъ. Мысль эту Петръ Великій осуществилъ не сразу: сначала было учреждено нѣсколько такихъ должностныхъ лицъ, и притомъ надзору этихъ лицъ поручены были не одни земскіе бурмистры, а и воеводы съ избами. Наконецъ, надзоръ этотъ простирался лишь на одну сторону дѣятельности земскихъ выборныхъ и приказныхъ людей. Лѣтомъ 1704 года въ городахъ велѣно выбрать въ надсмотрщики „изо всякихъ чиновъ людей, въ знатности добрыхъ“; цѣлью этихъ надсмотрщиковъ полагалось лучшее въ дѣлахъ крѣпостныхъ усмотрѣніе. Законъ вмѣнялъ этимъ новымъ должностнымъ людямъ въ обязанность зорко слѣдить за ходомъ порученныхъ имъ дѣлъ у воеводъ и бурмистровъ и „объ ихъ нерадѣніи писать безбоязненно“. Эта частная, какъ по отношенію къ району, подлежащему ея вѣдѣнію, такъ и объему дѣлъ, ей порученныхъ, должность была лишь первымъ шагомъ или, лучше, введеніемъ къ учрежденію общей,

единой для всего московскаго государства, должности ратушскаго инспектора съ товарищи, — должности, вѣдѣнію которой, какъ показываетъ самое названіе ея, подлежало лишь торгово-промышленное населеніе государства или, скорѣе, административный механизмъ этого населенія. Должность эта учреждена въ началѣ 1705 г. и возложена на Алексѣя Курбатова. Цѣль и мотивы установленія этой должности высказаны законодателемъ въ сжатой формѣ въ самомъ указѣ о назначеніи Курбатова ратушскимъ инспекторомъ. Эта цѣль—„разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями и города, которые можно, вмѣстѣ съ Москвою также осмотрѣть“. При этомъ законодатель уполномочиваетъ инспектора, въ томъ случаѣ, если „кто явится въ какомъ воровствѣ, и на тѣ порочныхъ мѣста выбирать бурмистровъ немедлепно иныхъ“. Такія полномочія инспектору даются, однако, не столько въ видахъ собранія храмины, сколько въ видахъ возможности „прибавить прибыли“, устранить нерадѣтелей и расхитителей этой прибыли, на что указываетъ уже самый фактъ назначенія на новую должность прибыльщика. За этою цѣлью—увеличеніемъ доходовъ — пока скрывались всѣ остальныя: государство все больше и больше нуждалось въ средствахъ, расходы его все росли и росли и требовали очень быстраго удовлетворенія. Заботиться о внутреннемъ переустройствѣ некогда. Законодатель употребляетъ энергическія мѣры: дѣятельности одного прибыльщика съ товарищи было недостаточно, чтобы искоренить общія „воровства“, какъ недостаточно было и безчисленныхъ указовъ его, Великаго Государя. Царь обращается къ самому обществу, къ его совѣсти; его практическій умъ прекрасно понималъ, что обращаться къ гражданскому долгу болѣе чѣмъ излишне. Онъ поступилъ иначе: онъ обратился къ другому чувству своихъ подданныхъ, менѣе доблестному, но наиболѣе развитому въ нихъ—къ чувству корысти; онъ обѣщаетъ доносителемъ о воровствахъ земскихъ выборныхъ имущественное вознагражденіе; это съ одной стороны; съ другой—онъ грозитъ недоносителямъ „чинить яко утайщикамъ“. Ничто не помогало.

Потерявъ значеніе центральнаго учрежденія, пристойнаго приказа, вѣдавшаго торгово-промышленное населеніе всего московскаго государства, московская ратуша продолжаетъ существовать, вмѣстѣ съ ратушами другихъ городовъ, въ качествѣ мѣстнаго учрежденія. Какъ такія чисто мѣстныя учрежденія, на которыя возложена повинность всякаго рода сборовъ, ратуши вѣдаются или губернаторами, или воеводами и являются не чѣмъ инымъ, какъ простыми исполнительными органами, стоящими въ полной зависимости отъ названныхъ представителей мѣстной власти, которые вѣдаютъ города во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ ихъ вѣдали прежде приказы на Москвѣ, и стало быть и московская ратуша. Прежде чѣмъ окончательно раздѣлена была Россія на губерніи и введены губернаторы, города „всякимъ управленіемъ“ вѣдались или комендантами, или воеводами; финансовая сторона администраціи и зарождающаяся полицейская были въ ихъ рукахъ

Торгово-промышленное населеніе, оказавшееся теперь въ рукахъ многочисленныхъ чиновниковъ и учрежденій, разумѣется, не избавилось отъ разореній и убытковъ и не могло исправнѣе отправлять свои повинности, которыя при томъ день ото дня все увеличиваются и увеличиваются: это сословіе все больше и больше закрѣпощается службѣ государственной, тяглу. Въ началѣ 1711 года открывается, такъ называемая, купецкая палата для завѣдыванія „денежнымъ дѣломъ“; въ палату эту сажаютъ все тѣхъ же торгово-промышленныхъ и посадскихъ людей по выбору;

изъ нихъ же берутъ счетчиковъ на денежный дворъ въ Москвѣ; издается цѣлый рядъ указовъ, возлагающихъ все новыя и новыя обязанности на торгово-промышленное населеніе городовъ. Это обложеніе городского населенія все новыми службами безостановочно продолжается до 1718 года, когда правительство какъ-будто рѣшилось пріостановиться въ этой политикѣ и повернуть на другой путь; оно находитъ средство, хотя, какъ оказалось потомъ, и не совсѣмъ удачное, нѣсколько облегчить торговопромышленное населеніе отъ его тяжелыхъ службъ, сложивъ съ него нѣкоторыя изъ нихъ и возложивъ ихъ на отставныхъ солдатъ. Такое положеніе дѣлъ не могло удовлетворить законодателя, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на вновь разсыпавшуюся храмину торгово-промышленнаго населенія, въ которомъ онъ видѣлъ одну изъ могущественныхъ силъ къ процвѣтанію государства. Онъ рѣшился опять приняться за собираніе этой храмины, за созиданіе ея.

XLII. Городовые магистраты, ихъ права и обязанности и отношенія ихъ къ самому городу.

(Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи».

Въ іюнѣ 1718 года Петръ Великій, въ отвѣтъ на меморіалъ иностранца Фика, поставилъ слѣдующую резолюцію: „магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ“. Изъ словъ этой резолюціи видно, что законодатель, параллельно съ временными по отношенію къ городамъ мѣрами, озабоченъ былъ изысканіемъ средствъ къ прочному устройству ихъ торгово-промышленнаго населенія. На этотъ разъ законодатель обращается уже къ Западной Европѣ, именно—къ Германіи; въ учрежденіяхъ этой страны онъ видитъ образецъ для городского устройства, какъ въ учрежденіяхъ Швеціи онъ видѣлъ идеалъ обще-государственныхъ учрежденій. Городское устройство западно-европейскихъ государствъ получилось въ результатѣ вѣкового развитія ихъ торгово-промышленнаго населенія, результатомъ вѣковой борьбы этого населенія съ феодальными владѣльцами и отдѣльныхъ элементовъ его между собою. Какъ результатъ такого развитія, такой борьбы, западноевропейскій городъ того времени выработалъ самобытную организацію, послужившую образцомъ для государственной организаціи.

Что же могъ заимствовать въ этомъ устройствѣ нашъ великій реформаторъ, откуда онъ могъ добыть активное, энергическое торгово-промышленное городское населеніе, отсутствіемъ котораго страдало его отечество? Допустимъ, что онъ не задумается создать это сословіе, но этимъ дѣло еще не кончается: нужно создать въ такомъ случаѣ самую общественно-городскую жизнь, общественно-городскіе интересы, независимые отъ интересовъ обще-государственныхъ.

Петра обыкновенно обвиняютъ въ томъ, что онъ перенесъ на русскую общественно-политическую почву учрежденія, выработанныя западно-европейской жизнью,—учрежденія, совершенно чуждыя русской почвѣ. Обвиненіе это справедливо лишь отчасти. Нужно знать, какъ онъ перенесъ эти учрежденія. Перенесъ ли онъ ихъ цѣликомъ, безъ

всякихъ измѣненій и приспособленій, если не къ отечественной почвѣ, то къ своимъ государственнымъ цѣлямъ, или же онъ сдѣлалъ эти приспособленія? Въ послѣднемъ случаѣ обвиненіе едва ли будетъ умѣстнымъ.

Петръ I, соблазненный сравнительнымъ благосостояніемъ западно-европейскаго города, его внѣшними порядкомъ и приличіемъ, рѣшается ввести эти порядокъ и приличіе и у себя, заставивъ заботиться о томъ и другомъ вновь-образованныя городскія учрежденія. Путемъ этихъ учрежденій онъ, повидимому, думаетъ поднять русскій городъ до степени благосостоянія западно-европейскаго, онъ задается даже цѣлью установить этимъ же путемъ „добрую" полицію, которая „непорядочное и непотребное житье отгоняетъ... рождаетъ добрые порядки". Но эта цѣль трактуется лишь вскользь, однѣми общими фразами, въ родѣ только-что приведенныхъ. На самомъ же дѣлѣ цѣлью и новыхъ городскихъ учрежденій, какъ и прежнихъ, являлось достиженіе интересовъ исключительно государственныхъ: они должны были „паки собрать" разсыпанную храмину торгово-промышленнаго населенія Россіи ради пользы государственной. Такою цѣлью обусловливается и самая организація новыхъ городскихъ учрежденій. Эта-то цѣль и была, между прочимъ, причиной, почему законодатель не могъ перенести цѣликомъ западно-европейскія городскія учрежденія съ ихъ сущностью. Онъ заимствовалъ лишь форму этихъ учрежденій, которую наполнилъ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ содержаніемъ ея въ западно-европейскихъ городахъ. Петръ и въ данномъ случаѣ является ученикомъ, насколько это было возможно, своего друга, великаго философа-математика XVIII ст., Лейбница; заимствуя формы, онъ комбинируетъ ихъ согласно идеѣ своего учителя-теоретика объ административномъ механизмѣ, какъ механизмѣ неодушевленномъ, механизмѣ часовъ. Отдѣльными частями этого механизма являются русскіе коренные элементы, выработанные общественно-политической жизнью Руси XVII ст. Цѣлью, достиженіе которой имѣетъ въ виду механизмъ, законодатель ставитъ далеко не тѣ цѣли, которыя имѣли въ виду западно-европейскія городскія учрежденія. Тщательно снявъ оболочку западныхъ городскихъ учрежденій, Петръ I не трогаетъ зерна, лежащаго въ этой оболочкѣ; онъ подмѣняетъ его, вставляя свое, онъ прилаживаетъ эту оболочку къ содержимому, издавна вырабатываемому русской политическою жизнью, прилаживаетъ ее сообразно тѣмъ цѣлямъ и взглядамъ, которые онъ, законодатель, неебходимо долженъ былъ имѣть на данный вопросъ. Иначе и быть не могло. Перенести на русскую почву западно-европейское городское устройство съ его сущностью, общинной автономіей—значило стать въ полное противорѣчіе со всѣмъ ходомъ исторіи русскаго общества того времени. Перенося его цѣликомъ въ Россію, законодатель сталъ бы въ полное противорѣчіе со всею своею дѣятельностью,— дѣятельностью энергическою, гигантскою, но не опередившею своего времени: великій преобразователь кончалъ дѣло своихъ предшественниковъ, онъ собиралъ великую политическую храмину — „государство". Эта и только эта цѣль—задача всей его дѣятельности; все пріурочивалось къ ней. Если царственный работникъ и жаловался на всеобщую апатію русскаго народа вообще, если онъ и старался возбудить энергію въ его составныхъ элементахъ, то вовсе не въ смыслѣ автономіи; нѣтъ, онъ требовалъ этой энергіи отъ общества для государства; онъ требовалъ, чтобы все служило „къ наивящшей государственной пользѣ". Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а наобо-

ротъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству, но онъ хотѣлъ при этомъ почти невозможнаго — чтобы закабаленные работали энергически, работали, посвящая чуждому, въ ихъ глазахъ, имъ дѣлу чуть не всѣ свои силы. Этого онъ требовалъ и отъ городского торгово-промышленнаго сословія, и оно должно было нести свое тягло, работая надъ созданіемъ государства, какъ политическаго тѣла, какъ члена европейской международной семьи; и оно должно было служить этой цѣли людьми и деньгами. Независимые отъ государственныхъ общественные интересы и цѣли не имѣли въ глазахъ преобразователя почти никакой цѣны. Все это—діаметрально-противоположно духу и сущности западно-европейскихъ городскихъ учрежденій, какъ они выработались исторіей.

Въ мартѣ 1719 года издается регламентъ коммерцъ-коллегіи, въ которомъ уже идетъ рѣчь о магистратахъ городовъ, но о магистратахъ только еще предполагаемыхъ. Наконецъ, въ февралѣ 1720 года именнымъ указомъ учрежденъ въ Петербургѣ главный магистратъ, оберъ-президентомъ котораго назначенъ князь бригадиръ Трубецкой, а его товарищемъ Исаевъ. Вновь открытому учрежденію поручается „вѣдать всѣхъ купецкихъ людей... и разсыпанную сію храмину паки собрать“; но оно бездѣйствуетъ, объ немъ, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Почти годъ спустя изданъ именной указъ—„учинить форму правленія магистратскаго“. Ничто не помогло. Главный магистратъ, вѣроятно, вырабатывалъ въ тиши „регулы“ для городовыхъ магистратовъ, не торопясь. Наконецъ, законодатель вспомнилъ о главномъ магистратѣ и издалъ ему въ руководство регламентъ, но и это едва ли помогло: по крайней мѣрѣ, ровно годъ спустя, мы встрѣчаемся со слѣдующимъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ указомъ царя оберъ-президенту главнаго магистрата: „понеже давно имѣется указъ и регламентъ и исправленіе дѣла, вамъ врученнаго, а имено: о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ протчихъ; но по сіе время никакого успѣху въ томъ не дѣлается“.

Послѣднія слова ясно указываютъ на отсутствіе магистратовъ не только въ городахъ, но даже въ Москвѣ, вполнѣ благоустроенныхъ, правильныхъ, какъ выражается царь. Царь энергически понуждаетъ главный магистратъ къ дѣятельности: „того ради,—продолжаетъ онъ въ томъ же указѣ,—симъ опредѣляемъ, что ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т.-е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты (кн. Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы“. Такія мѣры царь пускаетъ въ ходъ относительно главы учрежденія, которое было не только „яко начальство градское“, какъ выражается регламентъ главному магистрату, но и яко начальство всей паки собранной „храмины россійскаго купечества“. Однако эти энергическія мѣры мало подвинули дѣло: три мѣсяца спустя послѣ посула оберъ-президенту главнаго магистрата и его товарищу каторжной работы, дѣло, за неисполненіе котораго имъ сулилась такая перспектива, оставалось все въ томъ же положеніи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ цехамъ. Только три года спустя послѣ изданія регламента главному магистрату, именно въ концѣ 1724 года, появилась на свѣтъ инструкція магистратамъ, въ которой прежде всего опредѣлено во всѣхъ городахъ учредить магистраты по образцу петербургскаго. Такъ что лишь съ этого времени, конца 1724 года, болѣе или менѣе повсе-

мѣстное установленіе магистратовъ можно считать окончательнымъ. Не только содержаніе заимствованныхъ учрежденій было измѣнено преобразователемъ,—измѣненія внесены въ самую форму ихъ. Каждый городъ Западной Европы слагался совершенно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самостоятельно: его общественно-политическая жизнь выливалась въ тѣ или другія формы вполнѣ независимо отъ остальныхъ городовъ; почти каждый изъ нихъ, такимъ образомъ, вначалѣ представлялъ собою самостоятельное, политически, тѣло—городъ, государство; а впослѣдствіи времени, съ постепеннымъ развитіемъ верховной государственной власти, городъ обратился въ отдѣльную общину; іерархической связи въ смыслѣ зависимыхъ отношеній этихъ общинъ одной отъ другой, не существовало, исключая развѣ тѣхъ очень немногихъ случаевъ, когда самая историческая жизнь двухъ городовъ установила между ними такую связь. Подобнаго рода положеніе городовъ, ихъ независимая организація внутренняго управленія рѣзко противорѣчила всѣмъ цѣлямъ и стремленіямъ царя, который заимствовалъ магистратское устройство не ради удовлетворенія общественныхъ нуждъ городского населенія во всей его совокупности или только части его, а исключительно ради пользы и нуждъ самого государства. Цѣль новыхъ учрежденій лежала въ установленіи самой строгой зависимости разсыпанной храмины торгово-промышленнаго населенія отъ верховной власти: храмину царь стремится собрать „во-едино“, отдавъ ее въ исключительное вѣдомство одного центральнаго учрежденія, которое, въ свою очередь, легко можетъ быть поставлено въ полную зависимость отъ верховной власти. Магистратское устройство, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, должно было быть не чѣмъ инымъ, какъ государственно-административнымъ механизмомъ, имѣющимъ цѣлью управленіе опредѣленной частью населенія имперіи, ея торгово-промышленнымъ слоемъ; этотъ механизмъ долженъ былъ составлять только часть общаго государственнаго механизма и не могъ быть устроенъ, сравнительно съ послѣднимъ, на иныхъ началахъ. Мысль Лейбница объ административныхъ часахъ, если можно такъ выразиться, должна была найти приложеніе и здѣсь. Управленіе городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ должно было вылиться въ такой механизмъ, въ которомъ бы одна шестерня приводила въ движеніе другую, эта другая — третью и т. д., и, наконецъ, необходимо долженъ былъ существовать рычагъ, который, находясь подъ непосредственнымъ контролемъ верховной власти, входя въ составъ высшаго государственнаго механизма, давалъ бы толчекъ всѣмъ этимъ шестернямъ. Такимъ рычагомъ въ громадномъ часовомъ механизмѣ городского устройства долженъ былъ служить главный магистратъ въ Петербургѣ, городовые же магистраты или ратуши играли роль отдѣльныхъ шестерней въ цѣломъ механизмѣ. Такимъ характеромъ обусловливалась роль, какъ главнаго магистрата, такъ и каждаго изъ городовыхъ.

Еще въ февралѣ 1720 года открытъ былъ главный магистратъ; четыре года спустя, по городамъ открыты магистраты. Совершенно иныя условія общественно-экономической жизни городского населенія, отличныя отъ западно-европейскихъ, заставили законодателя внести измѣненія и въ форму каждаго отдѣльнаго магистрата,—измѣненія, доведенныя до того, что во многихъ городахъ коллегіальное начало замѣнялось единоличнымъ. Понятно само собою, что и магистраты западно-европейскихъ городовъ не представляли собой точной копіи одинъ съ другого; внутренняя организація каждаго изъ нихъ, а въ особенности составъ,

число членовъ, были различны, но это различіе обусловливалось исторически, ходомъ развитія различныхъ элементовъ городского населенія, и никакъ не зависѣла исключительно лишь отъ количества городского населенія. Въ Россіи законодатель долженъ былъ отыскать, придумать основанія для такого различія: ввести во всѣхъ городахъ магистраты съ одинаковымъ количествомъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, было просто невозможно. Здѣсь, магистратская организація не была продуктомъ развитія самого городского населенія, какъ на родинѣ ея, здѣсь ее давало городамъ правительство, какъ давало оно воеводу, комменданта и т. п., и притомъ давало, какъ тяжелую обузу государственнаго тягла: городъ долженъ былъ своими собственными наличными силами „снабдить магистратскіе чины угодными и искустными персоны", избранными при томъ изъ „первостатейныхъ и пожиточныхъ гражданъ", которые могли бы „президировать" въ немъ. Огромное большинство городовъ тогдашней Россіи было бы не въ состояніи вынести на собственныхъ плечахъ болѣе или менѣе сложный составъ магистратуры. Необходимо было разнообразить этотъ составъ, смотря по благосостоянію городовъ: законодатель взялъ за исходный пунктъ дѣленія количество жителей каждаго города и на этомъ основаніи раздѣлилъ всѣ города тогдашней Россіи на пять разрядовъ. Наибольшее количество членовъ, входившихъ въ составъ магистрата, установлено для городовъ перваго разряда; магистраты этихъ городовъ предполагалось составить изъ четырехъ бурмистровъ и одного президента, стоявшаго во главѣ ихъ; города пятаго, послѣдняго разряда, лишались совершенно коллегіальнаго учрежденія — въ нихъ магистратъ замѣнялся единоличною должностью бурмистра. Главный магистратъ состоялъ изъ оберъ-президента, его товарища и нѣсколькихъ членовъ—бурмистровъ и ратсгеровъ.

Города всѣхъ этихъ пяти разрядовъ не были независимыми другъ отъ друга: Петръ и теперь не отказался отъ приписного начала. Учрежденіе и открытіе магистратовъ поручено было главному магистрату, который и разбивалъ города на разряды на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ получалъ объ ихъ состояніи отъ губернаторовъ и воеводъ. Опредѣливъ составъ магистрата въ городѣ, главный магистратъ высылалъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ указы о выборѣ этого состава. Представители власти въ губерніи или провинціи, получивъ эти указы, собираютъ бургомистровъ и мірскихъ людей и „велятъ" имъ выбрать членовъ и президента магистрата изъ „добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей", изъ гостей, гостиной сотни и гостиныхъ дѣтей. Изъ выбранныхъ (выборы совершаются простымъ большинствомъ голосовъ) „дѣльныхъ и лучшихъ въ купечествѣ", не меньше трехъ, отсылаютъ въ Петербургъ, въ главный магистратъ, на утвержденіе; здѣсь они, по разсмотрѣніи выборовъ, ихъ повѣрки, получаютъ утвержденіе, о чемъ въ городовой магистратъ посылается указъ. Такимъ образомъ, выборы магистратскихъ членовъ далеко не являются свободнымъ дѣломъ городскихъ сословныхъ общинъ; они не только разсматриваются и утверждаются главнымъ магистратомъ, оберъ-президентъ котораго вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, занимая свои должности по назначенію отъ правительства, будучи, слѣдовательно, государственными чиновниками даже и по способу опредѣленія на службу, являются представителями, блюстителями „пользы государства"; эти выборы состоятъ и подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ — губернаторовъ и воеводъ, которымъ поручено *велѣть* горожанамъ выбирать членовъ маги-

страта. Законодатель не могъ иначе поступить, не отступивъ отъ своихъ плановъ, не измѣнивъ принципу всѣхъ своихъ реформъ по администраціи; главная цѣль учрежденія этихъ новыхъ сословно-выборныхъ коллегій—чисто-государственные интересы; служба въ нихъ—государственная повинность, тягло торгово-промышленнаго населенія, отъ котораго это послѣднее, разумѣется, готово избавиться всякими способами; предоставить отправленіе этого тягла собственному усмотрѣнію городскихъ сословныхъ общинъ со стороны законодателя значило бы совершенно отказаться отъ достиженія своихъ цѣлей: торгово-промышленное населеніе, давно уже отправляя, „за выборами", государственныя повинности и службы, привыкло производить эти выборы такъ, что у дѣлъ болѣе или менѣе доходныхъ для исполнителя оказывались всегда люди „пожиточные", могшіе отдарить выборщиковъ, у дѣлъ же тяжелыхъ и малодоходныхъ всегда стояли люди „худые", малопожиточные; въ томъ и другомъ случаѣ государственные интересы одинаково страдали. Вотъ причина установленія законодателемъ полной зависимости выборовъ въ магистраты отъ администраціи. Съ другой стороны, не забудемъ, что главному магистрату при учрежденіи городовыхъ предписывалось имѣть образцомъ магистраты западно-европейскихъ городовъ, и что состояніе самоуправленія въ городахъ Западной Европы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ уже далеко не было тѣмъ, какимъ оно было въ періодъ среднихъ вѣковъ. Выборы членовъ въ городскіе совѣты подпадали все большему и большему вліянію правительственныхъ чиновниковъ, пока, наконецъ, во многихъ городахъ прямо не перешли въ ихъ руки. Въ такомъ состояніи находилось устройство германскихъ городовъ въ то время, когда Петръ рекомендовалъ своему главному магистрату имѣть его въ виду въ качествѣ образца и источника, изъ котораго онъ долженъ былъ черпать обѣими руками. Это обстоятельство, разумѣется, вліяло на организацію нашихъ магистратовъ и ихъ отношеніе къ правительству тѣмъ болѣе, что оно совершенно совпадало съ цѣлями и взглядами царя. Если выборы членовъ магистрата такъ мало свободны были de jure, нужно ли говорить, насколько страдала свобода этихъ выборовъ, ихъ правильность, порядокъ de facto? Стоитъ вспомнить тѣ ужасающіе размѣры, въ которыхъ проявлялся произволъ правительственныхъ агентовъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, стоитъ просмотрѣть жалобы посадскихъ на этотъ произволъ, чтобы вполнѣ убѣдиться, что не только о свободѣ, но даже просто о какой-либо правильности, какомъ-нибудь порядкѣ при выборахъ не можетъ быть рѣчи.

Уже благодаря только такому способу избранія членовъ городового магистрата, послѣдній обращался почти исключительно въ учрежденіе правительственное; но еще рѣшительнѣе характеръ этотъ придавался ему срокомъ, продолжительностью службы этихъ членовъ. Члены земскихъ избъ бурмистерской палаты смѣнялись „погодно". Въ магистратскомъ устройствѣ этотъ срокъ не примѣняется: онъ оказался негоднымъ: воровство и взяточничество земскихъ бурмистровъ многими приписывались, между прочимъ, ему; а главное — срокъ этотъ ставилъ выборнаго въ болѣе тѣсную связь съ обществомъ, избравшимъ его, дѣлалъ его болѣе зависимымъ отъ этого общества и, наоборотъ, ослаблялъ такую связь его съ правительственными органами, дѣлалъ сколько-нибудь возможнымъ большую или меньшую независимость его отъ этихъ органовъ: словомъ, срокъ этотъ мѣшалъ установиться той тѣсной связи земскихъ выборныхъ съ правительствомъ, къ которой послѣднее стремилось. Онъ

былъ слишкомъ коротокъ для того, что земскій бурмистръ могъ окончательно забыть свою принадлежность къ обществу, его избравшему, и почувствовать себя вполнѣ состоящимъ на государственной службѣ. Онъ не былъ всецѣло оторванъ отъ общества, его избравшаго. Учреждая магистраты, царь рѣшилъ обратить членовъ магистрата именно въ такихъ государственныхъ чиновниковъ, удаливъ ихъ навсегда изъ общества, ихъ избравшаго, сдѣлавъ ихъ чиновниками коронной службы, видѣвшими въ перспективѣ повышенія не только въ чинѣ, но и въ состояніи. Члены магистратовъ были пожизненными чиновниками, за „честное и безукоризненное“ служеніе государству членъ магистрата могъ быть возведенъ „въ шляхетское достоинство“. Такимъ образомъ, выборнымъ отъ торгово-промышленнаго сословія въ качествѣ награды обѣщается полное удаленіе изъ этого сословія, на которое, понятно, и сами члены должны были смотрѣть, какъ на „подлое“, какъ на среду, удалиться изъ которой — высшая награда. Непосредственныхъ цѣлей Петръ этимъ, быть можетъ, достигалъ: многіе, дѣйствительно, усердно и „честно“ (по своему, разумѣется) служили государству. Но общество отъ этого, само собою понятно, только проигрывало; его интересы для такихъ честныхъ служакъ были на самомъ заднемъ планѣ, если только они вообще имѣлись ими въ виду. Съ изданіемъ табели о рангахъ выборные члены магистратовъ стали считаться въ извѣстныхъ чинахъ и такимъ образомъ были введены, въ качествѣ составного звена, въ цѣпь чиновничьей іерархіи, облекшись въ соотвѣтствующіе чину мундиры. Этотъ фактъ гораздо болѣе важенъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ немъ коренится причина многихъ явленій въ современной общественно-городской жизни. Эти постановленія болѣе или менѣе достигали одной цѣли великаго преобразователя—на „пользы государства“ привлекались многія силы; но они разрушали другую цѣль его — создать дѣятельное, богатое, развитое торговое и промышленное населеніе: наиболѣе активные члены его выбывали изъ его строя, или de jure — обращаясь въ шляхество, или de facto — становясь правительственными чиновниками, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ этого сословія.

Посмотримъ на объемъ правъ и на характеръ обязанностей, возложенныхъ на городовые магистраты.

Тѣ права, которыми пользуется данное политическое учрежденіе, тѣ обязанности, которыя на него возложены, рельефнѣе всего очерчиваютъ характеръ самаго учрежденія, его политическую роль въ государственномъ строѣ. Такъ, городскія учрежденія средне-вѣковой Европы представляютъ, по своей сущности, совершенно иной характеръ, чѣмъ тѣ же учрежденія Западной Европы новаго времени. Это различіе обусловливается содержаніемъ правъ и обязанностей и ихъ взаимнымъ отношеніемъ. Ни одно учрежденіе или лицо не можетъ пользоваться лишь одними правами и не нести никакихъ обязанностей; каждому праву соотвѣтствуетъ опредѣленная обязанность, если только это право не перешло въ привиллегію; наоборотъ, не всякой обязанности соотвѣтствуетъ право, какъ это слѣдовало бы логически; поэтому какъ лица, такъ и учрежденія могутъ нести лишь обязанности, не пользуясь никакими правами. Магистраты Петра Великаго относились къ категоріи учрежденій послѣдняго рода. Ознакомясь ближе съ магистратами именно въ этомъ отношеніи, невольно поражаешься громаднымъ количествомъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, вовсе не истекающихъ изъ потребностей

общественно-городской жизни, не имѣющихъ съ ними никакой непосредственной связи, возложенныхъ на магистраты исключительно въ видахъ государственныхъ, правительственныхъ нуждъ, и микроскопической, если можно такъ выразиться, долей правъ; въ отношенiи послѣднихъ, какъ проявленiю государственнаго начала, и выражается ярче всего назначенiе новыхъ учрежденiй: государственное начало подавило общественное; за государственной стороной исчезла общественная: магистраты — учрежденiя чисто административно-государственныя по назначенiю и общественными остаются лишь какъ выраженiе тягла торгово-промышленнаго населенiя городовъ. Магистратъ является „главой и начальствомъ" города, вышедшимъ изъ среды торгово-промышленнаго населенiя, но состоящимъ на службѣ государственной.

При этомъ самый характеръ государственныхъ обязанностей магистратовъ по преимуществу финансовый; въ этомъ отношенiи магистраты мало ушли впередъ въ сравненiи съ земскими избами; какъ и эти послѣднiя, магистраты являются почти исключительно учрежденiями судебными и административно-финансовыми. На нихъ возложена обязанность наблюденiя какъ за раскладкою всякаго рода государственныхъ сборовъ и пошлинъ, такъ и за сборомъ ихъ; они должны были наблюдать и за правильнымъ отбытiемъ горожанами нѣкоторыхъ видовъ государственныхъ натуральныхъ повинностей. Кромѣ этого рода обязанностей, болѣе или менѣе касающихся городского населенiя непосредственно, на магистраты, какъ и прежде на выборныхъ отъ торгово-промышленнаго сословiя, возлагалась обязанность производить сборы, не имѣвшiе никакого прямаго отношенiя къ городскому населенiю,—сборы, такъ сказать, обще-государственные, какъ, напримѣръ, таможенные и кабацкiе. Собирая подати и повинности, раскладывая ихъ, магистраты обязаны были сами заботиться и о „полнотѣ" посада,—такъ какъ отъ этого зависѣла равномѣрность раскладки,—возвращая на нихъ бѣглыхъ, записывая въ сотни и слободы крестьянъ, содержащихъ купеческiе промыслы, а также имѣющихъ на посадѣ лавки и дома.

Кромѣ судебныхъ и финансовыхъ обязанностей, на магистраты имѣлось въ виду возложить и наблюденiе за внутреннимъ порядкомъ, благоустройствомъ въ городѣ. Я говорю—имѣлось въ виду, потому, что на самомъ дѣлѣ оно не было возложено по очень простой причинѣ: городская полицiя внѣшняго благочинiя города возложена была на особыя спецiальныя учрежденiя и должности; то же, что въ полицейскомъ правѣ принято называть полицiей благосостоянiя, осталось на бумагѣ, какъ pia desideria.

Итакъ, обязанности магистратовъ дѣйствительно сложны, тяжелы и многочисленны; а если принять во вниманiе послѣднюю категорiю ихъ—полицейскiя обязанности, да не забывать, что на нихъ же лежало и отправленiе сословнаго суда, то невольно является мысль — какимъ образомъ общество, не сознавшее необходимости ни одной изъ возложенныхъ на него обязанностей, привлеченное къ исполненiю ихъ правительствомъ, лишенное всякой энергiи, могло хотя сколько-нибудь удовлетворительно исполнять ихъ? Оно не исполняло ихъ всѣхъ; завести всѣ эти госпитали, смирительные дома̀, „малыя" (а царь требовалъ и большихъ) школы собственнымъ тщанiемъ стало бы силъ развѣ у Москвы съ Петербургомъ; понятно, что все это оставалось на бумагѣ, какъ pia desideria энергическаго реформатора, не переходя за предѣлы болѣе или менѣе строгихъ указовъ и регламентовъ. Самая же полицiя, въ

смыслѣ полиціи безопасности, развивалась другимъ путемъ, путемъ выдѣленія специально-полицейскихъ органовъ и учрежденій. Благодаря этому, обязанности городовыхъ магистратовъ оставались по преимуществу все-таки административно-финансоваго характера. Обратимся къ тѣмъ правамъ, которыя предоставлены были магистратамъ: разсмотримъ тѣ предметы, которые подлежали, на основаніи этихъ правъ, свободному управленію магистратовъ, въ которыхъ отражалась скромная доза автономіи, предоставленной имъ. До сихъ поръ мы видѣли магистраты лишь въ качествѣ исполнительныхъ органовъ государственной власти, въ качествѣ учрежденій государственныхъ; обратимся къ нимъ, какъ къ учрежденіямъ земскимъ не только по составу, но и по характеру дѣятельности.

Оставляя въ сторонѣ неподлежащее здѣсь разсмотрѣнію судебное значеніе магистратовъ, мы встрѣтимся почти съ однимъ только правомъ магистратовъ,—правомъ, придающимъ имъ нѣкоторое подобіе органовъ общиннаго самоуправленія. Это единственное право — право раскладки податей и повинностей. Правомъ этимъ магистраты пользовались черезъ старостъ и старшинъ „со всѣхъ гражданъ согласіемъ", въ случаѣ-жъ „усмотрѣнія", что нѣкоторые изъ горожанъ „пожитками пополнились и нѣкоторые умалились", магистратъ тѣмъ же путемъ могъ произвести переокладку для установленія равномѣрности.

Это все, въ чемъ могло проявиться самоуправленіе городского народонаселенія, „согласіе всѣхъ гражданъ" котораго требуется въ этомъ случаѣ закономъ. Эта оговорка въ высшей степени странная вещь. Во всей инструкціи нѣтъ ни одного слова, ее поясняющаго; мы не знаемъ, какимъ образомъ проявлялось это „согласіе гражданъ"; какое оно имѣло значеніе: было ли оно абсолютно необходимымъ условіемъ дѣйствительности дѣйствій и распоряженій раскладчиковъ и магистратовъ, или же голоса гражданъ имѣли лишь совѣщательное значеніе и могли быть не приняты во вниманіе? По отсутствію всякихъ подробностей можно заключить, что важнаго значенія этому вопросу не придавалось, и самое выраженіе—„съ согласія всѣхъ гражданъ"—попало въ инструкцію магистратамъ, благодаря не совсѣмъ послѣдовательнымъ заимствованіямъ изъ „образца". Регламентъ главному магистрату дѣлаетъ эти заимствованія нѣсколько тщательнѣе и точнѣе. Въ немъ при опредѣленіи состава магистратовъ говорится, что магистратъ „для совѣта" долженъ приглашать „изъ первостатейныхъ людей и изъ среднихъ — добрыхъ и умныхъ". Здѣсь вопросъ поставленъ совершенно ясно: во-первыхъ, магистратъ обязывается приглашать гражданъ, т.-е. созывать ихъ въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, степень важности которыхъ предоставляется на полное усмотрѣніе его самого, благодаря чему самое призваніе этихъ гражданъ зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія магистрата; во-вторыхъ, граждане призываются „для совѣта" только, т.-е. они пользуются лишь совѣщательнымъ, а не рѣшительнымъ голосомъ: отъ усмотрѣнія магистрата зависитъ принять во вниманіе или нѣтъ полученный имъ совѣтъ; въ-третьихъ, граждане призываются лишь изъ первостатейныхъ и среднихъ людей, при чемъ степень „статейности", если можно такъ выразиться, зависитъ опять-таки отъ собственнаго усмотрѣнія того же самаго магистрата. Изъ этого опредѣленія ясно видно, какую скромную роль играло общество въ управленіи городомъ посредствомъ магистратовъ. Но и эта скромная доля участія общества дана ему, видимо, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ.

Участіе общества въ раскладкѣ тѣхъ податей и повинностей, которыя возлагаются не него государствомъ, есть самая низшая степень автономіи, если только признавать такое участіе автономіей. О самоуправленіи общества можно говорить лишь тогда, когда оно, сознавая свои потребности и интересы, можетъ удовлетворять ихъ изъ своихъ средствъ, пользуясь для этого правомъ самообложенія налогами, правомъ самостоятельнаго расходованія собранныхъ суммъ. Никакого намека па это право магистраты не получали. Законодатель не удовольствовался простымъ замалчиваніемъ этого вопроса, чего, въ виду развитія общественно-политическаго сознанія тогдашняго общества, было бы совершенно достаточно: онъ счелъ за нужное категорически высказываться въ смыслѣ запрещенія всякой попытки со стороны горожанъ къ фактическому пріобрѣтенію подобнаго права. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи магистратамъ спеціально посвященъ этому вопросу: здѣсь прямо говорится, что безъ указовъ „никакого расположенія на гражданъ не раскладывать и не сбирать, подъ опасеніемъ взысканія штрафа по его императорскаго величества указу“. Понятно само собою, что магистраты, не пользуясь правомъ обложенія горожанъ налогами, не имѣли и права самостоятельнаго расходованія суммъ, такъ какъ суммъ не было: то, что они собирали, было не общественною, а государственною собственностью, распоряженіе которою было исключительнымъ правомъ правительства, пользовавшагося этимъ правомъ или непосредственно, на свои собственныя нужды, или черезъ посредство магистратовъ, если затраты производились на городское управленіе или хозяйство. Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ такихъ расходованій городовымъ магистратамъ государственныхъ суммъ, послѣдній производилъ ихъ не иначе, какъ по спеціальному указу. Спеціальными указами обусловливалась вся дѣятельность городовыхъ магистратовъ; все, что на нихъ возлагалось, возлагалось лишь, какъ на простые исполнительные органы высшаго центральнаго учрежденія — главнаго магистрата. Ихъ роль была не больше, какъ роль отдѣльныхъ колесъ въ цѣломъ административномъ механизмѣ, — колесъ, приходящихъ въ дѣйствіе, лишь когда данъ толчокъ сверху, когда дѣйствуетъ рычагъ, приводящій въ движеніе весь механизмъ. Обо всемъ, что выходитъ за предѣлы простой исполнительности, городовой магистратъ долженъ былъ, прежде чѣмъ предпринять что-либо, донести главному магистрату, откуда и ждать указа,—все равно, касается ли дѣло „непорядочнаго расположенія“ сборовъ, идетъ ли рѣчь объ устройствѣ ярмарокъ и торговъ „въ пристойныхъ мѣстахъ“, школъ или вообще о какого-либо рода улучшеніяхъ. Получилъ магистратъ требованіе изъ какого-либо высшаго государственнаго учрежденія или вообще отъ правительственнаго органа, онъ не можетъ отвѣчать на него ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ безъ сношенія съ тѣмъ же главнымъ магистратомъ. Такимъ образомъ, недостаточность законодательныхъ опредѣленій предоставлено пополнять главному магистрату, который, и является въ этомъ случаѣ какъ бы законодательнымъ учрежденіемъ. Являясь въ такой роли, онъ, разумѣется, долженъ былъ предварительно изучить нужды и потребности каждаго отдѣльнаго города; только при этомъ условіи онъ могъ надлежаще слѣдить за ходомъ всего магистратскаго механизма и направлять его дѣйствія. Онъ долженъ былъ знать всѣ дѣйствія опекаемаго имъ городового магистрата до мельчайшихъ подробностей. Вотъ почему каждый магистратъ долженъ высылать въ главный магистратъ ежегодные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ

и представлять свои мнѣнія и соображенія о какого-либо рода улучшеніяхъ; къ нему шли всѣ, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, „частныя" жалобы на дѣйствія магистратовъ. Только на основаніи наивозможно-подробныхъ свѣдѣній какъ о состояніи общества даннаго города, такъ и дѣйствіяхъ его магистрата и можно было сколько-нибудь добросовѣстно исполнять возложенную на главный магистратъ обязанность „сочинять регулы и уставы" для городскихъ магистратовъ, съуживать или расширять кругъ ихъ дѣйствій, дѣлать ту или иную перестановку въ частяхъ механизма. Поэтому законодатель не ограничился тѣмъ только, что обязалъ городовые магистраты присылать свѣдѣнія въ Петербургъ, онъ вмѣнилъ въ обязанность губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ высылать въ тотъ же главный магистратъ всѣ свѣдѣнія относительно городовъ и ихъ населенія, начиная съ описанія мѣстоположенія и кончая составомъ населенія. Петръ Великій не рѣшился, однако, предоставить главному магистрату дѣйствовать совершенно самостоятельно на основаніи всѣхъ данныхъ, собранныхъ изъ такихъ различныхъ источниковъ; онъ зналъ, что не слишкомъ разборчиво составленныя „регулы", имѣющія цѣлью улучшеніе городского управленія, могутъ, наоборотъ, дать въ результатѣ „противныя и вредительныя дѣйства"; могутъ привести „городъ и гражданство въ тщетные убытки и разореніе", и тѣмъ нанести вредъ государству. Къ какому же средству обращается царь для избѣжанія такихъ вредныхъ результатовъ преобразованій?

Это средство слѣдовало искать или въ самомъ обществѣ, которому грозили „тщетные убытки и разоренія", или въ учрежденіяхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ блюсти интересы государства, которому регулы и уставы рисковали нанести вредъ, или, наконецъ, обратиться къ обѣимъ, имѣющимъ пострадать сторонамъ, если бы законодатель хотѣлъ сохранить одинаково интересы ихъ обѣихъ. Боязнь вреда государству подѣйствовала на него сильнѣе: интересы общества были забыты, и въ учрежденіи надзора надъ главнымъ магистратомъ и содѣйствія ему интересы государства играли исключительную роль. Совѣтуя главному магистрату въ томъ случаѣ, когда онъ найдетъ, что нѣкоторымъ „уставамъ и регуламъ въ городѣ быть не прилично", и вздумаетъ сдѣлать измѣненія, „осторожнымъ быть",—царь предписываетъ ему, кромѣ того, „совѣтовать съ коллегіями", т.-е. учрежденіями государственными; совѣщаніе съ первостатейными гражданами, рекомендованное городовымъ магистратамъ, въ этомъ случаѣ забывается: интересы гражданъ отступаютъ передъ интересами государства.

Надзоръ правительствующаго сената надъ главнымъ магистратомъ былъ совершенно однороденъ съ надзоромъ его надъ остальными всякаго рода государственными учрежденіями. Сюда присылались изъ городовыхъ магистратовъ копіи со всѣхъ указовъ, издаваемыхъ главнымъ магистратомъ, сюда шли „на аппробацію" всѣ „регулы и уставы", составляемые главнымъ магистратомъ въ руководство городовымъ. Такимъ образомъ, какъ законодательное учрежденіе относительно торгово-промышленнаго населенія, главный магистратъ являлся не болѣе, какъ особой законодательной инстанціей, въ которой будущій законъ достигалъ опредѣленной стадіи развитія. Въ качествѣ такого-то учрежденія главный магистратъ и долженъ былъ съ коллегіями совѣтовать, которыя въ этомъ случаѣ, вѣроятно, являлись лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ

административное учрежденіе, главный магистратъ подлежалъ прокурорскому надзору наравнѣ съ коллегіями.

Въ какомъ отношеніи стояло магистратское управленіе къ городу вообще, а каждый отдѣльный городовой магистратъ или ратуша къ тому городу, въ которомъ она состояла? Вопросъ, повидимому, странный, даже едва ли возможный въ виду точныхъ, опредѣленныхъ словъ регламента: „магистратъ,—яко начальство города", или „градское начальство". Сомнѣнія нѣтъ, магистратъ—учрежденіе, управляющее городомъ, стоящее во главѣ города, представитель его; иначе словъ этихъ понимать, кажется, нельзя. Тѣмъ не менѣе вопросъ не только не излишній, но положительно необходимый. Въ томъ же регламентѣ мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ магистрата, „яко главы всего гражданства", къ которому, по опредѣленію седьмой главы регламента, ни шляхетство, ни духовенство съ церковными людьми, ни иностранцы—не относятся. Отсюда оказывается, что городовой магистратъ уже не есть „начальство" цѣлаго города, всего его населенія, а лишь его части.

Приступая къ новой организаціи городского устройства, законодатель не могъ, въ силу историческаго хода вещей, отрѣшиться отъ общественнаго строя, установившагося вѣками, подъ вліяніемъ политики закрѣпощенія всѣхъ слоевъ населенія государственнымъ интересамъ, государственному тяглу. Онъ едва ли бы былъ въ состояніи отрѣшиться отъ этой политики даже въ томъ случаѣ, если-бъ созналъ необходимость измѣнить ее: государственныя нужды росли; онѣ заслоняли собою все другое; всѣ мѣры, всѣ средства, всѣ силы народа должны были дѣйствовать исключительно въ одномъ направленіи: создавать государство; силы торгово-промышленнаго населенія городовъ должны были быть направленными туда же. Магистратское устройство—средство организовать это сословіе въ видахъ этой цѣли. Цѣлью учрежденія главнаго магистрата законодатель выставляетъ, чтобы „разсыпанную сію храмину (торгово-промышленное населеніе) паки собралъ". Это выраженіе прямо указываетъ, что давняя задача, къ рѣшенію которой приступлено было еще въ XVII столѣтіи, рѣшается и теперь, и при томъ рѣшается въ виду все тѣхъ же цѣлей: „смотрѣть и доносить въ сенатъ о тягости и неравномѣрности поборовъ и разореніи градскихъ обывателей..." и заботиться о пользахъ государственныхъ. Главный магистратъ достигалъ этихъ цѣлей черезъ городовые магистраты, организація которыхъ и обусловливалась исключительно ими. Служа административнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей, магистраты были не чѣмъ инымъ, какъ повинностью торгово-промышленнаго населенія городовъ, почему въ составъ и должны были входить выборные лишь изъ этого сословія; такимъ образомъ, цѣлью магистратскаго устройства обусловливался самый составъ магистратовъ; ею же обусловливался какъ объемъ, такъ и характеръ обязанностей, возложенныхъ на эти учрежденія. Мы видѣли, что обязанности эти состояли почти исключительно въ сборѣ и раскладкѣ податей и повинностей, касающихся прямо или косвенно того-же торгово-промышленнаго класса. Раскладка податей и повинностей касалась исключительно только торгово-промышленнаго населенія городовъ. Сборы могли касаться и другихъ сословій, какъ объектовъ обложенія (напр., соляной, табачный, винный), но производились, какъ государственная повинность, исключительно, какъ мы видѣли, выборными отъ торгово-промышленнаго населенія. Однимъ словомъ, магистратъ—учрежденіе чисто со-

словное, какъ по составу, такъ и по характеру обязанностей, на него возложенныхъ, т.-е. учрежденіе, которое вѣдаетъ никакъ не цѣлый городъ, не есть по отношенію къ послѣднему „глава“ или „начальство“; это — „глава“ и „начальство“ только части города, при томъ едва ли въ территоріальномъ смыслѣ, а скорѣе исключительно въ смыслѣ, если можно такъ выразиться, этнографическомъ: это—„глава“ и „начальство“ части, хотя и самой большой, городского населенія. Все содержаніе инструкціи, изданной въ 1724 г. въ руководство городовымъ магистратамъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ все, только-что сказанное.

Такими, исключительно сословными, а никакъ не городскими, въ смыслѣ учрежденій, представляющихъ собою цѣлый городъ, учрежденіями и должны были сложиться магистраты въ рукахъ законодателя согласно историческому ходу развитія русскаго общества и планамъ и цѣлямъ императора, еслибъ онъ послѣдовательно провелъ эти планы, не уклоняясь въ сторону, не увлекаясь плохо сознанными цѣлями, интересами совершенно иного рода, еслибъ онъ не старался придерживаться въ своихъ преобразованіяхъ „образца иныхъ государствъ“. Этому старанію, и только ему одному, обязаны магистраты тѣмъ, что ихъ пожаловали въ чинъ „главы и начальства градскаго“.

Въ городахъ Германіи въ эпоху наибольшаго развитія цеховъ, городской магистратъ, дѣйствительно, былъ главой и начальствомъ города; такъ какъ вся власть, касающаяся цѣлаго города, была въ его рукахъ; онъ былъ составляемъ изъ среды политически не только преобладающаго, но прямо господствующаго класса: чтобы пользоваться политическими правами, необходимо было принадлежать къ составу того или иного цеха; городское устройство этого времени было сословно-городскимъ устройствомъ: власть представителей извѣстнаго сословія была властью надъ всѣмъ городомъ какъ въ территоріальномъ отношеніи, такъ и по отношенію къ населенію. Въ XVII и XVIII ст. городской магистратъ германскаго города измѣнилъ свой характеръ лишь по отношенію къ своему содержанію, къ объему правъ, который былъ въ это время сильно уменьшенъ; но по составу своему, по принадлежности къ извѣстному слою населенія онъ остался все тѣмъ же: его члены выходили все изъ того же, экономически господствующаго, торгово-премышленнаго слоя населенія; сильно урѣзанная общинная, мѣстная власть осталась все въ тѣхъ же рукахъ.

Петръ Великій хотѣлъ это состояніе городского устройства Германіи перенести на русскую почву, забывъ, что для этого пришлось бы измѣнить весь общественно-политическій строй почвы. Попытка сдѣлать изъ торгово-промышленнаго населенія „начальство, главу города“ совершенно не удалась, какъ попытка соединить несоединимое. Самый слабый намекъ на самоуправленіе, автономію города немыслимъ въ обществѣ закрѣпощенномъ, тягло-государственномъ, въ обществѣ, каждая отдѣльная часть котораго крѣпка опредѣленной государственной службѣ, государственной обязанности. Самая мысль о главенствѣ одной части городского населенія надъ другой—результатъ не совсѣмъ разборчиваго заимствованія изъ „образцовъ“, результатъ совершеннаго незнанія исторіи развитія этихъ образцовъ, полнаго непониманія ихъ. Петръ хотѣлъ возвести русскій городъ на степень развитія западно-европейскаго, онъ хотѣлъ создать богатое и развитое торгово-промышленное населеніе; но онъ думалъ при этомъ, что и то, и другое можетъ быть достигнуто безъ укло-

ненiй съ той дороги, которою шла до него общественно-политическая жизнь Россiи; онъ думалъ достигнуть желаемаго, не отрѣшаясь отъ вѣковой политики закрѣпощенiя государству всѣхъ слоевъ его населенiя. Законодатель былъ убѣжденъ, что достаточно его могучей энергiи, чтобы заимствованныя имъ формы заполнить содержанiемъ; ему казалось, что достаточно заимствовать изъ Европы вѣками сложившуюся организацiю городского общества, его дѣленiе на классы; раздѣлить на эти классы однообразное по своему составу тяглое русское торгово-промышленное населенiе, чтобы это населенiе обратилось въ развитое, разнообразное по своему составу, общество. Внѣшнiя формы городской административной машины неизбѣжно должны были повлечь за собою и внѣшнюю организацiю перерабатываемаго этой машиной общества. Цеховая организацiя городского населенiя Германiи перенесена въ Россiю,—перенесена въ томъ ея состоянiи, въ какомъ она находилась въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., т.-е въ томъ состоянiи, въ которомъ она представляла собою ужъ явленiе отжившее, тормозившее дальнѣйшее развитiе общества,—явленiе, вредъ котораго сознавали уже многiе умы того времени. Результатъ, при томъ уже отжившiй свое время, Петръ принялъ за причину. Появляются цехи и гильдiи.

XLIII. Торгово-промышленная политика Петра Великаго.

(По слѣд. соч.: проф. Туганъ-Барановскiй: «Русская Фабрика»; проф. Ключевскiй: «Курсъ русск. исторiи»; П. Н. Милюковъ: Государств. хозяйство и реформа Петра В.» и «Очерки русск. культуры»; С. Князьковъ. «Петръ Великiй»; Полетика: «Желѣзная промышленность въ Россiи»).

Реформаторская дѣятельность Петра Великаго въ области народнаго хозяйства носитъ, быть можетъ, болѣе сознательный и самостоятельный характеръ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Въ сферѣ торгово-промышленной политики „предшественники Петра, по замѣчанiю проф. Ключевскаго, оставили ему только помыслы и робкiя начинанiя". До него московскiе государственные люди, обращая вниманiе на народное хозяйство, руководились исключительно фискальными цѣлями. Ихъ девизомъ было—безъ всякихъ предварительныхъ затратъ собрать съ населенiя какъ можно больше денегъ. Поэтому московское правительство слишкомъ эксплоатировало народный трудъ и ничего не дѣлало для развитiя производительныхъ силъ страны. Только во второй половинѣ XVII в. появился въ средѣ государственныхъ людей человѣкъ, который понялъ, что народно-хозяйственные интересы не могутъ въ долго приноситься жертву интересамъ фиска, что въ концѣ концовъ обѣднѣнiе народа поведетъ за собой и опустѣнiе казны. Это былъ знаменитый дипломатъ Алексѣевскаго царствованiя, первый русскiй политико-экономъ Ординъ-Нащокинъ. Но высказанную имъ мысль о предварительномъ подъемѣ народнаго хозяйства, о его интенсификацiи, какъ необходимомъ условiи обогащенiя фиска, осуществить XVII-му вѣку не удалось. Ее воплотилъ въ жизнь лишь Великiй Преобразователь, сдѣлавшiй торгово-промышленное развитiе Россiи однимъ изъ важнѣйшихъ объектовъ своихъ попеченiй. Побудительнымъ мотивомъ къ этому для него послужила Сѣверная война, явившаяся творческимъ началомъ и для всѣхъ вообще предпринятыхъ

имъ крупныхъ реформъ, въ результатѣ которыхъ Московская Русь превратилась въ Императорскую Россію.

Взявъ на себя осуществленіе давнишняго стремленія Москвы, сущность котораго прекрасно выражена въ одномъ изъ петровскихъ указовъ: „намъ нужно догнать Европу", Петръ, какъ извѣстно, прежде всего создалъ регулярную армію и флотъ. Но чтобы успѣшно вести грандіозную борьбу со шведами, нужны были не только солдаты и корабли, но также пушки, ядра, порохъ, оружіе, паруса, канаты, сукно и мн. др., чего нельзя было достать дома, а приходилось покупать за границей. Между тѣмъ, экономическая зависимость отъ нѣмецкихъ городовъ, Голландіи и Англіи въ такихъ предметахъ, какъ принадлежности военнаго снаряженія, была крайне стѣснительной. Отсюда понятно, — говоритъ проф. Туганъ-Барановскій,—что „промышленное переустройство Россіи по западноевропейскому образцу было такъ же необходимо, какъ и переустройство ея арміи на европейскій ладъ". Это желаніе освободиться отъ иностраннаго посредничества въ дѣлѣ удовлетворенія острыхъ государственныхъ нуждъ, вызванныхъ войной, возникло у Петра съ первыхъ же самостоятельныхъ шаговъ его государственной дѣятельности. Именно имъ и обусловлены были раннія попытки его къ насажденію у насъ фабрикъ и заводовъ, которые удовлетворяли бы спросъ казны.

Позже, приблизительно съ 15-хъ годовъ XVIII в., на ряду съ указаннымъ желаніемъ, дѣйствовалъ на Петра въ томъ же направленіи и другой, тоже очень важный, мотивъ, также связанный съ обстоятельствами военнаго времени. Война требовала громадныхъ финансовыхъ средствъ, а между тѣмъ платежныя силы народа были напряжены до крайности: все, что можно было обложить, было обложено, и дальнѣйшимъ увеличеніемъ податного бремени уже нельзя было ничего добиться. Волей-неволей приходилось подумать объ иномъ источникѣ дохода, а такимъ являлось единственно поднятіе экономическаго благосостоянія общества. Объ этомъ наглядно свидѣтельствовалъ примѣръ западно-европейскихъ странъ, торгово-промышленное и финансовое могущество которыхъ сильно поразило Петра еще во время его первой поѣздки за границу. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела на него Голландія съ ея купцами-князьями, располагавшими огромнымъ торговымъ флотомъ, который при случаѣ могъ превратиться въ военный, и владѣвшими многочисленными факторіями, разбросанными по всему земному шару и охранявшимися цѣлыми арміями наемныхъ солдатъ. Немудрено, что голландскій купецъ сдѣлался навсегда идеаломъ Петра, а созданіе въ Россіи крупной буржуазіи и національнаго капитала стало для него самой главной, послѣ устройства арміи и флота, задачей. И если въ военномъ дѣлѣ онъ оказался очень понятливымъ ученикомъ Европы, то такимъ же онъ былъ и въ своихъ мѣропріятіяхъ относительно народно-хозяйственнаго преуспѣянія Россіи.

Дѣйствительно, Петръ быстро и хорошо усвоилъ всѣ тѣ принципы, которые проводили въ то время въ своей экономической политикѣ западно-европейскія государства и совокупность которыхъ въ экономической наукѣ называется системой меркантилизма. Исходнымъ пунктомъ послѣдняго, какъ извѣстно, была мысль: та страна богаче, у которой запасъ золота и серебра больше. Отсюда вытекало основное требованіе, которое должна была проводить экономическая политика государства: каждая страна, не желающая бѣднѣть, должна сама производить все, что ей нужно, а чтобы богатѣть, ей необходимо ввозить какъ можно меньше и вывозить какъ можно больше. А это возможно лишь для страны,

въ которой широко развиты внѣшняя торговля и обрабатывающая промышленность. При посредствѣ внѣшней торговли, съ одной стороны, и обрабатывающей промышленности, въ худшемъ случаѣ покрывающей весь спросъ внутренняго рынка, а въ лучшемъ—производящей и для вывоза, съ другой стороны, увеличивается богатство страны и обезпечивается существованіе большого количества населенія.

И вотъ Петръ, вполнѣ въ духѣ меркантилизма, преслѣдуетъ въ своей экономической политикѣ двоякаго рода цѣли, сводившіяся, во-первыхъ, къ развитію у насъ крупнаго производства, во-вторыхъ, къ распространенію транзитной торговли. Сельскимъ хозяйствомъ онъ но интересовался, такъ какъ на эти „ноги государства", какъ назвалъ сельское хозяйство одинъ изъ теоретиковъ меркантилизма, Мюнщретіенъ, господствовавшая тогда экономическая доктрина не обращала почти никакого вниманія.

Усвоеніе Петромъ идей меркантилизма, и проведеніе ихъ въ жизнь окончательно поставили экономическую политику русскаго правительства на новое основаніе: съ этой поры обращается большое вниманіе на интересы народнаго хозяйства, а не только на интересы фиска.

Заимствовавъ теоретическія предпосылки экономической политики Запада, Петръ проводилъ ихъ въ жизнь довольно-таки самобытными пріемами. Онъ видѣлъ, что Россія—страна, очень богатая природными благами. „Наше русское государство,—говорилъ онъ,—предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами преблагословенно есть". Но чтобы „Божіе благословеніе втуне подъ землей не оставалось", надо было побороть косность, уничтожить отсутствіе иниціативы въ русскомъ обществѣ, приневолить его къ разработкѣ новыхъ источниковъ богатства. „Хотя это добро и надобно,—писалъ Петръ,—а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ". А между тѣмъ, какъ это признавалъ бывшій въ то время въ Россіи иностранецъ Фоккеродтъ, „русскіе не хуже другихъ народовъ одарены отъ природы... Если тѣ развили свой умъ, то почему же намъ не развить его: развѣ мы какіе-нибудь выродки человѣческаго рода? Умъ у насъ такой же, и успѣвать мы будемъ такъ же, если только захотимъ". Заставить русскихъ людей захотѣть этого и поставилъ своей задачей Петръ, однажды сравнившій ихъ съ малыми дѣтьми: безъ понужденія учителя сами за азбуку не садятся и сперва досадуютъ, а какъ выучатся, благодарятъ. И своими принудительными средствами онъ дѣйствительно кое-чего достигъ. „Что видно изъ нынѣшнихъ дѣлъ?" — спрашивалъ Петръ въ 1723 г., оглядываясь на свою тридцатилѣтнюю дѣятельность, и отвѣчалъ: „не все-ль неволею сдѣлано, а уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ". Этотъ „плодъ" въ области промышленности заключался въ насажденіи у насъ крупнаго производства и въ дальнѣйшемъ развитіи возникшихъ еще въ Московской Руси торговыхъ сношеній съ иностранцами.

Прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ экономической политики Петра, слѣдуетъ, хотя бы бѣгло, познакомиться съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ онъ засталъ на Руси торговлю и промышленность. Лишь при такомъ ретроспективномъ взглядѣ, возможна правильная оцѣнка и его дѣятельности въ сферѣ народнаго хозяйства, и тѣхъ результатовъ, къ которымъ она привела.

Въ исходѣ XVII в. Московская Русь стояла, конечно, на низшей ступени экономическаго развитія сравнительно съ передовыми странами западной Европы—Голландіей, Англіей и Франціей, вступившими уже въ

періодъ, называемый въ экономической наукѣ „періодамъ ранняго капитализма“ или „первоначальнаго накопленія“, иначе періодомъ „національнаго хозяйства“ и „національной политики“. Какъ извѣстно, этотъ періодъ характеризуется подъемомъ обрабатывающей промышленности, переходившей уже отъ ремесленно-цеховой организаціи къ системѣ домашняго производства и мануфактуры, расширеніемъ внутренняго рынка, охватывающаго теперь не отдѣльные городскіе округа, какъ въ средніе вѣка, а всю территорію государства, наконецъ, развитіемъ внѣшней торговли и пріобрѣтеніемъ колоній.

Московской Руси до всего этого было еще далеко. Какъ страна по преимуществу земледѣльческая, она дольше своихъ западно-европейскихъ сосѣдей жила въ примитивныхъ условіяхъ натуральнаго хозяйства. Денежное хозяйство стало развиваться въ ней лишь со второй половины XVI в., когда, во-первыхъ, благодаря росту населенія, стала происходить экономическая спеціализація различныхъ областей, входившихъ въ составъ обширнаго Московскаго государства; во-вторыхъ, завязались торговыя сношенія съ Западной Европой, стремившейся къ завоеванію новыхъ рынковъ для сбыта своихъ фабрикатовъ. Первый фактъ состоялъ въ томъ, что одни изъ областей, на какія распадалась Московская Русь, представлявшія собой степныя пространства, преимущественно стали заниматься скотоводствомъ; въ другихъ, гдѣ было много черноземной земли, населеніе начало обращать особенное вниманіе на земледѣліе; третьи были покрыты нетронутыми, дѣвственными лѣсами, способствовавшими возникновенію лѣсныхъ промысловъ; четвертыя, примыкавшія къ морямъ Бѣлому и Каспійскому, стали жить главнымъ образомъ ловлей тюленей, моржей и рыбы; пятыя, наконецъ, въ центрѣ страны, благодаря густотѣ населенія и мало удобной для земледѣлія земли или отсутствію необходимыхъ для развитія промысловъ условій, сосредоточили хозяйственную дѣятельность на занятіи всевозможными ремеслами. Подобное различіе всѣхъ этихъ областей по ихъ экономическому характеру, естественно, вызывало необходимость между ними торговаго обмѣна.

Наряду съ внутреннимъ обмѣномъ возникъ и внѣшній. За англичанами, явившимися въ Бѣлое море при Грозномъ, потянулись голландцы, датчане и шведы. Въ 1654 — 77 гг. въ единственномъ тогда русскомъ портѣ, Архангельскѣ, обращалось товаровъ ежегодно не менѣе, чѣмъ на 750 тысячъ рублей (тогдашнихъ).

И вотъ на Руси съ возникновеніемъ и расширеніемъ внутренней и внѣшней торговли возникаетъ и увеличивается классъ купцовъ и все болѣе и болѣе растетъ ихъ значеніе въ обществѣ, а въ средѣ ихъ самихъ возвышается роль крупныхъ коммерсантовъ—„гостей“. О богатствѣ гостей можно составить представленіе на основаніи словъ Котошихина, который сообщаетъ, что ихъ торговые обороты достигали отъ 20 до 100 тысячъ рублей въ годъ. „Гости неограниченно управляютъ торговлей во всемъ государствѣ,—говоритъ бывшій на Руси при Алексѣѣ Михайловичѣ иностранецъ Кильбургеръ.—Во всѣхъ большихъ городахъ опредѣляютъ они по одному, по два и по три человѣка изъ живущихъ тамъ лучшихъ купцовъ, которымъ, подъ видомъ царскихъ факторовъ, даютъ привилегіи гостей. По корыстолюбію своему стѣсняютъ они вездѣ, большей частью, торговлю. Простые купцы замѣчаютъ и знаютъ это очень хорошо, почему и говорятъ дурно о гостяхъ. Въ случаѣ какого возмущенія, опасаться надобно, чтобы народъ, не сломилъ шеи всѣмъ гостямъ... Они безпрестанно стараются, чтобы имъ только однимъ быть господами и набивать

свои карманы". Но гости держали въ своихъ рукахъ не однихъ среднихъ и мелкихъ купцовъ. Имъ были закабалены и городскіе ремесленники, и сельскіе кустари, продукты производства которыхъ они скупали чрезъ своихъ агентовъ, самодержавно диктовавшихъ имъ свои цѣны. Кромѣ того гости, въ концѣ концовъ, добились у правительства и ограниченія пунктовъ, гдѣ могли торговать иноземцы, немногими городами вродѣ Архангельска, и отмѣны льготъ, разрѣшавшихъ имъ безпошлинную торговлю внутри Руси. Обѣ эти мѣры, проведенныя въ Новоторговомъ Уставѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ, окончательно отдали внутренній рынокъ въ монопольное пользованіе гостей.

Однако, крупный капиталъ, выросшій въ области торговли, не обнаруживалъ никакой наклонности завоевать и область обрабатывающей промышленности. „Купецъ,—говоритъ проф. Туганъ-Барановскій,—предпочиталъ скупать, владѣя рынкомъ, продукты труда мелкаго производителя и держать послѣдняго въ полной зависимости отъ себя, не обращая его въ наемнаго рабочаго". Происходило это отъ того, что русскій рынокъ при всей своей обширности, былъ не глубокъ. Масса населенія—крестьянство—все еще продолжала удовлетворять большинство своихъ потребностей натурально-хозяйственнымъ способомъ и лишь очень немногое получала на сторонѣ. Продукты крупнаго производства — фабрикъ и заводовъ — такимъ образомъ не могли бы найти себѣ сбыта. Вотъ почему московскій капиталистъ-торговецъ нисколько не желалъ стать капиталистомъ-промышленникомъ. Кромѣ того, онъ и не могъ бы имъ стать даже при желаніи. Вѣдь для развитія крупнаго производства необходимыми условіями являются не только существованіе соотвѣтствующаго рынка, но и наличность дешевыхъ рабочихъ рукъ. А ихъ въ Московской Руси какъ разъ не было. И кустари, и ремесленники занимались обрабатывающей промышленностью въ большинствѣ случаевъ, какъ подсобнымъ промысломъ во время, свободное отъ занятій земледѣліемъ. И едва ли кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ бы перейти изъ курной, но своей собственной избы въ свѣтлую, но чужую мастерскую.

Итакъ, въ области обрабатывающей промышленности въ Московской Руси въ XVII в. царило мелкое производство. Правда, и тогда существовали двѣ категоріи нуждъ, которыхъ нельзя было удовлетворить съ помощью труда кустарей и ремесленниковъ. Это, во-первыхъ, потребности высшихъ классовъ общества въ предметахъ роскоши, во-вторыхъ, потребности государства въ такихъ вещахъ, какъ порохъ, пушки, ружья и пр. Необходимость во всемъ этомъ сначала удовлетворялась исключительно посредствомъ иностраннаго ввоза, но уже съ конца XVI в. и въ особенности въ XVII в. не разъ дѣлались попытки устройства для этого и собственныхъ фабрикъ и заводовъ. Иниціаторомъ здѣсь являлось правительство, а исполнителями его предначертаній—преимущественно иностранцы, изрѣдка бояре. Такъ, напр., было устроено нѣсколько бумажныхъ мельницъ, стеклянныхъ, кожевенныхъ (особенно, для выработки сафьяна и лосинныхъ кожъ) и селитренныхъ заводовъ, шелковыхъ фабрикъ, но особенно энергично взялись за развитіе желѣзодѣлательнаго производства. Съ одной стороны, правительство посылаетъ развѣдочныя партіи изъ иностранцевъ и русскихъ для поисковъ золотой, серебряной и желѣзной руды и др. металловъ въ Пермскую землю, на Двину, Мезень, Печору, Цыльму, въ Сибирь, даже на Кавказъ и Югорскій шаръ; съ другой стороны, устраиваетъ рядъ заводовъ—въ Пермской землѣ у Пыскорскаго монастыря мѣдиплавильный заводъ, Павловскій желѣзо-

дѣлательный заводъ въ окрестностяхъ Москвы и др.; кромѣ того при дѣятельномъ участіи казны возникаютъ пушечные и ядерные заводы Виніуса въ Тулѣ, оружейный заводъ Френъ-Акина на Яузѣ, Протвинскій и Угорскій заводы Марселиса и Акема въ Калужской губерніи, Истинскій заводъ Миллера въ Боровскомъ уѣздѣ, на которомъ впослѣдствіи Петръ В. собственноручно выковалъ 18 пудовъ желѣза, наконецъ, заводъ для выдѣлки желѣза и стали Марселіуса и Бужененанта въ Олонецкомъ краѣ.

Но всѣ эти заводы и фабрики удовлетворяли лишь спросъ казны и высшаго общества, да и то далеко не полностью. Что же касается остального народа, то онъ пріобрѣталъ продукты обрабатывающей промышленности при посредствѣ торговцевъ исключительно отъ мелкихъ производителей. Съ одной стороны, фабрики и заводы не выдѣлывали того, въ чемъ нуждалась народная масса, съ другой—ихъ издѣлія не могли конкурировать въ дешевизнѣ съ продуктами кустарно-ремесленнаго труда.

Таково было торгово-промышленное состояніе Руси къ началу царствованія Петра. Ему предстояло выполнить ту задачу, которую пыталось осуществить Московское правительство—создать національную крупную промышленность. И Петръ энергично взялся за дѣло. Прежде всего онъ усиленно сталъ приглашать въ Россію иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ. Въ 1698 г. за возвратившимся въ Россію Петромъ наѣхала пестрая толпа всевозможныхъ художниковъ, мастеровъ и ремесленниковъ, которыхъ онъ за границей пригласилъ на свою службу; въ одномъ Амстердамѣ было нанято до тысячи разныхъ мастеровъ и ремесленниковъ. Русскимъ резидентомъ при иностранныхъ дворахъ также было вмѣнено въ обязанность нанимать иноземныхъ мастеровъ на русскую службу. Въ 1702 г. по Германіи былъ распубликованъ манифестъ Петра, приглашавшій въ Россію иноземныхъ капиталистовъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ на выгодныхъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ начался усиленный приливъ въ Россію заграничнаго фабричнаго и ремесленнаго люда, который соблазнялся выгодными условіями, какія ему предлагались, и точнымъ исполненіемъ данныхъ обѣщаній со стороны русскаго правительства. Однако всевозможныя льготы и деньги давались иноземнымъ мастерамъ и фабрикантамъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: „учить русскихъ людей безъ всякой скрытности и прилежно“.

Но Петръ понималъ, что техническое обученіе русскихъ людей можетъ идти всего успѣшнѣе не дома, гдѣ мало было для этого средствъ, а за границей. И вотъ уже вскорѣ послѣ первой поѣздки за границу онъ по всѣмъ главнымъ промышленнымъ городамъ Европы разсѣиваетъ десятки русскихъ учениковъ. „Какъ въ военномъ дѣлѣ,—говоритъ проф. Ключевскій, — русскіе матросы ѣздили учиться въ Голландію, а оттуда плавали въ Турцію, въ обѣ Индіи и въ другія государства, по выраженію кн. Куракина, „по всему свѣту разсѣяны были“, такъ и въ промышленной области русскіе люди по распоряженію правительства учились всюду за границей всевозможнымъ искусствамъ и мастерствамъ, начиная съ „философскихъ и дохтурскихъ наукъ“ до печного мастерства и до искусства обивать комнаты и убирать кровати“.

Наряду съ вызовомъ иностранцевъ и обученіемъ русскихъ техническимъ навыкомъ, Петръ обратилъ вниманіе и на законодательную пропаганду своихъ экономическихъ идей. Все время своего царствованія онъ проповѣдывалъ русскимъ людямъ о достоинствѣ, „честности“ и государственной пользѣ ремесленныхъ и промышленныхъ занятій — настойчиво проводилъ въ своихъ указахъ мысль, что такія занятія никого не без-

честятъ, что торговля и ремесла столь же полезны для государства и почетны, какъ государственная служба и ученье. „Вѣроятно,—замѣчаетъ по этому поводу проф. Ключевскій, — не одинъ дворянинъ поморщился, прочитавъ въ указѣ о единонаслѣдіи, что обдѣленные отцовской недвижимостью кадеты (т.-е. младшіе сыновья) не будутъ праздны, а принуждены будутъ „хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ", и „этого не ставить ни въ какое безчестіе имъ и ихъ фамиліямъ ни словесно, ни письменно".

Но тѣмъ не менѣе примѣръ самого царя-чернорабочаго, а главное, выгоды заставили многихъ изъ видныхъ представителей тогдашней бюрократіи и аристократіи сдѣлаться фабрикантами и заводчиками. А выгоды были громадныя. Рѣшивъ во что бы то ни стало создать крупное производство, Петръ не жалѣлъ для этого государственныхъ средствъ, поощряя предпріимчивость и русскихъ, и иноземцевъ щедрыми льготами, субсидіями и ссудами, съ одной стороны, прямымъ принужденіемъ, съ другой. Въ 1699 году, когда посадскіе люди были изъяты изъ вѣдомства воеводъ и получили самоуправленіе, указъ 27 октября предписалъ купецкимъ людямъ торговать, какъ торгуютъ въ иныхъ государствахъ, компаніями, и „имѣть о томъ всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ". Съ тѣхъ поръ компаніи стали пользоваться особеннымъ вниманіемъ Петра. Лица, заводившіе на компанейскихъ началахъ фабрики и заводы, освобождались отъ казенныхъ и городскихъ службъ и другихъ повинностей, иногда съ неотдѣленными сыновьями и даже братьями, приказчиками, мастерами и ихъ учениками, могли извѣстное число лѣтъ безпошлинно продавать свои товары и покупать матеріалы, получали безвозвратныя субсидіи и безпроцентныя ссуды. Кромѣ того сбытъ ихъ издѣлій большей частью обезпечивался казной. Промышленныя предпріятія ограждались отъ иноземной конкурренціи запретительными пошлинами, которыя возвышались по мѣрѣ роста туземнаго производства, такъ что достигали стоимости привознаго товара, если выработка этого товара на русскихъ фабрикахъ равнялась заграничному привозу. Затѣмъ, до учрежденія Мануфактуръ-коллегіи въ 1719 г. компаніямъ предоставлялось право суда по гражданскимъ и фабричнымъ дѣламъ надъ фабричными служащими и рабочими, потомъ перешедшее къ названной коллегіи, судившей вмѣстѣ съ фабричными и самихъ фабрикантовъ. Въ интересахъ промышленности Петръ нарушалъ иногда даже собственные указы: во все продолженіе своего царствованія онъ принималъ противъ бѣглыхъ крестьянъ строгіе мѣры, повелѣвая возвращать ихъ къ владѣльцамъ и штрафуя укрывателей; но указомъ 1722 г. (18 іюля) прямо было запрещено отдавать съ фабрикъ рабочихъ, хотя бы это были бѣглые крѣпостные, а указомъ 18 января 1721 г. фабрикантамъ и заводчикамъ изъ купцовъ дано было дворянское право покупать къ ихъ фабрикамъ и заводамъ „деревни", т.-е. земли, населенныя крѣпостными крестьянами, только съ оговоркой, „токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно". Такъ фабрикантъ-купецъ получалъ возможность имѣть обязательныя рабочія руки. Населеніе деревень, состоящихъ при фабрикахъ и заводахъ, получило названіе поссесіонныхъ крестьянъ. Наконецъ, для управленія заводами и фабриками были учреждены двѣ коллегіи—Мануфактуръ и Бергъ. Первая, между прочимъ, обязана была особенно прилежно слѣдить за компанейскими фабриками, въ случаѣ ихъ упадка „какъ наискорѣе" разслѣдовать при-

чину и, если она оказывалась въ недостаткѣ оборотныхъ средствъ, тотчасъ „чинить капиталомъ вспоможеніе". „Все это даетъ понять то чрезвычайно привилегированное положеніе, — говоритъ проф. Ключевскій,— въ какое поставилъ Петръ классъ мануфактурныхъ и заводскихъ промышленниковъ. Занятіе ихъ Петръ ставилъ на ряду съ государственной службой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше ея, предоставилъ фабрикамъ и заводамъ право укрывать бѣглыхъ, которымъ не обладали служилые землевладѣльцы, далъ мужику-капиталисту дворянскую привилегію, право владѣть землей съ крѣпостнымъ населеніемъ. Фабрика и заводъ при Петрѣ являются преемниками древне-русскаго монастыря: подобно послѣднему они получаютъ значеніе нравственно-исправительныхъ учрежденій. Цѣлымъ рядомъ указовъ Петръ предписывалъ „виновныхъ бабъ и дѣвокъ" отсылать на фабрики и заводы для исправленія. Такимъ образомъ на смѣну стараго боярства теперь рядомъ съ вельможами табели о рангахъ становилась знать ткацкаго станка и чугунно-плавильной печи".

Но не слѣдуетъ думать, что главная масса этой знати вышла изъ иностранцевъ. Огромное большинство ея составляли русскіе люди, и именно то самое купечество, которое въ Московской Руси еще не рѣшалось приняться за промышленную дѣятельность. „Чтобы убѣдиться въ этомъ,—какъ справедливо указываетъ проф. Туганъ-Барановскій,—достаточно обратиться къ именнымъ спискамъ петровскихъ фабрикантовъ". Первыми суконными фабрикантами были купцы Сѣриковъ и Дубровскій, фабрика которыхъ возникла еще въ 1698 г. Крупнѣйшая суконная фабрика, „Большой Суконный Дворъ" въ Москвѣ, принадлежала русской купеческой компаніи Щеголина съ товарищами: Гостиной сотни Иваномъ Култышнымъ, Болотинымъ, Пушниковымъ, Твердышовымъ, Сѣриковымъ и др. Другая тоже крупная суконная фабрика въ Казани принадлежала также купеческой компаніи казанца Гостиной сотни, Микляева. Компанія видныхъ государственныхъ дѣятелей: Шафирова, Толстого и Апраксина, монополизировавшая производство шелковыхъ матерій въ Россіи, продержалась всего нѣсколько лѣтъ: съ 1721 г. въ нее вошли 8 человѣкъ изъ купечества, а въ 1724 г. шелковыя мануфактуры окончательно перешли въ руки купеческихъ компанейщиковъ, вернувшихъ Апраксину и Толстому внесенный ими капиталъ. Такимъ образомъ, въ Москвѣ возникло 5 шелковыхъ фабрикъ, изъ которыхъ 4 принадлежали купцамъ Евреинову, Старцову, Павлову, Мыльникову и 1 армянину Францову. Игольный заводъ, единственный во всей Россіи, принадлежалъ также купеческой компаніи Томилина и Рюминыхъ.

Первая частная полотняная фабрика въ Россіи принадлежала компаніи русскихъ торговыхъ людей—Андрею Турнѣ (или Турчанинову) и Цымбальщикову съ товарищами. Этой компаніи правительство передало въ 1711 году полотняные, скатертные и салфеточные заводы въ Ново-нѣмецкой слободѣ, которые раньше были въ вѣдѣніи Посольскаго приказа. Однимъ изъ крупнѣйшихъ петровскихъ фабрикантовъ былъ ярославецъ Гостиной сотни, Затрапезный. Онъ владѣлъ, кромѣ полотняной, также писчебумажной, коломяночной и масляной фабриками. Крупнымъ полотнянымъ и писчебумажнымъ фабрикантомъ былъ также купецъ Аѳанасій Гончаровъ.

Изъ менѣе крупныхъ фабрикантовъ можно упомянуть о купцахъ Волковѣ (коломяночная фабрика), Филатовѣ (полотняная фабрика), Корниловѣ (писчебумажная фабрика), Скобельниковѣ (кожевенный заводъ), Павловѣ и Никифоровѣ (платочная фабрика), Панфиловѣ (платочная фаб-

рика), Бабушкинѣ съ компаніей (суконная фабрика), Собольниковѣ (суконная фабрика), Никитѣ Воронинѣ (каразейная фабрика), Кузнецовѣ (каразейная фабрика), Кирилловѣ (трубочная фабрика) и пр.

Изъ числа иностранцевъ, кромѣ Томеса, Тиммермана и Вестова (послѣдній, впрочемъ, былъ московскимъ купцомъ; онъ стоялъ во главѣ компаніи, имѣвшей сахарный заводъ), мы не встрѣчаемъ въ петровское время крупныхъ фабрикантовъ. Но и Томесъ былъ только главой обширной компаніи русскихъ торговцевъ (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышева, Попова, Неврева, Затрапезнаго и др.). Самъ Томесъ внесъ только десятую часть всего компанейскаго капитала. Суконныя фабрики иноземцевъ Фибиха, Пранга и Литхена были небольшими заведеніями. Первая работала на 15-ти, вторая на 10-ти станахъ, третья была еще меньше. Точно такъ же чулочная фабрика Монбріона не была, повидимому, крупной.

Фабрикантовъ изъ разночинцевъ мы встрѣчаемъ въ петровское время также немного. Крупнымъ шелковымъ фабрикантомъ былъ Милютинъ— бывшій царскій истопникъ. Но этотъ истопникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ капиталистомъ, такъ какъ фабрику онъ „завелъ своимъ коштомъ", безъ всякаго пособія казны. Одна шелковая фабрика принадлежала ямщику Суханову, небольшая шпалерная и коломяночная фабрика въ Новгородѣ принадлежала бывшему мастеру казенной коломяночной фабрики Шаблыкину; мастеру Исаеву принадлежалъ въ С.-Петербургѣ кожевенный заводъ; мастеръ Лаховъ стоялъ во главѣ компанейскаго кожевеннаго завода въ Воронежѣ; бывшій царскій служитель Родіонъ Ворогинъ (повидимому, крупный капиталистъ) имѣлъ нѣсколько небольшихъ фабрикъ въ Москвѣ (чулочную, каразейную и ленточную).

Еще рѣже мы встрѣчаемъ среди петровскихъ фабрикантовъ дворянъ. Компанія Шафирова, Апраксина и Толстого просуществовала, какъ сказано, недолго. Воронежская казенная суконная фабрика была передана дворянамъ Веневитиновымъ, но въ компанію съ ними вошли и люди изъ мѣстнаго купечества. Мы знаемъ о парусныхъ и иныхъ заводохъ князя Меньшикова, скипидарныхъ заводахъ ландрата Савелова и купеческихъ сыновей Томилиныхъ, суконной фабрикѣ камеръ-мейстера Дубровскаго, суконной фабрикѣ тайнаго совѣтника Макарова и еще о двухъ-трехъ небольшихъ фабрикахъ—и это почти все. Иностранцамъ и дворянамъ принадлежала ничтожная доля петровскихъ фабрикъ; фабрикантовъ изъ разночинцевъ было также немного; въ большинствѣ же случаевъ фабрикантами явились старинные московскіе капиталисты-купцы.

„Итакъ—говоритъ проф. Туганъ-Барановскій,—личный составъ петровскихъ фабрикантовъ доказываетъ, что крупная промышленность развилась въ соотвѣтствующей средѣ, которая была создана всей предшествовавшей исторіей Московскаго государства — именно, въ средѣ крупныхъ торговцевъ. Эта среда не была дѣломъ рукъ Петра, но если бы ея не существовало, то и возникновеніе у насъ крупнаго производства въ мало-мальски широкихъ размѣрахъ было бы невозможнымъ. И это по той простой причинѣ, что возникавшія фабрики, несмотря на пособія правительства, требовали крупныхъ денежныхъ затратъ со стороны частныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этихъ фабрикъ". Объ этихъ затратахъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты. Такъ, напр., на шелковыя мануфактуры компаніи Шафирова, перешедшія затѣмъ къ купеческой компаніи, былъ затраченъ тремя учредителями: Апраксинымъ, Толстымъ и Шафировымъ (кромѣ денегъ, полученныхъ изъ казны) капиталъ въ 57,838 р.,

да, кромѣ того, лица изъ купечества, приглашенныя въ компанію, внесли 23,500 руб. Такимъ образомъ, на эти мануфактуры всего затрачено частныхъ капиталовъ 81,338 рубл., да казна внесла деньгами (кромѣ построекъ, матеріаловъ и пр.) 36,672 руб. На устройство полотняной мануфактуры Томеса затраченъ денежный капиталъ въ 46,700 руб. (кромѣ 5,000 р., полученныхъ въ ссуду отъ казны). Изъ этихъ денегъ только 4,500 были внесены самимъ Томесомъ, а остальныя—компанейцами изъ купечества, при чемъ самый большой взносъ былъ сдѣланъ Микляевымъ, вложившимъ въ дѣло 12,000 р. Этотъ самый Микляевъ получилъ впослѣдствіи суконную фабрику въ Казани, — очевидно, это былъ крупный капиталистъ. На устройство игольнаго завода компанія Томилина и Рюминыхъ затратила денежный капиталъ въ 33 тыс. руб. Наконецъ, на полотняную фабрику Гончарова былъ затраченъ капиталъ въ 142 тыс. руб.

Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что даже въ томъ случаѣ, когда фабриканты получали денежныя и иныя пособія отъ казны (фабричныя строенія, матеріалы, мастеровъ и пр.), имъ все же приходилось приплачивать крупныя суммы на веденіе фабричнаго дѣла. А такъ какъ большая часть фабрикъ была „заведена своимъ коштомъ“, то фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени — преимущественно купцы. „Лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса,—подчеркивающе говоритъ проф. Туганъ-Барановскій,—Петръ достигъ своей цѣли—насажденія у насъ крупнаго производства. Но капиталистическій классъ былъ созданъ не Петромъ, а всей предшествовавшей экономической эволюціей Московскаго государства“.

Итакъ, хотя безъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, крупное производство не имѣло никакихъ шансовъ развиться въ тогдашней Россіи, эти мѣры сопровождались успѣхомъ лишь вслѣдствіе подготовленности русской экономической почвы къ новымъ формамъ промышленности. Петръ оставилъ послѣ себя 233 фабрики и завода по самымъ разнообразнымъ отраслямъ промышленности. Больше всего заботили его производства, связанныя съ военнымъ дѣломъ: полотняное, парусинное, суконное. Но наиболѣе успѣшное развитіе получило при немъ горное дѣло. Горные заводы образовали при немъ четыре крупныхъ группы или округа: тульскій, олонецкій, уральскій и петербургскій. Въ первыхъ двухъ горное дѣло завелось еще при царѣ Алексѣѣ, но къ концу XVII в. пришло въ упадокъ. Петръ поднялъ его: построены были желѣзные заводы, казенный и частные — послѣдніе кузнецами Баташовымъ и Никитою Демидовымъ, а потомъ въ Тулѣ возникъ казенный оружейный заводъ, снабжавшій оружіемъ всю армію, съ обширнымъ арсеналомъ и слободами оружейныхъ мастеровъ и кузнецовъ. Въ Олонецкомъ краю, на берегу Онежскаго озера, въ 1703 г. построенъ былъ чугунно-литейный и желѣзодѣлательный заводъ, ставшій основаніемъ г. Петрозаводска. Вслѣдъ за тѣмъ возникло нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, казенныхъ и частныхъ, въ Повѣнцѣ и другихъ мѣстахъ края. Особенно широко развернулось горное дѣло въ нынѣшней Пермской губерніи; въ этомъ отношеніи Уралъ можно назвать открытіемъ Петра. Еще въ 1696 г., до первой поѣздки своей за границу, Петръ велѣлъ воеводамъ развѣдать всякія руды на Уралѣ. Воротившись съ кучей нанятыхъ горныхъ инженеровъ и мастеровъ, онъ, ободренный благопріяными поисками и опытами, показавшими, что желѣзная руда давала чистаго добраго желѣза почти половину своего вѣса, построилъ въ 1698 г. на рѣкѣ Невьѣ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, желѣзные заводы, на которые

казна истратила 1541 руб., да на наемъ рабочихъ собрано было съ крестьянъ 10,347 руб. Еще въ 1686 г., для потѣхъ Петра, привозили въ Преображенское сотни тульскихъ ружей мастера Демидова; ему Петръ въ 1702 г. и сдалъ Невьянскіе желѣзные заводы съ обязательствомъ ставить артиллерійскіе припасы, сколько понадобиться. При умѣренныхъ подрядныхъ цѣнахъ, Демидовъ такъ успѣшно повелъ дѣло, что при императрицѣ Аннѣ сынъ его получалъ дохода съ отцовскихъ заводовъ болѣе 100 тыс. (около 900 тыс. руб. на наши деньги). Вслѣдъ за Невьянскими возникло на Уралѣ много другихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ, которые образовали обширный горнозаводскій округъ. Управленіе имъ сосредоточено было въ Екатеринбургѣ, городѣ, построенномъ на р. Исети управителемъ уральскихъ заводовъ генераломъ Генингомъ, знатокомъ горнаго и артиллерійскаго дѣла и однимъ изъ благороднѣйшихъ сотрудниковъ Петра. Городъ былъ названъ въ честь императрицы Екатерины I. Къ заводамъ округа для работъ и охраны отъ враждебныхъ инородцевъ, башкиръ и киргизовъ, приписано было до 25 тыс. душъ крестьянъ. Къ концу царствованія Петра въ Екатеринбургскомъ округѣ находилось 9 казенныхъ и 12 частныхъ заводовъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ, изъ которыхъ пять принадлежали Демидову. Въ 1718 г, на всѣхъ русскихъ заводахъ, принадлежащихъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и казнѣ, выплавлено было болѣе $6^1/_2$ мил. пудовъ чугуна и около 200 тыс. пудовъ мѣди, что́ дало возможность Петру вооружить и флотъ, и полевую армію огнестрѣльнымъ оружіемъ изъ русскаго матеріала и русской выдѣлки. Послѣ Петра осталось болѣе 16 тыс. пушекъ, не считая флотскихъ.

Двигая сильной рукой обрабатывающую промышленность, Петръ не меньше того думалъ о сбытѣ, о торговлѣ внутренней и особенно внѣшней, морской, въ которой Россія всецѣло зависѣла отъ иноземцевъ. Извѣстно, что главнѣйшимъ побужденіемъ къ войнѣ со Швеціей было желаніе пріобрѣсти гавани, даже хотя бы только одну торговую гавань на Балтійскомъ морѣ. Но здѣсь передъ Петромъ сталъ вопросъ о подвозныхъ путяхъ. До прутскаго похода для постоянныхъ передвиженій войскъ и воинскихъ припасовъ на безконечныхъ разстояніяхъ Петръ, съ неимовѣрными жертвами для окрестнаго населенія, прокладывалъ сѣть грунтовыхъ дорогъ отъ Азова до Москвы и въ другихъ направленіяхъ. Съ основаніемъ Петербурга пролегла извилистая сухопутная дорога между обѣими сталицами, тянувшаяся верстъ на 750. Но,—говоритъ проф. Ключевскій,—„трудность сухопутныхъ сообщеній обращала мысль на русскую рѣку, и Петръ съ удивительной силой вниманія изучалъ эту единственную въ мірѣ сѣть вѣчно движущихся и не требующихъ ремонта шоссейныхъ дорогъ, какую природа дала русской торговлѣ въ бассейнахъ русскихъ рѣкъ. Въ умѣ Петра много лѣтъ складывался великолѣпный планъ канализаціи этихъ столь остроумно расчерченныхъ природой бассейновъ. Но на исполненіи этого плана тяжело отозвались колебанія внѣшней политики Петра“. Сначала, послѣ взятія Азова, когда для укрѣпленія своей азовской позиціи онъ думалъ направить торговое движеніе къ азовскимъ портамъ и даже мечталъ о созданіи черноморскаго флота, онъ предпринялъ соединеніе центральныхъ водныхъ путей съ Чернымъ моремъ двумя каналами: однимъ между притоками Волги и Дона, Камышинкой и Иловлей, и другимъ черезъ небольшое Иванъ-озеро (Епифан. уѣзда), изъ котораго съ одной стороны выходитъ Донъ, а съ другой рѣчка Шашь, притокъ Упы, впадающей въ Оку; озеро и рѣки надобно было канализировать, расчистить и углубить. Въ обоихъ мѣстахъ

много лѣтъ заняты были десятки тысячъ рабочихъ, потрачено множество матеріала. Но Сѣверная война отвлекла вниманіе Петра въ другую сторону, а потеря Азова въ 1711 г. заставила бросить всѣ, дорого стоившія азовскія и донскія сооруженія. Съ основаніемъ Петербурга, естественно возникала мысль связать новую столицу воднымъ путемъ съ внутренними областями. „Сѣсть въ лодку на Москвѣ-рѣкѣ и высадиться на Невѣ безъ пересадки стало мечтой Петра",—говоритъ проф. Ключевскій. И вотъ было приступлено къ устройству Вышневолодской судоходной системы, прорытію канала, связавшаго притокъ Волги Тверцу съ р. Цной, которая, образуя своимъ расширеніемъ озеро Мстино, выходитъ изъ него подъ названіемъ р. Мсты и впадаетъ въ Ильмень. Въ 1706 г. 4-лѣтняя работа, веденная 20 тысячами рабочихъ, была окончена; но лѣтъ черезъ десять каменный шлюзъ по небрежности надзора занесло пескомъ и съ трудомъ удалось расчистить путь. Движеніе судовъ по этому водному пути, открывшему сообщеніе Волги съ Невой, затруднялось бурнымъ Ладожскимъ озеромъ, причинявшимъ судоходству большія потери. Для избѣжанія ихъ Петръ въ 1718 г. задумалъ провести обводный Ладожскій каналъ, которымъ суда проходили бы прямо изъ Волхова при его устьѣ подъ Ладогой въ Неву подъ Шлюссельбургомъ, минуя Ладожское озеро. Эту работу выполнилъ опытный инженеръ Минихъ, который окончилъ 100-верстное сооруженіе уже по смерти Петра. Въ планъ Петра входило проведеніе и другого канала, который долженъ былъ соединить Волгу съ Невой: предположено было прорыть водораздѣлъ между рѣками Вытегрой, притокомъ Онежскаго озера, и Ковжей, впадающей въ Бѣлоозеро, гдѣ много позднѣе, уже въ XIX в. была устроена Маріинская система. Дѣлались также розысканія для соединенія Бѣлаго моря съ Балтійскимъ. Но къ этимъ работамъ не было приступлено, такъ что изъ 6 задуманныхъ каналовъ при Петрѣ былъ оконченъ только одинъ.

Рѣки и каналы служили подъѣздными путями къ новой столицѣ и пріобрѣтеннымъ на Балтійскомъ морѣ гаванямъ. Послѣднихъ было семь: Рига, Перновъ, Ревель, Нарва, Выборгъ, Кронштадтъ и С.-Петербургъ. Въ связи съ этими пріобрѣтеніями уже въ 1714 г., если не раньше, возникъ вопросъ о необходимости измѣнить самое направленіе торговыхъ сношеній съ Западной Европой, которыя шли Бѣлымъ моремъ чрезъ Архангельскъ, единственную морскую гавань Московскаго государства до Петра. Послѣ основанія Петербурга, по мѣрѣ того, какъ Петръ утверждался на балтійскихъ берегахъ, онъ все болѣе и болѣе приближался къ осуществленію своего плана—перевести внѣшнюю торговлю съ крупнаго бѣломорскаго пути на балтійскій, направивъ ее къ новой столицѣ. И несмотря на то, что этотъ торговый переворотъ затрогивалъ множество интересовъ и ломалъ прочно установившіяся привычки—противъ него были и голландцы, давно свившіе себѣ прочное гнѣздо въ Архангельскѣ, и русскіе купцы, привыкшіе къ торной сѣверо-двинской дорогѣ—Петръ сдѣлалъ по своему: Петербургъ одержалъ верхъ надъ Архангельскомъ, сталъ главнымъ портомъ для внѣшней торговли: въ 1710 г. къ Архангельску приходило 153 иноземныхъ корабля, а число иностранныхъ кораблей, пришедшихъ къ Петербургу, уже въ 1722 году дошло до 116, въ 1724 г. увеличилось до 240; по всѣмъ балтійскимъ портамъ кромѣ Пернова и Кронштадта въ 1725 году числилось въ приходѣ 914 купеческихъ кораблей изъ разныхъ странъ Западной Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ обратилъ вниманіе и на самую организацію торговли. По возвращеніи изъ-за границы, онъ сейчасъ же предписалъ:

„Московскаго государства городовымъ всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, компаніями, и чинить отпускъ товарамъ въ компаніяхъ къ городу Архангельскому, въ Астрахань, также и черезъ Новгородъ, и имѣть о томъ всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть въ сборахъ великаго государя казны исполненію". Но изъ этого перваго предписанія пока ничего не вышло. „Что касается торговли компаніями,—писалъ голландскій резидентъ,—то это дѣло пало само собой: русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое сложное и трудное дѣло".

Но на незнанье у Петра было средство—пропаганда и наученье всѣми средствами до насильственныхъ включительно. Указомъ Коммерцъ-коллегіи въ 1723 г. Петръ приказалъ „посылать въ чужіе края дѣтей торговыхъ людей, чтобъ никогда меньше 15 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученныхъ велѣтъ здѣсь обучать, понеже всѣхъ посылать невозможно; чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель послать человѣкъ 20 и раздать капиталистамъ; сіе обое число изъ посадскихъ; къ тому же коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей".

Завоеваніе морского берега, основаніе Петербургъ съ прямымъ назначеніемъ ему быть нашимъ вывознымъ портомъ, ученіе меркантилизма, воспринятое Петромъ,—все это неудержно заставляло его думать о коммерціи, о ея развитіи въ Россіи. Въ первыя 10 лѣтъ XVIII в. развитію торговли съ Западомъ мѣшало и то, что множество товаровъ были объявлены монополіей правительства и продавались только черезъ правительственныхъ агентовъ. Но эту мѣру, вызванную крайней нуждой въ деньгахъ, и Петръ не считалъ полезной, и потому, когда военная тревога нѣсколько успокоилась, онъ снова обратился къ мысли о компаніяхъ торговыхъ людей. Въ іюлѣ 1712 г. онъ далъ распоряженіе Сенату—„немедленно потщиться въ купецкомъ дѣлѣ лучшій порядокъ сдѣлать". Сенатъ сталъ пробовать устроить компанію купцовъ для торговли съ Китаемъ, но московскіе купцы „во взятіи онаго торга въ компанію отказали". Еще 12 февраля 1712 г. Петръ приказывалъ „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ оную въ лучшее состояніе привесть; къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцевъ, которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали съ присягою, чтобы лучше порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше есть нашихъ". Коллегіумъ составился, вырабатывалъ правила своего существованія и дѣйствій—„регулы, по которымъ какъ здѣшніе, такъ и иностранные купцы поступать могутъ". Коллегіумъ работалъ сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Работалъ вяло и застрялъ въ мелочахъ. Съ учрежденія Коммерцъ-коллегіи всѣ дѣла этого ея прототипа были переданы новому вѣдомству торговли.

Въ 1723 г. Петръ приказалъ составить компанію купцовъ для торговли съ Испаніей. „Но, какъ всѣмъ извѣстно,—читаемъ въ указѣ объ этомъ,—что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ", то Коммерцъ-коллегія должна взять на себя веденіе дѣлъ новой компаніи, пока все не придетъ въ совершенство. Компаніи было обѣщано вспоможеніе кораблями, матросами и даже деньгами. Предполагалось устроить также компанію для торговли съ Франціей. Посланы

были для начала русскія казенныя суда съ товарами въ порты этихъ государствъ, но этимъ дѣло и кончилось. Торговыя компаніи не прививались и стали появляться въ Россіи не ранѣе половины XVIII в., да и то подъ условіемъ большихъ привилегій и значительнаго покровительства со стороны казны. Русскіе купцы предпочитали торговать самолично или черезъ посредство приказчиковъ въ одиночку, не вступая въ компаніи съ другими.

1716—1717 гг. Петръ особенно занятъ „гражданственностью“, погруженъ въ проекты новаго устройства управленія, суда, финансовъ, живетъ въ атмосферѣ толковъ обо всемъ этомъ, ищетъ и находитъ знающихъ людей, съ которыми можно говорить о промышленности и коммерціи. Извѣстный уже намъ Люберасъ подалъ Петру записку на нѣмецкомъ языкѣ о генеральной экономіи Россіи, гдѣ много мѣста отводитъ торговлѣ. „Извѣстно,—говоритъ въ представленной Петру В. запискѣ Люберасъ,—что въ нѣкоторыхъ странахъ, несмотря на то, что ведется большая торговля, подданные мало получаютъ отъ нея пользы. Бываетъ это, во-первыхъ, тогда, когда жители продаютъ свои продукты въ сыромъ видѣ; въ этомъ случаѣ подданные другихъ странъ обрабатываютъ сырье и получаютъ большую прибыль, тогда какъ первые обладатели имѣютъ скудное пропитаніе. Или же, вовторыхъ, когда въ странѣ потребляютъ чужихъ товаровъ больше, чѣмъ можно оплатить вывозомъ туземныхъ товаровъ: балансъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ оплаченъ деньгами, и страна необходимо будетъ бѣднѣть и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе... Или же, въ-третьихъ, когда государь либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволитъ другимъ лицамъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе; отъ этого по видимости въ началѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, но въ дѣйствительности наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія, общая же торговля тогда только и процвѣтаетъ, когда ведется свободно частными предпринимателями, съ помощью ихъ кредита и ихъ собственныхъ усилій... Всѣ указанныя черты встрѣчаются у націй, которыя не особенно заботятья объ улучшеніи продуктовъ собственной страны и вовсе не стараются узнать, куда и съ какой прибылью сбываютъ эти продукты иностранные коммерсанты“. Такія націи,—по мнѣнію Люберасаглухи къ совѣтамъ вывозить свои товары за границу и къ развитію необходимаго для нихъ мореплаванія. „Знакомство съ прошлымъ и настоящимъ временемъ,—говоритъ Люберасъ,—дѣлаетъ безспорнымъ и яснымъ, какъ день, что послѣ благословенія Божія существуютъ два главныхъ пути, пренебреженіе или вниманіе къ которымъ обусловливаетъ какъ погибель и порабощеніе странъ, такъ и ихъ процвѣтаніе и ростъ: это мореплаваніе и промышленность“. Россія, по мнѣнію Любераса,—богато одарена благами природы, превосходные и необходимые продукты которыхъ до сихъ поръ зависятъ отъ чужеземнаго вывоза и уравновѣшиваются обмѣномъ на иностранные товары, иногда вовсе ненужные, тогда какъ, обладая естественными богатствами, Россія можетъ сама завести фабрики и заводы, которые будутъ вырабатывать изъ русскихъ матеріаловъ тѣ товары, которые теперь приходится ввозить. „Чтобы привести всеобщую экономію въ прочный и постоянный порядокъ,—говоритъ далѣе Люберасъ,—въ высшей степени необходимо дать этому огромному тѣлу настоящую жизнь или душу. Таковая заключается въ твердомъ иностран номъ кредитѣ вашего царскаго величества и въ дѣльныхъ и преданныхъ директорахъ, которые бы поддерживали этотъ кредитъ внутри и внѣ государства“. Для этой цѣли Лю-

берасъ совѣтуетъ учредить должность генералъ-директора, которому подчинить директоровъ въ провинціяхъ и поручить имъ высшее наблюденіе за фабриками и заводами; генералъ-директоръ долженъ заботиться о качествѣ товаровъ, о ихъ доставкѣ къ гаванямъ и сбытѣ, наблюдать за ввозомъ и составлять общій балансъ всей государственной экономіи. Иностранная контора должна состоять изъ оберъ-директора въ Гамбургѣ и подчиненныхъ ему консуловъ въ Данцигѣ, Копенгагенѣ, Любекѣ, Берлинѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ, Бордо, Кадиксѣ, Бильбаѳ, Лиссабонѣ, Ливорно и Венеціи. „Такимъ устройствомъ, увѣряетъ Люберасъ,—ваше величество обезпечите себѣ тѣмъ большее преимущество передъ коммерсантами другихъ странъ, что тѣ ведутъ свои дѣла каждый за себя или небольшими компаніями, а ваше величество, благодаря постоянной корреспонденціи агентовъ, служащихъ повсюду однимъ интересамъ, будете въ состояніи управлять всѣмъ ходомъ торговли; такимъ образомъ внѣшняя торговля будетъ помогать внутренней экономіи и наоборотъ: одна другой будетъ способствовать къ постоянному и правильному развитію“.

„Все, что говорилъ Люберасъ,—замѣчаетъ П. Н. Милюковъ,—было знакомо русскому правительству, благодаря большому казенному торгу, заведенному Петромъ, но этотъ торгъ, преслѣдуя исключительно цѣль пополненія казны, растрясенной войной, мало или почти совсѣмъ не имѣлъ въ виду обслуживать нужды торговли, какъ государственнаго учрежденія. Съ 1715 года замѣчается поворотъ къ новымъ взглядамъ“. Съ этого времени учреждаются первыя русскія консульства за границей. „Понеже добрый порядокъ въ коммерціи и предостереженіе всякихъ трудностей требуютъ,—говорится въ патентѣ перваго русскаго консула въ Парижѣ, — чтобы мы для пользы подданныхъ нашихъ кого имѣли въ пристаняхъ и прочихъ мѣстахъ королевства французскаго, въ которыхъ наши подданные купцы и прочіе торгъ отправлять могутъ, такую вѣрную и искусную особу въ коммерціи, которой могъ бы въ прилучающихся трудностяхъ и всякихъ иныхъ случаяхъ подданнымъ нашимъ купеческимъ людямъ способствовать, того ради назначили мы и т. д.“. Послѣ были назначены Петромъ консулы въ Амстердамъ, Антверпенъ, Бреславль, Вѣну, Люттихъ, Бордо и Кадиксъ. 8 апрѣля 1719 года Петръ издалъ указъ о вольности торговли и, „милосердствуя къ купечеству россійскаго государству,—читаемъ въ указѣ,—указалъ казеннымъ товарамъ быть только двумъ, поташу и смольчугу, а прочіе товары, которые продаваны были изъ казны, уволить торговлею въ народъ, токмо съ прибавочною пошлиной“.

Большой поклонникъ моря и флота, Петръ, конечно, не оставилъ безъ вниманія возможность созданія на ряду съ военнымъ и торговаго флота, морского и рѣчного. Что касается моря, то роль купеческихъ судовъ у него иногда играли военныя, отправлявшіяся съ русскими товарами въ порты Голландіи и даже Испаніи. Для лучшаго устройства рѣчныхъ торговыхъ судовъ Петръ запретилъ строить староманерныя суда, разные дощаники и струги, низкобортные, плохо проконопаченные и просмоленные, и съ его легкой руки пошли по русскимъ рѣкамъ барки, расшивы и другія волжскія суда. Гости Баженины имѣли уже въ 1700-хъ годахъ свои морскіе корабли, приходившіе къ Архангельску съ голландскими капитанами, но русскими въ большинствѣ матросами.

Петръ отдалъ дань и свойственному его времени увлеченію торговлей со странами далекаго юга, съ Индіей. Онъ мечталъ объ экспедиціи на Мадагаскаръ, а индійскую торговлю думалъ направить черезъ

Хиву и Бухару въ Россію. Въ Персію былъ отправленъ посломъ А. П. Волынскій, и ему Петръ поручилъ узнать, нѣтъ ли какой рѣки въ Персіи, которая протекала бы изъ Индіи черезъ Персію и впадала бы въ Каспійское море. Волынскій долженъ былъ хопотать, чтобы шахово величество направилъ всю торговлю Персіи шелкомъ-сырцомъ не черезъ города турецнаго султана—Смирну и Алеппо, а черезъ городъ царскаго величества Астрахань. Въ 1715 году съ Персіей былъ заключенъ торговый договоръ, и астраханская торговля очень оживилась. Сознавая всю важность Каспія для своихъ широкихъ плановъ, Петръ воспользовался замѣшательствомъ въ Персіи, когда тамъ мятежники перебили русскихъ купцовъ, и занялъ берегъ Каспія до Баку и Дербента включительно. Въ Среднюю Азію, на Аму-Дарью, Петръ отправилъ военную экспедицію подъ начальствомъ Бековича, чтобы тамъ утвердиться, но эта попытка не удалась: изнеможенный трудностью пути по выженной солнцемъ пустынѣ, русскій отрядъ попалъ въ засаду, устроенную хивинцами, и былъ весь истребленъ

Внутренняя торговля Россіи при Петрѣ тоже значительно оживилась, но въ общемъ продолжала имѣть все тотъ же караванно-ярмарочный характеръ. Но и эта сторона хозяйственной жизни Россіи была всколыхнута Петромъ и выведена изъ того покоя привычки и непредпріимчивости, какой отличалась въ XVII в. и ранѣе. Распространеніе коммерческихъ знаній, появленіе фабрикъ и заводовъ, общеніе съ иноземцами,—все это давало новый смыслъ и направленіе русской торговлѣ, оживляя ее внутри и тѣмъ самымъ дѣлая ее все болѣе и болѣе дѣятельнымъ участникомъ міровой торговли, съ примѣненіями ея принциповъ и правилъ. Сказалось все это, конечно, впослѣдствіи, съ теченіемъ времени: при Петрѣ же положено было тому только здравое начало.

Такова была экономическая политика Петра. Оцѣнивая ее, С. Князьковъ говоритъ: „Въ Московскомъ государствѣ торгово-промышленная дѣятельность цѣнилась лишь постольку, поскольку она давала непосредственной прибыли государевой казнѣ. Предметомъ заботы со стороны государства, какъ дѣятельность, обогащающая народъ, доставляющая ему больше средствъ для лучшаго устройства жизни, торговля и промышленность въ московское время никогда не были. Петръ не только создалъ промышленность Россіи, но и признавалъ за ней широкое государственное значеніе. Торговля и промышленность стали при немъ не только доходной статьей казны, но и важной стороной государственнаго строительства, какъ сила, поднимающая благосостояніе страны. Такъ понятая, поставленная въ ряду государственныхъ нуждъ, торгово-промышленная дѣятельность не могла захирѣть и, несмотря на то, что подъ гору милліоны тянули, по выраженію Посошкова, мощный толчекъ вверхъ, данный Петромъ, сообщилъ русской торговлѣ и промышленности движеніе въ гору, а не подъ гору“.

XLIV. Цехи Петра Великаго.

(Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи», т. I).

Цеховая организація, вводимая Петромъ Великимъ, составляетъ, если можно такъ выразиться, лишь часть своего цѣлаго—организаціи

городскаго населенія вообще, почему и въ ней преобладаютъ государственно-административные интересы надъ частно-общественными: цехи вводятся, въ сущности, не столько ради интересовъ промышленности и ея представителей, сколько ради интересовъ административныхъ.

И въ XVIII столѣтіи, наканунѣ введенія цеховъ и магистратскаго устройства городовъ, организація торгово-промышленнаго городскаго населенія едва-ли чѣмъ отличалась отъ организаціи его въ XVII столѣтіи: самая торговля и промышленность въ началѣ царствованія Петра недалеко ушли; да и впослѣдствіи великій преобразователь прилагалъ свои заботы лишь къ крупной, оптовой торговлѣ и къ заводской, мануфактурной промышленности, основывая торговыя компаніи, поощряя учрежденіе фабрикъ, заводовъ; мелкая промышленность, промышленность ремесленная, предоставлена была самой себѣ. Изъ торгово-промышленнаго населенія городовъ, только высшіе слои его, или скорѣе, наиболѣе выдающіеся отдѣльные члены его, бывшіе въ состояніи брать на себя болѣе или менѣе обширныя торговыя и промышленныя предпріятія, получали отъ царя всякаго рода льготы и привиллегіи, выдѣлявшія ихъ изъ общей массы городскаго населенія; организація этого послѣдняго оставалась все той же, какой она была и въ XVII ст. Все торгово-промышленное населеніе городовъ и посадовъ попрежнему дѣлилось на сотни и слободы. Дѣленіе это не было дѣленіемъ юридическимъ: сотня или слобода не представляла собою юридической единицы, пользовавшейся какими-либо правами или привиллегіями; онѣ были ничѣмъ инымъ, какъ единицами, сложившимися фактически; основаніемъ дѣленія первоначально служило просто число домовъ или душъ, такъ что это были единицы количественныя, какъ сотни, или географическія, какъ слободы; къ этому основанію впослѣдствіи присоединилась подкладка качественности; сотни стали называться гостиными, суконными по роду занятій, составлявшихъ ихъ членовъ. Отличіе этихъ сотенъ было исключительно фактическое—большій или меньшій достатокъ въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало возлагать на гостей, гостиную и суконную сотни разнаго рода „службы“, эти общины стали отличаться отъ остальныхъ уже и юридически, неся нѣкоторыя государственныя службы и пользуясь за это нѣкоторыми льготами. Организація бурмистерской палаты или ратуши и земскихъ избъ стояла, какъ мы видѣли [1]), въ тѣсной связи съ этимъ дѣленіемъ городскаго населенія: представители въ избы избирались отъ каждой сотни и слободы. Всякаго рода повинности и оклады „верстались“ по сотнямъ и слободамъ.

Основаніемъ принадлежности къ городскому населенію служилъ не промыселъ, а владѣніе собственностью, (дворомъ) которая долгое время принималась за основаніе при обложеніи податями и всякаго рода повинностями. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются всѣ мѣры правительства въ XVII и XVIII ст., направленныя къ тому, чтобы не допускать перехода городскаго двора въ руки члена служилаго сословія или крестьянина, такъ какъ въ случаѣ такого перехода дворъ, оставаясь въ районѣ города или посада, обѣлялся, т.-е. переставалъ нести городское тягло. Занятіе какимъ-либо промысломъ не составляло необходимаго условія принадлежности къ городскому сословію, въ составъ котораго входили не одни торговцы или промышленники, но и тѣ изъ

[1]) См. въ этомъ томѣ ст. Дитятина о Бурмистерской палатѣ и о Магистратѣ. *Ред.*

свободныхъ и не служилыхъ людей, которые, владѣя въ городѣ или на посадѣ домомъ, занимались земледѣліемъ. Съ другой стороны, занятіе промысломъ вообще не составляло исключительнаго права городского населенія: такое право принадлежало ему лишь относительно торговли и промысла въ самомъ городѣ или посадѣ; почему занятіе торговлей или промысломъ въ посадѣ или городѣ со стороны крестьянина или служилаго человѣка было бы ущербомъ для торгово-промышленнаго населенія этого города или посада, нарушеніемъ его права, такъ какъ крестьянинъ, промышляя въ городѣ или посадѣ, не могъ бы быть привлеченъ къ городскому тяглу, какъ несущій уже другое, свое собственное тягло. Отсюда правительству оставалось одно изъ двухъ: или совершенно запрещать представителямъ этихъ сословій владѣть въ городѣ недвижимой собственностью и заниматься въ немъ торговлей или какимъ-нибудь промысломъ, или же, допустивъ то и другое, обязать ихъ нести двойное тягло: одно—по своей принадлежности къ опредѣленному сословію, другое—по занятію ремесломъ. Въ теченіе почти всего XVII столѣтія въ правительствѣ преобладала политика перваго рода; въ XVIII столѣтіи перевѣсъ былъ на сторонѣ политики второго рода. Въ томъ и другомъ случаѣ, условіемъ принадлежности къ составу городского населенія было владѣніе недвижимой собственностью въ городѣ или посадѣ и занятіе промысломъ. Съ введеніемъ подушной подати въ городахъ и посадахъ дѣло нѣсколько измѣняется: тяглой, податной единицей теперь является уже не дворъ, а душа, т.-е. собственность замѣняется лицомъ, почему съ этого времени достаточно платить въ городѣ подушную подать и заниматься ремесломъ, чтобъ входить въ составъ городского населенія и стать въ вѣдѣніе городскихъ сословныхъ учрежденій. Сотни и слободы теперь составляются уже не изъ дворовъ, а изъ душъ; дворъ и промыселъ, въ смыслѣ основанія принадлежности къ городскому тяглу, смѣняются душой и промысломъ. Правительство заботится теперь уже не столько о томъ, чтобы посадскіе дворы не стояли „въ пустѣ“, сколько о томъ, чтобы число посадскихъ было возможно полнѣе. Владѣть недвижимой собственностью на посадѣ: дворомъ, лавкой, амбаромъ или вообще какимъ-либо торгово-промышленнымъ заведеніемъ—и теперь еще никто, кромѣ посадскаго, промышленнаго или торговаго человѣка не можетъ; всякій владѣющій на посадѣ домомъ, лавкой и т. п., долженъ быть „написанъ въ посадъ“. Но теперь можетъ быть „написанъ въ посадъ“ и тотъ, кто не владѣетъ ни тѣмъ, ни другимъ, а лишь занимается какимъ-либо промысломъ и платитъ подушное. Это послѣднее начало сдѣлалось исключительнымъ основаніемъ принадлежности къ сословному городскому населенію лишь со времени введенія магистратовъ.

Вводя новыя сословно-городскія учрежденія, Петръ Великій дѣлитъ все населеніе города на двѣ группы, изъ которыхъ одна вѣдается этими учрежденіями, другая не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія. Первую группу онъ назвалъ „регулярными“ гражданами, къ которымъ онъ относитъ всѣхъ болѣе или менѣе „знатныхъ“ торговцевъ и промышленниковъ всякаго рода, не исключая даже и представителей труда интеллектуальнаго, вродѣ докторовъ и лѣкарей; къ нимъ же относитъ онъ и живописцевъ. Ко второй группѣ, къ группѣ гражданъ нерегулярныхъ, по регламенту относились всѣ, имѣющіе жительство въ городѣ, но не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ въ VII главѣ регламента видовъ гражданъ регулярныхъ и входящіе или въ составъ дворянства (шляхетства), или духовенства, или иностранцевъ, живущихъ въ

Россіи „ради торговли и рукодѣлія“, или же, наконецъ, относящіеся къ категоріи „подлыхъ“ людей (обрѣтающихся въ наймахъ и чернорабочихъ), которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются. Такимъ образомъ, законодатель прочно устанавливаетъ сословное различіе между отдѣльными классами городского населенія, вся совокупность котораго составляетъ собою понятіе горожанъ, городскихъ обывателей, въ обширномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ совокупность всѣхъ, имѣющихъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ и посадъ, т.-е. понятіе горожанъ, въ обширномъ смыслѣ слова, есть понятіе чисто географическое, территоріальное. Этому понятію гражданина, въ широкомъ смыслѣ, законодатель противополагаетъ понятіе горожанина, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, понятіе горожанина регулярнаго, занимающагося извѣстнымъ промысломъ, несущаго извѣстное тягло, подчиненнаго вѣдѣнію извѣстныхъ сословно-городскихъ учрежденій,—однимъ словомъ, горожанинъ или гражданинъ въ тѣсномъ смыслѣ не есть просто обыватель города, но членъ сословія, составляющаго часть городскаго населенія. Вмѣстѣ съ такимъ съуженіемъ понятія горожанина, съузилось и самое понятіе города; теперь городомъ на оффиціальномъ языкѣ называется не опредѣленный пунктъ съ его населеніемъ вообще, а, какъ выражается Неволинъ, общество людей торгово-промышленнаго сословія, принадлежащихъ къ извѣстному мѣсту, и самое то мѣсто, къ которому они считаются принадлежащими. На гражданахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и сосредотачивается вся законодательная дѣятельность Петра, касающаяся городского устройства и горожанъ.

Горожане въ тѣсномъ смыслѣ, регулярные граждане, распадаются, въ свою очередь, еще на нѣсколько группъ, на основаніи ихъ личнаго достоинства или, скорѣе, того промысла, которымъ они занимаются. Прежде всего, всѣ регулярные граждане дѣлятся на двѣ гильдіи: къ первой относятся всѣ крупные, знатные торговцы, доктора съ аптекарями, шкипера, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и живописцы; ко второй—всѣ мелочные торговцы и ремесленники; послѣдніе независимо отъ того, что входили въ составъ гильдіи, подраздѣлялись еще на отдѣльныя общества уже на основаніи однородности мастерства: „каждое художество или ремесло,—говоритъ регламентъ главному магистрату,—свои особые цунфты или собранія ремесленныхъ людей имѣть“. Гильдіи и цехи получили свою особую внутреннюю организацію, скопированную съ цеховой организаціи германскихъ городовъ. Каждая гильдія имѣла своихъ выборныхъ представителей—старшинъ и старостъ съ товарищами. Эти выборные должны были, по выраженію законодателя, попеченіе и стараніе имѣть обо всемъ, что до пользы гражданъ касается. Являясь органами внутренняго управленія гильдій, выборные старшины со старостами стоятъ, по мысли законодателя, въ тѣсной связи съ городскимъ магистратскимъ управленіемъ: все, что касалось гражданской пользы, городовой магистратъ долженъ былъ, по инструкціи, обсуждать со старостами и старшинами гильдій, которые, такимъ образомъ, составляли нѣчто вродѣ совѣта при магистратѣ, конечно, только съ совѣщательнымъ голосомъ. Этимъ мѣстомъ инструкціи городовымъ магистратамъ и исчерпываются всѣ опредѣленія объ организаціи гильдіи. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о томъ, какъ избирались ея представители, ни о томъ, на сколько времени они избирались. Гораздо больше останавливается законодатель на организаціи цеховъ. Слишкомъ неопредѣленныя постановленія объ этомъ предметѣ регламента главному магистрату скоро были

разъяснены и дополнены спеціальнымъ указомъ о цехахъ, за которымъ слѣдовалъ рядъ указовъ, рѣшающихъ отдѣльные вопросы по этому предмету. Въ результатѣ получилась слѣдующая организація городской ремесленной промышленности при Петрѣ Великомъ.

Каждый цехъ имѣетъ свои цеховыя собранія, своихъ представителей, — старшинъ или альдермановъ, число которыхъ зависѣло отъ „величества города и числа художниковъ“ (ремесленниковъ) цеха. Трудно сказать, были ли старшины, по смыслу опредѣленія регламента, выборными должностями; въ регламентѣ просто говорится, что „каждое ремесло свои цунфты имѣетъ, а надъ оными—альдермановъ“. Со времени указа 1722 года альдерманы были несомнѣнно избирательными должностями, избираемыми самими цехами изъ собственной среды; при этомъ, однако, ни регламентъ, ни впослѣдствіи изданные указы ничего не говорятъ о срокѣ, на который избирались эти цеховыя должностныя лица. Они избирались, понятно, изъ среды полноправныхъ членовъ цеха—мастеровъ. Обязанности альдермановъ не были исключительно только, такъ сказать, ремесленными обязанностями. Они не только вели цеховую книгу, записывали въ нее всѣхъ ремесленниковъ своего цеха, не только смотрѣли за тѣмъ, „дабы всякій свое рукодѣлье дѣлалъ добрыми мастерствы“.—но они вмѣстѣ съ тѣмъ были и административными органами правительства, его агентами, раскладывая государственныя подати и повинности и собирая ихъ. Въ томъ случаѣ, когда старшина по отношенію къ своимъ обязанностямъ „въ добрыхъ поступкахъ явится“, онъ можетъ быть, какъ бы въ награду за свое поведеніе, выбранъ не только въ члены ратуши, но и въ бургомистры.

Каждый цехъ составляется изъ членовъ двухъ категорій: членовъ полноправныхъ и неполноправныхъ; къ первымъ принадлежатъ всѣ мастера цеха, т.-е. ремесленники, имѣющіе право заниматься даннымъ ремесломъ совершенно самостоятельно и имѣть своихъ подмастерьевъ и учениковъ, которые составляютъ вторую категорію членовъ цеха, членовъ полноправныхъ. Всѣ постановленія о переходѣ членовъ второй категоріи, учениковъ и подмастерьевъ, въ первую—мастера, ограничиваются двумя только мѣстами указа, изданнаго въ апрѣлѣ 1722 года. Одно изъ нихъ говоритъ, что ученики должны находиться въ обученіи у мастера ни какъ не менѣе семи лѣтъ; только по прошествіи этого срока они получаютъ отъ мастера письменное удостовѣреніе въ знаніи своего ремесла. Можетъ ли такой, кончившій свой курсъ, ученикъ поступить прямо въ мастера, на основаніи только полученнаго имъ отъ бывшаго хозяина свидѣтеьства, или же, какъ въ западно-европейскихъ цехахъ, долженъ непремѣнно сначала пройти въ теченіе опредѣленнаго періода времени степень подмастерья,—вопросъ остается открытымъ; нужно ли, наконецъ, какое-либо испытаніе въ искусствѣ, знаніи ремесла для подмастерья, желающаго вступить въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго хозяина-мастера, точно также отвѣтить положительно нельзя, такъ какъ второе мѣсто названнаго указа, мѣсто болѣе или менѣе касающееся даннаго вопроса, говоритъ вообще, что званіе мастера можно получить лишь послѣ успѣшнаго испытанія, которое, по выраженію указа, обыкновенно производится, „какъ въ чужихъ краяхъ“. О взаимныхъ отношеніяхъ учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ другъ къ другу ни регламентъ, ни спеціальные указы о цехахъ ничего не говорятъ: они опредѣлялись, вѣроятно, или путемъ обычая, или тоже „какъ въ чужихъ краяхъ“.

Заимствуя „въ чужихъ краяхъ“ цеховую организацію, царь не дѣ-

лаетъ этого, однако, какъ говорится, зажмуря глаза: въ копіи во многихъ отношеніяхъ трудно узнать оригиналъ. Копируя болѣе или менѣе точно оригиналъ „чужихъ краевъ“ относительно самаго производства ремесла, Петръ Великій значительно отступаетъ отъ этого оригинала по отношенію къ составу ремесленниковъ, членовъ цеха. Копія далеко не представляетъ собою того замкнуто-подпольнаго характера относительно этого состава, какой носятъ цехи Германіи даже въ XVIII ст., несмотря на борьбу съ этимъ ихъ характеромъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма. Петръ Великій переносилъ къ намъ цехи во всякомъ случаѣ, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы вызвать движеніе въ ремесленной промышленности, поощрить ея развитіе, привлечь къ занятію ею возможно большее количество рукъ и силъ, а никакъ не устранять ихъ: нашъ ремесленникъ не могъ, подобно западно-европейскому, жаловаться на конкурренцію, бояться ея: какъ бы ни были малы потребности общества — рукъ, удовлетворяющихъ имъ, было еще меньше. Вотъ почему Петръ, какое бы онъ ни придавалъ значеніе цехамъ Германіи, не могъ перенести на русскую почву ихъ статутныхъ постановленій, направленныхъ къ ограниченію доступа въ составъ цеха новыхъ членовъ; онъ не могъ придать вводимымъ имъ учрежденіямъ характера замкнутой наслѣдственности, строгой монополіи. Ко всему этому, онъ не могъ не видѣть, что и въ западно-европейскомъ цехѣ эта замкнутость, монополія, терпѣлась лишь какъ зло, на борьбу съ которымъ у государства не доставало силъ, къ ограниченію которой, однако, направлялись всѣ имѣющіяся силы. Понятно, само собою, что Петръ Великій смотрѣлъ на значеніе цеховъ не глазами цеховыхъ ремесленниковъ XVIII ст., видѣвшихъ въ нихъ средство удовлетворить своимъ собственнымъ, личнымъ интересамъ, а глазами правительствъ, видѣвшихъ въ нихъ средство къ развитію промышленности. Вотъ почему нашъ великій преобразователь могъ перенести статутныя цеховыя постановленія о полицейскомъ надзорѣ за производствомъ ремеслъ, ошибочно считая ихъ, вмѣстѣ съ западно-европейскими представителями просвѣщеннаго абсолютизма, за очень дѣйствительное средство къ поощренію развитія промышленности, и не могъ сдѣлать того же самаго относительно постановленій, направленныхъ къ развитію въ цехахъ духа монополій. Если мы не встрѣчаемъ въ цеховыхъ учрежденіяхъ, введенныхъ Петромъ, полной свободы относительно вступленія въ цехъ его полноправнымъ членомъ, то это вызывалось совершенно иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ цеховой организаціей. Такою причиною ограниченія свободы вступленія въ составъ цеха является тягло — государственный характеръ всего русскаго населенія.

Указъ 1722 года выставляетъ, какъ основное положеніе, что въ цехи, „вѣчно или временно“, записываются „ремесленники всякихъ художествъ“ — все равно, принадлежатъ ли они къ русскимъ подданнымъ или нѣтъ; при этомъ русскіе подданные, вступающіе въ цехъ, могутъ быть людьми „всякихъ чиновъ“, не исключая и владѣльческихъ крестьянъ, котарые, однако, должны для этого представить старшинѣ цеха отпускныя письма отъ помѣщиковъ или приказчиковъ; при чемъ послѣдніе вписываются въ цехи, при условіи согласія своихъ помѣщиковъ, только въ томъ случаѣ, если они работаютъ не на однихъ своихъ владѣльцевъ, но и на сторону, т.-е. на продажу. Принимаются въ цехи и „отставные драгуны, солдаты, матросы“, если занимаются какимъ-либо ремесломъ. Такимъ образомъ, единственнымъ препятствіемъ для вступленія въ цехъ

была принадлежность къ какому-либо тяглому сословію: крестьянинъ, напр., не могъ вполнѣ свободно вступить въ цехъ, такъ какъ съ момента поступленія въ него онъ дѣлался" регулярнымъ гражданиномъ входилъ въ составъ сословія, несшаго свое тягло и тѣмъ самымъ переставалъ быть членомъ крестьянской крѣпостной общины, чѣмъ нарушалъ интересы своего владѣльца, согласіе котораго на такой переходъ, поэтому, необходимо. По этой же причинѣ не могли уже вовсе вступать въ цехи служилые люди: это повело бы за собою нарушеніе государственныхъ интересовъ. Тѣ же самыя мѣры принимались и вообще относительно поступленія въ „регулярные граждане", въ составъ которыхъ могли входить всякихъ чиновъ люди, исключая служилыхъ, жившихъ въ городахъ; этого чина люди не могли записываться на посадѣ и заниматься какою бы то ни было отраслью промышленности; всякаго рода владѣльческіе крестьяне могли быть „написаны въ посадѣ" и заниматься всякаго рода промыслами при условіи несенія двойного тягла: помѣщичьяго и посадскаго. Относительно же всякаго рода разночинцевъ, инструкція, изданная въ 1724 году въ руководство городовымъ магистратамъ, при пріемѣ ихъ въ посады, предписываетъ руководиться постановленіями Уложенія 1649 года и изданнымъ послѣ него указовъ. Это послѣднее постановленіе идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ новымъ направленіемъ, которое высказывается въ началѣ XVIII столѣтія, послѣ изданія въ 1719 году указа о ревизіи и введеніи подушной подати, и согласно съ которымъ для того, чтобы принадлежать къ сословію посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, достаточно заниматься какимъ-либо промысломъ и платить подушное; владѣніе же недвижимой собственностью перестало быть conditio sine qua non принадлежности къ сословію посадскихъ. Въ параллель только что приведенному опредѣленію мы имѣемъ указъ отъ 1723 года, которымъ „пришлымъ изъ-за рубежа людямъ разныхъ мастерствъ", живущимъ даже „въ чужихъ дворахъ", дозволяется записываться въ цехи и, стало быть, входить въ составъ регулярныхъ гражданъ и числиться „для платежа подушныхъ денегъ" вмѣстѣ съ другими посадскими. Такія противорѣчія, соединенія, повидимому, совершенно несоединимыхъ постановленій совершенно понятны въ лихорадочной законодательной дѣятельности Петра Великаго.

Переходы изъ регулярныхъ гражданъ въ какое либо другое сословіе, напр., въ крестьяне или такъ называемые закладчики, былъ невозможенъ и опять въ видахъ все тѣхъ же государственныхъ интересовъ: переходя въ крестьяне, регулярный гражданинъ eo ipso переставалъ нести посадское государственное тягло.

Цехи, введенные Петромъ, не пользовались правомъ принудительнаго присоединенія къ цеху всякаго горожанина, занимающагося ремесломъ: указъ 1722 года, говоря о записываніи въ цехи „ремесленниковъ всякихъ художествъ", категорически прибавляетъ—„а въ неволю не принуждать"; слѣдовательно, ремесленникъ могъ заниматься ремесломъ и не входя въ составъ цеха. Такіе ремесленники, какъ опредѣлено было, не больше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ изданія упомянутаго указа, могли свободно заниматься своимъ ремесломъ, но только не для продажи.

Нужно ли говорить, что и въ этой формѣ цехи никакъ не могли послужить къ развитію ремесленной промышленности; они, наоборотъ, тормозили ее, но тормозили во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ отжившіе свое время западно-европейскіе цехи: во-первыхъ, какъ мы видѣли, регламентація законодательная касается лишь способовъ производства ремеслен-

ныхъ работъ; а во-вторыхъ, и въ этой формѣ цехи едва ли существовали въ огромномъ большинствѣ тогдашнихъ городовъ. Они могли существовать въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ и въ то время пришлый, иностранный ремесленно-промышленный элементъ былъ достаточно развитъ, и гдѣ самыя потребности были разнообразнѣе и сложнѣе, а потому могли вызвать по каждому ремеслу достаточное количество ремесленниковъ для того, чтобы они могли составить цехъ. Едва ли можно сказать это объ остальныхъ городахъ того времени, общественная жизнь которыхъ едва ли была настолько сложна, чтобы по каждому существующему въ городѣ ремеслу могло существовать количество мастеровъ, достаточное для образованія цеха. Наконецъ, прибавимъ ко всему этому еще и то обстоятельство, что даже тамъ, гдѣ цехи дѣйствительно были учреждены, они мало измѣняли de facto положеніе дѣлъ: можно смѣло думать, что полицейская сторона цеховыхъ постановленій оставалась болѣе или менѣе мертвой буквой, обратившись въ пустую формальность, которая давала лишь возможность всякаго рода злоупотребленіямъ, напр., при клейменіи ремесленныхъ работъ цеховымъ альдерманомъ, обратившимъ эту сторону своей должности въ доходную статью для себя. Но цеховая организація, какъ уже было замѣчено, имѣла другую сторону — государственно-административную: она стояла въ тѣсной связи съ городскимъ финансово-тяглымъ устройствомъ вообще: цеховые альдерманы и старосты со своими товарищами были вмѣстѣ съ тѣмъ и государственно-административные органы, и при этомъ послѣдняя сторона въ дѣятельности едва ли не преобладала надъ первой.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, вводя магистратское городовое устройство, вводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новую организацію самого городского торгово-промышленнаго населенія, не затруднившись установить такія группы въ этомъ населеніи, которыхъ, за исключеніемъ развѣ какого-либо единичнаго представителя, въ дѣйствительности и не существовало. Но вся эта система, стоившая преобразователю не малыхъ трудовъ и заботъ, рушилась вмѣстѣ съ его смертью.

XLV. Учрежденіе регулярныхъ войскъ и устройство ихъ содержанія.

(*По соч. Бобровскаго: «Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ», часть 2-я*).

Спустя годъ послѣ „Собора", уничтожившаго мѣстничество, въ селѣ Преображенскомъ явились потѣшные бомбардиры, сотоварищи одиннадцатилѣтняго Петра. Съ присоединеніемъ къ нимъ стрѣльцовъ Сухарева и солдатъ 2-го выборнаго (расположеннаго на Бутыркахъ) полковъ, въ 1687 году устроены были два полка, Преображенскій и Семеновскій, и при нихъ два отдѣленія бомбардировъ, по 50 человѣкъ въ каждомъ. Въ солдаты шли теперь не одни обѣднѣвшіе и безпомѣстные дворяне и дѣти боярскіе, но и дѣти богатыхъ московскихъ вельможъ. Таково, говорятъ, было начало постояннаго войска въ Россіи. Но въ этомъ смыслѣ постоянное войско въ Россіи образовано было еще Іоанномъ Грознымъ. Постояннымъ войскомъ были стрѣлецкіе московскіе полки и стрѣлецкіе приказы

въ другихъ городахъ, да два выборныхъ московскихъ полка, составлявшихъ родъ гвардіи. Къ выборнымъ, въ 1687 году, присоединены Преображенскій и Семеновскій полки съ бомардирами; начальниками и офицерами во всѣхъ четырехъ полкахъ были иноземцы. Эти четыре полка были единственно надежнымъ войскомъ въ послѣднее десятилѣтіе XVII столѣтія. Но опять-таки и не здѣсь начало образованія регулярныхъ войскъ. Много труда положено на обученіе этихъ четырехъ постоянныхъ полковъ, составлявшихъ въ сложности 140 ротъ. Еще Гордонъ, назначенный, въ 1687 году (послѣ Бюста), командиромъ 2-го выборнаго полка, извѣстнаго подъ именемъ Бутырскаго, ввелъ въ своемъ полку строгій воинскій порядокъ и производилъ тщательно обученіе солдатъ и офицеровъ на Бутыркахъ, сообразно новѣйшимъ усовершенствованіямъ тактики. Въ занятіяхъ солдатъ на учебномъ плацу юный Петръ I принималъ дѣятельное участіе съ 1869 года. Въ отношеніи образованія солдатъ, кромѣ Гордона, особенную услугу Петру I оказалъ генералъ и адмиралъ Францъ Лефортъ, который въ 1692 году, былъ назначенъ командиромъ 1-го выборнаго полка, а съ этою должностью соединялось главное начальство надъ четырьмя полками. Лефортъ настаивалъ на необходимости постоянныхъ упражненій въ строю офицеровъ и солдатъ. Разбросанное размѣщеніе офицеровъ и солдатъ по всему городу препятствовало стремленію Лефорта къ утвержденію дисциплины. И весною 1693 г., за рѣкою Яузою, была уже выстроена слобода въ 500 домовъ (гдѣ нынѣ Лефортовская часть) и въ ней находился домикъ (la maison de plaisance), въ которомъ Петръ I проводилъ по нѣсколько часовъ сряду, слѣдя за производствомъ строевого обученія солдатъ и офицеровъ. Не довольствуясь ученіемъ на плацу, въ чемъ солдаты Лефортова полка „сдѣлали большіе успѣхи", Петръ производилъ маневры. Маневры 1694 года подъ Кожуховымъ записаны въ исторію, какъ небывалое явленіе. По возвращеніи изъ своего путешествія по Европѣ, Петръ I, на первомъ же ученіи, 27 августа, которое онъ произвелъ на третій день, замѣтилъ, что имъ недостаетъ многаго, чтобы можно было ихъ назвать настоящими воинами.

Послѣ поголовнаго суроваго наказанія четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, слѣдующими мѣрами обнаружена рѣшимость Петра I къ образованію „настоящаго", по его собственному выраженію, регулярнаго войска. Осенью 1699 года, 16 московскихъ полковъ были раскассированы, съ назначеніемъ стрѣльцовъ съ женами и дѣтьми въ посадскихъ, 24000 солдатъ Бѣлгородскаго полка обращены въ землепашцевъ, съ обязанностью платить подати, по рублю съ каждаго двора, генералу Головину, бригадиру Вейде и годполковнику князю Рѣпину было поручено сформировать три дивизіи, по 9 полковъ въ каждой, изъ даточныхъ людей всего Московскаго государства, изъ охочихъ людей и боярскихъ слугъ города Москвы. Этотъ наборъ произведенъ былъ на старыхъ основаніяхъ, по одному съ опредѣленнаго числа дворовъ, причемъ допущены были и охотники—„охочіе люди", „волонтеры".

Первые усердные сотрудники Петра I и, можемъ сказать, первые его серьезные руководители въ обученіи войскъ, не дожили до начатыхъ реформъ арміи въ 1699 году. Оба заслуженные генерала умерли въ 1699 году: Лефортъ въ мартѣ, Гордонъ въ декабрѣ, и обоимъ были оказаны высокія почести въ присутствіи самого государя. Но Петръ съ дѣтства привыкъ находить нужныхъ ему помощниковъ. Адамъ Адамовичъ Вейде составилъ, въ 1698 году, „Воинскій Уставъ" по нѣмецкимъ импер-

скимъ законамъ, въ которомъ опредѣлены должности всѣхъ чиновъ и званій въ арміи и даны правила („артикулы") для строевого ученья. Артамону Артамоновичу Головину опредѣлено было заняться обученіемъ фронтовому ученію офицеровъ и солдатъ по „артикуламъ". Эти воинскіе артикулы коротки: а) „мушкетъ на плечо", б), мушкетъ передъ себя", в) мушкетъ на караулъ" и т. д. Далѣе „съ багинетомъ", „вынимай башнетъ", „прикладывай къ дулу", „примыкай"; далѣе „стрѣльба плутонгами": „здвоить плутонгами (поправка рукою царя) шеренги и, здвоя, раздѣлить на 8 плутонговъ или частей, и велѣть первой шеренгѣ припасть на колѣни, а двумъ заднимъ приступить къ ней, такъ, чтобы возможно было стрѣлять и другъ друга не повредить".

Командирами 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полковъ были назначены исключительно иноземцы, изъ числа командовавшихъ полками солдатскаго строя; въ должности офицеровъ опредѣлены иноземные офицеры, бывшіе въ распоряженіи иноземнаго приказа, частью же русскіе изъ двухъ выборныхъ, Преображенскаго и Семеновскаго, полковъ. Строй полковъ, обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе солдата, равно продовольствіе войскъ даны во всѣхъ отношеніяхъ по нѣмецкому образцу. И тогда уже положено начало устройству коммиссаріатской и провіантской частей. съ назначеніемъ въ новыя должности князя Якова Долгорукова и окольничаго Языкова.

Дѣло устройства регулярной пѣхоты, начатое съ такимъ успѣхомъ въ январѣ 1700 года было разстроено войною съ Карломъ XII. Въ снабженіи войска продовольствіемъ оставались прежнія основанія.

Въ три мѣсяца невозможно было обучить солдатъ, тѣмъ болѣе, что многіе офицеры не охотно относились къ своимъ обязанностямъ, были „гуляки великіе, и въ строю многажды были тростью биты".

На сторонѣ Карла XII, который явился подъ Нарву съ 8500 человѣкъ войска, было превосходство въ искусствѣ и опытности солдатъ и офицеровъ. Въ пылу первой неудачи дисциплина въ русскихъ войскахъ исчезла; въ страшномъ озлобленіи солдаты бросились на своихъ офицеровъ-иноземцевъ и начали бить ихъ. Видя это, главнокомандующій Дюкъ-де-Круа закричалъ: „Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами"— бросился бѣжать съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ шведамъ. Отъ нарвскаго пораженія уцѣлѣла только половина арміи, а именно 23000, которые отступили въ „конфузіи". Вся новоустроенная артиллерія была потеряна, въ плѣнъ попали всѣ начальники и многіе офицеры.

Самъ Петръ I оправдывалъ неудачу молодымъ составомъ арміи. „Все это дѣло,—записано въ „Дневникѣ" Петра,—было яко младенческое изданіе, и искусства ниже вида".

Полное пораженіе арміи, въ которой были не одни рекруты, но и старое войско—помѣстная конница и рейтары—удвоило энергію Петра I. Негодность конницы побудила его немедленно сформировать, въ 1701 г., 10 драгунскихъ полковъ, каждый въ 1,000 человѣкъ (кромѣ 2-хъ, сформированныхъ въ 1700 г.). Новые полки были посланы во Псковъ и вошли въ составъ арміи фельдмаршала Бориса Шереметева. Въ солдаты, до 1705 года, вообще поступали даточные люди и вольница. Драгунскіе же полки формировались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ полковой службы и изъ рейтаръ, и люди обязаны были служить на собственный счетъ. Гарнизонные полки составились частью изъ городовыхъ стрѣльцовъ, частью же изъ поселенныхъ драгунъ и солдатъ.

На пятый годъ Сѣверной войны, военныя и политическія обстоя-

тельства вынудили Петра I къ рѣшительнымъ мѣрамъ по устройству регулярной арміи, согласно плану, начертанному еще въ 1699 году.

Ранѣе этого плана не удалось привести въ исполненіе, вслѣдствіе пораженія войскъ подъ Нарвою, гдѣ на половину были уничтожены только-что сформированные регулярные полки пѣхоты. Несмотря на нѣкоторые успѣхи, достигнутые въ 1704 г. въ Ингерманландіи и въ части Лифляндіи, русская армія была далеко не устроенною, и по своему состоянію не представлялась надежною для наступательныхъ дѣйствій. Послѣ Нарвы, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, Петръ I чувствовалъ необходимость усиленнаго призыва на русскую службу иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, искусныхъ и опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ.

Изыскивая всевозможные способы для увеличенія денежныхъ средствъ государства, чтобы устроить правильное снабженіе арміи, особенно продовольствіемъ, Петръ I, съ начала 1705 года, энергически принялся за устройство арміи по плану фельдмаршала-лейтенанта Огильви. Этотъ опытный генералъ, поступивъ на русскую службу въ 1704 году, принялъ начальство надъ русскою арміею, дѣйствовавшею подъ Нарвой, и осенью того же года представилъ Петру свои соображенія, какъ лучше устроить шестидесяти-тысячную армію, расположенную на зимнихъ квартирахъ въ Литвѣ и Лифляндіи, чтобы имѣть возможность перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Чтобы предпринять наступательныя дѣйствія противъ Карла XII, согласно съ договоромъ между Петромъ I и королемъ польскимъ Августомъ II, Огильви признавалъ необходимымъ: 1) усилить пѣхотные и конные полки, такъ чтобы по числу людей они равнялись непріятельскимъ: въ драгунскомъ имѣть по 12 ротъ, по 100 чел. въ каждой, въ пѣхотныхъ — по 150 человѣкъ; конные полки должны быть въ шести-эскадронномъ составѣ (12 ротъ), пѣхотные — въ двухъ-баталіонномъ — по 600 человѣкъ на баталіонъ; 2) пѣхотѣ раздать ружья одинаковаго калибра; недостатокъ въ мундирахъ, боковомъ (холодномъ) ружьѣ, сумахъ и проч. немедленно исправить; 3) учредить полевую артиллерію съ искусными офицерами; завести понтоны; 4) все изготовить къ будущему марту; 5) испорченную при осадѣ Нарвы артиллерію перелить; 6) отставить при войскѣ чрезмѣрное количество походныхъ телѣгъ, которыя затрудняютъ движеніе арміи и могутъ служить къ пагубѣ ея; 7) призвать искуснѣйшихъ офицеровъ: множество неспособныхъ, какой бы націи ни были, уволить; 8) наконецъ, довѣрить главную команду одному лицу". Въ мартѣ 1705 г. Огильви представилъ царю, при письмѣ, „Начертаніе и порядокъ въ арміи по иноземческому обычаю".

Предложенія Огильви были приняты, но не во всѣхъ частяхъ. Онъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ, недостатокъ офицеровъ не былъ устраненъ, часть продовольственная оставалась неустроенною, а, между тѣмъ, войска обремены были большими обозами.

Главный штабъ дѣйствующей арміи, въ числѣ 40000 пѣхоты и 20000 конницы, съ 3000 пушекъ и мортиръ, составляли: генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильви и генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, генералъ отъ инфантеріи князь Рѣпнинъ, генералъ отъ кавалеріи принцъ Александръ, то-есть Меньшиковъ; въ пѣхотѣ два генералъ-лейтенанта, восемь генералъ-маіоровъ, бригадиръ; въ кавалеріи два генералъ-лейтенанта, четыре генералъ-маіора; при артиллеріи генералъ Брюсъ; четыре генералъ-адъютанта; генералъ-квартирмейстеръ съ двумя оберъ-квартирмейстерами; генералъ-аудиторъ съ двумя помощниками; оберъ-вагенмейстеръ штаба; капитанъ надъ вожатыми съ командою 24 человѣкъ; два

полевыхъ штабъ-доктора; два полевыхъ цирюльника съ шестью помощниками; аптекарь съ двумя помощниками; генералъ-гевальдигеръ. Полки пѣхотные и кавалерійскіе состояли изъ чиновъ полкового штаба и военныхъ людей; въ штабѣ каждаго полка были: полковникъ, подполковникъ, маіоръ, квартирмейстеръ, секретарь, священникъ, адъютантъ, фельдшеръ съ четырьмя помощниками и профосъ; военными людьми въ ротахъ названы: капитаны, поручики, прапорщики, сержанты (въ кавалеріи вахмистры), подпрапорщики, фурьеры, ротные писаря, капралы, ефрейторы, барабанщики, деньщики и рядовые (въ кавалеріи еще сѣдельники и кузнецы).

Въ основаніи устройства и состава арміи принятъ французскій боевой порядокъ (ordre de bataille), въ то время упрочившійся въ западной Европѣ. Пѣхота располагалась въ двѣ линіи, побригадно (по 5 и 6 полковъ въ бригадѣ); каждой линіей командовалъ генералъ-лейтенантъ, а каждой бригадой—генералъ-маіоръ; конница располагалась по флангамъ, пѣхота въ каждой линіи; каждое крыло конницы было подъ командою генералъ-лейтенанта, каждая линія (изъ 4 полковъ) подъ командою генералъ-маіора.

Петръ I, руководствуясь своими соображеніями, или, можетъ быть, обычаемъ, существовавшимъ на Западѣ, назначилъ двухъ главныхъ начальниковъ — одного надъ пѣхотою, а другого надъ конницею. Огильви былъ назначенъ начальникомъ пѣхоты, а начальникомъ драгунъ, послѣ сосредоточенія арміи въ Гроднѣ, князь Меньшиковъ. И это двоевластіе вело къ большимъ безпорядкамъ и пререканіямъ. Шереметева пришлось послать съ отдѣльною частью арміи сначала въ Курляндію, а потомъ въ Астрахань, для усмиренія новаго бунта, затѣяннаго стрѣльцами

Въ началѣ 1705 года установленъ наборъ рекрутъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ новый призывъ на русскую службу иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, преимущественно изъ Саксоніи. Въ началѣ лѣта 1705 года укомплектованная армія, въ числѣ до 60000 чел., сосредоточена въ Полоцкѣ, гдѣ и представилась Петру I въ такомъ блестящемъ видѣ, по словамъ иностранныхъ офицеровъ, пріѣхавшихъ въ Москву, что „не было лучшей арміи ни въ одной нѣмецкой землѣ“.

Иноземные генералы, которые поступили на службу, встрѣчая недружелюбный пріемъ со стороны Меньшикова, Головина, Рѣпнина и другихъ сотрудниковъ (министровъ) Петра I, одинъ за другимъ оставляли русскую службу; бросилъ службу, до истеченія трехъ лѣтъ, и Огильви. Онъ не могъ переносить безпрерывныхъ оскорбленій и даже затрудненій въ своихъ распоряженіяхъ, особенно со стороны Меньшикова. Однимъ словомъ — въ началѣ 1708 года, въ самую критическую минуту, когда Карлъ XII приступалъ къ исполненію своего замысла, чтобы нанести Петру I рѣшительный ударъ, въ русской арміи не осталось ни одного изъ опытныхъ иностранныхъ генераловъ; русскіе же старшіе генералы, вытѣснивъ нѣмцевъ, ссорились между собою и другъ другу дѣлали непріятности. Эти обстоятельства напоминаютъ старое зло — мѣстничество, борьбу между военачальниками изъ-за старшинства, отчего въ XVI и XVII ст. происходило столько неудачъ и пораженій.

Недостатокъ въ офицерахъ, особенно же въ офицерахъ знающихъ и опытныхъ, повидимому, не могъ быть устраненъ тѣми способами, которыми до сихъ поръ пользовался Петръ I, приглашая на службу иноземцевъ за опредѣленное жалованье. Очевидно, было нужно въ самой Россіи создать способы для подготовки офицеровъ посредствомъ образо-

ванія для нихъ школъ, подобныхъ устроеннымъ Людовикомъ XIV, и это важное дѣло приходилось откладывать Петру I до болѣе благопріятнаго времени. При недостаткѣ же знающихъ офицеровъ, образованіе молодыхъ солдатъ шло неудовлетворительно; оттого такъ трудно было поддерживать военный порядокъ и укоренять дисциплину въ войскахъ. Обученіе солдатъ строю велось по новому „Воинскому Уставу", составленному согласно со шведскимъ и изданному въ 1702 году. Прежній уставъ значительно былъ упрощенъ, и царь требовалъ, чтобы войска обучались даже въ короткіе промежутки перерыва военныхъ дѣйствій. Но по недостатку знающихъ и опытныхъ офицеровъ образованіе войскъ не могло стоять на высокой степени; особенно малонадежными въ боевомъ отношеніи были полки, составляемые исключительно изъ рекрутъ (напримѣръ, въ Смоленскѣ, въ 1706 году, когда почти вся русская армія была заперта въ Гроднѣ).

Пѣхота, по всѣмъ отзывамъ современниковъ, оставалась лучшимъ войскомъ въ арміи Петра I: „Имѣй солдаты навыкъ къ войнѣ, будь во главѣ ихъ хорошіе офицеры, они явились бы непріятелемъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ полагаютъ сосѣди". Двѣ трети людей вооружены были фузеями съ багинетами, а остальная треть пиками (копьями) и шпагами. Послѣ Нарвскаго пораженія, Голландія отказалась ввозить ружья, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе Швеціи. Приходилось развить способы заготовки ружей въ Россіи; ружья, которыя имѣлись въ пѣхотѣ, были разнообразнаго калибра; заготовкою новыхъ ружей занимались оружейники, выписанные изъ курфюршества Пфальцскаго. Не было однообразія также въ обмундированіи: однѣ части пѣхоты были одѣты щеголевато, другія—весьма посредственно.

Драгуны были наиболѣе неудовлетворительнымъ войскомъ въ боевомъ и административномъ отношеніи; они комплектовались частью изъ московскихъ чиновъ и городовыхъ дворянъ, частью же изъ слугъ господскихъ.

Дворяне и землевладѣльцы обязаны были отправлять службу на собственный счетъ. Драгунамъ же, не имѣвшимъ собственныхъ средствъ, опредѣлено было незначительное жалованье. Драгуны строились въ три шеренги и были вооружены палашами, фузеями, пистолетами и топорами. Въ 1705 году драгунскихъ полковъ было только 16; черезъ годъ это число почти удвоено. Наскоро сформированная кавалерія была въ плохомъ состояніи. Главнымъ начальникомъ драгунъ, съ лѣта 1705 года, былъ князь Меньшиковъ. Еще въ началѣ 1706 г. Огильви жаловался Петру I на безчинства, совершенныя драгунами въ окрестностяхъ Гродно. Можетъ быть, это обстоятельство побудило Петра I предписать Меньшикову о составленіи для драгунъ особаго военно-уголовнаго устава.

Напольная (полевая) или походная артиллерія дѣлилась на полковую и главную; первая состояла изъ 3-хъ фунтовыхъ пушекъ, которыхъ полагалось по двѣ на батальонъ, въ каждомъ же драгунскомъ полку придано было по одной гаубицѣ; главную артиллерію составляли: бомбардирская рота (4 пушки шестифунтовыхъ и шесть мортиръ) и артиллерійскій полкъ, который дѣлился на 6 канонирскихъ ротъ; въ составъ артиллерійскаго полка входили минерная, понтонная и инженерная роты. Артиллерія вообще была въ хорошемъ состояніи по тому времени, солдаты имѣли навыкъ для дѣйствія изъ орудій. Главнымъ ея недостаткомъ была малая подвижность. Съ начала кампаніи артиллерія, какъ и вообще всѣ тяжести, перевозилась по старому обычаю на лошадяхъ, поставляе-

мыхъ земствомъ. Кромѣ того, для службы въ артиллеріи ставились даточные. Но въ 1705 году значительная часть подводчиковъ разбѣжалась, что̀ дало Петру I основаніе обратить эту натуральную повинность земства въ денежную и образовать подводчиковъ для полковъ и артиллеріи изъ набираемыхъ рекрутъ. Такъ разрѣшилъ государь важный вопросъ, и это рѣшеніе непосредственно повліяло на подвижность артиллеріи и приспособленіе впослѣдствіи русскихъ войскъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Перевозка тяжестей на театръ военныхъ дѣйствій производилась на вольнонаемныхъ подводахъ. Сборомъ денегъ на наемъ подводъ подъ артиллерійскіе припасы завѣдывалъ ямской приказъ.

Главнѣйшіе недостатки, отъ которыхъ погибали нерѣдко цѣлыя арміи въ XVII столѣтіи, отсутствіе правильной системы продовольствія войскъ и злоупотребленія, а также безпорядочность въ способахъ снабженія, оставались въ силѣ и въ первые годы Сѣверной войны. Послѣдствіемъ безпорядковъ и злоупотребленій были побѣги, весьма распространенные въ русской арміи въ компаніяхъ 1704—1708 г., и грабежи, въ которыхъ принимали участіе даже офицеры.

Военные историки причину неудачъ ищутъ иногда не тамъ, гдѣ слѣдуетъ: случается, что пораженіе войскъ они приписываютъ неисполненію какой-нибудь стратегической комбинаціи; между тѣмъ, причина неудачи произошла отъ деморализаціи солдатъ и офицеровъ, вслѣдствіе допущенныхъ безпорядковъ и неустройства войскъ. Деморализаціей войскъ противника полководецъ обыкновенно и пользуется, не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ. Любопытный въ этомъ отношеніи фактъ представляетъ намъ судьба русскаго вспомогательнаго войска, посланнаго въ числѣ десяти тысячъ пѣхоты и пяти тысячъ казаковъ въ іюнѣ 1704 г., для содѣйствія польскому королю Августу II въ Саксоніи (согласно Варшавскому договору 1 октября 1703 г.). Вслѣдствіе безпорядочнаго продовольствія войскъ на пути изъ Кіева въ Соколь, въ два или три мѣсяца, разбѣжалось по пути болѣе одной трети солдатъ и казаковъ, и въ Соколѣ Августу II представилось на смотру не болѣе 6—7 тысячъ пѣхоты и 3000 казаковъ.

Каждый годъ дѣлались наборы, среднимъ числомъ до 30000 человѣкъ, и каждый годъ убывала значительная часть людей, вслѣдствіе безпорядочнаго веденія хозяйства въ войскахъ и неустройства продовольственной части.

Съ 1705 по 1709 г. собрано было 175000 рекрутъ, но изъ этого числа погибло отъ неурядицы, бѣжало и убыло въ дѣлахъ не менѣе $^{1}/_{3}$. Много рекрутъ погибло, не достигнувъ мѣста назначенія. И это крупное зло не удавалось устранить Петру I никакими строгостями.

Между тѣмъ, Петръ I, находясь въ Москвѣ и будучи озабоченъ заготовкою денегъ и исправнымъ снабженіемъ своихъ войскъ жалованьемъ и кормомъ, долженъ былъ вникнуть въ балансъ доходовъ и расходовъ, для чего потребовалъ отчета отъ всѣхъ управленій и, найдя, что несмотря на удвоеніе налоговъ за послѣдніе годы, доходы замѣтно уменьшились, назначилъ коммиссію, которой поручилъ изслѣдовать причины такого уменьшенія и доложить ему о нихъ.

Здѣсь собственно и заключается завязка дальнѣйшихъ, рѣшительныхъ преобразованій государственнаго устройства, начало которыхъ было положено: учрежденіемъ сената въ февралѣ, образованіемъ военнаго коммиссарства въ іюнѣ и начертаніемъ регламента кригсъ-коммиссаріату, въ декабрѣ 1711 года. Оказывается, что болѣе правильную систему доволь-

ствія войскъ Петру I удалось устроить не ранѣе, какъ спустя два года послѣ Полтавской побѣды, и что ближайшимъ основаніемъ къ установленію штатовъ для арміи 1711 года и для артиллеріи 1712 года послужили собранныя въ 1707, 1708 и 1710 годахъ свѣдѣнія о получаемыхъ доходахъ. Находясь въ Петербургѣ, Петръ I въ январѣ 1711 года приказалъ министрамъ ближней канцеляріи, по пріѣздѣ ихъ въ Москву, привести въ исполненіе планъ довольствія войскъ по даннымъ табелямъ, которыя и были утверждены государемъ 19 февраля 1711 года, а черезъ три дня, 22 февраля 1711 года, вмѣстѣ съ объявленіемъ манифеста о войнѣ съ турками, данъ именной указъ объ учреждени правительствующаго сената и объ упраздненіи разряднаго приказа.

Высшее административное управленіе войсками раздѣлено между правительствующимъ сенатомъ, генералъ-кригсъ-коммиссаромъ и генералъ-фельдцехмейстеромъ, весь контроль расходовъ на армію и флотъ сосредоточенъ въ ближней канцеляріи. Для производства же снабженія войскъ продовольствіемъ, обмундированіемъ и припасами, въ томъ же 1711 году, во-первыхъ—учреждено „коммиссарство при войскѣ“ 31 іюня, и во-вторыхъ—данъ „регламентъ кригсъ-коммиссаріату“ 10 декабря.

Такъ положены были Петромъ I основанія устройства системы продовольствія войскъ на тѣхъ же общихъ началахъ, какія установились въ цесарскихъ земляхъ, а здѣсь руководствовались французскими ордонансами, причемъ генералъ-кригсъ-коммиссару подчиненъ введенный въ томъ же году институтъ „аудиторовъ“, какъ представителей органовъ военно-судебной власти въ войскахъ, а равно „фискалы“, учрежденные еще ранѣе.

Дѣйствующую или полевую армію составляли: пѣхоту—2 гвардейскихъ, 52 пѣхотныхъ полка; кавалерію—34 драгунскихъ полка и генеральный эскадронъ графа Шереметева; артиллерію—1 бомбардирская рота, 6 канонирскихъ ротъ, 1 минерная рота, 25 инженеровъ, 36 понтонеровъ и 6 петардистовъ. По границамъ же и внутри государства, въ 8 губерніяхъ, расположены были гарнизонные полки: 2 драгунскихъ (въ Воронежѣ и Казани) и 40 пѣхотныхъ. Образованіе сихъ послѣднихъ было начато въ 1702 году частью изъ бывшихъ полковъ „солдатскаго строя“, частью же изъ стрѣльцовъ. Всего, со включеніемъ артиллеріи (по штату 1712 года), числилось въ войскахъ до 175000 человѣкъ, 10000 обозныхъ и до 43000 каваллерійскихъ лошадей. На содержаніе всѣхъ войскъ, т.-е. гвардіи, артиллеріи, арміи и гарнизоновъ, опредѣлялось, по штатамъ 1711 года, въ сложности до четырехъ милліоновъ рублей ежегодно.

Деньги на жалованье пѣхотѣ и конницѣ собирали со всего народонаселенія; съ этою цѣлью къ каждой изъ 8 губерній было приписано опредѣленное число полковъ пѣхоты и конницы, губерніи раздѣлены на доли, по 5536 дворовъ въ каждой долѣ.

Артиллерія имѣла особое самостоятельное управленіе—артиллерійскую канцелярію и артиллерійскій приказъ, во главѣ котораго былъ фельдцехмейстеръ Брюсъ; на содержаніе 3326 артиллеристовъ и инженеровъ полагалось 209928 рублей, каковыя деньги назначены изъ сбора податей съ купцовъ и государственныхъ крестьянъ. Матеріальная и техническая части артиллеріи улучшены и приведены къ однообразію. Офицеры поставлены однимъ чиномъ (на одинъ градусъ) выше армейскихъ. На продовольствіе войскъ поступали продукты отъ жителей частью въ натурѣ, частью же деньгами, и эти издержки народонаселенія принимались въ зачетъ ихъ податей. Всѣмъ чинамъ арміи назначенъ опредѣленный

окладъ порцiоновъ и рацiоновъ. Солдаты получали порцiоны и фуражъ въ натурѣ, офицеры же—деньгами; по разсчету стоимости опредѣленнаго числа порцiоновъ и рацiоновъ приняты въ основанiе оклады имперскихъ войскъ.

Обезпечивъ войска содержанiемъ—жалованьемъ и кормомъ, установивъ опредѣленный порядокъ (по губернiямъ) въ распредѣленiи денегъ на жалованье войскамъ, устроивъ продовольствiе и снабженiе ихъ порохомъ и огнестрѣльными припасами, положивъ основанiе нѣкоторымъ школамъ для образованiя изъ русскихъ нужныхъ государству практиковъ-спецiалистовъ и намѣтивъ объединенiе высшаго центральнаго военнаго управленiя въ военной коллегiи (уже проектированной),—Петръ Великiй закончилъ въ 1716 году первоначальное устройство сухопутныхъ вооруженныхъ силъ государства обнародованiемъ своего знаменитаго „Устава Воинскаго", который составленъ по иностраннымъ матерiаламъ, при его непосредственномъ участiи и притомъ не вдругъ, а постепенно.

XLVI. Изъ воинскаго устава.

Божьею милостью, мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ всероссiйскiй и проч. и проч.

Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ блаженной и вѣчной памяти достойный родитель нашъ учредилъ регулярное войско въ 1647 г. Въ то же время изданъ былъ воинскiй уставъ, которымъ войско наше приведено было въ хорошее состоянiе. Доказательствомъ тому служатъ славныя дѣла въ Польшѣ. Благодаря такому только состоянiю войска, была покорена почти вся Польша, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно было веденiе войны со Швецiею.

При усиливавшемся влiянiи свѣта науки военное дѣло, однако же, не только не улучшалось, но приходило въ состоянiе чуть-ли не худшее. Войско наше не могло стать въ ровень съ войсками не только цивилизованныхъ странъ, но и странъ дикихъ, силу которыхъ сломить весьма легко. Свѣжа память, какъ недавно еще войска наши не съумѣли противостать врагу (не говоря о Чигиринѣ и Крымскихъ походахъ) какъ въ войнѣ съ Турками, такъ и позже, въ битвѣ при Нарвѣ.—Условiя измѣнились впослѣдствiи, когда войско приведено было въ надлежащее состоянiе. Оно при помощи Божьей совершило великiя дѣла и показало громадный успѣхъ въ столкновенiи съ славнымъ и цивилизованнымъ народомъ; а это, какъ понятно каждому, произошло единственно благодаря хорошей дисциплинѣ, заведенной въ немъ.—Очевидно, все недисциплинированное и дикое достойно осмѣянiя, и понятно, что отъ обычаевъ дикарей ничего путнаго ожидать нельзя.

Въ виду указаннаго, мы сочли за благо издать воинскiй уставъ, опредѣляющiй обязанности каждаго чина. Никто не въ правѣ отказываться невѣдѣнiемъ того, что усилiями нашими составлено.

Въ издаваемомъ уставѣ излагается вкратцѣ все существенное, имѣющее отношенiе къ волонтерамъ, къ артиллерiи, къ кордерезерву, къ бригадѣ, къ корволанту, къ армiи, къ генераламъ и къ штабу при нихъ, къ коммиссарiатству, къ коммендантамъ. Здѣсь указывается, какими мѣрами и средствами слѣдуетъ и можно охранять интересы монарха, и говорится обо всемъ, весьма существенномъ для жизни войска.

ГЛАВА 49.

О поединкахъ и начинаніи ссоры.

1. Всѣ штабъ- и оберъ-офицеры кавалеріи и инфантеріи и вообще всѣ военные чины должны пребывать въ любви, мирѣ и согласіи. Каждый чинъ обязанъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ другому. Подчиненные обязаны повиноваться начальствующимъ, младшіе—старшимъ. За нарушеніе этихъ правилъ виновный подвергается наказанію сообразно со степенью проступка содѣяннаго.

2. Всякій, потерпѣвшій обиду словомъ или дѣломъ, обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія военнаго суда и искать удовлетворенія. Искъ со стороны потерпѣвшаго долженъ быть принимаемъ и удовлетвореніе должно быть воздано сообразно содѣянной обидѣ.—Виновный подвергается строгому наказанію: или аресту, или увольненію отъ службы, или тѣлесному наказанію; или онъ наказывается вычетомъ жалованья на извѣстное время. Такъ, напр., за оскорбленіе словомъ *шельмой* и т. п. виновный подвергается заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ, а по освобожденіи онъ обязанъ, на колѣняхъ стоя, просить прощенія у потерпѣвшаго. Если виновный—офицеръ, то онъ лишается, сверхъ сего, жалованья на все время нахожденія въ заключеніи.

3. Виновный въ нанесеніи ударовъ рукой подвергается трехмѣсячному заключенію и лишается жалованья на шесть мѣсяцевъ. Сверхъ сего, виновный обязанъ, по освобожденіи, просить на колѣняхъ прощенія и быть готовымъ принять оскорбленіе, равное тому, какое нанесено было имъ; или онъ лишается чина временно, или навсегда, смотря по тяжести вины.

4. Виновный въ нанесеніи ударовъ палкою обязанъ просить прощенія въ ожиданіи полученія удара же; лишается жалованья на годъ, или исключается со службы; а иностранецъ изгоняется безъ паспорта.

5. Виновный въ выраженіи (даже заочномъ) угрозъ нанести побои обязанъ просить прощенія и лишается жалованья на три мѣсяца.

6. Въ виду того, что скорое рѣшеніе суда можетъ служить средствомъ предупрежденія множества проступковъ и преступленій, предписывается судьямъ, особенно предсѣдателю суда и губернатору, вершить дѣла въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль; въ срокъ, не превышающій шести недѣль, дѣло должно быть рѣшено во что-бы то ни стало подъ страхомъ наказанія—вычета изъ жалованія на время, равное просроченному.

7. Штрафныя деньги, получаемыя отъ замедленія рѣшеній, какъ и прочія штрафныя деньги, поступаютъ въ пользу гошпиталя.

8. Потерпѣвшій, виновный въ недонесеніи объ оскорбленіи, подвергается такому же наказанію, какъ и обидчикъ, если не состоялось предварительно примиренія.

9. Какого-бы рода ни было оскорбленіе чести, оно умалено быть не можетъ и снисхожденія не заслуживаетъ, а потому наказано должно быть. Тотъ, кто дѣлаетъ упреки оскорбленному въ томъ, что оскорбленіе было нанесено, подвергается такому же наказанію, что обидчикъ.

10. Всякій военный чинъ, бывшій свидѣтелемъ оскорбленія словомъ или дѣломъ, или узнавши о нанесеніи оскорбленія какимъ-либо путемъ, обязанъ довести о случившемся до свѣдѣнія военнаго суда. Въ против-

номъ случаѣ онъ подвергается наказанію наравнѣ съ обидчикомъ. Во избѣжаніе самоуправства и самрасправы, всякій долженъ быть увѣренъ, что найдетъ удовлетвореніе каждый разъ и что попустительства быть не должно.

11. Виновный въ нарушеніи закона и вызывающій за оскорбленіе на поединокъ не только не найдетъ удовлетворенія, но лишается чиновъ и званія и сверхъ того подвергается штрафу, смотря по степени виновности, въ размѣрѣ десятой, шестой или третьей части всего имущества.

12. Такому же наказанію подвергается и тотъ, кто принимаетъ вызовъ на поединокъ. Представляющій письменный вызовъ суду не подвергается наказанію; но если о вызовѣ дойдетъ до свѣдѣнія суда помимо вызваннаго, то послѣдній подвергается наказанію наравнѣ съ вызвавшимъ.

13. Такому-же наказанію подвергается и тотъ, кто передаетъ (доставляетъ) вызовъ; равнымъ образомъ, и секунданты или свидѣтели и тѣ, кои о предстоящемъ поединкѣ были извѣщены и не увѣдомили о томъ своевременно, кому слѣдуетъ. Ежели передатчикомъ вызова былъ слуга, а послѣдній узналъ о содержаніи письма, то онъ наказывается шпицрутенами.

14. Ежели оба противника сошлись на поединокъ и успѣли обнажить шпаги, то они подвергаются смертной казни вмѣстѣ съ секундантами, хотя смерти или пораненія одного изъ противниковъ и не послѣдовало. Имущество ихъ конфискуется. Но если поединокъ остановленъ не постороннею силою, а самими противниками, то они подвергаются только большому штрафу, по усмотрѣнію суда.

15. Ежели отъ состоявшагося поединка послѣдуетъ смерть или пораненіе, то виновные подвергаются смертной казни черезъ повѣшеніе, какъ убитые, такъ и живые.

16. Виновный не избѣгаетъ наказанія и въ томъ случаѣ, если поединокъ происходилъ внѣ лагеря или крѣпости, въ другомъ мѣстѣ, даже въ другомъ государствѣ.

17. Дабы никто не отговаривался невѣдѣніемъ закона, мы повелѣваемъ это уложеніе оповѣстить по гарнизонамъ и лагерямъ, по всѣмъ губерніямъ; прибить въ различныхъ мѣстахъ и дать каждому полковнику.

ГЛАВА 50.

О военномъ совѣтѣ и о судѣ, нетерпящемъ отлагательства.

1. Военные совѣты и суды учреждаются двоякаго рода: высшіе и низшіе. Высшему совѣту подлежатъ рѣшенія дѣлъ большей важности или такихъ, которыя касаются полковъ. Высшій судъ учреждается надъ генералами и надъ офицерами штаба. Въ этомъ судѣ засѣдаютъ генералы, бригадиры, иногда и полковники. Дѣла меньшей важности или дѣла, имѣющія отношеніе къ данному полку, рѣшаются въ низшемъ совѣтѣ, а низшему суду подсудны дѣла, касающіяся проступковъ и преступленій оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Судъ этотъ производится обыкновенно въ крѣпости у губернатора или коммендданта, а во время войны у полковника полка. Предсѣдателемъ суда назначается полковникъ, или подполковникъ, или майоръ; а въ качествѣ остальныхъ членовъ суда назначаются два капитана, два поручика, два прапорщика, два сержанта, два карпорала (капрала); сверхъ того, два или четыре рядовыхъ. Въ ка-

чествѣ ассесора назначается аудиторъ. Предсѣдатель занимаетъ первое мѣсто, а прочіе офицеры садятся по чинамъ. Аудиторъ садится на послѣднемъ мѣстѣ, а иногда по лѣвую сторону предсѣдателя, чтобы удобнѣе слѣдить за бумагами. Унтеръ-офицеры и рядовые должны стоять.

2. Когда подсудимый будетъ введенъ, аудиторъ снимаетъ съ него допросъ, по окончаніи котораго его удаляютъ. Затѣмъ отбираются голоса, начиная съ младшаго. Большинствомъ голосовъ произносится приговоръ. Всѣ ассесоры, призванные къ суду черезъ полкового адъютанта, должны трезвыми являться рано. Не потворствуя и не увлекаясь пристрастіемъ въ чью-либо пользу, они должны говорить сущую правду по своей совѣсти, какъ передъ Богомъ. Какъ генералъ, такъ и офицеры должны судить справедливо, нелицемѣрно и нелицепріятно каждаго, какого бы званія и положенія ни былъ подсудимый. Судьями не можетъ быть допускаемо уменьшеніе вины подъ страхомъ такого наказанія, которое должно было бы быть примѣнено къ подсудимому. Каждое преступленіе подводится подъ соотвѣтствующій параграфъ уложенія о наказаніяхъ. Никто не подвергается наказанію безъ суда и надлежащаго предписанія.

Всѣ рѣшенія суда, вершаемыя надъ штабъ- и оберъ-офицерами, отправляются ежегодно въ военный коллегіумъ, гдѣ дѣламъ ведется реестръ.

3. Осужденный за преступленіе къ смертной казни выводится передъ полкомъ, въ присутствіи котораго по адъютантской командѣ карпоралъ отбираетъ у преступника ружье и снимаетъ мундиръ, а затѣмъ передается въ руки палача для приведенія приговора въ исполненіе.

Предсѣдатель суда долженъ имѣть на столѣ обнаженную шпагу и бѣлый посохъ (символъ невинности и кары за преступленіе). Если приговоръ къ смертной казни состоялся, то надѣваютъ на преступника кандалы въ то время, когда приговоръ будетъ закрѣпляться подписями.

4. Нетерпящій отлагательства судъ производится надъ тѣмъ, кто во время похода совершитъ предумышленное преступленіе противъ воинскихъ постановленій. Уличенный на мѣстѣ преступленія преступникъ безъ всякихъ допросовъ и формальностей судейскихъ подвергается (послѣ исповѣди священника) смертной казни черезъ разстрѣляніе или повѣшеніе.

5. Въ виду того, что всякое рѣшеніе справедливѣе бываетъ вслѣдствіе обсужденія его многими, мы повелѣваемъ, чтобы среди генералитета, а равнымъ образомъ въ полкахъ дѣла рѣшались по предварительному совѣщанію; чтобы ничего не было упущено, что можетъ служить для пользы дѣла.

XLVII. Дворянство въ царствованіи Петра Великаго.

(Изъ соч. Н. П. Павлова-Сильванскаго: «Государевы служилые люди». 2 изд. СПб. 1909 г).

I.

Великая сѣверная война и тѣсно связанныя съ нею преобразованія Петра Великаго, закончившія періодъ борьбы московскаго государства за свое существованіе и обезпечившія на будущее время его политическую

самостоятельность и внутреннее развитіе, потребовали отъ народа чрезмѣрныхъ усилій и жертвъ. „Петръ Великій,—говоритъ Градовскій,—нуждался въ закрѣпощенныхъ сословіяхъ даже больше, чѣмъ московское правительство, и поэтому оставилъ сословную организацію почти въ томъ же видѣ, въ какомъ получилъ отъ своихъ предшественниковъ". Онъ сохранилъ прежнее раздѣленіе классовъ по различію лежавшихъ на нихъ повинностей, увеличилъ служебныя и податныя требованія и усилилъ зависимость лицъ отъ государственной власти, пресѣкая уклоненія отъ службы или тягла. Новая подушная система обложенія вѣрнѣе настигала каждаго плательщика. Строгія мѣры противъ дворянъ, укрывающихся отъ службы, и преобразованіе войска обезпечивали болѣе исправное исполненіе дворянствомъ военной повинности.

Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ порядковъ Петръ Великій положилъ рядомъ мѣропріятій начало развитію дворянскаго сословнаго самосознанія; онъ далъ служилому классу общее наименованіе шляхетства, присвоилъ дворянскому званію значеніе почетнаго благороднаго достоинства, даровалъ дворянству гербы, заимствовалъ съ запада аристократическіе титулы графа, барона, свѣтлѣйшаго князя. Съ другой стороны, ослабивъ существовавшую ранѣе тѣсную связь между службой и владѣніемъ помѣстьями и вотчинами, преобразователь увеличилъ землевладѣльческія права дворянства и тѣмъ содѣйствовалъ послѣдующему развитію его сословной самостоятельности и мѣстнаго значенія. Однако, это послѣдующее развитіе дворянскаго сословія шло въ значительной мѣрѣ вопреки основнымъ положеніямъ петровскаго законодательства.

Петръ Великій сохранилъ и усилилъ прежнюю основу организаціи дворянства, его служебную повинность; [1]) вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ослабилъ наслѣдственную замкнутость служилаго сословія, узаконенную въ предшествовавшемъ столѣтіи, а именно: установилъ выслугу дворянства, открывъ свободный доступъ въ шляхетское сословіе разночинцамъ, возвысилъ чиновную честь надъ честью сословной и, приблизивъ къ себѣ дѣятелей низкаго происхожденія, принизилъ родовитое дворянство. Наконецъ, вопреки примѣру Запада и вопреки началамъ Уложенія царя

[1]) Увеличеніе служебной повинности дворянства составляло одну изъ главныхъ заботъ Петра. „Петръ, — говоритъ проф. Платоновъ въ своихъ „лекціяхъ", — задался мыслію дать лучшую организацію службѣ дворянъ и достигъ этого такимъ образомъ: онъ со страшною страгостью привлекалъ дворянъ къ отбыванію государственной службы и, какъ прежде, требовалъ безсрочной службы, пока хватало силъ. Не менѣе двухъ третей дворянъ должно было служить въ арміи и флотѣ, не болѣе одной трети допускалось къ гражденской службѣ, которая при Петрѣ обособилась отъ военной. Подроставшихъ дворянъ требовали на смотры, которые производилъ часто самъ государь въ Москвѣ или Петербургѣ. На смотрахъ ихъ опредѣляли въ тотъ или другой родъ службы или посылали учиться въ русскія или заграничныя школы Первоначальное же образованіе сдѣлано было обязательнымъ для всѣхъ молодыхъ дворянъ (по указамъ 1714 и 1793 г.). Они должны были до 15 лѣтъ обучаться грамотѣ, цифири и геометріи въ нарочно для того устроенныхъ школахъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Уклонившійся отъ обязательнаго обученія терялъ право жениться... Вся масса служилыхъ дворянъ поставлена была въ прямое подчиненіе Сенату въ мѣсто прежняго Разряднаго приказа, и Сенатъ вѣдалъ дворянство черезъ „особаго чиновника"—герольдмейстера... Такимъ образомъ служба дворянъ стала правильнѣе и тяжелѣе; поступая въ полки, они отрывались отъ мѣстности, были регулярнымъ войскомъ, служили безъ перемежекъ, съ рѣдкими отпусками домой, и не могли укрываться легко отъ службы". *Ред.*

Алексѣя Михайловича, Петръ Великій допустилъ смѣшеніе занятій между классами служилымъ и торгово-промышленнымъ и переходъ лицъ изъ одного класса въ другой.

II.

Случалось и ранѣе, въ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ, что боярская знать, имѣвшая правительственное значеніе, должна была уступать высшія мѣста неродовитымъ новымъ людямъ: Годуновымъ, Матвѣевымъ, Ордынъ-Нащокинымъ. Въ царствованіе Петра Великаго новые люди занимаютъ первенствующее положеніе, и они выходятъ не только изъ среды невиднаго или захудалаго дворянства, какъ раньше, но и изъ низшихъ общественныхъ классовъ.

Князь Куракинъ въ своей „Исторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ" относитъ „начало паденія первыхъ фамилій" еще ко времени молодости Петра, когда руководящее значеніе принадлежало: брату царицы Наталіи Кирилловны, Льву Нарышкину, князю Борису Голицыну и Тихону Стрѣшневу.

Нѣкоторыя фамиліи знатнаго боярства сохраняютъ при Петрѣ Великомъ высокое положеніе; князья Долгорукіе, Куракины занимаютъ виднѣйшія мѣста сенаторовъ, губернаторовъ, президентовъ коллегій, полномочныхъ пословъ; въ первую половину царствованія пользуются большимъ значеніемъ князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ изъ стараго боярскаго рода. Но княжеское и некняжеское боярство въ цѣломъ теряетъ всякое значеніе; о прежнихъ притязаніяхъ знати на первенствующее положеніи нѣтъ болѣе и рѣчи.

Несравненно выше всѣхъ знатныхъ сановниковъ стоялъ бывшій правою рукою Петра Александръ Даниловичъ Меншиковъ, человѣкъ темнаго происхожденія, возведенный въ достоинство свѣтлѣйшаго князя. Виднѣйшіе дѣятели второй половины петровскаго царствованія: первый генералъ-прокуроръ графъ Ягужинскій, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, графъ Девіеръ, первый генералъ-полиціймейстеръ, были иноземными выходцами низкаго происхожденія. Извѣстный первый прибыльщикъ, инспекторъ ратуши, архангельскій вице-губернаторъ Курбатовъ былъ изъ боярскихъ людей, холоповъ. Управляющій московской губерніей, Ершовъ былъ также первоначально боярскимъ человѣкомъ.

Наиболѣе довѣренными лицами при Петрѣ были люди незнатнаго или низкаго происхожденія. Самъ онъ не цѣнилъ знатности происхожденія; по замѣчанію Татищева, Петръ „великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ" и того же требовалъ отъ сотрудниковъ; но чтобы возвысить авторитетъ своихъ приближенныхъ, чтобы сравнять ихъ до извѣстной степени со старою знатью, Петръ заимствовалъ иноземные титулы графовъ и бароновъ. Меншиковъ былъ пожалованъ въ 1707 году высшимъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя; передъ тѣмъ, въ 1705 году онъ былъ сдѣланъ княземъ римской имперіи. Первые иноземные титулы русское дворянство начало получать отъ иноземныхъ же монарховъ. Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ былъ возведенъ въ графское достоинство римской имперіи Леопольдомъ I въ 1701 году. Затѣмъ Петръ самъ началъ возводить въ графское достоинство: Б. П. Шереметева въ 1706 году, канцлера Головкина, Никиту Зотова, адмирала Апраксина, Толстого, Ягужинскаго, Девіера. Въ 1710 году Шафировъ, впослѣдствіи вице-канцлеръ, былъ пожалованъ титуломъ барона; въ то же достоинство

возведенъ былъ въ 1722 году „именитый человѣкъ“ Александръ Строгановъ.

Рядомъ съ этими аристократическими титулами, Петръ заимствовалъ съ запада также внѣшніе знаки дворянскаго достоинства, дипломы на дворянство и гербы. Узаконяя гербы, Петръ отвѣчалъ желаніямъ дворянства. Подъ вліяніемъ польскаго шляхетства еще московское боярство въ концѣ семнадцатаго вѣка начало интересоваться гербами; среди же петровскаго шляхетства интересъ къ геральдикѣ быстро возрасталъ по мѣрѣ знакомства съ западно-европейской жизнью; многіе своевольно изобрѣтали себѣ гербы, и нѣкоторые присвоивали гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ фамилій.

Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ присвоивается общее сословное наименованіе шляхетства, или дворянства. Названіе „дѣти боярскіе“ очень скоро, къ 1711 году, совершенно выходитъ изъ употребленія въ перепискѣ присутственныхъ мѣстъ. Люди высшихъ придворныхъ чиновъ: стольники, стряпчіе, жильцы называются въ указахъ царедворцами. Сначала эти царедворцы по древнему обыкновенію поименовываются въ общихъ обращеніяхъ къ дворянству особо отъ низшаго чина рядовыхъ дворянъ;—высшіе чины противополагаются шляхетству. Но съ 1713 года за этимъ терминомъ окончательно устанавливается значеніе общаго сословнаго наименованія. Въ собственноручномъ указѣ 1712 года Петръ обращается ко „всему шляхетству“. Иностранное польско-нѣмецкое слово было выбрано въ этомъ случаѣ не только вслѣдствіе пристрастія Петра къ иностраннымъ терминамъ, но и потому (какъ замѣчаетъ Романовичъ-Словатинскій), что терминъ дворянинъ обозначалъ ранѣе сравнительно не высокій чинъ и тотъ, кто изъ дворянъ былъ возведенъ въ чинъ боярина, уже не назывался дворяниномъ. Каждый членъ шляхетства не назывался, однако, шляхтичемъ, но дворяниномъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петръ въ указахъ пользуется уже нерѣдко терминомъ „дворянство“, и это наименованіе затѣмъ ко времени Екатерины II вытѣсняетъ наименованіе шляхетства.

Вмѣстѣ съ новымъ наименованіемъ появляется и новое понятіе дворянскаго достоинства, общаго всѣмъ членамъ сословія независимо отъ того или другого ихъ чина и служебнаго положенія. Дворянское достоинство передается по наслѣдству, является присущимъ дворянину съ момента рожденія. Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Котошихина, дворянство, какъ сословное достоинство, „не давалось никому“. Петръ Великій устанавливаетъ пожалованіе и выслугу наслѣдственнаго дворянства.

III.

Установленіе графскихъ и баронскихъ титуловъ, гербовъ и наслѣдственнаго дворянскаго достоинства носитъ слѣды внѣшняго подражанія западу. Другія узаконенія Петра I, касавшіяся существенныхъ основъ организаціи дворянства, противорѣчатъ идеѣ указанныхъ заимствованій, ослабляя сословное начало.

Важнѣйшее изъ петровскихъ законоположеній, относящихся къ этому вопросу, табель о рангахъ 24 января 1722 года и связанные съ нею указы 1721 года, открывая свободный доступъ въ дворянство лицамъ другихъ классовъ, нарушаютъ начало сословной замкнутости, установленное законодательствомъ XVII вѣка „Дворянъ и дѣтей боярскихъ верстати по отечеству, неслужилыхъ отцовъ дѣтей въ службу не

верстати“, постоянно повторяло московское правительство, закрывая доступъ въ служилый классъ людямъ иныхъ чиновъ. Теперь въ военную и гражданскую службу привлекались лица различныхъ классовъ и по табели о рангахъ всякій, не изъ дворянъ, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина на службѣ военной и до должности 8 ранга на службѣ гражданской, пріобрѣталъ дворянское достоинство и приравнивался, со своими потомками, „во всѣхъ достоинствахъ и авантажахъ лучшему старшему дворянству“. Въ XVII вѣкѣ правительство настаивало на томъ, чтобы въ классъ дѣтей боярскихъ не входили крестьяне и холопы. Петръ Великій, напротивъ, въ 1711 году повелѣлъ сенату, набирая молодыхъ дворянъ для запасу въ офицеры, собрать „тако-жъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для того-жъ“. Прежде высшій боярскій чинъ по общему правилу составлялъ преимущество извѣстныхъ знатныхъ фамилій; достиженіе его было крайне затруднено, не говоря о лицахъ низкаго происхожденія, даже для большей части старинныхъ дворянскихъ фамилій, и если новый человѣкъ проникалъ на высшія мѣста, то мѣстничество постоянно напоминало ему, что онъ былъ чужимъ человѣкомъ въ боярскомъ кругу. „Теперь по табели о рангахъ,—говоритъ проф. Романовичъ-Словатинскій,—лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступени, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ: она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина, „подлые“ члены общества могли „облагородиться“ и войти въ ряды шляхетства“...

Петръ проводитъ въ жизнь понятіе о дворянскомъ достоинствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ понятіе не дворянской, но чиновной служилой чести и отдаетъ ей преимущество передъ дворянской честью и передъ знатностью. „Сказать всему шляхетству,—объявляетъ Петръ въ собственноручномъ именномъ указѣ, данномъ Сенату 16 января 1712 года,—чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случахъ какой-бы фамиліи ни былъ, почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать и писаться токмо офицерамъ, а шляхетству, которые не въ офицерахъ, только то писать, куда развѣ посланы будутъ; а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья“.

Въ 1721 году было постановлено опредѣлять сыновей знатнаго шляхетства въ гвардію, а прочихъ въ армейскіе полки. Начальство затруднилось разрѣшеніемъ вопроса о томъ, кого именно считать знатнымъ шляхетствомъ, и въ 1724 году представляло государю: считать ли за знатное шляхетство тѣхъ, которые имѣютъ болѣе ста дворовъ или же по рангамъ. Петръ Великій положилъ знаменательную резолюцію на этомъ докладѣ: „знатное дворянство по годности считать“.

Соотвѣтственно различію повинностей, законодательство XVII вѣка устанавливало строгое раздѣленіе занятій между классами, хотя и допускало нѣсколько отступленій отъ этого общаго правила: нижніе служилые чины могли заниматься торговлей и промыслами, и нѣкоторые изъ нихъ даже несли одновременно какъ служебное, такъ и податное тягло. Прожектёры петровскаго времени, слѣдуя какъ традиціямъ XVII в., такъ и примѣру Запада, настаивали на необходимости сословнаго раздѣленія занятій: Посошковъ говорилъ, что дворянину „воину отнюдь купечествовать не подобаетъ, потому что одинъ рабъ не можетъ двумъ господамъ служити“; другіе писали, что „фамильные люди“ не должны за-

ниматься торгово-промышленной дѣятельностью, чтобы „добывать себѣ честь исключительно наукою и службою своею“. Императрица Екатерина II впослѣдствіи признала, что занятіе торговлей не совмѣстно съ достоинствомъ человѣка благороднаго, дворянина.

Но сословная обособленность не составляла цѣли петровскаго законодательства, и поэтому Петръ Великій отказался отъ раздѣленія занятій между сословіями, съ цѣлью привлеченія возможно болѣе силъ къ торгово-промышленной дѣятельности. Въ 1711 году, по мысли государя, Сенатъ издалъ указъ, коимъ разрѣшено было „всякаго чина людямъ торговать всѣми товарами вездѣ невозбранно своими именами съ платежемъ всѣхъ обыкновенныхъ пошлинъ“. Многіе сановники при Петрѣ устраивали заводы и фабрики, занимались торговыми и промышленными предпріятіями. Одинъ изъ недовольныхъ этими порядками писалъ: „всѣ торги отняты у купцовъ, и торгуютъ высокія персоны“.

Петръ разрѣшилъ дворянству не только заниматься торгово-промышленной дѣятельностью, но и переходить изъ служилаго сословія въ „купеческій чинъ“. Указомъ 1714 года дворянскимъ кадетамъ, лишеннымъ недвижимыхъ имѣній, дозволено было „идти въ чинъ купеческій или въ какое знатное художество, или въ духовные, то есть въ бѣлые священники“, и Петръ требовалъ, чтобы „тѣмъ, кои въ сіе вышеписанное вступятъ, не ставить ни въ какое безчестье ни имъ, ни ихъ фамиліямъ, ни словесно, ни письменно“.

IV.

Въ мартѣ 1714 года, составленными самимъ Петромъ и собственноручно редактированными имъ, извѣстными „пунктами о движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ“ узаконено было, по примѣру Запада, единонаслѣдіе, чуждое русской жизни. Во введеніи къ пунктамъ Петръ разъяснилъ, между прочимъ, сословное значеніе этого учрежденія, какъ средства для поддержанія знатныхъ дворянскихъ фамилій: вслѣдстіе постоянныхъ раздѣловъ имѣній между наслѣдниками, члены знатной фамиліи, размножаясь, въ такую бѣдность приходятъ, что сами становятся однодворцами, и „знатная фамилія вмѣсто славы превращается въ поселянъ, какъ уже много тѣхъ экземпляровъ (образовъ) есть въ Россійскомъ народѣ“. Благодаря же майорату или единонаслѣдію, „фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы“.

Тѣмъ не менѣе поддержаніе знатныхъ фамилій не было главною цѣлью изданія этого закона. Петръ установилъ единонаслѣдіе не для одного шляхетства, но для всѣхъ своихъ „подданныхъ, какого чина и достоинства оные ни есть“. Онъ запретилъ закладывать и продавать, и повелѣлъ обращать въ родъ не однѣ лишь вотчины и помѣстья, но и дворы и лавки, и всякія недвижимыя имѣнія. Разъясняя значеніе майората, Петръ прежде всего указалъ на то, что „ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ бо̀льшаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ (крестьянъ), а не разорять“. Первые русскіе сторонники майората видѣли главное значеніе его въ томъ, что лишеніе младшихъ сыновей наслѣдства, побуждаетъ ихъ къ болѣе усиленной дѣятельности. Это соображеніе могло скорѣе всего склонить къ

введенію майоратовъ Петра, который велъ постоянную борьбу съ уклоненіемъ дворянъ отъ службы и отъ ученія, и съ недостаткомъ предпріимчивости у купцовъ и ремесленниковъ.

Законъ о майоратѣ возбуждалъ общее неудовольствіе и поэтому, вскорѣ по вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, Сенатъ въ декабрѣ 1730 года представилъ императрицѣ докладъ о его отмѣнѣ. Въ докладѣ этомъ указывалось, что отцы, имѣя многихъ дѣтей, „всячески ищутъ, какимъ бы образомъ ихъ равно удовольствовать", вопреки закону, и оправдывалъ эти стремленія: „отцамъ не точію естественно есть, но и законъ Божій повелѣваетъ дѣтей своихъ всѣхъ равно награждать". Дворяне различными способами обходили законъ о единонаслѣдіи: они продавали часть деревень, чтобы оставить вырученныя деньги на раздѣлъ дѣтямъ, „перепродавали деревни черезъ нѣсколько персонъ, для укрѣпленія меньшимъ дѣтямъ", обязывали клятвою сына наслѣдника уплатить извѣстную сумму братьямъ и сестрамъ, лишеннымъ ихъ части въ недвижимомъ наслѣдствѣ. Пункты Петра, какъ указано въ сенатскомъ докладѣ, возбуждаютъ между родственниками „ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и и разореніемъ, и не безъизвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники между собою, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти". Землевладѣльцы, стремясь надѣлить равно всѣхъ своихъ дѣтей, „почитаютъ въ деревняхъ обрѣтающійся хлѣбъ, лошади и всякій скотъ за движимое и отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами, и тако у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніе быть не могутъ, а у меньшихъ братьевъ безъ деревень хлѣбъ и скотъ пропадаютъ и какъ наслѣдники, такъ и кадеты отъ того въ разореніе приходятъ".

Этотъ докладъ Сената былъ „апробованъ" Анной Іоанновной 9 декабря 1730 года и, вслѣдъ затѣмъ, указомъ 17 марта 1731 года пункты о единонаслѣдіи и дополнительные къ нимъ указы 1716 и 1725 гг. были отмѣнены, и возстановленъ былъ въ существенныхъ чертахъ порядокъ наслѣдованія, опредѣленный Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича.

V.

Реформы Петра Великаго имѣли существенное вліяніе на измѣненіе землевладѣльческаго положенія шляхетства. Съ реорганизаціей арміи отмѣнена была прежняя помѣстная система содержанія служилыхъ людей. Раздача помѣстій прекращается; денежное жалованье, которое ранѣе было только придаткомъ къ жалованью помѣстному, дѣлается основнымъ, постояннымъ вознагражденіемъ за службу. При Петрѣ и въ послѣдующія царствованія служащіе нерѣдко получали земли, населенныя имѣнья, но уже не для обезпеченія службы, какъ прежде раздавались помѣстья, а въ видѣ особой награды за службу, и не въ условное владѣніе, а въ собственность на томъ же основаніи, какъ ранѣе раздавались „выслуженныя, жалованныя вотчины".

Помѣстья, принадлежавшія дворянамъ на правѣ владѣнія, отданы были имъ въ полную собственность. Начавшееся въ XVII вѣкѣ постепенное сліяніе помѣстій съ вотчинами довершается закономъ о единонаслѣдіи 1714 года. Петръ Великій соединилъ ихъ съ вотчинами подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ: помѣстья были подчинены одинаковому съ вотчинами порядку наслѣдованія.

Землевладѣніе послѣ этой реформы такъ же, какъ и ранѣе, возлагало на шляхетство обязанность службы. Ревизія 1718—1724 годовъ точнѣе опредѣлила землевладѣльческій характеръ дворянства. Въ служилое сословіе зачислены были всѣ болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. Мелкіе же землевладѣльцы, однодворцы—дѣти боярскія, на которыхъ еще въ XVII вѣкѣ возложена была, наряду со службой, обязанность уплаты податей, зачислены были въ податное сословіе, наравнѣ съ государственными крестьянами; они сохранили дворянское право владѣть населенными имѣніями, но были освобождены отъ служебной повинности и положены были въ подушный окладъ.

Новыя начала военной службы, однако, ослабили прежнюю тѣсную связь между землевладѣніемъ и служебною повинностью. Въ качествѣ землевладѣльцевъ, дворяне освобождаются отъ того подчиненія правительству, какое связывало помѣщиковъ-дворянъ и дѣтей боярскихъ московскаго времени. На основѣ вотчиннаго землевладѣнія, освобожденнаго отъ службы, шляхетство пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени болѣе сословной самостоятельности. Въ связи съ этимъ дворянскія общества получаютъ бо̀льшее мѣстное значеніе.

Нѣкоторыя начатки объединенія дворянъ въ мѣстныя общества существовали еще въ XVII вѣкѣ. Уѣздныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, приписанныхъ къ тому или другому городу, связывали общіе служебные интересы. При верстаніяхъ на службу и при назначеніи помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ важное значеніе имѣли выборные изъ дворянъ окладчики, которые должны были знать всѣ обстоятельства жизни и службы каждаго городового дворянина и сына боярскаго. Уѣздное общество имѣло нѣкоторыя права на помѣстныя владѣнія своихъ членовъ; правительство признавало преимущественное право на полученіе вымороченнаго помѣстья за дѣтьми боярскими того же города, къ которому былъ приписанъ умершій помѣщикъ. Городовые дворяне и дѣти боярскія выбирали своихъ представителей на земскіе соборы; они замѣщали по выбору мѣстныя должности губныхъ старостъ и сыщиковъ, выбиравшихся обыкновенно изъ отставныхъ дворянъ.

Указомъ 1702 года Петръ Великій предоставилъ мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ выборныхъ представителей, болѣе важное участіе въ мѣстномъ управленіи. Губные старосты и сыщики были упразднены, и предписано было „всякія дѣла съ воеводами вѣдать городовымъ дворянамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, (въ большихъ городахъ по 4 и по 3, въ меньшихъ по 2 человѣка), и „дѣла чинить воеводамъ обще съ дворянами и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и ихъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить“. Начало участія дворянства въ мѣстномъ управленіи получаетъ бо̀льшее развитіе въ 1713 году. Ознакомившись послѣ взятія Риги и Ревеля съ выборными губернскими совѣтами ландратовъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, Петръ указомъ 24 апрѣля 1713 года предписалъ: учинить ландратовъ въ губерніяхъ, по 12, 10 и 8, смотря по величинѣ губерній. Ландраты должны были „всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать; губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать“. Значеніе ландратской должности было существенно измѣнено указомъ 28 января 1715 года, вводившимъ новые губернскіе штаты. Ландраты—совѣтники коллегіаль-

наго губернскаго присутствія—сдѣлались по этому закону единоличными начальниками „долей“, на которыя раздѣлены были губерніи, и замѣнили комендантовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не было гарнизоновъ. Совѣщательное значеніе ландратовъ было, однако, сохранено: изъ ландратовъ по два человѣка должны были состоять при губернаторахъ, смѣняясь черезъ одинъ или два мѣсяца; по окончаніи года устраивался общій съѣздъ ландратовъ „для счета и исправленія дѣлъ“. Выборы ландратовъ утверждались сенатскимя указами, при чемъ сенатъ нерѣдко нарушалъ выборное начало учрежденія ландратовъ, назначая собственною властью лицъ на эту должность. [1]).

Учрежденіе ландратовъ было отмѣнено съ введеніемъ новой губернской администраціи 1719 года: губернаторовъ, провинціальныхъ воеводъ, дистриктныхъ земскихъ коммисаровъ и другихъ. Мѣстное дворянство сохранило извѣстную долю участія въ губернскомъ управленіи, оно по инструкціи 1724 года выбирало земскихъ комиссаровъ, начальника дистрикта и наблюдало за ихъ дѣятельностью. Главною обязанностью земскаго коммисара былъ сборъ новаго налога, подушной подати; такъ какъ взиманіе подати производилось дворянами, то было послѣдовательно,—замѣчаетъ проф. Милюковъ,—и должность земскаго коммисара сдѣлать выборной отъ мѣстнаго дворянства. Земскіе комиссары выбирались на одинъ годъ и были отвѣтственны передъ избирателями. Въ инструкціи земскому комиссару было сказано: „по окончаніи каждаго года, а именно въ декабрѣ мѣсяцѣ велѣно всѣмъ самимъ помѣщикамъ (а въ поморскихъ городахъ и въ другихъ тѣмъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ, тамошнимъ обывателямъ), кому они межъ себя вѣрятъ, съѣзжаться въ одно мѣсто, гдѣ полковой дворъ и въ наступающій новый годъ въ земскіе коммисары на твое мѣсто выбрать иного: а буде на тебя будутъ челобитчики, въ томъ тебя судить, и въ чемъ явишься виновенъ, за то штрафовать, чему будешь достоинъ“. Губернская реформа Петра I подверглась рѣзкой критикѣ со стороны членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I. Указомъ ея 9 января 1727 года, изданнымъ по инициативѣ Меншикова, велѣно было, „всѣхъ лишнихъ управителей, и канцеляріи и конторы земскихъ коммисаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ“. Это постановленіе было осуществлено невполнѣ, и должность земскаго коммисара была сохранена послѣ уничтоженія другихъ губернскихъ учрежденій Петра I.

XLVIII. Объ обязанностяхъ службы шляхетской.

(Изъ «Духовной» Василія Никитича Татищева).

1. Въ службѣ государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать, яко и Господь самъ учитъ: „воздаждь Богу божіе, а царю царево“; апостолъ Павелъ повелѣваетъ — властемъ повиноватися такъ за очи, какъ въ очи, равно

[1]) См. о ландратахъ въ этомъ томѣ ст. „Областная реформа Петра В.“. Ред.

какъ самому Богу; Петръ же и то изъясняетъ, еже раби должны повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. По сему, если случится на тебя гнѣвъ государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по неповинному оклеветанію отъ кого терпишь и пріемли со благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи; яко тотъ же Павелъ поучаетъ рабовъ: „въ оньже и звани бысте, во единомъ тѣмъ и благодарни бывайте", и хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сумнѣнія принять за законъ непоколебимый должно, ибо словеса ихъ словеса Христовы суть, яко Самъ рекъ: „слушаяй васъ, Мене слушаетъ", а о твердости словесъ своихъ сказа: „небо и земля мимо идетъ, словеса же Мои не прейдутъ"; однакожъ мы нѣкогда по слабовѣрію нашему лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ, нежели на законѣ, утверждаемся и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искусство представляю. Родитель мой, въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобъ мы ни отъ чего, положеннаго на насъ, не отрицались и ни на что сами не назывались, и когда я оное сохранилъ совершенно—и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ, а когда чего прилежно искалъ или отрекся—всегда о томъ сожалѣлъ, равно же и надъ другими то видѣлъ.

Что же вѣрности и ревности въ службѣ государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно, ибо вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены, для того, что у всѣхъ плутовъ, хищниковъ и похотьми преисполненныхъ ненависть, оклеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ, какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великою горестью невинно гнѣвъ ихъ Величествъ терпѣлъ, но правость моя такъ меня очистила, что отъ Его Величества вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ, а оклеветатели посрамились; и для того въ томъ, не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай, а съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуй, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ многими лѣты безумно начинали. Паче жъ всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай, а паче женщинъ и лестцовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали, и для того о такихъ дѣлахъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступай, а если кто тебѣ на подобномъ дастъ причину чрезъ разговоръ, то преложи ту рѣчь немедленно въ иной разговоръ превратить, чтобъ къ твоей тайности приближиться не могъ.

2. Разность услугъ шляхетскихъ есть троякая, яко военная, гражданская и придворная, и хотя четвертая есть духовенство, но во оной рѣдко шляхетство употребляется, и то развѣ чрезъ монашество.

Военная услуга намъ, яко шляхетству по природѣ, первая быть должна, въ которую такъ скоро надобно вступить, какъ скоро человѣкъ въ возрастъ придетъ и силу и бодрость въ себѣ ощутитъ; понеже весьма

молодому въ великую нужду и безпокойство вдаваться здравію и доброму состоянію опасно, особливо что человѣкъ во младости не воздерженъ и, будучи въ солдатствѣ между подлостью, легко благонравіе и пристойность потерять, а порокамъ прилѣпиться можетъ, и чрезъ то, какъ себѣ, такъ и государству малополезными бываютъ, каковыхъ прикладовъ со жалѣніемъ весьма много видимъ; противно же тому, если кто долго въ домѣ удержится и домашнему обхожденію, а болѣе своевольству привыкнетъ, то ему подъ властію быть, послушаніе и прилежность изъявить, а себѣ произвожденіе пріобрѣсти, весьма трудно является и затѣмъ многіе въ закоснѣніе и негодность приходятъ; для того въ военную службу вступать есть лучшее время отъ 18 до 25 лѣтъ.

Вступая въ службу. хотя храбрость есть наилучшая воину похвала, но неразсудная запальчивость есть самая глупость и не меньше робости какъ себѣ, такъ и отечеству, вреда приноситъ, и для того нужно весьма того остерегаться, чтобъ какъ свой животъ, такъ и пользу отечеству сохранить и никогда нагло не вырываться, а паче хранить, чтобъ подвластныхъ твоею опрометчивостію не погубить; противно же тому робость есть тягчайшій солдату порокъ и поношеніе, и для того елико возможно надлежитъ посредство хранить, чтобы впредь не вырываться и назади не оставаться; затѣмъ прилежать отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою и разсужденіемъ, а паче объ нихъ попеченіемъ любовь пріобрѣсти, что тебѣ главнымъ благополучіемъ быть можетъ. Затѣмъ твердо Предтечевы слова въ памяти имѣй, который, яко учитель покаянія, всѣхъ на то призывая, поучалъ прилежати молитвѣ и постомъ смиряти тѣло, но вопросившимъ воинамъ, оное яко трудное и неспособное оставя, рекъ: „никого же обидите, не оклеветавайте и довольни будите своими оброки".

3. Другая служба шляхетская — есть гражданство. Вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій, видя, что въ гражданствѣ искуснаго шляхетства, за отлученіемъ въ воинство, не доставало, а изъ подлости и убожества опредѣленные безсовѣстно государство разоряли, четыре весьма изрядныя и государству полезныя учрежденія сдѣлалъ, яко въ коллегіяхъ для обученія гражданскимъ дѣламъ, а для обученія иностраннымъ при всѣхъ россійскихъ министрахъ быть изъ шляхетства юнкерамъ; другое: въ секретари кромѣ шляхетства не производить; третье: чтобъ въ услуги гражданскія, какъ въ резиденціи, такъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, шляхетству достойныхъ избирать и по большинству голосовъ опредѣлять; чотвертое: всѣхъ, довольно въ войскѣ послужившихъ, или для слабостей немогущихъ, повелѣлъ, отставливая, въ гражданство опредѣлять и служащихъ въ зиму въ домы для исправленія ихъ вотчинъ и домовъ отпущать, что хотя съ пользою государственною весьма согласовало, но какъ Его Величество, по волѣ Всевышняго Творца, вскорѣ потомъ (прежде нежели тѣ, якоже другія весьма полезныя учрежденія, частію зачаты, но во употребленіи утверждены не были и частію неначаты остались) отъ временнаго въ вѣчное царство переселился, такъ скоро безсовѣстные, сребролюбивые для коварнаго самолюбства или незнанія, презрѣвъ отечества своего пользу, разными случаями перво скрытно, а во время малолѣтняго государя и нагло всѣ тѣ благія учрежденія уничтожили и начатыя дѣла разорили, что уже и по вступленіи на престолъ Ея Императорскаго Величества, нынѣ счастливо царствующей государыни, возобновлять стало не безтрудно и такъ остается, доколѣ либо разсужденіе и поступки Петра Ве-

ликаго тѣмъ двери къ коварствамъ затворятъ. И сіе тебѣ токмо впредь для памяти написалъ; нынѣ же, какъ видимъ, шляхетство опредѣлено всѣмъ отъ младенчества быть въ школахъ и потомъ служить въ войскѣ, доколѣ въ войнѣ за старостію, дряхлостію или піянствомъ неспособенъ явится, или какимъ случаемъ чрезъ пріятелей добьется; таковыхъ въ услугу гражданскую опредѣляютъ; и можетъ ли сіе полезно быть — сего я не разумѣю и разсуждать не могу; но понеже всякъ безспорно сказать можетъ, что гражданская услуга въ государствѣ есть главная, ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничто въ добромъ порядкѣ содержимо быть не можетъ и въ ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно; для того необходимо нужно всякому градоправителю законы и состояніе своего государства обстоятельно знать и разумѣть, изъ чего можетъ польза и впредь приключиться; что не въ краткомъ времени и въ старости или въ болѣзняхъ сыскивать должно; и для того, хотя ты въ военную службу опредѣлишься, всегда тебѣ должно въ памяти имѣть, чтобы тебѣ, когда въ гражданство опредѣлишься, знать, какъ о чемъ разсуждать, а особливо у старыхъ разсужденія прилежно слушать, что тебѣ довольно въ память вкорениться можетъ.

По вступленіи въ дѣло, наипаче всего храни правосудіе во всѣхъ дѣлахъ, не льстяся никакою собственною пользою, помня то, что хотящіе обогатиться впадаютъ въ бѣды и напасти, и что неправедное созданіе прахъ есть; и подлинно онымъ хотя не малое время возвеселишься, но совѣстью всегда будешь мучиться и оное богатство весьма непрочно; наипаче въ дѣлахъ государственныхъ ущербъ казнѣ какимъ бы ты образомъ вѣдѣніемъ не учинилъ, конечно невидимо болѣе тебѣ вреда приключится; для того прилежно того хранися, а хотя за трудъ и доброхотство отъ приносящаго взять ни предъ Богомъ, ни предъ государемъ не погрѣшу, яко письмо святое учитъ: служай алтарю отъ алтаря питается; обаче и то мнѣ въ памяти, что мзда и мудрыхъ очи ослѣпляетъ, да не безъизвѣстно же и то, что нѣкоторые безсовѣстные судіи нѣкогда указы о лихоимствѣ на всѣ мздоимства наклоняютъ, токмо они тѣмъ болѣе сами, нежели мзду взявшіе, душу свою губятъ, ибо лихоимство показуетъ, яко неправо взятое, а мзда дѣлающему по должности, яко и письмо святое повелѣваетъ: „дѣлающему отраждь мзду безъ умаленія“ и „достоинъ дѣлатель мзды своея“. Мнѣ случилось въ отвѣтѣ противъ доноса Никиты Демидова, въ 722 году, на вопросъ о взяткахъ привести апостольское слово: „дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу“ — и оное было дѣло въ верховномъ судѣ, на которое Его Императорское Величество самъ изволилъ отъ меня изъясненія спросить; на что я ему сверхъ объявленнаго доносилъ: въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я, и ничего не взявъ, а противно закона сдѣлаю — повиненъ наказанію, а если изо мздѣ, то къ законопреступленію присовокупится лихоимство и долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлаю и отъ праваго возблагодареніе приму, ничѣмъ осужденъ быть не могу; другое: если мзду за трудъ пресѣчь и только мздоимство судить, то, конечно, болѣе вреда государству и разоренія подданнымъ послѣдуетъ; тако я долженъ за получаемое жалованье сидѣть только до полудня, въ которое мнѣ, а послѣ времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанетъ, конечно, а послѣ обѣда трудиться моей должности нѣтъ; другое: когда я вижу дѣло въ сумнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не

имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; третье: дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшаться по регестрамъ порядкомъ, и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма ненужныхъ впереди, а послѣднему по регестру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что купечеству нерѣдко случается; и тако отъ праваго порядка можетъ болѣе вреда быть; а если я вижу, что мой трудъ не туне будетъ, то я не только послѣ обѣда, и ночью потружуся, для того карты, собакъ, обѣды или прочія увеселенія оставлю и, не смотря на регистеръ, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ пользу принесу и за мзду взятую отъ Бога и Вашего Величества по правдѣ сужденъ быть не могу. На что Его Величество изволилъ сказать: сіе все правда и для совѣстныхъ людей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденнаго не было. На что я донесъ, еже лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить.

Сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобъ ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи, а при томъ еще храниться гордости, что у нѣкоторыхъ людей и лицо челобитчикамъ въ честь показывается, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ, или наставленіе и помощь; для чего у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ о себѣ докладчикъ былъ, и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся, ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить; третье: весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, холопи или ввѣрившіеся пріятели судами торговали и, когда онъ въ отвѣтъ или судъ впалъ, то оные лестцы ему насмѣхались.

Наипаче всего хранися секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили; ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ и для того хотя нѣкогда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или то же самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что пополнить, да пристойное, чтобъ не думали, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать.

Наилучшій же способъ тому, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ, соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то неоднова людей искусныхъ въ законахъ въ совѣтъ призвать; токмо того храниться, чтобъ въ оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся, и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварный, или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести, и для того тебѣ своихъ сосѣдателей главныхъ, или подчиненныхъ, довольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобы ты впредь не легко могъ обманутъ быть; однакожъ съ главными во вражду явную вступать

и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживайся и подчиненныхъ сначала увѣщаваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, потомъ словесно наединѣ, или, когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай, а жаловаться на подчиненныхъ не очень прилично.

4. Придворная услуга должна бы быть въ порядкѣ первая, для того, что имя у насъ дворянинъ отъ придворности произошло; другое, что въ сіи чины выбираются люди знатнѣйшіе и богатые, для того, чтобъ ихъ убранствами могли двору великолѣпіе придавать; третье, чтобъ они по близости къ лицу императорскому болѣе другихъ милости и награжденія чинами и имѣніями получали; они жъ къ предстательству и оскорбленію или оклеветанію отдаленныхъ довольный способъ, а за то, какъ отъ любви, такъ и за страхъ, почтеніе у людей имѣютъ. Но Петръ Великій, который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ и въ рангахъ ихъ не токмо на концѣ, но и весьма низки положилъ, и у него оные весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было, но для лица токмо камергерскій чинъ генералъ-адъютанты носили, а денщики за пажей и камеръ-юнкеровъ служили; нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществы пожалованы, что въ единой волѣ монаршеской состоитъ и намъ до того не касается, токмо я, взирая на ихъ стропотное житіе и обхожденіе, никогда бъ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ, понеже тутъ лицемѣрство, коварство лесть, зависть и ненависть едва не всѣмъ ли добродѣтелямъ предходятъ, а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что, губя невинныхъ, сами вскорѣ судомъ божескимъ погибнутъ; но сіе не мни, чтобъ генерально и они сіе злодѣяніе за добродѣтели почитали, но суть нѣкоторые того неистовства сущіе злодѣи и если не сильны, то хотя политикѣ придворной не прилѣпляются, однако отъ другихъ терпѣть посмѣяніе принуждены бываютъ; и для того, кромѣ повелѣнія монаршескаго, никакъ сего чина не ищи и никакими тутъ благополучіи не льстися; если же въ то призванъ будешь, прилежи о томъ, чтобъ представить себя государю вѣрнымъ и прилежнымъ рабомъ, товарищамъ—добрымъ другомъ, а страждущимъ—помощникомъ и заступникомъ, и если добро сдѣлать не можешь, то по малой мѣрѣ покажи привѣтливость и сожалѣніе о нихъ.

XLIX. Положеніе владѣльческихъ крестьянъ во время Петра Великаго.

(Изъ «Очерка исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи» А. С. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1905 г.).

Въ эпоху преобразованій исторія крестьянъ развивалась въ томъ же направленіи, какъ и въ предшествующемъ періодѣ. Правда, еще въ правленіе царевны Софьи просвѣщенный кн. В. В. Голицынъ предполагалъ начать цѣлый рядъ затѣянныхъ имъ реформъ „освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ, съ пользою для царя, за ежегодный оброкъ“; но планъ князя, если таковой и былъ, дѣйствительно, выработанъ имъ, во всякомъ случаѣ остался безъ

исполненія. Въ концѣ того же столѣтія, повидимому, была составлена „выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ разныхъ государствахъ поступаютъ съ служителями и съ крѣпостными людьми"; но указанія на нѣкоторыя преимущества въ современномъ положеніи французскихъ, англійскихъ и голландскихъ крестьянъ также мало повліяли на политику Петра Великаго: онъ слишкомъ нуждался въ военныхъ и денежныхъ средствахъ для того, чтобы мѣнять начала общественнаго строя, установленныя московскимъ правительствомъ; напротивъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться ими и еще строже своихъ предшественниковъ постарался примѣнить правило, въ силу котораго все населеніе должно было служить государству. Такая политика, разумѣется, отозвалась и на судьбѣ сельскаго населенія: совѣты Посошкова не могли, конечно, измѣнить ея направленіе: въ новомъ названіи, которое стали примѣнять къ владѣльческимъ крестьянамъ, уже можно замѣтить перемѣну, происшедшую въ ихъ положеніи.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ люди, подвластные своему господину, а въ томъ числѣ и владѣльческіе крестьяне, часто носили одно общее наименованіе „крѣпостныхъ". Въ то время такая терминологія была скорѣе новостью, чѣмъ стариною. „Крѣпости" въ качествѣ частныхъ актовъ, напримѣръ, полныхъ, докладныхъ, данныхъ, купчихъ и т. п., давно уже отличали отъ оффиціальныхъ документовъ обще-государственнаго характера, въ родѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ; поэтому въ старину „крѣпостными людьми", т. е. людьми, пріобрѣтенными или владѣемыми по какимъ-либо „крѣпостямъ", обыкновенно называли холоповъ, а не крестьянъ: Уложеніе въ одномъ случаѣ прямо противополагаетъ „крѣпостную дѣвку" „дочери крестьянской". Тѣмъ не менѣе, сами крестьяне, уже въ одной жилецкой записи 1627 года и во многихъ порядныхъ 1628—1646 гг. иногда признавали себя „крѣпкими" своимъ господамъ; дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ въ своей сказкѣ, поданной на соборѣ 1642 г., предлагали государю, „кликать, кто похочетъ въ Азовъ", между прочимъ и „изъ черныхъ людей, окромѣ крѣпостныхъ людей, холопей и крестьянъ"... Уложеніе и послѣдующее законодательство допустило отдачу бѣглыхъ крестьянъ ихъ законнымъ владѣльцамъ „по крѣпостямъ", а не только по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, челобитья о запискѣ крестьянъ по „сдѣлочнымъ записямъ" стали приниматься въ приказѣ холопьяго суда (1682 г.); при заключеніи крестьянскихъ крѣпостей такъ же, какъ и холопьихъ, стали взимать „поголовныя" пошлины (1688 г.), а отпускныя крестьянскимъ дѣтямъ, „взятымъ во дворъ", велѣно было выдавать изъ того же приказа холопьяго суда, изъ котораго выдавались и отпускныя дворовымъ, кабальнымъ и „полоннымъ" людямъ (1690 г.). При такихъ условіяхъ легко было подвести подъ терминъ „крѣпостные" и владѣльческихъ крестьянъ: новое значеніе термина указываетъ и на усиленіе частнаго характера прикрѣпленія.

Нельзя сказать, однако, чтобы въ то время крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, уже вполнѣ превратились въ „крѣпостныхъ людей" своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, въ положеніи владѣльческаго крестьянина наканунѣ реформы было еще много противоположностей: онъ могъ имѣть своихъ крѣпостныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ становился крѣпостнымъ своего владѣльца, свободно распоряжавшагося имъ; онъ могъ искать и отвѣчать за себя на судѣ, и тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ подлежалъ вотчинному или помѣщичьему суду; онъ могъ имѣть свою собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался чуть ли не полною соб-

ственностью своего господина; наконецъ, онъ могъ заключать договоры съ посторонними лицами и съ казною, а между тѣмъ имущество его не было обезпечено отъ барскаго произвола. Съ развитіемъ крѣпостного права большинство этихъ противоположностей стало сглаживаться: крестьянинъ продолжалъ совершать разныя сдѣлки, но можно думать, что онъ совершалъ ихъ въ зависимости отъ согласія или разрѣшенія владѣльца и до тѣхъ поръ, пока это было угодно послѣднему. Такая перемѣна произошла постепенно. Въ эпоху преобразованій ей въ особенности благопріятствовали мѣры, принятыя правительствомъ при производствѣ ревизіи 1718—1727 гг.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя цѣлый рядъ разновременныхъ указовъ повліялъ на образованіе крѣпостного состоянія въ эпоху реформы, однако, составъ его опредѣлился главнымъ образомъ благодаря ревизіи 1718—1727 гг. Записка „души“ въ ревизскую сказку того времени имѣла гораздо болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ простое привлеченіе лица, записаннаго въ нее, къ уплатѣ податей. Люди, записанные въ ревизскую сказку за даннымъ владѣльцемъ, попадали въ крѣпостную зависимость отъ него: законъ иногда прямо выражалъ такую мысль, представляя помѣщику „владѣть“ записанными за нимъ людьми и даже „владѣть ими вѣчно“; и такое владѣніе, „признанное и развитое правительствомъ въ виду государственнаго интереса, поддерживалось всею силою государственной власти“. Наравнѣ съ холопами ему подпали, конечно, и крестьяне, и нѣкоторые другіе разряды населенія, вообще люди, записанные за владѣльцемъ по поданной имъ ревизской сказкѣ; такимъ образомъ, не только старинные, но и вновь записанные за нимъ люди становились его крѣпостными. Слѣдуетъ замѣтить притомъ, что записка подобнаго рода производилась иногда помимо воли записываемаго: тотъ, кто во-время не пріискалъ себѣ владѣльца, могъ быть записанъ за тѣмъ, кто пожелалъ бы принять его, или даже записывался за тѣмъ, на чьей землѣ или въ чьей вотчинѣ заставала его ревизія.

Въ эпоху преобразованій смѣшеніе холоповъ съ крестьянами было окончательно признано закономъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ временныхъ выгодъ, которыя оно могло доставить казнѣ. Постоянно нуждаясь въ людяхъ и деньгахъ, Петръ не только не могъ остановить процесса сліянія холоповъ съ крестьянами, уже весьма замѣтнаго въ предшествующемъ періодѣ, но воспользовался имъ для того, чтобы привлечь всѣхъ холоповъ наравнѣ съ крестьянами къ обложенію. Впрочемъ, онъ не сразу приступилъ къ такому результату. Въ его законодательствѣ обнаружился двойной рядъ колебаній: во-1-хъ, ему надлежало выяснить, принимать ли холоповъ на военную службу или записывать ихъ только въ подушный окладъ; во-2-хъ, ему пришлось рѣшать вопросъ и о томъ, ограничиться ли запискою въ ревизскія сказки тѣхъ „людей“, которые уже были приняты во вниманіе писцовымъ наказомъ 1684 г. (дѣловыхъ, задворныхъ и кабальныхъ), или записывать всѣхъ холоповъ и „людей“ безъ различія. Естественно, что до 1718 года, т.-е. до того времени, когда на Аландскихъ островахъ начались переговоры шведскихъ уполномоченныхъ съ русскими о будущемъ мирѣ, Петру были нужны военныя силы: въ 1700 году онъ издалъ, напримѣръ, нѣсколько указовъ о пріемѣ бѣглыхъ холоповъ на военную службу; но уже въ 1711 году онъ различалъ дворовыхъ людей отъ остальныхъ: повелѣвъ продолжать набирать дворовыхъ холоповъ въ войско, въ даточные по третямъ, онъ запретилъ брать дѣловыхъ и задворныхъ людей, „которые платятъ всякія подати“.

Съ этой точки зрѣнія Петръ приступилъ и къ изданію указовъ о производствѣ ревизіи 1718-го и слѣдующихъ годовъ: въ началѣ (указъ 1719 г. янв. 22) дѣловые люди, которые пахали на своихъ помѣщиковъ, но своей пашни не имѣли, заносились въ сказки особою статьею только „для вѣдома“; затѣмъ деревенскихъ холоповъ. въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пахали только на господина, тоже велѣно „класть въ расположеніе“; наконецъ, въ силу указа отъ 19 января 1723 года, ревизоры стали заносить вь сказки и класть въ подушный сборъ вообще „всѣхъ служащихъ“, какъ крестьянъ. Такимъ образомъ, совершилось окончательное сліяніе между холопами и владѣльческими крестьянами въ податномъ отношеніи: теперь они наравнѣ съ послѣдними признавались налогоспособными и вмѣстѣ съ ними поручались своимъ господамъ, которые отвѣчали за исправную уплату податей, падавшихъ на ихъ ревизскія души; такую отвѣтственность, повидимому, давно уже практиковавшуюся, теперь, послѣ сліянія холоповъ съ крестьянами, тѣмъ легче было перенести на ихъ владѣльцевъ. Съ только-что указанной точки зрѣнія правительству, цѣнившему сельское населеніе главнѣйшимъ образомъ лишь постольку, поскольку оно представляло изъ себя платежную силу, незачѣмъ было настаивать на различіи между холопами и крестьянами; ему даже выгодно было усилить надъ ними власть ихъ господъ, а подъ возраставшимъ давленіемъ ея крѣпостные едва-ли почувствовали, что холопство уже отжило свой вѣкъ: его замѣнило суровое крѣпостное право, распространившееся и на прежнихъ „вольныхъ государевыхъ людей“.

Въ самомъ дѣлѣ, привлекая всѣхъ къ службѣ государству, преобразователь не могъ оставить безъ всякаго употребленія и силы „гулящихъ людей“, тѣмъ болѣе, что упраздненіе этого разряда населенія связано было не только съ финансовыми, но и съ полицейскими соображеніями. Въ составъ вольныхъ, гулящихъ людей могли входить люди добровольно, а иногда за старостью и дряхлостью, отпущенные на свободу господами. или слуги, кабальная зависимость которыхъ по закону прекращалась. смертью ихъ господъ, или выходцы изъ плѣна, также получавшіе свободу по закону, въ случаѣ, если они до того времени были рабами, или наконецъ разные люди, не записанные въ писцовыя или переписныя книги, и т. п. Въ то время положеніе человѣка вольнаго, ни за кѣмъ не записаннаго, и ни къ какому государствненному тяглу не приписаннаго, было очень мало обезпечено: иногда онъ, „походя, кормился работою“; но большею частью онъ или попадалъ въ зависимость отъ новаго господина, или бродилъ по міру, или принималъ участіе въ какой-нибудь разбойничьей шайкѣ. Вообще вольный человѣкъ вызывалъ одни только подозрѣнія правительства: оно называло людей вольныхъ „гулящими“ и позаботилось объ уничтоженіи этого разряда населенія, „понеже отъ таковыхъ, кои шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣяться не мочно, но токмо умножается воровство“. Такая точка зрѣнія уже обнаружилась, напримѣръ, въ одномъ указѣ 1700-го года, когда вольноотпущенныхъ, годныхъ въ военную службу, велѣно было писать въ солдаты, а остальнымъ „давать изъ приказа холопья суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ“. Впрочемъ, участь вольныхъ людей была окончательно рѣшена только двадцать слишкомъ лѣтъ спустя: въ указѣ 1 іюня 1722 года Петръ повторилъ то же предписаніе, касательно записки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ солдаты, а относительно остальныхъ повелѣлъ, чтобы они сами явились къ переписи и чтобы „никто изъ нихъ въ гулящихъ не былъ“.

а каждый изъ нихъ „опредѣлялся бы въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службы не шатался“; „ежели же кто таковыхъ впредь поимаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу“. Такимъ образомъ, законъ попытался покончить съ разрядомъ вольныхъ государевыхъ людей; правда, имъ была предоставлена возможность приписываться и къ посадамъ, но, въ силу своего имущественнаго положенія, они едва ли могли воспользоваться даннымъ имъ преимуществомъ: на основаніи указа 1722 г. большинство гулящихъ людей должно было превратиться въ крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности классъ гулящихъ людей нельзя было вполнѣ уничтожить, но правительство долгое время отказывалось признать законность его существованія, такъ какъ отождествляло вольныхъ людей съ гулящими, а гулящихъ съ бездѣльниками и ворами.

Законодательное упраздненіе разряда вольныхъ государевыхъ людей повело къ нѣкоторымъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ развитіи крѣпостного состоянія: послѣ указа 1722 г. кабальное холопство теряло всякій смыслъ. И дѣйствительно въ силу указа 26 марта 1729 г. кабальные люди, даже назначенные, но не отосланные въ службу, записывались по требованію ихъ владѣльцевъ въ подушный окладъ за ними такъ же, какъ и дѣти кабальныхъ людей, что лишало ихъ возможности законно выходить въ свободное состояніе по смерти своихъ господъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, производства суднаго и земскаго приказовъ о запискѣ отпускныхъ мало-по-малу также прекращаются и появляется указъ о ссылкѣ гулящихъ людей, негодныхъ въ службу, въ случаѣ если никто ихъ не приметъ, въ Сибирь на поселеніе (16 іюля 1729 г.).

Нужда правительства въ плательщикахъ была настолько велика, что Петръ рѣшилъ подвергнуть закрѣпощенію и нѣкоторыя другія группы населенія: въ нѣсколькихъ указахъ 1720 — 1723 гг. преобразователь велѣлъ помѣщикамъ включать въ свои сказки излишнихъ церковнослужителей, а дѣтьми прежде бывшихъ поповъ, дьяконовъ и причетниковъ владѣть тѣмъ, на чьихъ земляхъ они будутъ записаны въ подушный сборъ; въ особо же расположенныхъ погостахъ такихъ людей приписывать къ прихожанамъ, къ кому они похотятъ.

Въ то же время въ числѣ второстепенныхъ способовъ установленія крѣпостного состоянія стало опредѣляться укрѣпленіе по воспитанію: въ указѣ отъ 23 октября 1723 г. постановлено малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), не помнящихъ, „чьи они прежде сего были“, отдавать для воспитанія желающимъ „въ вѣчное владѣніе“ и писать отданныхъ за ними же въ подушный сборъ.

Итакъ, благодаря вышеприведеннымъ указамъ, крѣпостная зависимость распространилась на нѣсколько новыхъ общественныхъ группъ, до того времени свободныхъ отъ нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и многіе законные способы выхода изъ крѣпостного состоянія прекратились. Правда, въ эпоху преобразованій были допущены еще нѣкоторыя исключенія: законъ того времени, напримѣръ, обѣщалъ крѣпостному свободу за справедливый доносъ его на помѣщика въ пропускѣ душъ по ревизіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при утайкѣ бѣглыхъ; крѣпостные люди принимались и на военную службу, даже помимо воли ихъ господъ, что впрочемъ вскорѣ было разрѣшено только тѣмъ изъ нихъ, которые не были „написаны въ деревняхъ на пашнѣ“; наконецъ, правительство отказывалось возвращать крѣпостныхъ, бѣжавшихъ на заводы (и фабрики), или дозволяло имъ оставаться тамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они платили по прежнему

оброки своимъ помѣщикамъ; но эти мѣры имѣли исключительный и временный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ такими исключеніями, правительство продолжало строго преслѣдовать бѣглыхъ и даже наказывало ихъ кнутомъ при отдачѣ; оно дошло до того, что одно время довело размѣры зажилыхъ денегъ до 100 рублей и угрожало вотчинникамъ и помѣщикамъ, пропустившимъ срокъ для возвращенія бѣглыхъ, лишеніемъ имѣній, а тому, кто не подаетъ сказки о находящихся въ имѣніи бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ,—смертною казнью (ук. 1704 г.). Временный же характеръ вышеуказанныхъ мѣръ обнаруживается изъ исторіи послѣдующаго законодательства: оно обязало крѣпостного доносчика, получившаго свободу, въ теченіе года пріискать себѣ новаго владѣльца, а, въ противномъ случаѣ, отдавало его въ солдаты или прежнему господину; записка въ вольницу [1]) людей, „желавшихъ отбыть отъ помѣщиковъ своихъ“, также прекратилась; уже въ 1722 г. велѣно было „тѣхъ людей, которые въ поданныхъ сказкахъ о душахъ мужескаго пола написаны, въ службу въ вольницу не принимать“, а въ силу указа отъ 20 сентября 1727 г. то же запрещеніе было распространено и на „дворовыхъ людей боярскихъ и на крестьянъ“, „не написанныхъ въ подушномъ окладѣ“; впрочемъ, такія запрещенія имѣли мало успѣха: правительству приходилось повторять ихъ и въ позднѣйшее время. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что дозволеніе крѣпостнымъ оставаться на заводахъ едва ли существенно мѣняло ихъ положеніе: вмѣстѣ съ приписными къ заводамъ и фабрикамъ, они подвергались эксплоатаціи и подчинялись власти ихъ владѣльцевъ, а съ развитіемъ дворянскихъ заводовъ и фабрикъ врядъ-ли могли выбраться изъ-за того владѣльца, за которымъ были записаны.

Вышеуказанный процессъ расширенія круга крѣпостныхъ отношеній, изъ котораго выходъ становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ, долженъ былъ, конечно, повліять и на развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными: она стала распространяться на большее число людей, въ меньшей мѣрѣ способныхъ ускользнуть изъ-подъ ея давленія; послѣднее условіе, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, содѣйствовало и усиленію ея; укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Преобразователь мало сдѣлалъ для того, чтобы обезпечить крѣпостныхъ отъ естественной склонности помѣщиковъ къ усиленію своей власти надъ ними: правда, онъ оставилъ за крестьянами право искать и отвѣчать въ судахъ отъ своего лица, а также запретилъ помѣщикамъ выставлять крестьянъ вмѣсто себя на судъ и подвергать ихъ правежу за господскіе долги; онъ попытался оградить произволъ владѣльцевъ относительно браковъ между крѣпостными и однажды рѣшительно высказался противъ продажи ихъ въ розницу; но большею частью онъ ограничивался тѣмъ, что старался нѣсколько оградить и расширить хозяйственную дѣятельность крестьянъ, „отягощенныхъ податьми“, и то преимущественно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она могла быть выгодной для казны. Такъ, онъ разрѣшилъ помѣщичьимъ крестьянамъ записываться въ посады подъ условіемъ уплаты обычнаго крестьянскаго оброка помѣщику, а также соотвѣтствующихъ податей въ казну за свое крестьянство и отбыванія тягла вмѣстѣ съ посадскими людьми; онъ оставилъ за крестьянами возможность вступать въ разнаго рода имущественныя обязательства. Въ виду, главнымъ образомъ, государственнаго интереса, онъ также требовалъ, чтобы владѣльцы, подъ опасеніемъ денежнаго „штрафа“, кормили

---

[1]) Вольницей назывались казаки. *Ред.*

своихъ старыхъ и увѣчныхъ людей и крестьянъ, „сбирая на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей тѣхъ селъ и деревень“ и заставляя ихъ за то прокормленіе работать на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣлъ отдавать имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ и запустошившихъ свои земли, въ завѣдываніе ихъ сродникамъ и свойственникамъ, а „которые не исправятся, и тѣхъ посылать подъ началъ до исправленія“. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что важнѣйшія изъ этихъ мѣръ едва ли получили надлежащее осуществленіе: въ позднѣйшее время само правительство указывало на то, что помѣщики выгоняютъ старыхъ и дряхлыхъ крѣпостныхъ и что законъ объ отдачѣ „мучителей своихъ крестьянъ подъ смотрѣніе опекуновъ остался безъ дѣйствія“. Остальныя же мѣры еще очень мало обезпечивали крестьянъ отъ стремленія помѣщиковъ произвольно расширить объемъ своей власти надъ ними; ни природа, ни границы ея не были опредѣлены въ законѣ; такимъ образомъ, развитіе ея въ значительной степени зависѣло отъ самихъ помѣщиковъ.

Въ то же время землевладѣльцы все чаще начинали высказывать взглядъ на своихъ крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу; правда, и въ XVII вѣкѣ они уже заботились иногда о томъ, чтобы крестьяне ихъ „не гуляли даромъ“, но едва ли съ той сухой разсудительностью и строгою послѣдовательностью, которая обнаруживается въ инструкціяхъ по вотчинному управленію, сочиненныхъ младшими современниками реформы. Татищевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, въ своихъ экономическихъ запискахъ, совѣтуетъ, напримѣръ, „всего вящше смотрѣть, дабы лѣтомъ во время работы (на помѣщика) ни малой лѣности и дальнего покою крестьянамъ происходить не могло, кромѣ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы“; но и по окончаніи работы на помѣщика, должно „принуждать крестьянъ (дѣлать) свою, а не давать имъ то на волю“. Хотя сочинитель экономическихъ записокъ заботится о томъ, чтобы лѣтнія работы производились вечеромъ, ночью и утромъ, а не днемъ, въ самое жаркое время, но, предоставляя крестьянамъ „въ самый жаръ, отъ десятаго до четвертаго часу пополудни имѣть свободу“, онъ тутъ же рекомендуетъ „и всякой скотъ на жаръ не пускать, а имѣть въ хлѣвахъ“. Съ такой точки зрѣнія на крестьянина хозяйственное положеніе его зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика: онъ могъ взять крестьянина къ себѣ во дворъ, т.-е. въ дворовые или оставить его на пашнѣ, смотря по нуждѣ; онъ иногда считалъ возможнымъ наказать плохого хозяина-крестьянина лишеніемъ его своего дома и отдачею его другому въ батраки безъ заплаты, а его, „лѣнивца, „совѣтовалъ имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ хорошую похвалу“; онъ приказывалъ „женить его неволею“ въ виду хозяйственнаго или иного какого-либо расчета; онъ могъ посадить его на барщину или наложить на него оброкъ, причемъ продолжалъ требовать съ него и „мелкій доходъ“. Насколько увеличились такіе платежи, видно изъ роста денежнаго оброка: въ 1724 г. по правительственной оцѣнкѣ онъ доходилъ до 40 коп. съ души, а въ 1760 г. сенатъ пришелъ къ заключенію, что въ то время помѣщики почти нигдѣ не получали меньше 1 руб. съ души, причемъ сами помѣщики, напримѣръ Татищевъ, полагали, что каждое тягло (т.-е. мужъ съ женою) будетъ въ состояніи заплатить „безъ тягости“ всего на всего до 10 рублей. Съ той же точки зрѣнія на крѣпостного какъ на рабочую силу, помѣщикъ менѣе разсудительный, чѣмъ извѣстный писатель и публицистъ, или бо-

лѣе его нуждавшійся въ средствахъ, могъ обратиться къ нимъ не сдерживаемой эксплоатаціи своихъ „подданныхъ“. По свидѣтельству Посошкова, „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать: и тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или, что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ: и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола“... Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда выгоднѣе было продать своего крѣпостного, помѣщикъ принимался торговать людьми; проданные или попадали въ такую же „неволю“ къ новому господину, или въ рекруты; отдача въ наемъ людей въ рекруты, вѣроятно, вскорѣ смѣнилась продажею ихъ, производившейся въ разбивку, преимущественно мелкими владѣльцами и лишавшею крестьянскую семью лучшихъ ея силъ. А противъ „лѣнивцовъ“ или строптивыхъ крѣпостныхъ они могли прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ или къ жестокой расправѣ, на которую трудно было жаловаться: когда въ 1762 г., напримѣръ, возникло дѣло о смерти двороваго человѣка, умершаго отъ побоевъ и истязанія, причиненныхъ господиномъ, то юстицъ-коллегія уклонилась отъ приговора на томъ основаніи, что не имѣла на этотъ счетъ точныхъ указовъ. Само собою разумѣется, что безконтрольная помѣщичья власть не всегда доходила до такихъ крайностей, вынуждавшихъ усиленные побѣги крестьянъ, или ихъ волненія; но отдѣльные случаи злоупотребленій помѣщиковъ могли имѣть мѣсто, и, вѣроятно, возникали чаще прежняго.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законъ даже благопріятствовалъ развитію помѣщичьей власти. При производствѣ ревизіи 1718—1727 гг., напримѣръ, самимъ помѣщикамъ велѣно было писать въ сказки „всѣхъ своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были“, и по сказкѣ владѣльца ихъ стали включать въ перепись; такъ какъ всѣ „деревенскіе“ жители должны были записаться за какимъ-нибудь владѣльцемъ, то теперь можно было легче, чѣмъ когда бы то ни было раньше, записать за собою вольнаго человѣка, помимо его желанія и даже вопреки его волѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя записанный и могъ предъявлять искъ объ утраченной имъ свободѣ, но если судебное мѣсто признавало искъ его неправильнымъ, то челобитчику грозила строгая кара: въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, напримѣръ, его, въ качествѣ ослушника, подвергали тѣлесному наказанію за своевольство, а позднѣйшее законодательство даже постановило, что всѣ люди, въ теченіе первыхъ двухъ ревизій записанные въ крѣпостное владѣніе, лишаются права доказывать незаконность записки. Далѣе, возлагая отвѣтственность за платежную исправность крѣпостныхъ на ихъ владѣльцевъ (1722 г.), законъ поставилъ въ самую тѣсную зависимость отъ ихъ разрѣшенія временныя отлучки подвластныхъ имъ людей; въ силу плаката 1727 г., помѣщики могли отпускать своихъ крестьянъ не иначе, какъ съ письменнымъ видомъ, даннымъ на срокъ. Задолго до появленія извѣстнаго плаката и другія права крестьянъ уже стали стѣсняться: въ 1707 г. запрещено было отдавать имъ таможенные и питейные сборы на откупъ, а вслѣдъ затѣмъ законъ потребовалъ, чтобы крестьянинъ, желающій ѣхать въ го-

родъ для подрядовъ, запасался свидѣтельствомъ за подписью помѣщика или его дворецкаго или стряпчаго о своемъ достаткѣ (1724). Наконецъ, указомъ 1717 г. было постановлено, что всѣмъ повольно нанимать людей въ рекруты, а въ 1720 г. разрѣшено вмѣсто сибирской губерніи служилыхъ людей всякихъ чиновъ и дѣтей ихъ, впрочемъ, кромѣ шляхетства, принимать и купленныхъ людей въ рекруты; законъ, слѣдовательно, дозволилъ, хотя и въ ограниченномъ еще размѣрѣ, ту торговлю людьми, которая окончательно была предоставлена помѣщикамъ указомъ отъ 4 декабря 1747 года. Такимъ образомъ, уже въ эпоху преобразованій самъ законъ давалъ нѣкоторыя права помѣщикамъ на ихъ крѣпостныхъ и прямо содѣйствовалъ развитію ихъ власти тѣмъ болѣе, что оставилъ границы ея безъ опредѣленія. Та же обязанность помѣщика вносить подушныя деньги за своихъ крестьянъ должна была отстранить послѣднихъ отъ непосредственныхъ сношеній съ мѣстной администраціей; представляя нѣкоторыя выгоды, такой порядокъ усиливалъ, однако, зависимость крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ и, вѣроятно, давалъ имъ поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ относительно крестьянскаго имущества.

Законодательная политика Петра подготовила кромѣ того нѣкоторыя изъ условій, благопріятствовавшихъ послѣдующему развитію сословныхъ привилегій дворянства, и, такимъ образомъ, косвенно повліяла на тотъ же процессъ развитія крѣпостного права. Въ связи съ военною реформой измѣнилась и система вознагражденія служилымъ людямъ за ихъ службу: вмѣсто помѣстныхъ окладовъ, они стали получать постоянное денежное жалованье, опредѣленное новыми штатами; но помѣстныя земли остались у прежнихъ ихъ владѣльцевъ, обязанныхъ личною службою. Сліяніе вотчинъ съ помѣстьями, фактически уже наступившее въ предшествующемъ періодѣ, было признано въ извѣстномъ указѣ 23 марта 1714 г.: вотчины и помѣстья (а также дворы и лавки) были подведены съ того времени подъ одно общее понятіе „недвижимаго“: одинаковыя права на вотчинныя и помѣстныя земли, впрочемъ ограниченныя соблюденіемъ пунктовъ о единонаслѣдіи, были предоставлены владѣльцамъ. Указъ 1714 г. былъ изданъ преимущественно въ виду „государственнаго интереса“; но съ отмѣною пунктовъ о единонаслѣдіи, законъ 1731 г. окончательно установилъ „какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно недвижимое имѣніе, вотчина“; владѣльца же ея стали называть помѣщикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостные, жившіе въ „деревняхъ“, которыя принадлежали шляхетству, становились въ болѣе зависимое положеніе отъ дворянъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Владѣлецъ населеннаго имѣнія уже смотрѣлъ на него какъ на собственность, владѣемую имъ не подъ условіемъ службы, а независимо отъ нея, хотя бы онъ все еще оставался обязаннымъ лично служить государству; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ готовъ признать и жившихъ на его собственной землѣ крестьянъ своимъ имуществомъ. Образованіе дворянской недвижимой собственности имѣло, кромѣ того, важное значеніе и въ послѣдующемъ развитіи исключительнаго права дворянъ владѣть имѣніями, населенными крестьянами. Въ позднѣйшихъ указахъ встрѣчаются ссылки на указъ отъ 1 февраля 1721 г. для доказательства того, что посадскимъ, а также боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ деревни имѣть и людей и крестьянъ покупать запрещено, а отсюда впослѣдствіи легко было вывести, что такія права принадлежатъ однимъ „благороднымъ“. Въ то же время дворяне были освобождены и отъ личныхъ податей; въ силу указа 1721 г., велѣно было

не записывать дворянъ въ ревизскія сказки; между крѣпостнымъ и дворяниномъ, записываемымъ только въ герольдмейстерскіе списки, установилась разница въ податномъ отношеніи: крѣпостной платилъ подушную подать, а дворянинъ только отвѣчалъ передъ правительствомъ въ исправности ея уплаты. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что между ними начинала уже чувствоваться и сословная рознь; она между прочимъ отразилась въ оффиціальной терминологіи: людей „подлыхъ" начали противополагать „благороднымъ"; послѣдніе, благодаря реформѣ, стали отличаться отъ своихъ подданныхъ внѣшнимъ обликомъ, а иногда и сословными тенденціями, слагавшимися у нихъ подъ вліяніемъ знакомства съ аналогичными явленіями въ жизни западно-европейскихъ обществъ.

Вышеуказанныя обстоятельства должны были, конечно, съ теченіемъ времени способствовать развитію сословныхъ привилегій дворянства; но въ эпоху преобразованій онѣ далеко еще не сложились и не могли въ полной мѣрѣ оказать вліяніе на характеръ помѣщичьей власти. Такъ какъ крѣпостные давно уже были оторваны отъ земли, то и владѣніе ими безъ земли, вопреки вышеприведенной ссылкѣ, становилось возможнымъ, за весьма малыми исключеніями, тому, кто платилъ за нихъ подушную подать; да и законодательство стало рѣшительно ограничивать право владѣть крѣпостными лишь въ позднѣйшее время (ср. указъ 1746 г.). Въ началѣ XVIII-го вѣка бывали даже случаи, когда крѣпостной владѣлъ крѣпостнымъ; еще въ 1766-мъ году сенатъ насчитывалъ за людьми разныхъ чиновъ, которые не имѣли деревень и которымъ указами имѣть крѣпостныхъ людей не запрещено, до 9944 душъ, за купечествомъ — дворовыхъ людей 3036 человѣкъ, вѣроятно, записанныхъ за нимъ до 1746-го г. Кромѣ того, нельзя говоритъ о сословныхъ привилегіяхъ дворянства въ эпоху преобразованій, такъ какъ послѣднее наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ обязано было служить государству и притомъ служило ему лично, на военной и гражданской службѣ и начиная съ самыхъ низшихъ ступеней ея: преобразователь отождествлялъ понятіе благородства съ понятіями службы государству и образованіемъ, нужнымъ для службы, а за уклоненіе отъ нея грозилъ дворянамъ конфискаціей имѣній и другими наказаніями.

Противоположность между безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ и привилегіями дворянства обозначилась только въ переходное время, наступившее послѣ эпохи преобразованій, когда высшій слой служилаго дворянства сталъ оказывать существенное вліяніе на законодательную политику. Съ развитіемъ взгляда на крѣпостныхъ, какъ на частную собственность ихъ владѣльцевъ, многія права, которыми крѣпостные фактически продолжали еще пользоваться, были отмѣнены, а власть помѣщиковъ—расширена самимъ закономъ; тогда же сложились и сословныя привилегіи дворянства.

L. Положеніе дворцовыхъ и казенныхъ крестьянъ во время Петра Великаго.

(*Изъ «Очерковъ изъ исторіи Петра Великаго и его времени» С. Князькова. М. 1909 г.).*

Что касается крестьянъ дворцовыхъ и казенныхъ, то за время Петра въ ихъ судьбѣ произошло немного перемѣнъ. Крестьяне дворцовые

получили свое названіе по дворцовымъ землямъ, на которыхъ жили. Дворцовыми же землями назывались, какъ кажется, всѣ тѣ волости и села, которыя были куплены или захвачены удѣльными великими князьями; къ этому основному ядру московскіе великіе князья присоединили всѣ вообще „черныя", т.-е. свободныя крестьянскія волости центральной и сѣверной Руси; это называлось, что они „окняжили" эти волости; окняживъ черныя волости, великій князь распоряжался ими по усмотрѣнію: дарилъ, продавалъ мѣнялъ и т. д. Съ середины XVI вѣка изъ этой массы земель выдѣляются тѣ, которыя собственно составляютъ имѣніе государя, и ихъ то только начинаютъ называть дворцовыми, а остальная масса объединяется подъ названіемъ казенныхъ. Дворцовыхъ крестьянъ въ 1646 году осталось 272,000 дворовъ, а въ 1678 г. 90,550 дворовъ. При Петрѣ много изъ дворцовыхъ деревень было роздано, и къ 1711 г. въ завѣдываніи дворцовой канцеляріи числится около 50,000 дворовъ. Крестьяне дворцовыхъ земель отбывали денежныя и работныя повинности въ пользу государева двора и занимались земледѣліемъ на себя. Взносы натурою во дворецъ дѣлались хлѣбомъ, рожью, овсомъ, ячменемъ, гречею, яровой пшеницею, сѣменемъ льнянымъ и конопляным, солодомъ, хмѣлемъ, горохомъ, баранами, говяжьими лопатками или полтями мяса, боровами, лебедями, гусями, курами, печенымъ хлѣбомъ, рыбою, медомъ, лубками, вѣниками и т. д., и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне пахали на государя. Дворцовыми селами въ XVII в. управляли приказчики, которымъ вмѣнялось въ обязанность „управу межъ крестьянъ чинить и ихъ судить"; приказчики слѣдили за прибылью и убылью крестьянскихъ семей, чему вели особыя записи; раскладка податей производилась обыкновенно самими крестьянами сообща, но собирались самые сборы приказчикомъ.

При Петрѣ изъ общей группы дворцовыхъ крестьянъ было выдѣлено нѣсколько вотчинъ, которыя составляли какъ бы личное имѣніе самого государя и отдѣльныхъ членовъ его семьи, какъ при царѣ Алексѣѣ село Измайлово считалось деревней самого государя. Въ 1708 г. Петръ подарилъ своей женѣ Екатеринѣ шесть мызъ подъ Петербургомъ, между прочимъ, Саарскую, впослѣдствіи Царское Село. 9 іюля 1712 г. указомъ опредѣлены были на обиходъ царя, царицы и царевны дворцовыя волости Новгородскаго и Псковскаго уѣздовъ, при чемъ проведено было явственное отдѣленіе частныхъ доходовъ государя отъ доходовъ государственныхъ: указъ гласилъ, чтобы всѣ сборы съ перечисленныхъ волостей, шедшіе по дворцовому вѣдомству, собирать на государя, а „другіе доходы, которые со всего государства положены", собирать въ Петербургскую губернію, какъ со всѣхъ частныхъ земель. Самъ Петръ считалъ себя владѣльцемъ земли въ 800 душъ въ Новгородской губерніи, и расходы своей частной жизни любилъ сообразовать съ доходами отъ этого своего имѣнья. Отдѣльныя имѣнья были даны, кромѣ Екатерины, дочерямъ и племянницамъ, вдовой женѣ брата, царя Ивана Алексѣевича, царевичу Алексѣю Петровичу. За Екатериной считалось къ концу царствованія Петра около 5,000 дворовъ съ населеніемъ въ 21,000 душъ. Хозяйство въ этихъ государевыхъ деревняхъ велось точно такъ же, какъ и всюду, оброки и сборы были тѣ же и такъ же порой выходили „изъ сносности человѣческой", достигая большой обременительности, какъ, напримѣръ, у скупой и сердитой царицы Прасковьи, вдовы царя Ивана Алексѣевича.

Въ распорядкѣ своей внутренней жизни и ея уклада государевы и

дворцовые крестьяне ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ казенныхъ и владѣльческихъ. По устройству ихъ жизни, казенныхъ крестьянъ можно раздѣлить на три большихъ разряда: крестьянъ черносошныхъ или казенныхъ собственно, однодворцевъ и ясачныхъ крестьянъ, какъ назывались разные инородцы сѣвера и Сибири, платившіе прямую подать натурой. Каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ сосредоточивался въ разныхъ краяхъ государства: черносошные—это по преимуществу крестьяне сѣвера Россіи, однодворцы—обитатели юга, ясачные—по преимуществу востока. Черносошные крестьяне — это тѣ, которые живутъ на своей землѣ и изстари ее обрабатываютъ, платя за это подати въ казну. На сѣверѣ они сосредоточились, или, вѣрнѣе сказать, уцѣлѣли, вслѣдствіе того что здѣсь, въ нынѣшнихъ Пермской, Вятской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерніяхъ не существовало для Московскаго государства военной опасности, а потому ни держать здѣсь подъ рукой служилыхъ людей, ни заботиться о постройкѣ городковъ и засѣкъ тутъ было нечего. Земля здѣсь поэтому совсѣмъ не раздавалась „для службы", и служилый человѣкъ здѣсь на сѣверѣ всегда былъ явленіемъ случайнымъ, гостемъ, жилъ здѣсь не долго въ качествѣ воеводы, сборщика податей, вообще пришлаго чиновника.

Самоуправленіе волостей и уѣздовъ, организовавшееся въ Россіи около середины XVI в., пустило здѣсь прочные ростки. На русскомъ сѣверѣ временъ Московскаго государства не только крестьянская волость составляла одно самоуправляющееся цѣлое, но мѣстами существовало выборное управленіе цѣлымъ „уѣздомъ": выборные изъ крестьянъ и посадскихъ засѣдали во „всеуѣздной избѣ" и вершили всѣ дѣла по управленію и суду, собирали всѣ казенныя подати и платежи, разверстывали самую уплату ихъ и отъ себя доставляли всѣ казенные сборы въ Москву. Къ концу XVII в. казенные воеводы были здѣсь совсѣмъ отмѣнены.

Такимъ образомъ весь сѣверъ Россіи къ началу XVIII в. представлялъ изъ себя рядъ большихъ и малыхъ самоуправляющихся общинъ. Это были общины, которыя сами устраивали внутренній распорядокъ своей жизни; раскладывали и собирали подати, судили своихъ членовъ въ ихъ преступленіяхъ, были, словомъ, общинами, но только самоуправляющимися, а не хозяйственными; участки земли, обрабатываемые членами общины, составляли собственность не всей общины, а отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли продавать, покупать, завѣщать свои участки, распоряжаться ими вообще какъ своею частною собственностью. И это представленіе о своей землѣ на сѣверѣ было настолько сильно, что выдерживало всѣ натиски изъ Москвы, стремившейся проводить принципъ, что земля государева, а земледѣльцы только пашутъ ее и снимаютъ съ нея урожай, какъ плодъ трудовъ своихъ надъ государевой землей. Крестьяне сѣверныхъ черносошныхъ земель отказывались платить какіе-либо налоги, которые придавали характеръ пользованія ихъ хозяйствованію на землѣ, являвшейся въ ихъ глазахъ ихъ неотъемлемой собственностью. Петръ уже только, обложивъ черносошныхъ крестьянъ, кромѣ подушной, еще особою дополнительною оброчною податью, поставилъ ихъ формально въ такое же положеніе по отношенію къ правительству, въ какомъ находились владѣльческіе крестьяне по отношенію къ землевладѣльцу Со времени введенія подушной подати и оброка для черносошныхъ, они не признаются собственниками своихъ участковъ, а только какъ бы арендаторами казенной земли, и правительство тѣмъ самымъ

пріобрѣтаетъ право отдавать ихъ самихъ и ихъ земли въ крѣпость кому хочетъ. Съ этого то времени черносошные крестьяне становятся дѣйствительно государственными крестьянами, а ихъ земли—черныя сохи—государственною собственностью.

Такъ же обстояло дѣло и на югѣ государства, населенномъ однодворцами. Однодворцы—прямые потомки мелкихъ служилыхъ людей, поселенныхъ правительствомъ каждый на отдѣльномъ участкѣ по всей военной границѣ Московскаго государства. Эти служилые люди составляли собой ту живую и подвижную завѣсу, крайнія нити которой должны были умѣть нащупывать приближеніе врага, а все цѣлое оживлять и вооружать засѣки и мелкія укрѣпленія по вѣсти отъ первыхъ дозорщиковъ и грудью встрѣчать первый напоръ хищниковъ. Съ половины XVII вѣка этихъ поселенцевъ смѣняютъ на продвинувшейся дальше въ степь границѣ малороссійскіе полки, а потомъ учрежденная Петромъ ландмилиція. Военная служба людей, поселенныхъ въ поясѣ между Тульской и Бѣлгородской оборонительными линіями, перестаетъ быть нужной на мѣстѣ, такъ какъ опасность отодвинулась далеко на югъ. Тогда Петръ указомъ записалъ этихъ старыхъ служилыхъ людей въ подушный окладъ и превратилъ ихъ въ крестьянъ Сейчасъ же пришлось сдѣлать второй шагъ: если прежніе служилые люди теперь стали крестьяне, то земля ихъ, слѣдовательно, перестаетъ быть ихъ частной собственностью и становится государственной. Правительство Петра и его ближайшихъ наслѣдниковъ и стало къ этому клонить, вводя всѣми мѣрами общинные порядки, столь удобные для сбора податей и обезпеченія землей неимущихъ. Но тутъ это оказывалось провести еще труднѣе, нежели на сѣверѣ; у многихъ здѣшнихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, буквально владѣвшихъ однимъ только дворомъ, имѣлись документы на владѣніе участками, выданные имъ самимъ правительствомъ. Частное землевладѣніе однодворцевъ превратить въ общинное однимъ указомъ оказывалось невозможнымъ, и только еле къ серединѣ XIX в. около половины всѣхъ однодворцевъ перешли къ общинному владѣнію землей.

Почему правительство такъ стремилось ввести общинные порядки пользованія землей тамъ, гдѣ ихъ не было—понятно: при господствѣ частной собственности не была обезпечена исправность платежа податей и притомъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, при господствѣ частнаго владѣнія землей хуже обезпечивалась прочность круговой поруки плательщиковъ податей, разверстывавшихъ платежи между собой; при свободѣ частнаго владѣнія землей плательщики, связанные круговой порукой, не имѣли возможности поддержать прирѣзомъ общественной земли случайно начавшаго бѣднѣть общинника, не могли вообще такъ уравнивать землевладѣніе въ своей средѣ, чтобы не получались безработные и безземельные. Во-вторыхъ, при свободѣ частнаго владѣнія землей земельные участки неизбѣжно скоплялись въ рукахъ зажиточныхъ владѣльцевъ и ускользали изъ рукъ бѣднѣвшихъ; благодаря этому получались лица, сравнительно богатыя и въ своемъ кругу могущественныя, которыя стали стремиться всю тягость повинностей и платежей перелагать на зависѣвшихъ отъ нихъ по займамъ и ссудамъ бѣдныхъ; эти послѣдніе оказывались не въ силахъ платить, благодаря чему создавались и росли недоимки. Кромѣ того, лишая многихъ мелкихъ небогатыхъ землевладѣльцевъ ихъ владѣній, эти „міроѣды“, какъ тогда говорили, способствовали созданію массы безземельныхъ, которымъ, чтобы не умирать съ голода, оставалось одно: итти въ батраки къ богачамъ. Вотъ, чтобы парализо-

вать всѣ эти непріятныя для казны и для государства послѣдствія, правительство и покровительствуетъ усиленно общинному началу въ строѣ крестьянской жизни, вводя его даже среди тѣхъ разрядовъ населенія, которые становились лишь по закону въ положеніе крестьянъ, а пріобрѣли землю и привыкли владѣть ею на правѣ частной собственности, какъ однодворцы и черносошные.

LI. Малороссія при Петрѣ Великомъ.

(*Изъ «Лекцій по русской исторіи» В. А. Мякотина. Спб. 1892 г.*).

Въ моментъ разрыва съ Польшей и присоединенія къ Москвѣ малорусскій народъ хотѣлъ порвать со всѣми ненавистными ему преданіями прошлаго подъ польскимъ владычествомъ, мечталъ о сверженіи всѣхъ трехъ видовъ неволи, надъ нимъ тяготѣвшей, политической, религіозной и экономической. Первыя двѣ цѣли достигались самымъ актомъ соединенія съ Москвою, государствомъ православнымъ и обѣщавшимъ блюсти внутреннюю независимость присоединившейся страны, третья должна была быть достигнута во внутреннемъ устройствѣ Малороссіи.

Польское дворянство, владѣвшее землями съ поселенными на нихъ крестьянами, было частью перебито, частью изгнано и, какъ сословіе, исчезло вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Весь малорусскій народъ, пріобрѣтя путемъ возстанія полную личную свободу, составилъ изъ себя чисто демократическое общество, дѣлившееся лишь на два класса: посполитыхъ и казаковъ, различавшіеся между собой не столько объемомъ правъ или своими занятіями, сколько родомъ своихъ повинностей по отношенію къ государственной жизни страны. Первые были свободными крестьянами, сидѣвшими на собственныхъ земельныхъ участкахъ и несшими съ нихъ денежныя и личныя повинности на содержаніе администраціи и войска; вторые, также сидя на своихъ земельныхъ участкахъ, отправляли съ нихъ военную службу. При этомъ переходъ изъ одного класса въ другой былъ на практикѣ совершенно свободенъ: козакъ, не желавшій нести военной службы, легко могъ сдѣлаться посполитымъ, и наоборотъ. Посполитые и козаки вмѣстѣ составляли сельскую общину, носившую названіе „громады“. Такая община имѣла и экономическое, и административное значеніе. Она являлась верховной распорядительницей всѣхъ земель, находившихся въ ея границахъ, могла отдавать и продавать ихъ своимъ членамъ и другимъ лицамъ, давала разрѣшеніе на поселеніе вновь приходившимъ людямъ и т. д. Отъ великорусской общины ее отличала однако та особенность, что она почти не знала передѣловъ земли. Изъ своей же среды такая община избирала себѣ начальника—атамана. Этотъ послѣдній производилъ судъ въ присутствіи членовъ общины, вѣдалъ административныя дѣла и вмѣстѣ являлся предводителемъ козаковъ въ походахъ; тамъ, гдѣ община посполитская отдѣлялась отъ козацкой, она имѣла и особеннаго выборнаго представителя, именовавшагося войтомъ. Отдѣльныя сельскія общины объединялись въ болѣе крупныя единицы, именовавшіяся сотнями; во главѣ ихъ стоялъ опять избираемый всѣмъ населеніемъ сотни сотникъ, соединявшій въ своемъ лицѣ судебную, административную и военную власть. Нѣсколько сотенъ составляли изъ себя полкъ; такихъ полковъ во всей лѣвобережной Малороссіи было 10, и каж-

дымъ изъ нихъ управлялъ избираемый населеніемъ и утверждаемый гетманомъ полковникъ съ нѣсколькими помощниками, также занимавшими свои должности въ силу избранія и носившими общее названіе полковой старшины. Наконецъ верховное мѣсто въ гражданской и военной администраціи страны занималъ гетманъ, при которомъ также были помощники въ видѣ такъ называвшейся генеральной старшины; въ числѣ ея были генеральный судья, составлявшій со своею кацеляріей верховную судебную инстанцію, въ которую поступали аппеляціонныя жалобы изъ полковничьихъ судовъ, генеральный есаулъ, завѣдывавшій всѣмъ войскомъ, генеральный обозный, вѣдавшій артиллерію, и другіе. Какъ гетманъ, такъ и вся генеральная старшина избирались радой или народнымъ собраніемъ, на которомъ могъ присутствовать всякій членъ народа.

Такимъ образомъ въ идеалѣ малорусскій народъ представлялъ изъ себя строго демократическое общество, основанное на полной свободѣ его членовъ, на исключительно трудовомъ хозяйствѣ и полномъ самоуправленіи и поддерживаемое избирательной на всѣхъ своихъ ступеняхъ администраціей. Но въ дѣйствительности такой идеалъ никогда не былъ осуществленъ: уже на первыхъ же порахъ существованія Малороссіи, какъ независимой страны, въ народномъ быту рядомъ съ хозяйствомъ трудовымъ образовалось или, вѣрнѣе, сохранилось и хозяйство капиталистическое, основанное на принудительномъ трудѣ, и это послужило исходнымъ пунктомъ для процесса, постепенно создавшаго глубокое соціально-экономическое разъединеніе въ народѣ. Дворянство, какъ сословіе, болѣе не существовало въ лѣвобережной Украйнѣ, но дворянскія имѣнія не вполнѣ исчезли. Многіе изъ прежнихъ владѣльцевъ ихъ, видя силу поднятаго Хмѣльницкимъ возстанія, сочли болѣе благоразумнымъ пристать къ нему и такимъ путемъ сохранить земли, какими владѣли раньше; Хмельницкій же въ свою очередь не отказывалъ имъ въ утвержденіи имѣній, стремясь увеличить свои силы. Благодаря этому обстоятельству возстаніе далеко не разрушило всего дворянскаго землевладѣнія: значительные обломки его уцѣлѣли въ Украйнѣ и особенно на сѣверѣ, въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ. Къ нимъ присоединился еще особый видъ крупнаго землевладѣнія; именно монастырское. Православные монастыри, при полякахъ уже владѣвшіе громадными поземельными имѣніями, теперь тоже обратились къ гетману съ просьбами утвердить имъ эти имѣнія, указывая на то, что воинамъ, сражавшимся за вѣру, неприлично будетъ лишить церковь ея достоянія; на этомъ основаніи они требовали утвержденія за собою имѣній и обязательства для жившихъ въ послѣднихъ крестьянъ работать на нихъ. Хмѣльницкій уступилъ этимъ представленіямъ и исполнилъ желаніе монаховъ; случалось даже, „козацкій батько“ такъ разщедривался, что „отдавалъ въ послушенство“, по тогдашнему выраженію, монастырямъ не только посполитыхъ, но и козаковъ, и послѣднимъ немалаго труда стоило освободиться отъ монашеской власти, подъ которую они неожиданно подпадали. Такимъ образомъ въ Малороссіи сохранились крупныя имѣнія, сохранились и обязанные своимъ трудомъ владѣльцу крестьяне.

Пока это были лишь частныя исключенія, хотя и очень многочисленныя, но значеніе ихъ пріобрѣло болѣе важный характеръ, когда по образцу ихъ стало строиться старшинское землевладѣніе. Старшина держалась непосредственно на счетъ народнаго труда. Гетманъ во всей Малороссіи, полковники каждый въ предѣлахъ своего полка имѣли право раздавать чинамъ администраціи пустыя и населенныя земли, причемъ

жившіе на послѣднихъ крестьяне обязывались состоять у нихъ „въ послушенствѣ“, т.-е. помогать имъ въ ихъ хозяйствѣ. Первоначально эта обязательная помощь была очень незначительна и заключалась только въ рубкѣ и возкѣ дровъ и кошеніи сѣна на дворѣ такого владѣльца, но постепенно она стала расширяться и расширеніе это совпало съ измѣненіемъ положенія самой старшины. Сперва только одни личныя качества рѣшали вопросъ объ избраніи того или другого человѣка на должность, но такъ продолжалось недолго. Пользуясь своимъ положеніемъ, дававшимъ имъ въ руки широкую власть надъ населеніемъ, люди, разъ занявшіе должность, скапливали себѣ значительныя имущества. По смерти Богдана Хмельницкаго, нѣкогда бывшаго простымъ, хотя и значительнымъ козакомъ, Выговскій укралъ изъ его частной казны милліонъ рублей, которые, конечно, явились не изъ хозяйственныхъ оборотовъ бывшаго владѣльца Субботова. Полковники и сотники получали по обычаю въ свою пользу штрафы съ обвиненныхъ по суду и могли произвольно увеличивать размѣры этихъ штрафовъ. Путемъ этихъ и другихъ поборовъ съ населенія, экономическое благосостояніе старшины стало замѣтно повышаться и она выдѣлилась изъ общаго уровня козачества, не отдѣляясь однако отъ послѣдняго никакими юридическими признаками. Всякій козакъ имѣлъ одинаковое право быть избраннымъ на должность, но фактически это право осуществлялось по преимуществу для членовъ болѣе богатыхъ семей, оказывавшихъ сильное экономическое давленіе на массу народа. Выдѣлявшіеся изъ этой массы по своей зажиточности роды примыкали къ ранѣе образовавшейся старшинѣ и послѣдняя образовала такимъ образомъ какъ бы родъ отдѣльнаго общественнаго класса, стоявшаго выше другихъ. Это была своего рода аристократія, но аристократія не военная, а промышленная по преимуществу: многіе, самые видные впослѣдствіи роды въ ней происходили отъ торговцевъ свиньями, какъ, напр., Милорадовичи, или отъ крещеныхъ евреевъ, какъ Маркевичи и т. д; словомъ, въ основѣ ея лежала не знатность происхожденія, не военныя даже заслуги, а экономическая состоятельность. Отъ остальной массы народа ее отличало, помимо послѣдней, еще лишь владѣніе землею. Обративъ свои капиталы на землю, старшина расширяла свое частное землевладѣніе двумя путями: во-первыхъ, скуплей земель отъ посполитыхъ и козаковъ, во-вторыхъ—укрѣпленіемъ за собою недвижимыхъ имѣній, данныхъ ея членамъ лишь во время отбыванія ими должности. Для того и другого требовалось утвержденіе гетмана, представителя верховной власти въ народѣ. Но гетманъ, избираемый изъ рядовъ той же старшины и нуждавшійся въ ея помощи въ виду борьбы политическихъ партій для сохраненія собственнаго положенія, не отказывалъ въ разрѣшеніи скупать земли и равнымъ образомъ часто, исполняя просьбы того или друго старшины, передавалъ ему земли изъ условнаго владѣнія въ полное. Такъ росло и ширилось экономическое могущество старшины и она становилась классомъ землевладѣльческимъ по преимуществу.

Въ связи съ этимъ-то измѣнилось и положеніе крестьянства, сидѣвшаго на такихъ земляхъ, а отчасти и козачества. Прежнюю обязанность крестьянъ владѣльцы понемногу стали обращать въ барщинную работу и, повышая ея предѣлы, стали сводить отношенія между крестьяниномъ и владѣльцемъ къ безусловному подчиненію второму перваго, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ и притязанія на права собственности по отношенію къ крестьянскимъ землямъ. Крестьяне роптали, были даже случаи отдѣльныхъ попытокъ силой сбросить господство новыхъ пановъ, но борьба съ старшиной,

соединившей въ своихъ рукахъ административную власть и экономическое могущество, была имъ не по силамъ и они вынуждены были подчиняться, выражая свой протестъ лишь тѣмъ, что продавали или бросали свои земли и уходили въ другія мѣста. Тогда владѣльцы на опустѣлыхъ земляхъ селили другихъ крестьянъ и надъ ними пріобрѣтали уже болѣе широкія права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь увеличить число рабочихъ рукъ на своихъ землях, владѣльцы, пользуясь опять-таки своимъ служебнымъ положеніемъ, стали вынуждать козаковъ переходить въ число посполитыхъ путемъ различныхъ притѣсненій и обидъ. Жизнь народа сильно измѣнилась: существовавшія формы самоуправленія не обезпечивали ему сами по себѣ спокойнаго и мирнаго существованія, такъ какъ фактически власть сосредоточивалась въ рукахъ одного класса, наиболѣе экономически состоятельнаго и пользовавшагося этой властью въ своихъ личныхъ интересахъ. Не находя самъ возможности исправить это зло, народъ сталъ обращаться съ жалобами къ московскому правительству.

Такъ въ жизнь малорусскаго народа проникло глубокое разъединеніе, интересы представлявшихъ его классовъ раздвоились и часть его призывала московское правительство возстановить среди него истинный порядокъ. Посмотримъ, какъ же воспользовалось послѣднее такимъ призывомъ. Петровское правительство не осталось безучастнымъ къ жалобамъ малорусскаго населенія и постаралось отчасти оградить его интересы тамъ, гдѣ они тѣснѣе всего соприкасались съ интересами самого правительства. По указу Петра въ 1723 году произведена была во всей Малороссіи ревизія, въ которой записаны были всѣ посполитые и козаки и впредь строго было запрещено переходить изъ одного класса въ другой, причемъ старшинѣ подъ угрозой наказанія запрещалось принуждать козаковъ къ переходу въ посполитые. Это запрещеніе важно было и для самого правительства, такъ какъ при существованіи перехода ослаблялась сила козацкаго войска, но значеніе этой мѣры въ сильной степени подрывалось другими обстоятельствами: не говоря уже о томъ, что козакамъ малорусскимъ приходилось при Петрѣ постоянно участвовать въ военныхъ походахъ, Петръ первый подъ напоромъ обще-государственныхъ нуждъ сталъ возлагать на Малороссію новыя обязанности, не условленныя въ договорѣ съ Алексѣемъ Михайловичемъ, требуя, напр., козаковъ въ большомъ количествѣ на работы при сооруженіи Ладожскаго канала. Эти „канальскія работы“, какъ ихъ прозвали въ Малороссіи, въ связи съ постоянными военными походами сильно подрывали благосостояніе козацкаго хозяйства и вынуждали козаковъ становиться въ тѣсную экономическую зависимость отъ капиталистовъ—старшины и наконецъ переходить на ихъ земли въ качествѣ посполитыхъ или подсусѣдковъ, т.-е. крестьянъ же, но не имѣвшихъ постояннаго земельнаго участка, а работавшихъ на хозяйской землѣ и въ его пользу изъ извѣстной доли. Такимъ образомъ эта мѣра не оказала особенно сильнаго вліянія въ смыслѣ остановки начавшагося процесса ослабленія козацкой массы и экономическаго подчиненія ея старшинѣ.

Гораздо болѣе многочисленны и рѣшительны были мѣры Петровскаго правительства, направленныя на измѣненіе административнаго строя Малороссіи въ смыслѣ большого подчиненія этой страны центральному правительству. Рядъ жалобъ, шедшихъ на малороссійскую администрацію отъ населенія, давалъ поводъ и возможность къ такимъ измѣненіямъ, и Петръ послѣ измѣны Мазепы воспользовался ими въ своихъ интересахъ. При новомъ гетманѣ, Скоропадскомъ, назначенъ былъ особый великорус-

сійскій чиновникъ, Измайловъ, который долженъ былъ помогать гетману въ управленіи и вмѣстѣ слѣдить за гетманомъ и высшей администраціей въ Малороссіи и извѣщать обо всѣхъ ихъ неправильныхъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ. Учрежденіе такого контроля было лишь первымъ шагомъ въ ряду предположенныхъ Петромъ мѣръ; вскорѣ за нимъ послѣдовали другіе, еще болѣе рѣшительные. Въ 1722 году правительство воспользовалось одной изъ жалобъ на генеральный судъ, чтобы совершенно устранить его и поставить на его мѣсто новое, великорусское учрежденіе. Устроена была именно особая коллегія изъ шести штабъ-офицеровъ подъ предводительствомъ бригадира Вельяминова, составившая высшую аппеляціонную инстанцію по дѣламъ судебнымъ и вмѣстѣ обязанная слѣдить за сборомъ податей и правильнымъ ходомъ дѣйствій администраціи. Такимъ образомъ кругъ гетманской власти, а вмѣстѣ и самоуправленія все болѣе стѣснялся.

Наконецъ по смерти Скоропадскаго Петръ и вовсе не позволилъ избрать новаго гетмана, а поручилъ временно исправлять его должность черниговскому полковнику Полуботку. Подъ предводительствомъ послѣдняго старшина попыталась протестовать противъ такихъ дѣйствій. Составлена была челобитная, въ которой указывали и на нарушеніе договора, заключеннаго съ Хмельницкимъ, и просили о возстановленіи самоуправленія, и Полуботокъ съ нѣсколькими членами генеральной старшины повезли ее въ Петербургъ. Но этотъ протестъ вызвалъ только еще болѣе крутыя мѣры со стороны Петра: самъ Полуботокъ и подписавшая челобитную старшина были арестованы и посажены въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ Полуботокъ и умеръ, а на мѣсто прежнихъ выборныхъ полковниковъ назначены были управлять малорусскими полками великорусскіе офицеры. Еще ранѣе Петръ назначалъ самовольно на должности въ Малороссію многихъ людей, въ вѣрности которыхъ былъ увѣренъ. Всѣ эти мѣры не вызвали общаго недовольства въ Малороссіи, такъ какъ касались преимущественно старшины, далеко разошедшейся съ остальнымъ народомъ. Самъ Полуботокъ, глава національной оппозиціи, былъ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ землевладѣльцевъ и вмѣстѣ наиболѣе сильныхъ притѣснителей крестьянъ. Паденіе его и ему подобныхъ было скорѣе желательнымъ, чѣмъ печальнымъ явленіемъ. Но за этимъ не послѣдовало никакихъ общихъ мѣръ, которыя ослабили бы неправильнымъ путемъ создавшееся экономическое положеніе старшины и возвратили бы народному самоуправленію его первоначальную чистоту. Взамѣнъ того, послѣднее было просто замѣнено бюрократической администраціей великорусскаго происхожденія, и эта послѣдняя, выросшая въ атмосферѣ московскихъ приказовъ съ ихъ посулами и великорусскаго крѣпостного права, врядъ ли была многимъ лучше администраціи малорусской. Члены Вельяминовской коллегіи болѣе заботились о личномъ обогащеніи, чѣмъ о благѣ народа, и создали массу новыхъ поборовъ; офицеры, управлявшіе полками, иногда вели себя хорошо, но иногда грабили крестьянъ и козаковъ не хуже малорусскихъ полковниковъ, а хуже всего было то, что явилось много такихъ администраторовъ, которые, проявляя безусловную покорность центральному правительству, возводились имъ на должности и, опираясь на фактъ своего вѣрноподданничества, тяжко гнели населеніе поборами и насиліемъ въ свою личную пользу, не признавая никакой мѣстной власти.

Появленіе подобныхъ людей въ средѣ администраціи—а ихъ было не мало—объясняется только опасеніями Петра за вѣрность Малороссіи,

но, само собою, такая администрація тоже не могла избавить народъ отъ его тяжелаго положенія, а еще ухудшала послѣднее. Равнымъ образомъ пожалованіе многихъ имѣній въ Малороссіи великороссіянамъ, какъ, напр., Меншикову и Толстому, имѣло свои плохія слѣдствія, такъ какъ эти помѣщики, во-первыхъ, переносили сюда свои помѣщичьи привычки, а во-вторыхъ, пользуясь своей силой при дворѣ, отказывали въ повиновеніи мѣстной администраціи и тѣмъ еще болѣе расшатывали ея авторитетъ.

Такимъ образомъ Петръ, направивъ свои мѣры преимущественно на то, чтобы обезпечить вѣрность Малороссіи и притянуть ея населеніе къ несенію обще-государственныхъ тягостей, воспользовался существовавшимъ въ средѣ малорусскаго народа разъединеніемъ и сломилъ его самоуправленіе, но не устранилъ шедшаго въ его жизни экономическаго процесса, не возстановилъ имущественныхъ правъ народа и его независимости въ поземельныхъ отношеніяхъ, ограничившись здѣсь лишь нѣсколькими частыми мѣрами. Малороссія тѣснѣе соединилась съ Великороссіей, больше подчинилась московскому правительству, но народъ ея отъ этого мало выигралъ.

LII. Отношенія Петра къ патріархамъ, отмѣна патріаршества и учрежденіе синода.

(*Изъ «Руководства къ русской церковной исторіи» Знаменскаго*).

Всѣ протесты противъ реформы раздавались во имя вѣры и съ сильнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ; это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы всего духовенства — патріарха. Еще до времени своего единодержавія, при жизни матери, Петръ уже далеко разошелся съ п. Іоакимомъ. Къ этому времени относится грубая насмѣшка Петра надъ патріаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“, во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывшій учитель царя, съ титуломъ Іоанникита, патріарха презбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности — эклезіарховъ, дьяконовъ и проч.; самъ царь принялъ на себя должность протодьякона. Преемникъ Іоакима, Адріанъ, сначала-было рѣзко высказался въ старомъ духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили: „какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ“. Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ больше разгоралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе патріарха дѣлалось хуже, а отношенія къ нему царя подозрительнѣе. По случаю небольшого замедленія въ постриженіи царицы Евдокіи, Петръ такъ опалился на Адріана, что тотъ испугался и поспѣшилъ отвести отъ себя бѣду, сославшись на архимандрита

и четырехъ священниковъ; ихъ немедленно отвезли въ Преображенское. Очень понятно, что значила та встрѣча, какую царь сдѣлалъ патріарху, когда послѣдній вспомнилъ старинный обычай печалованія и передъ стрѣлецкими казнями явился къ Петру съ образомъ Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ. „Зачѣмъ эта икона?—закричалъ гнѣвный царь,—развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь образъ на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Его Пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышляющихъ". Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было какихъ-нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана: достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ говорить опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно, могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ во времена п. Никона. Несмотря на то, что Адріанъ вовсе былъ непохожъ на Никона, грозная тѣнь этого властительнаго патріарха была постоянно въ глазахъ Петра. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался, и возникъ трудный вопросъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочувствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого патріарха, который давалъ бы право надѣяться даже на одно только безмолвіе съ своей стороны. Петръ рѣшился повременить избраніемъ патріарха. Управленіе церковію на время поручено было мѣстоблюстителю патріаршаго престола, рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ русской церкви.

Отношеніе Петра къ великорусскому духовенству.

Прежде всего всѣ важные іерархическіе посты стали замѣщаться малороссійскими учеными, которыхъ такъ еще недавно преслѣдовали въ Москвѣ при послѣднихъ патріархахъ. Великорусскимъ духовенствомъ Петръ былъ недоволенъ: оно не имѣло нужнаго для цѣлей реформы образованія и постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ. Попадались не одни священники и монахи, но даже архіереи, напр. Исаія нижегородскій, который видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и Игнатій тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу Талицкому и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ антихристъ. Большая часть іерарховъ подражала безмолвію п. Адріана, и только очень немногіе выражали свое сочувствіе Петру. Первымъ великорусскимъ архіереемъ изъ юго-западныхъ ученыхъ былъ Стефанъ Яворскій. Онъ родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ русскаго шляхетскаго семейства, учился сначала въ кіевской коллегіи, потомъ въ польскихъ школахъ у іезуитовъ, гдѣ, какъ и всѣ русскіе ученики, долженъ былъ отречься отъ православія; въ 1689 году въ Кіевѣ опять присоединился къ православію, постригся въ монашество и опредѣленъ на службу при кіевской коллегіи. Въ 1700 году м. Варлаамъ Ясинскій послалъ его въ Москву съ просьбой къ патріарху о посвященіи его на переяславльскую епископію, но Петръ, замѣтивъ его проповѣднической талантъ, пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и указалъ поставить его прямо въ митрополита рязанскаго. По старой подозрительности къ юго-западнымъ ученымъ, Яворскаго встрѣтили въ Москвѣ очень недружелюбно, называли еретикомъ, обли-

ванникомъ, ляшенкомъ, и толковали, что онъ купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонцевъ; поэтому онъ очень упорно отказывался отъ великорусской каѳедры и принялъ посвященіе уже по непреклонному желанію самого царя. Къ концу года молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ очень милостивъ къ нему, давалъ ему значительныя награды, послѣ лишенія сана Игнатія тамбовскаго далъ Стефану и тамбовскую епархію.

Вслѣдъ за Яворскимъ на великорусскихъ каѳедрахъ стали являться и другіе архіереи-малороссы. Послѣ смерти Игнатія тобольскаго (1701) вызванъ на его мѣсто въ митрополиты батуринскій игуменъ, св. Димитрій Туптало. На тобольскую епархію, отъ которой отказался Димитрій, выбранъ былъ тоже малороссъ, Филоѳей Лещинскій. Въ 1707 г. открыта епархія иркутская, и первымъ епископомъ ея сдѣланъ тоже воспитанникъ кіевской коллегіи, Варлаамъ Коссовскій. Съ востока отъ п. Досиѳея опять послышались обличенія противъ малороссовъ. Въ 1702 г. онъ прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ (малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ москвитянъ, „аще и немудріи суть“. Но Петръ уже не обращалъ вниманія на представленія патріарха, потому что разница между дѣятельностью кіевскихъ питомцевъ и великорусскихъ іерарховъ была слишкомъ очевидна и далеко не въ пользу послѣднихъ. Въ то время, какъ пріѣзжіе архіереи заводили школы, боролись съ расколомъ, обращали инородцевъ, помогали царю въ реформахъ, старая іерархія, воспитанная среди старой немногосложной жизни, гдѣ важнѣйшимъ вопросомъ былъ только вопросъ объ обрядовомъ благолѣпіи и церковной дисциплинѣ, не нашли въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ новой обширной дѣятельности, какая теперь требовалась отъ нея новыми задачами реформы. Разумѣется, она вовсе не сознавала своей несостоятельности и сильно была обижена, видя, какъ всѣ важнѣйшія порученія и милости правительства помимо ея идутъ къ архіереямъ-черкасамъ, которые при томъ же были все люди молодые и новые. Затаенное неудовольствіе противъ черкасъ по временамъ изливалось въ дружескихъ письмахъ даже такихъ почтенныхъ святителей, какъ новогородскій митрополитъ Іовъ.

Дѣло царевича Алексѣя [1]).

Люди, недовольные преобразованіями, какъ извѣстно, всю надежду полагали въ будущемъ, когда долженъ былъ воцариться царевичъ Алексѣй, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное новыми порядками духовенство. Благочестивый царевичъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ высказывалъ большое нерасположеніе къ наѣзжимъ черкасамъ. Особенно сильное вліяніе на него имѣлъ его духовникъ, Яковъ Игнатьевъ, человѣкъ энергичный, съ сильнымъ характеромъ, бывшій для царевича тѣмъ же, чѣмъ былъ Никонъ для царя Алексѣя; царевичъ далъ ему клятвенный обѣтъ чтить его, какъ ангела Божія и судію дѣлъ своихъ, и во всемъ покоряться его волѣ. Будучи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Петра, Игнатьевъ употребилъ все свое вліяніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть ко всѣмъ дѣламъ и самой

[1]) См. въ этомъ томѣ о дѣлѣ царевича Алексѣя ст. Костомарова и ст. П. Н. Милюкова. *Ред.*

личности отца, напоминалъ Алексѣю о судьбѣ его несчастной матери Евдокіи, указывалъ на счастливую Екатерину, на которой царь женился вторымъ бракомъ, порицалъ распоряженія и реформы Петра, какъ противныя православію, и т. д. Царевичъ всего болѣе разсчитывалъ на расположеніе духовенства, въ которомъ былъ совершенно увѣренъ, и говорилъ своимъ приближеннымъ: „Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ; тогда меня и нехотя владѣтелемъ учинятъ". Къ нему былъ привязанъ самъ мѣстоблюститель Стефанъ, который начиналъ уже замѣтно скучать въ напрасномъ ожиданіи патріаршаго сана и понемногу сближался съ недовольной великорусской партіей духовенства. Въ 1712 г. онъ говорилъ проповѣдь на день Алексѣя человѣка Божія, тезоименитство царевича, и не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать въ ней очень прозрачныхъ намековъ на поведеніе царя, неодобрительно коснулся въ ней недавняго учрежденія въ Россіи фискаловъ, пустился въ обличенія противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь, и, обращаясь къ лицу царевича, называлъ его единою надеждою Россіи. Петру донесли объ этой проповѣди, и онъ совсѣмъ запретилъ Стефану говорить проповѣди. Съ этого времени друзья царевича считали мѣстоблюстителя своимъ. Царевна Марья Алексѣевна, державшаяся старины, говорила Алексѣю, что м. Стефанъ склоненъ къ нему и не благо принялъ бракъ царя съ Екатериною, отъ котораго могли быть другіе наслѣдники престола, кромѣ его. Несмотря на то, что царевичъ рѣдко сносился съ мѣстоблюстителемъ, Петръ сильно подозрѣвалъ послѣдняго въ соучастничествѣ съ своимъ сыномъ. Когда царевичъ скрылся отъ отца за границу (1718 г.), царь однажды спросилъ Яворскаго, чтó онъ объ этомъ думаетъ. — „Думаю, — отвѣчалъ уклончивый малороссъ, — что онъ хочетъ поучиться за границей". Царь быстро взглянулъ на него и сказалъ: „Если ты говоришь это въ утѣшеніе мнѣ, то хорошо; иначе слова твои — Мазепины рѣчи". Яворскій даже захворалъ отъ этого слова. Изъ-за границы Алексѣй писалъ письма къ довѣреннымъ лицамъ, Якову Игнатьеву, архіереямъ Досиѳею ростовскому, Игнатію Смолѣ крутицкому и Іосафу Кроковскому кіевскому. Когда его схватили и привезли изъ-за границы въ Москву, онъ выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и, между прочимъ, сильно повредилъ духовенству, поставивъ главною причиною своей вражды съ отцомъ „бесѣды съ попами и чернцами". Смерть Алексѣя была для царя самой тяжелой жертвой во имя реформы; раздраженіе его во время розысковъ по дѣлу царевича напоминало страшное время стрѣлецкаго розыска. Понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ виновникамъ всего этого дѣла, на которыхъ указалъ ему самъ царевичъ. „Когда бы не монахиня (Евдокія) и не монахи, — говорилъ онъ, — не дерзнулъ бы Алексѣй на такое неслыханное зло. Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ, а я съ тысячами".

Дѣло царицы Евдокіи.

Въ одно время съ дѣломъ царевича шло не менѣе тяжелое дѣло о его матери. По розыскамъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей, свое невольное постриженіе считала недѣйствительнымъ, ходила въ мірскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Въ сочувствіи къ ней и ея сыну снова попалось множество духовныхъ лицъ, которые поминали ее царицей при богослуженіи и воздавали ей царскія почести; попадались монахини Покровской оби-

тели, монахи окрестныхъ монастырей. духовникъ ея, ключарь суздальскаго собора Θеодоръ Пустынный, архимандритъ Досиθей (сдѣлавшійся потомъ ростовскимъ архіереемъ) и крутицкій митрополитъ Игнатій. Θеодоръ Пустынный, Досиθей и еще какой-то юродивый Михайло Босой пророчили ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ скорую перемѣну ея участи, ссылаясь при этомъ на свои видѣнія и гласы отъ образовъ. Когда она пеняла Досиθею за то, что пророчества въ назначенное время не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца, и бралъ отъ нея многіе дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; черезъ годъ увѣрялъ, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще черезъ годъ, что онъ уже только по колѣни въ аду, и т. д. Послѣ розыска Евдокія была заточена въ ладожскій монастырь. Сторонники ея и ея сына подверглись жестокимъ казнямъ и ссылкамъ. Казнены Яковъ Игнатьевъ и Θеодоръ Пустынный. Досиθея ростовскаго тоже приговорили къ смертной казни. „Только я одинъ попался,—говорилъ онъ на соборѣ предъ архіереями, снимавшими съ него санъ.—Посмотрите, и у всѣхъ что на умѣ; извольте пустить уши и въ народъ, что въ народѣ говорятъ". Онъ былъ колесованъ. Менѣе другихъ виновный, м. Игнатій назначенъ къ переводу изъ Крутицъ въ Иркутскъ, но отпросился по старости на покой въ Нилову пустынь. Іоасафъ Кроковскій вызванъ изъ Кіева къ допросу, но скоропостижно скончался въ дорогѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ.

Оба слѣдствія имѣли рѣшительное яліяніе на отношенія Петра къ духовенству. Оказывалось, что и малороссійскіе іерархи не всѣ могутъ раздѣлять его идеи. Воспитанные на латинской мудрости, кіевскіе ученые въ своихъ понятіяхъ о правахъ духовенства и отношеніи между церковной и государственной жизнью невольно увлекались клерикальнымъ духомъ латинства, тогда какъ понятія объ этихъ предметахъ самого Петра во многомъ носили оттѣнокъ протестантскій. Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства и всего, что̀ его напоминало, и еще во время перваго своего путешествія по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою самого себя. Въ 1712 г. въ Виттенбергѣ онъ сказалъ передъ статуей Лютера:—„сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ". Свою ненависть къ папству онъ выразилъ въ шутовской пародіи на папу и конклавъ, устроивъ свою коллегію кардиналовъ, съ княземъ-папой во главѣ, изъ самыхъ горькихъ пьяницъ и выставивъ ее на грубую народную потѣху. Но этотъ же князь-папа, когда было нужно, превращался еще въ яузскаго и кокуйскаго патріарха. Въ то время, какъ Яворскій и другіе іерархи ждали возстановленія патріаршества, оно сближалось въ головѣ Петра съ папствомъ. Въ 1714 г. онъ уже ясно высказалъ свою мысль о замѣнѣ единоличнаго церковнаго управленія соборнымъ. Въ 1715 г. онъ праздновалъ извѣстную свадьбу яузскаго патріарха Зотова,—шумный анти-патріаршій праздникъ, съ маскарадомъ, публичными процессіями и колокольнымъ звономъ на всѣхъ московскихъ колокольняхъ. Вопросъ объ уничтоженіи патріаршества былъ рѣшенъ. Въ 1718 г., когда были учреждены вмѣсто старинныхъ приказовъ коллегіи, вышелъ указъ учредить и духовную коллегію. Яворскій, вмѣсто патріаршества, назначался только въ президенты этой коллегіи; но и въ этомъ скромномъ званіи ему предстояло быть

только номинальнымъ правителемъ церкви: дѣйствительное вліяніе на церковную администрацію должны были получить другія лица, болѣе соотвѣтствовавшія видамъ Петра. Въ 1718 г. Ѳеофанъ поставленъ былъ епископомъ псковскимъ и съ этого времени сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ его послѣдующихъ церковныхъ реформахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами сѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Ѳеофанъ по порученію царя писалъ регламентъ для духовной коллегіи.

Открытіе синода.

Въ 1720 году духовный регламентъ былъ уже готовъ, а 1721 г. 14 февраля послѣдовало торжественное открытіе духовной коллегіи, получившей наименованіе святѣйшаго правительствующаго синода. Въ 1723 г. учрежденіе синода было подтверждено и восточными патріархами, которые въ грамотѣ своей называли его своимъ братомъ и признавали за нимъ власть, равную патріаршей. Причины новой формы церковнаго управленія были указаны въ регламентѣ, гдѣ говорилось, что коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны, можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣсняться боязнію предъ сильными лицами и, какъ соборное, имѣетъ болѣе авторитета, а съ другой стороны—представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо „простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и, удивляемый славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что поборають по самомъ Богѣ“. Въ доказательство указано на византійскую исторію и папское властолюбіе. „Да не воспомянутся,—сказано въ заключеніе,—подобные и у насъ бывшіе замахи“. Президентъ же коллегіи не имѣетъ на себѣ никакой чести, народъ удивляющей, не имѣетъ и особенной силы, такъ какъ его голосъ въ коллегіи равенъ съ голосами всѣхъ остальныхъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно созывать вселенскаго собора и обращаться на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой же коллегіи. Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое внѣшнее управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; члены его давали присягу считать государя своимъ „крайнимъ судіею“ и наблюдать всѣ государственные интересы.

Составъ св. синода.

Св. синодъ состоялъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вице-президентовъ (Ѳеодосій и Ѳеофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассесоровъ. Въ числѣ членовъ его были представители всѣхъ классовъ духовенства—административнаго (архіереи), подчиненнаго чернаго (настоятели монастырей) и бѣлаго (городскіе протопопы); для большей свободы голоса всѣхъ членовъ синода положено, чтобы настоятели и протопопы не выбирались въ синодъ въ одно время съ своими архіереями. Всѣхъ сильнѣе между членами синода были Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Яворскій сохранилъ между ними только номинальное первенство и никакъ не могъ помириться съ новою формою церковнаго управленія; въ послѣднее время онъ совершенно примкнулъ къ архіереямъ великоруссамъ и за-одно съ ними сѣтовалъ о невозвратно минувшихъ временахъ патріаршества. Другого президента въ синодъ послѣ смерти Яворскаго

(1722) Петръ уже не назначалъ. На открывшуюся синодальную вакансію назначенъ былъ новымъ членомъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вскорѣ посвященный епископомъ въ Тверь. Между вліятельными членами іерархіи это былъ теперь единственный кіевлянинъ, къ которому дружелюбно относились великорусскіе архіереи, одна изъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ личностей своего времени. Старшимъ между всѣми членами синода послѣ Стефана остался Ѳеодосій Яновскій, носившій званіе перваго синодальнаго вице-президента. Пользуясь довѣріемъ царя и будучи у него почти домашнимъ человѣкомъ, онъ до того развилъ свое вліяніе, что ему во всемъ старался уступать даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, неизмѣримо превосходившій его умомъ и широтой своей дѣятельности по церковнымъ дѣламъ. Все нерасположеніе къ черкасамъ сосредоточилось поэтому главнымъ образомъ на Ѳеодосіи. Своимъ недуховнымъ поведеніемъ онъ еще болѣе усиливалъ общее негодованіе великорусской іерархіи; онъ жилъ на широкую ногу, какъ знатный вельможа, заводилъ у себя роскошные столы, въ 1724 г. въ подражаніе царю устроилъ въ Москвѣ даже ассамблеи, на которыя должны были собираться всѣ духовные сановники Москвы по-очередно, то у того, то у другого. По своему безпокойному и властолюбивому характеру онъ, однако, ненадолго могъ удержаться на своей высотѣ. Недовольный тѣмъ, что послѣ Стефана не былъ назначенъ президентомъ, потомъ урѣзываніемъ архіерейскихъ доходовъ духовными штатами, онъ сдѣлался рѣзокъ, началъ высказывать негодованіе на обидѣніе и порабощеніе церкви свѣтскою властью, вспоминалъ м. Филиппа, бранилъ царя и подъ конецъ царствованія Петра окончательно потерялъ довѣріе и любовь государя; къ этому присоединилось еще опасное слѣдствіе о расхищеніи имъ церковныхъ вещей въ своей епархіи. Вскорѣ послѣдовавшая кончина Петра (въ началѣ 1725 г.) была поэтому очень счастливымъ событіемъ для Ѳеодосія, которое спасало его отъ серьезной опасности.

Положеніе синода въ составѣ администраціи.

По своимъ правамъ св. синодъ былъ во всемъ сравненъ съ сенатомъ и на ряду съ послѣднимъ непосредственно подчиненъ государю; въ отсутствіи государя ихъ совокупныя рѣшенія получали силу рѣшеній верховной власти. Какъ и сенатъ, синодъ получилъ власть въ предѣлахъ своего вѣдомства издавать новые законы и пополнять ими свой регламентъ, признанный основнымъ закономъ церковнаго управленія. Въ дѣлахъ, касающихся вѣдомства церковнаго и государственнаго вмѣстѣ, синодъ долженъ былъ имѣть конференціи съ сенатомъ. Представителемъ духовной власти государя какъ крайняго судіи духовной коллегіи, въ синодѣ явился оберъ-прокуроръ; указомъ Петра велѣно было „въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ". Оберъ-прокуроръ, названный въ одномъ указѣ „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ", долженъ былъ наблюдать за рѣшеніями въ синодѣ, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить о нихъ государю. Ему были подчинены прокуроры духовныхъ приказовъ и духовные фискалы,—чиновники, разсылавшіеся для надзора за духовнымъ управленіемъ по городамъ и монастырямъ. При синодѣ организовалось цѣлое фискальное управленіе въ формѣ инквизиторскаго приказа, во главѣ котораго стоялъ прото-инквизиторъ; ему были подчинены провинціалъ-инквизиторы, или фискалы.

Во области духовнаго управленія синодъ получилъ „силу и власть

патріаршескую или, по выраженію регламента, едва ли не большую, понеже соборъ". Ему поручено смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи, иконы, сказанія о святыхъ, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ и духовныхъ властей, разрѣшать ихъ недоумѣнія, судить ихъ по жалобамъ, наблюдать за поведеніемъ духовенства и мірянъ, рѣшать дѣла о бракахъ и разводахъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви. Св. синодъ наслѣдовалъ и епархіальную власть патріарха въ его епархіи. Такъ какъ члены синода жили большею частью въ Петербургѣ, то въ Москвѣ съ 1722 г. устроено было особое отдѣленіе синода—дикастерія или консисторія, управлявшаяся архіепископомъ крутицкимъ съ нѣсколькими московскими архимандритами.

LIII. О духовномъ регламентѣ.

(*Изъ соч. П. Морозова: «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель»*).

„А для лучшаго впредь управленія, мнится, быть надобно духовной коллегіи",—писалъ Петръ Великій въ отвѣтъ на представленія Стефана Яворскаго о церковныхъ дѣлахъ, въ концѣ 1718 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи этой мысли и въ борьбѣ за ея поддержаніе, которую можно назвать своего рода „культурною борьбой",—пришлось быть Ѳеофану, которому царь поручилъ написать для будущей коллегіи подробный уставъ, или по-тогдашнему „регламентъ". По свидѣтельству Ѳеофана (въ письмѣ къ Марковичу, отъ 10-го мая 1720 года), этотъ трудъ былъ имъ оконченъ въ началѣ 1720 года и представленъ царю, который приказалъ прочесть „регламентъ" въ своемъ присутствіи и, „перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ"; потомъ приказалъ прочесть въ сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы, шесть епископовъ (въ томъ числѣ и Ѳеофанъ) и три архимандрита (въ томъ числѣ—Ѳеодосій Яновскій). Читано было дважды, въ теченіе двухъ дней, и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки, съ одной стороны—епископы и архимандриты, съ другой—сенаторы; въ заключеніе подписалъ самъ государь. Затѣмъ одинъ экземпляръ этого акта отправленъ въ Москву и другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ. Ко дню открытія духовной коллегіи, 14 февраля 1721 года, регламентъ былъ уже, конечно, подписанъ всѣми, кому слѣдовало, и окончательно утвержденъ; но напечатанъ онъ былъ только семь мѣсяцевъ спустя—16-го сентября.

Въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, 25-го января 1725 года (конечно, и этотъ манифестъ вышелъ изъ-подъ пера Ѳеофана), „вины" [1]) преобразованія церковной администраціи изложены такимъ образомъ: „посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возъимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая

---

[1]) Т.-е. причины. *Ред.*

отъ него получивъ благопоспѣшества во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный онъ судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безъотвѣтны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, и не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому-жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ, уставляемъ духовную коллегію, то-есть, духовное соборное правительство", и т. д.

Къ манифесту приложена форма присяги для членовъ духовной коллегіи; въ ней, между прочимъ, читается: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго"; а затѣмъ прибавлены слѣдующія замѣчательныя слова: „Клянуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщаваемая, не инако толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ". Эта оговорка, предусматривающая возможность такъ называемой „reservatio mentalis", конечно, включена въ формулу присяги Ѳеофаномъ, въ укоръ Стефану Яворскому и другимъ представителямъ старо-церковной партіи за ихъ расположеніе къ католическимъ и, слѣдовательно, іезуитскимъ идеямъ. Изъ этого можно видѣть, что Ѳеофанъ не упускалъ ни малѣйшаго повода сдѣлать или сказать своимъ противникамъ что-либо непріятное. Здѣсь, въ актѣ законодательномъ, онъ говоритъ отъ лица верховной власти, вслѣдствіе чего его нападки на противниковъ пріобрѣтаютъ особенную силу и значеніе. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще для исторіи нравовъ петровской эпохи, регламентъ представляетъ очень много любопытнаго; говоря свободно и независимо, онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, и потому многіе параграфы устава представляютъ язвительную сатиру на нравы современнаго автору духовенства.

Духовный регламентъ раздѣленъ на три части: первая заключаетъ въ себѣ опредѣленіе духовной коллегіи, какъ учрежденія государственнаго, и тѣ соображенія, въ силу которыхъ было признано необходимымъ поставить церковное управленіе въ одинаковыя условія съ управленіемъ гражданскимъ и военнымъ; во второй части говорится о томъ, какія именно дѣла подлежатъ вѣдѣнію коллегіи; въ третьей опредѣляется „должность, дѣйство и сила" ея членовъ.

Самую мысль объ учрежденіи духовной коллегіи по образу всѣхъ прочихъ коллегій можно, въ извѣстномъ смыслѣ, назвать лютеранскою. Въ глазахъ Петра Великаго патріархъ, въ политическомъ отношеніи, почти отожествлялся съ папой, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія представлялись людьми, исполненными „папежскаго духа"; съ другой стороны, отвергавшая авторитетъ римскаго первосвященника церковь лютеранская управлялась коллегіально и была составною частью общаго государственнаго механизма. Такимъ образомъ, Петръ, отказываясь признавать независимое положеніе церкви въ государствѣ и отвергая авторитетъ патріарха, естественно, воспользовался для практическаго осуществленія этой идеи готовою формою, которая была уже выработана аналогичными обстоятельствами

на Западѣ. Доказательства, приводимыя въ регламентѣ въ пользу преобразованія церковной администраціи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и критику прежняго порядка вещей,—критику, полную весьма прозрачныхъ личныхъ намековъ на представителей и защитниковъ старины. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ", что „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится", что „въ соборномъ правительствѣ есть нѣкая школа правленія", и т. п.,—регламентъ замѣчаетъ, что „коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся" (а такою именно представлялась Петру старо-церковная партія); „еще же и се важное есть,—говорится далѣе,—что въ единомъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнію... Но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду". Эти замѣчанія, повидимому, совершенно общія, пріобрѣтаютъ особенный смыслъ, если припомнить, что мѣстоблюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, часто жаловался царю на свои нужды и немощи, и что авторъ „лютеранскаго пашквиля" на „Камень Вѣры", обращаясь къ тому же Стефану, укоряетъ его въ неправосудіи и лихоимствѣ, восклицая: „Утроба твоя крови и сребролюбія и ненависти исполнена". Далѣе мы встрѣтимъ намеки гораздо болѣе ясные: „Велико и сіе,—говоритъ регламентъ,—что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть что-то вторый государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ. Что же, егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своея не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремится. Таковому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣцы; тіи бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господня; и къ тому-жь беззаконію, яко къ къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что жь, когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то: далъ бы Богъ, чтобы о семъ домышлятися токмо можно было; но самою вещію не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося". Легко понять, какія именно событія имѣютъ въ виду это разсужденіе. Приведя нѣсколько примѣровъ изъ исторіи, авторъ еще поясняетъ свою мысль восклицаніями: „Да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!" Оставаясь всегда вѣрнымъ своимъ

основнымъ убѣжденіямъ, Ѳеофанъ и при концѣ своей дѣятельности, въ царствованіе Анны, высказывалъ объ этомъ предметѣ тѣ же самые взгляды и съ такою же рѣзкостью, какъ дѣлалъ это при Петрѣ.

Во второй части регламента, какъ уже сказано, опредѣляются дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной коллегіи. Дѣла эти могутъ быть или общія, касающіяся не только духовенства, но и всѣхъ прочихъ сословій, или частныя дѣла—одного духовнаго чина. Общія обязанности коллегіи заключаются въ искорененіи разнаго рода „неправостей"; все, что̀ можетъ быть названо суевѣріемъ, „сіе есть лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вышемышленное, а простой народъ прельщающее, и аки снѣжные замѣты правымъ истины путемъ идти возбраняющее,—все то къ досмотру (коллегіи) прилагается, яко зло общее". Регламентъ, указывая примѣры такихъ „неправностей", вмѣняетъ коллегіи въ обязанность: „Розыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иныя службы и молебны, которые наипаче въ наши времена въ Малой Россіи сложены суть: суть ли оная сложенія—писанію священному согласная. Смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти... Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людемъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится". Далѣе: „могутъ обрѣстися нѣкія церемоніи непотребныя или и вредныя", напримѣръ, поклоненіе пятницѣ; ихъ также слѣдуетъ искоренить. „О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся сумнительныя, розыскивать; смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ таковогo бездѣлія?". То же говорится и о чудотворныхъ иконахъ и о прочемъ.

Далѣе ставится вопросъ: „Есть ли у насъ довольное ко исправленію христіанскому ученію?" и по этому поводу объясняется, въ чемъ должно состоять настоящее и исключительное назначеніе духовенства. Представители церкви, по опредѣленію регламента, должны быть людьми учительными: „понеже немногіе умѣютъ честь книги, и отъ книжныхъ немногіе могутъ вся собрать отъ писанія, еже суть нужнѣйшая ко спасенію; того ради требуютъ руководства совершеннѣйшихъ мужей. Того бо ради пастырскій чинъ отъ Бога уставленъ". Главнымъ средствомъ для развитія въ народѣ религіозно-нравственныхъ понятій регламентъ признаетъ церковную проповѣдь: „А понеже мало есть, противно толикаго Россійскія церкве многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые бы наизусть могли проповѣдать догматы и законы св. писанія, то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тыя книжицы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и праздничные дни, въ церкви предъ народомъ". Для этой цѣли рекомендуется „сочинить три книжицы небольшія"—задача, выполненіе которой взялъ на себя самъ Ѳеофанъ одновременно съ составленіемъ регламента.

Опредѣляя „частныя" дѣла и обязанности духовенства, регламентъ прежде всего предписываетъ подробныя правила для епископовъ, при чемъ отчасти повторяется то, что̀ уже было высказано въ прежнихъ постановленіяхъ. Епископъ долженъ „смотрѣть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы

иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено; также о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ, и прочихъ всего того добрѣ наблюдать". Затѣмъ онъ долженъ „вѣдать мѣру чести своея и не высоко о ней мыслить", ибо законодатель имѣетъ въ виду „укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, донелѣже здравы суть, не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись. И оныя поклонницы, — добавляетъ регламентъ, — самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво: чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть". Далѣе отъ епископа требуется, чтобъ онъ „не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ во употребленіи власти своей осязательной, то-есть, во отлученіи и анаѳемѣ"; слѣдуетъ изложеніе длинной процедуры съ различными наставленіями, которыхъ епископъ долженъ держаться въ подобныхъ случаяхъ, и которыя, въ концѣ концовъ, сводятся, все-таки, къ тому, что безъ разрѣшенія коллегіи онъ ничего не можетъ сдѣлать. Въ этомъ требованіи и въ крайне тщательномъ и подробномъ опредѣленіи правилъ церковнаго увѣщанія и отлученія слѣдуетъ, кажется, видѣть намекъ на излишнее усердіе Стефана Яворскаго въ дѣлѣ „московскихъ еретиковъ" (1713 года), вызвавшее неудовольствіе царя. Наконецъ, регламентъ предписываетъ даже и такія правила, чрезвычайно характерныя въ законодательномъ актѣ какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ: „Если епископъ похощетъ звать къ себѣ гостей, то весь бы тотъ трактаментъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ бы побору на священство или на монастыри". Отправляясь для осмотра своей епархіи, епископъ долженъ „крѣпко заповѣдать служителямъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творили-бъ соблазна; наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья, и питья, и конскаго корму лишняго; кольми паче не дерзали бы грабить... Ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомыя скотины, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстыдіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются".

Нельзя отрицать, что все это, какъ и многое другое въ духовномъ регламентѣ,—черты, живьемъ схваченныя изъ современной ему дѣйствительности. Стоитъ только посмотрѣть, напримѣръ, хотя бы записки Добрынина, относящіяся ко временамъ, гораздо болѣе позднимъ, чтобъ убѣдиться, съ одной стороны, въ справедливости сатирическихъ укоровъ регламента, а съ другой—въ той непреложной истинѣ, что одними предписаніями закона нравы не измѣняются...

Эту истину сознавалъ, конечно, и авторъ духовнаго регламента, помѣщая вслѣдъ за статьей объ обязанностяхъ епископовъ пространныя правила о „домахъ училищныхъ", учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ проповѣдникахъ. „Извѣстно есть всему міру, — сказано въ предисловіи къ этимъ правиламъ, — каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, когда державнѣйшій нашъ монархъ обучилъ оное изрядными регулами... Тожъ разумѣть надобно и о управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". Слѣдуютъ доказательства пользы просвѣщенія: „Дурно многія говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... наши русскіе раскольщики не отъ

грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися?.. И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все хуждшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учитися: а то видимъ, что учились вси древніи наши учители не токмо св. Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи... Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе"...

Въ этихъ словахъ слышится голосъ Максима Грека, которому, въ свое время, приходилось доказывать, что грамматика не заключаетъ въ себѣ ничего еретическаго. Голосъ этотъ исходитъ теперь отъ самой верховной власти, которая нашла необходимымъ привлечь науку на службу государству; во все продолженіе петровскаго царствованія всевозможныя доказательства полезности и необходимости „добраго ученія" повторяются и въ законодательныхъ актахъ, и въ церковной проповѣди, и въ предисловіяхъ къ учебнымъ книгамъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ восторженнаго удивленія къ наукѣ и ея „насадителю", который, по словамъ „Разсужденія какіе законные прічины" и проч., „сочінілъ изъ Россіи самую метаморѳозисъ или претвореніе". — „Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ авторъ, „Разсужденія",—хотя прежде сего кромѣ россійскаго языка книгъ читанія и письма никто изъ Россійскаго народа не умѣлъ, и болѣ то въ зазоръ, нежели за искусство почитано, но нынѣ видимъ и самого его величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго, и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа, мужеска и женска полу, искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и голландскаго, и такого притомъ обхожденія, что не постыдно могутъ равнятися со всѣми другими европейскими народы, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-россійскомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества, напечатаны, и еще печати предаются".

Такимъ образомъ, за наукой впервые было признано право гражданства. Но, несмотря на то, что это признаніе было выражено и обосновано законодательствомъ, несмотря на то, что наука имѣла такихъ горячихъ поклонниковъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, старое убѣжденіе въ пагубности „мнѣній" и боязнь „зайтися въ книгахъ и изступить ума", въ продолженіе многихъ вѣковъ внушавшаяся народу учительными людьми, имѣли своимъ послѣдствіемъ явленіе, котораго не знаетъ въ такой мѣрѣ ни одна европейская литература: болѣе сотни лѣтъ понадобилось на то, чтобы повторять, при всякомъ удобномъ случаѣ, общія соображенія, высказанныя въ защиту науки регламентомъ, и внушать читающей публикѣ самыя элементарныя понятія о пользѣ наукъ вообще или какой-либо науки въ частности. Громадное большинство рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, имѣетъ предметомъ именно такія элементарныя разъясненія. Съ одной стороны, развитіе положительнаго идеала просвѣщеннаго общества, съ другой—отрицательное, обличительно-критическое отношеніе къ остаткамъ старины—вотъ, что составляетъ содержаніе главнѣйшихъ произведеній нашей литературы, начиная съ Петра Великаго и Ѳеофана

Прокоповича и—скажемъ это, не опасаясь упрека въ преувеличеніи—до настоящаго времени. Какъ одинъ изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей въ процессѣ секуляризаціи русскаго общества и литературы, освобожденія русской мысли отъ связывавшихъ ее, въ теченіе долгаго времени, традиціонно-церковныхъ путъ, Ѳеофанъ является родоначальникомъ отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ, представителемъ критики и обличенія во имя раціонализма, которымъ, въ большей или меньшей степени, проникнуты всѣ главныя его произведенія, и въ особенности регламентъ—актъ, опредѣляющій новое положеніе церкви въ государствѣ и представляющій, такимъ образомъ, рѣшеніе самаго важнаго вопроса того времени. Клеймя старинную московскую обрядность и буквализмъ названіемъ невѣжества и суевѣрія и выставляя членовъ стараго „учительнаго" сословія людьми, старающимися умышленно держать народъ въ невѣжествѣ для своекорыстныхъ цѣлей, — Ѳеофанъ единственное избавленіе отъ этого зла видитъ въ „добромъ ученіи"; только необходимо,— говоритъ онъ,—чтобъ это ученіе было на самомъ дѣлѣ „доброе" и основательное: „ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе". Далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о ложной учености и о мнимо-ученыхъ, напоминающее, по содержанію своему, Ѳеофановъ курсъ богословія и „Разговоръ гражданина съ селяниномъ и дьячкомъ".

„Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онъ сице? и когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою; кольми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ... Привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіе человѣцы глупѣйшіе бываютъ отъ не ученыхъ. Ибо, весьма темни суще, мнятъ себя быти современныхъ, и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали, не хотятъ, ниже думаютъ честь книги и больше учитися; когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не перестанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ. Се же вельми вредно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству (обществу), и отечеству, и церкви, предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ, и есть ли кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на Стефана Яворскаго и на его доносъ съ обвиненіемъ Ѳеофана въ неправославіи; — поэтому-то Прокоповичъ и не преминулъ прибавить, что неосновательные мудрецы „къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія" (конечно, надежду на патріаршество). Заключая характеристику мнимо-ученыхъ людей, Ѳеофанъ говоритъ, что „когда они богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изрыченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себя, что не все знаютъ. А мудріи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человѣка свойства есть отмѣнять мнѣніе".

Это разсужденіе объ ученіи „добромъ" и мнимомъ служитъ вступле-

ніемъ къ проекту академіи и семинаріи: — „сіе предложить судилося за благо, что если царское величество похощетъ основать академію, разсуждало бы духовное коллегіумъ, каковыхъ исперва учителей опредѣлить и каковой образъ ученія показать онымъ, дабы не вотще пошло государское иждивеніе и вмѣсто чаянной пользы не была бы тщета, смѣха достойная“.

Правила для предполагаемыхъ учебныхъ заведеній составлены чрезвычайно подробно и касаются не только программъ и плана преподаванія, но и образа жизни, занятій и даже развлеченій учащихся. Новая акедемическая программа, сравнительно съ программами старыхъ академій — Кіевской и Московской, имѣетъ характеръ преимущественно свѣтскій; въ составъ ея входятъ слѣдующіе предметы: 1) грамматика, купно съ географіей и исторіей; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика и діалектика (и едино то двоименное ученіе); 4) риторика (купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ); 5) политика краткая Пуффендорфова (аще она потребна судится быть, и можетъ та присовокупитися къ діалектикѣ). На изученіе каждаго изъ этихъ предметовъ полагается годъ. Вѣнцомъ курса поставлено богословіе, на изученіе котораго назначено два года. При этомъ преподавателю внушается, „чтобъ учено главные догматы вѣры нашей, и законъ Божій: челъ-бы учитель богословскій св. писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній; и вся бы догматы укрѣпилъ свидѣтельствомъ писаній. Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣдѣнію учить и иногда, избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говоритъ или лжетъ учитель ихъ“. Припомнимъ, что такого именно метода держался и самъ Ѳеофанъ въ своемъ преподаваніи богословія. О церковномъ преданіи въ его учебномъ планѣ не сказано ни слова, что впослѣдствіи подало поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на его мнѣнія со стороны его противниковъ: „онъ вѣруетъ,— писалъ Маркеллъ Родышевскій,—яко едино токмо св. писаніе, еже есть ветхій и новый завѣтъ, полезно намъ ко спасенію; и святыхъ де отецъ писаніе имѣетъ въ себѣ многіе неправости“, и т. д.

Вообще о преподаваніи всѣхъ предметовъ замѣчено, что учителямъ слѣдуетъ приказать, „чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, какая сила есть настоящаго ученія — грамматики, напримѣръ, риторики, логики и пр., и чего хощетъ достигнути чрезъ сіе или иное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плывутъ, и лучшую бы охоту возымѣли, познавали-бы повседневную прибыль свою, такожь и недостатки“.

Наконецъ, при школахъ должна быть достаточно полная библіотека: „ибо безъ библіотеки, какъ безъ души академія“.

За этимъ разсужденіемъ о программѣ и способѣ преподаванія въ академіи слѣдуетъ разсужденіе объ ученикахъ. Конечно, регламентъ имѣетъ въ виду учебное заведеніе закрытое—такую же бурсу, какія уже существовали въ то время въ Кіевѣ и Москвѣ. Мотивы, обусловившіе эту форму учебныхъ заведеній въ Россіи, понятны: съ одной стороны, это была форма традиціонная, перешедшая въ южную Русь изъ сосѣдней Польши; съ другой стороны, по новости этого дѣла у насъ, считалось необходимымъ сдѣлать обученіе въ школѣ строго-обязательнымъ, потому что иначе, пожалуй, никто не захотѣлъ бы посылать въ школу своихъ дѣтей. Исходя изъ такихъ соображеній, регламентъ предпола-

гаетъ обратить академію, и особенно находящееся при ней низшее училище, или семинарію, въ своего рода монастырь и держать въ нихъ учениковъ въ строгомъ заключеніи и подъ строгимъ надзоромъ, чтобы не разбѣжались. Планъ семинарскаго общежитія излагается со всѣми подробностями, напримѣръ: „во всякой избѣ имать быть префектъ, или надсмотрщикъ, человѣкъ хотя неученый, обаче честнаго житія, только бъ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ... Онъ имѣетъ власть наказать себѣ подчиненныхъ, но малыхъ—розгою, а среднихъ и большихъ—словомъ угрозительнымъ... Ректоръ, верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ". Учениковъ, въ первые три года ихъ пребыванія въ заведеніи, предписывается не отпускать никуда, а потомъ позволить выходить, но не больше, какъ два раза въ годъ, и то только на недѣлю и въ сопровожденіи особаго надзирателя. Авторъ устава и самъ сознаетъ, что „таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное"; но полагаетъ, что прожившему въ этомъ заключеніи годъ „весьма сладко будетъ", и предлагаетъ „ко врачеванію скуки нѣкоторыя регулы": ежедневную прогулку, время отъ времени—проѣздку въ Петербургъ и на острова, во время обѣда—чтеніе „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ; акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи („что зѣло полезно ко наставленію и резолюціи, сіе есть честной смѣлости"), гласъ мусикійскихъ инструментовъ" и пр.

Таковъ былъ, по понятіямъ Ѳеофана Прокоповича, идеалъ учебнаго заведенія. Воспитанникъ іезуитской коллегіи и ректоръ кіевской бурсы, конечно, не могъ отрѣшиться отъ педагогическихъ понятій, господствовавшихъ въ его время, хотя, можетъ быть, и сознавалъ нѣкоторые ихъ недостатки; подъ вліяніемъ ли царя, искавшаго и цѣнившаго въ наукѣ только непосредственно приносимую ею пользу, или по собственному побужденію, онъ старался усилить въ школѣ свѣтскій элементъ и сдѣлать ее, по возможности, не исключительно сословною; на практикѣ же вышло, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ иное,—и самъ Ѳеофанъ, разумѣется, былъ въ этомъ виноватъ всего менѣе. Обстоятельства скоро сложились такъ, что учебныя заведенія, предположенныя регламентомъ, обратились въ спеціальныя школы для духовенства, и Ѳеофану пришлось измѣнить свое первоначальное мнѣніе: „мой совѣтъ,—писалъ онъ, ходатайствуя объ открытіи семинаріи,—не принимать мальчиковъ свыше 10 лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, а если и обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ не трудно отучить; также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую; когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученыхъ въ немъ явятся изрядные учители, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять".

Упомянемъ еще мнѣніе Ѳеофана объ иностранныхъ учителяхъ: „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ, со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. Не надобно опасаться, что они дѣтей нашихъ совратятъ къ своей богословіи, потому что можно имъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія внѣшнія—языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы... Если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для чего бы опа-

саться у насъ?“ Достаточно сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, что́ было сказано объ иностранцахъ за 35 лѣтъ передъ тѣмъ въ проектѣ академіи Симеона Полоцкаго, чтобы во-очію убѣдиться, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Ѳеофана отъ воспитателя старшаго брата Петра Великаго; а между тѣмъ Симеонъ по своимъ понятіямъ стоялъ несравненно выше своихъ московскихъ предшественниковъ.

Предположенія Ѳеофана объ академіи и семинаріи при жизни его не осуществились. Но въ регламентѣ, вслѣдъ за этими проектами, находится еще требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, понеже,—прибавляетъ регламентъ,—и сіе вельми ко исправленію церкви полезно. А въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужное, обаче еще не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть... Но дабы не было роптанія родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя онаго и на покупаніе книгъ, такожь и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся,—подобаетъ, чтобъ ученики и кормлены, и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ“. Эти школы, обученіе въ которыхъ для дѣтей духовнаго званія было обязательно, развились впослѣдствіи въ духовныя семинаріи. Самъ Ѳеофанъ очень заботился о своей школѣ и составилъ для нея подробныя правила, съ росписаніемъ, что̀ ученики должны дѣлать въ каждый часъ дня. Въ этомъ уставѣ, по справедливому замѣчанію г. Чистовича, отзывается нѣсколько іезуитскимъ духомъ; особеннаго вниманія заслуживаетъ требованіе самаго строгаго надзора за учениками; имъ запрещается даже посылать куда-либо письма, не показавъ ихъ прежде директору; „такожь и кому откуду, хотя отъ родителей, письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но нераспечатанныя подавать директору, и когда онъ, распечатавъ и прочитавъ, отдастъ, тогда читать мощно“. Дальше этого въ надзорѣ было трудно идти; оставалось развѣ совсѣмъ запретить ученикамъ всякія сношенія съ тѣмъ, что́ на́ходилось за стѣнами семинаріи. Какъ черту нравовъ, отмѣтимъ еще особенную заботливость Ѳеофана о томъ, чтобы „дѣти“ не держали у себя водки и до пьяна не напивались...

LIV. Изъ духовнаго регламента.

Божіею милостію Мы, Петръ Первый, царь и самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Между многими попеченіями о исправленіи нашего народа и прочихъ подданныхъ намъ Государствъ по долгу Богомъ данной намъ власти, посмотрѣвъ и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую скудость результатовъ его дѣятельности, возъимѣли мы по нашей совѣсти страхъ, да не явимся неблагодарными предъ Вышнимъ, если, получивъ отъ Него такое благопоспѣшеніе въ исправленіи чиновъ Воинскаго и Гражданскаго, пренебрежемъ исправленіемъ чина Духовнаго, и да не будемъ безотвѣтными предъ этимъ нелицемѣрнымъ Судіемъ, когда Онъ спроситъ насъ объ этомъ врученномъ отъ Него намъ учрежденіи. Посему, принявъ на себя попеченіе о исправленіи Духовнаго чина, по примѣру бывшихъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ завѣтѣ царей, и не видя лучшаго способа, какъ Соборнаго упра-

вленія (потому что въ одномъ лицѣ—т.-е. единоличное управленіе—не безъ страсти бываетъ, да къ тому же духовная власть не наслѣдственна, и потому къ ней относятся черезчуръ небрежно). Мы учреждаемъ Духовную коллегію, то-есть Духовное Соборное Правительство, которое имѣетъ управлять, по слѣдующему здѣсь Регламенту, всякія духовныя дѣла во Всероссійской церкви. И повелѣваемъ всѣмъ вѣрноподданнымъ нашимъ всякаго чина, духовныхъ и мірскихъ, почитать его за важное и сильное правительство и обращаться къ нему съ просьбами о конечной управѣ, рѣшеніи и вершеніи духовныхъ дѣлъ, и довольствоваться его рѣшеніями (судомъ его опредѣленнымъ) и слушать его указовъ во всемъ, наравнѣ съ прочими коллегіями, подъ страхомъ великаго наказанія за противленіе и ослушаніе. Сія коллегія должна впредь дополнять свой регламентъ новыми правилами, какія потребуются возможными случаями въ разныхъ дѣлахъ; однакоже дѣлать сіе Духовная коллегія должна не безъ Нашего соизволенія. Опредѣляемъ же быть въ сей Духовной коллегіи нижепоименованнымъ членамъ: одному президенту, двоимъ вице-президентамъ, четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ. А понеже въ первой части въ 7 и 8 пунктахъ (регламента) упомянуто, что президентъ имѣетъ подлежать суду своей братіи, т.-е. той же коллегіи, того ради опредѣляемъ и голосъ ему имѣть одинъ, равный съ прочими. Имѣютъ же всѣ члены сей коллегіи, при вступленіи въ свое дѣло, учинить присягу или обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ по приложенной формѣ присяги. Подъ тѣмъ подписано Царскаго Величества собственною рукою Петръ. Въ Петербургѣ въ 25 день Генваря 1721 г.

Регламентъ, или уставъ Духовныя коллегіи, по которому она должна опредѣлить свои обязанности и обязанности всѣхъ духовныхъ чиновъ и свѣтскихъ лицъ, на сколько послѣдніе подлежатъ духовному управленію и по которому она должна поступать при веденіи (при отправленіи) своихъ дѣлъ. Раздѣляется сей регламентъ на три части, по числу трехъ духовныхъ обязанностей, вѣдѣнія достойныхъ и требующихъ управленія, а именно: 1) описаніе и причины учрежденія такого управленія; 2) дѣла, подлежащія сему управленію, и 3) обязанность, дѣйствіе и полномочіе самыхъ правителей. Основаніе управленія, т.-е. Законъ Божій, находящійся въ священномъ писаніи, и каноны или соборныя правила святыхъ отцовъ и гражданскіе уставы, согласно слову Божію, требуютъ для себя отдѣльной книги и здѣсь не помѣщаются.

LV. Ѳеофанъ Прокоповичъ.

(Изъ соч. И. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время»).

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ, 8 іюня 1681 года, и при крещеніи названъ Елеазаромъ. Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ или просто торговымъ человѣкомъ (mercator) и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Мать, оставшаяся въ крайней нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Елеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кіевобратскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи—Ѳеофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Елеазара въ академію, гдѣ онъ обучался грамотѣ и латинскому языку. Но послѣдовавшая въ 1692 г. смерть дяди въ другой разъ осиротила Елеазара. Добрая судьба послала

ему благодѣтеля въ одномъ кіевскомъ гражданинѣ (urbis civis, nobilis homo), съ помощью котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 г. Елеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми дарованіями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличной памятью въ немъ соединялась прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ выбранъ былъ въ регенты пѣвческаго хора.

Знакомымъ съ состояніемъ кіевской академіи въ концѣ XVII вѣка извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многаго своимъ воспитанникамъ. Однакожъ въ ней были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и іезуитами вносила въ сухую схоластическую науку живой элементъ, безъ сомнѣнія, благотворно дѣйствовавшій на образованіе.

Елеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ академіи—любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полнаго удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками академіи, отправился для продолженія своего образованія за рубежъ—въ польскія училища.

Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ. Этотъ отецъ полюбилъ его за веселость нрава, живость и игривость ума и взялъ къ себѣ жить, отличая его особеннымъ довѣріемъ. Лыбопытно, что онъ находилъ въ молодомъ Прокоповичѣ по внѣшности и уму сходство съ папою Урбаномъ VIII. Сверхъ общихъ уроковъ, онъ занимался съ нимъ приватно, лаская его съ отеческою любовію, и открылъ ему доступъ какъ въ ватиканскую, такъ и въ другія городскія библіотеки. Но почтенный отецъ безуспѣшно старался вовлечь его въ общество іезуитовъ, воспитателей юношества въ іезуитскихъ семинаріяхъ, или склонить къ принятію какой-либо другой духовной должности. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ аристотелической философіи и схоластическаго богословія и полную систему такъ называемыхъ у іезуитовъ casuum conscientiae. Послѣднихъ онъ не одобрялъ. Съ большею охотою онъ изучалъ творенія отцовъ восточной и западной церкви и классическихъ писателей, которыя всѣ имѣлъ неиспорченными (gemi-nos, non castratos). Онъ изучалъ въ краснорѣчіи—Демосѳена, Цицерона и Квинтиліана; въ героической поэзіи—Виргилія, въ элегической—Овидія, въ сатирахъ—Ювенала; въ одахъ—Горація и Катулла, въ эпиграммахъ—Марціала; въ исторіи—Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита. Ѳеофанъ говорилъ впослѣдствіи, что вышеупомянутый отецъ совѣтовалъ ему, какими писателями прилежнѣе заниматься, и изъ нихъ почерпать противоядіе противъ пустыхъ знаній. Занимаясь этими сочиненіями денно и нощно, онъ отказывался нерѣдко отъ пищи, и до такой степени превратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, что, казалось, овладѣлъ ихъ геніемъ. Слыша въ Римѣ изъ устъ папы Иннокентія XII публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, подъ которыми разумѣются русскіе, непринявшіе уніи, онъ тайно смѣялся надъ ними, какъ надъ пустымъ громомъ. А впослѣдствіи, говоритъ его біографъ, онъ открыто объявилъ ихъ незаконными и, по праву возмездія, въ Москвѣ и

Петербургѣ, въ Великій постъ, часто громилъ анаѳемою противниковъ греческой церкви. Онъ говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько сомнѣвающихся въ истинѣ христіанской религіи, какъ въ Италіи. Между тѣмъ онъ внимательно осматривалъ древній и новый Римъ, священные и свѣтскіе памятники новаго и прежняго времени; изучалъ форму папскаго управленія въ церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ и тонко примѣчалъ, что происходило при избраніи новаго папы Климента XI.

Вышедши изъ Вѣчнаго города, онъ посѣтилъ Латеранскій дворецъ, откуда опять прошелъ чрезъ Бонону и прочіе, на пути лежащіе, города. Но такъ какъ австрійскія и французскія войска (по случаю войны за испанское наслѣдство) сдѣлали дороги небезопасными, то онъ принужденъ былъ проходить окольными путями, испытывая, особенно въ зимнее время, разныя лишенія, оставаясь безъ пищи и сна; но все это онъ переносилъ безропотно, съ бодростью духа и тѣла. Перешедши чрезъ Сенъ-Готардъ, онъ прибылъ къ гризонамъ въ Ретіи и швейцарцамъ, познакомился съ извѣстными въ наукѣ мужами, и повсюду, какъ у католиковъ, такъ и не-католиковъ, находилъ радушный пріемъ, привлекая къ себѣ своею умною, гуманною рѣчью, знаніемъ иностранныхъ языковъ, и особенно своимъ образованіемъ, и такъ плѣнялъ всѣхъ, что они, всячески его одаривши, отпускали отъ себя съ сожалѣніемъ.

Въ бытность учителемъ поэзіи Ѳеофанъ составилъ піитику и написалъ трагикомедію „Владиміръ", представленную академистами 3-го іюля 1705 года. Эта послѣдняя замѣчательна какъ по выбору сюжета изъ русской исторіи, вмѣсто іудейской или греческой, такъ по художественнымъ достоинствамъ и, наконецъ, по той смѣлости образа мыслей, которая возвышаетъ его надъ общимъ уровнемъ идей того времени.

Въ 1706 году Ѳеофанъ перешелъ на классъ реторики и составилъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Насмотрѣвшись на іезуитское воспитаніе и іезуитское проповѣдничество въ Польшѣ и за границей, Ѳеофанъ въ своей реторикѣ съ особенною энергіею высказывается, при каждомъ случаѣ, противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и іезуитскаго проповѣдничества; „не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Ѳомы Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечестивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія". Ѳеофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной каѳедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, коихъ произвела Россія, „чтобъ узнали, наконецъ, пустѣйшіе, благоговѣющіе только передъ своими баснями, враги наши, что небезплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали, наконецъ, укорять насъ въ скудости святыни".

Замѣчательно у Ѳеофана изображеніе іезуитовъ: „великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что какъ темный ангелъ, такъ и его слуги обыкновенно одѣваются въ свѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, это самое поддѣльное благочестіе латинскихъ монаховъ служитъ для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, поступь, положеніе лица и тѣла ихъ: что увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любви; другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе, чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, большею частію совершенно напрасно называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей;—они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности: являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, от-

личаются бѣлизною кожи,—красавцы съ головы до ногъ; тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по-женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, почти въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній. Сейчасъ ты слышалъ его, веселаго и забавнаго; но если попадется въ рѣчи одно словечко сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ онъ и вздыхаетъ и стенаетъ, и слезки каплютъ, и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностію и пріятностью, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозрѣваю, что лучшіе учители у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ и Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ разсчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддался ихъ вліянію, тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; затѣмъ старшій, т.-е. главный начальникъ чужого спасенія, склонивши тихо голову на плечи и улыбаясь, говоритъ, пожимая руку встрѣтившагося знакомца: въ какомъ состояніи вашъ внутренній человѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ какъ нельзя лучше. Затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи нѣкоторый могущественнѣйшій царь, со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблаговременно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщинъ многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленіе дома, удивляются картинамъ и, увидѣвши Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ, и движеніемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться, но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, тихо лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы, или привѣшиваютъ къ шеѣ мѣдь съ изображеніемъ Игнатія (Лойолы), но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь больная женщина лежитъ въ постели; и если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства, или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ домы, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ. Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сантиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми: смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ,—немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всему убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ, во время проповѣди, непристойно разводитъ мѣшками (рукавами), пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и

пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каѳедру. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода".

Въ 1706 г. 4 іюля прибылъ въ Кіевъ государь для основанія Печерской крѣпости. На другой день Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно, это была рѣчь, давно неслыханная на церковной каѳедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго, государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ: это—стройная, одушевленная и блестящая рѣчь проповѣдника, оставившаго позади себя схоластическую риторику.

Въ слѣдующемъ 1707 году Ѳеофанъ опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи, которую преподавалъ два года; а сверхъ того преподавалъ физику, ариѳметику и геометрію, которыя до того времени не преподавались въ академіи. Но скромныя занятія учителя не наполняли его души. Его честолюбивый духъ порывался къ болѣе широкой и открытой дѣятельности. Онъ принималъ живое участіе въ тогдашнемъ военномъ и политическомъ движеніи въ Малой Россіи и, хорошо зная мѣстность и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣлъ случай оказать услугу правительству. Послѣ Полтавской побѣды, когда государь возвращался чрезъ Кіевъ, Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, въ Софійскомъ соборѣ всенародный на эту побѣду панегирикъ, который тогда же былъ напечатанъ въ кіевопечерской типографіи на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ. Въ декабрѣ того же года, въ церкви кіевобратскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово князю Меншикову и просилъ его покровительства для академіи.

Въ 1711 году, во время турецкаго похода, государь вспомнилъ о Прокоповичѣ и приказалъ ему быть къ себѣ въ лагерь. Ѳеофанъ явился и, слѣдуя за государемъ, 27 іюня, въ воспоминаніе полтавской побѣды, говорилъ проповѣдь въ Яссахъ,—столицѣ только-что принявшаго русское подданство молдавскаго княжества.

Онъ видѣлъ пораженіе русскихъ на берегу Прута и, по поводу несчастнаго сраженія, написалъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ надежду, что съ прутскимъ пораженіемъ еще не кончился разсчетъ русскихъ съ мусульманами.

По возвращеніи въ Кіевъ Ѳеофанъ опредѣленъ, по желанію Петра I, игуменомъ кіевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Послѣднюю должность онъ проходилъ, по замѣчанію его біографовъ, съ такой славой, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Заслуга Ѳеофана состоитъ въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ изученія и преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою.

Въ 1715 году Государь приказалъ Прокоповичу пріѣхать въ С.-Петербургъ. Ѳеофанъ и всѣ въ Кіевѣ сочли это знакомъ скораго посвященія его въ епископы.

До пріѣзда государева (а государь возвратился черезъ годъ послѣ пріѣзда Ѳеофана въ Петербургъ) Ѳеофанъ занимался сказываніемъ проповѣдей, которыя тотчасъ же печатались и пересылались къ государю. Ѳеофанъ былъ въ нихъ больше публицистомъ, нежели церковнымъ ораторомъ, болѣе разсказывалъ и разъяснялъ, съ правительственной точки

зрѣнія, политическія дѣла, нежели поучалъ истинамъ вѣры и правиламъ частной добродѣтели.

Вниманіе къ нему Меншикова, который, за отсутствіемъ государя, правилъ дѣлами государства, и слава его проповѣдей обратила на него всеобщее вниманіе.

Государь возвратился въ С.-Петербургъ 10-го октября 1717 года. Первая встрѣча его съ Ѳеофаномъ была совершенно въ пользу Прокоповича. По порученію Меншикова онъ приготовилъ къ пріѣзду государя три поздравительныя рѣчи—одну отъ лица двухлѣтняго царевича Петра Петровича, другую—отъ лица царевенъ Анны и Елизаветы, третью—отъ лица всего народа. Когда государь вошелъ въ комнату дѣтей, то изъ помянутыхъ рѣчей первую произнесъ предъ нимъ Herzens-Kind Меншиковъ, вторую—старшая царевна Анна Петровна, третью—самъ Ѳеофанъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ воскресенье 16-го октября, онъ сказалъ государю въ Троицкомъ соборѣ отъ лица всего народа поздравительное слово, а 24-го ноября, въ день именинъ царицы, сказалъ въ честь ея похвальное слово изъ—словъ „Пѣсни пѣсней": „крѣпко яко смерть любы". Государь нашелъ въ Ѳеофанѣ такого человѣка, какой ему нуженъ былъ для исполненія его предпріятій въ дѣлѣ церковнаго управленія и народнаго образованія.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ скончался псковскій митрополитъ Іосифъ. Государь рѣшился назначить на мѣсто его Ѳеофана. Это назначеніе, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, сдѣлано было и огласилось, хотя и не было объявлено оффиціально, въ началѣ 1718 года.

Въ промежутокъ времени между его назначеніемъ и посвященіемъ, Ѳеофанъ произнесъ въ вербное воскресенье замѣчательную проповѣдь о власти и чести царской, въ которой видны очень ясные намеки на положеніе дѣлъ и современныя лица. Судя по этимъ намекамъ, можно догадываться, что государь уже открылъ ему свои планы объ устройствѣ духовнаго чина и что, разсуждая съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ, вѣроятно, дѣлалъ свои замѣчанія о главныхъ лицахъ тогдашняго духовнаго правительства.

Говоря о противникахъ царской власти въ древнее и настоящее время, Ѳеофанъ съ особеннымъ удареніемъ останавливается на современныхъ противникахъ. „Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и небогопротивно; напримѣръ, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ како то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ еллини древніи нарицали місантропи, сі есть, человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о нѣкоемъ таковомъ Тимонѣ именемъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстью и, ненавидя добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злоключенія отечеству своему, что послѣдже сшелъ съ ума, и таковый обморокъ и мечтаніе возъимѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳинеи вси хотятъ вѣшатися; тотъ часъ же радъ и веселъ въ народъ, и таковую возгласилъ проповѣдь: мужіе, рече, аѳинейстіи, есть у мене въ

вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія, срубить хощу скоро же; молю васъ, идите вѣшайтеся, ибо долго ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи".

Намекъ слишкомъ ясный. Государь не любилъ Стефана Яворскаго за то, что тотъ косо смотрѣлъ не на одно только его разгулье, но и на всѣ его нововведенія. На сторонѣ Стефана было много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

„Помыслитъ бо кто, —продолжаетъ проповѣдникъ,—и многіи мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ-то досягающій и касающійся насъ; священство бо иное дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, а не иное государство". Опять намекъ и слишкомъ прозрачный на неподсудность церкви государству и на тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось уничтоженіе патріаршества и учрежденіе коллегіальнаго духовнаго правленія. Ясно что въ ту пору, когда Ѳеофанъ говорилъ свою проповѣдь, идея сѵнода и коллегіальнаго духовнаго правленія, а вмѣстѣ съ этимъ введенія церкви въ общую систему коллегіальнаго управленія уже переходила изъ области предположеній въ область фактовъ.

Что за странная судьба выпала на долю Ѳеофана повсюду возбуждать непріязнь противъ себя? Сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, онъ тотчасъ же подвергся непріятностямъ отъ своихъ товарищей, которые не давали ему покоя ни дома, ни въ обществѣ. Непріятности продолжались и послѣ того, какъ онъ сдѣлался ректоромъ академіи. Государь приглашаетъ его въ С.-Петербургъ къ посвященію въ епископа: только-что огласилось намѣреніе государя, какъ противъ Ѳеофана поднялась чуть не вся Москва, съ патріаршимъ мѣстоблюстителемъ во главѣ, и заявила протестъ противъ посвященія его въ епископы. Первое печатное сочиненіе его, Букварь, встрѣчено было въ обществѣ очень враждебно. Ту же судьбу имѣли и всѣ другія сочиненія. Друзья его дѣлались его врагами. Люди, которыхъ онъ ласкалъ и которымъ покровительствовалъ, при первомъ случаѣ становились въ ряды его недоброжелателей и выдавали его правительству своими доносами, или роняли его въ обществѣ, бросая тѣнь на каждый его проступокъ, черня каждый шагъ его жизни.

Что это за безпокойный характеръ, который всѣхъ отталкивалъ отъ себя, всѣмъ былъ непріятенъ, всѣхъ вооружалъ противъ себя? Нѣтъ сомнѣнія, что причиною раздраженія, которое Ѳеофанъ возбуждалъ противъ себя, была разность его принциповъ съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался. Но самая эта разность въ принципахъ условливалась особымъ складомъ его ума и всѣмъ ходомъ его образованія, которые создали изъ него особый типъ и придали ему характеръ, съ которымъ онъ является въ исторіи.

Внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Ѳеофановыхъ къ неудовольствію противъ него были тѣ нововведенія, въ которыхъ онъ былъ главною дѣйствующею причиною и которыя стали наперекоръ старому привычному теченію жизни.

Самымъ важнымъ изъ нихъ была замѣна патріаршества сѵнодомъ. Не Ѳеофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣй-

ствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи государя—организовалъ сvнодъ и составилъ для него уставъ.

Сочиненный Ѳеофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и сената, утвержденный государемъ уставъ духовной коллегіи подъ названіемъ „Духовнаго Регламента“, затрогивалъ самыя чувствительныя и больныя стороны въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житій святыхъ, чудесъ, акафистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія сvнода, закрытіе часовенъ, запрещеніе хожденій по домамъ съ иконами—все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и на духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ. Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Ѳеофана, котораго вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ считали главнымъ виновникомъ этихъ нововведеній. Но Ѳеофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ несдержимою ироніею, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ.

Значительная доля недовольныхъ принадлежала монашествующимъ, которые, сверхъ общихъ распоряженій, раздражены были указомъ 30 января 1724 года. Этимъ указомъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ и инвалидные дома для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Недовольные этими нововведеніями взвели на Ѳеофана обвиненіе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствій—совращеніемъ русской церкви въ лютеранство. Но самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій не откроетъ въ нихъ ничего противнаго православной церкви.

Разсматривая обвинительные пункты Маркелла Родышевскаго съ обвиненіемъ Ѳеофана въ неправославіи, и отвѣты на нихъ Ѳеофана, легко видѣть, что въ образѣ мыслей Ѳеофана нѣтъ ничего противнаго церкви, несогласнаго съ ея ученіемъ. Но онъ отдѣлялъ предметы и вопросы науки и исторической критики отъ строго опредѣленнаго ученія церкви, и не хотѣлъ освящать именемъ православія различныхъ обычаевъ, частію индифферентныхъ, частію противныхъ церкви, какихъ было много въ до-Петровской Руси. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ словъ. Маркелъ доносилъ на Ѳеофана, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: „тѣ правила, которыя называются апостольскія, не ихъ“. Ѳеофанъ отвѣчаетъ „правила апостольскія пріемлю за апостольское ученіе, но не по соглашенію, т.-е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано: что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются“. „Святыхъ отецъ книгу Діонисія Ареопагита называлъ неправильною и говорилъ, что и многія-де книги изданы подъ именемъ Василія Великаго и Златоустаго и прочія ложныя“. „Трудно — отвѣчаетъ Ѳеофанъ, — или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги, — ареопагитскій или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ, безъ разбора вѣры и любви, понеже не подлежитъ до вѣры артикуловъ“. „Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣ-

ритъ и говоритъ: мнѣ-де книгамъ критика вѣрить не велитъ". „Говорю и не я одинъ,—отвѣчаетъ Ѳеофанъ,—что лицемѣры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ сѵнодальномъ явилось. И архіереи, поставляемые обѣщаніемъ клятвеннымъ, одолжаютъ себя смотрѣть, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не притворяли". Обширная ученость давала ему опоры, которыхъ не имѣли его противники. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Ѳеофанъ по богословской учености и исторической критикѣ стоялъ едва ли не выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ богослововъ.

Могутъ возразить, что Ѳеофанъ высказывалъ свои настоящія убѣжденія при разныхъ случаяхъ въ разговорахъ съ разными лицами, которыя и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ, но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденія, когда, по доносу Маркелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть и такъ, но могло быть и не такъ.

Но то, что мы разсматривали до сихъ поръ, касается только свойства реформъ, возбудившихъ въ народѣ и духовенствѣ неудовольствіе противъ Ѳеофана и вызвавшихъ съ разныхъ сторонъ протесты противъ этихъ реформъ и противъ главнаго дѣятеля въ нихъ—Ѳеофана. Но есть еще другая сторона въ этомъ дѣлѣ, именно—образъ дѣйствій Ѳеофана въ отношеніи къ своимъ противникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеофанъ выказалъ здѣсь много темныхъ сторонъ своего характера. Но чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Ѳеофанъ находился во все время своей жизни — послѣ смерти Петра I. Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Ѳеофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ обще-церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій. При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ и при Петрѣ I. Конечно, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ апелляцій къ Тайной канцеляріи; но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ — или погибнуть гдѣ-нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, такъ же, какъ погибли тамъ Ѳеодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или — обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно, непохвальное дѣло запугивать государыню бунтами и революціями и держать въ страхѣ, слѣдовательно, подъ своею властію, министровъ, но мало пріятнаго и помѣняться ролями и судьбою съ своими противниками. И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Ѳеофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что другое время дало бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Ѳеофанъ. При болѣе высокомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояніи общества, вмѣсто того, чтобы растрачивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ несетъ на себѣ и его болѣзни. При чтеніи процессовъ Ѳеофана съ разными лицами, съ неудержимой

силой бьетъ въ глаза хаотическое состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродятъ разнородные, никѣмъ не направляемые элементы, и которое открывало полный просторъ для игры неудержимыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ вполнѣ отразилось это неустроенное состояніе тогдашняго общества. И тамъ, и здѣсь подняться съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ и такъ же скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее,—въ ту пору дѣло самое обыкновенное, хотя въ то же время самое неестественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояніи общества. Ѳеофанъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. Поэтому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состоянія тогдашняго общества и при томъ съ точки зрѣнія на него, какъ на государственнаго дѣятеля, хотя ближайшею сферою его были церковныя дѣла.

LVI. Стефанъ Яворскій.

(*Изъ «Сочиненій» Ю. Ѳ. Самарина; томъ V*).

Въ 1700 году Стефанъ Яворскій, пользовавшійся въ Южной Россіи славою ученаго и проповѣдника, отправленъ былъ для какихъ-то дѣлъ кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ Москву. Въ это самое время скончался фельдмаршалъ, бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. Царь, желая воздать особенную честь усопшему, велѣлъ устроить великолѣпныя похороны и произнести надгробное слово. Стали искать проповѣдника, и кто-то упомянулъ въ присутствіи царя о недавно пріѣхавшемъ въ Москву игуменѣ Стефанѣ. Его призвали и поручили сказать надгробное слово. Несмотря на то, что недоставало къ приготовленію ни времени, ни удобнаго мѣста, какъ замѣчаетъ біографъ Стефана, слово его имѣло полный успѣхъ. Петръ Великій, искавшій вокругъ себя людей даровитыхъ, не велѣлъ Стефану возвращаться къ себѣ въ Кіевъ и удержалъ его въ Москвѣ. Черезъ нѣсколько времени упразднилась рязанская каѳедра, и Петръ указалъ патріарху Адріану посвятить Стефана Яворскаго прямо въ митрополита рязанскаго и муромскаго. Долго и со слезами Стефанъ отклонялся отъ неожиданной чести, и, можетъ быть, предчувствуя, какое бремя хотѣли возложить на него, упрашивалъ царя отпустить его въ любимый Кіевъ; наконецъ, онъ покорился и былъ посвященъ апрѣля 7-го дня Трифиліемъ митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ. Престарѣлый Адріанъ, мучимый болѣзнью, не могъ посвятить своего будущаго преемника.

Въ томъ же году умеръ послѣдній патріархъ, и Петръ, вѣроятно уже рѣшившійся отмѣнить патріаршество, не созывалъ епископовъ на новое избраніе, а самъ поручилъ управленіе патріаршими дѣлами Стефану Яворскому. Въ 1702 году онъ уже является на верховной каѳедрѣ Россіи, съ титуломъ патріаршаго администратора, экзарха, викарія, блюстителя патріаршаго престола и, вѣроятно, съ тайною надеждою со временемъ быть патріархомъ.

Въ тяжелое время Стефанъ Яворскій принялъ въ руки кормило

Церкви. Внутри нея расколъ, озлобленный гоненіемъ, свирѣпствовалъ въ простомъ народѣ и въ монашествѣ. Невѣдомые и незримые проповѣдники бросали повсюду грозныя предсказанія и возбуждали къ страданію и мученической смерти за гибнувшее, по ихъ словамъ, православіе. Противъ этой толпы изувѣровъ, безумно уцѣпившихся за внѣшнюю форму, за пустыя преданія нашей старины, Стефану предстояло защищать реформу, новое время.

Съ другой стороны, вмѣстѣ съ иностраннымъ просвѣщеніемъ проникли въ Россію протестантскія мнѣнія и нашли послѣдователей въ городахъ, между ремесленниками и въ высшихъ сословіяхъ. Тамъ слышались насмѣшливыя укоризны на все старое, не щадившія и вѣры православной. Вторая, не менѣе трудная обязанность ожидала верховнаго пастыря: постоять за священныя преданія Церкви и обуздать протестантскій порывъ.

Наконецъ, внѣ Церкви, въ сферѣ государства началось уже великое дѣло преобразованія, и не трудно было угадать, что едва ли оно остановится у предѣловъ Церкви. Нѣсколько новыхъ узаконеній, касавшихся древнихъ правъ духовенства, нѣсколько рѣзкихъ словъ, брошенныхъ вскользь юнымъ монархомъ противъ власти духовной, противъ опальной старины, давали предугадывать въ немъ замыслы, еще не высказанные, но обдуманные и, по всей вѣроятности, не безопасные для Церкви. Боязнь и неизвѣстность того, что̀ таилось въ мысли Петра и что вскорѣ должно было открыться, сильно тревожило ревнителей православія. Страшая борьба предстояла избранному представителю Церкви съ желѣзной волею государя.

Въ этихъ обстоятельствахъ открывалось XVIII столѣтіе. Вся Россія распадалась на двѣ партіи: на партію старины и на партію обновленія. Та и другая имѣли свои крайности. Стефанъ Яворскій присталъ къ первой партіи. Его воспитаніе, понятія, почерпнутыя имъ изъ Западныхъ училищъ, его званіе и высокій санъ, который дѣлалъ его прямымъ наслѣдникомъ патріарховъ и возлагалъ на него обязанность стоять за права духовенства, наконецъ, сознаніе опасности, угрожавшей Церкви со стороны противной партіи, и, вѣроятно, также его личный характеръ, складъ ума — опредѣлили его и дали ему то значеніе, которому онъ оставался постоянно вѣренъ. Вся его жизнь была борьбою съ расколомъ, т.-е. съ крайностью той партіи, которой лучшую сторону онъ представлялъ, борьбою съ протестантизмомъ, какъ доктриною, и робкимъ противодѣйствіемъ, а подъ конецъ безмолвнымъ протестомъ противъ дѣлъ Петровыхъ, являвшихъ въ себѣ протестантское начало.

Немедленно по смерти Адріана Петръ Великій ограничилъ судебную власть патріарха, отдавъ подъ разныя вѣдомства многія дѣла, прежде ему исключительно подлежавшія.

Именнымъ указомъ 1700 г. декабря 16 отмѣненъ Патріаршій Разрядъ, и всѣ дѣла и приводы по челобитію во всякихъ искахъ мірскихъ и духовныхъ людей отосланы въ тѣ Приказы, въ которыхъ которые чины расправою вѣдомы. Дѣла по духовнымъ и по ряднымъ и по инымъ крѣпостямъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ отосланы въ Помѣстный Приказъ. Дѣла духовныя о расколахъ, ересяхъ, противностяхъ церкви Божіей оставлены въ Патріаршемъ Приказѣ и поручены Стефану Яворскому. Въ слѣдующемъ 1701 году, сентября 26, отнесены сюда и челобитныя всякихъ чиновъ людей на монаховъ, поповъ и дьяконовъ во всякихъ искахъ.

Въ 1701 г., января 24, именнымъ указомъ всѣ дѣла, принадлежавшія до Патріаршаго Разряда (завѣдываніе домашними доходами патріарха, архіереевъ и монастырей, челобитныя въ дѣлахъ и искахъ на патріаршихъ и архіерейскихъ домовыхъ и иноческаго и священническаго чина у церковнаго причета людей и на монастырскихъ стряпчихъ, крестьянъ и т. д.) — отнесены въ Монастырскій Приказъ и поручены боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и дьяку Ефиму Зотову.

Въ то же время послѣдовало нѣсколько замѣчательныхъ указовъ о монашествѣ и о монастыряхъ.

Января 31: „Монахи въ кельяхъ никаковыхъ писемъ писать власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ, но въ трапезѣ опредѣленное мѣсто для писанія будетъ, и пр“. Поводомъ къ принятію этой мѣры были подметныя возмутительныя письма, разсылаемыя изъ монастырей.

Декабря 30-го объявленъ Монастырскому Приказу именной указъ: „Въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами ихъ и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными руками своими пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ не питаше отъ трудовъ своихъ, но сами чуждые труды поядоша, и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша, и вотчинъ же ради, свары и смертныя убивства, и неправыя обиды многи твориша. И сея ради вины, указалъ Великій Государь равное даяніе учинити яко начальнымъ, тако и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублевъ денегъ, по 10 четвертей хлѣба, и двора въ довольство ихъ; а собирати съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ Монастырскій Приказъ, на вышеупомянутыя монахамъ дачи“. Приняты были мѣры для распредѣленія денежнаго жалованья между монастырями поровну, а остальные доходы велѣно употреблять на содержаніе богадѣленъ. Та же мѣра была распространена и на имѣнія бѣлаго духовенства, какъ видно изъ указовъ 1701 г. января 31, 1702 г. февраля 27 и іюня 24.

Все вообще управленіе церковными имѣніями, суды и сборы отданы подъ вѣдомство Монастырскаго Приказа исключительно. Такимъ образомъ совершилось то дѣло, къ которому первый приложилъ руку Іоаннъ III и послѣ него стремились почти всѣ его преемники. Управленіе имѣніями и связанныя съ нимъ тяжбы и заботы, которыя были одною изъ главныхъ, если не самою главною причиною нравственнаго упадка монашества, были сняты съ духовенства. Перепись вотчинъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, предписанная еще прежде, продолжалась.

Итакъ, Стефану Яворскому были поручены только дѣла духовныя. Въ важныхъ случаяхъ ему велѣно было ничего не рѣшать, не доложивъ монарху. Кромѣ того, три статьи поручены были его особенному попеченію: устройство училищъ изъ доходовъ дома патріаршаго, бдительный надзоръ за вновь поставленными священниками, „дабы ненаученныхъ по малой мѣрѣ катихизиса и десяти заповѣдей не поставлять“. Объ этомъ изданъ былъ въ 1708 г., января 15, особенный указъ слѣдующаго содержанія: „Поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ, а которые въ тѣхъ школахъ учиться не по-

хотятъ, и ихъ въ попы и во діаконы, на отцовы мѣста, и никуда посвящать и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина, принимать не велѣно"; этотъ указъ былъ часто повторяемъ. Наконецъ—проповѣдь слова Божія идолопоклонникамъ и раскольникамъ.

Таковъ былъ кругъ дѣйствій, опредѣленный Стефану.

Первый годъ его управленія открылся важнымъ дѣломъ, ересью Талицкаго.

Между раскольниками распространилось мнѣніе, что наступаетъ конецъ міру, что антихристъ уже явился въ лицѣ государя, что Москва—Вавилонъ, а жители ея—вавилоняне, слуги антихристовы. Это предсказаніе, порожденное всеобщимъ ожиданіемъ чего-то великаго, новаго, было основано на нелѣпомъ исчисленіи седмицъ Даніиловыхъ и на нѣкоторыхъ приспособленіяхъ текстовъ изъ Апокалипсиса къ тогдашнему времени. Оно сильно волновало простой народъ.

Ожиданіе кончины міра часто встрѣчается въ исторіи передъ великими переворотами, измѣняющими строй жизни народа или всего человѣчества, въ переходныя эпохи отъ одного періода къ другому. Понятно, что оно могло возникнуть въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка, особенно между раскольниками. Сродно бываетъ человѣку, когда въ глазахъ его прошедшее замыкается, и путь, которымъ онъ шелъ, теряется въ виду, отчаяваться въ будущемъ и переходъ жизни изъ одного фазиса въ другой принимать за конецъ всякаго бытія. Таково неизбѣжное заблужденіе тѣхъ, которыхъ взглядъ ограниченъ тѣснымъ кругомъ ихъ современности. Родившись въ извѣстную эпоху, они до того сродняются съ ея частнымъ характеромъ, съ ея обычаями, убѣжденіями и предразсудками, что другой порядокъ кажется имъ невозможнымъ. Временное получаетъ для нихъ значеніе вѣчнаго, и когда, слѣдуя необходимому закону развитія, это временное перестаетъ вмѣщать въ себѣ духъ жизни, отчаяніе становится ихъ удѣломъ.

Въ этомъ отношеніи мнѣніе о кончинѣ міра между нашими раскольниками было явленіемъ необходимымъ. Явился въ Москвѣ нѣкто Талицкій, фанатикъ, какихъ въ то время было много, и началъ открыто пророчествовать, не щадя въ своихъ проповѣдяхъ самого царя. О Талицкомъ сохранились слѣдующія извѣстія въ синодскомъ указѣ 1722 г. мая 17-го: „Воръ Талицкій объявилъ при исповѣди духовному своему отцу свое злѣйшее намѣреніе, а именно: написалъ письма, которыя хотѣлъ вездѣ подметывать къ возмущенію, ставя себѣ то за истину и не отлагая онаго, и не каяся, и священникъ, хотя ему въ томъ и претилъ, однакоже причастилъ Святыхъ Тайнъ и не донесъ, гдѣ надлежитъ, чая грѣхомъ быти то доношеніе; а тотъ воръ пошелъ съ тѣмъ намѣреніемъ оное дѣлать".

Его схватили; начался судъ. Стефанъ Яворскій обличалъ его въ присутствіи самого Петра, который также принялъ участіе въ преніи и помогъ Стефану кстати приведенными текстами изъ священнаго писанія. Талицкій былъ осужденъ на сожженіе.

Въ пастырскомъ увѣщаніи, изданномъ отъ Синода въ 1722 году, января 27-го, разсказаны обстоятельства этой казни: „Ученію Талицкаго послѣдовалъ нѣкто иконникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ съ удивленіемъ, какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себѣ отъ духовныхъ наставленія, за которое злодѣяніе и на смерть осуждены, что все вышепомянутый Савинъ съ радостію принималъ. Но когда, во время казни, копченіемъ творимой, Талицкій, не стерпя того, покаялся и снятъ былъ съ

онаго, то видя, оный Савинъ спросилъ караульщиковъ, для чего онаго сняли, отъ которыхъ увѣдалъ, что повинился; тогда просилъ и о себѣ, котораго также сняли, и желалъ видѣть Талицкаго, и когда допущенъ, спросилъ его, впрямь ли онъ повинился и для чего. Тогда Талицкій все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ. О, въ какую горесть пришелъ тотъ Савинъ, и съ какими слезами раскаявался и пенялъ на Талицкаго, для чего въ такую бѣду его привелъ и что онъ ни для чего, только вмѣняя то за истину, страдать радъ былъ!"

Неизвѣстно, до какой степени участвовалъ Стефанъ Яворскій своею властью въ этой ужасной пыткѣ (ибо, очевидно, это была пытка, а не казнь); но нельзя забыть, что такого рода поступки съ еретиками онъ оправдывалъ въ „Камнѣ вѣры".

По случаю ереси Талицкаго, Стефанъ Яворскій написалъ книгу подъ названіемъ: „Знаменія пришествія Антихристова и кончины вѣка", заимствованную имъ изъ книги испанскаго богослова Мальвенды объ Антихристѣ. Она была издана въ первый разъ въ 1703 году, но, какъ кажется, не достигла своей цѣли и распространенія ложныхъ предсказаній не пресѣкла.

Слѣдующіе годы протекли для церкви довольно мирно. Война съ Швеціею исключительно занимала Петра Великаго и отвлекала его вниманіе отъ дѣлъ церковныхъ. Стефанъ управлялъ двумя ввѣренными ему епархіями, рязанскою и тамбовскою, и въ праздники и торжественные дни говорилъ проповѣди.

Въ 1713 году открылась въ Москвѣ лютеранская и кальвинская ересь. Ея быстрое распространеніе и дерзость зачинщиковъ требовали скораго и дѣйствительнаго противодѣйствія. Стефанъ Яворскій, понимая, какой вредъ могъ произойти, если откроется и въ простомъ народѣ сочувствіе къ тѣмъ самымъ мыслямъ, которыя имѣли уже сильныхъ представителей между приближенными монарха, если протестантское начало проложитъ себѣ эти двѣ дороги, отложилъ всякое человѣкоугодіе, всякій страхъ, и мужественно обличалъ еретиковъ.

Въ „Камнѣ вѣры", написанномъ по этому случаю, онъ трогательно предостерегалъ свою паству отъ соблазнительныхъ проповѣдей иностранцевъ, умолялъ ихъ не внимать этимъ непризваннымъ учителямъ и крѣпко держаться за преданіе православной церкви. Книга Стефана Яворскаго была по тому времени мужественнымъ поступкомъ. Полный чистой ревностью къ православію и высокимъ сознаніемъ своего призванія, онъ подалъ смѣлый голосъ противъ мнѣнія, бывшаго въ силѣ, и которому благоволилъ самъ царь. Это была лучшая, высокая минута въ его жизни.

LVII. Монастырскій приказъ.

(Изъ соч. Горчакова: «Монастырскій Приказъ».).

Монастырскій Приказъ, въ видѣ особаго, самостоятельнаго государственнаго учрежденія, основанъ Соборнымъ Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1649-мъ году.

Предметъ вѣдомства Монастырскаго Приказа, по Уложенію, „судъ во всякихъ истцовыхъ искахъ" на митрополитовъ, архіепископовъ, епи-

скоповъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на монастыри, на архимандритовъ, игуменовъ, строителей, келарій, казначеевъ, на рядовую братію, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, на поповъ и церковный причтъ". Такимъ образомъ, по Уложенію, въ Монастырскомъ Приказѣ сосредоточенъ гражданскій судъ во всѣхъ искахъ гражданскихъ на всѣхъ (за исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, патріарха и его области) духовныхъ лицахъ и учрежденіяхъ имъ подвластныхъ по владѣльческимъ правамъ. Въ этомъ сосредоточеніи, съ одной стороны, оказывается законченность многолѣтней политики московскихъ государей, по которой они стремились подчинить своей непосредственной судебно-гражданской власти церковныя власти, учрежденія и владѣнія ихъ. Съ этой стороны перемѣна, производимая учрежденіемъ Монастырскаго Приказа, подготовлялась предшествовавшимъ временемъ. Самый Приказъ монастырскихъ дѣлъ уже существовалъ въ видѣ отдѣленія при Приказѣ Большого Дворца. Съ другой стороны, въ учрежденіи Монастырскаго Приказа, какъ особаго судебнаго учрежденія, открывается весьма важная реформа по отношенію къ духовенству.

а) До Уложенія законнымъ и историческимъ основаніемъ судебно-гражданской самостоятельной власти церковныхъ начальственныхъ лицъ и учрежденій были уставы первыхъ князей, владѣльческія отношенія и несудимыя грамоты. Церковныя власти и учрежденія осуществляли свои права на практикѣ и de jure считали себя въ судебно-гражданскихъ правахъ независимыми отъ свѣтской власти. Непосредственный лишь судъ самого государя ими признаваемъ былъ высшею инстанціею для нихъ. Уложеніе не отрицаетъ и не отмѣняетъ прежнихъ законныхъ основаній судебно-гражданской власти духовенства прямыми постановленіями. Между тѣмъ косвеннымъ образомъ эта власть въ самой основѣ своей уничтожается. Уложеніемъ установляется особое самостоятельное, независимое отъ церкви судебное учрежденіе, которому ввѣряется судебная власть надъ лицами, доселѣ подлежавшими самостоятельному суду Церкви. Стало быть, измѣняется самый принципъ подсудности: прежде была церковно-судебная власть, теперь—государственная, прежде судъ былъ церковный, теперь—государевъ. Но законъ не указываетъ, долженъ ли дѣйствовать попрежнему судъ церковный въ дѣлахъ гражданскихъ, или долженъ прекратить совершенно свою прежнюю силу. Очевидно, пререканіе подсудности въ практикѣ необходимо должно явиться вслѣдствіе учрежденія Монастырскаго Приказа.

б) Монастырскому Приказу предоставляется судъ „во всякихъ истцовыхъ искахъ" на духовныхъ лицахъ, значитъ — и въ искахъ духовныхъ лицъ на духовныхъ же отвѣтчикахъ. До Уложенія разборъ дѣлъ между духовными гражданскою властію считался вмѣшательствомъ въ дѣла церкви. Теперь это вмѣшательство становится закономъ по отношенію къ дѣламъ гражданскимъ. Замѣтимъ, что Уложеніе умалчиваетъ о судѣ Монастырскаго Приказа въ искахъ духовныхъ на духовныхъ; но изъ его положеній вытекаютъ судебныя права Приказа и на дѣла этого рода.

в) До Уложенія высшія духовныя власти — митрополиты, архіепископы, епископы, многіе привилегированные архимандриты, игумены и даже приказчики монастырскіе—подлежали непосредственному суду Государя. Судъ бояръ былъ для нихъ униженіемъ. По Уложенію и они подчинялись Монастырскому Приказу наравнѣ съ своими крестьянами. Это—новость, которую замѣчали и современники Уложенія, и новѣйшіе

нѣкоторые изслѣдователи исторіи русскаго церковнаго права. „Церковь во главѣ своихъ высшихъ представителей, по ихъ замѣчанію, подчинена суду гражданскихъ властей".

г) Уложеніе уравниваетъ предъ судомъ Монастырскаго Приказа безъ различія всѣ церковныя учрежденія, за малымъ исключеніемъ,— привилегированныя и не привилегированныя. По Уложенію все духовное вѣдомство и подвластные имъ люди соединяются въ одно общее цѣлое въ судебно-гражданскомъ отношеніи предъ государствомъ.

Такимъ образомъ, въ учрежденіи Монастырскаго Приказа осуществлена мысль о подсудности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ дѣлахъ гражданскихъ государственной судебно-гражданской власти. Приказъ поставляется высшимъ, центральнымъ, общимъ судебнымъ мѣстомъ для всей Россіи. Но указаны въ Уложеніи и низшія инстаціи для гражданскихъ дѣлъ духовенства. По отношенію къ суду въ этихъ дѣлахъ въ низшихъ инстанціяхъ проходитъ тотъ же новый принципъ подсудности, который осуществленъ и въ учрежденіи Монастырскаго Приказа, т.-е. принципъ подсудности духовенства и зависящихъ отъ него лицъ гражданской судебной власти.

Неопредѣленность положенія Приказа высказывается въ неопредѣленности круга его дѣятельности. По Уложенію онъ является исключительно судебнымъ учрежденіемъ. Но въ исторіи онъ оказывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже полицейскимъ учрежденіемъ по отношенію къ предметамъ чисто церковнымъ. Онъ предписывалъ грамотами отправленіе государственныхъ нарядовъ, повинностей и платежей въ церковныхъ вотчинахъ и указывалъ отдавать ему отчетность въ исполненіи грамотъ.

Чрезъ 23 года послѣ закрытія, въ 1677 году, Монастырскій Приказъ снова открылся съ многосторонними правами уполномочія, дарованными ему Петромъ. Главная дѣятельность возобновленнаго Приказа обращена была къ вопросу о переводѣ церковныхъ вотчинъ и доходовъ въ завѣдываніе государства. Это была главная его дѣятельность, но не исключительная, подобно тому, какъ въ эпоху Уложенія онъ былъ по преимуществу судебнымъ учрежденіемъ, но не исключительно завѣдывалъ судебною властію. Чтобы объяснить исторически происхожденіе, права и дѣятельность петровскаго Монастырскаго Приказа, считаемъ необходимымъ предварительно указать предшествующія возстановленію его явленія въ исторіи русскаго права и государства, которыя подготовили его возстановленіе и его новую дѣятельность и которыя объясняютъ широкія права, ему данныя, и безграничную распорядительность, на которую онъ былъ уполномоченъ государствомъ.

Въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ Московское государство во всѣхъ сторонахъ своей жизни и дѣятельности стремилось къ самосредоточенію, къ собиранію и усиленію своихъ силъ и правъ. Такое стремленіе его обнаруживалось и въ отношеніяхъ его къ церкви. Здѣсь оно проявлялось въ безчисленныхъ фактахъ, касалось многихъ сторонъ и отношеній, поддерживалось разнообразными цѣлями—и нравственными, и финансовыми, и судебно-гражданскими, и политическими въ тѣсномъ значеніи слова; подходило къ ограниченію гражданскихъ и государственныхъ преимуществъ и правъ церковныхъ учрежденій съ различныхъ пунктовъ, различными путями и съ разныхъ сторонъ. Мы видѣли, какъ государство сосредоточило-было въ своемъ вѣдомствѣ судебно-гражданскія привилегированныя права церковныхъ учрежденій и выразило такое сосредото-

ченіе чрезъ учрежденіе Монастырскаго Приказа. Къ той же цѣли самосредоточенія государство стремилось и въ другихъ отношеніяхъ къ церкви. Вслѣдствіе того накопилось въ теченіе двухъ столѣтій множество явленій, въ которыхъ обнаружилось это стремленіе. Нѣкоторыя изъ нихъ были формулированы законодательствомъ; другія же, и большая часть ихъ, представлялись, какъ отдѣльные факты, временныя распоряженія, случаи, вызванные временными государственными нуждами. Короче, цѣль государства къ сосредоточенію ясно выражалась въ общей внутренней его политикѣ, но общихъ и окончательныхъ средствъ къ достиженію ея оно не формулировало до XVIII столѣтія.

Такое отношеніе государства къ церкви ясно замѣчается при изслѣдованіи общаго политическаго развитія государства и состоянія государственнаго значенія церкви.

Развитіе русскаго государства въ XVI и XVII вв., между прочимъ, обнаруживалось въ томъ, что государство стягивало въ свою собственность поземельныя владѣнія на правахъ безусловнаго распоряженія ими. Въ XVI в. Московскій государь распоряжался, какъ полный собственникъ, только въ дворцовыхъ имѣніяхъ, которыя принадлежали ему, какъ вотчина и дѣдина. Съ происхожденіемъ и развитіемъ служилаго сословія, какъ сословія государственнаго, стали являться и размножаться помѣстья, жалуемыя государемъ служилымъ людямъ въ содержаніе за государственную службу. Въ помѣстья отдавались по бо̀льшей части такъ-называемыя черныя волости,—земли, которыя принадлежали общинамъ и состояли во владѣніи ихъ подъ государственною защитою. Чрезъ отдачу черныхъ земель въ помѣстья государство обнаруживало притязанія на право распоряженія общинными землями. Вслѣдствіе этой отдачи происходили уменьшеніе черныхъ волостей и обращеніе ихъ въ государственныя земли изъ владѣній общинныхъ. Во второй половинѣ XVII в. государство замѣтно вытѣсняло самостоятельность общинныхъ черныхъ волостей тѣмъ, что оно стало уравнивать ихъ въ управленіи и въ другихъ отношеніяхъ съ дворцовыми землями.

Нѣкоторая часть церковной поземельной собственности политикою и законодательствомъ государства еще въ XVII в. также привлечена уже къ суммѣ поземельной собственности самого государства. Извѣстно, что духовныя власти и учрежденія до половины XVII в. владѣли, какъ полною собственностію, цѣлыми слободами и городскими посадами, которые населялись не землевладѣльцами, а ремесленниками. Слободчики и посадскіе люди, подвластные церковнымъ властямъ и учрежденіямъ, пользовались подъ покровительствомъ своихъ владѣльцевъ привилегіями, присвоенными владѣльцамъ, не платили никакихъ податей по своимъ промысламъ, какъ другіе независимые слободчики и посадскіе, и такимъ образомъ наносили ущербъ беззащитнымъ городскимъ обывателямъ, которые обложены были разными налогами и повинностями въ пользу казны и городовъ. Положеніе привилегированныхъ слободчиковъ и посадскихъ было поэтому очень невыгодно для государства и другихъ сословій и вызвало жалобы горожанъ и посадскихъ, а со стороны правительства—особыя постановленія въ Уложеніи 1649 года. По Уложенію, всѣ наличныя слободы, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ и властямъ, переданы „безлѣтно и безповоротно“ государю. На будущее же время запрещалось духовенству заводить слободы и посады, а живущимъ въ посадахъ записываться въ закладчики за духовенство. Такимъ образомъ, путемъ законодательства значительная часть лицъ и владѣній, принад-

лежавшихъ духовенству, перешла въ полную собственность государства. Слѣдовательно, въ законодательствѣ XVII в. проведена была уже мысль, что государство можетъ обращать въ свою собственность принадлежавшія церковнымъ властямъ и учрежденіямъ поземельныя и населенныя имѣнія. Этой мысли правительство предполагало дать болѣе широкое развитіе съ теченіемъ времени.

Что̀ государство обнаруживало въ отношеніи къ поземельной собственности церковныхъ учрежденій, то же самое сказывалось и въ отношеніи къ разнообразнымъ привилегіямъ, которыми церковныя учрежденія пользовались въ государствѣ. Мы говоримъ здѣсь о финансовыхъ привилегіяхъ духовенства, а о судебно-гражданскихъ привилегіяхъ рѣчь была выше. Разнообразныя финансовыя привилегіи церковныхъ учрежденій выродились, какъ естественное явленіе, изъ удѣльной системы русскаго государства. Но государство стало сознавать невыгоды ихъ, когда оно стало сосредоточиваться въ одно общее цѣлое. Оно сначала, и при томъ нѣсколько разъ, пріостанавливало дѣйствіе „тархановъ" на время государственныхъ нуждъ, „пока земля поустроится". Такъ было, напримѣръ, въ 1585 г. и особенно часто во времена Алексѣя Михайловича. Потомъ государство рѣшительнѣе высказывалось противъ привилегій. Нѣкоторыя привилегіи были вовсе уничтожены, а всѣ вообще были ограничиваемы. Петръ рѣшился окончательно уничтожить привилегіи церковныхъ учрежденій и обратить ихъ въ пользу государства. Въ 1699 году онъ повелѣлъ взыскивать печатныя пошлины со всѣхъ безъ исключенія монастырей, которые пользовались свободою отъ нихъ. Въ 1700 же году было предписано: „тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ отставить и брать пошлины всякаго чину со всѣхъ по Торговому Уставу и по новоуказаннымъ статьямъ равныя, для того, что по Его Великаго Государя указу, каковъ состоялся въ Печатномъ Приказѣ, печатныя пошлины велѣно имать со всякихъ чиновъ людей равныя, а съ кого напередъ сего не имано, и то отставлено, потому что по прежнимъ указамъ всякіе тарханы отставлены". Такимъ образомъ, Петромъ всѣ финансовыя привилегіи, которыми пользовались до него церковныя учрежденія, отмѣнены и обращены въ пользу государства.

Петръ держался убѣжденія, что государь можетъ и имѣетъ право воспользоваться церковными имуществами, по крайней мѣрѣ—избыткомъ доходовъ съ нихъ, для пользы государственной. Но управленіемъ этихъ имуществъ завѣдывала церковь. Петру представлялось, что для государственной пользы лучше подчинить управленіе церковными имуществами правительству государственному, чѣмъ оставлять ихъ въ вѣдѣніи церкви. Явленій въ исторіи и законодательствѣ, подготовлявшихъ передачу ихъ отъ церкви государству, накопилось много. Государственныхъ нуждъ въ концѣ XVII вѣка, которыя могли бы покрыться доходами съ церковныхъ имуществъ, было очень довольно. Однѣ войны, которыхъ, по словамъ Петра, „артерія—деньги", требовали много расходовъ; для покрытія же ихъ въ казнѣ денегъ было недостаточно. При стеченіи такихъ обстоятельствъ стоило Петру воспользоваться удобнымъ случаемъ объявить, что государство само будетъ управлять церковными имуществами, выдавая церковнымъ учрежденіямъ необходимыя средства для содержанія, и всѣ церковныя имѣнія должны перейти въ собственность и распоряженіе государства. Петръ и ждалъ удобнаго случая. Въ 1700-мъ году 15 окт. умеръ патріархъ Адріанъ. Это былъ послѣдній патріархъ русской церкви. Смерть патріарха была моментомъ, съ котораго Петръ I приступилъ къ

выполненію предположенной имъ реформы въ состояніи церковныхъ имуществъ.

По случаю смерти патріарха Адріана въ 1700 году Курбатовъ, знаменитый петровскій „прибыльщикъ", изобрѣтатель гербовой бумаги въ Россіи, оберегатель государственной казны, надсмотрщикъ, „какъ бы учинить прибытокъ государственной казнѣ", писалъ „великому государю Царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Россіи самодержцу": „больному патріарху трудно было смотрѣть за всѣмъ; отъ чего происходили безпорядки по духовному управленію... Избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для сбора домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго; тамъ большіе безпорядки. Необходимо распорядиться монастырскими и архіерейскими имѣніями, учредить особливый расправный приказъ для сбора и храненія казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣльцевъ... Изъ мірскихъ для смотрѣнія за казной и для сбора ея очень хорошъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и стольникъ Дмитрій Протасьевъ".—Января 24 дня 1701 года изданъ именной указъ, въ которомъ повелѣвалось: „Домъ святѣйшаго патріарха, и домы-жъ архіерейскіе, и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дьяку Ефиму Зотову, и сидѣть на Патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ Патріаршій Разрядъ, и писать Монастырскимъ Приказомъ, а въ Приказѣ Большого Дворца монастырскихъ дѣлъ не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же Приказъ". Изъ сопоставленія этого именного указа съ письмомъ прибыльщика Курбатова можно видѣть, что Петръ давно уже намѣревался взять отъ церковныхъ учрежденій управленіе ихъ имуществами въ вѣдѣніе государства и что Курбатовъ указалъ Государю удобный моментъ для предположенной передачи. Такъ возстановленъ былъ Монастырскій Приказъ въ 1701-мъ году.

За первымъ указомъ объ его возстановленіи скоро послѣдовалъ рядъ именныхъ указовъ, которыми предписывалась ему дѣятельность. Съ каждымъ указомъ права его возрастали, сила увеличивалась, дѣятельность усложнялась, предметы вѣдомства умножались; наконецъ, въ общемъ итогѣ Монастырскій Приказъ является такимъ учрежденіемъ, въ которомъ совмѣщалось странное разнообразіе дѣлъ, какого не было ни въ одномъ современномъ ему государственномъ учрежденіи. Повидимому, предметъ его занятій составляли дѣла по всѣмъ возможнымъ въ государствѣ отношеніямъ. Приказъ, возстановленный въ 1701-мъ году, снова закрылся въ 1720-мъ, а въ слѣдующемъ 1721-мъ году еще разъ былъ возстановленъ и прожилъ до конца 1724-го года, когда онъ навсегда покончилъ свое существованіе съ своимъ именемъ.

По положенію своему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій петровскій Монастырскій Приказъ 1701-года явился высшимъ центральнымъ для всей Россіи по особому вѣдомству учрежденіемъ, спеціально посвященнымъ въ общемъ итогѣ его дѣятельности преобразовательнымъ цѣлямъ Петра по отношенію къ церкви. Онъ равенъ былъ всѣмъ прочимъ приказамъ и представляетъ одно изъ послѣднихъ по времени произведеній приказной системы устройства государственныхъ учрежденій. Съ учрежденіемъ сената, какъ высшаго правительственнаго мѣста, въ которомъ сосредоточивалось все высшее государственное управленіе, Монастырскій Приказъ въ 1711-мъ году былъ подчиненъ ему

наравнѣ съ другими приказами, какъ низшее его учрежденіе. Финансовую отчетность Приказъ представлялъ, впрочемъ, не только въ сенатъ, но и въ Ближнюю Канцелярію Государя. Съ проведеніемъ длинной цѣпи должностей фискаловъ во всѣ государственныя сферы, и вѣдомство Монастырскаго Приказа подлежало также надзору ихъ: въ самомъ Приказѣ былъ особый фискалъ, значеніе котораго здѣсь, впрочемъ, не было замѣтно.

Новое областное устройство Россіи, начатое Петромъ въ 1707-мъ году, — образованіе губерній, провинцій, ландратовъ, комендантствъ и оберъ-комендантствъ, — имѣло вліяніе въ разныя времена на положеніе мѣстныхъ управителей вѣдомства Приказа. Дѣло въ томъ, что петровское областное устройство, по существу своему, по ходу развитія формъ государственныхъ учрежденій въ первой четверти XVII вѣка, наконецъ, по мысли, цѣлямъ и планамъ преобразователя, подавало по многимъ мѣстамъ законные поводы областнымъ правителямъ вмѣшиваться въ вѣдомство Приказа. Но вѣдомство Приказа стремилось охранить себя отъ вмѣшательствъ въ его сферу провинціальныхъ общихъ государственныхъ учрежденій и силилось остаться особо, независимо отъ областныхъ правителей. Ему невозможно было, по ходу развитія областныхъ учрежденій, рѣшительно отстранить себя отъ всякихъ связей съ ними: въ отправленіи нѣкоторыхъ общихъ государственныхъ податей и повинностей вѣдомства Приказа не избѣжало посредство провинціальныхъ учрежденій между собою и высшими государственными учрежденіями; даже оно платило повсегодныя подати на ландратовъ, приказныхъ и на губернскія канцеляріи. При всемъ томъ Монастырскій Приказъ умѣлъ до времени отстоять особенность или отдѣльность своего вѣдомства и неподчиненность его областнымъ учрежденіямъ какъ въ личномъ своемъ составѣ, такъ и въ лицѣ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ. Если Монастырскому Приказу удалось до поры отстоять независимость своего вѣдомства отъ областныхъ общихъ учрежденій, провинціальныхъ и губернскихъ, то онъ и самъ и все его вѣдомство подъ его управленіемъ не устояло предъ коллегіями.

Планъ коллегіальнаго устройства петровскихъ государственныхъ учрежденій окончательно созрѣлъ въ 1718-мъ году. Совершенное же открытіе ихъ назначено было въ 1720-мъ году. По дѣламъ церкви учрежденъ былъ св. Сѵнодъ. По новому коллегіальному устройству государственныхъ учрежденій, части финансовая, судебная и духовныхъ дѣлъ отъ Приказа должны отдѣлиться и поступить по роду ихъ въ особыя спеціальныя учрежденія. Но эти части составляли главный предметъ занятій Приказа, а остальные затѣмъ предметы его вѣдѣнія, какъ тѣсно соединенные съ первыми, не требовали особаго самостоятельнаго учрежденія. Слѣдовательно, закрытіе Монастырскаго Приказа, съ открытіемъ дѣйствій коллегій, должно было послѣдовать неминуемо. Дѣйствительно, „августа въ 17-й день 1720 года Великій Государь указалъ, по именному своему Царскаго Величества указу, изъ приказовъ тѣхъ, которые были подъ вѣдѣніемъ боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго, Монастырскому Приказу не быть, и Монастырскаго и Казеннаго Патріарша и Приказу большія казны, всякихъ настоящихъ и доимочныхъ сборовъ дѣла разобравъ и описавъ, отослать съ дьяками и подьячими, которые при тѣхъ дѣлахъ были, подъ вѣдѣніе Камеръ-Коллегіи, кому по указу изъ оной коллегіи принять будетъ опредѣлено; а государственныя вещи, которыя обрѣтаются въ его государевой казнѣ и въ мастерской палатѣ и въ па-

тріаршемъ Казенномъ Приказѣ, отдать въ сохраненіе въ Штатсъ-Конторъ-Коллегію и чтобъ оная ихъ принять указала; а челобитчиковъ судебныя и гражданскія изъ помянутыхъ приказовъ дѣла съ дьяками и подъячими, у тѣхъ дѣлъ будучими (sic), отослать въ Юстицъ-Коллегію. О чемъ въ Камеръ и Штатсъ-Конторъ и въ Юстицъ-Коллегіи, также и для вѣдома въ Монастырской Приказъ указы изъ сената посланы“. Требованія указа были выполнены безъ замедленія. Камеръ-Коллегія приняла всѣ книги и дѣла Приказа, предписала своимъ областнымъ чиновникамъ-камерирамъ и комиссарамъ вступить въ сборы съ вотчинъ Приказа и ввела всѣ вотчины его въ общее счисленіе государства. Штатсъ-Конторъ-Коллегія отправила особаго чиновника принять въ свое вѣдѣніе всѣ сокровища Приказа, взятыя имъ въ свою очередь отъ церковныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, введеніе коллегій, какъ общихъ государственныхъ учрежденій, устроенныхъ на распредѣленіи государственныхъ дѣлъ по ихъ существу, уничтожило петровскій Монастырскій Приказъ 1701 года. Но онъ скоро снова явился, только при другихъ отношеніяхъ и въ другомъ видѣ по своему личному составу.

Монастырскій Приказъ, принимая въ свое вѣдѣніе и управленіе вотчины церковныхъ учрежденій, какъ учрежденіе государственное, имѣлъ назначеніе устроить и обезпечить содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ которыхъ переходили къ нему имущества. Посмотримъ, какъ онъ выполнилъ свое назначеніе съ этой стороны.

Петръ имѣлъ рѣшительное и неотложное намѣреніе произвести реформы въ положеніи монастырей въ государствѣ и обществѣ и возстановить строгую иноческую жизнь въ монастыряхъ. Монастырскій Приказъ предназначался быть выполнителемъ и орудіемъ преобразовательныхъ цѣлей Петра относительно монастырей, какъ церковныхъ учрежденій.

При самомъ учрежденіи Приказа ему вмѣнено было въ обязанность составить общую Ружную книгу, которою предполагалось опредѣлить штатъ монастырей въ Россіи и при этомъ законы государства о дальнѣйшемъ развитіи ихъ въ Россіи. Въ цѣляхъ возстановленія штата монастырей, быть можетъ, Приказъ нѣкоторые монастыри уничтожалъ, другіе переименовывалъ въ приходскія церкви, передѣлялъ монастырскіе приходы и т. п. Но штата монастырей всей Россіи Приказъ не установилъ. Онъ явился уже въ 1724 году, при содѣйствіи государству въ этомъ случаѣ со стороны церковной власти, безъ которой дѣятельность государственнаго учрежденія по отношенію къ монастырямъ не имѣла успѣха.

Въ личномъ составѣ каждаго монастыря предполагалось также ввести штатъ, при установленіи котораго должны были явиться государственные законы, опредѣляющіе условія поступленія въ монахи. Извѣстно, что многіе поступали въ монастыри до Петра болѣе для удобствъ жизни и для избѣжанія государственныхъ и общественныхъ повинностей, чѣмъ съ цѣлями добросовѣстно нравственными. Этотъ безпорядокъ и послѣдствія его Петръ и хотѣлъ уничтожить. Въ противодѣйствіе ему, Петръ велѣлъ въ 1701 году Монастырскому Приказу выслать изъ всѣхъ монастырей дьяковъ, клирошанъ, келейниковъ, монашескихъ родственниковъ-бѣльцовъ, и не допускать ихъ въ монастыри на будущее время. Въ послѣдующее время это повелѣніе было повторено съ угрозою, что бѣльцы, остающіеся въ монастыряхъ, будутъ отправляемы навсегда въ ссылку или заточеніе. Въ 1701 же году Монастырскій Приказъ обязанъ былъ переписать наличныхъ монаховъ и монахинь въ каждомъ монастырѣ, оставить въ каждомъ изъ нихъ только то число, какое найдено во время

переписи, запретить строго переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой и постепенно приготовлять опредѣленный штатъ и количество монаховъ каждаго монастыря. Кромѣ монаховъ, не велѣно держать въ монастыряхъ никого по распоряженію монастырскихъ властей. Дозволено лишь Монастырскому Приказу оставить самое малое число слугъ и служебниковъ, безъ которыхъ невозможно обойтись, и то не во всѣхъ монастыряхъ; позволялось только настоятелямъ и келарямъ имѣть келейниковъ изъ престарѣлыхъ бѣльцовъ. Въ женскихъ монастыряхъ запрещалось жить родственницамъ монахинь, и если онѣ оказывались, то велѣно выдать ихъ замужъ по ихъ желанію или постричь по достиженіи 40 лѣтъ. Съ теченіемъ времени число монаховъ, найденное во время переписки, уменьшалось, постриженіе вновь или вовсе не допускалось, или только съ особеннаго разрѣшенія Монастырскаго Приказа; вмѣсто убылыхъ монаховъ посылались въ монастыри больные и нищіе, даже умалишенные и осужденные въ каторгу, но неспособные къ работѣ. Послѣ 1715 года взамѣнъ убылыхъ монаховъ помѣщались отставные военные чины, неимѣющіе средствъ къ прокормленію. Скоро затѣмъ вошло въ законъ, что увѣчные и больные военные чины стали пользоваться содержаніемъ отъ монастырей. Для приведенія въ дѣйствіе этого закона велѣно было довести число монаховъ въ каждомъ монастырѣ до такой нормы, по которой бы, за покрытіемъ самыхъ необходимыхъ расходовъ на содержаніе монаховъ, оставался избытокъ отъ монастырскихъ доходовъ для благотворительныхъ цѣлей. Въ разныя времена Монастырскій Приказъ въ разныхъ монастыряхъ ограничилъ количество монаховъ опредѣленнымъ числомъ. По мѣрѣ уменьшенія этого количества, помѣщались въ монастырь военные чины. Но окончательнаго штата въ каждомъ монастырѣ не установилъ Приказъ и твердыхъ основаній для опредѣленія его не выработалъ. Самыя намѣренія Петра, мысль его согласить содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ съ штатомъ монастырей Приказъ не организовалъ въ опредѣленныя формы для выполненія. Со времени подчиненія Приказа Св. Сѵноду выработались правила, по которымъ отставные военные чины пользовались отъ монастырей содержаніемъ.

Въ кругъ дѣятельности Монастырскаго Приказа при устройствѣ штатовъ въ каждомъ монастырѣ входила забота о томъ, чтобы совершилось преобразованіе въ самой жизни монастырей. Петръ хотѣлъ ввести общежительство во всѣхъ монастыряхъ и дать такое направленіе монастырской русской жизни, при которомъ бы монастыри, при строгой иноческой жизни монаховъ, служили благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. Эти намѣренія Петра, по его мысли, Монастырскій Приказъ долженъ былъ выполнить. Для руководства при проведеніи преобразовательныхъ намѣреній относительно этого предмета, Приказъ получилъ нѣсколько частныхъ указаній преобразователя. Отнятіе вотчинъ у монастырей было средствомъ къ возстановленію иноческой жизни въ монастыряхъ, — „лучшаго ради исполненія монашескаго житія“. По мысли Петра, монахи должны были пропитывать себя своими руками, содержать убогихъ и нищихъ и ходить за больными. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ при учрежденіи Приказа Мусину-Пушкину. Приказъ долженъ былъ наблюдать, чтобы монахи не выходили изъ монастырей безъ отпускныхъ отъ настоятелей, не скитались по Москвѣ, въ кельяхъ своихъ отнюдь не держали бумаги, чернилъ и перьевъ и ничего не писали бы одни, а если нужно было имъ писать, то не иначе, какъ въ общей трапезѣ и въ при-

сутствіи настоятелей, и т. п. Въ видахъ устройства монастырской жизни Приказъ назначалъ, избиралъ и утверждалъ настоятелей монастырей; при назначеніи ихъ поручалъ стольникамъ или вѣдомцамъ, въ предѣлахъ вѣдѣнія которыхъ монастыри находились, вводить вновь назначенныхъ въ управленіе, переводилъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой, или разсылалъ монаховъ изъ одного монастыря по многимъ другимъ въ наказаніе или для другихъ цѣлей; наконецъ, судебная и дисциплинарная власть надъ монахами присвоялась Приказу. Самъ преобразователь впослѣдствіи убѣдился, что перестроить иноческую жизнь въ монастыряхъ невозможно одними государственными распоряженіями безъ содѣйствія церкви. Монастырскій же Приказъ, повидимому, и не выработалъ опредѣленнаго плана, не выяснилъ себѣ намѣреній Петра и не предпринялъ организованныхъ средствъ къ проведенію ихъ въ практикѣ. Поэтому Петръ обратился съ 1715 года къ церковнымъ средствамъ для преобразованій въ монашеской жизни. Въ 1716 году установлено, чтобы архіереи въ клятвенномъ обѣщаніи при посвященіи своемъ давали присягу, что они будутъ содержать монаховъ по уставамъ и правиламъ и не будутъ давать имъ скитаться изъ монастыря въ монастырь.

Занимаясь устройствомъ монастырской жизни, Монастырскій Приказъ долженъ былъ установить штатное содержаніе монастырей. Первоначально въ 1701 году Приказу велѣно было давать всѣмъ вообще монахамъ по 10 руб. денегъ и 10 четвертей хлѣба въ годъ на человѣка изъ доходовъ съ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ. Это была „указная дача“. Но если бы доходовъ съ вотчинъ и имѣній какого-либо монастыря получалось такъ мало, что ихъ „не доставало въ указную дачу“, — на прокормленіе наличныхъ монаховъ и на покрытіе издержекъ для поддержанія монастыря,—то дозволено было оставить за такимъ монастыремъ и вотчины. Слѣдовательно, маловотчинные монастыри скоро получили назадъ отъ Приказа свои вотчины „на прокормленіе“. Тѣмъ же маловотчиннымъ и бѣднымъ монастырямъ, которые получали до времени Монастырскаго Приказа „государеву ругу“ изъ Приказа Большого Дворца, назначалось изъ Монастырскаго хлѣбное и денежное жалованіе, „безъ чего по самой нуждѣ быть не возможно“. Такимъ образомъ, бѣдные монастыри оставлены Приказомъ на прежнемъ положеніи, исключая уничтоженныхъ, соединенныхъ и превращенныхъ въ приходскія церкви. Что касается до содержанія такихъ монастырей, доходы которыхъ превышали „указную дачу“ монахамъ, то предположено было составить для нихъ „Общую ружную книгу“. Составленіе ея замедлилось. До времени ея составленія Приказъ обязанъ былъ выдавать монахамъ указную дачу. Но Приказъ или вовсе не высылалъ монастырямъ опредѣленной дачи, или уменьшалъ ее наполовину. Расходовъ и требованій государственныхъ было такъ много отъ Приказа, что онъ выдачу указной дачи монахамъ считалъ дѣломъ далеко не важнымъ. Вслѣдствіе этого монастыри горько жаловались на свою долю: „церкви Божіи разваливались“, „въ нихъ течь“, „монастырскія строенія обветшали“, „кормиться монахамъ не чѣмъ“,— такъ описывали они свою судьбу въ теченіе перваго десятилѣтія Приказа. Наконецъ, Монастырскій Приказъ въ 1710 году составилъ вмѣсто предположенной „Общей Ружной книги“ табель опредѣленнымъ монастырямъ, т.-е. такимъ, которые получили опредѣленный штатъ и содержаніе. Такихъ монастырей по табели въ патріаршей области было 52, а въ епархіяхъ мужскихъ 28.

Содержаніе епархіальныхъ архіереевъ и властей, а равно и Блю-

стителя патріаршаго престола съ Духовнымъ Приказомъ возложено было также на попеченіе Монастырскаго Приказа.

Въ тѣсной связи съ содержаніемъ монастырей и епархіальныхъ властей находилось завѣдываніе въ Монастырскомъ Приказѣ строительною частію въ церковныхъ учрежденіяхъ. Эта часть не была основана на постоянныхъ законахъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя государство давно уже стремилось къ подчиненію ея своему контролю.

Монастырскій Приказъ имѣлъ нѣкоторое попеченіе и объ устройствѣ приходскихъ церквей и ихъ причтовъ. На немъ лежали заботы и распоряженія о содержаніи такихъ церквей и ихъ причтовъ, поддержка которыхъ требовалась по государственнымъ разсчетамъ: напр., по покореніи Азова, руга и содержаніе тамъ церквей выдавались изъ доходовъ Приказа. Чрезъ него предписывалось заводить при сельскихъ и городскихъ приходскихъ церквахъ воспитательные дома для дѣтей незаконнорожденныхъ.

Монастырскій Приказъ завѣдывалъ школами относительно ихъ содержанія, отчасти организаціи и суда. Въ его вѣдѣніи были не только церковныя, существующія при патріархахъ школы (Заиконоспасская, Кіевская и др.), но и вновь заводимыя при Петрѣ, — напр. 4 нѣмецкія школы. Кромѣ того, Приказъ обязанъ былъ побуждать епархіальныя власти заводить школы, на обзаведеніе и поддержаніе которыхъ отъ него должны были высылаться деньги изъ доходовъ съ вотчинъ.

Монастырскому Приказу вмѣнено было въ обязанность слѣдить, чтобы дѣти духовныхъ лицъ поступали въ греческія и латинскія школы, чтобы неучившихся въ этихъ школахъ не посвящали въ священники и діаконы, и чтобы они не принимались и въ другіе чины, кромѣ военной службы. Вообще усиленіе учебной части и школъ было въ числѣ обязанностей Приказа. Поэтому въ Приказѣ принимались для опредѣленія въ школы дѣти дворянъ, а равно изъ Приказа отправлялись дѣти духовенства для обученія въ другія учрежденія.

Типографія, какъ учрежденіе для развитія просвѣщенія, находилась также въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа по всѣмъ отношеніямъ. Это — та типографія, которая заведена при Іоаннѣ IV въ 1553 г. и которая находилась вмѣстѣ съ школами въ завѣдываніи патріарховъ.

Въ кругъ дѣятельности Приказа входили полицейско-благотворительныя дѣла, для которыхъ назначена была часть доходовъ съ вотчинъ церковныхъ.. Въ 1678 г. отдана была на попеченіе патріарха московская богадѣльня, вмѣщавшая въ себѣ 412 человѣкъ и содержавшаяся до этого времени изъ Приказа Большого Дворца. Патріархъ назначилъ присылать къ нему ежегодно на содержаніе богадѣльни изъ всѣхъ епархій по гривнѣ или по 3 алт. 2 д. съ каждой церкви. Общая сумма выходила значительная. Эта сумма поступала въ вѣдѣніе Патріаршаго Казеннаго Приказа, который управлялъ и самою богадѣльнею. Въ 1701 г. сент. 15 д., по именному указу за подписью Мусина-Пушкина, велѣно было осмотрѣть и разобрать людей, призиравшихся въ этой богадѣльнѣ.

Престарѣлымъ, дряхлымъ и больнымъ указано было давать жалованье изъ доходовъ Монастырскаго Приказа, а здоровыхъ и способныхъ къ труду предписано было выслать изъ нея. Въ связи съ этимъ возложено было на Приказъ порученіе—уничтожить бродячее нищенство въ Москвѣ. Бродячихъ нищихъ, которые не могли по уважительнымъ причинамъ себя пропитать, Приказъ имѣлъ призирать, а мнимыхъ нищихъ—наказывать. Съ 1706 г. отдавались на попеченіе Приказа жены взятыхъ

изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей въ солдаты, а впослѣдствіи и вообще всѣ солдатскія жены, не имѣвшія средствъ къ пропитанію, и отставные солдаты, увѣчные, престарѣлые и больные. Для призрѣнія дѣйствительно нищихъ вмѣнено въ обязанность Приказу строить новыя богадѣльни, мужскія и женскія. Организація и управленіе богадѣленъ возложены на его попеченіе. Въ исполненіе воли Государя, учрежденъ былъ, подъ начальствомъ Монастырскаго Приказа, особый Богадѣленный Приказъ.

Кромѣ устройства богадѣленъ, собственными распоряженіями Приказъ обязывалъ монастыри, которымъ возвращалъ вотчины, заводить богадѣльни и подъ этимъ условіемъ оставлялъ за ними особыя преимущества въ распоряженіяхъ. Равно Приказъ предписывалъ заводить и поддерживать богадѣльни при архіерейскихъ домахъ и приходскихъ церквахъ, особенно въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ.

Какъ полицейско-благотворительное учрежденіе, гошпиталь въ Москвѣ состоялъ также въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа относительно своего содержанія. Къ нему приписано было нѣсколько вотчинъ изъ церковныхъ учрежденій.

Въ видахъ полицейско-благотворительныхъ, велѣно Приказу помѣщать въ монастыряхъ умалишенныхъ и людей, осужденныхъ на вѣчную каторгу, но неспособныхъ къ ней. Послѣдніе назначались въ монастыряхъ на работы, при которыхъ они находились въ кандалахъ,—такъ дѣлалось по указу Государя и по распоряженіямъ Приказа.

Особенно же внимательной попечительности Монастырскаго Приказа на счетъ монастырскихъ доходовъ поручались отъ правительства отставные военные чины.

Петровскій Монастырскій Приказъ былъ, между прочимъ, и судебнымъ учрежденіемъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ для всѣхъ лицъ своего вѣдомства.

Приказъ былъ высшею и послѣднею инстанціею въ гражданскихъ дѣлахъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства; среднюю составляли стольники и вѣдомцы, завѣдывавшіе цѣлыми областями и уѣздами въ провинціяхъ, низшую—вотчинные вѣдомцы и приказчики. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что непосредственная гражданско-судебная дѣятельность собственно Приказа была весьма не широка.

Несравненно замѣтнѣе противъ нея уголовно-судебная дѣятельность Приказа. Она была и богата и имѣла свои особенности. Здѣсь болѣе всего обращаетъ на себя наше вниманіе судопроизводство по отношенію къ духовнымъ лицамъ. Въ случаѣ открытаго или тайнаго доноса на духовное лицо, или отправлялись нарочные чиновники Приказа для производства слѣдствія, или призывались сами обвиняемые въ Приказъ для допроса. Обвиняемаго сажали въ тюрьму при Приказѣ на цѣпь или въ ножныя желѣза. Какъ при слѣдствіи, такъ и при допросѣ отбирались показанія отъ обвиняемаго и записывались. Допрашиваемый подписывалъ показанія по окончаніи допроса. При отобраніи показаній допускались пытки, удары кнутомъ; число ударовъ иногда опредѣлялось судьею и весьма часто записывалось въ документы при дѣлахъ. По окончаніи допроса, если духовное лицо не подвергается за преступленіе лишенію сана, налагалось наказаніе по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ. Если же преступникъ долженъ былъ быть подвергнутъ лишенію сана, то онъ изъ Приказа вмѣстѣ съ указомъ отправляемъ былъ подъ арестомъ въ патріаршій Духовный Приказъ (въ провинціяхъ къ епархіальнымъ

архіереямъ) для „обнаженія священства“ или монашества. На церковномъ судѣ дѣлался иногда допросъ преступнику; послѣ допроса, а весьма часто и безъ допроса, „обнажали“ его священства или монашества. „Обнаженный монахъ или попъ“ возвращаемъ былъ при указѣ объ обнаженіи въ Монастырскій Приказъ „къ розыску“. Въ Приказѣ состоящіе подъ судомъ находились подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ и назывались колодниками. Розыскъ состоялъ въ томъ же, въ чемъ и допросъ, но въ судопроизводствѣ отличался по времени. Удары при розыскѣ повторялись „допрошенному и обнаженному“. Послѣ розыска налагалось наказаніе по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ. Въ Монастырскій Приказъ нерѣдко присылали духовныхъ лицъ и изъ Преображенскаго Приказа для допроса и обнаженія, послѣ чего обвиняемые снова отправлялись въ Преображенскій, гдѣ и наказывались. Относительно рода преступленій всего чаще встрѣчались дѣла о побѣгѣ крестьянъ, о растратѣ денежной казны и монастырскаго имущества, о воровствѣ и убійствѣ, и по обвиненіямъ, подлежавшимъ суду Преображенскаго Приказа. Для слѣдствій, по преступленіямъ въ вѣдомствѣ Приказа, посылались особые чиновники изъ Приказа,

Монастырскій Приказъ имѣлъ въ своей власти и дисциплинарный судъ. Въ этомъ отношеніи ему подчинены были: бродячіе нищіе въ Москвѣ, монахи, безъ разрѣшенія монастырскихъ властей переходящіе отъ одного мѣста къ другому, или монастырскія власти, недавшія полной отчетности въ употребленіи монастырскихъ денегъ, дающіе милостыню бродячимъ въ Москвѣ нищимъ, священники—за невыполненіе предписаній и указовъ Приказа и ландраты, попавшіеся во взяткахъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ.

Монастырскій Приказъ имѣлъ отношеніе и къ дѣламъ чисто церковнымъ. Онъ извѣщалъ церковныя власти о царскихъ распоряженіяхъ относительно дней поминанія членовъ царскаго дома; чрезъ него отъ царя повелѣвалось явиться архіереямъ въ Москву на чреду служенія; онъ передавалъ церковнымъ властямъ царскія разрѣшенія — о крещеніи иновѣрцевъ, желающихъ принять христіанскую вѣру, о принятіи въ монастыри и о постриженіи. Приказъ извѣщался о смерти епархіальныхъ архіереевъ вмѣстѣ съ патріаршимъ Духовнымъ Приказомъ, и по этимъ случаямъ назначалъ издержки на погребеніе умершихъ и лицъ для описи имѣній послѣ нихъ, и получалъ эти описи къ своему вѣдѣнію. Вообще Монастырскій Приказъ былъ посредникомъ между царемъ и церковными учрежденіями. Съ учрежденія Св. Сѵнода обязанности его по такому посредничеству не могли за нимъ сохраниться.

Несравненно долѣе сохранилась за Монастырскимъ Приказомъ, чѣмъ всѣ доселѣ исчисленныя нами его права, самая обширная его дѣятельность—финансовая, въ виду которой онъ главнымъ образомъ и возстановленъ былъ при Петрѣ и которая предоставлена была ему при самомъ его возстановленіи. Финансовая дѣятельность его была въ высшей степени многосторонняя, сложная и, можно сказать, запутанная: въ немъ совершались почти безчисленныя финансовыя отправленія; въ немъ производилось столько разнообразныхъ сборовъ и налоговъ, сколько не было ни въ одномъ изъ современныхъ ему учрежденій. Это зависѣло отъ многихъ причинъ: отъ разнообразія лицъ, ему подвѣдомственныхъ, государственныхъ требованій и состоянія подчиненныхъ ему учрежденій. Но, при недостаточности научной разработки исторіи финансовъ въ Россіи, по причинѣ сложности дѣятельности Приказа, многообразія и измѣнчивости отношеній

его къ разнымъ государственнымъ учрежденіямъ, разнохарактерности финансовыхъ его отправленій, неразвитости способовъ взиманія податей и налоговъ и отправленія повинностей въ XVII и XVIII вѣкахъ и, наконецъ, по причинѣ отрывочности и неполноты, при всемъ множествѣ, матеріаловъ для этого предмета, находящихся у насъ подъ руками,—по всѣмъ этимъ причинамъ весьма трудно представить дѣятельность Приказа по финансовой части въ желаемой полнотѣ и отчетливости.

Въ вѣдомствѣ Монастырскаго Приказа отправлялись общегосударственныя подати и повинности, одинаковыя съ другими податными вѣдомствами, и особенныя, производившіяся только въ немъ одномъ.

Выше было сказано, что онъ былъ закрытъ въ 1720 году; когда коллегіи, новыя государственныя учрежденія, открыли свои дѣйствія, Приказъ Монастырскій, какъ учрежденіе, принадлежавшее къ системѣ старыхъ, не могъ устоять предъ новыми учрежденіями. Но историческія обстоятельства снова возстановили его, хотя и не на долгое время.

Къ 1720-му году созрѣлъ планъ учрежденія и устройства „Духовной коллегіи", Св. Правительствующаго Сѵнода, для всей русской церкви. Окончательное открытіе его совершилось 14 Февраля 1721 года. „По именному царскаго Величества указу" въ самый день открытія Св. Сѵнода „повелѣно: патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, сборами и правленіемъ вѣдать въ одномъ Духовномъ Сѵнодѣ". Но Св. Сѵнодъ, какъ высшее церковно-правительственное учрежденіе, нашелъ неудобнымъ вѣдать вотчинами безъ особаго, подчиненнаго ему, учрежденія. Онъ предпринялъ мѣры къ установленію его, съ разрѣшенія Государя. Въ докладныхъ пунктахъ по этому дѣлу Сѵнодъ, между прочимъ, просилъ Государя, чтобы повелѣно было опредѣлить въ Монастырскій Приказъ для „вотчиннаго управленія" Василья Ершова или полковника Плещеева. Судьею Монастырскаго Приказа опредѣленъ Ершовъ. Такъ возстановленъ былъ Св. Сѵнодомъ, съ разрѣшенія Государя, въ 1721-мъ году Монастырскій Приказъ, съ судьею во главѣ.

Но возстановленный во второй разъ Монастырскій Приказъ явился во многихъ отношеніяхъ весьма отличнымъ отъ Приказа 1701 года. Это было уже не высшее государственное, самостоятельное и ни отъ кого, кромѣ Государя, независимое учрежденіе, но учрежденіе церковно-государственное, второстепенное, состоящее въ совершенномъ подчиненіи Св. Сѵноду, которому онъ обязанъ своимъ возстановленіемъ, въ зависимости отъ высшихъ государственныхъ учрежденій — сената, камеръ-коллегіи и штатсъ-конторъ-коллегіи и въ многообразныхъ отношеніяхъ къ епархіальнымъ и общегосударственнымъ областнымъ учрежденіямъ и особымъ церковнымъ вѣдомствамъ. Онъ предназначенъ былъ центральнымъ, общимъ для всей Россіи, высшимъ для своего вѣдомства учрежденіемъ, подъ зависимостію Св. Сѵнода; но ему пришлось съ усиліями и съ трудомъ установить свои отношенія къ членамъ Сѵнода въ отдѣльности, къ бывшимъ патріаршимъ, теперь синодальнымъ Дворцовому и Казенному приказамъ, къ епархіальнымъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ. Находясь подъ двойною зависимостью высшихъ церковнаго и нѣсколькихъ государственныхъ учрежденій, онъ испыталъ на своей судьбѣ всѣ невыгоды пререканій между этими учрежденіями. Все его вѣдомство подвергалось этому испытанію и въ провинціяхъ. Поэтому судьба Монастырскаго Приказа 1721 г. весьма богата разными событіями, отношеніями, столкно-

веніями и перемѣнами, хотя онъ дѣйствовалъ не долго, менѣе 4-хъ лѣтъ. Но и такое непродолжительное существованіе его не безслѣдно въ исторіи. Его возстановленіе и дѣятельность тѣсно связаны съ образованіемъ круга дѣятельности и правъ Св. Сѵнода въ дѣлахъ вотчинныхъ. Его непродолжительное существованіе установило управленіе церковными вотчинами почти на полстолѣтіе и удерживало ихъ въ это время по большей части въ вѣдѣніи Сѵнода. На постепенныхъ перемѣнахъ Приказа ясно можно видѣть, какъ приказы преобразовались въ коллегіи, какъ прежняя приказная система государственныхъ учрежденій смѣнялась новою, коллегіальною. Повидимому, Приказъ еще разъ вызванъ былъ къ жизни и дѣятельности, какъ-будто для того, чтобы измѣниться въ своемъ устройствѣ, въ своихъ отношеніяхъ, въ своей дѣятельности по отношенію къ своему вѣдомству, и потомъ, переименовавшись въ другое учрежденіе, исчезнуть навсегда изъ исторіи.

LVIII. Старообрядчество во времена Петра Великаго.

(Изъ соч. С. Князькова: «Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени»).

Царствованіе Петра началось въ моментъ сильнаго церковно-религіознаго движенія въ русскомъ народѣ, вызваннаго преобразованіями церковнаго строя при патріархѣ Никонѣ, а питавшагося смутно и неявно выраженнымъ, но ясно сознаннымъ недовольствомъ народныхъ массъ реформами западнически настроеннаго правительства. Эти реформы, прежде всего военная, стоили очень дорого и увеличивали и безъ того тяжелый податной гнетъ и личныя повинности жителей Московскаго государства до тягостей неудобоносимыхъ. Церковная реформа, проведенная къ тому же крайне рѣзко и безтактно, переполнила чашу долготерпѣнія и создала возможность протестовать противъ всѣхъ вообще реформъ, какъ дѣла безбожнаго, нецерковнаго. Протестанты противъ церковныхъ новшествъ естественно стали протестантами и вообще противъ нововведеній, мѣнявшихъ старинный складъ жизни. Правительство, видя въ этихъ протестантахъ-старообрядцахъ и политическимъ враговъ, начало преслѣдованіе ихъ и прежде всего, конечно, на церковной почвѣ, стараясь казнями, ссылкой, пыткой заставить тѣхъ, кто стоялъ за старые обряды, принять новые.

Массовыя правительственныя преслѣдованія начались съ распоряженія правительницы царевны Софіи, по которымъ предписывалось, между прочимъ, казнить смертію даже покаявшихся учителей раскола, какъ офиціально стали называть несогласіе на новые обряды.

Старообрядчество ко времени воцаренія Петра жило въ смутѣ и тревогѣ. Проклятіе, произнесенное надъ ревнителями старыхъ обрядовъ соборами 1666—1667 гг., вырыло рѣзкую грань между ними и господствующей церковью, принявшей новые обряды. Въ глазахъ старообрядцевъ это проклятіе не было голосомъ церкви, хотя соборный приговоръ и скрѣпили своимъ присутствіемъ и подписями восточные патріархи. По мнѣнію старообрядцевъ, патріархи, ничего не понявъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, дѣйствовали по указаніямъ никоніанъ. Такой приговоръ

старообрядцы не могли признать правильнымъ и отвѣтили на него тоже чрезвычайно рѣзко.

Грань, легшая послѣ всего этого въ церковномъ отношеніи между русскими людьми, обособила внѣ церкви цѣлую группу искренне и горячо вѣрующихъ людей, полно и живо интересовавшихся церковною жизнью. Какъ же имъ было смотрѣть на себя послѣ всего случившагося? Если никоніанская церковь заблуждалась и приняла греческія новшества, отъ которыхъ такъ береглась до того русская церковь, то теперь задачей жизни ихъ, старообрядцевъ, становится беречь чистоту православія, отъ которой ушли всѣ тѣ, кто приняли новые обряды. По мнѣнію ревнителей старыхъ обрядовъ, не они, старообрядцы, слѣдовательно, ушли изъ церкви, а принявшіе новые обряды. Что восторжествовали носители новыхъ обрядовъ, старообрядцы легко объяснили себѣ наступленіемъ послѣднихъ временъ, когда по всѣмъ сказаніямъ и пророчествамъ ожидалось паденіе истинной вѣры и торжество ея искаженія. Это преданіе и припомнили старообрядцы, и на выводахъ изъ него построилось все ихъ тогдашнее „смущенное и смятенное" душевное состояніе.

Итакъ, наступили послѣднія времена. Цѣлый трактатъ, такъ называемая „Книга о вѣрѣ", указывалъ даже годъ, а именно 1669, какъ годъ великой грозы и несчастія для церкви. Во многихъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи съ осени 1668 г. люди перестали заниматься обыденными дѣлами своими, забросили поля, не пахали, не сѣяли; съ 1669 г. бросили и избы, собирались подъ открытымъ небомъ, молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, пріобщались св. дарами, освященными еще до Никона, и ждали съ замираніемъ сердечнымъ каждой полуночи, такъ какъ въ полночь, по преданію, раздастся страшный звукъ трубы архангельской, возвѣщающей пришествіе Сына Божія для послѣдняго суда надъ міромъ. Но 1669 годъ прошелъ, не принеся никакихъ ужасовъ.

Начетчики еще разъ пересмотрѣли всѣ сказанія и пророчества и нашли большую ошибку въ прежнихъ выкладкахъ. Дѣло въ томъ, что считали годы отъ Рождества Христова, а сатана былъ связанъ на тысячу лѣтъ при Воскресеніи Христовомъ. Пришествіе антихриста надо отодвинуть на срокъ всей земной жизни Господа — на 33 года и ждать его, слѣдовательно, въ 1699 г., конца же вселенной въ 1702 г.

Гоненія на старообрядцевъ, наступившія при Софіи, конечно, старообрядчества не уничтожили, а напряженности ожиданія скораго второго пришествія Спасителя не уменьшили. Отсроченное вычисленіями начетчиковъ, оно даже возростало въ своей силѣ и въ концѣ концовъ разразилось страшной эпидеміей самосожженій. Люди стали стремиться сгорѣть, утопиться, уморить себя голодомъ—только бы уйти изъ этого міра, обреченнаго въ достояніе антихристу. Въ писаніяхъ протопопа Аввакума вычитали призывъ къ самоубійственной огненной смерти, хотя онъ имѣлъ въ виду, одобряя единомышленниковъ на насильственную смерть въ огнѣ, не самоубійство, а тѣ срубы и костры, которые щедро стали уготовлять для послѣдователей старообрядчества правительство. „О, братіе и сестры,— возглашали проповѣдники самоубійственныхъ смертей, — полно вамъ плутати и попамъ окутъ давати: елицы если добріе свое спасеніе возлюбите и скорымъ путемъ, съ женами и дѣтьми въ царствіе Божіе тецыте".

Это былъ ужъ какой-то мистическій огненный бредъ, отъ котораго кружилась голова, терялось всякое ощущеніе дѣйствительности, и людей

охватывала одна сильная и стремительная мысль—итти въ огонь. О смерти въ огнѣ говорили даже малыя дѣти. Съ 1666 года по 1690 годъ сгорѣло такимъ образомъ не менѣе 20.000 человѣкъ, при чемъ количество жертвъ на отдѣльныхъ годяхъ доходило до 3.000. Наконецъ, въ средѣ самаго старообрядчества поднялись голоса, рѣзко осуждавшіе обычай „противозаконныхъ самоубійственныхъ смертей". Наиболѣе уважаемые въ старообрядчествѣ иноки и учители, собравшись числомъ до 200, единогласно осудили этотъ ужасъ. Добровольныя смерти были признаны противными Христову ученію, ученію апостоловъ и всѣхъ святыхъ. Старецъ Ефросимъ составилъ въ 1691 г. сильное „отразительное писаніе" противъ самосожженцевъ, безпощадно осуждавшее ревность проповѣдниковъ огненной смерти, какъ неразумное и бѣсовское навожденіе.

Но если замеръ пароксизмъ самоубійственныхъ смертей, то не замерло ожиданіе скораго второго пришествія, не замерло, а скорѣе возросло въ своей силѣ убѣжденіе въ наступленіи царства антихристова. Приближался роковой 1699 годъ. Давно уже въ смятенномъ народѣ шли толки, что не все-то ладно обстоитъ въ православномъ царствѣ. Молодой царь явно сдружился съ нѣмцами, днюетъ и ночуетъ въ проклятомъ Кокуѣ, съ нѣмцами табакъ носомъ пьетъ, съ нѣмками танцуетъ, стрѣльцовъ, что за истинную вѣру стояли, не любитъ, завелъ себѣ солдатъ нѣмецкихъ, и вотъ еще, къ нѣмцамъ уѣхалъ, и что̀ онъ тамъ дѣлаетъ, никому невѣдомо. Но 25 августа 1698 г., ровно за пять дней до новаго 1699 г., когда ожидалось появленіе антихриста, возвратился изъ-за границы въ Москву царь Петръ. Не заѣзжая въ Кремль, не поклонившись мощамъ чудотворцевъ, не побывавъ ни у Иверской, ни у гробовъ родителей въ Архангельскомъ соборѣ, проѣхалъ онъ прямо въ Нѣмецкую слободу, часть ночи пропировалъ у Лефорта, а остальную въ солдатской избѣ у своихъ преображенцевъ. На утро принимая поздравленія съ пріѣздомъ, царь собственноручно обрѣзалъ нѣсколько пышныхъ боярскихъ бородъ, а патріархъ Адріанъ почти что наканунѣ осудилъ брадобритіе какъ смертный грѣхъ, грозя брадобрійцамъ лишеніемъ св. тайнъ и христіанскаго погребенія! 1-го сентября, въ Новый годъ, царь не присутствовалъ на торжественной церемоніи въ Кремлѣ, не принималъ на новолѣтіе патріаршаго благословенія и не „здравствовалъ народъ"; весь день и добрую часть ночи провелъ на пиру у Шеина, и стояло тамъ море разливанное; среди гостей шныряли съ ужимками и гримасами царскіе шуты и рѣзали ножницами послѣднія бороды, владѣльцы которыхъ, не понявъ царскаго намека, не обрились и явились на царскій пиръ во всей старорусской красѣ. Затѣмъ началась суровая расправа со стрѣльцами, „а стѣльцы, вѣдь, за вѣру стояли", приговаривали пораженные всѣмъ видѣннымъ московскіе люди. Царь самъ отрубилъ нѣсколько головъ, съ казни отправился на пиръ. Патріарха, который со святыней пришелъ печаловаться за стрѣльцовъ, онъ прогналъ грубыми словами. Да что же это такое?

И вотъ появляется объясненіе, что Петръ—антихристъ. Объ этомъ твердили и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ, и на Олонцѣ, и въ Архангельскѣ, и въ самомъ Петербургѣ, твердили это и въ 1700 году, не перестали и во всѣ слѣдующіе годы и не только вплоть до кончины Петра, но и долго послѣ, до сихъ поръ есть толки старообрядцевъ, убѣжденные, что Петръ былъ чувственный антихристъ, и всѣ наслѣдники его только перевоплощенія антихристовы. Доказательства этого видѣли даже въ томъ, что „онъ, государь, непріятельскіе города беретъ

боемъ, а иные лестью — и то де по Писанію". Петръ придумалъ по образцу Запада каленымъ желѣзомъ клеймить рекрутовъ въ руку, чтобы вѣрнѣе ловить, если сбѣгутъ, и сейчасъ въ народѣ нашли и увидѣли здѣсь доказательство, что онъ антихристъ и клеймитъ печатью своей христіанъ. Петръ носилъ парикъ — знать, что антихристъ: „надѣлъ собачьи кудри".

Не было недостатка въ обличителяхъ, которые сами въ лицо Петру, хотѣли сказать это. Въ 1704 г. простой рабочій человѣкъ, нѣкто Андрей Ивановъ, нижегородецъ, пришелъ, чтобы сказать государю, какъ повѣдалъ на слѣдствіи, „что де онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть".

Въ рукописныхъ сочиненіяхъ, выходившихъ изъ-подъ пера старообрядческихъ-начетчиковъ, вопросъ о Петрѣ-антихристѣ разбирался и трактовался на всѣ лады, какъ вопросъ рѣшительный — писатели подбирали только все больше доказательствъ, что это такъ. Въ лицевыхъ, т.-е. иллюстрированныхъ, толковыхъ апокалипсисахъ фигура антихриста имѣетъ иногда явное стремленіе быть похожей на Петра.

Итакъ, въ мірѣ воцарился антихристъ. Но вотъ что̀ странно: два съ половиной года назначеннаго ему по Писанію господства прошли, а онъ продолжаетъ царствовать; мало того, преслѣдованія за вѣру, такія жестокія и настойчивыя при царевнѣ Софіи, теперь были значительно смягчены.

Если признать, что, несмотря на осуществленіе второго пришествія, антихристъ, дѣйствительно, царствуетъ въ мірѣ, то вѣдь это значитъ, что православіе погибло, значитъ нѣтъ въ мірѣ истинной церкви, нѣтъ таинствъ, и люди, которые не хотятъ поклониться антихристу и слугамъ его, стоятъ предъ престоломъ Божіимъ каждый прямо и непосредственно, ибо нѣтъ больше церкви и ея таинствъ, служившихъ посредствующимъ звеномъ въ общеніи людей съ Богомъ. Теперь имъ осталась одна молитва, только одно общеніе черезъ ея посредство. Жить надо, слѣдовательно, не имѣя церкви, священниковъ, не признавая таинствъ причащенія и покаянія, брака. Эти выводы ужаснули многихъ, и въ поискахъ выхода изъ этого тяжкаго логическаго пункта многіе старообрядцы просто перестали усиленно размышлять на темы о господствѣ антихриста. Нашли въ Писаніи данныя, говорившія, что церковь Христова не можетъ совершенно исчезнуть; припомнили, какъ самъ Аввакумъ возглашалъ, что церковь не упразднится и при антихристѣ, „понеже и самъ діаволъ не можетъ упраздннти священнотаинства, ниже антихристъ съ чады".

Но во времена Аввакума сохраненіе истинной церкви разумѣлось само собой. Налицо былъ весь чинъ церковный; множество священниковъ, діаконовъ, монаховъ раздѣляли убѣжденія старообрядцевъ; за старообрядство были и нѣкоторые архіереи. Въ ожиданіи скораго своего торжества или неминуемой кончины міра старообрядцы не позаботились обезпечить у себя всю полноту церковнаго чина; тогда это казалось лишнимъ, да и просто не приходило въ голову; межъ тѣмъ архіереи, сочувствовавшіе старообрядству, или измѣнили ему въ рѣшительную минуту, или умерли раньше того, какъ старообрядство почувствовало себя отдѣльной общиной.

Пока было много въ живыхъ священниковъ дониконовскаго поставленія, нужда въ полнотѣ церковнаго чина не ощущалась остро; тогда

нѣкоторые учители старообрядства отказывались даже считать священниками лицъ, посвященныхъ никоніанскими архіереями. Уже при Софіи, однако, въ самый разгаръ гоненій почувствовалась въ старообрядчествѣ недостача поповъ, и послѣдніе оставшіеся въ живыхъ стали торопиться заготовить какъ можно больше запасныхъ даровъ. Въ 1686 г. игуменъ Досиѳей построилъ на Чиру храмъ, освятивъ его на дониконовскомъ антиминсѣ; въ этомъ храмѣ онъ успѣлъ освятить очень большое количество запасныхъ даровъ. Въ 1688 г. храмъ, созданный Досиѳеемъ, былъ разрушенъ. Въ 1695 году одинъ изъ послѣднихъ уже поповъ дониконовскаго крещенія и ставленія, нѣкто Ѳеодосій, построилъ и освятилъ на старомъ антиминсѣ церковь въ польскихъ предѣлахъ на Вѣткѣ, откуда запасные дары стали распространяться по всему старообрядческому міру. Ѳеодосію пришлось первому сдѣлать важную уступку времени и обстоятельствамъ: онъ первый сталъ принимать священниковъ никоновскаго постановленія, требуя только, чтобы принимаемый въ старообрядство священникъ былъ крещенъ до никоновскихъ новинъ. Такое рѣшеніе дѣла оттянуло на нѣкоторое время страшный вопросъ о священствѣ въ старообрядчествѣ.

Но вотъ миновало безъ остатку и поколѣніе людей, крещеныхъ до Никона, и старообрядство, не отрицавшее нужды въ священствѣ, оказалось въ страшномъ для вѣрующихъ людей положеніи: въ его средѣ совсѣмъ не оказалось церкви, они, значитъ, не церковь, ибо церковь требуетъ опредѣленныхъ трехъ чиновъ священства въ своей средѣ — епископства, іерейства и діаконства, а у старообрядцевъ нѣтъ ни одной. Тогда-то и начались въ старообрядчествѣ, пріемлющемъ священство, страстные, полные глубокаго трагизма поиски истинныхъ архіереевъ. И вотъ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка посланецъ отъ старообрядцевъ пробирается въ Царьградъ — посмотрѣть какова вѣра у грековъ. Оказалось, что въ очень неудовлетворительномъ со старообрядческой точки зрѣнія состояніи. Но религіозная мысль не хотѣла кончить этимъ неудачнымъ опытомъ и стала искать себѣ поддержки въ напряженной религіозной фантазіи: есть истинная церковь далеко на востокѣ, тамъ, гдѣ солнце восходитъ, въ Бѣловодьи, въ Опоньскомъ царствѣ, на океанѣ-морѣ, на семидесяти островахъ; былъ тамъ Марко, инокъ Топозерскаго монастыря, и нашелъ 179 церквей „асирскаго языка“ и 40 русскихъ, построенныхъ бѣжавшими изъ Соловецкаго монастыря иноками. На поискахъ Бѣловодья погибъ въ сибирскихъ пустыняхъ не одинъ десятокъ горячихъ головъ, распаленныхъ благочестивой фантазіей увидѣть всю древнюю красоту церковную.

Но пока искали Бѣловодья или архіереевъ древняго благочестія, общинѣ старообрядцевъ, признававшихъ священство, нельзя же было оставаться безъ священниковъ и вотъ старообрядческія общины начинаютъ принимать къ себѣ и переманивать бѣжавшихъ отъ строгостей тогдашняго епархіальнаго начальства священниковъ, поставленныхъ въ господствующей церкви, воспользовавшись для этого однимъ церковнымъ правиломъ, которое разрѣшало принимать отъ нѣкоторыхъ еретическихъ церквей священниковъ, не лишая ихъ сана.

Жизнь круто и опредѣленно ставила старообрядцамъ задачу — создать у себя всю полноту церковнаго чина. Весь XVIII вѣкъ и уходитъ у старообрядцевъ-поповцевъ на поиски своего архіерея, а пока его нѣтъ, они довольствуются перебѣгающими къ нимъ изъ православія священниками, перекрещивая или перемазывая ихъ, смотря по тому, какое изъ этихъ

дѣйствій принимающее бѣгствующаго іерея согласіе считаетъ болѣе каноничнымъ.

Старообрядчество, рѣшившее для себя, что оно не можетъ обходиться безъ священства, сосредоточилось на югѣ, юго-западѣ и юго-востокѣ, а также въ центрѣ страны, гдѣ населеніе издавна жило церковной жизнью и больше, ближе ощущало въ своей жизни церковь. На сѣверѣ сосредоточилась та часть старообрядства, которая круче порвала съ церковью и стала на ту точку зрѣнія, что теперь нѣтъ ни церкви, ни таинствъ, кромѣ доступнаго для совершенія мірянамъ крещенія, ни церковной іерархіи. На русскомъ сѣверѣ, въ прежнихъ владѣніяхъ Новгорода Великаго, на Поморьи, въ Сибири населеніе, при рѣдкости священнаго чина, старалось, по возможности, само, безъ посредства священниковъ удовлетворять свои духовныя нужды. Вмѣсто церквей здѣсь чаще строили часовни, въ которыхъ мѣстные начетчики правили для желающихъ вечерню, утреню, часы—всѣ тѣ богослуженія, которыя можно совершать безъ священника. На сѣверѣ привыкли молиться безъ пастыря духовнаго и потому легко сравнительно примирились съ мыслью остаться безъ священнаго чина навсегда. Крещеніе можно совершать мірянамъ, исповѣдываться можно другъ другу, пріобщаться можно запасными дониконовскими дарами, а когда всѣ эти запасы вышли, нѣкоторые толки безпоповщины стали символизировать св. причастіе, вкушая съ особыми обрядами „въ воспоминаніе“ хлѣбъ и вино или же просто изюмъ. Обходиться безъ таинства брака здѣсь, на сѣверѣ, привыкли по нуждѣ давно и мало смущались отсутствіемъ вѣнчанія, замѣнивъ его объявленіемъ въ общинѣ и молитвой, читаемой наставникомъ.

Первыми насельниками этой части Россіи, образовавшими здѣсь средоточіе старообрядства, были соловецкіе „выгонцы“, бѣжавшіе изъ монастыря послѣ взятія его царскими войсками. Гдѣ-нибудь на берегу пустынной рѣчки или лѣсного озера отшельникъ рылъ себѣ землянку и начиналъ „спасаться“. Когда послѣ гоненій царевны Софіи наступили нѣсколько болѣе спокойныя времена, скиты стали жить болѣе прочно.

Особое значеніе съ этого времени пріобрѣтаетъ среди нихъ скитъ на Выгѣ рѣкѣ, основанный знаменитыми въ лѣтописяхъ старообрядства Даніиломъ Викулинымъ и Андреемъ Денисовымъ. Потомокъ стариннаго рода князей Мышецкихъ, Андрей Денисовъ и его братъ Семенъ сплотили около себя разрозненно жившихъ по лѣсистому Олонецкому краю старообрядцевъ, отвергавшихъ нужду въ священномъ чинѣ, и явились дѣйствительными организаторами и вдохновителями всего безпоповщинскаго старообрядства. Необычайно одаренные отъ природы, они развили свое дарованіе чтеніемъ и изученіемъ св. Писанія. Не довольствуясь тѣмъ, что ему давало простое начетничество, Андрей подъ видомъ купца отправился въ Кіевъ и тамъ прожилъ два года, посѣщая лекціи въ кіевской академіи. Онъ изучалъ тамъ богословіе у самого Ѳеофана Прокоповича, прошелъ риторику, логику и изучилъ ораторское искусство. Вооруженный знаніемъ, начитанный въ св. Писаніи и въ старинной русской литературѣ, Андрей скоро сталъ душой всего старообрядства Россіи, создалъ его богословіе и достаточно обосновалъ исторически и логически всѣ требованія и притязанія старообрядства безпоповскаго согласія. Ученый богословъ и знатокъ св. Писанія, Андрей Денисовъ былъ и выдающійся хозяинъ и управитель собравшейся около него общины. Устройству общины онъ придавалъ большое воспитательное значеніе: „обдержаніемъ общежи-

тельства въ пустынѣ сей,—говорилъ онъ,—благочинное житіе утверждается, всякое же безчиніе изничтожается".

Въ общинѣ на Выгѣ рѣкѣ былъ установленъ полный чинъ монастырскаго житія. Іеромонахъ Пафнутій изъ Соловецкаго монастыря устроилъ общежитіе и правилъ церковную службу по соловецкому уставу; поставили экклесіарха, пѣвцовъ, псаломщиковъ, конархистовъ.

Общину свою Андрей не только обставилъ строго опредѣленными правилами житія, но сдѣлалъ участіе въ ней выгоднымъ всѣмъ общинникамъ. Онъ завязалъ дѣловыя сношенія со всѣми концами Россіи, гдѣ только жили старообрядцы, и его киновія, какъ онъ любилъ называть свой скитъ, вела обширную торговлю хлѣбомъ, промышляла въ очень большихъ размѣрахъ звѣроловствомъ и рыболовствомъ; выгорѣцкіе промышленники доходили даже до Новой Земли и Шпицбергена; въ сосѣднемъ Каргопольскомъ уѣздѣ были куплены скитомъ и заарендованы обширныя пространства пахотной земли; сама обитель обстроилась большими прочными зданіями, обзавелась замѣчательной библіотекой, школами грамоты, школами для писцовъ, пѣвчихъ, иконописцевъ, всякаго рода ремесленными заведеніями. Кругомъ обители возникло подъ ея покровительствомъ много скитовъ, которые соединялись съ обителью Андрея нарочно проложенными дорогами, съ мостами черезъ рѣчки и гатями черезъ болота; мимо самой киновіи шли двѣ большихъ дороги, и въ стѣнахъ обители была построена обширная изба для пріѣзжающихъ.

Самъ Андрей Денисовъ часто уѣзжалъ въ разные концы Россіи, всюду вербуя единомышленниковъ, сражаясь съ супротивниками и инакомудрствующими, скупая книги, старинныя иконы и предметы церковнаго обихода. При такомъ положеніи дѣла Андрей и его скитъ, войдя въ близкое дѣловое отношеніе съ „внѣшними", сильно смягчили прежнюю нетерпимость и брезгливость старообрядства ко всему нераздѣлявшему ихъ убѣжденія. Біографъ Андрея не безъ удивленія разсказываетъ, какъ однажды въ пути Андрей далъ напиться изъ своей чашки томимому жаждой прохожему и послѣ не только не „ввергнулъ чашу въ презрѣніе", т.-е. попросту не только не выбросилъ ее, а, вымывъ водой и перекрестивъ, „повелѣлъ изъ нея ясти и пити". Съѣстные припасы, купленные на рынкѣ, не считались на Выгѣ болѣе нечистыми. Проповѣдывать вражду къ властямъ и никоніанамъ было легко, скитаясь въ лѣсахъ, живя поодиночкѣ на Выгѣ, но когда тамъ возникли цѣлыя обширныя слободы, къ господствующей власти относиться попрежнему стало нельзя, и Андрей со своими старцами, сохраняя полное убѣжденіе, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, дѣлаетъ гражданской власти всѣ уступки только бы обезпечить себѣ и своимъ сколько-нибудь свободное исповѣдываніе своихъ убѣжденій.

Когда въ олонецкихъ мѣстахъ въ сосѣдствѣ съ Выговской киновіей стали строить желѣзные заводы, то къ Андрею пришелъ указъ: „Вѣдомо его царскому величеству учинилось, что живутъ для старовѣрства разныхъ городовъ люди въ Выговской пустынѣ и службу свою къ Богу отправляютъ по старопечатнымъ книгамъ; а нынѣ его царскому величеству для войны шведской и для умноженія ружья и всякихъ воинскихъ матеріаловъ ставятся два желѣзныхъ завода и одинъ близъ Выговской пустыни; такъ чтобъ они въ работы къ Повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей, а за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять".

„И съ того времени,— говоритъ историкъ пустыни, — начала Выговская пустынь быть подъ игомъ работы его императорскаго величества“. Выгорѣцкимъ жителямъ позволено было выбрать къ мірскимъ дѣламъ своего старосту и при немъ выборнаго, которые должны были оберегать поселенцевъ и доносить по начальству, какія земли и угодья нужны выгорѣцкой киновіи при ея ростѣ.

Андрей Денисовъ очень поладилъ съ всесильнымъ Данилычемъ, въ вѣдомствѣ котораго былъ весь Олонецъ, и Меншиковъ издалъ въ 1711 г. распоряженіе, строго запрещавшее чинить обиды и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства Андрею Денисову съ общежителями и товарищи. Выгорѣцкіе наставники сумѣли прямымъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу завоевать большія симпатіи у такихъ дѣльцовъ Петра, какъ управляющій олонецкими заводами Геннинъ. Когда новгородскій архіерей по своей обязанности бороться съ раскольщиками схватилъ и посадилъ въ тюрьму Семена Денисова, Геннинъ написалъ царю по этому случаю такое посланіе: „Прошу ваше величество пожалуй для лучшей пользы и отправленія на морской флотъ твоихъ дѣлъ, помилосердуй, учини указъ, чтобы мнѣ смѣлѣе поступать, понеже я опасаюсь отъ архіерея новгородскаго погубленія, понеже онъ вѣритъ другимъ своимъ бездѣльникамъ, а не своимъ разсмотрѣніемъ управляетъ и отъ нихъ нынѣ въ заключеньи сидитъ у архіерея Семенъ Денисовъ, который въ здѣшнемъ подъемѣ и въ сыску рудъ былъ годенъ и передъ другими радѣтеленъ въ заводской работѣ; для ихнихъ нуждъ и за челобитіемъ отъ нихъ посланъ онъ былъ и захваченъ въ Новгородѣ въ архіерейскій приказъ. Прикажи архіерею его освободить и отъ твоихъ заводскихъ дѣлъ его не трогать и не ловить“.

И Петръ самъ относился къ старообрядству довольно терпимо, если не наталкивался въ немъ на политическое противодѣйствіе своей дѣяности. Въ 1702 году, когда разнеслась вѣсть, что царь идетъ отъ Архангельска на Ладогу и черезъ Олонецкія дебри стали прокладывать дорогу, близко подошедшую къ Выгу, то отшельники стали готовиться къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовнѣ и думали зажечься, когда придетъ „онъ“. Но когда Петру доложили что недалеко отъ его пути живутъ раскольники, то онъ сказалъ: „Пускай себѣ живутъ!“ и прослѣдовалъ дальше. Разсказываютъ, что разъ онъ спросилъ: „Каковы купцы изъ раскольниковъ? честны ли и прилежны ли?—Когда ему сказали, что честны и прилежны, государь замѣтилъ: „Если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“.

Ставъ на эту точку зрѣнія, Петръ потребовалъ отъ старообрядцевъ одного: чтобы они безпрекословно исполняли гражданскія обязанности, и если это исполненіе совершалось не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Петръ представлялъ любящимъ старые обряды и книги молиться какъ хотятъ; запрещалась только проповѣдь старообрядства и когда новгородскій митрополитъ указалъ царю на Семена Денисова, какъ на вреднаго церкви учителя старообрядства, искуснаго на словахъ, ученаго и дѣятельнаго проповѣдника, Петръ, по сказанію историка Выговской пустыни, „взявъ онаго Симеона передъ себя и, испытавъ изъ тиха на словахъ и поговоря мало, ни его отпустити, ни испытати жестоко не повелѣ; тако же и митрополиту не повелѣ, оставили его тако“, т.-е. въ заклю-

ченіи, но когда Семену удалось бѣжать, то хотя всѣ знали, что онъ ушелъ въ Выгу, его тамъ не тронули. „Съ противниками церкви,—говорилъ другой разъ Петръ, — надлежитъ съ кротостью и разумомъ поступать по апостолу: быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ, да беззаконныхъ пріобрящу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ". И тѣ старообрядцы, которые съ точки зрѣнія Петра вели себя „законно", т.-е. платили исправно двойныя подати и работали усердно на заводахъ, пользовались его большимъ расположеніемъ.

Но такъ какъ въ существѣ старообрядства все же крылось рѣзкое осужденіе и противодѣйствіе многому такому, что Петръ въ своей преобразовательной дѣятельности считалъ важнымъ для государства, то старообрядство у него не могло быть совсѣмъ предоставленнымъ самому себѣ. Борьба съ этимъ явленіемъ должна была вестись и тогда, когда оно политически подчинялось государственной власти, только эта борьба должна быть увѣщевательной. Эту увѣщевательную борьбу Петръ поручилъ съ 1706 г. переяславскому игумену Питириму, впослѣдствіи нижегородскому архіерею. До 1716 г. старообрядство вообще мало интересовало Петра; въ февралѣ 1716 г. онъ распорядился переписать всѣхъ старообрядцевъ, чтобы знать точное число ихъ для обложенія налогомъ. Перепись поручено было исполнить мѣстнымъ священникамъ. Съ тогдашней старообрядческой точки зрѣнія перепись представлялась, однако, дѣломъ грѣховнымъ. Въ результатѣ начались противодѣйствія переписи, старообрядцы стали скрываться, подкупать поповъ-переписчиковъ, чтобы они записывали старообрядцевъ православными. Изъ переписи ничего не вышло. Случилось все это въ то время, когда начало разыгрываться дѣло царевича Алексѣя, бѣжавшаго заграницу. Слѣдствіе установило, что царевичу было много сочувстзующихъ, и что онъ самъ и тѣ, кто сочувствовалъ ему, осуждали всѣ нововведенія Петра и жаждали возврата старины. За старину, какъ зналъ Петръ, были и старообрядцы. Все это вмѣстѣ взятое нѣсколько измѣнило прежній взглядъ Петра на старообрядцевъ въ сторону большей суровости въ отношеніи къ явленію старообрядства.

Проповѣдь игумена Питирима и его старанія обращать старообрядцевъ увѣщаваніями двигались впередъ плохо и имѣли мало успѣха. Проповѣдникъ досадовалъ и писалъ царю, что расколъ увеличивается, что въ нижегородскомъ краю больше 200.000 старообрядцевъ, да въ городахъ нижегородскихъ болѣе 20.000, и что „всѣ они благополучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются и всегда стремятся возвысить свой злой рогъ къ обладанію на церковь и на гражданство; хотя они между собой и много несогласны, но на церковь всѣ злобою согласны, надлежитъ размноженіе остановить, чтобъ нигдѣ они не учили; а гдѣ станутъ раскольщики учить—хватать ихъ и наказывать; а не худо учителей неявнымъ промысломъ смирить Указъ о томъ, чтобы неисповѣдывавшихся штрафовать, а раскольщиковъ окладывать вдвойнѣ—очень помогалъ обращенію, но сдѣлалось препятствіе большое: попы едва не всѣ укрыли раскольщиковъ, то писали исповѣдующимися, то никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи ландратомъ и поданы росписи, то ни штрафовъ, ни раскольщикамъ окладу не положено, и отъ этого только благочестивые и обратившіеся въ поношеніи и ругательствѣ. Требуемъ, чтобы для лучшаго обращенія штрафы на неисповѣдывавшихся и окладъ на раскольщикахъ ежегодно былъ правленъ неотложно, а мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ Писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединять будемъ".

Послѣ этого доклада въ помощь Питириму для явныхъ слѣдствій и наказаній былъ командированъ гвардіи капитанъ Юрій Ржевскій, облеченный правомъ ссылать на каторгу тѣхъ раскольниковъ, которые будутъ укрываться отъ платежа двойныхъ налоговъ, монаховъ и монахинь забирать въ монастыри, но дѣйствовать круто не сплошь, хватать не за исповѣданіе раскола, а за вредъ гражданству.

Для характеристики проповѣдническихъ пріемовъ Питирима чрезвычайно любопытно предпринятое имъ распространеніе одной книги, составленной въ Кіевѣ и имѣвшей задачей уличить старообрядцевъ въ еретичествѣ. Книга эта называлась „Соборное дѣяніе на еретика Мартина“ и повѣствовала о томъ, какъ въ 1147 г. приходилъ въ Кіевъ монахъ Мартинъ, родомъ армянинъ; въ Кіевѣ онъ сталъ проповѣдывать двуперстіе, сугубую аллилуію и прочія „заблужденія“, которыя раздѣляли старообрядцы XVII вѣка; въ 1157 г. соборъ русскихъ епископовъ осудилъ мнѣнія Мартина какъ еретическія, причемъ двуперстное крестное знаменіе было названо „арменскимъ кукишемъ“. Присланная изъ Кіева, какъ подлинная, книжица соборнаго дѣянія носила всѣ внѣшнія признаки древняго происхожденія; была написана на пергаментѣ, выцвѣтшими чернилами, и вообще выглядѣла очень пострадавшей отъ времени. Для всѣхъ знатоковъ русской старины это было совершенно новое открытіе: ни о Мартинѣ, ни о соборѣ на него никто до сихъ поръ не слыхалъ. Старообрядческій діаконъ Александръ очень заинтересовался новымъ документомъ и, разобравъ его съ большимъ вниманіемъ, установилъ, что это соборное дѣяніе явная поддѣлка; доказательства діакона Александра, очень тонко и съ большимъ знаніемъ дѣла построенныя, устанавливали поддѣлку и исторически, и хронологически, и археологически, Но это не помѣшало Питириму распространять „Соборное посланіе на Мартина еретика“, какъ „зело полезную“ книгу, дьяконъ же Александръ былъ схваченъ и по приказу Питирима заключенъ.

Въ результатѣ дѣятельности Питирима, въ 20-хъ годахъ принявшагося за совершенно открытое преслѣдованіе старообрядчества, нѣсколько тысячъ слабыхъ объявили себя присоединившимися къ господствующей церкви, а большинство осталось, какъ было, и примиренія съ церковью, какъ надѣялся Петръ, не произошло. Такъ же обстояло дѣло и въ другихъ краяхъ государства. Всюду проповѣдничество предпочитало вмѣсто дѣйствія словомъ вступать въ союзъ съ гвардіи капитанами, всюду увѣщевали людей, заковавъ ихъ предварительно въ кандалы, и всюду результатъ былъ одинаковъ: кто былъ послабѣе, тѣ объявили, что раскаиваются, а болѣе сильные почувствовали еще глубже ровъ, возникшій между ними и господствующей церковью, и рѣшительно отвернулись отъ всякой словесной борьбы, избѣгая всячески собесѣдованій съ проповѣдниками, за которыми стояли отъ гвардіи капитаны.

Къ тому же и сами проповѣдники въ своемъ чисто проповѣдническомъ дѣлѣ не всегда стояли на высотѣ и въ словопреніяхъ должны были иногда уступать старообрядческимъ начетчикамъ. Когда въ 1722 году синодъ установилъ во всѣхъ краяхъ Россіи особыя миссіи для борьбы съ раскольщиками, то въ мѣстность выговскихъ скитовъ былъ присланъ съ порученіемъ вести бесѣды со старообрядцами іеромонахъ Неофитъ. Андрей Денисовъ съ товарищами обратились тогда къ Неофиту съ просьбой, чтобы онъ письменно изложилъ темы будущихъ словопреній. Неофитъ написалъ 106 положеній въ формѣ краткихъ вопросовъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ выговскіе наставники доставили іеромонаху свои отвѣты. Это

были знаменитые Поморскіе отвѣты, являющіеся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній старообрядческой литературы. Въ этихъ отвѣтахъ выговцы подробно отвѣтили на всѣ вопросы Неофита и, воспользовавшись очень умѣло промахомъ Неофита, поставившаго вопросы болѣе историческаго, чѣмъ догматически-богословскаго характера, засыпали его справками изъ древнихъ книгъ, лѣтописей, грамотъ, указаніями на старинныя изображенія, иконы, доказывавшими древность и двуеперстія, и сугубой аллилуіи, и хожденія посолонь, — словомъ, всѣхъ основъ своихъ разногласій съ Никономъ; достаточно были обоснованы и чисто богословскія стороны старообрядства. Въ этомъ смыслѣ Поморскіе отвѣты являются первой работой сознавшаго себя старообрядства, выступившаго здѣсь впервые не только съ отрицаніемъ Никоновыхъ новинъ, но съ твердымъ и достаточнымъ историческимъ и богословскимъ обоснованіемъ своихъ убѣжденій. Съ такими противниками еще менѣе можно было надѣяться на побѣду при борьбѣ ссылкой и рваньемъ ноздрей, но эти мѣры долго еще, къ сожалѣнію, не исчезали изъ обихода православнаго миссіонера и достигали только того, что все глубже и глубже дѣлали расколъ русской церкви. Старообрядчество скоро перестало совсѣмъ входить въ мирныя собесѣдованія, кончавшіяся столь не мирно, и больше ушло въ устройство своего внутренняго быта.

Въ то время какъ въ поповщинѣ шли безконечные и крайне запутанные споры о томъ, какимъ чиномъ принимать бѣгствующихъ никоніанскихъ священниковъ, и назрѣвали первые хлопоты о поискахъ „своего“ древне-православнаго архіерея, безпоповцы тратили много времени и силъ на выясненіе своихъ отношеній къ тому міру, въ которомъ несомнѣнно для нихъ воцарился антихристъ. Андрей Денисовъ шелъ на всевозможныя уступки и стоялъ за самый широкій просторъ общенія съ еретиками-никоніанами до моленія за царя включительно, при чемъ ссылался въ оправданіе на то, что древніе христіане молились и за языческихъ царей по указанію апостола Павла, но другіе безпоповцы были крайне недовольны подобнаго рода уступками антихристову міру.

Въ одно время съ Денисовыми, учившими на Выгѣ и распространившими свое вліяніе на все Поморье, въ юго-западныхъ краяхъ Новгородскаго края и за польской границей большое вліяніе среди жившихъ тамъ безпоповцевъ пріобрѣлъ нѣкто Ѳеодосій. Онъ самостоятельно старался обосновать положенія безпоповства и въ своихъ толкованіяхъ разошелся нѣсколько съ Денисовымъ по вопросамъ обрядовымъ; для выясненія разногласій онъ пріѣзжалъ въ скитъ на Выгу и тутъ всегда послѣ собесѣдованій и во время ихъ подымалъ вопросъ о томъ послабленіи міру, какое замѣчалъ у выговскихъ отцовъ. На этой почвѣ споры не только не приводили къ соглашенію, но сѣяли все бóльшее и бóльшее взаимное ожесточеніе въ безпоповствѣ. Кончилось тѣмъ, что послѣ одного диспута, когда спорщики стучали другъ на друга кулакали по столу и упрекали въ еретичествѣ, Ѳеодосій, „показавъ характеръ не мирнаго духа“, какъ говоритъ историкъ Выговской обители, вышелъ изъ воротъ скита, выбросилъ данные ему на дорогу припасы, заявивъ, что отъ несогласныхъ не хочетъ принимать пищи, снялъ обувь и, ставъ лицомъ къ Выговской обители, отрясъ прахъ ногъ своихъ. „Прахъ, прилипшій у васъ къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ, — кричалъ онъ, — не буди намъ съ вами имѣти общенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“. Денисова не было тогда въ обители; узнавъ о происшедшемъ, онъ всячески старался помириться съ Ѳеодосіемъ и его послѣдователи, и временнаго соглашенія

ему удалось было достигнуть, но когда окончательно выяснилось, что Андрей и его братъ Семенъ съ единомышленниками своими стоятъ на томъ, чтобы молиться за царя, послѣдователи Θеодосія рѣзко порвали съ выгорѣцкими скитиками и образовали свое особое согласіе, получившее названіе по имени основателя—Θедосеевское.

Разрывъ между Θеодосіемъ и выговцами коснулся между прочимъ вопроса о томъ, какъ должны писать „титло" на крестѣ Спасителя. Въ общинѣ Θеодосія употребляли буквальное титло: I. Н. Ц. I.; на Выгѣ, напротивъ, писали: I. Хр. Царь Славы". Какъ скоро разность эта стала извѣстна, ревнители „древляго благочестія" наговорили другъ другу колкостей: „Намъ вашъ Назарянинъ не надобенъ,—говорили поморцы,—это насмѣшка Пилата, это выдумка папистовъ и тонкій духъ аріанства, именующій Христа простымъ человѣкомъ". Съ своей стороны и θедосеевцы обзывали поморцевъ крестоборцами и іудеями. Въ концѣ XVIII столѣтія (1791 г.) это разногласіе было улажено; выговцы остались побѣдителями, и θедосеевцы приняли надписаніе I. Хр. Ц. Сл. Только новгородскіе θедосеевцы остались вѣрны завѣщанію своего первоучителя и выдѣлились въ особую секту, извѣстную подъ именемъ титловщины.

Другой чертой разногласія среди безпоповцевъ выдвинулся скоро вопросъ о бракѣ. Признавая только два таинства—крещеніе и покаяніе, безпоповцы отрицали таинство брака и требовали отъ своихъ единомышленниковъ безбрачія. Пока живы были ожиданія скораго второго пришествія Христова, правило безбрачія довольно строго соблюдалось въ безпоповствѣ, но когда ожиданія страшнаго суда потеряли свою остроту, естественное человѣческое стремленіе къ устройству семьи одержало верхъ, и учители безпоповщины должны были допустить браки въ средѣ своихъ единомышленниковъ. Самъ Θеодосій сталъ признавать законными браки, заключенные въ никоніанской церкви, явно противорѣча этимъ и самому себѣ, и своему основному отношенію къ никоніанству. Андрей Денисовъ былъ послѣдовательнѣе и требовалъ отъ своихъ безусловнаго безбрачія; но такъ какъ основной духъ ученія θедосеевцевъ отличался бо̀льшей непримиримостью, а поморское согласіе шло на большія уступки жизни, то несмотря на то, что учители обоихъ толковъ держались мнѣній, не соотвѣтствовавшихъ ихъ же основнымъ толкованіямъ, жизнь привела къ тому, что поморское согласіе допустило бракъ въ средѣ своихъ членовъ, а θедосеевское стало его отрицать, какъ грѣховное и ненужное учрежденіе. Въ спорахъ на эти темы и нѣкоторыя другіе второстепеннаго характера шла вся внутренняя жизнь старообрядства XVIII вѣка; нельзя сказать, чтобы эти споры и разногласія потеряли свою остроту и теперь.

LIX. О состояніи русской образованности при Петрѣ Великомъ.

(Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ»).

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтій два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя: это заве-

деніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія, одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка, имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что̀ существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ, — эпохѣ не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформаціи, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого-нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда—разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщенія другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространившагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ орудіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападковъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературѣ, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ-полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только по своимъ знаніямъ и способностямъ выходили изъ ряду обыкновенныхъ тружениковъ, растрачивали свои дарованія на полемику, или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ пріемовъ школьной польской учености сдѣлали то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ, и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону: именно, съ помощью ея, въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являются въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во̀-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьмы ошибокъ, не повредивъ самаго простого смысла текста, а въ заключеніе не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ...

Наконецъ отъ грековъ, наѣзжавшихъ въ Россію за подаяніями, на

Востокѣ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границею, и вотъ по этому случаю въ 1686 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ къ царю: „нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитаютъ неподобная мудрованія въ монастырехъ... довольно бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ философію и суетную прелесть... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣютъ нравы, ихъ же не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ“...

Впрочемъ и безъ этого посланія малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные разсчеты; ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ способствовали умноженію недовѣрія къ пришельцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоакимъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, впрочемъ, и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣдуя которому можно было оставаться православнымъ и въ то же время не гнушаться знаніями, добытыми послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій.

Какъ неблагосклонно смотрѣли на иноземцевъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: „православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ; христіане постятся, еретики же никогда; ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево... Паки вспоминаю, еже бы иновѣрцомъ еретиковъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводити, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне... Здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ клянутъ и лаютъ, и вѣру укоряютъ, и иконы святыя попираютъ“...

Послѣ такихъ мнѣній объ европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторыя исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказательствомъ служитъ размноженіе рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знаніе, какъ на еретичество, какъ на нѣчто, несовмѣстное съ православіемъ: „братіе, не высокоумствуйте,—учили въ тѣ времена,—но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто тиречетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“.

Въ этихъ словахъ,—столь, повидимому, смиренныхъ, — слышится

презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочувствовавшаго просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси) и подтверждавшаго, что сейчасъ приведенное нравоученіе имѣло приверженцевъ въ тогдашней Россіи: „Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимся быти учительми, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, аще будучи въ оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголютъ бо они, прельщающи юношъ тщаливыхъ къ науцѣ хотящихъ навыкати писанія, понеже въ оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущеся о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ, глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ: и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашелся, а онъ сица въ ересь впалъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ!“

Въ 1690 г. бо̀льшая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подвергалась опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кіевской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты, и предъ смертною казнью ему напомнили, что онъ прельщался „кіевскими новотворными книгами“... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не долго продолжалась реакція; какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего между иными средствами избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кіевскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образованія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кіевской академіи, было болѣе подготовки къ воспринятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недовѣріе къ наукамъ, которое изъ разныхъ, чисто личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій, и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть на первый разъ только тѣ изъ русскихъ, которые чему-нибудь учились и что-нибудь знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей кіевскихъ ученыхъ не согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей Петра; его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кіевскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ людяхъ, и кіевляне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, бо̀льшая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы—все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ и носили въ себѣ несомнѣнные слѣды малороссійскаго происхожденія.

Знакомство Россiи съ науками европейскими изъ первыхъ рукъ началось при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ, учившихся за границей; но краткость времени, новость дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣнiй сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилiй царя стали явственными только въ позднѣйшiя времена. Въ началѣ XVIII вѣка, лица, успѣвшiя побывать за границей и узнать наскоро кое-что, употреблялись по бо̀льшей части для переводовъ разныхъ сочиненiй, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанiя. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ какимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторiи ни одной науки,—лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенiя (чему и въ нашей исторiи есть примѣры); но не въ силахъ воля, даже и не знающая себѣ предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацiю по своему только хотѣнiю.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованiе слагалось изъ двухъ стихiй—кiевской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенiя, заимствованнаго изъ Голландiи, Германiи, отчасти Англiи, Францiи и даже Италiи. Кiевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованiе, вслѣдствiе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключенiемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россiи замѣчательныхъ представителей.

LX. Изъ переписки Петра Великаго съ Лейбницемъ.

(Изъ соч. проф. Герье: «Лейбницъ и его вѣкъ»).

Съ начала XVIII вѣка европейская исторiя получаетъ для насъ совершенно новое значенiе. Россiя становится европейскою державою, принимаетъ участiе въ дѣлахъ западныхъ государствъ и своимъ влiянiемъ видоизмѣняетъ ихъ отношенiя. Чѣмъ болѣе будутъ развиваться матерiальныя и нравственныя силы Россiи, тѣмъ значительнѣе будетъ ея влiянiе, тѣмъ болѣе жизнь русскаго народа будетъ сливаться съ жизнью западно-европейскаго человѣчества. Вслѣдствiе этого особенный интересъ получаетъ въ нашихъ глазахъ первая встрѣча между Россiей и западною Европой. Во внутренней жизни Россiи это столкновенiе произвело такой переворотъ, что съ него начинается новый перiодъ русской исторiи. На западную Европу встрѣча съ Россiей произвела, конечно, менѣе сильное впечатлѣнiе,—тѣмъ болѣе, что вниманiе тогдашняго европейскаго общества было отвлечено страшною войною, которая могла повлечь за собою самые существенные результаты. Тѣмъ не менѣе переворотъ, готовившiйся на востокѣ, не ускользнулъ отъ вниманiя передовыхъ людей. Впечатлѣнiе, произведенное на западнаго человѣка появленiемъ новаго восточнаго государства, особенно ярко отразилось на Лейбницѣ, который съ такимъ живымъ участiемъ слѣдилъ за всѣмъ, что̀ совершалось вокругъ него, и съ такимъ сочувствiемъ привѣтствовалъ все, что̀ обѣщало содѣйствовать прогрессу и общимъ интересамъ человѣка. Поэтому мысли и надежды, возбужденныя въ Лейбницѣ дѣятельностью великаго преобразователя Россiи, и многочисленные проекты, составленные воспрiимчивымъ генiемъ западнаго философа для водворе-

нія наукъ въ Россіи, не только получаютъ значеніе для его біографіи, но составляютъ интересный памятникъ той эпохи, когда на Россію перестали смотрѣть какъ на страну, представлявшую только матеріалъ для любознательныхъ путешественниковъ, и начали сознавать ея права и предчувствовать ея призваніе.

Лейбницъ, съ свойственною ему проницательностью, точно опредѣлилъ будущее значеніе Россіи. Ей предстояли, по его мнѣнію, двѣ задачи: изгнать турокъ изъ Европы и цивилизовать Востокъ. „Ей суждено сдѣлаться,—восклицалъ онъ,—посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ". Но еще прежде, чѣмъ изумительные успѣхи молодого царя могли возбудить въ Лейбницѣ подобныя надежды, онъ интересовался Россіей и собиралъ о ней всевозможныя свѣдѣнія. Его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на двухъ вопросахъ. Онъ старался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріала для филологическихъ и этнографическихъ соображеній. Онъ зналъ, что вопросъ о родствѣ языковъ и происхожденіи народовъ не можетъ быть разрѣшенъ, пока не будетъ изслѣдовано громадное степное пространство, которое тянется отъ Карпатскихъ горъ мимо Каспійскаго моря къ Аральскому и къ границамъ Китая. Чтобъ удовлетворить своей любознательности, Лейбницъ заводилъ переписку со всѣми лингвистами, которые занимались языками восточной Европы и Азіи, и особенно съ тѣми, которые имѣли связи въ Польшѣ и въ Россіи. Съ этою цѣлью онъ разспрашивалъ путешественниковъ и дипломатовъ и входилъ въ сношенія съ голландскими и шведскими учеными, съ римскими и польскими іезуитами.

Не въ меньшей степени занимала Лейбница надежда, что невѣдомая, обширная Россія откроетъ, наконецъ, доступъ къ себѣ европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ сопоставлялъ Россію съ Китаемъ и Абиссиніей. Сношенія европейцевъ съ Китаемъ никогда еще не были такъ живы, какъ въ концѣ XVII вѣка, благодаря усиліямъ и ловкости іезуитовъ, которые сумѣли возбудить интересъ богдыхана и китайскихъ министровъ къ математическимъ наукамъ и этимъ средствомъ заискать ихъ расположеніе. Мы видѣли, какого высокаго мнѣнія были европейцы объ образованности китайцевъ, и какихъ плодовъ Лейбницъ ожидалъ отъ взаимодѣйствія китайской и европейской цивилизацій. Почти также преувеличено было мнѣніе европейцевъ того времени о значеніи и могуществѣ абиссинскаго царя. Лейбницъ вполнѣ раздѣлялъ надежды своего друга Лудольфа, что посредствомъ миссіонеровъ и посольствъ отъ европейскихъ государей къ негушу можно было бы пробудить къ новой жизни древнюю цивилизацію христіанской Абиссиніи, въ союзѣ съ нею положить конецъ владычеству султана и распространить цивилизацію по всему громадному пространству африканскаго материка.

Въ своей перепискѣ Лейбницъ начинаетъ часто упоминать о Россіи въ шестьсотъ-девяностыхъ годахъ. Съ этого времени она привлекаетъ все больше и больше его вниманіе, какъ видно изъ его писемъ къ Витзену, Лудольфу и Спарвенфельду.

„Я не знаю,—начинаетъ Лейбницъ свою записку,—какую лучшую цѣль можетъ поставить себѣ великій государь, какъ не благоустройство своей страны и не воздѣлываніе до совершенства вертограда (plantation), который Богъ ему ввѣрилъ. Великій царь Русскихъ обнаруживаетъ необыкновенную возвышенность своего ума и свою геройскую энергію не только въ воинскихъ дѣлахъ, но и въ управленіи страною, составляя и

приводя въ исполненіе планы, о которыхъ не смѣлъ и думать ни одинъ изъ его предшественниковъ. Онъ даже идетъ далѣе, чѣмъ требуютъ нужды его собственной страны, и не довольствуясь тѣмъ, что вводитъ у своихъ народовъ нужныя улучшеніи, думаетъ еще о всеобщемъ благѣ христіанскаго міра, возбуждая другіе народы противъ общаго врага самымъ торжественнымъ посольствомъ и поддерживая ихъ съ большимъ успѣхомъ своими значительными силами. Это тѣмъ болѣе важно, что въ этомъ настоятельная нужда, и что безъ этого вмѣшательства наши дѣла въ Венгріи, вѣроятно, приняли бы другой оборотъ. А потому мы должны молить Бога, чтобы Онъ сохранилъ этого великаго государя, который еще находится въ лучшей порѣ жизни, для окончанія того, что̀ онъ такъ славно началъ. Неожиданный результатъ выборовъ въ Польшѣ подаетъ намъ большія надежды, что Богъ предположилъ смирить турокъ и изгнать магометанство, по крайней мѣрѣ, изъ Европы.

„Нельзя не видѣть необыкновеннаго совпаденія обстоятельствъ или, вѣрнѣе, воли Провидѣнія въ томъ, что въ то же самое время у трехъ самыхъ могущественныхъ государей на сѣверѣ, на востокѣ и на югѣ явились одинаковыя и въ высшей степени замѣчательныя намѣренія; ибо мы узнали, что кромѣ царя Петра Алексѣевича, верховнаго государя Русскихъ и почти всего сѣвера, Камга-Амалокадъ ханъ, властитель Китая и Татаріи самой восточной, а также Язокъ-Аджамъ-Саукбетъ, царь Абиссиніи, покорившій много варварскихъ сосѣдей, всѣ задумали планы, которые далеко превосходятъ планы ихъ предковъ. Мы знаемъ это какъ по новымъ извѣстіямъ изъ Китая, гдѣ христіанство допущено и даже поддерживается императорскимъ указомъ, такъ и отъ посольства абиссинскаго, отправленнаго въ Батавію въ 1692 году. Русскій царь и владѣтель Абиссиніи — оба христіане и оба сосѣди и враги турокъ, хотя и очень отдалены другъ отъ друга. А царь и монархъ китайскій — сосѣди и оба чрезвычайно склонны къ тому, чтобы привлечь въ свою страну науки, искусства, и особенно, чтобы привить въ ней цивилизованные нравы нашей Европы; въ этомъ отношеніи они могутъ протянуть другъ другу руку и взаимно обязывать другъ друга.

„Я намѣренъ говорить теперь только о томъ, что̀ можетъ послужить этому намѣренію, оставляя въ сторонѣ то, что̀ относится къ устройству государства, къ войнѣ, къ торговлѣ и къ мореплаванію, хотя на самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть такъ важно въ этомъ отношеніи, какъ наука и художества. Для того, чтобы перенести ихъ въ Россію сообразно съ намѣреніемъ царя, было бы полезно предоставить заботу объ этомъ извѣстнымъ лицамъ и поручить имъ составить общій проектъ, который имѣлъ бы слѣдующія два основанія: привлечь въ Россію все, что̀ ни есть лучшаго у иностранцевъ какъ относительно умныхъ и свѣдущихъ людей, такъ и относительно вещей рѣдкихъ и полезныхъ; во-вторыхъ, совершенствовать у себя въ отечествѣ людей, страну и все, что̀ съ этимъ въ связи. Людей можно развивать, заставляя ихъ путешествовать и обучая ихъ до̀ма. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все, что̀ въ ней есть и чего нѣтъ, и стараясь дополнить то, чего ей недостаетъ.

„Итакъ, вотъ нѣсколько статей, которыя заключаютъ въ себѣ все, что̀ необходимо сдѣлать: 1) основать центральное учрежденіе для наукъ и художествъ; 2) привлечь способныхъ иностранцевъ; 3) выписать изъ-за границы такія вещи, которыя стоятъ этого; 4) посылать подданныхъ путешествовать, принявъ надлежащія предосторожности; 5) просвѣщать

народъ у себя; 6) составить точное описаніе страны, чтобъ узнать ея нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостаетъ“.

Одна записка Лейбница кончается на этомъ, въ другой онъ входитъ въ подробности по поводу каждой изъ статей.

Центральное учрежденіе требуетъ для своего осуществленія общаго проекта, способныхъ людей и достаточной суммы денегъ. О людяхъ, необходимыхъ для исполненія, Лейбницъ говоритъ, что они должны быть очень свѣдущи, благородны, безкорыстны; они должны болѣе искать славы, чѣмъ прибыли, быть усердны и дѣятельны, имѣть большой кругъ знакомства и вести обширную переписку. Количество денежныхъ средствъ Лейбницъ предоставляетъ на волю царя, но замѣчаетъ при этомъ, что нужно поспѣшить началомъ, и время всего дороже на свѣтѣ и не можетъ быть куплено слишкомъ большою цѣною. По поводу второй статьи Лейбницъ замѣчаетъ, что необходимо отмѣнить или измѣнить законы, „которые пугаютъ иностранцевъ, особенно законъ, воспрещающій имъ свободный пріѣздъ и выѣздъ“. Лейбницъ требуетъ для иностранцевъ особыхъ привилегій и совѣтуетъ завести въ нѣсколькихъ мѣстахъ колоніи изъ нихъ. Подъ третью статью Лейбницъ подводитъ библіотеки, книжныя лавки и печатни, кабинеты рѣдкостей, ботаническіе сады и звѣринцы, запасные магазины всякаго рода матеріаловъ и мастерскія всякаго рода ремеслъ. Онъ подробно объясняетъ, чтó слѣдуетъ разумѣть подъ рѣдкостями природы и искусства, и совѣтуетъ разводить животныхъ и растенія, которыя способны къ акклиматизаціи. Въ четвертой статьѣ Лейбницъ разсматриваетъ различные цѣли и способы путешествій и совѣтуетъ принимать надлежащія мѣры, чтобы путешествующіе привозили съ собою только хорошіе обычаи другихъ странъ безъ примѣси дурныхъ, чтобъ они не заражались идеями, несогласными съ благочестіемъ и съ неповиновеніемъ государю. Пятая статья касается преподаванія.

„Просвѣщеніе народа у себя, — говоритъ по этому случаю Лейбницъ, — требуетъ учрежденія низшихъ и высшихъ школъ, какъ для изученія наукъ и художествъ, такъ и для тѣлесныхъ упражненій. Для этого необходимо сдѣлать выборъ хорошихъ преподавателей, которые умѣли бы вести дѣтей и юношество не только путемъ науки, но и добродѣтели. Нужно начертать для нихъ инструкціи, составить особенныя книги для нихъ и для ихъ учениковъ, достать учебники и всѣ нужныя орудія. Тѣмъ дѣтямъ, которымъ хотятъ дать ученое образованіе (sçavants), слѣдуетъ (il sera bon) преподавать исторію, математику и языки, преимущественно еврейскій, латинскій, греческій и нѣмецкій, особенно же латинскій“.

Послѣднія слова Лейбница доказываютъ, что онъ считалъ для Россіи, какъ и для остальной Европы, латинскій языкъ главнымъ основаніемъ высшаго образованія. Слово sçavants (ученые) не должно смущать насъ. Если бы Лейбницъ разумѣлъ подъ этимъ ученыхъ, исключительно занимающихся наукой, онъ бы сказалъ des sçavants или des éruditis. Говоря здѣсь вообще о преподаваніи, Лейбницъ подъ словомъ sçavants разумѣетъ тѣхъ, которые должны были воспитываться въ высшихъ школахъ и университетахъ, въ противоположность ремесленникамъ, которымъ необходимо только первоначальное образованіе. Все это разумѣется само собою, и мы не остановились бы на этомъ мѣстѣ, если бы въ одномъ журналѣ, въ замѣткѣ о нашей біографіи Лейбница не былъ недавно возбужденъ вопросъ, какую систему образованія Лейбницъ совѣ-

товалъ ввести въ Россіи, классическую или реальную. Ставить такой вопросъ значитъ переносить въ прошедшее понятіе настоящаго. Еслъ разумѣть подъ реализмомъ требованіе отъ старой системы воспитанія разумныхъ уступокъ въ пользу новаго времени, то Лейбницъ были реалистомъ. Намъ извѣстно, какими недостатками страдали латинская школа и университетское образованіе въ XVII вѣкѣ, и какъ сильно Лейбницъ желалъ не только изученія математики, естественныхъ наукъ и техническихъ знаній въ университетахъ и ученыхъ обществахъ. но и вліянія этихъ знаній на практическую жизнь и педагогику. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о томъ, какъ поэтому Лейбницъ совѣтовалъ обращать вниманіе на математику и ввести во вновь учреждаемыхъ въ Россіи школахъ всякаго рода тѣлесныя упражненія, даже упражненія въ ремеслахъ, напримѣръ — токарномъ, землемѣрствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Точно также онъ совѣтовалъ сдѣлать въ университетѣ изученіе математики обязательнымъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, поощрять занятія механикой и архитектурой и открыть въ каждомъ университетѣ особую каѳедру сельскаго хозяйства для желающихъ. Но ему не могло придти въ голову изгнать латинскій языкъ изъ системы высшаго образованія. Относительно же Россіи Лейбницъ желалъ, чтобы она усвоила себѣ европейское образованіе, а поэтому естественно долженъ былъ желать, чтобы въ русскія высшія школы былъ введенъ латинскій языкъ.

Чтобы познакомиться съ состояніемъ страны, Лейбницъ совѣтуетъ составлять карты, записывать особенности нарѣчій и обычаи, изслѣдовать промыслы, опредѣлить то, что страна производитъ и что она могла бы производить. Между средствами, предложенными Лейбницомъ для точнаго географическаго описанія страны, нашего вниманія особенно заслуживаютъ два совѣта: во-первыхъ, производить наблюденіе надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки, и во-вторыхъ, изслѣдовать берега восточной Азіи и узнать, соединяется ли Азія съ Америкой въ одинъ материкъ, или же онѣ раздѣлены проливомъ.

„Богъ, какъ зиждитель всякаго порядка, управляетъ всѣмъ своею невидимою десницею мудро и законно. Боги этого міра, представляющіе образчикъ Божьяго могущества, должны устроить свое правленіе по образу небесной державы, если хотятъ за свои большіе труды наслаждаться процвѣтаніемъ своего государства. Ваше царское величество, какъ кажется, совершенно убѣждены въ справедливости этихъ словъ; ибо ваше похвальное рвеніе дать вашимъ областямъ хорошее устройство извѣстно всему свѣту, и Европа съ изумленіемъ взираетъ на плоды этого великаго подвига. Это зрѣлище вдохновляетъ многія сердца и вселяетъ въ нихъ желаніе содѣйствовать всѣмъ, что они считаютъ полезнымъ для такого святого дѣла. Я откровенно признаюсь, что нахожусь въ числѣ тѣхъ, которые исполнены рвенія способствовать по своимъ силамъ къ благоденствію вашей царской державы. Поэтому я надѣюсь, что это всеподданнѣйше предложеніе, заключающееся въ моей запискѣ, будетъ принято вашимъ величествомъ сообразно съ вашею милостью, извѣстною всему свѣту, не какъ смѣлое, достойное наказанія предпріятіе, а какъ выраженіе моего желанія видѣть государство вашего царскаго величества въ цвѣтущемъ состояніи. Въ этой надеждѣ подаю эти листы съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшимъ уваженіемъ, всеподданнѣйше желая, чтобы Господь съ своей выси благословилъ великія намѣренія вашего царскаго величества и еще долго сохранилъ вашу

священную особу въ здоровьи и бодрости для благоденствія вашей державы".

Послѣ этого вступленія Лейбницъ переходитъ прямо къ вопросу о коллегіяхъ: „Опытъ достаточно доказалъ, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ коллегій, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую; если это все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніей, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы. Но какъ по различію часовъ, одни требуютъ бо̀льшаго, другіе меньшаго количества колесъ, такъ бываютъ различны и государства, а потому никакъ нельзя установить для всѣхъ опредѣленнаго числа коллегій.

„Въ державѣ вашего царскаго величества можно было бы для начала довольствоваться слѣдующими девятью коллегіяии, какъ главными колесами въ государственной машинѣ: 1) штабсъ-коллегія, 2) военная коллегія, 3) финансовая коллегія, 4) полицейская коллегія, 5) юстицъ-коллегія, 6) коммерцъ-коллегія, 7) коллегія для религіозныхъ дѣлъ, 8) религіозная коллегія и 9) ученая коллегія.

„Каждая изъ этихъ коллегій требуетъ особеннаго описанія относительно того, какія лица необходимы для коллегіи, въ чемъ должна заключаться ихъ обязанность, и какую пользу окажетъ коллегія вашему величеству и вашей державѣ.

„Я хочу описать теперь по этой методѣ только послѣднюю, т.-е.— ученую коллегію. Если это описаніе заслужитъ всемилостивѣйшаго одобренія вашего величества, я готовъ потомъ составить инструкцію для устройства остальныхъ коллегій, исключая штабсъ- и военной коллегіи. Что касается до свойства тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть членами ученой коллегіи, то они должны знать свой предметъ основательно, а не поверхностно. Полуневѣжды (Stümper) не могутъ принести пользы странѣ. Каждый изъ членовъ-архитекторовъ, медикъ, химикъ, механикъ, историкъ и пр., — всѣ они должны знать свое дѣло въ такомъ совершенствѣ, какое только возможно въ ихъ время. Обязанности ихъ должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) изложить свою науку по лучшей методѣ и постоянно развивать ее, чтобъ извлекать изъ нея новыя свѣдѣнія; 2) подвергать экзамену тѣхъ, которыя годны для путешествія за границу, и указывать вашему величеству, къ чему каждый болѣе способенъ. Польза, которую принесетъ такая коллегія, будетъ слѣдующая: 1) невѣжество мало-по-малу исчезнетъ въ странѣ; 2) въ извѣстныхъ случаяхъ можно будетъ испрашивать совѣта ученой коллегіи; 3) собраніе такихъ замѣчательныхъ людей будетъ привлекать иностранцевъ; 4) посланные за границу юноши возвратятся съ большою пользою, что̀ послужитъ къ уменьшенію расходовъ вашего величества; 5) ваше величество будете имѣть со временемъ изъ вашего собственнаго народа и по всѣмъ предметамъ такихъ же отличныхъ ученыхъ, и даже лучшихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ".

Лейбницъ, коснувшись устройства ученой коллегіи, которую онъ представлялъ себѣ въ родѣ академіи съ административною властью и главнымъ надзоромъ за народнымъ просвѣщеніемъ, переходитъ затѣмъ къ устройству университета. Для хорошаго обученія и воспитанія юношества необходимо устроить университетъ. Для этого нужно: 1) большое зданіе, въ которомъ профессора или преподаватели могли бы удобно

помѣщаться, 2) хорошая библіотека и 3) типографія. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ предметовъ, входящихъ въ университетское преподаваніе, по слѣдующей системѣ: „Преподаваніе юношеству заключается въ познаваніи Творца и твореній. Для истиннаго познаванія ихъ необходимо откровеніе Божіе въ Священномъ Писаніи. Отсюда: 1) богословіе, заключающееся не въ безполезныхъ спорахъ и преніяхъ о внѣшнихъ обрядахъ, но въ искренней любви къ Богу и къ ближнему. Творенія могутъ быть чисто-духовныя, духовно-тѣлесныя и тѣлесныя; первыя изучаетъ—2) пневматика. Духовно-тѣлесныя творенія или человѣка можно изучать двоякимъ образомъ: съ точки зрѣнія своего я и другихъ людей. Въ себѣ я могу изучать душу и тѣло. Душа проявляется главнымъ образомъ въ двухъ силахъ, въ умѣ и волѣ. Что̀ такое умъ, какіе его недостатки, какъ ихъ исправлять, какъ изслѣдовать истину и передавать ее другимъ—этому учитъ 3) логика. Какъ исправлять волю и ея дурныя наклонности; этому учитъ 4) этика. Познавать свое тѣло и средства для его сохраненія учитъ 5) медицина. Что касается до другихъ людей, то они могутъ быть умершіе и живые. Знакомство съ умершими и съ тѣмъ, что̀ они были въ жизни, составляетъ предметъ 6) исторіи. Знакомство съ живущими, чтобы воздавать каждому свое и вести себя благоразумно относительно ихъ составляетъ предметъ 7) естественнаго и политическаго права. Тѣлесныя творенія могутъ быть или надо мною—съ ними знакомитъ 8) астрономія,—или же около меня, ими занимаются: 9) географія 10) архитектура, напримѣръ, строеніями, кораблями, крѣпостями; для ихъ измѣренія необходимы: 11) геометрія; основаніе же геометріи составляетъ ариѳметика, а для того, чтобы пользоваться всѣми удобствами на сушѣ и на водѣ, необходима 12) механика. На землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ водятся разныя творенія; ихъ свойства показываетъ 13) физика, а составныя части показываетъ 14) химія. Для того, чтобы человѣкъ не утомился отъ постояннаго труда, ему необходима для отдыха 15) музыка; а если человѣкъ желаетъ передать другимъ то, чему онъ выучился, ему нужны 16) языки. Такое громадное предпріятіе, безъ сомнѣнія, потребуетъ большихъ расходовъ. Но какъ найти источникъ для нихъ, не уменьшая доходовъ вашего величества и не обременяя вашихъ подданныхъ, я готовъ указать, если будетъ на то воля вашего величества. Если бы ваше величество соизволило поручить это дѣло опытному и благоразумному директору, то можно было бы надѣяться, что при благословеніи Божьемъ въ нѣсколько лѣтъ окажется такая польза, какую невозможно здѣсь и описать“.

Если желаніе Лейбница видѣть въ числѣ коллегій, которымъ имѣлось въ виду вручить управленіе новой Россіей, также особенную коллегію для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ и не исполнилось, то, однако, совѣты его въ этомъ отношеніи не остались безъ плодовъ, и не остались безъ вліянія на рѣшеніе Петра учредить еще въ свое царствованіе академію наукъ въ Петербургѣ.

LXI. Учрежденіе Петромъ Великимъ Академіи Наукъ.

(Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ»).

Извѣстно, что уставъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ январѣ 1724 г.: онъ помѣщенъ въ Пол-

номъ Собраніи Законовъ. Въ кабинетныхъ бумагахъ государя сохранились двѣ бумаги, очевидно, написанныя до составленія устава и любопытныя въ томъ отношеніи, что могутъ служить объясненіемъ тѣхъ предположеній, съ которыми основывалось у насъ наше высшее ученое учрежденіе. Первая изъ этихъ бумагъ безъ года, съ краткимъ обозначеніемъ, что она „руки Петра Алексѣевича Курбатова".

„Въ установленіи академіи подобаетъ слѣдующіе пункты примѣчать:

I. Сумма, которая надобна къ установленію и содержанію академіи, такая да будетъ, чтобъ Е И. В. казнѣ убытку не было-бъ, ниже бы государству какова отягощенія принесла. Та сумма пребываетъ непоколебимо при академіи и сіе да будетъ за фундаментъ высокой Е. И. В. милости академіи, дабы никто не дерзалъ оную сумму подъ какимъ бы видомъ ни было на иныя вещи издержать.

II. Мѣсто, идѣже установлена будетъ академія, было бы такое, чтобъ былъ тамъ здравый воздухъ и добрая вода, и положеніе того мѣста было-бъ удобно, чтобъ отъ всѣхъ странъ можно было надежно приходить, такожде и съѣстное бы было въ довольности.

III. Строенію подобаетъ быть тако учреждену, дабы принадлежащіе къ академіи люди свободно могли тамо жить, и имѣло бы то строеніе привилію (привилегію) или увольненіе, да никто дерзнетъ тамо какое усильство учинить, но егда кто въ какое прегрѣшеніе тамо впадетъ, то опредѣленныя отъ Е. И. В. на управленіе академіи персоны его судили бы и обвиняли. И тако, дабы академія прямо подъ Е. И. В. властію, а ни подъ какою бы коллегіею была.

IV. Персоны къ управленію академіи да будутъ слѣдующія: 1) президентъ, 2) вице-президенты, 3) инспекторъ.

V. Управленіе вышеупомянутыхъ персонъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Оная сумма денегъ обрѣтается подъ управленіемъ вышеупомянутыхъ персонъ и тратятъ онѣ тѣ деньги, гдѣ нужда будетъ. 2. Президентъ и вице-президенты стараются о наукахъ, а инспекторъ управляетъ домостроительствомъ. 3. Держать они по вся недѣли конференцію съ учительми для познанія, которые ученики прилежно и которые лѣниво учатся, какая въ чемъ скудость учинилась, и какъ оную исправить? И что въ такой конференціи учинено, надобно въ протоколъ записать и по вся мѣсяцы о томъ экстрактъ президенту подавать, дабы онъ всегда могъ, егда Е. И. В. о состояніи академіи изволитъ спросить, о томъ всенижайше отвѣтъ дать. 4. Вице-президенты смотрятъ прилежно надъ профессорами, вѣрно ли они свою службу исправляютъ. 5. Испытуютъ они юныхъ сердца и склонности, къ чему охоту имѣютъ, и по тому учреждаютъ они имъ и ученія. 6. Такожде смотрятъ они, чтобы во всей академіи единъ образъ былъ языку и ученію.

VI. Штуденты могутъ быть разнаго чину, но надобно слѣдующія вещи между ими хранить: 1. Надо ученикамъ или штудентамъ объявить, что ученіе ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бы они сіе за милость Е. И. В., и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть. 2. Надобно онымъ уреченные годы въ академіи пребыть. 3. И когда они свои ученія окончили, надобно президенту и вице-президентамъ старатися, дабы они иностранныя земли съ пользою увидѣли, и даютъ они имъ инструкціи, какъ имъ содержать себя на пути, и добрую рекомендацію къ ученымъ людямъ, а паче всего не надобно допускать, чтобъ они въ иностранныя земли поѣхали, а языку того, куда поѣдутъ, не знали-бъ, ибо чрезъ

сіе (знаніе языка) въ той землѣ въ 4 недѣли больше можно познать, нежели кто незнающій того языка въ нѣсколькихъ (sic) лѣта.

VII. Прибыль, которая изъ сей академіи будетъ, есть слѣдующая: 1. Что Е. И. В. изъ своихъ подданныхъ ученые люди получитъ. 2. По сему иноземцы будутъ пріѣзжать въ академію и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3. Оные, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ.

Сіе токмо генерально предложено, но если Е. И. В. милостиво повелитъ, то можно пространнѣе и подробнѣе описать и что больше еще надобно усмотрѣть съ предложеніемъ (какимъ образомъ оную сумму получить) Е. И. В., токмо чтобъ надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивеніе будетъ употребляема".

Вторая бумага помѣщена рядомъ съ указомъ о переводчикахъ, состоявшимся 23 января 1724 г. Она также безъ обозначенія года, помѣчена лишь январемъ: „сообщено изъ сената":

„Въ установленной академіи будутъ обучаться студенты во всякихъ наукахъ, кромѣ богословія, юриспруденціи собственно таковой, и такъ до перваго степени членовъ надлежащіе студенты, смотря по ихъ натуральному наклоненію, будутъ обученіе имѣть (отъ) учителей: 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Астрономіи; 4) Географіи; 5) Навигаціи; 6) Механикѣ; 7) Оптикѣ; 8) Архитектурѣ гражданской и воинской; 9) Физикѣ, ѳеоретикѣ и экспериментальной; 10) Институціи методической, анатомической и хирургической; 11) Химіи; 12) Исторіи натуральной; 13) Языкамъ, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому; 14) Реторикѣ и ораторіи; 15) Исторіи древней и нынѣшней; 16) Логикѣ; 17) Метафизикѣ; 18) Этикѣ; 19) Политикѣ; 20) Юсъ публикъ натуръ и народовъ"....

LXII. Учрежденіе Петромъ В. кунстъ-камеры.

(*Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ В.»*).

Еще въ первое путешествіе свое по Европѣ Петръ пріобрѣлъ нѣсколько экземпляровъ птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ (раньше присылались въ Петербургъ собранія Рюйша и Вуттера). Составившееся такимъ образомъ собраніе, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами московской большой аптеки, помѣщалось сначала въ Москвѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ въ лѣтній дворецъ. Въ 1714 г. царь присылалъ на кораблѣ изъ Копенгагена „всякіе раритеты", которые принять и сохранять поручено было Шумахеру. Послѣдній по этому случаю просилъ князя Меншикова „отвести двѣ каморки, гдѣ оныя вещи убрать и къ нимъ для береженья крѣпкаго вина 40 ведеръ, понеже тѣ вещи безъ вина стоять не могутъ".

Во второе заграничное путешествіе, именно въ 1716 г., царь сдѣлалъ нѣсколько серьезныхъ пріобрѣтеній для своего собранія: въ Данцигѣ онъ купилъ у доктора Готвальда коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, а въ Амстердамѣ пріобрѣлъ за 15 т. голландскихъ флориновъ у аптекаря Себы извѣстное въ свое время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, сохранявшихся въ спиртѣ.

Тогда же и тамъ же старикъ Рюйшъ являлся засвидѣтельствовать царю свое почтеніе. Тотъ принялъ его ласково и, положивъ ему руку, сказалъ: „Вы еще мой старинный наставникъ“. Послѣ разныхъ переговоровъ въ 1717 г. Петръ купилъ знаменитый анатомическій кабинетъ этого ученаго за 50 т. флориновъ.

Возвратясь въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія, Петръ посѣтилъ свое собраніе рѣдкостей, называвшееся тогда кунстъ-камерою, и привезъ туда полученную имъ въ Копенгагенѣ половину окаменѣлаго хлѣба, котораго другая половина осталась тамъ, и родъ деревянной обуви, которую носили лапландцы. Взамѣнъ ихъ царь просилъ хранить въ копенгагенскомъ музеѣ русскіе лапти.

13 февраля 1717 г. состоялся любопытный указъ о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр.

„Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстры, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже принесено, а именно: два младенца—каждый о двухъ головахъ, два—которые срослись тѣлами. Однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо одинъ Творецъ всея твари Богъ, а не діаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, когда ушибется или больна будетъ, и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата, а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р.—за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы предъ обыкновеннымъ; также, какія старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно—такожъ бы приносили, за что будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видавъ, положить нельзя цѣны. Вышерѣченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо“.

Въ мартѣ 1719 г. Блюментростъ въ докладѣ о разныхъ нуждахъ

кунстъ-камеры добавляетъ: „окромѣ того, надобно корреспонденцію имѣть въ чужіе краи съ учеными людьми, также книги покупать, которыя въ разныхъ государствахъ вновь выдаются и на оныя надобно будетъ такожъ нѣсколько денегъ по разсужденію“.

Во время похода въ Персію Петръ не забывалъ своей кунстъ-камеры и 22 декабря 1722 г. послалъ изъ Астрахани слѣдующее собственноручное письмо къ оберъ-директору надъ строеніями въ Петербургѣ У. Я. Синявину: „Господинъ директоръ. Кунштъ-камеръ камнемъ отдѣлать, чаю, и покрыть. А шкафы на вещи не починованы дѣлать, того для, по полученіи сего, призови Шумахера, которому кабинетъ врученъ чтобъ тебѣ далъ роспись и показалъ мѣста, гдѣ что дѣлать, и по оному дѣлай немедленно, дабы въ будущее лѣто оной кунштъ-камеръ видѣть готовымъ. Петръ. Изъ Астрахани въ 22 день октября 1722 г.“.

Изъ того же похода кабинетъ-секретарь Макаровъ, будучи въ Дербентѣ, писалъ, что царь „указалъ отослать въ кунштъ-камеръ для куріозите“ деревянное блюдо съ серебрянымъ ключомъ города Дербента и одно изъ мѣдныхъ ядеръ, которыми стрѣляли въ русскихъ козылбаши. Чтобъ угодить царю, частныя лица начали дѣлать разныя приношенія въ кунстъ-камеру. Обычай отсылать въ кунстъ-камеру все достопримѣчательное, или считавшееся таковымъ, существовалъ и послѣ Петра.

Берхгольцъ при осмотрѣ кунстъ-камеры видѣлъ тамъ нѣсколько живыхъ уродовъ. Изъ денежныхъ отчетовъ ея 1719—23 годовъ видно, что тамъ выходило „на монструмовъ живыхъ“: Якова, Степана и Ѳому по рублю въ мѣсяцъ на каждаго...

Изъ разсказовъ Шумахера Штелину видно, что Петръ В. часто посѣщалъ кунстъ-камеру и разъ даже далъ тамъ торжественную аудіенцію послу римскаго императора, несмотря на представленіе нашего вице-канцлера, что это было бы лучше сдѣлать во дворцѣ. Извѣстно, что царь былъ врагъ всякихъ придворныхъ этикетовъ, а потому отвѣтъ его, передаваемый Штелинымъ, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія: „пускай посолъ сюда придетъ; для него все равно, гдѣ бы я ни принялъ его въ первый разъ. Вѣдь онъ ко мнѣ присланъ, а не въ тотъ или другой домъ. Если онъ имѣетъ что сказать мнѣ, то можетъ сказать, гдѣ бы я ни былъ“. Однажды Петру совѣтовалъ Ягужинскій наложить плату за посѣщеніе кунстъ-камеры; но царь замѣтилъ. что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому, напротивъ, опредѣлилъ особенную сумму для угощенія посѣтителей. Шумахеру, сверхъ жалованья, отпускалось на то 400 рублей. Штелинъ и при Аннѣ Іоанновнѣ былъ часто свидѣтелемъ подобныхъ угощеній въ кунстъ-камерѣ.

LXIII. Учрежденіе библіотеки въ Петербургѣ.

(Изъ соч. Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ В.»).

Нынѣшняя библіотека при академіи наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось (съ 25 октября 1728 г.) доступнымъ для общественнаго пользованія. Появленіе въ Петербургѣ и распространеніе этой библіотеки въ первые годы ея существованія было дѣло случая: во время занятія нашими войсками, въ началѣ XVIII ст., городовъ въ остзейскихъ про-

винціяхъ отбирали находимыя тамъ книги (въ Митавѣ, напримѣръ такимъ способомъ пріобрѣтено до 20,500 томовъ сочиненій, по большей части философскихъ и богословскихъ) и пересылали ихъ въ Петербургъ. Они складывались здѣсь во дворцѣ въ Лѣтнемъ саду, и потомъ къ нимъ присоединены привезенныя изъ Москвы сочиненія по части химіи и медицины, которыми до того времени, вѣроятно, пользовалась Московская аптека.

Съ 1718 г. Петербургская библіотека значительно стала увеличиваться поступавшими въ нее разными частными собраніями. Принадлежавшее царевичу Алексѣю, сыну Петра, замѣчательно по своему прежнему владѣльцу. Изъ всѣхъ извѣстій о царевичѣ можно легко замѣтить, что въ немъ, какъ обожателѣ Россіи до-петровской, сильно отражалось направленіе старинной нашей грамотности, выразившееся въ исключительномъ стремленіи къ религіознымъ вопросамъ, къ предметамъ, касающимся вѣры. Гюйссенъ о пятнадцатилѣтнемъ Алексѣ писалъ уже, что онъ изъ благочестія и по собственному побужденію прочиталъ пять разъ славянскую библію и одинъ разъ на нѣмецкомъ языкѣ; также прилежно занимался твореніями св. отцовъ и пр. Это направленіе отразилось и въ выборѣ иностранныхъ книгъ библіотеки царевича: она вся заключалась въ 265 томахъ, изъ которыхъ самое малое число относится до математики, военнаго искусства и исторіи; все же прочее состоитъ изъ сочиненій по части богословія. Такъ, встрѣчаются разныя изданія Библіи и Новаго Завѣта, творенія (на латинск. яз.) Іеронима, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина, Исидора Пелусіота и др.; далѣе—на нѣмецкомъ языкѣ жизнеописанія мучениковъ, святыхъ, трактаты церковной исторіи.

Въ 1718 же году принято въ описываемую библіотеку собраніе книгъ Андрея Виніуса.

Поступившее въ библіотеку, въ 1718 г., собраніе книгъ Питкарна замѣчательно обиліемъ сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ, а также по части древностей; у Питкарна были и сочиненія математическія, медицинскія. Въ 1710 г. туда же перешла небольшая библіотека Пальмстрика, гдѣ были собраны сочиненія, довольно разнородныя по содержанію. Самое же значительное по качеству, выбору и красотѣ экземпляровъ собраніе досталось петербургской библіотекѣ въ 1719 г. послѣ архіатера Арескина (всего 4200 томовъ). Этотъ медикъ былъ образованнѣйшимъ изъ придворныхъ Петра В., почему послѣдній и возложилъ на него ученую переписку свою съ французскою академіею. Арескина особенно не жаловалъ царевичъ Алексѣй и говорилъ въ Вѣнѣ, что онъ да Меншиковъ направляютъ царя на все дурное. По завѣщанію Арескина, его библіотека и кабинетъ рѣдкихъ минераловъ, раковинъ и медалей слѣдовало продать, и вырученныя деньги выдать его матери и сестрамъ, а также госпиталю для бѣдныхъ въ Эдинбургѣ. Отдѣлъ книгъ медицинскихъ у Арескина былъ самый богатый, затѣмъ слѣдовали сочиненія историческія, философскія, филологическія и, наконецъ, богословскія.

Въ 1721 г. Петръ В. нарочно посылалъ Шумахера въ Голландію, Англію и Францію, между прочимъ, для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій для петербургской библіотеки. Шумахеръ привезъ съ собою изъ-за границы 517 названій книгъ довольно разнородныхъ по содержанію и закупленныхъ, какъ кажется, безъ обдуманной заранѣе цѣли. Здѣсь на-

ходимъ сочиненія по части исторіи, древностей, генеалогіи, богословія, военныхъ наукъ, нѣсколько дорогихъ сочиненій съ гравюрами.

Въ 1723 г. вице-канцлеръ Шафировъ отданъ былъ подъ судъ, а имущество его конфисковано. Тогда изъ канцеляріи вышняго суда было сообщено Лаврентію Блюментросту: „Въ Санктъ-Петербургскомъ Петра Шафирова домѣ между описными пожитками имѣются на иностранныхъ языкахъ книги и экземпляры подъ титломъ—Законныхъ Причинъ, за что Е. И. В. съ Швеціею войну начать, имѣлъ которыхъ книгъ цѣновщики русскіе и иностранцы цѣнить не умѣютъ... и, по Е. И. В. указу, высшій судъ приказали: вышеписанныя книги отослать къ тебѣ, понеже библіотека имѣется въ твоемъ вѣдѣніи; и которыя изъ оныхъ книгъ потребны будутъ въ библіотекѣ, и тѣ отдать по оцѣнкѣ, а прочія возвратить къ описнымъ Шафирова пожиткамъ"...

Шафировское собраніе было послѣднимъ при Петрѣ В. пріобрѣтеніемъ Петербургской библіотеки.

LXIV. Взглядъ на профессіональное образованіе и на отношеніе его къ общему образованію въ петровскую эпоху.

(*Изъ соч. Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.»*).

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патріархомъ Адріаномъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что „евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе Божеское человѣкамъ паче всего въ жизни сей надобно"; намъ нѣтъ надобности подозрѣвать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патріархомъ; по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго класса общества было столь же необходимо какъ другія профессіональныя формы для другихъ классовъ. Это именно выражаетъ Петръ въ слѣдующихъ словахъ: „и изъ школы бы во всякія потребы люди благоразумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство". Т.-е. образованіе въ глазахъ Петра явилось не въ своемъ существенномъ единствѣ, а въ частныхъ профессіональныхъ формахъ своихъ, какъ образованіе духовное, юридическое, военное, художественное (архитектура) и медицинское.

Эту мысль Петръ дѣлилъ со многими прогрессивными умами того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить взглядъ Петра со взглядами всѣхъ тѣхъ прожектеровъ, которые въ началѣ XVIII в. подавали русскому правительству множество соображеній о развитіи образованія на Руси. По самой сущности дѣла, составители проектовъ большею частію принадлежали не къ русской народности, а къ образованнымъ людямъ или востока (Греціи и южной Руси), или запада (Германіи). Понятіе о цѣли образованія у первыхъ существенно разнится отъ понятія о томъ же у вторыхъ. Первые, сохраняя болѣе живыя преданія о необходимости общаго образованія, придаютъ ему однако характеръ исключительно религіозный и тѣмъ, помимо воли своей, вмѣсто общаго

образованія, рекомендуютъ спеціально духовное. Такъ, одинъ изъ нихъ, рекомендуя для школы греческій языкъ, какъ „главу прочихъ языковъ“, тѣмъ обличаетъ свое греческое происхожденіе, или по крайней мѣрѣ принадлежность къ греческой церкви; по его мнѣнію, цѣль образованія есть „прославленіе Св. Троицы“. Распредѣленіе классовъ и составъ наукъ, рекомендуемые имъ, тѣ самые, которые приняты были въ южно-русскихъ среднихъ школахъ со времени преобразованія Петра Могилы и которые усвоены были въ семинаріяхъ великорусскихъ. Такимъ образомъ, этотъ проектъ подъ именемъ общаго образованія опредѣляетъ одну изъ профессіональныхъ формъ его, которая и была усвоена законодательствомъ и практикою; слѣдовательно, напрасно говорятъ, что „этотъ проектъ не имѣлъ въ петровскія времена никакого примѣненія“.

Ко времени образованія коллегіи начинается рядъ другихъ проектовъ, въ которыхъ уже понятіе о единой сущности образованія совершенно теряется. Одинъ безымянный составитель проекта опредѣляетъ цѣль образованія слѣдующимъ образомъ: „къ коллегіямъ, яко же къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ всѣ такія достойныя персоны имѣть можетъ“... Конечно, для дѣйствія государственной машины рѣшительно все равно, къ какой національности принадлежатъ орудія, приводящія ее въ движеніе, но составителю проекта казалось выгоднѣе имѣть ихъ изъ природныхъ подданныхъ, между прочимъ, именно вслѣдствіе относительной дешевизны этихъ послѣднихъ. Для такой цѣли и только для этой составитель проекта рекомендуетъ установить академіи для шляхетной юности,— академіи, „въ которыхъ юность не токмо всѣмъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, яко фортификаціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ выучиться могутъ“. Такимъ образомъ, если первый проектъ указываетъ одну форму профессіональнаго образованія, именно образованіе духовное, второй указываетъ другую, именно образованіе дворянское, преимущественно военное. Впрочемъ, у составителя этого послѣдняго проекта было нѣкоторое понятіе о расчлененіи профессіональнаго образованія: „на такихъ академіяхъ,—говоритъ онъ,—можно каждаго понятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію наученъ быть можетъ, еже въ чюжихъ земляхъ большей части юности удается. А вышеупомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учинены быть могутъ“.

Другой такой же проектъ, какъ въ малое время россійскихъ младыхъ людей въ совершенство поставить чрезъ обученіе и воспитаніе, имѣлъ особенный успѣхъ. Совершенство, о которомъ здѣсь говорится, состоитъ въ томъ, чтобы царь могъ наполнить всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и проч. „своими природными подданными и могъ получить собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей, художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ“. Проектъ этотъ представленъ царю тѣмъ самымъ Генрихомъ Фикомъ, который впослѣдствіи такъ жестоко поплатился за свою страсть къ проектамъ, 11 іюля 1718 г.; Петру, вѣроятно, понравилась въ немъ полнота, обнимающая собою большую часть профессій, именно государственно-служебныхъ и экономическихъ. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что этотъ третій проектъ опредѣляетъ преимущественно лишь одну третью профессію, именно про-

фессію гражданской службы (экономическая, какъ увидимъ, въ понятіяхъ людей начала XVIII в. тѣсно сливалась съ этою послѣднею). Именно такой смыслъ приданъ проекту самимъ Петромъ, который надписалъ на немъ: „*сдѣлать* академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія кто (вѣроятно: какія можетъ); сіе учинить сего году начало“. Въ мысляхъ Петра Академія прежде всего носила приказно-юридическій характеръ.

Итакъ, три прожектёра рекомендуютъ, подъ видомъ общаго образованія, отдѣльныя профессіональныя формы его; и ни одинъ изъ нихъ не возвысился до указанія на другую высшую цѣль образованія,—на то значеніе его, которое такъ твердо выразилъ XVII вѣкъ въ терминахъ: „людкость“ и „мудрость“.

До какой степени въ глазахъ этихъ просвѣтителей Россіи человѣческое образованіе было ничтожно предъ другими задачами государства, это самымъ циническимъ образомъ высказалъ Vockerodt, составившій въ 1738 г, свой очеркъ Россіи при Петрѣ В. Сказавъ, что Петръ извлекъ свое духовенство изъ такого невѣжества, которое превосходило невѣжество европейскаго духовенства въ самые темные вѣка папства, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ: „политично ли поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ?“ И отвѣчаетъ, что неполитично: образованное духовенство противопоставило ему въ его другихъ реформахъ гораздо болѣе сильную оппозицію, чѣмъ какую онъ могъ бы встрѣтить въ невѣжественномъ клирѣ. Насъ, конечно, занимаетъ здѣсь не историческая неправда объ оппозиціи Петру со стороны *образованнаго* имъ духовенства, а дикая мысль о вредѣ образованія для кого бы то ни было.

Изъ всей этой толпы изобрѣтателей секретовъ, какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ, блестящее исключеніе составляетъ величайшій умъ той эпохи—Лейбницъ; его понятіе объ образованіи, рекомендованное имъ Петру, столь же отличается отъ мнѣній, представленныхъ выше, и впослѣдствіи усвоенныхъ у насъ, насколько „воинскія экзерциціи“ разнятся отъ изученій философіи, несмотря на то, что и Лейбницъ платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распространенному въ ту эпоху. Въ запискѣ о распространеніи наукъ въ Россіи, относящейся къ декабрю 1708 г., онъ опредѣляетъ свое участіе къ распространенію просвѣщенія въ Россіи желаніемъ „содѣйствовать сколько-нибудь общему благу и усовершенствованію людей, а также славѣ Божіей“.—Въ ней цѣль образованія опредѣляется такъ: „истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т.-е. состояніе постояннаго удовлетворенія, насколько это возможно для человѣка...; средство, съ помощію котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по Его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; между тѣмъ взрослыхъ, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія. Какія средства ведутъ къ этой цѣли? или иначе: какую организацію образованію въ Россіи хотѣлъ бы придать Лейбницъ? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Лейбницъ въ запискѣ, которую относятъ къ 1716 г., поданной имъ царю.

Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейбницъ

даетъ характеръ образованія лишь первому, приписывая второму спеціальный характеръ, а третьимъ считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соотвѣтствуетъ школа, второму университетъ, третьему академія наукъ. — Его школа однако не есть школа элементарная; не отъ азбуки переходитъ онъ къ спеціальному образованію; его школы (которыя онъ рекомендуетъ учредить при монастыряхъ) суть гимназіи. Удивительно только то, что онъ для такого широкаго образованія назначаетъ весьма короткій срокъ: дѣти, предназначенныя къ ремесламъ и торговлѣ, обучаются въ школѣ до 12 или 14-лѣтняго возраста, а готовящіяся къ высшимъ профессіямъ до 18-лѣтняго возраста. Этимъ прежде всего отличается схема Лейбница отъ усвоенной и практикованной тогда въ Россіи. Образованіе заключается: въ нравственномъ воспитаніи, изученіи языковъ и пріобрѣтеніи реальныхъ знаній (Künste). Оставляя пока въ сторонѣ воспитательное значеніе школъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ въ высшей степени распредѣленіемъ матеріала, образующаго собственно умъ: языки русскій, латинскій, нѣмецкій, греческій, французскій (или итальянскій) и еврейскій распредѣляются такъ: для дѣтей, которыхъ будущая профессія есть ремесло (и, вѣроятно, земледѣльческій трудъ), образованіе должно ограничиться русскимъ языкомъ; для готовящихся къ торговой профессіи— латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, для предназначенныхъ къ свѣтскимъ, т.-е. „ученымъ", профессіямъ образованіе должно заканчиваться греческимъ и французскимъ языкомъ; для готовящихся къ духовной дѣятельности, сверхъ всѣхъ прочихъ, необходимъ еврейскій языкъ. Ни отъ кого не скроется, что такимъ образомъ Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессіональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія. Здѣсь именно Лейбницъ платитъ дань своему вѣку. Эта же наклонность къ раннему введенію въ образованіе профессіональныхъ началъ замѣчается и въ составѣ наукъ и искусствъ, изъ которыхъ слагается реальный элементъ образованія; эти науки и искусства слѣдующія: „катехизисъ, основанія логики, музыка, ариѳметика, рисованіе, ручныя работы (какъ, напр., токарное искусство и рѣзьба), геометрія, главныя основанія хозяйства, фехтованіе, верховая ѣзда, смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго". Но распредѣленіе этихъ знаній для каждаго ученика, очевидно, опредѣляется не склонностями, а будущею профессіею (не имъ избранною); такъ, указанныя ремесла предназначаются для будущихъ ремесленниковъ, фехтованіе и верховая ѣзда для будущихъ офицеровъ и т. д. Общими предметами для всѣхъ, вѣроятно, остаются законъ Божій и математика.

Зато Лейбницъ въ спеціальное образованіе вводитъ элементъ общій.—Спеціальное образованіе дѣлится у него на два существенныхъ вида: одинъ для военной службы, другой для гражданской и духовной. Для готовящихся къ первой практическою школою должны служить гарнизоны и гавани; для готовящихся ко вторымъ учреждаются Ritteracademien (терминъ, которымъ Лейбницъ обнаружилъ, что онъ предназначаетъ ихъ только для высшаго сословія); здѣсь-то, предъ факультетскими занятіями, каждый долженъ „посвятить нѣкоторое время общему образованію", именно — изученію математики и механики. Факультеты, проектируемые имъ, суть: богословскій, юридическій и учительскій (педагогическій). Въ частности юридическій факультетъ долженъ заключать два

отдѣленія: собственно юридическое (гдѣ изучается юстиція практически) и политическое для готовящихся къ высшимъ должностямъ администраціи; здѣсь изучается государственное право и всеобщая исторія.

Наконецъ, образованіе на своей высшей ступени въ академіяхъ достигаетъ снова характера общности. Это высшій идеальный образъ науки, изъ котораго для школьнаго обученія берутся лишь частныя, отрывочныя средства. Однако школьное обученіе должно имѣть въ виду эту идеальную цѣль, потому что въ ней выражается то возможное совершенство человѣческаго развитія, къ которому въ концѣ концовъ должно стремиться образованіе юношества. Несмотря на видимые недостатки этой схемы наукъ самой въ себѣ и въ особенности въ приложеніи ея къ Россіи, проектъ Лейбница безконечно выше другихъ тѣмъ, что указываетъ въ образованіи совсѣмъ другую цѣль, или, правильнѣе, видитъ цѣль въ самомъ образованіи, а не подчиняетъ его другимъ цѣлямъ.

Лейбницъ представлялъ эту систему наукъ именно въ виду интересовъ Россіи; несомнѣнно, что на Россію онъ смотрѣлъ, какъ на tabula rasa; онъ хотѣлъ и считалъ возможнымъ испытать на ней примѣнимость высшихъ представленій о человѣческой цивилизаціи; но онъ зналъ также, что для Россіи того времени, для обновленія ея въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, были крайне необходимы профессіональныя знанія. Однако именно для Россіи того времени насущною потребностью онъ считалъ „улучшеніе нравовъ и большую кротость“ народа и средствомъ для этого признавалъ воспитаніе и обученіе.

Въ пол. XVIII в. народное образованіе не включалось въ составъ задачъ государственнаго управленія, какъ самостоятельная часть его. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлію всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства.

Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи: говоря точнѣе, *образованіе вовсе не ставилось цѣлію законодательной и административной дѣятельности государства*: государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботится объ обученіи, а не объ *образованіи*; ремеслу можно обучать, но не образовывать на немъ человѣка; образованіе умственныхъ силъ человѣка и, необходимое послѣдствіе его, образованіе воли (воспитаніе) не было въ виду у государства той эпохи. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются.

Правительство, выдавая въ началѣ 1700 года Тессингу привилегію на торговлю въ Россіи книгами, учебными пособіями и картинами, опредѣляетъ что книги эти должны быть „математическія, архитектурныя и всякія по военной части“, и что содержаніе этихъ книгъ должно служить „къ наивящшей похвалѣ россійскому царствію межъ европейскими монархи... и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію“. Цѣль, къ которой стремилось законодательство Петра и его ближайшихъ преемниковъ въ своемъ отношеніи къ народному образованію, выражается въ

слѣдующихъ началахъ: „чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились“ (какъ сказано въ резолюціи на прошеніе Тобольскаго митрополита Филофея); „учить подъячихъ ихъ дѣлу“ (ук. 1721 г., ноября 10). Самое отчетливое уясненіе цѣли образованія даютъ намъ Петръ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ; здѣсь законодатель, начиная рѣчь о пользѣ образованія, пишетъ: „Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ *ученія* и какъ несравненно умножилась его сила и надъ чаяніе велика и страшна стала, когда державный нашъ монархъ его величество Петръ I обучилъ же изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію“.

Хотя наклонность къ системѣ исключительно профессіональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ первыхъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія и системы развитія его въ обществѣ законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ; въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. стоятъ нерѣшительно одна противъ другой три формы общаго образованія: 1) форма основанная на изученія классическихъ языковъ (которая утвердилась въ Московской академіи), 2) форма, основанная на изученіи математики (которая усвоена исключительно Сухаревой башнею) и 3) форма, основанная на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (которая представляема была „разноязычными школами“). Когда послѣдняя отпала, какъ непригодная ни къ какому роду службы, то двѣ первыя—классическое и математическое образованіе — соперничаютъ между собою, причемъ всякое представленіе объ общемъ образованіи утратилось и эти двѣ господствовавшія формы его пріурочены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ общества, превратились въ образованіе духовное и свѣтское и, наконецъ, каждое изъ нихъ разбилось на мелкія группы по профессіямъ, сословіямъ и классамъ.

Такимъ образомъ, профессіональное образованіе не предупреждалось общимъ. Каждый съ отроческихъ лѣтъ наклонялся къ той или другой внѣшней цѣли образованія. А это и было виною того, что ремесло оставалось ремесломъ; къ нему не приходило значеніе человѣческой образованности; хотя профессіональное и общее образованіе составляютъ формы одного и того же образованія, но первое безъ второго совершенно теряетъ значеніе образованія и дѣлается ремесломъ. Отторженное отъ общаго, профессіональное образованіе получило тотъ отталкивающій характеръ, который наша литература нерѣдко приписываетъ ошибочно самому профессіональному образованію.

LXVI. Навигацкая школа и морская академія.

(*Изъ «Очерка русской морской исторіи» Веселаго*).

При первыхъ попыткахъ къ кораблестроенію и военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Азова Петръ встрѣтилъ недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ

по всѣмъ частямъ. Гдѣ только требовалось какое-нибудь спеціальное знаніе, тамъ дѣло не могло обойтись безъ иностранцевъ, которыхъ приходилось выписывать издалека, за большія деньги, и при этомъ нерѣдко ошибаться въ выборѣ. Обстоятельства требовали образованія русскихъ дѣятелей по возможности въ большемъ числѣ и въ скорѣйшее время. Для достиженія этой цѣли Петръ почти одновременно съ отправленіемъ молодыхъ людей въ ученье за границу приступилъ къ основанію въ Москвѣ школы.

Въ первое заграничное путешествіе государя, въ 1698 году, ему рекомендовали для будущаго училища хорошаго преподавателя математики и морскихъ наукъ, профессора эбердинскаго университета Генриха Фарварсона (Henry Wargwarson), который, по приглашенію царя, и согласился переѣхать въ Россію. Вмѣстѣ съ Фарварсономъ для обученія собственно морскимъ или, по-тогдашнему, „навигацкимъ“ наукамъ были вызваны учителя: Степанъ Гвынъ (Stephen Guyn) и Грейзъ (Richard Gries).

1701 года апрѣля 14-го послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ школы „математическихъ и навигацкихъ, т.-е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія“. Школѣ приказано состоять въ вѣдѣніи оружейной палаты, у боярина Ѳ. А. Головина „съ товарищи“, и въ ученье набирать „добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ“.

Для помѣщенія школы сначала назначили мастерскія палаты полотнянаго двора, въ Кадашевѣ (въ Замоскворѣчьѣ), но, по неудобству и отдаленности этого мѣста отъ центра города, по просьбѣ учителей, государь, въ іюнѣ того же 1701 года, приказалъ отдать подъ школу Срѣтенскую и Сухареву башню „со всѣмъ палатнымъ строеніемъ и землею подъ дворъ“.

По странной случайности, башня эта, какъ говоритъ преданіе, съ самаго ея построенія, начавшагося въ 1692 году, имѣла морской характеръ. Первоначально Петръ хотѣлъ придать ей видъ корабля съ мачтою: восточная сторона должна была представлять носъ, а западная—корму. Впослѣдствіи эта мысль оставлена, и башня получила настоящую свою, весьма оригинальную наружность. Въ третьемъ ярусѣ Сухаревой башни были классныя комнаты школы и такъ называемый „рапирный“ залъ, гдѣ школьники учились фехтованію.

Въ школѣ проходили ариѳметику, геометрію, тригонометріи плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію и сообщались краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Для необходимаго подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса при школѣ было два начальныхъ класса, носившихъ названіе „русской школы“, въ которой учили читать и писать, и „цыфирной школы“, гдѣ обучали счету и началамъ ариѳметики. Навигація и астрономія подраздѣлялись на нѣсколько отдѣленій: навигація плоская (плаваніе по плоской картѣ), навигація меркаторская (плаваніе по картѣ меркаторской), навигація круглая (плаваніе по дугѣ большого круга), діурналъ (веденіе журнала и счисленіе пути корабля). Подъ именемъ „географіи“ преподавались начальныя понятія географіи математической и въ самомъ краткомъ объемѣ общее обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Кромѣ этихъ наукъ, нѣкоторые изъ школьниковъ учились фехтованію („рапирной наукѣ“), за что имъ и давалось большее противъ другихъ жалованье.

Ученики проходили послѣдовательно науки и разныя части ихъ, отъ ариѳметики до географіи включительно. Опредѣленнаго времени для

экзамена и переводовъ, а также и для выпусковъ, не было; переводили изъ одного отдѣленія въ другое или, какъ тогда выражались: „изъ одной науки въ другую“, по мѣрѣ выучки; при переходахъ, по степени наукъ, возвышалось и жалованье или „кормовыя деньги“. Выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію разныхъ вѣдомствъ, а очищавшіяся ваканціи немедленно замѣщались вновь принятыми учениками.

Судя по тѣснотѣ помѣщенія и малому числу учителей, должно полагать, что отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, кромѣ цыфирной и русской школы, было не болѣе числа учителей, т.-е. три или четыре.

Навигацкая школа, находившаяся первоначально въ вѣдѣніи Оружейной палаты у Ѳ. А. Головина, по кончинѣ его, указомъ 1706 года 15 декабря передана въ завѣдываніе приказа морского флота, а потомъ въ іюнѣ 1712 года—въ вѣдѣніе московской адмиралтейской конторы. Такимъ образомъ, послѣ Головина высшій надзоръ надъ школою имѣлъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Посредствующимъ лицомъ между высшимъ начальствомъ и учителями, или, вѣрнѣе, ближайшимъ и дѣйствительнымъ начальникомъ школы, былъ сначала дьякъ оружейной палаты Курбатовъ, а впослѣдствіи коммисаръ московской адмиралтейской конторы Бѣляевъ. Черезъ нихъ шла официальная переписка, касающаяся школы, и отпускались деньги на ея содержаніе. Но нерѣдко учителя обращались и непосредственно къ главнымъ начальникамъ.

Андрей Даниловичъ Фарварсонъ или, какъ онъ подписывался порусски Фархварсонъ, Гвынъ и Грейсъ пріѣхали въ Москву осенью 1699 года. Кромѣ ихъ, учителемъ въ школѣ былъ Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной русской ариѳметики, по отзывамъ начальства, человѣкъ настолько свѣдущій въ математикѣ, что могъ преподавать курсъ до навигаціи; но на самомъ дѣлѣ онъ преподавалъ и эту науку, вѣроятно, подъ руководствомъ Фарварсона.

Въ указѣ объ основаніи школы высшій окладъ кормовыхъ денегъ ученикамъ положенъ 5 алтынъ въ день; въ дѣйствительности же, какъ видно изъ списковъ 1705 года, ученики получали отъ 4 денегъ до 3 алт. 2 ден., т.-е. отъ двухъ до десяти копеекъ. Количество „кормовыхъ денегъ“ зависѣло отъ усмотрѣнія учителей и назначалось по наукамъ и средствамъ ученика. Бѣднѣйшимъ изъ нихъ, кромѣ выдачи этихъ денегъ, шили на казенный счетъ платье.

Въ 1705 году у Фарварсона съ Гвыномъ (Грейса уже не было: онъ былъ какимъ-то образомъ убитъ на улицѣ) окончили навигацію 30 человѣкъ, а у Магницкаго 34 человѣка. Всего въ то время въ школѣ находилось 198 человѣкъ, въ томъ числѣ: 2 князя, 36 дворянъ, 43 дѣтей священниковъ и причетниковъ и 117—разныхъ сословій, какъ-то: людей боярскихъ, посадскихъ, солдатскихъ, приказныхъ и стрѣлецкихъ дѣтей. Изъ числа учениковъ окончили навигацію 64, проходили ее 51, учили тригонометрію 27, геометрію 43 и ариѳметику 13. Судя по этимъ числамъ и обращая вниманіе на новость дѣла и неприготовленность вновь поступающихъ въ ученье, нельзя не согласиться, что въ первые годы существованія школы занятія въ ней шли довольно успѣшно.

Первоначально велѣно было принимать въ школу изъ „недорослей дворянскихъ дѣтей и дьячихъ и подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ, изъ недорослей же, лѣтъ отъ 12 до 17“. Но какъ въ указныя лѣта изъ боярскихъ домовъ являлось

мало, то 1710 года января 7 приказано принимать отъ 12 до 20 лѣтъ и давать ученикамъ кормовыхъ денегъ въ день отъ 6 денегъ до 4 алтынъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть достаточное число крестьянъ. По окончаніи курса ученику обѣщалось, что онъ „не только денежнымъ удовольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучитъ пріятъ и честь противъ мѣры дѣла своего“.

Въ октябрѣ 1710 года число учениковъ дошло до 421. Въ 1711 году марта 15 разрѣшено принимать въ школу до 500 человѣкъ; но на дѣлѣ учениковъ было болѣе. Штатное число имѣло только значеніе для получавшихъ кормовыя деньги; дѣтей же достаточныхъ дворянъ, не нуждавшихся въ жалованьи, могло быть неограниченное число. Охотниковъ поступить въ школу, конечно, являлось болѣе изъ простого класса; дворянскимъ дѣтямъ тяжело было мѣнять домашнее барство на грубую жизнь школы и изъ привилегированныхъ властителей своихъ сверстниковъ дѣлаться ихъ товарищами, поступить въ руки ненавистныхъ иностранцевъ, а потомъ на вѣчную службу.

Малое число являвшихся дворянъ заставило въ іюлѣ 1714 года повторить указъ 1710 года, а въ томъ же и въ слѣдующемъ году всѣхъ дворянскихъ недорослей, не явившихся къ государю на смотръ, велѣно было назначить на урочные годы въ каторжную работу и къ битью свай. Послѣ перваго указа въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ школу записались 111 человѣкъ (изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 41), а съ дѣтьми гвардейскихъ солдатъ было записано 250 человѣкъ.

Уклоненіе дворянъ усилило строгія мѣры противъ ослушниковъ царскаго приказа. Въ городахъ и большихъ селахъ выставляли списки неявившихся на смотръ; доносителю, указавшему укрывающагося отъ смотра, обѣщалось имѣніе виновнаго, и доносящій о такомъ бѣглецѣ имѣлъ право явиться прямо къ царю, что прежде допускалось только въ доносахъ о дѣлахъ государственныхъ и о неправомъ рѣшеніи суда.

За побѣгъ изъ школы недорослямъ обѣщалась смертная казнь, а родственникамъ ихъ за ходатайство „объ отбывательствѣ отъ школы“— каторжныя работы.

На содержаніе школы отпускались деньги съ монетнаго двора и взыскиваемыя съ царедворцевъ, не желавшихъ отправляться въ ученье за море или на службу. На всѣ расходы по школѣ съ основанія ея по ноябрь 1703 года израсходовано 8,341 руб. 4 алт., не включая сюда 4,385 руб. 19 алт. 1 деньги, употребленныхъ собственно на строеніе.

Въ 1711 году, когда сборъ денегъ отошелъ въ вѣдѣніе сената, отпускъ суммъ на содержаніе школы замедлился въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, такъ что многіе ученики, не имѣя возможности содержать себя, разбѣжались. Зимою 1714 года ученики, не получая пять мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ, по словамъ офиціальнаго донесенія, „не только проѣли кафтаны, но истинно, босыми ногами ходя, просятъ милостыни у оконъ“.

Выведенный изъ терпѣнія коммиссаръ Бѣляевъ рѣшился написать къ Апраксину слѣдующій ультиматумъ: „ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости“. Это представленіе подѣйствовало, и объ отпускѣ денегъ для навигацкой школы послѣдовало распоряженіе. Сумма, назначенная сенатомъ для отдачи въ адмиралтейскій приказъ, на содержаніе

навигацкой школы и посланныхъ за море, простиралась до 22,495 руб. Деньги эти велѣно отпускать попрежнему съ денежныхъ дворовъ.

Трое учителей-англичанъ получали сначала всѣ вмѣстѣ окладного жалованья 550 рублей въ годъ, не считая денегъ, выдаваемыхъ по ихъ требованіямъ на разные предметы, какъ-то: на одежду, столъ, лошадей, ихъ кормъ и сбрую, и проч. Такихъ денегъ со времени пріѣзда англичанъ по 1704 годъ израсходовано около 1,370 рублей. Магницкій въ началѣ, кажется, не имѣлъ опредѣленнаго жалованья, потому что въ 1702 году онъ получалъ жалованья всего 20 рублей 1 алт. 4 деньги, а въ 1703 году, 90 рублей 1 алт. 4 деньги. Впослѣдствіи, въ 1710 году (апрѣля 20), когда Фарварсону было назначено жалованье 600 рублей, Гвыну—300 рублей, и Магницкій сталъ получать 150 рублей. Между тѣмъ онъ трудился болѣе англичанъ, потому что, кромѣ преподаванія, наблюдалъ еще за поведеніемъ учениковъ. По отзыву дьяка Курбатова, англичане хотя учили и хорошо, только истинно дѣльнымъ былъ одинъ Фарварсонъ; а другіе два (Гвынъ и Грейсъ) „хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія (Магницкаго) наукою не дошли". „Временемъ,—пишетъ Курбатовъ,—англичане и загуляются, или по своему обыкновенію по часту и долго проспятъ"; Магницкій же всегда въ классы являлся во̀-время.

Кромѣ учителей, при школѣ въ 1702 году былъ переводчикъ „еллино-греческаго и латинскаго діалектовъ", котораго, впрочемъ, въ спискахъ слѣдующихъ годовъ уже не видно.

Съ первыхъ годовъ существованія школы раздавались ученикамъ подъ ихъ росписки слѣдующія книги и учебныя пособія: ариѳметика, вѣроятно Магницкаго, изданныя для школы логариѳмы, аспидныя доски, „каменныя перья" (грифели) и карандаши; изъ инструментовъ—шкалы (линейки съ различными дѣленіями) планныя и гантирскія, радіусы (грандштоки), секторы и квадранты (три послѣднихъ инструмента служили для измѣренія высоты свѣтилъ); ноктурналы--инструменты для опредѣленія времени по наблюденіямъ звѣздъ Малой и Большой Медвѣдицы; „книги морскихъ картинъ" (морскіе атласы), готовальни съ мѣдными инструментами, циркули простые и треножные, циркули „хартинные" (употреблявшіеся при картахъ). Часть этихъ инструментовъ выписывалась изъза границы, а другіе дѣлались въ своей мастерской при школѣ,

По выходѣ учениковъ изъ школы всѣ розданные имъ книги и инструменты отбирались. Въ 1713 году „на покупку инструментовъ и школьныя всякія починки" начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья школьниковъ.

Изъ учениковъ навигацкой школы нѣкоторые жили въ самой школѣ, другіе—на частныхъ квартирахъ. За поведеніемъ ихъ смотрѣлъ Магницкій, и въ 1711 году (мая 6) велѣно было въ помощь ему выбрать изъ учениковъ „десятскихъ, добрыхъ людей, и всякому смотрѣть въ своемъ десяткѣ, или отдѣленіи, чтобы школьники не пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили".

Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, соотвѣтствовали грубости тогдашнихъ нравовъ. Такъ, напр., за большіе проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ плетьми; на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни, или за такъ называемыя нѣты, положена была (указомъ 1707 года, февраля 28) страшная пеня: за первый прогульный день 5 рублей, за второй—10 рублей, за третій и всѣ слѣдующіе—15 рублей.

Такихъ денегъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ 1707 года, набралось 8.545 рублей. Для взысканія штрафныхъ денегъ, несмотря ни па какія отговорки, брали у виновныхъ людей и били ихъ на правежѣ, а у кого не было крѣпостныхъ, били самихъ господъ, покуда они не выплачивали штрафа.

Въ навигацкой школѣ, наполненной преимущественно дѣтьми низшихъ сословій, были однакоже ученики и знатныхъ фамилій, какъ напр.: князья Волконскіе, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Барятинскіе и др., Шереметевы, Собакины, Дмитріевы-Мамоновы и проч.; многіе изъ нихъ встрѣчаются въ штрафномъ спискѣ.

Навигацкая школа въ продолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія принесла большую пользу не только флоту, но и другимъ вѣдомствамъ, въ которыя поступали ея воспитанники, мало-по-малу вытѣснявшіе иностранцевъ. Въ указѣ 1710 года сказано, что „школа оная не только потребна къ единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству“. И, дѣйствительно, ученики школы требовались и посылались всюду, гдѣ нужны были свѣдущіе люди. Кончившіе курсъ навигаціи отправлялись для науки „за море“, назначались для практики на нашъ флотъ, отсылались для „ученья бомбардирскому дѣлу, къ инженерной наукѣ (для которой въ 1711 году уже готовы были 170 человѣкъ), кондукторами къ генералъ-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ и проч. Такимъ образомъ, первые русскіе моряки, гидрографы и топографы, извѣстные подъ именемъ геодезистовъ, инженеры, артиллеристы и вообще многіе сотрудники Петра по разнымъ частямъ были воспитанники навигацкой школы. Изъ нихъ же назначались учителя въ школы, учреждаемыя въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ.

Учителя школы, кромѣ преподаванія наукъ и сочиненія руководствъ, исполняли, въ случаѣ нужды, и другія обязанности. Вообще, къ ихъ содѣйствію обращались по самымъ разнороднымъ предметамъ: учителямъ школы поручалось разсматриваніе близкихъ къ ихъ спеціальности книгъ; въ 1709 году царь приказалъ имъ прислать въ Воронежъ трубы для наблюденія затменія солнца, вычислить время затменія и сдѣлать рисунокъ, какъ оно будетъ видимо. Это нужно было Петру для предупрежденія публикаціями суевѣрныхъ толковъ въ народѣ, являвшихся обыкновенно по поводу затменій. Иногда учителямъ поручались и не кабинетныя работы, такъ, напр., они посылались съ учениками проложить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ.

Спустя пятнадцать лѣтъ по основаніи навигацкой школы, государь вздумалъ перенести морское училище поближе къ морю, въ свой „парадисъ“, какъ онъ называлъ въ шутку Петербургъ. Въ августѣ 1715 года приказано было перевезти сюда изъ Москвы всѣхъ учителей и учениковъ навигацкой школы къ 1-му октября. Но какъ учащихся было до 600 человѣкъ и большая часть изъ нихъ по бѣдности должны были перевозиться на счетъ казны, то коммисаръ московской адмиралтейской конторы, Никифоровъ, представляя невозможность исполнить указъ въ такой короткій срокъ, спрашивалъ Апраксина: не удобнѣе ли будетъ низшіе классы оставить въ Москвѣ, а въ Петербургъ перевести одни высшіе? Предложеніе Никифорова, кромѣ облегченія перевозки, представляло еще и ту важную выгоду, что въ Москвѣ было готовое помѣщеніе, приспособленное къ школьнымъ потребностямъ, и небогатымъ людямъ изъ большей части Россіи въ Москву было ѣхать ближе и де-

шевле, нежели въ Петербургъ; наконецъ, въ близости моря для низшихъ классовъ не было никакой необходимости. Дѣльное мнѣніе Никифорова измѣнило первоначальное распоряженіе о перевозкѣ всѣхъ учениковъ въ Петербургъ. 1715 года, октября 1-го состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Морской Академіи и вышла полная инструкція ученія и содержанія въ ней учениковъ, которыхъ комплектъ положенъ 300 человѣкъ, а въ московской школѣ велѣно содержать 500 человѣкъ. Изъ учителей въ Петербургъ переведены Фарварсонъ и Гвынъ и, въ помощь имъ, назначено восемь навигаторовъ. Въ Москвѣ оставленъ Магницкій съ нѣсколькими помощниками, выбранными изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ, и велѣно учить только ариѳметикѣ и геометріи. Московская школа осталась по-прежнему въ вѣдѣніи московской адмиралтейской конторы, а академію повелѣно „вѣдать военной морскаго флота канцеляріи“, а для ближайшаго надзора назначался особый директоръ. Жалованье ученикамъ академіи назначалось не по днямъ, но по мѣсяцамъ и также по степени познаній. Самое низшее было одинъ рубль, высшее—три рубля, съ вычетомъ на мундиръ „съ рубля по полуполтинѣ“. Въ академію старались выбирать преимущественно дворянъ, имѣющихъ нѣкоторое состояніе, а московская школа предоставлена была исключительно для другихъ сословій, но и въ нее принимались также бѣдные дворяне, имѣвшіе не болѣе 10-ти дворовъ.

Въ числѣ документовъ, сохраняемыхъ въ залѣ засѣданій Адмиралтействъ-Совѣта, находится слѣдующій собственноручный указъ государя о предметахъ ученія въ морской академіи: Дѣтей учить: 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Фехтъ или пріему ружья; 4) Артиллеріи; 5) Навигаціи; 6) Фортификаціи; 7) Географіи; 8) Знанію членовъ корабельнаго гола и такелажа; 9) Рисованію; 10) На произволеніе танцамъ для постуры (т.-е. для позитуры). Этотъ указъ писанъ 1715 года, сентября 9-го. Въ немъ подъ рубрикою навигаціи разумѣется и морская астрономія.

Къ числу предметовъ, преподаваемыхъ въ академіи, послѣ прибавлена геодезія, для изученія которой исключительно назначалось 30 учениковъ. Впослѣдствіи въ адмиралтейскомъ регламентѣ этотъ списокъ наукъ болѣе разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжаментамъ (т.-е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіямъ съ мушкетами — совершенно, а фортификаціи и апрошамъ (т.-е. долговременной фиртификаціи), также и корабельнымъ членамъ, — чтобъ только знали, что̀ для чего дѣлается, и, наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно.

По сохранившимся запискамъ учениковъ надо полагать, что всѣ теоремы, относящіяся къ математическимъ и морскимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся должны были довольствоваться заучиваніемъ наизусть различныхъ научныхъ истинъ и прилагать ихъ къ бездоказательному же рѣшенію практическихъ задачъ. Своеобразной успѣшности такого преподаванія много пособляло усиленное развитіе памяти и, въ сущности, весьма небольшой объемъ курса. Трудно повѣрить, что подобный порядокъ могъ сохраняться въ морской академіи во все время ея существованія, т.-е. цѣлое полустолѣтіе. Объясненіе этого обстоятельства надо искать въ глубокой рутинѣ, подъ вліяніемъ которой трудились учителя и ученики. При основаніи навигацкой школы требованіе скорѣйшаго обученія по необходимости заставляло ограничиться такимъ „бездоказательнымъ“ преподаваніемъ; а потомъ оно вошло въ привычку, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и впослѣдствіи до того укорени-

лось, что даже лучшимъ изъ учениковъ не приходило на мысль доискиваться разумныхъ причинъ, почему извѣстная теорема сложилась такъ, а не иначе. Все слышанное въ классѣ принималось за несомнѣнную истину, вовсе ненуждающуюся въ доказательствѣ, и преподаватели заботились только о томъ, чтобы учащіеся знали, какъ что дѣлается, и не думали о разъясненіи—почему? Со стороны преподавателей видно, однакоже, нѣкоторое стремленіе пополнить до извѣстной степени недостатокъ теоріи множествомъ и разнообразіемъ частныхъ примѣровъ, представляющихъ всевозможные случаи, особенно относительно задачъ, которыя скорѣе другихъ могли встрѣтиться на практикѣ. Къ этому необходимо прибавить, что ученики академіи, проходившіе морскія науки, лѣтомъ назначались для практики на флотѣ.

Для содержанія морской академіи, изъ суммы, назначенной въ 1714 году вообще на школы, велѣно было отпускать половину, т.-е. 11,229 р. Впослѣдствіи же, въ 1719 году, для (морской) московской школы оставлено только 5,600 р., а остальные 19,579 р. употреблялись на академію.

Но эти деньги отпускались до того неисправно, что, по недостатку средствъ, осенью 1717 г., комнаты верхняго этажа академіи стояли недостроенныя безъ печей и „42 ученика не ходили на ученье, затѣмъ что стали наги и босы". Къ предстоящей зимѣ не на что было исправить печей и даже купить дровъ, и директоръ академіи Матвѣевъ опасался, чтобы не пришлось прекратить и ученья. „Воистину не могу самъ описать, какія несносныя докуки несу отъ тѣхъ бѣдныхъ и нужныхъ (нуждающихся) людей,—писалъ онъ къ кабинетъ-секретарю Макарову,—которые безотступно у меня просятъ денегъ, и уже весьма наги и босы". Въ этомъ же 1717 году, когда нѣсколькимъ ученикамъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, въ наказаніе за неявку въ ученіе, велѣно было пять лѣтъ не давать жалованья, то многіе изъ нихъ покуда не получили помилованія, ходили по міру.

Кромѣ первыхъ годовъ существованія академіи относительно недостатка средствъ, были особенно тяжелы три послѣдніе года царствованія Петра. При посѣщеніи классовъ академіи, 10-го іюня 1724 года, государь замѣтилъ въ числѣ учениковъ нѣкоторыхъ очень худо одѣтыхъ, и на вопросъ о причинѣ, ему доложили, что жалованье выдается съ недоимками, да и то не деньгами, а товарами. По слѣдствію, которое велѣно было произвести, оказалось, что 85 учениковъ „за босотою и неимѣніемъ пропитанія", не ходили въ школу въ продолженіе трехъ, четырехъ и даже пяти мѣсяцевъ; а изъ нихъ 55 человѣкъ объявили, что они „кормились вольною работою". Послѣ этого коллегія приказала немедленно выдать жалованье всѣмъ недостаточнымъ ученикамъ.

Морская академія, или академія морской гвардіи, сколько можно судить по данной для нея „инструкціи", была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней предполагалось соблюдать правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ, съ сохраненіемъ строгой дисциплины. Воспитанники раздѣлялись на шесть отдѣленій или „бригадъ", въ каждой по 50 человѣкъ. Надъ ними начальствовалъ офицеръ, назначаемый для гвардейскихъ полковъ, и называвшійся „командиромъ морской гвардіи". Въ помощь ему назначались, также изъ гвардіи, одинъ или два офицера, два сержанта и нѣсколько хорошихъ старыхъ солдатъ, исполнявшихъ долж-

ность дядекъ. Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ.

Воспитанники должны были, сколько дозволяло помѣщеніе, жить въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ, всѣ ученики, послѣ завтрака, собирались въ залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ и садились по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадуя другъ другу“.

Въ классахъ приказано было „никакого крику, ни шуму не чинить“, и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ, и имѣть „хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, несмотря какой бы ученикъ фамилія ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ“, т.-е. кто будетъ потворствовать.

Воспитанники или, какъ называли въ бумагахъ, „морская гвардія“, имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Они стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной комнатѣ, у часового колокола и т. п.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во-время, и обучать морскую гвардію „всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумнѣйшимъ образомъ“. Строго предписано было: „ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возвратить“, и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался тѣлесному наказанію. Но недостаточность средствъ для содержанія академіи обращала данную первоначально инструкцію въ мертвую букву, и въ дѣйствительности морская академія походила на тѣ бурсы, которыя существовали въ иныхъ мѣстахъ Россіи лѣтъ за двадцать до настоящаго времени.

По недостатку помѣщенія многіе ученики жили въ частныхъ домахъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, учениковъ размѣстили по квартирамъ гвардейскихъ солдатъ, бывшихъ въ то время въ походѣ. Впослѣдствіи, въ 1722 году ученикамъ отводилось 68 квартиръ, въ дальнихъ частяхъ города, въ бѣдныхъ домишкахъ матросовъ, мастеровыхъ и т. п. Несмотря на это, въ академіи все-таки соблюдались нѣкоторыя военныя правила, необходимыя для сохраненія порядка. Такъ, напр., въ опредѣленное время били „тапту“ (зорю), рундъ повѣрялъ часовыхъ, и ночью дозоръ обходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Это дѣлалось не для одной формы, но и по необходимости: строгость нужна была для удержанія тогдашнихъ юношей; многіе изъ нихъ не отличались трезвостью, и сосѣди академіи знали, что замки и запоры мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: „сѣкли по два дня нещадно батогами“, или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута наказывали „кошками“; за значительные проступки гоняли шпицрутенами сквозь строй, и послѣ такихъ наказаній оставляли по-прежнему въ ученьи.

При отпускахъ учениковъ брались подписки, что въ случаѣ неявки въ срокъ виновный будетъ посланъ въ каторжную работу, а за побѣгъ

подвергнется смертной казни. Но такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе и были не болѣе, какъ канцелярская формальность.

Несмотря на довольно печальное положеніе морской академіи относительно средствъ содержанія, общественное ея значеніе было настолько высоко, что, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшаго тогда въ Петербургѣ, „во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не представила бы въ академію сына или ближайшаго родственника“. Дѣйствительно, для всякаго лица, извѣстнаго государю, лучшимъ средствомъ обратить на себя его милостивое вниманіе было отдать сына въ морскую службу. Къ этому нельзя не прибавить, что на самомъ дѣлѣ тяжелая школа морской академіи выработала много прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и даже нѣсколько замѣчательныхъ людей своего времени. Адмиралы: гидрографъ Нагаевъ, побѣдитель турокъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ, Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, спутникъ Беринга ученый морякъ Алексѣй Ильичъ Чириковъ были воспитанниками морской академіи.

LXVI. Школа при Петрѣ Великомъ.

(*Изъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова. Ч. II. Спб. 1905 г.*).

Въ 1701 году учреждена была въ Москвѣ „школа математическихъ и навигацкихъ наукъ“, и Фарварсонъ занялся съ этого времени обученіемъ русской молодежи—„добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ“—мореплаванію на Сухаревой башнѣ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ богословской профессіональной школой стала въ Москвѣ другая—профессіональная морская. Взглядъ правительства на цѣль образованія, въ сущности, еще не перемѣнился. И теперь, какъ и прежде, наука и школа должны были служить практическимъ потребностямъ государства. Только пониманіе этихъ потребностей измѣнилось: вмѣсто исправленія церковныхъ книгъ и охраненія вѣры, рѣчь шла теперь о преобразованіи арміи и флота.

Какъ видимъ, первая русская свѣтская школа явилась съ довольно случайной программой. Создавая ее, молодой реформаторъ меньше всего заботился объ удовлетвореніи потребности въ общемъ образованіи. Но жизнь сама исправила дѣло. Моряками, возвращавшимися изъ заграничныхъ командировокъ и кончившими курсъ въ навигацкой школѣ, приходилось слишкомъ часто пользоваться не какъ спеціалистами своего дѣла, а какъ образованными людьми вообще. Они становились и администраторами, и дипломатами, и учителями, и строителями, и геодезистами, и инженерами и т. д. Такимъ образомъ, самъ Петръ скоро долженъ былъ убѣдиться, что „не токмо къ морскому ходу нужна сія школа“. Это не помѣшало, однако, навигацкой школѣ сохранить характеръ военно-морского учебнаго заведенія. Такимъ она осталась и послѣ переселенія своего, съ Петромъ, въ Петербургъ (1715), гдѣ она получила названіе „Морской академіи“.

Обѣ академіи, „морская“ и „славяно-греко-латинская“, сдѣлались скоро двумя исходными пунктами цѣлой сѣти низшихъ школъ, учрежденныхъ Петромъ въ провинціи. Созданіе этой первой въ Россіи сѣти ду-

ховныхъ и свѣтскихъ школъ собственно и было тѣмъ огромнымъ шагомъ впередъ, который дѣлаетъ изъ петровскаго царствованія эпоху въ исторіи русскаго образованія. Безъ обѣихъ столичныхъ академій устройство провинціальныхъ школъ было бы невозможно, такъ какъ для нихъ неоткуда было бы взять учителей. Такимъ образомъ, по отношенію къ провинціальной школѣ „морская" и „славяно-греко-латинская" академіи сыграли роль учительскихъ семинарій. Наоборотъ, для столичныхъ заведеній провинціальныя школы стали служить подготовительной ступенью. Низшая свѣтскоя школа давала предварительныя математическія свѣдѣнія, низшая духовная—сообщала познанія словесныя.

Въ одинъ годъ съ переселеніемъ въ Петербургъ навигацкой школы Петръ распорядился разослать по губерніямъ по два ученика этой школы, выучившихъ геометрію и географію, „для науки молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей". Въ силу этого распоряженія уже въ слѣдующемъ 1716 году открыто было въ разныхъ городахъ Россіи 12 школъ; къ нимъ въ 1720—22 гг. присоединилось еще тридцать. Новая школа обучала ариѳметикѣ и геометріи, почему и получила названіе „цифирной" школы.

Къ счастію, мы имѣемъ возможность подвести итогъ дѣятельности цифирныхъ школъ за первое время ихъ существованія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1727 году, набрано было въ эти школы учениковъ, охотой и силой, нѣсколько больше 2.000. По сословному составу ученики эти распредѣлялись на слѣдующія группы:

1. Изъ духовнаго званія	931	(45,4%)
2. Солдатскихъ (драгунскихъ, казачьихъ и пушкарскихъ) дѣтей	402	(19,6%)
3. Приказныхъ	374	(18,2%)
4. Посадскихъ	93	(4,5%)
5. Дворянъ и дѣтей боярскихъ.	53	(2,5%)

Но недолго, однакоже, удержали „цифирныя" школы этотъ составъ учениковъ. Едва указы объ устройствѣ школъ стали приводиться въ исполненіе, какъ тотчасъ же разныя группы населенія начали протестовать противъ новой для нихъ школьной повинности. Посадскіе люди первые стали просить освободить ихъ отъ обязательной посылки дѣтей въ школы, такъ какъ дѣтямъ надо сидѣть за прилавкомъ, пріучаться къ отцовскому ремеслу. Правительство удовлетворило требованіе горожанъ (1720), и цифирныя школы лишились части своихъ учениковъ. Несравненно важнѣе была конкурренція духовныхъ школъ съ цифирными.

Духовная школа въ провинціи явилась вслѣдствіе предписанія Духовнаго Регламента, обязавшаго архіереевъ открыть въ епархіяхъ школы при архіерейскихъ домахъ (1721). Во исполненіе этого предписанія въ ближайшее пятилѣтіе (1721—1725) открыто было въ Россіи до 46 епархіальныхъ школъ. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра чуть ли не каждый (теперешній) губернскій городъ имѣлъ по двѣ школы: свѣтскую и духовную. Вербовать учащихся той и другой приходилось насильно; естественно, между обѣими началась борьба за учениковъ. Синодъ потребовалъ, чтобы дѣти духовнаго сословія возвращены были въ епархіальныя школы: такимъ образомъ, у цифирной школы отнята была очень значительная часть ея питомцевъ. Какъ великъ былъ этотъ уронъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, видно изъ того, что послѣ отня-

тія посадскихъ и церковническихъ дѣтей въ четырнадцати цифирныхъ школахъ совсѣмъ не осталось учениковъ: эти школы пришлось закрыть, и учителя вернулись изъ провинціальныхъ городовъ назадъ, въ морскую академію. Въ уцѣлѣвшихъ 28-ми школахъ остались почти исключительно одни дѣти приказныхъ. Число ихъ было къ 1727 году всего 500 чел., вмѣсто двухъ тысячъ, навербованныхъ первоначально. Причины убыли остальныхъ 1.500 учениковъ будутъ ясны изъ слѣдующей таблицы.

1. Выбыли посадскіе и церковные	572	(37%)
2. Бѣжали, отпущены въ дома и не явились .	322	(28,8%)
3. Выучено и отпущено	302	(19,9%)
4. Безграмотныхъ, идіотовъ и неспособныхъ .	233	(15%)
5. Взято въ разныя должности	93	(6%)

Какъ видимъ, больше трети покинувшихъ школу воспитанниковъ взяты у нея насильно, больше пятой части бросили ее самовольно, отъ седьмой части школа отказалась сама, семнадцатая часть поступила на должности, не кончивъ курса, и только относительно одной пятой цифирная школа вполнѣ выполнила свое назначеніе.

Вслѣдъ за только-что изложеннымъ разгромомъ свѣтской школы, поднятъ былъ, немедленно послѣ смерти Петра, вопросъ о самомъ ея существованіи. Петръ отдалъ цифирныя школы въ вѣдомство морского министерства („Адмиралтейской коллегіи"), такъ какъ своихъ учителей эти школы получили изъ морской академіи. Теперь адмиралтейство попробовало отъ нихъ отдѣлаться и возобновило предложеніе Петра (1723)—соединить цифирныя школы съ архіерейскими (1726). Однако, противъ такого соединенія возсталъ самъ Синодъ, относившійся вообще неблагосклонно къ „свѣтскимъ навигаторскимъ наукамъ". „Передавать ученикамъ одну ариѳметику и геометрію, безъ связи съ богословскимъ образованіемъ,—не духовное дѣло. Поэтому просимъ оставить цифирныя и геометрическія школы въ свѣтскомъ правленіи",—такъ докладывалъ Синодъ въ 1727 году. Только благодаря этому отказу, петровская цифирная школа просуществовала до 1744 года. Впрочемъ, къ этому году оставалось уже всего лишь 8 школъ изъ 28-ми; изъ этихъ восьми—три самыя обширныя соединены были съ гарнизонными школами. Гарнизонныя школы при полкахъ учреждены были въ 1732 году. Онѣ содержались на полковыя средства; учителями были офицеры и унтеръ-офицеры. Преподавались, кромѣ грамотности, солдатская экзерциція, а также ариѳметика, артиллерія и инженерство.

Итакъ, петровская свѣтская школа оказалась недолговѣчной; остатки ея уцѣлѣли лишь въ сліяніи съ военной школой, отчасти заимствовавшей ея программу. И въ этомъ видѣ, она, однако, сослужила службу русскому просвѣщенію. Еще въ первые годы царствованія Екатерины II „Цифиркиныхъ" нельзя было ни откуда достать, кромѣ гарнизонной школы.

Познакомимся теперь съ судьбой епархіальныхъ школъ, устроенныхъ, какъ сказано, вслѣдствіе предписанія духовнаго регламента. Ближайшее наблюденіе за этими школами принадлежало не свѣтскимъ властямъ, а мѣстнымъ преосвященнымъ. Государственная власть не вмѣшивалась въ ихъ судьбу такъ, какъ она вмѣшивалась въ судьбу цифирныхъ школъ. За неявку учениковъ не сажали на цѣпь въ тюрьму, какъ это нерѣдко бывало съ кліентами свѣтской школы. Правительство не забо-

тилось и о снабженіи этихъ школъ контингентомъ учителей. Учителя набирались довольно случайнымъ образомъ. Въ лучшихъ случаяхъ это были ученики московской или даже кіевской академіи; въ другихъ—учителями становились просто мѣстные церковно-служители. Впрочемъ, не только выборъ учителей, а и самое существованіе архіерейскихъ школъ зависѣло отъ доброй воли епархіальнаго начальства, обязаннаго содержать ихъ на свои собственныя средства. Школы эти возникали и падали вмѣстѣ съ перемѣной преосвященныхъ. Такіе дѣятельные пастыри, какъ Іовъ Новгородскій. или Питиримъ Нижегородскій, Дмитрій Ростовскій, Гавріилъ Бужинскій (въ Рязани), поднимали школы и наполняли ихъ сотнями учениковъ; при другихъ архіереяхъ ученики распускались по домамъ, школы совсѣмъ закрывались или даже вовсе не открывались—подъ предлогомъ скудости средствъ или за ненахожденіемъ учителя. Программа преподаванія также вполнѣ зависѣла отъ наличныхъ средствъ и отъ степени усердія мѣстныхъ властей. Въ лучшихъ школахъ преподаваніе приближалось къ объему московской академіи, и проходились всѣ свободныя науки. Въ большинствѣ же дѣло ограничивалось грамматикой и реторикой Иногда, какъ, напр., въ вятской школѣ, ученики только выучивались читать и писать,—за неимѣніемъ учителей высшихъ наукъ. Впрочемъ, одной грамотностью приходилось ограничиваться иногда и въ виду настоятельной необходимости въ священникахъ. Въ нижегородской школѣ, напр., изъ 832 перебывавшихъ въ ней учениковъ больше половины, именно 427, ограничились выучкой букварей и тотчасъ послѣ того были посвящены въ священники, въ дьяконы и т. д. Такъ какъ учениковъ духовныхъ школъ не принуждали къ ученію такими насильственными мѣрами, какъ это бывало въ свѣтскихъ школахъ, то и процентъ дезертировъ былъ здѣсь гораздо меньше. Въ 1727 году епархіальныхъ школъ было въ Россіи 46. Можно насчитать въ нихъ 3.056 учениковъ. Убыль изъ этого числа была только 239. Надо, впрочемъ, прибавить, что изъ 2.827 оставшихся учениковъ почти половина (1.331) приходится на долю трехъ малороссійскихъ епархій (кіевской, черниговской, бѣлгородской) съ десятью школами. Такимъ образомъ, собственно въ Великороссіи свѣтская школа по общему числу перебывавшихъ въ ней учениковъ нѣсколько опередила духовную. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она, вѣроятно, опередила ее и по уровню знаній. Но періодъ процвѣтанія петровской свѣтской школы былъ, какъ мы видѣли, крайне непродолжителенъ. Напротивъ, епархіальная школа въ общемъ оказалась значительно устойчивѣе. Почти не сокращаясь въ количествѣ, полсотни епархіальныхъ школъ дожили до того времени, когда началось превращеніе ихъ въ семинаріи. И самое превращеніе въ семинаріи было результатомъ ихъ развитія, тогда какъ превращеніе цифирныхъ школъ въ гарнизонныя было послѣдствіемъ ихъ паденія. Архіерейская школа превращалась въ семинарію, расширяя свой курсъ до предѣловъ академіи, т.-е. вводя, кромѣ низшихъ классовъ—средніе и высшіе. Полный курсъ составлялся, такимъ образомъ, кромѣ грамоты, изъ грамматики и реторики, философіи и богословія. Прохожденіе этого курса распредѣлялось по классамъ, число которыхъ доходило до десяти. Съ такой программой епархіальная школа изъ низшаго училища превращалась въ среднее и сама становилась центромъ для школъ низшаго типа, возникавшихъ въ предѣлахъ епархіи. Первый случай такого развитія духовной школы относится къ очень раннему времени. Благодаря личному почину Новгородскій архіерей Іовъ пріютилъ у себя изгнанныхъ изъ Москвы братьевъ Лихудовъ и съ ихъ помощью поста-

вилъ курсъ новгородской архіерейской школы почти на одинаковый уровень съ славяно-греко-латинской академіей. Благодаря этому обстоятельству, при учрежденіи въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка другихъ епархіальныхъ школъ—новгородская школа могла сыграть роль учительскаго института и послужила такимъ же разсадникомъ учителей для нихъ, какимъ для цифирныхъ школъ была морская академія. Въ то же самое время новгородская школа организовала въ районѣ епархіи до 15-ти низшихъ школъ, въ которыхъ съ 1706 по 1726 г. обучалось 1.007 учениковъ.

Это былъ, однакоже, исключительный случай. Другія епархіальныя школы стали переходить на положеніе семинарій гораздо позднѣе. Въ 1737 году изданъ былъ общій указъ о такомъ переходѣ. Но значительность расходовъ, сопряженныхъ съ введеніемъ новаго типа духовной школы, во многихъ мѣстахъ задержала учрежденіе семинарій до воцаренія Екатерины II. Послѣ перваго толчка, даннаго Петромъ, и здѣсь, такъ же какъ и въ свѣтскихъ школахъ, развитіе пошло очень медленными шагами: „оттого ли, что было трудно, или оттого, что попеченіе къ тому малое прилагаемо было,—мы уже не изслѣдываемъ“, иронически замѣтила по этому поводу императрица Екатерина II. Полный курсъ былъ введенъ къ ея воцаренію только въ восьми семинаріяхъ. Насколько, при всемъ томъ, духовная школа XVIII столѣтія стояла прочнѣе свѣтской,—это видно изъ тѣхъ постоянныхъ заимствованій, которыя дѣлаетъ у нея свѣтская школа на протяженіи чуть ли не цѣлаго столѣтія. Учреждается ли медицинская школа д-ра Бидлоо, открывается ли академическій или московскій университетъ, создается ли учительская семинарія для „народныхъ училищъ“ Екатерины II,—вездѣ воспитанники семинаріи заполняютъ пустые кадры и скрашиваютъ своимъ участіемъ первые шаги дѣятельности свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, духовная школа XVIII вѣка оказала свѣтской рядъ незамѣнимыхъ услугъ.

Познакомившись съ судьбой цифирныхъ и архіерейскихъ школъ, открытыхъ въ петровское царствованіе, мы почти исчерпали вопросъ объ организаціи русской школы первой половины XVIII вѣка. Если и нельзя начинать съ этого времени связную исторію нашей средней школы, то все-таки надо признать, что для устройства такой школы была въ первой половинѣ вѣка подготовлена почва. О русской низшей школѣ нельзя сказать и этого. Попытки Петра въ этомъ направленіи остались совершенно безплодными. Тотъ же новгородскій архіерей Іовъ, который такъ много сдѣлалъ для средней духовной школы въ своей епархіи, вотъ какъ обрисовываетъ намъ эту попытку Петра—создать элементарную народную школу. По его словамъ, составители переписи 1710 года „священниковъ неволятъ на всякомъ погостѣ строить школы и велятъ учить разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строить, и кому быть учителями, и какимъ наукамъ учениковъ учить и по какимъ книгамъ учиться и откуда пищу имѣть и всякую школьную потребу пріискать,—того они, переписчики, опредѣлить не умѣютъ, только говорятъ: „впредь указъ будетъ“. Такого указа Россія не дождалась при Петрѣ, и не могла дождаться; почему не могла, это лучше всего объяснилъ намъ самъ Іовъ въ приведенной цитатѣ. Для народной школы,—даже церковно-приходской, какая тутъ, повидимому, имѣется въ виду,—при Петрѣ ничего еще не было подготовлено: ни учителей, ни учебниковъ, ни помѣщеній, ни школьныхъ пособій, ни средствъ, на которыя можно было бы все это создать; и такъ было въ наиболѣе передовой по части народнаго просвѣщенія области Россіи. Эти замѣчанія Іова составляютъ лучшій отвѣтъ изслѣдователямъ, кото-

рые доказываютъ существованіе церковно-приходской школы въ допетровское время.

Отъ организаціи школы первой половины XVIII вѣка мы переходимъ теперь къ задачамъ, которыя она преслѣдовала.

Первая характерная черта русской школы этого времени заключается въ томъ, что она не ставитъ своей задачей воспитанія и общаго образованія, а имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, техническую выучку для профессіональныхъ цѣлей. Взглядъ этотъ цѣликомъ унаслѣдованъ отъ XVII вѣка, хотя только XVIII вѣкъ вывелъ изъ него точную регламентацію школьнаго дѣла; можетъ быть, поэтому нѣкоторымъ изслѣдователямъ и представлялось, что первая половина XVIII вѣка внесла что-то новое въ русскую педагогію. Въ дѣйствительности, педагогическая точка зрѣнія такъ же чужда была школѣ разсматриваемой эпохи, какъ и школѣ XVII вѣка. Та и другая одинаково не смотрѣли на ученика, какъ на предметъ педагогическаго воздѣйствія. Если онъ приходилъ добровольно, то школа обращалась съ нимъ, какъ прежній мастеръ съ нанимателемъ: это были отношенія свободнаго договора. Если ученика посылало въ школу правительство, тогда ученье было для него уже службой: за службу онъ получалъ жалованье; за неисполненіе обязанностей онъ подвергался служебнымъ взысканіямъ. Такимъ образомъ, отвѣтственность ученика ничѣмъ не отличалась отъ отвѣтственности взрослаго человѣка. Поступокъ подводился подъ обыкновенное нарушеніе закона и наказывался, какъ преступленіе. Задачи воспитанія ограничивались установленіемъ внѣшней дисциплины. За „нѣты“, т.-е. манкировки, ученики штрафовались; за „продерзости“ — ихъ били батогами; за болѣе серьезные проступки наказывали на школьномъ дворѣ плетьми. Въ классѣ велѣно присутствовать отставнымъ солдатамъ и имѣть въ рукѣ хлыстъ: „а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, оныхъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ“. Далѣе, не только воспитаніе, но и образованіе не входило въ число задачъ петровской школы. Новая математическая школа ставила цѣлью не умственное развитіе, а пріобрѣтеніе необходимыхъ техническихъ навыковъ. Лишь поневолѣ,—постольку, поскольку для технической выучки все-таки необходимы были нѣкоторыя элементарныя знанія,—школа пріобрѣла до нѣкоторой степени общеобразовательный характеръ. Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ предварительныхъ знаній, во всякомъ случаѣ, должна была слѣдовать профессіональная выучка: она-то и была главною цѣлью, для которой средствомъ служила предварительная общая подготовка. Школа должна готовить къ различнымъ частямъ государственной службы и потому должна быть профессіональной—такова была основная идея преобразователя. Онъ принялъ тутъ, какъ мы уже говорили, старый взглядъ XVII вѣка; только къ единственной профессіональной цѣли прежней московской школы — готовить къ духовному званію — онъ присоединилъ цѣлый рядъ новыхъ государственныхъ задачъ. Первою мыслью его было возложить исполненіе этихъ задачъ на ту же московскую школу. По крайней мѣрѣ, только-что вернувшись изъ-за границы, Петръ велъ съ патріархомъ Адріаномъ очень интересный разговоръ по этому поводу. „Благодатіею Божіей,—говорилъ царь,—и у насъ есть школа, и пусть бы изъ этой школы люди, благоразумно учася, происходили во всякія потребы: и въ церковную службу, и въ гражданскую, и въ военную, и въ строительную, и въ медицинскую“. Скоро, однако же, царь долженъ былъ замѣтить, какъ далеки словесныя хитросплетенія средневѣковой учености отъ той реальной

науки новаго времени, въ которой онъ нуждался. Такъ какъ спеціальныхъ школъ все-таки не было, то на первыхъ порахъ его помощникамъ прямо пришлось учиться на службѣ путемъ практики. Навигаторъ учился на кораблѣ, чиновникъ гражданской службы—въ приказѣ, медикъ—въ госпиталѣ, аптекарь—въ аптекѣ: совершенно такъ же, какъ и до Петра попъ учился въ церкви, а купеческій сынъ за прилавкомъ. Конечно, этого было недостаточно и, при первой возможности, профессіональная выучка стала вводиться въ школьныя рамки. Она отъ этого не перестала быть службой, и какъ служба, не перестала быть обязательной для тѣхъ же лицъ, для которыхъ вообще служба была обязательна раньше. Вотъ почему петровская (военная) школа сама собой сдѣлалась повинностью служилаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была сдѣлаться сословной, и если этого не случилось сразу, то только потому, что на первыхъ порахъ слишкомъ дорогъ былъ для правительства всякій желавшій учиться, изъ какого бы званія онъ ни происходилъ. По замѣчанію историка морской академіи, „немногіе дворяне поступали добровольно“ въ это учебное заведеніе; „добровольно являлись болѣе разночинцы, а не дворяне“. Это не помѣшало провести различіе между учебными занятіями и дальнѣйшей карьерой тѣхъ и другихъ. „Юноши низшихъ сословій—разночинцы“, по словамъ того же историка, „научившись въ русской и цифирной школахъ (т.-е. въ первыхъ двухъ классахъ) читать, писать и считать, этимъ оканчивали свое ученье и назначались въ писаря, къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейство, въ помощники архитекторамъ и т. п. Дѣти дворянскія, „шляхетскія“, изъ русской и цифирной школъ поступали въ высшіе классы для дальнѣйшаго обученія и для военной службы во флотѣ. При переводѣ училища въ Петербургъ оно совсѣмъ сдѣлалось военнымъ и стало преимущественно принимать дворянъ, и притомъ болѣе достаточныхъ; въ Москвѣ же оставлены для разночинцевъ низшіе классы; отсюда вышли и учителя цифирныхъ школъ“. Тѣ же самыя наблюденія можно было бы повторить и относительно другой военной школы Петра, инженерной (учр. въ 1712 г.) Точно такъ же она предназначалась преимущественно для дворянъ, за ихъ „нѣтами“ наполнилась разночинцами и, наконецъ, сдѣлалась исключительно дворянской, послѣ перевода въ Петербургъ (1719). Третья школа, артиллерійская (1712), въ низшихъ своихъ классахъ долго продолжала учить „пушкарскихъ“ дѣтей, но высшую профессіональную выучку она тоже давала дворянамъ и только ихъ допускала къ высшей военной карьерѣ. Въ 1715 г. сенатъ прямо высказалъ мнѣніе, что „въ артиллерійскую школу, кромѣ дворянъ, никого и опредѣлять не слѣдовало“. Послѣ Петра этотъ сословный характеръ профессіональной военной школы вполнѣ утвердился; естественно, что послѣднее военно-учебное заведеніе этого періода, сухопутный шляхетскій корпусъ, уже съ самаго своего открытія предназначался исключительно для дворянства. Вмѣстѣ съ выясненіемъ сословнаго характера высшихъ военныхъ школъ опредѣлился и особый кругъ знаній, свойственныхъ спеціально „шляхетству“. Въ составъ этихъ „рыцарскихъ“ или шляхетскихъ наукъ входятъ, прежде всего, новые языки, фехтованье и танцы.

Конечно, не все дворянство попадало въ столичныя учебныя заведенія. Не попавшіе туда должны были проходить практическую „школу“ въ гвардіи „и тѣмъ путемъ, яко школою, далѣе дослуживаться“. Оставаться въ провинціи дворянству не полагалось, и провинціальная „цифирная“ школа предназначалась не для него. Уже въ 1716 г. Петръ

формально запретилъ брать въ цифирныя школы дворянскихъ дѣтей. Въ нихъ, какъ позднѣе въ гарнизонныхъ школахъ, должны были учиться дѣти служилыхъ людей низшихъ разрядовъ („солдатскія"); вмѣстѣ съ дѣтьми приказныхъ они оставались единственными посѣтителями цифирной школы послѣ выключенія изъ нея дѣтей горожанъ и духовенства.

Была еще одна отрасль государственной службы, помимо военной, требовавшая со времени Петра особой спеціальной подготовки. Мы говоримъ о гражданской службѣ, для прохожденія которой все болѣе и болѣе становилось нужнымъ знакомство съ политическими, юридическими и экономическими науками. Правительство пыталось и для этой отрасли завести профессіональную школу; но здѣсь оно встрѣтилось со старымъ предразсудкомъ дворянства противъ „приказной" службы, и школа не состоялась, такъ какъ не было для нея подходящаго соціальнаго матеріала. Напрасно Петръ, настаивая на необходимости подготовки къ гражданской службѣ, убѣждалъ „сего фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить, ибо кромѣ сего пути (т.-е. профессіональной выучки) никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ". Общество хорошо знало, что „попасть въ высшій градусъ" гражданской службы можно было различными путями, не имѣющими ничего общаго съ профессіональной подготовкой. Вотъ почему даже введеніе юриспруденціи въ программу дворянской школы не могло заставить дворянъ заняться этой наукой. Изъ 245 дворянъ, учившихся въ 1733 году въ только-что открытомъ сухопутномъ корпусѣ, юриспруденціей занимались только 11. Посылаемые въ коллегіи для практическаго знакомства съ приказными дѣлами, дворяне тоже не хотѣли работать вмѣстѣ съ „крапивнымъ сѣменемъ", и приходилось, въ концѣ концовъ, отсылать ихъ обратно въ военныя школы.

Остается упомянуть о духовной школѣ, тоже преслѣдовавшей прямую профессіональную задачу—готовить церковнослужителей, „дабы впредь неученыхъ въ духовныхъ чинахъ уже не было" (указъ 1737 года). Мы знаемъ, что задачу эту ей далеко не вполнѣ удавалось выполнить, тѣмъ болѣе, что изъ того незначительнаго количества церковническихъ дѣтей, которыя попадали въ эту школу, многіе и лучшіе постоянно покидали духовное званіе. За то во всю первую половину XVIII вѣка духовная школа продолжала привлекать къ себѣ дѣтей другихъ сословій: дворянскихъ, солдатскихъ и даже крестьянскихъ. Это было нарушеніемъ общаго порядка, по которому дѣти должны были обучаться занятію отцовъ; и правительство неоднократно требовало, чтобы въ духовныя школы принимались лишь дѣти духовенства, но чтобы за то изъ нихъ никто не ускользалъ отъ школы. Ни того, ни другого нельзя было добиться въ первой половинѣ вѣка. Духовной школой слишкомъ еще дорожили, какъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, и слишкомъ мало, какъ профессіональнымъ, чтобы можно было однимъ запретить, а другихъ принудить въ ней учиться. Московская академія вполнѣ основательно находила въ 1732 году, что если не принимать желающихъ и отыскивать укрывающихся отъ науки, то, въ концѣ концовъ, „ученіе распространеніемъ пресѣчется". Во второй половинѣ вѣка положеніе дѣла совсѣмъ измѣнилось. Духовная молодежь стала приливать въ изобиліи, „ученыхъ" кандидатовъ въ священство школа стала выпускать больше, чѣмъ было мѣстъ; естественно, что при этихъ условіяхъ духовное начальство перестало дорожить посторонними учениками. Съ другой стороны, и эти посторонніе находили, гдѣ учиться помимо духовной школы. Такимъ образомъ,

къ концу XVIII вѣка духовная школа сама собою превратилась въ замкнутое сословное учрежденіе.

Всѣ эти факты приводятъ насъ къ тому заключенію, что при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ русское общество нуждалось преимущественно въ элементарномъ образованіи, и искало его, при скудости образовательныхъ средствъ,—гдѣ случится. Съ своей стороны, правительство нуждалось въ людяхъ, получившихъ профессіональную подготовку, и употребляло всѣ усилія, чтобы загнать молодежь всѣхъ сословій въ такія профессіональныя школы, которыя подготовили бы ее къ тѣмъ самымъ занятіямъ, какими отцы и дѣды обязаны были заниматься раньше. Наконецъ, общее образованіе само по себѣ одинаково мало цѣнилось какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Вотъ почему правительство ограничилось на первыхъ порахъ тѣмъ, что открыло рядъ спеціальныхъ школъ для удовлетворенія своихъ ближайшихъ надобностей, а остальное предоставило времени и собственнымъ усиліямъ общества.

LXVII. Мѣры Петра Великаго для введенія въ Россіи техническаго образованія.

(Изъ соч. Соколовскаго: «Петръ В., какъ воспитатель и учитель народа». Казань. 1873 г.).

Послѣ заботъ о распространеніи знаній по военному искусству и морскому дѣлу, Петръ особенно старался распространить, посредствомъ обученія, знанія, необходимыя для добывающей, обрабатывающей и передаточной промышленности. Учителями въ этомъ случаѣ были преимущественно иностранцы, призываемые въ Россію умножать промышленное дѣло вообще и обучать при этомъ русскихъ. Однако, въ послѣдніе годы царствованія Петра стало оказываться, что „иноземцы мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ“, такъ что велѣно было прежде всего свидѣтельствовать вывезенныхъ мастеровъ, знаютъ ли они свое дѣло, а потомъ, ежели окажутся искусными, „со всѣми мастерами, которые употреблены будутъ въ какую-нибудь фабрику и мануфактуру, договориться, чтобъ они изъ россійскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и время, во сколько выучить“.

Въ ученики могли поступать, главнымъ образомъ, свободные люди всякихъ чиновъ людей. Крѣпостныхъ же людей старались не иначе допускать, какъ только съ отпускной отъ помѣщика, а бѣглыхъ сначала совсѣмъ запрещали принимать какъ заводчикамъ, фабрикантамъ, такъ и мастеровымъ. Съ 1722 года замѣтно колебаніе правительства относительно допущенія бѣглыхъ крестьянъ на заводы. Указомъ 18-го іюля 1722 года разрѣшено было, до возвращенія государя изъ похода: не отдавать бѣглыхъ помѣщикамъ. Этотъ указъ не былъ отмѣненъ, и въ указѣ слѣдующаго года (Демидову) также не запрещалось держать учениковъ изъ бѣглыхъ. Исключеніе составляли бѣглые солдаты. Въ маѣ 1724 года встрѣчаемъ противорѣчащее предъидущимъ распоряженіе сената: „какъ на заводы, такъ и въ приписныя къ нимъ слободы бѣглыхъ не принимать“. Петръ не довольствовался добровольно поступающими

учениками: онъ издавалъ указы, требовавшіе чего-то въ родѣ небольшихъ наборовъ для обученія какому-нибудь мастерству.

Такъ, въ 1711 году государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человѣкъ, которые были бы лѣтъ по 15-ти или 20-ти, и умѣющихъ писать, чтобъ роздать въ ученики къ мастерамъ по разнымъ дѣламъ.

Потомъ велѣно было адмиралтейской коллегіи опредѣлять сиротъ послѣ умершихъ офицеровъ для обученія, по разсмотрѣнію ея, грамотѣ и въ мастерство, „кто куда пристойны". Кромѣ этихъ мѣръ касающихся поступленія учениковъ, дальше придется встрѣтиться и съ частными распоряженіями подобнаго рода.

Для обученія не было устроено особенныхъ школъ, гдѣ бы преподавались теоретическія или даже просто техническія научныя и практическія свѣдѣнія, кромѣ школъ въ Екатеринбургѣ и въ адмиралтействѣ. Учили же большею частію при самомъ отправленіи дѣла, безъ учебниковъ, и очень возможно, безъ строгой системы и порядка. „Выписывая и вызывая иностранныхъ мастеровъ изъ-за границы, — говоритъ Афанасьевъ,—Петръ въ то же время посылалъ своихъ подданныхъ въ чужіе края учиться мануфактурамъ и ремесламъ". Такія посылки начинаются съ перваго его путешествія по Европѣ (1698 г.). Въ 1700 году онъ заставилъ многихъ мѣщанъ послать своихъ дѣтей на казенный счетъ въ Амстердамъ, Лондонъ, Тулонъ, Брестъ и др. извѣстные города, назначивъ, чему именно каждый долженъ учиться. Съ этого времени отправка молодыхъ русскихъ за границу продолжалась безпрерывно, но извѣстія объ этомъ неполны и отрывочны.

Именнымъ указомъ 3-го декабря 1723 года велѣно было мануфактуръ-коллегіи „для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для искусства художества посылать въ чужіе края изъ молодыхъ людей такихъ, которые къ такому обученію склонны, и для того ихъ обнадежить, что фамиліи ихъ даны будутъ нѣкоторыя привилегіи по разсмотрѣнію ихъ науки, они-жъ награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія, жалованьемъ".

Чтобы вполнѣ представить, какого рода промышленнымъ знаніемъ и въ какихъ размѣрахъ началось обученіе при Петрѣ, нужно припомнить то большое число фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, которое возникло по иниціативѣ государя, число мастеровъ разнаго рода, выписанныхъ и работавшихъ въ Россіи. Самое основаніе промышленнаго заведенія, мастерской, даетъ право предполагать, что рабочимъ ихъ придется обучаться тому или другому, мастерамъ придется сообщать свѣдѣнія, не дожидаясь объ этомъ указовъ свыше. Подробнымъ свѣдѣніямъ объ обученіи повсюду трудно было сохраниться: факты же, почерпнутые изъ законодательства, не раскроютъ всѣхъ, но только главнѣйшія стремленія и усилія Петра въ дѣлѣ обученія народа промышленности.

Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ старался научить свой народъ добывать руды и обдѣлывать добытое.

Въ 1710 году въ жалованной грамотѣ греку Левандіану ставится ему въ заслугу то, что онъ на основанныхъ имъ серебряныхъ заводахъ въ Нерчинскѣ „выучилъ тамошнихъ жителей нѣсколько человѣкъ тому мастерству". Въ 1711 году говорится о русскихъ ученикахъ руднаго дѣла,—всѣхъ ихъ велѣно было послать въ сибирскую губернію: тамъ по сыску явились серебряныя и желѣзныя руды. Ученикамъ шло жалованье.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились объ ученьи на мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ.

Извѣстно. что Петръ всегда принималъ близко къ сердцу все, способствовавшее развитію у насъ горнаго дѣла. Самыми дѣятельными помощниками въ этомъ случаѣ явились Татищевъ и Геннингъ, или Геннинъ; особенно много они сдѣлали для сибирскихъ заводовъ: можно сказать, создали ихъ.

Татищеву было поручено завѣдываніе сибирскими заводами только въ 1720 году. Съ нимъ, кромѣ нѣсколькихъ мастеровъ, отправились еще 4 ученика артиллерійской московской школы и двое рудныхъ учениковъ съ олонецкихъ заводовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ, недостатокъ въ мастерахъ и людей грамотныхъ. И вотъ, лѣтомъ 1721 года, съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, учреждены были имъ школы въ Кунгурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, въ которыя собраны умѣющія грамотѣ дѣти подъячихъ и церковнослужителей, а въ уктусскую школу поступили, кромѣ того, многіе сыновья мастеровъ, рабочихъ и солдатъ. Въ этихъ школахъ назначено было обучать ариѳметикѣ, геометріи и прочимъ горнымъ дѣламъ. Главною цѣлью ученья было приготовленіе къ службѣ горной... Татищевъ просилъ учителей у сибирскаго губернатора, но получилъ отвѣтъ, что „для обученія ариѳметики и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ“. Поэтому онъ поручилъ обучать въ этихъ школахъ изъ-за должности шихтмейстерамъ (рудничнымъ смотрителямъ) изъ артиллерійскихъ школьниковъ... Учащимся въ школахъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ съ Бліеромъ 24-го декабря 1721 года опредѣлили каждому по полтора пуда въ мѣсяцъ ржаной муки и по рублю въ годъ на платье, а тѣмъ, у которыхъ отцы зажиточные, либо, находясь при церквахъ или въ службѣ заводской, получаютъ болѣе 10-ти рублей въ годъ, ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить тройного правила: тогда и имъ выдавать то же содержаніе, какое назначено сиротамъ. Кромѣ учениковъ, взятыхъ въ школу для приготовленія къ горной службѣ (Татищевъ) велѣлъ принимать и постороннихъ желающихъ, „имая себѣ за трудъ отъ родителей по возможности ихъ, а отъ неимущихъ ничего не требовать“. Въ одной изъ школъ въ августѣ 1721 года было 29 учениковъ, и двое изъ нихъ учили уже тройное правило, а въ другой, къ началу 1722 года. двадцать семь.

Мѣсто Татищева, отозваннаго въ концѣ 1721 года въ Москву, занялъ Геннингъ, знатокъ горнаго дѣла. Инструкціей, данной ему, предписывается обратить вниманіе на литье пушекъ, дѣлать укладъ, сталь, жесть, досчатое и кровельное желѣзо, устроить машины для рѣзанья желѣза и для проволочнаго дѣла, „и которые похотятъ тому всему отъ партикулярныхъ заводовъ учиться, и такихъ учить“. Къ сожалѣнію, болѣе извѣстны факты объ его неутомимой дѣятельности вообще по умноженію и исправленію заводовъ, а не его заботы объ обученіи русскихъ. Извѣстно, напримѣръ, что на мѣдноплавильнѣ Кунгурскаго уѣзда онъ надѣялся съ плавкой металла начать обученіе русскихъ людей, далъ Демидову плавильнаго мастера для очищенія мѣди и обученія его людей и хотѣлъ послать къ нему горнаго ученика, для указанія какъ вести штольны и шахты. Имъ же была выстроена и школа въ Екатеринбургѣ, гдѣ стали обучать горнымъ наукамъ. Во время же управленія Геннинга, при посредствѣ Татищева, состоялся указъ объ устройствѣ фабрики, гдѣ бы обучали крестьянъ дѣлать складные и столовые ножи, ножницы,

бритвы и т. п. желѣзныя издѣлія. Всѣ эти свѣдѣнія, такъ заботливо распространяемыя Петромъ, Татищевымъ и Геннингомъ, носили характеръ элементарныхъ. Но ими не удовольствовался Татищевъ. Въ сентябрѣ 1724 года онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей вѣдомости о сибирскихъ заводахъ: „потребно послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли“. Эта мысль нашла энергическую поддержку въ Петрѣ. Поручивъ русскому посланнику Бестужеву добиться позволенія у шведскаго сената на помѣщеніе русскихъ учениковъ, онъ скоро отправилъ съ Татищевымъ 22 ученика адмиралтейской и артиллерійской школъ. Татищеву удалось все устроить уже послѣ смерти Петра.

Въ 1712 году велѣно было губернаторамъ выучить около 300 кузнецовъ и столяровъ дѣлать ружья. Въ случаѣ же недостатка ружейныхъ мастеровъ по губерніямъ, велѣно выслать такое же число на тульскіе оружейные заводы, снабдивъ деньгами, провіантомъ и одеждой на дорогу. Указомъ слѣдующаго года опредѣлено, по скольку именно на человѣка,— по 10 алтынъ, по полуосьминѣ, по мундиру сермяжному и по шубѣ. Этотъ же указъ говоритъ, что отъ посланныхъ на тульскіе заводы иные бѣжали съ дороги, или съ заводу.

Въ 1717 году велѣно было компаніи Томилина, братьевъ Рюминыхъ съ товарищами, устроить игольный заводъ „и русскихъ людей тому игольному мастерству обучать, а во ученье брать въ Москвѣ и въ Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни, и тѣмъ ученикамъ быть при томъ дѣлѣ до совершеннаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ кампанейщикамъ на своемъ коштѣ“. Въ 1722 году компанія извѣщала, что мастеровъ и учениковъ съ 40 человѣкъ могутъ иглы дѣлать сами; новымъ указомъ подтверждено: „россійскій народъ обучать во всемъ противъ заморскаго дѣла иглъ“.

Кромѣ упомянутыхъ заводовъ и фабрикъ, учились обработкѣ металловъ и на другихъ.

Впрочемъ, не на однихъ фабрикахъ и заводахъ хотѣли учить русскихъ. Такъ, въ 1715 году Петръ велѣлъ сыскать изъ шведовъ кузнецовъ добрыхъ, взять во всякую губернію по 2 человѣка и велѣлъ имъ учить кузнечному дѣлу русскихъ, въ которой губерніи сколько содержать можно. При типографіяхъ учили гравировальному художеству, пунсонному и словолитному дѣлу.

Въ извѣстіяхъ Пекарскаго о типографіяхъ XVIII ст. упоминаются нѣсколько русскихъ, обучавшихся у Шюнебека, „грыдорованнаго дѣла мастера“ Пикарда и Никитина. Въ основанной по именному указу въ 1711 г. петербургской типографіи и для обученія россійскаго народа типографскому дѣлу, по словамъ директора этой типографіи Аврамова, „пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ, а грыдоровальныхъ дѣлъ мастеры и живописецъ здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи наилучшую науку получили, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцевъ не токмо грыдоровальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые при домѣ его и. в. въ своихъ мастерствахъ чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы“. По словамъ Голикова, велѣно было въ 1719 году Скор-

някову-Писареву отправить въ Москву для обученія гравированью двухъ одезистовъ.

Добыванію и обработкѣ металловъ русскіе учились и за границей. Въ 1711 году упоминается рудныхъ дѣлъ мастеръ Зубковъ, который „былъ того руднаго дѣла въ Саксоніи во ученьи“. Впослѣдствіи было поручено Татищеву взять изъ школъ молодыхъ людей и роздать въ Швеціи для наученія горному дѣлу, и онъ, дѣйствительно, роздалъ 16 русскихъ учениковъ на разные шведскіе заводы. Въ бытность въ Амстердамѣ Неплюевъ встрѣтилъ русскихъ, учившихся мѣдному ремеслу. По словамъ Соловьева, отъ 1722—24 гг., возвращались домой учившіеся въ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые; между ними мастеровъ замочнаго и мѣднаго дѣла 4, мѣднаго литейнаго дѣла 2, грыдоровальнаго одинъ. Давъ имъ вспоможеніе на первое обзаведеніе, объявили, чтобы они учили русскихъ учениковъ.

Петръ заботился обучать русскихъ и обработкѣ минераловъ. Въ 1724 году въ письмѣ къ Куракину о томъ, чтобы онъ отъискалъ мастера, умѣющаго выдувать круги стеклянные прямо и чисто, съ подмастерьемъ, Петръ предполагаетъ поставить такому мастеру однимъ изъ условій то, „чтобъ онъ и русскихъ выучилъ“. Немедленно по возвращеніи изъ путешествія, Петръ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣщанъ въ Голландію для изученія каменнаго мастерства и лучшаго способа обжигать кирпичъ, и выписалъ изъ Голландіи каменьщиковъ и кирпичниковъ въ Петербургъ, которымъ отдалъ на обученіе русскихъ. Въ 1700 г. онъ велѣлъ сибирскимъ воеводамъ отдавать на обученіе по 2—3 человѣка тобольскимъ кирпичникамъ и каменьщикамъ. Такъ какъ петербургскимъ и московскимъ жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ велѣно было крыть строенія только гонтомъ и черепицей, а петербургскіе гонтовые заводы не удовлетворяли требованіямъ, то велѣно было помѣщикамъ ближнихъ уѣздовъ прислать на гонтовые заводы своихъ крестьянъ и людей для обученія, которое можно окончить въ день или два. Для обученія же москвичей велѣно было послать въ Москву изъ „малороссійцевъ, да изъ Смоленска по 3 человѣка съ пристойными инструментами; и сдѣлавъ нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оные дѣлать для образца... разослалъ по всѣмъ градскимъ воротамъ. Буде же кто похочетъ тому обучать людей и крестьянъ, и таковыхъ велѣть обучать онымъ же мастерамъ безъ денежной платы“.

Петръ Великій заботился обучить русскихъ улучшеннымъ способамъ добыванія и обработки продуктовъ растительнаго царства.

Петромъ была сдѣлана попытка научить крестьянина снимать хлѣбъ болѣе лучшимъ способомъ, чѣмъ переданное отъ прадѣдовъ жнитво серпомъ. „Понеже въ здѣшнихъ краяхъ,—говорится въ именномъ указѣ Голицыну,—въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссахъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ, хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что предъ нашими серпами гораздо скорѣе и выгоднѣе, что средній работникъ за 10 человѣкъ сработаетъ, того для сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣскольку человѣкъ для обученья, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами“. При этомъ Петръ писалъ къ подпоручику Болотову: „принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человѣкъ и ѣхать съ ними въ Тамбовъ съ поспѣшеніемъ, дабы можно было съ ними поспѣть къ тому времени, какъ начинаютъ первой хлѣбъ снимать и, будучи дорогою, ихъ беречь, дабы не разбѣжались“.

Желая умноженія пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ, Петръ велѣлъ: „гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать. дабы обучали крестьянъ“. Такъ какъ при бракованіи льну и пеньки оказалась нужда для Петербурга въ бунтныхъ вязальщикахъ, то велѣно было выслать изъ ближнихъ деревень 5 мастеровъ, живущихъ безъ дѣла для обученія другихъ. Въ провинціяхъ же учить чистить пеньку и вязать бунты поручалось промышленникамъ, скупающимъ пеньку, пока уѣздные и градскіе люди въ обычай себѣ не примутъ.

Стремясь на основаніи „Духовнаго регламента“ ввести въ женскіе монастыри рукодѣлья, правительство старалось обучить незнакомыхъ съ послѣдними монахинь и готовящихся къ постриженію. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ сунодскій указъ 11 сентября 1722 г. Рукодѣлья, которымъ должно было обучать, раздѣлены этимъ указомъ на: 1) честныя (почетныя?), какъ: шитье, низанье и т. п., и 2) прядильное мастерство, „нынѣшнее“, болѣе удобное сравнительно съ прежнимъ. Одному изъ первыхъ, по свободному выбору, велѣно было обучать монахинь, происходящихъ отъ благородныхъ и честныхъ родителей, прядильному же мастерству монахинь изъ простонародья и тѣхъ изъ благородныхъ, которыя не хотятъ или не могутъ заниматься честнымъ рукодѣльемъ. Монастыри были обязаны обучать всѣхъ въ 2 или 3 мѣсяца со времени полученія указа. Учить прядильному мастерству посылались мастерицы изъ села Покровскаго (гдѣ была фабрика для пряжи льна). Въ 1724 г. велѣно было дѣвочекъ сиротъ и подкидышей обучать въ монастыряхъ грамотѣ. а также пряжѣ, шитью, плетенью кружевъ и для этого „выписать изъ Бробандіи сиротъ, наученныхъ въ монастыряхъ“. Въ меморіи Петра, относящейся къ этому указу, добавлено: „также хотя бъ по одному монастырю, чтобъ и языки при томъ“. Такимъ образомъ, Петромъ были сдѣланы попытки, хотя и слабыя, ввести образованіе и въ среду женщинъ.

Русскихъ еще учили при Петрѣ на заводахъ и фабрикахъ ткать полотна, скатерти, салфетки, тики, при чемъ ученикамъ платилось жалованье. Голиковъ упоминаетъ про учениковъ на парусной фабрикѣ Тиммермана. Петръ отправилъ въ Голландію Короткина для обученія бумажному (писчей бумаги) мастерству, и въ 1710 году, по его возвращеніи, на основанную бумажную фабрику и мельницу отдано ему нѣсколько молодыхъ людей въ ученики.

Петръ стремился научить русскихъ разнымъ родамъ строительнаго искусства. Неплюевъ упоминаетъ про русскихъ, учащихся въ Амстердамѣ столярному ремеслу. Для обученія строенія мазанокъ Петръ велѣлъ выставить въ Москвѣ нѣсколько образцовъ во всякомъ лѣсномъ ряду. Въ одномъ указѣ 1712 г. упоминаются ученики при архитектурахъ. Неплюевъ говоритъ, что въ 1716 году посланы были во Францію для обученія архитектурѣ 4 человѣка. Въ 1723 г. велѣно было двухъ архитектурныхъ учениковъ, находящихся въ Римѣ, взять въ Петербургъ и опять послать вмѣсто нихъ столько же въ Италію, а отъ 1724 года уцѣлѣлъ указъ, данный русскому агенту фонъ-деръ-Бургу относительно 4-хъ учащихся въ Голландіи и Брабандіи наукѣ архитектурной. Петръ велѣлъ ему надзирать, „чтобъ они выучили манеръ голландской архитектуры, а особенно фундаменты, которые нужны здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и тонкости стѣнъ, къ тому бы обучились строенію огородовъ, какъ ихъ размѣривать и украшать, такожъ бы и слюзному дѣлу обучались, которое здѣсь зѣло нужно, и чтобъ они сему послѣд-

нему паче первыхъ учились. И для того, гдѣ такая работа въ Голландіи случится, туда ихъ и посылай для практики". Съ обученіемъ архитектурѣ шло обученіе и тѣсно связанному съ ней инженерному искусству и механикѣ. Такъ, въ 1715 г. царь писалъ: „Суворова и Туваркова отправить въ Марданъ (у Соловьева въ Мардинъ), гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ океана въ Медитеранское море проведенъ, и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли-бъ у тѣхъ фабрикъ учиться". Неплюевъ упоминаетъ о 4-хъ русскихъ, учащихся въ Амстердамѣ экипажеству и механикѣ. О Нартовѣ, посланномъ усовершенствовать свои знанія за границу, въ отзывѣ президента французской академіи говорится, что онъ „при изученіи учинилъ великіе успѣхи въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается до токарнаго станка", говорится о „чистотѣ, исправности и субтильности" его токарныхъ издѣлій. Нартовъ впослѣдствіи (1723 г.) былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ.

Но гораздо болѣе Петръ заботился обучать русскихъ кораблестроенію и судостроенію. Обученіе кораблестроенію началось очень рано. Такъ, отъ 1692 г. сохранилось письмо 16 мостильщиковъ (плотниковъ) корабельнаго дѣла, обученныхъ самимъ государемъ-плотникомъ, при участіи и руководствѣ котораго они строили нѣсколько судовъ и первый военный корабль. Большая часть изъ 30 волонтеровъ великаго посольства была отдана въ Голландіи учиться — кто корабельному дѣлу, кто мачтовому, ботову, парусному, кто дѣлать блоки. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ пошло дѣло обученія съ учрежденіемъ адмиралтейства, гдѣ должны были работать 1000 человѣкъ изъ рекрутъ и матросовъ, кромѣ гардемариновъ. Здѣсь должно было быть по 3 человѣка учениковъ у мастеровъ корабельныхъ, галерныхъ, ластовыхъ судовъ, камельныхъ, мачтовыхъ, ботовыхъ, шлюпочныхъ, машинныхъ, парусныхъ, весельныхъ, блоковыхъ. Въ адмиралтействѣ же учили и нѣкоторымъ другимъ ремесламъ, болѣе или менѣе касающимся кораблестроенія. Котельники, паяльники, слесари, ложники, рѣщики, компасники, оконнишные, фонарные, печники, трубочисты, прядильщики, парусные швецы, конопатчики, пильщики, столяры, токари, свѣчники должны были имѣть при себѣ учениковъ. При коммисарѣ надъ лѣсами, на обязанности котораго лежалъ осмотръ и правильная выдача доставляемаго лѣса и отчетность, были также ученики. Кромѣ того, у каждаго мастера всякаго мастерства должны были быть по 2 подмастерья. „Всѣ, какъ корабельные, такъ и прочихъ художествъ мастера должны учениковъ данныхъ имъ со всякимъ прилежаніемъ учить, не скрывая ничего, понеже за то имъ опредѣлено награжденіе. И которые ученики тщательно будутъ приниматься или нѣтъ, о томъ мастерамъ подавать вѣдомости оберъ-сарваеру", подъ вѣдѣніемъ котораго находились всѣ мастера. Замѣчательно распоряженіе, которымъ не велѣно было мастеровыхъ людей переводить отъ одного мастерства къ другому, — это дѣлалось затѣмъ, чтобы „лучше въ своемъ художествѣ обыкли". Для дѣтей плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей адмиралтейства велѣно было устроить школу и обучать грамотѣ, цыфири и „платъ-геометріи", чтобы потомъ могли добрыми мастеровыми быть. Для распространенія въ Россіи вмѣсто староманерныхъ судовъ — новыхъ: ботовъ разной величины, еверсовъ, гальотовъ и др., Петръ не только запрещалъ строить прежнія суда, но и посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства, чтобы обучать этому

дѣлу. Посланные большею частію строили въ разныхъ мѣстахъ образцовыя суда, по которымъ окрестные жители сами могли бы учиться новому судостроенію. Такъ, упоминаются образцовыя суда на Ладогѣ, Вышнемъ Волочкѣ, въ Твери, Дѣдиновѣ московской губ., въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1719 г. велѣно было подмастерью корабельнаго дѣла Сурмину ѣхать въ ярославскій и романовскій уѣзды съ приказаніемъ дѣлать романовки по новому образцу, какой сдѣланъ въ Петербургѣ плотниками-крестьянами ярославскаго уѣзда, и объявить по пріѣздѣ имена послѣднихъ, чтобы судохозяева могли нанимать ихъ, а другіе учиться отъ этихъ плотниковъ. Указъ 11 января 1723 г. говоритъ, что на Олонцѣ промышленники уже изучены въ судовомъ строеніи, а ученика корабельнаго дѣла Илью Нѣмцева, бывшаго тамъ, нужно перемѣстить въ низовые города, гдѣ одному Шпаку трудно находиться въ разныхъ мѣстахъ у судостроенія. Посылались въ мѣста судостроенія, конопатчики, учить крѣпко конопатить новоманерныя суда.

Наконецъ, Петръ Великій заботился научить русскихъ добыванію и обработкѣ нѣкоторыхъ продуктовъ животнаго царства.

Такъ, въ завоеванную отъ Персіи провинцію Гилянь, богатую тутовыми садами, Петръ посылалъ молодыхъ людей изъ астраханцевъ и кизлярцевъ учиться шелководству. Въ 1718 г. позволено было армянину Сафату Васильеву на заводимый имъ заводъ для дѣланія шелку-сырцу нанимать въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ, съ платежемъ за труды достойной платы. Изъ донесенія его (въ указѣ 20-го мая 1726 г.) видно, что „къ обученью въ работу у него наняты городскіе обыватели армяны, тезики и черкасы, а также и кочевые татары 10 кибитокъ... тѣ ученики и работники оному шелковому дѣлу являются заобычайны“.

По предложенію Кассиса (1724 г.) — выписать италіанскихъ мастеровъ, какъ не только очень искусныхъ въ уходѣ за шелковичными червями, въ приготовленіи шелка и въ выдѣлкѣ разнаго рода шелковыхъ матерій, но и могущихъ научить всему этому русскихъ безъ большихъ издержекъ, Петръ поручилъ ему доставить въ Россію такихъ „мастеровъ шелковыхъ, которые около червей ходятъ и шелкъ строить по-италіански умѣютъ“, также бархатныхъ и легкихъ парчей мастеровъ и отправить въ Италію русскихъ ребятъ для ученья; но „ежели скорѣе поймутъ, нежели опредѣленный срокъ ученикамъ, то бы ихъ, освидѣтельствовавъ, прислать, хотя-бъ на то и особливое иждивеніе употребить“. Больше вниманія Петръ обращалъ на обученіе фабричному производству шелковыхъ матерій. На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ приготовлялись позументы, тесьмы, шнурки, Петръ отдалъ иноземцамъ въ ученье русскихъ молодыхъ людей изъ бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ и мѣщанъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ эту первоначальную фабрику и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, и государь разспрашивалъ ихъ о занятіяхъ. Объ основанной въ 1714 г. по повелѣнію Петра „для народнаго обученія“ шелковой фабрикѣ Милютина, научившагося самоучкой ткать шелковыя матеріи, послѣдній въ 1717 г. доносилъ, что онъ нанялъ мастера армянина для чистки пряжи и крашенья шелковъ съ платой 300 рублей, да сверхъ того поилъ и кормилъ, „а за тое плату училъ на моемъ же харчѣ учениковъ 6 человѣкъ и изъ того числа годныхъ обучилось 4 человѣка...“ Нанялъ еще „мастера гамбургца на 3 года, и платы ему плачу по 330 рублевъ на

годъ... и обѣщалъ этотъ оный мастеръ выучить 15 человѣкъ русскихъ людей ленты и позументы ткать, гладкіе и фигурные узоры набирать и рисовать, чему онъ самъ умѣетъ; а вышеупомянутые ученики и работники всѣ на моемъ хлѣбѣ, также и на одежду даю имъ плату и набираю учениковъ изъ убогихъ людей, и держу съ записьми, а за записи плачу пошлины я же своими деньгами; въ томъ числѣ есть ученики добрые, а иные и злые: не хотятъ учиться и добрыми людьми быть, бѣгаютъ, покиня мастерство и противъ записей не держатся". При основаніи шелковой фабрики Шафировымъ и Толстымъ (1718 г.), было дано имъ право свободнаго найма въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ.

Упоминается мастеръ и ученики воскобѣлильнаго завода.

Въ концѣ одного именного указа прибавлено: „мастера послать, дабы выучить солить треску".

Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, правительство нашло нужнымъ научить русскихъ болѣе правильнымъ пріемамъ овцеводства, а для этого составило и объявило „регулы, какъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію". Нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, слѣдуя этимъ правиламъ, начали получать шерсть, которая стала цѣниться вчетверо дороже противъ прежней. Впослѣдствіи то же самое было еще разъ подтверждено малороссіянамъ особымъ манифестомъ, обнадеживавшимъ ихъ милостью: „а мастеровъ, которые будутъ каждаго наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи". Около этого времени (1724 г.) Петръ хотѣлъ „послать Румянцову на Украйнѣ ордеръ..., чтобы высылалъ своихъ людей для изученія ходить за овцами и баранами, такожъ чтобъ они научились стричь и порядочно выдѣлывать шерсть". Въ томъ же году состоялся именной указъ: „въ Шлезію для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержатъ и довольствуютъ и стригутъ и шерсть въ дѣло употребляютъ, послать изъ мануфактуръ-коллегіи коммисаровъ майора Кологриваго и къ нему придать и дворянъ и молодыхъ двухъ человѣкъ и съ ними изъ русскихъ овчаровъ, которые къ тому уже позаобычайные, сколько человѣкъ пристойно..."; ихъ оставить тамъ года на два.

Еще въ 1705 г. упоминаются ученики суконнаго дѣла; ихъ вмѣстѣ съ мастерами и работниками поручено было вѣдать судомъ и расправою Меншикову и не велѣно было брать съ нихъ никакихъ податей, кромѣ двороваго тягла. При заведеніи одной изъ суконныхъ фабрикъ въ 1719 году велѣно было Петромъ „смотрѣть на крѣпко..., дабы россійскій народъ оной фабрики обучались съ прилежаніемъ". Такъ какъ оказалось, что „нѣкоторые изъ россійскаго народа трудолюбивые и тщательные ко оной фабрикѣ шерсть прясть и ткать научились, а красить и лощить, и гладить и тискать, суконъ простригать и ворсить еще необыкновенны: для того всѣхъ тѣхъ мастерствъ договариваясь съ мастерами, обучать ихъ россійскаго народа безкорыстно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ россійскихъ людей было довольное число; а которыхъ мастеровъ при томъ суконномъ дѣлѣ нынѣ нѣтъ, и такихъ оной компаніи изъ иноземцевъ добраго мастерства и принадлежащіе инструменты выписывать самимъ". Требованія правительства основывались и на томъ, что оно дало этой компаніи 30,000 руб. заимообразно съ правомъ уплачивать этотъ долгъ приготовленными на фабрикѣ сукнами.

Были также ученики на шпалерной фабрики. Желая ввести въ Россію улучшенные способы кожевеннаго производства, Петръ старался обучить имъ русскихъ промышленниковъ: „понеже юфть, — говорится въ указѣ 1715 года,—которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, расползывается и вода проходитъ: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры въ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года". Невыучившимся запрещено подъ угрозой ссылки въ каторгу приготовлять юфть по прежнему.

Въ 1718 году подтвержденъ этотъ указъ чрезъ промышленниковъ, которые „учились" уже дѣлать кожи съ ворваннымъ саломъ. Въ 1717 г. состоялся указъ о высылкѣ изъ городовъ, гдѣ есть кожевенные заводы, по два и больше мастеровыхъ людей „къ кожевенному обученію"..

Въ 1719 г. велѣно было послать иноземцевъ-мастеровъ юфтянаго дѣла для обученія русскихъ людей въ Кіевскую и Азовскую губерніи, по 2 человѣка. На учрежденномъ въ Казани заводѣ пумповыхъ кожъ, по донесенію Кудрявцева (1720 г.) „англичанинъ, пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри учениковъ, повидимому, учитъ прилежно и ученики сказываютъ, что они въ чемъ отъ нихъ не скрывается..." Наконецъ, Петръ посылалъ въ Англію молодыхъ людей учиться выдѣлкѣ кожъ.

Отношенія, въ какія былъ поставленъ закономъ промышленный ученикъ къ людямъ, завѣдывавшимъ его обученіемъ,—къ мастерамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ,—во многихъ случаяхъ сходны съ отношеніями, въ какія былъ поставленъ по закону тогдашій работникъ къ капиталисту, но отъ введенія новаго элемента обученія эти отношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали различаться.

Такъ, завѣдывавшіе обученіемъ должны были желать вознагражденія за свои труды и заботы, и законъ позаботился объ этомъ. Хотя по указамъ отъ ученика не требовалось денежной платы за ученье, а напротивъ правительство и частныя лица безденежно предлагали свои услуги желающимъ учиться, платили жалованье мастеровымъ-учителямъ, даже часто давали харчи, одежду, „достойную плату", ученичье жалованье"; но зато за свои услуги и затраты правительство и частныя лица, фабриканты, заводчики и мастеровые, по закону, вознаграждались трудомъ обучаемаго и пользовались сообщенными знаніями не только во время самаго ученья, но и послѣ, — ученикъ долженъ былъ „заживать урочные годы". Обыкновенный срокъ былъ 7 лѣтъ, но иногда къ этому сроку прибавлялась еще трехлѣтняя обязательная работа въ качествѣ подмастерья. Сначала въ отдѣльныхъ указахъ, потомъ въ общемъ постановленіи, регламентѣ мануфактуръ-коллегіи, Петръ старался установить подобнаго рода вознагражденіе за обученіе, старался прикрѣпить учениковъ къ обучившимъ ихъ, предписывалъ наказаніе ученикамъ, бѣжавшимъ до срока, и назначилъ сторублевый штрафъ съ лицъ, умышленно переманившихъ къ себѣ на работу, а съ принявшаго неумышленно — обыкновенный штрафъ за бѣглаго. Послѣ наказанія, пойманнаго ученика обратно отдавали на заводъ или фабрику. По окончаніи ученья мастеръ, какъ дѣлалось въ чужихъ краяхъ, давалъ свидѣтельственное письмо о томъ, что ученикъ совершенно выучился, не то послѣдній не признавался за мастера. Въ концѣ 1723 г. законъ озаботился о промышленномъ уче-

никѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегіи предписано было ей „всякое попеченіе имѣть о ученикахъ", смотрѣть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамъ и мастерамъ", и чтобы ихъ „порядочно содержали". Мануфактуръ же коллегіи поручено и экзаменовать учениковъ.

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условій своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣгали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать.

Пріучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути, морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самого торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было „посылать въ чужіе краи торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 51 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣть здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно): чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человѣкъ 20 и роздать капиталистамъ сіе обое число изъ посадскихъ: къ тому-жъ коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей".

LXVIII. Отеческое поученіе.

(Изъ «Сочиненій» Посошкова).

Въ прошедшемъ 1708 году высокою державною властію Великаго нашего Россійскаго Государя Монарха посланъ ты, любезный и точію мой единый сыне и наслѣдниче, во Уропскія страны, ради обученія; въ какихъ дѣлахъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца и милостивѣйшаго нашего Великаго Государя еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано. Обаче азъ яко союзомъ естественнаго родительскаго сожалѣнія зря тя, яко суща плоть отъ плоти и кровь отъ крови моея, еще въ лѣтѣхъ юныхъ, кромѣ обученія приличныхъ наукъ, и яко бы еще браздины бумаги, на ней же ничто не писано, хощу отъ могущихъ случиться тебѣ лукавыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши и во благихъ поучатися потщишися. Ты, мой вожделѣнно любезный сыне и чадо! на время вижу я отъ очей моихъ тя отлучна, о спасеніи-жъ твоемъ временномъ, паче-жъ вѣчномъ имѣя попеченіе, сія послѣдующія поучительныя главизны въ пользу души твоея, тоже и для временныя твоея славы написахъ, и посылаю тебѣ, яко да такою же любовію, ею же тя единаго чада возлюбихъ, отца и матерь свою покорною сыновнею любовію насъ учествуеши. И сыне мой! егда отъ сердца происшедшія вѣрныя завѣщанія почасту будеши прочитати, потщишися по нимъ ходити, да тѣмъ своимъ благочестивымъ теченіемъ шествуеши ко Владыкѣ и Создателю своему Господу Богу, потомъ и Державнѣйшему нашему премилостивому Царю и Государю, также и намъ, родителямъ твоимъ, угодная сотвориши, себѣ

же сокровища паче всѣхъ тлѣнныхъ и привременныхъ богатствъ пріобрящеши.

Представляю ти должность твою, юже долженствуеши понимати вся дни временныя твоея жизни, како и на что Господь Богъ тя изъ ничтожества въ человѣкахъ бытна сотвори, украси тя по душѣ твоей умна, словесна, безсмертна. Подобіе Божіе въ человѣческой душѣ се суть: правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота, душевныя добродѣтели. Аще ли же сего подобна человѣкъ не будетъ имѣти, пріиметъ подобіе врага Божія.

Азъ родитель твой тебѣ дахъ точію тѣло, а не душу, ея же сотворитель есть Господь, иже отецъ духовъ нарицается; сотворена же есть на небесѣхъ, идѣже и отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси человѣцы начало имѣютъ; на земли же есьмы странницы и временные пришельцы: тѣло бо землено есть, а человѣкъ нѣсть тѣло, но душа въ тѣлѣ.

(По семъ слѣдовали многіе тексты изъ Священнаго писанія для утвержденія въ православной вѣрѣ и для убѣжденія юнаго странствователя во временныхъ и вѣчныхъ выгодахъ, которыя сопряжены съ послѣдованіемъ добродѣтели, и въ несчастіяхъ, неразлучныхъ съ безпорочною жизнію).

Представляю ти, о сыне мой любезный! путь жизни и благодати, таже и путь смерти, исполненный всякихъ золъ, но завѣщая, повелѣваю ти избрати путь благій, и бѣгати пути погибели.

Къ сему долженъ еси вину въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, его же прирожденный еси рабъ; и его Государскою повелительною властію нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишися въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражнятися довлѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхощетъ и благодатію жизнь его продлится, достойна себя сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ ти изволитъ употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день и часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная міра сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлы достигнемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣйно въ наукахъ провождати да потщишися. Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его изберешь, учити ариѳметику, яже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть: потомъ сокращенную Математику, яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру и Фортификацію, еже вѣдѣніе земного глобуса, также искусство земныхъ и морскихъ чертежей; компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ, не ради того, дабы тя сотворити инженеромъ, или корабельщикомъ, но егда изволеніемъ Самодержавнѣйшаго Монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то; инъ иноземецъ инженеръ въ случаѣ укрѣпленія коего града или мѣста, или во облежаніи непріятельской крѣпости тотъ дѣла

свои учнетъ исправлять, или въ вѣдѣніе науки, или недостатка ради твердаго искусства, или какого ради пристрастія, не право учнетъ къ шкодѣ или поврежденію цѣлости Великаго Государя градовъ или дѣлъ творить: тогда ты самъ, вѣдѣніемъ тѣхъ наукъ исполненъ, и окомъ ума своего и наукъ искуствомъ возможешь познати правду, или лукаво тотъ иноземецъ поступаетъ, и тѣмъ пріимешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіи-жъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ.

Не возбраняю тебя между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія въ тебѣ жизненныхъ духовъ, и честныя рекреаціи имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владати, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ ружьемъ владѣть, и въ протчихъ подобныхъ тѣмъ честнымъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть.

Да будетъ же тебѣ въ текущемъ времени всѣ 24 часа на различныя послѣдующія потребы еще раздѣлены; употребляй оные часы каждаго дня отъ утра и до вечера по сему предписанію.

Во утріе отъ спа пробудяся, ознамени лице свое святымъ крестомъ, и абіе возставъ, облачися, умой руце и лице свое. На се тебѣ 1 часъ.

Ставъ на молитву, во еже тебѣ бесѣдовати съ Царемъ небеснымъ и Господемъ Богомъ, отъ Него же всякія благодати Духомъ Святымъ изливаются, со вниманіемъ глаголи обычныя утреннія молитвы. На семъ тебѣ повелѣваю изнурятися 1 часъ.

Языку, его же избереши учитися, и грамматическія его правила, на се 2 часа.

Въ наукахъ другихъ обучатись даже до полудни, 3 часа.

Ожидая стола, погуляй, и на прочія честныя забавы 1 часъ.

Ясти не больше 1 часъ.

Потомъ паки погуляй, да не отяготятся духи чрезмѣрными ученія трудами, 2 часа.

Паки по полудни въ языкѣ или въ наукѣ учитись 3 часа.

Въ вечеру паки ясти, за столомъ сидѣть не больше 1 часъ.

На вечернія молитвы 1 часъ.

Спати, мню, довлѣетъ, аще не 7, то небольшее часовъ 8.

Всего имѣется всѣхъ часовъ 24.

Но во дни воскресные и торжествъ, по уставу православныя Церкви, егда наукъ ученія не бываетъ, повелѣваю въ тѣ дни, яко Господу Богу посвященные, въ вечеру вечерню, поутру возставъ, по обычныхъ утреннихъ молитвахъ, слушати полунощницу и прочую церковную службу; потомъ часъ обучатися во чтеніи святаго письма и кафиземъ, дабы ти твердо основатись въ артикулѣхъ святыя Восточныя вѣры, воеже непріяти тебѣ иностранныхъ тамо много различныхъ вѣръ. Некако вредительныя признанныя, но зѣло полезныя прочитай нравоучительныя книги, приличествующія юнымъ отрокамъ. Царя и пророка Соломона книги притчей, премудрости, Еклезіаста, тоже и книги Іисуса Сирахова. Паче же внимай писанное въ третьей тоя книгѣ главизнѣ, и въ тѣхъ всѣхъ многую пользу, наставляющу тя на истинный и правый путь Христіанскаго жительства, обрящешь.—Еже же обучатися и прочитати полезныя и нравоучительныя Восточныя Церкви святыхъ учителей сладостныя словеса. — Прочія же тщетныя глумительныя упражненія, наипаче пьянства тебѣ

удалятися твердо завѣщаю, и сію страсть, яко врага, ведуща на путь широкій пагубы, весьма бѣгай: ибо сіе пристрастіе яко душевная смерть есть, и въ коего человѣка сія страсть внидетъ, въ томъ никакимъ наукамъ, ниже ученію благому вселиться не можно. Еще долженъ еси, наипаче въ тѣ праздничные дни, помятовати о нищихъ, имъ же въ нарочной ковчезецъ нѣчто отложи, и по времени какова плѣнника, или иного убогаго, гладомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той породы и вѣры, произволеніемъ благимъ милостину подаждь, и всяко потщися тѣ освященные дни въ дѣлѣхъ благихъ, Господу Богу угодныхъ, проводити. Къ тому храни себе, во еже какими непристойными или грѣховными забавы оные святые дни не осквернити, и за то гнѣвъ Божій на ея навести.

Не забывай благодати къ себѣ Божіей. Воззри вспять и размысли, какое великое пространство морскихъ путей, разбіенія, запаленія и отъ разбойникъ невредна и цѣла тя Господь ангелы своими святыми сохрани, въ Голландію приведе, и паки коликой его всеможной сохранительной благодати еще себѣ и впредь требуеши, дондеже по многихъ дняхъ возвращенія твоего возможеши во отчину свою придти и насъ родителей и сродниковъ своихъ видѣти. И сей благодати, развѣ единаго точію Всесильнаго Господа Бога, его же недреманное око непрестанно зрить на человѣческія дѣла и начинанія,—никто отъ смерттыхъ человѣкъ тебѣ подати никакоже можетъ. Во вседневномъ же твоемъ обхожденіи съ людьми повелѣваю ко всѣмъ быть учтиву, ласкову и уклонну, смотря по человѣку, смотря обаче, да ни малыхъ знаковъ киченія, ниже неприличныхъ высокостей покажешь.

Егда въ службу себѣ случится тебѣ принять какова человѣка ради ученія языка, гораздо оберегайся и остерегайся, чтобъ тебя чѣмъ прельстивъ и подмѣтя, не обокрали, и того для, кромѣ при тебѣ Русскихъ сущихъ, кои съ тобою отпущены, никакой бы иноземецъ о деньгахъ при тебѣ обрѣтавшихся, не вѣдалъ. И тѣмъ деньгамъ приходъ и расходъ у себя вели записывать.

Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная и непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ препинаніемъ до тебе не дойдутъ деньги, не постигла-бъ тебя, будучи въ чужихъ дальныхъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобильство денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокую скупость тебѣ склонитися; но аще можно, и съ людьми на мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробыть по 100 ефимковъ, или гульденъ по 150 голландскихъ, и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было сносно и благопріемно, для того что 100 ефимковъ нашими русскими деньгами 90 рублевъ, и того въ годъ будетъ больше 1,000 рублевъ.

А тѣ 100 ефимковъ въ мѣсяцъ расположить въ сицевой расходъ:

На пищу общей честной столъ въ полденъ за 3 человѣка, по 15, а въ вечеру—по 10 стиверовъ; итого имѣется въ день 75 стиверовъ, въ мѣсяцъ 2287.

На питье для гостей, иногда случающихся, въ мѣсяцъ стиверовъ 390.

На одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочія мелочи всѣмъ на мѣсяцъ по 50 гульденъ, всѣмъ 600.

За іюнныя различныя при рекреаціи честныя забавы имѣется всего стиверовъ 5000, или гульденовъ 150, то-есть 100 ефимковъ добрыхъ.

И въ семъ усмотря по времени, можно въ иномъ убавить, а въ

номъ прибавить, на иные расходы нужные: на покупку книгъ, инструментовъ и иныя потребы держать оставляется, что по сей смѣтѣ удоволится. Тремъ человѣкомъ тѣми 100 ефимками на мѣсяцъ, а на весь годъ 1,200 ефимками жити мочно.

Сей же предѣлъ азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, но да научишися посреди преизобильства имѣти правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научитися, какъ въ семъ поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно простре шься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишняго расходу твоего и ненужнаго сберегись: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтится свѣтъ твой и дивенъ будеши иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже тя не точію во временномъ житіи, но во грядущей вѣчности не изреченнымъ воздаяніемъ нескончаемыхъ благъ сряшетъ.

И аще въ сехъ, мною тебѣ предписанныхъ, правилахъ каждое съ достойнымъ вниманіемъ, при житіи воздержномъ и чистомъ, честію вся исправляти потщишися, тогда великое себѣ сокровище, его же никто отъ смертныхъ человѣкъ, ниже кая стихія отъ тебѣ отлучити возможетъ, но присно даже до самыя кончины твоея вѣрно и неотлучно съ тобою пребудетъ.

Сія собранныя сокровища ти будутъ твердыя оружія, ими же можешь себѣ отъ всѣхъ лукавыхъ, видимыхъ и невидимыхъ стрѣлъ, невредна сохранити.

Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши; ибо натуральный человѣкъ, произшедшій отъ отца и матери, въ міръ сей ничто же имать. И къ тому да подастъ Господь Богъ тебѣ, моему прелюбезному чаду, духъ премудрости, духъ разума, духъ совѣта, духъ вѣдѣнія и страха Божія, еже азъ отецъ твой и мати и вси сродники твои тебѣ отъ всего сердца своего пріяти желаемъ, и Господа Бога молимъ, да въ пріобрѣтенныхъ ти вболишися наукахъ и правахъ благочестивыхъ, въ радость и веселіе наше, яко древле въ чистотѣ преславный отрокъ Іосифъ, въ старости отца своего Іакова зря, возвеселися, сего же и мы да сподобимся. Аминь.

LXIX. О пользѣ наукъ.

(Изъ «Духовной» Василія Никитича Татищева).

1) Главнѣйшее есть вѣра, въ которой ты хотя часть разговорами посторонне отъ меня наставливанъ, но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ законѣ Божіи поучаться день и нощь, и ревностно о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего, зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый—есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата, и сребра, и каменія драгоцѣнна; ей же ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: „аще бы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ". Къ которому нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, то-есть Библію и катихисмъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня

Златоустаго главное мѣсто имѣетъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго; также печатныя въ наше время: Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которыя за катихисмъ, а малый Букварь или Юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ; и сіи всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно; прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія оскудѣваютъ и неразсудному соблазнъ къ сумнительству отъ всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ, однакожъ тѣмъ не огорчайся, но разумѣй, что все оное къ благоугодному наставленію предписано и тщися подражать дѣламъ ихъ благимъ.

Потомъ, когда довольно въ законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныя нашей восточной церкви книги, яко люторскія, кальвинскія и папежскія читать, для того, что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до вѣры принадлежащіе, входимъ, и если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь; особливо папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ, ихъ духовныхъ остерегаться и невѣдующему довольно закона съ ними въ такіе разговоры вступать небезопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо о призываніи святыхъ, поклоненіи иконамъ и постахъ, кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдующіе закона Божія легко обманываются; на главнѣйшихъ же—такъ далеко, что едва можемъ ли ихъ за христіанъ, а никогда каѳоликами (какъ они хотятъ именованы быть) почитать и тѣмъ ихъ называть.

Если бы сколько довольно въ вѣрѣ не научился, или читаніемъ книгъ разума о вѣрѣ пріобрѣлъ и подлинно нѣкоторыя погрѣшности и неисправы, или излишки въ своей церкви быть возмнилъ; никогда явно ни для какого тѣлеснаго благополучія отъ своей церкви не отставай и вѣры не перемѣняй, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ; ниже въ жестокія или упрямыя пренія съ единовѣрными вдавайся, опасаясь, чтобъ у людей злого мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ можешь и претерпѣть, въ чемъ я тебѣ себя въ примѣръ представляю: я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сумнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ единою въ разговоръ или преніе вступалъ, но потому что я нѣкогда о избыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ закона Божія, токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо до днесь благодатію Божіею и великодушіемъ, презрѣвъ такія клеветы и злонамѣреніе ихъ, терпѣливостью преодолѣлъ, лицемѣрнымъ поступкамъ и фарисейскимъ ученіямъ не послѣдовалъ; тако и тебѣ совѣтую со всевозможнымъ прилежаніемъ отъ того охраняться и сіе есть главное въ твоей жизни.

2) Весьмажъ нужно тебѣ доучаться и о свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее — право и складно писать, затѣмъ ариѳметику и геометрію и хотя малую часть инженерства, что тебѣ необходимо нужно; для извѣстія о состояніи государства нашего — гисторію русскую, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь и ко оной примѣчанія и дополнки, изъ чуже-

странныхъ книгъ выписанныя на разныхъ бумагахъ; если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географіи русской, которую всему шляхетству русскому знать нужно, ея никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но докончать не надѣюсь, ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ сочиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу познать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества и для того, конечно, во младости надобно тебѣ уложеніе и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе неоднова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы, какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ (не меньше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать) научиться, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

LXX. Изъ „Разговора о пользѣ наукъ и училищъ" Татищева.

Вопросъ. Мой государь! я, видя ваши поступки съ вашимъ сыномъ, котораго вы хотя одного имѣете, но не пожалѣли въ такихъ молодыхъ лѣтахъ отъ себя отлучить и въ чужестранныя училища послать, прихожу въ недоумѣніе, какую бы вы изъ того пользу имѣть чаяли: ибо, по моему мнѣнію, въ дѣтяхъ намъ наибольшая есть польза, когда ихъ въ очахъ имѣемъ, по нашей волѣ содержимъ, наставляемъ и ими веселимся; противно же тому отлуча онаго и не всегда вѣдая о состояніи его, а паче о благополучіи сумнѣваяся, въ страхѣ и печали пребывать и онаго ищемаго увеселенія добровольно лишиться нужно.

Отвѣтъ. Любезный мой друже, вы мнѣ положили вопросъ, видится, противо вашего благоразумія, и что вы о увеселеніи отъ дѣтей полагаее, оное токмо видимое, а не истинное; истинное бо увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ и способность къ пріобрѣтенію добра, а отвращенію зла: разумъ же безъ наученія и способность безъ привычки или искусства пріобрѣтена быть не можетъ; итакъ, чтобъ разуменъ былъ, надобно ему прежде учиться; если же того съ младенчества не пріобрѣтетъ, то онъ, въ природной злости и невѣжествѣ остався, буйствомъ и непорядками всегдашнюю печаль и страхъ вѣчной погибели; противно же тому во младенчествѣ малымъ отлученіемъ опечаля, разумомъ науки вѣчное увеселеніе приносить будетъ.

Вопросъ. Ваше, государь мой, разсужденіе изрядно, токмо мнѣ сумнительно, чтобъ подлинно благополучіе человѣка въ наукѣ состояло: ибо приклады видимъ довольные, что неученые въ великомъ благополучіи, богатствѣ и славѣ, а ученые въ убожествѣ и презрѣніи находятся.

Отвѣтъ. Вы, повидимому, истину сказали, и намъ такъ всегда со стороны кажется, что кто въ богатствѣ и славѣ живетъ, тотъ въ совершенномъ благополучіи живетъ, токмо въ томъ весьма ошибаемся: ибо ежелибъ на ихъ внутреннее состояніи посмотрѣли, тобъ, конечно, иначе разсуждали и суще нашли бы, что оные отъ недостатка разума всегда

тѣмъ, что они есть и что имѣютъ, недовольны, но всегда большаго, чести или увеселенія или богатства, желая, а довольно никогда получить могуще, непрестанно совѣстію мучася въ безпокойствѣ пребываютъ; противно же тому разумный человѣкъ, не взирая на другихъ объ немъ мнѣнія, самъ всѣмъ доволенъ и совѣстію спокоенъ, а когда оное пріобрѣлъ, то ему равно какъ бы онъ всея земли владѣтель былъ.

Вопросъ. Сіе хотя правда, что благоразумный человѣкъ и въ убожествѣ довольнѣе, нежели глупый въ богатствѣ и чести, но я васъ прошу прежде мнѣ сказать: что̀ есть наука?

Отвѣтъ. Наука главная есть, чтобъ человѣкъ могъ себя познать.

Вопросъ. Сія отповѣдь приводитъ меня въ недоумѣніе, ибо не мню, чтобъ человѣкъ, какъ бы оной глупъ не былъ, да себя не зналъ.

Отвѣтъ. Правду вы сказали, что онъ можетъ имя свое знать и чувствами внѣшнее, а не внутреннее познавать,—да сіе недовольно.

Вопросъ. Что̀ есть внутреннее знаніе?

Отвѣтъ. Я не хощу васъ отягощать знаніемъ свойства и состоянія человѣка, что онъ состоитъ изъ вѣчнаго и временного, т.-е. души и тѣла, и въ чемъ силъ опыхъ разность находится; но кратко скажу: еже знати, что добро и зло (Бытія, гл. 3, ст. 5), т.-е., что ему полезно и нужно, и что вредно и непотребно.

Вопросъ. Вашъ отвѣтъ не то же ли значитъ, что Адаму діаволъ черезъ змію сказалъ: когда снѣсте отъ древа заповѣднаго, то познаете добро и зло, но понеже тѣмъ познаніемъ Адамъ погрѣшилъ, то, конечно, и намъ ко спасенію быть не можетъ.

Отвѣтъ. Здѣсь не слова, не разность состоянія и слѣдствія разумѣть должно. Адамъ бо отъ Дога созданъ совершенъ и всего добра преисполненъ, а злу непричастенъ, и для того ему зла знать было не нужно и не можно; но діаволъ, закрывая обманъ, упомянулъ добро, а прельстя его открылъ ему едино зло, которое и намъ за его преступленіе или поврежденіемъ природы „пріискренне стало; намъ же надлежитъ прилежать", чтобъ мы, зная разницу добра и зла, первое пріобрѣсти, а другое избѣжать могли, и сіе именуемъ премудрость, чрезъ что познаваемъ всемогущество и власть Божію, а наше несовершенство, какъ то насъ Соломонъ учитъ (Притчи, гл. 2, ст. 7; Еклез., гл. 7, ст. 13); еже премудрость даетъ животъ т.-е. вѣчный, и есть истинный способъ ко избавленію грѣха, обоихъ же сихъ есть начало познаніе Бога.

Вопросъ. Я не знаю, кому вѣрить: апостолъ Павелъ говоритъ, что премудростью не разумѣ міръ Бога (1 Кор., гл. 4, ст. 27), а ты сказываешь, что премудростію познать Бога?

Отвѣтъ. Павелъ не о той премудрости говоритъ, о которой Соломонъ: той бо ясно толкуетъ, что мудрованіе тѣлесное ни на что полезно, а мудрованіе духовное на все полезно (Римл., гл. 8, ст. 6), зане тѣмъ собственное наше добро или благо познавъ, можемъ благополучны быть, яко тоже Павелъ изъясняетъ, глаголя: „хощу васъ мудрымъ убо быти во благое (гл. 16, ст. 19)", и хотя бы о пользѣ міромудрія могъ обстоятельнѣе изъяснить, но за краткость времени оставляю.

Вопросъ. Я еще хочу васъ спросить, что я отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей слыхалъ, еже науки человѣку вредительны и пагубны суть; они сказываютъ, что многіе, отъ науки заблудя, Бога отстали, многія ереси произнесли и своимъ злымъ сладкорѣчіемъ и толками множество людей погибли; къ томужъ показываютъ они отъ письма святого, что премудрость и философія за зло почитаема, а особливо пред-

ставляютъ слова Христовы, что скрылъ Богъ таинство вѣры отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открылъ то младенцемъ, т.-е. неученымъ: апостолъ Павелъ показуетъ написаніе, что Богъ хощетъ погубить премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергнуть, еже премудростію не разумѣ міръ Бога, и въ другихъ мѣстѣхъ болѣе, а особливо о философіи сказуетъ: блюдитеся, да не кто васъ будетъ прельщать философіею и пр., буйство же или простоту онъ на многихъ мѣстѣхъ похваляетъ; такожде многіе святые отцы философію вредительною вѣры именуютъ и учиться запрещаютъ.

Отвѣтъ. Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ученики и апостолы, и по нихъ святіи отцы противо премудрости и философіи говорили, оное намъ довольно извѣстно, но надобно разумѣть, о какой премудрости и философіи они говорятъ, а не просто за слова хвататься; напримѣръ, объяденіе, піянство и т. п. жестоко запрещено, зане все оное себѣ самому вредительно и губительно; пища же и вина питіе съ разумомъ не токмо запрещено, но и допущено и закономъ Божіимъ намъ яко нужное и полезное опредѣлено и похвалено; если токмо оное съ мѣрностію къ славѣ Божіей и предписанной въ естествѣ пользы безъ избыточества употребляемъ; равномѣрно сему нужно въ любомудріи или философіи разницу разумѣть, и къ познанію Бога, якоже и къ пользѣ человѣка, нужная философія не грѣшна, толико отвращающая отъ Бога вредительна, и губительна и суще если кто философію языческую въ томъ намѣреніи учитъ, чтобъ истинное письмо святое въ сумнѣніе и въ невѣроятность привести, или читая неразсуднѣ явныя отъ святаго письма доказательства оставя, будетъ языческой вѣрить, что тварь самобытна, душа изъ тѣла въ тѣло переходитъ, или душа человѣческая отъ души міра участіе есть и по смерти туда возвратится, чѣмъ воскресеніе отрѣшается и пр. т. под. Таковому во-истину философія погибель, да сіе не въ философіи, но въ собственномъ состояніи сущая причина, какъ то многіе читая письмо святое въ разныя погибельныя мнѣнія впадаютъ; о разности же полезной и о вредѣ языческой философіи апостолъ Іаковъ во главѣ 3-й описуетъ, а въ новой благодати Господь самъ обѣщеваетъ намъ премудрость и разумъ; Богъ же благодать свою и премудрость подаетъ не всякому безъ посредства: посредство же есть ученіе и наставленіе искусныхъ и благоразумныхъ людей. Если же бы кто повѣрилъ безъ посредства вѣру и премудрость всякому получать, вѣрилъ бы безразсудно, ибо сіе токмо Богъ изъяснилъ, а потомъ и самъ Господь посредство апостольскимъ ученіемъ и наставленіе всѣхъ употребилъ; святіи же отцы, которыхъ мы наибольшими учительми по апостолѣхъ почитаемъ и отъ нихъ неоцѣненную пользу спасенія пріобрѣли, всѣ другихъ языковъ и многія философіи научены были, а особливо святый апостолъ Павелъ видимо, что языческую философію училъ или по малой мѣрѣ книги читалъ, зане въ его посланіяхъ многія изъ философскихъ книгъ доказательства истины, нравоученія, наставленія и причины писаны; по немъ же Діонисій Ареопагитъ, Игнатій Богоносецъ, Іустинъ мученикъ, Аѳиногоръ, Ѳеофилъ Антіохійскій, Татіанъ и другіе, которые самыхъ апостоловъ вѣру пріяли, довольно философіи учены были. А запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды и невѣдующіе въ чемъ истинная философія состоитъ, или злококарные нѣкоторые церковнослужители, и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслили, чтобы народъ былъ неученый и ни о какой истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ

вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большій трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали, для котораго они не постыдились противу точныхъ Христовыхъ словъ, еже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животъ вѣчный пріобрѣсти, не токмо читать, но испытывать, т.-е. толковать повелѣлъ; папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, якобы читающіе оную въ умѣ повреждались, которое, самъ ты можешь разсудить, колико съ правымъ божественнымъ ученіемъ сходно. Однакожъ онымъ епископамъ римскихъ сіе довольно удалось, ибо они чрезъ то такую власть возымѣли, что чрезъ слѣпое народа къ нимъ послушаніе государей съ престола свергали, подданныхъ отъ рабства и послушанія присяги ихъ разрѣшали, не токмо рабовъ противъ государя, но и дѣтей противъ родителей и государей своихъ воевать принуждали, цесарю на шею ногою становились или у дверей босо и безъ одежды просить прощенія принуждали, какъ то читаемъ о цесаряхъ Фридрихѣ Барбароссѣ и Генрихѣ, какіе же чрезъ то великіе богатства себѣ пріобрѣли, то едва вѣрить возможно. Да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили, какъ-то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишенъ и въ заточеніе сосланъ, и хотя по смерти царя Алексѣя Михайловича, собесѣдникъ его Симеонъ Полоцкій, учитель царя Ѳеодора Алексѣевича, провелъ государя на то, чтобы Никона паки взять на престолъ и именовать папою, Іоакима же патріарха оставить при томъ же титулѣ, и еще вмѣсто митрополитовъ трехъ патріарховъ прибавить; но все оное противъ ихъ труда смерть Никодима пресѣкла, а Петръ Великій путь къ тому уставомъ церковнымъ и учрежденіемъ Сѵнода заперъ.

Что же точно ереси и еретиковъ принадлежитъ, то вамъ объявляю, что ересь слово греческое, по-русски значитъ расколъ или разорваніе въ какомъ-либо согласіи, еретиковъ же можемъ двояко разумѣть и суще одни глупые и неразсудные или ничего о сущей вѣрѣ разумѣющіе, слыша кого благоразсудно о вѣрѣ толкующаго, а суевѣріе отвергающаго, и за то что оной не согласно съ его глупымъ мнѣніемъ, несмотря что оное сходно со основательнымъ ученіемъ и истиною, тотчасъ еретикомъ и еще безбожникомъ имянуютъ, а, отъ злости присовокупя лжи, другимъ равнымъ себя клевещутъ, а если сила ихъ не оскудѣваетъ, то проклинать, мучить и умертвить противо Закона Божія не стыдятся, какъ я выше вамъ о древнихъ идолопоклонникахъ и папахъ сказалъ. Другіе же сущіе ересіархи и зловѣрія производители, сіе правда, что сущій простакъ произвести неспособенъ, но надобно, чтобы былъ ученой, а по малой мѣрѣ читатель книгъ и довольно острореченъ, коваренъ и къ изъясненію наружнаго благочестія или лицемѣрства способенъ, дабы могъ то свое злонамѣреніе другимъ внятно и вѣроятно представить и хотя неправыми, но накланяемыми и за волосы натягаемыми доводы людямъ суевѣрнымъ растолковать, а истинное ученіе въ оное разумѣніе или сумнительство превратить и, оное въ мыслѣхъ суевѣрныхъ неукъ утвердя, ими овладать, простой же и неученый, но паче суевѣрный народъ, принявъ за истину, вѣрятъ и послѣдуютъ, какъ то о многихъ древнихъ еретическихъ начальникахъ въ гисторіи и церковной и свѣтской обрѣтаемъ.

У насъ нѣкоторый выбранный изъ плутовъ плутъ распопа Аввакумъ новую ересь именующихся старовѣровъ, а паче пустовѣровъ про-

изнесъ и простой народъ въ погибель привелъ. потомъ изъ сего же одинъ плутъ древнюю ересь, взгрѣвъ, безпоповщиною именовалъ и закономъ Божіимъ бракъ повелѣнный за грѣхъ и сквернодѣяніе поставилъ и паки недавно произнесенная и вскорѣ искорененная богомерзкая ересь христовщины вамъ свидѣтельствуютъ, что не токмо отъ истиннаго философа. ниже отъ благоразумнаго человѣка произнесены и приняты быть могли. но всѣ плутами начаты, а въ невѣждахъ разсѣяны. ибо благоразумный легко можетъ видѣть, что всѣ сіи никоего основанія изъ письма святаго не имѣютъ. и всѣ пренія ихъ большею частію до вѣры не принадлежатъ. токмо оные единымъ закоснѣніемъ въ сердцахъ ихъ только замерзѣли, что за оное якобы за истинную правду умирать готовы. Того ради вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій во всѣхъ епархіяхъ повелѣлъ училища устроить и на оное, яко Богу и человѣкомъ полезное, безплодно погибаемые доходы монастырей употребить, въ чемъ и преосвященные архіереи только должность и вѣрность свою изъявили, что (какъ слышу отъ нѣкоторыхъ) всѣ свои излишніе доходы (которые прежде на роскошь и обогащеніе родственниковъ. свойственниковъ. противъ ихъ обѣщанія и присяги, употребляли) на училища и обученіе убогихъ младенцевъ употребляютъ и многихъ уже обучили. хотя мнѣ того видѣть не случилось, однакожъ, взирая на ихъ должность и любовь къ Богу и ближнему, вѣрю. что правда есть или быть можетъ.

Вопросъ. Я о семъ, яко до церкви принадлежащемъ, оставлю далѣе вопрошать, но слышу, что свѣтскіе и люди въ гражданствѣ искусные толкуютъ, якобы въ государствѣ чѣмъ народъ простяе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и сметеній безопаснѣе, и для того науки распространять за полезно не почитаютъ.

Отвѣтъ. Я вѣрю, что вы то слыхали, да не вѣрю, чтобы отъ благоразумнаго политика, или вѣрнаго отечеству сына, на паче мню отъ неразсуднаго или махіавелическими плевелы насѣяннаго сердца произнесено: благоразсудный же политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, нежели буйство и невѣжество принести могутъ. Я вамъ прежде говорилъ, колико науки полезны. а незнаніе или глупость какъ самому себѣ, такъ малому и великому обществу вредительно и бѣдно. Ты разсуди самъ, что по природѣ всякій человѣкъ, каковъ бы ни былъ, желаетъ: 1) умнѣе другихъ быть и чтобы отъ другихъ почтеніе и любовь имѣть; 2) какъ всякому необходимо помощь другихъ нужна, такъ онъ тѣхъ помощниковъ, яко жену, друзей и совѣтниковъ, ищетъ умныхъ и къ принесенію пользы ему способныхъ: зане сіи не въ состояніи всѣмъ намъ потребныя услуги приносить; того ради прилежитъ человѣкъ, если можно, умныхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителей имѣть, понеже на умнаго друга болѣе можетъ надѣяться, что онъ ему въ недознаніи добрый совѣтъ и помощь подастъ, а служитель умный все повелѣнное и желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый, произведетъ и совершитъ, а въ случаѣ и совѣтъ или помощь подать способенъ: но въ ономъ наипервѣе собственный разумъ долженъ преимуществовать, дабы какъ о другѣ и помощникѣ, такъ и о рабѣ могъ по состоянію каждаго разсудить, какая отъ кого польза быть можетъ, и потому онаго употреблять, яко иной способенъ на разсужденіе, другой къ оборонѣ, инъ же къ трудамъ и работамъ.

Разумный человѣкъ чрезъ науки и искусство, отъ вкоренившихся

въ его умѣ примѣровъ удобнѣйшую понятность, твердѣйшую память, острѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе пріобрѣтаетъ, а чрезъ то всякое благополучіе пріобрѣсти, а вредительное отвратить способнѣе есть; онъ совѣты и представленія испытуетъ и по обстоятельству вещей поемлетъ, прежнія же дѣянія и случаи отъ памяти взявъ, съ настоящимъ уподобляетъ и, все благоразсудя, опредѣляетъ, неправильнымъ и впредь вредительнымъ не прельщается, безстрашныхъ обстоятельствъ не боится и, на отвращеніе страха мужественно поступая, отрѣваетъ и побѣждаетъ въ радости и счастіи не превозносится и оному не вѣритъ, а въ несчастіи не ослабѣваетъ, бѣды же и горести великодушіемъ преодолѣваетъ и, своимъ довольствуяся, чужого не ищетъ: противно же тому невѣдѣніе всякимъ неправильнымъ совѣтамъ и предлогомъ прельщаяся вѣритъ, но вскорѣ узнаваетъ, что обманъ есть; онъ сущаго страха не боится, а гдѣ нѣсть страха—трепещетъ, въ печали и радости не умѣренъ, въ счастіи и несчастіи непостояненъ и во всемъ, вмѣсто пользы, наноситъ себѣ вредъ,—и ся есть разница между ученымъ и не ученымъ.

И хотя сіе единственномъ человѣкѣ говорено, но по сему можешь и о цѣлыхъ народахъ или государствахъ разсуждать, особливо если хочешь обстоятельно знать, прочитай гисторіи древнихъ временъ, увидишь многихъ народовъ и государствъ примѣры, что отъ недостатка благоразумнаго разсужденія разорились и погибли, которыхъ память токмо на бумагѣ осталась; да почто о другихъ читать? довольно своего государства горесть воспомнить, что послѣ Владиміра Второго отъ неразумѣнія князей и потомъ по смерти царя Ѳедора Іоанновича до воцаренія царя Михаила Ѳеодоровича произошло, что едва имя Россійское въ конецъ не погибло; что же касается до бунтовъ, то вы сами можете сказать; что никогда никаковъ бунтъ отъ благоразумныхъ людей начинанія не имѣлъ, но, равномѣрно ересямъ, отъ коварныхъ плутовъ съ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія начинается, которой междо подлостію разсѣявъ, производятъ, какъ то у насъ довольно прикладовъ имѣемъ, что рѣдко когда шляхтичъ въ такую мерзость вмѣшался, но болѣе подлость яко Болотниковъ и Боловня холопи, Заруцкой и Разинъ казаки, а потомъ стрѣльцы и чернь всѣ изъ самой подлости и невѣжества. Если же генерально о государствахъ сказать, то видимъ, что турецкій народъ предъ всѣми въ наукахъ оскудѣваетъ, но въ бунтахъ преизобилуетъ, въ Европѣ же, гдѣ науки процвѣтаютъ, тамо бунты неизвѣстны; сего ради многіе благоразумные государи неусыпно о распространеніи наукъ прилежали какъ то: видимъ во Франціи Генрикъ IV и Лудовикъ XIV, въ Англіи—Генрикъ VIII и Елизавета, въ Испаніи—Карлъ I, въ Швеціи—Густавъ и Крестина, въ Россіи — Петръ Великій, если не всѣхъ оныхъ превосходитъ.

Вопросъ Хотя вы на вопросъ мой пространно мнѣ о безопасности отъ наукъ показали, но сіе, видится, принадлежитъ токмо до знатныхъ или шляхетства, мой же вопросъ былъ о подлости.

Отвѣтъ. Мой государь, прошу мнѣ оную вину, что я не внятно выразумѣлъ, отпустить, ибо подлинно то разумѣлъ о шляхетствѣ, а понеже шляхетство въ государствахъ почитается за природное войско, которыхъ должность отъ самаго возраста до старости государю и государству, не щадя здравія и живота своего, служить, за которое они всѣмъ протчимъ станамъ предпочтены и владѣніями земскими, т.-е. вотчинами награждены, чего купечеству и крестьянству, якоже и протчимъ нешляхетнымъ имѣть, почитай, во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, доднесь за-

прещено, а если кто по случаю нешляхетный вотчины получитъ, таковые сверхъ положенныхъ на шляхетскіе вотчины податей повинны нѣкоторую часть отъ ихъ доходовъ въ казну государственную платить, доколѣ они совершенно въ тотъ станъ отъ высшей власти введены и жалованною грамотою утверждены будутъ. Сей политическій вымыслъ есть весьма изрядный, чтобы болѣе въ войскѣ служить охотниковъ и способныхъ воеводъ, якоже и совѣтниковъ и градоправителей искусныхъ было, и для того я примѣръ о совѣтникахъ и служителяхъ употребилъ, а теперь скажу объ оныхъ подлыхъ.

Хотя противо непріятелей государство защищать и оборонять напредъ сего должность была общая всего народа и всѣ совокупно на войны ходили, но потомъ, какъ гражданство, купечество и земледѣльство за нужное и полезное въ государствѣ пріято, тогда оныхъ въ покоѣ оставя, особныхъ людей ко оборонѣ и защищенію государства опредѣлили; но сіи были двоякіе: одни должны были наслѣдственно къ войнѣ пребывать и для того индѣ всадники или конница, у насъ же дворяне, яко придворные воины, у поляковъ шляхта отъ шляха или путь именованы, зане всегда въ походы должны быть готовы, другіе подлые, яко казаки и пр. и сіи болѣе пѣхотное, но не наслѣдственно; дѣти бо ихъ могли иное пропитаніе искать, какъ то отъ гисторей другихъ государствъ и нашихъ видимъ, и для того о умноженіи сего полезнаго стана государи прилежно старались, какъ то царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько тысячъ гусаръ, рейтаръ и копейщиковъ, „собранныхъ перво изъ крестьянствъ и убожества“, по прекращеніи польской войны, деревнями пожаловалъ и „въ дворянство причелъ“, отъ того въ крымскомъ походѣ 1689 г. одного шляхетства болѣе 50,000 счислялось въ началѣ же шведской войны близъ двадцати полковъ драгунскихъ изъ дворянства набрано и во всей пѣхотѣ офицерствомъ наполнено было, затѣмъ великая часть въ услугахъ гражданскихъ употреблялась, а изъ служителей дворовыхъ пѣхота была устроена; но чрезъ оную и другія такъ тяжкія и долголѣтнія войны такъ шляхетства умалилось, что вездѣ сталъ недостатокъ являтся, и для того нужда позвала изъ крестьянства въ солдаты, матрозы и другіе подлыя службы брать. А какъ многократно случается, что на благоразсудности одного солдата цѣлой арміи благополучіе или безопасность зависитъ, отъ глупости великій вредъ можетъ произойти, и для того нужно, чтобы солдаты были благоразсудные, тако же нужно есть, чтобы всякій солдатъ о томъ мыслилъ и прилежалъ, чтобы въ оберъ и штабъ-офицеры дослужиться, для котораго ему необходимо нуждно всѣ свои поступки благоразсудны и порядочны имѣть и во исполненіи должности прилежну и бодру быть, изъ чего не токмо ему собственно, но и государству польза происходитъ, а понеже неумѣющему грамотѣ къ полученію онаго путь пресѣченъ, слѣдственно же желаніе и сисканіе онаго пресѣкается и отъ него желаемая польза не благонадежна. Да ежели-бъ такой нашелся, что токмо писать и читать наученъ былъ и въ нижнихъ чинахъ бывъ за страхъ наказанія благонравіемъ себя къ произвожденію удостоилъ; но вышелъ изъ-подъ палки и не разумѣя, что изъ противныхъ благонравію поступковъ собственный ему вредъ и бѣда происходитъ, весьма инаго и непотребнаго состоянія явится, каковыхъ мы прикладовъ съ немалою досадою довольно видимъ, если бы же и того не было, но не имѣя другихъ полезныхъ наукъ, за недостаткомъ искуснѣйшихъ или по старшинству до полковничества произошелъ, то какой пользы отъ него надѣяться или нужную команду, гдѣ болѣе на разсу-

жденіи, нежели на инструкціи зависитъ, поручить ему безъ опасности возможно, но паче мню, что такой и капитаномъ не безъ опасности быть можетъ, ибо по его чину судъ и расправа на немъ зависитъ и многократно въ партіяхъ, заставахъ и посылкахъ не малое по его благоразсудномъ поступкѣ зависитъ. Да еще болѣе вредъ отъ неученія народа, что наши духовные или церковно-служители, которыхъ по закону Божію должность въ томъ состоитъ, чтобы невѣдущихъ закону Божію поучали и наставляли, съ горестію видимъ, что у насъ столько мало ученыхъ, что едва между 1000 одинъ сыщется, чтобы законъ Божій и гражданскій самъ зналъ и подлому народу оное внятнымъ поученіемъ внушить и растолковать могъ, что убивство, грабленіе, ненависть, прелюбодѣйство, піянство, обжорство и т. п. не токмо по закону Божію смертельный грѣхъ, но и по природѣ самому вредительно и губительно, ибо безъ отмщенія или наказанія никогда преходитъ, законъ же гражданскій по обличенію на тѣлѣ или смертію казнитъ; но они, оставя оную внутреннихъ добродѣтелей нужду, человѣческимъ преданіямъ и внѣшнимъ благочестіямъ поучаютъ, отъ сего у насъ такъ множество коварныхъ и душевредныхъ ябедъ въ судахъ, лихоимствъ и неправдъ, разбоевъ, убивствъ, грабленій и пр. происходитъ, что намъ иногда, на благонравіе другихъ взирая, сдыдно о себѣ и своихъ говорить, да еще того горше, что такіе неучи и невѣдущіе закона Божія оныхъ тяжкихъ злодѣяній и въ грѣхъ не ставятъ, а если и признаетъ за грѣхъ, то онъ въ довольное умилостивленіе Бога поставляетъ, когда свѣчу иконѣ поставитъ, икону сребромъ обложитъ, не мясо, но рыбу ѣстъ и на покаяніе попу за разрѣшеніе гривну дастъ, то уже думаетъ, что ему грѣхъ оный отпущенъ, и впредь въ той же надеждѣ на дальшее поступаетъ. Противно же тому видимъ, какъ въ другихъ науками цвѣтущихъ государствахъ таковыхъ злочестій весьма рѣдко слышится, почему надѣюся, что оное лживое разглашеніе отвержешь, а о наученіи и самой подлости со мною согласишься.

Вопросъ. Я хотя васъ сначала спрашивалъ, что́ наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но по многомъ разговорѣ отъ того отдалились: того ради прошу, чтобъ мнѣ обстоятельно сказали, чего человѣку учиться нужно?

Отвѣтъ. Я вамъ прежде сказалъ, что нужно человѣку о томъ прилежать, чтобъ въ совершенство придти и оное сохранить пребываніе, елико по естеству возможно продолжить удовольствіе, а потомъ и спокойность пріобрѣсти, по которымъ и науки суть разныхъ свойствъ и качествъ, и хотя всѣ ихъ подробну толковать „весьма пространно и въ великую книгу умѣстись не можно", однако-жъ я вамъ кратко скажу: „въ началѣ науки раздѣляются у философовъ по объявленнымъ свойствамъ сугубо": душевное Богословіе и тѣлесное философія. По первому къ совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтобъ память, смыслъ и сужденіе въ доброй порядокъ привести и сохранить. Другое внѣшнее, какъ вамъ прежде сказалъ, еже душа съ тѣломъ толико связаны, что отъ поврежденія тѣлесныхъ членовъ повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внѣшнихъ прилежать, дабы ни одинъ членъ изъ надлежащаго природнаго состоянія не выступилъ или не повредился, а по сему и пр. разумѣть можно.

Другое же раздѣленіе есть моральное, которое различествуетъ въ качествѣ, яко: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія,

4) любопытныя или тщетныя, 5) вредительныя; но при томъ нѣкоторыя и по стану или состоянію человѣка могутъ быть нужны или полезны.

Вопросъ. Которыя науки нужныя?

Отвѣтъ. Какъ человѣкъ изъ двухъ разныхъ свойствъ, т.-е. души и тѣла, состоитъ, такъ и его и науки по свойствамъ оныхъ раздѣляются, но понеже тѣлесныя наипервѣе начинаются, того ради о сихъ прежде скажу, а оными заключу.

Тѣлесныя науки, по вышеобъявленному, нужны къ совершенству: 1) реченіе, которымъ мы предъ прочими животными преимуществовать не пщуемъ, въ недостаткѣ бо реченія ни совершенъ, ни доволенъ, слѣдственно спокоенъ человѣкъ быть не можетъ.

2) Къ пребыванію нужно учиться, чѣмъ бы плоть свою и свой родъ содержать и сохранить, для котораго по природѣ намъ нужно, какъ прежде сказалъ, о имѣніи и пищѣ, одеждѣ и жилищѣ спокойномъ прилежать, оныя добрыми и правильными способы пріобрѣтать, а пріобрѣтенное съ добрымъ порядкомъ употреблять и хранить, дабы въ случаѣ нечаяннаго недостатка нужды не терпѣть, и сіе имянуется домоводство, гречески: экономіа.

3) Прежде вамъ изъяснилъ, что пища и питіе непотребная или и лучшее, да надмѣрно употребляемо наноситъ намъ болѣзни, а изъ того происходитъ прекращеніе пребыванія или смерть и, хотя не знающіе силы часто больного прилежатъ пищею укрѣпить, но тѣмъ многократно убиваютъ. И для того намъ нужно прилежать о знаніи качествъ и употребленіи количествъ брашенъ, дабы мы могли здравіе, слѣдовательно пребываніе или жизнь продолжить, а по утраченіи здравіе возвратить, которая наука именуется врачество или медицина.

4) Къ спокойности тѣлесной и душевной нужно человѣку со младости обучиться, чтобъ могъ себя отъ враждующихъ и нападствующихъ сохранить и обидѣть себя не допустить, но понеже человѣкъ по естеству на зло склоненъ и часто своими непристойными поступки и обидами другихъ на отмщеніе себѣ возбуждаетъ, слѣдственно самъ себѣ бѣды и пакости наноситъ: того ради нужно самому перво научиться себя такъ содержать, чтобъ никому досады, не токмо обиды не учинить, и въ томъ крайне прилежать, о чемъ „въ правилахъ закона естественнаго“ довольно показано, и сіе нязывается нравоученіе: „оборона же и мщеніе правильное по закону намъ не возбраняется“; но зане мы живемъ подъ закономъ и собственныя обороны или отмщенія для общаго спокойствія запрещены и обидителямъ наказанія, а обиженнымъ награжденія предписаны: того ради должно намъ не токмо законы божественные яко естественны, библическій, церковный и гражданскій своего отечества знать, но и силу законодавца внятно и благоразсудно разумѣть и по онымъ поступать. Сія наука именуется законоученіе, а къ тому еще, наипаче же шляхетству, нужно обучаться оружіемъ себя, яко шпагою, пистолетомъ и пр. оборонять, зане сей станъ особливо для обороны отечества и отвращенія общаго вреда устроенъ.

5) Что до души принадлежитъ, то хотя такъ бы надлежало думать, что оная, яко духъ, никоего обученія не требуетъ, какъ прежде говорено; однакожь надобно о томъ трудиться, чтобы члены, чрезъ которые она силы свои изъявляетъ и движенія производитъ, „чрезъ частое къ порядочному движенію и привычкѣ въ дѣйство приводитъ“, чтобъ отъ внѣ представленные правильно понять, твердо въ памяти содержать, по-

добности и слѣдствія смысловъ изображать и правильно судить, на что особливая наука логика съ пользою устроена.

6) И послѣднее нужно человѣку о спокойности души паче всего прилежать, дабы въ жизни непотребными и вредительными отъ необузданной воли попеченіями не отягощать, а паче бы о будущемъ и вѣчномъ, нежели о настоящемъ и тлѣнномъ совершенствѣ, пребываніи и угожденіи прилежать; но сіе не можетъ совершенно быть прежде, какъ человѣкъ, яко тварь познаетъ Творца и Господа, которое всякому по природѣ возможно, если токмо внятно помыслить Что же свойствъ или обстоятельствъ Божіихъ касается, то нашъ умъ не въ состояніи о томъ внятно разумѣть, да и нужды нѣтъ, ибо довольно, что я знаю и вѣрю его быть всѣхъ вещей Творца и Господа, и вѣрить, что Онъ единъ вѣчный и безлѣтный, всемилостивый и всевѣдущій и всюду присутственный, все что есть отъ Него и въ Его волѣ состоитъ; безъ воли же Его ничто сотвориться можетъ, но къ тому нужно намъ волю Его знать, которая въ Его Божественныхъ законахъ предписана, и прилежать елико возможно оное исполнить, а запрещеннаго Имъ, хотя намъ по неразсудности иногда видится пріятное, но по учиненіи вредительное и губительное, онаго воздержаться и бѣжать; и сіе ученіе именуется богословія. Сіи науки, яко душевно, тако и тѣлесно весьма намъ нужны, ибо отъ неискусства или незнанія въ нихъ заключающагося пользы и вреда благополучными быть и способности пріобрѣсти не можемъ.

Вопросъ. Которыя науки полезныя?

Отвѣтъ. Полезныя тѣ, которыя до способности ко общей и собственной пользѣ принадлежатъ и суть многочисленныя: между всѣми полезными науками письмо есть первое, чрезъ которое мы прошедшее знаемъ и въ памяти хранимъ, съ далеко отстоящими такъ, какъ присудственно, говоримъ и еще иногда лучше, нежели языкомъ, мнѣніе наше изобразить можемъ; и хотя въ мірѣ можно сказать, что едва сотая часть письмо умѣющихъ сыскаться можетъ ли и много не знающихъ въ большемъ благополучіи, а грамотѣ умѣющіе въ погибели находятся, для котораго и пословица лежитъ: грамотѣ гораздъ, не умѣетъ ли пропасть; но сіе не отъ грамоты, но отъ злодѣянія приключается. Письмо же всякаго стана и возраста людямъ есть полезно, когда токмо правильнымъ порядкомъ и съ добрымъ намѣреніемъ употребляемо; но при томъ надобно и о томъ прилежать: порядочно и внятно говорить и писать, для того полезно учить и своего языка грамматику. 2) Еще же человѣку, обрѣтающемуся въ гражданской услугѣ, а наипаче въ чинахъ высокихъ, якоже и въ церковнослуженіи быть надежду имѣющему полезно, а иногда и нужно знать краснорѣчіе, которое въ томъ состоитъ, чтобъ по обстоятельству случая рѣчь свою учредить, яко иногда кратко и внятно, иногда пространно, иногда темно, и на разныя мнѣнія примѣнять удобное, иногда разными похвалами, иногда хуленіями исполнить и къ тому прикладами украсить, что особливо статскимъ, придворнымъ и въ иностранныхъ дѣлахъ, а церковнымъ въ поученіяхъ и въ сочиненіи книгъ полезно и нужно бываетъ. И сія именуется русски: витійство, грече: риторика. 3) Инородные языки, дабы мы другихъ не токмо сообщныхъ съ нами подданствомъ внутрь Россіи, но и пограничныхъ или имѣющихъ съ нами торги и войны народовъ разумѣть и имъ наше мнѣніе объявить могли: но сіе полезно тогда токмо, когда правильно употребляемо; безразсудное же употребленіе, т.-е. примѣшиваніе иноязычныхъ словъ въ свой языкъ, вредительно, какъ-то видимъ многихъ

наибольшею частію неразумныхъ и неученыхъ отъ хвастовства и неразсудности не токмо въ разговорахъ, но въ письмахъ весьма нужныхъ иностранныя слова употребляютъ, да къ тому не въ той силѣ и разумѣ или неправильно, а для чего, того сами сказать не умѣютъ, кромѣ хвастанья, что умѣютъ чужое слово выговорить; а что изъ того вреда происходитъ, того они разсудить не могутъ. 4) Полезно человѣку учиться счисленію, и хотя простое счисленіе младенцы купно съ языкомъ отъ воспитателей пріемлютъ и отъ употребленія съ одного до милліона счислять могутъ, но сіе всякому не довольно, а надлежитъ знать исчисленіе разныхъ вещей по ихъ качествамъ, мѣрою и вѣсомъ, которое гречески обще маѳематика имянуется. А понеже въ ней весьма много разныхъ обстоятельствъ заключено, того ради каждая часть особливое званіе, но болѣе гречески отъ древности сохраняютъ и хотя все подробну сказать и каждой свойство описать времени недостаетъ; но скажу вамъ токмо о главныхъ той частяхъ, яко арѳметика или счисленіе, геометрія или землемѣріе, механика—хитродвижность, архитектура—строительство. И сіи всякаго званія людемъ полезныя; слѣдующія же тоя части, яко переспектива, оптика или видѣніе, акустика — слышаніе, астрономія — звѣздосчисленіе, нѣкоторымъ людямъ учить полезно. 5) Весьма полезно въ знатныхъ услугахъ быть чающему учить не токмо отечества своего, но и другихъ государствъ: дѣянія и лѣтописи или гисторія и хронографія, генеалогія или родословіе владѣтелей, въ которыхъ находятся случаи счастія и несчастія съ причинами, еже намъ къ наставленію и предосторожности въ нашихъ предпріятіяхъ и поступкахъ пользуютъ; землеописаніе или географія показуетъ не токмо положеніе мѣстъ, дабы въ случаѣ войны и другихъ приключеній знать всѣ онаго во укрѣпленіяхъ и проходахъ способности и невозможности, при томъ нравы людей, природное состояніе воздуха и земли, довольство плодовъ и богатствъ, избыточество и недостатки во всякихъ вещахъ, наипаче же собственнаго отечества, потомъ пограничныхъ, съ которыми часто нѣкоторыя дѣла, яко надежду къ помощи и опасность отъ ихъ нападенія имѣемъ, весьма обстоятельно знать, дабы въ государственномъ правленіи и совѣтахъ, будучи о всемъ со благоразуміемъ, а не яко слѣпой о краскахъ разсуждать могъ. 6) Хотя всѣ врачевѣ сказуютъ, что человѣкъ, поживъ 40 лѣтъ, искусяся о болѣзняхъ и довольное разсужденіе имѣя, можетъ самъ для себя врачъ быть, но къ тому полезно знать ботанику или знаніе силы ращеній, такожъ анатомію или разчлененіе, чрезъ чтобъ совершенно познать внутреннихъ тѣла своего частей положеніе и движенія причины; но сіи науки, хотя всякому полезны, однакожъ болѣе принадлежатъ тѣмъ, которые особливо себя во врачество управляютъ. 7) Весьма же полезно знать свойство вещей по естеству, что изъ чего состоитъ, по которому разсуждать можно, что изъ того происходитъ и приключается; а чрезъ то многія будущія обстоятельства разсудить „и себя отъ вреда предостерегать“ удобно; сія наука гречески зовется — физика, русски — естествоиспытаніе, а къ тому химія или раздѣленіе внутреннее вещей принадлежитъ.

Вопросъ. Какія науки щегольскія разумѣются?

Отвѣтъ. Оныхъ наукъ есть число не малое, но я вамъ токмо нѣкоторыя упомяну, яко: 1) стихотворство или поэзія, 2) музыка, русски — скоморошество, 3) танцованіе или пласаніе, 4) волтежированіе или на лошадь садиться, 5) знаменованіе и живопись, которыя по случаю могутъ полезны и нужны быть, яко танцованіе не токмо плясанію, но болѣе при-

стойности какъ стоять, идти, поклониться, поворотиться учитъ и наставляетъ; знаменованіе же во всѣхъ ремеслахъ есть нужно.

Вопросъ. Какія науки любопытныя и тщетныя?

Отвѣтъ. Сіи суть такія науки, которыя ни настоящей, ни будущей пользы въ себѣ не имѣютъ, по большею частію и въ истинѣ оскудѣваютъ, яко: 1) астрологія—звѣздопровѣщаніе, которымъ хотятъ предбудущая, отъ стоянія планетъ и звѣздъ, познавать. Изъ сея науки календаристы о погодахъ нативитеты или отъ рожденія людей имъ предбудущія припадки и случаи хотятъ знать;2) физіогномія или лицезнаніе, что по сочиненію лица и морщинамъ 3) хиромантія — рукознаніе, что по чертамъ и морщинамъ рукъ жизнь и случай человѣка разумѣть тщатся, отъ древнихъ языческихъ баснословей остаются. И хотя сіи ни физическаго, ни математическаго основанія не имѣютъ и у людей ученыхъ въ презрѣніи и совершенномъ уничтоженіи суть, однако-жъ много такихъ суевѣрныхъ, паче людей меланхоличныхъ (которые отъ природы сребролюбивы, страхами исполнены) не малое число находятъ, что не токмо сами себя тѣмъ, но и другихъ неблагоразсудныхъ обманываютъ и въ безпутные страхи и надежды приводятъ; сверхъ же того оное Божескому и моральному ученію противно: ибо если бы мы совершенно всѣ приключенія, предписанныя и неизбѣжныя разумѣли, тобъ не имѣли нужды жить по закону. Къ сему же 4) есть наука алхимія или дѣланіе золота, которая мню не лучше оныхъ выше объявленныхъ, ибо хотя чрезъ прилежащихъ въ оной нечаянно многія пользы обрѣтены, но большая часть отъ оныя разоряются и до днесь еще, кромѣ баснословій, ничего не обрѣтено.

Вопросъ. Какія науки вредными быть мнишь?

Отвѣтъ. Сіи глупѣе преждереченныхъ, иже зовутся волхованіе, ворожбы или колдунство, и суть разныхъ качествъ. У древнихъ на многи роды раздѣлялись, яко: 1) некромантія — чрезъ мертвыхъ провѣщаніе; 2) аеромантія — воздуховѣщаніе; 3) пиромантія—огневѣщаніе; 4) гидромантія—водовѣщаніе; 5) геомантія — землевѣщаніе и пр. множайшая, „а наипаче у язычниковъ оракули или Божеское предсказаніе извѣстны были, но болѣе въ обманахъ духовныхъ и суевѣрствѣ и пребывающихъ просвѣщенія состояли (sic!)". Но я сіи оставляю, а упоминаю токмо о извѣстныхъ у насъ. Первое есть провѣщаніе, что изъ сновидѣній, встрѣчи, полеты и крики птицъ, бѣганіи звѣрей, счастіе и несчастіе хотятъ разумѣть. Второе зовется просто ворожба, что нѣкоторые плуты вымыслили чрезъ раскладываніе бобовъ или костей, пунктированіе на бумагѣ, литья воска или олова, и пр., хотятъ о далекостоящемъ и предбудущемъ сказывать. Третье — заговоры и привороты глупяе того, о которомъ мнять, яко бы изъ заклинанія произошло, а заклинанія обрѣтеніе Іосифъ Влави приписуетъ Соломону. Но я мню, что нѣкоторые великіе плуты или безумные меланхолики вымыслили что-либо словами дѣлать, напримѣръ: теченіе крови и болѣзнь унимать, отъ стрѣльбы или другого оружія заговорить, любовь или ненависть между двумя особами произвесть, что хотя никакъ человѣку учинить невозможно, токмо довольно отъ гисторій извѣстно, въ какія бѣды отъ такого безумія впадали, и не токмо имѣніе или здравіе, но и жизнь съ поношеніемъ погубили. Всего глупѣе чернокнижество, чрезъ которое мнятъ что-либо чрезъ діавола дѣлать: сія наука у древнихъ за великое таинство почиталась и вѣрили многіе истинному быть дѣйству, и хотя не весьма въ давныхъ лѣтѣхъ въ Германіи, а паче во Швеціи такихъ людей множество находилось, что не токмо въ такихъ

колдунствахъ отъ другихъ оговариваны, но сами на себя яко сущую истину затѣвали и померли, но потомъ довольно доказано, что иное ничто болѣе, какъ ума поврежденіе и необузданная злость есть; что многіе ученые физическо и богословско доказали, еже человѣкъ чрезъ діавола ничего учинить не можетъ. И какъ за оную казнить перестали, а ученіемъ исправляютъ, то и такихъ людей умалилось; гдѣ же ученіе распространяется и священники прилежнѣе о томъ народу толкуютъ, тамо весьма уже не слышно.

И хотя сіи науки зломудрія ничего совершаннаго въ себѣ не имѣютъ и по разсужденію многихъ философовъ смертію ихъ, яко умоизступленныхъ, казнить не безгрѣшно, но за то, что оставя полезное, въ безпутствѣ время тратятъ и другихъ обманываютъ, тѣлесное наказаніе неизбѣжно понести должны. Не безприлично же сему дурачеству вымыселъ кликуновъ и кликушъ, которые сказываютъ въ себѣ быть діавола, что сами себѣ отъ злости, когда инымъ образомъ досадить не могутъ, яко бабы не любя мужа, свекровь и проч. оное притворяютъ. Иногда же въ томъ притворѣ невинно на кого-либо клевещутъ и несмысленныхъ въ злобу производятъ; иные же, по наученію сребролюбивыхъ церковниковъ такіе притворы чинятъ, дабы чрезъ изгнаніе того новое чудо явить и отъ людей суевѣрныхъ деньги выманивать; котораго зла въ Россіи весьма было расплодилось и повсюду въ церквахъ, а особливо въ праздники, при службѣ Божіей мерзкіе крики и ломаніе тѣла произносили. Но вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій жестокими на тѣлѣ наказаніи всѣхъ оныхъ бѣсовъ повыгналъ такъ, что нынѣ почитай уже не слышно, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ благоразсудный начальникъ случится.

LXXI. Юности честное зерцало,

или показаніе къ житеіскому обхожденію. Собранное отъ разныхъ авторовъ; напечатася повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктпітербургѣ. Лѣта Господня 1719 г., іуліа 5 дня[1]).

Въ первыхъ наіпаче всего должни дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родители что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садітіся, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ велікімъ почтеніемъ, не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ нічего своімъ имянемъ не повелѣвать, но имянемъ отца или матере, отъ челядінцевъ просітельнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особлівыя слуги, которыя са-

[1]) Книга представляетъ два отдѣла: 1-й (1—29 стр.) и 2-ой (30—88). Въ первомъ отдѣлѣ слѣдующія статьи: 1) Изображеніе древнихъ и новыхъ славенскихъ и рукописныхъ (1—6 стр.). 2) Слози двописменніи, от согласныхъ начинаеміи (7 — 8). 3) Слози триписменніи (8—12). 4) Нравоученія отъ священнаго пісанія по алфавиту избранная (12—23). 5) Число церковное и арифметіческое. 6) Ино показаніе великаго счисленія. 7) Объявленіе чісла школнаго. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ 2-ой (Юности честное зерцало).

мому ему подвержны бываютъ для того, что обычаіно служітели и челядінцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господіну охотно служатъ. А окромѣ того, часто проісходятъ ссоры и велікіе между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ, такъ, что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежітъ.

2. Дѣти не имѣютъ безъ имянного пріказу родітельскаго нікого бранiть, или поносітельными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учініть вѣжливо и утчіво.

3. У родітелеи рѣчеи перебивать не надлежітъ, и ніже прекословить, и другіхъ сверстніковъ въ рѣчи не впадать, но ожідать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла но повторять, на столъ, на скамью, или на что ино не опіраться, и не быть подобнымъ мужіку, которои на солнцѣ валяется, но стоять должни прямо.

4. Безъ спросу не говоріть, а когда и говорить имъ случится, то должни они благопріятно, а не крикомъ и ніже съ сердца, или съ задору говорить, не якобы сумазброды. Но все, что имъ говоріть, имѣетъ быть правда істінная, не прібавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтівыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокімъ лицемъ говоріть случілось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

5. Не прілично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смірно ѣсти. А вілками и ножікомъ по торѣлкамъ, по скатерти или по блюду не чертіть, не колоть и не стучать, но должни тіхо и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть.

6. Когда родітели, или кто другіи ихъ спросятъ, то должни они къ німъ отзыватца и отвѣщать тотъ часъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: что изволіте, государь батюшко, или государыня матушка, или: что мнѣ прікажете, государь; а не такъ: что, чего, што, какъ ты говорішъ, чего хочешъ. И не дерзостно отвѣщать: Да, такъ, і ниже вдругъ на отказъ молвіть; нѣтъ; но сказать: такъ, мои государь, слышу, государь; я выразумѣлъ, государь, учіню такъ, какъ вы, государь, приказали. А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презірая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ. Но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ. А многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашівать.

7. Когда имъ говоріть съ людьми, то должно имъ благочінно, учтіво, вѣжліво, разумно, а не много говоріть, потомъ слушать, и другихъ рѣчи не перебивать, но дать все выговорить и потомъ мнѣніе свое, что достоіно, предъявіть. Ежели случится дѣло и рѣчь печалная, то надлежитъ при такіхъ быть печалну и имѣть сожалѣніе, въ радостномъ случае быть радостну и являть себе весела съ веселыми.

8. Съ духовными должни дѣти вездѣ благочінно, постоянно, учтіво и вѣжліво говоріть, а глупости нікакои не предъявлять. Но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ, или духовные вопросы предлагать.

9. Никто себя самъ много не хвали и не унічіжаи и не срамоти и ніже дѣла своего возвелічівая, расшіряи болѣ, нежели какъ оное въ подлінномъ дѣиствѣ состоітъ, и нікогда роду своего и прозванія безъ нужды не возвышаи, ибо такъ чінятъ люди всегда такія, которыя не вѣдавнѣ токмо прославілісь. А особліво въ тои землѣ, гдѣ кто знакомъ, весма не надлежітъ того дѣлать, но ожідать, пока со стороны другія похвалятъ.

10 Съ своіми или съ посторонніми служітели гораздо не сообщаіся. Но ежели оные прілѣжны, такіхъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь,

для того, что они грубы и невѣжи (неразсудліви) будучи. незнаютъ держать мѣры. Но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестісь, а отшедши прочь, на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прілѣжно, когда что хощешъ о другіхъ говоріть опасаіся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А имянъ не упомінаи, но обінякаки говори, чтобъ дознатца было не можно, потому что такія люди много пріложіть и прібавить искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ. хвали, а въ прісутствіи ихъ, почітаи, и въ нуждѣ ихъ, имъ служи, также и о умершіхъ нікакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляи въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бываи, ибо отъ того случается, что нѣкоторые жівутъ лѣніво, не бодро, а разумъ ихъ затмітся и иступится, потомъ изтого добра нікакова ожидать можно, кромѣ дряхлова тѣла и червоточіны. которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбівъ, прилѣженъ и безпокоенъ, подобно какъ въ часахъ маятнікъ, для того, что бодрый господінъ ободряетъ и слугъ: подобно яко бодрый и рѣзвый конь учіняетъ сѣдока прилѣжна и осторожна, потому можно отъ части смотря на прілѣжность и бодрость или радѣніе слугъ, признать, како правленіе котораго господіна состоітъ и содержітся; ибо не напрасно пословіца говорітся: каковъ ігуменъ, такова и братія.

15. Имѣетъ отрокъ наіпаче всѣхъ человѣкъ прілежать, какъ бы себя могъ учініть благочестна и добродѣтелна; ибо не славная его фаміліа, и не высокои родъ пріводітъ его въ шляхетство, но благочестные и достохвалные его поступки. Понеже благочестіе есть похвала юности и счастіе благополучное, и красота въ старости. Того ради онои имѣетъ по правдѣ тому подражать. То бо есть истинное избавленіе отъ убожества, и прямая подпора и постояннои столпъ богатству.

16 Имѣетъ прямыя (сущіи) благочестивыи кавалеръ быть сміренъ, прівѣтлівъ и учтівъ. Ибо гордость мало добра содѣваетъ (пріносітъ) и кто сихъ трехъ добродѣтелей не имѣетъ, оныи не можетъ превзоіти и ниже между другіми просіять, яко свѣтило въ темномъ мѣстѣ или каморѣ. Понеже что выше чіномъ, то ніже смиреніемъ быть должно. Для того и три оныя добродѣтели: прівѣтлівость. сміреніе и учтівость украшаютъ не мало шляхетскую славу. А понеже искони старые честные люди оное сохраняли, того ради и юные имѣютъ оному подражать

17. Младый человѣкъ всегда имѣетъ съ благочестными и добродѣтельными людми обходітіся, отъ которыхъ бы онъ добру поучітца могъ. Также и съ такіми людми, которые честное имя и непорочное житіе имѣютъ. А отъ такіхъ, которые легкомысленно и злочестно живутъ, бѣгать, яко бы отъ яду или лютого мору. Благочестные люди имѣютъ отъ юныхъ почтены, превознесены и возлюблены быть. А отъ злоіменітыхъ должны юные остерегатіся и отъ ніхъ бѣгать. Ибо токмо скажи, съ кѣмъ ты обходішся, то можно прізнать, какое счастіе тебѣ впредь будетъ.

18. Младыи шляхтічъ или дворянінъ, ежели въ екзерціціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наіпаче въ языкахъ, въ коннои ѣздѣ, танцованіи, въ шпажнои бітвѣ, и можетъ добрoи разговоръ учініть, къ тому жъ красноглаголівъ и въ кнігахъ наученъ,—оныи можетъ съ такіми досуги прямымъ прідворнымъ человѣкомъ быть.

LXXII. Изъ ариѳметики Магницкаго [1]).

Аріѳметіка практіка или дѣятелная.

Что есть аріѳметика?

Аріѳметіка или числительница есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвалнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена явлшихся, изряднѣйшихъ аріѳметіковъ изобрѣтенное и изложенное.

Коликогуба есть аріѳметіка практіка? Есть сугуба.

1. Аріѳметіка політіка, или гражданская.

2. Аріѳметіка логістика, не ко гражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая.

Книга первая аріѳметіки.

Что есть аріѳметіка політіка?

Есть численіе, сочинененное въ толикомъ удобномъ образѣ, яко кійждо можетъ исчислити всякое исчисленіе, великое и малое, въ продажахъ и кŷпляхъ, въ мѣрахъ же и вѣсахъ, и во всякой цѣнѣ, и во всякихъ денгахъ, во вся царства всего міра.

На колико раздѣляется аріѳметіка політіка?

Раздѣляется на пять частей.

1. О числахъ цѣлыхъ.

2. О числахъ ломаныхъ, или съ долями.

3. О правилахъ подобныхъ, въ трехъ, въ пяти и въ седми перечняхъ.

4. О правилахъ фалшивыхъ, еже есть гадательныхъ.

5. О правилахъ радиксовъ квадратныхъ и кубическихъ, къ геомотріи принадлежащихъ.

Часть первая о числѣхъ цѣлыхъ.

Колико сія часть имѣетъ въ себѣ предѣленій?

Имѣетъ предѣленій пять: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Предѣленіе первое. Нумерацію, или счисленіе.

Что есть нумерацію?

Нумераціо есть счисленіе, еже совершенно вся числа рѣчію имено-

[1]) Полное заглавіе составленнаго Магницкимъ руководства слѣдующее: „Аріѳметіка, сирѣчь наука числителная. Съ разныхъ діалектовъ на славенскій языкъ преведенная, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя и великаго Князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, При благороднѣйшемъ великомъ Государѣ нашемъ Царевичѣ, и великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ, и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена, первое въ лѣто отъ сотворенія міра 7211, отъ рождества же по плоти Бога слова 1703, индикта 11, мѣсяца яннуарія“.

вати, яже въ десяти знаменованіяхъ, или изображеніяхъ содержатся, и изображаются сице: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0. Изъ нихъ же девять назнаменовательны суть; послѣднее же 0 (еже цыфрою, или ничемъ именуется), егда убо едино стоитъ, тогда само о себѣ ничтоже значитъ; егда же коему оныхъ знаменованій приложено будетъ, тогда умножаетъ въ десятеро, яко же предложено есть ниже сего.

Предѣленіе второе. Аддицю, или сложеніе.

Что такое аддиціо?

Аддиціо или сложеніе есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень совокупленіе.

Предѣленіе третіе. Субтракцю или вычитаніе.

Что есть субтракціо?

Субтракціо, или вычитаніе есть, имже малое число изъ болшаго вычитаемъ, и излишнее объявляемъ.

Яко егда случится тебѣ сицевъ перечень 57 вычитати изъ 89, и оставшее объявити, и ты постави меншій перечень подъ большій сице $\begin{array}{r}89\\57\end{array}$, прочертивъ же подъ ними черту, якоже есть $\begin{array}{r}89\\57\end{array}$, и начни вычитать отъ правыя руки, умствуя 7 изъ 9 останется 2, еже постави противъ 7 подъ чертою $\begin{array}{r}89\\57\\2\end{array}$ потомъ паки умствуй 5 изъ 8 и останется 3, и ты тое постави противъ 5 подъ чертою же $\begin{array}{r}89\\57\\32\end{array}$ и объявится излишнее большаго перечня предъ меньшимъ подъ чертою.

(Далѣе идетъ рядъ, какъ и послѣ каждаго опредѣленія, примѣровъ).

Предѣленіе четвертое.

Мултипликаціо, еже есть умноженіе.

Что есть умноженіе?

Умноженіе есть, имже что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вещемъ по множеству иныхъ вещей раздаемъ, и количество ихъ числомъ показуемъ. Но ко умноженію потребно есть послѣдующую таблицу толь твердо въ памяти имѣти, яко да коеждо число съ коимждо умноживъ, безъ всякаго медленія рѣчію сказати, или написати, якоже 2жды 2 есть 4, или 2жды 5 есть 7, и прочая.

Предѣленіе пятое.

Дивизіо, еже есть дѣленіе.

Что есть дѣленіе?

Дѣленіе есть, имже болшее число, или перечень на равныя части меншимъ раздѣляемъ, отъ нихъ же едину числомъ показуемъ.

Въ первыхъ лѣпо есть знати, яко болшій убо перечень, егоже хощемъ дѣлити, нарицается множество или дѣлимый, а другій, имже дѣлимъ, есть дѣлитель; третій же, отъ тѣхъ дву произшедый за черту именуется частный, или квотусъ.

Часть вторая о числахъ ломанныхъ, или съ долями.

Что такое число ломаное?

Число ломаное ничтоже ино есть, токмо часть вещи, числомъ объявленная, сирѣчь полтина есть половина рубля, а пишется сице $^1/_2$ рубля, или $^1/_4$, или пятая часть $^1/_5$, или двѣ пятыя части $^2/_5$ и всякія вещи яковая либо часть объявлена числомъ: то есть ломаное число.

Число убо цѣлое содержитъ предѣленій пять, сіе же седмь; ихъ же нарицанія сицевая суть: счисленіе, премѣненіе, сокращеніе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Книга аріѳметіки вторая.

Сія книга раздѣляется на три части.

Ихже первая есть о чинѣ аріѳметіки алгебраіка реченныя и аріѳметіки логістіки чрезъ градусы и минуты дѣйствующыя.

Вторая часть, о, еже чрезъ аріѳметіку геометрическая дѣйствовати, въ колесѣхъ и углахъ.

Третія о надлежащихъ къ мореплаванію надлежатъ и глебуса земного къ размѣренію.

LXXIII. Космографія петровскихъ временъ.

(Изъ статьи А. Ѳ. Кони: «Космографія Петровскихъ временъ», помѣщенной въ «Историч. Вѣстникѣ», ноябрь, 1887 г.).

Въ 1719 г. въ Москвѣ напечатанъ былъ на русскомъ языкѣ переводъ книги, нынѣ чрезвычайно рѣдкой и мало извѣстной, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „*Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатано, а нынѣ повелѣньемъ великаго Государя, Царя и Великаго князя Петра I-го, всероссійскаго Императора, при наслѣдственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ — на россійскомъ напечатано въ Москвѣ. Господня 1719, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ*“.

Книга эта представляетъ большой шагъ впередъ отъ тѣхъ космографическихъ и политико-географическихъ понятій, которыя были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о Меркаторѣ и о „космографіи, сирѣчь размѣрной всея земли“. Тамъ трактовалось о „Мазическомъ царствѣ дѣвичьемъ“, — жительницы котораго сходятся съ „Еѳіопами съ году на годъ: мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ“, — о великанахъ съ песьими головами, о змѣяхъ, у которыхъ „лицо дѣвическое, до пупа человѣкъ, а отъ пупа хоботъ зміевъ, крылаты, а зовомы василиски“; — „о людехъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обоихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучаго и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣстъ у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ“, —

и „о людяхъ Монокуляхъ объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ, и они могутъ покрытися ногою, какъ лапою“ и т. п.

Въ этого рода сочиненіяхъ описанію сосѣдей нашихъ съ запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію „дивіихъ людей“, да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большею краткостью. Такъ, французы оказывались „зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтахъ своихъ не крѣпки, па ьютъ много“; жители королевства агленскаго — нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и дохтуроваты, а пьютъ много и т. п.

„Описаніе земноводнаго круга“ отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, державшаго на раменахъ своихъ міръ; по борту ея надпись: „несу всѣхъ носящо, старъ сый только тяжкое бремя, се зрящъ всякъ учися — не трать всуе время“. Вторая съ надписью „Европы описаніе“ изображаетъ женщину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано: „сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости, въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣнница“. Гравюра „описаніе Азіи“, изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью: „Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесь, при лучшихъ не столь стала явна“; „Африки описаніе“ — съ изображеніемъ негровъ, слоновъ, львовъ — сопровождается надписью: „Аще и подъ солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ“. Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой царя инковъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуя описанію Америки, повѣствуетъ, „что пользуетъ симъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства“.

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на „предъ-уготовленіе на географію“ и на отдѣлы, называемые: ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава „о глобусѣ“, содержащая главныя основанія математической географіи. По вопросу о вращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. „Солнце причиняетъ день; и понеже на свѣтѣ день и нощь мѣняются, того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирмаментомъ, т.-е. съ твердію небесною, или земля движутся. Ежели по человѣческому уму разсуждать, то, кажется иновѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищалъ и содержалъ Николай Коперникъ, духовный человѣкъ въ Фрауенбургѣ въ прусахъ, что и нынѣ многіе пріемлютъ и оному послѣдуютъ. Между тѣмъ понеже именно въ священной библіи написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный дацкій математикъ Тихо Браге хранилъ, чему и до нынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы (глаголетъ авторъ книги сея) согласуемся мнѣнію Тихонскому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмаментъ непрестанно около земли обращается“.

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросы — какъ раздѣляется Италія? дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ сапога остаться, а сапогъ раздѣляется

на три части: верхняя—гдѣ отворотъ, средняя—голенища, и нижняя—ступень.

Яганъ Гибнеръ, авторъ этого „Земноводнаго круга“, особенно интересуется нравами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отказываться отъ области „политики“, „исторіи“ и „гинеологіи“, но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ пріобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, несмотря на заимствованіе чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристики отдѣльныхъ народовъ, причемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, нерѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ настоящее время.

Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ французовъ въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ, „какіе жители обрѣтаются во Франціи?“ „Сіи жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ поспѣшны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны, къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы, въ платьѣ перемѣнны и замысловаты, въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и во всѣхъ дѣлахъ скорую имѣютъ резолюцію“. Если отбросить стертую рукою исторіи „вѣрность своему королю“ и не поставить на счетъ храбрости французовъ ихъ пораженій въ 1870—71 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ „высокоумнымъ“ начальникамъ и „скоропостижнымъ“ политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ „скорую резолюцію“, — то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ „Описаніе земноводнаго круга“ относится съ большею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о „состояніи жителей гишпанскихъ“ указываетъ, что „у оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того, хулятъ ихъ гордость и лѣнивство“, что „ особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился“, и что, наконецъ, „проѣзжіе люди и иностранные корчмами зѣло недовольны“. Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ: „между гишпанцами и французами природная ли или обыклая антипатія состоитъ — о томъ еще и понынѣ диспутуется“. Но что стоитъ внѣ спора—это экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. „Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ, сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (...сія земля гораздо жарчае, нежели Германія,—говорится въ другомъ мѣстѣ), а отчасти за невременною любовію; также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являются“... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой „примѣчается въ лошадяхъ скудость; для того говоритца, ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франція столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоимъ королевствамъ нужды не было“.

Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разъѣли организмъ богатой и когда-то вполнѣ культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая му-

дрость и благородная терпимость звучатъ въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи, и звучатъ въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что̀ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ происходило среди народа, „имѣющаго скорую резолюцію", по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году, когда „разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католицкую, чего ради нѣкоторые отреклись вѣры, дабы избыть мученія, нѣкоторые же до смерти замучились, а многіе, оставя имѣнія свое и пожитки, поѣхали въ швейцары, въ голандію и англію, кромѣ тѣхъ, кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ кальвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было". Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религіозной терпимости, говоря объ Испаніи. „Гишпанцы" и французы служатъ мѣриломъ для оцѣнки итальянцевъ. „Не можно лучше итальянскаго нрава описать, кромѣ что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и французскою безпечальностію и веселостію". Разсаднику искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія, отдается справедливость: „итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ, и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходятъ". Но несимпатичныя свойства народа, пустившаго между прочимъ въ свѣтъ поговорку: „la vendetta è una meta ché e bisogna mangiare a freddo" (мщеніе — кушанье, которое надо ѣсть холоднымъ), не ускользаютъ отъ автора. „Имъ (т.-е. итальянцамъ) приписуется,— говоритъ онъ, —ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также превеликое непреступное злопамятство". Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ „прежде всего отъ бандітовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣжимъ бывало, однакожъ нынѣ оные гораздо успокоены и утолены". Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому, какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взглядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи) пользуется излюбленная Петромъ Голландія. „Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ столько кораблей не обрѣтается, сколько въ семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и саможелателенъ, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ необъятномъ купечествѣ не покидаетъ оные и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ". Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, „кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи,—но также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо велми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли".

Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе Граубинденской

земли (Граубюнденъ), гдѣ „зачинается рѣка Ренъ“ и гдѣ „жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются, якобы изъ стараго свѣта остались“, — при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, „понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивые побои“. Англіи посвящено въ „Земноводномъ кругѣ“ много отвѣтовъ, въ которыхъ по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, донынѣ раздѣляемый большинствомъ „благонамѣренныхъ“ англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи. „О жителяхъ Ирландіи мало добраго пишутъ,—говоритъ Гибнеръ,—кромѣ того, что они къ работѣ лѣнивы, къ тому же худые и упрямые люди, и понеже англичане усмотрѣли, что невозможно закоснѣлаго въ нихъ нрава премѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысящами ирландцевъ другимъ потентатамъ поступились“.

Самый краткій и жестокій отзывъ дается о небольшомъ государствѣ на юго-восточной границѣ Азіи и Европы, при чемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители „не гораздо добры, ибо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаваются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обычайно нѣкоторые дѣти отъ отца воровать научаются“.

Сѣверъ Европы, Россія и внѣевропейскія страны описываются въ „Земноводномъ кругѣ“ значительно короче западной Европы. Жители Даніи характеризуются, какъ „учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ“, а жители Норвегіи, какъ такіе, „кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчаны не сходны“. „Швеція соприкается съ Россіею чрезъ Лапландъ, сирѣчь Лаппія Швецика, гдѣ жители зѣло дикіе и суровые и варварскіе люди“, при чемъ „ради великія пустоты и немногихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикіе звѣри, между которыми особливо елени знакомиты суть“. Жители ближайшей къ россійскимъ границамъ Финляндіи могутъ „гораздо снести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оные угодны въ войнѣ бываютъ“. Недалеко отъ Финляндіи, въ Ингерманландіи, лежащей „между синусомъ финскимъ и Ладожскимъ озеромъ“, находится и „Санктъ-Петерсбрукъ, крѣпость и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется, и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ“. Хотя Москва и признается въ „Земноводномъ кругѣ“ начальнымъ городомъ всей земли и столицею царскою и патріарха греческаго, но о „красотѣ и силѣ“ ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ „во многихъ тысячахъ домовъ, которые токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ, ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ сгоритъ“. Въ этомъ приниженіи Москвы видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи „жители прежде всего не гораздо были искусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оные ѣздили въ иныя страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и, обучаяся, навыкали“. Съ разныхъ сторонъ русская земля окружена татарами, при чемъ, хотя русскія границы, „отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вподлинно неразмѣрены, но новѣйшіе географы разсуждаютъ, что крайнія

границы русскія весьма не такъ далече отдалены отъ Хины (Китая), нежели какъ оныя въ обычайныхъ ландкартахъ означены бываютъ". „Описаніе Земноводнаго круга перечисляетъ до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскихъ границахъ и, между прочимъ, около рѣки" Танаи, гдѣ живали „древле храбрыя жены амазоны", и даже въ Украйнѣ, недалеко отъ Кіева... „толь далеко распространилась и разсѣялась сія гадина"... Государству Хинскому, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россіею, посвящено довольно подробное описаніе. „Оная земля не можетъ довольно описана быть ради своего плодоносія и богатства въ золотѣ и каменіяхъ драгоцѣнныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особливой государь, которой хинской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подъ власть свою привели, и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть тартаріи и государство хинское одному владѣтелю подвержены, которой хинской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣною и тартаріею на 100 миль землю весьма опустошить цовелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамо питатися и можетъ быть для того, чтобы его другіе татары иногда такимъ образомъ въ Хинѣ не посѣтили, какъ онъ самъ учинилъ".

Африка полна „незнаемыхъ земель" и „неудобопамятныхъ королевствъ", а также разныхъ звѣрей, какъ-то обезьянъ, драконовъ, т.-е. зміевъ великихъ, львовъ, слоновъ и „страусовъ", коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе „суть всюду дикіе и необходительные люди: повыше къ Медитеранскому морю еще оные отчасти бѣляе, а которые пониже тамо живутъ—оные суть чернообразны; которые живутъ въ верху, признаваются въ махометанской вѣрѣ, но и христіане между ними находятся, но оные больше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при ѳіопскомъ морѣ живутъ, городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ въ оной землѣ и не многимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оные человѣческое мясо жрутъ; въ землѣ своей называются они гогентотенъ, а говорятъ языкомъ, подобно какъ у насъ куры кричатъ". Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также и цесарь и жители Мурінской земли или Габесиніи, но только „оная вѣра отъ европской во многихъ вещахъ не сходна". Король этого государства „отъ африканъ именуется великій негуцъ; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены".

Судьба туземцевъ Америки даютъ поводъ автору очертить въ отвѣтѣ на вопросъ—кому принадлежитъ Америка?—безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. „Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была, имѣла оная въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оные умышлять, какъ бы жителей всѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено. А папа, хотя въ свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческіе короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія". „Земля оная не подобна другимъ, а наипаче богата золотомъ и серебромъ (говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ, впрочемъ, высказываетъ мысль,

что „мало тамъ каково прибытку ожидать (!), того ради о ней мало мы освѣдомы"), такъ что гишпанцы многіе корабельные флоты, нагружены сребромъ, оттоль получали; ежелибъ они съ людьми тоя земли пріятнѣе поступили, то неисчетное-бъ богатство получили, но понеже они многіе милліоны людей немилосерднымъ образомъ погубили, того ради сами жители многіе рудокопные заводы разорили. Жители оные были остраго ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ".

Въ заключеніе надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всѣмъ „празднымъ и нарочитымъ вымысламъ" и тщательно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанныя съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства.

LXXIV. Отрывки изъ книги: Земноводнаго круга краткое описаніе.

Предъуготовленіе на географію, по вопросамъ и отвѣтамъ предложенное.

Вопросъ. I. Что въ каждой ланкартѣ примѣчать должно?

Отвѣтъ. Три вещи помнить надобно:

1. Како раздѣляется небо;
2. Како ландкарта положена быть имѣетъ;
3. Како лицо обратить:

II. Како раздѣляется небо?

1: На подобіе камары (или горницы) четвероугольныя потребно четыре страны небесныя разсуждать. По латінѣ сіи страны или края называются пляги, или кардинесъ мунди.

1: Гдѣ солнце восходитъ, называется востокъ, латінски — оріенсъ.

2: Гдѣ солнце заходитъ, называется западъ, латінски — окциденсъ.

3: Гдѣ солнце днемъ о двѣнадцати часахъ стоитъ, называется полдень, латінски — меридіесъ.

4: Что между западомъ и востокомъ напротивъ полудня, оное называется полночь, латінски — септентріо.

Корабелщики тѣ страны инако называютъ, что примѣчать должно:

1: Къ востоку называютъ по германскому остенъ.

2: Къ западу называютъ вестенъ.

3: Къ полдню зюиденъ.

4: Къ полуночи норденъ.

И потому четыре главные раздѣляются вѣтры, которые латинскимъ языкомъ называются венти кардиналесъ.

1: Остъ-виндъ, что отъ востока вѣтръ приходитъ, по латінѣ эврусъ или субсолянусъ.

2: Вестъ-виндъ, что отъ запада приходитъ, по латінѣ — зефирусъ или фафоніусъ.

3: Зюдъ-виндъ, отъ полудня приходитъ, по латінѣ — нотусъ или аустеръ.

4: Нордъ-виндъ, отъ полунощи приходитъ, по латінѣ — бореасъ или аквило.

III. Како ландкарта положена быть имѣетъ?

1: Оную такъ положить, чтобъ положеніе ландкарты съ помянутыми четырьмя раздѣленія небесными сходно было.

2: На многихъ ландкартахъ написаны по сторонамъ слова: оріенсъ, окциденсъ, миридіесъ, септентріо: И не можетъ, легчае быть, кромѣ, что карту такъ положить, чтобы помянутыя четыре слова съ четырьмя сторонами свѣта сходны были.

3: А ежели сіи слова выпущены, то хотя на ландкартѣ компасъ съ магнетною иглою написанъ, и тогда токмо можно карту такъ положить, чтобъ конецъ магнетной иглы къ сѣверу указывалъ, то исправно будетъ.

IV. Како же лицо обратить?

1: Многіе учителя, повѣся ландкарту на стѣну, приступаютъ ко онои такъ, какъ свѣтъ лутче изъ окончинъ приходитъ.

2: А кто много учениковъ, а мало ландкартъ имѣетъ, и мѣста пространнаго нѣтъ, тамо инако учить не можетъ.

3: Между тѣмъ размышляя, что чрезъ то все положеніе земель премѣнится. и вниманіе мысли помѣшается, и тако все неудобно будетъ.

4: Того ради наилутче будетъ, когда ландкарта на столъ положится, а ученики лицомъ къ сѣверу всегда обращены бываютъ, понеже такимъ образомъ имѣемъ

Въ лицѣ сѣверъ	Назади полденъ
На правой сторонѣ восходъ	На лѣвой западъ.

5: А буде иныя особливыя карты и неисправны, яко генеральная карта нидерляyская: однакожъ лутче слова иногда превратить, нежели положенія мѣстъ обращены будутъ.

1. Каковъ является свѣтъ?

1: Свѣтъ есть круглъ, яко шаръ. И тако мыслить себѣ должно, что и подъ нами живутъ люди, которыя ногами въ вверхъ обращаются [гречески же нарицаются антиподы].

2: На картѣ кажется, яко бы шаръ пополамъ разрѣзанъ, и обѣ части (или половины) вмѣстѣ лежатъ.

2. Что въ сей ландкартѣ примѣчается?

Зѣло бы много было примѣчать, однако большая часть оставляется, пока къ деревянному придемъ глобусу, нынѣ же въ началѣ примѣчаются двѣ части:

1: Раздѣленіе всего земного круга.

2: Нѣкоторыя географическія слова, которыя въ разныхъ мѣстахъ въ ландкартахъ обрѣтаются.

3. Како весь земной кругъ раздѣляется?

Трояко раздѣленіе имѣетъ:

1: Первое ученые люди учинили, оное называется математіческое раздѣленіе по латінѣ—дивизіо орбисъ математіка.

2: Второе отъ натуры учинилось, оное называется натуральное раздѣленіе, по латінѣ—дивизіо орбисъ фізика.

3: Третіе потентаты на свѣтѣ учинили, оное называется политіческое раздѣленіе, по латінѣ—дивизіо орбисъ политіка.

4. Како ученые люди свѣтъ раздѣлили?

1: Оные въ мысли около всего земного круга многіе циркули и линеи обвели.

2: И по правдѣ въ мысли, понеже на земли самои такихъ линеи не обрѣтается, но оныя томко во умѣ состоятъ.

3: Всѣ сперва примѣчены быть не могутъ, того ради токмо нѣкоторые изъ нихъ познать должно, безъ которыхъ въ послѣдующихъ главахъ обоитица не можно. Протчее же отлагается до главы о употребленіи глобуса.

5. Сколко того для о математическомъ раздѣленіи знать надлежитъ?

1: Около всего земного круга въ длину проведены кривыя линеи, и оныя какъ въ верху, такъ и въ низу въ мѣстѣ во единъ пунктъ сходятца, и гдѣ оныя соидутца, оной пунктъ или точка называется полюсъ. Которыхъ суть два.

2: Одинъ къ полунощи или сѣверу, онои же въ ландкартѣ является въ верху, и называется полюсъ арктикусъ, а по нѣмецки нордъ-поль.

3: Другой къ полудню или къ югу. а въ ландкартѣ онои въ низу, и называется полюсъ антарктикусъ, по нѣмецки зюдеръ-поль.

4: Въ срединѣ сквозь свѣтъ проходитъ прямая линеа, оная отъ ученыхъ экваторъ или линеа равнонощная, а отъ корабельщиковъ просто линеа называется.

5: На сей линеи много малыхъ мѣстечекъ размѣчено, которыя называются градусами, и каждой градусъ содержитъ на земли 15 нѣмецкихъ миль.

6: И понеже кругомъ всего свѣта 360 такихъ градусовъ, что учинитъ 5400 нѣмецкихъ миль, того ради сія есть величина всего свѣта въ округлости.

7: Оныи же градусъ раздѣляется потомъ въ 60 минутъ, и того для одна минута придетъ на четверть мили, а 4 минуты учинятъ цѣлую нѣмецкую милю.

8: Такія минуты обычайно на шпеціальныхъ или особныхъ картахъ объявлены, и того для градусовъ съ минутами перемѣнять не надобно.

6. Какое раздѣленіе натура учинила?

1: Понеже Богъ единожды при сотвореніи свѣта повелѣлъ, да соберется вода, яже есть подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша, того ради натура и до сего часа при томъ раздѣленіи осталась.

2: И тако въ нынѣшнее время весь свѣтъ состоитъ въ землѣ и въ водѣ, которое около всего земного круга чуднымъ образомъ смѣшано.

7. Како раздѣляется земля?

1: Земли лежатъ вездѣ разсѣяны, и хотя въ нынѣшнемъ времени корабельное плаванiе такъ въ совершенство пришло, что мы изъ зѣло дальнихъ мѣстъ подлинную вѣдомость получить можемъ, однако обрѣтаютца индѣ цѣлыя провинцiи, которыя отъ части для стужи, а отъ части для свирѣпыхъ жителей еще ни отъ кого осмотрѣны быть могутъ.

2: А понеже въ сихъ послѣднихъ временахъ великiя земли найдены, о которыхъ на предъ сего не вѣдомо было: того ради можно вѣрить, что и нынѣ еще многiя земли обрѣтаются, которыхъ понынѣ еще не видали.

3: И такимъ образомъ находятца вѣдомыя и не вѣдомыя земли.

8. Которыя суть вѣдомыя земли?

1: Оныя суть четыре большiя части свѣта, которыя натура сама смѣшанiемъ водъ раздѣлила.

Европа, въ которой мы живемъ, лежитъ къ сѣверу, и оная есть меньшая часть.

Азiя лежитъ къ востоку, и оная есть большая часть.

Африка къ полудню, она же и жарчайшая.

Америка къ западу есть богатѣйшая страна.

2: Первыя три части, а имянно: европа, азiа, африка, изъ древнихъ временъ знаемы были, того ради оныя купно называются старои свѣтъ.

3: Америка же токмо предъ 100 годами обрѣтена, того ради обычаино нової свѣтъ называется.

11. Какое раздѣленiе потентаты учинили?

1: Всѣмъ свѣтомъ никогда одинъ не владѣлъ: но многiя области воономъ раздѣлялися: того ради имѣемъ нынѣ цесарства, царства, королевства, курфирства, княженiя, герцогства, маргграфства, ландграфства, бурграфства, графства, владѣтельства, архiепiскопства, епископства, игуменства, пробсткiя владѣнiя, и прочая.

2: И въ семъ политическомъ раздѣленiи обычаино границы субтелными, и едва межъ собою не связанными точками обозначены, которыя потомъ красками разцвѣчены бываютъ, дабы оныя наилутче и внятнѣе примѣчались.

3: Однако сiе раздѣленiе на всемъ земномъ кругѣ не является, но оныя имѣютъ въ послѣдующихъ главахъ на разныхъ ландкартахъ со временемъ показаны быть.

О ландкартѣ европской.

1. Какiя границы имѣетъ Европа?

Европа едва не вся водою окружена, токмо по-зади ко Азiи землею смежна; границы за подлинно еще не поставлены, однако распространяютъ многiе географы сiю часть свѣта до рѣки Оби, которая отъ сѣвера, и даже до рѣки Волги, которая послѣди къ югу, и такимъ образомъ на ландкартѣ внизъ течетъ.

2. Како раздѣляется Европа?

Наилучше можно раздѣленіе примѣтить, когда европу, яко сѣдящую дѣвицу, размышлять кто станетъ.

1: Фантанжъ есть португаль. 2: Лице то испанія. 3: Груди то Франція. 4: Лѣвая рука, то англіа, шкоціа и ірландіа 5: Правая рука italia. 6: Подъ лѣвою рукою лежитъ Нидерландіа. 7: Подъ правою рукою лежатъ швеицеры. 8: Къ тѣлу надлежатъ: цесаріа, польша, и венгеры. 9: Колѣни, то данія, норвегіа и швеціа. 10: Одежда до ногъ есть московское государство. 11: Позади же еще останутца европскія турки и греческая земля. 12: Острова около европы всегда къ ближнимъ землямъ причитаются.

О ландкартѣ гишпанской.

1. Что на сей картѣ является?

Все королевство гишпанское, по латінѣ гіспаніа, по-французски эспань, которое много иныхъ королевствъ и провинцеи въ себѣ содержитъ, которыя всѣ на сей картѣ такъ явственно обозначены, что шпеціалной карты не потребно будетъ.

2. Какое положеніе мѣста испаніа имѣетъ?

1: Отъ германіи лежитъ она къ западу, и понеже отъ італіанцовъ также лежитъ. Того ради латіинскія стіхотворцы назвали оную гесперіа, можетъ быть отъ звѣзды вечернія, которая латінски гесперусъ называется.

2: А когда греческіе авторы имя гесперіа употребляютъ, то они чрезъ то італію разумѣваютъ, ибо оная отъ греческой земли также къ западу лежитъ.

3: А сама въ себѣ съ провинціами вдоль и поперегъ такое положеніе имѣетъ, что вся земля еще отъ старыхъ географовъ разпростертое телячеи кожѣ уподоблена была.

3. Какія границы іспанія имѣетъ?

Въ верху и внизу, то-есть къ сѣверу и къ югу, окружена водою, а по лѣвую сторону и по правую, то-есть къ западу и востоку, смежна съ другими государствы.

6. Какова сосѣда имѣетъ гишпаніа по лѣвую сторону?

Сосѣдомъ есть король португалской, которой 1703 вступя въ аліанцію съ высокими союзники противъ гишпаніи, вездѣ тую обезпокоить можетъ, а противъ того для пограничныхъ горъ, и португальскихъ своихъ крѣпостеи мало опасатся имѣетъ.

7. Какова сосѣда имѣетъ гишпаніа по правую сторону?

1: Тамо есть король францускои, и хотя сія оба королевства, и имянно францускoе и гишпанское, яко бы каменною стѣною натура раз-

лучила, то-есть пиринейскими горами, которыя отъ одного моря до другова продолжаются, и для непрестаннаго снѣга съ великою трудностію проходимы бываютъ.

2: Однако, когда въ прежнемъ времени гишпанцы съ французами между собою такъ озлоблены были, что являлось, аки бы природная ненависть между оными обѣими народами вкоренилась: Того ради въ то время Французы иногда со всею армеею чрезъ оныя горы переходили.

3: Нынѣ же та злоба между обѣими націами окончается ли. Понеже француской принцъ на гишпанскои престолъ вступилъ, то въ предь обьявится, между тѣмъ еще въ 1660 году, послѣ пиринеискаго мира, за твердо поставлено было, чтобъ славнои горѣ капо де креицъ; лат.: промонторіумъ круцисъ, границѣ быть.

28. Какова состоянія жители гишпанскія?

1: Хвалятъ у оныхъ остроуміе ихъ, и постоянство, а противъ того хулятъ гордость ихъ, лѣнивство: а особливо проѣзжіе люди и иностранные гишпанскими корчмами зѣло не довольны.

2: Оные имѣютъ особои свои языкъ, съ латинскимъ во многомъ сходенъ, и такимъ образомъ кажется, что оныи отъ латинскаго родился.

3: Что между гишпанцами и французами природная ли или обыклая антіпатія состоитъ, о томъ еще по нынѣ диспутуются.

4 Въ протчемъ гишпанія гораздо столько жителей не имѣетъ, сколько бъ оная обнять могла, а причины ктому отъ части за воздухомъ, а отъ части за невременною любовію Также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія марановъ, и для жестокой інквизиціи,и для многихъ оттуда переведенцовъ быть являются.

29. Какая вѣра въ гишпаніи?

1: Всѣ сряду имѣютъ римскую католическую вѣру, за 200 лѣтъ было тамо и жидовъ и срацынъ много. Но единожды въ лѣто 1492, а вторично въ лѣто 1610, оные миліонами выгнаты оттоль.

2: Не за долго предъ реформаціею, и духовнои судъ, по гишпански инвизиціонъ называется, отъ Фердинанда католика въ ішпаніи зачался, отъ котораго щастливо, или больше нещастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истины никогда въ гишпаніи просіять могъ.

30. Кому всѣ сія земли надлежатъ?

1: Прежде всего подъ властію единаго короля были, которои въ королевствахъ вице королеи, а въ другихъ провинціахъ губернаторовъ своихъ имѣлъ, и оныхъ обычаино по вся три года перемѣнялъ, а нынѣ споруются оба дома аустріискои и анжуской о сеи великои монархіи, и въ нынѣшнемъ 1711-мъ году анжуская партіа гораздо перетягала.

1: Обстоятельства о соединеніи толь многихъ земель касаются въ гисторіи, собственное обстоятельство правительства въ политікѣ обрѣтается, а вѣдѣніе о королевскомъ домѣ надлежитъ въ генеалогію.

О ландкартѣ італіанскои.

1. Какое положеніе имѣетъ італіа.

Італія есть узкая да долая часть земли, которая на медитеранское море простирается. И въ ландкартѣ на подобіе сапога является.

Въ верху касается германіи, къ швейцаріи и къ Франціи, а около вездѣ окружена водою.

Вода, которая около італіи обрѣтается въ верху, называется лигуриское море, понеже геневская страна, гдѣ море сіе идетъ, прежде сего лигуріа имяновалась.

А которая въ низу окружилась, называется море тосканское, или тиренское, понеже та страна, гдѣ сіе море касается, и которая нынѣ тоскана слыветъ, прежде сего тиреніа называлась.

Вода, которая надъ італіею подобно великому морю, и называется обычаино голфо ди венеціа, или море адріатіческое. Понеже въ верху недалече отъ венеціи лежитъ городъ адріа, которои прежде сего такъ славенъ былъ, что и море оное отъ него прозваніе себѣ получило.

3. Коль велика можетъ быть італіа?

Въ длину отъ швеицаръ даже до низу учинить около 200 нѣмецкихъ миль. А ширина различна есть, въ верху учинить 140 миль. А въ низу на нѣкоторыхъ мѣстахъ на силу 30 или 40 нѣмецкихъ миль.

4. Какое состояніе італіанская земля имѣетъ?

Въ верху, гдѣ швеицаріи и Франціи касается, тамо суть превеликія горы, которыя генерално алпы, или швеіцарскія горы называются, а по латінѣ алпесъ.

Потомъ зачинается отъ алповъ апенская гора, лат.: монсъ аппеніусъ, и продолжается сквозь всю італію.

Въ протчемъ італіа есть преизрядная земля во всемъ свѣтѣ. И ради неподобнаго и многаго своего плодоносія въ вінахъ, и въ протчихъ сладостяхъ по правдѣ раи сего свѣта называется, токмо хлѣба гораздо столко не родится, нежели какъ жители удоволствованы быть могутъ. Однако недостатокъ онои исправляютъ, и привозятъ, какъ изъ полши, такъ и изъ африки хлѣба доволно.

5. Какова состоянія суть жители оныя?

Італіанская нація достойна похвалы, что они суть остроумны. Понеже они въ музыкѣ и въ архітектурномъ и живописномъ художествахъ, и въ протчихъ мудрыхъ искуствахъ предъ другими народы не мало превосходятъ.

При томъ приписуетца имъ ревнованіе не вѣдомо, либо за хулу, или яко благочестіе также и превеликое неприступное злопамятство.

Прежде сего отъ бандітовъ или разбоиниковъ въ італіи, а особливо въ низу въ неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены.

Въ протчемъ не можно лучше італіанскаго нрава описать, кромѣ что

когда говоритца, что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостiю и французскою безпечалностiю, или веселостiю.

6. Какая вѣра есть во iталiи?

Вездѣ тамо есть римская католицкая вѣра. И къ тому удостоена земля сiя, что глава римскаго католицкаго сонмища, и зовомой викарiи. или намѣстникъ христовъ—непремѣнно тамо резиденцiю свою имѣетъ.

Однако, не смотря на то нигдѣ столко легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римскои католицкои вѣрѣ поступокъ не бываетъ, какъ въ самой iталiи.

Удивителножъ и сiе, что въ самомъ римѣ жиды вѣру свою отправлять могутъ, а реформатамъ того не позволено.

Въ долинахъ между алпейскихъ горъ хоронясь живали прежде сего нѣкоторые имянуемые валдензы, которые гораздо сходны къ реформацкои вѣрѣ. Но потомъ хотя немилостивно оныхъ изъгоняли, однако не великая частица и донынѣ оныхъ тамъ осталась.

7. Кто владѣетъ въ iталiи?

Во время христова рождества имѣлъ городъ римъ не токмо надъ талiею, но и едва не всѣмъ свѣтомъ владычествовать и повелѣвать.

И такимъ образомъ была iталiа тогда началнѣйшая провинцiа римскаго государства. Потомъ пришли въ 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ и въ 8-мъ секулахъ готы, гуны, герулы, лонгобарды, и протчiе варварскiе народи во iталiю, которые опустоша все учинили тѣмъ западному римскому государству жалостной конецъ.

Но когда послѣ того времени сiя изрядная земля помощiю нѣмецкихъ цесареи отъ оныхъ невѣжливыхъ гостей освободилась, зачалися тамо со временемъ разныя королевства, герцогства и волныя републики.

Въ первыхъ папа свою часть имѣетъ, потомъ имѣетъ цесарь своихъ удѣлныхъ начальниковъ, также король гишпанскои имѣетъ тамо свою порцiю, или долю.

Въ протчемъ многiе обрѣтаются самовластные князи, и републики. о которыхъ ниже сего вскорѣ объявлено будетъ.

8. Како раздѣляется iталiа?

Лутче при фигурѣ сапога остаться, а сапогъ раздѣляется въ три части.

1: Верхняя часть—гдѣ отвороты.

2: Средняя часть—голенища.

3: Нижняя часть—ступень. Такимъ образомъ раздѣляемъ и iталiю въ три части.

I: Верхняя часть iталiи около рѣки Поа.

II: Средняя часть iталiи около рѣкъ арпа и тибера.

III: Нижняя часть iталiи весма въ низу, а понеже около iталiи многiе острова обрѣтаются, того ради еще прилагается.

LXXV. Положенiе народа при Петрѣ Великомъ и Посошковъ.

(Изъ соч. Водовозова: «Очерки изъ русской исторiи XVIII-го вѣка»).

Преобразованiя, начатыя Петромъ, стоили большихъ жертвъ народу. Эти жертвы ложились на всѣ сословiя, но всего болѣе на крестьянъ. Отъ сельскихъ общинъ, во-первыхъ, постоянно требовали рабочихъ, которые нужны были при постройкѣ многочисленныхъ укрѣпленiй на границѣ и въ Петербургѣ, въ губернiяхъ Азовской, Кiевской, Воронежской, — при постоянномъ, усиленномъ судостроенiи близъ Воронежа, въ Московской губернiи, гдѣ приготовляли суда для сплава казенныхъ запасовъ, въ Архангельскѣ, въ Олонцѣ, въ Петербургѣ. Въ Казанской губернiи поселяли плотниковъ и пильщиковъ, чтобы готовить запасы для флота. Многочисленные плотники, каменщики и всякiе другiе ремесленники были собираемы со всей Россiи для поселенiя въ Петербугъ. Въ продолженiе многихъ лѣтъ въ Петербургъ высылали до 40000 рабочихъ ежегодно; при этомъ взыскивали съ народа деньги на ихъ содержанiе. Обыкновенно брали по одному рабочему съ извѣстнаго числа дворовъ; но отъ дурного содержанiя, отъ различныхъ притѣсненiй, отъ непривычки къ новымъ, труднымъ работамъ, многiе изъ нихъ разбѣгались или умирали, и общины должны были постоянно возобновлять недостающее число. Число бѣглыхъ наконецъ такъ увеличилось, что царь нашелъ болѣе удобнымъ, вмѣсто обязательной высылки рабочихъ, обложить общины извѣстною податью, а работы производить по найму, черезъ подрядчиковъ.

Другою повинностью была рекрутчина. По причинѣ постоянныхъ войнъ и трудныхъ походовъ, при Петрѣ особенно часто происходили рекрутскiе наборы. Брали съ 50 и даже съ дворовъ по рекруту; на ихъ содержанiе собирали деньги съ помѣщиковъ, общинъ и торговыхъ людей. При громадномъ количествѣ бѣглыхъ и умирающихъ, и здѣсь приходилось пополнять постоянный недочетъ въ армiи.

Царь изобрѣталъ все новые способы для увеличенiя войска. Бѣжавшiе отъ помѣщиковъ не выдавались, если шли въ солдаты; принимали воровъ и бездомныхъ бродягъ; брали въ рекруты изъ дворовыхъ и работниковъ, служившихъ у купцовъ, изъ дѣтей духовенства, изъ ямщиковъ, изъ приказныхъ и подъячихъ. Для флота выбирали матросовъ изъ людей, которые въ сѣверномъ краѣ занимались промыслами на морѣ и озерахъ. Громадныя издержки на флотъ и сухопутное войско требовали все новыхъ налоговъ. Царь особенно награждалъ людей, умѣвшихъ увеличить казенные доходы. Придумывали для этого всевозможные способы. Для просьбъ, для всѣхъ дѣлъ съ казною, стали продавать клейменую (гербовую) бумагу; обложили пошлинами и всякiе записи, договоры, условiя, сдѣлки.

Казна получала значительныя деньги, продавая отъ себя вино, соль, табакъ. Многiе предметы промысловъ и торговли отдавались на откупъ. Такъ, отдавались съ торговъ рыбныя ловли, постоялые дворы, торговыя пристани, мельницы, мосты, перевозы, пчельники, бани. Если же и дозволяли этимъ дѣломъ промышлять каждому, то не иначе, какъ съ уплатою пошлинъ. Въ Москвѣ устроены были заставы, гдѣ брали со всякаго воза небольшую пошлину. Мастеровые, плотники, каменщики, хлѣбники платили по двѣ гривны. Налогъ на бороды состоялъ въ слѣдующемъ: со слу-

жилыхъ, торговыхъ и посадскихъ брали по 60 руб. въ годъ, съ богатыхъ купцовъ — по 100 руб., съ боярскихъ людей и ямщиковъ — 30 руб., съ крестьянъ—по 2 деньги лишь —при каждомъ въѣздѣ и выѣздѣ изъ города. Царь придумалъ и подать на дубовые гробы, которые продавались вчетверо дороже противъ обыкновенной цѣны. Были и разныя мелкія повинности. Такъ, каждый пріѣзжавшій въ Москву крестьянинъ долженъ былъ привезти съ собою и сложить у заставы три камня для мостовыхъ и построекъ. На болѣе богатыхъ купцахъ и помѣщикахъ лежала особая повинность—строиться въ Петербургѣ. Сначала они обязаны были строить себѣ домъ на Петербургской и по лѣвому берегу Невы (по нынѣшней Милліонной), а потомъ на Васильевскомъ островѣ. Строившіе должны заготовлять и извѣстное количество кирпичей. Кромѣ всего этого, своимъ чередомъ шла съ дворовъ обыкновенная подать на содержаніе войска и другія государственныя нужды. Эту подать взимали по старымъ переписнымъ книгамъ, въ которыхъ значились дворы, уже давно не существовавшіе. Помѣщикъ долженъ былъ иногда платить за 100 дворовъ, когда у него было ихъ менѣе 50. Взыскивая деньги съ крестьянъ, онъ доводилъ ихъ до совершеннаго разоренія, и они у него разбѣгались. Послѣ этого и самъ онъ спасался бѣгствомъ, боясь отвѣтственности за невысланныя деньги. Напротивъ, богатые помѣщики укрывали настоящее число дворовъ и платили меньше. Тогда Петръ приказалъ сдѣлать новую перепись народа и завести метрическія книги. Къ концу царствованія, послѣ сдѣланной ревизіи, онъ приказалъ брать, вмѣсто прежней подворной, подушную подать: съ каждой ревизской души по 80 копѣекъ. Купцы, не участвуя въ рекрутской повинности, вносили, кромѣ другихъ податей, по 100 руб. за каждаго рекрута, котораго, по разсчету, пришлось бы имъ поставить. Новые порядки не поправили дѣла: помѣщики укрывали число людей, какъ прежде дворы; изъ того, что чиновники собирали съ народа, и третьей части не попадало въ казну. Недоимки все болѣе возрастали: обыкновенно казна получала не болѣе половины того, что предполагала получить по росписи доходовъ. Кто не могъ заплатить, отработывалъ свой долгъ въ Петербургѣ или въ другомъ мѣстѣ. Все это давало поводъ враждебнымъ Петру людямъ толковать: „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ напустилъ этого царя на царство, мы и свѣтлыхъ дней не видали: все рубли да полтины, да подводы. Это міроѣдъ—весь міръ переѣлъ, переводитъ добрыя головы, а на него, кутилку, и переводу нѣтъ“. А одинъ попъ, искажая новый титулъ государя, объяснялъ: „Имперетеръ, потому что людей перетеръ“.

Но какъ ни тягостны были всѣ указанныя нами повинности, большая часть изъ нихъ устанавливалась временно и при томъ для возвышенія государства, для распространенія науки. Гдѣ возможно, Петръ облегчалъ эти тягости, прощая недоимки за многіе годы. Конечно, нѣкоторыя изъ придуманныхъ имъ податей и повинностей могли быть очень стѣснительными и вредными для промышленности и торговли; но надо помнить, что въ то время еще не знали другихъ средствъ получать деньги, какъ, напримѣръ, нынѣ, путемъ кредита. Надо удивляться, какъ могъ Петръ сдѣлать такъ много, имѣя съ государства дохода около 3 милл. рублей, а въ послѣдній годъ царствованія лишь 10 милліоновъ рублей на тогдашнія деньги. Важнѣе то обстоятельство, что исполнители воли Петра страшно злоупотребляли своею властію, и съ этимъ стариннымъ зломъ царю было трудно бороться. Раскрывались такія дѣла. Рабочихъ и рекрутовъ, при пересылкѣ, держали въ кандалахъ, по острогамъ, часто безъ

обуви и безъ пищи. Присваивали себѣ назначенныя на нихъ кормовыя и пересылочныя деньги, и, гдѣ нужно было везти ихъ на подводахъ, гнали ихъ пѣшими. То же видимъ при сборѣ податей, при воинскихъ постояхъ. Различныя власти имѣли свой судъ, свои канцеляріи, своихъ служителей, и всѣ думали о наживѣ, укрывая грабителей, вымогая, что можно было взять, всякимъ обманомъ. Петру не разъ приходилось издавать такіе указы: „Извѣстно учинилось, что возрастаютъ на всенародную тягость великія неправды и грабительства, и тѣмъ многихъ чиновъ люди, а особенно крестьяне, приходятъ въ разореніе и бѣдность..., то, чтобы не дерзали никакихъ казенныхъ посуловъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядами и прочими вымыслами. Кто это сдѣлаетъ, будетъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шельмованъ и смертью казненъ".

Понятно, что при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ число бѣглыхъ должно было увеличиваться, хотя многіе бѣжали въ скиты и отъ грѣха, какой видѣли во всякой новизнѣ; многіе скрывались и отъ обычной русскому человѣку лѣни. Такъ, однажды изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ бѣжало до 20000 человѣкъ рекрутъ и рабочихъ. Кромѣ раскольниковъ, бѣглые находили пріютъ въ Польшѣ, или у малороссійскихъ и донскихъ казаковъ; нерѣдко они собирались въ большія разбойничьи шайки, въ 200 и болѣе человѣкъ, и свирѣпствовали около Москвы, въ петербургской губерніи (гдѣ однажды собралась шайка въ 9000 человѣкъ), на псковской границѣ и на всемъ пространствѣ отъ Пскова до Ярославля. Они нападали на усадьбы, жгли и грабили безъ пощады. Такъ, въ названныхъ нами мѣстахъ разорено около 100000 дворовъ. Бѣглыхъ жестоко наказывали, ссылали на каторгу, обѣщали имъ прощеніе, если возвратятся: все это мало помогало. Однако внутри Россіи дѣло ограничивалось разбоями: здѣсь хотя и недостаточно было войска, чтобы изловить всѣхъ разбойниковъ, но довольно, чтобы не допустить народъ до возмущенія. Не то происходило на окраинахъ, въ Астрахани и на Дону. Въ Астрахани началась смута въ 1705 году вслѣдствіе толковъ заѣзжихъ купцовъ и стрѣльцовъ. Говорили, что въ Казани по дворамъ безчинствуютъ нѣмцы, оскорбляя женщинъ, что этихъ нѣмцевъ нашлютъ и въ Астрахань, и выдадутъ за нихъ всѣхъ астраханскихъ дѣвицъ. Въ испугѣ астраханцы въ одинъ день сыграли сто свадебъ. Они пугались также *кумірскихъ боговъ*, какіе заводятъ нѣмцы и подражавшіе имъ русскіе. Велѣно разыскать, что это за кумірскіе боги, и оказалось, что это болваны, на которыхъ расправляютъ и сохраняютъ парики для сбереженія. Но главнымъ виновникомъ зла былъ воевода Ржевскій. Вводя новые обычаи, онъ жестоко притѣснялъ и оскорблялъ народъ. Обрѣзывали полы платья тѣмъ, кто входилъ въ церковь въ старинной одеждѣ; вырывали щипцами бороды съ мясомъ. Астраханцы жаловались: „Съ насъ берутъ по рублю банныя деньги, съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, завели причальныя и отвальныя пошлины. Привези хворосту въ лодкѣ хоть на шесть денегъ, а привальнаго заплати гривну". Народъ, наконецъ, не вынесъ; ночью ворвался въ кремль и убилъ Ржевскаго вмѣстѣ съ нѣсколькими нѣмцами. Подъ руководствомъ ярославскаго Купца Носова, астраханцы устроили у себя казацкое управленіе; къ нимъ присоединились жители Чернаго и Краснаго Яра на Волгѣ. Петръ послалъ противъ нихъ Шереметева съ войскомъ. Этотъ осадилъ Астрахань и вступилъ въ переговоры съ мятежниками, обѣщая имъ прощеніе, если покорятся. Одинъ изъ приближенныхъ царя писалъ по этому случаю: „довольно я съ ними толковалъ.

всѣ кажутся вѣрны и мужики добрые; а намъ лучшіе воры немного вѣрятъ, только и въ насъ не безъ воровъ бывало". Астраханцы упорствовали, пока Шереметевъ не началъ стрѣлять въ городъ ядрами. Тутъ они покорились, и болѣе 350 человѣкъ изъ нихъ казнены или погибли въ тюрьмахъ. Другое возмущеніе, на Дону, произошло въ 1707 году. Уже давно въ сѣверной части Донской области, по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру, Донцу селились бѣглые изъ московскаго государства. При Петрѣ эти поселки стали особенно людными. Жители ихъ называли себя казаками, подчинялись казацкому управленію въ Черкасахъ, но отличались отъ болѣе зажиточныхъ и знатныхъ казаковъ тѣмъ, что всегда готовы были враждовать съ Москвою. Въ 1707 году Петръ отправилъ на Донъ Юрія Долгорукаго— разыскивать въ этихъ городкахъ бѣглыхъ. Казацкіе старшины приняли его съ честью и дали ему провожатыхъ; но когда Долгорукій началъ свое дѣло, атаманъ съ одной станицы на Донцѣ, Кондратій Булавинъ, напалъ на него и убилъ его, истребивъ весь его отрядъ. Булавинъ сталъ возмущать населенные бѣглыми городки и задумалъ, привлекши на свою сторону все казацкое войско, взять Азовъ и Таганрогъ, идти на Воронежъ, а потомъ и на Москву. Дѣло началось для него неудачно. Войсковой атаманъ Максимовъ разбилъ его шайку и перевѣшалъ его сообщниковъ. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, и на слѣдующій годъ явился съ новою дружиной. Теперь удалось ему поднять все населеніе мелкихъ городовъ; повсюду разсылалъ онъ грамоты, призывая народъ идти за вѣру противъ князей, бояръ и нѣмцевъ. Скоро собрались огромныя шайки подъ начальствомъ разныхъ сообщниковъ Булавина, каковы были: Хохлачъ, Голый, Рваный. Они распространяли и въ сосѣднихъ мѣстахъ Россіи такія воззванія: „Вы, голутьба, идите со всѣхъ городковъ, конные, пѣшіе, босые и нагіе! Будутъ вамъ кони и оружіе, и платье, и денежное жалованье. Мы стоимъ за правую вѣру". Булавинъ скоро одолѣлъ Максимова и взялъ Черкасы. Собравшіеся казаки теперь избрали его своимъ атаманомъ, а Максимовъ, по приговору ихъ, былъ обезглавленъ. Но успѣхи новаго атамана продолжались не долго. Царь выслалъ противъ него Василія Долгорукаго, брата убитаго Юрія, и велѣлъ безъ пощады жечь и истреблять всѣ поселенія булавинцевъ, а ихъ самихъ вѣшать, колесовать, четвертовать и пр. Царскія войска вездѣ безъ труда разбивали нестройныя казачьи толпы; попытка Булавина взять Азовъ тоже не удалась. Видя, что дѣла идутъ плохо, казаки скоро отъ него отступились и уже рѣшили выдать его Долгорукому. Булавинъ встрѣтилъ съ оружіемъ посланныхъ противъ него людей, но не въ силахъ былъ имъ противиться и застрѣлился изъ пистолета. Волненіе еще продолжалось въ сѣверныхъ частяхъ Донской области, такъ какъ жители тутъ не ждали себѣ никакой пощады. Долѣе другихъ сопротивляется Голый, но и его шайка, наконецъ, совершенно истреблена. Одинъ изъ атамановъ, Некрасовъ, съ 2000 казаковъ, бѣжалъ на Кубань, подъ покровительство крымскаго хана. Къ нему спасались и другіе казаки. Число *некрасовцевъ* впослѣдствіи очень увеличилось. Они жили на Кубани, пока, въ царствованіе Екатерины II, не былъ завоеванъ Крымъ и все прибрежье Чернаго моря. Тогда они переселились въ Турцію.

Рядомъ съ этими неустройствами мы встрѣчаемъ и примѣры, что наука, которую вводилъ Петръ, была разумно принята и усвоена людьми изъ народа. Чтобы она принесла для народа свои плоды, приходилось ждать еще долго, тѣмъ болѣе, что объ образованіи низшихъ классовъ и вовсе не думали. Но постройка судовъ, распространеніе фабрикъ,

сближенiе съ иноземцами—все это не могло не возбуждать народный умъ, и болѣе смышленые люди уже во время Петра выступаютъ замѣчательными самоучками. Таковъ былъ Посошковъ, „убогiй мiрянинъ села Покровскаго“. Научившись грамотѣ, онъ своимъ находчивымъ, изобрѣтательнымъ умомъ сталъ извѣстенъ сначала нѣкоторымъ изъ знатныхъ лицъ, а потомъ и царю, который поручилъ ему дѣлать „огнестрѣльныя рогатки“, на которыхъ класть бы ружья, чтобы стрѣлять залпомъ. Посошковъ пускался въ разные промыслы, имѣлъ подъ конецъ жизни своей винный заводъ, земли близъ Новгорода и могъ уже давать до 1000 рублей на образованiе сына, котораго отправилъ за границу. Онъ писалъ разныя сочиненiя; но особенно извѣстенъ своею книгою: „О скудости и богатствѣ“, которую представилъ царю не задолго передъ его смертью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра, Посошкова, неизвѣстно за что, заключили въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь онъ и умеръ въ 1726 году. Посошковъ не учился никакимъ наукамъ, но съ необыкновенною смѣтливостью перенималъ все, что видѣлъ. Онъ становится послѣдователемъ, ревностнымъ ученикомъ Петра. Въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ онъ повторяетъ многое, что мы находимъ въ царскихъ распоряженiяхъ и указахъ. Онъ предлагаетъ улучшенiя, подаетъ совѣты, какъ это дѣлалось по вызову Петра и другими. Самое названiе книги показываетъ, что Посошковъ имѣлъ въ виду заботы царя о томъ, чтобы увеличить богатство, а съ нимъ и доходы государства. Онъ мѣстами и объясняетъ, какъ лучше и вѣрнѣе собирать доходы, какъ въ томъ или другомъ случаѣ уменьшить издержки. Во многомъ, что онъ предлагаетъ, видны и неудачныя измышленiя совѣтника-самоучки; по грубости вѣка, въ который онъ жилъ, онъ стоитъ за жестокiя истязанiя, за пытки и казни, за преслѣдованiе раскольниковъ.

Но все это не мѣшаетъ Посошкову высказать и свой самобытный умъ, свой взглядъ на вещи: онъ смотритъ на преобразованiя такъ, какъ могъ бы смотрѣть на нихъ смышленый человѣкъ изъ народа, и обращаетъ особенное вниманiе на тѣ стороны, которыя касались *внутреннихъ улучшенiй*, установленiя *правды*, какой напрасно искалъ царь въ окружавшихъ его людяхъ. Въ искренности Посошкова нельзя сомнѣваться. „Я уже съ юности былъ такимъ,—говоритъ онъ,—что лучше мнѣ на себѣ понести какую пакость, чѣмъ умолчать, видя что-нибудь неполезное“. Смыслъ книги Посошкова заключается въ объясненiи самаго слова: „богатство“. „Не то царственное богатство,—говоритъ онъ,—что въ казнѣ собрано много добра; и не то, что приближенные царя ходятъ въ златотканной одеждѣ, а то царственное богатство, чтобы весь народъ, по мѣрѣ возможности, былъ богатъ, да чтобы позаботиться о невещественномъ богатствѣ, объ истинной правдѣ“. Такъ онъ и выискиваетъ средства утвердить правду, разбирая, въ какомъ положенiи находятся всѣ сословiя. Отъ духовенства онъ требуетъ, чтобы оно училось. „Грамота,—говоритъ Посошковъ,—дѣло великое и прочное“. Надо позаботиться о бѣдныхъ сельскихъ попахъ, которые часто служатъ въ лаптяхъ, въ бѣлой или сѣрой, сермяжной одеждѣ: питаться бы имъ десятиною, отъ церкви, а не отъ работы, или рукодѣлiя. Войско тоже живетъ въ нуждѣ: солдату идетъ 30 алтынъ въ мѣсяцъ, а за вычетами онъ не получаетъ и 10 алтынъ. Отъ того и побѣги и воровство. На квартирахъ солдаты и офицеры чинятъ обиды, такъ что многiе и домамъ своимъ не рады. Войско бы уменьшить, а лучше позаботиться о хорошихъ стрѣлкахъ, назначивъ за

искусную стрѣльбу награду. Вотъ, у насъ вѣра и правая, а въ судахъ хуже, чѣмъ у бусурманъ. Приказные люди только свою тягость исчисляютъ, а людская ни во что: волочатъ со всякою отповѣдью въ городъ, а прямого дѣла и на алтынъ нѣтъ; посадятъ въ тюрьму, такъ держатъ лѣтъ по пяти, по шести и больше, не вершая дѣла: правый подчасъ такъ и умираетъ безъ суда, а разбойники убѣгаютъ. Подтвердить бы судьямъ подъ страхомъ жестокой кары, чтобы берегли людей отъ убытку, вершили дѣло въ извѣстный срокъ, да слушали его умомъ, а не ушами только; да нужно бы постановить и новые законы. Чтобы оставить новое уложеніе, избрать всякихъ чиновъ людей, которые не высокоумны, а разумны и правдолюбивы, и изъ крестьянъ, что въ сотскихъ и старостахъ бывали. „Я видѣлъ и въ Мордвѣ разумныхъ людей, — говоритъ Посошковъ,—то какъ имъ не быть въ крестьянствѣ". Новосочиненный уставъ освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, „написать его совершеннымъ народо-совѣтіемъ, чтобы каждый самъ себя выстерегъ". Царю не такъ полезны постъ и молитва, какъ правосудіе. А у насъ неправда сильно вкоренилась и застарѣла, и намъ то весьма зазорно, что бусурмане чинятъ судъ праведный.

Въ дворянствѣ не выполняютъ законъ о недоросляхъ, не идутъ на службу: наложитъ на себя юродство или тяжкую болѣзнь, его отпустятъ, а онъ пріѣдетъ домой и „рыкаетъ какъ левъ", разоряетъ своихъ сосѣдей! Убогіе изъ дворянъ по 30 лѣтъ служатъ, а богатый 5, 6 лѣтъ послужитъ, да и помышляетъ, какъ бы занять спокойное мѣстечко. Пособниковъ у великаго монарха, по его желанію, не много: онъ на гору если самъ-десятъ и тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ,—то какъ его дѣло споро будетъ? Лежебоковъ щадить нечего. Собирать бы на службу и здоровыхъ нищихъ: такихъ наберется на Руси тысячъ 20, 30 и больше, съѣдятъ даромъ тысячъ 50, 60 четвертей хлѣба: если положить на человѣка рублей по 6 въ годъ, то вотъ уже 200,000 рублей пропадаетъ. А сколько отъ нерадѣнія судейскаго сидятъ по тюрмамъ, ѣдятъ хлѣбъ, ничего не дѣлая! Да у насъ въ поборахъ за гривну душу изъ человѣка хотятъ вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, нимало не смотрятъ. Въ купечествѣ надо смотрѣть, чтобы не обмѣривали, не обвѣшивали, не продавали плохіе товары за хорошіе. Нынѣ дворяне и знатные люди вступаютъ въ торги, не платя пошлины; если ужъ хотятъ торговать, пусть бы записывались въ купцы. Иноземцы тоже набиваютъ на все тройную цѣну, потому что имъ радѣютъ бояре: сунутъ они сильному человѣку подарокъ въ 100 руб., а выторгуютъ на полмилліона. Нужно бы намъ заводить свои промыслы, чтобы обходиться безъ иноземныхъ товаровъ. Нашихъ правителей разсужденіе не здравое, когда русскаго человѣка ни во что не ставятъ: даютъ ему по 5 коп. на день, а иноземцевъ часто не за дѣло награждаютъ.

Жизнь крестьянъ у насъ скудная отъ лѣности, отъ неразсмотрѣнія властей, отъ помѣщичьяго насилія. Помѣщики налагаютъ страшное бремя: въ рабочую пору не дадутъ и единаго дня на себя поработать, — стригутъ, какъ овцу, до горла. Отъ того многіе бѣгутъ въ низовые города и на Украйну. Помѣщики не берегутъ крестьянъ, потому что не вѣковые имъ владѣльцы; прямой ихъ владѣтель Россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. Посошковъ писалъ это, конечно, слыша что-нибудь о намѣреніи Петра ослабить власть помѣщиковъ. Желая свободы крестьянамъ, онъ говоритъ и противъ подушнаго счисленія. „Отъ счисленія душевнаго не чаю быть проку, понеже душа вещь неосязаемая и

цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя"—и онъ даетъ совѣтъ, какъ расчислять крестьянскіе дворы. Крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по дымамъ избнымъ, а по владѣнію земли и по засѣву хлѣба, на цѣлый дворъ высѣять въ годъ ржи четыре четверти. Вообще о крестьянскихъ тягостяхъ Посошковъ замѣчаетъ: „Въ сборѣ царскаго интереса покушаются съ одного вола двѣ шкуры содрать, а не могутъ и одной цѣлой кожи снять и, сколько ни силятся, только лоскутья сдираютъ". Наконецъ, онъ желаетъ, чтобы крестьянскія дѣти также учились грамотѣ. Вотъ главныя мысли, изложенныя въ сочиненіи Посошкова.

LXXVI. Посошковъ и его проекты реформъ.

(Изъ «Очерковъ по русской исторіи XVIII--XIX вв.» Н. П. Павлова-Сильванскаго. СПб. 1910 г.).

Главнымъ источникомъ преобразовательныхъ плановъ Посошкова является критика русской дѣйствительности, основанная на широкомъ знакомствѣ съ нею. Во многихъ случаямъ, когда злу можно было помочь лишь коренною реформою, по урокамъ запада, какъ дѣлалъ Петръ, Посошковъ въ своихъ проектахъ не выходитъ изъ круга идей Уложенія царя Алексѣя Михайловича и ограничивается мѣрами, безсиліе которыхъ выяснилось еще въ предшествовавшемъ вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи такъ же, какъ по своему міросозерцанію, онъ является вполнѣ человѣкомъ XVII вѣка; стремленіе къ реформамъ и смутное сознаніе превосходства иноземныхъ уставовъ не противорѣчитъ этой характеристикѣ, такъ какъ Московская Русь также постоянно реформировала старые порядки и училась, сколько могла, у иноземцевъ. Въ противоположность западникамъ— Петру и его ближайшимъ сотрудникамъ, Посошковъ былъ типичнымъ московскимъ прогрессистомъ.

Эти черты Посошкова важны для изученія какъ московской культуры, такъ и общества петровской эпохи. Какъ видно изъ не такъ давно открытыхъ проектовъ разныхъ лицъ петровскаго времени, онъ былъ типичнымъ представителемъ особой сильной партіи сторонниковъ петровской реформы, которые одинаково съ нимъ сохранили церковное міровоззрѣніе, понимали настоятельность реформъ, но лишь по наслышкѣ были знакомы съ Западомъ и въ обсужденіи реформъ поэтому исходили изъ критики русской современности. Проекты неизвѣстнаго автора „12-ти статей", Ив. Филиппова, вице-губернатора В. Ершова и другихъ во многомъ сходятся съ проектами Посошкова, а нѣкоторыя наблюденія и предложенія ихъ поразительно съ ними совпадаютъ. „Книга скудости и богатства", однако, значительно превосходитъ всѣ эти проекты богатствомъ и разносторонностью содержанія, литературнымъ талантомъ и въ особенности оригинальными теоретическими разсужденіями.

„Книга о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умеьшается" закончена была 24-го февраля 1724 г. Авторъ разсуждаетъ въ ней: 1) о судѣ и управленіи, полицейскихъ мѣрахъ и финансахъ (налогахъ и пошлинахъ, регаліяхъ — соляной, винной и монетной), 2) и въ особенности о торговлѣ и промышленности, 3) о крестьянахъ и помѣщи-

кахъ, о духовенствѣ и войскѣ Въ общихъ чертахъ книга обсуждаетъ два предмета: 1) всенароднее обогащеніе, составляющее истинное царственное богатство, а въ связи съ этимъ и пополненіе царской казны (царскій интересъ) и 2) истребленіе всякой неправды и неисправностей. Эти два предмета: „богатство“ и „правда“ Посошковъ сознательно объединяетъ подъ общимъ заглавіемъ („Книга скудости и богатства“), такъ какъ въ „истинной правдѣ“ видитъ „невещественное богатство“ и находитъ, что „безъ насажденія правды“ нельзя „народъ весь обогатить“.

О „закоренѣлой древней неправдѣ“, о недостаткахъ суда и управленія Посошковъ пишетъ особенно горячо, не только потому, что безправіе составляло вопіющее зло времени, но и потому, что ему не разъ въ жизни пришлось потерпѣть отъ неправды. Онъ приводитъ нѣсколько яркихъ примѣровъ изъ его собственной жизни. Вотъ, напримѣръ, въ 1719 г. подаетъ онъ челобитную о разрѣшеніи построить винокуренный заводъ кн. Д. М. Голицыну: это, по отзыву Посошкова, одинъ изъ лучшихъ правителей и къ тому же лично знающій челобитчика. И что же? „невѣдомо ради чего“ Посошкова берутъ подъ караулъ и держатъ цѣлую недѣлю: „А я, кажется, и не послѣдній человѣкъ, и онъ, князь Д. М., меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче коего мизирнаго посадятъ, да и забудутъ“. Въ 1721 г. одинъ полковникъ въ Новгородѣ, въ канцеляріи провинціальнаго суда, безъ всякой вины Посошкова, бранитъ его скверною бранью, называетъ воромъ и „похваляется посадить его на шпагу“. Посошковъ подаетъ челобитную, но не можетъ сыскать суда. „Какъ же,—заключаетъ онъ свои разсказъ,—сыщетъ судъ, кто мизирнѣе меня? Только, что о обидахъ своихъ жалуйся на служивый чинъ Богу“. Эта неправда, по мнѣнію Посошкова, гибельно вліяетъ на все народное благосостояніе. „Въ нѣмецкихъ земляхъ,—говоритъ онъ,—вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей: и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ“. И пока не устроится въ Россіи прямое правосудіе, то „никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить: понеже всѣ пакости и непостоянства въ насъ чинятся отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ... И крестьяне, оставя свои дома, бѣгутъ отъ неправды, и россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія“. Въ виду этого „правосудное установленіе—самое есть дѣло высокое, паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ“. Но какъ же установить правосудіе, какъ же искоренить застарѣлую неправду, столь краснорѣчиво описанную? Необходимы радикальныя реформы. Принятыя Петромъ I мѣры недостаточны: „Се бо колико новыхъ статей издано, а не много въ нихъ дѣйства: ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ“. Нужно совершенно измѣнить обветшавшіе и искаженные неправыми судьями древніе уставы, учинить „всѣмъ дѣламъ новый регулъ“: „не токмо суда весьма застарѣлаго не разсыпавъ его и подробну не разсмотря не исправить, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея и неразсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити“.

Московская Русь, въ лицѣ Посошкова, требуетъ отъ Петра I радикальной реформы и тутъ же сознается въ своемъ безсиліи указать ея основанія. Обсуждая съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ вопросы церкви, нравственности, торговли и промышленности, Посошковъ, въ на-

чалѣ главы о правосудіи, сознается: „мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроити". И это никакъ не потому, чтобы ему эта область была мало знакома: ему не разъ приходилось судиться и вести дѣла въ приказахъ, и изъ той же главы о правосудіи, какъ и изъ „Отеческаго Завѣщанія" видно, что онъ досконально зналъ слѣдственный и судебный процессы его времени, какъ и канцелярскіе порядки. Онъ понималъ, что исправить эти порядки трудно, что нуженъ какой-то „новый регулъ", хотя и не сознавалъ, что этотъ регулъ можно найти только за границей. Съ оговорками о своей мизерности и простотѣ, Посошковъ, всецѣло державшійся порядка стараго судопроизводства, даетъ подробную инструкцію судьѣ, въ особенности настаивая на томъ, чтобы онъ былъ нравственнымъ, богобоязненнымъ человѣкомъ. Нравственное увѣщаніе поддерживается угрозой великихъ штрафовъ и жестокихъ казней: „невозможно правому суду установиться, аще что другое судей не падетъ: понеже у насъ на Руси неправда весьма застарѣла... Аще бо коя и земля вельми задернетъ и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сняти; тако и въ народѣ злую застарѣлось зломъ надлежитъ и истребляти".

Недостаточность этихъ мѣръ была вполнѣ ясна для Посошкова; онъ говоритъ, что „ни милостью, ни жесточію, ни измѣнными судьями (т.-е. перемѣною судей), ни иными каковыми вымыслы самыя правды учинить невозможно". Онъ понимаетъ, что дѣло не въ новыхъ людяхъ, а въ новыхъ порядкахъ, и самъ отрицаетъ значеніе предшествующихъ своихъ разсужденій: „аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древняго уложенія не измѣнить и всѣмъ дѣламъ новаго регула не учинить, но не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установитися". Тутъ, не будучи въ силахъ намѣтить основанія „новаго регула", Посошковъ, имѣя въ виду старое испытанное средство—земскій соборъ, предлагаетъ прибѣгнуть къ „народосовѣтію", „многонародному совѣту", къ „самому вольному голосу народа". Необходимо созвать выборную комиссію для пересмотра стараго уложенія и всѣхъ статей и указовъ и для сочиненія новаго судебника, избравъ по 2—3 человѣка изъ чиновъ, отъ духовенства, гражданства и высокаго чина, приказныхъ людей, дворянства, купечества, боярскихъ людей, фискаловъ, а также и изъ крестьянъ. Кромѣ русскихъ законовъ, комиссія должна воспользоваться также нѣмецкими судебниками и турецкимъ. Пункты, сочиненные выборными людьми, должны быть „освидѣтельствованы всѣмъ народомъ самымъ вольнымъ голосомъ".

Хотя Посошковъ говоритъ опредѣленно о „судебникѣ" и о „судебной книгѣ", но, кажется, онъ по старому тѣсно соединяетъ судъ съ управленіемъ и подъ судебникомъ разумѣетъ собраніе законовъ, также какъ онъ часто называетъ всякихъ управителей судьями. Повидимому, его выборная комиссія должна была не только составить уложеніе о наказаніяхъ и уставъ судопроизводства, но и обсудить реформы всего государственнаго управленія. По крайней мѣрѣ онъ нѣсколько разъ говоритъ, что нужно вообще „измѣнить древніе порядки", что „древніе уставы всѣ обветшали и исказились", что прямого правосудія не будетъ,—„аще суду и всякому правленію, како его правити, совершеннаго основанія письменнаго не учинити",

На ряду съ изложенными соображеніями объ общей государственной реформѣ, особенный интересъ представляютъ общія разсужденія Посошкова о народномъ и царственномъ богатствѣ и о купе-

чествѣ. Если рѣчи его о радикальной реформѣ всѣхъ обветшавшихъ древнихъ уставовъ важны для исторіи общества петровскаго времени, то разсужденія его по основнымъ вопросамъ политической экономіи весьма любопытны для начальной исторіи этой науки и для характеристики личности Посошкова, его ума. Безъ малѣйшаго вліянія зарождавшейся въ то время на Западѣ экономической науки, онъ самостоятельно выясняетъ нѣкоторыя главныя начала народнаго хозяйства,—„заслуживъ себѣ, какъ выражается Брикнеръ, имя перваго русскаго писателя-экономиста". Разсужденія его по этимъ вопросамъ, конечно, кратки и элементарны, но столь же элементарны были опыты первыхъ западныхъ писателей-экономистовъ, и такія элементарныя сужденія требуютъ во всякой зарождающейся наукѣ большихъ усилій мысли. Ясность сужденія и мѣткость языка его весьма замѣчательны; „сила таланта, какъ замѣчаетъ А. Миклашевскій, становится еще болѣе очевидной, при сравненіи книги его съ бѣдными по мысли и языку произведеніями такъ называемыхъ меркантильныхъ теоретиковъ, особенно нѣмецкихъ". Истинное государственное богатство, какъ мѣтко разъясняетъ Посошковъ, состоитъ не въ финансахъ, а въ благосостояніи народа, и государство должно пещись прежде всего о богатствѣ народа, а не о фискальныхъ своихъ интересахъ. „Собранію царскихъ сокровищъ", „царскому интересу" онъ посвящаетъ особую послѣднюю главу, а въ остальныхъ разсуждаетъ о „всенародномъ обогащеніи". „Не то царственное богатство,—говоритъ онъ,—еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ. Сіе дѣло не великое и весьма не трудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ..., но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить". „Въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство тобогато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царсту тому не можно слыть богатому". Онъ нѣсколько разъ различно повторяетъ эту мысль и близко подходитъ къ знаменитой формулѣ физіократовъ: „pauvre paysan—pauvre royaume—pauvre roi": „крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудѣніе царственное". Однако, „крестьянскому богатсву" — „pauvre paysan" — онъ не придаетъ такого первенствующаго значенія, какъ физіократы, хотя и говоритъ, что при правильномъ расположеніи налоговъ „земля" была бы „самымъ гобзовитымъ (изобильнымъ) данникомъ великому монарху и никогда измѣны бы ему не было". Онъ настаиваетъ на необходимости заботиться о благосостояніи всѣхъ классовъ и все же особенное значеніе придаетъ торговлѣ—„купечеству", защищая купечество отъ несмысленныхъ людей, гнушающихся имъ, и говоря, что имъ всякое царство обогатится и украшается. При этомъ, подобно меркантилистамъ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнюю торговлю и считаетъ, одинаково съ ними, важнѣйшею задачею торговой политики поощреніе вывоза продуктовъ промышленности и ограниченіе привоза иностранныхъ товаровъ, и мечтаетъ о возможности скораго торжества русской промышленности надъ иностранною. Весьма заботится при этомъ Посошковъ о выгодномъ торговомъ балансѣ, обнаруживая ясное понятіе объ отношеніи между привозомъ и отпускомъ товаровъ; онъ настаиваетъ на поощреніи отечественной промышленности, для того, чтобы при покупкѣ иностранныхъ продуктовъ

„деньги изъ царства вонъ не выходили“, и объясняетъ, что если табакъ у насъ заведется и размножится, то „тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси; а если за море отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться“. Съ общей точки зрѣнія народнаго хозяйства Посошковъ цѣнитъ экономическое значеніе времени, цѣнитъ потерю рабочихъ силъ, требуетъ мѣръ противъ нищихъ и лѣнтяевъ-лежебоковъ. Какъ настоящій экономистъ-теоретикъ, Посошковъ говоритъ о тѣсной связи между богатствомъ и государственнымъ устройствомъ, опредѣляя „правду“, какъ „невещественное богатство“.

Практическаго значенія разнообразные проекты Посошкова не имѣли. Какъ свободный мыслитель, онъ развивалъ широкіе и смѣлые планы реформы, не соображаясь съ наличными средствами государства и требуя такихъ глубокихъ и разностороннихъ преобразованій, какія не подъ силу были даже и Петру Великому.

LXXVII. Перемѣна нравовъ при Петрѣ Великомъ.

(*Изъ соч. Щербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»*).

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеселъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую люцкость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія, и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогрѣй — бостроги, юбки, шлафроки и самары, вмѣсто подколковъ—фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не мало же имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже непокрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны—пріятно было младымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосовъ жен-

скихъ, и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидя спать, чтобы уборъ не испортить. Можетъ быть, сему не повѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ толь вѣрныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться не должно. Если страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угоднымъ быть, то то же тщаніе украшеній ту же роскошь рождало. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кафтановъ и мундировъ никогда богатыхъ не нашивалъ, и токмо для коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кафтанъ съ серебрянымъ шитьемъ; да, сказываютъ, еще у него былъ другой кафтанъ, дикій, съ золотымъ шитьемъ,—не знаю, для какого знатнаго же случая сдѣланный. Прочее все было такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимъ его одеждамъ, которыя хранятся въ куншъ-камерѣ при императорской академіи наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его портреты: богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городѣ въ одноколкѣ, а въ дальнемъ пути въ качалкѣ. Множества служителей и придворныхъ у него не было, но были у него деньщики, и даже караулу, окромѣ какъ полковника гвардіи, не имѣлъ. Однако при такой собственно особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобъ великолѣпіемъ и роскошію подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ. И тако мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія Азовскаго, генералъ-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кафтанѣ съ галунами по швамъ и другіе генералы также богатые кафтаны имѣли, ибо тогда генералы мундировъ не нашивали. Богатые люди изъ первосановниковъ его двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались богатыя имѣть платья. Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ и у мужей во употребленіи, и хотя не часто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оные уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ, дѣлали. Вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, нетерпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски; начались уже цуги, которыхъ до того не знали, и приличныя украшенія къ симъ экипажамъ. Служители передѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисьянты, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемые въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ

пивалъ, то-есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простого вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась, и вина эрмитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его вельможи и тѣ, которые близко были ко двору, да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть, ибо государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для государя не сдѣлаетъ. Правда, сіе не токмо ему было угодно, но, напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простого вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удовольствія, до того имъ незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія вины, не токмо старинныя, о которыхъ выше помянулъ, но также эрмитажъ, венгерское и нѣкоторыя другія.

Правда, что еще ихъ сначала весьма бережливо подавали, и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились, принесши четвертную или сулею запечатанную и наливъ изъ нея по рюмкѣ, опять, запечатавъ, на погребъ отослать.

Однако, хотя самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему князю Меншикову, который часто оные какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ, по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее, ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что часто государь, видя изъ дворца своего торжество и пиршество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: „вотъ, какъ Данилычъ веселится“. Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники имперіи также имѣли открытые столы, какъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ и бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ имперіи во время отсутствія въ чужіе края императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже во многихъ домахъ открытые столы сіи завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ. И, конечно, въ такомъ народѣ, въ коемъ страннопріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, не трудно было ввести въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяяся и съ собственнымъ удовольствіемъ общества и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу старинна го, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу, но хотѣлъ, чтобъ оно безубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество не въ обжираніи и опиваніи состоитъ и не можетъ оно быть пріятно, гдѣ нѣтъ равности. Самъ

часто государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, чтобы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность. Съ присутствіемъ государевымъ учиненныя имъ предписанья сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьѣ роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе домы упадать и упадающіе ожидать отъ милости государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ мнѣ случалось слышать о упадшемъ домѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ сего былъ Василія Ѳедоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса. Сей князь Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что, продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во-истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты не нашли бы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ князѣ Одоевскомъ, яко о разорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе, если не въ разореніе отъ сей перемѣны жизни пришли, то, по крайности, чувствовали немалую нужду. Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостью монаршею, принужденъ, однако, былъ впередъ государево жалованье забирать, и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуетъ самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разореніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни, въ началѣ, первосановниковъ государства, а въ подраженіе имъ и другихъ дворянъ, и расходы, достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко ко источникамъ богатства и вознагражденій. Страшусь я, чтобы кто не сказалъ, что, по крайней мѣрѣ, сіе добро произвело, что люди наиболѣе къ государю стали привязываться. Нѣсть, сія привязанность нѣсть благо, ибо она не точно къ особѣ государской была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась не привязанность вѣрныхъ поданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства, но привязанность рабовъ-наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего государя.

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось. Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ и которые въ домахъ вельможей вогнѣздились. Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго монарха, и сей государь, строгъ и справедливъ до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на ассамблеѣ, выхвалялъ свое усердіе къ государю, говоря, „что

онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть". Услышавъ сіе, государь ему говорилъ, „что ни онъ не желаетъ, ни должность ему его не повелѣваетъ, чтобъ онъ хотѣлъ, не разбирая случая, для него умереть, но требуетъ токмо того, чтобъ въ случаѣ нужды или опасности его особы,— что не можетъ быть не соединено съ пользою государственною,—онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію". Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякій часъ, когда угодно будетъ государю. Остроумный монархъ, ничего не отвѣчавъ, взявъ его руку, палецъ поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда ее опустя, сказалъ ему государь, „что когда онъ малой боли обожженія пальца вытерпѣть не могъ, не по нуждѣ, но по волѣ государя, то какъ онъ толь щедро обѣщаетъ съ радостію и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать?" Другой случай, слышанный же мною, доказуетъ, коль любилъ государь истину. Захаръ Данилычъ Мешуковъ, бывшій поручикомъ во флотѣ, прежде 1718 года, любимый государемъ, яко первый русскій, въ которомъ онъ довольно знанія въ мореплаваніи нашелъ, и первый, который командовалъ уже фрегатомъ, бывъ на единомъ пиршествѣ съ государемъ въ Кронштадтѣ и напившися нѣсколько пьянъ, сталъ размышлять о лѣтахъ государя, о оказуемщемся слабомъ его здоровьи и о наслѣдникѣ, какого оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился государь, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, „что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близъ построенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ, служившій во флотѣ и ощущающій его милости,—суть дѣянія рукъ его: то, взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, не могъ отъ слезъ удержаться", прилагая притомъ простою рѣчью:—„на кого ты насъ оставишь?" Отвѣтствовалъ государь:—„у меня есть наслѣдникъ",—разумѣя царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ съ-пьяна и неосторожно сказалъ:— „охъ! вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ".

При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдящихъ! Что-жъ сдѣлалъ государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и удовольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: „дуракъ, сего въ бесѣдѣ не говорятъ".

Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ лести, не могъ государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противорѣчить, но паче льстили, хваля все сдѣланное имъ и не противорѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обманутъ и не былъ, однако князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашелъ въ супротивленіяхъ своихъ государю въ сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя государемъ, отмѣнилъ, — о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію и о набраніи посохи на содержаніи народномъ для дѣланія Ладожскаго канала; въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ, никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ. Единый самъ государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слы-

шалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей, и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши государь въ Кронштадтѣ, въ единомъ пиршествѣ, окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единый кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный и твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ, гдѣ состояло сужденіе между царствующаго государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислилъ онъ все подробно, что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчислилъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ, коль великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ; но, продолжая, говорилъ: „всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія не утверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и въ имѣніяхъ; отецъ же твой,—говорилъ,—при тихости нравовъ, начиналъ многое, но паче всего, онъ сдѣлалъ уложеніе, которое нынѣ, по перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ. Когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно сказать, что весьма превзошелъ твоего отца“. Государь почувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чего же ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ и индѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей, безсмертія достойный, князь Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почтеніе. Желали чиновъ, и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ; чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилембурхомъ, съ Герцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента; но Остерманъ, бывшій тогда въ маломъ чину и написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ такого дѣла удержалъ; чтобы адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую повѣренность, что вопреки сказалъ государю, но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкорениться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь, и князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны, духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегериками. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренній сей гласъ на хвалы государевы вознесъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно было бы, чтобы онѣ не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніемъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьею Тайной Канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его собственное сочиненіе: „Правда воли монаршей“.

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искоренили. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли бла-

городной гордости во дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная регулярная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопями ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками; роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ, то могли ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые инако, какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался одинъ, могущій преданъ въ руки сильнаго?

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣрія въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія — сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священнослужителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить: указами повелѣлъ брить бороды, а духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ орбазахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Сѵнода и отъ вселенскихъ патріарховъ учинилъ позволеніе ѣсть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди въ скорбутики подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнію своею таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся имъ болѣзнямъ, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, — отнявъ ее, новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но и уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; а нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чув-

ствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ, окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей преемниками его престола,—не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругою, рожденной Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣръ сей нарушенія таинства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать. Пусть монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыхъ однако я не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовымъ, и сопротивленіе жены его новымъ установленіямъ; но подражатели его имѣли ли государственныя причины подобное дѣлать? Павелъ Ивановичъ Ягужинской, постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Головкиной, имѣлъ ли государственныя причины стараться сохранять себѣ потомство, въ нарушеніе божественныхъ законовъ? Многіе и другіе сему подражали, и не токмо изъ вельможъ, но и изъ малочиновныхъ людей, яко князь Борисъ Солнцевъ-Засѣкинъ сіе учинилъ.

И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, поляковъ и шведовъ, пріобрѣла знатныя области и морскія пристанища, науки и художества и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ея обогащать, и преобразовались россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ—въ короткополые, стали сообщительные, и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились, но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ нарушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало проникать съ судебныя мѣста.

Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя.

LXXVIII. Ассамблеи при Петрѣ Великомъ.

(Изъ соч. Карновича: «Историческіе разсказы и бытовые очерки»).

Указъ Петра Великаго объ „ассамблеяхъ“, на которыя, по повелѣнію царя, начали съѣзжаться и сходиться люди „всякихъ чиновъ“ обоего пола, произвелъ коренной переломъ и въ домашней, и въ общественной жизни нашихъ предковъ и послужилъ первымъ шагомъ къ тому, чтобы и у насъ женщины заняли въ обществѣ то положеніе, какое онѣ занимали въ западной Европѣ. Прежнія ихъ затворничество и отчужденность были уничтожены царскою безграничною властью, и нарушеніе въ этомъ отношеніи старинныхъ обычаевъ вызвало среди русскихъ сдержанный ропотъ, такъ какъ никто не смѣлъ явно ослушаться государева повелѣнія.

Ассамблеи, введенныя Петромъ Великимъ, принадлежали къ разряду зимнихъ увеселеній. Онѣ были учреждены на первый разъ въ Петербургѣ,

и о времени ихъ открытія объявлялось съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ. Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами, жившими въ Петербургѣ, безъ соблюденія, впрочемъ, какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должно было быть первой ассамблеѣ, а затѣмъ дальнѣйшее назначеніе ассамблей зависѣло въ Петербургѣ отъ генералъ-полицiймейстера, а когда онѣ были заведены въ Москвѣ, то тамъ назначались комендантомъ. Прежде, чѣмъ гости расходились на одной ассамблеѣ, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Несмотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея, хотя бы у самого царя, входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку, за исключеніемъ слугъ и крестьянъ. Вслѣдствіе этого на ассамблеи собирались: чиновныя особы всѣхъ ранговъ, приказные, карабельные мастера и иностранные матросы. Каждый могъ являться съ женою и домочадцами. Петръ приглашалъ на ассамблеи и духовныхъ лицъ. Первымъ условіемъ ассамблеи государь постановилъ отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности. Такъ, ни хозяинъ, ни хозяйка не должны были встрѣчать никого изъ гостей, даже самого государя или государыню и членовъ ихъ семейства. Въ комнатѣ, назначенной для танцевъ, или въ сосѣдней съ нею, должны были быть приготовлены: табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Здѣсь же стояли столы для игры въ шахматы и шашки, но карточная игра на ассамблеяхъ не допускалась. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы; посредствомъ ихъ должны были сближаться молодые люди и дѣвицы, знакомиться дамы съ мужчинами, а потому въ глазахъ русскихъ стараго покроя танцы казались сперва увеселеніемъ крайне безнравственнымъ: мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ, а отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ для своихъ дочерей. Впрочемъ, и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоровъ и тотчасъ послѣ каждаго танца расходились въ разныя сторсны. По словамъ одного изъ современниковъ, на ассамблеяхъ „всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга". Вообще, если бы на первыхъ порахъ самъ Петръ не присматривалъ за ассамблеими и не распоряжался на нихъ своею государскою властью, то онѣ, по всей вѣроятности, не вошли бы въ обычай.

На ассамблеѣ хозяинъ или хозяйка, или кто-нибудь изъ домашнихъ открывали танцы. Послѣ чего одна или двѣ пары могли танцовать менуэтъ, англезъ или польскій. При менуэтѣ соблюдалось, однако, правило, чтобы этотъ танецъ могъ начинать не каждый, а только тотъ кавалеръ и та дама, которые первые протанцовали его. Они сами выбирали, кого хотѣли, продолжать танцы. Если же они не желали продолжать менуэтъ, а желали послѣ него танцовать англезъ или польскій, то объявляли объ этомъ, и тогда кавалеры, желавшіе участвовать въ танцахъ, выбирали себѣ дамъ; во всѣхъ же другихъ случахъ дамы выбирали себѣ кавалеровъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царило полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму, или дѣвицу, но государыню и ея дочерей. На ассамблеяхъ всякій воленъ былъ заниматься, чѣмъ ему хотѣлось: ни хозяинъ, ни хозяйка не могли, слѣдуя стариннымъ русскимъ обычаямъ, угощать его. Въ Петербургѣ ассамблеи начинались обыкновенно въ 5 часовъ вечера и оканчивались къ 10 часамъ. Иногда, впрочемъ, развеселившій государь приказывалъ дамамъ черезъ генералъ-полицiймейстера оставаться и долѣе положеннаго часа, и, разумѣется, никто не дерзалъ нарушать этого прика-

занія, и волей-неволей всѣ должны были танцовать до тѣхъ поръ, пока это было угодно государю. Въ этихъ случаяхъ Петръ, давъ гостямъ нѣкоторое время какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы они, поужинавъ, подкрѣпились, начиналъ самъ управлять танцами, и у великаго человѣка даже и это занятіе шло съ тою же энергіею, съ какою онъ умѣлъ руководить самыми важнѣйшими государственными дѣлами, не щадя при этомъ силъ и не разбирая ни возраста, ни званія своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ.

Принявшись распоряжаться танцами, Петръ начиналъ съ того, что становилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ, и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ своего дѣла. Берхгольцъ разсказываетъ, что царь выдѣлывалъ такія „капріоли“, которыя составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ набранные имъ старые и даже дряхлые танцоры насилу двигали ноги и кое-какъ дрыгали ими. Царь съ свойственною ему настойчивостью принялся обучать сановныхъ танцоровъ и объявилъ имъ, что выучитъ ихъ очень скоро. Какъ ни бился однако государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его съ подобранными къ нимъ молоденькими дамочками чуть держались на ногахъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Старики путались, задыхались, сопѣли и кряхтѣли, у однихъ изъ нихъ дѣлалась одышка, другіе чувствовали колику, потъ лилъ съ нихъ градомъ, головы кружились, а царь все-таки продолжалъ танцовальный урокъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ не выдержали и повалились на полъ, а другіе, опустившись, присѣли на корточки. Царь, видя это, отступился отъ неспособныхъ своихъ учениковъ и приказалъ каждому изъ нихъ выпить въ наказаніе по большому штрафному бокалу. Отпустивъ стариковъ, государь принялся танцовать съ молодыми и танцовалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ трудный и замысловатый „цѣпной“ танецъ — Kettentanz“, какъ называетъ его Берхгольцъ. Петръ ввелъ также танецъ съ поцѣлуями. Въ этомъ танцѣ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, отдавалъ почтительный реверансъ своей дамѣ и цѣловалъ у нея руку. Вообще у расходившагося Петра не бывало предѣловъ самой искренней, самой задушевной веселости.

Берхгольцъ передаетъ, что Петръ и Екатерина танцовали очень ловко и очень проворно, какъ самые молодые люди, и успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ другіе не успѣвали окончить еще и первый. Впрочемъ, Екатерина старательно танцовала только съ однимъ государемъ, который, какъ и она, тогда выдѣлывалъ каждое па. Съ другими же кавалерами Екатерина танцовала небрежно; она не вертѣлась, не подпрыгивала, но ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Молоденькія дочери Петра танцовали очень охотно, а царевна Прасковья Ивановна танцовала неохотно и не иначе, какъ только по приказанію Петра.

На ассамблеяхъ танцы раздѣлялись на церемоніальные и англійскіе. Намъ не удалось встрѣтить указанія на первые, что же касается такъ называвшихся англійскихъ танцевъ, то они представляли собственно гроссфатеръ: дамы становились по одну сторону, а кавалеры по другую.

Музыканты начинали играть нѣчто въ родѣ погребальнаго марша, и въ продолженіе этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары дѣлали то же самое одна за другою слѣдующія пары, и когда туры оканчивались, музыка начинала играть польскій, и тогда начинался оживленный танецъ,— вѣроятно, мазурка. На ассамблеяхъ исполняли еще и слѣдующій танецъ: десять или двѣнадцать паръ танцующихъ связывали себя носовыми платками, и каждый изъ танцоровъ долженъ былъ придумывать разныя фигуры. Танцующіе переходили изъ одной комнаты въ другую. Впереди ихъ шелъ одинъ изъ музыкантовъ, наигрывая на скрипкѣ.

Спустя три года по введеніи ассамблей въ Петербургѣ, онѣ были введены въ Москвѣ. Когда въ концѣ 1722 года государь и дворъ пріѣхали въ Москву праздновать Ништадскій миръ, то по домамъ всѣхъ тамошнихъ нѣмецкихъ купцовъ ходилъ посланный отъ князя Меншикова писецъ, который записывалъ имена и годы молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы пригласить ихъ на балъ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ на первый разъ не тронули, боясь, что такое приглашеніе взбудоражитъ всю Москву, такъ крѣпко державшуюся еще праотеческихъ обычаевъ. Впрочемъ, и нѣмецкое купечество не очень хотѣло знакомиться съ русскою знатью, боясь не столько пренебреженія къ себѣ съ ея стороны, сколько опасаясь такого пира, какой по случаю Ништадскаго мира былъ заданъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ присутствующихъ на пиру дамъ опоили до полусмерти. Состоялся ли предположенный Меншиковымъ балъ — неизвѣстно. Но когда вскорѣ послѣ этого самъ государь назначилъ ассамблею въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвою, то туда по его повелѣнію должны были явиться всѣ молодыя московскія дамы и дѣвицы старѣе десяти лѣтъ. Всѣмъ, кто не явился на эту ассамблею, государь грозилъ „страшнымъ наказаніемъ". Особо назначенные чиновники записывали всѣхъ пріѣзжавшихъ, и на первую въ Москвѣ ассамблею набралось до 70 дамъ. Послѣ того ассамблеи въ Москвѣ повторялись нѣсколько разъ. Распоряжался на нихъ Ягужинскій, который, какъ превосходный танцоръ и неутомимый весельчакъ, первенствовалъ и на всѣхъ петербургскихъ танцовальныхъ собраніяхъ, оживляя ихъ своими шутками и управляя танцами. Въ Москвѣ онъ ввелъ „штирійскій" танецъ съ прыжками и разными затѣйливыми узорчатыми фигурами.

Независимо отъ обязательныхъ ассамблей, московскіе нѣмцы устраивали въ честь прибывшаго съ государемъ молодого герцога Голштинскаго танцовальные вечера безъ участія русскихъ, и нельзя,—замѣчаетъ Берхгольцъ,—вообразить, до какой степени московскія нѣмки любили танцы. Собирались онѣ рано вечеромъ и оканчивали плясать только утромъ на другой день. Въ Москвѣ давалъ балы и голландскій резидентъ; на нихъ исключительно собирались иностранцы и иностранки.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы на воды въ Олонецъ, Петръ приказалъ, чтобы въ Москвѣ у знатныхъ лицъ были по очереди открытыя собранія три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Собранія эти должны были быть точно такія же, какъ ассамблеи въ Петербургѣ. Наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія императоръ поручилъ Ягужинскому, который, какъ исполнительный царскій слуга, да и самъ чрезвычайный любитель развлеченій, не преминулъ исполнить данное ему приказаніе безъ малѣйшаго послабленія. Ассамблеи

шли своимъ чередомъ, но въ Москвѣ проявлялась при этомъ особенность, какой не существовало въ Петербургѣ, а именно: чванство ввело въ Москвѣ обычай пріѣзжать на ассамблеи тремя-четырьями часами позже назначеннаго времени, и Ягужинскій долженъ былъ пустить въ ходъ угрозу отъ царскаго имени, чтобы отучить московскихъ барынь отъ такой неаккуратности.

Если въ каждомъ дѣлѣ бываетъ труденъ только первый шагъ, то эта справедливая поговорка примѣняется, какъ нельзя болѣе, къ введенію у насъ танцевъ при Петрѣ Великомъ. Съ перваго разу это нововведеніе было встрѣчено весьма непріязненно, но потомъ танцы полюбились русскимъ дамамъ, и охота къ этому увеселенію распространялась все болѣе и болѣе, такъ что уже въ царствованіе Екатерины I оказывалось ненужнымъ участіе верховной власти и мѣстныхъ начальствъ въ устройствѣ ассамблей, а неумѣніе танцовать считалось уже въ эту пору недостаткомъ образованія. Танцовальное искусство распространяли у насъ плѣнные шведы и заѣзжіе поляки, въ особенности же первые. Само собою разумѣется, что являвшіеся впервые па ассамблеи наши боярыни и боярышни были смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ—въ полтора вершка—каблукахъ, съ пышно расчесанною и, большею частью, напудренною прическою, съ длинными „шлепами“, или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но и не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были также подстать дамамъ, и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны съ твердыми, какъ желѣзные листы, широкими фалдами, узкіе панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшія при боку шпаги, перчатки, вмѣсто дѣдовскихъ рукавицъ, и такъ называвшіеся аллонжевые парики съ длинными завитыми въ букли волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ новымъ костюмамъ, казавшимся неудобными только на первыхъ порахъ, и слѣдующія затѣмъ поколѣнія уже совершенно освоились съ ними.

Что касается нарядовъ, то русскіе съ перваго же разу обнаружили прирожденную имъ любовь къ тяжелой роскоши, хотя бы и на европейскій ладъ. Дамы являлись на ассамблеи въ дорогихъ бархатныхъ, парчевыхъ и шелковыхъ робахъ, отдѣланныхъ дорогими заграничными кружевами, отягченныя жемчугомъ и брилліантами, которые блистали у нихъ не только въ волосахъ и на корсажахъ, но и на юбкахъ ихъ платьевъ. Вообще петербургскія дамы чрезвычайно любили драгоцѣнные камни и старались перещеголять ими одна другую.

Главною заботою дамъ, ѣздившихъ на ассамблеи, была прическа; на нее не было тогда постоянной моды, и не только каждый годъ, но и каждое собраніе прическу то повышали, то понижали; то пудрились, то нѣтъ. Мужчины являлись на ассамблеи въ бархатныхъ и матерчатыхъ кафтанахъ, расшитыхъ по бортамъ и серебромъ, и золотомъ. Императрица пріѣзжала на ассамблеи роскошно разодѣтая, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ и пажей, одѣтыхъ въ суконные зеленые мундиры съ красными отворотами и золотыми галунами по всѣмъ швамъ. Одинъ только государь сохранялъ обычную простоту во всей обстановкѣ, пріѣзжалъ на ассамблеи въ простой одноколкѣ и въ сопровожденіи только дежурнаго деньщика. Мы сказали, что Петръ былъ охотникъ и мастеръ танцовать, но въ танцы онъ пускался не всякій разъ: это зависѣло отъ расположенія его духа. Большею частью онъ только открывалъ съ госу-

дарынею балъ „нѣмецкимъ танцемъ", и послѣ того удалялся къ мужчинамъ и пускался съ ними въ дѣловой разговоръ, или садился играть въ шахматы или шашки, покуривая коротенькую голландскую трубку съ крѣпкимъ кнастеромъ.

Съ учрежденіемъ ассамблей женщина стала являться у насъ въ положеніи, отличномъ отъ прежняго. Теперь она, вмѣсто смиренной и молчаливой хозяйки дома, подносившей гостю съ глубокими поклонами чарку водки, являлась царицею празднества. При Петрѣ было введено, чтобы хозяинъ, во время бала, подносилъ букетъ цвѣтовъ, живыхъ или искусственныхъ, той дамѣ, которую онъ хотѣлъ отличить. Дама эта распоряжалась танцами и въ концѣ бала торжественно отдавала букетъ тому изъ кавалеровъ, въ домѣ котораго она хотѣла танцовать слѣдующій разъ. Избранный такимъ образомъ кавалеръ, наканунѣ назначеннаго имъ бала, долженъ былъ послать почтившей его дамѣ вѣеръ, пару перчатокъ и букетъ цвѣтовъ.

Одной изъ главныхъ цѣлей Петра Великаго при учрежденіи ассамблей было—соединить все русское общество въ одинъ кружокъ, сблизить русскихъ съ иностранцами и уничтожить ту московскую разрозненность, одной изъ причинъ которой была боярская спѣсь. Послѣднее, однако, особенно не удалось Петру Великому, такъ какъ, съ самаго своего возникновенія, русское общество раздѣлилось на особые кружки, члены которыхъ примыкали одинъ къ другому сообразно ихъ знатности и богатству. Точно также не могъ одолѣть Петръ и отчужденности русскихъ отъ иностранныхъ, которая на ассамблеяхъ выражалась, между прочимъ, тѣмъ, что русскія дамы выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, чѣмъ эти послѣдніе очень обижались. Нѣкоторыя, однако, изъ русскихъ дамъ были чрезвычайно любезны и съ иностранцами, и Берхгольцъ говоритъ о нихъ, что онѣ мало чѣмъ уступали француженкамъ и нѣмкамъ въ обращеніи и свѣткости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними и преимущество.

Ошибочно было бы думать, что ассамблеи временъ Петра отличались той утонченностію обстановки, которою вскорѣ послѣ него, напримѣръ, уже при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, отличались у насъ собранія высшаго круга. Въ первую пору дѣлалось все проще: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить комнату, пропитанную запахомъ кушаньевъ и прокопченную кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, пышно разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы, которые и длились иногда часовъ шесть или семь сряду. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ помѣщеній, почему во время баловъ не было общаго для всѣхъ ужина, но гости дѣлились на двѣ группы, и въ то время, когда одна группа ужинала, другая танцовала.

Кромѣ этихъ неудобствъ, петровскія ассамблеи отличались попойками, и спаиваніе не только мужчинъ, но и дамъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго, описывая бывшія въ его время увеселенія въ Петербургѣ, безпрестанно по поводу ихъ замѣчаетъ: „сильно пили", а въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что онъ, „послѣ вчерашняго опьяненія, былъ при смерти боленъ".

На петровскихъ ассамблеяхъ пили лихо, и даже главный ихъ распорядитель, Ягужинскій, нагружался мертвецки, заводя, при своемъ задорномъ нравѣ, ссоры и даже драки. Князь Меншиковъ напился разъ до того, что упалъ замертво, такъ что пришлось подавать ему врачебную

помощь. Грубость нравовъ начала, однако, исчезать мало-по-малу, чему въ особенности способствовало присутствіе дамъ въ мужскомъ обществѣ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы ассамблеи переродились у насъ въ такіе балы, которые, по ихъ приличію и даже чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

LXXIX. Празднества и увеселенія при Петрѣ Великомъ.

(*Изъ «Дневника» камеръ-юнкера Берхгольца*).

Послѣ обѣда его высочество герцогъ Голштинскій ѣздилъ къ князю Трубецкому, куда былъ приглашенъ вчера вечеромъ. Онъ былъ принятъ по обыкновенію при звукахъ трубъ маршаломъ (должность котораго исправлялъ опять князь Голицынъ). Ихъ величества императоръ и императрица были уже тамъ до насъ. Молодая новобрачная изъ первыхъ бросилась мнѣ въ глаза. На ней были великолѣпное, вышитое золотомъ и серебромъ, штофное платье бѣловатаго цвѣта и большой бриллiантовый уборъ на головѣ и груди. Впрочемъ, лучшія изъ этихъ драгоцѣнностей, кажется, принадлежали ея падчерицѣ, княгинѣ Черкасской, которая на сей разъ была одѣта весьма просто и на головѣ имѣла только нѣсколько бриллiантовъ Новобрачная была въ этотъ день необыкновенно хороша. Молодой былъ одѣтъ просто; говорятъ, онъ большой брюзга, и я, какъ многіе, сердечно сожалѣю объ этой хорошенькой женщинѣ, которая должна проводить свои молодые годы такимъ страннымъ образомъ; да и бракъ этотъ, какъ разсказываютъ, состоялся совершенно противъ ея воли. У стараго князя, сколько я знаю, только трое дѣтей, именно: княгиня Черкасская, потомъ еще другая, очень милая, незамужняя дочь и сынъ, который, говорятъ, женится въ Москвѣ на младшей Головкиной, какъ скоро пріѣдетъ туда царская фамилія. Этотъ молодой человѣкъ покамѣстъ только денщикомъ при императорѣ, но пользуется его расположеніемъ; онъ говоритъ по-нѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ. Отецъ его имѣетъ польскій орденъ Бѣлаго Орла. Императоръ и здѣсь, какъ всегда, былъ посаженымъ отцомъ жениха, а императрица—посаженою матерью невѣсты Въ этотъ второй свадебный день я не замѣтилъ ничего особеннаго противъ перваго дня, кромѣ развѣ того, что въ первый, при началѣ обѣда, было только два выхода—обѣихъ подругъ невѣсты и дружки, а тутъ прибавился еще одинъ, по порядку первый—выходъ новобрачнаго. Онъ вошелъ, подобно тѣмъ, предшествуемый трубачами, шаферами и маршаломъ; до его появленія противъ его мѣста сняли нѣсколько блюдъ и поставили поперекъ стола рядъ опрокинутыхъ тарелокъ, а у стола стулъ, на который молодой потомъ сталъ и по тарелкамъ прошелъ на свое мѣсто. Подойдя подъ вѣнокъ, висѣвшій надъ невѣстою, онъ сорвалъ его и, сѣвъ на мѣсто, подержалъ нѣсколько надъ ея головою, потомъ поцѣловалъ молодую и снова держалъ его у нея передъ глазами и надъ головою (на все это она смотрѣла очень насмѣшливо); въ послѣдній разъ, держа вѣнокъ, онъ опустилъ его такъ низко, что стрѣлка, воткнутая въ косу новобрачной, запуталась въ немъ. Его съ трудомъ наконецъ отпутали и передали одному изъ шаферовъ. Тосты за здоровье были обыкновенные. За обѣдомъ много смѣялись, частью надъ тѣмъ поручикомъ гвардіи, который можетъ такъ страшно хохотать

и о которомъ я уже упоминалъ какъ-то, частью надъ старымъ Иваномъ Михайловичемъ, отцомъ невѣсты, сидѣвшимъ противъ императора, который все съ нимъ шутилъ. Кто не видалъ, тотъ не можетъ представить себѣ, какое огромное количество желе съѣдаетъ этотъ старикъ, съ величайшею поспѣшностью. Онъ взялъ себѣ (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Императоръ, уже знавшій его слабость, тотчасъ замѣтилъ это и велѣлъ ему открыть ротъ, а самъ всталъ съ своего мѣста, взялъ стаканъ съ желе и, отдѣливъ его ножомъ, влилъ однимъ разомъ тому въ горло, что повторялъ нѣсколько разъ и даже своими руками открывалъ Иванъ Михайловичу ротъ, когда онъ разѣвалъ его недовольно широко. Бѣдный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпѣлъ немало за столомъ императрицы: лишь только государыня подавала знакъ, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обѣдомъ и стоявшая позади брата, начинала щекотать ему подъ шеей, а онъ всякій разъ принимался ревѣть, какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что гостей очень потѣшало. Послѣ обѣда начались танцы, сперва церемоніальные, точь-въ-точь какъ въ первый свадебный день, безъ всякой перемѣны. По окончаніи ихъ его высочество пригласилъ императрицу на польскій, который продолжался довольно долго; потомъ его высочество танцовалъ съ новобрачною менуэтъ, а затѣмъ еще со многими дамами, потому что его часто выбирали. Ея величество императрица во все это время сидѣла подъ тѣмъ же балдахиномъ, подъ которымъ сидѣла и за обѣдомъ. Императоръ ходилъ взадъ и передъ, или сидѣлъ то съ своими министрами, то съ императрицею; онъ обыкновенно помѣщался возлѣ нея съ правой стороны, а его королевское высочество, когда не танцовалъ, постоянно съ лѣвой, и ея величество (какъ почти всегда) много съ нимъ разговарила. Императоръ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: когда танцовалъ какой-то графъ (дѣлавшій сильныя движенія руками и всѣмъ тѣломъ), онъ началъ сперва сидя подражать ему, чему императрица отъ души смѣялась; потомъ, когда тотъ сталъ танцовать во второй разъ, онъ всталъ, подошелъ къ его высочеству и, показывая пальцами на танцовавшаго, повторялъ всѣ его тѣлодвиженія. Его высочество много смѣялся этому. Послѣ нѣсколькихъ часовъ танцованья императоръ началъ со всѣми стариками одинъ танецъ, котораго я не могу назвать. Ихъ было 8 или 9 паръ, а именно императоръ съ императрицею, великій адмиралъ, новобрачный, вице-канцлеръ, князь Валахскій, генералъ князь Голицынъ и другой князь Голицынъ, братъ его, который исправлялъ должность маршала. Всѣ они должны были танцовать съ молодыми дамами. Старый генералъ-майоръ Бутурлинъ и генералъ-майорша Балкъ составляли девятую пару. Императоръ, будучи очень веселъ, дѣлалъ одну за другою капріоли обѣими ногами. Такъ какъ старики сначала путались, и танецъ поэтому всякій разъ должно было начинать снова, то государь сказалъ наконецъ, что выучитъ ихъ весьма скоро, и затѣмъ, протанцовавъ имъ его, объявилъ, что если кто теперь собьется, тотъ выпьетъ большой штрафной бокалъ. Тогда дѣло пошло отлично на ладъ; но лишь только танецъ кончился и бѣдные старики, запыхавшіеся и едва стоявшіе на ногахъ отъ усталости, сѣли отдыхать, какъ императоръ снова началъ танцовать польскій, въ которомъ они, не успѣвъ даже порядочно усѣсться, опять должны были участвовать, чѣмъ наконецъ утомилъ ихъ до того, что они, навѣрно, не оправились и на другой день. Вслѣдъ затѣмъ его величество хотѣлъ начать менуэтъ съ императрицею, но такъ какъ она отказалась, боясь, можетъ быть,

чтобы это ему не повредило и, вѣроятно, сама чувствуя усталость, то онъ взялъ ее подъ руку, пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и уѣхалъ съ величайшею поспѣшностью. За ними, простясь съ новобрачными и дѣтьми князя, уѣхалъ и его высочество. Было около половины десятаго, когда онъ возвратился домой.

10-го начался большой маскарадъ, который долженъ былъ продолжаться цѣлую недѣлю, и въ этотъ же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предмѣстника, которая цѣлый годъ не соглашалась выйти за него, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, всѣ маски собрались по ту сторону рѣки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что мѣсто тамъ очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится передъ Сенатомъ и церковью Св. Троицы, имѣя съ одной стороны зданія художествъ, съ другой—крѣпость, съ третьей — зданія всѣхъ коллегій, а съ четвертой— Неву. По срединѣ ея стоитъ упомянутая церковь Св. Троицы, а передъ Сенатомъ возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая въ память отнятія у шведовъ въ 1714 году четырехъ фрегатовъ, въ которомъ царь самъ участвовалъ, за что и былъ произведенъ княземъ-кесаремъ въ вице-адмиралы. Она украшена разнаго рода девизами. Въ 8 часовъ утра послѣдовалъ сказанный сигналъ, и его высочество съ своими кавалерами отправился на баркѣ къ сборному мѣсту, но покамѣсть въ плащахъ. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили, въ знакъ торжества, изъ пушекъ, какъ и на галерахъ, стоявшихъ по рѣкѣ. Между тѣмъ всѣ маски въ плащахъ съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо-назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества, его высочество и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершилось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика, и ужъ конечно не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности): всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить на большой площади процессіей, по порядку нумеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, голландскимъ матросомъ или французскимъ крестьяниномъ и въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ, перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложеннымъ серебряннымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, именно: генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ, генералъ-майоръ Чернышевъ и гвардіи майоръ Мамоновъ, изъ которыхъ оба первые были одѣты, какъ его величество. За ними слѣдовалъ князь-кесарь въ костюмѣ древнихъ царей, т.-е. въ бархатной мантіи, подбитой горно-

стаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта голландской или фризской крестьянкой—въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ голландскаго полотна, и держала подъ рукою небольшую корзинку. Этотъ костюмъ ей очень шелъ. Передъ нею шли ея гобоисты и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ 8 арабовъ въ индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ большими цвѣтами на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ, какъ она, а за ними всѣ дамы; именно: сперва придворныя, также въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыхъ красными, зелеными и желтыми лентами, потомъ остальныя, переодѣтыя пастушками, нимфами, негритянками, монахинями, арлекинами, скарамушами; нѣкоторыя имѣли старинный русскій костюмъ, испанскій и другіе, и всѣ были очень милы. Все шествіе заключалъ большой толстый францисканецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою царицы, какъ за царемъ, шла княгиня-кесарша Ромодановская, въ костюмѣ древнихъ царицъ, т.-е. въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты имѣли также старинную русскую одежду. Его королевское высочество, нашъ герцогъ, былъ со своею группою въ костюмѣ французскихъ виноградарей, въ шелковыхъ фуфайкахъ и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами. Шляпы у нихъ были обтянуты тафтою и обвиты вокругъ тульи лозами съ виноградными кистями изъ воска. Его высочество, въ костюмѣ розоваго цвѣта, шелъ одинъ впереди, отличаясь отъ своей группы тѣмъ, что имѣлъ подъ тафтяной фуфайкой короткій парчевый камзолъ, входившій въ панталоны, и что, вмѣсто шнурковъ и лентъ, платье его было обшито серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ виноградный серпъ. За нимъ шла его свита въ три ряда, по три человѣка въ каждомъ, именно: первый рядъ въ зеленыхъ костюмахъ, второй—въ желтыхъ, третій—въ голубыхъ. Ленты на тафтяныхъ фуфайкахъ были у нихъ разноцвѣтныя, но нашиты у всѣхъ одинаково, шляпы же одного цвѣта. Группу эту заключалъ г. фонъ-Альфельдъ, въ костюмѣ темнокраснаго цвѣта, обшитомъ, какъ и у герцога, галуномъ, но очень узкимъ. Первый рядъ составляли тайный совѣтникъ Клауссенгеймъ, Бонде и Ранцау, второй—тайный совѣтникъ Бассевичъ, Штенфлихтъ и Сальдернъ, третій—тайный совѣтникъ Геспенъ, Лорхъ и Штамке. Мы, прочіе, были на этотъ разъ только зрителями, потому что свита герцога не могла быть больше. Группа его высочества была одною изъ лучшихъ. Маски, слѣдовавшія за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одѣты, какъ гамбургскіе бургомистры, въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ), другіе, именно: гвардейскіе офицеры—какъ римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи—какъ турки, индѣйцы, испанцы (въ числѣ ихъ былъ крещенный жидъ и шутъ царя—Ла-Коста), персіане, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, іезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ, или какъ венеціанскіе nobili; наконецъ, многіе были наряжены жидами (здѣшніе купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самыми странными были

князь-папа изъ рода Бутурлиныхъ, и коллегія кардиналовъ въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе и развратнѣйшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ и должны всякій день напиваться до-пьяна пивомъ, водкой и виномъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ, со многими церемоніями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слишкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми, менѣе ихъ знатными, и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ разсказываютъ, не щадитъ никого и у себя. По его приказанію ежегодно, въ извѣстный день, князь-папа съ своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я было забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить, какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ притомъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ. Но возвращаюсь къ маскараду. Кромѣ названныхъ мною масокъ, были еще въ разныхъ уморительныхъ нарядахъ сотни другихъ, которыя бѣгали съ бичами, пузырями, наполненными горохомъ, погремушками и свистками, и дѣлали множество шалостей. Были нѣкоторыя и отдѣльныя смѣшныя маски, какъ, напримѣръ, турецкій муфти въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, Бахусъ въ тигровой кожѣ и увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно толстый и съ распухшимъ лицомъ. Говорятъ, его передъ тѣмъ цѣлые три дня постоянно поили, при чемъ ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурны были Нептунъ и другіе боги; но особенно хорошъ и чрезвычайно натураленъ былъ Сатиръ (танцмейстеръ князя Меншикова), дѣлавшій на ходу искусные и трудные прыжки. Многіе очень искусно представляли журавлей. Огромный французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты, какъ маленькіе дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т.-е. имѣли длинныя бороды, высокія собольи шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охабнями и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ называемый виташій или тайный кухмистеръ былъ весь зашитъ въ медвѣжью шкуру и превосходно представлялъ медвѣдя; сначала онъ нѣсколько времени вертѣлся въ какой-то машинѣ, похожей на клѣтки, въ которыхъ прыгаютъ бѣлки, но потомъ долженъ былъ ѣздить верхомъ на медвѣдѣ. Кто-то представлялъ индѣйскаго жреца, увѣшаннаго бубенчиками и въ шляпѣ съ огромными полями. Нѣсколько человѣкъ были на-

ряжены, какъ индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ и т. д. Погулявъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски, въ томъ же порядкѣ, отправились въ зданія сената и коллегій, гдѣ, за множествомъ приготовленныхъ столовъ, князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ 60-ти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами: онъ—съ царемъ и господами кардиналами, а она—съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Въ продолженіе всего обѣда человѣкъ, представлявшій на маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и страшно принуждалъ папу и кардиналовъ пить; онъ вливалъ вино въ какой то боченокъ, при чемъ они постоянно должны были отвѣчать ему. Послѣ обѣда сначала танцовали, потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женихъ въ особенности былъ невообразимо пьянъ. Брачная комната находилась въ упомянутой широкой и большой деревянной пирамидѣ, стоящей передъ домомъ сената. Внутри ее нарочно освѣтили свѣчами, а ложе молодыхъ обложили хмелемъ и обставили кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкою. Вечеромъ всѣ дома въ городѣ были иллюминованы, и царь приказалъ чтобъ это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны рѣки царскіе дворецъ и садъ.

11-го, послѣ обѣда, всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрачныхъ черезъ рѣку въ почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, отправились въ особенный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей и по-своему привѣтствовалъ каждаго гостя. Всякій, прежде чѣмъ проходилъ далѣе, выпивалъ при входѣ по деревянной ложкѣ водки изъ большой чаши, потомъ поздравлялъ папу и цѣловался съ нимъ. Послѣ того молодые присоединились къ процессіи масокъ, которыя, обойдя раза два вокругъ пирамиды, гдѣ тѣ ночевали, сѣли на суда и переѣхали, подъ разную музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ почтовый домъ. назначенный для угощенія. Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, была особеннаго страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ извѣстномъ разстояніи однѣ отъ другихъ, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены по серединѣ еще бочки поменьше или ушаты, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ онѣ плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ нимъ ѣхалъ большой пивной котелъ съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держаться на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ, и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзанное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ являвшійся на маскарадѣ Нептунъ со своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-

папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, не мало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, при чемъ кардиналы производили шумъ коровьими рогами, въ которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно сердился на его величество, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ почтовый домъ, гдѣ пили и пировали до поздняго вечера.

12-го, послѣ обѣда, маски опять собрались у почтоваго дома, откуда поѣхали кататься на разныхъ судахъ, изъ которыхъ многія могли вмѣстить до ста человѣкъ и были снабжены большими русскими качелями, такъ что во время плаванія всякій, кто имѣлъ охоту, могъ качаться. Его королевское высочество съ своею свитою, а царь и царица со многими дамами и кавалерами имѣли свои особыя суда съ качелями. Князь-папа и кардиналы ѣздили на той же машинѣ, на которой вчера переправлялись черезъ рѣку. Въ этомъ порядкѣ всѣ маски отправились къ князю Меншикову, который угощалъ ихъ въ своемъ саду. Тамъ оставались до вечера, когда, наконецъ, всякій могъ свободно ѣхать домой.

13-го былъ роздыхъ, и маски не собирались. Его высочество съ тремя тайными совѣтниками, также Штенфлихтомъ, Альфельдомъ, Ранцау и графомъ Бонде, обѣдалъ у полковника Кампенгаузена, жена котораго была статсъ-дамою при царицѣ. Откуда они ѣздили къ Нарышкину, у котораго нашли Ягужинскаго, только что возвратившагося наканунѣ изъ Або, а потомъ къ г-жѣ Вильбоа, также статсъ-дамѣ, и къ княгинѣ Черкасской (мужъ которой былъ прежде Сибирскимъ вице-губернаторомъ), живущей по ту сторону рѣки, и наконецъ ужинали у Левольда.

14-го маски опять собирались послѣ обѣда на другой сторонѣ рѣки, но скоро разошлись, проѣхавъ только внизъ до дому Головкина. Послѣ того его высочество ѣздилъ къ майору гвардіи Румянцеву, къ оберъ-полицеймейстеру Девьеру и къ княгинѣ Валахской, гдѣ нашелъ общество дамъ и очень весело провелъ вечеръ.

15-го его королевское высочество, прогулявшись понапрасну на ту сторону рѣки, потому что маски не оставались вмѣстѣ, ѣздилъ къ князю-папѣ, а отъ него къ великому адмиралу Апраксину, гдѣ и пробылъ до вечера. Тамъ возникъ споръ между Альфельдомъ и Лорхомъ, но послѣдній на другое же утро пошелъ къ своему противнику, и они опять стали друзьями.

16-го его величество царь съ 50-ю или 60-ю масками пріѣхалъ обѣдать къ его королевскому высочеству. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, много пилъ, даже танцовалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни. Мы убѣдились изъ этого, что онъ иногда можетъ быть въ прекрасномъ расположеніи духа, особенно если окружающія его лица ему не противны. Его приближенные, въ томъ числѣ фавориты и шуты, умѣютъ пользоваться такими случаями и бываютъ съ нимъ свободны, какъ съ товарищемъ. Въ такомъ веселомъ расположеніи его величество пробылъ у насъ до 8 часовъ вечера. Въ этотъ день прибывшій сюда императорскій австрійскій посолъ, графъ Кинскій, присылалъ увѣдомить его королевское высочество о своемъ пріѣздѣ. Герцогъ зналъ его еще прежде въ Бреславлѣ; онъ человѣкъ чрезвычайно пріятный и привѣтливый.

17-го его королевское высочество и всѣ другія маски были послѣ обѣда въ адмиралтействѣ, гдѣ закладывали киль для военнаго корабля. Главный строитель Головинъ, онъ же и генералъ-майоръ по арміи, учившійся кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи (но знающій немного и получившій это званіе только въ качествѣ царскаго любимца), долженъ былъ вбить первый гвоздь и прежде всѣхъ помазать киль дегтемъ, послѣ чего прочіе корабельщики, въ томъ числѣ и самъ царь, послѣдовали его примѣру. Его величество трудился и работалъ усерднѣе всѣхъ. По этому случаю въ адмиралтействѣ палили изъ пушекъ. Ихъ величества со всѣми присутствовавшими прошли потомъ въ флаговой залъ, гдѣ приготовлена была закуска. Въ этомъ залѣ развѣшаны подъ потолкомъ всѣ флаги, знамена и штандарты, отнятые въ продолженіе послѣдней войны у Шведовъ. Побывъ тамъ нѣсколько времени, всѣ отправились въ новый домъ великаго адмирала (одинъ изъ лучшихъ во всемъ Петербургѣ, но еще не отдѣланный), гдѣ съ галлерей смотрѣли на травлю льва съ огромнымъ медвѣдемъ, которые оба были крѣпко связаны и притянуты другъ къ другу веревками. Всѣ думали, что медвѣдю придется плохо, но вышло иначе: левъ оказался трусливымъ и почти вовсе не защищался, такъ что еслибъ медвѣдя во-время не оттащили, онъ непремѣнно одолѣлъ бы его и задушилъ. Травля продолжалась не долго, потому что царю не хотѣлось потерять льва. Отъ Апраксина ея величество царица со многими дамами и кавалерами поѣхала къ его королевскому высочеству, гдѣ, послѣ закуски и кофе, нѣсколько часовъ танцовали. Часовъ въ восемь государыня уѣхала, но прочія дамы оставались еще съ часъ и продолжали танцовать. Когда всѣ посторонніе разъѣхались, его высочество съ нѣкоторыми изъ насъ отправился на рѣку и разсматривалъ иллюминацію, при чемъ съ нами были и наши волторнисты. Проѣзжая мимо царскаго дворца, мы видѣли у окна обѣихъ принцессъ, которыя, къ величайшему сожалѣнію его высочества, не участвовали въ маскарадѣ и оставались только зрительницами. Сегодня окончился маскарадъ, и хотя въ продолженіи 8-ми дней наряженные не постоянно собирались, однакожъ никто, подъ штрафомъ 50 рублей, не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ. Поэтому всѣ радовались, что удовольствія на первый разъ кончились.

LXXX. Описаніе большого маскарада по случаю потѣшной свадьбы Зотова.

(Изъ «Записокъ «Фридриха-Христіана Вебера, Брауншвейгъ-Люнебургскаго резидента въ Россіи, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Das veränderte Russland»; на русск. яз. напеч. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г.).

Большой маскарадъ, къ которому весь дворъ готовился уже три мѣсяца, праздновался, наконецъ, 27-го и 28-го января, и такъ какъ подобнаго маскарада, можетъ быть, никогда не бывало на свѣтѣ, то я не могу не коснуться здѣсь, хотя вкратцѣ, главнѣйшихъ его обстоятельствъ.

Въ дѣтствѣ у царя былъ учитель чистописанія, нѣкто Зотовъ, котораго онъ, семидесятилѣтняго уже старика, сдѣлалъ потѣшнымъ совѣтникомъ (lustiger Rath), произвелъ въ шутку въ патріархи, потомъ, въ такомъ же смыслѣ даровалъ ему княжеское достоинство и, наконецъ,

объявилъ папою, въ каковомъ качествѣ царь и женилъ его, когда ему было уже 84 года, на здоровой и бодрой еще 34-лѣтней вдовѣ. По случаю этой то свадьбы и назначенъ былъ маскарадъ изъ 400 человѣкъ обоего пола, въ которомъ каждыя 4 лица должны были имѣть свой костюмъ и особый музыкальный инструментъ, такимъ образомъ, что всѣ вмѣстѣ должны были представить 100 различныхъ костюмовъ и музыку всѣхъ, преимущественно азіатскихъ націй. Тѣ четыре особы, которыя должны были приглашать на свадьбу, выбраны изъ самыхъ сильныхъ заикъ, какихъ только можно было отъискать въ Россіи. Свадебнымъ маршаломъ, шаферами, дружками и другими свадебными прислужниками выбраны окаменѣвшіе уже отъ лѣтъ старики, которые не могли ни стоять, ни видить что-либо; а въ скороходы назначены такія тучныя особы, которыхъ нужно было водить, по тяжести ихъ тѣла, и которыя почти всю жизнь свою возились съ подагрою.

Подставной царь Московскій по одеждѣ представлялъ собою царя Давида, но вмѣсто арфы ему дана была обтянутая медвѣжьей кожей лира, которою онъ долженъ былъ потрясать въ поѣздѣ. Какъ важнѣйшее лицо, его везли на особыхъ козлахъ, придѣланныхъ къ огромнымъ санямъ, и на 4-хъ концахъ этихъ козелъ посажено столько же огромныхъ дикихъ медвѣдей, которыхъ приставленные нарочно для того люди кололи острыми рогатинами и заставляли страшно ревѣть, какъ только царь Давидъ, а по его примѣру и все остальное общество, начинали свою дикую музыку, неистово заглушая другъ друга.

Самъ царь одѣтъ былъ фризскимъ крестьяниномъ и, вмѣстѣ съ тремя другими генералами, искусно выколачивалъ на барабанѣ. При такой обстановкѣ и подъ звонъ колоколовъ, маски сопроводили неровную брачную чету въ главную церковь и поставили ее передъ алтаремъ, гдѣ и обвѣнчалъ ее столѣтній священникъ. Передъ этимъ послѣднимъ, потерявшимъ уже зрѣніе и память и еле стоявшимъ съ очками на носу, держали двѣ свѣчи, и въ уши кричали ему, какія онъ долженъ былъ читать молитвы передъ брачною четою. Изъ церкви процессія отправилась въ царскій дворецъ, гдѣ веселое пированіе продолжалось нѣсколько дней и сопровождалось катаньемъ на саняхъ, во время котораго также продѣлывались разныя забавныя потѣхи. Но дальнѣйшій разсказъ о нихъ былъ бы утомителенъ: и описаннаго довольно, чтобы показать, что при всѣхъ тяжкихъ заботахъ своихъ по управленію царь можетъ думать и о забавахъ и обладаетъ богатою для того изобрѣтательностью.

LXXXI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и судъ надъ нимъ.

(*Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей»*).

Преобразовательныя намѣренія Петра Великаго возбуждали множество недовольныхъ, готовыхъ противодѣйствовать царю всѣми мѣрами внутри Россіи; но изъ всѣхъ противниковъ его духа первое мѣсто, по достоинству породы, занималъ его родной сынъ, царевичъ Алексѣй. Онъ былъ рожденъ отъ первой супруги Петра, Евдокіи Лопухиной, 18-го февраля 1690 года. Петръ никогда не любилъ вполнѣ своей жены. Это непріязненное чувство развивалось по мѣрѣ пристрастія государя къ ино-

земщинѣ, которая увлекала его къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ старинныхъ русскихъ порядковъ и обычаевъ. Евдокія не только не сочувствовала въ этомъ Петру, но, какъ бы на зло ему, была ревностною поклонницею старины, заодно съ своею близкою роднею — Лопухиными. Петръ пытался сначала убѣдить жену свою добровольно вступить въ монастырь, но всѣ старанія его достигнуть этой цѣли оказались безуспѣшными. Тогда Петръ приказалъ Евдокію противъ ея воли отправить въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, и тамъ она была насильно пострижена подъ именемъ Елены. Восьмилѣтній сынъ ея Алексѣй былъ разлученъ съ матерью; воспитаніе его поручено было сначала Никифору Вяземскому, потомъ—нѣмцу Нейгебауеру, а когда этого нѣмца, за дерзость и высокомѣріе, царь удалилъ, учителемъ царевича сталъ другой нѣмецъ, Гюйсенъ. Онъ выучилъ царевича по-французски и преподавалъ ему научные предметы на французскомъ языкѣ. Въ 1705 г. Петръ отозвалъ Гюйсена къ дипломатическимъ порученіямъ. Царевичъ остался безъ учителя, съ однимъ своимъ воспитателемъ Никифоромъ Вяземскимъ, а сверхъ того, наблюденіе надъ ходомъ ученія поручено было Меншикову, которому, однако, некогда было слѣдить за царевичемъ, постоянно жившимъ въ Москвѣ, тогда какъ Меншиковъ пребывалъ въ Петербургѣ и часто былъ отвлекаемъ разными военными морскими и административными предпріятіями.

Москва, старая столица Россіи, естественно стала тогда важнѣйшимъ средоточіемъ враговъ преобразованій, начатыхъ Петромъ. Царевичъ, по чувству сердечной памяти о матери, не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ родителю, а суровое и грозное обращеніе отца съ сыномъ еще болѣе охладило Алексѣя къ Петру. Рѣдко онъ могъ видѣть родителя, постоянно занятаго военными дѣлами. Царевича окружали люди, недружелюбно относившіеся къ затѣямъ государя. Это были: четверо Нарышкиныхъ, пять князей Вяземскихъ, крутицкій архіерей Иларіонъ и нѣсколько протопоповъ, изъ которыхъ одинъ, Яковъ Игнатьевъ, былъ духовникомъ царевича и имѣлъ на него громадное нравственное вліяніе. Однажды въ Преображенскомъ селѣ, въ своей спальнѣ, предъ лежащимъ на стольцѣ Евангеліемъ, царевичъ далъ своему духовнику клятвенное обѣщаніе слушать его во всемъ, какъ ангела Божія и Христова апостола, считать его судьею всѣхъ своихъ дѣлъ и покоряться во всемъ его совѣтамъ. Царевичъ проводилъ время сообразно стариннымъ пріемамъ русской жизни: то—слушая богослуженіе и занимаясь душеспасительными бесѣдами, то—учреждая пиры, постояннымъ участникомъ которыхъ былъ и его духовникъ. Но забавы царевича не походили на забавы его родителя въ томъ, что царевичъ всегда относился съ сердечнымъ уваженіемъ ко всему церковному и не позволялъ себѣ дѣлать такихъ кощунскихъ выходокъ, какія замѣчаются въ чиноположеніи Петрова всепьянѣйшаго собора. Зато не менѣе родителя царевичъ, при случаѣ, показывалъ жестокость и грубость въ обращеніи со своими собесѣдниками; самого духовника своего, котораго называлъ своимъ первѣйшимъ другомъ, царевичъ не разъ ругалъ и за бороду升 дралъ, „и другіе,—писалъ ему этотъ духовникъ,—отъ милостиваго наказанія твоего и побой изувѣчены и хрычатъ кровію". Своего наставника Вяземскаго царевичъ также дралъ за волосы и билъ палкой. Несмотря на такія грубыя вспышки, царевичъ Алексѣй, будучи по природѣ безхарактеренъ, находился подъ вліяніемъ своихъ друзей, и особенно Якова Игнатьева, который служилъ ему тайнымъ посредникомъ по отношенію къ заточенной матери. При его посредствѣ, царевичъ однажды

съѣздилъ къ ней въ Суздаль: но царевна Наталья, любимая сестра Петрова, провѣдала объ этомъ и донесла брату. Царь сильно разгнѣвался и потребовалъ сына къ себѣ въ Польшу, гдѣ самъ въ то время находился. Царевичъ обратился къ Екатеринѣ, и только ея ходатайству обязанъ былъ тѣмъ, что получилъ отъ родителя прощеніе.

Въ 1709 году царевичъ, по волѣ родителя, былъ оторванъ отъ московскаго круга друзей, отправленъ въ Дрезденъ учиться геометріи и фортификаціи, а черезъ два года женился на сестрѣ супруги нѣмецкаго императора Карла VI, вольфенбютельской принцессѣ Шарлотѣ. Бракъ совершенъ былъ въ Торгау 14 октября 1711 года, въ присутствіи Петра. Алексѣй не чувствовалъ никакой любви къ этой особѣ и женился на ней единственно изъ угожденія волѣ родителя, не смѣя ему противиться по трусости и слабости характера. Супруга его была совсѣмъ не такая женщина, чтобы впослѣдствіи расположить къ себѣ сердце мужа и оказать на него доброе нравственное вліяніе. Это была нѣмка до мозга костей, до глубины души: она окружила себя исключительно единоземцами, не терпѣла Русскихъ и всей Россіи. Молодая чета поселилась въ Петербургѣ, въ особомъ дворцѣ, но жила не роскошно, и кронцпринцесса, какъ титуловали въ то время жену царевича, безпрестанно жаловалась, что ей даютъ мало средствъ. Петръ пытался пріучить своего сына любить то, что самъ любилъ, и посылалъ его по разнымъ порученіямъ, напримѣръ, наблюдать за постройкою судовъ въ Ладогѣ; но царевичъ повиновался нехотя, изъ-подъ палки, и не показывалъ ни малѣйшаго расположенія слѣдовать туда, куда направлялъ его отецъ. Алексѣй боялся родителя: самъ родитель впослѣдствіи объявлялъ, что, желая пріучить сына къ дѣлу, не только бранилъ его, но и бивалъ палкою. Однажды Петръ хотѣлъ проэкзаменовать сына изъ геометріи и фортификаціи. Царевичъ боялся, что царь заставитъ его при себѣ чертить планы, и, чтобы избавиться отъ такого непріятнаго испытанія, выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ ладонь; пуля не попала въ руку, но рука была обожжена. Отецъ увидѣлъ обожженную руку сына и допрашивалъ его, „что это значитъ?“ Алексѣй чѣмъ то отолгался, но избавился отъ угрожавшаго ему испытанія. Все въ немъ составляло противоположность Петру; Петра занимало кораблестроеніе, военное искусство, всякаго рода ремесла и промыслы; царевичъ съ любовью углублялся въ чтеніе благочестныхъ книгъ, въ разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ. Чѣмъ болѣе Петръ всматривался въ поведеніе сына, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что онъ не годится быть его преемникомъ на престолѣ, къ чему готовило Алексѣя право рожденія. Петръ пересталъ имъ заниматься и въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не говорилъ съ нимъ ни слова, но не рѣшился отстранить его отъ престолонаслѣдія, потому что некѣмъ было его замѣстить.

Въ 1714 году Екатерина стала беременною, но въ то же время была уже во второй разъ беременною и супруга Алексѣя — Шарлота. Кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени 12 октября сыномъ Петромъ, а черезъ десять дней скончалась. Тогда Петръ въ самый день погребенія невѣстки вручилъ сыну письмо, въ которомъ укорялъ его за то, что онъ не показывалъ никакой охоты къ занятіямъ дѣлами правленія, а наиболѣе за то, что царевичъ „ниже слышать хощетъ о воинскомъ дѣлѣ, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли“.

Царь убѣждалъ его исправиться, а въ случаѣ неисправленія грозилъ отрѣшить отъ наслѣдства. Письмо это подписано было заднимъ числомъ, за 16 дней до его отдачи, а на другой день послѣ отдачи Ека-

терина родила Петру сына—Петра. Царевичъ совѣтовался съ близкими лицами, Вяземскимъ и Александромъ Кикинымъ, обращался также къ людямъ сильнымъ: адмиралу Апраксину и князю Василію Владиміровичу Долгорукому. Кикинъ и Вяземскій прямо совѣтовали ему удалиться на покой, а князь Василій Долгорукій говорилъ ему двусмысленныя слова: „давай писемъ хоть тысячу, еще когда то будетъ"; старая пословица: „улита ѣдетъ, когда-то будетъ"; „это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали". Хитрый бояринъ далъ царевичу понять, что, по его соображеніямъ, какъ онъ ни вывертывайся, а ему не сдобровать. Царевичъ, черезъ три дня послѣ полученія письма, послалъ царю отвѣтъ, въ которомъ сознавался, что „памяти весьма лишенъ и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію". Онъ отрекался отъ наслѣдства, предоставляя его своему новорожденному брату и призывалъ во свидѣтели Бога, что не станетъ болѣе претендовать на корону.

Петръ послѣ того заболѣлъ такъ тяжело, что даже исповѣдывался и причащался въ чаяніи кончины. По выздоровленіи, уже въ 1716 году, царь написалъ царевичу письмо, служившее какъ бы отвѣтомъ на то, которое царевичъ писалъ до болѣзни родителя.

Петръ написалъ сыну, что не вѣритъ клятвѣ и привелъ изреченіе Давида: „всякъ человѣкъ ложь". „Да наконецъ,—выражался Петръ,—если бы ты и истинно хотѣлъ хранить клятву, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло". Затѣмъ Петръ далъ ему на выборъ: или измѣнить свой нравъ и сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ престола, или постричься въ монахи. „Иначе,—кончалъ свое письмо Петръ,—я съ тобою какъ съ злодѣемъ поступлю".

Испуганный царевичъ обратился опять за совѣтомъ къ Вяземскому и Кикину. Оба совѣтывали ему идти въ монастырь. Кикинъ прибавилъ при этомъ: „вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, можно его и снять, а впередъ что будетъ—кто знаетъ!" Сообразно этому совѣту, царевичъ написалъ Петру: „желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія".

Но Петръ черезъ недѣлю посѣтилъ сына и сказалъ ему: „это молодому человѣку не легко, одумайся, не спѣши, подожди полгода".

Вскорѣ Петръ уѣхалъ за границу, Алексѣй остался въ Петербургѣ въ томительной нерѣшительности. Его пріятель Кикинъ уѣхалъ за границу—высмотрѣть для царевича какое-нибудь убѣжище въ случаѣ крайней опасности. Въ августѣ 1717 года Петръ изъ-за границы прислалъ сыну письмо и требовалъ: или ѣхать къ нему, не мѣшкавши болѣе недѣли, или постричься и увѣдомить отца, въ какомъ монастырѣ и въ какое время онъ постриженъ. Это до того испугало царевича, что онъ рѣшился бѣжать. „Я вижу,—говорилъ онъ,—что мнѣ самъ Богъ путь правитъ. Мнѣ снилось, что я церкви строю".

Занявъ у Меншикова и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ нѣсколько тысячъ червонцевъ, Алексѣй какъ-будто поѣхалъ къ отцу, по его приказанію, а на самомъ дѣлѣ—съ намѣреніемъ укрыться отъ его гнѣва и найти защиту у кого-нибудь изъ иноземныхъ государей. На дорогѣ, въ Либавѣ, Алексѣй свидѣлся съ Кикинымъ, возвращавшимся въ отечество. Кикинъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Вѣну и отдаться подъ покровительство цезаря. Такъ царевичъ и поступилъ. Онъ поѣхалъ въ Вѣну подъ вымышленнымъ именемъ польскаго шляхтича Коханскаго. 21 ноября стараго стиля,

въ 9 часовъ вечера, царевичъ, оставивъ свой багажъ и прислугу въ гостиницѣ, находившейся въ Леопольдштадтѣ, самъ поѣхалъ во „Внутренній городъ“, остановился въ трактирѣ на площади „Bei Klapperer“ и отправилъ оттуда своего служителя къ вице-канцлеру Шенборну съ просьбою допустить его по важному дѣлу. Шенборнъ былъ уже раздѣтъ и объявилъ посланному, что онъ одѣнется и пойдетъ къ царевичу самъ; но не успѣлъ Шенборнъ одѣться, какъ царевичъ явился къ нему, и первымъ его дѣломъ было попросить удалиться всѣхъ и выслушать его наединѣ.

— Я пришелъ искать протекціи у императора, моего свояка; пусть онъ спасетъ жизнь мою; меня хотятъ погубить и моихъ бѣдныхъ дѣтей лишить короны.

— Успокойтесь,—сказалъ ему Шенборнъ,—вы здѣсь въ совершенной безопасности. Разскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе и чего вы желаете,

Царевичъ продолжалъ:

— Отецъ хочетъ меня погубить, а я ничѣмъ не виноватъ. Я не раздражалъ его, я слабый человѣкъ. Меня Меншиковъ такъ нарочно воспиталъ; меня спаили, умышленно разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію, хочетъ меня постричь и засадить оъ монастырь, чтобъ отнять наслѣдство... Я не хочу въ монастырь... Пусть императоръ охранитъ мою жизнь.

Шенборнъ сказалъ ему:

— Неудовольствіе между отцомъ и сыномъ—вопросъ щекотливый; я нахожу, что вы поступите благоразумнѣе, если, для избѣжанія толковъ въ свѣтѣ, не будете требовать свиданія съ ихъ величествами, а предоставите оказать вамъ явную или тайную помощь и найти средства примирить васъ съ отцомъ.

— Примирить меня съ отцомъ нѣтъ никакой надежды,—сказалъ царевичъ,—если отецъ будетъ ко мнѣ и добръ, то мачиха и Меншиковъ уморятъ меня оскорбленіями, или опоятъ ядомъ. Пусть императоръ дозволитъ мнѣ жить у него либо открыто, либо тайно.

Вице-канцлеръ уговорилъ его подождать отвѣта до завтрашняго дня, и царевичъ ушелъ на свою квартиру.

На другой день, послѣ секретнаго разговора съ императоромъ, вечеромъ вице-канцлеръ сообщилъ царевичу, что императоръ будетъ стараться примирить его съ родителемъ, а до того времени признаетъ за лучшее содержать его втайнѣ.

Царевичъ согласился и былъ отправленъ въ Тироль, подъ видомъ государственнаго преступника. Его помѣстили въ крѣпости Эренбергѣ, лежащей посреди горъ, на высокой скалѣ. Коменданту приказали содержать его прилично, на сумму отъ 250 до 300 гульденовъ въ мѣсяцъ, и, чтобы сохранить тайно его пребываніе, запретили солдатамъ и ихъ женамъ выходить за ворота крѣпости, а караульнымъ—вести съ кѣмъ бы то ни было разговоры о томъ, кто привезенъ въ крѣпость; на всякіе вопросы приказано имъ отзываться незнаніемъ. Между тѣмъ Петръ, находившейся въ Амстердамѣ, не дождавшись сына, смекнулъ, что царевичъ убѣжалъ и сразу догадался, куда онъ направилъ свой путь. Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Веселовскаго, далъ указъ развѣдывать о царевичѣ и написалъ Карлу VI письмо, въ которомъ просилъ императора: „если бы непослушный сынъ русскаго царя оказался явно или тайно въ его владѣніяхъ, выслать его подъ карауломъ для отеческаго

исправленія". Веселовскій подалъ императору письмо Петра, но ни императоръ, ни его министры не объявили тайны Веселовскому. За то Веселовскій самъ напалъ на слѣдъ царевича и извѣстилъ Петра, что онъ находится въ Тиролѣ. Объ этомъ узналъ императоръ и послалъ къ царевичу совѣтъ переѣхать подалѣе—въ Неаполь. У царевича была любовница, уѣхавшая съ нимъ изъ Россіи, крѣпостная дѣвушка Вяземскаго, по имени Ефросинія. Оставивъ прислугу свою въ Эренбергѣ, царевичъ съ нею отправился въ Неаполь, и 17 мая н. с. 1717 года былъ помѣщенъ въ замкѣ Сентъ-Альмо, господствующемъ на холмѣ надъ городомъ.

Не долго пришлось ему проживать въ этомъ убѣжищѣ. Когда царевича везли туда, за нимъ слѣдомъ ѣхалъ капитанъ Румянцевъ и потомъ сообщилъ все царю. Петръ вмѣстѣ съ этимъ Румянцевымъ отправилъ въ Вѣну своего приближеннаго Петра Толстого домогаться у императора выдачи царевича, обѣщая отъ имени отца ему прощеніе; если же императоръ не согласится на выдачу, то, по крайней мѣрѣ, добиться свиданія съ царевичемъ и убѣдить послѣдняго воротиться въ отечество. Императоръ не согласился на выдачу, но дозволилъ Толстому и Румянцеву уговаривать Алексѣя вернуться на родину. Отпустивъ довѣренныхъ Петра въ Неаполь, императоръ поручилъ управлявшему его южно-италіанскими владѣніями въ званіи вице-короля Дауну содѣйствовать, чтобы царевичъ добровольно согласился воротиться къ отцу; но если царевичъ не поддастся никакимъ убѣжденіямъ, то увѣрить его, что онъ можетъ оставаться въ безопасности въ императорскихъ владѣніяхъ.

Толстой съ Румянцевымъ пріѣхали въ Неаполь 24 сентября 1717 г. Вице-король Даунъ тотчасъ пригласилъ царевича къ себѣ, чтобы доставить возможность посланцамъ Петра видѣть его.

Толстой передалъ царевичу письмо отца. Петръ писалъ: „обнадеживаю тебя и обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, если ты воли моей послушаешься и возвратишься".

Царевичъ не поддавался ни на что. Черезъ два дня Даунъ опять устроилъ у себя свиданіе царевича съ присланными русскими. Толстой началъ пугать царевича. Трусливый Алексѣй обратился къ Дауну и спрашивалъ его, будетъ ли защищать его императоръ, если отецъ станетъ требовать его вооруженной рукой: Даунъ отвѣчалъ:

— Императоръ очень желаетъ, чтобы вы примирились съ родителемъ; но если вы считаете небезопаснымъ для себя возвращеніе на родину, то извольте оставаться: императоръ настолько силенъ, что можетъ охранить тѣхъ, которые отдаются подъ его протекцію.

Ободренный царевичъ опять не поддался на увѣщанія Толстого, но по своей слабохарактерности прибѣгнулъ къ уловкамъ: сказалъ, что повременитъ, подумаетъ, и послѣ того уже не поѣхалъ въ третій разъ на разговоръ съ Толстымъ и Румянцевымъ въ домѣ вице-короля.

Тогда Толстой подкупилъ за 60 червонцевъ секретаря Даунова, Вейнгардта, съ тѣмъ, чтобы тотъ лично отъ себя попугалъ царевича и тѣмъ убѣдилъ его къ возвращенію. Вейнгардтъ поѣхалъ къ Алексѣю въ замокъ и сталъ ему говорить: „императорская протекція не совсѣмъ для васъ надежна: царь объявляетъ, что прощаетъ сына, а сынъ не ѣдетъ; если царь вздумаетъ вести войну, то императоръ, нехотя, выдастъ сына отцу".

Слова Вейнгардта такъ растревожили царевича, что онъ самъ написалъ записку къ Толстому и просилъ пріѣхать къ нему, только безъ

Румянцева, котораго онъ особенно боялся. Толстой пріѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Вотъ я получилъ отъ государя письмо; онъ собираетъ войско, хочетъ его вести въ Силезію и доставить оружіемъ своего сына, а самъ собирается ѣхать въ Италію. Не думай, что онъ тебя видѣть здѣсь не можетъ: кто ему запретитъ?

Царевичъ поколебался и сказалъ: „я бы поѣхалъ къ отцу, если бы у меня не отняли Ефросинію и дозволили жить съ нею въ деревнѣ".

Затѣмъ онъ обѣщалъ еще подумать. Толстой приступилъ къ Дауну и началъ просить попугать царевича разлукою съ Евфросиніей. Даунъ на самомъ дѣлѣ не смѣлъ отнять Евфросиніи, но попугать его разлукою съ нею счелъ дозволительнымъ, потому что царевичу, отъ лица императора, было уже заявлено, что если отецъ сердится на него за то, что онъ возитъ съ собою какую-то женщину, то царевичъ долженъ знать, что императору неприличнымъ кажется заступаться за поступки, достойные порицанія. Вице-король велѣлъ сказать царевичу, что прикажетъ отлучить отъ него женщину, которая ѣздитъ съ нимъ въ мужской одеждѣ. Испуганный царевичъ посовѣтывался съ Евфросиніею, и она сказала ему, что лучше всего покориться отцовской волѣ и просить у отца прощенія. Это обстоятельство рѣшило все. Царевичъ на другой день объявилъ Толстому, что согласенъ ѣхать въ отечество, если ему позволятъ жениться на Евфросиніи и жить съ нею въ деревнѣ. Толстой, какъ царскій уполномоченный, далъ отъ имени царя согласіе. 14 октября царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, по дорогѣ на Римъ, со своими неразлучными дядьками. Толстой и Румянцевъ очень боялись, чтобы царевичъ подъ какими-нибудь впечатлѣніями не измѣнилъ своего рѣшенія, пока не выѣдетъ изъ императорскихъ владѣній, а потому не стали останавливаться въ Вѣнѣ, проѣхали ее ночью и спѣшили поскорѣе убраться за предѣлы императорскихъ владѣній. Въ это время Толстой сообщилъ царевичу новое письмо отца, въ которомъ Петръ изъявилъ согласіе на бракъ Алексѣя съ Евфросиніею и проживаніе съ нею въ деревнѣ. Это обѣщаніе вполнѣ успокоило царевича. За нимъ медленно слѣдовала беременная Евфросинія другою дорогою, вмѣсто Вѣны, на Нюренбергъ и Берлинъ. Царевичъ со своими дядьками направлялся прямо въ Москву и во время проѣзда по Россіи видѣлъ въ народѣ знаки расположенія къ себѣ. „Благослови, Господи, будущаго государя нашего",—кричалъ народъ. 31 января царевича привезли въ Москву, а 3 февраля было первое свиданіе Алексѣя съ родителемъ. Царь приказалъ собраться въ отвѣтной палатѣ Кремлевскаго дворца духовнымъ сановникамъ, сенаторамъ, всякихъ чиновъ людямъ, „кромѣ подлаго народа", и самъ стоялъ въ этомъ собраніи. Вошелъ царевичъ вмѣстѣ съ Толстымъ и, какъ только увидѣлъ государя, повалился къ нему въ ноги и съ плачемъ просилъ прощенія въ своей винѣ. „Встань, сказалъ царь,—объявляю тебѣ свою родительскую милость". Петръ началъ припоминать, какъ онъ обучалъ его, готовя сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, но сынъ презрѣлъ это и не хотѣлъ обучаться тому, что было нужно для его будущаго сана; потомъ выговаривалъ его послѣднее преступленіе—бѣгство изъ отечества и обращеніе къ иноземному государю.

Царевичъ не могъ привести никакого оправданія, просилъ только простить его и даровать жизнь, а отъ наслѣдства отказывался.

— Я покажу тебѣ милость,—сказалъ Петръ, но только съ тѣмъ, чтобы ты показалъ самую истину и объявилъ о своихъ согласникахъ, которые тебѣ присовѣтывали бѣжать къ цезарю.

Алексѣй Петровичъ хотѣлъ было что-то говорить, но царь перебилъ его и приказалъ стоявшему близъ него Думашеву во всеуслышаніе читать приготовленный печатный манифестъ. По окончаніи чтенія царь сказалъ: „прощаю, а наслѣдія лишаю“.—Послѣ этихъ словъ царь вышелъ, и за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе въ Успенскій соборъ. Здѣсь царевичъ Алексѣй произнесъ присягу предъ евангеліемъ въ томъ, что никогда, ни въ какое время не будетъ искать, желать и подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ принимать престола, а признаетъ своимъ истиннымъ наслѣдникомъ брата своего Петра Петровича. Царевичъ подписался на присяжномъ листѣ. За нимъ присягали и также подписались всѣ присутствовавшіе.

Изъ собора царь вмѣстѣ съ царевичемъ отправились въ Преображенское село на обѣдъ. Въ три часа пополудни туда съѣхались министры и сенаторы, пили и веселились Въ этотъ же день былъ опубликованъ манифестъ, обращенный ко всему русскому народу, уже прежде прочитанный во дворцѣ Думашевымъ.

Въ этомъ манифестѣ объявлялось о давней и постоянной неохотѣ царевича къ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ и объ его безнравственности; потомъ излагалась исторія его побѣга, сообщалось, между прочимъ, что императорскій намѣстникъ въ Неаполѣ объявилъ царевичу, что цесарь не станетъ держать его въ своихъ владѣніяхъ, наконецъ, объявлялось, что царь, „отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя“, прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но лишаетъ наслѣдства послѣ себя, „хотя бы ни единой персоны царской фамиліи не оставалось“, а вмѣсто отрѣшеннаго отъ наслѣдства, назначаетъ своимъ наслѣдникомъ другого своего сына, Петра, котораго всѣ подданные должны признать въ качествѣ наслѣдника престола посредствомъ цѣлованія креста. Затѣмъ всѣ, которые станутъ признавать Алексѣя наслѣдникомъ престола, объявлялись измѣнниками.

На другой день послѣ объявленія манифеста, царевичу задали вопросные пункты, требовали отъ него показаній не только о дѣйствіяхъ, но и о словахъ, какія онъ произносилъ самъ и какія слышалъ отъ другихъ въ разное время. Вопросные пункты оканчивались такими зловѣщими словами: „ежели что укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ“.

Мелкая, эгоистическая натура Алексѣя проявилась во всей силѣ. Царевичъ настрочилъ показаніе, въ которомъ прежде всего очернилъ Александра Кикина, какъ главнаго совѣтника къ побѣгу, показалъ, что говорилъ своему камердинеру Ивану Большому-Аѳанасьеву о своемъ намѣреніи бѣжать, но не получилъ одобренія; показалъ на Дубровскаго, которому передавалъ деньги для своей матери; показалъ на своего учителя Вяземскаго, на сибирскаго царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василія Долгорукова и на свою тетку, царевну Марію Алексѣевну; оговорилъ Кейля, секретаря имперскаго канцлера Шенборна, будто онъ принуждалъ его писать письма сенаторамъ и архіереямъ, хотя эти письма и не были имъ посланы. Показаніе царевича, однако, не заключало полной искренности; онъ раскрывался только въ половину, такъ что его показанія могли притянуть другихъ въ бѣду, а о себѣ всего не сказалъ. Александра Кикина, вмѣстѣ съ Большимъ-Аѳанасьевымъ, схватили въ Петербургѣ, привезли въ Москву и подвергли страшнымъ истязаніямъ въ Преображенскомъ приказѣ. Его пытали че-

тыре раза. Кикинъ упорно запирался, отрицалъ справедливость показаній царевича, наконецъ, послѣ новыхъ, невыносимыхъ мученій, сказалъ: „я побѣгъ царевичу дѣлалъ и мѣсто сыскалъ въ такую мѣру, когда бы царевичъ былъ на царствѣ, чтобъ былъ ко мнѣ милостивъ“.

Его приговорили къ колесованію.

Камердинеръ Иванъ Большой-Аѳанасьевъ оговорилъ многихъ, но не спасъ себя: и его приговорили къ смерти, но приговоръ отложили. Тоже сдѣлали и съ Дубровскимъ, сообразно показаніямъ царевича.

Сенатора князя Василія Долгорукова привезли изъ Петербурга скованнымъ въ Москву. Этого человѣка никакъ но могли обвинить въ соучастіи съ царевичемъ, котораго онъ хорошо понималъ, но ему поставили въ вину нѣкоторыя остроты, произнесенныя имъ неосторожно. Василія Долгорукова отправили въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ сослали въ Соликамскъ. Учитель Вяземскій отписался, показавъ, что ничего не зналъ объ умыслахъ царевича, который давно уже не любитъ его и теперь наговорилъ на него по злобѣ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ арестовали человѣкъ двадцать и отправили въ ножныхъ кандалахъ въ Москву.

Въ тотъ же день Петръ послалъ Скорнякова-Писарева за бывшею своею женою Евдокіею. Скорняковъ-Писаревъ привезъ ее въ Москву и донесъ, что нашелъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ. Этотъ человѣкъ, впослѣдствіи самъ испытавшій горькую участь отъ Петра, угождая царю, давалъ совѣты хватать того и другого, чтобы открывать „воровство“. По его совѣту, вслѣдъ за несчастною царицей, потащили въ Преображенскій приказъ цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ духовнаго и мірского чина.

Тогда же колесованъ былъ ростовскій епископъ Досифей за то, что поминалъ Евдокію царицей, утѣшалъ ее разными вымышленными откровеніями, гласами отъ образовъ, чудесными видѣніями и тому подобными суевѣріями, пророчилъ ей, между прочимъ, что она станетъ снова царицею, и Петръ опять сойдется съ нею.

Казнили смертію и духовника Евдокіи. Самоё Евдокію царь сослалъ въ Староладожскій женскій монастырь, а сестру свою Марію Алексѣевну приказалъ заточить въ Шлиссельбургъ: спустя нѣсколько времени, она была переведена въ Петербургъ и оставлена въ особомъ домѣ подъ надзоромъ.

Въ изобиліи лилась человѣческая кровь за царевича, а онъ самъ тѣшился увѣренностью, что страданіями преданныхъ ему людей купитъ себѣ спокойствіе и безмятежную жизнь со своей дорогой Евфросиніей.

„Батюшка,—писалъ онъ къ Евфросиніи,—поступаетъ со мною милостиво; слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили! Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ“.

18 марта Петръ уѣхалъ въ Петербургъ. Съ нимъ отправился и царевичъ. 12 апрѣля была Пасха. Царевичъ, явившись къ мачихѣ съ поздравленіемъ, валялся у нея въ ногахъ и умолялъ ее ходатайствовать о дозволеніи ему жениться на Евфросиніи. И это дѣлалось послѣ того, какъ его родная мать, публично опозоренная, была осуждена на увеличенное, тяжкое страданіе.

Давно-жданная Евфросинія наконецъ пріѣхала въ Петербургъ 20 апрѣля; но царевичъ не встрѣтилъ ее и не обнялъ при свиданіи. Ее, беременную, засадили въ Петропавловскую крѣпость и тамъ задали ей вопросные пункты: кто писалъ царевичу во время его пребыванія за гра-

ницею, кого хвалилъ царевичъ, кого бранилъ, что о комъ говорилъ. Испуганная Евфросинія дала такое показаніе: „Царевичъ писалъ не разъ цесарю жалобы на отца, писалъ письма къ русскимъ архіереямъ, съ тѣмъ, чтобы эти письма подметывать въ народѣ, постоянно жаловался на родителя, очень прилежно желалъ наслѣдства, изъявлялъ радость, когда читалъ въ курантахъ, что братъ его Петръ Петровичъ боленъ и говорилъ такія слова: „хотя батюшка и дѣлаетъ то, что хочетъ, только, чаю, сенаты не сдѣлаютъ того, чего хочетъ батюшка". Когда слыхалъ о видѣніяхъ и читалъ въ курантахъ, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, то говорилъ: „тишина не даромъ, можетъ быть, отецъ мой умретъ, либо бунтъ будетъ". Отецъ надѣется, что по смерти его, вмѣсто малолѣтняго Петра, будетъ управлять мачиха; тогда бабье царство будетъ и произойдетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня. Я, когда стану царемъ, то всѣхъ старыхъ переведу, а новыхъ наберу себѣ по своей волѣ. Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; я кораблей держать не стану и войны ни съ кѣмъ вести не буду; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ". Когда услышалъ царевичъ, будто въ Мекленбургѣ бунтуетъ русское войско, то очень обрадовался".

Евфросинія показала также, что царевичъ изъ Неаполя хотѣлъ бѣжать въ Римъ къ папѣ, но она его удержала.

Когда царевичу предъявлено было показаніе Евфросиніи, онъ запирался. Но отецъ подвергъ его тайной пыткѣ. Уже послѣ смерти царевича, осуждены были на казнь трое крестьянъ за то, что были свидѣтелями, какъ на мызѣ повели царевича подъ сарай и оттуда были слышны его стоны и крики. Послѣ такихъ мѣръ царевичъ написалъ показаніе, въ которомъ наговорилъ на себя столько, сколько даже не былъ вынужденъ говорить, напримѣръ: „когда я слышалъ о мекленбургскомъ бунтѣ русскаго войска, какъ писали въ иностранныхъ газетахъ, то радовался и говорилъ, что Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочетъ, и когда бы такъ было и бунтовщики прислали бы за мною, то я бы къ нимъ поѣхалъ". Онъ наговорилъ на многихъ государственныхъ людей, притянулъ къ дѣлу кіевскаго митрополита, заявивъ, что онъ ему другъ, что писалъ къ этому архипастырю и просилъ всѣмъ сказывать, что царевичъ убѣжалъ отъ принужденія вступить въ монастырь. Петръ, по этому показанію, отправилъ Скорнякова-Писарева въ Кіевъ, сдѣлать у митрополита обыскъ и самого его препроводить въ Петербургъ. Престарѣлый митрополитъ Іосифъ Кроковскій былъ отправленъ въ Петербургъ, но не доѣхалъ и умеръ на пути въ Твери.

Вынужденное пытками сознаніе царевича въ томъ, что онъ готовъ былъ пристать къ бунтовщикамъ, дало Петру поводъ не стѣсняться своимъ прежнимъ обѣщаніемъ помилованія, даннымъ виновному сыну. 13 іюня Петръ приказалъ нарядить судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и объявлялъ печатно, чтобы судьи вершили это дѣло не „флатируя и не похлѣбуя ему, государю: не разсуждайте того, что тотъ судъ нашъ надлежитъ вамъ учинить на сына вашего государя, но, несмотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей души, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно". 14 іюня, царевичъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а 17-го потребованъ къ допросу. Царевичъ оговорилъ своего дядю Авраама Лопухина и своего духовника Якова Игнатьева, будто послѣдній, узнавъ отъ царевича на исповѣди, что царевичъ же-

лаетъ отцу смерти, сказалъ: „Богъ тебѣ проститъ, и мы всѣ желаемъ ему смерти“. Пытали Лопухина, разстригли и пытали три раза протопопа Якова. 19 іюня пытали самого царевича и дали ему 25 ударовъ кнутомъ.

22 іюня Толстой взялъ съ царевича показаніе, въ которомъ излагались причины его непослушанія отцу. Показаніе это явно было написано такъ, какъ отъ него требовали. Онъ приписывалъ все своему обращенію съ попами, чернецами и ханжами, а въ концѣ оговорилъ нѣмецкаго императора, будто тотъ обѣщалъ ему вооруженную помощь: и ежели бы то цезарь началъ производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, то я бы, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, далъ бы цезарю великія суммы денегъ, а министрамъ и генераламъ его великіе подарки. Войска его, которыя бы онъ мнѣ далъ въ помощь, чтобы доступать короны россійской, взялъ бы на свое иждивеніе и, однимъ словомъ сказать, ничего бы не пожалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю“.

24 іюня царевича снова подвергли пыткѣ и дали ему 15 ударовъ кнутомъ. Въ этотъ самый день рѣшился судъ надъ нимъ. Духовенство дало уклончивый, но замѣчательно мудрый приговоръ. Выписавъ разныя мѣста изъ священнаго писанія объ обязанностяхъ дѣтей повиноваться родителямъ, оно предоставило на волю государя дѣйствовать или по ветхому, или по новому завѣту: хочетъ руководствоваться ветхимъ завѣтомъ—можетъ казнить сына, а если хочетъ предпочесть ученіе новаго завѣта—можетъ простить его по образцу, указанному въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, и въ поступкѣ самого Спасителя съ женою прелюбодѣйцею. „Сердце царево въ руцѣ Божіей есть; да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ!“ Такъ сказано было въ концѣ приговора духовныхъ.

Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, исполнила свое дѣло; она указала духъ, въ какомъ должна дѣйствовать мірская власть, признающая себя христіанскою; болѣе ничего не могла сдѣлать церковь, не имѣвшая никакого оружія, кромѣ слова, никакихъ побудительныхъ мѣръ, кромѣ указаній на слова и примѣръ Спасителя.

Свѣтскій судъ не сохранилъ своего достоинства въ равной степени, въ какой сохранило его духовенство. Свѣтскіе судьи могли бы напомнить государю, что онъ далъ свое царское обѣщаніе сыну черезъ Толстого въ Неаполѣ: что ему наказанія не будетъ, если онъ возвратится. Сынъ повѣрилъ слову царя-родителя, и теперь его можно было судить только въ такомъ случаѣ, когда бы онъ сдѣлалъ что-либо преступное уже послѣ своего возвращенія въ отечество. Но свѣтскіе судьи такъ не сдѣлали, во-первыхъ, потому, что во главѣ ихъ находился Меншиковъ, личный врагъ царевича, а, во-вторыхъ, потому, что они желали угодить Петру и ясно видѣли, какого рѣшенія ему хочется. Царевичу былъ подписанъ смертный приговоръ 120 членами суда.

26 іюня, въ 6 часовъ по-полудни, царевичъ скончался. Царь опубликовалъ о его смерти, и онъ, выслушавъ смертный приговоръ, пришелъ въ ужасъ, заболѣлъ недугомъ въ родѣ апоплексіи, исповѣдался, причастился, потребовалъ къ себѣ отца, испросилъ у него прощенія и по-христіански скончался. Этому описанію не всѣ вѣрили; пошли слухи, что царевичъ умеръ насильственною смертію, но какою—неизвѣстно. Изъ книгъ „Гварнизона“, то-есть Петропавловской крѣпости, видно, что въ день смерти царевича, утромъ, Петръ съ девятью сановниками ѣздилъ

въ крѣпость и тамъ „учиненъ былъ застѣнокъ“, т.-е. производилась пытка, но надъ кѣмъ—о томъ не говорится На другой день, 27 іюня, была годовщина полтавской битвы. Царь обѣдалъ на почтовомъ дворѣ, въ саду, и вечеромъ веселился. 29 іюня, государь праздновалъ свои именины, обѣдалъ въ лѣтнемъ дворцѣ, присутствовалъ при спускѣ корабля, а вечеромъ былъ фейерверкъ и веселый пиръ до глубокой ночи. Тѣло царевича, перенесенное изъ Петропавловской крѣпости, лежало въ церкви св. Троицы. 30 іюня, вечеромъ, въ присутствіи царя и царицы, оно было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробомъ покойной кронпринцессы. Траура не было. Царевичъ гнилъ въ землѣ, а дѣло его все еще продолжалось, и 8 декабри были казнены обвиненные показаніями царевича: духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, дядя его Авраамъ Лопухинъ, камердинеръ Иванъ Большой-Аѳанасьевъ, Дубровскій и Вороновъ. Другихъ били кнутомъ и вырѣзали имъ ноздри.

Безусловные почитатели Петра видѣли въ поступкѣ съ сыномъ великій подвигъ принесенія въ жертву отечеству своего родного сына и оправдывали царя крайнею необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ Алексѣй былъ такою личностью, которая непремѣнно, по своей безхарактерности, сдѣлалась бы орудіемъ враговъ Петра и всѣхъ его преобразованій. Его отреченіе отъ наслѣдства ни въ какомъ случаѣ не имѣло бы силы послѣ смерти Петра, какъ бы государь не распорядился престоломъ. Всегда бы нашлась могущественная партія, которая подвинула бы Алексѣя возвратить себѣ потерянныя права, и тогда погибель грозила бы всѣмъ Петровымъ сподвижникамъ и всему тому, что Петръ готовилъ для русскаго государства. Но нельзя не видѣть, что Петромъ руководили не только государственные виды, но и семейныя побужденія. Онъ не любилъ Алексѣя, какъ сына ненавистной, отверженной имъ жены, и хотѣлъ доставить престолъ потомству Екатерины; отъ этого-то онъ сталъ налегать на Алексѣя настойчивѣе тогда, когда родился сынъ отъ Екатерины. Если бы у Петра не было такого побужденія, то, отрѣшивъ Алексѣя отъ наслѣдства, онъ могъ бы назначить, по праву первородства, своимъ наслѣдникомъ внука, сына Алексѣя, который былъ такъ же малъ, какъ и рожденный черезъ нѣсколько дней послѣ внука сынъ Петра. Петръ могъ воспитать себѣ достойнаго преемника и въ малолѣтнемъ внукѣ, какъ въ малолѣтнемъ сынѣ. Чтобы оправдать свой поступокъ и придать ему законный видъ, Петръ установилъ законъ, по которому царствующій государь можетъ отдавать послѣ себя престолъ, кому угодно, мимо всякаго права рожденія. Несостоятельность и неудобопримѣнимость такого порядка вещей показалась въ исторіи самого Петра: ему пришлось умереть, не воспользовавшись изданнымъ имъ же закономъ, не указавъ послѣ себя преемника престола.

LXXXII. Націоналистическая оппозиція и роль въ ней царевича Алексія.

(Изъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова. Ч. 3).

Реформа Петра, со свойственными ей пріемами, не могла не послужить самымъ могущественнымъ орудіемъ для распространенія націонали-

стическихъ идеаловъ въ сѣрой массѣ. Бросая вызовъ всѣмъ старымъ привычкамъ, оскорбляя всѣ чувства, затрогивая всѣ интересы, эта реформа была не изъ такихъ, которыя скрываются въ глубинѣ канцелярій и теряютъ силу въ процессѣ нисхожденія и восхожденія по инстанціямъ. Она не могла остаться неизвѣстной самому послѣднему крестьянину въ самомъ глухомъ захолустьѣ: къ нему туда приходили, его нѣсколько разъ переписывали, безчисленное количество разъ облагали новыми, неслыханными податями и повинностями, отрывали отъ семьи и сохи и „выволакивали" на всевозможныя службы во всѣ концы государства. Въ своихъ собственныхъ платежныхъ квитанціяхъ онъ могъ прочесть длинную лѣтопись разрозненныхъ усилій Петра, то внося деньги на „дѣло кирпича" и „известное жженье" для петербургскихъ построекъ, то посылая людей „къ гаванному строенію" въ Азовъ или „на Котлинъ", то уплачивая дополнительные сборы на „драгунскія сѣдла", то собирая провіантъ и фуражъ и т. д. Но мало всего этого,—Петръ и самъ не оставался вдали отъ народной массы. Ежегодно онъ носился изъ конца въ конецъ Россіи; вездѣ его видѣли, всюду онъ являлся со своими привычками, такими странными и и такъ мало отвѣчавшими старой идеѣ о царской власти, со своими новыми людьми, еще болѣе безцеремонными, чѣмъ онъ самъ. Словомъ, Россія была полна Петромъ и его реформой: прожить жизнь и не столкнуться съ нимъ, не попасть такъ или иначе въ тѣнь его гигантской фигуры—становилось просто невозможно.

Казалось бы, если когда-либо можно было ожидать, что „старая вѣра" сдѣлается знаменемъ широкаго политическаго и соціальнаго протеста, то это именно въ описываемое время. Не даромъ же иностранные резиденты при русскомъ дворѣ такъ напряженно ждали, что не сегодня-завтра въ Россіи разразится что-нибудь такое, что положитъ конецъ этой адской стряпнѣ. Не даромъ и въ самой Россіи, въ кругахъ, сгрупировавшихся около царевича Алексѣя, изъ году въ годъ возрастало нетерпѣливое, нервное предчувствіе развязки; казалось, что вотъ-вотъ потерпитъ царевичъ еще 2—3 года въ монастырѣ или за границей, а тамъ и можно будетъ кликнуть кличъ „отъ архіереевъ—священникамъ, отъ священниковъ—прихожанамъ". Но и иностранцы, и русскіе недовольные сводили счеты безъ хозяина. Религіозный протестъ, дѣйствительно, превратился въ общенаціональный; но изъ національнаго соціальнымъ и политическимъ не сдѣлался. Это не значитъ, что соціальнаго протеста вовсе не существовало; но, какъ и до Петра, онъ шелъ своей отдѣльной струей, и всѣ попытки слiянія его съ религіозно-національнымъ протестомъ не привели ни къ чему.

На взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ отдѣльныхъ теченій религіозно-національнаго и соціальнаго, намъ необходимо остановиться, однако же, нѣсколько внимательнѣе, чтобы пояснить только-что сдѣланное утвержденіе.

Изъ основныхъ принциповъ раскола нельзя было сдѣлать никакихъ соціальныхъ выводовъ. Только въ нѣкоторыхъ крайнихъ толчкахъ безпоповщины мы встрѣчаемся съ опредѣленнымъ соціальнымъ ученіемъ, и то выработаннымъ довольно поздно. Вообще же расколъ относился къ соціальнымъ вопросамъ совершенно нейтрально. „Кой во что призванъ, въ томъ да пребываетъ", такъ формулировалъ Аввакумъ это основное правило раскола. Конечно, расколу пришлось все-таки стать въ оппозицію государственной власти,—но лишь постольку, поскольку эта власть являлась представительницей интересовъ государственной церкви. И притомъ,

даже эта оппозиція была не активная, а пассивная; расколъ дѣйствовалъ по отношенію къ государству оборонительно, а не наступательно. Самымъ активнымъ проявленіемъ самаго нетерпимаго отношенія раскола къ свѣтской власти—было самоубійство, самосожженіе: мученичество за вѣру, а не борьба за ея торжество.

На активную борьбу расколъ самъ по себѣ былъ не способенъ. Это, однако же, не исключало возможности попытокъ воспользоватьси оппозиціоннымъ настроеніемъ раскола, чтобы привлечь его къ союзу съ элементами дѣйствительно активнаго протеста. Степанъ Разинъ еще не знаетъ хорошенько, гдѣ искать на Руси представителей религіознаго протеста, но онъ ихъ уже ищетъ и предлагаетъ имъ свой союзъ. Его эмиссары появляются и у низложеннаго патріарха Никона, и у взбунтовавшихся противъ его нововведеній иноковъ Соловецкаго монастыря. Конечно, эта первая попытка остается безъ всякихъ результатовъ. Годъ спустя послѣ казни Разина положеніе дѣла становится яснѣе. Раскольничья община, преслѣдуемая правительствомъ, разбѣгается мало-по-малу изъ Москвы по окраинамъ; въ это время и на Дону появляются (1672 г.) до 130 чернецовъ и бѣльцовъ и строютъ себѣ на берегу рѣки Чира пустынь, скоро сдѣлавшуюся знаменитой. Старцы, поселившіеся въ [ней], думали лишь объ одномъ, какъ бы перетерпѣть тяжелое время для раскола и обезпечить непрерывность церковной жизни: освятить церковь (1686 г.), наготовить въ ней какъ можно больше запасныхъ даровъ, чтобы и „въ тысячу лѣтъ не оскудѣло"; самые смѣлые мечтали какъ-нибудь, хоть семью-восемью попами посвятить себѣ епископа. Вотъ почему, когда въ обители въ 1683 г. появились эмиссары изъ Москвы звать казаковъ па помощь бунтовавшимъ стрѣльцамъ, старцы спровадили ихъ поскорѣе дальше по Дону, съ ихъ подложной грамотой отъ царя Ивана Алексѣевича. А когда поднялось дѣйствительно политическое движеніе на Дону, старцы спасались въ лѣса и бѣжали на Кавказъ отъ царскихъ посылокъ за ними.

Были, однако, на Дону и представители болѣе крайняго теченія въ расколѣ. На р. Медвѣдицѣ поселился типичный проповѣдникъ близкаго пришествія антихриста, Кузьма Косой. Созванный имъ отовсюду сходъ единомышленниковъ, тысячъ до двухъ, на первый взглядъ могъ показаться настоящимъ военнымъ лагеремъ, гдѣ готовились идти на Москву войной. Они ждали, какъ „вся земля вострепещетъ и море восколеблется и преисподняя потрясется и нечестивые и непокорные всѣ потребятся отъ земли" — царемъ Михаиломъ, подъ которымъ Кузьма разумѣлъ Христа. Естественно, что такого рода приготовленія и ожиданія не имѣли ничего общаго съ традиціями Стеньки Разина; и самъ Кузьма, и его покровители въ Черкасскѣ успокаивали мирныхъ казаковъ, чтобъ они „отъ того сбору не опасались и не мятежились, потому что тотъ сборъ былъ о божественномъ писаніи, а не иного какого худого дѣла, и къ Москвѣ идтить намѣренія не было". Но самая эта несоизмѣримость взглядовъ и полное различіе цѣлей, при всемъ видимомъ сходствѣ средствъ, должны были оттолкнуть отъ Кузьмы и немирныхъ казаковъ, замышлявшихъ настоящій мятежъ. Дѣло Кузьмы для нихъ было „страшнымъ дѣломъ" и его сборище „нелѣпымъ совѣтомъ": вмѣсто того, чтобы подготовлять втихомолку бунтъ, Кузьма заявлялъ, что онъ никого не боится, „ни царей, ни войска, ни всей вселенной", а когда казаки пробовали урезонивать его простымъ практическимъ соображеніемъ: „Какъ-де вамъ идти, васъ-де немного", Кузьма отвѣчалъ имъ на своемъ языкѣ: „Съ нами будутъ небесныя силы". Очевидно, сговориться съ такимъ страннымъ союзникомъ

было нельзя: онъ могъ быть скорѣе опасенъ, чѣмъ полезенъ для настоящаго заговора: вотъ почему казачій кругъ при первомъ требованіи выдалъ Кузьму московскому правительству. Сборище на Медвѣдицѣ продолжало держаться до послѣдней возможности, но оно никуда не шло, а только отсиживалось; а когда, послѣ долгихъ усилій, ихъ окопъ былъ взятъ приступомъ, большинство осажденныхъ бросалось въ огонь и въ воду, т.-е. принимало мученическій вѣнецъ, дѣйствуя по той самой программѣ, которой тогда держалось крайнее и послѣдовательное направленіе раскола. Изъ этого видно, что цѣль, съ которой собрались на Медвѣдицѣ послѣдователи Кузьмы, до конца оставалась все та же, и была очень сходна съ тѣми цѣлями, которыхъ добивались пропагандисты сѣверныхъ „гарей“.

Итакъ, ни умѣренное, ни даже крайнее теченіе въ расколѣ не могло быть прямо и непосредственно использовано для соціальнаго протеста. Это нисколько не помѣшало казацкой вольницѣ присоединить къ старой Разинской программѣ „старую вѣру“ въ качествѣ новаго лозунга. „Старая вѣра“, дѣйствительно, сдѣлала большіе успѣхи между донскимъ казачествомъ въ 80 годахъ, благодаря бѣжавшимъ изъ Россіи раскольникамъ. Въ чуждой казацкой средѣ расколъ сразу сдѣлался простымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ партіи, враждебной Москвѣ. Пока старцы на Чиру запасаются дарами, на всемъ Дону идетъ дѣятельная пропаганда вожаковъ антимосковской партіи; они добиваются постановленія казачьяго круга, чтобы въ Черкасской церкви служить по старымъ книгамъ, и стараются даже прекратить моленіе за царя. Пока Кузьма собираетъ свой сборъ на Медвѣдицѣ и пропагандируетъ свои апокалиптическія видѣнія, въ Черкасскѣ составляется формальный заговоръ, участники котораго, не надѣясь „очистить землю“ съ помощью „небесныхъ силъ“, заводятъ сношенія съ Яикомъ и Терекомъ, съ калмыками и „иными ордами“, и назначаютъ даже срокъ, къ которому донское казачество должно быть готово искать зипуновъ. Исходъ заговора (1688 г.) и здѣсь оказался неудачнымъ, вслѣдствіе доноса; но тогда какъ раскольники при неудачномъ исходѣ стремятся умереть за вѣру, бросаясь въ огонь и въ воду, заводчики казацкаго бунта начинаютъ съ того, что отрекаются отъ „старой вѣры“. [Они относятся] къ расколу [только], какъ къ одному изъ средствъ бунта.

Такъ стояло дѣло, когда начались „тяжелыя забавы“ Петра, „замутившія“ и на самомъ дѣлѣ „все московское государство“. „Старая вѣра“, въ смыслѣ протеста религіознаго, оказалась непригоднымъ орудіемъ для политической борьбы; но, можетъ быть, какъ протестъ націоналистическій, она окажется болѣе сильнымъ и активнымъ союзникомъ?

Дѣйствительно, поведеніе Петра сильно подняло ослабѣвшія надежды. Появились въ народѣ мнимые извѣты царя Ивана Алексѣевича, на этотъ разъ съ новымъ содержаніемъ: „братъ живетъ не по церкви, съ нѣмцами“. Опять заговорила и „голутьба“ на Дону. Но, что всего важнѣе, новымъ факторомъ явились стрѣльцы: чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что имъ все равно пропадать, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло въ ихъ средѣ мужество отчаянія. „Какъ Стенька былъ Разинъ, вы намъ мѣшали“, говорили казаки стрѣльцамъ: „а теперь мѣшать будетъ некому“. Какъ бы вы съ одного конца, а мы съ другого“. Обстоятельства, повидимому, складываются какъ нельзя благопріятнѣе. Царь, „уклонившійся въ потѣхи“ и покинувшій правленіе на произволъ судьбы, кончаетъ тѣмъ, что совсѣмъ уѣзжаетъ изъ царства за границу. Цыклера съ стрѣльцами

назначаютъ въ Таганрогъ, самый удобный пунктъ для соединенія съ казачествомъ. Планъ дѣйствій создается самъ собой: „какъ буду на Дону у городового дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать то же, что и Стенька Разинъ“. Заговоръ раскрытъ и заговорщики казнены: но вызвавшее заговоръ настроеніе не умираетъ; напротивъ, продолжительное отсутствіе Петра даетъ ему новую силу. Царь „невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ“; стрѣльцовъ держатъ на границахъ, и знающіе люди говорятъ имъ, что въ столицу, къ семьямъ, имъ уже больше не вернуться. При этихъ условіяхъ мысль о походѣ на Москву пріобрѣтаетъ надъ умами стрѣльцовъ принудительную силу: „непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя бы умереть“. Послѣдней каплей является призывная грамота изъ Дѣвичьяго монастыря, отъ царевны Софьи. Рѣшеніе принято моментально: „идти къ Москвѣ“. Цѣль тоже сама собой ясна. „Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить, за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить, государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ. Послать вѣдомость къ донскимъ казакамъ“. Въ своей челобитной, поданной при встрѣчѣ съ правительственными войсками боярину Шеину, бунтовщики не ограничиваются жалобами на „еретика—иноземца Францка Лефорта“, хотѣвшаго погубить „чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, чтобы благочестію великое препятствіе учинить“. Они передаютъ также волновавшіе ихъ слухи, что „идутъ къ Москвѣ нѣмцы, послѣдуя брадобритію и табаку, во всесовершенное благочестія испровержение“.

„Брадобритіе и табакъ“, какъ доказательства „испровержения благочестія“,—такова новая націоналистическая формула, смѣнившая уже—ранѣе первыхъ мѣропріятій Петра — старый лозунгъ религіознаго протеста: новопечатныя книги. Стрѣлецкій походъ къ Москвѣ 1698 г., рѣшенный, какъ мы только что видѣли, какъ-то стихійно—таково первое и единственное (въ самой Россіи) вооруженное проявленіе новаго націоналистическаго протеста. Петръ далекъ отъ того, чтобы понимать его внутренній смыслъ: онъ все еще борется съ тѣнью, съ „сѣменемъ Милославскаго“, ничего не видя въ движеніи, кромѣ продолженія старой династической интриги. Онъ не знаетъ, или не хочетъ знать, что стрѣльцы уже мало интересуются царевной Софьей и готовятъ престолъ его законному сыну. Передъ его глазами стоятъ и заслоняютъ все другое старыя, знакомыя фигуры его личныхъ враговъ, и все то бѣшенство, на которое онъ только способенъ, поднимается разомъ со дна его души: начинается ужасная бойня, которая разомъ освобождаетъ Петра отъ единственной организованной опоры націонализма. Онъ можетъ теперь дѣлать что хочетъ: „брадобритіе и табакъ“, съ прибавленіемъ еще новаго платья, останутся главными предметами націоналистическаго протеста, какъ бы напоминая о томъ моментѣ, когда народное негодованіе сразу возникло и поднялось до своей высшей точки. За этимъ предѣломъ — народное воображеніе точно притупилось: мы не видимъ новыхъ лозунговъ, а только частичныя отдѣльныя жалобы. Причина понятна. Стрѣлецкое войско было единственнымъ соціальнымъ факторомъ, способнымъ съиграть роль аккумулятора народныхъ жалобъ; его настроеніе передъ неминуемой гибелью было единственной соціальной силой, достаточно напряженной, чтобы дать этимъ жалобамъ исходъ въ какомъ-нибудь коллективномъ дѣйствіи; наконецъ, и моментъ—пока еще Петръ не взялъ правленія въ свои сильныя руки—былъ единственнымъ моментомъ, когда для такого дѣйствія

открывался какой-нибудь просторъ. Націоналистическая формула была отчеканена въ этотъ моментъ въ коллективномъ сознаніи и навсегда сохранила дату своего чекана.

У націоналистической оппозиціи, впрочемъ и послѣ гибели Московскихъ стрѣльцовъ, оставался еще одинъ рессурсъ: южная окраина. На этотъ разъ она сама первая пошла навстрѣчу и искала союза. Идея идти на Москву была на югѣ очень популярна. Въ списокъ враговъ, подлежащихъ истребленію, кромѣ бояръ, воеводъ и приказныхъ, занесены были и нѣмцы, а скоро прибавлена еще новая категорія: „прибыльщики (доморощенные финансисты изъ дворовыхъ и приказныхъ, измышлявшіе новые налоги въ началѣ Сѣверной войны). Положительная сторона программы тоже включила въ себя всѣ исторически сложившіеся слои—разинскій, раскольничій, націоналистическій и новѣйшій фаскальный. Но на Дону и на Волгѣ сочетанія этихъ элементовъ, оказались различныя. „Стали мы въ Астрахани (1705) за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ... и за то, что стала намъ быть тягость великая“, говорилось въ тамошней прокламаціи. Въ такой программѣ соединены были три послѣдніе элементы, но оказывалось слишкомъ мало перваго—разинскаго. Не обнаружили астраханскіе бунтовщики и достаточной ловкости, и достаточнаго знанія мѣстныхъ условій, которое могло бы зарекомендовать ихъ въ глазахъ казачества. Они, правда, не даромъ говорили, что такое „великое дѣло не просто начали“. Дѣйствительно, за ними стоялъ цѣлый съѣздъ представителей недовольныхъ изъ разныхъ мѣстностей: „со многихъ городовъ люди“. Но эти „многіе города“ внутренней Россіи ничѣмъ не могли помочь возстанію, кромѣ идейнаго сочувствія; а о привлеченіи мѣстныхъ, всегда готовыхъ волноваться элементовъ—организаторы подумали слишкомъ поздно и сдѣлали это дѣло неумѣло. Выборный вождь движенія, ярославскій раскольникъ Носовъ, повидимому, принадлежалъ къ типу людей, лучше умѣвшихъ „умирать“ за вѣру, по его собственному выраженію, чѣмъ за нее бороться. Это были, словомъ, на Волгѣ не свои люди: вотъ почему, имъ и не удалось сплотить около себя низовой вольницы.

Главные союзники, которыхъ особенно боялся Петръ и на которыхъ особенно разсчитывали какъ московскіе, такъ и астраханскіе стрѣльцы,—это были донскіе казаки. Посланное имъ, слишкомъ оффиціально—прямо съ Черкасскъ, приглашеніе было оффиціально и отклонено. Донцы остались равнодушны къ главной, націоналистической сторонѣ астраханской программы, на томъ основаніи, что „къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьѣ указу не прислано“. Это не помѣшало донской „голутьбѣ“ два года спустя возстать самостоятельно подъ предводительствомъ Булавина, выставивъ поводомъ, между прочимъ, и „еллинскую вѣру“, въ которую „вводятъ“ добрыхъ людей. Самая эта формулировка показывала, однако же, что Донъ болѣе чѣмъ когда-либо остается чуждъ религіозно-національному элементу протеста. Булавинская прокламація приглашала „атамановъ-молодцовъ, дорожныхъ охотниковъ, воровъ и разбойниковъ“—„съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить“. Очевидно, Носовъ и Булавинъ говорили на разныхъ языкахъ.

Итакъ, всѣ наличныя силы, на которыя могъ бы опереться соединенный соціально-религіозно-националистическій протестъ, были пущены въ дѣло и разбиты по одиночкѣ.

Наши наблюденія надъ оппозиціонными элементами Петровской эпохи

были бы, однако, неполны, если бы мы, помимо народной оппозиціи, не упомянули еще и объ оппозиціи интеллигентной, сосредоточивавшейся въ высшемъ общественномъ слоѣ. Мы разумѣемъ остатки титулованной аристократіи, „родословныхъ людей“. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ кн. Дм. Мих. Голицынъ и кн. Б. Куракинъ, были передовыми людьми своего времени, гораздо болѣе образованными, чѣмъ самъ Петръ, поневолѣ пользовавшійся ихъ услугами. Но Петръ не пускалъ ихъ на первыя мѣста и распространялъ на нихъ то недовѣріе, съ которымъ вообще относился, какъ мы знаемъ, къ боярству. Въ свою очередь, и они съ презрѣніемъ смотрѣли на плебейскіе вкусы и привычки царя, были шокированы его семейными отношеніями и не признавали его второго брака, негодовали на выборъ сотрудниковъ, какъ Меншиковъ, невѣжественныхъ и надменныхъ, которымъ тѣмъ не менѣе они принуждены были кланяться. Петровской безцеремонности и неуваженію къ чужому достоинству они старались противопоставить крайнюю сдержанность и осторожность, по возможности устраняясь отъ его оргій и предпочитая постоянному лицезрѣнію царя—службу въ провинціи, въ арміи, за-границей или просто житье у себя дома. „Что вы дома дѣлаете?“—спрашивалъ ихъ Петръ.—„Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть?“—„Какъ не найти дѣла дома, возражали они, думая про себя: у тебя все готово, ты нашихъ нуждъ не знаешь“. Для Петра—это было только оправданіемъ его отношенія къ этимъ „большимъ бородамъ, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются“.

Царевичъ Алексѣй былъ тѣмъ идейнымъ центромъ, въ которомъ соединялась народная оппозиція съ аристократической. „Мнѣ только здорова была бы чернь“, говорилъ онъ, и въ то же время насчитывалъ въ числѣ своихъ друзей всѣхъ этихъ Долгорукихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ и т. д. „Отецъ твой хотя и уменъ“,—говорили они ему,—„но только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше“. При случаѣ они не прочь были бы выступить впередъ, и, можетъ быть, даже дать народному протесту ту организацію, которой ему больше всего недоставало. Но случая не представлялось, а царевичъ менѣе всего былъ способенъ самъ создать такой случай,—и титулованная аристократія таила въ душѣ свою оппозицію, въ ожиданіи лучшихъ дней.

[А пока она] принуждена была ограничиться разговорами по секрету. Но въ этихъ разговорахъ реформа Петра подвергалась безпощадной критикѣ и намѣчался планъ дѣйствій въ будущемъ. Царевичъ Алексѣй только разюмировалъ всѣ эти разговоры, когда излагалъ свою программу своей возлюбленной, Афросиньѣ. „Я старыхъ всѣхъ (сотрудниковъ) переведу и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ; кораблей держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу: буду довольствоваться старымъ владѣньемъ“. Итакъ, новая программа, принимая въ общемъ реформу, отрицательно относится къ тремъ пунктамъ ея, для Петра, конечно самымъ важнымъ: къ арміи, флоту и Петербургу. По счастію, мы знаемъ не только эти выводы, но и самыя разсужденія, на которыхъ они основывались: двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Фокеродтъ изложилъ эти разсужденія, частью отъ лица оппозиціи, частью отъ своего собственнаго лица, когда былъ съ ними согласенъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что именно въ этомъ кругу, о которомъ мы теперь говоримъ, Фокеродтъ слышалъ эти „интимныя, конфиденціальныя“ бесѣды изъ устъ лицъ, слагавшихъ Петру при „публичныхъ разговорахъ“—„пышные панегирики“.

Недовольство непрерывными войнами, безсрочной военной службой и введеніемъ постоянной регулярной арміи заставило аристократическую оппозицію формулировать свой собственный взглядъ на задачи иностранной политики. Прежніе государи,—говорила недовольная знать,—тоже дѣлали завоеванія, но присоединяли лишь такія земли, которыя были необходимы государству или откуда насъ безпокоили разбойничьи набѣги. Напротивъ, пріобрѣтенія Петра ничего не прибавляютъ къ нашей безопасности, а могутъ только вовлечь насъ, безъ всякой пользы для Россіи, въ чуждые намъ взаимные счеты и споры иностранныхъ державъ. Прежнія завоеванія были ужъ настоящими завоеваніями, изъ которыхъ и государство, и служилые люди извлекали всевозможныя выгоды; а петровскія завоеванія требуютъ только заботъ и расходовъ. Не только дворянство не получило отъ нихъ никакихъ выгодъ и имѣній, а напротивъ, „лифляндцы у насъ чуть не на головахъ нашихъ пляшутъ, имѣютъ больше привилегій, чѣмъ мы сами: намъ только остается честь—защищать своею кровью и охранять на свой счетъ чужую націю". Наше государство такъ велико, что расширить его нѣтъ надобности; нужно только заселить его погуще. Такимъ образомъ, настоящая національная политика должна состоять въ томъ, чтобы сидѣть смирно, въ чужія дѣла не мѣшаться и ни на кого не нападать. Для обороны же достаточно и старой военной организаціи; а милліоны людей, которыхъ стоила шведская война и построеніе Петербурга, умнѣе было бы оставить дома, за сохой, гдѣ недостатокъ ихъ слишкомъ тяжело чувствуется.

Еще нелѣпѣе въ такой странѣ, какъ Россія,—стремиться играть роль морской державы. Для обороны границъ флотъ не нуженъ, такъ какъ единственная страна, которая могла бы высадить свои войска съ моря, Швеція, всегда предпочтетъ сдѣлать это съ суши; а высаженный моремъ дессантъ необходимо окажется отрѣзаннымъ, какъ только берега покроются льдомъ. Для нападенія же—флотъ безполезенъ, такъ какъ шведскіе берега защищены скалами, а прусскіе—дюнами; нападать же на Данію нѣтъ ни разсчета, ни возможности, потому что за нее вступятся другія морскія державы. Не нуженъ флотъ и для торговыхъ цѣлей, такъ какъ вся русская торговля совершается на чужихъ корабляхъ. Такимъ образомъ, и потраченныя на флотъ невѣроятныя суммы денегъ лучше бы оставить въ карманѣ подданныхъ.

Наконецъ, и перенесеніе разиденціи въ сѣверную столицу болѣе вредно, чѣмъ полезно. Не говоря уже о томъ, что и судъ, и финансы и все вообще внутреннее управленіе, переполненное ворами и взяточниками, гораздо легче было бы контролировать изъ такого центральнаго пункта, какъ Москва,—и для внѣшней политики переселеніемъ въ Петербургъ выигрывается немногое. Правда, Швеція ближе изъ Петербурга, но ужъ черезчуръ, такъ какъ при малѣйшей оплошности новая столица рискуетъ сдѣлаться жертвой шведскаго нападенія. Напротивъ, къ Польшѣ и Турціи, за которыми конечно, важнѣе наблюдать, чѣмъ за Швеціей—Москва ближе Петербурга; а ко всѣмъ остальнымъ державамъ разстояніе одинаково, такъ какъ и Москва, и Петербургъ одинаково удалены отъ Риги, „составляющей дверь, черезъ которую теперь проходитъ въ Россію все, что идетъ изъ Европы". Наконецъ, и торговля не можетъ извлечь никакой выгоды изъ пребыванія двора въ Петербургѣ, такъ какъ потребленіе двора составляетъ самую ничтожную часть торговаго оборота; главный предметъ его—громоздкое вывозное сырье, особенно нуждающееся въ дешевизнѣ расходовъ на перевозку; а при высокихъ петербург-

скихъ цѣнахъ, вызываемыхъ именно присутствіемъ двора, эти расходы ложатся на товары очень тяжело; слѣдовательно, дворъ лишаетъ торговлю и тѣхъ выгодъ, которыя могло бы дать ей мѣстоположеніе Петербурга.

Вотъ систематизированное, можетъ быть, нѣсколько заднимъ числомъ, изложеніе аргументовъ, какіе могли имѣть противъ реформы Петра государственные люди типа кн. Д. М. Голицына. Въ этомъ націоналистическомъ взглядѣ особенно бросается въ глаза одна черта, которая, на первый взглядъ, какъ будто противорѣчитъ націоналистическому характеру программы: это, именно, требованіе разоруженія и мирной политики. Мы привыкли, наоборотъ, завоевательную политику считать наобходимой составной частью національной программы. Сюда, несомнѣнно, подходитъ и завоевательная политика Петра: недаромъ и противъ Турціи, и противъ Швеціи онъ выдвигалъ русскіе „завѣты исторіи". Въ этомъ соединеніи національно-завоевательной политики съ оффиціальной побѣдой критическихъ элементовъ мы усматриваемъ даже характерную черту переходнаго XVIII вѣка. Несомнѣнно, въ реформѣ Петра критическіе элементы составляли лишь средство, а цѣль была вполнѣ націоналистическая. Если такъ, то какой же смыслъ имѣетъ, когда этой, по существу своему націоналистической, политикѣ, — противопоставляется націоналистами же какая-то другая, совершенно обратная? Ужъ не помѣнялись ли на этотъ разъ мѣстами національзмъ и критика?

Въ дѣйствительности, здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Достаточно обратить вниманіе на то, какъ совершенно по-ассирійски или, что то же, по старо-московски смотритъ націоналистическая оппозиція на задачи всякаго завоеванія вообще; какъ непонятенъ ей, съ этой точки зрѣнія, характеръ подчиненія Лифляндіи и сохраненіе ея привилегій,—чтобы убѣдиться, что взглядъ оппозиціи на внѣшнюю политику безусловно націоналистическій. Онъ не исключаетъ ни дальнѣйшихъ „необходимыхъ пріобрѣтеній" отъ Польши, ни новыхъ завоеваній, „обезпечивающихъ отъ набѣговъ" — со стороны Турціи. Онъ просто только считаетъ эти старыя цѣли московской политики достижимыми и при помощи старыхъ средствъ. Расширять же сферу дипломатическихъ отношеній Россіи онъ, очевидно, боится, чтобы не сдѣлать Россію орудіемъ въ чужихъ рукахъ безъ всякой для нея пользы. Конечно, и увлеченіе Петра „безплодной Ингерманландіей," и его любезности передъ остзейцами — этотъ взглядъ считаетъ отклоненіемъ отъ нормальнаго хода русской политики.

Однако же, и помимо этихъ спокойныхъ, логическихъ государственныхъ соображеній, есть еще причины, побуждавшія старую аристократію держаться подальше отъ Швеціи, поближе къ Польшѣ и Турціи, и мечтать о возвращеніи къ военному устройству XVII вѣка. Это—классовые интересы ея и вообще русскаго дворянства, существенно затронутые новыми порядками. Когда (этой знати) приводятъ въ примѣръ дворянство европейскихъ странъ, считающее величайшей честью военныя заслуги, —говоритъ Фокеродтъ,—она обыкновенно отвѣчаетъ: это только доказываетъ, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ умныхъ людей. Умный человѣкъ не станетъ подвергать опасности здоровье и жизнь, — развѣ только изъ нужды, за жалованье. Но русскій дворянинъ съ голоду не умретъ, если только позволятъ ему жить дома и заниматься хозяйствомъ. Даже тому, кто самъ за сохой ходитъ, все-таки лучше, чѣмъ солдату. А человѣкъ мало-мальски со средствами можетъ себѣ всякое

удовольствіе позволить; ѣды и питья, платья, прислуги у него въ изобиліи; можетъ онъ, сколько душа захочетъ, и развлекаться охотой и другими забавами предковъ. Нѣтъ у него, конечно, костюмовъ съ серебромъ и золотомъ, нѣтъ великолѣпныхъ каретъ, дорогой мебели, не пьетъ онъ тонкаго вина, не лакомится чужеземными приправами, но за то вѣдь онъ ни о чемъ этомъ и не знаетъ—и уже потому не можетъ чувствовать себя лишеннымъ этого: онъ довольствуется своимъ домашнимъ питьемъ и ѣдой и чувствуетъ себя лучше, чѣмъ любой иностранецъ съ его пресловутой bonne chère. Что же можетъ заставить бросить этотъ покой и удобства, подвергаться тысячѣ опасностей и трудностей,—для того только, чтобы добиться какого-то чина?" Таково настроеніе россійскаго „шляхетства", неволей „выволоченнаго" изъ насиженныхъ дѣдовскихъ гнѣздъ на тяжелую солдатскую службу. Естественно, что его досадѣ нѣтъ границъ. „Изъ-за какого-то честолюбія государя, а то такъ и министра, сосутъ кровь у крестьянъ, заставляютъ лично служитъ, да не такъ, какъ прежде—пока длится войнп,—а много лѣтъ подрядъ, вдалекѣ отъ дома и семьи; приходится влѣзать въ долги, а имѣнье отдавать въ воровскія руки приказчика, который такъ его обчиститъ, что если и посчастливится по старости или по болѣзни получить отставку, такъ и то не приведешь хозяйства въ порядокъ до самой смерти". Таково то настроеніе, при которомъ создаются націоналистическія мечты о возвращеніи къ старымъ порядкамъ. Таковы же и тѣ чувства, которыя лежатъ въ основѣ ненависти русской знати къ Петербургу. „Потребности русскаго дворянина,—замѣчаетъ Фокеродтъ,—заключаются не въ дорогихъ костюмахъ и мебели, не въ гастрономическомъ обѣдѣ и иностранныхъ винахъ, а въ обиліи пищи и питья мѣстнаго происхожденія, въ многочисленной дворнѣ и въ лошадяхъ. Все это въ Москвѣ онъ имѣетъ даромъ или за очень дешевую цѣну. Провизію для него и для дворни, сѣно и овесъ для лошадей привозятъ ему, поблизости, изъ своихъ же деревень въ изобиліи; продавать ихъ все равно некуда; все и идетъ въ свое же хозяйство. Напротивъ, въ Петербургѣ, окрестности котораго безплодны, ему приходится везти провизію и кормъ издалека; лошади падаютъ въ дорогѣ, обозъ стоитъ, мужики разбѣгаются; или же приходится все покупать на чистыя деньги, по страшно высокимъ цѣнамъ,— что, при русскомъ хозяйствѣ, приносящемъ доходъ больше натурой, чѣмъ деньгами, чрезвычайно отяготительно".

Итакъ, вотъ что особенно непріятно въ реформѣ для русской знати и дворянства: разореніе хозяйства, подрывъ экономическаго благосостоянія. Изъ всѣхъ мотивовъ недовольства—этотъ окажется самымъ сильнымъ и прочнымъ. Русскій дворянинъ охотно примирится съ самымъ пышнымъ расцвѣтомъ націоналистической внѣшней покитики,—который еще впереди; онъ еще скорѣе и охотнѣе войдетъ во вкусъ европейскихъ модъ и житейскаго комфорта. Но къ чему его никогда не удается пріучить и противъ чего онъ всегда останется въ оппозиціи,—это европейское чувство „военной чести", воспитавшее сословный духъ европейскаго дворянства. Очень скоро послѣ Петра дворянинъ почувствуетъ свою корпоративную силу; но онъ воспользуется ею только для того, чтобы какъ можно скорѣе развязаться съ почетной повинностью военной службы и вернуться назадъ, „домой", къ себѣ въ деревню. Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ стремленій петровскаго времени — это будетъ единственное, которое найдетъ твердую точку опоры въ собственной сословной силѣ и которое осуществится благодаря этому, вопреки волѣ правительства.

LXXXIII. Переписка между Петромъ и царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

(*Изъ соч. Устрялова: «Исторія царствованія Петра В.», т. VI*).

Петръ I царевичу Алексѣю, 11 октября 1715 года.

Объявленіе сыну моему.

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули занавѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли; но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышерѣченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобился видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено. Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хочешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили, и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую ихъ работу тиранамъ отдалъ? А еще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять; но сіе воистину не есть резонъ: ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть: ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ оружіе? Хотя кому до обоихъ дѣла нѣтъ, и до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ; а отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, кольми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ?

Къ тому же, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ! Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая слабость отлучить не можетъ. Спроси всѣхъ, которые по-

мнять вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ; но имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ; чего для нѣкогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, на охоту имѣютъ, какъ и умершій король Французскій, который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ!

Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ)! еще же и сіе воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ къ томужъ, сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобой; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и имъ веселиться, „хотя отъ другой половины и все противно идетъ". Однакожъ, всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать (истину Павелъ святой пишетъ: како той можетъ церковью Божіею управить, иже о домѣ своемъ не радитъ?) не точію тебѣ, но и всему государству.

Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный.

Петръ.

Въ 11 д. октября 1715.
При Санкпитербурхѣ.

Царевичъ Алексѣй Петру I, 31 октября 1715 года:

Милостивѣйшій Государь—батюшка!

Сего октября въ 27 день 1715 году, по погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, Государя, вычелъ; на что инаго донести не имѣю, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, Государя, всенижайше прошу, понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого гнилаго, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе!) Россійскаго по васъ (хотя бы и брата

у меня не было, а нынѣ, слава Богу! братъ у меня есть, которому дай Боже здравіе) не претендую и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и ради истиннаго наслѣдства сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую,

всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй.

Въ Питербурхѣ
Въ 31 д. октября 1715 года.

Петръ I царевичу Алексѣю, 19 января 1716 года.

Послѣднее напоминаніе еще:

Понеже за своею болѣзнію, доселѣ не могъ резолюцію дать, нынѣ же на оное отвѣтствую: письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ вспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня. А для чего того не изъявилъ отвѣту, какъ въ моемъ письмѣ? ибо тамъ о вольной негодности и неохотѣ къ дѣлу написано много болѣе, нежели о слабости тѣлесной, которую ты только одну вспоминаешь. Также, что я за то сколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради разсуждаю, что не зѣло смотришь на отцово прещеніе, что подвигло меня сіе остатнѣе писать: ибо когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить! Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія. Къ томужъ и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Также хотябъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло. Къ томужъ, чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печалѣхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради, такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ; ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ, поступлю

Петръ.

Въ 19 д. генваря 1716.

Царевичъ Алексѣй Петру I, 20 января 1716.

Милостивѣйшій Государь—батюшка!

Письмо ваше, писанное въ 19 день сего мѣсяца, я получилъ тогожъ дня поутру, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія.

Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй.

Въ Питербурхѣ
Въ 20 д. генваря 1716.

Царевичъ Алексѣй царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, 9 марта 1716, изъ С.-Петербурга.

Милостивѣйшая государыня—матушка!

Милости вашей ваше, государыня, писаніе изъ Либоу, въ 14 день февраля писанное, я здѣсь получилъ, за что всенижайше благодарствую и впредь нижайше прошу, дабы не оставленъ былъ въ милости вашей. Доношу, государыня: государь братецъ и государыни сестрицы въ добромъ здравіи

Всенижайшій рабъ и сынъ вашъ Алексѣй.

Петръ I царевичу Алексѣю, 26 августа 1716 года изъ Копенгагена

Мой сынъ!

Письма твои, въ 29 день іюня, другое въ 30 день іюля писанныя, получилъ, въ которыхъ только о здоровьѣ пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю.

Понеже, когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возмешь резолюцію, чего ждалъ 7 мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольно на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое или другое. И буде первое возмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возмешь, то отпиши—куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи.

Петръ.

Изъ Копенгагена.
Въ 26 д. августа 1716.

LXXXIV. Изъ писемъ и бумагъ императора Петра Великаго, томъ I.

(Въ изданіи академика Бычкова).

1. **Отрывокъ изъ учебной тетради по артиллеріи** (1688).

Гърадусы которые вънизу,

Когда сътрелять, отведать перва такъ: сколько положишь пороху записать, также на столкихъ гърадусахъ мортиръ поставишь записать же, потомъ съмѣрять съколь далече бомба (на опыту) пала. Потомъ когда хочешь на уреченное мѣсто сътърелять, тогда възяоъ дистанцію, потомъ възять цыркалемъ на таблице тѣ гърадусы, которыя при опыте на късвад-

рантѣ были, і тою мѣрою іскать на таблице (съ правой сътороны) таво числа съколко (на опыте) далече бомба легла, і когда найдешь, тогда по той линеі іскать той долины, куда брасать хочешь, і възяѳъ ту мѣру поставить на градусы, і колко укажетъ, сътолко і на късвадранте сътаѳъ. Порохъ числомъ і силою бъ былъ равенъ, какоѳъ былъ і при опыте.

2. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1688, іюля 5).

Желаю всегда здравія, а я за благословениемъ твоимъ живъ і паки благословения прошу.

3. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689).

Всегда желающего мнѣ здравия благословения прошу, а у насъ за молитвъ твоіхъ все здраво. По семъ всегда и присно желаю здравия и спасения. Недостойны Petros.

4. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, апрѣля 20).

Вселюбезнѣйшей і паче живота телеснаго дражащей моей матушке государыни царице і великой княгине Наталиі Кыриловнѣ, сынишька твой, въ работе пребывающей, Петрушъка благосъловенія прошу, а о твоемъ здравіи слышеть желаю. А у насъ молитвами твоіими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, і суды все кромѣ большого коробля в оддѣлъкѣ, тол(ко) за канатами станетъ, і о томъ милости прошу, чтопъ тѣ канат(ы) по семисотъ саженъ исъ Пушъкарскаго Приказу не мешкаѳъ присланы были; а за ними дѣло станетъ, і житье наше продолжитца. По семъ паки благословенія прошу.

5. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, въ концѣ апрѣля).

Вселюбезнѣйшей и дрожайше(й) моей матушки, государини царице Наталиі Кириловнѣ, недостойный сынишка твой Петрунка о зъдравіи тв(о)емъ присно (с)лышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказавать, чтсбъ мнѣ быть к Москъвѣ, и я быть готоѳъ, толко гей гей дѣла есть и то присланой самъ видѣлъ: извѣститъ явнѣе. А мы молитвами т(в)оіми во въсякой цѣлости пребываемъ. О бытиі моемъ прост(р)аннѣе писалъ я ко Лву Кириловичю, и онъ тѣбѣ, государыни, донесетъ. По семъ и наіпокорственнѣе предаются в волю вашу. Аминь.

6. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, іюня 8).

Вседражайшей моей матушъкѣ недостойной Петру̂шка, благословенія прося, челомъ бью і за присылку з дохтуромъ і зъ Гаврилою, яко Ной иногъда о масличномъ сукѣ, радуюся і паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ зѣло хороши. По семъ дай Господь здравія души і тѣлу, як(о) же азъ желаю. Аминь.

А масътеръ корабельной Кортъ іуня въ 2 д. умъре до нашего призору за двадцать за два часа.

7. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, въ іюнѣ).

Гей о здрави слышать желаю і благословения прошу. А у насъ все здорово; а о судахъ паки поттверждаю, что зѣло хороши всѣ, і о томъ Тихонъ Микитичь самъ извѣститъ. Недостойны̂ Petrus.

8. Къ царю Іоанну Алексѣевичу (1689, сентября 8—21).

Братецъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ невѣстушкою, а съ своею супругою, и съ рождениемъ своимъ в милости Божией здравствуйте. Извѣстно тебѣ, государю, чиню купно же и соизволения твоего прошу о семъ, что милостию Божиею врученъ намъ двумъ особамъ скипетръ правления прародительнаго нашего Росиіского царствия, якоже о семъ свидѣтелствуетъ матери наше восточные церкви соборное дѣиство 190 году, также и братиемъ нашимъ, акреснымъ государемъ, о государствовании нашемъ ізвѣстно, а о третьей особѣ, чтобъ с нами быть въ равенственномъ правлениі, отнюдь не воспоминалось. А какъ сестра наша царевна София Алексѣевна государствомъ нашимъ учела владѣть своею волею, и въ томъ владѣниі что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и наше терпѣние, о томъ тебѣ, государю, ізвѣстно. А нынѣ злодѣі наши Ѳетка Шакловитой съ товарыщы, не удоволяся милостию нашею, преступя обещания свое, умышлялъ с ыными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровиемъ, и въ томъ по розыску и с пытки винились. А топерь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствие править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей ц. с. а., съ нашими двѣмя мужескими особоми въ титлахъ и въ росправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бъ и твоя бъ государя моего брата воля склонилося, потому что учела она въ дѣла вступать і въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволения, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной обиды хотѣла вѣнчатца. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрасте тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ. Тебѣ же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своімъ изволениемъ, для лутшие ползы нашей и для народнаго успокоения, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказомъ правдивыхъ судей, а не приличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на мѣре. А я тебя, государя брата, яко отца почитать готовъ. А о иномъ къ тебѣ, государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боарину князю Петру Ивановичю Прозоровскому и противъ сего моего писания и словесного приказу учинить мнѣ отповѣдь.

Писавыі въ печалехъ братъ вашъ царь Петръ здравия вашего желаю и челомъ бью.

9. Замѣтка для памяти (1689).

Черкасъкову сказать, чтобы перевест некоторие боіници, чтобы пистолети взатъ.

10. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1693, августа 14).

Гасударыне моей матушъкѣ царице Наталье Кириловнѣ. Зволила ты писать ко мнѣ с Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ чт(о) о приезде своемъ не отписалъ. І о томъ, і нынѣ подлинно отписать не могу, для того что дожидаюся кораблей; а какъ онѣ будутъ, о томъ нихто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскоре, потому чт(о) болше трехъ недѣль отпущены ізъ Амстеръдама; а какъ онѣ будутъ,

і я іскупя, что надабетъ, поеду тотъ часъ день і ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для іsволишъ печалитца обо мнѣ? Іsволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией; і такова пастыря імѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами і предстательствомъ, не точию я единъ, но і миръ сохраняетъ Господь. За семъ благословения прошу.

Недостойныі

Петрушка.

11. **Къ Өедору Матфѣевичу Апраксину** (1694, въ началѣ апрѣля).

Өеодоръ Матвѣевичь.

По указу великаго государя генералисимуса князя Өеодора Юрьевича, пороху 2000 пудъ, также и 1000 самопаловъ посланы; а ружье взялъ стрѣлецъ Ивашко Адамовъ. Порохъ на второй недѣлѣ, а ружье на шестой недѣлѣ отпущены до Вологды, а съ Вологды водою велѣно везть. А о ружьѣ, хотя и не задолго до насъ придетъ, не опасайся, для того что зѣло хорошо и цѣло, и переправки не хощетъ, развѣ дорогою испортитца; а я имянно наказалъ беречь. А блоки на карабль всѣ здѣланы и отпущены на четвертой недѣлѣ на Вологду. И о томъ, пожалуй, скажи нашимъ товарыщемъ Никласу да Яну, и великой поклонъ отъ всѣхъ насъ. Да пожалуй, о пивѣ не позабудь. Также и 24 пушки готовы. Посемъ въ обоихъ естествахъ купно здравствуй.

Piter.

12. **Къ Андрею Андреевичу Виніусу** (1694, іюля 12).

Min Her.

Писмо твое, і въ немъ переводъ с писма Витценова, мнѣ въручен̄ъ. іс котораго начала восприемъ радости, что 6 недѣль на море, конъца ожидаемъ, дабы егоже слышаниемъ радуемся, руками могъли осезать. А новой корабъль 11 д. іюля савъсемъ отдѣланъ і окрешенъ во імя Павъла апостола і Марсовомъ ладономъ доволно куренъ; въ томъ же куреніі і Бахусъ припочътенъ былъ даволно. О, сколь нахальчиөъ вашъ Вулканусъ: не довольствуется вами, на суше пребывающими, но і здѣсь на Непътунусову державу дерзнулъ і едва не въсе суды, въ Кунъчукорье лежащия, къ ярмонъкѣ с товары въсе пожегъ; абаче чрезъ наши труды весма разоренъ, точию едину барки кровълю і бортъ жѣгъ с (х)лебомъ, а возле была барка съ пенькою, і естлибъ та загорѣлась, тогда бъ отнюдь не возможно было отнять, і чаю, чтобъ сей пожаръ не меньши былъ всѣхъ Московъскихъ, і корабли старымъ бы пескомъ домой пошли.

Piter.

Дѣло твое готово, толко челобитная утерялась; пришли новою; Герасима Карсакова въ Кайгородокъ отпусьти; а челобитная ево в приказе.

13. **Къ царю Іоанну Алексѣевичу** (1694, іюля 21).

Превозлюбленной мой государь, батко и братецъ, царь Іоаннъ Алексѣевичь!

Здравствуй на многие лѣта со сажителницею своею, а моею государынею невѣстушкою, і съ рожденіемъ.

По премногу возблагодарствовалъ твою къ себѣ братцкую милость, что пожаловалъ чрезъ писмо мое о вѣдомости своего здоровья і всего

нашего дому, о чемъ, яко о самомъ себѣ, вашего здоровья слышати желаю.

Да вѣстно тебѣ чиню: сего іюля 21-го числа, что чрезъ волю мою велѣно кораблю быть, пришелъ 1, і, ежели благоволитъ Богъ, возбравши поиду і тѣмъ же Богомъ і возвращениемъ не умедлю.

Потомъ же прошу милости, яко у батки і брата: пожалуй, донеси теткѣ и матери моей, государынѣ царевнѣ Татияне Михайловнѣ, і поклонъ отдай; такъ-же невѣскѣ и сестрамъ. Слава Богу, живъ.

За симъ здравствуй, мой государь, батко і братецъ.

„Petros".

14. **Къ Θедору Матвѣевичу Апраксину** (въ концѣ 1694 года).

Min Her.

Письмо ваше выразумѣвъ, соотвѣтствую, что корабль какъ при мнѣ наряженъ былъ въ отпуску, и сары, хотя сперва и не хотѣли ѣхать, однакожъ послѣ обѣщалися. А о товарѣ, какой въ него класть, на то мнѣ здѣсь, въ такомъ будучи разстояніи, дѣлать не возможно; да и тамъ будучи, я говорилъ: съ чѣмъ лучше, съ тѣмъ и отпускай, потому что товаръ что класть, и иноземцы, кому то купить, всѣ тамъ, и тебѣ удобнѣе то здѣлать, о чемъ и я пространнѣе говорилъ. А пашпортъ присланъ будетъ вскорѣ, а корабль большой, въ тужъ пору положено, что зимовать, а тотъ отпустить, и дивлюся, что затѣмъ отповѣди другой требуете.

Piter.

15. **Къ Θедору Матвѣевичу Апраксину** (въ началѣ 1695 г.).

Min Her Guverneur Archangel.

О кораблѣ будетъ писать Францъ Тимерманъ. Яхту прикажи по прежнему для кораблей вывесть. Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ. Генералисимусы оба остаются, а съ войскомъ посылаютъ генераловъ; а съ ними 31,000 ч., 60 полкартоунъ, 110 мартировъ, 20,000 бомбовъ. А о достальномъ впредь писать буду.

Piter.

Θедоръ Матвѣевичь, многолѣтно здравствуй, и на многія лѣта. А мы: Юрья Ивановичь, Василій Ивановичь, про твое здоровье пьемъ вотку и ренское, а паче пиво.

Преосвященной митрополитъ Кіевскій Гедеонъ благословеніе присылаю.

Преображенскаго полку капитанъ Васька Соймоновъ челомъ бьетъ.

Смиренный діаконъ Петръ, сержантъ Преображенскаго полку, Θетка Плещеевъ, Петрушка Гутманъ много челомъ бьютъ.

16. **Къ Θедору Матвѣевичу Апраксину** (1695, апрѣля 16).

Min Her Guverneur Archangel.

О замедленіи вѣдомости противъ вашего письма во истину больше суетами и непрестаннымъ недосужествомъ, нежели лѣпостію, умедлено: понеже вѣдаетъ ваша милость, что какими трудами нынѣшней осени подъ Кожуховымъ чрезъ пять недѣль въ Марсовой потѣхѣ были, которая игра, хотя въ ту пору какъ она была, и ничего не было на разумѣ больше, однакожъ послѣ совершенія оной зачалось иное, и преднее дѣло

явилось яко предвѣстникомъ дѣла, о которомъ самъ можешь разсудить, коликихъ трудовъ и тщанія оное требуетъ, о чемъ, есть-ли живы будемъ, впредь писать будемъ. Съ Москвы на службу подъ Азовъ, по ихъ пресвѣтлѣйшества указу, пойдемъ сего жъ мѣсяца 18 числа. Да посылаю я къ вашей милости книгу и чертежъ становъ и обозовъ и боевъ, которые были подъ Кожуховымъ. А присыльные новокрещеные сары здѣсь приняты на службу. Такожде по письму твоему отъ Володимера Львутца все дошло. Такожде и о хлѣбѣ ихъ пресвѣтлѣйшества генералисимусовъ докладывалъ и объ томъ повелѣно. За симъ желаемъ вашей милости отъ Господа Бога всякаго блага.

Piter.

17. **Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому** (1695, мая 19).

„Min Her Kenich".

Писмо вашего пресвѣтлѣ(й)шества, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Пресшпурхѣ маія въ 14 день писанное, мнѣ въ 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней каплы крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы; и чаемъ за вашеі многие и теплые къ Богу молитвы, нашимъ посланіемъ, а нашими трудами и кровъми, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопи ваши, генералы Авто(но)мъ Михайловичъ и Ѳранцъ Яковлевичъ, со всеми войски, далъ Богъ, здорово, и намѣрены завтрешнего дня итить въ путь, а мѣшкали для того, что иные суды въ три дни на силу пришли, и іс тѣхъ многіе небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, которыхъ была болшая половина въ караванѣ; также и суды, которые дѣлали гости, гораздо худы, иные на силу и пришли. А казну здѣсь перегрузили къ пауски; а изъ служивыхъ людей по се число умерло небольшое число, а ис того числа иные болные съ Москвы поѣхали. За симъ отдаюсь въ покровъ щедротъ вашихъ.

Всегдашній рабъ пресвѣтлѣйшаго нашего величества бомбардиръ.

„Piter".

18. **Къ Андрею Андреевичу Виніусу** (1695, мая 19).

„Min Her".

Писмо твое, маия въ 14 день писанное, мнѣ въ 17 день вручено, и о вѣстямъ отъ Ѳранца Яковлевича также не почты увѣдомленъ. А что объ заплатѣ за мартиры и бомбы денегъ, и я чаю, яко еще отъ корабля денегъ доволно осталось; ис тѣхъ заплатить мошно, а буде нѣтъ, вели заплатить Бранту. Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дѣдиновѣ два дни да въ Муромѣ три дни; а больше всѣхъ задершка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, каторые именемъ словутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба. Аднако какъ-нибудь, слава Богу, собрались и казну перегрузили въ паускп, и сами перегрузились въ паузокъ, и намѣрены итить въ путь завтра.

„Bonbordir Piter".

19. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1695, мая 21 или 22).

„Min Her".

Послалъ я къ тебѣ обрасцы инструментовъ, и ты отпиши про нихъ. Которые на листу, тѣ вели придѣлать и положить въ тотъ же ящикъ,

а которые изъ розныхъ бумажакъ связаны, и тѣ вели въ асобую готовальню здѣлать, толко чтобъ тое готовалню мощно было на поесу носить, чтобы она была не тежела. Для того и про снасти напиши, чтобъ были суптелни. Да отпиши про нее не въ одно мѣсто, для того что она мнѣ нужна вскорѣ, и для того я чаю, что удобно абъ одной отписать въ Швецкую землю, буде тамъ дѣлаютъ, и объ томъ поговорить Книперу; и буде дѣлаютъ, чтобъ не мѣшкавъ здѣлать и ко мнѣ прислать, а о другой отпиши, куды хочешь. А о здѣшнемъ поведеніи вѣдомо буди: мая въ 16 день пришли въ Нижняе, а изъ Нижнего пошли въ путь маія въ 21 день, слава Богу, счастлива. Его пресвѣтлейшества генералисимуса князь Ѳедора Юрьевича бомбардиръ

„Piter".

20. **Къ Андрею Андреевичу Виніусу** (1695, іюля 4).

„Min Her".

Прошлого іюня въ 29 день, въ день святыхъ опостолъ Петра и Павл̃а, пришли на рѣку Койсу, верстъ за десять отъ (А)зова, и на молитвахъ святыхъ опостолъ, яко на камени, утвердяся, несумѣнно вѣруемъ, яко сыны ацкіе не одалѣютъ насъ. И сего іюля въ 1 день генералъ Петръ Ивановичь пошелъ подъ Азовъ, придавъ ему полки Микиты Борисова, Головцына да Батурина. И на пути имѣлъ съ татарами бой; аднакожь, милостію Божію, дошелъ въ цѣлости, и два вала кругомъ посаду взялъ, и сталъ подъ городомъ меньше 100 саженъ. И черезъ день отпустилъ всѣ придатошные полки (съ) своими телѣгами къ намъ, потому что намъ было кромѣ тѣхъ телѣгъ поднятца нечимъ. И такъ тѣ полки пошли къ намъ, и ихъ отъ самаго Азова до нашего городка крѣпко провожали Татары, которыхъ было болши трехъ тысечь, и напуски были жестокіе; аднако, за милость Божію, отошли отъ непріятелей въ цѣлости въ наши таборы и урону никакова не было, а только нашихъ убито человѣкъ шесть да нѣсколько раненыхъ, а непріятелей побито человѣкъ шездесятъ, а раненыхъ вѣдать не возможно. И сего іюля въ 4 день генералы Автамонтъ Михайловичъ и Ѳранцъ Яковлевичъ съ пристани пошли въ обозъ и станутъ начевать, отошодъ версты съ три; а утрѣ, Богъ изволитъ, пойдемъ подъ самой Азовъ и будемъ промышлять, сколко Господь Богъ помощи подастъ. Почта, въ 11 день іюня писанна(я), черезъ Царицынъ пришла въ 29 день, а другая черезъ Валуйки въ 30 день.

„Piter".

21. **Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому** (1695, іюля 17).

„Min Her Centh".

Письма ваши государскія мнѣ здѣсь въ обозѣ отданы, въ которыхъ обрѣлъ нѣкоторую вашу государскую милость незаплатную. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что сего мѣсяца пятого дня пришли подъ Азовъ и, осадя, промыслъ чинимъ непрестанно. Непріятель имѣлъ жестокія вылоски, однако, слава Богу, ничего не учинилъ; да въ прошлыхъ въ 14 день и въ 15 день, милостію Божію и пресвятей Богородицы со всѣми святыми молитвами, а вашимъ государевымъ щастіемъ, каланчинскія башни одну приступомъ взяли, а изъ другой ушли; о чемъ писалъ пространнѣе генер̃алъ нашъ въ своей отпискѣ.

„Piter".

22. Къ патріарху Адріану (1695, іюля 19).

Всесвятѣйшему киръ Адріану, Божіею милостію архіепископу Московскому и вся Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, во Святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу, глубокаго мира и твердаго стоянія во благочестіи Церкве Христовы восточныя, здравія же и благоденствія, вкупѣ и душевнаго спасенія отъ Господа Бога, въ Троицѣ славимаго, усердно сподобитися желаемъ.

По путешествіи нашемъ не безтрудномъ и по пришествіи въ поганскую землю махометанскія проклятыя мерзости, въ обозѣ нашемъ подъ городомъ Азовомъ донесенъ намъ вашего блаженства листъ, посланной съ Москвы іюля 2 дня, чрезъ который предпосылаешъ намъ свое архипастырское благословеніе и молитвы, къ тому привѣтствуя намъ въ день тезоименитства нашего первоверховнаго святаго апостола Петра многолѣтнымъ здравіемъ и желая на проклятыя махометаны побѣды и одолѣнія и въ мирѣ возвращенія. Которое вашего святѣйшества благословеніе и молитвы благодарно и любезно приняли есмы, и впредъ таковыхъ же вашего святѣйшества, въ Дусѣ Святѣмъ отца нашего и богомольца, желая ко Господу Богу, въ Троицѣ Святѣй славимому, о насъ и о всемъ воинствѣ нашемъ моленія, дабы даровалъ намъ на враги Своя агаряны побѣду и одолѣніе и прославилъ имя Свое святое. А что вашего блаженства въ томъ же листу къ намъ доложено, дабы мы о бытности нашей письменно изъявили, и вашему блаженству о нашихъ съ помощію Божіею трудѣхъ да будетъ вкратцѣ извѣстно.

За милосердіемъ Господа Бога нашего и заступленіемъ пресвятыя Дѣвы Богородицы и молитвами всѣхъ святыхъ, пришли подъ вышепомянутую крѣпость Азовъ іюля 5 числа въ добромъ здравіи безъ всякаго непріятельскаго врежденія, и тотъ городъ воинствомъ нашимъ осадили, и ко взятію промыслъ воинской въ надеждѣ милосердія Божія чинимъ. А іюля въ 14 да въ 16 числѣхъ благословилъ Господь Богъ оружіе наше, предалъ намъ въ руки супостатовъ нашихъ двѣ крѣпости, на Дону стоящія, каменныя, именуемыя каланчи, со всѣми пушками и съ знаменами и съ воинскими припасы. Враги же всего христіанства, супостаты наши, въ тѣхъ крѣпостяхъ бывшіе, въ первое на приступѣ побиты, а иные въ полонъ взяты; изъ другой же крѣпости, не терпя осады и утѣсненія отъ войскъ нашихъ и видя свое изнеможеніе, покинувъ, ушли тайно дикими степьми ночью, тако Господу Богу въ трудѣхъ нашихъ поспѣшествующу, десница бо Его святая сотвори намъ силу. Сіе же изъявя, и паки вашего блаженства просимъ ко Господу Богу и ко пречистѣй Его Богоматери и всѣмъ святымъ о насъ и о состояніи воинства нашего прилежныхъ молитвъ и благословенія.

Писано въ обозѣ подъ Азовомъ.

23. Къ Андрею Юрьевичу Кревету (1695, августа 14).

„Min Her“.

Писма твои мнѣ отданы, и за вѣдомость пребыванія вашего благодарствую. А здѣсь, далъ Богъ, всѣ здоровы, и нынѣ назадъ тому дней съ пять взяли наши Турецкую полукаторжи, которая длиною ручныхъ сажанъ з дватцать; а иныхъ никакихъ вѣстей здѣсь нѣту.

Прежъ сего писалъ ты о инструментахъ, а нынѣче уже въ двухъ грамоткахъ объ нихъ не пишешь; присланы ли они къ Москвѣ или нѣтъ?

„Piter".

24. **Андрею Андреевичу Виніусу** (1695, августа 22).

„Min Her".

Писмо твое, августа 6 дня писанное, мнѣ въ 18 день отдано, въ которомъ о заморскихъ вѣдомостяхъ и о вашемъ пребываніи объявляешь, за которое увѣдомленіе благодарствую. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что милостію Божіею всѣ въ добромъ здоров(ь)и и въ Марсовѣ ярмѣ непрестанно труждаемся.

„Piter".

25. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1695, сентября 8).

„Min Her".

Писма твои, августа 13 дня, другое о инструментахъ, третьея 27 дня писанныя, мнѣ отданы, въ которыхъ выразумѣвъ, за увѣдомленія всякихъ вѣстей благодарствую. Въ тѣхъ же письмахъ пишешь ты, что не повѣрили они, что мнѣ носить, но въ коляскѣ возить; и то воистинну не вѣдаючи здѣлали, потому что они дорогъ нашихъ не видали, по которымъ мы ходимъ, въ каторыхъ не толко что въ коляскѣ, но и пѣши накланясь ходимъ, потому что подошли къ гнѣзду блиско и шершніе роздразнили, каторые за досаду свою крѣпко кусаютца; аднако гнѣздо ихъ по маленку сыплетцо.

„Piter".

26. **Къ Андрею Андреевичу Виніусу** (1695, сентября 17).

„Min Her".

Писмо твое, сентября 4 дня писанное, мнѣ въ 14 день отдано, въ каторомъ о вѣдомостяхъ заморскихъ пишешь, также и о вашемъ пребываніи; о чемъ благодарствую и впредь онаго жъ желаю.

А здѣсь, славу Богу, все здорово, и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣено, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ доброго рожденія, въ чемъ, Господи, помози намъ, въ славу имени Своего святого.

„Piter".

27. **Къ Тихону Никитичу Стрешневу** (1696, марта 6).

Min Her heilige Vader.

Письмо твое, отъ 2 дни писанное, мнѣ въ 5 день отдано, въ которомъ пишешь, что бревенъ ясеневыхъ здѣсь нѣтъ, а есть въ засѣкѣ, и подводы по нихъ послать ли? И ты изволь подводы послать, не мѣшкавъ; а тѣ бревна зѣло нужны; да и кривули, которыя тамъ осталися, тожъ вели немедленно прислать. За симъ желаемъ вашей святынѣ всякого блага. А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой.

„Piter".

28. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1696, марта 23).

„Her Kreft".

Говорилъ ты мнѣ на Москвѣ, что хотѣлъ писать про новые инструменты, и естли не писалъ, не пиши, а я обрасцы готовлю и опись на нихъ, и пришлю з будущею почтою. Доски по се поры суды не бывали по палцу толщиною, о которыхъ я и на Москвѣ говорилъ, зело нужны; а на каторги болше посылать не для чево, потому что, чаю, и здѣшними пройдемся, да і адмиралитейцъ мнѣ о томъ писалъ же, что естли не нуж(н)а, чтобъ больши не посылать. А вышеписанныя доски пришли не мешкавъ, да тисокъ, чѣмъ печатаютъ; а тотъ, который я взялъ, испортился.

„Piter".

Слава Богу, отъ ножьной болезни свободился.

29. **Къ князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому** (1696, марта 29).

„Min Her Koninh".

Писмо ваше государское, марта 23 дня писанное, мнѣ въ 29 день отдано, въ каторомъ изволите гнѣвъ свой объевлять, бутто я, холопъ вашъ, къ вамъ, государю, не пишу. И я, государь, уже другое писмо нынѣ пишу; развѣ прежнее писмо какъ истерялось. А здѣсь, государь, милостію Божіею и вашимъ государскимъ щастіемъ, все строитца къ морскому каравану съ поспѣшеніемъ; а что впредь станетъ дѣлатца, писать буду.

„Холопъ вашъ Kaptein Piter".

30. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1696, марта 29).

„Min Her Kreft".

Послалъ я къ вамъ обрасцы инструментамъ, также и опись и обрасцовой цыркелъ, которые принявъ, изволте отписать за-моря противъ того.

Тонкія доски еще сюды не бывали, а здѣсь зело нужны, надобѣтъ.

„Piter".

31. **Къ князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому** (1696, мая 13).

„Min Her Kenih".

15-го дня пришелъ нашъ караванъ въ Черкаской, и въ 18 день пришли въ Каланчю, въ 19 день пришли на устье моря, и за мелиною на море галерамъ вытить было невозможно. А непріятель на морѣ стаялъ въ 13 карабляхъ. И того же дня непріятель, нагрузясь з жалованьемъ и съ воинскими припасы, въ 13 тунбасахъ, съ каторыми для провожанья въ 11 ушкалахъ были янычения, и какъ тѣ суды поровнялися противъ устья Каланчинского, и мы, холопи твои, въ малыхъ судахъ, а казаки въ лоткахъ, прося у Бога милости, ударили на того непріятеля и милостію Божіею и пресвятыя Богородицы со всѣми святыми молитвою, а вашимъ государскимъ счастьемъ, тѣ вышеписанныя суды разбили, изъ каторыхъ 9 сожгли, 1 взяли, а досталныя ушли къ караблямъ; и карабли, то видя, 11 ушли, а одинъ затопили сами, а другой наши сажгли. На тѣхъ тунбасахъ взято: 26 человѣкъ языковъ, пороху 85 бочекъ, 300 бом-

бовъ, 5000 гранатъ, 500 копей и все, что къ нимъ везено, взято, болши всего суконъ и иныхъ вещей.

А взятые языки сказывали, что прислано на тѣхъ карабляхъ 500 яныченъ, и многіе припасы, и мартиръ и людей де они высадили на берегъ, видя наши галеры, и для того сухимъ путемъ послали; а запасы-де, которые остались, ушли всѣ назадъ на карабляхъ. А третьего дни вѣтеръ былъ полуденной, и галеры вышли всѣ въ море въ цѣлости.

„Piter".

32. **Къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ** (1696, во второй половинѣ іюня).

Сестрица, здравствуй! А я, слава Богу, здоровъ. По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ; а чаю, что желаютъ насъ къ себѣ.

„Piter".

33. **Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому** (1696, іюля 20).

„Min Her Koninh".

Извѣстно вамъ, государю, буди что благословилъ Господь Богъ оружія ваша государское, понеже вчерашнего дня, молитвою и счастіемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, здались; а какимъ поведеніемъ и что чево взято, буду писать въ будущей почтѣ.

Измѣнника Якушку отдали жива.

„Piter".

34. **Къ Тихону Никитичу Стрешневу** (1696, іюля 20).

Min Her heilige Vader.

Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двалѣтнія труды и крови наши милостію Своею наградилъ: вчерашнего дни Азовцы, видя конечную свою бѣду, здалися и измѣнника Якушку отдали жива въ руки наши. А какимъ поведеніемъ и что чего взято, буду писать въ будущей почтѣ.

Piter.

35. **Инструкція волонтерамъ, отправленнымъ въ чужіе края.** (1697, въ началѣ января).

Статьи послѣдующіи ученія морскаго флоту:

1) Знать чертежи или карты морскія, компасъ, также и прочіе признаки морскіе.

2) Владѣть судномъ какъ въ бою, такъ въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти, или инструменты къ тому надлежащіе: парусы и веревки, а на катаргахъ и на иныхъ судахъ весла и прочія.

3) Сколко возможно, искать того, что (бъ) быть на морѣ во время бою, а кому и не лучится, ино съ прилѣжаніемъ искати того, какъ въ тое время поступить, однакожде обоимъ, видѣвшимъ и невидѣвшимъ

бой, отъ началниковъ морскихъ взять на тое свидѣтелствованные листы за руками ихъ и печатми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своей.

4) Если же кто похочетъ впредь получить себѣ милость болшую по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученіями научились знати, какъ дѣлати тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое пріимутъ.

5) Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякъ по два человѣка искусныхъ мастеровъ морского дѣла привесть съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ они придутъ, будутъ имъ заплачены. Сверхъ того, отсюды изъ салдатъ даны будутъ для того ученія по одному человѣку. А кто изъ салдатъ взять не похочетъ, и тѣмъ или знакомца или человѣка своего тому жъ выучить, а салдатомъ будетъ прокормъ и проѣздъ изъ казны. А буде, кромѣ салдатъ, кто кого выучитъ, и за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублевъ, и о томъ, салдатъ кто взять похочетъ или изъ своихъ кого учить, объявлять комисарій генералу немедленно.

6) Съ Москвы ѣхать имъ симъ зимнимъ временемъ, чтобъ къ послѣднимъ числамъ февраля никто здѣсь не остался.

7) Пасы и проѣзжіе даны вамъ будутъ изъ Посолскаго приказу, и о томъ роспись и указъ въ Посолскій приказъ пошлется вскорѣ.

36. Къ Андрею Юрьевичу Кревету (1697, мая 2).

Ракъ! не забывай мелницы да ткачей, а мы поедемъ отсель сегодни въ Кюнигсберъгъ моремъ.

„Piter“.

37. Отрывокъ изъ учебныхъ записокъ по кораблестроенію.

Когда похочешъ дѣлать карабль карабль, іли іное что, перво надобетъ, длину оверштевена възяѳъ, здѣлать по концамъ прямыя углы; потомъ киль ниже черты, потомъ размѣрять отъ прямыхъ угълоѳъ шъпангоутъ на 10 доль і прочертить въсякую доль поперекъ всего листа; потомъ прочертить [такуюжъ черту какова іcподънѣя] повыше бока корабля черту жъ въ обѣіхъ канъцахъ равъно отъ угълоѳъ. Потомъ по широкомъ шпантъгоутъ възять ширину протиѳъ шхерганта і поставить отъ черты выше, а назади половина шпигиля, а напереди на адтрокъ ѳорштевену; потомъ штевены, после штевеноѳъ ѳлакъ; после ѳлака [буссель дѣлается для выгиби шпантъгоутъ, только чтобъ на гнутье не такъ трудно дѣлать была, а не головъная штука] шъхерганъ, после шъхерганъ [буде о дву полубахъ селтъ] регоутъ; потомъ ѳлакъ, потомъ [а буде о двухполубной селтъ ѳлакъ, а на орлашхипъ такоѳъ на сереткѣ, какоѳъ гекъбалакъ длиною] регоутъ [которой на пинасахъ дѣлается равенъ какъ і поторегоутъ] і потомъ брать мѣры по тѣмъ [10] чертамъ ширину і вышину [ка(къ) в чертеже] і ставить на шъпантъгоутъ отъ шпигеля 6 і отъ ѳалштевена 3.

По мнѣнию жъ естьли новой хочешъ (д)ѣлать, перва здѣлай бокъ карабля по іволению соѳъсемъ, потомъ большей шъпанъгоутъ [по іволению жь во ѳълакѣ, въ шъхергане і пърочемъ, потомъ здѣлай половина карабля све(р)ху, потомъ шъпангоуте, также ѳлакъ, шхерганъ, регоутъ, і протчия, потомъ же шпангоуте ширину дѣлай; што же о концахъ тѣхъ линѣй належитъ, і то мошъно дѣлать такъ: назади брать отъ шпи-

геля ширину, гдѣ тѣхъ линѣі канцы пройдутъ, а напереди естьли шътевенъ прямъ, то въсе черты сводить на осътърю, а естьли косъ, то отъ винкелгаковой линеі брать цыркалемъ да конъцоѳъ тѣхъ линѣі на баковой ѳигуре у шътевена і ставить канцы тѣхъ линѣй по тому, какъ въ обрасцѣ, і когъда бокъ і половина съверху готова, тогъда шъпанъгоуты дѣлай: бери вышину въ семъ мѣстамъ о(тъ) боковой ѳигуры, а ширину отъ половины, і такъ добро.

38. **Къ патріарху Адріану** (1697, сентября 10).

Ваше архипастырства писмо, авъгуста 13 д. писанное, мънѣ отдано сентебря въ 9 д. 1697, іс которого выразумѣлъ вашея святости доброжелание і молитвы, за чъто мъногократно благодаримъ вашу персону. А насъ же аше соізволишь вѣдать, і мы въ Нидерлянъдахъ, въ городе Амстелдаме, благодатию Божиею і вашими молитвами, при добромъ состояніи живи, последуя слову Божию, бывъшему къ п(р)аотцу Адаму, (трудимся), что чинимъ не отъ нужъды, но доброго ради приабретения морскаго пути, дабы, іскусясь совершенно, могли возвъратися противъ върагоѳъ іменп Іісусъ Хъриста победителями, а християнъ, тамо будушъшихъ, свободителеми благодатию Его быть, чего до последнего іздыхания пожелаѳъ, Церкъви светой і вашимъ молитвамъ предая себя.

Piter.

39. **Наказныя статьи Григорію Григорьевичу Островскому.**

(1697, октября 2).

Статьи:

1.

Ѣхатъ изъ Гаги, развѣдавъ подлинно, на которые земли и мѣста ближе и податнѣе, до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли. А на которые мѣста поѣдетъ, и чрезъ чьи земли и государства и вольные городы, и что отъ котораго города до которыхъ мѣстъ верстъ и миль, и какова дорога, и въ подводахъ и въ кормѣхъ довольство есть ли, о томъ о всемъ, розвѣдавъ и разсмотря подлинно, запнсать имянно.

2.

Приѣхавъ въ тое Шклавонскую землю, провѣдать: подъ которымъ она государемъ, и много ль въ ней городовъ и знатныхъ мѣстъ, и многолюдна ль она, и какіе въ ней люди; служилые ль, или купецкіе, или пахотные, и которыхъ чиновъ болше, и есть ли въ ней капитаны, порутчики, подпорутчики, шиперы, боцманы, штирманы и матрозы, которые бъ служили или нынѣ служатъ на воинскихъ карабляхъ и каторгахъ, или на купецкихъ карабляхъ.

3.

Да и о томъ ему провѣдать: каковы тамъ люди къ морскому пути и бою, будутъ ли противъ Венетовъ и „на чемъ“ заобычнѣе, на какихъ судахъ больши употребленія къ бою имѣютъ, „на корабляхъ ли іли на каторгахъ“, и въ которыхъ мѣстахъ они той войны употребляютъ и въ чьихъ флотахъ? И о томъ, для подлиннаго увѣренія, разговоряся з знат-

ными начальными людьми, взять у нихъ на письмѣ. При томъ провѣдать подлинно жъ: кто того морского дѣла и употребленія есть въ той же землѣ, или того жъ языку, изъ знатныхъ начальныхъ людей, вице-адмиралы и иныхъ вышнихъ и нижнихъ чиновъ, и имяна ихъ двухъ или трехъ, или и больши, записать.

4.

Да и о томъ провѣдать: тотъ вышеупомянутой Славенской народъ Славенской ли языкъ употребляетъ, и мочно ль съ ними Русскому человѣку о всемъ говорить и разумѣть? И изъ нихъ, какова ни есть чина, человѣка того Славенскаго народа и языка привесть съ собою въ Амстрадамъ, для познанія языка ихъ, уговоряся „съ нимъ“, по чему давать па мѣсяцъ.

5.

Да и о томъ провѣдать: того вышеупомянутаго народа много ли на морѣ служитъ, или больши на земли?

6.

Да ему же, будучи въ Славенской землѣ, о всемъ вышеписанномъ развѣдавъ и учиня, провѣдать: Венецыя далеко ль отъ той Славенской земли, и путь къ ней на которыя мѣста, и чрезъ чьи земли и городы, и сколько миль будетъ или дней ходу?

7.

А будетъ Словаки языкъ свой употрбляютъ. не противъ Русскаго языка, и узнать ево, что они говорятъ, Русскому человѣку будетъ не мочно и такихъ вышеписанныхъ начальныхъ людей нѣтъ, и ему ѣхать въ Венецыю. А пріѣхавъ въ Венецыю, провѣдать: есть ли въ Венецыи вышеписанные начальные люди: капитаны, порутчики, подпорутчики, шиперы, штюрманы, боцманы, которые бъ умѣли Словенскаго языка и морского искусства, и много ли тамъ того языка и иныхъ языковъ такихъ людей, и буде ихъ наймать въ государеву службу, и такіе люди въ Московское государство въ службу поѣдутъ ли, и по чему похотятъ? о томъ съ ними поговорить напримѣръ. Также и о томъ провѣдать: того Словенского языка и иныхъ языковъ вышніе начальные люди есть ли и кто имяны, и какіе чины, и въ которыхъ флотахъ служатъ, и какое о себѣ имя и похвалу въ воинскихъ морскихъ дѣлехъ имѣютъ? И то все провѣдавъ подлинно, записать о всемъ имянно, и съ тою запискою ѣхать въ Амстрадамъ, не мѣшкая нигдѣ [1]).

---

[1]) Островскій не исполнилъ порученія, но наказныя статьи остаются любопытнымъ свидѣтельствомъ, какъ уже въ это время Петра интересовало славянство, видимо, извѣстное пока очень мало. Какую „Шклавонскую или Славацкую“ землю Петръ подразумѣвалъ въ этомъ случаѣ, можно видѣть изъ того, что говорится въ особенности о морскомъ дѣлѣ и славянахъ морякахъ: это земля была именно Далмація; но свѣдѣнія о ней были еще такъ неясны, что посланному лицу предписывалось собирать топографическія свѣдѣнія, какъ будто шла рѣчь о совершенно неизвѣстныхъ странахъ. Впослѣдствіи этотъ предметъ для Петра Великаго выяснился: на его службѣ были люди изъ этой Шклавонской земли, какъ адмиралъ Змаевичъ, Милорадовичъ, Савва Рагузинскій и пр. (Изъ статьи А. Н. Пыпина: „Обзоръ русскихъ изученій славянства“, „Вѣстникъ Европы“, 1889 г., май).

40. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1699, мая 9).

„Min Her“.

Писма всякія, которыя остались послѣ Яна Деня корабельнаго дѣла и нынѣ у васъ обрѣтаются, прошу, чтобъ на Русской языкъ переведены были, въ чемъ не сумнѣваюсь.

„Piter“.

41. **Къ Александру Даниловичу Меншикову** (1700, февраля 13).

Меінъ герценкинъ.

Какъ тебѣ сие писмо въручитца, пожалуй, осмотри у меня на дворе і вели вычистить везде і починить; такъже вели въ съпалной здѣлать полъ липовой да і въ другихъ вели новыя полы переделать. Такъже вели пиво Сълобоцькое і другое Андреева въ ледъ засѣчъ; такъже вели здѣлать вънов погрепъ потъ тѣмъ мѣстомъ, гъдѣ ботъ сътоітъ іли гъдѣ сътарая баня. Такъже і во въсемъ осмотри і прикажи. А самъ, для Бога, не мешькай, а для чего—самъ знаешь.

За семъ предаю васъ въ сохранение въсехъ хъранителя Бога.

„Piter“.

42. **Къ Өедору Алексѣевичу Головину** (1700, марта 2).

Min Her Admiral en erst Admiraliteietr.

Писма ваши на почьте я принялъ, которая пришъла въ четвертой день, то есть въ съреду въ вечеру. Правъда, зело вѣсътовата і надлежала бы съкорого отвѣта: толко была въ тотъ день Василья, і мы сидѣли у іменинника; а се, коі были ізъ насъ въ Риге, съ печали натселись, а паче Өилатъ, і оттого па заөътрея не могъ ничево дѣлать.

Жаль, жаль, да нечемъ пособить. Пришьло мънѣ на мысль: съказывалъ мънѣ Брантъ, чьто есть въ Ругодевѣ пушьки продажныя карабельныя въ 12, въ 18 і въ өунтоөъ ядромъ, і я съ нимъ говорилъ, чътобъ купить. І нынѣ для тѣхъ пушекъ пошьли ты Карчьмина, чьтобъ онъ іхъ пробовалъ і купилъ нѣсъколко; а межъ тѣмъ накажи ему, чьтобъ присмотрелъ города и мѣсъта къругомъ; такъже, естли возможъно ему дѣла сыскать, чътобъ побывалъ і в Орѣшекъ; а буде въ него нелзя, хоть возле ево. А мѣсъто тутъ зело нужно: протокъ ізъ Ладоского озера въ море (посмотри въ картахъ), і зело нужъно ради задержанія выручьки; а детина, кажетца, не глупъ и секъретъ можетъ сънесть. Зело нужно чьтобъ Къниперъ того не вѣдалъ, потому чьто онъ знаетъ, чьто онъ ученъ.

Ізволь прислать котелъ мѣдной, въ которомъ съмолятъ вереөъки, которой привезъ Кипциусъ; а сказывалъ мънѣ про то визъ-адмиралъ.

Полки, буде чаешь лутче, постаөь по городамъ къ той сътаронѣ. На раскольшикоөъ посылать ли? Много—знатно, мала—нѣтъ ничево. О томъ прошу совѣту.

Корабль чаю, при помощи Божией, отдѣлать, і хочетца съпустить (естьли не помѣшаетъ что), для того, что первой. Зѣло жаль мьнѣ воістинну, что хоромы безъ меня зъгорели.

Хъ курөирсьту отпишу на будущую почьту, для того надабна подумать; а нынѣ, за многимъ писмомъ, не успѣлъ.

Хорошо бъ іли ты отписалъ къ Ѳъламингу, іли нарочного человѣка тамъ держатъ, для вѣдомости; зело нужно.

Азоѳския і Янова отписки челъ; кажетца, въраки. І мы здѣсь видѣли 5 отписакъ еще новяи такихъ же, і послали къ вамъ.

Морозы зело великия, такъ чьто и работать нелзя, і дорога хороша.

Вашъ въсегдашьни

Knecht Piter.

43. **Къ Тихону Никитичу Стрешневу** (1700, сентября 25).

Min Her.

Письмо ваше я принялъ, и зѣло радуемся, что гавань дѣлается не медленно, также и городъ; дай, Боже, доброе совершеніе. Мы третьяго дни пришли сюда въ полдни и, перешедъ рѣку Нарву, стали отъ моря. Города Ямы, Сыренецъ здалися добровольно; также и Копорцы прислали, чтобъ ихъ принять; и къ нимъ принять послано. Въ сихъ трехъ городахъ будетъ уѣзду съ 7000 дворовъ. А подлинно впредь отпишемъ.

Piter.

О чемъ станетъ тебѣ говорить сестра моя, вели исправить.

44. **Къ Борису Петровичу Шереметеву** (1700, ноября 17).

Борисъ Петровичь. Приказалъ я вѣдать надъ войски и надъ вами арцуху фонъ Крою; изволь сіе вѣдать и по тому чинить, какъ написано въ статьяхъ у него, за моею рукою, и сему повѣрь.

45. **Росписка въ полученіи жалованья** (1701, января 29).

Въ нынѣшнемъ 1701 году, генваря въ 29 день, по указу великаго государя, велѣно выдать, его, великаго государя, жалованье, по разсмотрѣнію господъ адмиралтецкихъ, учиненнымъ чинамъ, изучившимся въ окресныхъ государствахъ карабелному художеству, на нынѣшнемъ 1701 годъ генваря съ 1-го числа генваря жъ по 1 число 1702 году. А кому имяны, и то писано ниже сего.

Басу Петру Михайлову триста шездесятъ шесть рублевъ. „Piter Michailof денги принялъ“.

46. **Къ Борису Петровичу Шереметеву** (1701, іюля 22).

Min Her.

Понеже мы получили нѣкоторую вѣсть нужную, и того для прикажи остаться въ Новѣгородѣ нашимъ двумъ полкамъ, да драгунскимъ коннымъ двумъ же, да одному пѣхотному, да одному драгунскому безлошадному (съ ружьемъ которой), а достальнымъ вели итить съ поспѣшеніемъ; а самъ, ваша милость, изволь стать въ сутки, какъ мы пріѣхали.

Piter.

47. **Къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину** (1701, сентября 17).

Min Her Admiraliteis Her.

Писмо ваше принявъ, отвѣтствую: войны съ Туркомъ не чаемъ, потому что миръ подтвердилъ салтанъ охотно. Карабли Строгонова Галанскія передѣлать надобно такъ, какъ говорили на Воронежѣ; а италіан-

скія за своею сuптелностію Богъ знаетъ. Естли застанетъ сіе писмо, не изволте ходить по морю. Противъ Тускихъ словъ, что наши не ѣздятъ, зѣло бъ хорошо хотя съ малымъ послать на малыхъ суднахъ для увѣренія ихъ съ торгомъ. Мѣсто для строенія на Дону изволь погодить пока на осередѣ увидимъ. На Таганърогѣ вели все здѣлать въ городовомъ строеніи, противъ Траузинова чертежа, а совершенно обо всемъ постановимъ, когда увидимся сами; а за позднымъ времянемъ, чаю; и сіе писмо васъ не застанетъ тамъ. Поздравляю вамъ виктеріею, недавно учиненною здѣсь надъ Шведскими двумя полки, драгунскимъ и салдацкимъ, отъ нашихъ драгунскихъ трехъ полковъ, которые ихъ, при помощи Божіей, такъ побили, что едва кто спасся; а пушки, знамена и все взято.

Piter.

LXXXV. Птенцы Петра Великаго.

(Изъ соч. Гельбига: „Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в.", въ переводѣ съ нѣмецкаго В. Б., „Русская Старина", апрѣль 1886 г.).

1. Александръ Меншиковъ.

Время Петра I было эпохой великихъ людей въ русскомъ государствѣ. Ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій не встрѣчается столько даровитыхъ людей, сколько дѣйствительный творецъ русскаго государства опредѣлилъ въ государственное управленіе, въ военную и морскую службу, въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдомства финансовъ, юстиціи и полиціи. Иныхъ нашелъ онъ въ старыхъ фамиліяхъ своего государства, другихъ—среди знатныхъ иностранцевъ, появлявшихся при его дворѣ. Многіе вышли изъ чужеземной черни; многіе—изъ самыхъ низшихъ слоевъ русскаго народа. Еще прежде, чѣмъ Петръ I достигъ зрѣлаго возраста, когда его испытанный умъ могъ отыскивать наиболѣе подходящіе субъекты, случай благопріятствовалъ ему и наталкивалъ на юношей, сдѣлавшихся знаменитыми по своимъ высокимъ дарованіямъ. Онъ рѣдко ошибался въ нихъ; они же въ немъ—никогда. Большинство ихъ соотвѣтствовало его ожиданіямъ, и онъ возвышалъ ихъ и щедро награждалъ. Но немногіе изъ нихъ были счастливы до конца своей жизни.

Вершина земного счастія составляетъ самый опасный пунктъ для большей части выскочекъ. Рѣдко кто умѣетъ удержаться до конца своихъ дней на высокомъ посту, на который его вознесъ смѣлый геніальный полетъ и съ твердостью проведенная тенденція. Онъ колеблется на непривычной высотѣ, и падаетъ.

Александръ Меншиковъ родился 17 ноября 1674 года. Отецъ его былъ крестьяниnъ изъ окрестностей Москвы и прозывался Данило Меншиковъ.

Въ Россіи многіе крестьяне отдаютъ своихъ сыновей въ большіе города ремесленникамъ на выучку; также точно и Александръ былъ отданъ пирожнику. Какъ ученикъ, онъ долженъ былъ на улицахъ Москвы выкрикивать для продажи пироги, лежавшіе на лоткѣ, который онъ носилъ на головѣ. Онъ дѣлалъ это такъ забавно, что обратилъ на себя вниманіе

знаменитаго Лефорта. Этотъ государственный человѣкъ зазвалъ его къ себѣ, много разговаривалъ съ нимъ и, найдя его отвѣты смышлеными, а черты лица—умными и миловидными, взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Здѣсь Александръ имѣлъ случай часто видѣть юнаго царя, который былъ всего лишь на два года старше его, разговаривать съ симъ и пріобрѣсти его благоволеніе. Лефортъ, основательный оцѣнщикъ духовныхъ способностей, съ удовольствіемъ замѣтилъ проницательный умъ своего слуги и рѣшилъ сдѣлать его пригоднымъ для государственной службы. Конечно, заслуживаетъ глубочайшей благодарности человѣкъ, который, будучи чуждъ всякой зависти, приготовилъ такого образованнаго воспитанника своему государю и государству; но заслуживаетъ не меньшаго удивленія и тотъ воспитанникъ, который выработался по идеямъ своего великаго предшественника и согласно съ намѣреніями своего государя.

Лефортъ опредѣлилъ Меншикова на царскую службу, взялъ его съ собою въ заграничное путешествіе 1697 года, обращалъ на все его вниманіе, научилъ его уничтожать злоупотребленія и заводить новыя учрежденія, преподалъ ему военное искусство и такъ старался привить ему свои собственные взгляды относительно государственнаго хозяйства и иностранныхъ дѣлъ, что умный и воспріимчивый Меншиковъ совершенно усвоилъ ихъ себѣ. Однако, можно полагать, что еслибъ Лефортъ остался въ живыхъ, онъ, прозрѣвавшій уже притязательный характеръ молодого человѣка, никогда не допустилъ бы его такъ возвыситься, какъ онъ впослѣдствіи дѣйствительно возвысился. Но Лефортъ умеръ, и личный составъ русскихъ государственныхъ учрежденій принялъ совершенно иной видъ.

Петръ I, хотя и былъ окруженъ придворными, чувствовалъ себя одинокимъ. Почти всѣ приближенные были противъ его мудрыхъ предначертаній, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убѣжденіе не дѣлало ихъ лучшими. Только одинъ Меншиковъ безусловно раздѣлялъ высокіе принципы своего государя. Онъ сталъ преемникомъ умершаго любимца относительно милости своего государя и, мало-по-малу, но въ очень короткіе промежутки, получилъ всѣ тѣ же важныя мѣста, которыя имѣлъ Лефортъ. Теперь-то Меншиковъ выказалъ, что онъ принадлежитъ къ выдающимся личностямъ, умѣющимъ составить себѣ имя въ исторіи. Въ полной моральной и физической зрѣлости развилъ онъ свои высокія дарованія, во всемъ вѣрно поддерживалъ своего государя, какъ въ начертаніи благодѣтельныхъ реформъ, такъ и въ точномъ и покорномъ исполненіи приказаній императора. Изображеніе важныхъ заслугъ этого государственнаго человѣка и полководца принадлежитъ исторіи великаго монарха, котораго онъ, по крайней мѣрѣ отчасти, прославилъ своими талантами.

Уже въ самомъ началѣ въ Меншиковѣ были открыты зародыши государственнаго мужа, который въ состояніи удивить современниковъ и потомство своими подвигами; но въ послѣдующіе годы увидѣли также, съ сожалѣніемъ, что его многообѣщавшее вліяніе не всегда направлено на выгоднѣйшее для государства и наиболѣе полезное для подданныхъ. Петръ назначилъ его, между прочимъ, гофмейстеромъ къ своему, впослѣдствіи столь несчастному, сыну Алексѣю. Меншиковъ самымъ непростительнымъ образомъ пренебрегъ воспитаніемъ царевича. Ему было все равно, прилеженъ ли царевичъ во время уроковъ или лѣнивъ, онъ даже одобрялъ, замѣчая, какъ попы внушали принцу безполезныя церковныя обрядности,

воспитывали его въ нелѣпыхъ предразсудкахъ и старались внушить ему отвращеніе ко всѣмъ новшествамъ его отца.

Можно думать, что уже тогда Меншиковъ имѣлъ намѣреніе отстранить царевича отъ престолонаслѣдія по волѣ самого же императора. Но этотъ проектъ оставался еще на заднемъ планѣ. Меншиковъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериной, которую онъ уступилъ своему монарху. Изъ этого проистекали взаимныя обязательства. Онъ относился къ ней съ почтеніемъ и старался возвышать ее; она поддерживала его, когда онъ шатался. Она должна даровать государству наслѣдника престола, и онъ хотѣлъ по смерти Петра управлять государствомъ и малолѣтнимъ государемъ. Но чтобъ привести все это въ исполненіе, необходимо было возбудить въ отцѣ подозрѣніе противъ сына и такимъ образомъ отстранить царевича отъ престола. Какъ извѣстно, все это и случилось, много лѣтъ позже, когда уже царевичъ былъ женатъ и имѣлъ отъ своей супруги сына и дочь. Петръ былъ окончательно возстановленъ противъ Алексѣя, который своимъ неблагоразумнымъ, ненадежнымъ, низкимъ, упрямымъ и возмутительнымъ противъ отца и государя поведеніемъ далъ поводъ къ той печальной участи, которая постигла его.

Обхожденіе Петра I съ его любимцемъ было оригинально. Императоръ ничего не дѣлалъ безъ совѣта Меншикова. Во всѣхъ событіяхъ своей правительственной дѣятельности и частной жизни, онъ выказывалъ ему такое довѣріе, выше котораго быть не можетъ. Можно было бы сказать, что монархъ и его любимецъ были сердечными друзьями, еслибы любимецъ, всегдашнее игралище своихъ страстей, не сдѣлался вслѣдствіе этого недостойнымъ высокой чести быть другомъ своего государя. Почти постоянно Меншиковъ долженъ былъ сопровождать императора, и если Петръ иногда оставлялъ его, то этотъ любимецъ, съ согласія императора, управлялъ всѣмъ государствомъ. Этотъ скипетръ можно было тогда назвать дѣйствительно желѣзнымъ. Вслѣдствіе этого расло число враговъ, которыхъ Меншиковъ создавалъ себѣ ежедневно своимъ своекорыстнымъ поведеніемъ. Враги слѣдили за каждымъ его шагомъ и извѣщали императора обо всемъ, что узнавали относительно корыстолюбивыхъ поступковъ перваго слуги государства. Вслѣдствіе этого Меншиковъ находился три раза въ царствованіе Петра I подъ строжайшими слѣдствіями, изъ которыхъ мы приведемъ одинъ только примѣръ, бывшій въ 1719 г. Князь Меншиковъ былъ обвиненъ въ томъ, что дурно управлялъ финансами имперіи, которые были поручены ему одному, и что многія суммы обратилъ въ свою пользу. Отъ него была взята шпага, ему было запрещено выходить изъ дому, и онъ долженъ былъ ожидать наказанія, которое наложитъ на него императоръ. Были причины полагать, что дѣло приметъ очень дурной оборотъ, и уже начали поговаривать, что Меншиковъ будетъ приговоренъ къ вѣчному заточенію. Однако, радость его враговъ была слишкомъ поспѣшна. Монархъ позвалъ къ себѣ Меншикова. Едва онъ вошелъ, какъ бросился въ ноги императору, просилъ о помилованіи и обѣщалъ исправиться. Петръ тотчасъ же забылъ его преступленіе и думалъ уже только о заслугахъ своего слуги. Онъ опять почтилъ его своею милостію, и только возложилъ на него большой денежный штрафъ, который Меншиковъ долженъ былъ немедленно уплатить.

За небольшіе проступки были и штрафы небольшіе. Разсказываютъ слѣдующее: однажды вечеромъ императоръ завѣрное узналъ о многихъ обидахъ, нанесенныхъ Меншиковымъ разнымъ лицамъ. На слѣдующее

утро Петръ отправился на Васильевскій Островъ, къ Меншикову, который тогда жилъ въ своемъ дворцѣ, нынѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ спальню, гдѣ Меншиковъ еще спалъ, выговорилъ всѣ его проступки и поколотилъ безъ шума, но весьма чувствительно своего любимца, который былъ настолько низокъ, что выносилъ подобные побои. Послѣ этого императоръ отправился домой. На возвратномъ пути Петръ встрѣтилъ толпу людей, которая на его вопросъ заявила, что идетъ на Васильевскій Островъ поздравить Меншикова съ днемъ ангела. Императоръ тотчасъ же возвратился вмѣстѣ съ ними. Меншиковъ страшно испугался, думая, что Петръ вернулся, чтобы еще поколотить его. Но монархъ ободрилъ его, сказавъ при самомъ входѣ въ комнату: „я услышалъ, что сегодня твой праздникъ; я пришелъ съ этими добрыми людьми, чтобы поздравить тебя и откушать съ тобою". Такъ оканчивались почти всегда жалобы, приносившіяся на князя. Глубокая проницательность и обширная полезность этого человѣка доказывается тѣмъ, что Петръ, несмотря на многія обвиненія, держалъ его при себѣ и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и согласія.

Князь Меншиковъ былъ преступникомъ не только по тѣмъ чертамъ корыстолюбія и невѣрности, которыя доходили до свѣдѣній монарха. Были еще и другія, которыхъ императоръ не зналъ и за которыя онъ заслуживалъ бы строжайшаго наказанія и полнѣйшаго удаленія отъ государственныхъ дѣлъ. Петръ I, всегда мечтавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ съ правомъ голоса въ имперскомъ сеймѣ, могъ, не знаемъ когда и по какому случаю, овладѣть шведскою Помераніею. Прусскій дворъ, вовсе не желавшій имѣть такого неудобнаго сосѣда, обратился къ Меншикову и подкупилъ его за 20,000 дукатовъ. Первый сановникъ императора, которому онъ вполнѣ довѣрялъ, представилъ какіе-то, вѣроятно, мнимые мотивы, по которымъ императоръ отказался отъ своего намѣренія овладѣть Помераніею. Короче, всѣ переговоры были прерваны. Если-бъ Петръ узналъ настоящій ходъ дѣла, любимецъ его едва-ли отдѣлался бы обычнымъ наказаніемъ.

Если Меншиковъ могъ всегда такъ счастливо избѣгать заслуженныхъ имъ послѣдствій своихъ проступковъ и не рѣдко побѣждать своихъ обвинителей, этимъ онъ былъ обязанъ, по большей части, Екатеринѣ. За то и онъ заботился объ интересахъ Екатерины. Съ этими заботами онъ соединялъ всегда и собственную выгоду. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей Петра и Екатерины не остался въ живыхъ, то Меншиковъ задумалъ возвести Екатерину, по смерти Петра, на престолъ ея супруга. Онъ сообщилъ эту идею Петру, который одобрилъ ее. Такимъ образомъ, она была объявлена наслѣдницей престола и коронована въ 1724 году. Легко было предвидѣть, что князь Меншиковъ, бывшій двигателемъ всего этого дѣла, станетъ кормчимъ въ государствѣ, если, по смерти Петра, Екатерина взойдетъ на тронъ.

У такого могучаго любимца, какимъ былъ Меншиковъ, съумѣвшій сдѣлаться равно необходимымъ какъ императору, такъ и императрицѣ, не могло быть недостатка въ знакахъ отличія со стороны иностранныхъ дворовъ, которые всѣ добивались его дружбы. Вѣнскій дворъ давно уже возвелъ его въ имперскіе графы и вскорѣ затѣмъ въ имперскіе князья; копенгагенскій, дрезденскій и берлинскій дворы слали ему свои ордена. Самъ Петръ I, желая дать своему любимцу публичное доказательство своего благоволенія, удостоилъ его титула герцога Ингерманландскаго;

въ то время онъ былъ уже первымъ статсъ-министромъ и первымъ генералъ-фельдмаршаломъ арміи.

Но всѣ эти высокіе знаки милости монарха не могли удержать князя на пути справедливости. Его корыстолюбіе и вѣроломство подвергли его вновь немилости своего государя за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора. Но такъ какъ именно въ это время Екатерина, благодаря своимъ критическимъ обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ когда либо нуждалась въ совѣтникѣ, то графъ Ягужинскій долженъ былъ постараться отвлечь мысли Петра къ другимъ предметамъ. Это удалось ему; князь былъ такъ счастливъ, что вновь получилъ милость своего государя, и на этотъ разъ безъ всякаго съ его стороны пожертвованія.

Екатерина и Меншиковъ считали теперь необходимымъ рѣшиться на все ради самосохраненія, и вѣроятно съ самаго начала согласились принести для достиженія цѣли самыя дорогія жертвы. Петръ I былъ страшно недоволенъ обоими и грозилъ имъ жестокими наказаніями, еслибъ только поднялся съ своего болѣзненнаго ложа. Уже давно поведеніе Екатерины и Меншикова было прямо противоположно повелѣніямъ императора, и онъ часто предостерегалъ обоихъ. Кары, которыми угрожалъ имъ императоръ, были бы, слѣдовательно, весьма чувствительны и, вѣроятно, низвели бы обоихъ къ той же низменности, изъ которой они были вознесены милостію монарха. Было, слѣдовательно, сообразно съ мудростью Екатерины и князя въ ихъ личныхъ интересахъ вовсе не допустить выздоровленія императора. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что они предупредили природу, и болѣзнь величайшаго изъ императоровъ, царившихъ тогда въ Европѣ, привела искусственными мѣрами къ печальной развязкѣ скорѣе, чѣмъ слѣдовало по крѣпкой его натурѣ [1]). Петръ умеръ и всѣ его планы относительно Екатерины и Меншикова, которые, конечно, были велики и спасительны, рухнули.

2. Петръ Шафировъ.

Если бы Петръ I и не сдѣлалъ всего того безконечно великаго, что имъ дѣйствительно совершено, онъ все-таки заслуживалъ бы удивленія современниковъ и потомства уже и потому, что обладалъ тонкимъ тактомъ отыскивать во всевозможныхъ слояхъ общества, даже въ самыхъ низшихъ классахъ народа, наиболѣе умныхъ и полезныхъ дѣятелей и давать имъ такія занятія, при которыхъ они могли бы приносить наиболѣе существенную пользу. Но, чтобъ представить вѣрное изображеніе этого необыкновеннаго монарха, біографы Петра не должны забывать и его слабостей. Къ числу такихъ слабостей принадлежитъ болѣе всего опрометчивость. Отъ нѣя происходила иногда неблагодарность—порокъ, слишкомъ часто встрѣчающійся у государей, поддающихся первому движенію гнѣва. Когда они находятся въ разгоряченномъ настроеніи, ими овладѣваютъ внимательные бездѣльники, находящіеся въ ихъ свитѣ и очень ловко умѣющіе превращать частную ссору въ государственное преступленіе. Такимъ-то образомъ случается, что лучшіе государи, поддаваясь минутной прихоти, забываютъ о благодарности, которою они обязаны

---

[1]) Едва ли надо опровергать эту лживую легенду: болѣзнь Петра I и его смерть извѣстны во всей подробности. Разсказъ Гельбига только повтореніе вымысла враговъ Меншикова и Екатерины. (Примѣчаніе переводчика Гельбига В. Б.).

своимъ вѣрнѣйшимъ слугамъ, и подрываютъ свою славу въ настоящемъ и будущемъ.

Петръ Шафировъ былъ родомъ еврей. Мы собственно не знаемъ его родины; но, вѣроятно, онъ былъ изъ Голландіи, гдѣ его встрѣтилъ Петръ и привезъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ окрещенъ въ греческую вѣру; при этомъ торжественномъ обрядѣ самъ монархъ заступилъ мѣсто крестнаго отца и далъ ему свое крестное имя Петра. Вѣроятно, при этомъ же, хотя мы и не знаемъ, по какому поводу, получилъ онъ фамилію Шафировъ.

Въ началѣ юный прозелитъ получилъ незначительное мѣсто въ имперской канцеляріи, куда монархъ опредѣлилъ его, чтобы видѣть, не ошибся ли онъ насчетъ его способностей. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Петра. Шафировъ оставался не долго на этомъ мѣстѣ. Его вѣрный и проницательный взглядъ, его точное сужденіе и живость въ исполненіи даваемыхъ ему порученій помогли ему получить вскорѣ высшія почетныя мѣста. Въ 1711 году онъ завѣдывалъ въ русскомъ управленіи германскими дѣлами, которыми очень интересовался Петръ I, самъ желавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ. Въ томъ же 1711 году Шафировъ находился, какъ вице-канцлеръ, съ императоромъ на Прутѣ. Послѣ того какъ Екатерина, Шафировъ и Остерманъ согласились относительно средства спасти императора и его армію, оба эти великіе сановники, Шафировъ и Остерманъ, отправились въ турецкій лагерь, къ великому визирю, поднесли ему несмѣтные подарки и своимъ краснорѣчіемъ окончательно спасли императора и армію. За возвращеніе туркамъ Азова русская армія могла удалиться. Шафировъ долженъ былъ отправиться, какъ заложникъ, въ Константинополь и оставаться тамъ до исполненія трактата. Такъ какъ онъ тамъ находился какъ бы въ плѣну, безъ дѣла, то воспользовался этимъ досугомъ, чтобы усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Потомъ онъ былъ еще русскимъ посломъ при турецкомъ дворѣ, который онъ покинулъ въ первые мѣсяцы 1714 года, чтобъ возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ съ радостью только однимъ императоромъ. Въ томъ же 1714 году этотъ монархъ сдѣлалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и пожаловалъ ему андреевскій орденъ. Съ этого времени ему стоило огромнаго труда сохранить милость императора. Враги его, которыхъ у него было много и въ числѣ которыхъ были люди съ большимъ вѣсомъ, не могли свергнуть его, пока императоръ былъ убѣжденъ въ его полезности. Этотъ монархъ продолжалъ еще долго относиться къ нему съ неизмѣннымъ довѣріемъ. Шафировъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали въ 1718 году смертный приговоръ царевичу. Петръ поручалъ ему самыя важныя, сложныя и обширныя дѣла. Такъ, напримѣръ, онъ назначилъ его генералъ-почтмейстеромъ Россійской имперіи—мѣсто, требовавшее большой и тяжелой работы, такъ какъ нужно было еще создавать почтовыя учрежденія въ главныхъ провинціяхъ Россіи.

Немногіе русскіе сановники оказали имперіи и лично государю столь великія услуги, какъ Шафировъ. Петръ лишь короткое время былъ еще убѣжденъ въ этомъ. Когда Петръ I долженъ бы былъ оказать наибольшее довѣріе барону Шафирову и защитить его отъ нападокъ враговъ, онъ забылъ ту благодарность, которою онъ былъ обязанъ этому великому государственному мужу. Главною причиною опалы Шафирова были частыя ссоры его съ Меншиковымъ. Они съ самаго начала были отъявленными врагами и часто жестоко попрекали другъ друга въ присутствіи многихъ

лицъ. При этихъ перебранкахъ Шафировъ былъ всегда болѣе ядовитъ, чѣмъ Меншиковъ. Вице-канцлеръ сказалъ однажды князю, что еслибъ зависть Меншикова была лихорадкой, которую онъ могъ бы передавать другимъ, ни одинъ богатый русскій не остался бы въ живыхъ. Такія сцены происходили почти ежедневно и въ высшей степени возбудили мстительность Меншикова. Скоро встрѣтился поводъ отомстить.

Во время похода Петра I въ Персію, въ 1722 году, между Шафировымъ и Меншиковымъ возникли пререкательства изъ-за правительственныхъ дѣлъ. Зная убѣжденія барона Шафирова, можно догадываться, что въ этомъ спорѣ право было скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Меншикова. Но Меншиковъ своими умными и злыми наговорами, которые императрица должна была поддерживать всѣмъ своимъ значеніемъ, съумѣлъ совершенно возбудить императора, по возвращеніи его въ 1723 г., противъ Шафирова. Впечатлѣніе наговоровъ было такъ сильно, что Петръ совершенно забылся. Рѣдко видѣли его такимъ взбѣшеннымъ, какъ при этомъ случаѣ. Несправедливые оговоры Екатерины и Меншикова такъ сбили съ толку императора, что онъ считалъ барона Шафирова вполнѣ виноватымъ. Онъ приказалъ арестовать этого великаго государственнаго мужа и взять у него орденъ и шпагу. Потомъ Шафировъ былъ преданъ суду, и послѣ краткаго слѣдствія, которое Меншиковъ съумѣлъ направить, приговоренъ къ смертной казни. Шафировъ, судя по обвиненію, утаивалъ деньги, поддѣлывалъ рукописи и не радѣлъ о почтовомъ вѣдомствѣ. На дрянныхъ санкахъ привезли его на лобное мѣсто, чтобъ обезглавить. Лучшая голова въ государствѣ лежала уже на балкѣ, чтобы отдѣленіемъ отъ тѣла быть устраненною изъ ряда живыхъ, когда кабинетскій секретарь Макаровъ прокричалъ о помилованіи и объявилъ несчастному, что онъ долженъ отправиться въ ссылку. Шафировъ, который уже ожидалъ смертнаго удара, не порадовался этому помилованію и охотно предпочелъ бы смерть печальной жизни въ ссылкѣ.

Когда это несчастье постигло Шафирова, онъ былъ баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, имперскій вице-канцлеръ, генералъ-почтмейстеръ и кавалеръ ордена св. Андрея.

Онъ пользовался славою человѣка проницательнаго ума и обладавшаго большими познаніями по государственному хозяйству. Онъ былъ превосходный вице-канцлеръ и хотя не рѣдко изливалъ первые приступы своего гнѣва на своихъ подчиненныхъ и даже на лицъ себѣ равныхъ, но вслѣдъ за тѣмъ способенъ былъ выслушать основательныя представленія. Онъ никогда не нарушалъ даннаго слова и говорилъ всегда правду, почему и представители иностранныхъ державъ вели съ нимъ переговоры охотнѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

По смерти Петра I Меншиковъ не могъ воспрепятствовать Екатеринѣ I, по усиленной просьбѣ герцога Карла Фридриха голштинскаго, вновь призвать Шафирова изъ ссылки ко двору. Она возвратила ему баронское достоинство и подарила золотую шпагу Петра I, послѣ того, какъ въ складѣ конфискованныхъ вещей не могли отыскать отобранной у него шпаги. Императрица предложила ему опять великолѣпный домъ на Петербургскомъ островѣ, постройка котораго начата была во время его отсутствія въ 1712 г., но онъ отклонилъ это предложеніе, потому, какъ онъ говорилъ, что его стѣсненныя матеріальныя средства не позволяютъ ему жить въ такомъ роскошномъ дворцѣ. Впослѣдствіи, однако, онъ принялъ этотъ домъ и жилъ въ немъ. Значеніе Меншикова было, однако, на столько еще велико, что Екатерина не рѣшилась возвратить

барону Шафирову тѣ важныя мѣста, которыя онъ занималъ. Она учредила въ то время верховный тайный совѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, былъ бы на своемъ мѣстѣ, но онъ не былъ назначенъ членомъ его. Она назначила его президентомъ коммерцъ-коллегіи. Вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ поѣхать въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, именно для устройства на лучшихъ основаніяхъ китовой торговли,—порученіе, бывшее значительно ниже дарованій этого великаго человѣка. Изъ другихъ почетныхъ должностей, которыя онъ прежде занималъ, ни одна не была ему возвращена, равно какъ не былъ ему возвращенъ и орденъ, по крайней мѣрѣ, онъ не значится въ числѣ кавалеровъ въ спискѣ придворнаго штата при Петрѣ II.

Годъ смерти барона Шафирова намъ неизвѣстенъ; но, кажется, онъ умеръ въ царствованіе императрицы Анны.

3. Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ I.

Польза возможно большаго просвѣщенія человѣка несомнѣнна и рѣшительна. Образованіе научаетъ наиболѣе удовлетворительному, для современнаго поколѣнія наиболѣе полезному и, вообще говоря, наиболѣе совершенному примѣненію человѣческихъ способностей: оно даетъ болѣе свѣтлое и болѣе высокое понятіе объ истинной религіи, которая не связывается ни съ какимъ толкомъ христіанства, магометанства, юдаизма и всѣхъ другихъ вѣрованій, признающихъ единаго Бога, какъ бы эти вѣрованія ни именовались; оно облагораживаетъ плоды учености; оно вселяетъ гордость въ исполненіе того высокаго назначенія, къ которому человѣкъ призванъ; оно поощряетъ исполнять всякое дѣло возможно достойнымъ образомъ; оно является наиболѣе совершеннымъ утѣшителемъ въ незаслуженныхъ страданіяхъ; оно облегчаетъ переходъ отъ жизни къ смерти. Значеніе высшаго образованія еще гораздо разнообразнѣе, но не всѣ образованные люди приносятъ ту пользу, которое оно вселяетъ.

Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ былъ второй сынъ лютеранскаго пастора въ Боккумѣ, городѣ въ вестфальскомъ графствѣ Маркъ. Онъ штудировалъ въ Іенѣ и по рекомендаціи своего старшаго брата, бывшаго уже въ Россіи, поступилъ въ 1704 году въ службу къ русскому вице-адмиралу Крейсу, который, вслѣдствіе его ловкости и очень быстраго усвоенія русской рѣчи, представилъ его при удобномъ случаѣ Петру, какъ человѣка весьма полезнаго.

Съ этого момента онъ оказывалъ русскому двору чрезвычайно полезныя услуги какъ въ политическихъ, такъ и въ домашнихъ дѣлахъ. Онѣ такъ важны и такъ разнообразны, что ихъ нельзя коснуться только слегка. Исторія исполненія возлагавшихся на него обязанностей такъ тѣсно входитъ въ лѣтописи русскихъ государей до конца 1741 года, что невозможно отдѣлить одну отъ другихъ. Всѣ государи Россіи, которымъ онъ служилъ, вполнѣ довѣряли ему и не упускали случая награждать его.

Подробно описывать жизнь этого великаго человѣка было бы слишкомъ пространно: мы разскажемъ лишь нѣсколько мало кому извѣстныхъ фактовъ о его службѣ и о послѣднихъ годахъ пребыванія его въ Петербургѣ.

Извѣстно, что Остерманъ, вмѣстѣ съ Екатериною I и Шафировымъ спасъ императора изъ очень опаснаго положенія при Прутѣ. Объ этомъ

слѣдуетъ упомянуть потому, что съ этого времени Петръ сталъ оказывать ему неограниченное довѣріе. Въ 1721 году государь послалъ графа Брюса и барона Остермана въ Ништадтъ для заключенія мира со Швеціею. Остерманъ взялъ съ собою вексель на большую сумму отъ купца Мейера, но не взялъ дукатовъ, потому что, какъ онъ говорилъ, тяжелыя денежныя шкатулки производятъ большой шумъ. Въ Ништадтѣ должны были съѣзжаться всякій разъ всѣ комиссары вмѣстѣ, такъ какъ ничто не могло рѣшаться помимо этого собранія. Остерманъ всегда являлся на-веселѣ. Шведы уже полагали, что они выиграли по всѣмъ пунктамъ. Но Остерманъ проводилъ все свободное отъ собраній время у Цедеркрейца, самаго важнаго изъ шведскихъ комиссаровъ, сговорился съ нимъ обо всемъ, далъ ему 100,000 рублей и возвратилъ всѣ земли въ Лифляндіи, принадлежащія его фамиліи, взамѣнъ чего получилъ въ пользу императора герцогства Лифляндію и Эстляндію, которыя должны были впослѣдствіи быть куплены, для вида, за извѣстную сумму у шведскаго двора, чтобъ этою покупкою заставить молчать польскую корону, имѣвшую притязанія на эти земли. Въ моментъ, когда все уже было подписано, изъ Петербурга явился, въ качествѣ курьера, Ягужинскій съ приказаніемъ Брюсу и Остерману, что они должны согласиться па все безъ исключенія, чего будутъ требовать шведы, лишь бы заключить миръ, такъ какъ, по вполнѣ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, англійскій флотъ, подъ командой адмирала Нориса, уже распустилъ паруса и шелъ въ Балтійское море. По счастію, Ягужинскій прибылъ слишкомъ поздно. Остерманъ получилъ уже все, что желалъ, и привезъ обратно вексель на большую сумму, который ему не понадобился и который онъ вручилъ императору. Послѣ этого вполнѣ было естественно, что Петръ I весьма цѣнилъ его. Этотъ монархъ часто говаривалъ, что Остерманъ, имъ самимъ обученный, никогда не сдѣлалъ ни одной оплошности при исполненіи своихъ обязанностей. Его проекты на русскомъ языкѣ, которые онъ же потомъ переводилъ для иностранныхъ дворовъ на нѣмецкій, французскій или латинскій языкъ, всегда оставлялись безъ измѣненія. Даже на смертномъ одрѣ императоръ, при которомъ безотлучно находился Остерманъ, всегда повторялъ это, и извѣстно, что въ послѣдніе годы Петръ I довѣрялъ почти исключительно только Остерману. Этотъ государь пожаловалъ его въ тайные совѣтники и возвелъ въ дворянское достоинство.

Въ царствованіе императрицы Екатенины I Остерманъ былъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умирая, государыня назначила его оберъ-гофмейстеромъ при дворѣ своего преемника Петра II и членомъ верховнаго тайнаго совѣта, которому ввѣрялось управленіе имперіею во время малолѣтства этого государя.

Остерманъ заботился о возможно лучшемъ воспитаніи юнаго императора и написалъ для него извѣстное прекрасное „Начертаніе ученія“. Остерманъ получилъ отъ своего государя и воспитанника, умершаго почти ребенкомъ, титулъ россійскаго графа.

Императрица Анна, среди окружающихъ которую Остерманъ былъ самый остроумный и самый образованный человѣкъ, назначила его кабинетъ-министромъ. Въ тѣхъ вѣдомствахъ управленія, которыя были предоставлены исключительно ему, онъ правилъ твердою рукою. Благодаря его свѣтлому уму, государственной мудрости и знанію людей, императрица призывала его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе не хотѣла выслушивать его совѣта, и постановляла рѣшенія согласно съ его мнѣніемъ. Этотъ дальновидный человѣкъ старался мало-по-малу удаляться отъ двора

и ограничиться кругомъ своихъ обязанностей, которыя онъ все старался уменьшить. Онъ замѣчалъ путаницу и духъ партій при дворѣ и въ императорской фамиліи; онъ пророческимъ взглядомъ предвидѣлъ, что изъ этого произойдутъ катастрофы, исходъ которыхъ нельзя было и разсчитать. Вотъ почему онъ полагалъ, что его мудрости удастся уклониться отъ дѣйствія взрыва. Извиняясь болѣзненнымъ состояніемъ, онъ не являлся болѣе ко двору. Отчасти это былъ только предлогъ, такъ какъ, говорятъ, Остерманъ натиралъ лицо лимономъ, чтобы имѣть видъ больного; отчасти же онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ страдалъ уже тогда перемежающеюся болью въ ногахъ, которая вскорѣ совсѣмъ лишила его ногъ. Но все это не могло защитить его въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждались въ его совѣтѣ. Съ большою заботливостью, осторожностью и со всѣми удобствами его переносили въ такихъ случаяхъ въ комнаты императрицы.

По смерти императрицы Анны онъ уже вовсе не выходилъ изъ дому, но всегда оставался главнымъ органомъ въ русскомъ государствѣ. Вслѣдъ за кончиною государыни, онъ хотѣлъ выйти въ отставку, но герцогъ курляндскій, бывшій тогда регентомъ, такъ настоятельно просилъ его, что онъ остался.

Регентша Анна, мать императора, только желая дать графу Остерману болѣе высокій рангъ, чѣмъ фельдмаршалъ, назначила его генералъ-адмираломъ,—мѣсто, для котораго онъ, собственно, не былъ приготовленъ, такъ какъ не разумѣлъ подробностей дѣла. Но, какъ человѣкъ большихъ способностей, онъ, конечно, послѣ нѣкотораго ознакомленія, имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ вѣрный взглядъ главнаго начальника. Въ царствованіе этой государыни, австрійская партія при русскомъ дворѣ начала упрекать Остермана за его склонность къ Пруссіи. Упрекъ былъ довольно основательный, и надо думать, что если такой мудрый сановникъ, какимъ былъ Остерманъ, старался склонить свой дворъ на сторону Пруссіи, то, конечно, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ системы и политики юнаго и предпріимчиваго прусскаго монарха Фридриха II. Между тѣмъ Остерманъ создалъ себѣ этимъ страшныхъ враговъ при русскомъ дворѣ, къ которымъ принадлежалъ особенно генералиссимусъ принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, супругъ регентши и отецъ императора, всегда расположенный къ Австріи. Но все это не имѣло никакихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что графъ Остерманъ дошелъ вскорѣ до того, что присоединился къ тѣмъ, которые имѣли намѣреніе, въ видахъ укрѣпленія правительства, возвести на престолъ великую княгиню и регентшу Анну, а бывшаго до того времени императоромъ младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ объявить наслѣдникомъ престола,—проектъ, исполненіее котораго было предупреждено революціей, совершенной Елизаветою.

Во время опекунскаго управленія принцессы Анны, Остерманъ былъ опасно боленъ. Въ мартѣ 1741 года докторъ Кэмпфъ, очень искусный врачъ изъ Гамбурга, увѣрялъ, что, вслѣдствіе очень сильнаго истеченія крови, положеніе больного настолько тяжело, что можно опасаться внезапной смерти, хотя помощь или, скорѣе, отсрочка и не невозможна. Къ своему несчастію, Остерманъ долго жилъ еще.

Въ концѣ года послѣдовала революція, произведенная Елизаветой. Только такая слабая женщина, какъ Елизавета, могла не признать заслугъ великаго человѣка, котораго ея предки умѣли лучше цѣнить. Она дозволила своимъ министрамъ и придворнымъ убѣдить себя, что графъ

Остерманъ, какъ величайшій преступникъ изъ тѣхъ людей, которые были жертвою придворной интриги, долженъ быть приговоренъ къ смерти.

По этому поводу мы хотимъ разсказать возможно короче исторію суда надъ тѣми несчастными, которые погибли вмѣстѣ съ Остерманомъ.

Еще въ ту ночь, когда новая императрица вышла изъ Зимняго дворца, гдѣ она приказала арестовать представителей династіи, по городу были разосланы войска для арестованія многихъ лицъ въ ихъ домахъ. Это были: графъ Остерманъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, великій канцлеръ графъ Головкинъ, обергофмаршалъ графъ Лёвенвольде, президентъ и тайный совѣтникъ баронъ Менгденъ, статскій совѣтникъ Демирезовъ (Демидовъ?) и секретарь Позняковъ. Всѣ арестованные были приведены въ государственную тюрьму, въ крѣпость, кромѣ Лёвенвольде, котораго сперва оставили подъ домашнимъ арестомъ, но потомъ перевели туда же. Впрочемъ, всѣхъ ихъ содержали довольно сносно.

Остерману было предложено до восьмидесяти вопросовъ. Этотъ великій человѣкъ представилъ подробную исторію своего управленія, ни о чемъ не умолчавъ. Онъ говорилъ, что пока онъ преданъ правительству по клятвѣ и по долгу, то обязанъ повиноваться ему. Изъ множества неосновательныхъ и безсмысленныхъ преступленій, въ которыхъ его обвиняли, слѣдующія были главными: что по смерти Петра II на престолъ была возведена герцогиня Анна курляндская, вмѣсто принцессы Елизаветы; что онъ привелъ флотъ въ упадокъ, для того, чтобы Россія была принуждена искать дружбы морскихъ державъ; что осужденіе князей Долгорукихъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны, было подготовлено имъ; что онъ совѣтовалъ заключить принцессу Елизавету въ монастырь, и что ему принадлежитъ проектъ устраненія юнаго принца Петра Голштинскаго. Изъ всѣхъ арестованныхъ Остерманъ былъ болѣе всѣхъ обвиняемъ. Какъ мы знаемъ, онъ всегда былъ хворый; теперь, въ темницѣ, онъ былъ такъ боленъ, что его исповѣдали и причастили, полагая, что онъ скоро умретъ. Послѣ этой болѣзни, въ немъ стали примѣчать несвойственныя ему боязливость и малодушіе. Онъ просилъ къ себѣ тайнаго совѣтника Лестока, который былъ у него нѣсколько разъ, но по своему положенію не могъ ничѣмъ ему помочь. Когда Остерманъ, въ январѣ 1742 г., увидѣлъ въ числѣ комиссаровъ князя Голицына, онъ просилъ у него прощенія за преслѣдованіе фамиліи Голициныхъ, въ чемъ онъ, конечно, былъ виноватъ.

Имущество Остермана, при его арестѣ, было весьма незначительно, въ сравненіи съ тѣмъ, что накопили другіе. Онъ имѣлъ незначительныя помѣстья и домъ. Сверхъ того, у него нашли 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ, которые хранились въ банкахъ въ Лондонѣ и въ Амстердамѣ. Наличными деньгами и драгоцѣнностями онъ имѣлъ только 230 рублей и четыре или пять усыпанныхъ брилліантами портретовъ государей.

Все было не болѣе, какъ придворная интрига. Этимъ хотѣли только удалить людей, которые превосходствомъ своихъ способностей, опытностью и познаніями были неудобны новымъ совѣтникамъ и придворнымъ. Ихъ сдѣлали государственными преступниками, чтобы имѣть возможность чувствительнѣе, ужаснѣе и вѣрнѣе наказать. Но названіе ихъ государственными преступниками было въ данномъ случаѣ неприложимо. Отчасти эти обвиненія были вымышлены и могли быть подтверждены самое большее лишь какимъ-либо случайнымъ, быть можетъ, легкомысленнымъ, словомъ, отчасти же Елизавета была тогда частнымъ лицомъ, какъ всякій под-

данный россійской имперіи, и противъ нея нельзя было совершить государственное преступленіе. 28 января 1742 года императрица переѣхала въ Царскую мызу, нынѣ Царское Село. Какъ только она выѣхала изъ Петербурга, по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ было объявлено—собираться поутру въ 10 часовъ на Васильевскій островъ, чтобы смотрѣть на казнь враговъ императрицы.

Тамъ, какъ разъ передъ военною коллегіею, былъ устроенъ простой эшафотъ, въ шесть ступеней, на которомъ стояла плаха. Астраханскій полкъ образовалъ карре, въ которомъ, кромѣ лицъ, необходимыхъ для исполненія казни, находился еще хирургъ, но не было священника. Государственные узники были приведены изъ крѣпости еще раннимъ утромъ. Ровно въ 10 часовъ они были введены въ кругъ; ихъ сопровождали гренадеры съ примкнутыми штыками.

Графъ Остерманъ былъ въ своемъ обычномъ утреннемъ платьѣ, именно—въ своемъ рыжеватомъ лисьемъ мѣху. На немъ былъ маленькій парикъ и дорожная черная бархатная шапка. Такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то его привезли въ простыхъ извощичьихъ саняхъ въ одну лошадь.

Когда государственные узники собрались въ кругу, четыре солдата отнесли Остермана, котораго всегда считали главнымъ преступникомъ, на эшафотъ и посадили на желѣзное сѣдалище. Онъ обнажилъ голову. Сенатскій секретарь прочелъ приговоръ. Обвиненные узнали приговоръ только на лобномъ мѣстѣ. Остерманъ былъ приговоренъ къ обезглавленію и колесованію. Онъ хладнокровно выслушалъ приговоръ, казалось, былъ удивленъ и возвелъ глаза къ небу. Вслѣдъ за тѣмъ солдаты положили его лицомъ на землю. Палачъ растянулъ его шею на плахѣ, придерживая голову за волосы и взялъ сѣкиру въ руки. Остерманъ протянулъ обѣ руки впередъ: солдатъ закричалъ ему убрать руки; онъ подобралъ ихъ и вытянулъ по тѣлу. Когда уже всѣ ждали смертельнаго удара, сенатскій секретарь закричалъ графу: „Богъ и императрица даруютъ тебѣ жизнь!“ Остермана подняли; онъ весь дрожалъ. Его опять посадили въ сани, и онъ долженъ былъ тутъ же ожидать, пока и другіе узнаютъ свой приговоръ.

Никого уже болѣе не возводили на эшафотъ. Всѣ были приговорены къ лишенію жизни, но Елизавета всѣмъ даровала ее, отсылая ихъ въ ссылку и, такимъ образомъ, дѣлая болѣе продолжительными муки несчастныхъ.

Въ тотъ же день всѣ были отправлены изъ Петербурга къ мѣстамъ своей ссылки: графъ Остерманъ—въ Березовъ, гдѣ умеръ князь Меншиковъ, графъ Минихъ—въ Пелымъ. Тамъ онъ попалъ въ тотъ самый домъ, который онъ по собственному чертежу приказалъ построить для герцога курляндскаго. Графъ Головкинъ—въ мѣсто ссылки генерала Карла Бирона, который только что возвратился тогда. Названіе мѣста намъ неизвѣстно. Графъ Лёвенвольде—въ Ярославль, куда прибылъ въ то время изъ Пелыма герцогъ курляндскій. Такъ какъ Ярославль есть небольшое ссылочное мѣстечко, то вѣроятно оба эти мужа встрѣчались тамъ. Баронъ Менгденъ былъ сосланъ туда, гдѣ находился Густавъ Биронъ, тоже возвращенный.

Самая трогательная сцена произошла при отъѣздѣ государственныхъ узниковъ изъ Петербурга—свиданіе съ родственниками, со многими послѣднее прощаніе.

Графъ Остерманъ впервые увидѣлъ свою семью въ Ямской. Графиня

увидала теперь своего мужа, съ которымъ не разставалась уже болѣе. Дочь и сыновья не сопутствовали отцу. Болѣе часа длилось его увѣщанія дѣтямъ. Всѣ присутствовавшіе при этомъ, даже офицеры и солдаты, плакали. Наконецъ, онъ просилъ своихъ сыновей оказать ему послѣднюю въ этой жизни услугу—отнести его въ дорожныя сани.

Въ Березовѣ Остерманъ жилъ еще пять лѣтъ, слабый, тяжко больной, и умеръ 24 мая 1747 года, въ полномъ душевномъ спокойствіи.

Извѣстны уже важныя должности, которыя занималъ этотъ знаменитый человѣкъ, когда, съ началомъ царствованія Елизаветы, на него обрушились несчастія. Мы должны еще только прибавить, что онъ былъ генералъ-почтъ-директоромъ и кавалеръ обоихъ русскихъ и нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ.

Наконецъ, два слова о качествахъ графа Остермана, одного изъ выдающихся государственныхъ мужей Европы, и при этомъ—о сужденіяхъ знаменитаго современнаго писателя Манштейна, которыя онъ высказалъ о немъ. Остерманъ имѣлъ обширный, вполнѣ просвѣщенный умъ, обладалъ никогда не обманывавшимъ его сужденіемъ, знаніемъ людей, и проявлялъ крайнюю деликатность во всѣхъ своихъ, сколько-нибудь значительныхъ, рѣчахъ и поступкахъ. У него во всемъ, что онъ ни дѣлалъ (а онъ не занимался обыкновенными дѣлами), была цѣль, которую не могли задержать никакія препятствія. Онъ былъ безупреченъ въ своихъ дѣлахъ, трудолюбивъ, исполнителенъ, неподкупенъ и, насколько только можно, точенъ въ управленіи ввѣренными ему дѣлами и значительными суммами. Онъ обладалъ основательными познаніями въ различныхъ отрасляхъ наукъ и особою, рѣдко встрѣчающеюся, способностью къ изученію языковъ. Всѣмъ людямъ достойнымъ, особенно-же ученымъ, онъ оказывалъ полнѣйшее покровительство. Высокое достоинство его, какъ статсъ-министра, заключалось въ удивительномъ знакомствѣ съ европейскими дворами, въ знаніи дѣйствительной или мнимой силы или слабости правительствъ и земель и ихъ отношеній другъ къ другу и въ точной оцѣнкѣ тогдашнихъ коронованныхъ или дѣйствительныхъ властителей Европы. Но графъ Остерманъ былъ также крайне недовѣрчивъ и не могъ терпѣть ни выше, ни около себя человѣка, котораго онъ не превосходилъ бы умомъ. По счастью, съ нимъ рѣдко кто могъ спорить въ дарованіяхъ. Онъ настолько владѣлъ своими страстями, что его искусство скрывать ихъ почти можно было назвать фальшивостью. Чтобъ произвести возможно большее впечатлѣніе своею рѣчью и тѣмъ достигнуть цѣли, ему ничего не стоило пролить слезы. Когда, въ критическихъ обстоятельствахъ, требовались мнѣнія министровъ, онъ сказывался больнымъ, чтобы отклониться отъ отвѣтственности. Съ послами иностранныхъ дворовъ онъ говорилъ такъ загадочно, что, уходя отъ него, они рѣдко знали болѣе того, чѣмъ при входѣ къ нему. Опасаясь выдать себя, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Въ своемъ образѣ жизни онъ былъ крайне нечистоплотенъ.

4. Павелъ Ягужинскій.

Человѣкъ, никогда не отрекающійся отъ своего мнѣнія, вѣчно говорящій правду, презирающій всякія сдѣлки съ совѣстью, высказывающій смѣло своимъ согражданамъ, своему начальству, даже своему государю только тотъ взглядъ, который кажется ему, по его убѣжденію, вѣрнѣй-

шимъ, такой человѣкъ заслуживаетъ, конечно, общаго уваженія. Небольшія пятна, отнимающія у картины высшую степень совершенства, исчезаютъ предъ великими ея достоинствами или же дѣлаютъ ихъ еще болѣе выдающимися.

Павелъ Ягужинскій родился въ Москвѣ въ 1683 году. Его отецъ кистеръ лютеранско-нѣмецкой общины въ Москвѣ, былъ родомъ литвинъ.

На восемнадцатомъ году Павлу посчастливилось: его узналъ Петръ I, а нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ пріобрѣли ему милость императора. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ греческую религію. Мы не можемъ указать причинъ, побудившихъ его къ такому шагу. Петръ I далъ ему первоначально мѣсто въ имперской канцеляріи, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и работалъ очень старательно. Петръ, казалось, совсѣмъ уже забылъ о немъ, когда Меньшиковъ вновь рекомендовалъ его и Петръ вспомнилъ о немъ какъ о человѣкѣ весьма пригодномъ, и назначилъ его въ гвардію, гдѣ, онъ имѣлъ случай быть узнаннымъ ближе государемъ. Изъ офицеровъ гвардіи былъ онъ сдѣланъ денщикомъ Петра I и сталъ самымъ довѣреннымъ любимцемъ. Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали въ 1718 году смертный приговоръ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу. Онъ былъ тогда генералъ-майоромъ и начальникомъ гвардіи. Четыре года спустя, Петръ возвелъ его въ генералъ-лейтенанты и, наконецъ, назначилъ генералъ-прокуроромъ въ сенатъ.

По смерти Петра, онъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, помогъ Екатеринѣ вступить на престолъ. Хотя эта государыня и возвела Ягужинскаго въ графское достоинство, но, вслѣдствіе распри съ княземъ Меншиковымъ, которому онъ, вопреки убѣжденію, никакъ не хотѣлъ уступить, Ягужинскій въ царствованіе этой же императрицы потерялъ мѣсто генералъ-прокурора. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда пользовался большимъ почетомъ въ русскомъ государствѣ. Дворъ боялся его; армія же выказывала ему общую любовь и уваженіе.

Въ царствованіе Петра II онъ продолжалъ только военную службу, но съ необыкновеннымъ усердіемъ. По смерти этого государя, онъ состоялъ членомъ высокаго собранія, рѣшившаго вопросъ о престолонаслѣдіи.

При восшествіи на престолъ императрицы Анны, это же собраніе арестовало Ягужинскаго за то, что онъ совѣтовалъ новой государынѣ разорвать представленную ей капитуляцію (кондиціи) и, по примѣру ея предковъ, царствовать по собственной волѣ, безъ ограниченія. Быть можетъ, давая такой совѣтъ, Ягужинскій имѣлъ въ виду самого себя: но его намѣреніе не удалось. Ягужинскій могъ бы тогда-же погибнуть, еслибъ императрица изъ благодарности тотчасъ же не освободила его. Это былъ первый актъ, которымъ Анна обозначила свое самодержавіе. Ягужинскій сталъ опять генералъ-прокуроромъ, но поссорился, какъ генералъ-прокуроръ, съ Бирономъ, такъ что даже обнажилъ шпагу противъ любимца императрицы. Это былъ опять путь къ погибели; но Анна, всегда благодарная за добрую услугу, оказанную ей Ягужинскимъ, стараясь устранить послѣдствія этого спора, назначила его посломъ при Берлинскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ былъ вызванъ назадъ и назначенъ кабинетъ-министромъ.

Онъ умеръ въ 1736 году и былъ погребенъ со всѣми военными почестями въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ видна еще его надгробная надпись въ первой церкви, внизу на лѣвой рукѣ, при входѣ въ монастырь.

Графъ Ягужинскій былъ тогда генералъ-аншефъ, кабинетъ-министръ,

дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго.

Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, въ комъ Петръ I не ошибся, потому что онъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Взглядъ Ягужинскаго былъ очень вѣренъ, такъ что тѣ изъ его подчиненныхъ, которыхъ онъ избралъ, были, какъ извѣстно, люди дѣльные. Онъ обладалъ обширными военными познаніями и хорошо зналъ свою родину. Его присутствіе духа помогало ему въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ и часто даже въ тѣхъ, когда горячность ставила его въ довольно затруднительное положеніе. Онъ былъ очень смѣлъ и не смотрѣлъ на лица, когда ему приходилось высказывать свое мнѣніе, какъ честнаго человѣка. Ягужинскій былъ именно тотъ, который довольно часто говорилъ императору Петру I горькую истину, когда другіе не осмѣливались дѣлать возраженій противъ нелѣпыхъ иногда распоряженій этого монарха. При такихъ большихъ достоинствахъ, Ягужинскій былъ вспыльчивъ и горячъ, особенно когда бывалъ выпивши, что въ послѣдніе годы случалось почти ежедневно, — порокъ, который былъ необходимою составною частью нравовъ того вѣка и который, къ сожалѣнію, приводилъ этого великаго министра нерѣдко къ самому крайнему распутству.

LXXXVI. Слово на погребеніе

Всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго Петра Великаго, Імператора и Самодержца всероссійскаго, отца отечества, проповѣданное въ царствующемъ Санктпетербургѣ, въ церькви святыхъ первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла, марта 1 дня 1725 года.

(Изъ сборника: «Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича архіепископа»).

Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра великаго погребаемъ! не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? Ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію, и воздвигшій въ толикую силу и славу или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи Россійстіи сынове безсмертну быти желали; по лѣтамъ же и составу крѣпости, многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялись, противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалѣхъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жити нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть, видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окамененъ есть. Но что намъ умножати жалости, и сердоболія, которыя утолити, елико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже, если великіе его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей во-истинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ

сномъ забыти намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый да бы въ тебѣ моглъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явлшемся весь миръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и здѣлалъ по имени своему каменную, Адамантову; засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающые на насъ разрушалъ; купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, не слыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе карабельное, новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ неуступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленіе всея вселенныя, и отверзе тебѣ путь во всѣ концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ Океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его, яко крѣпкая забрала правды, и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясныя, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій Сингклитъ, и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя? не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбивыхъ, и ко обличенію свирѣпыхъ? Во-истинну оставилъ намъ сомнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобизаемъ, или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіи, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная, и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и не слыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, и о церкве Россійская! и Давидъ и Константинъ; его дѣло правительство Сѵнодальное, его попеченіе пишемая и глаголѣмая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго, коликія ревности на суевѣрія, и лестническіе притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія, изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ объимемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезити токмо и стенати понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтелехъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда до-

вольно, и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ Слышателіе, видимъ бѣдніи мы и нещастливіи, кто насъ оставилъ, и кого мы лишилися.

Не весьма же, Россіяне! изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ: оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть.

Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобонравнаго владѣтеля по смерти его, Тебѣ милостивѣйшая, и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая Героиня, и Монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель, есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе, и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ, и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго Монарха; но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣти тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣятися, что здѣланная отъ него утвердиши, недодѣланная совершиши, и все въ добромъ состояніи удержиши. Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣти нестерпимую сію болѣзнь твою: аще и усугубилася она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери, и аки жестокая рана новымъ уязвленіемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудись таковоже быти и въ прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана, сынове Россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себѣ, несумнѣннымъ познаніемъ Петрова духа въ монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отошелъ отъ насъ, Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ, и отецъ всякія утѣхи, Ея Величеству самодержавнѣйшей государынѣ нашей, и Ея дрожайшей крови дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе! видя кто и каковыи тебѣ оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе. Аминь.

LXXXVII. Изъ записокъ Ивана Ивановича Неплюева.

(*«Русскій Архивъ» за 1871 годъ*).

Родился я, Иванъ Неплюевъ, въ 1693 году, ноября 5-го числа, въ воскресенье поутру, по полуночи въ 7 часовъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ усадницѣ Наволокѣ.

По неудачномъ подъ Нарву приступѣ, отецъ мой Иванъ Никитичъ, бывъ при ономъ случаѣ на службѣ и возвратясь въ домъ, занемогъ, отъ которой болѣзни въ 1709, іюля 10-го, умеръ въ среду по утру, на 38-мъ году отъ рожденія своего, оставя по себѣ одного меня, сына 16-ти лѣтъ, и недвижимаго имѣнія 80 душъ.

Женился я по волѣ матери моей 1711 г., сентября 9-го дня въ воскресенье, на племянницѣ родной новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева, дѣвицѣ Ѳедосьѣ Татищевой, получа за нею въ приданое съ небольшимъ 20 душъ.

Въ 1712 году, августа мѣсяца 19-го дня, во вторникъ, родился мнѣ сынъ Адріанъ въ томъ-же Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поддубьѣ.

Въ 1713, ноября мѣсица, оставивъ жену мою, отшелъ я по обѣщанію въ монастырь, 1715, марта въ первыхъ числахъ, возвратился я въ домъ свой и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ взятъ въ службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меншикова, написанъ въ число назначенныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики.

Тогожъ года, іюня въ 29 день, присланнымъ въ Новгородъ указомъ повелѣно: выбравъ 84 человѣка изъ тѣхъ начавшихъ обучаться, отправить въ Нарвскую школу, въ которомъ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловъ, сынъ Кашинцовъ, а директорами надъ оной были: оберъ-комендантъ Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ, комендантъ Василій Григорьевичъ Титовъ.

Въ томъ-же году, мая 4-го дня, во вторникъ умерла, въ отсутствіе мое, мать моя Марѳа Петровна.

Того же года, октября 1-го дня, по присланному указу, перевели насъ всѣхъ въ школу въ Санктпетербургъ. Въ той школѣ было насъ обучающихся 300 человѣкъ. 1716-го по указу царскаго величества, велѣно выбрать изъ той школы 20 человѣкъ и отослать въ Ревель ко флоту, въ числѣ коихъ былъ и я, Неплюевъ. На дорогу каждому изъ насъ дано по 30 рублей.

По прибытіи нашемъ въ Ревель, марта 31-го дня, опредѣлены мы адмираломъ во флотъ гардемаринами, при чемъ выданы намъ изъ казны парусинные бостроки, а жалованья опредѣлено на мѣсяцъ по 2 рубли по 40 копѣекъ; порція же производилась намъ: сухарей—по 2 пуда по 10 фунтовъ каждому, гороху — по 15 фунтовъ, крупъ—по 15 фунтовъ, соли—2 фунта съ четвертью; муки ржаной на квасъ—одинъ четверикъ, вина—25 чарокъ, уксусу — полторы кружки, рыбы вялой — по 6 фунтовъ, ветчины—по 19 фунтовъ.

Апрѣля перваго дня опредѣленъ я на корабль *Архангела Михаила*, на коемъ капитанъ былъ англичанинъ Рю. Тотъ корабль *Архангела Михаила* былъ о 52-хъ пушкахъ, въ водѣ ходу $16^1/_2$ футъ; матросовъ на немъ было 900, солдатъ 200 человѣкъ. Апрѣля 17-го дня выплыли мы изъ гавани. Въ маѣ 19-го числа выступили въ походъ подъ командою

капитана-командора Сиверса къ Копенгагену. 29-го числа того же мѣсяца отъ острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведскій флотъ лежалъ у острова Ругена. Іюня 30-го дня присланъ отъ его царскаго величества капитанъ Румянцевъ съ указомъ, дабы флоту немедленно плыть въ Копенгагенъ, почему оный отъ Ревеля опять въ путь отбылъ. Іюля 18-го дня остановились мы въ виду Копенгагена и бросили якорь и того же числа соизволилъ пріѣхать его царское величество къ намъ на флотъ и былъ нѣкоторое время у командора на кораблѣ *Екатерины*.

(Далѣе Неплюевымъ описывается пребываніе русскихъ въ Копенгагенѣ, Гамбургѣ, Амстердамѣ, Корфу, Венеціи, путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Кадиксѣ и возвращеніе въ Россію).

Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа (мая 1720 г.). Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

На завтрѣ, собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво разспрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За таковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами.

На завтрѣ пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, „что онъ объ насъ доложитъ, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣбъ шли по домамъ“. 26-го числа была ассамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ. И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались, изъ коихъ генералъ-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ:—„Я васъ теперь государю представлю“. А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ то же, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ, милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ждали; потому мы и не имѣли счастія путь его видѣть. Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ—въ поясъ. Онъ, будучи

или немощенъ или невеселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ-ли мы отъ командировъ тамошнихъ атестаты, и всѣ-ль на галерахъ, или иные на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее:—„Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами". Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству.—Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и идутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли". Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать:—„Я ихъ награжу; пусть только одну кампанію прослужатъ!"—„Но легко-ль, государь, гардемаринами служить,—сказалъ Григорій Петровичъ,—такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?" Государь спросилъ его:—„Ктожъ бы такіе были, ктобъ такъ достоинъ?" Онъ, ни мало ни мѣшкалъ:—„Кайсаровъ и Неплюевъ". Сіи слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня заметало, что я уже послѣ примѣтилъ что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ и самъ быть желаетъ, а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, ктобъ ему за меня слово замолвилъ. Все сіе значитъ великодушное его сердце и человѣколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ, какъ съ ровными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значитъ его великомудріе и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ безпомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы къ нему съ чернилами, да благословитъ его и весь домъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами. Въ ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ пріуготовленіи себя къ оному.

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дождались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ:—„Здорово, ребята!" Потомъ, чрезъ нѣкоторое время, впустили насъ въ ассамблею, и генералъ-адмиралъ приказалъ флагману Зміевичу напредь распрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь, то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ:—„Всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?" На что я отвѣтствовалъ:—„Всемилостивѣйшій государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу хвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты". При

сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при этомъ изволилъ молвить:—„Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотябъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству". Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и поцѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ:—„Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй: буде что знаешь—сказывай, а чего не знаешь—такъ и скажи". И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу;—„Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ". И по окончаніи всѣхъ разспросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого—Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно. И всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича и Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что. Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ". Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу, былъ бы исправенъ: „То-де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь".

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ—послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ Головкинъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда.—„Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?" Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ:—„Вотъ онъ за тобою стоитъ".—„Да ихъ стоитъ за мною много", сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ:—„Твой хваленый, что у галернаго строенія". Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать:—„это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть". Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему, государю, въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ:—„Не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешъ, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому пе дать мѣста вредъ дѣлать: служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить". Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить:—„Когожъ я возьму на его мѣсто?" И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою

руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова. 25 генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать въ оную для посылки резидентомъ ко двору султана турскаго въ Константинополь.

26 генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по 3000 рублей; на подъемъ пожаловалъ государь 1000 рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной-же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово:—„Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!“ Потомъ былъ я для прощанья у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ. Былъ я также и у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: „Дуракъ!“ Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то же слово: „Дуракъ!“ На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ:—„Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья? Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня:—„Потому-то ты и дуракъ! Да, добро помиримся и простимся съ тобой! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, чтобъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно: я и деньгами ссужать буду“. Я доложилъ на сіе его сіятельству, что жену я намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. „Ну, такъ вели ей ко мнѣ писать,—сказалъ на то генералъ-адмиралъ,—я всякую ей помощь сдѣлаю“. Простясь я съ нимъ, для тогожъ пошелъ къ Григорію Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію: „А прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я-де за тебя уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать“. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученіе, о чемъ я прежде по-истинѣ и не думалъ.

(Далѣе Неплюевъ въ „Запискахъ“ своихъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Константинополѣ и объ отношеніяхъ къ Чернышеву и Остерману. Въ 1734 году онъ серьезно заболѣлъ, а въ слѣдующемъ вернулся въ Петербургъ и пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, съ тѣмъ, чтобъ присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Разсказывается и

о всей его дальнѣйшей службѣ при правителяхъ, слѣдовавшихъ послѣ Петра Великаго. Нельзя не отмѣтить слѣдующаго мѣста въ „Запискахъ", въ которомъ сказывается настолько же глубокій и вѣрный взглядъ Неплюева на значеніе царствованія Петра Великаго, насколько и теплое сердце, умѣющее быть признательнымъ и не очерствѣвшее среди улыбнувшихся человѣку успѣховъ):

„1725 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ ему ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ. Да иначе-бы мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что-бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будемъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердный; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными".

LXXXVIII. Абсолютизмъ и раціонализмъ государства Петра Великаго, какъ обще-европейскія явленія XVII—XVIII вв.

(Изъ «Областной реформы Петра Великаго» М. Богословскаго. М. 1902 г.).

Въ абсолютизмѣ и раціонализмѣ петровскаго государства не было ничего исключительнаго—это были общеевропейскія явленія XVII вѣка. То было время Людовика XIV, Стюартовъ, бранденбургскихъ курфюрстовъ—неограниченныхъ хозяевъ и устроителей своей земли, Карла XI въ Швеціи. „Духъ семнадцатаго вѣка,—говоритъ Блунчли,—былъ рѣшительно благопріятенъ образованію абсолютной власти существующаго правительства". Вѣра въ непосредственное божественное право власти вопреки сомнѣнію, возбужденному естественно-правовымъ ученіемъ, находила при дворахъ государей, въ проповѣдяхъ духовенства и въ публичныхъ школахъ многочисленныхъ и усердныхъ представителей, понималась еще болѣе односторонне и болѣе преувеличенно, чѣмъ прежде, и защищалась съ большею страстностью. Эта вѣра съ мистическою силой овладѣвала душами. Когда она соединилась съ ученіемъ римскихъ юристовъ, которое вызвало вновь римскую государственную идею съ ея абсолютизмомъ человѣческой воли, верховная власть получила религіозное освященіе и неизвѣстныя въ прежніе вѣка силу и распространеніе... Почти всѣ государи континента подражали великому королю Франціи и почти вездѣ удачно и съ успѣхомъ. Феодальныя силы аристократіи, которыя въ средніе вѣка нерѣдко соперничали въ могуществѣ съ королевскою властью и всегда ее значительно ограничивали, неизлѣчимо зачахли. Еще до Людовика XIV не считали стоющимъ труда собирать штаты и добиваться ихъ согласія. Во Франціи генеральные штаты собрались послѣнній разъ въ 1614 г.; въ Пруссіи не созывались сеймы съ 1643, въ Баваріи съ 1669. Въ Австріи значеніе земскихъ чиновъ было поколеблено уже Фердинандомъ II; въ 1660 г. была введена абсолютная монархія въ Даніи съ устраненіемъ чиновъ. Горожане и крестьяне смотрѣли безучастно на это

паденіе конституціи земскихъ чиновъ. Они надѣялись отъ новой неограниченной полицейской дѣятельности государей получить скорѣе защиту противъ произвольной власти мелкихъ владѣтелей и удовлетвореніе новыхъ культурныхъ потребностей.

За политической практикой слѣдовала политическая философія, возводя въ отвлеченную теорію совершавшіеся факты и въ свою очередь служа оправданіемъ для политики. Въ обоихъ своихъ развѣтвленіямъ эта философія, столь блестяще развившаяся въ XVII вѣкѣ, одинаково высоко поддерживала значеніе абсолютизма. Сторонники божественнаго права выводили верховную власть монарха непосредственно отъ Бога и въ этомъ видѣли основаніе абсолютизма. „Тотъ, кто далъ людямъ королей,—говорилъ Людовикъ XIV,—соблаговолилъ, чтобы ихъ почитали, какъ его намѣстниковъ. Его воля, чтобы тотъ, кто родился подданнымъ, повиновался безъ разсужденія“. Тѣ же взгляды развивалъ въ своихъ трактатахъ и Бассюэтъ. „Величество,—разсуждаетъ онъ,—образъ Божій въ государѣ... Государи — боги по свидѣтельству Писанія и причастны дѣйствительно божественной независимости. Королевскій тронъ—не человѣческій, но тронъ самого Бога. Государя—какъ государя—нельзя разсматривать какъ частное лицо — все государство въ немъ, воля цѣлаго народа заключена въ его волѣ“. Но и сторонники естественнаго права, раціоналисты, выводившіе верховную власть изъ разумнаго договора людей, пожелавшихъ прекратить естественное состояніе, — склонны были отождествлять государство съ государемъ и рисовали абсолютизмъ чертами самаго крайняго характера. „Высочайшая власть (величество нарицаемая) есть, которой дѣянія ничьей же власти не подлежатъ“, — какъ переводилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ слова Гуго Гроція въ своей „Правдѣ Воли Монаршей“. Верховная власть, училъ Гоббесъ, подобна душѣ въ человѣческомъ тѣлѣ. Она не подлежитъ ничьему контролю. Она выше закона, такъ какъ отъ нея законы получаютъ свою силу. Она даруетъ всѣ права подданнымъ, и подданные по отношенію къ ней лишены всякаго права. Подданные—не болѣе какъ рабы; между тѣми и другими одно только различіе, что подданный подчиненъ государю, а рабъ—частному лицу. Подданные не могутъ имѣть права собственности, котораго не могло бы нарушить государство, даже не могутъ имѣть собственнаго сужденія о добрѣ и злѣ. Это составляетъ исключительное право власти. Только ей принадлежитъ также право толкованія воли Спасителя, принципъ, который былъ уже осуществленъ на практикѣ реформаціей въ знаменитой формулѣ: cujus regio—ejus religio. Безъ такихъ крайностей, но то же въ сущности ученіе о верховной власти, неподчиняющейся другой власти, безотвѣтственной и стоящей выше человѣческихъ законовъ, которые ею же даются, проводилъ и Пуфендорфъ, тотъ самый Пуфендорфъ, котораго такъ жадно читали тогда въ Европѣ, котораго такъ пропагандировалъ Петръ, приказывая его переводить и издавая, и книги котораго занимали почетное мѣсто на полкѣ его кабинета. Быть можетъ, трудно было бы указать другую эпоху, когда политическая теорія шла бы такъ рука объ руку съ практикой, какъ это было въ эпоху абсолютизма. Въ XVIII в. философы займутъ троны, появятся во главѣ правительствъ, и абсолютизмъ сдѣлается послушнымъ орудіемъ „просвѣщенія“. Но и въ XVII в., не проводя еще въ жизнь такихъ широкихъ раціоналистическихъ гуманныхъ идей, которыя были формулированы великими французами XVIII в., абсолютная власть окончательно сложившаяся, побѣдившая средневѣковыя самостоятельности, стала сознавать и уяснять себѣ, благодаря публицистикѣ

свою силу, и стремилась осуществлять задачи, указанныя тою же публицистикой. Помогая государямъ уяснить новое значеніе своей власти, публицисты XVII в. помогали имъ выяснить и задачи дѣятельности этой власти. Въ этомъ отношеніи философія XVIII в. развила скорѣе въ широкой степени только ученіе о средствахъ. Цѣли государства были ясно указаны уже мыслителями XVII в. Уже тогда разрабатывался въ теоріи и проводился на практикѣ общаго права—salus publica, какъ цѣли государства, къ которой и должна вести подданныхъ верховня власть. Раціоналистическіе взгляды эпохи господствовали въ выработкѣ теоріи о цѣли государства. По ученію Гоббеса, люди прекращаютъ естественное состояніе и вступаютъ въ договоръ объ образованіи государства съ цѣлью избѣжать зла той всеобщей войны, которая свирѣпствуетъ въ этомъ состояніи. На этой отрицательной ступени ученіе объ общемъ благѣ, какъ цѣли государства, не остановилось; этому понятію стали давать болѣе положительное содержаніе, разумѣя подъ благомъ не только избѣжаніе зла, но и положительное благосостояніе. Еще Гроцій утверждалъ, что только въ государственномъ союзѣ находитъ полное свое проявленіе человѣческая природа, такъ какъ человѣкъ— существо общественное. Томазій понималъ цѣль государства, какъ осуществленіе человѣческаго счастія и блаженства (Glückseligkeit),—то именно „блаженство рода человѣческаго“, о которомъ у насъ такъ много будутъ говорить при Екатеринѣ II. Наконецъ, Вольфъ, дѣлая еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, ставитъ принципъ совершенства (Vollkommenheit) нравственной задачей человѣческаго рода.

Такіе возвышенные идеалы и должны были осуществлять въ государствѣ люди, руководимые верховною властью и обязанные ей безусловнымъ подчиненіемъ, все равно, исходила ли она непосредственно отъ божества или возникала путемъ договора, перенесшаго на нее всю совокупность тѣхъ частныхъ неограниченныхъ воль, которыя существовали порознь въ естественномъ состояніи. Ей одной принадлежало право выбирать путь и средства къ достиженію этой цѣли. Только она обладала для этого широтой разумѣнія; разумѣніе подданныхъ считалось ограниченнымъ. Ея всестороннее попеченіе должно было всецѣло окружить подданнаго, объятаго темнотою, чтобы вести его къ цѣли. Государство XVII вѣка получаетъ полицейскій характеръ; правительство беретъ на себя заботы рѣшительно о всѣхъ сторонахъ, о всѣхъ потребностяхъ жизни подданнаго, не покидается его ни на минуту и не прекращаетъ своей роли зоркаго и бдительнаго ментора. Оно не только печется о безопасности жизни, имущества и здоровья подданныхъ, доставляетъ имъ правосудіе; оно ихъ обогащаетъ и просвѣщаетъ; оно совершенствуетъ ихъ нравственно и развиваетъ ихъ эстетическіе вкусы; оно слѣдитъ за чистотою ихъ вѣрованій и правильностью ихъ убѣжденій. Оно вмѣшивается не только въ ихъ общественныя отношенія, но и въ болѣе замкнутый кругъ ихъ домашняго обихода и даже въ еще болѣе замкнутый кругъ личной душевной жизни. Оно становится на возвышеніе дирижера въ оркестрѣ и желаетъ не только подчинить всѣ движенія подданныхъ мановенію своего жезла, но и вдохновляетъ въ нихъ чувства, которыя оно считаетъ цѣлесообразными для успѣшнаго исполненія пьесы. „Власть,—какъ говоритъ Токвиль,—дѣлается для подданныхъ единственною пружиною соціальнаго механизма, единственнымъ и необходимымъ двигателемъ общественной жизни. Правительство занимаетъ мѣсто Провидѣнія“. Для него создается тысяча хлопотъ и обязанностей, отъ которыхъ оно было свободно прежде, оно беретъ въ свои руки тысячу нитей, которыя сплетались прежде сами. Эта

polizeiliche Vielregiererei, какъ удачно называютъ этотъ усложненный правительственной порядокъ, получаетъ точно также свое теоретическое обоснованіе въ политической философіи. Знаменитый Вольфъ „платитъ дань своему времени, плѣняется началами, къ которымъ прибѣгали правительства того времени, раздѣляетъ ихъ предразсудки относительно необходимости для правительства во что бы то ни стало благодѣтельствовать гражданамъ и силою доставлять имъ усовершенствованіе“. Если мы прибавимъ къ этому, что онъ требуетъ самаго широкаго вмѣшательства въ личную свободу ради общаго благополучія, предоставленія правительству права или обязанности принуждать каждаго къ работѣ, таксировать заработную плату и цѣну товаровъ, заботиться объ устройствѣ хорошихъ улицъ, прочныхъ и красивыхъ зданій, услаждать обывателей радующими картинами и скульптурными изображеніями, а уши музыкою, пѣніемъ птицъ и журчаніемъ воды, содѣйствовать общественному развлеченію театральными представленіями и другими зрѣлищами; поощрять поэзію; стараться о школьномъ образованіи дѣтей; наблюдать за тѣмъ, чтобы взрослые подданные прилежали добродѣтели и благочестію, посѣщали церковь и принимали участіе въ общественномъ богослуженіи, наказывать атеистовъ или даже деистовъ — не узнаетъ ли читатель въ этой идеальной правительственной программѣ философа той же пестроты и всесторонности, того же всеобъемлющаго полицейскаго попеченія о подданномъ, которымъ отличалась правительственная практика Петра Великаго, какъ она выражалась въ законодательствѣ, образцы котораго приведены выше?

Это законодательство было порожденіемъ своего времени и носило на себѣ печать его духа. Если только видѣть сознательную цѣль въ реформѣ первой четверти XVIII вѣка, а едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что реформа въ ея послѣдніе годы преслѣдовала задачи болѣе широкія, чѣмъ простую организацію силъ и средствъ для борьбы съ Швеціей, то этою цѣлью, тѣмъ идеаломъ, къ достиженію котораго она стремилась — было регулярное государство, такое, какимъ его въ то время знала западно-европейская политическая практика, и такое, о какомъ учила западно-европейская политическая теорія. Этотъ идеалъ носился передъ Петромъ, по крайней мѣрѣ, во второй періодъ его реформаціонной дѣятельности, когда война, привлекавшая такъ много его вниманія, близилась къ концу, и когда онъ, какъ гласилъ одинъ изъ его указовъ, „и о земскомъ справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудился и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло“. Тѣмъ же стремленіемъ была одушевлена и та общественная группа, которая, познакомясь ближе съ западомъ, активно поддерживала реформу, не только исполненіемъ предписаній правительства, но и собственнымъ участіемъ, представляя царю проекты различныхъ усовершенствованій, нововведеній и учрежденій по западно-европейскому образцу. Это стремленіе питалось знакомствомъ съ западно-европейскимъ государствомъ и съ политической литературой, принявшимъ значительные размѣры въ первой четверти XVIII в. благодаря массовымъ посылкамъ за границу дворянской молодежи, когда едва-ли можно было найти сколько-нибудь выдающуюся фамилію, представитель которой не побывалъ бы за границей въ качествѣ гардемарина, посланнаго обучаться плаванію и кораблестроенію, офицера въ заграничномъ походѣ 1712—14 гг., въ свитѣ государя или же какого-нибудь посла. Политическія разсужденія, происходившія въ дворянскихъ кружкахъ вскорѣ послѣ смерти преобразователя во время извѣстныхъ событій 1730 г., когда обсуждались формы пра-

вленія и теоріи происхожденія государства, показываютъ, насколько въ наиболѣе интеллигентномъ обществѣ того времени распространился интересъ къ политическимъ вопросамъ, вкусъ къ политической литературѣ и знакомство съ нею.

Въ первой четверти XVIII в. въ Россіи не мало было слѣпого, механическаго подражанія западу, безсознательнаго, какъ бываетъ безсознательно подражаніе ребенка взрослому или дикаря цивилизованному человѣку. Но, несомнѣнно, что заимствованіе съ запада имѣло до извѣстной степени и сознательное значеніе, будучи разсматриваемо какъ средство осуществить нѣкоторый идеалъ. Самый тотъ идеалъ, осуществить который стремилась реформа, самый образецъ, по которому пытались преобразовать Россію, неизбѣжно долженъ былъ близко подойти къ европейскому регулярному государству той же эпохи, потому что онъ складывался изъ признаковъ, почерпнутыхъ въ знакомствѣ съ западно-европейскимъ государственнымъ строемъ, политическими идеями, представлявшими богатый и готовый запасъ элементовъ для политическаго творчества, которыхъ не въ состояніи была доставить родная дѣйствительность, оказавшаяся несостоятельной и безсильной къ XVIII в. Если только русскіе реформаторы не были упорными и старовѣрами, черпающими идеалы изъ стариннаго строя съ его тусклыми идеями, или идеологами, могущими создать политическія построенія только изъ запаса собственной мысли, творя конституціи съ закрытыми глазами и ушами, то они неизбѣжно должны были попасть въ обще-европейское теченіе, которое подхватило ихъ и понесло за собою, увлеченныхъ силою потока, но сознательно цѣнящихъ превосходство его направленія. Они не только усвоили направленіе влекущей ихъ струи, но и пропитались ея ароматомъ, не только стали перенимать западно-европейскую дѣйствительность, но и руководиться новыми политическими идеями. Для усвоенія послѣднихъ не требовалось особенно многаго.

Петръ не былъ вовсе самостоятельнымъ политическимъ мыслителемъ и не имѣлъ совершенно досуга изучать современныя ему политическія теоріи. Но, обладая живымъ, любознательнымъ и проницательнымъ умомъ, онъ не могъ не присмотрѣться къ западно-европейскимъ политическимъ порядкамъ, какъ бы сильно ни привлекали его вниманіе во время заграничныхъ поѣздокъ верфи и мастерскія, и не могъ не подвергнуться, хоть сколько-нибудь, вліянію тогда распространенныхъ и ходячихъ политическихъ идей, которыя вообще имѣютъ свойство носиться въ воздухѣ, какъ бациллы, и щадятъ отъ своего заразительнаго дѣйствія только совершенно глухихъ и слѣпыхъ людей. Правда, отвлеченное въ этихъ идеяхъ ему не давалось, какъ и вообще ему не давались отвлеченныя системы, и онъ не занимался досужими разысканіями о происхожденіи государства, но то, что было въ нихъ практическаго, онъ,—практическій дѣлецъ по преимуществу—хорошо усвоилъ. Въ очень неуклюжихъ выраженіяхъ и неловко, но все-таки очень ясно высказалъ онъ свой взглядъ на общее благо, какъ цѣль государства, въ извѣстной рѣчи, произнесенной имъ 22 октября 1721 г. въ Троицкомъ соборѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе сенаторовъ по случаю заключенія Ништадтскаго мира, сказавъ, что задача государя заключается въ томъ, чтобы „трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ". Это былъ все тотъ же взглядъ, который провозглашался имъ еще въ 1702 г. въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ, гдѣ онъ облеченъ былъ въ болѣе гладкую, изящную форму, можетъ быть, данную ему иностраннымъ перомъ, гдѣ говорилось о намѣреніи „государствомъ управлять такимъ образомъ,

чтобъ всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе". Этотъ взглядъ на „всенародную пользу", какъ конечную цѣль монархіи, распространялся и въ публику въ трактатѣ Ѳеофана „Правда Воли Монаршей". Къ этой возвышенной цѣли вела вездѣ въ Европѣ верховная власть, абсолютная на практикѣ и долженствующая быть именно такой по ученіямъ теоріи—и русскому самодержавію впервые Петромъ было дано ясное и точное опредѣленіе: „его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей воли и благомнѣнію управлять". Пусть это опредѣленіе почти буквально переведено съ шведскаго закона 1693 г. — это не значитъ, чтобы Петръ не могъ хорошо его усвоить и имъ руководиться.

Европейское абсолютное государство со второй половины XVII и въ XVIII в. развиваетъ широкую полицейскую дѣятельность, и правительственная практика Петра—такая же polizeiliche Vielregiererei, какая замѣтна въ то время и въ другихъ государствахъ Европы. Эта полицейская дѣятельность его государства проникнута раціоналистическимъ направленіемъ, вполнѣ согласно духу эпохи. Онъ сокрушаетъ старый порядокъ, державшійся исторической традиціей. и стремится перестроить его согласно требованіямъ разума. Борясь на каждомъ шагу съ „глупостью и недознаніемъ невѣждъ", она разрѣшаетъ раціоналистически тѣ многочисленные вопросы разнообразнѣйшихъ калибровъ, которые ежедневно возникаютъ передъ реформаторомъ, начиная отъ государственнаго строя и въ высшихъ соображеній политики, до мелочей частнаго житейскаго обихода, всему давая цѣлесообразное устройство. Она перестраиваетъ на раціональныхъ началахъ церковное управленіе, посягая на историческое значеніе патріархата и ставя во главѣ этого управленія коллегію—правительственный механизмъ, признававшійся тогда лучшимъ орудіемъ разума, и мѣняетъ неудобный длинный историческій русскій халатъ на раціонально-устроенное европейское платье. Хотя „просвѣщеніе" эпохи Петра и не достигло того широкаго масштаба, какой оно получило во вторую половину XVIII в., ничто не мѣшаетъ причислять и его царствованіе къ эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Если его время менѣе руководилось требованія разума, чѣмъ время Іосифа II, то только потому, что самыя эти требованія тогда еще не были такъ обстоятельно развиты, съ такой простотой формулированы и съ такой широтой распространены, какъ это было во второй половинѣ XVIII в., благодаря блестящей французской литературѣ, словомъ, только потому, что время Петра I не было еще временемъ Екатерины II. Но разница здѣсь лишь въ степени развитія руководящаго начала, а не въ самомъ началѣ.

Направляемое разумомъ законодательство реформы заговорило съ подданнымъ на иномъ языкѣ, чѣмъ говорило съ нимъ прежнее законодательство, на языкѣ, носившемъ на себѣ также замѣтные слѣды раціоналистической эпохи. Это различіе языка происходило отъ различія взглядовъ на средства, которыя должны были обезпечивать исполненіе закона со стороны тѣхъ, для кого онъ издавался. Прежнему законодательству было извѣстно одно только такое средство — суровая угроза. Верховная власть, воздѣйствуя на общество путемъ законодательства, выступала въ роли немногорѣчиваго и строгаго педагога, выражавшаго свои велѣнія или запрещенія въ краткихъ словахъ, но съ кнутомъ и плетью въ рукѣ. Откройте Уложеніе 1649 г. или просмотрите рядъ послѣдовавшихъ за

нимъ указовъ, и вы на каждомъ шагу встрѣтитесь тамъ со словами: „а будетъ которые люди учнутъ дѣлать то-то и то-то... и тѣхъ людей казнити безъ всякаго милосердія“ или „и тѣмъ людемъ учинити наказаніе, бити кнутмъ, чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлати“. Законодательныя нормы, изданныя Петромъ, сопровождаются не менѣе, если не болѣе устрашающими угрозами; но онѣ сопровождаются также и мотивами, которые указываютъ и разъясняютъ причины и цѣли предпринимаемыхъ мѣръ, и направлены къ вразумленію тѣхъ, отъ которыхъ законъ ждетъ исполненія. Законодательство до-петровской эпохи дѣйствуетъ только на чувство страха; законодательство Петра стремится прежде всего подѣйствовать на разсудокъ подданнаго и обращается къ угрозѣ только на случай неуспѣха. Оно не только устрашаетъ подданнаго, но прежде всего стремится его убѣдить. Въ каждомъ почти изъ указовъ Петра непремѣнно встрѣтимъ союзъ „понеже“, открывающій собою мотивировку закона: „въ С.-Петербургѣ всякаго чина людямъ коровъ, козъ, свиней и другихъ безъ пастуховъ изъ дворовъ своихъ не выпускать..., понеже оная скотина, ходя по улицамъ и по другимъ мѣстамъ, портитъ дороги и деревья“, и затѣмъ уже слѣдуетъ угроза жестокаго штрафованія и безповоротной конфискаціи скотины; — не ѣздить на невзнузданныхъ лошадяхъ, „понеже отъ такихъ чинится немалая вреда людямъ, для того, что вскорѣ невзнузданную лошадь не можно удержать“;—строго соблюдать всѣ уставы и регламенты, „понеже ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть“...

Вмѣстѣ съ отмѣной обычая писаться уменьшительными именами и земныхъ поклоновъ при встрѣчѣ съ государемъ эта неважная часть рѣчи является важнымъ знаменателемъ новаго отношенія, въ какое верховная власть, снимая съ себя прежнее мистическое обличье, стремится стать къ управляемому обществу. Она теперь разсчитываетъ на сознательное исполненіе закона ради его разумныхъ цѣлей, а не на рабское подчиненіе изъ страха плети. Когда Петръ пишетъ указъ, онъ непремѣнно резонируетъ, а иногда мотивировка указовъ разрастается въ цѣлыя поученія политическаго, юридическаго, даже естественно-научнаго характера, совершенно согласно тому ученію Томазія, по которому „мудрые управляются скорѣе добрыми совѣтами, чѣмъ строгими повелѣніями“. Эти мотивы, выходящіе изъ-подъ пера преобразователя подчасъ наивны; они стремятся убѣдить въ вещахъ очень ясныхъ; но ясное теперь было во многихъ случаяхъ непонятно современникамъ, которыхъ приходилось обучать азбукѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такой обширной мотиваціи. Петръ не разъ издавалъ указы о томъ, чтобы никто не обращался съ просьбами лично къ государю, не подавъ прошенія въ установленныхъ учрежденіяхъ и не пройдя предварительно всѣхъ инстанцій. Указъ о томъ же, изданный 22 декабря 1718 г., онъ началъ такъ: „понеже челобитчики непрестанно его царскому величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть. И хотя бъ и такихъ трудовъ и не было, возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Воистину, не точію человѣку, ниже

ангелу"; далѣе слѣдуетъ богословско-метафизическое разсужденіе объ ограниченной природѣ ангеловъ: „понеже и оные мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ". Указъ о собираніи разнаго рода рѣдкостей, которыя предписывалось приносить къ губернаторамъ и воеводамъ для устраивавшейся кунсткамеры, мотивировалъ такимъ образомъ: „понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстра, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки..., но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды водятся отъ дѣйства дьявольскаго черезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари — Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти и нѣтъ" — даже объясняются естественныя причины происхожденія такихъ уродовъ. Знаменитый указъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г. начинается словами: „понеже раздѣленіемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ великій есть вредъ въ государствѣ нашемъ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе", открывающими обширное написанное царемъ предисловіе съ примѣрами, наглядно показывающими пользу издаваемаго указа. Для объясненія нѣкоторыхъ своихъ дѣйствій и распоряженій Петръ принужденъ былъ прибѣгать къ услугамъ политической литературы и, за неимѣніемъ газетъ и журналовъ, заказывать особые политическіе трактаты. Таково было происхожденіе „Правды Воли Монаршей", задачей которой было доказать законность новаго порядка престолонаслѣдія; „Духовнаго Регламента", объясняющаго разумныя основанія новаго порядка церковнаго управленія; „Разсужденія о причинахъ сѣверной войны", порученнаго перу Шафирова, въ которомъ дѣлается общій обзоръ совершенныхъ преобразованій и оцѣниваются ихъ результаты.

Итакъ, преобразованіе Россіи въ европейское государство, общее благо, какъ цѣль государства; абсолютная власть, какъ руководительница къ достиженію этой цѣли; разумъ, какъ руководящее начало въ этой ея дѣятельности; всеобъемлющая до мелочей, тонкая сѣть попеченія надъ подданнымъ, какъ лучшій способъ достиженія цѣли — вокругъ такихъ идей и взглядовъ вращалась реформаціонная мысль, такія задачи ставила себѣ реформа. Законодательство Петра проникнуто этими идеями. Оно является орудіемъ государственнаго попеченія надъ подданными, разсчитаннымъ на иную психологію, чѣмъ прежде, оно призываетъ не только чувство страха, сурово грозя, но и разсудокъ, поучая и убѣждая. На себя Петръ смотритъ, какъ на педагога, обучающаго дѣтей, какъ на мастера, окруженнаго лѣнивыми учениками: „нашъ народъ, яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ — не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится". Но одного законодательства, какъ выраженія воли верховной власти, подкрѣпленнаго убѣдительными объясненіями и принуждающими угрозами, было недостаточно для педагогическаго воздѣйствія; нужны были и другія орудія, чтобы руководить подданными въ исполненіи этой воли,—учрежденія. Ихъ прежняя система, которая выросла исторически на почвѣ иного, вотчиннаго государства, развившагося изъ московскаго удѣла Ивана Калиты, и во многомъ хранившая слѣды своего происхожденія, для „регулярнаго" государства не годилась. Ее и рѣшено было теперь перестроить. Старое историческое зданіе, кстати уже почти совсѣмъ развалившееся, рѣшено

было замѣнить системой, основанной на иныхъ, разумныхъ началахъ, приспособленной для дѣйствія съ иными цѣлями. То былъ вѣкъ вѣры въ учрежденія. Теперь мы смотримъ на нихъ очень хладнокровно, если не скептически, и скорѣе склонны ихъ считать результатами, чѣмъ причинами общественнаго порядка. Тогда имъ приписывалась магическая сила; стоило измѣнить учрежденія, какъ долженъ былъ измѣниться и порядокъ. Идеи своего вѣка раздѣлялъ и Петръ. „На послѣднемъ праздникѣ,—пишетъ французскій резидентъ въ Петербургѣ Лави,—его царское величество провозгласилъ тостъ за то, чтобы 1719-й годъ былъ такъ же замѣчателенъ, какъ и годъ 1709-й, навѣки памятный битвой подъ Полтавой. Затѣмъ, обозрѣвая съ горечью старый русскій міръ, онъ выразилъ надежду, что посредствомъ учрежденія нѣсколькихъ совѣтовъ и коллегій ему удастся придать новый видъ этому міру“. Какъ и самыя задачи, которыя они должны были осуществить, эти учрежденія были заимствованы съ запада.

LXXXIX. Личность Петра и его характерныя особенности въ изображеніи Нартова.

(*Изъ «Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей Петра В.», Андрея Нартова*).

Я собиралъ повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего Монарха, слыша оныя либо устно отъ самого Государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ; находясь при Его Императорскомъ Величествѣ болѣе двадцати лѣтъ и нося милость Его, бывалъ я самовидцемъ упражненій и бесѣдъ Его, слѣдовательно, о вѣроятіи сихъ сказаній никто да не усумнится.

Андрей Нартовъ

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Петра Великаго механикъ и токарнаго искусства учитель, Императорской Академіи Наукъ и Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи членъ.

Писано мною сіе по кончинѣ Его Величества и кончено въ 1727 году.

По дошедшимъ слухамъ къ Государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосердымъ, говорилъ его Величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ Государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ незнающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ, и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовывать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возвышаю и награждаю я, а непокорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. Пускай злость клевещетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ Судія мой. Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ, аки вихрь „преходный“.

Читающій сіе примѣтить можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій Государь имѣвшимъ счастіе быть близъ лица Монарха сего. Извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ, и хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако скоро отходчивъ и непамятозлобенъ; ахъ, если-бъ знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архивъ тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего Монарха.

О бунтахъ стрѣлецкихъ нѣкогда промолвилъ Государь:

„Отъ воспоминанія бунтовавшихъ стрѣльцовъ, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ: помысля о томъ, заснуть не могу. Такова та была сія кровожаждущая саранча".

Государь по-истинѣ имѣлъ иногда въ нощное время такія конвульсіи въ тѣлѣ, что клалъ съ собою деньщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпалъ, что я самъ видѣлъ. Днемъ же нерѣдко вскидывалъ головою кверху. Сіе началось въ тѣлѣ его быть съ самаго того времени, когда одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, куда его царица, мать его, ради безопасности привела, приставя ножъ къ шеѣ, умертвить его хотѣлъ,—а до того личныхъ ужимовъ и кривленія шеею не бывало.

По тому же слѣдствію Толстому Государь сказалъ: „едва-ль кто изъ Государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! отъ сестры былъ гонимъ де зѣло. Она была хитра и зла. Монахинѣ не сносенъ: она глупа; сынъ меня ненавидитъ, онъ упрямъ. Все зло отъ подспускателей".

По тому же дѣлу Государь говорилъ: „страдаю, а все за отечество! желаю ему полезное, но враги демонскія пакости дѣютъ. Труденъ разборъ невиновности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зритъ правду".

При опытахъ машиною пневматическою, показываемыхъ Императрицѣ, когда подъ хрустальный колоколъ посажена была ласточка, Государь, видя, что воздуха вытянуто было столько, что птичка зашаталась и крыльями затрепетала, Аряшкину сказалъ: „полно, не отнимай жизни у твари безвредной: она не разбойникъ". А Государыня къ нему примолвила: „я думаю, дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ". Потомъ, взявъ у Аряшкина ласточку, поднесла къ окну и выпустила.

Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія Монаршаго даже до животной птички? кольми-жъ паче имѣлъ онъ сожалѣніе о человѣкахъ. Его Величество множество дѣлывалъ вспоможеній раненымъ и болящимъ, чиня своими руками операціи, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывая корпіи и пластыри, посѣщая больницы, врачуя и покоя въ нихъ воиновъ; учреждая богадѣльни для больныхъ и увѣчныхъ, дряхлыхъ и престарѣлыхъ, повелѣвая здоровымъ и силы еще имѣющимъ работать и не быть въ праздности; для сиротъ и малолѣтнихъ заводя училища, а для зазорныхъ младенцевъ, или подкидышей, устроя при церквахъ госпитали для воспитанія. Все сіе не доказываетъ ли истиннаго Императорскаго и

отеческаго сердоболія? Мы, бывшіе сего Великаго Государя слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердія его, котораго въ немъ не было. Наказанія неминуемыя происходили по крайней уже необходимости, яко потребное врачеваніе зла и въ воздержаніе подданныхъ отъ пагубы. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ и какими уязвляемъ былъ онъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ, и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ Монархѣ, умремъ вѣрными ему, и горячую любовь нашу къ земному Богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него.

Петръ Великій, бесѣдуя въ токарной съ Брюсомъ и Остерманомъ, съ жаромъ говорилъ имъ:

„Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержатъ въ себѣ добро, а не вредъ государству.—Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни. Свидѣтели тому вы. Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго, руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи мои и отечеству не могутъ быть довольны, узда имъ законъ. Тотъ свободенъ, кто не творитъ зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство черезъ то, когда желаю добра, огурство упрямыхъ исправлю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими, когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людкости; не жестокосердствую, не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть“.

Буде виноватый принесетъ чистую повинную Государю, прощалъ милосердо или умѣрялъ наказаніе по важности преступленія, и говаривалъ: „не дѣлай впередъ того: за признаніе—прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія. Лучше грѣхъ явный, нежели тайный“.

Императрица, узнавъ, что Государь нощію безпокоился и мало почивалъ, на другой день спрашивала его о причинѣ; на что онъ ей отвѣчалъ: „ахъ, Катинька! какой сонъ начальнику, когда судьи его спятъ?“

Когда о корыстолюбивыхъ преступленіяхъ К... М... представлено было Его Величеству докладомъ, домогаясь всячески при такомъ удобномъ случаѣ привесть его въ совершенную немилость и несчастіе, то сказалъ Государь: „вина немалая, да прежнія заслуги болѣе“.

Правда, вина была уголовная, однако государь наказалъ его денежнымъ взысканіемъ, а въ токарной тайно при мнѣ одномъ выколотилъ его дубиной и потомъ сказалъ: „теперь въ послѣдній разъ дубина; ей! впредь берегись“.

Неблагодарныхъ людей Государь ненавидѣлъ и объ нихъ говорилъ такъ: „неблагодарный есть человѣкъ безъ совѣсти, и ему вѣрить не

должно. Лучше явный врагъ, нежели подлый льстецъ и лицемѣръ: такой безобразитъ человѣчество".

Заслуженныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Петръ Великій награждалъ скоро чинами и деревнями, и за долговременную службу при отставкѣ давалъ полное жалованье. Мнѣ случилось слышать, что при отставкѣ одного полковника Карпова, мужа заслуженнаго, но малоимущаго, Государь говорилъ: „когда служить не можетъ, производить ему по смерть его жалованье, да сверхъ того дать изъ отписныхъ деревень пятьдесятъ дворовъ, чтобъ въ ней по трудахъ, которымъ свидѣтель я и генералитетъ, спокойно жилъ. Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Кто будетъ о немъ печься, какъ не я? инако служить другимъ не охотно, когда за вѣрную службу нѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скупъ".

Въ такомъ случаѣ Государь былъ щедръ и милостивъ; ходатаевъ имѣть не надлежало, понеже самъ зналъ онъ отлично служащихъ, а о незнакомыхъ приказывалъ себѣ обстоятельно доносить чрезъ Сенатъ, Военную и Адмиралтейскую Коллегію.

Его Величество, возвратясь изъ Сената, о князѣ Яковѣ Өедоровичѣ Долгорукомъ, который былъ изъ первыхъ сенаторовъ, генералъ-прокурору графу Ягужинскому говорилъ: „князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ; онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ правду, не смотря на лицо".

Шествующему Императору въ Сенатъ, на дорогѣ палъ въ ноги юноша лѣтъ пятнадцати, и, подавая челобитную, просилъ въ ней о прощеніи отца своего, за преступленіе къ смерти осужденнаго, возглашая со слезами такъ: „Всемилостивѣйшій Государь! помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказать меня, готовъ умереть за него". Его Величество, развернувъ бумагу и посмотрѣвъ въ нее, сказалъ: „онъ виноватъ, а ты нѣтъ". Потомъ хотѣлъ идти далѣе, однако просящій юноша палъ паки лицомъ къ землѣ, схватилъ за ноги Монаршія и, рыдая, говорилъ: „помилуй отца и меня; я вину его Вашему Величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обѣщаюсь". Государь, сожалѣніемъ тронутый, спросилъ его: „кто тебя научилъ?"—„Никто,—отвѣтилъ смѣло стоящій на колѣняхъ отрокъ,—сыновняя любовь; со смертію его—смерть моя". По семъ Петръ Великій, пристально посмотрѣвъ на лицо юноши сего, коего черты обѣщавали быть въ немъ честнаго человѣка и добраго слуги государству, понеже Его Величество проницаніемъ своимъ въ избраніи подданныхъ не легко ошибался и имѣлъ дарованіе по наружности людей познавать, сказалъ: „убѣдительный примѣръ; счастливъ отецъ, имѣя такого сына".

Его величество вошелъ въ Сенатъ, пересказалъ сыновнюю къ отцу горячность, велѣлъ прошеніе сіе прочесть, и несчастному даровалъ жизнь. А сынъ его, записанный въ службу, самымъ дѣломъ, усердіемъ и вѣрностію своею увѣреніе сіе исполнилъ, достигнувъ заслугами до чина генеральскаго, который былъ мнѣ хорошій пріятель и по фамиліи прозывался Ж...

Нѣкогда отданъ былъ въ походѣ одинъ офицеръ гвардіи подъ военный судъ, который за неосторожный противъ военныхъ законовъ, про-

ступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, присудилъ его повѣсить. Сентенція объявлена была ему въ присутствіи его полковника Государя. Осужденный, поклоняясь Его Величеству, просилъ такъ: „виноватъ, но будь милостивъ, яко Богъ, избавь отъ висѣлицы и отъ позорной смерти“. Петръ Великій на сіе отвѣчалъ: „добро, ради прежней службы, облегчить, и разстрѣлять“. А офицеръ, поклонясь, паки говорилъ: „я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Помилуй, Государь! вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости. Обѣщаюсь быть осторожнѣе и мою вину заслужить. Оплошность моя, а не измѣна“. При чемъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ явились слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судящимъ къ штабъ- и оберъ-офицерамъ снисходительно сказалъ: „что теперь, господа, скажете?“ А какъ они молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ Государя, то гласомъ милосерднымъ сей судилъ такъ: „сіи свидѣтельства даруютъ тебѣ животъ; прощаемъ, только блюди обѣщаніе“. Что сей офицеръ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ. Вскорѣ послѣ того выпросился онъ у Государя съ особымъ отрядомъ, напалъ съ такою храбростію на Шведовъ, что, разбивъ ихъ, одержалъ побѣду и, будучи при семъ случаѣ раненъ въ голову, умеръ. Однако, будучи нѣсколько часовъ до смерти живъ, при концѣ послѣдняго издыханія въ палаткѣ съ радостію говорилъ: „теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ Государемъ“.

Петръ Великій на славной Полтавской баталіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣйшемъ огнѣ находясь, храбростію и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею, непріятельскую армію опрокинулъ и обратилъ въ бѣгъ, совершенно разбилъ. Причемъ фельдмаршала Рейншильда и прочихъ генераловъ въ полонъ взялъ. Тогда приказалъ паче всего щадить и спасать жизнь Карла XII, непримиримаго непріятеля своего. Но, получа извѣстіе, что найдена на полѣ королевская качалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣлъ чрезвычайно о судьбѣ его и безпокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми.

Не явный ли сіе знакъ истиннаго человѣколюбія, а не тщетныя славы и гордости побѣдителя, ищущаго въ смерти непріятеля торжества?

Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры. У себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ лакеямъ. Кушанье его было: кислыя щи, студени, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отмѣнно жаловалъ лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ мундкохъ его Фельтенъ. Водку употреблялъ Государь анисовую, обыкновенное питье квасъ, во время обѣда пилъ вино эрмитажъ, а иногда венгерское, рыбы никогда не кушалъ; за стуломъ всегда стоялъ одинъ изъ дневальныхъ деньщиковъ, а лакеяхъ же говаривалъ: „не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ ѣстъ и веселится съ друзьями. Они переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего и не бывало“.

Его Величество, получивъ отъ прусскаго короля письмо, въ кото-

ромъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову: „я зналъ, что работа наша Королю пріятнѣе золота. Онъ таковъ, какъ и я; роскоши и мотовства не любитъ“.

Въ бесѣдахъ Его Величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходиленъ въ простотѣ безъ церемоній и вычуровъ, и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ, и въ наказаніе тому, кто кого оскорбилъ словомъ, давалъ пить бокала по три вина, или ковшъ съ виномъ, называемый орелъ, чтобъ лишняго не вралъ и не обижалъ; словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; непримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный Государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многажды бывалъ съ Императоромъ въ такихъ бесѣдахъ, и такому обхожденію его былъ свидѣтелемъ. Обыкновенно вставалъ Его величество утромъ часу въ пятомъ, съ полчаса прохаживался по комнатѣ, потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ, или на строенія; оттуда въ Сенатъ или въ Адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ часъ пополудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ паки разныя дѣла; по окончаніи оныхъ тачивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая-то жизнь была сего Государя. Голландскія газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыя дѣлывалъ свои примѣчанія, и надобное означалъ въ нихъ карандашомъ, а иное въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовальню съ потребными инструментами, математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ Государя былъ въ особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Обыкновенно допускаемы были съ доклада: Канцлеръ Графъ Головкинъ, Генералъ-Прокуроръ Графъ Ягужинскій, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Графъ Брюсъ, Вице-Канцлеръ Баронъ Шафировъ, Тайный Совѣтникъ Остерманъ, Графъ Толстой, Сенаторъ Князь Долгорукій, Князь Меншиковъ, Генералъ-Полицмейстеръ Дивіеръ, флотскіе флагманы, корабельные и прочіе мастера. Безъ доклада: Князь Цесарь Ромодановскій, Фельдмаршалъ Графъ Шереметевъ, которыхъ провожалъ до дверей кабинета своего; да ближніе комнатные; механикъ Нартовъ, Секретарь Макаровъ деньщики, камердинеръ Полубояровъ. Чрезъ сихъ-то послѣднихъ докладываемо было Его Величеству о приходящихъ особахъ. Даже сама Императрица Екатерина Алексѣевна обсылалась напередъ, можетъ ли видѣть Государя для того, чтобъ не помѣшать супругу своему въ упражненіяхъ. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственныя тайности, въ нихъ оказываемо было Монаршее милосердіе и скрытое хозяйское наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенію предаваемо было. Я часто видалъ, какъ Государь за вины знатныхъ чиновъ людей здѣсь дубиною подчивалъ; какъ они послѣ сего съ веселымъ видомъ въ другія комнаты выходили и со стороны Государевой, чтобъ посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удостоиваны были. Но все-таки исправленіе чинилось не какъ отъ Императора подданному, а какъ отъ отца сыну. Въ одинъ день наказанъ и пожалованъ. Сколь Монархъ былъ вспыльчивъ, столько и снисходителенъ; да иначе и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которыя

противъ добра, устрояемаго имъ, чинились. При всемъ томъ былъ великодушенъ, и прощалъ вины великія неоднократно, если раскаяніе принесено ему чистосердечное.

Петръ Великій, употребляя марціальныя воды на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ, разстояніемъ отъ Москвы въ девяносто верстахъ по Калужской дорогѣ, отъ Баева колодезя вправо, принадлежавшихъ тогда заводчику Миллеру, куда привезенъ былъ и токарный станокъ, и мнѣ при томъ быть приказано было, во-первыхъ, для того, чтобъ обще съ Государемъ точить, а во-вторыхъ, чтобъ раньше дѣлать опыты надъ плавкою чугуна для литья пушекъ. Для тѣлодвиженія, кромѣ точенія, выковывалъ самъ Его Величество желѣзныя полосы; при плавкѣ изъ печей выпускалъ чугунъ; на верейкѣ бывалъ въ греблѣ и осматривалъ на ней укрѣпленія плотинъ. Во время пребыванія своего тамо болѣе четырехъ недѣль, выковывалъ нѣсколько пудъ желѣза, положивъ на немъ клейма съ означеніемъ года, мѣсяца и числа, которое и понынѣ въ память трудовъ сего Монарха хранится на тѣхъ заводахъ. Наконецъ, освѣдомясь какую коваль мастеръ получаетъ за то плату, при отъѣздѣ своемъ у заводосодержателя Миллера требовалъ заработанныхъ денегъ, сказавъ ему: „я выработалъ у тебя за осьмнадцать пудъ осьмнадцать алтынъ; заплати". И когда Миллеръ сіи деньги Государю вручилъ, тогда Его Величество говорилъ: „бродя по заводу, избилъ я подошвы; возвращаясь въ Москву, на эти деньги куплю въ рядахъ башмаки", которые подлинно купя и нося, показывалъ многимъ и разсказывалъ, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками. Чрезъ сіе подавалъ онъ подданнымъ образецъ, что воздаяніе пріобрѣтается трудами, и что онъ даже низкія работы не пренебрегалъ и всему учился самъ.

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ. Въ сильнѣйшемъ огнѣ съ безстрашіемъ и съ присутствіемъ духа здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей къ подданнымъ говоря такъ: „побѣдить или умереть славно!" Наконецъ, достигнувъ до чиновъ — сухопутной арміи до Генералъ-Маіорскаго, а во флотѣ до Вице-Адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда Его Величеству оное приносили, то говаривалъ: „сіи деньги собственныя мои, я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно, объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу".

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ Монаршихъ.

Петръ Великій былъ истинный Богопочитатель и блюститель вѣры Христіанскія и, подавая многіе собою примѣры того, говаривалъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: „кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо съумасшедшій или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познавать Его долженъ".

Генералъ-Полицмейстеру Девіеру, доносившему о явившихся кликушахъ, приказывалъ Его величество такъ: „кликушѣ за первый разъ плети,

за второй кнутъ, а если и за симъ не уймется, то быть безъ языка, чтобъ впредь не кликали и народа не обманывали".

О ложно-бѣснующихся говорилъ Государь: „надлежитъ попытаться изъ бѣснующагося выгонять бѣса кнутомъ: хвостъ кнута длиннѣе хвоста чертовскаго. Пора заблужденія искоренять изъ народа".

Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, толико, напротивъ, Божественные почиталъ законы и чтеніе священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта любилъ. О библіи говаривалъ Его Величество: „сія книга премудрѣе всѣхъ книгъ: она учитъ познавать Бога и творенія Его и начертывать должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней нѣкоторыя мѣста яснѣе потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному, отвергнуть должно земныя страсти". Въ 1716 году повелѣлъ онъ напечатать въ Амстердамѣ Библію въ листъ на Голландскомъ языкѣ, оставляя на каждомъ листу половину пустого мѣста, для припечатанія оныя на Россійскомъ языкѣ подъ смотрѣніемъ Сунода въ Санктпетербургѣ, дабы чтеніемъ на природномъ языкѣ Библіи пріучить охотниковъ и къ Голландскому, яко языку его любимому. Надобными языками для Россіи почиталъ онъ Голландскій и Нѣмецкій, а съ Французами,—говорилъ онъ,—не имѣемъ мы дѣла. Изъ духовныхъ особъ жаловалъ Государь Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, блюстителя Патріаршаго престола, да Ѳеофана Прокоповича, Архіепископа Новгородскаго, которыхъ сочиненія и предики читывалъ, и съ ними о духовныхъ дѣлахъ бесѣдовалъ.

Его величество, бывъ въ Парижѣ на Астрономической обсерваторіи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ зрительную трубу на весь небесный сводъ и, обратясь къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ, съ восхищеніемъ говорилъ: „вотъ для глазъ отверзтая книга чудесъ Божіихъ, которая ясно показываетъ великую премудрость Творца! Бесѣдуя тѣломъ здѣсь, право, мыслю теперь тамъ! Я благодаренъ имъ, что зрѣніемъ и душою дали путешествовать въ безконечности съ Вѣчнымъ Существомъ. Совѣтовалъ бы я безбожникамъ и вольнодумцамъ учиться Астрономіи и почаще быть на обсерваторіи, когда земной шаръ недостаточенъ имъ для увѣренія и когда бродятъ по немъ слѣпо".

Государь любилъ читать лѣтописи и, собравъ ихъ довольно, нѣкогда Ѳеофану Прокоповичу говорилъ: „когда увидимъ мы полную Россіи исторію? Я велѣлъ перевесть многія полезныя книги", а Нартову, механику своему, промолвилъ: „Плюміера любимое искусство мое точить уже переведено, Шитурмова механика".

Я видѣлъ самъ переведенныя на Россійскій языкъ книги, въ кабинетѣ у Государя лежавшія, которыя напередъ изволилъ онъ читать, и послѣ указалъ напечатать: 1) Дѣянія Александра Великаго, 2) Гибнерова—географія, 3) Пуффендорфа — введеніе въ познаніе Европейскихъ государствъ, 4) Леклерка—архитектурное искусство, 5) Бринкена—искусство корабельнаго строенія, 6) Кугорна — новый образецъ укрѣпленія, 7) Боресдорфа — непобѣдимая крѣпость, 8) Бланделя и Вобана — искусство укрѣпленій и еще другія книги, принадлежащія до устроенія шлюзовъ, мельницъ, фабрикъ и горныхъ заводовъ.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго къ флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же за какими-либо дѣлами не могъ побывать тамо, то забавлялся зрѣніемъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день Государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе Голландскіе корабли, Государынѣ съ восторгомъ говорилъ: „ахъ, Катинька, плывутъ къ намъ Голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерства ученика ихъ. Думаю—не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ“. Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобъ прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привесть къ себѣ. Между тѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостью. Часу въ десятомъ къ вечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились прямо къ Государю и по-пріятельски ему говорили:

— Здравствуй, Императоръ Питеръ!

— Добро пожаловать, шкипера.

— Здорово ли ты живешь?

— Да, благодарю Бога.

— Это намъ пріятно.

— Слушай, Императоръ Петръ! сыръ для тебя, полотно наши жены прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну.

— Я благодарю васъ, сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники.

— Пускай кушаетъ твоя супруга.

Его Величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ. Они пили здоровье Ихъ Величествъ.

— Да здравствуетъ много лѣтъ Императоръ Петръ и Императрица супруга его. Слава Богу, мы теперь какъ дома. Есть что попить и поѣсть.

— Пріѣзжай къ намъ, Государь Петръ! мы хорошо тебя попотчуемъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ.

— Вѣрно, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ.

При семъ спрашивалъ Его Величество, сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штурмовъ, какіе товары привезли, и что намѣрены изъ Петербурга обратно взять. И такъ пробывъ съ ними часа съ два. съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ паки въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи: „завтре я вашъ гость“.

Такимъ-то образомъ Императоръ обходился съ Голландцами и тако пріохочивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, чтобъ установить въ Россіи коммерцію моремъ.

Государь, прохаживаясь по картинной галлереѣ въ Монъ-Плезирѣ и любуясь на морскія картины, до которыхъ былъ великій охотникъ, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флота: Россійскій, Англійскій, Датскій и Голландскій, которыми флотами Петръ Великій въ 1716 году командовалъ съ превеликою честію, дѣлая разныя эволюціи, яко искусный вождь и адмиралъ, съ восхищеніемъ Вильстеру и фонъ-Бруинсу говорилъ: „едва ли кто въ свѣтѣ умѣлъ повелѣвать

флотами чужестранныхъ народовъ и своимъ вмѣстѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю довѣренность тѣхъ державъ“.

При такомъ изреченіи, отъ восторга видны были на очахъ его слезы. Толикое-то душа его чувствовала утѣшеніе. Сія картина сдѣлана была нарочно въ Голландіи искуснымъ живописцемъ Адамомъ Зилло, и подарена была въ томъ же году бургомистромъ Витсеномъ. Его Величество приказалъ граверу Пикарду съ оной вырѣзать на мѣди.

Въ началѣ генваря 1725 года, въ самый тотъ мѣсяцъ, когда судьбою Всевышняго опредѣленъ былъ конецъ житія Петра Великаго, и когда уже Его Величество чувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзненные припадки, все еще неутомимый духъ его трудился о пользѣ и славѣ отечества своего. Ибо сочинилъ и написалъ собственною рукою наказъ Камчатской экспедиціи, которая долженствовала провѣдывать и отыскивать мореходствомъ того, не соединяется-ли Азія къ сѣверо-востоку съ Америкою, отдалъ оный наказъ Генералъ-Адмиралу Апраксину, назначивъ самъ къ сему испытанію флотскаго Капитана Витуса Беринга, а въ помощь къ нему Мартына Шпанберга и Алексѣя Чирикова.

Я, будучи тогда безпрестанно при Государѣ, видѣлъ самъ своими глазами то, какъ его Величество спѣшилъ сочинять наставленіе такого важнаго предпріятія, и будто бы предвидѣлъ скорую кончину свою. И какъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, когда окончилъ. Призванному къ себѣ Генералъ-Адмиралу вручивъ, говорилъ слѣдующее: „худое здоровье заставило меня сидѣть дома, я вспомнилъ на сихъ дняхъ то, о чемъ мыслилъ давно, и что другія дѣла предпріять мѣшали, т.-е. о дорогѣ черезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На сей морской картѣ проложенный путь, называемой Аніанъ, назначенъ не напрасно. Въ послѣднемъ путешествіи моемъ въ разговорахъ слышалъ я отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе возможно. Оградя отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусство и науки. Не будемъ ли мы въ изслѣдованіи такого пути счастливѣе Голландцевъ и Англичанъ, которые многократно покушались обыскивать береговъ Американскихъ? О семъ-то написалъ инструкцію, распоряженіе же сего поручаю, Ѳедоръ Матвѣевичъ, за болѣзнію моею твоему попеченію, дабы точно по симъ пунктамъ, до кого сіе принадлежитъ, исполнено было“.

XC. Личность Петра Великаго.

(*Изъ «Курса русской исторіи» проф. В. О. Ключевскаго, ч. IV, М. 1910 г.*).

Петръ Великій по своему духовному складу былъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ людей, на которыхъ достаточно взглянуть, чтобы понять ихъ.

Петръ былъ великанъ, безъ малаго трехъ аршинъ ростомъ, цѣлой головой выше любой толпы, среди которой ему приходилось когда-либо стоять. Христосуясь на Пасху, онъ постоянно долженъ былъ нагибаться до боли въ спинѣ. Отъ природы онъ былъ силачъ; постоянное обращеніе съ топоромъ и молоткомъ еще болѣе развило его мускульную силу и сноровку. Онъ могъ не только свернуть въ трубку серебряную тарелку, но и перерѣзать ножомъ кусокъ сукна на лету. Петръ уродился въ мать и особенно походилъ на одного изъ ея братьевъ, Ѳедора. У Нарышки-

ныхъ живость нервовъ и бойкость мысли были фамильными чертами. Впослѣдствіи изъ среды ихъ вышелъ рядъ остряковъ, а одинъ успѣшно игралъ роль шута-забавника въ салонѣ Екатерины II. Одиннадцатилѣтній Петръ былъ живымъ красивымъ мальчикомъ, какъ описываетъ его иноземный посолъ, представлявшійся въ 1683 г. ему и его брату Ивану. Впослѣдствіе это впечатлѣніе портилось слѣдами сильнаго нервнаго разстройства, причиной котораго былъ либо дѣтскій испугъ во время кровавыхъ кремлевскихъ сценъ 1682 г., либо слишкомъ часто повторявшіеся кутежи, надломившіе здоровье еще не окрѣпшаго организма, а вѣроятно, то и другое вмѣстѣ. Очень рано, уже на двадцатомъ году, у него стала трястись голова и на красивомъ кругломъ лицѣ въ минуты раздумья или внутренняго волненія появлялись безобразившія его судороги. Все это вмѣстѣ съ родинкой на правой щекѣ и привычкой на ходу широко размахивать руками дѣлало его фигуру всюду замѣтной. Въ 1697 г. въ саардамской цырюльнѣ по этимъ примѣтамъ, услужливо сообщеннымъ земляками изъ Москвы, сразу узнали русскаго царя въ плотникѣ изъ Московіи, пришедшемъ побриться. Непривычка слѣдить за собой и сдерживать себя сообщала его большимъ блуждающимъ глазамъ рѣзкое, иногда даже дикое выраженіе, вызывавшее невольную дрожь въ слабонервномъ человѣкѣ. Чаще всего встрѣчаются два портрета Петра. Одинъ написанъ въ 1698 г. въ Англіи по желанію короля Вильгельма III Кнеллеромъ. Здѣсь Петръ съ длинными вьющимися волосами весело смотритъ своими большими круглыми глазами. Несмотря на нѣкоторую слащавость кисти художнику, кажется, удалось поймать неуловимую веселую, даже почти насмѣшливую мину лица, напоминающую сохранившійся портретъ бабушки Стрѣшневой. Другой портретъ написанъ голландцемъ Карломъ Мооромъ въ 1717 г., когда Петръ ѣздилъ въ Парижъ, чтобы ускорить окончаніе Сѣверной войны и подготовить бракъ своей 8-лѣтней дочери Елизаветы съ 7-лѣтнимъ французскимъ королемъ Людовикомъ XV. Парижскіе наблюдатели въ томъ году изображаютъ Петра повелителемъ, хорошо разучившимъ свою повелительную роль, съ тѣмъ же проницательнымъ, иногда дикимъ взглядомъ, и вмѣстѣ политикомъ, умѣвшимъ пріятно обойтись при встрѣчѣ съ нужнымъ человѣкомъ. Петръ тогда уже настолько сознавалъ свое значеніе, что пренебрегалъ приличіями, при выходѣ изъ парижской квартиры спокойно садился въ чужую карету, чувствовалъ себя хозяиномъ всюду, на Сенѣ, какъ на Невѣ. Не таковъ онъ у К. Моора. Усы, точно наклеенные, здѣсь замѣтнѣе, чѣмъ у Кнеллера. Въ складѣ губъ и особенно въ выраженіи глазъ, какъ будто болѣзненномъ, почти грустномъ, чуется усталость: думаешь, вотъ-вотъ человѣкъ попроситъ позволенія отдохнуть немного. Собственное величіе придавило его; нѣтъ и слѣда ни юношеской самоувѣренности, ни зрѣлаго довольства своимъ дѣломъ. При этомъ надобно вспомнить, что этотъ портретъ изображаетъ Петра, пріѣхавшаго изъ Парижа въ Голландію, въ Спа, лѣчиться отъ болѣзни, спустя 8 лѣтъ его похоронившей.

Петръ былъ гостемъ у себя дома. Онъ выросъ и возмужалъ на дорогѣ и на работѣ подъ открытымъ небомъ. Лѣтъ подъ 50, удосужившись оглянуться на свою прошлую жизнь, онъ увидѣлъ бы, что онъ вѣчно куда-нибудь ѣдетъ. Въ продолженіе своего царствованія онъ исколесилъ широкую Русь изъ конца въ конецъ, отъ Архангельска и Невы до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Многолѣтнее безустанное движеніе развило въ немъ подвижность, потребность въ постоянной перемѣнѣ мѣстъ, въ быстрой смѣнѣ впечатлѣній. Торопливость стала его привычкой. Онъ

вѣчно и во всемъ спѣшилъ. Эта подвижность дѣлала его въ молодыхъ лѣтахъ большимъ охотникомъ до танцевъ. Онъ былъ обычнымъ и веселымъ гостемъ на домашнихъ праздникахъ вельможъ, купцовъ, мастеровъ, много и недурно танцовалъ, хотя не проходилъ методически курса танцовальнаго искусства, а перенималъ его „съ одной практики" на вечерахъ у Лефорта. Если Петръ не спалъ, не ѣхалъ, не пировалъ или не осматривалъ чего-нибудь, онъ непремѣнно что-нибудь строилъ. Руки его были вѣчно въ работѣ и съ нихъ не сходили мозоли. За ручной трудъ онъ брался при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ. Съ лѣтами онъ пріобрѣлъ необъятную массу техническихъ познаній. Уже въ первую заграничную его поѣздку нѣмецкія принцессы изъ разговора съ нимъ вывели заключеніе, что онъ въ совершенствѣ зналъ до 14 ремеслъ. Успѣхи въ рукомеслѣ поселили въ немъ большую увѣренность въ ловкости своей руки: онъ считалъ себя и опытнымъ хирургомъ, и хорошимъ зубнымъ врачомъ. Бывало близкіе люди, заболѣвшіе какимъ-либо недугомъ, требовавшимъ хирургической помощи, приходили въ ужасъ при мысли, что царь провѣдаетъ объ ихъ болѣзни и явится съ инструментами, предложитъ свои услуги. Говорятъ, послѣ него остался цѣлый мѣшокъ съ выдернутыми имъ зубами—памятникъ его зубоврачебной практики. Но выше всего ставилъ онъ мастерство корабельное. Никакое государственное дѣло не могло удержать его, когда представлялся случай поработать топоромъ на верфи. И онъ достигъ большого искусства въ этомъ дѣлѣ; современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи. Онъ былъ не только зоркимъ наблюдателемъ и опытнымъ руководителемъ при постройкѣ корабля: онъ самъ могъ сработать корабль съ основанія до всѣхъ техническихъ мелочей его отдѣлки. Изъ него, уроженца континентальной Москвы, вышелъ истый морякъ, которому морской воздухъ нуженъ былъ, какъ вода рыбѣ.

Печальныя обстоятельства дѣтства и молодости, выбившія Петра изъ старыхъ чопорныхъ порядковъ кремлевскаго дворца, пестрое и невзыскательное общество, которымъ онъ потомъ окружилъ себя, самое свойство любимыхъ занятій, заставлявшихъ его поочередно браться то за топоръ, то за пилу или токарный станокъ, то за нравоисправительную дубинку, при подвижномъ, непосѣдномъ образѣ жизни сдѣлали его заклятымъ врагомъ всякаго церемоніала. Петръ ни въ чемъ не терпѣлъ стѣсненій и формальностей. Этотъ властительный человѣкъ, привыкшій чувствовать себя хозяиномъ всегда и всюду, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышалъ, краснѣлъ и обливался потомъ, когда ему приходилось на аудіенціи, стоя у престола въ парадномъ царскомъ облаченіи, въ присутствіи двора выслушивать высокопарный вздоръ отъ представлявшагося посланника. Будничную жизнь свою онъ старался устроить возможно проще и дешевле. Монарха, котораго въ Европѣ считали однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и богатыхъ въ свѣтѣ, часто видали въ стоптанныхъ башмакахъ и чулкахъ, заштопанныхъ собственной женой или дочерьми. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, его приглашали на свадьбу, онъ бралъ экипажъ на прокатъ у щеголя сенатскаго генералъ-прокурора Ягужинскаго. Въ домашнемъ быту Петръ до конца жизни оставался вѣренъ привычкамъ древнерусскаго человѣка, не любилъ просторныхъ и высокихъ залъ и за границей избѣгалъ пышныхъ королевскихъ дворцовъ. Бросивъ кремлевскія хоромы, Петръ вывелъ и натянутую пышность прежней придворной жизни московскихъ царей. При немъ во всей Европѣ развѣ только дворъ

прусскаго короля-скряги Фридриха-Вильгельма I могъ поспорить въ простотѣ съ петербургскимъ; не даромъ Петръ сравнивалъ себя съ этимъ королемъ и говорилъ, что они оба не любятъ мотовства и роскоши. При Петрѣ не видно было во дворцѣ ни камергеровъ, ни камеръ-юнкеровъ, ни дорогой посуды. Обыкновенные расходы двора. поглощавшіе прежде сотни тысячъ рублей, при Петрѣ не превышали 60 тысячъ въ годъ. Обычная прислуга царя состояла изъ 10—12 молодыхъ дворянъ, большею частью незнатнаго происхожденія, называвшихся деньщиками. Петръ не любилъ ни ливрей, ни дорогого шитья на платьяхъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы Петра у второй его царицы былъ многочисленный и блестящій дворъ, устроенный на нѣмецкій ладъ и не уступавшій въ пышности любому двору тогдашней Германіи. Тяготясь самъ царскимъ блескомъ, Петръ хотѣлъ окружить имъ свою вторую жену, можетъ быть, для того, чтобы заставить окружающихъ забыть ея слишкомъ простенькое происхожденіе.

Ту же простоту и непринужденность вносилъ Петръ и въ свои отношенія къ людямъ; въ обращеніи съ другими у него мѣшались привычки старорусскаго властнаго хозяина съ замашками безцеремоннаго мастерового. Придя въ гости, онъ садился, гдѣ ни попало, на первое свободное мѣсто; когда ему становилось жарко. онъ, не стѣсняясь, при всѣхъ скидалъ съ себя кафтанъ. Когда его приглашали на свадьбу маршаломъ, т.-е. распорядителемъ пира, онъ аккуратно и дѣловито исполнялъ свои обязанности; распорядившись угощеніемъ, онъ ставилъ въ уголъ свой маршальскій жезлъ и, обратившись къ буфету, при всѣхъ бралъ жаркое съ блюда прямо руками. Послѣ дневныхъ трудовъ, въ досужіе вечерніе часы, когда Петръ по обыкновенію или уѣзжалъ въ гости, или у себя принималъ гостей, онъ бывалъ веселъ, обходителенъ, разговорчивъ, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыхъ собесѣдниковъ, слышать непринужденную бесѣду за стаканомъ венгерскаго, въ которой и самъ принималъ участіе, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, не забывая своего стакана, и терпѣть не могъ ничего, что разстраивало такую бесѣду, никакого ехидства, выходокъ. колкостей, а тѣмъ паче ссоръ и брани; провинившагося тотчасъ наказывали, заставляя „пить штрафъ", опорожнить бокала три вина или одного „орла" (большой ковшъ), чтобы „лишняго не вралъ и не задиралъ". Но добрый по природѣ, какъ человѣкъ, Петръ былъ грубъ, какъ царь, не привыкшій уважать человѣка ни въ себѣ, ни въ другихъ; среда намъ уже знакомая, въ которой онъ выросъ, и не могла воспитать въ немъ этого уваженія. Природный умъ, лѣта, пріобрѣтенное положеніе прикрывали потомъ эту прорѣху молодости; но порой она просвѣчивала и въ поздніе годы. Любимецъ Алексашка Меншиковъ въ молодости не разъ испытывалъ на своемъ продолговатомъ лицѣ силу петровскаго кулака. На большомъ праздяествѣ одинъ иноземный артиллеристъ, назойливый болтунъ, въ разговорѣ съ Петромъ расхвастался своими познаніями, не давая царю выговорить слова. Петръ слушалъ-слушалъ хвастуна, наконецъ не вытерпѣлъ и, плюнувъ ему прямо въ лицо, молча отошелъ въ сторону. Простота обращенія и обычная веселость дѣлали иногда обхожденіе съ нимъ столь же тяжелымъ, какъ и его вспыльчивость или находившее на него по временамъ дурное расположеніе духа, выражавшееся въ извѣстныхъ его судорогахъ. Приближенные, чуя грозу при видѣ этихъ признаковъ, немедленно звали Екатерину, которая сажала Петра и брала его за голову, слегка ее почесывая. Царь быстро засыпалъ, и все вокругъ замирало,

пока Екатерина неподвижно держала его голову въ своихъ рукахъ. Часа черезъ два онъ просыпался бодрымъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но и независимо отъ этихъ болѣзненныхъ припадковъ прямой и откровенный Петръ не всегда бывалъ деликатенъ и внимателенъ къ положенію другихъ, и это портило непринужденность, какую онъ вносилъ въ свое общество. Въ добрыя минуты онъ любилъ повеселиться и пошутить; но часто его шутки шли черезъ край, становились неприличны или жестоки. Въ 1721 г. на свадьбѣ старика-вдовца кн. Ю. Ю. Трубецкого, женившагося на 20 лѣтней Головиной, когда подали большое блюдо со стаканами желе, Петръ велѣлъ отцу невѣсты, большому охотнику до этого лакомства, какъ можно шире раскрыть ротъ и принялся совать ему въ горло кусокъ за кускомъ, даже самъ раскрывалъ ему ротъ, когда тотъ разѣвалъ его недостаточно широко. Въ то же время за другимъ столомъ дочь хозяина, пышная богачка и модница, кн. Черкасская, стоя за стуломъ своего брата, хорошо образованнаго молодого человѣка, бывшаго дружкой на свадьбѣ отца, по знаку сидѣвшей тутъ императрицы принималась щекотать его, а тотъ ревѣлъ, какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, при дружномъ хохотѣ всего общества, самаго изящнаго въ тогдашнемъ Петербургѣ.

Такой юморъ царя сообщалъ тяжелый характеръ увеселеніямъ, какія онъ завелъ при своемъ дворѣ.

Эти оффиціальныя празднества были тяжелы, утомительны. Но еще хуже были увеселенія, тоже штатныя и непристойныя до цинизма. Трудно сказать, что̀ было причиной этого, потребность ли въ грязномъ разсѣяніи послѣ черной работы, или непривычка обдумывать свои поступки. Петръ старался облечь свой разгулъ съ сотрудниками въ канцелярскія формы, сдѣлать его постояннымъ учрежденіемъ. Такъ возникла коллегія пьянства или „сумасброднѣйшій, всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ“.

Но Петръ отъ природы не былъ лишенъ средствъ создать себѣ болѣе приличныя развлеченія. Онъ, несомнѣнно, былъ одаренъ здоровымъ чувствомъ изящнаго, тратилъ много хлопотъ и денегъ, чтобы доставать хорошія картины и статуи въ Германіи и Италіи: онъ положилъ основаніе художественной коллекціи, которая теперь помѣщается въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Онъ имѣлъ вкусъ особенно къ архитектурѣ; объ этомъ говорятъ увеселительные дворцы, которые онъ построилъ вокругъ своей столицы и для которыхъ выписывалъ за дорогую цѣну съ Запада первоклассныхъ мастеровъ, въ родѣ, напримѣръ, знаменитаго въ свое время Леблона, „прямой диковины“, какъ называлъ его самъ Петръ, сманившій его у французскаго двора за громадное жалованье. Построенный этимъ архитекторамъ петергофскій дворецъ Монплезиръ, со своимъ кабинетомъ, украшеннымъ превосходной рѣзной работой, съ видомъ на море и тѣнистыми садами, вызывалъ заслуженныя похвалы отъ посѣщавшихъ его иностранцевъ. Правда, незамѣтно, чтобы Петръ былъ любителемъ классическаго стиля: онъ искалъ въ искусствѣ лишь средства для поддержанія легкаго, бодраго расположенія духа; упомянутый его петергофскій дворецъ украшенъ былъ превосходными фламандскими картинами, изображавшими сельскія и морскія сцены, большею частью забавныя. Привыкнувъ жить кое-какъ, въ черной работѣ, Петръ, однако, сохранилъ умѣнье быть неравнодушнымъ къ тому ландшафту, особенно съ участіемъ моря, и бросалъ большія деньги на загородный дворецъ съ искусственными террасами, каскадами, хитрыми фонтанами, цвѣтниками и т. п. Онъ обладалъ сильнымъ эстетическимъ чутьемъ; только оно развивалось у

Петра нѣсколько односторонне, сообразно съ общимъ направленіемъ его характера и образа жизни. Привычка вникать въ подробности дѣла, работа надъ техническими деталями создала въ немъ геометрическую мѣткость взгляда, удивительный глазомѣръ, чувство формы и симметріи; ему легко давались пластическія искусства, нравились сложные планы построекъ; но онъ самъ признавался, что не любитъ музыки, и съ трудомъ переносилъ на балахъ игру оркестра.

По временамъ на шумныхъ увеселительныхъ собраніяхъ петровой компаніи слышались и серьезные разговоры. Чѣмъ шире развертывались дѣла войны и реформы, тѣмъ чаще Петръ со своими сотрудниками задумывался надъ смысломъ своихъ дѣяній. Эти бесѣды любопытны не столько взглядами, какіе въ нихъ высказывались, сколько тѣмъ, что позволяютъ ближе всмотрѣться въ самихъ собесѣдниковъ, въ ихъ побужденія и отношенія, и притомъ смягчаютъ впечатлѣніе ихъ петрезвой и безпорядочной обстановки. Сквозь табачный дымъ и звонъ стакановъ пробивается политическая мысль, освѣщающая этихъ дѣльцовъ съ другой, болѣе привлекательной стороны. Татищевъ въ своей Исторіи Россійской передаетъ разсказъ объ одной застольной бесѣдѣ, слышанной, очевидно, отъ собесѣдниковъ. Дѣло было въ 1717 г., когда блеснула надежда на скорое окончаніе тяжкой войны. Сидя за столомъ на пиру со многими знатными людьми, Петръ разговорился о своемъ отцѣ, объ его дѣлахъ въ Польшѣ, о затрудненіяхъ, какія надѣлалъ ему патріархъ Никонъ. Мусинъ-Пушкинъ принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексѣй самъ мало что дѣлалъ, а больше Морозовъ съ другими великими министрами; все дѣло въ министрахъ: каковы министры у государя, таковы его и дѣла. Государя раздосадовали эти рѣчи; онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Мусину-Пушкину: „Въ твоемъ порицаніи дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ больше брани на меня, чѣмъ я могу стерпѣть". Потомъ, подошедши къ кн. Я. Ѳ. Долгорукому, не боявшемуся спорить съ царемъ въ Сенатѣ, и ставъ за его стуломъ, говорилъ ему: „Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ; а теперь я спрошу тебя, какъ ты думаешь о дѣлахъ отца моего и моихъ, и увѣренъ, что ты нелицемѣрно скажешь мнѣ правду". Долгорукій отвѣчалъ: „Изволь, государь, присѣсть, а я подумаю". Петръ сѣлъ подлѣ него, а тотъ по привычкѣ сталъ разглаживать свои длинные усы. Всѣ на него смотрѣли и ждали, что̀ онъ скажетъ. Помолчавъ немного, князь говорилъ такъ:

„На вопросъ твой нельзя отвѣтить коротко, потому что у тебя съ отцомъ дѣла разныя: въ одномъ ты больше заслуживаешь хвалы и благодарности, въ другомъ — твой отецъ. Три главныя дѣла у царей: первое — внутренняя расправа и правосудіе; это ваше главное дѣло. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о томъ не было, и потому въ этомъ отецъ твой больше тебя сдѣлалъ. Но когда ты займешься этимъ, можетъ быть, и больше отцова сдѣлаешь. Да и пора ужъ тебѣ о томъ подумать. Другое дѣло — военное. Этимъ дѣломъ отецъ твой много хвалы заслужилъ и великую пользу государству принесъ, устройствомъ регулярныхъ войскъ тебѣ путь показалъ; но послѣ него неразумные люди всѣ его начинанія разстроили, такъ что ты почти все вновь начиналъ и въ лучшее состояніе привелъ.

Однако, хоть и много я о томъ думалъ, но еще не знаю, кому изъ васъ въ этомъ дѣлѣ предпочтеніе отдать: конецъ войны прямо намъ это покажетъ. Третье дѣло — устройство флота, внѣшніе союзы, отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Въ этомъ ты гораздо больше пользы государству принесъ и себѣ чести заслужилъ, нежели твой отецъ, съ чѣмъ, надѣюсь, и самъ согласишься. А что говорятъ, якобы каковы министры у государей, таковы и дѣла ихъ, такъ я думаю о томъ совсѣмъ напротивъ, что умные государи умѣютъ и умныхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать. Потому у мудраго государя не можетъ быть глупыхъ министровъ, ибо онъ можетъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отличить". Петръ выслушалъ все терпѣливо и, расцѣловавъ Долгорукова, сказалъ: „Благій рабе вѣрный! въ малѣ былъ еси мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю". Меншикову и другимъ сіе весьма было прискорбно,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Татищевъ,— и они всѣми мѣрами усиливались озлобить его государю, но ничего не успѣли".

Петръ прожилъ свой вѣкъ въ постоянной и напряженной физической дѣятельности, вѣчно вращаясь въ потокѣ внѣшнихъ впечатлѣній, и потому развилъ въ себѣ внѣшнюю воспріимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку. Но онъ не былъ охотникъ до досужихъ общихъ соображеній; во всякомъ дѣлѣ ему легче давались подробности работы, чѣмъ ея общій планъ: онъ лучше соображалъ средства и цѣли, чѣмъ слѣдствія; во всемъ онъ былъ больше дѣлецъ, мастеръ, чѣмъ мыслитель. Такой складъ его ума отразился и на его политическомъ и нравственномъ характерѣ. Петръ выросъ въ средѣ, совсѣмъ неблагопріятной для политическаго развитія. То были семейство и придворное общество царя Алексѣя, полныя вражды, мелкихъ интересовъ и ничтожныхъ людей. Придворныя интриги и перевороты были первоначальной политической школой Петра. Злоба сестры выбросила его изъ царской обстановки и оторвала отъ сросшихся съ ней политическихъ понятій. Этотъ разрывъ самъ по себѣ не былъ большой потерей для Петра. Политическое сознаніе кремлевскихъ умовъ XVII в. представляло безпорядочный хламъ, составившійся частью изъ унаслѣдованныхъ отъ прежней династіи церемоніальныхъ ветошей и вотчинныхъ привычекъ, частію изъ политическихъ вымысловъ и двусмыслицъ, мѣшавшихъ первымъ царямъ новой династіи понять свое положеніе въ государствѣ. Несчастье Петра было въ томъ, что онъ остался безъ всякаго политическаго сознанія съ однимъ смутнымъ и безсодержательнымъ ощущеніемъ, что у его власти нѣтъ границъ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознанія долго ничѣмъ не наполнялась. Мастеровой характеръ усвоенныхъ съ дѣтства занятій, ручная черная работа мѣшала размышленію, отвлекала мысль отъ предметовъ, составляющихъ необходимый матеріалъ политическаго воспитанія, и въ Петрѣ выросталъ правитель безъ правилъ, одухотворяющихъ и оправдывающихъ власть, безъ элементарныхъ политическихъ понятій и общественныхъ сдержекъ. Недостатокъ сужденія и нравственная неустойчивость при геніальныхъ способностяхъ и обширныхъ техническихъ познаніяхъ рѣзко бросались въ глаза и заграничнымъ наблюдателямъ 25-лѣтняго Петра, и имъ казалось, что природа готовила въ немъ скорѣе хорошаго плотника, чѣмъ великаго государя. Съ дѣтства плохо направленный нравственно и рано испорченный физически, невѣроятно грубый по воспитанію и образу жизни и безчеловѣчный по ужаснымъ обстоятельствамъ молодости, онъ при этомъ былъ по-

лонъ энергіи, чутокъ и наблюдателенъ по природѣ. Этими природными качествами нѣсколько сдерживались недостатки и пороки, навязанные ему средой и жизнью. Уже въ 1698 г. англійскій епископъ Бернетъ замѣтилъ, что Петръ съ большими усиліями старается побѣдить въ себѣ страсть къ вину. Какъ ни мало былъ Петръ внимателенъ къ политическимъ порядкамъ и общественнымъ нравамъ Запада, онъ при своей чуткости не могъ не замѣтить, что тамошніе народы воспитываются и крѣпнутъ не кнутомъ и застѣнкомъ, а жестокіе уроки, данные ему подъ первымъ Азовомъ, подъ Нарвой и на Прутѣ, постепенно указывали ему на его политическую неподготовленность, и по мѣрѣ этого начиналось и усиливалось его политическое самообразованіе: онъ сталъ понимать крупные пробѣлы своего воспитанія и вдумываться въ понятія, во-время имъ не продуманныя, о государствѣ, народѣ, о правѣ и долгѣ, о государѣ и его обязанностяхъ. Онъ умѣлъ свое чувство царственнаго долга развить до самоотверженнаго служенія, но не могъ уже отрѣшиться отъ своихъ привычекъ, и если несчастія молодости помогли ему оторваться отъ кремлевскаго политическаго жеманства, то онъ не сумѣлъ очистить свою кровь отъ единственнаго крѣпкаго направителя, московской политики, отъ инстинкта произвола. До конца онъ не могъ понять ни исторической логики, ни физіологіи народной жизни. Впрочемъ, нельзя слишкомъ винить его за это; съ трудомъ понималъ это и мудрый политикъ и совѣтникъ Петра Лейбницъ, думавшій и, кажется, увѣрявшій Петра, что въ Россіи тѣмъ лучше можно насадить науки, чѣмъ меньше она къ тому подготовлена. Вся преобразовательная его дѣятельность направлялась мыслію о необходимости и всемогуществѣ властнаго принужденія: онъ надѣялся только силой навязать народу недостающія ему блага и, слѣдовательно, вѣрилъ въ возможность своротить народную жизнь съ ея историческаго русла и вогнать въ новые берега. Потому, радѣя о народѣ, онъ до крайности напрягалъ его трудъ, тратилъ людскія средства и жизни безрасчетно, безъ всякой бережливости. Петръ былъ честный и искренній человѣкъ, строгій и взыскательный къ себѣ, справедливый и доброжелательный къ другимъ; но по направленію своей дѣятельности онъ больше привыкъ обращаться съ вещами, съ рабочими орудіями, чѣмъ съ людьми; а потому и съ людьми обращался, какъ съ рабочими орудіями, умѣлъ пользоваться ими, быстро угадывалъ, кто на что годенъ, но не умѣлъ и не любилъ входить въ ихъ положеніе, беречь ихъ силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Петръ зналъ людей, но не умѣлъ или не всегда хотѣлъ понимать ихъ. Эти особенности его характера печально отразились на его семейныхъ отношеніяхъ. Великій знатокъ и устроитель своего государства, Петръ плохо зналъ одинъ уголокъ его, свой собственный домъ, свою семью, гдѣ онъ бывалъ гостемъ. Онъ не ужился съ первой женой, имѣлъ причины жаловаться на вторую и совсѣмъ не поладилъ съ сыномъ, не уберегъ его отъ враждебныхъ вліяній, что привело къ гибели царевича и подвергло опасности самое существованіе династіи.

Такъ Петръ вышелъ непохожъ на своихъ предшественниковъ, хотя между ними и можно замѣтить нѣкоторую генетическую связь, историческую преемственность ролей и типовъ. Петръ былъ великій хозяинъ, всего лучше понимавшій экономическіе интересы, всего болѣе чуткій къ источникамъ государственнаго богатства. Подобными хозяевами были и его предшественники, цари старой и новой династіи, но тѣ были хозяева-сидни, бѣлоручки, привыкшіе хозяйничать чужими руками, а изъ

Петра вышелъ подвижной хозяинъ-чернорабочій, самоучка, царь-мастеровой.

XCI. Взгляды русскаго общества и науки на реформу Петра Великаго [1]).

(*Очеркъ С. В. Вознесенскаго* [1]).

Реформаторская дѣятельность Петра Великаго происходила въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. Прошло двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ эта дѣятельность дождалась хоть сколько-нибудь объективно-научнаго истолкованія. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ въ русскомъ обществѣ и въ русской наукѣ развивались два взгляда на Петровскую реформу, которые, несмотря на діаметрально-противоположные выводы относительно ея значенія, исходили изъ одного и того же основного положенія. Сторонники обоихъ взглядовъ полагали, что Петръ, представляя собой выдающуюся по силѣ воли личность, нарушилъ естественный ходъ русской исторіи, совершилъ цѣлый переворотъ въ жизни Руси, глубоко измѣнившій ея національный обликъ. Разница же между ними заключалась лишь въ томъ, что одни вполнѣ оправдывали этотъ переворотъ, считая его великой заслугой Петра предъ родиной и человѣчествомъ, а другіе относились къ этому перевороту отрицательно, видя въ немъ несчастіе для Россіи.

Оба эти взгляда современной наукой отвергнуты, какъ одинаково ошибочные, но въ обществѣ они держатся еще и въ наши дни: традиція уступаетъ наукѣ поле битвы лишь послѣ долгаго, упорнаго сопротивленія. А между тѣмъ оба эти взгляда какъ разъ и являются традиціонными, какъ впервые возникшіе еще въ самый разгаръ дѣятельности Петра.

Эта дѣятельность носила, какъ извѣстно, слишкомъ бурный характеръ и къ тому же захватила положительно всѣ сферы тогдашней жизни, которую Петръ дѣйствительно взволновалъ до самаго дна и не столько своими нововведеніями, сколько пріемами, съ помощью которыхъ они проводились. Послѣ осторожной и медлительной политики московскаго правительства, рѣшительныя и быстрыя видоизмѣненія стараго порядка при Петрѣ русское общество сочло за полное его уничтоженіе. Нервный, лихорадочный пульсъ петровскихъ реформъ, ихъ черезчуръ пылкій темпераментъ порождали въ умахъ современниковъ острое ощущеніе чего-то небывалаго. У нихъ невольно рождалось убѣжденіе, что они жили при безпримѣрной ломкѣ всего стараго и грандіозномъ созиданіи новаго. „Такое впечатлѣніе современниковъ понятно и естественно,—замѣчаетъ по этому поводу проф. Ключевскій:—люди, попавшіе въ вихрь шумныхъ и важныхъ событій, оглядываясь на нихъ послѣ, вообще расположены преувеличивать размѣры и значеніе пережитаго". При этомъ какъ въ лагерѣ приверженцевъ преобразованій, такъ и въ лагерѣ поборниковъ

---

[1]) Пособіями служили слѣд. соч.: *Е. Шмурло*: „Петръ Великій въ русской литературѣ"; *С. Ѳ. Платоновъ*: „Лекціи по русской исторіи"; *В. О. Ключевскій*: „Курсъ русской исторіи"; *Щербатовъ*: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи"; *Кавелинъ*: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси"; *Соловьевъ*: „Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ".

старины плохо знали прошлое Руси, вслѣдствіе чего не могли уловить въ творчествѣ Петра исторической традиціи и считали ее поэтому не національной, обусловленной исключительно личной волей царя. „Эта новизна,—говоритъ проф. Платоновъ,—для однихъ была пріятна, потому что они видѣли въ ней осуществленіе своихъ желаній и симпатій; для другихъ же была ужаснымъ дѣломъ, ибо, какъ имъ казалось, подрывались основы стараго быта, освященнаго стариннымъ московскимъ правовѣріемъ“. Не только сознательно-безпристрастнаго, но даже безсознательно-спокойнаго отношенія къ Петру и его дѣлу не было ни у кого. Сторонники Преобразователя преклонялись предъ нимъ, какъ передъ „земнымъ богомъ“, и пѣли въ честь него панегирики; противники писали по его адресу дышавшіе разнузданной яростью памфлеты, авторы которыхъ въ лицѣ императора не страшились признавать антихриста. Всюду чувствуя слѣды его дѣятельности, и тѣ и другіе прежде всего ставили на недосягаемую для простыхъ смертныхъ высоту самую личность Петра, преувеличивали силы его до сверхъестественныхъ предѣловъ. Но одни считали Петра творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя, а другіе—всего, что казалось имъ дурнымъ.

Послѣдніе, конечно, составляли подавляющее большинство,—и Посошковъ былъ до извѣстной степени правъ, когда писалъ, что Петръ, можетъ быть, самъ-десять тянетъ въ гору, а подъ гору тянутъ милліоны. Дѣятельность Петра шла слишкомъ въ разрѣзъ съ понятіями и нравами этихъ „милліоновъ“, съ ихъ возведенной въ систему косностью, и немудрено, что она сразу приковала къ себѣ ихъ вниманіе, породивъ среди нихъ чувство негодованія, которое не разъ прорывалось въ мятежахъ и заговорахъ, устраивавшихся во имя попранной старины. Петръ, по выраженію проф. Ключевскаго, „шелъ противъ вѣтра и собственнымъ ускореннымъ движеніемъ усиливалъ вѣтренное сопротивленіе“. Всякое противодѣйствіе, которое встрѣчалось ему на пути, онъ безжалостно уничтожалъ. Кнутъ, конфискація имущества, каторга, наконецъ, смертная казнь пускались въ ходъ, превращая открытое народное недовольство въ тайную озлобленность. И это началось съ самыхъ первыхъ шаговъ реформы Петра, съ 1698 г., когда царь, по возвращеніи изъ-за границы, не побывавъ въ Кремлѣ и не помолившись Иверской, пропировалъ всю ночь въ Нѣмецкой слободѣ, а на другой день принялся за стрижку бородъ и отрѣзываніе длинныхъ полъ однорядокъ и ферязей у своихъ приближенныхъ: черезъ нѣсколько же дней онъ возобновилъ стрѣлецкій розыскъ, подвергнувъ уже осужденныхъ стрѣльцовъ новой суровой расправѣ.

Жестокость и еретическія замашки государя изумили народъ и подняли въ его средѣ оживленные толки, общій тонъ которыхъ, разумѣется, былъ рѣзко оппозиціонный. Въ Москвѣ и по областямъ роптали на Петра за то, что онъ „бороды брѣетъ и съ нѣмцами водится“, что благодаря этому „и вѣра стала нѣмецкая“. Особенно ненавистно народу было отношеніе Петра къ знакомой ему черезъ Лефорта дѣвицѣ Аннѣ Монсъ, за что царя прозвали Лефортовымъ зятемъ. Признавая, что Петръ „ожидовился“, и соображая: „чего ждать отъ басурмана“, многіе не удивлялись и его жестокости къ стрѣльцамъ,—„стрѣльцы вѣдь за вѣру стояли“. Но все же эта жестокость поражала народное воображеніе: даже бабы говорили между собой: „котораго дня государь и князь Рамодановскій [1]) крови

[1]) Начальникъ Преображенскаго Приказа, вѣдавшаго—мы сказали бы теперь—политическія дѣла и дѣла по государственной измѣнѣ, а также разбойныя и татебныя.

изопьютъ, того дня и тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся".

Когда же началась Сѣверная война, Петръ еще болѣе приковалъ къ себѣ вниманіе народа, потребовавъ отъ него новыхъ тяжелыхъ жертвъ въ видѣ усиленныхъ податей и повинностей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ. Правда, всѣ эти государственныя тягости больно чувствовались населеніемъ и въ XVII в., но тогда въ нихъ винили не царя, а его помощниковъ, составлявшихъ дѣйствительно средостѣніе между верховной властью и обществомъ. Петръ же первый изъ государей уничтожилъ на время это средостѣніе и вошелъ въ непосредственныя сношенія съ народомъ, явился передъ нимъ такимъ, какимъ былъ. И понятно, что все то недовольство, какое породилъ въ обществѣ государственный гнетъ, обрушилось на Петра, какъ единственнаго стоявшаго у всѣхъ на виду виновника его. Ему желали смерти, разсуждая: „какъ бы Петра убили, такъ бы и служба минула, и черни бы легче было"; вѣдь „если онъ долго станетъ жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ". Но Петръ жилъ и предъявлялъ къ народу все новыя требованія. Обезсилѣвшіе отъ нихъ съ отчаяніемъ восклицали: „Міроѣдъ! весь міръ поѣлъ, на него, кутилку, переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы". Петра считали не государемъ-отцомъ, а врагомъ своихъ подданныхъ, и считали положительно во всѣхъ слояхъ общества. Крестьяне жаловались: „какъ Богъ его намъ на царство послалъ, такъ мы и свѣтлыхъ дней не видали: тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы; отдыха нашей братьи, крестьянству, нѣтъ". Имъ вторили солдатскія жены: „какой онъ царь, мужей нашихъ въ солдаты побралъ, всѣхъ крестьянъ съ дворами разорилъ, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и вѣчно плакать заставилъ". Этотъ ропотъ подхватывалъ и дворянинъ: „какой онъ царь, всю нашу братію на службу выволокъ, и людей нашихъ и крестьянъ въ рекруты побралъ; никуда отъ него не уйдешь; всѣ на плотахъ (на морскихъ постройкахъ) распропали". Такимъ образомъ и личность Петра, со всѣми ея культурными склонностями, и его политическая дѣятельность были чужды разумѣнію народа и возбуждали въ его средѣ одно лишь недовольство. „Не понимая происходящаго, — говоритъ проф. Платоновъ, — всѣ недовольные съ недоумѣніемъ ставили себѣ вопросъ о Петрѣ: „какой онъ царь", и не находили сразу отвѣта. Поведеніе Петра, для массы загадочное, ничѣмъ не похожее на традиціонный чинъ жизни московскихъ государей, приводило къ другому вопросу: „никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ". И многіе рѣшились утверждать о Петрѣ, что это не государь, что „нынѣ владѣетъ".

Дойдя до этой страшной догадки, народная фантазія принялась усиленно работать, чтобы отвѣтить себѣ, кто же такой Петръ, или тотъ, „кто нынѣ владѣетъ". И уже въ самомъ началѣ XVIII в. появилось два отвѣта, сложившихся подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, какія народъ вынесъ изъ событій предшествовавшаго XVII ст. „Тогда, — говоритъ проф. Ключевскій, — народъ въ Московскомъ государствѣ видѣлъ очень много странныхъ вещей: сначала передъ нимъ прошелъ рядъ самозванцевъ, незаконныхъ правительствъ, которыя дѣйствовали, иногда удачно поддѣлываясь подъ настоящую привычную власть; потомъ передъ глазами народа потянулся рядъ законныхъ правителей, которые дѣйствовали совершенно не по-старому: хотѣли разрушить завѣтный гражданскій и церковный порядокъ, поколебать родную старину, ввести нѣмца въ государство, антихриста въ церковь". Другими словами, народъ вышелъ изъ переходной эпохи XVII в. съ убѣжденіемъ, что его врагомъ можетъ быть

самозванецъ и антихристъ. Видя же въ Петрѣ врага, народъ и назвалъ его самозванцемъ и антихристомъ. Матерьялъ для перваго отвѣта дало прежде всего заграничное путешествіе Петра. Стали говорить, что во время поѣздки по нѣмецкимъ землямъ русскій царь былъ плѣненъ въ Стекольномъ царствѣ (Швеціи) королевой и тамъ „закладенъ въ столбѣ", а на Русь выпущенъ вмѣсто него „нѣмчинъ", который и правитъ государствомъ въ образѣ Петра. Варіантомъ къ этой легендѣ служили разсказы, что Петръ въ Швеціи не закладенъ въ столбѣ, а „въ бочку закованъ и въ море пущенъ", или что онъ по возвращеніи изъ-за границы, непринятый боярами, скрылся. Нѣмецкія привычки Петра дали матеріалъ и для другой легенды о его самозванствѣ. Говорили, что Наталія Кирилловна родила дѣвочку, которую подмѣнили нѣмченкомъ, родившимся отъ нѣмки беззаконной да Лефорта. И когда царица отходила съ сего свѣта, она сказала ему: „ты де не сынъ мой, ты подмѣненный". На чемъ основывалось это мнѣніе, видно изъ слѣдующихъ словъ легенды: „велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что отъ нѣмки родился".

Сближеніе же Петра съ антихристомъ возникло на почвѣ религіознаго недовольства имъ въ обществѣ, глубоко встревоженномъ еще реформами Никона. „Вотъ ужъ и на Бога наступилъ, съ церквей колокола снимаетъ", говорили въ народѣ уже въ первые годы Сѣверной войны. Позже религіозное самосознаніе народа часто оскорблялось, помимо отношеній Петра къ нѣмцамъ, его прямыми насмѣшками надъ православнымъ духовенствомъ, а также цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ относительно церкви. „Поддразнивая пугливую совѣсть пустяками вродѣ брадобренія, или безобразіями пьянаго собора —говоритъ проф. Ключевскій,— Петръ вызывалъ тревожные, суевѣрные толки о конечной гибели благочестія, о послѣднихъ временахъ и о необходимости вольнаго страданія ради спасенія души. Эти толки, обращаясь на ихъ виновника, и породили легенду о царѣ-антихристѣ". И ей вѣрилъ не только темный народъ, но и нѣкоторые представители высшаго свѣтскаго и церковнаго общества. Тамбовскій архіерей Игнатій, напримѣръ, принимая у себя одного изъ авторовъ лелеиды, Талицкаго, лобызалъ его, благословляя: „Павловы де твои уста"; а бояринъ кн. Хованскій плакался передъ этимъ Талицкимъ, что былъ посланъ ему, боярину, мученическій вѣнецъ, да онъ смалодушничалъ, согласившись обрить себѣ бороду. Такъ „фантазія народнаго множества, которому кнутъ и монахъ очертили дозволенные предѣлы мышленія, —говоритъ проф Ключевскій,— нарядила Петра въ самые постылые образы, какіе нашлись въ хламѣ ея представленій".

Такое же преувеличенное впечатлѣніе отъ личности Петра и его дѣятельности создавалось и въ новыхъ людяхъ—его сторонникахъ. „Захолустный провинціалъ,—говоритъ проф. Шмурло,—неожиданно попавшій въ круговоротъ шумной столичной жизни и совершенно ошеломленный невиданными диковинками, —вотъ на кого походилъ всякій, кто питалъ сочувствіе къ Петру и крѣпко держался его преобразованій. Какъ ничтожна, мелка должна была ему казаться теперь вся его прошлая обстановка и дѣятельность! Теперь онъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, какъ бы вновь рождался, чтобы зажить болѣе интересной содержательною жизнью. И все это совершалось въ мгновеніе ока, по мановенію какой-то волшебной руки! Честь и хвала этой силѣ! Кто въ состояніи сравниться съ нею? Это сила необычная, свѣтоносная, божественная, — это самъ Богъ". Только въ отзывахъ о Петрѣ его приверженцевъ, вмѣсто вопля отчаянія, слышится голосъ торжества.

Поднося Петру титулъ императора, канцлеръ гр. Головкинъ отъ имени сената и всѣхъ государственныхъ чиновъ говорилъ царю: „Единыя вашими неустанными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта и, тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены". И эта точка зрѣнія на Петра была хорошо усвоена нѣкоторыми людьми первой половины XVIII столѣтія, его современниками-сотрудниками и ближайшими потомками. Она особенно сказалась въ ихъ выраженіяхъ скорби по поводу смерти Преобразователя. „Что се есть, до чего мы дожили, о, россіяне, что видимъ?—восклицалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ при погребеніи Петра, называя его „воскресившимъ, аки отъ мертвыхъ, Россію". „Вотъ царь, такъ царь, даромъ хлѣба не ѣлъ, пуще мужика работалъ", искренне и простодушно восхищался Петромъ одинъ олонецкій крестьянинъ. Тѣмъ же восхищеніемъ, смѣшанымъ съ скорбью по поводу смерти Петра, дышали слова токаря Нартова: „Нѣтъ болѣе Петра В. съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы любовь нашу къ земному Богу погребемъ вмѣстѣ съ собою". Оглядываясь на Московскую старину и сравнивая ее съ современностью, Неплюевъ замѣчаетъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди, однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впередъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ". И этотъ образъ Петра воплощенъ и тогдашней художественной литературой въ произведеніяхъ Третьяковскаго, Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, и въ первыхъ историческихъ опытахъ, посвященныхъ царствованію Петра, напримѣръ, Кириллова, Шафирова, Крекшина, откровенно заявившаго, что онъ „недостоинъ отрѣшити раменъ сапога его, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзать", и др.

Если мы перейдемъ теперь во вторую половину XVIII в., то прежде всего увидимъ, что та рѣзкая оппозиція дѣлу Петра, тѣ безудержныя нападки по адресу Преобразователя, которые исходили изъ лагеря слѣпыхъ приверженцевъ старины, теперь улеглись. Верхи русскаго народа, даже противъ желанія, все же подверглись вліянію реформы, восприняли ея духъ и уже не мечтали о возвратѣ назадъ, въ Московскую Русь, тѣмъ болѣе, что преемники Петра подкупали ихъ и своей соціальной политикой, приводившей къ раскрѣпощенію дворянства отъ службы и окончательному закрѣпощенію въ ихъ пользу крестьянъ. Точно также примирилось съ созданной Петромъ „Новой Россіей" и духовенство, ясно вскорѣ увидѣвшее, что реформа въ общемъ нисколько не пошатнула его прежняго положенія. А народная масса, и при Петрѣ мало выражавшая свое мнѣніе, свои мысли, теперь уже не испытывала гнетъ Петровой руки, а страдала отъ ряда новыхъ тяжестей, свалившихся на нее послѣ Петра. Со смертью Преобразователя перестали заниматься имъ и старообрядцы. Они раскололись къ этому времени на массу толковъ и были заняты новыми жгучими вопросами, которые возникли въ расколѣ послѣ того, какъ не оправдались ожиданія близкой гибели міра.

Попрежнему интересовалось Петромъ лишь такъ называемое общество, сложившееся въ результатѣ его реформы и воспитанное подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ. И вотъ въ этомъ-то новомъ, послѣреформенномъ обществѣ, бывшемъ ранѣе всецѣло на сторонѣ Петра, во вторую половину XVIII в. среди прежняго восторженнаго хора, какой продолжалъ гремѣть и теперь, встрѣчаются отдѣльные голоса критики

и даже осужденія. „И не со стороны тѣхъ,—говоритъ проф. Шмурло,— кто видѣлъ въ Петрѣ антихриста, а въ бородѣ все спасеніе, нѣтъ, эти голоса раздаются уже среди обритыхъ короткокафтанниковъ, среди людей, освоившихся съ западной цивилизаціей“. За полстолѣтіе послѣ смерти Петра, русское общество сдѣлало значительный шагъ впередъ по пути усвоенія духовной культуры Европы, и многимъ его представителямъ, увлекавшимся французской философіей, больше нравились, по выраженію проф. Ключевскаго, философы на престолѣ, чѣмъ цари въ роли чернорабочихъ. „Умамъ, привыкшимъ къ отвлеченнымъ общественнымъ построеніямъ и къ тончайшимъ сюжетамъ академической морали,—говоритъ названный ученый,—не могла нравиться дѣятельность реформатора, посвященная самымъ конкретнымъ мелочамъ военнаго дѣла и государственнаго хозяйства. Она должна была казаться имъ слишкомъ низменной и матеріальной, недостойной ни ума, ни положенія Петра“. „Петръ В. создалъ въ Россіи людей,—говорилъ Бецкій, поднося Екатеринѣ II уставъ воспитательнаго дома,—Ваше Величество влагаете въ нихъ души“. То же самое высказывали и Сумароковъ: „Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина—души“, и Херасковъ: „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина душу“. Но эти люди все же питали къ Преобразователю глубокое чувство благодарности и, оглядываясь на современное имъ состояніе Россіи, конечно, видѣли корень всего въ петровской реформѣ.

Но зато встрѣчалось также не мало лицъ, которыя изъ мотивовъ моральныхъ и національныхъ, относились къ дѣлу Петра съ осужденіемъ. Они указывали, что сближеніе съ Европой при Петрѣ, бывшее простымъ усвоеніемъ культурной внѣшности, приводило и къ заимствованію пороковъ западно-европейскаго общества. Вслѣдствіе этого они констатировали въ русскомъ обществѣ глубокій разладъ внѣшней формы и внутренняго содержанія. Русскіе представлялись имъ грубыми варварами, одѣтыми въ нѣмецкое платье. Недовольные современностью, многіе изъ нихъ оглядывались на прошлое Руси, идеализировали его и въ такомъ видѣ противопоставляли настоящему. Директоръ академіи наукъ, кн. Дашкова говорила, напримѣръ, въ Вѣнѣ за обѣдомъ у кн. Кауница, что если бы Петръ дѣйствительно обладалъ умомъ великаго законодателя, онъ не вводилъ бы своихъ реформъ насиліемъ, и не искажалъ бы оригинальности нашихъ предковъ навязываніемъ имъ чуждыхъ обычаевъ. Болѣе мягко ту же мысль проводилъ и кн. Щербатовъ въ своей запискѣ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Онъ признаетъ реформу Петра „нужной, но можетъ быть излишней“, отвѣчавшей лишь отчасти народнымъ нуждамъ, и потому слишкомъ глубокой и многосторонней, а вслѣдствіе этого дурно отразившейся на общественной нравственности: введеніе „людскости“ на мѣсто „древнихъ нравовъ“, по его мнѣнію, повело за собой необыкновенную „распущенность“.

Однако XVIII вѣкъ не остановился на этихъ голословныхъ мнѣніяхъ pro и contra. Во второй половинѣ его зарождается наука русской исторіи. Правда, тогдашніе ученые или кропотливо собираютъ матеріалы для исторіи (Миллеръ, Новиковъ), или изучаютъ лишь древнѣйшія эпохи русской жизни (Ломоносовъ, Байеръ, Штриттеръ, Татищевъ, Щербатовъ, Шлёцеръ). Тѣмъ не менѣе историческая точка зрѣнія на событія и историческіе пріемы ихъ изученія проникаютъ въ нѣкоторые передовые умы. И если Петръ былъ еще внѣ предѣловъ научнаго изслѣдованія, зато онъ служилъ излюбленной темой для публицистики, которая въ лицѣ Радищева и особенно того самаго Щербатова, съ однимъ мнѣніемъ котораго мы только что познакомились, и попыталась взглянуть на Преобразователя объ-

ективно, безъ предвзятыхъ соображеній. Радищевъ напечаталъ въ 1789 г. небольшую брошюрку, посвященную воспоминаніямъ о торжественномъ открытіи памятника Петру на Сенатской площади. Частный человѣкъ,—разсуждаетъ онъ,—гораздо скорѣе можетъ стать выдающимся; для этого достаточноимѣть одну какую-нибудь сторону, а чтобы стать государемъ надо обладать многими добродѣтелями. По мнѣнію Радищева, Петръ великъ уже однимъ тѣмъ, что привелъ въ движеніе такую громаду, какъ Россія, которая была до него неподвижною. Но рядомъ съ похвалами Петру есть въ брошюрѣ и критика, въ которой слышится будущій авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Онъ думаетъ, что Петръ могъ бы быть еще славнѣе, еслибъ „утвердилъ вольность частную". Окончательное закрѣпощеніе крестьянъ казалось Радищеву самымъ темнымъ пятномъ въ преобразовательной дѣятельности царя.

Что высказано у Радищева только вскользь, то возведено на степень опредѣленнаго взгляда кн. М. М. Щербатовымъ. Въ своемъ „Разсмотрѣніи о порокахъ и самовластіи Петра Великаго" знаменитый историкъ-публицистъ подходитъ къ Петру съ мѣркою, единственно, по его мнѣнію, характеризующею безошибочность въ оцѣнкѣ личности Преобразователя. Духъ времени, грубость нравовъ, тогдашніе обычаи, отсутствіе воспитанія, потребности государственныя — вотъ данныя, которыя помогутъ,—говоритъ онъ,—разобраться въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ.

Такимъ образомъ, смотря на Петра, какъ на историческое явленіе, Щербатовъ произноситъ и судъ надъ нимъ сообразно съ условіями его времени, отказываясь отъ прежняго своего мнѣнія [1]) и отвергая мнѣнія другихъ, которые обвиняли Петра въ томъ, что онъ былъ строгъ непомѣрно: „любилъ казни и пролитіе крови и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его; онъ сына своего смерти предалъ; онъ въ любострастіе и роскошь ввергался; онъ самовластіе до крайности распростиралъ". Съ указанной исторической точки зрѣнія всѣ эти „пороки и самовластіе" Петра прекрасно объясняются условіями его эпохи и вполнѣ оправдываются тѣмъ соображеніемъ, что Россія безъ такого царя, какъ Петръ, достигла бы того состоянія, въ какомъ она находилась въ моментъ смерти Преобразователя, не раньше, какъ въ концѣ XIX вѣка.

Но, конечно, ни Радищевъ, ни Щербатовъ не могли связать Петра и его реформу съ общимъ ходомъ русской исторіи. И для нихъ онъ являлся слишкомъ своеобразнымъ и исключительнымъ, порвавшимъ съ прошлымъ, а не вышедшимъ изъ него. Они только показали, что на своемъ мѣстѣ Петръ не могъ не быть тѣмъ, чѣмъ былъ. „Сводя вмѣстѣ разнорѣчивые отзывы Екатерининскаго времени,—говоритъ проф. Шмурло,—можно сдѣлать такое заключеніе: вторая половина XVIII вѣка, подобно первой, также двойственно смотрѣла на Петра Великаго, и если свела его съ небесъ и ада на землю, какъ поприще болѣе соотвѣтственное, то очевидно далеко еще не была въ состояніи уяснить себѣ мѣсто, какое должна занять среди нихъ фигура Петра. Самые взгляды того и другого лагеря страдаютъ недосказанностью, неполнотой, а потому и неясны, мало доказательны. Единственное положительное пріобрѣтеніе за это время—начало критики и первыя попытки объективнаго анализа".

Начало XIX вѣка не выработало новыхъ точекъ зрѣнія на Петра. Главный историкъ того времени, Карамзинъ, создавъ впервые стройную концепцію русской исторіи, въ которой онъ видѣлъ постепенное

---

[1]) См. ст. Щербатова въ этомъ томѣ „Хрестоматіи".

развитіе національно-государственнаго могущества, совершенно не понялъ Петра и его дѣятельности. Онъ предпочиталъ ему другого русскаго дѣятеля, Ивана III, сдѣлавшаго московское княжество сильнымъ государствомъ и сблизившаго его съ Зап. Европой безо всякой ломки и крутыхъ мѣръ. Петръ же, по его мнѣнію, насиловалъ русскій характеръ и рѣзко ломалъ старый бытъ, вводя иностранныя заимствованія. Единственной заслугой Карамзина нужно признать его замѣчаніе, что необходимость сближенія съ Западомъ русскіе сознавали уже въ XVII в., хотя насколько и какъ сознавали. онъ не показалъ и поэтому не смогъ объяснить, почему „явился Петръ“. Гораздо лучше понималъ Петра младшій современникъ Карамзина великій русскій поэтъ А. С. Пушкинъ. Правда, и онъ не объяснилъ намъ дѣятельности Петра, но зато въ цѣломъ рядѣ произведеній нарисовалъ мощный образъ Преобразователя, признанный вполнѣ отвѣчающимъ дѣйствительности современной наукой. Это онъ сказалъ про Петра:

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье;
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!..

Въ это же время, т.-е. въ 30-е годы XIX в., послѣ періода бурныхъ увлеченій политическими вопросами, приведшаго къ декабрьской катастрофѣ, въ русской интеллигенціи пробуждается интересъ къ германской метафизикѣ, которая въ противоположность раціонализму и космополитизму французской философіи XVIII в. выдвигала историческую точку зрѣнія и начало народности. Особенно притягивали къ себѣ русскихъ людей нѣмецкіе философы Шеллингъ и Гегель. Первый училъ, что каждый историческій народъ въ своей исторической жизни осуществляетъ какую-нибудь абсолютную идею правды, добра, красоты и, раскрывъ міру эту идею, сходитъ съ исторической арены. Народы же, бытіе которыхъ не одухотворено той или иноей идеей абсолютнаго, являются народами неисторическими, обреченными на духовное рабство у другихъ народовъ. Такое же дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе проводилъ и Гегель, который въ то же время развернулъ и общую картину мірового прогресса. Всемірная исторія, по мнѣнію Гегеля, была развитіемъ абсолютнаго духа, который стремился къ самопознанію въ исторіи различныхъ народовъ, размѣщенныхъ германскимъ философомъ по ступенямъ лѣстницы: на нижнихъ ступеняхъ ея стоятъ культурныя націи древняго востока, среднія занимаетъ античный міръ, а верхнія—романо-германская цивилизація. Славянъ на этой лѣстницѣ не было совсѣмъ, такъ какъ Гегель считалъ ихъ неисторической расой. Взгляды Шеллинга и Гегеля оказали огромное вліяніе на русскую интеллигенцію, побудивъ ее оглянуться на прошлое Россіи и опредѣлить мѣсто своей родины въ міровомъ историческомъ процессѣ.

И здѣсь, въ приложеніи принциповъ германской метафизики къ русской исторіи, представители русской интеллигенціи, такъ называемые люди 40-хъ годовъ, пошли по разнымъ дорогамъ. Одни изъ нихъ, западники, повѣрили, что германская цивилизація есть послѣдній этапъ мірового прогресса. Для нихъ древняя Русь представлялась дѣйствительно страной „неисторической" или „азіатской", какъ назвалъ ее Бѣлинскій въ статьѣ о Котошихинѣ, олицетвореніемъ полнаго застоя. Изъ вѣковой косности, по мнѣнію знаменитаго критика, „изъ кривыхъ избитыхъ тропинокъ" вывелъ ее Петръ „на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни", пріобщивъ ее къ западной цивилизаціи и тѣмъ создавъ для нея возможность прогресса и исторіи. Этотъ взглядъ особенно ярко былъ выраженъ проф. Никитенко въ его „Похвальномъ словѣ Петру В.", произнесенномъ въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета въ 1838 году. Ораторъ не осмѣливается чертить исполинскій образъ царя; онъ хочетъ принести ему лишь одну дань благоговѣнія. „Петръ В.,—говоритъ онъ,—есть одно изъ тѣхъ необычайныхъ явленій нравственнаго міра, коихъ изученіе составляетъ задачу для мудрыхъ и кои только отважному взору генія допускаютъ коснуться глубокой тайны своихъ силъ и начинаній". Дѣятельность его—„это цѣлое, полное міротвореніе! Изъ того, что онъ создалъ, ничего не существовало, и то, что онъ создалъ, обречено вѣчному существованію. Не измѣряйте однимъ царствованіемъ пребываніе его на землѣ: въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій. Онъ столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго; скорѣе не станетъ вѣковъ для совершенія его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ". Благодаря Петру, на нашу долю выпала завидная „честь существовать по человѣчески и право возвышать и облаготворять свое существованіе всѣми нашими силами, матеріальными и нравственными". Петръ—источникъ всѣхъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ благъ, которыми мы пользуемся нынѣ. „Оживотворивъ своимъ дыханіемъ" Россію, Петръ „возвратилъ ее человѣчеству". Благодаря ему „Россія слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она долго не принимала участія въ судьбѣ его". Петромъ „она разомъ заплатила ему всѣ свои долги".

Но не всѣ русскіе люди 40-хъ годовъ XIX в. думали такъ. Была среди нихъ группа лицъ — славянофилы, не соглашавшіеся съ тѣмъ, будто германская цивилизація есть высшая степень прогресса и будто славянское племя есть племя неисторическое. Не признавая законнымъ притязанія Гегеля на культурно-всемірную гегемонію германской націи и соглашаясь съ Шеллингомъ, требовавшимъ для германской націи лишь всемірнаго гражданства, они хотѣли всемірнаго гражданства и для славянскаго племени въ лицѣ русскаго народа. Обращаясь къ русской исторіи, они видѣли и въ ней, какъ и въ исторіи другихъ европейскихъ народовъ, процессъ развитія абсолютной идеи, но только отличной отъ абсолютной идеи, воплотившейся въ германо-романской цивилизаціи. Въ противоположность западникамъ, отрицавшимъ самобытную русско-славянскую культуру, они признавали ее и пытались раскрыть присущую ей идею. Систематически и подробно изложилъ воззрѣнія славянофиловъ И. Кирѣевскій. Онъ говорилъ, что русскій народъ создалъ цивилизацію, самостоятельную и отличную отъ германской въ трехъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, славяне получили христіанство отъ Византіи, тогда какъ на Западѣ оно явилось въ формѣ католичества и протестантизма. Во-вторыхъ, античную культуру славяне восприняли тоже изъ Византіи, а германскій міръ — изъ Рима;

благодаря этому у первыхъ въ общественной жизни выросло хоровое начало, у вторыхъ же — индивидуальная свобода. Наконецъ, въ-третьихъ, государство у славянъ сложилось путемъ мирнаго договора, добровольнаго признанія власти, а въ З. Европѣ—путемъ завоеванія, борьбы. Эта русско-славянская культура, дающая русскимъ право называться историческимъ народомъ, достигла, по мнѣнію славянофиловъ, наивысшаго развитія своихъ началъ въ эпоху Московскаго государства. Петръ В., не понимавшій національнаго духа и чуждый завѣтовъ прошлаго, грубо нарушилъ это развитіе, насильственно внеся къ намъ чуждые элементы германо-романской цивилизаціи.

Правда, заимствованія съ Запада бывали и до Петра, и въ этомъ отношеніи онъ не сказалъ ничего новаго. Но,—говоритъ другой видный вождь славянофиловъ К. Аксаковъ,—„прежде принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но и частное и національное, самую жизнь иностранную, со всѣми случайными ея подробностями. Переломленъ былъ весь строй русской жизни, перемѣнена была самая система. Такимъ образомъ, даже самое полезное... стало... рабскимъ подражаніемъ. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно насиліе, неотъемлемая принадлежность дѣйствій Петра... Поэтому преобразованія Петра есть рѣшительно уже переворотъ, революція, а въ этомъ заключается особенность и историческое значеніе его дѣла... Нѣтъ, у него не было предшественниковъ въ древней Руси“.

Такъ діаметрально расходясь въ оцѣнкѣ личности и дѣятельности Петра, славянофилы и западники, однако, не могли кончить споръ объ историческомъ значеніи эпохи преобразованій. У нихъ все еще было слишкомъ мало историческихъ знаній, и ихъ труды носили характеръ гораздо болѣе философски-публицистическій, чѣмъ историческій, а отношеніе къ исторіи у нихъ было гораздо болѣе философскимъ, чѣмъ научнымъ. Поэтому фактическое изученіе Петровской эпохи все еще оставалось дѣломъ будущаго, правда уже очень близкаго.

Первый могущественный толчокъ къ нему дала опять-таки философія Гегеля. Помимо метафизической стороны—ученія о культурномъ превосходствѣ германо-романскихъ народовъ, въ исторіи которыхъ всемірный духъ достигъ своего наиболѣе полнаго развитія, она содержала въ себѣ и рядъ научныхъ идей, уже раньше проводившихся въ историческихъ и юридическихъ трудахъ представителями нѣмецкой исторической школы: Ф. А. Вольфомъ, К. Миллеромъ, Эйхорномъ и Савиньи. Главною изъ этихъ идей была мысль о томъ, что исторія человѣческихъ обществъ не есть результатъ случайности или единичной воли отдѣльныхъ лицъ: развитіе общества подобно развитію организма совершается по опредѣленнымъ законамъ, нарушить которые не можетъ никакая случайность, никакая личность, какъ бы ґеніальна она не была.

Это строго историческое міровоззрѣніе было усвоено такими крупными русскими учеными половины XIX вѣка, какъ: К. Д. Кавелинъ и С. М. Соловьевъ, впервые приложившими принципъ закономѣрности къ области русской исторіи и создавшими такъ-называемую теорію родового быта. Историческое развитіе русской жизни они представляли себѣ, какъ послѣдовательный органическій переходъ отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ къ государственному быту черезъ промежуточный періодъ, заполнен-

ный борьбой родового начала съ началомъ государственнымъ. На граняхъ послѣдняго періода они помѣщаютъ Ивана Грознаго, при которомъ началась эта борьба за установленіе государственнаго порядка, и Петра Великаго, какъ ея завершителя. Смотря на Петра съ такой точки зрѣнія, Кавелинъ указалъ еще въ 1847 г., что эпоха реформъ „была приготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ“. Она осуществила то, что давно уже назрѣвало. „Древняя русская жизнь,—говоритъ онъ,—исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племенноначальника, начальника рода и вотчинника и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія были первые зачатки государства и начало личности“. Зачатки эти можно замѣтить въ Московскомъ государствѣ XVII в. въ видѣ появленія иностранныхъ обычаевъ, умноженія иностранцевъ и всякаго рода „отступничествъ отъ прежнихъ нравовъ, наконецъ, въ упадкѣ государственнаго устройства и управленія“.

Кавелинъ, конечно, признавалъ, что петровская „реформа дѣйствовала круто, насильственно“, но объяснялъ это грубостью и дикостью среды, „въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ“. Вотъ почему „Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры“.

Видя въ дѣятельности Петра осуществленіе цѣлей, поставленныхъ предшествовавшимъ ходомъ русской исторіи, и притомъ съ помощью средствъ, которыя „дала, навязала старая Русь“, Кавелинъ, разумѣется, не соглашался съ убѣжденіемъ славянофиловъ и западниковъ, что эта дѣятельность была глубоко антинаціональна. „Петръ Великій,—говоритъ онъ,—ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники“. Непроходимая же бездна между старой и новой Россіей создана, по его мнѣнію, учеными, составившими „совершенно отвлеченное пониманіе исторіи“, не основанное на „изученіи древней и новой исторіи Россіи“. Иначе эти ученые увидѣли бы, что „внутренняя исторія Россіи—не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ фактовъ; она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы“. Онъ думаетъ, что, „исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вошли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде—русскими славянами“. Сближеніе съ Европой при Петрѣ не лишило насъ народности, такъ какъ мы заимствовали у Европы не ея національные элементы: „и у ней, и у насъ,—говоритъ Кавелинъ,—рѣчь шла тогда о человѣкѣ; сознательно или безсознательно—это все равно. Большая развитость, высшая степень образованія, большая сознательность были причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ и

только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленіе, дальнѣйшій путь—одинъ".

Главную мысль Кавелина о подготовленности и національности Петровской реформы развилъ на прочной основѣ фактовъ въ 60—70 гг. прошлаго столѣтія Соловьевъ, потратившій много времени и труда на изученіе еще нетронутаго изслѣдователями богатаго архивнаго матеріала. „Для уясненія значенія Петра Великаго,—говоритъ онъ въ „Чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ",—мы должны обратиться къ предшествовавшей ему исторіи русскаго народа, допроситься у нея, что это былъ за переворотъ, съ которымъ мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошелъ этотъ переворотъ, для чего понадобился". Переворотъ этотъ былъ естественнымъ переходомъ Руси отъ одного возраста къ другому, переходомъ, который западно-европейскіе народы совершили еще въ XV—XVI вв. въ эпоху Возрожденія и Реформаціи. Русь опоздала потому, что она „родилась съ обширною государственною областью и съ ничтожнымъ относительно народонаселеніемъ" и представляла собой „континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое съ востока, юга и запада". Благодаря этому,—говоритъ Соловьевъ,—„бѣдный, разбросанный на огромныхъ пространствахъ народъ долженъ былъ постоянно съ неимовѣрнымъ трудомъ собирать свои силы, отдавать послѣднюю тяжело добытую копѣйку, чтобы избавиться отъ враговъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ сохранить главное благо, народную независимость; бѣдная средствами, сельская, земледѣльческая страна должна была постоянно содержать большое войско". Не имѣя денегъ „вслѣдствіе промышленной и торговой неразвитости", правительство закрѣпляетъ часть общества на военную службу государству, а другую часть на работу въ пользу первой (крестьянъ) или въ пользу казны (посадскихъ). Такой укладъ государственно общественной жизни на Руси не могъ навсегда сохраниться въ неприкосновенности. Съ теченіемъ времени натурально-крѣпостная работа общества въ интересахъ государства не могла уже удовлетворить всѣхъ нуждъ послѣдняго. Выйти изъ такого положенія становилось крайней необходимостью, особенно остро чувствовавшейся въ средѣ правительства, въ которомъ „все яснѣе и яснѣе пробуждалось и сознаніе средствъ этого выхода". Руси нужно было стать богатой страной, а этого возможно было достичь лишь съ помощью сближенія съ Западной Европой. Такимъ образомъ, „новый путь былъ опредѣленъ". Но движеніе по нему въ XVII вѣкѣ идетъ чрезвычайно медленно, такъ какъ оно встрѣчаетъ преграду въ Польшѣ и Швеціи, отрѣзавшихъ отъ русскихъ Балтійское море. Правда, Русь со времени Грознаго пытается пробиться къ нему, но безуспѣшно, потому что военная мощь ея еще недостаточно сильна.

Однако, не одна экономическая нужда, но и потребность въ наукѣ, особенно технической, тянула Русь къ Западной Европѣ. И Соловьевъ отмѣчаетъ, что еще Иванъ III выписывалъ иностранцевъ, знающихъ „хитрости" — пушкарей, зодчихъ, рудознатцевъ. Думалъ о вызовѣ иностранныхъ учителей самъ Грозный, а Годуновъ даже посылалъ русскихъ учиться заграницу. Потребность въ просвѣщеніи еще сильнѣе сказалась послѣ бурь Смутнаго времени. Остро чувствовать ее заставляли тогда и внутреннее состояніе Москвы — расколъ, бороться съ которымъ можно было только наукой, и ея внѣшняя политика — стремленіе возсоединить Малороссію и столкновеніе изъ-за этого съ Польшей и Швеціей. „Въ теченіе XVII в.,—говоритъ Соловьевъ,—явно обозначились новыя потреб-

ности государства, и призваны были тѣ же средства для удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII в., въ такъ-называемую эпоху преобразованій". Такимъ образомъ Петръ не только унаслѣдовалъ отъ Московской Руси сознаніе необходимости реформъ, но и имѣлъ въ этомъ дѣлѣ предшественниковъ. Поэтому Соловьевъ прямо называетъ его „сыномъ своего народа", явившимся какъ-разъ въ то время, когда этотъ „народъ поднялся и собрался въ дорогу" и только „ждалъ вождя". Въ эту пору смутнаго, тревожнаго ожиданія, охватившаго московскихъ людей, Петръ ребенокъ „строитъ корабль", который впослѣдствіи, уже ставъ юношей, а затѣмъ и взрослымъ человѣкомъ, ведетъ „во время бурь безъ большихъ потерь" къ давнишней завѣтной цѣли—сближенію съ Западомъ.

„Высказанный послѣ долгаго и пристальнаго изученія фактовъ, этотъ взглядъ Соловьева поражаетъ и глубокой внутренней правдой и мастерствомъ изложенія,—замѣчаетъ проф. Платоновъ:—Не одинъ Соловьевъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ думалъ такъ объ историческомъ значеніи реформы, но одному Соловьеву удалось такъ убѣдительно и сильно формулировать свой взглядъ". Немудрено, что этотъ взглядъ знаменитаго историка сдѣлался краеугольнымъ камнемъ научныхъ воззрѣній на Петра всѣхъ послѣдующихъ историковъ. Прежде всего его принялъ такой глубокій знатокъ московской старины, какъ И. Е. Забѣлинъ. Нѣмецкій характеръ переворота,—говоритъ онъ,—не въ состояніи вполнѣ скрыть его національной сущности. Оглядываясь на предыдущее состояніе Россіи, Забѣлинъ говоритъ: „Мы осуждены давно уже и задолго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ, какъ жили наши предки". Перевернувъ наши представленія объ общемъ характерѣ Петровской реформы, точка зрѣнія Соловьева дала направленіе и многимъ частнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Появился рядъ монографій о XVII в., какъ переходной эпохѣ, и о времени Петра, какъ завершительномъ періодѣ ранѣе начатой работы, вполнѣ выяснившихъ историческую преемственность и національный характеръ дѣятельности преобразователя. Изъ этихъ монографій мы скажемъ нѣсколько словъ только о наиболѣе важныхъ. Въ своей небольшой работѣ: „О значеніи XVII в. въ русской исторіи" Е. Е. Замысловскій особенно подчеркнулъ тотъ фактъ, что Московская Русь уже хорошо сознавала потребность перемѣнъ и дѣлала попытки вступить на путь реформъ, инстинктивно угадывая, что онъ—въ сближеніи съ европейскимъ Западомъ. XVII вѣкъ въ русской исторіи, это—вѣкъ энергичныхъ правительственныхъ нововведеній, вѣкъ сильнаго общественнаго броженія, а не эпоха общаго кризиса и разложенія, какъ послѣдствій исконнаго культурнаго застоя. Этотъ вѣкъ расчистилъ и удобрилъ почву для реформы и воспиталъ самого Петра въ ея идеѣ.

Въ области изученія самой реформы большой вкладъ въ науку внесли изслѣдованія И. И. Дитятина [1]), П. Н. Милюкова [2]) и М. Богословскаго [3]), посвященныя изученію нововведеній въ сферѣ государственнаго строя. Менѣе посчастливилось соціальной сторонѣ реформы, въ области изученія которой историки пока все еще не пришли къ опредѣленнымъ всѣми раздѣляемымъ выводамъ, хотя выясненіемъ ея занимались такіе крупные ученые, какъ В. О. Ключевскій [4]), Романовичъ-Словатин-

[1]) „Устройство и управленіе городовъ Россіи".
[2]) „Госуд. хозяйство въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго".
[3]) „Областная реформа Петра Великаго".
[4]) „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи".

скій [1]), А. С. Лаппо-Данилевскій [2]), Н. Н. Ѳирсовъ [3]), Н. П. Павловъ-Сильванскій [4]). Экономическую политику Петра Великаго изучали М. Туганъ-Барановскій [5]), А. С. Лаппо-Данилевскій [6]) и др. Въ области изученія культурныхъ сторонъ реформы мы имѣемъ работы Пекарскаго [7]) и П. В. Соколовскаго [8]). Отношеніе реформы къ расколу и церкви выясняется въ трудахъ Барсова [9]), Синайскаго [10]), С. Г. Рункевича [11]), И. Покровскаго [12]).

Названные изслѣдователи, усвоивъ точку зрѣнія Соловьева, сдѣлали по сравненію съ нимъ важный шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія самой реформаторской дѣятельности Петра. Они открыли въ ней ея стихійный характеръ, показали, что она, по крайней мѣрѣ, въ первую половину царствованія Петра Великаго, преслѣдовала простую и узкую задачу: организацію фанансовыхъ средствъ и военныхъ силъ страны для борьбы со Швеціей. И только выполненіе этой задачи, заставившее Петра реформировать прежде всего государственныя учрежденія Россіи, поставило на очередь и рядъ другихъ задачъ и—это особенно важно—заставило Петра подумать опредѣленно и сознательно надъ той цѣлью, къ которой безсознательно онъ давно уже стремился, и о тѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ можно было лучше всего ее выполнить. И лишь съ этого времени началась планомѣрная и систематическая работа Петра надъ тѣмъ, что было имъ наспѣхъ, попутно ранѣе сдѣлано или надъ тѣмъ, что оставалось еще сдѣлать [13]) для завершенія реформы.

XCII. Историческое значеніе дѣятельности Петра. В.

(Изъ ст. С. Ѳ. Платонова, помѣщенной въ Сборникѣ, составленномъ въ память 200-лѣтія Петербурга преподавателями Петровскаго коммерческаго училища. Спб. 1903 г.)

Мы приступили къ изложенію эпохи преобразованій съ тѣмъ убѣжденіемъ, что эта эпоха была обусловлена всѣмъ ходомъ предшествовавшей

[1]) „Дворянство въ Россіи".

[2]) „Очеркъ образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи".

[3]) „Правительство Московской Руси и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу".

[4]) „Государевы служилые люди".

[5]) „Русская фабрика".

[6]) „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII в."

[7]) „Наука и литература при Петрѣ Великомъ".

[8]) „Петръ Великій какъ воспитатель и учитель народа".

[9]) „Братья А. и С. Денисовы".

[10]) „Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядчества въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ".

[11]) „Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода".

[12]) „Русскія епархіи въ XVI—XIX вв.".

[13]) Подробнѣе объ этомъ см. въ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ статьяхъ: „Характеръ и ходъ Петровской реформы" (стр. 146) и „Абсолютизмъ и раціонализмъ государства Петра Великаго" (стр. 528), а также слѣдующую ниже статью С. Ѳ. Платонова.

исторической жизни. Мы ознакомились поэтому съ существенными чертами до-петровской жизни, какъ она сложилась къ тому моменту, когда началъ свою дѣятельность Петръ. Мы изучили затѣмъ воспитанiе и обстановку дѣтства и юности Петра, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, какъ развилась личность преобразователя. И наконецъ, мы разсмотрѣли сущность реформацiонной дѣятельности Петра во всѣхъ ея направленiяхъ.

Къ какому же выводу привело насъ наше изученiе Петра? Была ли дѣятельность его дѣятельностью традицiонной, или же она была рѣзкимъ неожиданнымъ и неподготовленнымъ переворотомъ въ государственной жизни Московской Руси?

Отвѣтъ довольно ясенъ. Реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ; Петръ не былъ царемъ-революцiонеромъ, какъ его иногда любятъ называть.

Прежде всего, дѣятельность Петра не была переворотомъ политическимъ: во внѣшней политикѣ Петръ строго шолъ по старымъ путямъ, боролся со старыми врагами, достигъ небывалаго успѣха на западѣ, но не упразднилъ своими успѣхами старыхъ политическихъ задачъ по отношенiю къ Польшѣ и къ Турцiи. Онъ много сдѣлалъ для достиженiя завѣтныхъ помысловъ Московской Руси, но не сдѣлалъ всего. Покоренiе Крыма и раздѣлы Польши при Екатеринѣ II были слѣдующимъ шагомъ впередъ, который сдѣлала наша нацiя, чѣмъ прямо продолжено было дѣло Петра и старой Руси. Въ политикѣ внутренней Петръ недалеко ушолъ отъ XVII вѣка. Государственное устройство оставалось прежнимъ: полнота верховной власти, формулированная царемъ Алексѣемъ, въ словахъ Дѣянiй Апостольскихъ, получила болѣе пространное объясненiе при Петрѣ въ Регламентѣ воинскомъ, въ указахъ, наконецъ, въ философскихъ трактатахъ Ѳеофана Прокоповича. Земское самоуправленiе, не имѣвшее политическаго характера и имѣвшее характеръ сословный до Петра, осталось такимъ и при Петрѣ. Надъ органами сословнаго самоуправленiя, какъ и раньше, стояли учрежденiя бюрократическаго характера и хотя формы администрацiи были измѣнены, общiй типъ ея оставался неизмѣненнымъ, какъ было и до Петра, — смѣшенiе началъ личнаго съ коллегiальнымъ, бюрократическаго съ сословнымъ.

Дѣятельность Петра не была и общественнымъ переворотомъ. Государственное положенiе сословiй и ихъ взаимныя отношенiя не потерпѣли существенныхъ измѣненiй. Прекрѣпленiе сословiй къ государственнымъ повинностямъ осталось во всей силѣ, измѣнился только порядокъ исполненiя этихъ повинностей. Дворянство при Петрѣ не достигло еще права владѣнiя людьми, какъ сословной привиллегiей, а владѣло крестьянскимъ трудомъ лишь на томъ основанiи, что нуждалось въ обезпеченiи за свою службу. Крестьяне не потеряли правъ гражданской личности и не считались еще полными крѣпостными. Жизнь закрѣпощала ихъ все болѣе, но, какъ мы видѣли, началось это еще до Петра, и окончилось уже послѣ него.

Въ экономической политикѣ Петра, въ ея задачахъ также нельзя видѣть крутого переворота. Петръ ясно опредѣлилъ ту задачу, къ рѣшенiю которой невѣрными шагами шли и до него—задачу поднятiя производительныхъ силъ страны. Его программа развитiя нацiональной промышленности и торговли была знакома въ XVII вѣкѣ теоретически—Крижаничу, практически—Ордыну-Нащокину. Результаты, достигнутые Петромъ, не поставили народное хозяйство на новое основанiе. Главнымъ источникамъ народнаго богатства и при Петрѣ остался земледѣльческiй

трудъ, и Россія, имѣя послѣ Петра болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, была все-таки земледѣльческой страной, съ очень слабымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ.

И въ культурномъ отношеніи Петръ не внесъ въ русскую жизнь новыхъ откровеній. Старые культурные идеалы были тронуты до него; въ XVII вѣкѣ вопросъ о новыхъ началахъ культурной жизни сталъ рѣзко-выраженнымъ вопросомъ. Царь Алексѣй, отчасти, и царь Θеодоръ, вполнѣ, явились уже представителями новаго направленія. Царь Петръ въ этомъ прямой ихъ преемникъ. Но его предшественники были ученики кіевскихъ богослововъ и схаластовъ, а Петръ былъ ученикъ западно-европейцевъ, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространеніи своихъ знаній въ народѣ, а Петръ считалъ это однимъ изъ главныхъ своихъ дѣлъ. Этимъ онъ существенно отличался отъ государей XVII вѣка. Итакъ, Петръ не былъ творцомъ культурнаго вопроса, но былъ первымъ человѣкомъ рѣшившемся осуществить культурную реформу. Результаты его дѣятельности были велики: онъ далъ своему народу полную возможность матерьяльнаго и духовнаго общенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ Но не слѣдуетъ, однако, преувеличивать этихъ результатовъ. При Петрѣ образованіе коснулось только высшихъ слоевъ общества и то слабо, народная же масса осталось при своемъ старомъ міровоззрѣніи.

Если, такимъ образомъ, дѣятельность Петра не вносила, по сравненію съ прошлымъ, ничего радикально-новаго, то почему же реформы Петра пріобрѣли у потомства и даже современниковъ Петра репутацію кореннаго государственнаго переворота. Почему Петръ, дѣйствовавшій традиціонно, въ глазахъ русскаго общества сталъ монархомъ революціонеромъ.

На это есть двѣ категоріи причинъ. Одна въ отношеніи общества къ Петру, другая въ самомъ Петрѣ.

На русское общество реформы Петра рѣшительныя и широкія, произвели страшное впечатлѣніе послѣ осторожной и медлительной политики московскаго правительства. Въ обществѣ не было того сознанія исторической традиціи, какое жило въ геніальномъ Петрѣ. Близорукіе московскіе люди объясняли себѣ и внѣшнія предпріятія и внутреннія нововведенія государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частныя нововведенія они противополагали частнымъ же обычаямъ старины и выносили убѣжденіе, что Петръ безжалостно рушилъ ихъ старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественнаго быта они не видѣли общей сущности стараго и новаго. Общественная мысль еще не отвлекалась до сознанія основныхъ началъ русской государственной и общественной жизни и обсуждала только отдѣльные факты. Вотъ почему современникамъ Петра, присутствовавшимъ при безчисленныхъ нововведеніяхъ и крупныхъ и мелкихъ казалось, что Петръ перевернулъ вверхъ дномъ всю старую жизнь, не оставилъ камня на камнѣ отъ стараго порядка. Видоизмѣненія стараго порядка они считали за полное его уничтоженіе.

Такому впечатлѣнію современниковъ содѣйствовалъ и самъ Петръ. Его поведеніе, вся его манера дѣйствовать показывали, что Петръ не просто видоизмѣняетъ старые порядки, но питаетъ къ нимъ страстную вражду и борется съ ними ожесточенно. Онъ и улучшалъ старину и гналъ ее и принудительно замѣнялъ новыми порядками. Это неспокойное отношеніе къ своему дѣлу, боевой характеръ дѣятельности, ненужныя

жестокости, принудительность и строгость мѣропріятій—все это явилось у Петра, какъ результатъ впечатлѣній его дѣтства и молодости. Выросшій среди борьбы и вражды, видѣвъ и открытые бунты, и тайную оппозицію, Петръ вступилъ на путь реформъ далеко не со спокойнымъ духомъ. Онъ ненавидѣлъ ту среду, которая отравляла его дѣтство, и тѣ темныя стороны старой жизни, которыя сдѣлали возможной эту среду. Поэтому, уничтожая и видоизмѣняя старые порядки, онъ въ свою дѣятельность монарха вносилъ личныя чувства пострадавшаго человѣка. Принужденный бороться за свою власть и самостоятельность, при началѣ правленія, Петръ сохранилъ боевые пріемы навсегда. Встрѣченный открытою враждою, чувствуя противъ себя открытое противодѣйствіе и потомъ въ обществѣ, Петръ все время боролся за то, во что вѣрилъ и что считалъ полезнымъ. Въ этомъ—объясненіе тѣхъ особенностей въ реформаціонной дѣятельности Петра, которыя сообщали его реформѣ черты рѣзкаго, насильственнаго переворота.

Однако, по существу своему реформа эта не была переворотомъ.

КОНЕЦЪ.